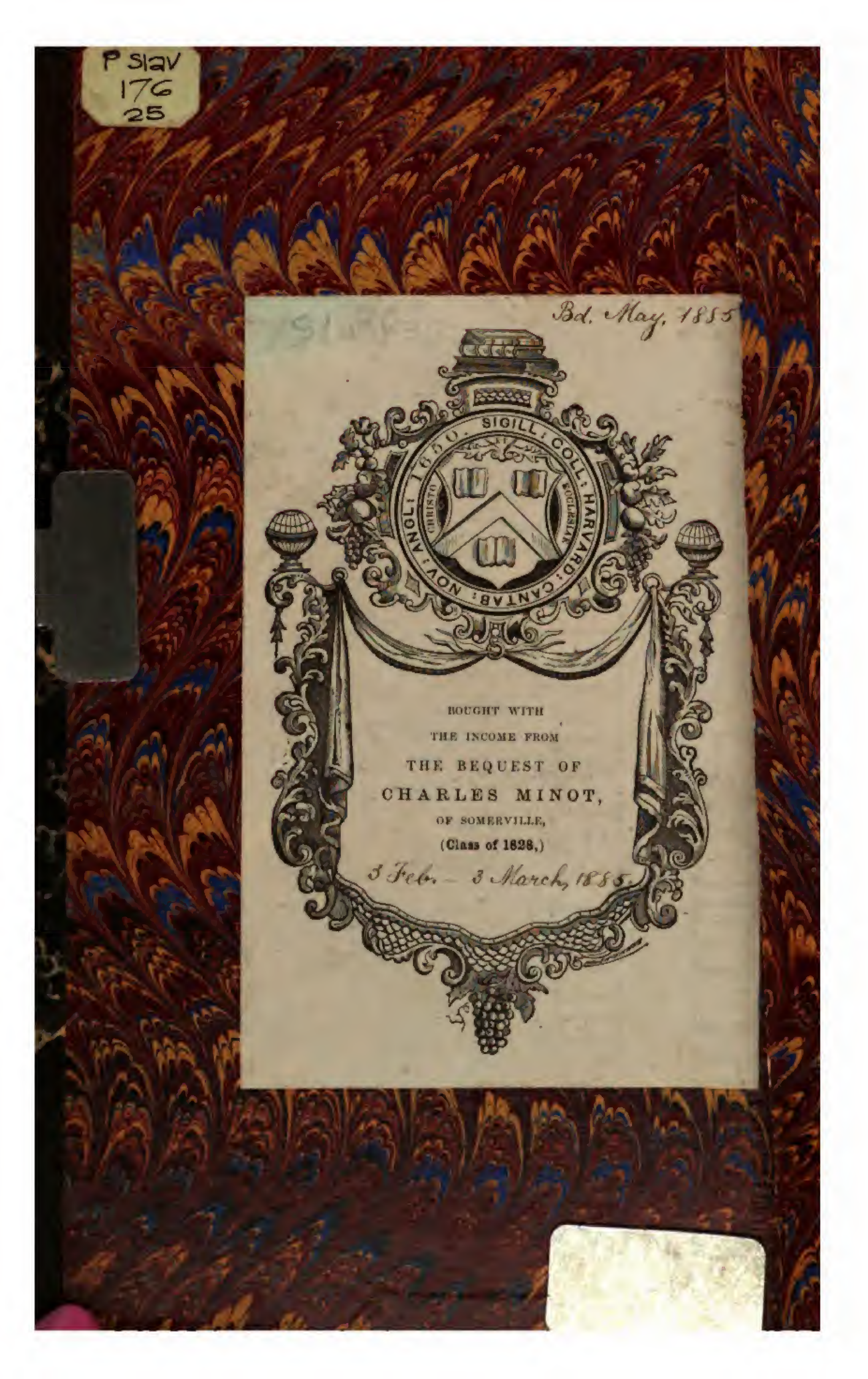
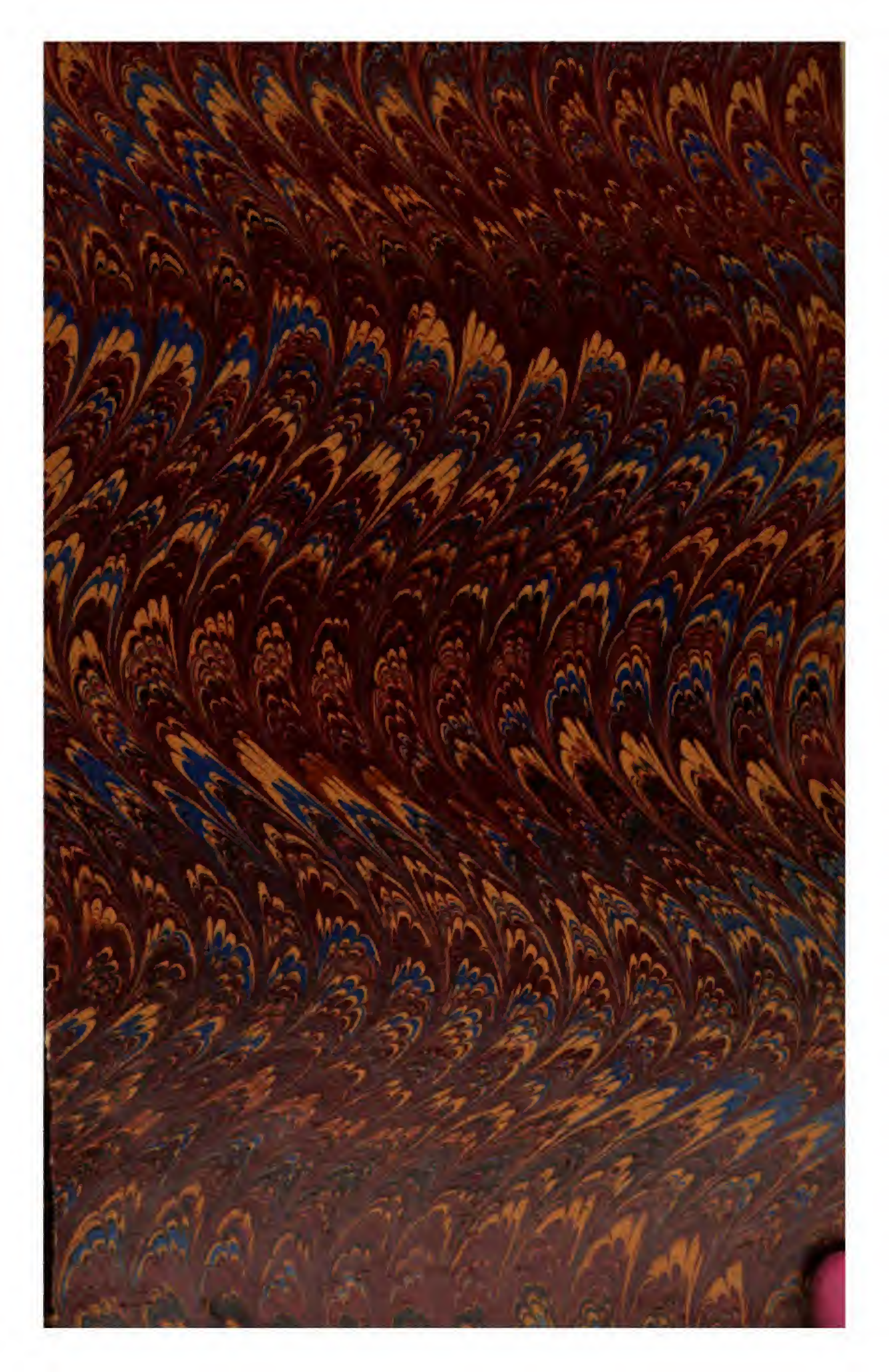
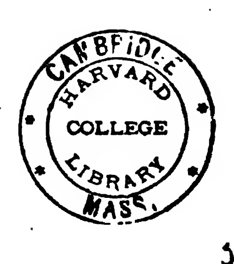

Google

P Slav 176 25
Bd. May, 1855
SIGILL : COLL : HARVARD : CANTAB : NOV : ANGL : 1650.
CHRISTO
ECCLESIAE
BOUGHT WITH
THE INCOME FROM
THE BEQUEST OF
CHARLES MINOT,
OF SOMERVILLE,
(Class of 1828,)
3 Feb. – 3 March, 1855.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—ТОМЪ I.

ГОДЪ XLIX. — ТОМЪ CCLXXXV. — 1/13 ЯНВАРЯ, 1885.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ОДИННАДЦАТЫЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ I

РЕДАКЦІЯ ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1885

(998)

НА ВОЙНѢ

Воспоминанія и очерки.

I.

Зиму 1876 года я жилъ съ родителями въ Петербургѣ, искалъ службы, ничего не дѣлалъ, скучалъ. Насталъ 1877 годъ, начались толки о войнѣ съ Турціей.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ получаю изъ Парижа отъ брата Василія, живописца, телеграмму такого содержанія:—„Если хочешь участвовать въ войнѣ, опредѣляйся въ кавказскую дивизію генерала Скобелева (отца), онъ согласенъ тебя принять“.

До той поры я никогда даже и не слыхалъ фамиліи „Скобелевъ“; но, будучи увѣренъ въ томъ, что братъ не сталъ бы меня рекомендовать плохому начальнику, я съ радостью ухватился за это предложеніе.

Съ телеграммой въ рукахъ отправляюсь въ управленіе иррегулярныхъ войскъ. Тамъ счастливо удалось мнѣ попасть на любезнаго начальника отдѣленія, полковника Бирка, который мнѣ объяснилъ, какъ и что̀ нужно было сдѣлать, чтобы поскорѣй опредѣлиться.

Казачья дивизія Скобелева первоначально должна была состоять изъ полковъ: донского, кубанскаго, терскаго и терско-горскаго. Какой лучше выбрать, я не зналъ. Биркъ мнѣ посовѣтовалъ въ терское войско:—я самъ терецъ, и вамъ туда совѣтую,—говорилъ онъ. На томъ и порѣшили.

Я написалъ прошеніе, приложилъ документы и отправился къ начальнику управленія, генералу Богуславскому. Этотъ генералъ оказался тоже очень предупредительный, и въ тотъ же день велѣлъ

запросить начальника штаба дѣйствующей арміи, генерала Непокойчицкаго (главная квартира въ то время была въ румынскомъ городѣ Плоештахъ), нѣтъ ли препятствія для моего зачисленія. Препятствія не оказалось. Черезъ десять дней, закусывая въ одномъ изъ ресторановъ, читаю въ „Инвалидѣ“ приказъ о томъ, что отставной поручикъ (бугскаго уланскаго полка) Александръ Верещагинъ зачисляется въ владикавказскій казачій полкъ терскаго войска сотникомъ.

— Вотъ такъ скоро,—подумалъ я. Отъ радости, не кончивъ завтрака, бросился въ конвойныя казармы заказывать обмундировку, а также поискать, не найдется ли хорошей продажной лошади, такъ какъ я слышалъ отъ многихъ лицъ, да и читалъ въ газетахъ, что въ арміи нуждаются въ лошадяхъ и что хорошей лошади тамъ купить невозможно, а необходимо слѣдуетъ запастись ею въ Россіи.

Черезъ два дня являюсь въ новой формѣ къ генералу Богуславскому, искренно благодарю его, а также и полковника Бирка, за сочувствіе ко мнѣ, и затѣмъ начинаю сбираться въ дальній путь. Сборы были недолгіе, но разставанье съ родителями оказалось гораздо тяжелѣе, чѣмъ оно представлялось мнѣ.

Отецъ провожалъ меня нѣсколько станцій по Николаевской желѣзной дорогѣ.

Никогда не забуду я того прощальнаго взгляда, который онъ бросилъ на меня, когда поѣздъ тронулся далѣе. Дрожащей, слабой рукой крестилъ онъ мнѣ по пути, посылая свои благословенія.—Прощай, братъ, прощай, Христосъ съ тобой, Христосъ съ тобой,—долго слышалось еще въ моихъ ушахъ. Поѣздъ уже далеко ушелъ, уже и станціи не видно, а передъ глазами моими все еще явственно представлялось его доброе, грустное, старческое лицо съ дрожащей нижней челюстью.

Въ ту минуту я какъ-то не сознавалъ того страшно тяжелаго чувства, которое причинялъ ему своимъ отъѣздомъ, хотя желаніе мое участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ было совершенно естественно.

Въ то время я и не могъ очень грустить: новый синій бешметъ, черная черкеска съ серебряными газырями, кинжалъ, шашка, надѣтые на мнѣ и такъ сильно обращающіе на себя вниманіе публики, кромѣ того, рисовавшіяся въ воображеніи моемъ военныя отличія—все это сильно развлекало меня и уменьшало горечь разлуки. Прижался я въ уголъ вагона и собралъ всѣ силы, чтобы не расплакаться. Слезъ я стыдился въ эту минуту больше всего: „Какъ!—казакъ, съ виду такой воинственный, въ такой страшной

шапкѣ, и вдругъ расплачется? Что́ подумаютъ обо мнѣ сосѣди? Всѣ они такъ удивленно на меня смотрятъ и съ любопытствомъ разглядываютъ мою форму!“ Невольно отвернулся я къ окошку и задумался. Но вотъ первый свистокъ, подъѣзжаемъ къ станціи, выхожу,—и грусть начинаетъ по немногу разсѣяваться. Жандармъ на платформѣ вытягивается передо мной, барыни и барышни съ интересомъ смотрятъ на меня, все это легонько щекотитъ мое самолюбіе, на сердцѣ становится легче.

Быстро я ѣду на югъ. Москва, Орелъ, Курскъ, Кіевъ незамѣтно остаются позади; отецъ, мать, братья, единственная сестра, всѣ они рѣже и рѣже вспоминаются мною. Новыя мысли, новыя мечты занимаютъ меня.

Повсюду на пути сильное оживленіе. Только и видишь, что войска и войска; безконечное количество платформъ съ орудіями, снарядами и провіантомъ. Сотни солдатскихъ головъ торчатъ изъ оконъ вагоновъ и распѣваютъ пѣсни, и всѣ они стремятся туда же, куда и я.

Война, война! какое странное слово! Какъ-то неловко, непривычно звучитъ оно; что-то нехорошее чувствуется въ немъ.

Во время пути разговоры, конечно, слышатся только о войнѣ: скоро ли наступленіе, когда начнется переправа, правда ли, что она предполагается около Никополя и т. п.

Въ то время наши войска уже тянулись по Румыніи. Государь и главная квартира были въ Плоештахъ. Изъ Кишинева я ѣхалъ уже съ военнымъ поѣздомъ. Этотъ городъ поразилъ меня громаднымъ количествомъ песку и пыли на улицахъ. Буквально приходилось ступать по щиколку въ песокъ. Но на это тогда никто и вниманія не обращалъ—до песку ли было!

Румынія, съ перваго взгляда, мало разнится отъ нашей Бессарабіи: тѣ же безлѣсныя мѣстности, тѣ же вереницы повозокъ, запряженныхъ волами, почти та же одежда на жителяхъ, только громадныя соломенныя шляпы бросаются въ глаза. На станціяхъ пошли надписи: Тикилешти, Фитилешти, Торговешти, и безконечные шти, шти, шти, шти—и наконецъ добрался я и до Плоешти. Городокъ чистенькій, домики всѣ очень хорошенькіе, особнячки съ садиками, но пыли и песку не занимать стать.

Здѣсь я подчистился, подтянулся и отправился къ начальнику штаба арміи, генералу Непокойчицкому. На улицахъ встрѣчалось много нашихъ военныхъ. Вонъ, звеня шпорами по пыльной мостовой, мѣрно шагаетъ, точно отчеканиваетъ, высокій, поджарый флигель-адъютантъ, полковникъ, въ бѣломъ кителѣ „изъ рогожки“, при аксельбантахъ. Придерживая саблю, глубокомысленно покру-

чиваетъ полковникъ свои длинные усы и, кажется, доволенъ самъ собой. Сѣменя ногами, съ какимъ-то особеннымъ вывертомъ, обгоняетъ его штабный писарь, придерживая руку къ козырьку. Вся фигура его какъ будто говоритъ, что, дескать, „мы и здѣсь такіе же, какъ и въ С.-Петербургѣ; насъ куда ни пошли, намъ все равно". Въ лѣвой рукѣ у писаря шнуровая книга, которую онъ, изъ почтенія къ начальству, крѣпко прижимаетъ къ бедру.

Изъ-за угла дома показывается невысокаго роста тучный, уже пожилой, генералъ, виски зачесаны впередъ, щеки и подбородокъ гладко выбриты. Идетъ онъ тихо, ступаетъ тяжело, точно боится потревожить содержимое въ своемъ далеко выдающемся животѣ.

Генералъ что-то старательно объясняетъ своему спутнику, молодому пѣхотному офицеру, должно быть, адъютанту. Тотъ въ это время изъ кожи лѣзетъ, старается разъяснить начальнику, въ чемъ дѣло: чуточку забѣгаетъ впередъ, на мгновеніе останавливается, приподымается на noскахъ, и, не сгибая колѣнъ, почтительно наклоняется и говоритъ: — Мы такъ и сообщили, ваше превосходительство, у насъ такъ и донесено.

Мнѣ, какъ маленькому человѣчку, даже и не удалось повидать начальника штаба арміи, а явился я какому-то полковнику, фамилію котораго теперь не помню. Отъ него узнаю, что мнѣ слѣдуетъ отправиться въ городъ Журжево, гдѣ найду и Скобелева, и полкъ свой. Владикавказскій полкъ, вмѣстѣ съ кубанскимъ, занимали сторожевые посты отъ Журжева вверхъ по Дунаю.

На другой день утромъ отправляюсь далѣе. Надо прибавить, что въ Плоештахъ же я отыскалъ свою лошадь. Я ее купилъ въ конвоѣ Его Величества, и вмѣстѣ съ конвоемъ она и прибыла сюда. Лошадь была гнѣдой масти, очень крѣпкая и сильная. Теперь она слѣдовала за мной въ томъ же поѣздѣ.

Еще въ началѣ пути я частенько подумывалъ о томъ, каковъ-то народъ эти казаки, какъ-то я сойдусь съ ними, не покажусь ли смѣшнымъ въ ихъ формѣ, все ли на мнѣ надѣто такъ, какъ слѣдуетъ. Теперь же, къ концу пути, эти мысли стали безпокоить меня еще болѣе.

Главное, заботила меня ѣзда верхомъ по-казацки, и казацкая джигитовка, о которой я имѣлъ весьма смутныя понятія. Я полагалъ, что каждый казацій офицеръ долженъ знать ее въ совершенствѣ. Кромѣ того, меня безпокоило то, что я не курю. Начитавшись „Тараса Бульбы" и казацкихъ пѣсенъ, въ одной изъ которыхъ, между прочимъ, говорится „а тютюнъ да люлька казаку въ дорози знадобится", я рѣшилъ, что всѣ казаки курятъ, и что

тютюнъ и люлька—необходимыя принадлежности каждаго казака. На этомъ основаніи, я запасся въ Питерѣ коротенькой трубочкой и кисетомъ съ табакомъ, и хотя до того времени никогда и въ ротъ не бралъ трубки, но теперь, сидя въ вагонѣ, набивалъ ее и, высунувшись изъ окна, курилъ, сплевывалъ, и вообще старался разыгрывать закоренѣлаго казака-куряку.

Обо всѣхъ этихъ мелочахъ и пустякахъ я хорошо озаботился, а между тѣмъ, о вещахъ, дѣйствительно необходимыхъ для казака, по неопытности, не подумалъ. Такъ напр. не запасся буркой; а что казакъ въ походѣ безъ бурки — пропалъ да и только! Одно то обстоятельство, что я ѣхалъ въ походъ безъ бурки, доказывало, что я не казакъ и что даже понятія не имѣю о казакахъ.

Подъѣзжаю къ Бухаресту. Городъ первое впечатлѣніе производитъ очень хорошее. Онъ весь точно утонулъ въ садахъ; главная улица, Могошой, длинная, широкая, мостовыя прекрасныя, которымъ не только что Москва, но и Петербургъ могъ бы позавидовать. А извощики какіе здѣсь, просто прелесть. За 1½ леу (1½ фр.) катятъ черезъ весь городъ на парѣ въ коляскѣ, да такой, что въ Петербургѣ надо 10 руб. отдать, чтобы прокатиться. Кучера здѣсь большею частью наши русскіе скопцы. Завидѣвъ русскаго офицера, они наперерывъ кричатъ, точь-въ-точь какъ и въ Россіи:—ваше сіятельство, вотъ со мной пожалуйте, прокачу! — Ну, и дѣйствительно прокатитъ! — Когда-то у насъ въ Питерѣ будутъ такіе извощики,—думалъ я, развалясь въ румынской коляскѣ.

Одинъ рѣзкій недостатокъ бросается въ глаза въ Бухарестѣ, это отсутствіе воды. Рѣченка здѣсь маленькая, вонючая, хуже петербургской Мойки.

Изъ Бухареста я выѣхалъ вечеромъ, а на другой день, рано утромъ показались возвышенные турецкіе берега. Подаюсь еще немного, и передо мной засинѣлъ огромный широкій Дунай. Журжево стоитъ на самомъ берегу. Поѣздъ не доходилъ съ версту до города, такъ какъ турки изъ Рущука изрѣдка бомбардировали его.

Въ Журжевѣ я долженъ былъ найти начальника дивизіи, генералъ-лейтенанта Дмитрія Ивановича Скобелева-„отца"; начальникомъ штаба у него временно былъ назначенъ его сынъ, Михаилъ Дмитріевичъ.

За нѣсколько дней до отъѣзда изъ Петербурга я получилъ отъ брата Василія письмо, гдѣ онъ извѣщалъ меня о своемъ отъѣздѣ на Дунай къ Скобелеву, „значитъ, думаю, въ Журжевѣ же я и брата увижу". Не безъ волненія выхожу изъ ва-

гона, засѣдлываю свою лошадь, сажусь на нее и ѣду искать штабъ казачьей дивизіи.

Найти его было не трудно. Здѣсь, капитанъ генеральнаго штаба Сахаровъ, очень полный и симпатичный, сообщилъ мнѣ всѣ подробности, разсказалъ, гдѣ стоитъ владикавказскій полкъ, и расхвалилъ командира полка, Левисъ-офъ-Менара. Старика Скобелева, т.-е. начальника дивизіи, въ Журжевѣ не было, онъ куда-то уѣзжалъ на посты. Капитанъ Сахаровъ былъ хорошо знакомъ съ моимъ братомъ Василіемъ и сообщилъ мнѣ, что братъ находится у кубанцевъ, въ Маломъ-Дижосѣ, квартира же его здѣсь въ городѣ, очень близко. „У него, должно быть, повозочка здѣсь своя есть, и лошадка, вы ею воспользуйтесь",—совѣтовалъ Сахаровъ. Простившись съ нимъ, я направился къ квартирѣ брата.

Городъ представлялъ въ это время мрачный видъ. Бывшая за нѣсколько дней передъ тѣмъ бомбардировка испортила многія зданія. Улицы были пусты. Нигдѣ ни души, только на окраинахъ города виднѣлись живыя существа. Во многихъ стѣнахъ домовъ снаряды образовали сквозныя дыры, отъ которыхъ трещины шли какъ солнечные лучи по всѣмъ направленіямъ. Жалко было смотрѣть на хорошенькіе домики, попорченные бомбами.

Но вотъ и квартира брата. Вхожу,—нѣсколько пустыхъ комнатъ безъ мебели. Въ углу прихожей, донской казакъ возится около чемодановъ. Поздоровавшись съ нимъ и назвавъ себя, я велѣлъ ему запречь повозку и отвезти меня къ брату въ Малый-Дижосъ, а передъ тѣмъ приказалъ проводить себя до квартиры молодого Скобелева; онъ жилъ по близости.

Подхожу къ подъѣзду, звоню,—дверь отпираетъ казакъ-кубанецъ.

— Генералъ дома?

— Такъ точно!

— Доложи, сотникъ Верещагинъ желаетъ явиться его превосходительству.

Казакъ идетъ. Черезъ нѣсколько минутъ выходитъ на подъѣздъ высокій, стройный блондинъ, генералъ свиты Его Величества, въ кителѣ, съ Георгіемъ на шеѣ, любезно беретъ меня за руку и, картавя, говоритъ, причемъ буквы *р* и *л* у него выходили похожими на *г*.

— Вы братъ Василья Васильевича, очень радъ съ вами познакомиться, но пока я никакого назначенія не имѣю, а потому и взять васъ къ себѣ не могу. Вамъ придется отправиться въ полкъ, онъ стоитъ въ Парапанѣ, отсюда верстъ 20 будетъ; а

какъ я получу назначеніе, то даю слово взять васъ къ себѣ. Пока до свиданія, кланяйтесь брату. — Михаилъ Дмитріевичъ пожалъ мнѣ руку и мы разстались.

Во время разговора со мной, Скобелевъ то потиралъ руки и разсматривалъ свои блестящіе длинные ногти на худощавыхъ пальцахъ, то выдергивалъ гозыри на моей черкескѣ, и затѣмъ опять вставлялъ ихъ на прежнее мѣсто. Онъ показался мнѣ какимъ-то скучнымъ, точно разочарованнымъ; въ словахъ его „какъ только я получу назначеніе“ слышалась неувѣренность.

Отъ Скобелева бѣгу взглянуть на Дунай. Ухъ, какая ширина, версты 4 навѣрно будетъ. Что за чудная рѣка! День былъ пасмурный, Дунай казался громадной темно-сѣрой полосой. Противуположный возвышенный берегъ—непріятельскій,—сливаясь съ горизонтомъ, невольно приковывалъ мое вниманіе и заставлялъ задуматься: „что-то тамъ, за этими холмами дѣлается? Гдѣ нибудь да копошатся же тамъ турки! Когда-то мы тамъ будемъ; да еще и будемъ-ли? Не вдругъ такую ширину перескочишь!“—мелькало въ моей головѣ.

Вонъ влѣво бѣлѣетъ Рущукъ—остроконечные минареты рѣзко характеризуютъ мусульманскій городъ; за нимъ на холмѣ возвышается ихъ главный редутъ—Леванъ-Табія: по немъ изрѣдка стрѣляли наши береговыя орудія, расположенныя невдалекѣ отъ Журжева.

Въ маѣ мѣсяцѣ Дунай еще въ разливѣ; многочисленные островки покрыты водой; только зеленый камышъ мѣстами торчитъ отъ нихъ. Внимательно всматриваюсь я въ тотъ, пока недосягаемый для насъ, турецкій берегъ. Какъ хотѣлось бы мнѣ разсмотрѣть его хорошенько, узнать, какъ тамъ живутъ люди, что за постройки, не замѣтны-ли самые турки? Но Дунай слишкомъ широкъ, и хотя бинокль мой и очень сильный, но на такомъ разстояніи трудно что-либо разобрать.

Черезъ часъ уже я сижу въ легонькой румынской повозочкѣ, казакъ Иванъ подстегиваетъ сытую, круглую буланку, а сзади бѣжитъ моя лошадь, привязанная за поводъ. Дорога идетъ вверхъ по Дунаю, гдѣ были расположены казачьи посты. Сначала идутъ кубанцы, а далѣе должны терцы слѣдовать. Брата я надѣялся найти въ первой же деревушкѣ, Малый-Дижосъ, гдѣ стояла кубанская сотня. Какъ разъ передъ самой деревней, по берегу тянулись наши морскія батареи огромнаго калибра, дѣйствовавшія по Рущуку. Батареи такъ удачно прикрывались кустарникомъ, что непріятелю онѣ были почти невидимы, почему и потерь съ

нашей стороны, на батареяхъ, какъ я впослѣдствіи слышалъ отъ моряковъ, почти не было.

— Иванъ, твой баринъ въ этой деревнѣ?—обращаюсь я къ казаку и указываю на деревушку, виднѣющуюся невдалекѣ.

— Въ эфтой,—грубо отвѣчаетъ тотъ. Кучеръ мой оказывается очень неразговорчивымъ. Казакъ этотъ былъ престранный человѣкъ: онъ вѣчно былъ чѣмъ-то недоволенъ. Помню, какъ онъ, бывало, приставалъ къ брату моему Сергѣю, у котораго находился одно время.

— Ваше благородіе, зерна нѣтъ,—гнусить онъ, дѣлая при этомъ самую жалкую мину.

— Такъ сходи въ сотню!—кричитъ ему Сергѣй.

— Да я ходилъ, да не даютъ; говорятъ, что еще не получали.—Сергѣй кидаетъ ему рубль на овесъ, и Иванъ удаляется, но не надолго,—вскорѣ онъ снова является, и снова начинаетъ ныть:

— Ваше благородіе, сѣна нѣтъ.

— Что же ты сразу-то не спрашиваешь!—кричитъ на него тотъ.

— Да еще было тропики, а по сичасъ все вышло,—и выклянчивъ еще „рупь", уходитъ къ себѣ, вѣроятно, раздумывая дорогой, какимъ бы путемъ выжать отъ барина еще „рупь".

Въѣзжаю въ Малый-Дижосъ. Деревушка очень похожа на наши малороссійскія, только крыши не соломенныя, а черепичныя. На улицахъ кое-гдѣ виднѣются фигуры кубанскихъ казаковъ: кто съ дѣловой миной, въ черкескѣ, при шашкѣ, торопливо идетъ, должно быть „до сотеннаго", или „до полка командера", другіе въ красныхъ бешметахъ на распашку, разгуливаютъ, разсуждая промежъ себя.

Иванъ провозитъ меня прямо къ той избушкѣ, гдѣ останавливался братъ Василій. Онъ былъ дома. Наклонившись надъ рабочимъ ящикомъ, онъ старательно счищалъ ножомъ старыя краски съ палитры.

Брата я не видалъ года три. Онъ значительно постарѣлъ, лысина его сдѣлалась очень замѣтною, борода отросла еще длиннѣе, глаза какъ-будто нѣсколько съузились и ушли въ свои орбиты. Видъ его былъ бодрый и веселый.

— А, здравствуй!—кричитъ онъ, завидя меня. Мы обнимаемся.—Ну-ка, покажись! Ай, какая смѣшная папаха! Засмѣютъ казаки!—Братъ и не подозрѣвалъ, что этими словами, какъ варомъ, обдавалъ меня. За папаху я меньше всего опасался. Папаха у меня была высокая, мохнатая, очень прочная,—но такая,

какую наши солдаты носили на Кавказѣ лѣтъ 30 назадъ. Я сильно сконфузился отъ его замѣчанія.

— Почему это ты находишь?—спрашиваю я.

— Ужъ я тебѣ говорю. Перемѣни, слушайся меня,—смѣясь говоритъ онъ и осматриваетъ меня съ головы до ногъ.

— Кайтовъ,—зоветъ братъ.

Является молодой, красивый казакъ, по лицу должно быть горецъ.

— Вотъ братъ мой, Александръ Васильевичъ, рекомендую.

— Здирявствуйте,—мямлитъ тотъ, съ особеннымъ акцентомъ, обличающимъ кавказскаго жителя.

Я нерѣшительно подаю ему руку, такъ какъ не знаю еще обычаевъ, можетъ ли офицеръ здороваться за руку съ простымъ казакомъ. Но Кайтовъ оказался милиціонеромъ изъ осетинъ. Милиція же пользовалась, какъ на Кавказѣ, такъ и здѣсь, особыми правами и привилегіями.

— Смотрите, Кайтовъ, какая у брата смѣшная папаха, не правда-ли, не годится?

— Да-а, ита пёпахъ старомёдній, теперь такой не носятъ. Вотъ вамъ какой пёпахъ надо, и курпэ совсѣмъ ни такой [1]).— И онъ снимаетъ съ головы свою папаху. Его папаха была гораздо ниже, мѣхъ коротенькій, блестящій. Я попросилъ Кайтова достать мнѣ такую же, и далъ на покупку золотой. Затѣмъ, идемъ смотрѣть мою лошадь.

Тутъ горецъ мой совсѣмъ растаялъ отъ удовольствія.

— Хорошая лошадь, ей-Богу, хорошая!—восклицаетъ онъ, гладя ее и по шеѣ, и по спинѣ.—Левису этотъ конь понравится.—И, чтобы еще болѣе убѣдиться въ хорошихъ качествахъ лошади, онъ сильно тянетъ ее за хвостъ.

Я былъ очень доволенъ похвалой лошади. Это убѣждало меня, что я не ошибся; а вѣдь конь въ походѣ важное дѣло, въ особенности у казаковъ, когда имъ приходится быть постоянно впереди.

— Пожалуйста, смотри за собой хорошенько, казаки народъ тонкій, сразу замѣтятъ, если что неладно,—говорилъ мнѣ Василій.—Не панибратствуй, не сходись сразу на „ты", держись самостоятельно, а главное, не обижай своихъ казаковъ. Обѣдать мы пойдемъ, — продолжаетъ братъ, — къ Якову Петровичу Цвѣткову, командиру здѣшней сотни. Это милѣйшій человѣкъ, пожалуйста, будь съ нимъ деликатенъ и остороженъ.

[1]) Курпэ—шкурка молодаго барашка.

Онъ хоть съ виду и простъ, но сразу пойметъ, если что не ладно скажешь.

Наговорившись досыта о нашихъ домашнихъ, отправляемся къ Цвѣткову обѣдать. Яковъ Петровичъ жилъ въ уютномъ домикѣ на берегу Дуная. Въ прихожей два казака въ грязныхъ, рваныхъ бешметахъ занимались по хозяйству: одинъ щипалъ курицу, другой ушивалъ командирскіе шаровары. Самъ командиръ, завидѣвъ насъ, бросается надѣвать черкеску, и уже успѣлъ-было надѣть одинъ рукавъ, какъ братъ остановилъ его:

— Полноте, Яковъ Петровичъ, что за церемоніи,—выговариваетъ ему Василій,—позвольте представить вамъ брата моего, Александра.

Мы дружески здороваемся. Цвѣтковъ съ виду очень не казистъ: невысокаго роста, тщедушный, съ подстриженными усами и небритымъ подбородкомъ. Впослѣдствіи онъ отпустилъ бороду, что́ гораздо больше шло къ его тощему лицу. Глаза у Якова Петровича были странные, точно оловянные, и выказывали какое-то вѣчное недоумѣніе. Выговоръ имѣлъ онъ малороссійскій. Одѣвался до того просто, что его можно было скорѣе принять за простого казака, чѣмъ за командира сотни. Бешметъ на немъ сшитъ изъ темненькаго ситцу и напоминалъ женскія кацавейки съ тальей, какія носятъ у насъ деревенскія бабы по праздникамъ. Шаровары широкіе, черные, но не суконные, а матерчатые. Обутъ онъ былъ не въ сапоги, а въ кожаные чулки, или, какъ потомъ узналъ я, въ „чевяки“.

— Сѣдайте, милости просимъ, Василій Васильевичъ,—суетился хозяинъ, обдергивая и поправляя, что попадалось подъ руку.

— Шчаблыкинъ, боршъ готоу?—кричитъ онъ своему казаку въ прихожую.

— Еще трошки,—слышится оттуда неторопливый голосъ.

— Вотъ сюда, Василій Васильевичъ, вотъ здѣсь сѣдайте, здѣсь помягче, — продолжаетъ суетиться хозяинъ и усаживаетъ насъ, разстилая на лавкѣ бурку.

— Вы владикавказскаго полка?—обращается ко мнѣ Яковъ Петровичъ и, не дождавшись отвѣта, продолжаетъ:—Ваши здѣсь недалече стоятъ, посты занимаютъ, верстъ 12, не больше. Командира полка знаете, полковника Левиса? Хорошій человѣкъ, всѣ хвалятъ.—Затѣмъ, рѣшивъ, вѣроятно, что онъ исполнилъ долгъ приличія, поговорилъ съ новымъ человѣкомъ, обращается къ брату съ вопросами, которые его интересовали болѣе всего. Объ этихъ вопросахъ мнѣ еще дорóгой братъ сообщилъ, такъ какъ Яковъ

Петровичъ задавалъ ихъ ему тѣ же самые каждый разъ, какъ только братъ бывалъ у него.

— Василій Васильевичъ, а что, не слыхали ли, почемъ ноньче золото?—вопрошаетъ хозяинъ такимъ голосомъ, какъ будто прежде онъ никогда объ этомъ и не думалъ его спрашивать. Братъ даетъ отвѣтъ, конечно, тотъ же самый, что и вчера, и третьяго дня, разумѣется, и виду не показывая, что это ему до крайности надоѣло.

— Ну, о наградахъ не слыхали ли чего? Говорятъ, казаковъ представить хотятъ за понэсэнные труды?—И при этихъ словахъ Цвѣтковъ устремляетъ на брата удивленный взоръ, такъ какъ, вѣроятно, и самъ не въ состояніи былъ бы дать себѣ отчетъ, въ чемъ состояли эти „понэсэнные труды“.

— Не знаю, можетъ быть, и представятъ,—соглашается Василій Васильевичъ, не желая разочаровывать довѣрчиваго хозяина.

Между тѣмъ, въ разговорѣ узнаю, что командиръ кубанскаго полка, подполковникъ Кухаренко, тоже живетъ въ Маломъ-Дижосѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Цвѣткова.

Я рѣшаюсь немедленно же воспользоваться удобнымъ случаемъ представиться ему, и, давъ слово Якову Петровичу вернуться къ обѣду, отправляюсь.

У подъѣзда квартиры Кухаренки стоятъ два молодцоватыхъ казака въ черкескахъ, при оружіи; одинъ изъ нихъ идетъ докладывать обо мнѣ. Слышу заикающійся голосъ: „П-п-проси“.

Вхожу. Маленькая комната вся устлана богатыми коврами, попонами, войлоками. Стѣны тоже увѣшаны роскошнымъ оружіемъ, уздечками и сѣдлами. Самъ хозяинъ, лѣтъ 40, низенькаго роста, съ русой бородой, въ папахѣ (Кухаренко имѣлъ привычку и дома ходить въ папахѣ), въ щегольскомъ красномъ бешметѣ; на богатомъ кожаномъ поясѣ висѣлъ искусной работы кинжалъ „съ вызолоткой“. По всему замѣтно, что Кухаренко, какъ истый казакъ, охотникъ до оружія.

— Здра-авствуйте, Верещагинъ, ми-илости просимъ въ нашу хату,—говоритъ онъ, встрѣчая меня, заикаясь и радушно протягиваетъ руку. Кухаренко очень симпатичной наружности и невольно вселяетъ о себѣ мнѣніе: вотъ это такъ казакъ и тѣломъ и душой; этотъ отъ турка не побѣжитъ, постоитъ за себя. И мнѣ какъ-то совѣстно становится и за свое сравнительно бѣдное оружіе, и за свою фигуру.

— А п-п-пок-кажите вашу шашку,—обращается онъ ко мнѣ. Вотъ, думаю, какой вопросъ долженъ задавать казакъ казаку при первой встрѣчѣ, и я робко обнажаю шашку, и подаю ему.

— Д-д-обрая шашка, ей-же-ей, добрая. — Полковникъ пробуетъ ее о ноготь, а потомъ рубитъ ею въ воздухѣ.

— Ну, а к-кинжалъ пок-кажите. И к-к-инжалъ добрый.

Кухаренко былъ предупрежденъ братомъ Василіемъ о моемъ пріѣздѣ, а такъ какъ Василія всѣ казаки, начиная отъ Скобелева, очень уважали, то поэтому Кухаренко былъ со мною изысканно любезенъ.

— Б-б-братъ вашъ, Василій Васильевичъ, гдѣ? Вѣрно у Цвѣткова. Они съ нимъ п-пріятели, в-водой не разольешь, — восклицаетъ онъ.

Поговоривъ съ нимъ немного, я поспѣшилъ назадъ.

— Шчаблыкинъ, давай живо! — кричитъ Цвѣтковъ, увидавъ меня.

Обѣдъ состоялъ изъ борща и курицы съ рисомъ. И то, и другое оказалось превкусно изготовлено. Курицу мы ѣли руками, такъ какъ вилка была только одна, и та едва держалась въ черенкѣ. Яковъ Петровичъ предварительно разрѣзалъ курицу своимъ маленькимъ ножичкомъ, находящимся при кинжалѣ, и затѣмъ каждый бралъ свой кусокъ и обгладывалъ, при чемъ руки вытирались объ одно общее полотенце, весьма сомнительной чистоты. Передъ обѣдомъ у хозяина, при видѣ полотенца, какъ будто мелькнуло желаніе перемѣнить на чистое, но затѣмъ, вѣроятно, онъ подумалъ: „А нехай, сойдетъ и это!“ потому оно такъ и осталось.

Хотя глаза Якова Петровича и казались равнодушными, безучастными, но самъ онъ всѣми силами старался намъ угодить.

Мы запили обѣдъ плохимъ румынскимъ виномъ, послѣ чего Цвѣтковъ пожелалъ насъ угостить пѣсенниками. Тутъ я въ первый разъ услыхалъ казацкія пѣсни.

— Шчаблыкинъ, а ну-ка „зашуми“ пѣсенникоу!—командуетъ хозяинъ, и черезъ четверть часа передъ нашими окнами сбирается человѣкъ 15 казаковъ. Одинъ изъ нихъ является съ большимъ инструментомъ въ родѣ барабана—„таламбасомъ“.

Пѣсенники откашливаются и становятся въ тѣсный кружокъ.

Въ это время, смотрю, Яковъ Петровичъ поспѣшно схватываетъ со стѣны свою походную скрипку, подноситъ ее къ уху, торопливо настраиваетъ и, затѣмъ, устремляется въ середину круга. Въ торжественныхъ случаяхъ командиръ сотни любилъ самъ дирижировать и аккомпанировать пѣсенникамъ. Запѣвало начинаетъ, остальные подхватываютъ, и тутъ я замѣчаю, что почтенный хозяинъ усердно пилитъ все тѣ же самыя струны, безъ всякой перемѣны, и только для виду прижимаетъ лады. Кончается одна

пѣсня, начинается другая, а музыка все та же самая. А если бы кто взглянулъ въ эти минуты на лицо Цвѣткова, какое оно было серьезное и торжественное! Ясно, что онъ самъ считалъ себя великимъ мастеромъ, и былъ увѣренъ, что игрой своей доставляетъ слушателямъ невыразимое удовольствіе.

По лицамъ казаковъ можно было также предположить, что и они о своемъ начальникѣ того же самаго мнѣнія, хотя, можетъ быть, это проистекало больше изъ уваженія къ нему, какъ къ командиру сотни.

Когда протяжныя пѣсни кончились и начались веселыя, то невозможно было безъ смѣху смотрѣть на Якова Петровича, какъ онъ яростно пилилъ смычкомъ по струнамъ, съ какимъ ожесточеніемъ прерывалъ на мгновеніе игру, вытиралъ широкимъ рукавомъ черкески вспотѣвшее лицо и, прижавъ подбородкомъ скрипку, снова принимался пилить, бросая по временамъ на насъ исподлобья пытливые взгляды, чтобы узнать, какое впечатлѣніе производитъ онъ своей „музыкой“.

— Ай да Яковъ Петровичъ, молодецъ!—кричитъ братъ, хлопая въ ладоши; я тоже хвалю и хлопаю. Цвѣтковъ ловко взмахиваетъ скрипкой надъ головой и кончаетъ. „Мэнэ-жъ никто не учиу, самъ дошоу“, наивно говоритъ онъ и, вытирая вспотѣвшій лобъ полой черкески, присаживается къ намъ на бурку.

II.

Около трехъ часовъ вечера, въ той же повозкѣ, но уже въ новой папахѣ, которую мнѣ купилъ Кайтовъ, отправляюсь далѣе, и часа черезъ полтора подъѣзжаю къ большому селенію, расположенному тоже по берегу Дуная. Это былъ Парапанъ.

Нѣкоторые домики здѣсь очень порядочные, выкрашенные большею частью бѣлой краской. Штабъ полка и квартира полкового командира помѣщались въ красивомъ барскомъ домѣ, съ большимъ тѣнистымъ садомъ. На верхнемъ балконѣ этого дома устроено что-то въ родѣ обсерваторіи—стоитъ большая подзорная труба, около которой толпится нѣсколько казаковъ и матросовъ. Впослѣдствіи я часто любовался съ этого балкона чуднымъ видомъ на Дунай, а также подолгу смотрѣлъ въ трубу и старался разглядѣть, не замѣчу ли гдѣ-нибудь за рѣкой непріятеля. Труба здѣсь поставлена была нашими моряками, чтобы слѣдить за движеніемъ непріятельскихъ броненосцевъ.

Повозка останавливается у воротъ дома, гдѣ помѣщался пол-

ковой штабъ, и я пѣшкомъ иду черезъ дворъ. У подъѣзда виднѣется полковое знамя и денежный ящикъ; при нихъ часовой съ обнаженной шашкой. Часовой этотъ невольно обращаетъ на себя мое вниманіе. Почти старикъ, но еще очень бодрый, плечистый, съ подстриженной сѣдой бородой и густыми нависшими бровями. На поясѣ у него длинный черный кинжалъ съ костяной ручкой. Выправка этого часового совершенно не похожа на ту, что я видѣлъ у кубанскихъ казаковъ.

При моемъ приближеніи часовой нисколько не мѣняетъ своей позы: какъ стоялъ, подбоченясь, такъ и остался. Только когда я посмотрѣлъ на него, то онъ, вмѣсто того, чтобы отдать честь шашкой, какъ того требовалъ уставъ, переноситъ ее на лѣвую руку, бросаетъ на меня исподлобья сердитый взглядъ, подноситъ правую руку къ папахѣ и протяжно говоритъ: „здравствуй". Вотъ такъ службистъ, думаю, этотъ уставъ здорово знаетъ.

Подымаюсь во второй этажъ, казакъ въ синемъ бешметѣ провожаетъ меня къ командиру полка.

Въ большой свѣтлой комнатѣ, выходящей окнами на Дунай, прохаживается изъ угла въ уголъ, заложивъ за спину бѣлыя пухлыя руки, средняго роста, полный сутуловатый господинъ, лѣтъ подъ 50. Волосы стрижены подъ гребенку, усы длинные, сѣдые, борода небольшая, круглая; одѣтъ въ черный ластиковый бешметъ, сапоги походные, лакированные. Это былъ полковникъ Оскаръ Александровичъ Левисъ-офъ-Менаръ, шведъ по рожденію, по характеру же и привычкамъ совершенно русскій.

Когда я входилъ, полковникъ разговаривалъ съ своимъ адъютантомъ, молодымъ человѣкомъ, въ черкескѣ и при аксельбантахъ.

— Какъ вы скоро пріѣхали! У насъ даже и приказу объ васъ не получено,—говоритъ Левисъ послѣ того, какъ я ему представился.

— Да, я торопился, полковникъ; дней черезъ пять всего послѣ приказа выѣхалъ, и вотъ все время въ дорогѣ.

— Ну-съ, Андрей Павловичъ, гдѣ же мы ихъ помѣстимъ?— обращается полковникъ къ адъютанту. Тотъ стоитъ съ какимъ-то довольствомъ на лицѣ. Ляпинъ, такова была его фамилія, имѣлъ самое открытое, русское, простодушное лицо, всегда довольное, смѣющееся. Во все послѣдующее время я не видалъ Ляпина грустнымъ.

— Сотникъ можетъ внизу помѣститься; тамъ всего одинъ Василій Миронычъ, больше никого,—отвѣчаетъ тотъ.

— Ну, такъ хорошо, проводите! Вы, я думаю, устали съ дороги. — Полковникъ направляется вмѣстѣ съ нами указывать новое помѣщеніе.

— Въ какую же мы его сотню назначимъ? — продолжаетъ спрашивать полковникъ.

— Полагаю, въ 3-ю, къ Павлу Ивановичу,—отвѣчаетъ Ляпинъ и самодовольно посматриваетъ на меня.

— Хор-шо! — отрѣзываетъ Левисъ. Онъ говоритъ очень коротко, такъ коротко, что изъ слова „хорошо“ слышно только последнее „о“, первыя же два точно проглатываетъ.

— Кто это такой?—говорю я адъютанту, проходя мимо часового у знамени. Тотъ, между тѣмъ, точно также дѣлаетъ честь, какъ и мнѣ, переноситъ шашку въ лѣвую руку, правую же подноситъ къ папахѣ.

— Это всадникъ осетинъ. Они вѣдь азіаты, съ нихъ особенныхъ формальностей нельзя требовать; они всѣ охотники, своей волей пошли въ походъ,—объясняетъ Ляпинъ, и въ то же время бросается къ осетину показывать, какъ надо отдавать честь шашкой.

— Сколько разъ вамъ показывать. Вотъ какъ держите. Ну, понимаете?—сурово восклицаетъ онъ.

— Харясё, харясё, панимаемъ, панимаемъ, — тянетъ тотъ азіатскимъ выговоромъ, слегка кланяясь и стараясь запомнить, какъ надо держать шашку.

Меня помѣщаютъ въ комнаткѣ подлѣ канцеляріи, вмѣстѣ съ казначеемъ, маленькимъ человѣкомъ, который при нашемъ приходѣ занимался пересчитываніемъ денегъ. Цѣлыя груды ассигнацій, мѣшечки съ золотомъ, и мѣшки съ серебромъ пересчитывалъ онъ, откладывалъ сосчитанные въ сторону, причемъ съ трескомъ замѣчалъ косточкой на счетахъ.

Увидавъ полковника, казначей немного привсталъ, флегматично поздоровался, сначала съ командиромъ полка, потомъ со мной, съ такимъ видомъ, точно онъ вѣкъ меня зналъ, и затѣмъ немедленно же усѣлся за свое дѣло. Онъ заранѣе былъ увѣренъ, что командиръ полка и не подумаетъ замѣтить ему, какъ онъ можетъ сидѣть въ его присутствіи, зная, что дѣло, которымъ онъ занимался, слишкомъ сильно интересовало каждаго изъ присутствующихъ. Каждый, вѣроятно, думалъ: „Пускай поскорѣй кончитъ, такъ авось и меня разочтетъ“.

— 25, 26, 27, 28, — бормочетъ казначей, пересчитывая пачку кредитокъ.

Комната, куда меня привели, помѣщалась рядомъ съ канцеляріей, гдѣ постоянно толкались офицеры; поэтому она тотчасъ же наполнилась моими новыми товарищами. Ляпинъ знакомитъ меня съ ними.

Я едва успѣваю со всѣми здороваться и отвѣчать на привѣтствія. У многихъ лица были именно такія, какія я себѣ представлялъ у настоящихъ покорителей Кавказа.

Это были не тѣ молодые гвардейскіе офицерики, какихъ я привыкъ видѣть въ Петербургѣ; тутъ, по большей части, были старики сѣдые, заслуженные, у многихъ висѣли на груди мѣдные кресты за покореніе Кавказа. Все это сильно меня интересовало, а многое даже и удивляло. Въ особенности интересенъ показался мнѣ одинъ высокій сѣдой старикъ, который по моему соображенію очень походилъ наружностью на „дядю Ерошку“ въ „Казакахъ“ Льва Толстого. Широкое туловище его слегка прикрывалъ бѣлый ситцевый бешметъ на распашку; на ногахъ чевяки, и въ широчайшихъ черныхъ ластиковыхъ шароварахъ на выпускъ, очень засаленныхъ. Это былъ есаулъ (капитанъ), завѣдующій полковымъ обозомъ. Казалось, стоило только взглянуть на грубое морщинистое лицо этого стараго есаула съ коротко остриженной сѣдой головой и щетинистыми усами, чтобы сразу представить себѣ всю его прошедшую жизнь и службу. Лицо его говорило, что есаулъ и въ походахъ побывалъ, и дома пожилъ достаточно. Онъ знаетъ, что́ нужно казаку въ походѣ, знаетъ толкъ въ коняхъ, но и вола въ плугъ купить не ошибется, и женѣ платокъ тоже съумѣетъ выбрать по ея вкусу.

На меня глядѣлъ онъ не безъ ироніи, т.-е. такимъ взглядомъ, который, казалось, говорилъ: „Знаемъ, знаемъ мы вашего брата. Ой, сколько ихъ перебывало у насъ на нашемъ вѣку; и прилетало и улетало. Послужили съ ними! Вотъ — мы, такъ коренные, не вамъ чета!“

Покуда командиръ полка находился въ комнатѣ, старый эсаулъ точно прятался въ толпѣ, вѣроятно, стыдился своего негляже; но какъ только тотъ удалился, онъ вышелъ и началъ балагурить и смѣшить насъ своими разсказами. Голосъ имѣлъ онъ, въ противоположность своей огромной фигурѣ, очень тоненькій.

— Вася, Вася,—шутя кричитъ онъ казначею, стоя посреди комнаты, подбоченясь, съ коротенькой трубочкой въ зубахъ.—Мироньічь, когда мнѣ порціонные отдашь?—Пожалуй, совсѣмъ забудешь?—затѣмъ подходитъ и шутя беретъ у того свертокъ съ золотомъ.

— Ну, отстаньте, что за шутки, —кричитъ казначей, испуганно отнимая свертокъ.—Получите, когда дойдетъ ваша очередь. Какъ же забыть, когда вы и въ книгѣ не росписались.—И Мироньічь погружается въ свои счеты.

— А вы знаете, —весело обращается старикъ ко мнѣ, до-

ставая при этомъ съ полу прутикъ и выковыривая тутъ же передъ нами золу изъ трубки:—какъ у насъ, бывало, въ старину чеченцы москалей били (москалями зовутся на Кавказѣ солдаты изъ Россіи)?

— Пожалуйста разскажите,—упрашиваю я, чуть не подпрыгивая отъ радости, что услышу разсказъ настоящаго боевого кавказца.

— Ихъ, помню, къ намъ какъ-то пропасть пригнали,—начинаетъ есаулъ, относясь съ очевиднымъ презрѣніемъ къ москалямъ. Ну, народъ все сырой, тяжелый, въ теплыхъ полушубкахъ, гдѣ-жъ имъ съ нами по горамъ за Чечней гоняться? А вѣдь этотъ народъ, азіаты, хитрый. Вотъ иной, какъ кошка ночью подкрадется, темно, ни зги не видно, а знаетъ, шельма, что постъ долженъ быть тутъ близко и кричитъ: „салдатъ, салдатъ — гдѣ ты?“ А тотъ съ дуру-то и махнетъ: „я!“ — а чеченецъ на голосъ то и бацъ, солдатъ и кувыркъ.—И старый есаулъ, представивъ при этомъ, какъ солдатъ „кувыркъ“, заливается, смѣется, закинувъ свою сѣдую голову. Смѣхъ этотъ, признаться сказать, производитъ на меня непріятное впечатлѣніе. Чего, думаю, находитъ онъ тутъ смѣшного?—Въ это время входитъ къ намъ еще одинъ офицеръ, мой будущій сотенный командиръ, тоже есаулъ.

— А, Павелъ Иванычъ,—кричитъ Ляпинъ,—вотъ вамъ новый офицеръ, сотникъ Верещагинъ.—Мы знакомимся. Павелъ Ивановичъ, на мой взглядъ, тоже представлялъ типъ казака кавказца, какихъ я видалъ на картинкахъ: голова стриженая, усы черные, длинные, подбородокъ бритый. Оглядѣвшись и видя, что сѣсть негдѣ, всѣ мѣста заняты, онъ подбираетъ черкеску, какъ бабы подбираютъ сарафанъ, и садится посреди комнаты на корточки.

„Вотъ тебѣ нà, думаю, что же это такое, животъ что ли у него заболѣлъ?“ Ничуть не бывало; Павелъ Иванычъ достаетъ изъ своего серебрянаго портъ-сигара папиросу, и сидя на цыпочкахъ, закуриваетъ и вступаетъ въ разговоры. „Стой,—разсуждаю я,—это, значитъ, у кавказцевъ особая манера сидѣть!“ И я припоминаю, что точно такія же фигуры видѣлъ при въѣздѣ въ Парапанъ. Издали онѣ походили на громадныхъ орловъ. „Надо,—думаю,—непремѣнно попробовать посидѣть такимъ способомъ“. Но такъ какъ немедленно же сойти со стула и присѣсть показалось бы смѣшнымъ, то я отложилъ эту пробу до болѣе удобнаго случая.

Въ первый же день я познакомился не только со всѣми офицерами нашего полка, но и съ офицерами осетинскаго дивизіона. Собственно говоря, осетинскій дивизіонъ долженъ бы былъ

еще въ Россіи соединиться съ дивизіономъ ингушей (кавказское племя) и, подъ начальствомъ полковника Панкратова, составлять отдѣльный терско-горскій полкъ; но ингуши что-то дорогой позамѣшкались и попали уже прямо въ рущукскій отрядъ Наслѣдника Цесаревича, гдѣ и провели всю кампанію; осетинъ же прикомандировали къ нашему полку.

Въ первую ночь я долго не могъ уснуть: столько насмотрѣлся новыхъ лицъ, одеждъ, манеръ, наслушался разсказовъ. На другой день, рано утромъ, прибѣгаетъ провѣдать меня Ляпинъ, веселый, довольный, какъ и всегда, и мы съ нимъ отправляемся въ 3-ю сотню къ моему новому сотенному командиру. Сотня была расположена въ красивой рощицѣ вблизи Дуная. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея бѣлѣла палатка сотеннаго командира, около которой виднѣлся воткнутый сотенный зеленый значекъ, въ родѣ знамени.

Павелъ Ивановичъ только еще одѣвался, и изъ всѣхъ силъ натягивалъ на свои ноги чевяки. Это дѣло не столь легкое, какъ казалось мнѣ съ перваго взгляда. Обувь эта состоитъ изъ двухъ частей: собственно чевякъ или носковъ, обыкновенно изъ козлиной кожи, и такихъ же ногавицъ или голенищъ. Хорошо сшитые чевяки должны плотно обхватывать ступню, какъ лайковыя перчатки дамскую ручку; поэтому они шьются очень тѣсные, и надѣть ихъ можно, только размочивши предварительно въ водѣ.

У Павелъ Иваныча чевяки были черезъ чуръ малы, поэтому онъ пыхтѣлъ, ругался, мялъ пальцы и едва, едва надѣлъ. Нога казалась очень красивою и маленькою. Мнѣ захотѣлось имѣть чевяки.

— Скажите, есаулъ, почему вы носите чевяки? Развѣ въ нихъ удобнѣе ходить, чѣмъ въ сапогахъ?—спрашиваю я.

— Ногѣ легче, ну и ходить пріятнѣе,—объясняетъ тотъ, видимо обрадовавшись случаю сбыть ихъ.

— А могу я у кого-нибудь здѣсь достать такіе?

— Да, пожалуй, берите эти, мнѣ пришлютъ съ дому другую пару.

— А сколько они стоятъ?

— Да я съ васъ всего 10 монетъ возьму (монетой называется на Кавказѣ рубль). И назначивъ тройную цѣну, онъ дѣлаетъ самое невинное лицо. Я подаю два золотыхъ и получаю чевяки, не позаботясь даже примѣрить ихъ.

Ляпинъ въ это время сидитъ, вытаращивъ глаза; онъ никакъ не ожидалъ, чтобы его другъ успѣлъ такъ быстро всучить своему новому товарищу совершенно негодную для него вещь.

Чевяки я потомъ никогда не носилъ; ходить въ нихъ оказалось очень больно, и чуть гдѣ попадался подъ ногу камешекъ, такъ хоть кричи. Простые казаки, въ особенности осетины, ходили въ нихъ по привычкѣ, изъ экономіи, чтобы сберечь сапоги.

Спрятавъ деньги въ длинный вязаный кошель и засунувъ его въ шаровары, сотенный командиръ становится разговорчивѣе. Лицо его изъ суроваго и непривѣтливаго дѣлается веселѣе.

— Вамъ надо казака назначить, смотрѣть за лошадью, ну и борщъ сварить когда,—говоритъ онъ.—Гришка, ну-ка тамъ вахмистра,—кричитъ онъ молодому казаку, возившемуся за палаткой. Вскорѣ является вахмистръ, Семенъ Кикоть.

— Господинъ есаулъ, по 3-й сотнѣ все обстоитъ благополучно,—бормочетъ тотъ, останавливаясь у входа и заглядывая къ намъ въ палатку. По его огромному росту взойти въ нее самому было бы не особенно удобно.

— Надо вотъ имъ казака назначить. Кого бы тамъ?—говоритъ Павелъ Иванычъ, кивая на меня головой. Вахмистръ съ любопытствомъ оглядываетъ новаго офицера, и затѣмъ, послѣ нѣкоторой паузы, снисходительно отвѣчаетъ.

— Да кого же, Ламакина можно, парень смирный, расторонный. — Слѣдуетъ небольшое молчаніе, послѣ чего командиръ сотни съ притворно смиреннымъ видомъ отпускаетъ вахмистра, говоря:—Ладно, ступай себѣ пока, отдыхай.

Мы отправляемся въ сотню смотрѣть мою лошадь. Дорогой намъ встрѣчается молодой осетинъ, офицеръ Гайтовъ, джигитъ красивый, ловкій. Онъ мнѣ сразу понравился и всю кампанію оставался моимъ лучшимъ товарищемъ. Увидѣвъ коня, Гайтовъ проситъ у меня позволенія поджигитовать немного. Я, разумѣется, соглашаюсь. Гайтовъ садится на лошадь, дергаетъ ее за поводья разъ, другой, одновременно взмахиваетъ плетью, но не бьетъ ею, а только потряхиваетъ, грозитъ, и затѣмъ рѣзко со свистомъ опускаетъ книзу. Лошадь начинаетъ вся дрожать, выкатываетъ глаза, горячится, топчется на мѣстѣ и не знаетъ, какъ бы ей вырваться изъ этого положенія. Уже она совсѣмъ точно въ комокъ собралась, согнула спину и поджала заднія ноги къ переднимъ, какъ кошка, готовая прыгнуть на свою добычу. Тогда всадникъ нагибается, дѣлаетъ ртомъ: ш-ш-ш-у! и несется. Но такъ какъ мѣсто не позволяло разскакаться, то онъ вскорѣ осаживаетъ ее и такъ сильно, что та едва не садится на заднія ноги. „Бѣдняжка моя, какъ тебѣ дорого обходится такая джигитовка“, думаю я, глядя на все это.

Гайтовъ продѣлываетъ разныя штуки и приходитъ въ восторгъ

отъ лошади, и говоритъ мнѣ, что это первая лошадь въ полку. Послѣ такой похвалы моя дружба съ нимъ еще болѣе укрѣпилась.

Въ тотъ же день я побывалъ въ осетинскомъ дивизіонѣ. Онъ стоялъ по другую сторону селенія. Какой все видный народъ эти осетины, молодецъ къ молодцу, точно на подборъ! Весь дивизіонъ состоялъ изъ охотниковъ. Лошади ихъ и оружіе были гораздо богаче, чѣмъ у казаковъ. У нѣкоторыхъ всадниковъ полное снаряженіе съ лошадью стоило 700 — 800 р., и даже 1000 руб., тогда какъ у казаковъ оно стоило 150 — 200 руб., не больше. Что мнѣ въ особенности бросилось въ глаза у осетинъ, это—ихъ осанка и походка. Каждый осетинъ имѣлъ походку точно князь какой: выступалъ важно, степенно, съ чувствомъ собственнаго достоинства, причемъ лѣвую руку держалъ на поясѣ, а правую на рукояткѣ кинжала. Ходятъ и ѣздятъ всѣ они только въ чевякахъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, въ чевякахъ и ногѣ легче и ѣздить удобнѣе, нога въ стремени не такъ скользитъ.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ въ Парапанъ нашъ начальникъ дивизіи, генералъ-лейтенантъ Дмитрій Ивановичъ Скобелевъ. Я ему немедленно представился.

Старикъ Скобелевъ былъ высокаго роста, съ крупными чертами лица, съ длинной рыжей бородой. Ходилъ онъ въ синей гвардейской черкескѣ, обшитой серебряными галунами. Говорилъ медленно, въ носъ, и въ разговорѣ постоянно мычалъ; спрашивалъ ли онъ или отвѣчалъ, все равно, за каждой его фразой слѣдовало гнусавое ммм-м. На большомъ пальцѣ правой руки носилъ перстень съ огромнымъ бриліантомъ, и когда здоровался съ кѣмъ, то подавалъ только два пальца.

Какъ-то вскорѣ пріѣзжаетъ въ Парапанъ мой братъ Василій, вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ, лейтенантомъ Скрыдловымъ, будто такъ прокатиться, и сообщаетъ мнѣ подъ секретомъ, что на завтрашній день, рано утромъ, моряками рѣшено ставить въ Дунаѣ, почти противъ Парапана, минныя загражденія, и что въ случаѣ, если бы какой изъ турецкихъ броненосцевъ вздумалъ препятствовать этому, то Скрыдловъ бросится на него въ атаку на миноноскѣ „Шутка“, чтобы взорвать его; братъ Василій будетъ участвовать въ этой атакѣ. Онъ просилъ объ этомъ никому не говорить, опасаясь, чтобы Скрыдлову начальство не запретило брать его съ собой. Скрыдловъ предложилъ мнѣ съѣздить вмѣстѣ съ нимъ посмотрѣть „Шутку“ и мы отправились.

Въ маленькой бухточкѣ, въ виду Дуная, стояла крошечная паровая лодочка, выкрашенная подъ цвѣтъ воды. Экипажъ при-

крывался отъ пуль желѣзной крышей, которую при насъ нѣсколько матросовъ обкладывали мѣшками съ угольями или пескомъ.

— Смотрите же, не проспите, мы завтра рано противъ васъ будемъ,—говорилъ мнѣ Скрыдловъ на прощанье.

Хотя я и никому ни слова не говорилъ объ этомъ, но къ вечеру у насъ въ полку всѣ знали, что на утро предполагается постановка минныхъ загражденій.

На другой день просыпаюсь, уже свѣтло. Быстро соскакиваю съ постели, всполаскиваю лицо, одѣваюсь, хватаю бинокль и бѣгомъ на берегъ.

Солнце, не прямо противъ Парапана, а влѣво къ Рущуку, только что выкатилось изъ-за высокаго турецкаго берега и огненнымъ пятномъ отражалось въ рѣкѣ. На багровомъ небѣ, освѣщенномъ солнечными лучами, рѣзко очерчиваются синеватыя вершины горъ. Дунай спокойный, величественный. Мѣстами свѣжіе водяные пары, точно облачки, медленно отдѣляются отъ рѣки, будто не желая съ ней разстаться. Капли росы, на прибрежныхъ кустахъ и камышахъ, отсвѣчиваютъ на солнышкѣ радужными цвѣтами. Даже вонъ тамъ, на островку, чуть не посреди Дуная, и тамъ роса на камышахъ блеститъ, какъ бриліянты. Противуположный берегъ и прилегающая къ нему часть рѣки, еще не освѣщенные солнцемъ, кажутся сплошной темной полосой. Все тихо, спокойно, нигдѣ незамѣтно никакого движенія.

Но вотъ, съ нашей береговой батареи, въ полусотнѣ саженъ отъ меня, раздается пушечный выстрѣлъ, и черезъ нѣсколько секундъ снопъ брызговъ далеко, версты за три впереди, подъ непріятельскимъ берегомъ, указываетъ мѣсто, гдѣ упалъ снарядъ. Точно прикованный стою я, и не могу разсмотрѣть, по комъ это стрѣляютъ?

— Вонъ, ваше благородіе, вонъ, гдѣ ихъ броненосецъ, во-о-онъ подъ самымъ берегомъ,—говоритъ мнѣ стоящій позади казакъ и тычетъ пальцемъ въ пространство.—Ишь и онъ стрѣляетъ!

Изъ-подъ непріятельскаго берега въ эту минуту показывается бѣлый клубочекъ дыму, еще нѣсколько мгновеній и, далеко не долетѣвъ до насъ, падаетъ въ воду снарядъ. Всматриваюсь пристальнѣе, вижу, дѣйствительно какое-то паровое судно, броненосное ли, не разберешь, медленно двигается вдоль берега, вверхъ по Дунаю, и стрѣляетъ съ борта.

— Мало, братъ, каши ѣлъ! Шалишь, не добросишь! — сыплются кругомъ остроты собравшейся публики, состоящей по преимуществу изъ казаковъ и матросовъ. Представительная фигура старика Скобелева, въ синей черкескѣ и высокой папахѣ съ крас-

нымъ верхомъ, виднѣется впереди толпы. Между тѣмъ, съ того берега турки подкатываютъ орудіе и открываютъ огонь по нашей батареѣ. Вотъ опять вспыхиваетъ огонекъ, за нимъ дымокъ — слышенъ даже полетъ снаряда, точно легкое шуршаніе, воркотня птички. Сердце мое немного замираетъ, но это не страхъ, такъ какъ я еще не видалъ худыхъ послѣдствій отъ снаряда, а сильнѣйшее любопытство узнать, куда упадетъ снарядъ. Снарядъ, немного не долетѣвъ до насъ, шлепается въ воду. Опять идутъ въ публикѣ смѣхъ и шутки, но уже не такіе смѣлые—этотъ выстрѣлъ, очевидно, удачнѣе. За этимъ выстрѣломъ слѣдуетъ третій, граната разрывается на дворѣ полкового штаба, и едва не задѣваетъ старика Скобелева, который медленно возвращался въ штабъ.

Послѣ этого выстрѣла остроты прекращаются. Зѣвающая публика начинаетъ подъ разными предлогами расходиться. Рядомъ со мной казакъ чешетъ въ головѣ и говоритъ: „пойти попоить лошадь“, и уходитъ. У другого является надобность сходить „до вахмистра“. Нѣкоторые же, болѣе откровенные, просто уходятъ, рѣшивъ вслухъ, что если тутъ оставаться, такъ не жди добра: такъ дерганетъ, что и костей не соберешь.

Наша батарея тоже не дремлетъ, съ нея даютъ нѣсколько выстрѣловъ, настолько удачныхъ, что турки вскорѣ увозятъ свое орудіе.

Тѣмъ временемъ, пароходъ все продолжаетъ едва замѣтно двигаться подъ самымъ берегомъ, и по временамъ стрѣляетъ изъ орудій, но по какой цѣли, невозможно разобрать. На томъ берегу въ одномъ мѣстѣ, на откосѣ, залегла, должно быть, пѣхота, такъ какъ тамъ появляется сплошная линія ружейныхъ дымковъ и слышится ихъ глухой, перекатистый отдаленный трескъ, но опять-таки я не могу разобрать, въ кого направленъ этотъ огонь. Я понимаю, что это, должно быть, по нашимъ морякамъ, но ужасная досада беретъ, что ихъ не видно, хотя это и не мудрено, такъ какъ шлюпки были очень малы.

Часа три продолжается это зрѣлище, затѣмъ все утихаетъ. Броненосецъ скрывается.

Возвращаясь къ себѣ, я рѣшаю дорогой, что или Скрыдловъ отложилъ атаку, или если онъ и пытался атаковать, то неудачно, въ противномъ случаѣ взрывъ былъ бы слышенъ.

Около полудня я съ нѣсколькими товарищами гуляемъ по берегу, и видимъ, приближается гребная лодочка. Всѣ, кто былъ въ это время на берегу, спѣшатъ узнать, въ чемъ дѣло. Лодка ближе, ближе, уже можно разобрать стоящаго посрединѣ нашего морского офицера. Въ веслахъ сидятъ казаки-уральцы въ своихъ

высокихъ мохнатыхъ шапкахъ. Ихъ товарищи, казаки, конвоировавшіе Скобелева-старика изъ Малаго-Дижоса въ Парапанъ, съ нетерпѣніемъ тѣснятся на берегу и ожидаютъ лодку.

— Все-ли благополучно?—кричатъ съ берегу.

— Горшковъ убитъ,—слышенъ глухой отвѣтъ.

Толпа мгновенно стихаетъ. Это первый убитый, котораго она сейчасъ увидитъ. Настаетъ полная тишина. Слышенъ только шумъ веселъ, да плескъ воды. Лодка пристаетъ. Вотъ публика хлынула, чтобъ заглянуть. Я стою сзади на бугорочкѣ, мнѣ хорошо видно. Медленно приподнимаютъ товарищи трупъ сослуживца.

— Экой молодчина-то былъ,—слышатся замѣчанія въ толпѣ. Какъ только показалась свѣсившаяся голова убитаго, обвязанная бѣлымъ окровавленнымъ платкомъ, меня точно что кольнуло, мгновенно я почувствовалъ ужасную оборотную сторону войны. Я видѣлъ могучаго здороваго человѣка, сраженнаго пулей, его блѣдное лицо съ черной окладистой бородой, свѣсившіяся сильныя руки; видѣлъ стоявшихъ вокругъ такихъ же здоровыхъ сильныхъ товарищей, вглядывался въ ихъ сумрачныя загорѣлыя лица; слышалъ вздохи, замѣчанія собравшейся толпы; однимъ словомъ, видѣлъ тѣ подробности войны, которыя такъ трудно передать перомъ. Головы присутствующихъ невольно обнажаются. На всѣхъ лицахъ можно прочесть тяжелое щемящее чувство. Уральцы кладутъ товарища на плечи, и несутъ въ маленькую желтенькую церковь, стоявшую по близости на самомъ берегу.

Удивительное дѣло, участвовалъ я потомъ въ нѣсколькихъ большихъ сраженіяхъ, видѣлъ сотни убитыхъ, а этотъ первый убитый, котораго я видѣлъ посреди окружавшей его мирной обстановки, безъ пушечныхъ и ружейныхъ залповъ, произвелъ на меня подавляющее впечатлѣніе. Сразу отлетѣли всѣ тѣ радужныя мечты и прелести, которыя я воображалъ увидѣть на войнѣ, и передъ глазами моими долго мерещилась повязанная бѣлымъ платкомъ голова Горшкова съ блѣднымъ помертвѣлымъ лицомъ.

Въ тотъ-же день, подъ вечеръ, ко мнѣ торопливо входитъ Левисъ и, по своему обыкновенію, отрывисто говоритъ:—Ступайте на верхъ, тамъ брата вашего привезли, онъ раненъ. Но не бойтесь, не опасно. Тамъ и Скрыдловъ лежитъ, тоже раненъ,—добавляетъ онъ, какъ-бы въ мое утѣшеніе.

Не помня себя, бросаюсь я къ нимъ и нахожу: въ небольшой комнатѣ поставлены двѣ кровати, одна пустая, такъ какъ братъ соскочилъ съ нея и, въ одной окровавленной рубашкѣ, стоитъ

передъ Скрыдловымъ и съ жаромъ что-то ему объясняетъ. Скрыдловъ лежитъ, вытянувшись, безъ движенія и спокойнымъ голосомъ упрашиваетъ брата улечься и не горячиться.

Скрыдловъ былъ раненъ пулей въ обѣ ноги довольно опасно.

— Представь себѣ,—обращается ко мнѣ братъ съ необыкновеннымъ оживленіемъ,—когда мы стали приближаться къ пароходу, насъ начали осыпать пулями. Не смотря на то, мы еще приблизились, остается только столкнуться, шестъ съ миной готовъ, Скрыдловъ кричитъ: „валяй“! слышу: „есть,“—не тутъ-то было: проводники отъ баттареи перебило пулями. Въ эго время ранили меня, Скрыдлова и еще нѣсколько матросовъ.

— Куда-же тебя ранили?—спрашиваю я.

— Да вотъ сюда, въ правую ляжку. Сначала я-было и не замѣтилъ, чувствую только что-то тепло, трогаю—дыра, палецъ лѣзетъ, пробую два, и два входятъ. Смотрю, на пальцѣ кровь. Но какъ взорвать-то намъ не удалось, тутъ ужъ мы на утекъ; тутъ ужъ и на пароходѣ ободрились, давай катать въ насъ изъ чего попало, изъ пушекъ, ружей, пистолетовъ. Шлюпку пробило снарядомъ. Воду отливали шапками, горстями.

— Какъ-же вы спаслись?

— Удивительно, удивительно, — продолжаетъ братъ. — Ну посуди, видятъ: на нихъ несется на всѣхъ парахъ этакая крошка. Сначала турки понять не могли, въ чемъ дѣло, но потомъ, какъ разобрали, что это миноноска, ужасъ обнялъ ихъ: капитанъ и экипажъ на бортъ вскочили, чтобы броситься въ воду. И, вдругъ такое несчастіе!—Такъ разсказывалъ братъ съ лихорадочнымъ оживленіемъ, и горевалъ непритворно. Хотя онъ съ виду былъ веселъ, но лицо его, черезъ-чуръ раскраснѣвшееся, доказывало, что въ немъ творится что-то неладное. Рана его была обвязана.

— Сквозная рана у тебя?—спрашиваю я.

— Какъ же не сквозная, братецъ мой! Въ меня какой-то подлецъ чуть не въ упоръ изъ пистолета выпалилъ. Нѣтъ, Николай Илларіоновичъ, ты посуди, представь себѣ... — снова обращается братъ къ Скрыдлову.

— Да ты, Василій Васильичъ, успокойся, лягъ, вѣдь ужъ теперь не воротишь,—упрашиваетъ его Скрыдловъ.

Въ это время приходитъ докторъ; совѣтуетъ имъ обоимъ успокоиться и лечь спать, а меня проситъ уйти.

Черезъ нѣсколько дней ихъ обоихъ увозятъ въ Бухарестъ.

III.

За нѣсколько дней моего пребыванія въ Парапанѣ, я совершенно освоился съ казацкой жизнью; ловко подтягивалъ кинжалъ, надѣвалъ тесьму, носилъ папаху, даже научился сидѣть на корточкахъ. Такъ что ежели бы теперь пріѣхалъ къ намъ въ полкъ какой новый офицеръ изъ Петербурга, то ужъ онъ никакъ бы не могъ сказать про меня: „А, это тотъ Верещагинъ, котораго я такъ часто видалъ въ Петербургѣ на Невскомъ!..“ Я уже измѣнился: подстригся, какъ настоящій казакъ, очень коротко, бороду обровнялъ по-осетински въ кружокъ. Только пить не могъ научиться; а пили у насъ здорово.

Старикъ Скобелевъ не долго нами командовалъ; дивизію нашу расформировали и образована была одна кавказская казачья бригада. Бывшаго нашего бригаднаго, полковника Вульферта, котораго, кстати сказать, я ни разу не видѣлъ, замѣнилъ полковникъ Тутолминъ. Новаго бригаднаго мы увидѣли на пути изъ Парапана въ Зимницу.

Въ Парапанѣ я пробылъ всего нѣсколько дней. Вскорѣ пришло приказаніе выступать къ Зимницѣ. Выступили мы еще подъ начальствомъ Дмитрія Ивановича Скобелева, а дорогой, не помню, въ какомъ именно мѣстѣ, прибылъ полковникъ Тутолминъ, еще не старый человѣкъ, маленькій, худенькій, черноватый, очень живой. Бригаду отъ тутъ-же принялъ, причемъ говорилъ рѣчь, которую началъ съ того, что поднялъ руку кверху и воскликнулъ: „здравствуйте, други!“

Еще ночью, не доходя Зимницы, намъ стало извѣстно, что наши войска, въ числѣ одной бригады пѣхоты, дивизіи Драгомирова, перешли Дунай. Потери опредѣляли различно: кто говорилъ 500 человѣкъ, кто 1000. Вообще слышно было, что переправа произведена чрезвычайно удачно.

Подъѣзжаемъ къ Зимницѣ; полковникъ Тутолминъ, Левисъ и большая часть офицеровъ, въ томъ числѣ и я, опередивъ бригаду, скачемъ черезъ городъ—взглянуть на мѣсто переправы.

Зимница—городъ маленькій, чрезвычайно пыльный. Когда мы скакали черезъ него, отъ лошадиныхъ ногъ поднялась такая пыль, что невозможно было въ двухъ шагахъ ничего разобрать; я просто боялся наткнуться на какое-либо препятствіе или свалиться въ канаву. Выскакавъ на окраину города, мы увидѣли слѣ-

дующее. Вдали, за Дунаемъ, на вершинѣ лѣсистой возвышенности, бѣлѣетъ городъ Систово. На самомъ гребнѣ виднѣется что-то въ родѣ крѣпости. Самые берега Дуная чрезвычайно высоки, обрывисты и совершенно недоступны. Только въ одномъ мѣстечкѣ, немного влѣво, едва замѣтно точно ущелье или спускъ. Вотъ къ нему-то во время переправы и пристали наши понтоны.

Дунай отъ Зимницы не сразу начинается. Сначала стелется, съ версту, низменная равнина, мѣстами еще покрытая водой, и затѣмъ, миновавъ ее, идетъ настоящій берегъ, отлогій, чрезвычайно илистый, вязкій, покрытый высокимъ ивовымъ кустарникомъ.

Въ то время, какъ мы стояли и смотрѣли, желая увидать хоть что-нибудь, что́ бы могло намъ указать на минувшій бой, повсюду было тихо. Кое-гдѣ валялись обрывки одеждъ, обломки колесъ. На противоположномъ берегу тоже ничего не было замѣтно, такъ какъ храбрецы наши въ это время стояли въ тѣнистомъ лѣску по дорогѣ въ Систово.

Назадъ мы возвращались въ разбродъ, по одиночкѣ. Въ концѣ города на площади, вижу, стоитъ нѣсколько большихъ бѣлыхъ шатровъ, наверху которыхъ развѣваются флаги съ красными крестами. „Вѣрно, думаю, раненые здѣсь лежатъ“. Привязываю лошадь къ колышку и захожу въ ближайшій шатеръ.

Первое, что́ бросилось въ глаза,—на столѣ лежитъ въ одной рубашкѣ солдатъ, безъ движенія, подъ хлороформомъ. Правая нога его, около самаго бедра, страшно раздулась и посинѣла. Какъ мнѣ объяснилъ фельдшеръ, кость внутри была раздроблена пулей: такая рана почти смертельна.

— Можно мнѣ посмотрѣть?—смиренно спрашиваю я доктора, который видимо только-что освидѣтельствовалъ рану и теперь, поднявъ кисти рукъ, какъ собачка свѣшиваетъ лапки, когда служитъ, съ недоумѣніемъ размышлялъ, какъ ему лучше поступить. Докторъ былъ безъ сюртука, въ клеенчатомъ фартукѣ.

— Сдѣлайте одолженіе,—отвѣчаетъ тотъ, мелькомъ взглядывая на меня;—но если вы никогда не присутствовали при операціяхъ, такъ я бы вамъ не совѣтовалъ. Интереснаго мало,—добавилъ онъ, роясь въ инструментахъ.

Я послушался его и поскорѣй выбѣжалъ вонъ, такъ какъ чувствовалъ, что не выдержу этого зрѣлища.

Наша бригада расположилась лагеремъ съ версту отъ города Зимницы. Налѣво кубанцы, направо владикавказцы, еще пра-

вѣе горная батарея полковника Костина, прикомандированная къ нашей бригадѣ. Мы здѣсь жили весело; ѣздили въ городъ закусить, узнать новости, провѣдать знакомыхъ офицеровъ.

Главная квартира находилась тогда въ самомъ городѣ и помѣщалась въ обширномъ саду на берегу Дуная. Я разъ былъ тамъ у профессора Боткина, который жилъ въ палаткѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ домика, занимаемаго Государемъ.

По вечерамъ, ежедневно у кого-нибудь изъ нашихъ офицеровъ, происходила попойка. Начиналась она обыкновенно шашлыкомъ, чинно, мирно, пѣсенники пѣли стройно; оканчивалась же очень грустно: многихъ изъ гостей казаки разводили подъ-руки по палаткамъ. Въ особенности помнится мнѣ одна такая попойка у есаула Кизилова [1]). Это былъ молодчина не только съ виду, но, какъ потомъ оказалось, и на дѣлѣ. Родомъ Кизиловъ былъ гребенской казакъ, средняго росту, очень широкій въ плечахъ, голова большая, шея короткая, лицо загорѣлое, борода рыжая, глаза маленькіе, узенькіе, говорилъ осипло. Пилъ за десятерыхъ, но пьянъ не бывалъ, а только подвыпивши. Пѣсенники въ его сотнѣ были отличные. Кизиловъ и самъ любилъ и умѣлъ пѣть.

Какъ-то вечеромъ послѣ „зори“ забѣгаетъ ко мнѣ Ляпинъ и говоритъ:

— Ты идешь къ Кизилову? У него сегодня шашлыкъ; онъ всѣхъ звалъ и тебѣ тоже просилъ передать. Эдуардъ Карловичъ уже прошелъ къ нему.

— Хорошо, пойдемъ, вотъ дай только сумы завяжу,—отвѣчаю я, завязывая переметныя сумы, которыя только-что передъ тѣмъ купилъ [2]).

Отправляемся. Гулъ таламбаса еще издали слышенъ—но словъ пѣсенъ пока не разобрать. Подходимъ ближе. Передъ палаткой сотеннаго командира, на разостланныхъ буркахъ, видимъ, возлегаютъ офицеры. Вонъ Кизиловъ встаетъ, подымаетъ стаканъ, и провозглашаетъ чье-то здоровье; слышны крики: ура-а-а, ура-а-а!! Пѣсенники дружно подхватываютъ: „многая лѣта, многа-я лѣта, многая, многая лѣ-ѣ-та-а-а“.

— А, Верещагинъ, пожалуйте; стаканчикъ неугодно ли?—кричитъ хозяинъ, увидавъ меня, усаживаетъ и наливаетъ стаканъ краснаго вина. Почти всѣ наши офицеры здѣсь, и мой Павелъ Ивановичъ тоже тутъ, и нѣсколько осетинъ-офицеровъ. Передъ каждымъ стоитъ по стакану краснаго вина. Посрединѣ гостей

[1]) Въ настоящей главѣ фамиліи и имена вымышленныя.

[2]) Въ переметныя сумы укладывается все самое необходимое для похода. Простые казаки возятъ ихъ съ собой, офицеры же на вьючныхъ лошадяхъ.

горятъ свѣчи въ стеклянныхъ колпачкахъ. Пьянство идетъ веліе. Тосты слѣдуютъ за тостами. Вблизи разложенъ огонекъ, дрова уже прогорѣли, надъ раскаленными угольями два казака, присѣвши на корточки, съ раскраснѣвшимися лицами, поспѣшно жарятъ кусочки баранины, нанизанные на длинныя тонкія палочки. Куски еще сырые; просвѣчивая на огонь, они кажутся совершенно красными. Сокъ сочится, падаетъ на огонь и аппетитно шипитъ.

— Бондаренко, подкинь-ка сучечкоу, — кричитъ одинъ изъ казаковъ-малороссовъ испуганнымъ голосомъ,—жàру нема̀.

Онъ уже пять палокъ шашлыка подалъ господамъ, и съ тѣмъ же терпѣніемъ жаритъ шестую, и еще будетъ жарить безконечное количество.

Въ сторонѣ, собравшись въ кружокъ, поютъ пѣсенники. Лицъ почти не видно; только папахи, если смотрѣть снизу, лежа на землѣ, чернѣютъ гдѣ-то далеко, какъ бы на горизонтѣ.

— А ну-ко, Казбулатъ удалой!—командуетъ хозяинъ.

— Стой, стой, дай имъ сначала по стакану, — кричитъ чей-то осипшій голосъ. Пѣсенниковъ обносятъ виномъ, тѣ что-то переглядываются, откашливаются; замѣтно, что новую пѣсню они хотятъ спѣть лучше другихъ, вѣрно, она любимая ихъ командира:

„Казбулатъ удалой, бѣдна сакля твоя,
Золотою казно-ой я осыплю тебя“,—

стройно начинаютъ пѣсенники всѣ разомъ. Пѣсня эта дѣйствительно оказывается самая любимая Кизилова, поэтому онъ беретъ стаканъ и съ восторгомъ, откинувъ голову, подтягиваетъ: „золотою казно-ой я осыплю тебя“. При этомъ, въ избыткѣ чувствъ, закрываетъ свои маленькіе глаза и приподымаетъ плечи.

„Бѣдну саклю твою изукрашу кругомъ“,—грохочутъ басы.

„Стѣны всѣ обобью-у я персидскимъ ковромъ“, — эти слова уже поютъ легче, тутъ тенорки раздаются яснѣе. Мы всѣ съ удовольствіемъ слушаемъ эту пѣсню, но недолго, такъ какъ одному осетину-офицеру въ третій разъ приходитъ желаніе предложить здоровье Стортона.

— Гяспядя, выпьемъ за здяревье нашэва безцѣнняго, дрягоцѣнняго Эдуарда Карловича Стортона,—тянетъ тотъ своимъ осетинскимъ акцентомъ. Всѣ, разумѣется, подхватываютъ: „ура-ура-ура“! Пѣсня прекращается и ее замѣняетъ троекратное „многая лѣта“. Здоровыя, жирныя щеки Стортона страшно раскраснѣлись и лоснятся, точно московскіе растегаи. Стортонъ уже не встаетъ, не благодаритъ за честь, а только самымъ добродушнымъ манеромъ чокается, даже не разбирая, съ кѣмъ.

— Командирскую-у-у!!—хрипло оретъ есаулъ Стрѣленскій, желая угодить пріятелю его любимой пѣсней.

У пѣсенниковъ происходитъ опять минутная пауза, и затѣмъ запѣвало начинаетъ легонькимъ теноркомъ, съ какимъ-то отчаяніемъ въ голосѣ:

„Пріѣхалъ уря-адничекъ,
Пріѣхалъ онъ въ гости..."

„Пріѣхалъ моло-оденькій", подхватываютъ остальные голоса:

„Пріѣхалъ да въ гости"...

Пѣсня эта веселая и поется довольно скоро.

„Онъ только пріѣ-ѣ-халъ,
Опять уѣзжаетъ..
Его любезная
Все плачетъ, рыдаетъ"...

Бумъ-бумъ,—бумъ-бумъ-бумъ,—гудитъ таламбасъ.

— Господа, за здоровье нашего храбраго, любимаго полковника Петра Ѳедоровича Сорокина!—кричитъ съ тѣмъ же осетинскимъ акцентомъ осетинъ-маіоръ Лисеневъ, маленькій, толстенькій господинъ, съ длинной русой бородой и быстрыми глазами.

— Ишь осетія, хитрая, азіятъ,—шепчетъ мнѣ Павелъ Иванычъ, положивъ голову на мои колѣни:—авось, думаетъ, Сорокину передадутъ, что вотъ-де онъ первый подалъ тостъ за его здоровье.

Павелъ Иванычъ что-то сердитъ на осетинъ, хотя это нисколько не мѣшаетъ ему допить стаканъ за здоровье новоприбывшаго.

Дѣйствительно, разсуждаю я, осетины должны быть порядочные льстецы. Откуда, напримѣръ, взялъ Лисеневъ, что Сорокинъ храбрый, любимый и тому подобныя качества? Стортонъ, дѣло другое, тотъ служилъ много лѣтъ на Кавказѣ, всѣмъ извѣстенъ; Сорокинъ же сейчасъ изъ Петербурга пріѣхалъ, и объ немъ Лисеневъ никогда даже не слыхалъ и его въ глаза не видалъ.

Въ это время быстро подходитъ Сорокинъ.

— Извините, господа, что я такъ опоздалъ,—обращается онъ ко всѣмъ намъ, и по преимуществу къ хозяину.

На немъ темно-сѣренькая черкеска съ загнутыми рукавами, какъ онъ это видалъ у настоящихъ казаковъ. Красный бешметъ, папаха на затылкѣ, однимъ словомъ, казакъ да и только. Сорокинъ дѣйствительно опоздалъ, такъ какъ на его привѣтствіе не всѣ могли сразу встать: нѣкоторые немного привстали, другіе же только пробовали встать, да такъ и остались.

— Вотъ, вотъ сюда давай,—кричитъ Кизиловъ казаку съ палкой горячаго шашлыка въ рукахъ. Казакъ кинжаломъ снимаетъ

на желѣзную тарелку, передъ Сорокинымъ, куски баранины, остальное подаетъ намъ. Всѣ берутъ прямо руками и ѣдятъ. Шашлыкъ превкусный.

— Мы, полковникъ, только-что пили за ваше здоровье, — обращается къ Сорокину Лисеневъ заискивающимъ голосомъ, при чемъ, обсосавъ косточку, вытираетъ жирныя руки о свою длинную бороду, и затѣмъ слегка, какъ будто мимоходомъ, смазываетъ ими и по головѣ.

Сорокинъ, какъ ни старался походить и наружностью и манерами на настоящаго горца, но такой штуки продѣлать не въ силахъ, а потому, не находя салфетки, достаетъ носовой платокъ и обтираетъ объ него руки.

Съ прибытіемъ Сорокина, веселье компаніи сначала какъ будто стихло, но спустя немного принимаетъ свой прежній характеръ: опять начинаются пѣсни и тосты безъ конца.

Уже третій часъ ночи. Глаза мои слипаются, голова что-то начинаетъ крѣпко побаливать, и немудрено: хотя я и воздерживался пить, но вѣдь въ продолженіе 7 — 8 часовъ подрядъ, если и по крошечнымъ глоткамъ пить, такъ и то можно напиться. Смотрю вокругъ себя, первоначальная картина значительно измѣнилась: уже начинаетъ свѣтать, лошади на коновязяхъ дремлютъ; нѣкоторыя лежатъ, оттянувъ недоуздки, другія стоятъ, свѣсивъ головы. Гостей нѣтъ и половины. Нѣтъ Стортона, нѣтъ Сорокина. Осетины тоже разошлись. Остались я, да еще нѣсколько офицеровъ. Пѣсенниковъ тоже мало; одинъ невдалекѣ спитъ на сырой травкѣ, подложивъ подъ голову руки. Оставшіеся поютъ дикими осиплыми голосами.

За хозяйской палаткой, въ нѣсколькихъ шагахъ, кто-то отчаянно стонетъ, точно въ морской болѣзни. Иду взглянуть. Смотрю, согнувшись стоитъ, должно быть, офицеръ. Одинъ изъ казаковъ съ почтеніемъ поддерживаетъ его голову. Лѣвой рукой больной крѣпко давитъ себѣ подъ ложечкой, правой же судорожно дергаетъ: видно, что онъ крѣпко страдаетъ. Подхожу ближе, всматриваюсь въ лицо: оказывается мой почтеннѣйшій сотенный командиръ.

— Павелъ Иванычъ, что это съ вами, дайте-ка я подержу вашу голову,—предлагаю я.

Казакъ съ радостью уступаетъ мнѣ это дѣло и уходитъ. Лобъ больного потный, горячій, лицо блѣдное.

— Чортъ! Кизиловъ! какого дьявольскаго чихирю поставилъ, не могъ получше достать,—отрывисто говоритъ онъ, и при этихъ словахъ его схватываетъ новый позывъ болѣзни...

— Ну что, теперь легче ли?

— Тьфу, тьфу,—сплевываетъ мой почтенный командиръ, утирается рукавомъ, и, не простившись съ хозяиномъ, пошатываясь, направляется въ свою сотню, браня дорогою всѣхъ и вся на чемъ свѣтъ стоитъ. Я беру его подъ руку и иду вмѣстѣ съ нимъ.

Разъ, подъ вечеръ, сижу въ своей палаткѣ, вижу, нѣсколько нашихъ всадниковъ-осетинъ одинъ за другимъ скачутъ мимо меня къ городу. Спрашиваю, что такое, куда это они стремятся? Оказывается, пріѣзжалъ молодой Скобелевъ къ Тутолмину съ предложеніемъ, не согласится ли тотъ попробовать переправить бригаду вплавь черезъ Дунай, ссылаясь на то, что у насъ за рѣкой совершенно нѣтъ кавалеріи, а между тѣмъ она тамъ необходима; переправить же не на чемъ, мостъ еще не готовъ. А такъ какъ Тутолминъ и Левисъ на-отрѣзъ отказались, считая совершенно справедливо, что такая попытка могла бы окончиться гибелью бригады, то Михаилъ Дмитріевичъ просилъ ихъ вызвать охотниковъ плыть съ нимъ верхами черезъ Дунай. Вотъ этихъ-то охотниковъ я и видѣлъ.

— Сѣдлай живо! — кричу казаку, и черезъ двѣ-три минуты, маршъ-маршъ, скачу къ берегу. Тамъ застаю уже чуть не всѣхъ нашихъ офицеровъ.

Старикъ Скобелевъ стоитъ впереди, между Левисомъ и Тутолминымъ, и со страхомъ смотритъ, какъ его сынъ, въ одной рубашкѣ, но съ Георгіемъ на шеѣ, садится на высокую караковую лошадь и спускается въ рѣку. Лошадь сначала немного упирается, храпитъ, водитъ ушами, но затѣмъ смѣло пускается плыть. Первоначально Скобелевъ, должно быть, держался на лошади, такъ какъ плечи его виднѣлись довольно высоко, но затѣмъ онъ внезапно погрузился по самую шею. Впослѣдствіи я узналъ, что для облегченія лошади онъ спустился съ нея, схватился за хвостъ, и такимъ образомъ плылъ, помогая при этомъ руками и ногами. Отца его беретъ страхъ, и онъ начинаетъ гнусливо кричать:

— Миша, вороти-и-ись, Миша, у-то-онешь, Ми-и-ша, Ми-и-ша!“

Намъ всѣмъ становится жалко смотрѣть на старика.

Но Миша плылъ, не оборачиваясь, все дальше и дальше. Нѣсколько осетинъ бросаются вслѣдъ за генераломъ. Одинъ было отплылъ довольно порядочно, но потомъ сталъ тонуть вмѣстѣ съ лошадью: ему поскорѣй подали лодку.

Подскакавъ къ берегу, первое мое движеніе было броситься

раздѣваться. Не прошло и двухъ минутъ, какъ уже я сидѣлъ на лошади и гналъ ее въ воду. Та спускается, отплываетъ нѣсколько шаговъ и затѣмъ повертываетъ назадъ, не смотря на всѣ удары, которыми я ее осыпаю. Рядомъ, и командиръ 2-й сотни Астаховъ посылаетъ свою лошадь въ воду, и у него тоже не идетъ. А Скобелева, между тѣмъ, уже едва видно, только голова чуть чернѣетъ. Для успокоенія своей совѣсти мы садимся съ Астаховымъ въ лодку, беремъ поводья лошадей, и такимъ способомъ направляемся къ островку, который былъ невдалекѣ. Только когда я добрался до него и взглянулъ на то огромное водное пространство, которое еще оставалось до турецкаго берега, мнѣ стало понятно, насколько моя лошадь благоразумно поступила, не послушавшись меня. Что я утонулъ бы, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, такъ какъ пловцомъ я не былъ, а хорошо ли плавала моя лошадь, мнѣ было неизвѣстно. Какимъ образомъ вначалѣ я такъ рѣшительно бросился плыть за генераломъ, я не могъ себѣ потомъ объяснить. Помню одно, что какъ только увидалъ я фигуру Скобелева, спускающагося съ берега въ Дунай, то рѣшилъ—лучше потонуть, но не бросить его.

Въ то время, какъ мы съ Астаховымъ возвратились на берегъ и одѣвались, подъѣхалъ къ намъ адъютантъ главнокомандующаго, полковникъ Струковъ, высокій, худощавый съ длинными усами; похвалилъ насъ и сказалъ, что нашъ поступокъ сегодня же будетъ извѣстенъ Его Высочеству.

Между тѣмъ, старикъ Скобелевъ все еще стоялъ на томъ же мѣстѣ, и пристально слѣдилъ за черною точкою, едва виднѣвшеюся на поверхности рѣки.

Потомъ оказалось, что Михаилъ Дмитріевичъ хоть и съ великимъ трудомъ, но все-таки добрался до противуположнаго берега. А потому, если такой отличный пловецъ, какъ Скобелевъ, на прекраснѣйшей лошади, едва не утонулъ, то что же бы сталось съ бригадою, еслибы Тутолминъ согласился на его предложенье и пустилъ бригаду вплавь черезъ Дунай?.. Много ли бы человѣкъ доплыло?

Вскорѣ я опять встрѣтился съ Михаиломъ Дмитріевичемъ Скобелевымъ. Какъ-то узнаю, что ему поручено произвести рекогносцировку въ окрестностяхъ Систова. Немедленно же отправляюсь въ главную квартиру, гдѣ жилъ тогда Скобелевъ, и застаю его разгуливающимъ въ саду, подъ руку съ молодымъ гвардейскимъ полковникомъ. Скобелевъ что-то съ жаромъ объяснялъ своему

собесѣднику, причемъ безпрестанно останавливался и хваталъ того за пуговицу.

— Что, батенька, скажете?—спрашиваетъ онъ, увидавъ меня.

Я объясняю, что-де вотъ слышалъ стороной объ рекогносцировкѣ и что если возможно, нельзя ли будетъ и мнѣ участвовать.

— Хорошо,—говоритъ онъ,—будьте завтра вечеромъ въ Систовѣ, въ квартирѣ генерала Драгомирова, я тамъ буду,—и онъ уже хотѣлъ проститься со мною, какъ я еще обращаюсь къ нему, и говорю:

— Нельзя ли, ваше превосходительство, вамъ попросить за меня моего командира полка, а то онъ, пожалуй, еще не отпуститъ.—Слова эти видимо не понравились генералу. Онъ сдѣлалъ недовольное лицо и сказалъ:

— Ну, батенька, дѣлайте какъ знаете, а просить я не стану и предупреждаю, если вы будете вездѣ своего начальства спрашиваться, то никогда и никуда не попадете,—жметъ мнѣ слегка пальцы, и быстро скрывается между палатками.

Противъ ожиданія, Левисъ и не подумалъ меня задерживать, а только сказалъ:—я смотрю на это такъ,—и поднесъ при этомъ къ глазамъ своимъ растопыренные пальцы.

На другой день подъ вечеръ, не сказавъ никому изъ товарищей ни слова, сажусь на лошадь и отправляюсь къ Дунаю, къ тому мѣсту, гдѣ была произведена переправа. Здѣсь маленькій паромъ перевозитъ пассажировъ съ одного берега на другой. Вмѣстѣ со мной въѣзжаетъ на паромъ одинъ артиллерійскій генералъ. Я съ нимъ тотчасъ же знакомлюсь; разговариваемъ и на турецкій берегъ въѣзжаемъ уже какъ старые знакомые.

Съ какою жадностію разсматриваю я мѣсто первой нашей схватки, вотъ ужъ можно сказать, схватки на жизнь или смерть, такъ какъ нашимъ войскамъ отступленія не было—въ тылу находился Дунай. Мѣсто это представляло площадку, опушенную деревьями, кустарниками; кругомъ во множествѣ валялись тряпки, фуражки, кепи, изорванныя рубахи, штаны, служившіе, вѣроятно, для первоначальной перевязки ранъ. Вся мѣстность кругомъ сильно была утоптана и рѣзко отличалась отъ окружающей. Растительности здѣсь почти не существовало. На меня, какъ новичка, подобное зрѣлище сильно подѣйствовало. Въ воображеніи моемъ началъ рисоваться въ различныхъ формахъ этотъ отчаянный бой. Слѣзаю съ лошади, наклоняюсь и старательно ищу, не увижу ли гдѣ хотя слѣдовъ крови.

Въ это время мой спутникъ кричитъ мнѣ:

— Э, сотникъ, чего тамъ еще? Насмотритесь, Богъ дастъ.

Пора, поѣдемте.—Его мало интересуетъ подобная картина. Трогаемся, сзади насъ ѣдетъ солдатъ артиллеристъ, сопровождающій генерала.

„Наконецъ-то я на турецкомъ берегу“, разсуждаю я дорогой, въ восторженномъ настроеніи. Какое-то отрадное чувство разливается по всему моему тѣлу. Дорога, удаляясь немного отъ берега, подымается постепенно въ гору и идетъ между деревьями. Меня все занимаетъ; я съ любопытствомъ разсматриваю, что за деревья кругомъ; такихъ, кажется, мнѣ еще не случалось встрѣчать ни въ Россіи, ни въ Румыніи.

— Что это за дерево?—спрашиваю спутника.

— Это вотъ грецкій орѣхъ, а то груша, — отвѣчаетъ онъ.

„Вотъ изволь видѣть,—думаю,—здѣсь и лѣсъ-то все фруктовый“.

Отъѣхали мы версты двѣ, видимъ, наша пѣхота расположилась по обѣ стороны дороги. Съ невольнымъ уваженіемъ гляжу я на этихъ храбрецовъ, которымъ выпала трудная доля проложить путь черезъ Дунай. Длинными рядами стоятъ козла ружей. Солдаты заняты каждый своимъ дѣломъ: кто идетъ съ котелкомъ за водой, кто, навивъ на шомполъ тряпочку, чиститъ стволъ ружья; нѣкоторые, собравшись въ кучку, толкуютъ о чемъ-то. Ни пѣсней, ни веселья не слышно; замѣтно какое-то одиночество. Потомъ слышалъ я отъ здѣшнихъ же офицеровъ, что положеніе нашихъ солдатъ, въ первое время, на этомъ берегу, было очень не завидное: силы маленькія, скорой помощи ждать не откуда, а между тѣмъ вѣрныхъ свѣденій о непріятелѣ не имѣлось; нападенія можно было ожидать ежечасно. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ нервы солдатъ напряглись до крайности: случались примѣры, что солдатъ ночью вскакивалъ, хваталъ ружье, и съ крикомъ „ура“ бросался впередъ, чѣмъ, конечно, производилъ переполохъ въ цѣлой части.

Ѣдемъ дальше, уже темно; солнышко закатилось. Вдали чернѣютъ постройки;—подъѣзжаемъ къ городу. Улицы узенькія, дома какой-то совершенно особой конструкціи, маленькіе, воздушные, держатся на тоненькихъ подпоркахъ; почти въ каждомъ—балконъ съ навѣсомъ. По сторонамъ дороги тянутся длинные каменные заборы.

Нигдѣ не видно ни души. Городъ точно вымеръ, стекла въ домахъ выбиты; повсюду царствуетъ полная тишина; только звонъ подковъ нашихъ лошадей о каменную мостовую тоскливо раздается по безлюднымъ улицамъ. Эти растворенныя двери, выбитыя окна ночью кажутся какими-то черными пятнами, смотрятъ

такъ непривѣтливо. Такъ и представляется, что вотъ кто-нибудь бросится съ ножомъ или выпалитъ изъ ружья. Мы неладно заѣхали и упираемся въ стѣнку. Приходится поворачивать назадъ.

— Ну, что это, куда мы попали?—не совсѣмъ-то спокойнымъ голосомъ обращается ко мнѣ генералъ.—Ну-ка, сотникъ, у васъ глаза-то казацкіе, ищите-ка дорогу,—кричитъ онъ. Ѣду назадъ и вскорѣ нахожу дорогу.

Минутъ черезъ десять видимъ огни. Оказалось, что мы все время ѣхали турецкой частью города, которую болгары, какъ только турки отступили, немедленно же разграбили и разрушили. Теперь идетъ болгарская часть. Здѣсь дома почти той же архитектуры, только разрушенія не видно. Огни мелькаютъ все чаще. Вонъ на дворѣ одного дома рота нашихъ солдатъ построилась во фронтъ и поетъ: „Отче нашъ", но какъ она уныло поетъ, точно боится, что ее кто услышитъ. Встрѣтившійся солдатикъ указалъ намъ квартиру генерала Драгомирова. Въѣзжаемъ на дворъ. Артиллерійскій генералъ идетъ наверхъ, я остаюсь внизу и узнаю отъ одного пѣхотнаго офицера, капитана Маслова, что генералъ Скобелевъ занятъ съ Драгомировымъ, и что ему теперь не слѣдуетъ мѣшать.

— Вы на счетъ рекогносцировки вѣрно пріѣхали? А еще не извѣстно, когда будетъ,—разсказываетъ Масловъ.—Я самъ тоже участвую въ ней,—и при этомъ знакомитъ меня съ подошедшимъ гродненскимъ гусарскимъ офицеромъ Цуриковымъ и кубанскимъ урядникомъ княземъ Цертелевымъ. Они сообщаютъ мнѣ, что Скобелевъ еще не рѣшилъ окончательно время выступленія.

Немного погодя я иду по сосѣдству въ маленькій домикъ, искать квартиру, переночевать. На лѣстницѣ меня встрѣчаетъ болгаринъ, хозяинъ дома, въ черномъ костюмѣ, сшитомъ на турецкій манеръ; на головѣ феска.

— Добре дошли, добре дошли, капитане, — любезно говоритъ онъ, прикладывая лѣвую руку къ себѣ подъ ложечку, правой же, стараясь уловить мою руку, чтобы приложить ее ко лбу. За нимъ выходитъ на крыльцо его жена, еще молодая женщина, одѣтая вся въ черное, похожая на монахиню, съ грустнымъ лицомъ. Они оба привѣтливо просятъ взойти къ нимъ.

Домъ раздѣленъ сѣнями на двѣ половины. Первую, большую комнату, направо, отдаютъ въ мое распоряженіе. Въ ней, въ переднемъ углу, на полу, разостланъ коверъ; въ изголовьяхъ положены бѣлыя продолговатыя подушки; вдоль стѣнъ сложены, въ видѣ дивановъ, различнаго рода перины, одѣяла, покрывала, ковры.

Хозяйка уходитъ къ себѣ, я же начинаю располагаться въ новомъ помѣщеніи; снимаю оружіе и ложусь на коверъ.

— Что, турокъ не ма?—спрашиваю хозяина.

— Не ма, не ма, сички (всѣ) у Балканъ бѣга, эге-е-е!—кричитъ болгаринъ и для пущаго доказательства потряхиваетъ рукой по направленію Балканъ. При огнѣ я разсмотрѣлъ его; это былъ видный мужчина, брюнетъ, безъ бороды, съ длинными черными усами; черная шелковая кисть красиво спадала съ его красной фески.

— Ну, садись сюда, поговоримъ,—предлагаю я и указываю рукой подлѣ себя. Тотъ, видимо обрадованный такой любезностью, кланяется, жметъ слегка мою руку и садится, но не такъ, какъ турки, сложивъ ноги калачемъ, а, вѣроятно изъ особаго ко мнѣ почтенія, на манеръ того, какъ садятся дѣти, когда они устаютъ стоять на колѣняхъ. Затѣмъ хозяинъ быстро достаетъ изъ-за кушака мѣдный портъ-сигаръ съ табакомъ, ловко крутитъ папироску и подаетъ мнѣ. Мы куримъ и разговариваемъ, разумѣется, о военныхъ дѣйствіяхъ. Черезъ нѣкоторое время хозяйка приноситъ поужинать: курицу, приготовленную особеннымъ болгарскимъ способомъ, съ лукомъ и краснымъ перцомъ. Я отлично поужиналъ и легъ спать.

На другой день отправляюсь съ товарищами къ Скобелеву. Тотъ говоритъ намъ, чтобы мы всѣ дожидались, что онъ самъ не знаетъ, когда будетъ рекогносцировка: можетъ, сегодня вечеромъ, можетъ, завтра.

Отъ нечего-дѣлать отправляюсь осматривать городъ. Домá по большей части съ садиками и обнесены то глиняными, то каменными стѣнками. Снаружи они не такъ красивы и не такъ чисты, какъ ежели на нихъ смотрѣть со двора. Улицы всѣ очень узенькія, кривыя, грязныя и прескверно вымощенныя. Сверху, отъ города, внизъ къ Дунаю, ведетъ извилистый спускъ. Вдоль набережной видѣнъ цѣлый рядъ товарныхъ складовъ, магазиновъ и лавокъ; въ особенности же много духановъ или, по нашему, кабаковъ.

Прогуливаясь по набережной, я совершенно случайно познакомился здѣсь съ однимъ полковымъ священникомъ. Смотрю, около одного изъ духановъ сидитъ на скамеечкѣ здоровый попъ, борода съ просѣдью, лицо заспанное, одутловатое; выговоръ имѣлъ похожій на малороссійскій. Попъ показываетъ одному моему знакомому офицеру только-что купленнаго имъ хорошенькаго сѣренькаго болгарскаго коня (въ походѣ и священники ѣздили верхомъ). Офицеръ знакомитъ меня съ попомъ, затѣмъ садится на лошадь

и проѣзжаетъ мимо священника, шагомъ, рысью, скачетъ въ карьеръ: лошадь оказывается прекрасною, попъ въ восторгѣ и ведетъ насъ въ духанъ запивать литки.

Недолго онъ владѣлъ своимъ конемъ. Вскорѣ я узналъ отъ самого попа, что ему зачѣмъ-то опять пришлось ѣхать въ Систово на новомъ конѣ, и на обратномъ пути, не доѣзжая Дуная, кто-то изъ русскихъ же стащилъ его съ коня, сѣлъ и уѣхалъ, крикнувъ ему на прощанье: „тебѣ ли, батька, на такомъ конѣ ѣздить!“ Какъ ни грустенъ былъ этотъ фактъ самъ по себѣ, но невозможно было потомъ безъ смѣху смотрѣть на эту огромную, грустную, всегда нѣсколько подъ хмѣлькомъ, фигуру священника, когда онъ самымъ смиреннымъ голосомъ повторялъ мнѣ при каждой встрѣчѣ про этотъ случай.

— Пущай, пущай владѣетъ, Богъ съ нимъ! Богъ далъ, Богъ и взялъ! Я вѣдь никуда ни писау и прошеній не подавау,— говорилъ онъ осипшимъ голосомъ, сокрушенно покачивая своей косматой головой; а самъ между тѣмъ, какъ мнѣ разсказывали, уже повсюду изъѣздилъ, подавалъ рапорты, прошенія, дѣлалъ заявленія; ничто не помогло, конь, какъ въ воду канулъ—пропали батькины 25 полуимперіаловъ.

Впослѣдствіи, присмотрѣвшись поближе къ этому священнику, я нашелъ, что это преоригинальная личность. Во всю кампанію я ниразу не видалъ его ни въ дѣлѣ, ни на перевязочномъ пунктѣ. Его можно было найти только въ обозѣ, лежащимъ на фургонѣ, и непремѣнно подъ хмѣлькомъ. Какъ-то разъ, во время плевненскихъ сраженій, мой братъ Василій спросилъ его: „что же вы, батюшка, на позицію не съѣздите?“ Такъ онъ самымъ спокойнымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Нэ стоитъ,—нэ награждаютъ.

Жилъ и столовался онъ во время похода вмѣстѣ съ завѣдывающимъ обозомъ, который никогда иначе не звалъ его обѣдать, какъ: „Эй, попъ, тащи свою водку, ступай жрать“.

Но возвращаюсь къ рекогносцировкѣ. Первый день прошелъ безъ дѣла, и второй проходитъ, на третій узнаемъ, что рекогносцировка не состоится. Офицеры разъѣзжаются. Скобелевъ тоже ѣдетъ обратно въ Зимницу. Я ѣду съ нимъ; дорогой онъ опять мнѣ подтверждаетъ, что какъ только получитъ назначеніе, такъ немедленно возьметъ меня къ себѣ въ ординарцы. Я очень довольный разстаюсь съ нимъ.

IV.

Мостъ готовъ. Въ тотъ же день много разныхъ родовъ войскъ переправилось черезъ Дунай, между прочимъ, и ** пѣхотная дивизія генерала, которому мы временно подчинялись. Соединиться съ нимъ мы были должны въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Дуная, около мѣстечка Дели-Сулы.

На другой день рано утромъ трогается наша бригада. Впереди тянется 30-й донской полкъ Орлова. Не доходя берега, насъ обгоняетъ на парѣ вороныхъ лошадей Государь Императоръ въ коляскѣ вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, и поздравляетъ съ переходомъ черезъ Дунай. Ему раздается въ отвѣтъ самое искреннее восторженное „ура".

Казалось, долго ли бы перейти по мосту, а между тѣмъ мы только къ вечеру перебрались на тотъ берегъ—столько времени заняли обозы, сотенные, полковые, казначейскіе и лазаретные фургоны и т. п. Мостъ дѣлился почти по серединѣ небольшимъ островкомъ на двѣ половины. Онъ былъ построенъ частью на желѣзныхъ, частью на деревянныхъ лодкахъ или понтонахъ. Понтоны держались на якоряхъ; черезъ нихъ перекинуты были переводы, сверху же положена тесовая стлань. По сторонамъ моста стояли солдаты, слѣдившіе за тѣмъ, чтобы войска и обозы проходили какъ можно спокойнѣе, лошади же никакъ не рысью.

Уже совершенно стемнѣло, когда бригада, отойдя верстъ десять, остановилась въ ущельѣ около указаннаго мѣстечка Дели-Сулы. Я былъ въ тотъ день дежурнымъ по полку и разставлялъ ночные посты, какъ меня потребовали къ бригадному командиру. Иду. Полковникъ Тутолминъ въ это время сидѣлъ рядомъ съ Левисомъ на буркѣ около горящаго костра и пилъ чай. Увидавъ меня, онъ приказываетъ мнѣ:—Верещагинъ, возьмите трехъ осетинъ и отправляйтесь по дорогѣ въ Царевичъ; розыщите командира ** дивизіи, генерала * спросите его отъ моего имени, куда бригаду направить, такъ какъ мы находимся въ его распоряженіи? Поняли? Такъ и скажите, что командиръ кавказской казачьей бригады, полковникъ Тутолминъ, приказалъ спросить ваше превосходительство, куда ему направиться съ бригадой?

Сажусь на лошадь и, въ сопровожденіи трехъ осетинъ, ѣду.

Было около полуночи. Мнѣ приходится обгонять различныя колонны войскъ, орудія, обозы, транспорты, фургоны. Не отдыхая ѣдемъ почти всю ночь и, съ восходомъ солнышка, видимъ большой пѣхотный лагерь. Это и была ** дивизія. Тутъ видны и кавалерія,

и артиллерія; впереди же, на правомъ флангѣ, замѣтны точно кавказскія казачьи фигуры. Это оказывается пластунскій баталіонъ есаула Баштанника.

Слѣзаю съ лошади и пѣшкомъ отправляюсь розыскивать палатку начальника дивизіи.

— Во-о-онъ, ваше благородіе, гдѣ генеральская стоитъ,—говоритъ одинъ солдатикъ и указываетъ рукой направленіе. Подхожу, спрашиваю деньщика, чистившаго въ это время генеральскую одежду:

— Можно видѣть генерала?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, генералъ еще спятъ, — отвѣчаетъ тотъ, пріостанавливая на время свою работу.

— Надо разбудить, дѣло спѣшное,—объясняю я: — доложи, что казачій офицеръ отъ полковника Тутолмина пріѣхалъ.

Деньщикъ на цыпочкахъ, осторожно подходитъ къ палаткѣ и, приподнявъ полу дверки, скрывается. Сквозь полотно мнѣ слышенъ разговоръ генерала съ деньщикомъ; затѣмъ раздается генеральскій кашель и, наконецъ, появляется и самъ генералъ *, высокій, худощавый, съ бакенбардами, въ пальто въ рукава. Лицо заспанное.

— Что скажете-съ? — обращается онъ ко мнѣ. Я передаю слово въ слово, приказъ Тутолмина. На это генералъ отвѣчаетъ:

— Ну, ужъ батюшка мой, передайте полковнику Тутолмину, пусть онъ куда знаетъ, туда и идетъ; я никакого распоряженія о вашей бригадѣ не имѣю. Я самъ какъ въ лѣсу.—И начальникъ дивизіи въ недоумѣніи разводитъ руками, кланяется и уходитъ въ свою палатку.

Проходя мимо пластуновъ, я захотѣлъ зайти познакомиться съ ихъ начальникомъ, такъ какъ уже давно слышалъ о немъ какъ о молодцѣ. Есаулъ Баштанникъ уже проснулся. Сидя на кровати, свѣся ноги, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, онъ пилъ чай. Знакомство наше завязалось немедленно и самое дружеское. Но такъ какъ оно продолжалось всего нѣсколько минутъ, то фигура Баштанника изгладилась изъ моей памяти. Насколько припоминаю, это былъ небольшого роста широкоплечій человѣкъ, съ широкой грудью, съ большой круглой головой на короткой шеѣ. Бороду, какъ мнѣ помнится, имѣлъ русую, подстриженную въ кружокъ. Лицо доброе, открытое, вселяющее довѣріе...

— Вы вотъ какъ ступайте назадъ: видите вонъ тотъ лѣсокъ? Такъ верстъ шесть выгадаете, на перерѣзъ бригадѣ, — говорилъ Баштанникъ, прощаясь со мной. Больше я не видалъ его; онъ вскорѣ гдѣ - то около Балканъ былъ окруженъ, со своими

людьми изрубленъ турками и изъ головъ ихъ была сложена пирамида, причемъ голова Баштанника найдена лежащей сверху.

Мои спутники, осетины, были очень довольны новой дорогой, такъ какъ намъ приходилось ѣхать мимо брошенной деревни Сары-Яръ, гдѣ они надѣялись достать барана и изжарить шашлыкъ. Какъ разсчитывали, такъ и случилось. Барана осетины поймали очень хорошаго, и я не успѣлъ еще хорошенько растянуться на буркѣ, какъ баранъ уже былъ заколотъ, шкура снята и жирная лопатка вертѣлась надъ огонькомъ.

Осетины оказались очень услужливымъ народомъ. Услужливость эта доходила до того, что когда я попросилъ ихъ сварить нѣсколько яицъ, которыя они тоже гдѣ-то достали, то одинъ изъ нихъ, сваривъ яицо, очистилъ скорлупу, разрѣзалъ его кинжаломъ на своей широкой ладони пополамъ, посыпалъ солью, и поднесъ, такъ что мнѣ оставалось только жевать.

Слѣдуя далѣе, натыкаемся на болгарина и просимъ его указать кратчайшую дорогу къ Дели-Сулы. Помахивая палкой, идетъ болгаринъ передъ нами такъ скоро, что лошади едва не рысятъ.

— Что, баши-бузукъ има? — смѣясь кричатъ ему осетины. Болгарину не до смѣха; онъ снимаетъ съ головы свою черную истасканную чалму, обтираетъ вспотѣлый бритый лобъ, накрывается и тѣмъ же скорымъ шагомъ продолжаетъ путь.

— Тё,—чекаетъ онъ по-турецки, — баши-бузукъ няма, черкесъ има, — внушительно говоритъ и показываетъ рукой по направленію, куда мы ѣдемъ. Вскорѣ замѣчаемъ впереди конныя фигуры, очень похожія на нашихъ казаковъ. Проводникъ рѣшаетъ, что это черкесы; мы останавливаемся и смотримъ. Фигуры тоже останавливаются и начинаютъ маячить [1]). Одинъ изъ осетинъ скачетъ впередъ, чтобы убѣдиться, что̀ тамъ за люди; оказывается, это наши казаки.

Поѣздка наша могла считаться счастливою, такъ какъ мы едва не наткнулись на многочисленную шайку черкесовъ, которая только-что передъ нами имѣла дѣло съ нашей бригадой. У насъ было нѣсколько человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Шайку отбросили съ большимъ урономъ. Не отдыхай я въ Сары - Ярахъ, то какъ разъ наткнулся бы на нее.

Я передалъ Тутолмину отвѣтъ генерала. Кавказская казачья бригада продолжала свой путь къ деревнѣ Булгарени, куда мы прибыли 23 іюня вечеромъ и остановились лагеремъ вблизи моста

---

[1]) Маячить, по казацкому выраженію, значитъ кружиться и тѣмъ подавать условный знакъ.

черезъ рѣчку Осьму. Мѣстность представляетъ здѣсь обширную равнину, окруженную возвышенностями. Сторона, обращенная къ непріятелю, граничится продолговатымъ холмомъ, по которому выставлялись наши сторожевые посты. Вправо извивается узенькая Осьма, съ крутыми иловатыми берегами. Хотя эта рѣчка и не особенно глубокая, но, въ случаѣ нападенія непріятеля, она могла представить серьезныя препятствія.

Дня черезъ два или три пріѣзжаетъ къ намъ цѣлая партія конныхъ болгаръ изъ г. Плевны, находившагося отъ Булгарени верстахъ въ 30. Они просятъ насъ немедленно же занять ихъ городъ, говоря, что турецкихъ войскъ тамъ нѣтъ. Болгаре эти казались очень зажиточными: въ хорошихъ одеждахъ и на хорошихъ лошадяхъ. Депутація переночевала у насъ и на другой день отправилась во-свояси. Командиръ бригады, полковникъ Тутолминъ, сообщилъ объ этомъ командиру 9-го корпуса, генералу Криднеру, а 27 іюня, пока мы дожидались отвѣта, турки уже заняли Плевну; это мы узнали отъ прибѣжавшихъ оттуда жителей.

Мы выслали къ Плевнѣ, двѣ сотни, подъ начальствомъ подполковника Бибикова, съ двумя орудіями. Но что же онъ могъ сдѣлать? Пострѣлялъ понапрасну и черезъ день вернулся обратно въ Булгарени. Въ этой рекогносцировкѣ я не участвовалъ, такъ какъ ходили первыя двѣ сотни.

На другой день, т.-е. 28 іюня, подъ вечеръ, меня зовутъ къ Левису. Надѣваю шашку и отправляюсь. Командиръ полка прогуливался около своей палатки, по обыкновенію безъ папахи, заложивъ руки за спину. Черезъ его разстегнутый бѣленькій ситцевый бешметъ виднѣлись красныя кисти шелковаго очкура, на которомъ держались широкія, пепельнаго цвѣта, ластиковыя шаровары.

— Хотите въ разъѣздъ ѣхать?—спрашиваетъ онъ меня.—Мы отправляемъ полусотню при офицерѣ, отыскать бригаду герцога Лейхтенбергскаго. Такъ вотъ я предложилъ Тутолмину васъ послать. Хотите ѣхать? — и Левисъ смотритъ на меня ласковымъ предупредительнымъ взглядомъ.

— Очень радъ, полковникъ, если только позволите.

— Ну, такъ ступайте къ бригадному командиру, скажите, что я прислалъ васъ, — и Левисъ наклоняется и исчезаетъ въ своей палаткѣ.

Бригадный командиръ сидѣлъ около своей палатки на буркѣ, съ нѣсколькими кубанскими офицерами, и они всѣ вмѣстѣ разсматривали разложенную передъ ними карту.

— Тырново уже Гурко занялъ,—слышу я издали голосъ Тутолмина,—вотъ онъ, видите, господа? — Офицера наклоняются и пристально смотрять на карту.

— А, Верещагинъ, здравствуйте. Пожалуйте, васъ прислалъ полковникъ Левисъ?—говоритъ онъ, обращаясь ко мнѣ, и здоровается за руку.

— Прежде всего садитесь, вотъ сюда, поближе, не хотите ли чаю?—Я благодарю и отказываюсь.

— Ну, такъ вотъ въ чемъ дѣло,—начинаетъ Тутолминъ, стараясь выражаться какъ можно лаконичнѣе.—Прежде всего скажите мнѣ откровенно, желаете-ли вы ѣхать, чувствуете-ли вы себя въ силахъ, чтобы исполнить это порученіе? Оно довольно серьезное.

Я, конечно, объясняю ему, что желаю и употреблю всѣ силы, чтобы какъ можно лучше исполнить порученіе.

— Ну-съ, хорошо-съ, дѣло вотъ въ чемъ; мы должны взойти въ связь съ герцогомъ Николаемъ Максимиліановичемъ Лейхтенбергскимъ, который съ своей бригадой долженъ находиться вотъ около этихъ мѣстъ,—и Тутолминъ показываетъ на картѣ пространство между Булгарени и Тырновымъ, около ста верстъ.

— Вы должны отыскать его, во что бы то ни стало; ищите три дня, четыре, даже недѣлю, но привезите отвѣтъ, гдѣ онъ находится и куда намѣренъ идти. Насъ же вы найдете здѣсь, или вообще въ пространствѣ между Булгарени и Никополемъ. Итакъ, отправляйтесь и завтра пораньше съ полусотней выступайте.

По моемъ возвращеніи въ сотню, товарищи осыпали меня вопросами, — куда я ѣду, на долго-ли, почему назначили меня, а не кого другого; нѣкоторые изъ нихъ радовались моей командировкѣ, другіе какъ бы завидовали. Мой сотенный командиръ былъ недоволенъ; какъ мнѣ казалось, онъ самъ былъ бы не прочь поѣхать.

Проснулся я рано, и живо приготовился. Полусотня уже стояла выровнявшись, тыломъ къ только-что показавшемуся солнцу. Отъ всадниковъ падали еще по сырой землѣ рѣзкія длинныя тѣни. Погода прекрасная. Командиръ сотни выходитъ вмѣстѣ со мной изъ палатки въ одномъ бешметѣ, здоровается съ казаками и сухо объявляетъ имъ, что они ѣдутъ въ дальній разъѣздъ, предупреждаетъ быть осторожными, не разбродиться въ селеніяхъ, беречь лошадей, и назначаетъ за вахмистра урядника Ларина, пожилого казака, широкоплечаго, съ большой рыжей бородой.

— Ну, съ Богомъ ѣзжайте! — говоритъ Павелъ Иванычъ. Я сажусь на лошадь, и мы трогаемся.

Чѣмъ дальше отъѣзжаемъ, тѣмъ легче становится на моей

душѣ. Вотъ и послѣдній постъ миновали, вотъ уже и лагеря не видно. Никогда еще я такъ хорошо себя не чувствовалъ: я сознаю себя теперь начальникомъ; никто мною не командуетъ; хочу—ѣду, хочу—останавливаюсь, посылаю разъѣзды по сторонамъ. Все это мнѣ чрезвычайно нравится.

Вотъ небольшой ручеекъ. Останавливаюсь на четверть часа, только напоить лошадей, затѣмъ ѣдемъ дальше. Солнце начинаетъ сильно грѣть. Вдали, на возвышенномъ берегу Осьмы, виднѣется красивое село Лѣтница. Передъ нимъ, на рѣчкѣ, нѣсколько водяныхъ мельницъ. Въ срединѣ селенія замѣтно большое зданіе,—какъ-бы помѣщичій домъ: въ немъ вѣроятно жилъ кто-либо изъ турецкаго начальства. Мѣстоположеніе Лѣтницы очень красивое: кругомъ большія лѣсныя рощи, прекрасныя открытыя пастбища, сады, поля. Но селеніе это только снаружи весело, внутри же его жителей не видно, одни собаки тоскливо бѣгаютъ и даже не лаютъ на насъ. Мы останавливаемся у того самаго дома, который виднѣлся издалека, и слѣзаемъ съ лошадей. Ларину немедленно приказываю послать поискать корму для лошадей, а такъ же не найдется-ли и для людей какой заблудшей овечки? Селеніе оказывается не совсѣмъ пустое: вскорѣ является чорбаджи, или по нашему староста, въ сопровожденіи нѣсколькихъ болгаръ. За ними слѣдуютъ казаки.

— Вотъ еще братушекъ нашли, ваше благородіе,—кричитъ издали приказный [1]) Панчохъ, высокій, стройный, проворный казакъ; по его глазамъ видно было, что онъ хоть со дна моря достанетъ все, что̀ ему ни прикажешь.

— Добре дошли, добре дошли,—кричатъ болгаре и униженно кланяются намъ, снявъ черныя чалмы и прижимая ихъ къ груди. Головы ихъ гладко выбриты, за исключеніемъ самыхъ маковокъ, на которыхъ оставлены длинные чубы. Одѣты они въ коротенькія сѣрыя куртки, обшитыя черной тесьмой; шаровары тоже сѣрыя, очень широкія, какъ у турокъ; обувь похожа на наши лапти, только кожаная.

— Ну что?—обращаюсь я съ вопросомъ къ чорбаджи,—хлѣбъ има, сѣно, ячмень има?

— Има, има, сичко има, чекай малко да донесемъ (погоди немного, принесемъ),—отвѣчаютъ тѣ, и чорбаджи съ болгарами бѣгомъ направляются къ своимъ хатамъ. Минутъ черезъ десять у насъ появляется изобиліе плодовъ земныхъ: сѣно, ячмень, нѣсколько барановъ, куры, гуси, молоко, вино, хлѣбъ. Вдобавокъ

---

[1]) Въ пѣхотѣ—ефрейторъ.

самъ чорбаджи приноситъ мнѣ, въ видѣ десерта, лукошко совершенно недозрѣлыхъ сливъ.

Казаки живо распорядились со всѣмъ этимъ добромъ. Скоро закипѣли котелки съ бараниной, курами, гусями; на палочкахъ завертѣлись, надъ раскаленными угольями, шашлыки. Казаки наслаждаются; въ лагерѣ они этого, конечно, не имѣли бы.

Болгаре сидятъ тутъ же по близости, поджавъ ноги, и съ любопытствомъ смотрятъ на нашу стряпню. Лица ихъ мнѣ показались не столько грустными, какъ апатичными; видно, что они уже свыклись съ тою мыслью, что не сегодня такъ завтра турки нагрянутъ и поотымутъ у нихъ все, что̀ есть добраго.

— Эй, чорбаджи, не слыхали-ли вы, не проходила ли тутъ гдѣ по близости наша конница, много, много?—объясняю я.

— Гетти, гетти, Тырноу гетти, э-э (прошли — прошли въ Тырново),—и болгаре чуть не всѣ разомъ кричатъ и машутъ руками по направленію къ Тырнову.

„Ну вотъ и отлично,—думаю я,—значитъ мы ладно ѣдемъ“.

Часа черезъ два направляемся по пути, указанному болгарами. Время уже за полдень. Отъ полусотни высланы разъѣзды по два человѣка впередъ и въ стороны. Дорога идетъ ровная. Мѣстность кругомъ покрыта кустарникомъ, преимущественно дубовымъ. Вонъ черезъ дорогу, едва замѣтно, ползетъ черепаха, величиной съ блюдечко. Черепахъ я никогда близко не видалъ, а потому приказываю одному изъ казаковъ подать мнѣ ее. Казакъ подаетъ. Ш-ш ш—шипитъ та, и втягиваетъ подъ крышу свою маленькую чешуйчатую головку и такія же лапки. Я отдаю черепаху казаку спрятать, для за̀бавы. Кустарники кончаются, идетъ обширное кукурузное поле. На немъ, хотя изрѣдка, но повсюду видны одинокія вѣтвистыя деревья—особенность, которой у насъ въ Россіи я не встрѣчалъ.

— А ну-ка, братцы, спойте-ка пѣсенку,—обращаюсь къ казакамъ, замѣтивъ, что тѣ начинаютъ что-то дремать; самъ же достаю трубочку, набиваю ее, закуриваю и раздумываю: „Ну, чѣмъ же я теперь не казакъ? Въ непріятельской сторонѣ, — командую полусотней,—того и смотри на непріятеля наткнешься; дѣло будетъ, казакамъ кресты дадутъ и мнѣ, пожалуй, что-нибудь навѣсятъ“... Въ это время слышу, который-то изъ пѣсенниковъ затягиваетъ совсѣмъ бабьимъ голоскомъ:

„И грушица, грушица моя-а-а,
Грушица зелена садова-а-а.

Оглядываюсь, смотрю: поетъ, зажмуривъ глаза, маленькій рыжій

казаченко, болѣе похожій на мальчишку, чѣмъ на боевого казака. Ему вторитъ другой на зурнѣ [1]).

Подъ звуки этой пѣсни я прихожу въ самое пріятное настроеніе: каждая жилка, каждая косточка точно млѣютъ отъ удовольствія.

„Некому грушицу садн-и-и-ть,
Некому зелену залома-а-а-ть",—

подтягиваю я легонько и помахиваю въ тактъ плетью. „А хорошо все-таки,—разсуждаю самъ съ собой,—что поѣхалъ въ походъ! то ли дѣло здѣсь? Что бы я теперь сидѣлъ въ Питерѣ, да читалъ газеты!!".

Хотя и съ пѣснями, но мы подвигаемся очень быстро. Не помню, отъ какой именно деревни начали намъ попадаться, по сторонамъ дороги, палыя лошади, очевидно брошенныя бригадой Лейхтенбергскаго. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такихъ труповъ лежало по нѣскольку штукъ вмѣстѣ.

Часовъ около пяти по полудни опять дѣлаемъ привалъ и черезъ часокъ трогаемся дальше. Ѣдемъ до глубокой ночи. Я все надѣялся догнать герцога. Ночевать мы пріѣхали въ большое селеніе, въ которомъ были лавки и церковь, то и другое, конечно, заколоченное. Поужинавъ, выставили посты и легли спать. Помню, я не сразу уснулъ, а долго соображалъ, сколько верстъ сдѣлали мы въ этотъ день? Въ пути пробыли, за вычетомъ остановокъ, 15 часовъ, ѣхали по меньшей мѣрѣ 7 верстъ въ часъ, такъ какъ наши лошади шли не шагомъ, а проѣздомъ. Итого, выходитъ сдѣлали 105 верстъ. А между тѣмъ, что меня удивляло, такъ это то, что я не чувствовалъ особенной усталости. Я приписывалъ это спокойному ходу лошади и кавказскому сѣдлу съ мягкой подушкой. Припомнилось мнѣ въ это время, какъ въ бытность мою въ бугскомъ уланскомъ полку пришлось мнѣ проѣхать, не слѣзая, 40 верстъ, то я такъ усталъ, что на другой день едва могъ ходить. Казаки тоже не жаловались на усталость, отсталыхъ не было, ни одна лошадь не хромала; значитъ, пока все обстоитъ благополучно!

Утромъ встали мы съ восходомъ солнца, напились чаю и опять дальше въ путь-дорогу. Такъ, часа черезъ два, не доѣзжая деревни Самоводы, видимъ далеко влѣво столбы пыли. Что такое, разобрать не можемъ. Подъѣзжаемъ ближе, оказывается, идутъ по шоссе наши войска, колонна за колонной, батарея за батареей. Это двигались наши главныя силы, вмѣстѣ съ главнокомандую-

---

[1]) Зурна—маленькая дудочка, въ родѣ свирѣли.

щимъ. Дорога, по которой мы ѣхали, выходила на шоссе въ селеніи Самоводы. Мы останавливаемся въ селеніи на перекресткѣ и какъ разъ натыкаемся на старика Скобелева, который тихонько ѣхалъ на буланой лошадкѣ.

— Здорово, казаки!—гнусить онъ къ полусотнѣ, и затѣмъ такъ же гнусливо спрашиваетъ меня:—куда вы ѣдете?—Я объясняю.

— Ну хорошо, стойте здѣсь, сейчасъ поѣдетъ его высочество. Онъ, вѣроятно, пожелаетъ васъ видѣть.—И Дмитрій Ивановичъ, по обыкновенію, протягиваетъ мнѣ на прощанье два пальца.

Вотъ приближается коляска, запряженная парой вороныхъ рысаковъ. Кровныя лошади видимо устали отъ непривычной жары и жесткой пыльной дороги. Великій князь Николай Николаевичъ сильно измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣлъ три года тому назадъ на маневрахъ въ Красномъ Селѣ. Онъ похудѣлъ, пожелтѣлъ, глаза впали; вѣроятно послѣдняя болѣзнь въ Кишиневѣ такъ измѣнила его. Онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ начальникомъ штаба, генераломъ Непокойчицкимъ. Экипажъ подвигается все ближе, сердце мое бьется все сильнѣе и сильнѣе. Уже я вижу, что Его Высочество насъ замѣтилъ.—Смирно!—командую казакамъ и замираю.

— Здорово, владикавказцы!—весело кричитъ главнокомандующій и въ то же время дѣлаетъ мнѣ знакъ рукой, чтобы я подъѣхалъ. Я подскакиваю и шагомъ слѣдую съ правой стороны за экипажемъ.

Великій князь спрашиваетъ, какъ моя фамилія, куда я ѣду, сколько у меня казаковъ; внимательно выслушиваетъ мой разсказъ о Плевнѣ и узнавъ, что я ѣхалъ искать герцога Лейхтенбергскаго, сказалъ, что герцогъ ушелъ за Балканы вмѣстѣ съ генераломъ Гурко. Главнокомандующій приказалъ мнѣ оставаться пока въ его распоряженіи, прикомандироваться на довольствіе къ лейбъ-казакамъ, которые шли сзади въ конвоѣ, и ждать въ Тырновѣ его дальнѣйшаго распоряженія.

За коляской главнокомандующаго слѣдовала масса генераловъ, офицеровъ, всевозможныхъ чиновъ и родовъ оружія, преимущественно генеральнаго штаба. Не мало тутъ было и чиновниковъ казначейскихъ, интендантскихъ, почтоваго вѣдомства, телеграфнаго, дипломатическаго корпуса. Всѣ они заняли порядочную дистанцію, такъ что я не сразу добрался до лейбъ-казаковъ. Тотчасъ же меня окружили свитскіе офицеры, желавшіе, какъ познакомиться, такъ и узнать, о чемъ его высочество такъ долго со мной разго-

варивалъ. Тутъ я познакомился съ секретаремъ его высочества, полковникомъ Дмитріемъ Антоновичемъ Скалономъ, очень симпатичнымъ человѣкомъ, а также и съ полковникомъ Газенкампфомъ, которому передалъ весь свой разговоръ съ великимъ княземъ.

Тѣмъ временемъ мы уже миновали Самоводы. Жители встрѣчаютъ и провожаютъ насъ съ криками: „да живе царь Александре“! „да живе князь Никола!“ бьютъ въ чугунныя доски, бросаютъ шапки вверхъ, повсюду замѣтна радость непритворная.

Чѣмъ ближе къ Тырнову, тѣмъ мѣстность становится живописнѣе. Вдали виднѣются то горы, покрытыя густой темной зеленью, то обрывистыя голыя скалы. Вонъ влѣво, за низменной долиной рѣки Янтры, прижался къ вершинѣ высокой скалы какой-то домикъ; издали онъ походитъ на продолговатое бѣлое гнѣздо. Это знаменитый монастырь Тырновской Божьей Матери.

Наконецъ, показывается и самый Тырновъ. Что за удивительно-странное мѣстоположеніе этого города! Точно громадный скалистый котелъ, по краямъ котораго прилѣпились разнообразнѣйшей формы бѣлые домики, съ красными черепичными крышами. Внизу, посреди города, гдѣ-то глубоко, блеститъ узенькая быстрая Янтра.

Народъ, повидимому, собрался здѣсь со всей Болгаріи. Куда ни взглянешь, повсюду болгаре, въ самыхъ праздничныхъ нарядахъ, кричатъ, звонятъ во что попало и всѣми способами стараются выказать свою непритворную радость прибытію великаго князя съ войсками. Полуденное жаркое солнце ярко освѣщаетъ всю эту безконечную вереницу нашихъ солдатъ, утомленныхъ, покрытыхъ пылью, и рядомъ веселыя радостныя лица болгаръ, мужчинъ, женщинъ, отъ старыхъ до малыхъ включительно.

V.

Великій князь и главная квартира расположились въ городскомъ саду. Я съ полусотней остановился въ нѣсколькихъ шагахъ на площади, рядомъ съ лейбъ-казаками. Распорядившись, чтобы люди мои и лошади были сыты, самъ бѣгу взглянуть на городъ. Повсюду идетъ такая суматоха, какой до того врядъ ли когда я и видѣлъ. По сторонамъ главной улицы жители стоятъ густой стѣной и глазѣютъ на проходящія войска, обозы, фуражныя повозки, при чемъ дѣлаютъ свои замѣчанія. Останавливаюсь около одной кучки и стараюсь прислушаться къ сужденіямъ. Чья-то лихая офицерская тройка гнѣдой масти, съ бубенчиками, запряженная въ легонькій тарантасикъ, въ особенности поражаетъ

ихъ вниманіе. Болгаре одобрительно покачиваютъ головами, удивленно восклицаютъ и улыбаются отъ удовольствія. Скрипъ колесъ, топотъ лошадей, крики погонщиковъ, щелканье бичей, все это сливается въ одинъ неясный гулъ.

Прохожу дальше — лавки, рестораны полны гостями. Вонъ напротивъ, черезъ дорогу, въ духанѣ какая идетъ бойкая торговля! Болгаринъ-хозяинъ, въ черной курточкѣ и въ фескѣ, едва успѣваетъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ. Къ прилавку и не протискаешься, а между тѣмъ подходитъ новая кучка солдатъ.

— Эй, братушка, давай винко!—кричитъ одинъ изъ нихъ, и, проталкиваясь черезъ толпу, помахиваетъ надъ головой двугривеннымъ. За ними входитъ нѣсколько человѣкъ, должно быть, агентовъ по продовольствію арміи, въ фуражкахъ съ краснымъ околышемъ. Привѣшенные къ ихъ поясамъ револьверы и черезъ плечо шашки придаютъ имъ нѣкоторый воинственный видъ. Они съ увѣренностью проходятъ въ дальній уголокъ и садятся за отдѣльный столъ. Хозяинъ, не смотря на крикъ солдата съ двугривеннымъ, бросается за агентами.

При самомъ входѣ въ духанъ, въ сторонѣ у забора, пріютился еще одинъ братушка, въ барашковой шапкѣ на затылкѣ. Поджавъ ноги калачемъ, онъ флегматично жаритъ, на маленькой жаровнѣ, что-то въ родѣ сосисекъ. Масло на сковородѣ заманчиво трещитъ и раздражаетъ обоняніе проходящихъ голодныхъ солдатъ. Одинъ изъ нихъ, усталый, загорѣлый, съ ранцемъ за плечами, останавливается около этой приманки, сначала нерѣшительно смотритъ, затѣмъ беретъ одну штуку.

— Килько паричка (денегъ)? — спрашиваетъ онъ хозяина. Солдатъ уже успѣлъ научиться немного по-болгарски.

— Два галаганъ,—отвѣчаетъ болгаринъ тономъ, въ которомъ слышится полное равнодушіе, будь передъ нимъ жидъ ли, нѣмецъ, татаринъ, русскій, все равно „два галаганъ“, и только.

— Единъ будетъ,—убѣдительно возражаетъ солдатъ и въ то же время намѣревается ѣсть. Братушка хватаетъ его за руку, но уже поздно: солдатикъ разомъ запихалъ всю сосиску въ ротъ, послѣ чего лѣзетъ въ карманъ за галаганомъ.

Въ это время меня обгоняетъ веселая компанія конюховъ и служителей главной квартиры.

— Да ты не брешешь ли? — кричитъ съ виду очень солидный, тучный конюхъ съ николаевскими бакенбардами и въ кавалергардской фуражкѣ (ему, казалось бы, и не слѣдъ водить компанію съ такой молодежью).

— Чего тамъ брешешь, если же самъ видѣлъ, какъ изъ

окошка махала,—возражаетъ молоденькій лакеишка, въ фуражкѣ съ бархатнымъ околышемъ, лицо бритое. Онъ юрко шагаетъ впереди, суетится и размахиваетъ руками.

— Вали, вали живѣй! Ей Богу, молодчина Серега!.. И здѣсь ужъ успѣлъ пронюхать,—одобрительно восклицаетъ товарищъ его, такой же молоденькій лакеишка, съ такимъ же бритымъ лицомъ. Подпрыгивая на ходу съ ноги на ногу отъ предстоящаго удовольствія, онъ похлопывалъ Серегу по спинѣ. Всѣ они круто сворачиваютъ въ узенькій грязный переулокъ.

Du-u bist der kle-e-ine Postillon,
Die ganze Welt bereist ich schon...

доносится откуда-то знакомый избитый мотивъ, преслѣдовавшій войска отъ самаго Кишинева до Зимницы. И здѣсь онъ, наконецъ, слышится!

— Тари-тари!—пищитъ скрипка, а за ней опять доносятся тоненькіе голоски прелестныхъ нѣмокъ. Имъ осипшимъ басомъ подпѣваютъ подвыпившіе мужскіе голоса.

— Когда это онѣ успѣли попасть сюда?—разсуждаю я, проходя мимо переулка.

Сдѣлавъ порядочный кругъ, часовъ около пяти пополудни выхожу обратно въ полусотнѣ. Урядникъ Ларинъ докладываетъ, что за мной приходили изъ главной квартиры отъ его высочества.

Спѣшу туда. Получивъ приказаніе отъ главнокомандующаго, отправиться на утро съ полусотней, для защиты города Сельви отъ баши-бузуковъ и черкесовъ, которые въ большихъ массахъ нападали на городъ, я возвращаюсь къ себѣ, отдаю поскорѣй необходимыя приказанія, велю разбудить себя до солнышка и ложусь спать. Мой казакъ Ламакинъ прикрываетъ меня буркой. Но мысль, что черезъ нѣсколько часовъ придется столкнуться съ непріятелемъ, не даетъ мнѣ крѣпко заснуть.

„И, кто знаетъ, — мелькаетъ у меня въ головѣ, — можетъ быть, первая же пуля и — успокоюсь навсегда!.. А можетъ случиться, спасу городъ, получу Георгія“... И пока такъ дремлю, утро незамѣтно приближается. Сквозь сонъ слышу, Ларинъ говоритъ Ламакину:—Буди сотника, сейчасъ свѣтать станетъ.

— Ваше благородіе, вставайте, — осторожно будитъ тотъ, и приподнимаетъ бурку.—Вже сѣдлаютъ.

Луна свѣтила полнымъ блескомъ, когда мы тронулись въ путь. Набожно крестятся казаки, приподнявъ папахи; крѣпче подтяги-

ваютъ ремни на кинжалахъ, поправляютъ ружья въ чахлахъ. Разговоровъ почти не слышно, мы ѣдемъ серьезные, даже, можно сказать, сумрачные. При нашемъ выѣздѣ изъ Тырнова, къ намъ присоединилось человѣкъ 20 болгаръ, вчерашняя сельвинская депутація. Одинъ смуглый, красивый молодой болгаринъ, Дмитрій Кара Ивановъ, очень мнѣ понравился.

На ломаномъ французскомъ языкѣ тотчасъ же подробно сообщаетъ онъ, какъ великъ ихъ городъ, кто на нихъ нападаетъ, въ какомъ количествѣ, съ какой стороны и т. п.

Пока разговариваемъ, луна незамѣтно пропадаетъ. Влѣво отъ шоссе становится возможнымъ разсмотрѣть вершины Балканъ. До того времени онѣ казались неясной, темной полосой. Солнца еще не видно, но отблески его уже начинаютъ золотить синеватые гребни горъ. Кой-гдѣ вершинки, отрѣзанныя облаками, кажутся точно повисшими въ небѣ.

Такъ какъ войска наши сюда еще не ходили, поэтому и дорога здѣсь не испорчена, ровная, гладкая, какъ говорится, „хоть на боку катись".

Вотъ мостъ черезъ рѣчку Янтру. Здѣсь перекрестокъ, влѣво идетъ дорога въ Габрово. Здѣсь почти половина нашего пути. Ѣдемъ дальше. Утро прелестное. Прохладно, пыли нѣтъ; кругомъ все будто покрыто тончайшей прозрачной синеватой пеленой. Вотъ, наконецъ, и солнышко показывается изъ-за Балканъ. Хотя вершины теперь и ясно обрисовываются, зато самыя горы и ихъ подножье погружаются въ глубокую тѣнь.

Мы ѣдемъ очень скорымъ шагомъ, мѣстами даже рысью. Часа черезъ три, видимъ, на встрѣчу скачутъ двое болгаръ. Стремена у ихъ сѣделъ подтянуты такъ высоко, что колѣна приходятся около самой шеи лошади. Братушки безостановочно погоняютъ плетками лошадокъ и точно молотятъ пятками ихъ вспотѣлые бока. Головы болгаръ обмотаны чѣмъ-то въ родѣ бѣлаго полотенца, такимъ манеромъ, что верхушка красной фески, вмѣстѣ съ черной кисточкой, рѣзко выдѣляются. Не смотря на взволнованную наружность, братушки кажутся мнѣ очень комичными. Локтями они сильно размахиваютъ, будто хотятъ помочь быстротѣ лошади.

Еще издали слышны ихъ крики.

— Напредъ, напредъ (впередъ, впередъ)! Баши-бузукъ, черкесъ дошелъ! Молямъ-ти (умоляемъ)!—Они подскакиваютъ ко мнѣ, и цѣлуютъ руки.

Лошадь моя идетъ такой сильной рысью, что большая часть казаковъ слѣдуетъ вскачь. Съ одного небольшого холмика Сельви

становится видѣнъ. Онъ расположенъ на открытой равнинѣ; за нимъ, верстахъ въ 6 — 7, идутъ лѣсистыя возвышенности. За городомъ, въ разныхъ направленіяхъ, то тутъ, то тамъ, вспыхиваютъ ружейные дымки.

Передъ самымъ городомъ, черезъ рѣчку Рушицу идетъ мостъ. Мужчины, женщины, дѣти, съ крикомъ и воемъ, встрѣчаютъ насъ, и съ ужасомъ машутъ въ сторону непріятеля.

Въ городѣ къ намъ пристаетъ съ сотню конныхъ болгаръ съ ружьями въ рукахъ, такъ что, выскакавъ на равнину, мы представляли довольно внушительную силу. Глазамъ нашимъ открывается слѣдующее. Съ полсотни донскихъ казаковъ, тѣхъ самыхъ, которыхъ я долженъ былъ взять на пути въ одномъ селеніи, разсыпавшись цѣпью, отстрѣливаются, не слѣзая съ лошадей. Я немедленно же приказываю своимъ тоже разсыпаться цѣпью влѣво и поддержать донцовъ ружейнымъ огнемъ. Сразу я не могъ разобрать, въ кого они стрѣляютъ. Подскакиваю къ ихъ командиру, маленькому черноватому есаулу Антонову, который въ это время горячо распоряжался, кричалъ и суетился.

— Самъ Богъ васъ послалъ къ намъ на помощь!—трагически восклицаетъ онъ, увидавъ меня. Мы тотчасъ-же знакомимся, и сряду-же совѣщаемся, какъ лучше дѣйствовать. Рѣшаемъ на томъ, чтобы одновременно общими силами броситься въ атаку и прогнать непріятеля къ лѣсу, насколько возможно дальше. Тѣмъ временемъ казаки все продолжаютъ стрѣлять. Я пристально смотрю въ бинокль, по комъ они стрѣляютъ?

— Да развѣ же вы не видите? Во-онъ перебѣгаютъ изъ-за груды,—говоритъ мнѣ Антоновъ и указываетъ на снопы, лежащіе съ версту отъ насъ.

Я, дѣйствительно, начинаю разбирать человѣческія фигуры. Они то присѣдаютъ, то быстро перебѣгаютъ отъ одной груды сноповъ къ другой. Это были баши-бузуки. Прячась за копны хлѣба, они стрѣляли въ нашу сторону. Здѣсь я въ первый разъ познакомился со свистомъ пуль. Слышу, надъ головой точно пчела жужжитъ, и еслибы одинъ изъ казаковъ не объяснилъ мнѣ, что это была пуля, я, можетъ быть, еще долго принималъ бы ихъ за пчелъ. „Такъ вотъ какъ пули свистятъ!—думаю я, и чувствую какую-то гордость, какое-то необъяснимое самодовольствіе, что вотъ я подъ пулями, а не трушу:—еще впередъ поѣду и не испугаюсь!“ И я дѣйствительно кричу своимъ казакамъ:—Ну, братцы, впередъ, впередъ подавайтесь! Чего тамъ смотрѣть на эту сволочь! Напирай смѣлѣй, стрѣляй хорошенько, цѣлься вѣрнѣй!

Въ это время подъѣзжаетъ ко мнѣ мой старшій урядникъ Ларинъ и докладываетъ:

— Ваше благородіе, братушекъ надо впередъ гнать, а то что же они такъ безъ пути черезъ наши головы стрѣляютъ! Того и смотри, еще кого-нибудь изъ нашихъ же застрѣлятъ!

Оглядываюсь назадъ и не могу удержаться отъ смѣху.

Толпа конныхъ болгаръ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, собралась и съ воинственнымъ жаромъ о чемъ-то разсуждаетъ, затѣмъ выѣзжаетъ изъ толпы одинъ пожилой болгаринъ въ черной курткѣ и, не слѣзая съ лошади, упираетъ свою тяжелую допотопную пищаль ложею въ животъ, который у него толсто обмотанъ кушакомъ, и сбирается стрѣлять. Анастасъ (такъ звали болгарина) устанавливаетъ стволъ ружья подъ угломъ почти 45%; сотоварищи его всѣ одобрительно смотрятъ на эти приготовленія. Ружье направлено, стрѣлокъ чуть-чуть отварачивается, слегка жмуритъ глаза и спускаетъ кремень. Одновременно съ потокомъ искръ, раздается оглушительный трескъ, и непосредственно за симъ падаетъ съ лошади и самъ Анастасъ. Товарищи бросаются къ нему на помощь и съ почтеніемъ поддерживаютъ. Надо же случиться такому горю, что въ то время, какъ Анастасъ спускалъ кремень, непріятельская пуля ранитъ его въ колѣно. Наши усердные помощники торжественно, съ грустью на лицѣ, несутъ раненаго домой. Мы хотя остаемся и одни, зато уже не боимся получить отъ нихъ пули въ спину.

Неумѣнье болгаръ обращаться съ огнестрѣльнымъ оружіемъ объяснялось тѣмъ, что турки строго воспрещали имъ не только носить, но даже прикасаться къ оружію. Всякій турокъ могъ безнаказанно убить болгарина съ оружіемъ въ рукахъ.

Но вскорѣ дѣйствія болгарской дружины на Шипкѣ доказали, что болгары вовсе не заслуживали тѣхъ насмѣшекъ, какими мы ихъ надѣляли первое время, а напротивъ, убѣдило насъ, что они съумѣютъ постоять за себя, если то понадобится.

Между тѣмъ казаки, тоже не слѣзая съ лошадей, безостановочно стрѣляютъ и, конечно, мимо, такъ какъ непріятель изрѣдка кое-гдѣ показывался на мгновеніе и затѣмъ скрывался. Мы шагъ за шагомъ приближаемся къ возвышенностямъ. Ѣдемъ то сжатымъ хлѣбомъ, то лугами, то кустарниками; спускаемся въ овраги, опять выѣзжаемъ. Непріятель все отступаетъ дальше и дальше къ лѣсу. Наконецъ, несемся въ карьеръ. Донцы и мои владикавказцы, перемѣшавшись, съ гикомъ обгоняютъ меня съ Антоновымъ, несутся въ разсыпную и скрываются въ лѣсу. Долго трубачу приходится трубить, чтобы созвать людей. Одинъ за другимъ, шагомъ возвращаются они, пыльные, потные, на усталыхъ лошадяхъ.

— Ну, что, станичнички, покрошили ли?—гнусливо, и не безъ

хвастовства передъ моими, спрашиваетъ Антоновъ своихъ, хотя видимо самъ заранѣе увѣренъ, что врядъ ли удалось кого покрошить, такъ какъ не станутъ же башибузуки дожидаться, пока казаки подъѣдутъ и заколютъ ихъ пиками.

— Вонъ, ваше скородіе, за балкой, мы штукъ съ двадцать наклали!—тоже гнусливо увѣряетъ высокій здоровый донецъ, усы черные, лицо бритое. Какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ молодецки встряхиваетъ длинными русыми волосами.

— Молодцы, молодцы! Спасибо!—говоритъ Антоновъ.—Мои тоже по-немногу сбираются. Я вынимаю записную книжку, чтобы записать отличившихся, и подзываю Ларина.

— Ваше благородіе, вонъ около того дерева мы съ Гасюкомъ двоихъ зарубили, — вкрадчивымъ голосомъ докладываетъ мнѣ приказный Панчохъ, при чемъ указываетъ рукой на рыжаго, усатаго казака въ синей черкескѣ. Гасюкъ въ ту же минуту дѣлаетъ такое лицо, по которому можно бы было убѣдиться, что онъ дѣйствительно зарубилъ одного.

Я вопросительно смотрю на Ларина, тотъ подтверждаетъ. Записываю ихъ.

— Ну, а еще кто?—спрашиваю.

— Бабенко, ты, кажись, тоже одного?—кричитъ Ларинъ высокому тощему казаку въ сѣрой рваной черкескѣ.

— Я, Иванъ Семенычъ, съ ружья застрѣлилъ,—отвѣчаетъ тотъ, моментально оборачиваясь лицомъ ко мнѣ, и точно застываетъ въ такомъ положеніи.

До этой минуты Бабенко что-то съ жаромъ разсказывалъ своимъ товарищамъ. Онъ, какъ и Панчохъ съ Гасюкомъ, чуялъ, что этой минутой надо дорожить, а потому и лицо его тоже принимаетъ самый открытый, безупречный видъ.

Время было уже далеко за полдень, когда обѣ полусотни, выстроившись въ двѣ колонны, справа по-три, возвращались съ пѣснями обратно къ Сельви. Я и Антоновъ ѣдемъ, конечно, впереди, радостные, самодовольные. Какъ же было и не радоваться?—непріятель отбитъ, поле сраженія за нами, городъ временно спасенъ!

Донцы, закинувъ пики „по плечу“, поютъ пѣсни; ихъ запѣвало азартно машетъ тактъ рукой и, приподнявшись на стременахъ, по временамъ оглядывается на своихъ пѣвцовъ.

Донцы народъ крупнѣе нашихъ кавказцевъ. Пѣсни ихъ мнѣ кажутся гораздо грубѣе, отрывистѣе. Словъ пѣсенъ не слышно, такъ какъ поютъ довольно далеко. Вонъ и мой рыжій Левченко, откашлявшись, сипло запѣваетъ:

„Посидите мои гости,
Я вамъ пѣсенку спою“.

Тутъ подхватываютъ голоса:

„И я вамъ пѣсенку спою,
Про службицу, про свою...

***

„Мы и тамъ, мы и самъ,
Мы таскались по горамъ,
Мы три года прослужили,
Ни о чемъ мы не тужили“.

Я снова начинаю радоваться и благодарить Бога, что онъ мнѣ помогъ попасть на войну. „Хорошо, хорошо! Весело, отлично!“ думаю я, и дружески поглаживаю взмыленную шею лошади.

Изъ города, на встрѣчу намъ, версты за двѣ, высыпали жители отъ мала до велика. Восторгъ ихъ неописанный, съ криками: „да живé царь Александре!“ „да живé князь Никола!“, цѣлуютъ они не только руки Антонова и мои, но даже стремена казаковъ. Мужчины протягиваютъ кувшины съ виномъ; женщины и дѣвушки надѣваютъ на казаковъ и на шеи лошадямъ вѣнки, суютъ цвѣты въ руки. Я, отъ избытка удовольствія, прихожу въ какое-то разслабленіе, даже лошадью не правлю, такъ какъ мои руки схвачены и ихъ осыпаютъ поцѣлуями. Повсюду восторгъ и ликованіе.

Мои казаки между тѣмъ ѣдутъ, не смѣя безъ дозволенія остановиться, чтобы промочить пересохшія горла даровымъ винцомъ. Искоса посматриваютъ они на кувшины и не безъ гордости продолжаютъ пѣть. Они хорошо понимаютъ, что ихъ пѣсня производитъ на жителей восторженное настроеніе.

„Разскажи-ка ты, жена,
Каково жить безъ меня“,

продолжаетъ запѣвать Левченко, и, взмахнувъ надъ головой сложенной плетью, рѣшительно взглядываетъ на товарищей. Тѣ дружно подхватываютъ:

„Разсказала-бъ я подробно,
Ты побьешь меня больно.
Фіу, фіу, фіу!“

Совершенно побагровѣвъ отъ усилія, надсаживается свистунъ потрескавшимися губами. Глаза у него точно хотятъ выскочить, онъ весь въ эту минуту какъ бы ушелъ въ свое свистаніе.

А. Верещагинъ.

БАБЬЕ ЛѢТО

ПОВѢСТЬ.

I.

Полная луна освѣщала живописную мѣстность Овраговъ, чудный видъ на долину съ возвышенности, на которой расположена барская усадьба.

Глубокій оврагъ рѣки Каменки разступается въ этомъ мѣстѣ широкими воротами и открываетъ необозримую даль верстъ на сорокъ, кое-гдѣ оттѣненную рѣдкими деревеньками да церквями, живописно бѣлѣющими въ зелени... Широкая перспектива постепенно сбѣгающей pente douce—какъ говорятъ французы—даетъ цѣлую послѣдовательную гамму тоновъ — до безцвѣтно сѣраго и голубоватаго, напоминающаго туманную синеву далекаго моря... Въ слабомъ освѣщеніи луны пропадали, конечно, детали ландшафта и всѣ эффекты этихъ переходовъ—оставалась только прелесть необъятнаго простора, таинственно подернутаго туманной дымкой... Берега рѣки, густо заросшіе ивнякомъ и вязами, чернѣли на днѣ оврага сплошными массами и изъ нихъ, отчетливо и звонко, несся шумъ быстрой каменистой рѣчки... по крутому берегу сбѣгали террасами аллеи стараго сада, посеребреннаго луной и чуть трепещущаго въ ночной тишинѣ...

Большой барскій домъ стоялъ безмолвный, привѣтливо распахнувъ цѣлый рядъ освѣщенныхъ оконъ, за которыми всегда кажется такъ уютно, такъ привольно, такъ весело!.. Съ песчаной площадки видѣнъ былъ чайный столъ съ давно потухшимъ самоваромъ, раскрытый рояль, на которомъ лежали ноты и горѣли двѣ свѣчи. Никакого движенія, ни звука, кромѣ неумолкаемаго

ропота рѣчки, слышнаго такъ явственно, какъ будто она подкралась къ самому дому. Но вотъ гдѣ-то во дворѣ заржала лошадь; на открытой террасѣ надъ оврагомъ шевельнулась темная фигура, до этой минуты совершенно незамѣтная, и сейчасъ же опять слилась съ густой тѣнью... Стукнула рама окна, которое закрывали на противоположной сторонѣ дома...

...Soupirs et pleurs,
Chagrins, douleurs—
Jetons sur tout des fleurs!.

тихонько напѣвалъ женскій голосъ, приближаясь откуда-то изъ глубины дома.

— Что за ночь дивная!..

На фонѣ освѣщенной комнаты вырисовалась невысокая фигура, закутанная во что-то темное.

— Гдѣ вы пропадали, Марья Матвѣвна? я было уѣзжать собрался,—отозвался съ упрекомъ мужской голосъ на террасѣ.

— Распорядиться надо было—у меня каждый день до тридцати поденщицъ. Безтолочь ужасная! пока Епифанъ не поправится, я какъ безъ рукъ...—Въ тѣни краснымъ огонькомъ вспыхнула папироска.

— Мы собирались верхомъ покататься при лунѣ — лучше этихъ ночей ужъ не будетъ...

— Мало вы катаетесь каждую ночь?

— Не съ вами...

— Что ужъ могъ, Александръ Андреичъ, народъ смѣшить, по ночамъ еще верхомъ разъѣзжать!.. Такъ это я сказала... не подумавши...

— Какъ вы часто съ нѣкоторыхъ поръ берете назадъ свои слова!.. У меня былъ знакомый, который говорилъ, что каждый господинъ своему слову—воленъ дать его, воленъ и назадъ взять... Вы такъ же думаете?

Александръ Андреичъ вышелъ изъ тѣни и облокотился на балюстраду; теперь луна освѣщала всю его фигуру въ свѣтломъ лѣтнемъ платьѣ, кудрявую голову съ небольшой бородкой и молодымъ лицомъ, которое казалось блѣднымъ отъ луннаго освѣщенія.

— Н-нѣтъ,—отвѣтила не спѣша Марья Матвѣвна,—это значитъ только, что я бываю иногда опрометчива и даю слово необдуманно... Я, впрочемъ, не оправдываюсь, понимаю лучше всѣхъ, въ какой мѣрѣ опрометчивость мнѣ не къ лицу!..

Въ ея голосѣ слышалась едва уловимая горечь.

— Какая строгость!.. Это тоже ново—вы были снисходительнѣе прежде...

— Развѣ обязательно оставаться вѣрной себѣ при измѣнившихся обстоятельствахъ?

(Напрасно онъ каждую минуту оборачивался въ сторону двери —видны были только смутныя очертанія ея фигуры).

— Вотъ завтра мнѣ нужно проѣхать верхомъ по полямъ— это такъ дѣло!—перемѣнила она тонъ, будто встрепенувшись:—на Марьиномъ хуторѣ подъ озимое вспахали и отсѣялись, а я и не взглянула ни разу... хоть всходы посмотрѣть... Вы бы лучше пристыдили меня хорошенько, г-нъ образцовый помѣщикъ, чѣмъ на всякій вздоръ подбивать!

— Я, Марья Матвѣвна, и самъ бы радъ былъ подчасъ, чтобы меня кто-нибудь пристыдилъ. Такого безпорядка, какъ въ этомъ году, конечно, никогда еще не бывало въ образцовомъ хозяйствѣ С*** уѣзда... Что прикажете дѣлать!.. не о хлѣбѣ же единомъ живъ человѣкъ?..

— Что въ этомъ новаго?—отозвалась она сухо:—живете все на томъ же хлѣбѣ, что и годъ, два, три тому назадъ...

— Знаю-съ! такъ же и три года назадъ любовался видами Овраговъ... съ Платономъ Егоровичемъ въ пикетъ сражался, пока вы Витю писать учили...

— Вотъ видите! три года назадъ мы съ вами время дѣльнѣе проводили... а вѣдь съ годами полагается только умнѣть!..—проговорила она съ внезапнымъ жаромъ.

— Будто такъ ужъ оно умно всю жизнь проумничать?.. Чѣмъ же мы, Марья Матвѣвна, потомъ вспоминать ее будемъ? Что же я... такъ-таки и уложу ее цѣликомъ въ свое образцовое хозяйство?..

— Я не о васъ говорю. Мнѣ, вы знаете, есть во что уложить ее и цѣликомъ.

— Ну да, конечно... это... сказка про бѣлаго бычка! мы съ вами поэтому никогда и не кончимъ ее...—проговорилъ онъ съ волненіемъ.

Марья Матвѣвна стояла неподвижная, какъ изваяніе, около своего косяка.

— Какъ вамъ кажется, значитъ что-нибудь то, что ее нельзя кончить?

— Значитъ только, что вы постоянно желаете къ ней возвращаться,—пожалъ онъ плечами.—Вѣдь я даже и не оспариваю... Я только иду дальше!—досказалъ онъ тихо, и подошелъ къ ней совсѣмъ близко.

— Дальше?.. дорогъ нѣтъ... голубчикъ!..

— И какая еще широкая да просторная!

Онъ выпрямился во весь свой ростъ — молодой, статный и сильный.

— Пѣшій конному не товарищъ.

— Пѣшій можетъ и на коня сѣсть—была бы охота!

— Охъ, говорить вы мастеръ... Да мнѣ-то думать за двоихъ... будьте же справедливы—легко ли?..

— Я только и дѣлаю, что прошу васъ не думать за меня.

Нѣсколько секундъ они простояли такъ молча, другъ подлѣ друга въ густой тѣни.

— Уѣзжайте, пора... Завтра вставать рано,—проговорила она настойчиво.

Луна разгоралась все ярче; можно было различить каждый лепестокъ, каждую вѣточку на большой круглой куртинѣ передъ террасой. Мелкая листва ближайшихъ березъ блестѣла водянистымъ блескомъ, точно она была вся мокрая... Чудная панорама ландшафта выступала отчетливѣе изъ серебристаго тумана.

— Господи, какъ хорошо! — прошептала Марья Матвѣвна, невольно отдѣляясь отъ двери.—Возьмите вашу шляпу, я провожу васъ до лошади.

Онъ догналъ ее на площадкѣ и съ безпокойствомъ заглянулъ въ глаза. Какое лицо не кажется моложе и красивѣе въ влюбленномъ освѣщеніи мѣсяца?.. Тревожно смотрѣли изъ рамки чернаго кружева задумчивые глаза этой женщины, которую онъ зналъ пять лѣтъ—привыкъ видѣть нѣжной матерью, терпѣливой сидѣлкой больного мужа, дѣятельной хозяйкой большого имѣнья, милой и доброй сосѣдкой, съ которой всегда можно и хозяйственными заботами подѣлиться, и дуэтъ спѣть въ досужую минуту... Сколько разъ онъ заставалъ ее подвязанную платочкомъ, въ короткой старенькой шубкѣ на гумнѣ или въ амбарѣ, съ мучной пылью на темныхъ волосахъ, озабоченную или разсерженную... Ему случалось видѣть ее тоскующую и плачущую въ порывахъ хандры, которой не съ кѣмъ подѣлиться. Какъ онъ жалѣлъ ее въ глубокомъ траурѣ, въ опустѣвшемъ домѣ, изъ котораго только-что унесли какъ будто все прошлое! Какая же особенная сила, чтò въ ней или въ немъ самомъ заставило его взглянуть на нее совсѣмъ иначе это лѣто?.. Откуда взялся тотъ неуловимый, неисчерпаемый интересъ, котораго не существовало прежде и который каждый день неизмѣнно заставлялъ его бросать всѣ дѣла и летѣть въ Овраги?.. Что новаго открылъ онъ въ этой тридцати-восьмилѣтней женщинѣ, которую зналъ уже пять лѣтъ?

Ему казалось невѣроятнымъ, что онъ могъ знать и не любить ее! Онъ жалѣлъ объ этомъ, какъ будто эти пять лѣтъ жизни пропали даромъ. Она казалась—нѣтъ—она стала моложе и красивѣе... Она иначе одѣвалась, иначе двигалась, иначе смотрѣла... Особенныя, трогательныя интонаціи слышались въ ея голосѣ. Она говорила протяжнѣе... пѣла увлекательнѣе... Когда это сдѣлалось? Онъ не помнилъ... Онъ только радовался, радовался и радовался... Его безцвѣтная жизнь озарилась теплымъ свѣтомъ, который разгорался медленно, но все ярче...

Вороная лошадка въ легкомъ кабріолетѣ стояла привязанная къ столбу. Гость отвязалъ ее и протянулъ руку хозяйкѣ:

— Прощайте, мой строгій судья!

— Прощайте...

Кабріолетъ шагомъ съѣзжалъ со двора; длинная черная тѣнь бѣжала, цѣпляясь за невысокіе кустики шиповника по другую сторону дорожки.

. . . .

Soupirs et pleurs,
Chagrins, douleurs—
Jetons sur tout des fleurs!..

напѣвала Марья Матвѣвна, возвращаясь по залитому луною двору. Рѣшительно этотъ стихъ преслѣдовалъ ее!

Въ столовой, между тѣмъ, убирали со стола. Жена приказчика, высокая, совсѣмъ высохшая женщина стояла у двери, подвернувъ руки подъ толстѣйшій платокъ, перекрещенный на груди, и перебрасывалась замѣчаніями съ дѣвушкой, перемывавшей чашки у стола.

— Идетъ никакъ... разстались! Дивное дѣло, сколько лѣтъ другъ къ дружкѣ ѣздятъ, еще при покойникѣ, а всего не переговорили... Въ самую рабочую-то пору, каждый у Бога день по гостямъ... Еще хозяиномъ слыветъ! прежде, бывало, объ эту пору и глазъ не кажетъ недѣлями.

— Незадаромъ Якимъ плачется, не сообразишь молъ никакъ: то чтобы неимѣть ничего безъ своего глаза, а то броситъ все и справляй какъ знаешь... Вовсе сдурѣлъ баринъ.

— Ужъ онъ это не къ имѣнію ли подбирается, право такъ мнѣ думается?..—замѣтила дѣвушка вопросительно, понижая голосъ:—чего ужъ кажется въ ней-то не видалъ, не молоденькая, слава Богу!

— Ну, скажешь тоже, дура! Имѣніе-то небось дѣтское, она значитъ какъ опекунша...

Шаги Марьи Матвѣвны прервали разговоръ.

— Тебѣ что, Петровна?

— Да хозяинъ прислалъ, не поймутъ они, какъ вы толковали давеча, какихъ людей на хуторъ-то засылать? Утромъ, говоритъ, велѣла, чтобы на косѣ дожинали, а теперь на хуторъ. Поди, говоритъ, спроси для вѣрности.

— Ахъ, Боже мой, про косу-то у меня изъ ума вонъ! Овесъ тамъ осыпается, ну, такъ скажи хозяину—пусть съ Богомъ косу зажинаютъ, а на хуторъ я съѣзжу только взглянуть, Павла съ собой прихвачу, я ему сказывала. Съ богомъ, Петровна, такъ, значитъ, и будетъ.

Сухая женщина вышла, степенно поклонившись.

Марья Матвѣвна провела рукой по лбу: память измѣняетъ... голова отказывается содержать въ полнотѣ и порядкѣ всѣ тѣ безчисленныя мелкія заботы, на которыхъ изощрялась столько лѣтъ... Она дѣлаетъ постоянныя усилія и не даетъ себѣ воли, но то, что̀ давалось прежде легко и просто, съ нѣкоторыхъ поръ превращается въ тягостную, назойливую работу. Здѣсь что-нибудь забыто, тамъ перепутано, въ другомъ мѣстѣ упущено... а тутъ еще Епифанъ заболѣлъ какъ на грѣхъ! все это такъ тревожило ее, какъ будто приходилось собственными руками жать тотъ нетерпѣливый овесъ, который осыпался на косѣ...

Марья Матвѣвна прошла въ залъ, закрыла рояль и съ досадой бросила на этажерку тоненькую тетрадку Мандолинаты. Что еслибъ отбросить такъ же легко все то, что̀ неожиданно и глубоко взбаламутило ея существованіе? Положа руку на сердце —сдѣлала ли бы она это?..

Нѣтъ ничего дороже неожиданной поздней нѣжности, этого великодушнаго подарка судьбы, озаряющаго послѣдней вспышкой существованіе, въ которомъ, казалось, подведены безповоротно всѣ итоги... Отъ какого-то неуловимаго перехода въ его тонѣ, отъ перваго проблеска нѣжнаго участія, отъ горячаго поцѣлуя руки въ ней проснулась женщина, слишкомъ мало жившая сердцемъ—и уже не спрашивая ея мнѣнія, не заботясь о томъ, куда это заведетъ ее, эта новая женщина торопливо и радостно сбрасывала съ себя путы недешево купленнаго благоразумія... всѣхъ запутанныхъ теорій женской морали, которыми добросовѣстно старались обуздать и природу, и собственное сознаніе... Эта безразсудная женщина смѣялась надъ тридцатью-восемью годами, надъ сѣдыми волосами, мелькавшими въ косѣ, она возмутилась противъ мертваго цикла сухихъ обязанностей, въ который давнымъ давно замкнули живую душу... О, она приводила въ невыразимое отчаяніе Марью Матвѣвну, чувствовавшую, что бразды правленія

выскользають изъ ея рукъ! Эта ужасная женщина какъ будто даже меньше любила своихъ дѣтей, какъ будто охладѣла къ памяти прошлаго счастія... Съ систематической, безцѣльной жестокостью она воскрешала въ собственномъ сердцѣ давно пережитыя недовольства, разочарованія и обиды, все, надъ чѣмъ прошла примиряющая рука смерти—она жадно готова была оформить каждую пролитую слезу, какъ будто все это были векселя, которые можно предъявить будущему... О, какъ эта ужасная женщина возмущала Марью Матвѣвну!.. Она жила въ ней незримая и притаившаяся, въ то время какъ она стойко вела отчаяную борьбу съ Комовымъ, напрягая всѣ силы, чтобы удержать его во-время, чтобы запугать его... вѣдь вся надежда была на него!..

Марья Матвѣвна потушила свѣчи. Окна зала выходили прямо на чудную панораму, залитую таинственнымъ свѣтомъ. Много лѣтъ она любовалась этой картиной, во всѣ времена года, во всѣхъ освѣщеніяхъ—но никогда прежде она не была такъ мила ей, какъ теперь. Таинственная даль словно манила въ свой соблазнительный просторъ... Никогда прежде она не наслаждалась такъ полно лѣтомъ—его безоблачными днями... его тихими вечерами... его лунными ночами... его грозами... его ливнями... Это было чудное лѣто и словно оно медлило проходить... были послѣдніе дни августа, а безоблачные тихіе дни смѣнялись темными лунными ночами; падающія звѣзды чертили небосклонъ своими загадочными огненными линіями; деревья прятали рѣдкіе желтые листья, какъ будто хотѣли обмануть кого-то запоздалой свѣжестью...

Начиналось роскошное бабье лѣто. Марья Матвѣвна стояла у открытаго окна...

И какъ это бываетъ иногда—она внезапно, разомъ приняла свое рѣшеніе: прежняя жизнь стала невыносима, у нея нѣтъ воли продолжать ее безъ чарующей надежды, сумасбродно закравшейся въ сердце... Въ одну минуту она это признала, какъ будто заглянула чужими глазами въ самую глубину собственной души.

Марья Матвѣвна закрыла окно, ушла въ свою комнату и написала то, чего не въ силахъ была выговорить:

„Чуть не въ сорокъ лѣтъ начать жить сначала!.. что можетъ быть безразсуднѣе, несбыточнѣе и что можетъ быть соблазнительнѣе этого?.. Исправить всѣ ошибки, пополнить всѣ недочеты... Взять сторицею за все... Голова кружится, практическая, совсѣмъ не сантиментальная голова, вы это знаете! Пасть въ честномъ бою не позорно, не правда ли? Я дѣлала все, что̀ могла, но вы не хотѣли помочь мнѣ... будемъ ли мы жалѣть объ этомъ? это праздный вопросъ въ настоящую минуту, но я задаю его себѣ

и рѣшаю не такъ, какъ мнѣ кажется теперь, а по тому, какъ я привыкла думать прежде. О, я давно вѣдь живу по старой памяти! но вамъ нѣтъ дѣла до того, какъ я рѣшаю этотъ вопросъ —васъ будущее не должно пугать, это единственное условіе, на которомъ наше счастье возможно. Вы должны оставаться свободнымъ —я такъ хочу, я такъ должна поступить, и не пытайтесь оспаривать этого... Женой вашей я не буду—скорѣе я брошу Овраги, заберу дѣтей, уѣду въ Петербургъ, въ Москву, за границу, все равно куда... Покоритесь, мой милый мальчикъ! вамъ нѣтъ и тридцати лѣтъ, но вы жили меньше, чѣмъ иной въ двадцать, оттого вы такъ самонадѣянны, оттого вы такъ легко готовы взять на себя невыполнимыя обязательства, такъ легкомысленно расточаете свои клятвы!.. Но вѣдь я люблю васъ и не хочу погубить... Въ одной французской пьесѣ говорится:

„Ou va-t-il?—Il va vous faire du mal puisque il vous aime! Это мужская любовь, другъ мой; а я—женщина, я мать, мнѣ легко перенести и на васъ свое умѣніе и свою привычку любить не только для себя... Жизнь не начинается сначала въ сорокъ лѣтъ —это только такъ кажется въ угарѣ счастья... Можно оплакивать это, хоть оно пожалуй и смѣшно—нельзя только забывать!“...

Марья Матвѣвна вложила это письмо въ конвертъ, не надписывая, легла и сейчасъ же заснула тѣмъ глубокимъ сномъ, какимъ спятъ послѣ серьезныхъ рѣшеній.

II.

Марьинъ хуторъ лѣпится на самомъ ребрѣ крутого оврага. Небольшая кучка новенькихъ строеній сверкала тесовыми крышами на ярко синемъ небѣ, по которому облака медленно плыли разрозненными пушистыми клочьями. На хуторѣ никто не жилъ; крапива поднялась до самыхъ оконъ, заколоченныхъ досками, на дверяхъ висѣлъ огромный замокъ; между досокъ небольшого крылечка пробивалась зеленая травка; — но здѣсь все было однако такъ еще ново, что совсѣмъ не производило унылаго впечатлѣнія запустѣнія.

На маленькомъ крылечкѣ сидѣлъ Комовъ и наслаждался своимъ любимымъ видомъ. Это самое крутое мѣсто оврага, гдѣ онъ дѣлаетъ поворотъ, расходясь въ обѣ стороны двумя широкими крыльями. Серебристая лента Каменки изгибается подковой и убѣгаетъ въ даль, то пропадая, то неожиданно мелькая въ зелени. Налѣво — густой лѣсъ взбѣгаетъ по крутизнѣ противоположнаго

берега и колыхающееся зеленое море вершинъ подъ ногами составляетъ особенную прелесть этого мѣста; направо—разступается перспектива не такая широкая, какъ въ усадьбѣ, но разнообразнѣе и картиннѣе: темныя группы деревьевъ, зеленые косогоры, оттѣненные стогами сѣна, сжатыя поля, уставленныя снопами ржи, похожими издали на колѣнопреклоненныя человѣческія фигуры въ широкихъ капюшонахъ, красная глина подмытыхъ береговъ съ повисшими въ воздухѣ корнями деревьевъ, склонившихся надъ самой кручей... Все это было залито раннимъ солнцемъ, обрызгано еще не успѣвшей обсохнуть росой, надо всѣмъ неуловимо скользилъ поздно разлетающійся туманъ осенняго утра...

Комовъ снялъ шляпу; вѣтеръ шевелилъ его волнистые волосы, солнце грѣло ласково, не обжигая... Что-то жуткое и бодрящее какъ будто вливалось въ грудь вмѣстѣ съ чистымъ и свѣжимъ воздухомъ. Рѣшительно онъ влюбленъ не въ одну Марью Матвѣвну, но и въ ея Овраги! Съ каждымъ днемъ онъ все больше охладѣваетъ къ своимъ Боркамъ, съ ихъ на диво воздѣланными полями, расчищенными лѣсами, дорогими постройками и прекраснымъ фруктовымъ садомъ, составлявшимъ немаловажную статью дохода. Ему какъ будто тѣсно безъ этой чудной дали, къ которой такъ легко привыкаешь. Давно, еще когда жилъ Платонъ Иванычъ Лубянскій и Марья Матвѣвна была въ его глазахъ обыкновенная добрая сосѣдка—Комовъ скучалъ, если не видѣлъ долго Овраговъ; теперь онъ чувствовалъ къ нимъ какую-то совсѣмъ особенную тревожную нѣжность. Никому бы онъ не повѣрилъ, что возможно такъ привязаться къ мѣстности!.. На этомъ мѣстѣ—думалось ему — необходимо поставить домъ вмѣсто хутора — сюда, конечно, неудобно переносить усадьбу,—а такъ, дачку для лѣтняго житья — дачку, въ которой они спрячутъ свое счастье... Что на свѣтѣ отважнѣе человѣческой мысли? дерзко, самовластно нашептываетъ она все, чтò ей вздумается, самыя несбыточныя грезы, самыя безумныя желанія... Безжалостный искуситель, не знающій управы, кинетъ внезапную мечту въ встревоженную душу и потомъ уже смѣло и открыто возвращается на знакомое мѣсто... Его завоеванія такъ быстры и такъ безповоротны!.. Черезъ полчаса Комовъ мысленно составлялъ планъ новаго дома, безъ всякаго сожалѣнія отдавалъ въ аренду свои взлелѣянные Борки, управлялъ имѣніемъ своей жены, поднималъ его доходность и увеличивалъ состояніе своихъ пасынковъ...

Марья Матвѣвна застала его за этимъ полезнымъ занятіемъ. Она пріѣхала верхомъ съ огородникомъ Павломъ, исполнявшимъ должность больного приказчика; вчерашнее письмо лежало въ ея

карманѣ. Она сильно покраснѣла, увидавъ неожиданно Комова,— онъ подумалъ, что она разсердилась, и сталъ оправдываться: онъ радъ всякому случаю побывать на хуторѣ, который, она знаетъ, ему такъ нравится.

— Въ такомъ случаѣ, пожалуйста, сидите тутъ и не мѣшайте намъ,—перебила она, поворачивая лошадь.

Онъ охотно повиновался и смотрѣлъ издали, какъ она разъѣзжала по полямъ.

Они будутъ разъѣзжать вмѣстѣ, если ей вздумается, но вообще онъ предпочиталъ избавить ее отъ подобныхъ обязанностей, неизбѣжно налагающихъ на женщину свой прозаическій отпечатокъ. Страстный поклонникъ деревни, влюбленный въ земское дѣло, вѣчно зарытый въ агрономическія сочиненія и земледѣльческіе опыты, Комовъ отказывался присоединить къ этому міру и женщину; на ней онъ сосредоточилъ всю потребность въ поэзіи, которая жила въ его молодой душѣ, ее онъ хотѣлъ бы видѣть всегда немного витающею надъ безотраднымъ міромъ житейскихъ мелочей... Онъ былъ нѣсколько сантименталенъ въ глубинѣ души, Александръ Андреичъ Комовъ.

Ему не везло; въ С*** уѣздѣ очень немногіе помѣщики жили въ своихъ деревняхъ, и не существовало никакого общества; уѣздный городъ былъ тѣмъ соннымъ, безжизненнымъ угломъ, какими Богъ одинъ вѣдаетъ до которыхъ поръ будетъ оставаться большинство русскихъ уѣздныхъ городовъ. Комовъ каждую зиму ѣздилъ на мѣсяцъ въ Москву „слѣдить за вѣкомъ", поддерживалъ старыя, студенческія связи, слонялся по театрамъ, по клубамъ, по ресторанамъ, уставалъ, схватывалъ какой-нибудь гриппъ или бронхитъ, тратилъ много денегъ и возвращался домой съ пустымъ сердцемъ и все съ тѣмъ же убѣжденіемъ, что настоящая жизнь возможна только въ деревнѣ.

Въ Боркахъ жила черноглазая Варюша, ходила въ яркихъ сарафанахъ и кисейныхъ рукавахъ и носила такое множество сверкающихъ бусъ, что надо было удивляться, какъ ея грудь не страдаетъ отъ подобной тяжести. Комовъ каталъ ее на своихъ рысакахъ, строилъ для нея горы на масляницѣ, накупалъ ей всю ту дрянь, о которой она вѣчно мечтала, и только въ одномъ ей неизмѣнно отказывалъ: въ ея пламенномъ желаніи одѣться въ городское платье. Онъ инстинктивно чувствовалъ, что вся поэзія Варюши держится исключительно ея живописнымъ нарядомъ; къ тому же она начала немилосердно толстѣть отъ полнаго бездѣлья и привольнаго житья на барскихъ хлѣбахъ; въ заплывшихъ и

заспанныхъ глазахъ очень скоро потухла та искра игривости, которая плѣнила его когда-то.

Ликвидируя свои дѣла на крылечкѣ Марьина хутора, Комовъ выдавалъ Варюшу замужъ за сына Ивановскаго мельника, который сваталъ ее два года тому назадъ. Онъ выступалъ кандидатомъ на предстоявшихъ выборахъ въ мировые судьи и ставилъ въ Оврагахъ тотъ смолокуренный заводъ, всѣ планы и разсчеты котораго были имъ приготовлены для Борковъ. Онъ ощущалъ изумительный приливъ энергіи, настоящую жажду кипучей дѣятельности—но подъ непремѣннымъ условіемъ, что онъ не будетъ болѣе одинъ... Одиночество не только тяготило—оно пугало его. Съ нѣкоторыхъ поръ его сильныя руки опускаются, непобѣдимая апатія туманитъ голову, со дна души поднимается могучій и угрожающій протестъ...

Марья Матвѣвна отпустила Павла и подъѣхала къ дому.

— Вы сойдете отдохнуть минутку?—подошелъ къ ней Комовъ.

— Нѣтъ, я не устала.

— Знаете, о чемъ я думалъ тутъ все время?

— Какъ могу я это знать?

— Хорошо бы тутъ домъ поставить, на этомъ самомъ мысѣ... Вы не довольно цѣните это мѣсто, увѣряю васъ! я бы готовъ, Богъ знаетъ, что отдать за одну возможность всегда смотрѣть вотъ такъ, черезъ вершины лѣса... Это тѣ гигантскія ступени, по которымъ ночью шагаетъ могучій духъ и на небѣ рисуется его громадный и неуловимый силуэтъ...

Онъ задумчиво смотрѣлъ въ даль. Марья Матвѣвна смотрѣла въ ту же сторону и нисколько не удивлялась этимъ неожиданнымъ словамъ. Онъ могъ смѣло передавать ей самыя странныя фантазіи, самые туманные порывы, не рискуя показаться ни смѣшнымъ, ни сантиментальнымъ. Ихъ души были такъ одинаково настроены въ эти дни, что каждое ощущеніе находило откликъ, являлось какъ будто старымъ знакомымъ...

— Такъ какъ же... будемъ домъ строить?—спросилъ онъ, встрепенувшись.

— Мнѣ никогда даже и въ голову не приходила подобная прихоть... Кому нуженъ здѣсь домъ?

— Кому?.. можно сказать?.. Намъ!—Онъ схватилъ ея руку и спряталъ въ нее свое лицо.

Марья Матвѣвна отняла ее и подобрала поводъ, выпрямившись въ сѣдлѣ блѣдная, но не разгнѣванная, какъ онъ боялся. Комовъ стоялъ безъ шапки, поднявъ къ ней голову, и солнце заливало его цвѣтущее молодое лицо, сіяло въ влюбленныхъ умо-

ляющихъ глазахъ... Со всѣхъ сторонъ ихъ обступала торжественная тишина... было что-то подмывающее, что-то окрыляющее въ далеко раскинувшемся привольномъ просторѣ, въ волнующейся пеленѣ зеленыхъ вершинъ, какъ будто повергнутыхъ въ ихъ стопамъ.

— Вотъ... я привезла вамъ... Возьмите...

Лубянская достала письмо и отдала ему, въ послѣній разъ судорожно стиснувъ его въ похолодѣвшей рукѣ.

— Письмо... Что такое?.. зачѣмъ письмо?—бормоталъ онъ испуганно, разрывая конвертъ.

Когда Комовъ поднялъ глаза отъ первыхъ строкъ—Марья Матвѣвна уже летѣла галопомъ по дорогѣ къ дому.

III.

Лубянская была на крыльцѣ, когда во дворъ въѣхалъ легонькій кабріолетъ Комова. Передъ нею стоялъ кучеръ Степанъ и смущенно ковырялъ песокъ носкомъ своего огромнаго сапога.

— Тебѣ сто разъ говорили, чтобы ты о такихъ вещахъ сейчасъ же докладывалъ, а нужно или ненужно—не твое дѣло разсуждать!—сердилась хозяйка.—Скачи сейчасъ верхомъ въ Ивановку за кузнецомъ, нечего больше дѣлать! Какъ хочешь, а къ семи часамъ, чтобы была коляска готова.

Комовъ привязалъ лошадь и подходилъ, вслушиваясь.

— Что такое?.. ѣхать собираетесь?..

Марья Матвѣвна повернула голову; въ ея глазахъ вспыхнула нѣжность и сейчасъ же потухла, прежде чѣмъ онъ успѣлъ поймать ея взглядъ.

— Лошадямъ, значитъ, овса задать, коли...—замѣтилъ кучеръ не спѣша.—А ужъ за кузнецомъ ежели—какъ есть не на комъ, всѣ подъ снопы забраны... Гнѣдко дома да храмлетъ больно, не доскачешь.

— Удостойте объяснить, въ чемъ тутъ дѣло?—вмѣшался Комовъ.—Вонъ моя лошадь, Степанъ, бери, поѣзжай куда тебѣ надо.

—Ну и благодаримъ покорно, и прелюбезное значитъ дѣло!—оживился Степанъ и сейчасъ же увѣренной походкой зашагалъ отъ крыльца.

Вернувшись съ хутора, Марья Матвѣвна нашла дома письмо, доставленное нарочнымъ со станціи: дочь ея сестры, Ната Апухтина, просила тетку выслать за нею лошадей къ вечернему поѣзду. Ею овладѣло страстное желаніе взглянуть на Овраги, о которыхъ

она такъ много слышала, воспользоваться чудной погодой и прокатиться въ деревню, о которой она имѣетъ лишь самое смутное представленіе, и обнять милую тетю, если уже нѣтъ никакой надежды дождаться ея въ Москву...

Коротенькое, сбивчивое письмецо, какое можетъ написать молоденькая дѣвушка, привыкшая приводить въ исполненіе всѣ свои фантазіи, не заботясь о томъ, насколько онѣ удобны для другихъ.

— Нѣтъ, скажите только—съ какой стати?! вѣдь не думала же она объ васъ до этихъ поръ?—приходилъ въ отчаяніе Комовъ, поворачивая въ рукахъ листокъ цвѣтной бумаги съ вензелемъ, исписанный тонкимъ, но очень смѣлымъ почеркомъ.

Марья Матвѣвна пожала плечами.

— Не все ли равно? И люди, и обязанности, и заботы—все это во всякое время можетъ предъявлять на насъ свои права, не справляясь, въ какой мѣрѣ мы будемъ этимъ обезпокоены!

Ея тонъ ему не понравился; онъ понялъ, что это письмо спугнуло ее въ первую же минуту. Она ушла въ домъ приготовлять комнату для неожиданной гостьи. Прислуга переставляла мебель; дѣти шумно радовались пріѣзду молоденькой кузины; хозяйка собственноручно приколачивала къ карнизамъ кисейныя занавѣски, рѣшительно постукивая молоткомъ.

Комовъ слонялся по дому и раздражался каждымъ пустякомъ. Особенно не могъ онъ видѣть равнодушно важной фигуры гувернера мальчиковъ, погруженнаго, какъ ни въ чемъ не бывало, въ свои газеты. Для дѣятельной и практической натуры молодого помѣщика всегда была непостижима крайняя отвлеченность этого педагога. Онъ не хотѣлъ понять, что человѣку, у котораго нѣтъ личной жизни, всего естественнѣе удалиться въ міръ идей. Газетная статья, научная новинка, политическій слухъ, какая-нибудь знаменательная перестановка на общественныхъ постахъ—вотъ что и въ Оврагахъ составляло обыденную атмосферу Василія Васильевича; а живая жизнь вокругъ скользила мимо, не затрогивая его вниманія. Они давно терпѣть не могли другъ друга; педагогъ считалъ Комова ретроградомъ и неучемъ, а тотъ его—сухимъ эгоистомъ, смотрящимъ на міръ въ узкую щелку книжной мудрости.

Осчастливленный и вмѣстѣ огорченный письмомъ Лубянской, раздраженный пріѣздомъ чужого лица въ самую неподходящую для него минуту, Комовъ хотѣлъ бы всѣхъ видѣть огорченными или обрадованными.

— Я примирюсь съ этой фигурой только въ одномъ случаѣ,—

говорилъ онъ сквозь зубы,—если онъ станетъ ухаживать за вашей Натой... ученые разговоры какъ-разъ по части нынѣшнихъ барышенъ.

Марья Матвѣвна слушала съ непроницаемымъ видомъ; весь день прошелъ въ суетѣ и хлопотахъ. Послѣ обѣда она поѣхала встрѣчать племянницу, и Комовъ съ трудомъ упросилъ взять его съ собою. Усѣвшись въ коляску, они въ первый разъ остались наединѣ...

Она сидѣла вся въ черномъ, серьезная и взволнованная; ихъ глаза встрѣтились въ долгомъ взглядѣ, говорившемъ все безъ утайки.

— Я не буду пытаться... я не смѣю возражать, но я надѣюсь... не перестану надѣяться, что вы перемѣните свое рѣшеніе, когда увидите сами, какъ мы можемъ быть счастливы!..

Его растроганный голосъ сливался со стукомъ колесъ, съ шумомъ вѣтра, свистѣвшаго въ ушахъ.

— Васъ пугаетъ пустой предразсудокъ, и ради него вы хотите пожертвовать такъ многимъ! Свободно, открыто работать объ руку съ вами—это значитъ быть вдесятеро сильнѣе, чѣмъ я одинъ! снять съ васъ всѣ заботы, помогать вамъ во всемъ и въ вашихъ заботахъ о дѣтяхъ—вы знаете, какъ я искренно ихъ люблю—это моя мечта... это было бы моей гордостью! зачѣмъ хотите вы отказать мнѣ во всемъ этомъ? поставить насъ въ ложное положеніе и рисковать своимъ добрымъ именемъ... моя умная!.. моя добрая!..

Она слушала, отвернувъ отъ него голову. Коляска быстро неслась по укатанной дорогѣ подъ гору, на встрѣчу вѣтру. Вечернія тѣни окутывали даль, туманъ сгущался надъ лугами. Первая, блѣдная звѣздочка выступила на свѣтломъ небѣ, а кругъ луны терялся въ облакахъ еще такой же бѣлый, какъ они...

Ей казалось, что не она сама, а вся ея жизнь, давно застывшая въ одной формѣ, сорвалась съ мѣста и несется стремительно подъ гору на встрѣчу тому загадочному простору, который день и ночь манилъ ее изъ оконъ ея дома... Комовъ взялъ ея руку и прильнулъ долгимъ поцѣлуемъ къ нѣжной ладони, она тихонько сжала его губы, и они неслись такъ, покачиваясь на рессорахъ, безмолвные, потерявшіеся въ наплывѣ безпредѣльной нѣжности, переполнявшей ихъ сердца...

— Скажите: можетъ быть!..—прошепталъ онъ и слезы стояли въ его молодыхъ глазахъ, покорно устремленныхъ въ ея лицо.

— Можетъ быть!—повторила Марья Матвѣвна, не для того, чтобы исполнить его просьбу, а потому, что все и въ ней, и

вокругъ нея нашептывало въ одинъ голосъ:—что это можетъ быть... что это будетъ!..

Станція сіяла огнями. Лакеи и повара въ бѣлыхъ колпакахъ озабоченно суетились вокругъ безконечнаго стола, испещреннаго бутылками всѣхъ величинъ, цвѣтнымъ стекломъ рюмокъ и искусственными цвѣтами въ росписныхъ горшкахъ; свѣчи и лампы, вспыхивая одна за другой, освѣщали ярче пеструю обстановку большой станціи, прихорашивающейся передъ той минутой, когда въ двери хлынетъ всегда новая и всегда одна и та же дорожная толпа.

Далеко на рельсахъ мелькнулъ и постепенно разгорался гигантскій огненный глазъ. Марья Матвѣвна и Комовъ стояли на самомъ концѣ платформы и ждали поѣзда.

Въ знаменательныя минуты, когда жизнь, напрягаясь, загорается неестественнымъ блескомъ—у людей является совсѣмъ иная мѣрка времени; пока этотъ угрожающій огненный глазъ приближался все медленнѣе и медленнѣе, Комову казалось, что еще не сейчасъ назойливая дѣйствительность ворвется въ ихъ блаженный міръ. Онъ успѣвалъ снова и снова, много разъ повторять одни и тѣ же слова, которыя она каждый разъ выслушивала, какъ что-то новое, съ тѣмъ же милымъ смущеніемъ въ лицѣ, дѣлавшимъ его совсѣмъ молодымъ... Пока поѣздъ, гремя и вздрагивая, замиралъ у платформы, онъ успѣлъ еще нѣсколько разъ пожать ей руку и заглянуть въ глаза, въ которыхъ не успѣло разсѣяться все то, что̀ глядѣло изъ глубины ея благородной и умиленной души...

— Удивительно, что вы до сихъ поръ все еще не совсѣмъ меня знаете,—говорилъ онъ еще въ ту минуту, когда она уже спѣшила на встрѣчу Натѣ.

Первое, что̀ они увидѣли, былъ огромный букетъ прелестныхъ цвѣтовъ, который молоденькая путешественница держала въ рукѣ, а другой нетерпѣливо искала что-то въ щегольской маленькой сумочкѣ, надѣтой черезъ плечо.

— Тетя милая—вы сами! зачѣмъ же вы сами?.. — пропѣлъ вкрадчивый голосокъ. Дѣвушка ждала, вытянувъ шейку довѣрчивымъ движеніемъ ребенка, протягивающаго губы для поцѣлуя.

Шляпа съ отогнутыми полями была совсѣмъ откинута на затылокъ, оставляя открытымъ все розовое лицо съ нѣжными карими глазами и миловидной ямкой надъ угломъ рта. Когда она говорила, этотъ ротъ, очень маленькій, какъ-то особенно растяги-

вался, позволяя видѣть цѣликомъ всю дугу мелкихъ и блестящихъ зубовъ—и въ этомъ было что-то хищное, но очаровательное.

Ната говорила много и быстро, передавая поклоны родныхъ, шутливо извиняясь, что явилась въ Овраги безъ предварительнаго позволенія.

— Pour être franche... je me sauve un peu, chère tante!— шепнула она съ чистосердечнымъ и радостнымъ смѣхомъ, — вы знаете, въ нашихъ маленькихъ дѣлишкахъ такъ легко запутаться! вѣдь вы не откажете мнѣ въ своемъ покровительствѣ на нѣкоторое время...

Марья Матвѣвна смотрѣла ошеломленной этими смѣлыми пріемами. Она чувствовала себя смутно, какъ человѣкъ внезапно грубо разбуженный; переходъ отъ всего, что она только-что переживала, къ толкотнѣ желѣзно - дорожной станціи и болтовнѣ этой чужой дѣвушки, былъ черезъ-чуръ рѣзокъ.

— Нашъ сосѣдъ и добрый другъ, Александръ Андреичъ Комовъ,—представила она нѣсколько церемонно.

— Какъ это мило, что вы пожелали меня встрѣтить!—воскликнула непринужденно Ната и посмотрѣла ему прямо въ глаза своими бархатными карими глазками.—Разъ уже вы такъ любезны, я васъ попрошу выручить меня и получить мой багажъ по этой квитанціи. Это немножко безцеремонно... по деревенски, тетя?

Она оглянулась черезъ плечо красивымъ движеніемъ женщины, увѣренной, что все, что она дѣлаетъ, хорошо—и какъ бы въ нерѣшимости держала надъ плечомъ желтый билетикъ въ маленькой ручкѣ въ длинной перчаткѣ.

Комовъ любезно нашелъ, что это его прямая обязанность, Марья Матвѣвна неопредѣленно улыбалась. Потомъ ему пришлось переводить Нату черезъ рельсы передъ самымъ локомотивомъ и, при всемъ желаніи, онъ не почувствовалъ ничего враждебнаго къ хорошенькому юному личику, испуганно пригнувшемуся почти къ самому его плечу. Подходя къ коляскѣ, Ната вспомнила, что забыла въ вагонѣ свою книгу, и несмотря на ея сопротивленіе, Комовъ вернулся, протискался въ вагонъ среди торопившейся садиться публики и обратно перебѣжалъ рельсы уже во время послѣдняго свистка кондуктора. До него долетѣло подавленное восклицаніе Лубянской, и онъ холодно подалъ m-lle Апухтиной ея книгу.

— Вы испугали тетю,—замѣтила она ему съ упрекомъ.

Коляска тронулась въ путь. Луна сіяла теперь во всемъ блескѣ и освѣщала картину, странно измѣнившуюся: со всѣхъ сторонъ, изъ-за лѣсовъ, надъ лугами и лощинами поднимались мо-

лочно-бѣлыя волны тумана и все гуще и гуще заволакивали волнистую мѣстность; среди этого фантастическаго моря отдѣльные, покрытые лѣсомъ холмы выдѣлялись маленькими причудливыми островками; темныя рощи едва-едва сквозили изъ-за опаловой завѣсы живой, движущейся... и хотя глазъ не могъ уловить этихъ движеній—чувствовалась какая-то странная, фантастическая жизнь въ безформенныхъ бѣлыхъ волнахъ, неуловимо скользящихъ надъ сонной землей—то разступаясь, то снова сходясь, обдавая влажнымъ дыханіемъ, напоминающимъ зловѣщее прикосновеніе смерти... Какъ будто въ таинственномъ освѣщеніи луны кто-то затѣялъ причудливую игру, окутывая предметы прозрачными и холодными саванами.

Марья Матвѣвна прижалась къ углу коляски и съ безотчетной тоской смотрѣла на эту картину, прелестную въ своемъ странномъ эффектѣ, но охватывавшую ея взволнованную душу какимъ-то неотразимымъ холодомъ, какъ пронизывающій туманъ, отъ котораго отсырѣли ихъ одежды и волосы. Она молчала почти всю дорогу, довольная, что есть кому разговаривать съ ея молоденькой гостьей.

Комовъ болталъ безъ всякаго принужденія. Онъ былъ въ томъ особенномъ настроеніи счастливаго человѣка, когда внутренняя радость рвется наружу и выказываетъ въ особенно выгодномъ освѣщеніи всѣ рессурсы ума, находчивости и остроумія, дѣлаетъ его добрѣе и великодушнѣе, какъ будто моложе, какъ будто красивѣе... Онъ сидѣлъ передъ Натой съ этимъ блескомъ счастья на всей своей фигурѣ—ни съ чѣмъ несравнимымъ блескомъ, очаровательнымъ какъ поэзія, какъ молодость, какъ любовь, которой было полно его сердце...

Лучшей собесѣдницы нельзя было и пожелать: Ната сразу попала въ тонъ его настроенія — ей это далось безсознательно, само собою, потому что она тоже вся полна была побѣдоносной гордости счастливой и красивой юности... Потому что она была сама поэзія со своими нѣжными глазами и сверкающими улыбками... Потому что если она не любила его — то была полна любовью къ себѣ самой, къ своей разцвѣтающей жизни...

И они безъ умолку болтали всю дорогу, эти только-что встрѣтившіеся люди! Они забавлялись блестящимъ турниромъ словъ и мыслей, не всегда связныхъ, не всегда умныхъ, но представлявлявшихъ весь интересъ встрѣчи людей, по какимъ-нибудь причинамъ находящихся въ одинаковомъ подъемѣ духа.

Они болтали о привидѣніяхъ, протягивавшихъ къ нимъ изъ-за деревьевъ длинныя бѣлыя руки, припоминали легенды, деклами-

ровали стихи, смѣялись, поспорили, когда Комовъ снялъ съ себя пальто, чтобы закрыть имъ ея колѣни—и когда коляска въѣхала во дворъ усадьбы:—О, какъ мнѣ нравятся Овраги!—воскликнула загадочно Ната, поднявъ къ лунѣ свое поблѣднѣвшее лицо съ мечтательно свѣтившимися карими глазами.

IV.

— Да! смѣлость—большая сила... То-есть, сама по себѣ, она не есть какая-нибудь опредѣленная сила—это только умѣнье пользоваться всѣми другими силами, обстоятельствами, людьми... Умѣнье заставить другихъ служить себѣ подчасъ во вредъ собственнымъ интересамъ!..

— Врядъ ли это будетъ точное опредѣленіе смѣлости,—возразилъ, обдумывая слова, Комовъ:—то, что̀ вы сейчасъ сказали, скорѣе безцеремонность, эгоизмъ...

— О, нѣтъ! эгоизмъ только даетъ направленіе смѣлости—она можетъ быть обращена въ ту или другую сторону, но она сама по себѣ особенная черта характера... вѣдь и эгоистовъ гораздо больше скрытыхъ, нежели чистосердечныхъ.

Марья Матвѣвна говорила все это, стоя на крыльцѣ своего дома рядомъ съ Комовымъ, но ниразу не повернувъ головы въ его сторону. Въ глубинѣ двора запрягали тройку въ долгушу, Ната и дѣти торопили кучеровъ, Василій Васильевичъ стоялъ поодаль, перекинувъ на руку пеструю женскую шаль.

— Мнѣ кажется, что слово смѣлость примѣнимо болѣе къ вещамъ серьезнымъ,—замѣтилъ Комовъ все такъ же сдержанно:—преслѣдовать во что бы то ни стало собственныя прихоти, не принимая въ разсчетъ другихъ—развѣ это смѣлость?

Марья Матвѣвна чуть-чуть усмѣхнулась.

— Да, это смѣлость, когда вдобавокъ все цѣликомъ надо сдѣлать чужими руками и чужими средствами!.. Казалось бы, что̀ можетъ быть проще какъ пойти гулять? Но чтобы заставить цѣлый домъ сопровождать себя, бросать занятія, измѣнять привычки, дѣлать только то, что̀ я хочу — воля ваша, но для этого что̀-нибудь да нужно же! Деспотизмъ, скажете вы? Но деспотизмъ опирается всегда на фактическую власть...

— А въ этомъ случаѣ онъ опирается на чужую доброту и уступчивость,—подсказалъ Комовъ.

Ея лицо приняло совсѣмъ несвойственное ему холодное выраженіе.

— Нѣтъ, я не приписываю себѣ того, чего нѣтъ—я уступаю не по добротѣ, я просто не умѣю отказать; меня обезоруживаетъ эта побѣдоносная увѣренность... наконецъ неожиданность, нельзя стать въ оборонительное положеніе—въ кредитъ! а когда первый моментъ пропущенъ — приходится уже отвоевывать собственныя права, тягаться... съ гостьей! съ дѣвочкой!..

Комовъ въ раздумьѣ крутилъ свою бороду. Конечно, Марья Матвѣвна была права: пріѣздъ Наты перевернулъ вверхъ дномъ ихъ жизнь въ моментъ самый неподходящій... Онъ страдалъ отъ этого не менѣе ея, но въ то же время ему казалось, что она сама усиливала тяжесть ихъ положенія: почему бы не поддаваться этому теченію съ нѣкоторымъ добродушіемъ? Отчего не жить своимъ счастьемъ на глазахъ у всѣхъ въ блаженномъ сознаніи, что его никто не отнимаетъ, а это все пройдетъ?..

Марья Матвѣвна этого не умѣла или не хотѣла. Молоденькая гостья безсознательно стала между ними съ первой минуты своего появленія, ея веселость и живость сразу поставили совсѣмъ въ сторонѣ хозяйку Овраговъ. Тетушка не желала измѣнять своихъ привычекъ, чтобы участвовать во всѣхъ прогулкахъ, катаньяхъ, поѣздкахъ по окрестнымъ ярмаркамъ и престольнымъ праздникамъ, которыми никогда прежде не интересовалась—изъ этого слѣдовало, что она безпрестанно оставалась совсѣмъ одна въ своемъ большомъ домѣ, когда молодая компанія уѣзжала куда-нибудь со смѣхомъ и пѣснями.

— И охота вамъ, тетя, вѣчно сидѣть дома!..—не то поддразнивала, не то приглашала ее Ната.

Марья Матвѣвна обходила одна свой тихій садъ и облетавшія деревья осыпали ей плечи желтыми листьями, когда она цѣлыми часами просиживала на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ такъ недавно гуляла съ Комовымъ, рѣшая его и свою судьбу... Она твердила себѣ, что это скоро кончится, но ей было жаль каждаго уходившаго дня этого удивительнаго бабьяго лѣта. Она не знала какъ убить время—хозяйственныя заботы ей опротивѣли, книги не занимали, она стыдилась своего бездѣлья, своего тоскливаго блужданья по саду „точно влюбленная институтка!“... Сама не замѣчая, она все больше сдавалась... Минутами ее брала настоящая зависть передъ чужимъ весельемъ; пожалуй она была бы и не прочь тоже поѣхать куда-нибудь, забывъ собственныя насмѣшки деревенской жительницы надъ убогими ярмарками, гдѣ можно купить развѣ паточныхъ леденцовъ... Ей случалось думать, что искать грибы довольно занимательно въ такіе прелестные осенніе дни. Но всѣ другіе такъ привыкли къ ея степенности, что ей

оставалось только дѣлать такъ, какъ всѣ ждали отъ нея!.. И съ тяжелымъ чувствомъ невольнаго и немилаго подвига Марья Матвѣвна, повидимому, совершенно добровольно уступала поле сраженія своему случайному врагу. Въ тѣ короткіе промежутки, когда они бывали наединѣ, она держала Комова на извѣстномъ разстояніи невольно, потому что онъ слишкомъ много бывалъ въ обществѣ другой женщины. Выжидая полдня, чтобы обмѣняться съ нимъ десятью фразами, она къ нему подозрительно присматривалась, провѣряя впечатлѣніе этой новой внезапной короткости.

Ничего этого Комовъ не понималъ и чувствовалъ себя незаслуженно обиженнымъ. Еще не прошло и двухъ недѣль съ того вечера, когда Марья Матвѣвна написала свое письмо — а ихъ любовь только-что названная, близость обѣщанная, которой они такъ страстно желали — все это заволакивалось какой-то путаницей горькихъ ощущеній, отказовъ, страховъ... Онъ, разумѣется, обвинялъ ее—онъ почти не видалъ улыбки на лицѣ любимой женщины!.. ему не дали ни одного поцѣлуя!..

Изъ глубины двора доносились дѣтскіе крики и звонкій смѣхъ Наты; этотъ смѣхъ быстро приближался—дѣвушка бѣжала къ балкону, не давая перегнать себя мальчикамъ.

— Чуръ! чуръ!!—отмахивалась она со смѣхомъ отъ своихъ преслѣдователей:—охъ, устала! Витя, отстань... тебѣ говорятъ!..

Она остановилась подъ балкономъ запыхавшись и нѣсколько секундъ молча смотрѣла снизу вверхъ.

— Тетя, все готово... можно ѣхать!

— Съ Богомъ... только вы одни поѣзжайте... я раздумала.

— Опять?—воскликнулъ Комовъ,—это наконецъ не великодушно!

Ната посмотрѣла на одного, потомъ на другого и неожиданно принялась разъискивать въ куртинѣ запоздалыя маргаритки.

— Лѣнь, да и дождь должно быть будетъ,—пояснила Лубянская,—я пришлю вамъ зонтикъ и плэды на всякій случай.

Она ушла въ комнаты. Ната выпрямилась и бросила свои маргаритки.

— Вы разсердили тетю?

— Вы слышали—Марья Матвѣвна боится дождя—я съ нею согласенъ, на мельницѣ нѣтъ ничего интереснаго, для чего бы стоило тащиться туда въ такую погоду.

— Зачѣмъ же мы ѣдемъ?

— Затѣмъ, что вамъ такъ угодно,—отвѣтилъ Комовъ рѣзко.

Ната улыбнулась своей побѣдоносной улыбкой.

— Да, мнѣ угодно! Я дождя не боюсь... Захватите пожалуйста мою корзинку—вонъ она на томъ столѣ... Merci.

Черезъ четверть часа долгуша съѣзжала со двора.

V.

Овраги вскружили голову Натѣ, никогда не живавшей въ деревнѣ, а она съ перваго же дня перевернула вверхъ дномъ ихъ мирную жизнь; она произвела настоящую революцію въ умахъ своихъ маленькихъ двоюродныхъ братьевъ и съ истинно женской дерзостью поколебала внушительный авторитетъ Василія Васильевича, покоившійся на послѣднихъ выводахъ современной педагогики. Когда Ната надѣвала какую-то особенно короткую полосатую юбку, позволявшую видѣть до самаго верха ея щегольскіе венгерскіе сапожки съ утомительно длиннымъ рядомъ пуговицъ, и, отбросивъ неудобную шляпку, повязывала на свои блестящіе волосы шелковый платочекъ какимъ-то особеннымъ бантомъ, напоминавшимъ легкія и яркія крылья бабочки; когда, набравъ столько корзинокъ, сколько могли захватить ея маленькія руки, Ната являлась въ такомъ видѣ на порогѣ классной — тогда все бывало кончено. Строгій голосъ Василія Васильевича совершенно терялся въ восторженныхъ крикахъ его питомцевъ, летѣвшихъ взывать къ материнской слабости Марьи Матвѣвны, и вооружившись своей тяжелой палкой съ головой сфинкса на набалдашникѣ, педагогъ вынужденъ былъ замыкать шествіе съ надменнымъ видомъ человѣка, побѣжденнаго неравнымъ оружіемъ.

Безутѣшная, что по мелкой и каменистой рѣчкѣ невозможно ѣздить на лодкѣ, Ната въ одинъ прекрасный день рѣшила прокатиться по бассейну, расчищенному для купанья, на простомъ плоту, устроенномъ для прачекъ; оставивъ для перваго раза на берегу своихъ товарищей, дѣвушка стала на самую середину съ полнымъ сознаніемъ всей важности равновѣсія и, вытащивъ длинный шестъ, ловкимъ ударомъ оттолкнулась отъ берега: въ ту же минуту животрепещущій плотъ началъ медленно и плавно погружаться въ воду. Къ счастью Василій Васильевичъ подоспѣлъ вовремя—Ната прыгнула прямо въ его объятія и съ этой минуты звала его не иначе какъ „мой спаситель". Она заставляла его таскать корзинки съ грибами и всюду носить за нею пеструю шаль, на которой отдыхала на травѣ; она придумывала тысячу способовъ язвить болѣзненное самолюбіе человѣка, не достаточно умнаго для своей собственной учености, противорѣчила каждому

его замѣчанію, нимало не затрудняясь утверждать какую угодно нелѣпость съ неподражаемымъ апломбомъ хорошенькой женщины, рѣшившейся истощить мужское терпѣніе. Въ обширномъ штатѣ московскихъ поклонниковъ Наты не было ни одного подобнаго экземпляра; ее забавляло несокрушимое мужское самомнѣніе, не мѣшавшее бѣдному педагогу теряться передъ каждымъ повелительнымъ взглядомъ и послѣ безчисленныхъ пораженій кидаться малодушно на коварную приманку перваго ласковаго слова; но въ настоящее отчаяніе приводило Василія Васильевича то, что онъ совершенно переставалъ существовать для Наты съ той минуты, какъ въ Овраги являлся Комовъ; она этого нимало не скрывала— брала назадъ свои обѣщанія, отмѣняла предполагаемыя прогулки, безцеремонно отсылала его отъ себя и весело летѣла надѣвать амазонку. Она совершенно завладѣла лошадью Марьи Матвѣевны, и волей-неволей Комовъ долженъ былъ сопровождать ее, чтобы не дать ей сломить шею въ безразсудной скачкѣ по полямъ и лугамъ Овраговъ.

Рѣшившись спастись бѣгствомъ изъ Москвы, „чтобы однихъ умиротворить, а другихъ наказать“—какъ она откровенно сознавалась—Ната была радостно удивлена, найдя у своей тетушки не только восхитительную природу, но и интереснаго кавалера.

— О, тетя, вы правы! у меня есть одинъ огромный порокъ... я хочу, чтобы всѣ были немножко влюблены въ меня!— объявила она въ первый же вечеръ, когда Лубянская, водворивъ ее въ ея комнатѣ, замѣтила ласково, что надѣется, Ната не будетъ очень скучать у нея, такъ какъ, повидимому, она сама умѣетъ объ этомъ позаботиться.

— Это дѣйствительно большой порокъ, потому что любовь всѣхъ никому не можетъ быть нужна,—отвѣтила совсѣмъ холодно тетка.

Ната была достаточно осторожна, чтобы ограничиться первымъ промахомъ. Во всякомъ случаѣ эта откровенность поставила ихъ на сторожѣ другъ къ другу. Дѣвушка нашла свою тетушку скучной педанткой и рѣшила не слишкомъ стѣсняться ея мнѣніями, такъ какъ ихъ отношенія чисто случайныя и мимолетныя.

Марьѣ Матвѣевнѣ только и оставалось, что перетерпѣть родственное посѣщеніе, соблюдая всѣ правила гостепріимства. Разумѣется, она не обязана была подчиняться прихотямъ племянницы, еслибы не боялась дать поводъ догадаться, что у солидной тетушки есть своя интимная жизнь, въ которую нимало нежелательно вмѣшательство третьяго лица.

Но когда она оставалась, такъ какъ теперь, совсѣмъ одна

и въ домѣ водворялась мертвая тишина, на нее находило сомнѣніе... Стоило ли выносить столько скуки, столько затаенной обиды? развѣ не была она свободна и вольна располагать своими чувствами? откуда бралось это непобѣдимое стремленіе скрывать и прятать?

Марья Матвѣвна съ нетерпѣніемъ ждала ихъ возвращенія, собираясь что-то передѣлать, что-то... бросить...

— Нагулялись? Ната, понравилась тебѣ мельница?—встрѣтила она ихъ привѣтливо на крыльцѣ.

— Нѣтъ, ничего хорошаго! Но, вы знаете, я всегда не прочь прокатиться въ веселомъ обществѣ!—отвѣтила Ната, ловко спрыгивая на землю.

Тутъ маленькій Витя громко прыснулъ со смѣху. Мать посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Да какъ же, мама... „веселое общество", когда они всю дорогу только и дѣлали, что ссорились!...

Лубянская обвела глазами надутую фигуру педагога, неестественно улыбавшагося Комова, Нату серьезно сжавшую губы— и вся ея веселость точно оборвалась.

— Сейчасъ подаютъ чай,—проговорила она сухо и ушла въ комнаты.

Василій Васильевичъ увелъ дѣтей, никого не удостоивъ взглядомъ.

— Мы ссорились?—сейчасъ же спросила Ната, поднявъ на Комова серьезные глаза.

— Ссориться могутъ только люди сколько-нибудь близкіе — мы спорили.

— Мы всегда споримъ... мы почти на все смотримъ разно... Это интересно, да?—досказала Ната скороговоркой.

Она внезапно остановилась и обернулась назадъ; такъ какъ она стояла на лѣстницѣ одной ступенькой выше его, то ея каріе глаза пришлись какъ разъ въ уровень съ его глазами.

— Да?—повторила она тихонько. Комовъ не хотѣлъ отвѣчать, Ната продолжала стоять—ихъ могли видѣть изъ оконъ.

— Вы любите спорить? Я нѣтъ!—проговорилъ онъ съ досадой.

Каріе глазки медленно сощурились.

— Воп!—протянула Ната многозначительно.

— Кокетка!—злился Александръ Андреичъ, сидя за чаемъ около хозяйки и чувствуя въ каждой мелочи, въ томъ, какъ ему подали стаканъ, какимъ тономъ говорили съ другими, — что она недовольна имъ. Онъ не хотѣлъ терпѣть и мимолетной тѣни на своихъ отношеніяхъ къ любимой женщинѣ... Развѣ ему нужно

что нибудь отъ пустой, безсердечной вертушки, избалованной поклоненіемъ, привыкшей играть въ живыя куклы? Говорятъ, въ Москвѣ у нея остался женихъ, нечего сказать, можно позавидовать этому несчастному! Онъ сурово взглядывалъ на Нату. Она сидѣла какъ разъ противъ него, кутаясь въ бѣлый шелковый платокъ. Такою онъ еще никогда не видалъ ее: смѣлые глаза смотрятъ задумчиво, почти печально... поблѣднѣвшія губы совсѣмъ не улыбаются, полуоткрытыя какъ у больныхъ дѣтей.

Еще новая комедія?! Тѣмъ не менѣе она раздражала его — эти внезапные переходы отъ бравурной, почти дерзкой смѣлости къ самой плѣнительной и граціозной женственности... Обидѣлась? Нѣтъ... Огорчилась? его словами?...

Комовъ провелъ рукою по волосамъ и отказался отъ второго стакана чая, который ему предлагали уже въ третій разъ.

— Да здравствуетъ благоразуміе!—воскликнула съ напряженной усмѣшкой Лубянская:—не останься я сегодня дома, быть можетъ, вернулась бы съ мельницы такая же разстроенная, какъ вы всѣ. Ната, ты до сихъ поръ все зябнешь?

— Да, мнѣ холодно, — отвѣтила дѣвушка какимъ-то упавшимъ, не своимъ голосомъ.

Комовъ вздрогнулъ и замѣтилъ поспѣшно:

— Это дѣйствительно далеко—васъ продуло, должно быть...

Ната рано ушла къ себѣ; на прощанье она послала ему долгій вопросительный взглядъ. Марья Матвѣвна и Комовъ остались одни.

— Что у васъ вышло?—спросила она рѣшительно.

— Ничего—что же вы можете предполагать?

— Я васъ спрашиваю!.. всѣ трое возвращаетесь какіе-то потерянные, Витя говоритъ—все ссорились—не даромъ же это?.. Боже мой, я не допрашивать васъ хочу, поймите, должна я понять?..

— Я не могу помочь вамъ понять! ничего не случилось... то, что̀ случается каждый день, когда намъ не удается и часа побыть другъ съ другомъ.—Что ей нужно здѣсь, вашей племянницѣ?!

— Зачѣмъ вы такъ волнуетесь?

— Я не хочу наконецъ! я не желаю, чтобы она вертѣла мной, вами—всѣмъ... чтобы вы подозрѣвали меня!..

— Я не подозрѣваю—въ самомъ дѣлѣ это ужасно!.. Я не хотѣла... Я боролась... Я всегда всѣхъ осуждала... и вотъ въ первую же минуту судьба точно смѣется надо мной!.. такъ ни съ кѣмъ не бываетъ... За что? развѣ ей вы нужны?!

Никогда Комовъ не видалъ ее въ подобномъ волненіи. Она

сжала ему руку своими холодными пальцами и, придвинувшись близко къ его лицу, смотрѣла на него съ такимъ смятеніемъ, съ такимъ страхомъ—какъ будто силилась прочесть на немъ что-то ужасное.

Онъ бросился цѣловать ея руки.

— Успокойтесь... изъ-за чего вы?—не стыдно ли ревновать?..

— Не говорите... не смѣйте говорить этого ненавистнаго слова. Не ревную... я вижу.

— Что вы видите?!—перебилъ онъ съ негодованіемъ.

— То, чтò будетъ—не смѣйтесь, это такъ ужасно!!

Нѣсколько минутъ они оба молчали, онъ точно заразился ея волненіемъ: „то, чтò будетъ...“ на мигъ ему показалось, что это не нелѣпая фраза, что можно угадать, почувствовать свою судьбу—и тутъ же всѣмъ существомъ своимъ онъ возмутился противъ этого. Его охватила невыразимая тоска, мучительная обида, какъ будто у него силой отняли что-то драгоцѣнное, чего онъ не успѣлъ еще узнать... разбили очарованіе, безъ котораго нѣтъ счастья... заставили заглянуть въ послѣднюю страницу книги, которая едва начата, которая была его жизнь... Онъ любитъ Марью Матвѣвну—и онъ ее разлюбитъ... разлюбилъ уже... Онъ полюбитъ Нату, которая его возмущаетъ, которая надъ нимъ смѣется... Все это вихремъ проносилось у него въ умѣ. Онъ сидѣлъ съ поникшей головой, какъ будто подавленный пророческимъ приговоромъ, произнесеннымъ не живыми устами приревновавшей женщины, а какой-то мистической властью, неотразимой какъ сама судьба. Лубянская испугалась дѣйствія своихъ словъ.

— Простите, я васъ обидѣла? Я страдаю; можетъ быть, я несправедлива—забудьте. Забудь!—шепнула она, краснѣя, какъ дѣвушка.

Въ глазахъ Комова вспыхнуло что-то жосткое и властное, чего она никогда не видѣла въ этомъ мягкомъ человѣкѣ.

— Да, забыть, забыть!.. Вы должны дать мнѣ забыть!.. Зачѣмъ вы это сдѣлали?—кто далъ вамъ право угадывать жизнь?.. Я никогда не былъ суевѣренъ, но вы что-то со мной сдѣлали!.. Жить не стоитъ, если знать напередъ собственныя безумства... Это ложно!—я васъ люблю... васъ!.. васъ!..

Она себя оберегала. Она торговалась за каждое слово, одной рукой отнимала то, чтò давала другой... Сейчасъ только въ первый разъ она ему сказала „ты“—въ награду за обиду—и сразу, въ одинъ мигъ она ужъ ничего больше не могла сдѣлать, ничему помѣшать... Ихъ любовь, о которой она мечтала со всѣмъ цѣломуд-

ріемъ чистой женщины, которую она заботливо ограждала отъ возможности промаховъ, гдѣ было все положено на вѣсы—его и ея прошлое, характеры, опытъ, лѣта, эта любовь стала дѣйствительностью внезапно, въ минуту сомнѣнія и испуга, когда на мигъ имъ обоимъ она показалась погибшею, показалось, что въ ней одной ихъ спасеніе...

— Да... я просто съ ума сошла, съ ума сошла!—твердила она сквозь слезы:—прости меня!.. никому я тебя не отдамъ... никому!!..

И когда поздно Комовъ уѣхалъ домой побѣдоносный и восторженный, она распахнула окно и безъ мысли, безъ страха, безъ сомненія долго смотрѣла умиленнымъ взоромъ на чудную панораму, которую она скорѣе угадывала, чѣмъ видѣла—лунныя ночи кончились.

VI.

Ната читала письмо.

„Неужели не довольно? Вы доказали лишній разъ, что у васъ нѣтъ сердца и что въ этомъ именно и заключается ваша сила—я далъ новую постыдную улику своему малодушію. Довольно! Бога ради довольно, Ната!.. Если вы дорожите сколько-нибудь моей любовью—не переходите грани, за которой нѣтъ больше примиренія, потому что цѣна за него черезъ-чуръ высока... Нѣтъ, и это ложь! я готовъ купить васъ всякой цѣной—не вѣрьте тѣмъ прекраснымъ словамъ, которымъ самъ я вѣрилъ до встрѣчи съ вами. Ни гордости, ни самолюбія, ни мужского достоинства—ничего, ничего у меня нѣтъ противъ васъ!.. Я не могу жить безъ васъ, пріѣзжайте!.. Пожалѣйте не только меня, но и себя. Зло можетъ быть обаятельно, можетъ торжествовать—но оно все-таки зло, а вамъ такъ просто и такъ легко быть хорошей!.. Вѣдь коварныя феи, ворующія сердца и вкладывающія на ихъ мѣсто куски холоднаго хрусталя—существуютъ только въ сказкахъ! ваше безжалостное сердечко растаетъ... оно запылаетъ пожаромъ—я вамъ отвѣчаю за это!.. Пріѣзжайте“.

Ната торжествовала надъ этимъ воплемъ страсти. Въ ея ушахъ звучалъ отвѣтъ оскорбленнаго жениха: „я подожду той минуты, когда вы сознаете свою вину и сами позовете меня“.—„Вамъ придется долго ждать!“ отвѣтила она, поворачивая въ рукахъ тотъ букетъ, изъ-за котораго они поссорились и съ которымъ она явилась въ Овраги.

Букетъ давно завялъ, но красовался у нея на комодѣ, какъ

побѣдный трофей. Та же почта принесла письмо отъ матери Наты, въ которомъ она уже во-второй разъ настоятельно требовала, чтобы дочь вернулась домой. Отложивъ его въ сторону безо всякаго вниманія, Ната перечитала еще разъ письмо жениха: „ни самолюбія, ни гордости, ни мужского достоинства...“. Это Ната называла любовью. Въ первую минуту она рѣшила, что сейчасъ же уѣдетъ, но потомъ вспомнила Комова, его раздраженное лицо—смущенный взглядъ, избѣгающій ея глазъ...

Пріятно прочесть подобное письмо! пріятно видѣть сильное существо распростертымъ у своихъ ногъ, но еще пріятнѣе первые замаскированные ходы той увлекательной игры, въ которой своенравная судьба сдала ей всѣ козыри... Когда мужчина теряетъ голову, Ната знала, чего отъ него ждать—но терялъ ее каждый на свой ладъ и для нея вся прелесть заключалась единственно въ этомъ процессѣ. Правда, мрачный морякъ, котораго она прозвала Байрономъ и который предлагалъ ей бросить жену и дѣтей и бѣжать съ нею въ Америку—взялъ да и застрѣлился въ одну недобрую минуту... Это было нелѣпо, и Ната ненавидѣла память этого человѣка, котораго она вовсе не намѣревалась отправлять на тотъ свѣтъ. Она не любила драмъ и трагическихъ оперъ, терпѣть не могла романовъ съ печальнымъ концомъ, и если ей случалось исторгать слезы изъ глазъ той половины человѣческаго рода, которая съ сотворенія міра относится презрительно къ сей соленой водѣ, это отнюдь не входило въ ея планы! Она никогда не плакала и, разумѣется, предпочла бы, чтобы и другіе умѣли страдать весело.

Подумавъ, Ната рѣшила, что не можетъ уѣхать, не изгладивъ впечатлѣнія вчерашняго дня. Недостаетъ, чтобы этотъ деревенскій левъ возмечталъ, что онъ покоритъ ея сердце и что она бѣжитъ такъ поспѣшно отъ опасности!..

Недолго думая, она написала отвѣтъ:

„Хотя я и представляю собою торжествующее зло—все же у меня нѣтъ ни малѣйшей охоты пользоваться минутой вашей слабости: я подожду того переворота, который долженъ произвести возвращеніе вашего мужского достоинства“.

Съ запечатаннымъ письмомъ въ рукѣ, напѣвая и улыбаясь своимъ мыслямъ, Ната вышла изъ своей комнаты и столкнулась въ столовой съ Василіемъ Васильевичемъ. Педагогъ подозрительно взглянулъ на конвертъ.

Adieu, adieu—я удаляюсь!
Loin de vous я буду жить,
Но cependant я постараюсь
Un souvenir de vous хранить!..

— Послушайте, мой спаситель, неужели у васъ хватитъ духу дуться на меня въ послѣднія минуты?

— Вы уѣзжаете?!..

— Я получила два письма—меня зовутъ, требуютъ, жить безъ меня не могутъ!—я пишу, что выѣду послѣ завтра,—сочинила Ната. Онъ посмотрѣлъ на нее, потомъ какъ-то разомъ ему представилась прежняя монотонная жизнь Овраговъ безъ этого очаровательнаго маленькаго тирана...

— Я тоже разсчитываю уѣхать отсюда недѣли черезъ двѣ,—отвѣтилъ онъ экспромтомъ для самого себя.

— Да? тетя ищетъ новаго учителя? Я не знала. Вы, вѣроятно, въ Петербургъ?—спрашивала невинно Ната.

— Не знаю; можетъ быть, въ Москву.

— О, въ такомъ случаѣ вы должны быть на моей свадьбѣ!—только поторопитесь, у моего жениха врядъ ли хватитъ терпѣнія еще на двѣ недѣли.

— Вы выходите замужъ?... вы шутите?..—бормоталъ педагогъ, не зная, дурачитъ она его по своему обыкновенію или говоритъ правду.

— Почему же это?

— Потому что, оттого что... въ такомъ случаѣ позвольте вамъ замѣтить, что это возмутительно!.. и я... я очень жалѣю, я особенно жалѣю...

— О, чемъ, о чемъ, Бога ради?—захохотала Ната.

Василій Васильевичъ весь дрожалъ отъ негодованія. Онъ пытался благоразумно удалиться, чтобы не наговорить лишняго; но Ната удержала его за рукавъ, сдѣлавъ неожиданно грозное лицо:

— Нѣтъ-съ, постойте... Нельзя безнаказанно говорить женщинѣ, что она возмутительна!

— Извините, но это мое мнѣніе... я въ правѣ высказать его какъ и всякое другое. Кокетство всегда вещь мелкая, недостойная; но кокетничать, будучи невѣстой, это... это именно возмутительно!..

— Я кокетничала съ вами?

Василій Васильевичъ, красный какъ ракъ, каждую минуту судорожно поправлялъ очки, за которыми безпокойно бѣгали его небольшіе желтовато-сѣрые глазки.

— Я о себѣ не говорю-съ! вы, вѣроятно, считаете себя въ правѣ потѣшаться надъ такимъ маленькимъ человѣкомъ... я не дуракъ, чтобы предполагать что-нибудь... Я о себѣ и не говорю-съ!...

— Вамъ дѣлаетъ честь, что вы принимаете такъ близко къ

сердцу интересы другихъ!—проговорила Ната съ апломбомъ.— Только на эту тэму даже и словъ тратить не стоитъ... Я сто разъ уже подтверждала: да, да, я кокетка! —и чего же лучше?—я исчезаю, и у васъ водворится ваша прежняя добродѣтельная атмосфера. Александръ Андреичъ будетъ трепать ленъ, растить телятъ, молотить, прессовать que ce que j'en sais!—тетя... тетя.. да подскажите же скорѣе!..

— Успокоится,—выговорилъ внезапно учитель.

— А развѣ она волнуется?.. теперь?.. изъ-за меня?.. О, что вы говорите, Василій Васильичъ!..

— Я ничего подобнаго не говорилъ!—испугался педагогъ.

Ната бросала на него короткіе пытливые взгляды, которые спрашивали: такъ ли я поняла это? Въ сосѣдней комнатѣ раздались шаги...

— Ну, вотъ что, молчите пока!—рѣшила дѣвушка.—На-те письмо, отправьте скорѣе съ кѣмъ знаете. Это отсрочка. Рады?...

Василій Васильевичъ вспыхнулъ некрасиво, пятнами, какъ онъ всегда краснѣлъ.

— Радоваться?...—началъ было онъ глубокомысленно; но Ната безцеремонно замахала рукой и проскользнула мимо него на встрѣчу теткѣ.

Ната никогда не была наблюдательна; она была для этого черезъ-чуръ поглощена своей особой; но если въ легкомысленную головку западала случайно какая-нибудь догадка—она обращалась съ нею съ свойственной ей смѣлостью.

Приглядѣвшись внимательно, не трудно было замѣтить, что Лубянская находится въ состояніи какого-то страннаго умиленія, представлявшаго самый разительный контрастъ съ прежней, не совсѣмъ естественной сдержанностью ея обращенья съ племянницей... Она слушала то, что̀ ей говорили, съ такимъ лицомъ, что было совершенно ясно, какого усилія ей стоило не терять нити разговора. Ея взоръ, ни отъ чего не мѣняясь, сіялъ кроткимъ внутреннимъ свѣтомъ, и это немножко виноватое выраженіе человѣка, обезсиленнаго наплывомъ счастья, въ такой мѣрѣ мѣняло ее, что, не найдя сразу вѣрнаго сравненія, Ната рѣшила, что оно совершенно „не идетъ къ ней“.

Комовъ не пріѣхалъ. Онъ прислалъ письмо, въ которомъ увѣрялъ, что не въ силахъ испортить своего блаженства той досадой, которую придется испытывать отъ безтактности Наты.

„И потомъ въ жизни есть такія минуты, надъ которыми каждый долженъ остановиться, пережить ихъ во всемъ ихъ объемѣ и значеніи, пережить съ самимъ собой—а не рваться легкомысленно

впередъ, на смѣну новымъ ощущеніямъ... Согласны вы со мною, мой прекрасный другъ?.. Со вчерашней ночи я думалъ, думалъ... сказать не могу, сколько я передумалъ!.. О будущемъ, о нашей общей жизни, о васъ и о томъ новомъ значеніи, которое получило мое существованіе теперь, когда нашъ союзъ скрѣпленъ навсегда,—свидѣтель Богъ, что я это не только чувствую—я этимъ весь проникнутъ!.. Буду у васъ завтра, когда сколько нибудь разберусь въ себѣ. Цѣлую безъ счета ваши—мои ручки"...

Цѣлый день Марья Матвѣвна ходила съ этимъ письмомъ въ карманѣ съ такимъ ощущеніемъ, какъ будто въ этомъ карманѣ лежитъ спокойствіе и блаженство всей ея жизни... Она тутъ же рѣшила, что они женятся. Какая нелѣпость—бояться!.. чего?.. старости?.. развѣ неодинаково больно было бы потерять его не мужемъ?.. И какъ это было глупо съ ея стороны!.. Подѣломъ, сама и наказана: еслибъ она тогда же объявила себя невѣстой, Ната давно ужъ спаслась бы бѣгствомъ изъ скучной атмосферы счастливыхъ любовниковъ. Одинъ мигъ ее охватило безразсудное желаніе сказать сію минуту—объявить этой двадцати-лѣтней красавицѣ, что у нея, у тридцати-восьми-лѣтней матери семейства, есть своя любовь, лучезарная и глубокая, что надъ нею занимается заря новой жизни—очаровательная и заманчивая, какою она никогда не можетъ быть для самонадѣяннаго ребенка, блуждающаго ощупью!.. Вторая жизнь... О, да, одной мало!.. Столько нужно исправить и иначе понять... по другому оцѣнить... Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait!.. Неужели же ей это дается?!..

Передъ дѣтьми Марья Матвѣвна не испытывала больше угрызенія, оно притаилось гдѣ-то въ самой глубинѣ сердца. Мелькнула даже мысль, что могутъ быть еще дѣти—дѣвочка. Было досадно на это непроизвольное забѣганье мысли; но изъ прежняго, изъ всего, чтò она думала раньше, считала драгоцѣнными итогами половины своей жизни, изъ всего, чтò она противуставляла желаніямъ и надеждамъ Комова въ первый періодъ ихъ сближенія—изъ всего этого совсѣмъ ничего не удержалось. Какъ будто цѣлый строй понятій былъ смытъ безслѣдно первой же волной осязаемаго, реальнаго счастья... Торговаться и резонировать легко до поры до времени!.. Когда все существо полно однимъ ощущеніемъ удовлетворенія, когда сердце таетъ въ груди въ наплывѣ непобѣдимой нѣжности... когда будущее широкой и гладкой дорогой убѣгаетъ въ лучезарную даль—гдѣ взять силы самому поднять на себя руку?.. гдѣ взять охоту помнить только горькое и безотрадное?.. „Я живу по старой памяти",—писала Марья Матвѣвна въ

своемъ письмѣ,—теперь и память ей измѣнила. Всѣ собственныя рѣшенія представлялись однимъ сплошнымъ заблужденіемъ...

Когда Комовъ пріѣхалъ на другой день, онъ былъ пораженъ такой перемѣной—радостной отдачей себя, всего своего существа, всѣхъ помысловъ и желаній ему одному... „Да, да!..“ „какъ хочешь!..“ „какъ знаешь!“—отвѣчала она, улыбаясь совсѣмъ новой, однообразной улыбкой...

Онъ былъ на седьмомъ небѣ... Но странно... въ этой новой, влюбленной и покорной женщинѣ онъ все отыскивалъ прежнюю Марью Матвѣвну, съ меланхолическимъ отпечаткомъ разочарованія... Ему все мерещилась прежняя, затаенная нѣжность задумчиваго взгляда, недовѣрчивая усмѣшка серьезныхъ устъ... Изъ ихъ отношеній слишкомъ внезапно исчезъ особенный оттѣнокъ нѣжнаго покровительства женщины одних лѣтъ, которая всегда считаетъ себя неизмѣримо старше.

Марья Матвѣвна и повела себя сразу совсѣмъ иначе; послѣ обѣда къ крыльцу неожиданно подали кабріолетъ, и когда дѣти ворвались въ комнату объявить объ этомъ, она надѣла шляпу и предложила Комову поѣхать съ нею по хозяйству.

— Мнѣ нуженъ вашъ совѣтъ,—добавила она, лукаво уклоняясь отъ его взгляда и весело шелестя по полу складками пышнаго свѣтлаго платья, котораго онъ тоже не замѣчалъ у нея до этого дня.

— Вотъ видите—можно же!..—попрекнулъ онъ, торжествуя передъ Натой, которая осталась стоять на крыльцѣ.

— Да!.. все можно, все—когда вѣришь! когда знаешь, такъ, какъ теперь...

— Вы раньше не вѣрили?..

— Ахъ, не то!.. будетъ тебѣ разбираться... очень нужно — какое-то слѣдствіе!..

Она засмѣялась груднымъ смѣхомъ и смотрѣла на него—точно завѣса спала съ ея глазъ... Сказать ему сейчасъ?.. сегодня же объявить всѣмъ.

„Нѣтъ... нужно, чтобы онъ первый опять заговорилъ объ этомъ“... вспомнила она съ трудомъ.

— Ты счастливъ?..—спрашивала она безпрестанно и выслушивала его бурныя изліянія съ загадочной улыбкой человѣка, который одинъ знаетъ что-то очень хорошее и самое важное...

Комовъ забывалъ править; легкій кабріолетъ подкидывало, лошадь выбирала дорогу по собственному вкусу.

— Ты меня вывалишь!

— Виноватъ... не видалъ!.. ради Бога... прости...—извинялся онъ съ легонькой, едва уловимой запинкой передъ этимъ „ты".

Она, напротивъ, произносила его совершенно свободно и очень охотно, а Комовъ все сбивался на „вы" и поправлялся съ счастливой улыбкой.

День былъ сѣренькій, очень тихій... Высоко въ небѣ стояли сплошныя бѣлыя облака; холодный, бѣлый свѣтъ заливалъ широкій ландшафтъ безъ тѣней, проникая въ самую чащу до половины облетѣвшихъ деревьевъ, и въ этомъ ровномъ освѣщеніи выступали особенно отчетливо бурые и желтые цвѣта, сухіе тоны и отчетливыя очертанія убранныхъ полей и травъ. Одни изумрудные коврики озимыхъ всходовъ пестрѣли яркими заплатами, нарушая гармонію общаго колорита. Вездѣ было пусто; лишь кое-гдѣ виднѣлись медленно ползущія точки высокихъ возовъ съ сѣномъ и доносился унылый скрипъ колесъ. Скотъ блуждалъ въ разбродъ, безъ всякаго стѣсненія... Цѣлыя семейства молодыхъ ястребовъ описывали въ воздухѣ свои плавные круги, отсвѣчивая огромными сѣрыми крыльями... Заяцъ перебѣжалъ дорогу...

— Дурной знакъ!..—показала съ улыбкой Марья Матвѣвна, очевидно не вѣря въ эту минуту ничему дурному.

Возвращаясь, они встрѣтили недалеко отъ дома дѣтей и Нату подъ руку съ учителемъ. Лубянская ласково прищурилась на племянницу съ высоты своего сидѣнья.

— Зачѣмъ вы выходите такъ легко одѣтая послѣ вчерашней простуды?—замѣтилъ Комовъ.

— Merci!..—протянула Ната иронически.

— За что merci?.. — не поняла Марья Матвѣвна. — Витя! дальше отъ лошади! — она перехватила возжи и умчала своего спутника, прежде чѣмъ онъ успѣлъ что-нибудь прибавить.

— Ты счастливъ?—спросила она, спустившись на землю.— Ты счастливъ?—повторила она, приведя его въ свою комнату и соображая, что дѣти не могутъ вернуться ранѣе получаса.

VII.

Комову совершенно неожиданно пришлось прогнать главнаго прикащика. Обыкновенно онъ такъ усердно занимался хозяйствомъ, что никакія злоупотребленія не были возможны въ Боркахъ; но въ послѣдніе мѣсяцы, занятый своими сердечными дѣлами, Александръ Андреичъ предоставлялъ другимъ вѣдаться какъ они знаютъ, надѣясь, что хорошо налаженная машина нѣкоторое время можетъ

идти и сама собой. Плутовство Якима вышло наружу, благодаря тому, что онъ обидѣлъ чѣмъ-то черноглазую Варюшу, и безъ того раздраженную пренебреженіемъ своего покровителя. Дѣвушка съ громкимъ плачемъ ворвалась въ кабинетъ и вмѣстѣ съ шумными жалобами на собственную горькую участь постаралась отомстить неосторожному врагу.

Комовъ вышелъ изъ себя уже потому сильнѣе, чѣмъ въ сущности стоило, что одинъ видъ Варюши приводилъ его въ совсѣмъ особенное раздраженное состояніе. Давнымъ-давно пора было отослать ее изъ Борковъ, но ему хотѣлось уладить это какъ можно благовиднѣе, и только за недосугомъ онъ не началъ еще своихъ переговоровъ съ ивановскимъ мельникомъ. Теперь, намѣренно поддерживая въ себѣ взрывъ вспыльчивости, Комовъ рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ и „очистить Борки". Варюша, такъ неудачно вырывшая яму другому, въ тотъ же вечеръ отправлена была на огромной подводѣ, заваленной ея крѣпкими сундуками и мягкими перинами; но Якимъ не терялъ еще надежды „оправиться" передъ бариномъ—и въ Боркахъ шло шумное разбирательство, въ которомъ каждый, спасая себя, пытался запутать другого.

Александръ Андреичъ собирался-было вечеркомъ съѣздить въ Овраги, но кончилъ тѣмъ, что остался дома, повинуясь инстинктамъ энергичнаго хозяина ни на минуту не выпускать дѣла изъ своихъ глазъ.

До слѣдующаго утра дрязги, какъ водится, удвоились: явилась откуда-то никогда невиданная тетка Варюши и принялась пространно выводить линію родства, пока ей не заткнули рта подачкой... Второй пастухъ, сильно навеселѣ, проговорился кому-то о давнишней стачкѣ Якима съ лѣсникомъ и брался представить доказательства; это окончательно вывело изъ себя Комова, не потому, чтобы онъ дрожалъ за цѣлость своего любимаго дѣтища, лѣса, но потому, что подобное подозрѣніе затрогивало уже его репутацію и самолюбіе образцоваго хозяина.

Все это такъ сердило и такъ волновало молодого владѣльца Борковъ, что онъ—что называется—съ головой ушелъ въ свои домашнія дѣла и въ подобномъ состояніи не могъ, разумѣется, думать о Марьѣ Матвѣвнѣ и о поѣздкѣ въ Овраги... Только въ глубинѣ души притаилось радостное сознаніе, что тамъ, слава Богу, все устроилось, надъ его жизнью взошло наконецъ въ всемъ блескѣ жаркое солнце женской любви!.. Но это сознаніе не мѣшало жить, отдаваться всецѣло неожиданно нахлынувшимъ забо-

тамъ—оно, напротивъ, придавало энергіи... Любимое дѣло, заброшенное столько времени, стало опять и близко, и мило...

Подъ вечеръ третьяго дня Комова неожиданно потребовали на крыльцо, гдѣ запыхавшійся крестьянскій мальчикъ сбивчиво и испуганно толковалъ о какой-то лошади и о барышнѣ, которая лежитъ на дорогѣ „дюже зашибшись"... Онъ не могъ взять въ толкъ, о комъ идетъ рѣчь и, ничего не понявъ, велѣлъ скорѣе проводить себя туда.

Лошади на мѣстѣ происшествія уже не оказалось, но не вдалекѣ отъ дороги, на краю глубокой канавы лежала Ната. Комовъ издали сейчасъ же узналъ ее, прежде чѣмъ увидѣлъ ея лицо; круглая шляпка скатилась въ канаву, каріе глазки робко и жалобно взглянули на него изъ-за блестящихъ прядей спутанныхъ волосъ. Дѣвушка приподнялась на локтѣ и старалась улыбнуться блѣдными и дрожащими губами.

— Не бойтесь... ничего серьезнаго... Меня оглушило немного и спинѣ больно...

У Комова сердце сжалось... Развѣ не онъ виноватъ въ этомъ несчастіи, онъ, ея невѣрный спутникъ!..

— Какъ вы сюда попали? — разспрашивалъ онъ потерянно.

— Я хотѣла перескочить канаву—вѣдь не въ первый разъ!.. Не понимаю, какъ это случилось... Я не знаю, отчего я упала... Лебедь вернется домой и напугаетъ тетю! Дайте мнѣ вашу руку... охъ... охъ, какъ больно!.. охъ...

Ната попыталась встать и повисла на его рукахъ.

— Ничего... ничего!.. Только встать не могу... Вы знаете, Лебедь прыгалъ всегда послѣ вашего Копчика — вѣрно онъ не умѣетъ одинъ...

Комовъ послалъ за садовничьими носилками, наложилъ на нихъ сѣна и бережно уложилъ Нату.

— Мы отнесемъ васъ ко мнѣ; невозможно тащиться въ Овраги, не осмотрѣвъ ушиба,—объявилъ онъ очень строго, стараясь не смотрѣть въ довѣрчиво обращенное къ нему лицо; онъ шелъ рядомъ съ носилками, слегка придерживая за край, и нетерпѣливо кусалъ свои мягкіе усы.

— Какъ хотите... но вы принимаете непрошенную гостью съ такимъ видомъ разгнѣваннаго гувернера... Я начинаю бояться... Это очень стѣснительно для васъ?.. Тетя, конечно, пріѣдетъ за мною въ коляскѣ и я сейчасъ же уѣду...

— Мы это увидимъ,—отвѣтилъ онъ сухо.

Въ кабинетѣ Комова стоялъ большой турецкій диванъ—вѣрный товарищъ думъ и волненій своего одинокаго хозяина; укла-

дывая на него Нату, Александръ Андреичъ пришелъ въ ужасъ отъ его побурѣвшей обивки, какъ будто увидѣлъ ее въ первый разъ. Въ комнатѣ прочно укоренился запахъ табаку, въѣвшійся во всѣ предметы, давно небѣленый потолокъ, закопченыя сторы, вытертый коверъ, папиросные окурки, груды безобразныхъ хозяйственныхъ книгъ и засаленныхъ бумагъ на столѣ, передъ которымъ онъ только-что занимался—все это какъ будто сгорѣло со стыда вмѣстѣ съ молодымъ хозяиномъ, когда на огромномъ диванѣ появилась маленькая тоненькая фигурка, затянутая въ амазонку, и на привычную обстановку внезапно упалъ новый свѣтъ изъ пары бархатныхъ темныхъ глазъ.

Комовъ, сконфуженный и разсерженный, бросился распоряжаться: верховые помчались — одинъ за докторомъ, другой въ Овраги; въ кабинетѣ собрался весь имѣвшійся на лицо женскій персоналъ Борковъ, хозяинъ собственноручно съ ожесточеніемъ разрывалъ на куски тонкое бѣлье, рѣшивъ до пріѣзда доктора прибѣгнуть къ холоднымъ компрессамъ; впрочемъ, больная отказалась отъ нихъ наотрѣзъ.

— Не надо!.. тетя сейчасъ пріѣдетъ... Я не хочу!..—твердила она капризно.

Но скоро у нея показался легонькій жаръ; она говорила безъ умолку и каждую минуту звала къ себѣ Комова.

— Куда вы все убѣгаете?.. неужели у васъ такія спѣшныя дѣла именно въ эту минуту?

— Вамъ вредно говорить много...

Ната принялась хохотать.

— Ахъ, какое у васъ лицо!.. Что такое вы изрекли?.. Мнѣ вредно говорить—а скучать, по вашему, не вредно?..

Онъ вырвался подъ предлогомъ сдѣлать ей питье, но сейчасъ же опять повелительно зазвенѣлъ колокольчикъ. Дѣвушка приподнялась на локтѣ и кусала губы, чтобы не расплакаться. Большіе глаза стали еще больше и чернѣе.

— Пришлите ко мнѣ кого-нибудь!.. все равно, какую-нибудь изъ этихъ... вашихъ дуръ... я не могу одна... мнѣ страшно!..

Она упала на подушку и расплакалась, какъ ребенокъ.

Комовъ опустился на колѣни около дивана и, самъ не понимая, что̀ дѣлаетъ, принялся нѣжно гладить ея горячую руку. Ната затихла и нѣсколько минутъ молча смотрѣла на него сіяющими глазами; но вотъ въ ея разгоряченномъ лицѣ мелькнуло что-то лукавое, пунсовая губка коварно приподнялась надъ плотно сцѣпленными блестящими зубами. Онъ никогда не могъ выносить равнодушно этой улыбки—въ ней было что-то властное и без-

жалостное. Теперь онъ смотрѣлъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи, не отрывая глазъ, пока подъ окномъ явственно раздался стукъ подъѣхавшаго экипажа.

— Марья Матвѣвна—слава Богу!..

— Постойте!..—Ната крѣпко держала его за руку,—хотите знать... какъ я... упала?..—спросила больная шопотомъ и пригнулась къ самому его лицу.

У него упало сердце, онъ не сомнѣвался въ этотъ мигъ—потому что это былъ всего одинъ мигъ—что то, что̀ она скажетъ, страшно, важно для него, для всѣхъ.

Въ комнату стремительно вошла Марья Матвѣвна, и Ната выпустила его руку, не договоривъ своей фразы.

Александръ Андреичъ едва сознавалъ то, что̀ дѣлалось кругомъ него; онъ бѣгалъ, хлопоталъ, исполнялъ приказанія, изумлялъ Лубянскую своей несообразительностью и пуще всего радъ былъ, что безъ него есть кому распоряжаться.

— Я надѣюсь, что въ этомъ нѣтъ ничего серьезнаго; не понимаю, отчего ты такъ напуганъ?—замѣтила наконецъ Марья Матвѣвна.

Съ женскимъ умѣніемъ и быстротой, она сейчасъ же привела все въ порядокъ: Ната значительно успокоилась, когда ее расшнуровали, уложили покойно и обложили голову льдомъ. Въ сакъ-вояжѣ тётушки оказались какія-то капли, которыя она сейчасъ же дала больной и шутя совѣтовала кстати уже принять также и Комову. Изъ кабинета вынесли кое-какія вещи, неизвѣстно откуда достали ширму, спустили сторы и накурили уксусомъ съ одеколономъ. Когда Комовъ вошелъ на цыпочкахъ, чтобы взять изъ своего стола необходимыя вещи, собственная комната охватила его чѣмъ-то таинственнымъ и невѣдомымъ. Онъ робко скользнулъ взглядомъ за ширму, но ровно ничего не увидѣлъ.

— Не бѣда, если и забудете что-нибудь, сюда войти всегда можно, а вотъ собакъ вашихъ велите убрать куда-нибудь подальше, они ее пугаютъ.

„Отчего она обо всемъ думаетъ, все замѣчаетъ, а я брожу какимъ-то идіотомъ?"—спросилъ себя хозяинъ Борковъ и не нашелъ никакого отвѣта. Онъ слышалъ мѣрные и сильные удары своего сердца и, какъ присутствіе чего-то посторонняго—смутное сознаніе, что вотъ случилось-таки что-то какъ-будто знакомое... угрожавшее давно...

Доктора прождали напрасно до поздней ночи. Больная спала тревожно и, просыпаясь, каждый разъ звала Комова.

— Тетя... я все забываю, что вы пріѣхали!..—извинялась

она, приходя въ себя и отпивая изъ стакана, который ей подавала тетка.

Комовъ, одѣтый, прилегъ на диванѣ въ сосѣдней комнатѣ, готовый вскочить при первой надобности, но его ниразу не потревожили. Короткія мгновенія дремоты смѣнялись цѣлыми часами лихорадочнаго раздумья. Рядомъ съ физическимъ ощущеніемъ „бѣды", въ его головѣ шла спѣшная, сбивчивая работа мысли—такая работа, какая возможна только въ минуты особеннаго нервнаго напряженія и притомъ непремѣнно ночью. Темно. Тихо. Нѣсколько часовъ безсонницы представляются необъятнымъ пространствомъ времени... разгоряченная фантазія вырывается изъ привычной власти, дѣлаетъ самые рискованные скачки, безъ малѣйшаго удивленія переходитъ къ такимъ неожиданностямъ, которыя привели бы въ ужасъ при дневномъ свѣтѣ!.. Все далеко запрятанное, вся суть инстинктивныхъ движеній человѣческой природы, уравновѣшенная разсудкомъ, цѣлымъ строемъ нравственныхъ понятій и привычекъ—все смѣло, не чинясь, выступаетъ во мракѣ... По временамъ незамѣтно подкрадываются неуловимые промежутки забытья, но и они не отрезвляютъ, а только къ хаосу чувствъ и мыслей прибавляютъ сбивчивый хаосъ грёзы, какъ будто еще растягиваютъ безконечные часы.

Во снѣ или на яву Комовъ сказалъ себѣ въ первый разъ, что онъ любитъ Нату, а не Марью Матвѣвну, что это была сумасбродная, роковая, безчестная ошибка?!.. Слово, разъ выговоренное, настойчиво возвращалось: „ошибка?!" — произносилъ онъ съ ужасомъ, съ возмущеніемъ; „ошибка",—повторялъ подъ утро уже съ безчувствіемъ притупившейся боли.

Очаровательный образъ Наты неотступно стоялъ въ глазахъ. Недоговоренная ею таинственная фраза разрослась во что-то колоссальное, полное рокового смысла, и онъ вполнѣ отчетливо сознавалъ, что отнынѣ его самое пламенное желаніе—услышать отъ нея цѣликомъ эти слова.

Утромъ пріѣхалъ, наконецъ, докторъ, осмотрѣлъ больную, нашелъ ушибъ довольно значительнымъ и предписалъ полное спокойствіе. О переѣздѣ въ Овраги нечего было и думать.

Веселый старичекъ-докторъ былъ давнишній пріятель Комова; закусывая въ столовой домашними копченьями и соленьями, онъ лукаво посматривалъ въ осунувшееся, разстроенное лицо хозяина.

Дневная жизнь отрезвила Комова. Все, что ночью казалось неотразимымъ и роковымъ, теперь возмущало и пристыдило его до глубины души. Онъ старался совсѣмъ не думать; потрясенные

нервы упали, на сердцѣ отвратительной горечью шевелилось презрѣніе къ самому себѣ.

— Н-да-съ, доложу я вамъ,—улыбнулся докторъ между двумя рюмками смородинной настойки,—барышня, можно сказать, на рѣдкость: кра-са-вица!.. Да вы, батенька, чего это мертвецомъ такимъ смотрите? успокойтесь, живо поправится! краше прежняго расцвѣтетъ...

— Да я и не безпокоюсь вовсе...

— Та, та, та... нашли дурака! а глазъ-то у меня докторскій на что?.. и ей-Богу важно это, давно вамъ жениться пора. Все это ваше хозяйство, приволье и раздолье всяческое—ну, на что къ чорту все это годно, такъ-сказать, безъ души, безъ жизненнаго нерва?.. а?..

— Вы, докторъ, пожалуйста, оставьте это,—остановилъ его съ видимымъ усиліемъ Комовъ.

— Оставить—такъ оставить, мы и это можемъ!.. а только мой вамъ совѣтъ—не мудрствуйте лукаво!.. смотрите, время настоящее пропустите, потомъ того и гляди специфическая холостая трусость нападетъ... Кажется, вѣдь и близокъ локоть—анъ нѣтъ, не укусишь!..

Докторъ уѣхалъ послѣ завтрака, велѣлъ прислать верхового въ случаѣ нужды, а самъ обѣщалъ пріѣхать черезъ два дня.

Когда Марья Матвѣвна спросила Комова, ей сказали, что онъ ушелъ по хозяйству.

VIII.

Овраги опустѣли.

Единственнымъ распорядителемъ оставался Василій Васильевичъ въ тѣхъ случаяхъ, когда некогда было летѣть за приказаніями въ Борки.

Педагогъ въ два дня нестерпимо надоѣлъ цѣлому дому своими нотаціями и неумѣстнымъ глубокомысліемъ въ самыхъ простыхъ вопросахъ; какъ человѣкъ зависимый, онъ пользовался временной властью какъ-то особенно тяжеловѣсно и чувствительно. Прислуга, всегда не терпѣвшая его за отсутствіе простоты и добродушія и по своему презиравшая за его подчиненное положеніе—теперь повиновалась по неволѣ, слово-за-слово отстаивая собственныя мнѣнія и громко грубя за спиной. Дѣти тосковали и со скуки вели себя дурно. Нельзя было узнать мирныхъ Оврагowъ, привыкшихъ къ кроткой и опытной власти своей владѣтельницы.

А въ Боркахъ, между тѣмъ, установилась какая-то чрезвычайная жизнь, внѣ обычныхъ условій, полная совсѣмъ особенной прелести положенія, гдѣ человѣкъ внезапно становится плѣнникомъ случая... Для вчера сошедшихся любовниковъ, что могло быть плѣнительнѣе этого?

Длинные дни и ночи у постели больной... Жизнь подъ одной крышей, съ ежеминутными встрѣчами, съ шутками и ласками вполголоса, на ходу, съ компрессомъ или склянкой лекарства въ рукахъ—и надо всѣмъ убаюкивающее сознаніе, что это вынужденно, не по доброй волѣ собственныя дѣла заброшены, забыты давно прискучившія житейскія заботы, а на просторѣ и на свободѣ побѣдоносно разгорается могучая страсть, какъ пожаръ въ тихую, знойную засуху.

Марья Матвѣвна забывалась въ блаженномъ чаду... Послѣ всегда дѣятельной и занятой жизни этотъ полный досугъ имѣлъ для нея особенную цѣну. Видѣть Комова цѣлый день, просидѣть съ нимъ вдвоемъ до поздней ночи, когда больная уже давно спала и, наконецъ, заснуть, уставъ отъ счастія, съ цѣлымъ раемъ въ душѣ и съ такимъ же завтрашнимъ днемъ впереди.

Она отдавалась этому всецѣло. Домашнія неурядицы ее не заботили, жалобы дѣтей мало трогали: выслушавъ Василья Васильевича, она неизмѣнно брала его сторону и безстрастнымъ тономъ читала нотаціи своимъ мальчуганамъ, впервые страдавшимъ на чужихъ рукахъ. Дѣтское горе такъ легко и такъ удобно назвать капризомъ, когда почему-нибудь не до него!.. Нѣжная мать вдругъ стала эгоисткой... Чуткій, внимательный глазъ будто чѣмъ затуманило. Одинъ разъ она сухо и непріязненно пригрозила отвезти ихъ въ Москву въ училище, если они не будутъ вести себя умнѣе. Она не замѣчала въ себѣ этой перемѣны.

Марья Матвѣвна не замѣчала и еще многаго другого. Она не видала, что счастье Комова было только блѣднымъ отраженіемъ ея собственнаго, что онъ, такъ настойчиво добивавшійся ея любви, былъ теперь странно пассивенъ, робокъ и тревоженъ. Отъ нея ускользало, что онъ шелъ на ея зовъ, улыбался на ея улыбки, отвѣчалъ на ея поцѣлуи.

Ната лежала вторую недѣлю, въ жизнь свою она еще не испытывала подобной скуки; чувствуя себя виноватой во всей этой суматохѣ, она безпрекословно отдалась тетушкинымъ заботамъ, но мало-по-малу ей стало казаться, что эти заботы дѣлаютъ ее гораздо болѣе больною, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. Зная въ чемъ тайна, дѣвушка прямо заподозрила Марью Матвѣвну въ намѣренной хитрости. Комовъ никогда не входилъ въ кабинетъ

одинъ; наскучивъ выжидать удобнаго случая, Ната однажды подозвала его къ себѣ, когда онъ читалъ вслухъ, сидя у дальняго окна.

— Что-нибудь нужно?.. Скажи мнѣ...

— Все равно, тетя... сидите! мнѣ и Александръ Андреичъ подастъ,—отвѣтила дѣвушка непринужденно.

„Я хочу видѣть васъ одного...“—шепнула она настойчиво, когда Комовъ подавалъ плэдъ, которымъ она пожелала укрыться.

Онъ кинулъ ей испуганный взглядъ и поспѣшно отошелъ къ окну. Онъ долго еще читалъ вслухъ. Натѣ въ этотъ день было не такъ скучно, ее занимало, что̀ онъ сдѣлаетъ, чтобы исполнить ея желаніе?

— Право, можно подумать, что мы надоѣли вамъ!—пошутила за обѣдомъ Марья Матвѣвна,—такой у васъ видъ сегодня... Eh bien?.. Чего недостаетъ?—добавила она тихо, съ счастливой лаской.

Комовъ молча поцѣловалъ ея руку и неожиданно взялся за тарелку, которую обыкновенно ключница относила къ барышнѣ.

Марья Матвѣвна не удерживала его. Онъ не желаетъ, чтобы она допрашивала, конечно, потому, что всѣ подобные припадки недовольства касаются ея отказа обвѣнчаться. Давнымъ-давно она объясняла такимъ образомъ набѣгавшія тучки; ее немного сердило только, что Комовъ никогда не возобновляетъ этого разговора, мало того, онъ точно не понимаетъ ея намековъ, всѣхъ невинныхъ пріемовъ, которыми она старалась навести его на происшедшую въ ней перемѣну.

Ната вспыхнула отъ неожиданности, когда Комовъ, блѣдный и серьезный, очутился передъ нею съ порціей цыпленка въ рукахъ.

— О, я не ожидала теперь!.. Я не могу сказать въ двухъ словахъ.

— Это секретъ?..

— Вы должны мнѣ помочь... я здорова и не хочу, чтобы меня нарочно дѣлали больной!.. Я помѣшаюсь съ тоски!.. Я хочу встать!.. Я не виновата, что тётѣ не хочется возвращаться домой!..

Его мгновенно охватилъ стыдъ за эти слова и за ту, про кого онѣ были сказаны.

— Я пошлю за докторомъ,—выговорилъ онъ сухо и поспѣшно вышелъ изъ кабинета.

Послѣ нѣсколькихъ дождливыхъ дней, выдался ясный вечеръ; Марья Матвѣвна повязала на голову черное кружево, закута-

лась въ бурнусъ и позвала Комова въ садъ. На деревьяхъ оставалось очень мало листьевъ и они тяжело повисли намокшіе... Желто-бурыя грядки когда-то роскошнаго лѣтняго убора сбились отъ вѣтра къ одному краю дорожки, опустошенныя куртины съ жалкими остатками осеннихъ цвѣтовъ, побитыхъ утренними морозами, смотрѣли сиротливо и неопрятно, только яркіе пучки рябины краснѣли нарядными кистями на голыхъ сучьяхъ.

— Осень... совсѣмъ осень! — вздохнула съ сладкой грустью Марья Матвѣвна,—на зимнія квартиры пора... Дороги размоетъ. Ночи черныя!..

Она шла, опираясь на его руку, обнимая его взглядомъ, изъ котораго онъ могъ понять, что имъ будетъ и тепло, и свѣтло среди скорбныхъ поминокъ природы...

— Да, осень,—отвѣтилъ Комовъ сухо,—надо скорѣе перевезти Наталью Дмитріевну въ Овраги. Не разрѣшите ли вы ей попробовать встать завтра?

Марья Матвѣвна вспыхнула, но сдержала себя... Хотѣла пошутить и не могла... Онъ зналъ, что долженъ сказать что-нибудь, и въ тупой тоскѣ продолжалъ идти молча.

Она еще разъ оглянулась на садъ съ балкона и вся картина осени, печальная, холодная, точно насквозь пропитанная слезами, какъ-то особенно запала ей на сердце. Бабье лѣто давно кончилось—но она какъ будто теперь только замѣтила это!..

— Вы гуляли?..—спросила съ завистью Ната.

— Сыро и холодно,—отвѣтила тетка.—Бѣдныя дѣти, какъ имъ скучно однимъ въ такую погоду!..

Марья Матвѣвна задумавшись стояла среди комнаты, не снимая бурнуса...

Ей было грустно, и въ первую же грустную минуту дѣти вспомнились горячо и тревожно... Точно и имъ въ родномъ домѣ было сыро, и холодно, какъ ей только-что въ чужомъ саду... Одни!.. вторая недѣля... Здѣсь не были ужъ три дня, дожди все... Ей мучительно, нестерпимо захотѣлось быть дома во что бы то ни стало, сейчасъ же!.. Точно холоднымъ дуновеніемъ всколыхнуло знойный туманъ, въ которомъ лѣниво дремала разнѣженная мысль и въ случайную щель сурово блеснула дѣйствительность... Что иногда можетъ сдѣлать одно холодное слово!..

— Когда же, наконецъ, мы будемъ дома!..—вырвалось у нея съ тоской.

— Когда хотите — хоть завтра! — заволновалась Ната. — Я встану, или, пожалуй, на рукахъ можно донести въ коляску, а доѣдемъ шагомъ... Тетя милая, поѣдемте завтра!..

Лубянская слушала холодно. Завтра — ей нужно сейчасъ!.. Еще длинная, темная осенняя ночь не дома—одна, вдругъ стала невыносима... А сколько прошло такихъ ночей въ беззаботномъ блаженствѣ!.. Потому именно, что ихъ было много, потому именно, что отъ всякаго сна когда-нибудь да пробуждаются... потому что тѣмъ, у кого чужая жизнь на рукахъ, нельзя ничего взять для себя даромъ...

— А что если я сейчасъ поѣду? — заговорила она возбужденно, подходя къ дивану.—Завтра я пріѣду за тобой, а сегодня переночуешь съ Палагеюшкой—ты не будешь бояться, Ната?

Ната поддержала ее съ восторгомъ. Кто мѣшалъ ей давно съѣздить домой, если она хотѣла? Здѣсь деревня, а для больныхъ законъ неписанъ; нельзя требовать, чтобы она собственныхъ дѣтей совсѣмъ забросила. Фразы, казалось, невинныя рѣзали по сердцу. Кто мѣшалъ?..

Комовъ, вернувшись изъ сада, бросился на свою кровать и лежалъ, не соображая, а только прислушиваясь къ тоскѣ, которая разрывала ему сердце... Онъ ненавидѣлъ самого себя—не въ эту минуту, а давно, съ той первой ночи... Его закружило, ошеломило могучимъ разливомъ страсти. Она бывала мила — онъ еще не отучился любить ее, но потомъ невольно, возмутительно бросалось въ глаза, что она немолода, что она влюблена какъ дѣвочка... Вспоминались покинутые Овраги, кололи глаза недоумѣвающія лица дѣтей, которымъ въ какомъ-то забытьи читали нотаціи въ угоду Василію Васильевичу... Ласки однообразны—ихъ убогость поразительна, когда сердце внезапно онѣмѣетъ... Комовъ мучительно усиливался разбудить его и послѣ каждаго такого усилія чувствовалъ въ груди еще болѣе холоднымъ и безотвѣтнымъ...

„Я поступаю какъ подлецъ... — твердилъ онъ себѣ съ утра до ночи... Что бы ни было—не лгать! Тогда же встрѣтить ее честнымъ признаніемъ... Какимъ?.. разлюбилъ—да когда же?! прошла ли недѣля одна? Никогда не любилъ — полгода обманывалъ и себя, и ее—ложь, клевета недостойная!.. Какъ объяснить?.. Что сказать?.. Правду, а если ложь каждая достойнѣе такой правды? Если въ правдѣ сознаться позорно честному человѣку?!..“

Себѣ самому съ ужасомъ, съ отчаяніемъ онъ сознавался. Нату онъ не любилъ—онъ ей покорялся, отдавался безъ мысли, безъ силъ... Она его порабощала издали, лежа на диванѣ, вставляя загадочныя словечки въ ничтожный общій разговоръ, улыбаясь коварно или задумчиво, безъ словъ допрашивая его своимъ бархатнымъ взоромъ... „Красота!“ —произносилъ онъ вслухъ почти съ ненавистью, съ суевѣрнымъ ужасомъ вслушиваясь въ это

слово, еще такъ недавно не имѣвшее для него почти никакого смысла... Вотъ она, пресловутая „власть красоты“—во очію, въ плѣнительномъ образѣ... плѣнительномъ и безжалостномъ! Его это не удивляло—власть должна быть безжалостна... Нравственныя достоинства или недостатки Наты его совсѣмъ какъ-то не интересовали: онъ не могъ сказать, умна ли она, добра ли, правдива ли... Очень, вѣроятно, что подобное открытіе его нисколько не порадовало бы... Онъ не зналъ, бывало ли съ кѣмъ что-нибудь подобное—но ему эта власть застилала свѣтъ солнечный, мѣшала жить... а если жить—значило лгать, разыгрывать недостойную комедію съ другой женщиной, которую онъ уважалъ и цѣнилъ, любилъ вчера еще!!..

Лежа на кровати, Комовъ твердилъ себѣ, что онъ благодаренъ Натѣ за ея новую фантазію: пусть, пусть уѣзжаютъ скорѣе!.. выждать, пока она вернется въ Москву, ни одного раза не показаться въ Овраги, никогда больше, никогда не увидать ее... Потомъ... потомъ, быть можетъ, небо смилуется и вернетъ его прежнюю, милую, честную любовь!..

Такія мысли сбивчиво проносились въ измученной головѣ Комова, когда неожиданно ему пришли сказать, что Марья Матвѣвна собралась домой и лошадь ужъ подана. Онъ вышелъ на крыльцо точно съ просонья.

Закутанная по осеннему, некрасиво, блѣдная и озабоченная, она казалась постарѣвшею... Онъ простился, не возражая ни однимъ словомъ, нисколько не удивляясь такому внезапному рѣшенію. Ей показалось, что у него видъ человѣка простуженнаго, у котораго начинается жаръ...

— Вы нездоровы?—спросила она, пугаясь, сейчасъ же забывая, что онъ виноватъ передъ нею.

— Нисколько!—отвѣтилъ онъ нетерпѣливо, испугавшись въ свою очередь, чтобы она не передумала и не осталась. Отъ этого слова опять поднялась обида и ея неразлучный спутникъ—тоска по дѣтямъ, по домѣ... Марья Матвѣвна бросилась въ экипажъ и всю дорогу торопила кучера, не замѣчая толчковъ испортившейся дороги, неотступно заглядывая впередъ, такъ что шея ломила отъ напряженной позы.

Когда на горѣ показались освѣщенныя окна большого дома, изъ ея глазъ неудержимо хлынули жгучія слезы угрызенія за пережитое счастье, въ которомъ не было мѣсто ея семьѣ, и еще смутнаго, еще безотчетнаго страха за будущее.

IX.

Какъ только старая ключница явилась въ кабинетъ въ распоряженіе больной барышни, Ната при ея помощи пересѣла въ кресло и послала попросить къ себѣ Комова.

— Неможется имъ, легли... Спрашиваютъ, чтò вамъ угодно? —вернулась посланная.

— Скажи, что прошу убѣдительно прійти на нѣсколько минутъ,—повторила еще настойчивѣе Ната.

Она волновалась,—знакомымъ, радостнымъ волненіемъ, похожимъ на то, чтò испытываетъ актеръ передъ поднятіемъ занавѣса. Комовъ заставилъ себя подождать и пришелъ до того сумрачный, что легко было повѣрить его болѣзни.

— Зачѣмъ вы меня звали?—спросилъ онъ сейчасъ же, остановившись въ полуоборотъ къ двери.

— Не затѣмъ, конечно, чтобы вы были со мною так грубы, гостепріимный хозяинъ!..

Комовъ поднялъ пристыженные глаза, чтобы извиниться, и только тогда замѣтилъ, что она сидитъ въ креслѣ.

— Какое безразсудство!.. Очень жаль, что тетушка понадѣялась на ваше благоразуміе, вамъ еще необходима нянька...

— Вотъ стоитъ разсуждать о благоразуміи особы, которая, не задумавшись, летитъ съ лошади для того только, чтобы вызвать васъ изъ дому!..

— Вы, должно быть, полагаете, что въ деревняхъ люди слабоумны? Что бы вамъ ни вздумалось имъ сказать, все сойдетъ!..

— Я никогда не лгу,—возразила Ната презрительно.

— Зачѣмъ же, это черезъ-чуръ грубо... вы шутите.

Его голосъ дрогнулъ болѣзненно.

— Я и не шучу... Подите поближе, сядьте сюда... Господи, я не кусаюсь! чего вы боитесь въ самомъ дѣлѣ?

Комовъ шелъ съ твердымъ рѣшеніемъ сейчасъ же вернуться къ себѣ, разумѣется, онъ не забылъ этого рѣшенія. Знакомый дурманъ сразу ударилъ ему въ голову, онъ давно не разговаривалъ съ Натой... Ея каждая фраза ожидалась съ замираніемъ сердца, ничто не могло сравниться съ прелестью ея причудливо смѣлаго обращенія. Онъ сѣлъ—не желая показаться смѣшнымъ—и жадно разсматривалъ ее: болѣзнь придала поэтическую томность поблѣднѣвшему лицу, въ глазахъ, обведенныхъ голубоватой тѣнью, свѣтилась неподдѣльная ласка. Она положила голову на спинку кресла и смотрѣла ему прямо въ глаза.

— Какой вы однако худой, зеленый, злой!..

— Нездоровится.

— Конечно... разныя вѣдь болѣзни бываютъ! — усмѣхнулась она насмѣшливо.

— Совершенно вѣрно — разныя... Вотъ вы навѣрное всегда здоровы.

— Какая неблагодарность! забыть, что я едва спины не сломала... Можете быть довольны,—перебила она сама себя съ внезапной досадой: — я отъ всего сердца сожалѣю объ этомъ! двѣ недѣли въ Боркахъ—буду ихъ всю жизнь помнить!..

— Жалѣю, что вамъ было здѣсь такъ дурно.

— Мнѣ не было дурно, но... но я еще никогда не была той мартышкой, которая вытаскиваетъ чужіе каштаны!..

Пунсовый румянецъ залилъ щеки Наты, у Комова холодъ побѣжалъ по спинѣ...

— Вотъ что,—заторопилась она опять,—отвезите меня пожалуйста въ Москву... Завтра я доберусь до Овраговъ, отдохну денекъ, а тамъ хоть шагомъ до станціи. Вы согласны?..

— Нѣтъ.

— Вы трусъ!

Онъ упорно смотрѣлъ на пестрое одѣяло, которымъ были покрыты ея колѣни, и молчалъ.

— Хорошо, я поѣду одна... или нѣтъ, меня проводитъ Василій Васильичъ.—Ната засмѣялась.—Онъ уже далъ слово быть на моей свадьбѣ.

Она много разъ упоминала, что выходитъ замужъ, но Комовъ плохо вѣрилъ этому. Ната поняла это по его безстрастному лицу.

— Вы какъ будто не вѣрите?

— Не вѣрю. Я... лучшаго мнѣнія о васъ.

О, къ этому Ната давно ужъ привыкла! Всѣ ея обожатели неизмѣнно читали ей мораль, громили ея пороки, всѣ выбивались изъ силъ, доказывая ея нравственное ничтожество — и всѣ тѣмъ не менѣе раболѣпствовали передъ нею. Безъ сомнѣнія, эти люди различныхъ возрастовъ, эти давно сложившіеся, готовые люди, эти мужчины многоопытные и умные предъявляли черезъ-чуръ большія требованія ребенку, котораго сами же развращали зрѣлищемъ своего малодушія и соперничества. Вручая ей власть, самую заманчивую и самую опасную изъ всѣхъ властей—они на нее же негодовали! отъ этой дѣвочки требовали незыблемыхъ понятій добра и зла, послѣ того какъ сами такъ безжалостно колебали ихъ въ ея глазахъ! Натѣ ея жизнь представлялась побѣдоносным царствованіемъ — и какъ какой-нибудь восточный деспотъ, она

проникалась высокомѣрнымъ презрѣніемъ къ своимъ добровольнымъ рабамъ... О, да, конечно, она жить безъ нихъ не могла— но она ихъ нисколько не уважала.

— Мой женихъ,—проговорила дѣвушка,—имѣетъ съ вами одно сходство: онъ также любитъ храбриться на словахъ.

— Я отъ всего сердца жалѣю вашего жениха. Вы собственно для чего выходите замужъ?

Нѣсколько секундъ Ната пресерьезно раздумывала надъ неожиданнымъ вопросомъ; потомъ подняла на Комова эти думающіе глаза и вдругъ засмѣялась—прелестно, неподдѣльнымъ дѣтскимъ смѣхомъ.

— Я не знаю!..

Его сердце радостно вздрогнуло—не потому, чтобы онъ ревновалъ къ ея жениху, но потому, что на мигъ передъ нимъ открылась вся дѣтская нетронутость этого капризнаго сердца, легкомысленно закружившагося въ опасной игрѣ...

Признаніе вырвалось неудержимо,—Ната вся вспыхнула и въ неподдѣльномъ смущеніи отвернула лицо.

— Какой вы вздоръ говорите,—проговорила она съ досадой.

— Почему же?

— Вздоръ!—повторила она упрямо.

Разумѣется, ея смущеніе придало ему храбрости.

— Выходятъ замужъ или по любви, или по разсчету,—заговорилъ онъ съ жуткимъ волненіемъ человѣка, готовящагося переплыть омутъ.

— Или по неволѣ!—перебила она нетерпѣливо.—Меня мамаша заставила, а я, покорная овечка, согласилась!

— Говорятъ, еще выходятъ со скуки,—продолжалъ онъ, не слушая: — но для этого вы черезъ-чуръ молоды и ваша жизнь слишкомъ веселая.

— Какъ бы тамъ ни было—а вы черезъ-чуръ любопытны, Александръ Андреичъ... Или вами въ этомъ случаѣ руководитъ все то же состраданіе къ моему жениху?..

— Мною руководитъ любознательность, Наталья Дмитріевна. Вашъ женихъ молодъ?

— Тридцать-три года, представьте себѣ—совсѣмъ некрасивъ!

Ната слегка щурила глаза, стараясь воспроизвести образъ своего жениха,—какъ давно они разстались! какъ будетъ странно встрѣтиться... Les absents ont tort...

— Неужели вы такъ-таки нисколько не соскучились?—спросилъ Комовъ.

— Можете сказать, положа руку на сердце, что вы объ этомъ очень старались!

— И это изъ тѣхъ стараній, которыя никогда не бываютъ безуспѣшны,—подхватилъ онъ съ гримасой, которая ему казалась улыбкой.

— Несомнѣнно,—о, еслибы можно было сейчасъ, сію минуту на крыльяхъ перенестись въ Москву!..

Въ голосѣ Наты зазвучала непритворная тоска; ее бѣсила, оскорбляла эта сумрачная, непріязненная фигура.

Комовъ подумалъ, что онъ говоритъ съ нею въ послѣдній разъ: завтра она уѣдетъ, въ Овраги онъ не покажется... О, еслибы она никогда не пріѣзжала!..

Пауза длилась долго.—Ната замѣтила это первая.

— Вы, кажется, дремлете?

— Дѣйствительно, вамъ пора лечь,—поднялся Комовъ.

— Благодарю васъ, но я еще и чаю не пила... О, да вы просто заморили бы меня, еслибы я долго осталась на вашемъ попеченіи!..

— Это потому, что тетя за вами ухаживаетъ, избаловала васъ.

— Зато вы никогда никого не избалуете, за это я поручусь.

— Смотрите, не ошибитесь...

— Вы?!—произнесъ онъ съ выразительнымъ жестомъ.

— Да скажите, наконецъ, что такое по вашему я?!—вспылила Ната.—По какому праву всѣ считаютъ меня какой-то куклой! На какомъ основаніи вы, напримѣръ, такъ увѣрены въ моемъ бездушіи? Какъ вы смѣете утверждать мнѣ прямо въ глаза, что я не буду любить своего мужа?..

Это было до такой степени неожиданно, что Комовъ въ себя не пришелъ.

— Вы сейчасъ сказали: всѣ,—нашелся онъ.

— Потому что я первая всѣхъ въ этомъ увѣряю!

— Зачѣмъ же?—выговорилъ онъ боязливо.

— Ступайте и велите дать мнѣ чаю...—рѣшила Ната вмѣсто отвѣта.

— Вы сердитесь, Наталья Дмитріевна?..

— Вотъ это интересно!.. Вы сотни разъ старались меня разсердить, вы прямо оскорбляли меня, нимало не заботясь о томъ, какъ я принимаю это!..

— Наталья Дмитріевна!..

— Что?.. Не правда это?.. Вы бѣгаете отъ меня какъ отъ чумы... вы говорите мнѣ дерзости, вы... Я не знаю, какимъ уродомъ вы меня считаете и почему по вашему доблестно объявлять мнѣ объ этомъ прямо въ глаза?

Голосъ Наты все возвышался, все отчетливѣе въ немъ прорывались слезы нестерпимой обиды. То, чтó она говорила теперь, спѣша и волнуясь, въ первый разъ еще ясно слагалось въ ея душѣ. Всѣ ея обожатели бывали дерзки—какъ всегда дерзки мужчины съ женщинами, которыя слишкомъ явно кокетничаютъ съ ними (странное удовлетвореніе унижать кумира, которому покланяешься!.. женщины въ этомъ случаѣ поступаютъ какъ разъ обратно: онѣ идеализируютъ хотя бы на зло здравому смыслу)... Ната до тонкости изучила этотъ пріемъ и въ первый разъ еще дерзость мужчины заставляла ее страдать, не являлась своеобразнымъ доказательствомъ ея собственнаго торжества, а волновала никогда неиспытаннымъ ощущеніемъ обиды. Дѣвушка прислушивалась къ собственнымъ словамъ съ любопытствомъ, съ досадой, съ испугомъ...

У него сердце билось какъ птица... думать не было времени, глаза радостно расширились, въ нихъ вспыхивали искры безумнаго восторга. Что бы ни значила эта внезапная, странная выходка—въ немъ все безсознательно ликовало и торжествовало въ отвѣтъ.

— И онъ же еще радуется!!—вскричала Ната, блѣднѣя отъ гнѣва:—уйдите... вы... вы—фатъ!.. Я не хочу... вы слышите?.. я не хочу больше говорить съ вами... Уходите... уходите!..

Комовъ вышелъ изъ кабинета подъ впечатлѣніемъ, что у Наты начинается истерика и это въ ту же минуту расхолодило его. Просто напросто она больна еще.

X.

Осень вступила, наконецъ, въ свои права и какъ будто спѣшила наверстать прежнія милости. Назойливые холодные дожди, бурныя ночи, тусклые дни—весь безотрадный репертуаръ, имѣющійся въ запасѣ, чтобы извести физически и морально случайнаго деревенскаго обитателя! Изнѣженная, избалованная Ната испытывала все это въ первый разъ въ жизни—убійственное однообразіе монотонныхъ дней, одинъ какъ другой... Зловѣщее завываніе вѣтра въ трубахъ, къ которому поневолѣ прислушиваешься, если въ комнатѣ царитъ унылое молчаніе... Черная, непроглядная ночь за стекломъ и съ нею вмѣстѣ подавляющее сознаніе, что она въ плѣну, отрѣзана отъ всего живого міра.

Но кромѣ злополучной столичной гостьи никто, повидимому, серьезно не страдалъ отъ этого. Простуженные люди подвязывали зубы, кутали горло и, какъ ни въ чемъ не бывало, шагали по грязи

и разъѣзжали подъ дождемъ. Дѣти пользовались каждымъ сухимъ часомъ, чтобы вырваться на песчаную площадку передъ домомъ. Марья Матвѣвна не жаловалась. Она прилежно, лихорадочно работала: цѣлый день стучала ея швейная машинка, рано въ сумерки зажигалась лампа надъ столомъ, заваленнымъ матеріями и выкройками. Монотонный звукъ точно отдѣлялъ ее отъ всего окружающаго, образовалъ своеобразную ограду, за которой она какъ будто больше принадлежала себѣ самой...

Черезъ нѣсколько дней послѣ переселенія изъ Борковъ, Комовъ прислалъ письмо, изъ котораго Марья Матвѣвна поняла только одно: что онъ страдалъ, когда она думала, что онъ блаженствуетъ. Онъ не могъ объяснить вразумительно, чего не понималъ и самъ, но она понять должна! Часы, дни, недѣли уходили цѣликомъ на переживаніе этого животрепещущаго прошлаго, въ одинъ мигъ, отъ пары словъ, начертанныхъ на бумагѣ, превратившагося въ кошмаръ, въ бредъ, въ миражъ... Оно держало ее въ своей власти, мучительной, жестокой власти отравленныхъ воспоминаній!.. Въ чью душу, помраченную горемъ и разочарованіемъ, не падетъ жгучимъ, тяжкимъ ядомъ малѣйшая капля угрызенія?... Ему не разростись въ грозную, но все же благотворную бурю негодованія и гнѣва... Ему не вскипѣть сверкающей пѣной презрѣнія и сарказма... Ему не облечься въ холодную и упругую броню уязвленнаго самолюбія, неподатливыми, тяжелыми каплями проникнетъ оно до сокровеннаго дна души, выжжетъ свой путь огненнымъ, неизгладимымъ слѣдомъ и заляжетъ тамъ навсегда тяжелымъ, незыблемымъ гнетомъ.

Она была уничтожена. Послѣ долгой, упорной борьбы сдаться передъ поздней страстью только для того, чтобы она насмѣялась надъ нею постыдно, безпримѣрно!.. Забыться въ блаженномъ снѣ, чтобы быть грубо разбуженной никогда неиспытаннымъ ощущеніемъ стыда... позора! Никогда больше ей не поднять головы... Она была увѣрена, что всѣ знаютъ: Василій Васильевичъ разглядываетъ ее съ оскорбительной ироніей, прислуга шепчется, Ната презираетъ ее. Она инстинктивно клонила голову надъ работой подъ гнетомъ этого стыда. Она обвиняла себя, одну себя—свою слабость, свое малодушіе, свою довѣрчивость... Ее обманулъ—не человѣкъ, надъ нею насмѣялись—не люди, а неумолимая и неподкупная правда жизни. Комовъ не сталъ даже ея врагомъ — онъ былъ только воплощеніемъ этого позора, который въ первомъ смятеніи своего отчаянія она готова была признать заслуженнымъ: „О, по дѣломъ, по дѣломъ тебѣ, баба старая, безумная!“ Ей казалось, что это, именно это, она читаетъ въ подозрительныхъ, стран-

ныхъ взглядахъ, которыми съ нѣкоторыхъ поръ ее преслѣдовала Ната.

Переѣздъ по скверной дорогѣ не прошелъ даромъ для больной; докторъ, съ трудомъ добравшійся до Овраговъ, долженъ былъ признать ушибъ серьезнѣе, чѣмъ казалось въ началѣ, и категорически запретилъ и думать о путешествіи раньше саннаго пути. Изъ Москвы летѣли встревоженныя письма, Лубянской приходилось успокоивать сестру депешами. Ната деспотически запрещала своему жениху пріѣхать въ Овраги; его длинныя, страстныя посланія утомляли ее, ее грызла непривычная, никогда неиспытанная тоска, но и его пріѣздъ не могъ бы разогнать этой тоски; она повторяла каждый день, что сойдетъ съ ума отъ скуки. Василій Васильевичъ цѣлыми часами читалъ ей вслухъ, она соглашалась, потому что такъ онъ всего меньше надоѣдалъ ей; она лежала на кушеткѣ, закрывая глаза, разсѣянно прислушиваясь, а иногда просто забываясь подъ его скучный, негибкій голосъ. Дѣти тоже страдали въ этой атмосферѣ тоски, гдѣ каждый молча, какъ умѣлъ, справлялся съ собой.

— Мама, отчего Александръ Андреичъ такъ долго не ѣдетъ къ намъ?—спрашивали они безпрестанно.

— Онъ нездоровъ,—отвѣчала неизмѣнно Лубянская.

— Мама! Александръ Андреичъ вовсе не боленъ! Иванъ встрѣтилъ его сегодня, онъ шелъ съ ружьемъ.

— Значитъ, онъ поправился.

— Мы съ Петей съѣздимъ къ нему!.. Голубушка, мамочка, ангельчикъ—позволь!!.

Этотъ экспромтъ переполошилъ бѣдныхъ мальчугановъ—хоть какая-нибудь диверсія была физически необходима для нихъ: мать погибала надъ своей машинкой, какъ будто зарабатывала хлѣбъ насущный; Ната совершенно перестала забавляться съ ними, съ самаго возвращенія изъ Борковъ она была раздражительна и скучна; Василій Васильевичъ брюзжалъ больше, чѣмъ когда-нибудь, каждый дѣтскій вопросъ, каждое желаніе сердило его. Отбывъ очень нетерпѣливо неизбѣжныя классныя занятія, онъ вертѣлся около кушетки Наты, совершенно забывая, повидимому, что и остальной день дѣтской жизни сколько-нибудь касается до него. Само собой разумѣется, что онъ вовсе не желалъ ѣхать въ ненавистные Борки, но онъ черезъ-чуръ ужъ рѣшительно заявилъ это; его тонъ взорвалъ наконецъ Марью Матвѣвну.

— Нѣтъ ужъ, Василій Васильевичъ, я попрошу васъ поѣхать на этотъ разъ,—проговорила она холодно.—Надо хоть когда-нибудь и объ ихъ удовольствіи подумать.

— Если вамъ угодно—по такой дорогѣ!

— Мы въ телѣгѣ поѣдемъ!.. дождя не будетъ... вѣдь мы всегда прежде ѣздили!..—волновались дѣти.

Марья Матвѣвна подумала еще, что такъ приличнѣе, чѣмъ рѣзко, и для всѣхъ очевидно, прервать всѣ сношенія.

Когда Витя пробѣгалъ мимо Наты, она остановила его.

— Поди сюда... Скажу Комову... впрочемъ, нѣтъ, постой...

Она оторвала клочекъ бумаги отъ письма, которое лежало у нея въ карманѣ, и написала карандашомъ нѣсколько строкъ.

— Отдай это—не потеряй, смотри!..

— Мама! я скажу Александру Андреичу, что ты сердишься за то, что онъ забылъ насъ, хорошо? — крикнулъ весело Витя изъ телѣги.

Въ Боркахъ жизнь проходила не менѣе томительно; Комовъ прилежно хозяйничалъ и ходилъ на охоту. Скучные осенніе дни тянулись нестерпимо... Ночи съ ума сводили!.. Въ подобномъ состояніи ничего не стоитъ завести безсонницу, если не является на помощь физическій трудъ, деспотически требующій отдыха и въ концѣ концовъ неизбѣжно пересиливающій безсмертную душу.. Комовъ хорошо зналъ это и съ завистью смотрѣлъ, какъ его батраки возились около молотилки или прессовали сѣно—но вѣдь работа не аптечное лекарство и трудиться нарочно нельзя. Забравшись въ лѣсъ, Комовъ не охотился, а только блуждалъ безъ толку; присѣвъ „на минуточку“ на какой-нибудь пень, онъ совершенно незамѣтно просиживалъ цѣлые часы.

Мальчики застали его въ саду, гдѣ окутывали хвоей и соломой нѣжныя породы фруктовыхъ деревьевъ. Александръ Андреичъ едва вѣрилъ своимъ глазамъ, когда они съ радостными восклицаніями бѣжали къ нему по дорожкѣ. Это былъ первый признакъ жизни, который подавали Овраги, съ тѣхъ поръ, какъ Марья Матвѣвна увезла Нату на другой день послѣ памятнаго разговора. Въ одинъ мигъ онъ ожилъ. На лицѣ проступила краска, сердце замерло въ жгучемъ ожиданіи... Что бы ни было—жизнь, а не хаосъ терзающихъ мыслей безъ конца и безъ исхода!..

Дѣтскіе голоса звенѣли, какъ колокольчики. Спѣшные вопросы, отрывочныя, безпорядочныя фразы терзали, какъ неосторожные уколы.

— Сердится, очень сердится! цѣлый день шьетъ, скучная такая... А Ната больна, все лежитъ... никогда не засмѣется, не пошутитъ, капризная стала! докторъ сказалъ, до зимы... Василій Васильевичъ все ворчитъ, вѣчно читаетъ вслухъ, никуда не вытащишь... гулять не хочетъ... Насилу поѣхалъ, да мама прика-

зала!.. Отчего не пріѣзжалъ?.. няня сказала, „поссорились“ — правда? вѣдь неправда?—и опять Василій Васильичъ и животрепещущія ребячьи обиды...

Педагогъ осматривалъ садъ, желая дать понять, что онъ повинуется чужой волѣ. Комовъ отъ души былъ благодаренъ ему.

— Такъ больна?.. Что же еще сказалъ докторъ?.. Лекарства принимаетъ?.. А мама не больна?..

Онъ увлекъ дѣтей на балконъ, принесъ имъ сливъ и яблоковъ, да и самъ не радъ былъ этой выдумкѣ: въ Боркахъ славныя яблоки, а съ полнымъ ртомъ не до разговоровъ! Но еще хуже, когда запасъ истощился и исчезъ по карманамъ, когда ничто больше не удерживало на балконѣ. Мальчуганы убѣжали на гумно, въ сарай, гдѣ прессовали сѣно, и оттуда далеко разносился ихъ радостный визгъ. Александръ Андреичъ собирался-было послѣдовать за ними, когда Витя неожиданно вернулся и сунулъ ему въ руку клочекъ бумаги.

— Забылъ совсѣмъ!..

„Безутѣшна, что не могу уѣхать и противъ воли продолжаю разстраивать вашу жизнь. Вы сами виноваты—несправедливыя подозрѣнія нужно опровергнуть, а не страдать молча, это не всегда понятно. Совѣтую пріѣхать“.

Онъ не понялъ ни слова и затвердилъ наизусть, прежде чѣмъ уѣхали неожиданные гости.

— Пріѣзжайте!.. пріѣзжайте!.. Мы скажемъ, что завтра... что на дняхъ... Пріѣзжайте!!.—кричали мальчики до тѣхъ поръ, пока телѣга не скрылась изъ глазъ.

Владѣлецъ Борковъ стоялъ на крыльцѣ безъ шапки и смотрѣлъ ей вслѣдъ.

Ольга Шапиръ.

РАЗЛОЖЕНІЕ

нашей

ЗЕМЕЛЬНОЙ ОБЩИНЫ

Въ теченіе послѣдняго двадцатилѣтія, у насъ успѣлъ образоваться къ услугамъ капитала громадный избытокъ рабочихъ рукъ, ежегодно отправляющихся изъ нѣкоторыхъ губерній сотнями тысячъ на поиски заработковъ, не находя таковыхъ у себя на мѣстѣ. Въ ряду ненормальныхъ явленій въ жизни народа особенно замѣтны усилившееся въ послѣдніе годы переселенческое движеніе среди крестьянства, появленіе массы безхозяйныхъ и безлошадныхъ крестьянъ, господство надъ массою крестьянства разнаго рода кулаковъ, закабаленіе кустарей и проч. Но, несомнѣнно, самымъ важнымъ изъ этихъ явленій необходимо признать начавшееся обезземеленіе крестьянскаго населенія.

Мы не знаемъ еще, какой собственно цифры достигаетъ въ настоящее время общее количество обезземеленнаго населенія, но тѣмъ не менѣе о размѣрахъ его можемъ судить уже и по тѣмъ отрывочнымъ даннымъ, которыя имѣются какъ въ оффиціальной, такъ и земской статистикѣ. По земскимъ свѣденіямъ, въ 30 изслѣдованныхъ по настоящее время уѣздахъ губерній: полтавской, саратовской, самарской, тамбовской, черниговской, курской, рязанской и всей московской губерніи, изъ общаго количества 636,857 дворовъ—56,432 двора или 8,85% оказываются безземельными. Наличное сельское населеніе этихъ 30 уѣздовъ, по произведеннымъ въ періодъ съ 1880 по 1883 г. подворнымъ переписямъ, простирается до 3.801,098 душъ обоего пола, что въ

среднемъ выводѣ составляетъ около 6 душъ на каждый дворъ; если принять величину семейнаго состава для дворовъ безземельныхъ даже вдвое менѣе этой, то и тогда общее количество безземельнаго населенія будетъ равняться 169,296 д. об. пола [1]) или 4,45% всего мѣстнаго населенія. Допуская, что % безземельныхъ не превышаетъ 5% и во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ Европейской Россіи, то, при общей массѣ ея земледѣльческаго населенія въ 54 мил. душъ, число безземельныхъ должно равняться болѣе 2½ мил. душъ об. пола. Какъ ни велика эта цифра, но тѣмъ не менѣе всего вѣроятнѣе, что сдѣланный нами разсчетъ грѣшитъ скорѣе въ пользу ея уменьшенія, нежели преувеличенія: въ виду массы проникающихъ въ послѣднее время въ печать извѣстій о совершающемся почти повсюду обезземеленіи крестьянскаго населенія, можно смѣло сказать, что въ дѣйствительности число безземельнаго населенія значительно выше.

Разсматриваемое нами явленіе представляется еще тѣмъ болѣе знаменательнымъ, что оно наблюдается не только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ преобладающей формой землевладѣнія оказывается подворная и гдѣ, слѣдовательно, отчужденію крестьянской земельной собственности предоставленъ широкій просторъ,—но и въ мѣстностяхъ почти исключительно общиннаго землевладѣнія, въ которомъ, какъ извѣстно, до сихъ поръ мы видѣли одну изъ надежнѣйшихъ гарантій отъ развитія у насъ сельскаго пролетаріата. Въ силу какихъ же условій — спрашивается — могло возникнуть въ мірѣ нашей деревни столь ненормальное явленіе? Откуда и какимъ образомъ могъ образоваться этотъ громадный пролетаріатъ? Повидимому, онъ выдѣляется отчасти и самой общиной; однако, въ силу своихъ основныхъ принциповъ община была бы должна въ интересахъ самосохраненія строго охранять право на землю каждаго изъ своихъ членовъ. Ошибались ли мы въ истолкованіи самыхъ принциповъ общины и ложно понимали смыслъ ея юридико-экономическихъ отношеній, или время и новыя условія жизни успѣли уже пошатнуть эти принципы, измѣнить прежній строй ея внутреннихъ отношеній, и такимъ образомъ явленіе пролетаріата есть результатъ начавшагося разложенія самой общины? Вотъ вопросы, которые въ послѣднее время останавливаютъ на себѣ все чаще и чаще вниманіе нашей печати и занимаютъ умы болѣе отзывчивой къ злобамъ дня части нашего общества. Дать посильный отвѣтъ

---

[1]) См. „Сборн. по хозяйств. стат. полтав. губ.“, т. 1 и 2. „Сборн. стат. свѣд.“ по саратовской губ., т. 1; по самарской губ., т. 1; по тамбовской губ., т. 1—6; по курской губ., т. 1—4; по рязанской губ., т. 1—2; и „Матер. для оцѣнки земел. угодій“ черниговской губ., т. 5 и 8.

на эти вопросы, освѣтить по мѣрѣ возможности самыя причины, а равнымъ образомъ и ходъ развитія отмѣченныхъ выше явленій —составляетъ цѣль настоящей статьи.

I.

Не смотря на значительные успѣхи промышленной „цивилизаціи", со всѣхъ сторонъ напирающей, такъ сказать, на современный бытовой и экономическій строй народной жизни въ образѣ разнаго рода машинъ, желѣзныхъ дорогъ, банковъ и проч.—бытовые и соціально-экономическіе идеалы народной массы остаются прежними и громадное большинство нашего крестьянства все еще продолжаетъ тяготѣть къ своимъ традиціоннымъ порядкамъ. До сихъ поръ во всей Великороссіи преобладающей формой землевладѣнія является общинное; масса крестьянскаго населенія попрежнему предпочитаетъ его какъ всего болѣе отвѣчающее принципамъ равенства и справедливости вообще и воззрѣніямъ его на землю въ частности [1]). Право пользованія землею освящается, въ народномъ понятіи, только трудомъ. Насколько строго и послѣдовательно проводится этотъ принципъ нашею общиною, видно уже изъ существующаго различія практикуемыхъ ею способовъ пользованія разнаго рода угодьями, какъ-то: пашней, лугами, лѣсомъ, водами и проч. Первая напр., какъ требующая при эксплуатаціи приложенія не только наибольшей суммы труда, но большаго искусства, и кромѣ того и нѣкоторыхъ матеріальныхъ затратъ въ видѣ удобренія, сѣмянъ и орудій производства,—обыкновенно дѣлится на участки, распредѣляемые соразмѣрно рабочимъ силамъ или числу душъ между всѣми дворами общины и остается въ пользованіи ихъ гораздо большій періодъ времени, чѣмъ, напр., луга. Эти послѣдніе, какъ не нуждающіеся въ затратѣ предварительнаго труда, передѣляются въ громадномъ большинствѣ случаевъ ежегодно, иногда же убираются сообща всей общиною,

[1]) По даннымъ „Стат. поземельн. собств.", изд. центр. стат. комитетомъ, оказывается, что въ 8 губерніяхъ центральной земледѣльческой области изъ 17.631,500 дес. земли, поступившей въ пользованіе и собственность крестьянскихъ обществъ, только 1.900,000 дес., т.-е. до 11%, состоятъ въ подворномъ, а остальные 89% въ общинномъ пользованіи (т. I, стр. XXXIII). Въ 6 губерніяхъ московской промышленной области, изъ 11.627,000 дес. надѣльной земли въ подворномъ владѣніи находится только 350,000 десят., т.-е. 3%, а 97% въ общинномъ (т. II, стр. XXXI). Но зато въ губерніяхъ бѣлорусской и литовской областей подворное землевладѣніе занимаетъ уже первое мѣсто, а именно, въ первой области % земель, состоящихъ въ подворномъ владѣніи—44,5%, а во второй 99,3% (т. V, ст. XXXV).

и дѣлежу подвергается уже самый продуктъ соотвѣтственно выставленному каждымъ отдѣльнымъ дворомъ числу рабочихъ рукъ. Исключеніе составляютъ только лѣсные покосы, передѣлы которыхъ совершаются черезъ болѣе продолжительные промежутки времени; но это отступленіе не только не противорѣчитъ высказанной нами мысли, но еще лишній разъ подтверждаетъ ее, — такъ какъ пользованіе лѣсными покосами, какъ и пашней, сопряжено съ необходимостію нѣкоторой предварительной ихъ обработки, какова, напр., расчистка кустарника, выкорчевываніе пней и проч. Еще болѣе глубокое отличіе замѣчаемъ мы при сравненіи вышеразсмотрѣнныхъ способовъ съ способомъ пользованія лѣсами.

Какъ извѣстно, лѣсное хозяйство въ нашихъ общинахъ, какъ и у частныхъ владѣльцевъ, ведется крайне нераціонально: пользуясь его продуктами, община не производитъ для искусственнаго ихъ воспроизведенія никакихъ матеріальныхъ затратъ, никакого предварительнаго труда; крестьяне смотрятъ не только на принадлежащіе имъ, но и на лѣса частныхъ владѣльцевъ, какъ на Божіе достояніе, и нерѣдко производя въ послѣднихъ самовольныя порубки, оправдываютъ себя тѣмъ, что лѣсъ никто не сѣялъ, не поливалъ, что онъ самъ родится, — и мы видимъ, что общинные лѣса обыкновенно или остаются въ нераздѣльномъ пользованіи всей общины, причемъ каждый пользуется изъ нихъ количествомъ продуктовъ, необходимыхъ для собственнаго потребленія, а община слѣдитъ лишь за тѣмъ, чтобы пользованіе таковыми однимъ членомъ не производилось въ ущербъ другимъ,—или же единовременно выдѣляетъ извѣстную часть ихъ на всѣхъ вмѣстѣ и распредѣляетъ ее между каждымъ отдѣльнымъ домохозяиномъ. Такъ, напримѣръ, въ борисоглѣбскомъ уѣздѣ тамбовской губерніи въ то время какъ пахотныя угодья передѣляются отъ ревизіи до ревизіи, отличительнымъ признакомъ владѣнія покосами является то, что они вездѣ передѣляются ежегодно. Лѣса, встрѣчаясь почти исключительно въ обществахъ крестьянъ государственныхъ, находятся въ общемъ (безраздѣльномъ) пользованіи міра, который ежегодно или чрезъ извѣстные промежутки времени дѣлаетъ отводы участковъ для вырубки [1]. Въ темниковскомъ и спасскомъ уѣздахъ той же губерніи точно также большинство общинъ передѣляетъ сѣнокосы ежегодно; другія общины, передѣляя пахотныя земли на 12—15 лѣтъ, покосы дѣлятъ чрезъ 5 лѣтъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ на тѣ же сроки какъ и поля [2]. Но тамъ, гдѣ существуетъ обычай не

[1]) „Сборн. стат. свѣд. по тамбовской губ.". Т. I, отд. II, стр. 28.

[2]) Тамъ же, т. V, стр. 17.

передѣлять покосы въ періодъ отъ одного общаго коренного передѣла пашни до другого—онъ существуетъ издавна. „Утвердился онъ преимущественно въ тѣхъ общинахъ, у которыхъ сѣнокосныя угодья лежатъ чрезполосно съ чужими владѣніями и мелкими участками. Каждый такой участокъ требуетъ нѣкотораго наблюденія, охраны, улучшеній, поэтому онъ и предоставляется въ долговременное пользованіе одной какой-нибудь группѣ домохозяевъ или одному хозяину“ [1]). Въ московской губерніи „общіе передѣлы мірскихъ сѣнокосовъ производятся обыкновенно ежегодно во время самаго покоса. Причина, вызывающая ежегодный передѣлъ, заключается прежде всего въ томъ, что трава бываетъ неравна: въ одинъ годъ на извѣстномъ пространствѣ она родится хорошо, въ другой годъ съ того же самаго пространства собирается сѣна вдвое и втрое менѣе“... Здѣсь,—говоритъ авторъ,—все зависитъ отъ природы — отъ извѣстныхъ климатическихъ и метеорологическихъ условій даннаго года, а не отъ труда человѣка; поэтому, при передѣлахъ сѣнокосовъ на продолжительные сроки, могла бы произойти крайняя неравномѣрность надѣловъ отдѣльныхъ дворовъ: одинъ могъ бы остаться безъ сѣна, у другого получился бы излишекъ. Благодаря этому, напримѣръ, Абушковская община звенигородскаго уѣзда „лужочки возлѣ рѣки передѣляетъ ежегодно передъ началомъ покоса, такъ какъ на нихъ нѣтъ кустовъ и можно надѣлить всѣхъ одинаково—осмаками, по лаптю на душу“. Находящуюся же за 8 верстъ пустошь передѣляютъ черезъ 10 лѣтъ, такъ какъ она не подъ руками и потому въ ней удобнѣе каждому самого себя знать; кромѣ того, она требуетъ расчистки. Въ дер. Трехденевой, клинскаго уѣзда, покосы, какъ и пашня, передѣляются лѣтъ чрезъ 12. Объясняется это тѣмъ, что здѣсь покосы лежатъ по болотамъ, заросшимъ кустами, и слѣдовательно требуютъ усиленнаго труда на ихъ улучшеніе со стороны отдѣльныхъ домохозяевъ [2]). Что касается передѣла лѣсовъ въ общинахъ московской губерніи, то „почти во всѣхъ селеніяхъ крестьяне пользуются своимъ лѣсомъ въ формѣ ежегодныхъ отводовъ на вырубку, которые и передѣляются между всѣми членами общины“ [3]). Тѣ

---

[1]) „Сборн. стат. свѣд. по тамбовской губ.“ Т. IV, отд. II, стр. 39.

[2]) „Сборн. стат. свѣд. по москов. губ.“ (формы крестьян. землевладѣнія). Т. IV, в. 1, стр. 239—240. Авторъ изслѣдованія, В. Орловъ, замѣчаетъ, между прочимъ, что „особенность способа передѣла мірскихъ сѣнокосовъ состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что иногда осьмачныя доли скашиваются и убираются вмѣстѣ всѣми домохозяевами, входящими въ составъ осьмака, и затѣмъ уже происходитъ раздѣлъ сѣна копнами“ (стр. 73).

[3]) Тамъ же, стр. 99.

же порядки пользованія сѣнокосными угодьями наблюдаются и въ горбатовскомъ уѣздѣ нижегородской губерніи. Въ Панинской волости этого уѣзда крестьяне передѣляютъ чистые покосы ежегодно, а лѣсные чрезъ нѣсколько лѣтъ въ виду тѣхъ же самыхъ соображеній, какъ и крестьяне тамбовской и московской губерніи.

Однимъ словомъ, чѣмъ большей затраты предварительнаго труда требуютъ тѣ или другія угодья для полученія съ нихъ извѣстныхъ продуктовъ, какъ дохода, обезпечивающаго существованіе даннаго хозяйства, тѣмъ въ большей степени индивидуализуется и пользованіе такими угодьями; но это происходитъ лишь въ границахъ, обусловливаемыхъ дѣйствіемъ другого принципа—принципа равномѣрнаго распредѣленія земли между всѣми дворами общины соотвѣтственно рабочимъ силамъ послѣднихъ, такъ что коль скоро послѣдуютъ болѣе или менѣе значительныя измѣненія въ рабочемъ составѣ большаго или меньшаго количества отдѣльныхъ хозяйствъ —земля передѣляется и уравнивается между ними снова. Такимъ образомъ, община, какъ продуктъ указанныхъ выше воззрѣній, должна представлять собою группу равноправныхъ юридическихъ лицъ, владѣющихъ и распоряжающихся даннымъ количествомъ земельныхъ угодій; земля эта, не принадлежа никому въ частности, составляетъ нераздѣльную собственность всѣхъ; каждый членъ общины—представитель семьи каждаго отдѣльнаго хозяйства — располагаетъ наравнѣ съ другими правомъ пользованія извѣстною ея долею; величина этой доли непостоянна; она измѣняется отъ времени до времени, соотвѣтственно измѣненію въ составѣ рабочихъ силъ каждаго отдѣльнаго хозяйства или цѣлой ихъ группы. За прекращеніемъ, вслѣдствіе выморочности или какихъ-либо иныхъ причинъ, того или другого хозяйства, земля вновь поступаетъ въ распоряженіе общины и со временемъ передѣляется между всѣми ея представителями или передается вновь образовавшемуся хозяйству; она не можетъ быть ни закладываема, ни отчуждаема, ни передаваема по наслѣдству, или путемъ даренія, такъ что территоріальные предѣлы общины должны оставаться неизмѣняющимися, въ смыслѣ ихъ сокращенія, какъ бы ни измѣнялся въ то же время количественный составъ ея индивидуальныхъ хозяйствъ или размѣры этихъ послѣднихъ. Слѣдовательно, уже по самой сущности своихъ основныхъ принциповъ, она является, повидимому, вполнѣ гарантированною отъ разложенія и его послѣдствій и, обезпечивая за каждымъ пожизненное пользованіе извѣстною долею общей собственности, вмѣстѣ съ тѣмъ неуклонно стремится къ возможно полному сохраненію, въ средѣ своихъ членовъ, экономическаго равенства.

Но эта община, существующая теперь, быть можетъ, только въ народномъ сознаніи, хотя еще въ довольно близкія къ намъ времена,—пока нѣкоторыя, внесенныя въ положеніе 19 февраля 1861 г., узаконенія не пошатнули ея основныхъ принциповъ,—она была таковой и въ дѣйствительности. Считая излишнимъ входить въ критическую оцѣнку нашего законодательства по отношенію его къ общинѣ и возникшимъ между нимъ и обычнымъ правомъ противорѣчій, мы постараемся лишь уяснить, въ силу какихъ именно соображеній и обстоятельствъ могли возникнуть эти противорѣчія и чѣмъ собственно мотивировалась со стороны законодателя необходимость ихъ допущенія.

II.

Время возникновенія въ нашей литературѣ и правительственныхъ сферахъ вопроса объ общинномъ землевладѣніи было временемъ подготовленія реформы 19 февраля. До этого времени, т.-е. почти до половины пятидесятыхъ годовъ, онъ, можно сказать, не занималъ никого ни въ печати, ни въ обществѣ. И это весьма понятно. Только при условіи отмѣны крѣпостной зависимости вопросъ этотъ могъ получить какой-нибудь смыслъ, болѣе или менѣе практическое значеніе. И дѣйствительно, мы видимъ, что съ первыми же слухами въ обществѣ о готовящейся реформѣ, онъ какъ будто выросъ изъ-подъ земли и занялъ одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ въ тогдашней литературѣ. Община почти сразу стала предметомъ ожесточенной полемики: съ одной стороны она встрѣтила непримиримыхъ враговъ, съ другой—блестящихъ защитниковъ. Въ то время, какъ одни видѣли въ ней учрежденіе искусственное — продуктъ закрѣпощенія крестьянъ, и выставляли ее какъ непреоборимое препятствіе въ будущемъ къ развитію сельско-хозяйственной культуры, а слѣдовательно и экономическому развитію страны, и проч.; другіе указывали на нее, какъ на учрежденіе вполнѣ самобытное, обусловливаемое міровоззрѣніями, обычаями и привычками народа, вынесенное имъ изъ глубины своего историческаго существованія, учрежденіе, которое, — и только оно одно,—можетъ служить залогомъ равномѣрнаго распредѣленія въ массѣ одного изъ самыхъ существенныхъ источниковъ благосостоянія—земли и такимъ образомъ спасти его отъ развитія пролетаріата и его печальныхъ послѣдствій. Мы не станемъ входить здѣсь въ подробности этой борьбы и останавливаться на разборѣ приводимыхъ съ той и другой стороны доводовъ за и про-

тивъ общиннаго владѣнія, такъ какъ они и безъ того хорошо извѣстны каждому; мы замѣтимъ только, что мнѣнія какъ противниковъ общины, такъ и ея защитниковъ нашли себѣ послѣдователей и въ обществѣ. Отсюда они были перенесены и въ губернскіе комитеты, которымъ, въ то время какъ литература разрабатывала общинный вопросъ теоретически, надлежало рѣшить вопросъ о судьбахъ дальнѣйшаго существованія самой общины. Возникнувшія здѣсь противорѣчія взглядовъ отличались ничуть не меньшею крайностію, чѣмъ противорѣчія, сопровождавшія разработку его въ литературѣ. Но здѣсь съ несравненно большею ясностію выразились тѣ побужденія и разсчеты, въ силу которыхъ община встрѣтила въ извѣстной части тогдашняго общества такой недружелюбный пріемъ и гоненіе. Если противники ея въ литературѣ еще стѣснялись хотя сколько-нибудь выставить на видъ дѣйствительную причину ихъ нерасположенія къ общинѣ и старались замаскировать его общими соображеніями о вредѣ послѣдней, то между людьми, болѣе или менѣе близкими—своими, одинаково заинтересованными въ данномъ вопросѣ, можно было высказаться гораздо откровеннѣе и короче.

Такъ, напр., пять членовъ Симбирскаго комитета объясняютъ, „что установленіе общиннаго владѣнія имѣетъ цѣлью не огражденіе крестьянъ отъ батрачества, а вытекаетъ изъ фальшиваго убѣжденія, что для помѣщиковъ было бы затруднительно имѣть дѣло съ отдѣльными личностями, и что только круговое ручательство всего общества можетъ спасти ихъ отъ недоимокъ", и въ то же время мотивируютъ важность подворнаго надѣленія крестьянъ необходимостью облегченія выкупной операціи. „Добровольный выкупъ земли цѣлымъ міромъ,—говорили они,—можетъ послѣдовать только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, и потому помѣщики могутъ ожидать выкупа только посредствомъ какой-либо кредитной операціи, а она не будетъ имѣть достаточной гарантіи, ибо нельзя продавать за недоимки землю, отведенную всему міру, и давать право покупщику сгонять съ нея всѣхъ прежнихъ хозяевъ, изъ которыхъ одни, можетъ быть, были совершенно состоятельны и по неволѣ должны отвѣчать за другихъ. При единичномъ же надѣлѣ, многіе крестьяне пожелаютъ выкупить свои участки, и примѣнить къ нимъ кредитъ легко, ибо отчужденіе этихъ участковъ, за неисправный платежъ процентовъ, всегда возможно" [1]). Воронежскій комитетъ, требуя уничтоженія общиннаго владѣнія, объяснялъ, что „только то владѣніе даетъ полезное направленіе труду, гдѣ

---

[1]) „Крест. дѣло въ царств. имп. Алекс. II", т. II, ч. 1, стр. 466.

человѣкъ пользуется онымъ отдѣльно и работаетъ на самого себя. Гдѣ же введено общинное владѣніе, тамъ являются тунеядцы и міроѣды" [1]).

Но на ряду съ подобнаго рода мнѣніями высказывались и взгляды совершенно противуположные: между прочимъ „пять членовъ владимірскихъ утверждали, что измѣненіе издавна утвердившагося обычая,—измѣненіе, къ которому крестьяне не обнаруживаютъ наклонности,—было бы противно цѣли улучшенія ихъ быта. Напротивъ, сохраненіе этого коренного обычая русскаго сельскаго быта, съ устраненіемъ только одного его неудобства — частыхъ передѣловъ земли, прямо ведетъ къ улучшенію. Только опытъ будущаго можетъ показать, должно ли общинное землевладѣніе удержаться навсегда, какъ необходимая и разумная форма сельскаго быта, или перейти въ форму личной дробной собственности. Потому составители проекта предоставляютъ усадебную осѣдлость и поземельный надѣлъ въ общинную собственность крестьянъ и, вполнѣ понимая всю важность вопроса объ общинномъ и личномъ землевладѣніи, какъ вопроса не частнаго, а общенароднаго и государственнаго, полагаютъ, что покрайней мѣрѣ въ теченіи 50 лѣтъ общинное владѣніе должно остаться неприкосновеннымъ" [2]). Самарскій комитетъ въ защиту общиннаго пользованія землею приводилъ слѣдующіе доводы: 1) единогласное убѣжденіе всѣхъ членовъ комитета въ практической необходимости этой мѣры; 2) историческое происхожденіе общины, какъ факта, занесеннаго въ народную жизнь не искусственными мѣрами, а сложившагося естественно подъ вліяніемъ внутреннихъ условій, и 3) мірское владѣніе землею, какъ бы созданное для настоящей минуты, чтобы облегчить переходъ отъ помѣщичьяго полновластія къ правомѣрнымъ отношеніямъ [3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 465. Кстати замѣтить, что тотъ же воронежскій комитетъ находилъ, что для улучшенія быта крестьянъ, „сверхъ утвержденія между ними правилъ вѣры и нравственности, достаточно одной свободы труда"!.. Взглядъ этотъ имѣлъ повидимому, многихъ и вполнѣ послѣдовательныхъ сторонниковъ среди воронежскаго дворянства, слово которыхъ строго согласовалось съ поступками. Не знаемъ, насколько озаботились они утвержденіемъ между своими крестьянами правилъ вѣры и нравственности, но дѣйствительно выпустили ихъ почти съ одной только платонической „свободой" труда. Въ рѣдкой губерніи надѣлы громаднаго большинства бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ микроскопичны до такой степени, какъ въ Воронежской: изъ 85460 двор. 14281 дворовъ имѣютъ здѣсь 1 дес. и менѣе на рев. душу, 15318 двор. болѣе 1 до 2 включительно, 27279 отъ 2 до 3 дес. и 27912 болѣе 3-хъ дес. („Стат. позем. собств.", т. 1, стр. 163).

[2]) Скребицкій, Крест. дѣло, т. II, ч. 1, стр. 468.

[3]) Тамъ же, т. II, ч. 1, стр. 467.

Такимъ образомъ мы видимъ, что и между губернскими комитетами существовали столь же рѣзкія противорѣчія по вопросу объ общинѣ, какъ и въ литературѣ; что на ряду съ людьми, относившимися къ ней съ искреннимъ и полнымъ сочувствіемъ, были люди, смотрѣвшіе на нее въ силу тѣхъ или другихъ соображеній крайне враждебно. Вообще вопросъ этотъ принадлежалъ къ числу „самыхъ спорныхъ и вызвавшихъ наиболѣе разногласія даже между членами губернскихъ комитетовъ“ [1]). Мы останавливаемся на вызванныхъ имъ разногласіяхъ лишь затѣмъ, чтобы дать читателю возможность составить себѣ хотя нѣкоторое понятіе о причинахъ той крайней непослѣдовательности, съ которою мы встрѣчаемся въ дѣйствующемъ теперь законодательствѣ относительно общины. Дѣло въ томъ, что правительство, видимо относившееся съ бо́льшимъ сочувствіемъ къ общинному, нежели подворному землевладѣнію, не могло, между тѣмъ, въ силу возникшихъ противорѣчій, не сдѣлать нѣкоторыхъ уступокъ въ пользу противниковъ общины [2]). Стараясь, насколько было возможно, примирить взгляды враждующихъ сторонъ и удовлетворить ихъ желанія безъ явнаго и прямого нарушенія интересовъ народа, оно избрало нѣкоторымъ образомъ середину между требованіями тѣхъ и другихъ: не ставя никакихъ препятствій общинному пользованію землями, признавая за общиною право существованія, оно предоставляло, вмѣстѣ съ тѣмъ, дальнѣйшее развитіе ея „естественному ходу вещей“, допуская при извѣстныхъ условіяхъ право перехода отъ общиннаго землевладѣнія къ подворному.

Въ результатѣ этой „серединной“ или примирительной политики явились ст. 36 и 54 „Общаго положенія“ и ст. 162 и 165 „Положенія о выкупѣ“, которыя гласятъ нижеслѣдующее: каждый

---

[1]) Тамъ же, стр. 649.

[2]) Редакціонныя коммиссіи, явившіяся въ этомъ случаѣ о́рганомъ правительственнымъ и преслѣдовавшія въ крестьянской реформѣ цѣли и желанія, намѣченныя послѣднимъ, постоянно руководствовались въ отношеніи къ общинѣ „предложеніемъ покойнаго предсѣдателя Я. И. Ростовцева, заявленнымъ уже во второмъ засѣданіи коммиссій и заключающемся въ слѣдующемъ: вопросъ объ общинномъ личномъ владѣніи землями, которыя будутъ выкуплены, долженъ быть рѣшенъ согласно особенностямъ каждой мѣстности, а въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи предоставленъ естественному ходу вещей. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ удерживаться отъ стремленія разрѣшать этотъ вопросъ принудительными мѣрами. Отъ этого правила коммиссіи не уклонялись... Крайнее разнообразіе противорѣчащихъ и между собою непримиримыхъ отзывовъ членовъ губернскихъ комитетовъ убѣдило редакціонныя коммиссіи въ томъ, что всякое отступленіе отъ него было бы сопряжено не только съ самыми невыгодными для всѣхъ сторонъ послѣдствіями, но еще и съ ничѣмъ неоправдываемымъ нарушеніемъ историческаго хода русской общественной жизни“.

членъ сельскаго общества можетъ требовать, чтобы изъ состава земли, пріобрѣтенной въ общественную собственность, былъ ему выдѣленъ, въ частную собственность, участокъ соразмѣрный съ долею его участія въ пріобрѣтеніи сей земли. Если таковой выдѣлъ окажется неудобнымъ или невозможнымъ, то обществу предоставляется удовлетворить крестьянина, желающаго выдѣлиться, деньгами, по взаимному соглашенію или по его оцѣнкѣ (ст. 36). Допускается съ согласія не менѣе двухъ третей всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ голосъ на сходѣ, замѣна общиннаго пользованія землею участковымъ или подворнымъ (наслѣдственнымъ) (ст. 54). По истеченіи девяти лѣтъ но до уплаты выкупной ссуды, общество можетъ отчуждать пріобрѣтенныя имъ земли, подъ которыя выдана ссуда, не иначе, какъ съ разрѣшенія губернскаго присутствія и со взносомъ вырученныхъ за проданныя земли денегъ въ счетъ остающагося по выкупной ссудѣ долга (ст. 162). До уплаты выкупной ссуды, выдѣлъ участковъ отдѣльнымъ домохозяевамъ изъ земли, пріобрѣтенной обществомъ, допускается не иначе какъ съ согласія общества. Но если домохозяинъ, желающій выдѣлиться, внесетъ въ уѣздное казначейство всю причитающуюся на его участокъ выкупную ссуду, то общество обязывается выдѣлить крестьянину, сдѣлавшему такой взносъ, соотвѣтственный оному участокъ, по возможности къ одному мѣсту, по усмотрѣнію самого общества, а впредь до выдѣла, крестьянинъ продолжаетъ пользоваться пріобрѣтенною имъ частію земли въ составѣ мірского надѣла, безъ взноса выкупныхъ платежей (ст. 165). Посмотримъ теперь, какую собственно роль играютъ эти постановленія по отношенію къ общинѣ, въ связи съ вліяніемъ на нее того естественнаго хода вещей, которому она была предоставлена, и какого рода послѣдствія влекутъ за собою, какъ первая, такъ и этотъ послѣдній.

III.

Въ нашей печати давно уже было обращено вниманіе на одну весьма характеристическую особенность экономическаго строя современной деревни, а именно, на возникающее въ ней крайнее неравенство имущественныхъ состояній. Дѣйствительно, мы видимъ въ настоящее время, съ одной стороны, меньшинство, накопляющее и сосредоточивающее въ своихъ рукахъ все большія и большія средства производства, а съ другой—большинство, окончательно утрачивающее свою хозяйственную самостоятельность. За-

рожденію столь ненормальнаго порядка вещей у насъ способствовала главнымъ образомъ матеріальная необезпеченность большинства крестьянства. Освобожденное въ большинствѣ случаевъ съ весьма ограниченными и нерѣдко непроизводительными, вслѣдствіе дурныхъ почвенныхъ качествъ, надѣлами, обремененными притомъ слишкомъ тяжелыми платежами, иногда превышающими въ нѣсколько разъ нормальную доходность земли,—наше земледѣльческое населеніе очутилось въ условіяхъ, далеко неблагопріятныхъ для упроченія его хозяйственной самостоятельности и дальнѣйшаго развитія матеріальнаго благосостоянія.

Такъ по даннымъ „Статистики поземельной собственности", касающимся пока только 21 губерніи Европейской Россіи, изъ общаго числа 5.900,060 рев. душъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, въ этихъ губерніяхъ болѣе или менѣе обезпеченною можетъ считаться только одна, весьма ничтожная по числу группа, составляющая въ массѣ населенія этихъ губерній лишь 3,4% или 200,081 ревиз. душъ, надѣлъ которыхъ составляетъ болѣе 6 дес. на душу. Что касается остальной части, то 55,2% или 3.254,188 ревиз. душъ, получившихъ отъ 3 до 6 дес. надѣла, развѣ только съ грѣхомъ пополамъ могутъ поддерживать свое земледѣльческое хозяйство на сколько-нибудь сносномъ уровнѣ; тогда какъ положеніе получившихъ 3 дес. и менѣе, составляющихъ въ общей сложности 41,4% или 2.445,971 душъ, должно считаться уже рѣшительно неудовлетворительнымъ: надѣлъ въ 3 десят., не говоря уже о меньшемъ, нельзя признать достаточнымъ даже и въ такихъ сравнительно плодородныхъ губерніяхъ, какъ курская, воронежская, тамбовская и нѣкоторыя другія; между тѣмъ многія изъ разсматриваемыхъ 21 губерній, за исключеніемъ центральной земледѣльческой области, отличаются весьма низкою урожайностью.

Въ наиболѣе удовлетворительномъ положеніи оказываются въ этихъ областяхъ крестьяне государственные: малоземельная группа (надѣлъ 3 дес. и менѣе) составляетъ въ ихъ средѣ 389,790 рев. душъ или 10,4%, средняя—съ надѣломъ отъ 3 до 6 десят.—2.518,447 рев. душъ или 67,3%, и третья, наиболѣе обезпеченная—835,626 рев. душъ или 22,3%. Но при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ вида то обстоятельство, что собственно малоземельныхъ губерній вошло въ эти области только 8 (центральныя земледѣльческія). Въ 13 остальныхъ губерніяхъ и особенно въ 6 литовскихъ и бѣлорусскихъ, даже помѣщичьи крестьяне надѣлены, сравнительно хотя бы съ крестьянами промышленной области, весьма удовлетворительно. Слѣдовательно, процентъ мало-

земельнаго населенія, въ общей массѣ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ по всѣмъ губерніямъ Европейской Россіи, будетъ еще выше, чѣмъ по этимъ 21 губерніямъ, взятымъ отдѣльно.

Располагая, такимъ образомъ, весьма ограниченными, въ большинствѣ случаевъ, средствами производства, масса нашего крестьянскаго населенія была не въ состояніи дать, даже и въ первый моментъ освобожденія, значительному числу своихъ рабочихъ силъ болѣе или менѣе цѣлесообразнаго приложенія въ сферѣ своего собственнаго самостоятельнаго хозяйства.

Впослѣдствіи же соотношеніе между рабочими силами и „ѣдоками", съ одной стороны, и средствами производства съ другой— становилось еще болѣе неблагопріятнымъ въ хозяйственномъ отношеніи. Процессъ обѣднѣнія совершался тѣмъ быстрѣе, конечно, чѣмъ ограниченнѣе были крестьянскіе надѣлы и чѣмъ въ большемъ несоотвѣтствіи находились лежащіе на этихъ надѣлахъ платежи съ ихъ доходностью. Въ силу необходимости уплаты причитающихся съ него денежныхъ сборовъ, крестьянинъ вынуждался пускать въ обращеніе и свой хозяйственный инвентарь, что̀ уже неминуемо влекло за собой и разстройство его хозяйства.

Въ средѣ нашего крестьянскаго населенія образовалась масса дворовъ безлошадныхъ и даже не имѣющихъ никакого скота, масса дворовъ безхозяйныхъ, бросившихъ земледѣліе и сдающихъ свою землю другимъ. Масса нашего сельскаго населенія волей-неволей должна была искать себѣ тѣхъ или иныхъ средствъ существованія внѣ сферы своего собственнаго хозяйства—въ постороннихъ отхожихъ заработкахъ, въ области крупнаго капиталистическаго производства или мѣстныхъ кустарныхъ промыслахъ. Но ни область крупной капиталистической промышленности, развивавшейся, главнымъ образомъ, на счетъ разнаго рода техническихъ усовершенствованій, ни область мелкой кустарной оказались не въ состояніи поглотить всей массы рабочихъ рукъ, оказавшихся излишними въ области крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства. Громадный избытокъ предложенія ихъ надъ спросомъ на трудовомъ рынкѣ страны и возникшая, вслѣдствіе этого, конкурренція неминуемо влекли за собой обезцѣненіе труда, который, какъ извѣстно, ни въ одной изъ странъ Европы не находится въ настоящее время въ такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ и не вознаграждается до такой степени скудно, какъ въ Россіи.

Нечего и говорить, что подобнаго рода условія какъ нельзя болѣе благопріятствовали сосредоточенію въ рукахъ представителей болѣе сильныхъ и зажиточныхъ группъ населенія средствъ эксплуатаціи нуждающагося большинства деревни, выразившейся прежде

всего въ ростовщичествѣ, затѣмъ въ закабаленіи труда и, наконецъ, въ обезземеленіи. Всѣ эти наиболѣе типичныя формы эксплуатаціи имѣли безспорно каждая свою собственную фазу развитія, уступая мѣсто одна другой лишь постепенно, въ силу совершавшихся перемѣнъ въ общемъ строѣ хозяйственно-экономическихъ отношеній народной жизни. По мѣрѣ того, какъ патріархальный ростовщикъ-кулакъ, обогащаясь мало-по-малу на счетъ своего ближняго, расширялъ средства своего производства, положеніе массы становилось хуже и хуже. Ухудшеніе это было естественнымъ слѣдствіемъ, во-1-хъ, разъ начавшагося экономическаго упадка, не встрѣчавшаго на своемъ пути ни малѣйшихъ препятствій, и во-2-хъ, усиливавшагося вліянія и господства надъ массою обогащавшагося меньшинства: благодаря все большему и большему сосредоточенію капитала въ рукахъ послѣднихъ, первоначальный способъ обращенія—ростовщичество—оказался, сравнительно, малодоходнымъ и притомъ до извѣстной степени рискованнымъ. Поэтому представлялось гораздо болѣе выгоднымъ и цѣлесообразнымъ дать ему иного рода назначеніе, а именно, расширить путемъ его приложенія сферу хозяйственно-экономической дѣятельности. Рядомъ съ этимъ измѣненіемъ въ способѣ обращенія капитала измѣнилась, конечно, и самая форма эксплуатаціи нуждающагося большинства: если до сихъ поръ оно эксплуатировалось въ качествѣ заемщика, поставленнаго въ слишкомъ затруднительныя условія хозяйства, то теперь стало уже эксплуатироваться, какъ рабочая сила; эта послѣдняя форма эксплуатаціи, какъ извѣстно, выразилась въ неимовѣрно быстро распространяющемся у насъ въ послѣднее время уродливомъ явленіи—закабаленіи труда, при страшномъ его обезцѣненіи во всѣхъ безъ исключенія отрасляхъ промышленности. До полнаго хозяйственнаго разстройства массы крестьянскаго населенія и его обезземеленія отсюда былъ уже только одинъ шагъ.

Вотъ, въ общихъ и наиболѣе существенныхъ чертахъ тѣ причины, которыми только и можетъ быть объяснено возникновеніе въ средѣ нашего сельскаго населенія такого крайняго неравенства имущественныхъ состояній, какое замѣчается въ послѣднее время— и тотъ путь, которымъ совершалось его развитіе. Таковъ былъ тотъ „естественный ходъ вещей", въ водоворотѣ котораго очутилась община по волѣ своихъ историческихъ судебъ.

Могли ли благопріятствовать подобнаго рода условія сколько-нибудь развитію общиннаго начала въ сферѣ экономическихъ отношеній народной жизни—вопросъ, на который, полагаемъ, можно отвѣчать лишь отрицательно. Но значеніе этихъ условій все-таки

не могло бы быть до такой степени важнымъ въ смыслѣ разрушающаго вліянія ихъ на общину, еслибы имъ не способствовали въ этомъ приведенныя нами выше статьи „Положенія“. Находясь въ противорѣчіи съ господствующими воззрѣніями народа на землю, статьи эти сами собой упраздняютъ правовое значеніе общины и въ интересахъ единичныхъ личностей обезличиваютъ „міръ“.

Посмотримъ же, какъ совершается это на дѣлѣ и какія послѣдствія влекутъ за собой подобнаго рода условія въ экономическомъ складѣ жизни нашего сельскаго населенія.

Не касаясь пока значенія статьи 54-ой, какъ могущей имѣть примѣненіе лишь съ согласія $^2/_3$ голосовъ, слѣдовательно при условіи коренного измѣненія въ обычно-правовыхъ понятіяхъ и взглядахъ народной массы, чего до сихъ поръ еще не было замѣтно,—мы сосредоточимъ наше вниманіе исключительно на трехъ остальныхъ статьяхъ: 36-й Общаго положенія и 162-й и 165-й Положенія о выкупѣ.

Первая изъ нихъ, какъ мы уже видѣли выше, даетъ право каждому отдѣльному члену сельскаго общества требовать выдѣла изъ земли, пріобрѣтенной въ общую собственность, соотвѣтствующаго долѣ его затратъ участка въ личную его собственность; причемъ, если выдѣлъ окажется неудобнымъ или невозможнымъ, общество можетъ удовлетворить его деньгами. Такимъ образомъ, статья эта сама по себѣ не представляетъ, повидимому, ничего опаснаго для существованія общиннаго владѣнія, такъ какъ общество имѣетъ возможность и право не допустить выдѣла, замѣнивъ его денежнымъ вознагражденіемъ; но совершенно обратный смыслъ получитъ она, если мы примемъ въ соображеніе экономическія условія, въ которыхъ находится, въ данный моментъ, то или другое сельское общество. При современномъ упадкѣ матеріальнаго благосостоянія массы крестьянскаго населенія, весьма легко и чаще всего можетъ случаться такъ, что община окажется не въ состояніи удовлетворить лицо, желающее выдѣлиться, полной суммою стоимости слѣдуемаго ему количества земли: что остается тогда дѣлать общинѣ, если желающій выдѣлиться членъ ея не захочетъ ждать уплаты причитающихся ему денегъ, пока она не справится съ силами? Ясно, что единственный исходъ для нея остается въ удовлетвореніи такого члена выдѣломъ ему земли, помимо ужъ всякихъ соображеній о томъ, удобенъ или неудобенъ будетъ для нея этотъ выдѣлъ. А разъ выдѣлъ совершенъ—община уже на одинъ шагъ ближе къ своему разложенію. Разложеніе ея будетъ совершаться, конечно, тѣмъ съ бо́льшимъ успѣхомъ и быстротою, чѣмъ бѣднѣе данная община, чѣмъ большій процентъ составляютъ

ея неимущіе члены, нерѣдко побуждаемые къ выдѣлу только силою внѣшнихъ условій, въ силу своего хозяйственнаго разстройства, задолженности, закабаленія какимъ-нибудь кулакомъ. Предоставляемое имъ статьею 36-ю право, какимъ бы путемъ ни осуществлялось оно на практикѣ, все равно низводитъ ихъ въ рядъ пролетаріата. Выдѣлившись изъ общины, такой обнищавшій хозяинъ несомнѣнно, если не тотчасъ, то впослѣдствіи продастъ свой участокъ тому же самому кулаку, а самъ обратится къ постороннимъ заработкамъ. Но это еще не все. Разложеніе общины можетъ одинаково совершаться и при обратномъ порядкѣ удовлетворенія выдѣляющихся членовъ, т.-е. и тогда, когда взамѣнъ земли имъ уплачивается ея стоимость. Разница только въ томъ, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ, земля будетъ сосредоточиваться въ рукахъ все меньшаго и меньшаго числа лицъ внутри самой общины, въ рукахъ ея остающихся членовъ; въ первомъ же, наоборотъ—она будетъ сосредоточиваться внѣ общины, хотя, быть можетъ, и въ рукахъ тѣхъ же самыхъ общинниковъ, но уже не какъ таковыхъ, а какъ частныхъ владѣльцевъ.

Не менѣе печальныя послѣдствія создаются точно также и примѣненіемъ статьи 162-й, предоставляющей обществу отчуждать пріобрѣтенныя имъ земли, съ условіемъ взноса вырученныхъ отъ продажи денегъ въ счетъ остающагося по выкупной ссудѣ долга. Статья эта вступаетъ въ законную силу по отношенію къ тому или другому сельскому обществу по истеченіи 9 лѣтъ со дня полученія имъ выкупной ссуды и не иначе, какъ съ разрѣшенія губернскаго присутствія. Въ настоящее время число сельскихъ обществъ, имѣющихъ право воспользоваться ею, должно быть уже довольно значительнымъ; что же касается собственно побудительныхъ причинъ, обусловливающихъ ея примѣненіе, то недостатка въ нихъ, конечно, не ощущается. Твердо обосновавшіеся въ деревнѣ нерѣдко забираютъ въ свои руки не только какихъ-нибудь отдѣльныхъ хозяевъ или сельское общество, но и цѣлыя волости. При тяжелой экономической зависимости отъ нихъ массы крестьянскаго населенія, имъ не представляется особеннаго труда заставить данное сельское общество произвести отчужденіе въ ихъ пользу извѣстной части надѣльной земли, хотя бы это было въ явный ущербъ благосостоянію общины. Возможность или даже неизбѣжность подобныхъ явленій, — въ особенности если принять во вниманіе безъисходную недоимочность нашихъ крестьянъ, тяготѣющую надъ ними круговую поруку и практикуемые способы взысканія недоимки и платежей,—не представляютъ ничего невѣроятнаго.

Затѣмъ остается еще статья 165-я. Что касается первой части ея, допускающей, съ согласія общества, выдѣлъ участковъ отдѣльнымъ домохозяевамъ, до уплаты выкупной ссуды, то вредныя послѣдствія ея для общины также зависятъ, главнымъ образомъ, отъ степени подчиненности богатому меньшинству; но несравненно большій просторъ вліянію неблагопріятныхъ условій открываетъ вторая часть этой статьи, по которой общество обязывается выдѣлять каждаго, кто пожелаетъ и внесетъ въ уѣздное казначейство всю причитающуюся на его участокъ выкупную ссуду. При современномъ строѣ экономическихъ отношеній въ мірѣ деревни, желающихъ воспользоваться правомъ, предоставляемымъ этою статьею, найдется не мало. Уже одна возможность избавиться подобнымъ путемъ отъ круговой поруки, разорительной не только для средне-зажиточнаго домохозяина, но и для болѣе богатаго кулака, — можетъ служить достаточною побудительною причиною для требованія ими выдѣла своихъ участковъ. Съ другой стороны, болѣе многочисленная, конечно, часть бѣднѣйшаго населенія должна быть побуждаема къ тому же силою самаго своего положенія, хозяйственнаго разстройства, неимѣніемъ скота — вообще невозможностью вести самостоятельное хозяйство. Внеся за такого безхозяйнаго крестьянина слѣдуемую выкупную сумму, быть можетъ, даже съ незначительной приплатою въ качествѣ отступного, съ условіемъ перехода къ нему выкупленнаго участка, — кулакъ стягиваетъ въ свои руки все бо̀льшія и бо̀льшія массы земли и можетъ съ успѣхомъ обрабатывать ее при помощи того же самаго обезземеленнаго имъ крестьянина. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, какъ видимъ, и разложеніе общины, и обезземеленіе выдѣляющихся изъ нея домохозяевъ происходитъ единовременно, рядомъ одно съ другимъ. Ходъ разложенія общиннаго владѣнія, обусловливаемый статьею 165й- Полож. о выкупахъ, есть наиболѣе неблагопріятный по своимъ послѣдствіямъ. Экономическая самостоятельность крестьянина въ данномъ случаѣ прекращается, можно сказать, внезапно и столь же внезапно наступаетъ для него та крайняя степень бѣдности, которая, какъ неизбѣжная спутница пролетаріата, уже навсегда забираетъ его въ свои желѣзные когти.

Но значеніе 165-й ст. въ разложеніи общины не исчерпывается еще всѣмъ этимъ. Способствуя обезземеленію бѣднѣйшей части крестьянскаго населенія, она въ то же время можетъ способствовать и обезземеленію самой общины. До сихъ поръ мы имѣли въ виду выдѣлы изъ состава общины только хозяйствъ малоимущихъ, побуждаемыхъ къ тому силою неблагопріятныхъ экономическихъ

условій и пользующихся, конечно, наименьшимъ числомъ душевыхъ надѣловъ. Благодаря этому обстоятельству, выдѣлъ ихъ изъ общины не можетъ повлечь за собой такого существеннаго сокращенія ея владѣній, какое, напр., повлечетъ выдѣлъ болѣе зажиточныхъ домохозяевъ, въ пользованіи которыхъ всегда находится гораздо большее количество мірской земли; слѣдовательно, выкупъ ими земли въ собственность долженъ сопровождаться болѣе чувствительнымъ для остающихся въ составѣ „міра" домохозяевъ сокращеніемъ ихъ экономическихъ рессурсовъ и неминуемо повлечетъ за собой уже общее обѣднѣніе общины.

IV.

Въ значительномъ большинствѣ нашихъ общинъ коренные (общіе между всѣми домохозяевами) передѣлы земли совершаются черезъ періоды, болѣе или менѣе продолжительные, 10—15—20 лѣтъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ преимущественно только отъ ревизіи до ревизіи. Такъ, напр., въ московской губерніи въ теченіе 20-лѣтія, съ 1858 по 1878 г., изъ числа 4,442 общинъ этой губерніи передѣляли свои мірскія поля:

Одинъ	разъ	1,655	общинъ	или	37,2%
Два	„	1,879	„	„	42,3
Три	„	395	„	„	8,9
Четыре	„	110	„	„	2,4
Пять	„	72	„	„	1,6
Шесть	„	338	„	„	7,6
		4,442	общины	или	100% [1]

По продолжительности промежутковъ между коренными передѣлами общины эти распредѣляются такъ: „почти половина (49,3%) всѣхъ общинъ передѣляетъ мірскія поля на срокъ, превышающій пять сѣвооборотовъ, т.-е. промежутокъ времени между общими передѣлами простирается свыше 15 лѣтъ; изъ остальной половины общинъ бо̀льшая часть, а именно 36%, передѣляютъ поля чрезъ 7—15 лѣтъ, т.-е. на сроки свыше 2 и до 5 сѣвооборотовъ включительно и, наконецъ, только 14,6% общинъ повторяютъ общіе передѣлы черезъ 3—6 лѣтъ" [2]).

Въ тамбовской губерніи, судя по изданнымъ понынѣ изслѣдованіямъ шести уѣздовъ, коренные передѣлы, въ особенности въ

[1]) „Формы крестьянск. землевлад. въ московск. губ." В. Орлова, стр. 154.
[2]) Тамъ же, стр. 159.

среди крестьянъ государственныхъ, совершаются отъ ревизіи до ревизіи, а въ борисоглѣбскомъ уѣздѣ этого правила придерживаются и крестьяне, бывшіе помѣщичьи. Въ рязанскомъ уѣздѣ, изъ 396 общинъ, по которымъ собраны болѣе подробныя свѣденія о передѣлахъ, при 21,423 домохозяевахъ, ихъ составляющихъ, производили коренной передѣлъ земли со времени послѣдней ревизіи (1858 г.) только 140 общинъ или 35,4%; изъ остальныхъ, въ 100 общинахъ идутъ еще только толки о передѣлѣ, а 156 общинъ не намѣреваются и передѣлять [1]). Въ курскомъ уѣздѣ, точно также передѣлы, за рѣдкими исключеніями, практикуются по ревизіямъ. Между тѣмъ такое продолжительное отсутствіе передѣловъ ведетъ къ тому, что установленная въ моментъ передѣла равномѣрность распредѣленія земли между отдѣльными хозяйственными единицами общины мало-по-малу уничтожается. „Съ теченіемъ времени въ семейномъ составѣ отдѣльныхъ дворовъ совершаются различныя измѣненія; члены одного дома вымираютъ, а въ другомъ домѣ нарождаются. Но такъ какъ размѣръ семейнаго надѣла остается безъ измѣненій, то исподоволь происходитъ большее и большее несоотвѣтствіе между составомъ отдѣльныхъ семей и размѣромъ ихъ надѣла; семья, сидящая на одномъ душевомъ надѣлѣ, можетъ возрасти до 10 человѣкъ, наоборотъ, семья, въ которой въ моментъ ревизіи насчитывается 5—10 душъ, сокращается иногда до двухъ-трехъ человѣкъ, остающихся въ живыхъ. Ясно, что для первой семьи однодушнаго надѣла слишкомъ недостаточно, вслѣдствіе чего семья эта будетъ крайне нуждаться въ землѣ и будетъ бѣдствовать, тогда какъ у второй семьи будетъ излишекъ земли, такъ что часть ея она должна или обрабатывать наемными руками, или сдавать въ аренду“ [2]). Не трудно понять, какое значеніе получаетъ въ виду всего этого ст. 165-я Полож. о выкупѣ: каждый мало-мальски зажиточный домохозяинъ, не говоря уже о болѣе состоятельныхъ и богатыхъ, пользуясь благопріятнымъ соотношеніемъ между численнымъ составомъ своей семьи и числомъ находящихся въ его пользованіи надѣловъ, можетъ потребовать у общины выдѣла въ свою личную собственность состоявшаго въ его временномъ пользованіи земельнаго участка.

Представьте теперь, что желающихъ воспользоваться такимъ благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ найдется цѣлая масса, что всѣ, получившіе при бывшемъ лѣтъ 20 назадъ передѣлѣ земли

[1]) „Сборн. стат. свѣд. по рязанской губ.“, т. 1, стр. 23.

[2]) „Сборн. стат. свѣд. по тамбовской губ.“, т. 1, стр. 14.

количество надѣловъ по значительно большему числу душъ, чѣмъ состоитъ у нихъ въ настоящее время, захотятъ выкупить свои участки.

Въ результатѣ такой операціи, не представляющей, конечно, ничего невозможнаго въ дѣйствительности, землевладѣніе общины сократится не только абсолютно, но и относительно, т.-е. на каждаго оставшагося въ общинѣ члена будетъ причитаться въ среднемъ выводѣ менѣе земли, чѣмъ причиталось до выкупа части ея многонадѣльными, но малосемейными домохозяевами; тогда какъ при выдѣлѣ маломочныхъ, пользующихся меньшимъ числомъ надѣловъ при большемъ составѣ семей, домохозяевъ, наоборотъ, землевладѣніе общины, хотя и уменьшится абсолютно, но возрастетъ относительно — въ среднемъ, на каждаго оставшагося въ ея составѣ члена.

Но само собой разумѣется, что случаи послѣдняго рода едва ли встрѣчаются чаще въ дѣйствительности, чѣмъ случаи перваго: всѣ интересы маломочнаго домохозяина должны непремѣнно побуждать его, во что бы то ни стало, держаться общины, такъ какъ оставаясь ея членомъ, онъ можетъ разсчитывать на то, что неблагопріятныя условія, въ которыхъ онъ очутился благодаря продолжительному отсутствію передѣла, будутъ устранены при совершеніи новаго передѣла. Получивъ болѣе соотвѣтствующее семейному составу число душевыхъ надѣловъ, онъ можетъ надѣяться поправить свое хозяйство, поставить его въ лучшее положеніе. Слѣдовательно, къ выдѣлу изъ общины такой домохозяинъ можетъ прибѣгнуть лишь въ крайнемъ случаѣ, подъ вліяніемъ какихъ-либо особыхъ побудительныхъ причинъ, подъ давленіемъ посторонняго вліянія и при совершенной уже невозможности продолжать вести свое хозяйство. Между тѣмъ интересы зажиточнаго домохозяина, наоборотъ, побуждаютъ его воспользоваться счастливымъ для него стеченіемъ обстоятельствъ и заставляютъ спѣшить выдѣломъ изъ общины, прежде чѣмъ рѣшится она произвести передѣлъ; такой домохозяинъ знаетъ, конечно, что послѣдній можетъ значительно измѣнить существующее соотношеніе между числомъ находящихся въ его пользованіи надѣловъ и численнымъ составомъ семьи, и далеко не въ его пользу, и потому скорѣй рѣшится выкупить въ собственность отведенную ему землю, чѣмъ домохозяинъ, побуждаемый къ тому совершенно иными причинами. Въ виду всего этого, можно сказать уже a priori, что тамъ, *гдѣ передѣлы совершаются рѣдко*, въ числѣ крестьянъ, выкупившихъ и продолжающихъ выкупать отдѣльно свои надѣлы, большинство должны составлять домохозяева болѣе зажиточные;

стало быть, послѣдствія выкупа должны быть болѣе неблагопріятны для дальнѣйшаго существованія общины и ея экономическаго развитія.

Чѣмъ чаще община будетъ должна удовлетворять требующихъ выдѣла многонадѣльныхъ, но малосемейныхъ домохозяевъ, тѣмъ меньшимъ и меньшимъ количествомъ земли будетъ располагать каждый изъ ея членовъ и, слѣдовательно, тѣмъ затруднительнѣе будетъ его положеніе. Экономическій уровень общинниковъ несомнѣнно понизится, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличатся и самые шансы дальнѣйшаго и еще болѣе быстраго разложенія общины.

Продолжительное отсутствіе передѣловъ, само собой являясь причиной обѣднѣнія болѣе или менѣе значительной части земледѣльческаго населенія, усиливаетъ это обѣднѣніе, благодаря выгодному для нѣкоторыхъ членовъ общины выкупу своихъ надѣловъ. Такимъ образомъ, слѣдствіемъ совокупнаго вліянія обоихъ этихъ условій явится въ концѣ-концовъ окончательное разстройство хозяйства въ еще большемъ числѣ отдѣльныхъ хозяйствъ общины, представители которыхъ волей-неволей будутъ вынуждены оставить земледѣліе и передать свои надѣлы болѣе счастливымъ и ужъ выдѣлившимся изъ общины соперникамъ, выкупивъ участки при ихъ же обязательной помощи.

Но почему же, могутъ спросить насъ, община, такъ строго слѣдящая какъ за своими общими интересами, такъ и за интересами отдѣльныхъ своихъ членовъ, не стремится къ устраненію столь сильнаго зла, вызываемаго долгимъ отсутствіемъ передѣловъ? Почему не установитъ она болѣе краткихъ сроковъ для переверстки земли,—тѣмъ болѣе, что это вполнѣ зависитъ отъ ея желанія?

Отвѣтить на эти вопросы не особенно трудно, но причины, вызывающія разсмотрѣнное явленіе, оказываются не только весьма многочисленными, но и крайне сложными, а потому мы можемъ коснуться ихъ въ настоящемъ случаѣ лишь въ общихъ и краткихъ чертахъ, хотя несомнѣнно они заслуживаютъ всесторонняго и серьезнаго изученія.

V.

Выше мы уже видѣли, что въ силу цѣлаго ряда неблагопріятныхъ условій современнаго положенія сельскаго населенія, въ средѣ послѣдняго успѣло возникнуть рѣзко бросающееся въ глаза наблюдателя неравенство имущественныхъ состояній; это

явленіе выражается съ одной стороны въ массѣ дворовъ бездомовыхъ, безземельныхъ, бросившихъ хлѣбопашество, безлошадныхъ, стоящихъ на самомъ низкомъ экономическомъ уровнѣ, и съ другой—въ незначительномъ меньшинствѣ, скопляющемъ въ своихъ рукахъ все бо̀льшія и бо̀льшія средства производства и эксплуатирующемъ первыхъ.

Само собой разумѣется, что о солидарности интересовъ этихъ двухъ группъ населенія не можетъ быть и рѣчи. Стремленія и цѣли одной являются здѣсь совершенно противоположными стремленіямъ и цѣлямъ другой группы; слѣдовательно, присущія общинѣ, при нормальномъ ея состояніи, благотворныя внутреннія отношенія не могутъ уже имѣть мѣста или, по крайней мѣрѣ, являться господствующими. На мѣсто ихъ воцаряется рознь, господство силы надъ правомъ и надъ обычаемъ; нравственное вліяніе общины на отдѣльныхъ своихъ членовъ уступаетъ мѣсто вліянію иного рода и уже отдѣльныхъ, сильныхъ экономически, лицъ, которому и ей самой нерѣдко приходится подчиняться.

И въ самомъ дѣлѣ, взгляните, что̀ творится теперь въ нѣдрахъ нашей крестьянской общины. Въ губерніяхъ тамбовской, курской, рязанской и многихъ другихъ, насколько можно судить по изслѣдованіямъ какъ земскихъ статистиковъ, такъ и по сообщеніямъ частныхъ лицъ въ разныхъ газетахъ,—происходятъ въ настоящее время ожесточенные споры между крестьянами-общинниками; предметомъ этихъ споровъ и нерѣдко вражды является все тотъ же волнующій общину, составляющій злобу ея дня, наболѣвшій вопросъ о передѣлѣ.

„Всѣ села и деревни рождественской волости,—пишетъ, напр., корреспондентъ одной провинціальной газеты, — владѣющія на общинномъ, т.-е. душевомъ правѣ, раздѣлились на два враждебныхъ другъ другу лагеря съ типичнымъ наименованіемъ однихъ „стародушниками"—приверженцами стараго передѣла земли, по послѣдней народной переписи, и другихъ—„новодушниками"—приверженцами новаго передѣла земель по наличнымъ душамъ. Большинство стародушниковъ — люди зажиточные, пользующіеся достаточнымъ количествомъ земли и не имѣющіе поэтому надобности снимать ее у владѣльцевъ; у нѣкоторыхъ стародушниковъ въ 26 лѣтъ со времени послѣдней народной переписи семьи образовались такъ, что при одномъ работникѣ имѣютъ надѣлъ на 7—8 душъ. У новодушниковъ, въ противоположность стародушникамъ, есть семьи, пользующіяся надѣломъ на одну ревизскую душу и имѣющія въ наличности до 10 душъ одного только мужского пола. Въ послѣдніе наборы нѣкоторые крестьяне пошли въ

военную службу, оставивъ дома семьи безъ всякихъ средствъ, такъ какъ не имѣли на свою душу надѣла. Подобное неестественное явленіе вызывало даже раздѣлы: брату, попавшему въ послѣднюю перепись и не имѣющему дѣтей, не хотѣлось содержать и кормить на своемъ надѣлѣ братьевъ, не пользующихся надѣломъ, особенно, если они были съ дѣтьми, а онъ, наоборотъ, дѣтей не имѣлъ. При раздѣлѣ, первые отходили съ одной частью усадебнаго мѣста, увеличивая собою деревенскій пролетаріатъ. Новымъ передѣломъ земель, конечно, можно бы устранить это печальное явленіе, но добиться приговора о передѣлѣ весьма трудно: стародушники употребляютъ всѣ средства,—попойки и подкупъ тѣхъ домохозяевъ, которымъ по семейному положенію нѣтъ разсчета соглашаться на передѣлъ...

Фактическій передѣлъ земли начали съ весны, при посѣвѣ ярового хлѣба, причемъ безъ побоищъ не обошлось: не говоря уже о помятыхъ, одному изъ членовъ рождественскаго общества пришлось-таки прежде передѣла отправиться къ „праотцамъ" [1]). Усиленные споры о передѣлѣ въ крестьянскомъ населеніи курскаго уѣзда подтверждаются также и свидѣтельствомъ мѣстныхъ земскихъ статистиковъ въ „Сборникѣ стат. свѣд." (т. 1, стр. 68 и слѣд.). Въ борисоглѣбскомъ уѣздѣ многія общества государственныхъ крестьянъ не могутъ приступить къ передѣлу благодаря тому, главнымъ образомъ, что для нѣкоторыхъ домохозяевъ, „которымъ придется лишиться части своихъ теперешнихъ надѣловъ, такой передѣлъ является невыгоднымъ, вслѣдствіе чего они сильно противятся передѣлу, ссылаясь на освященный временемъ обычай—передѣлять землю только при ревизіи" [2]).

Говоря о порядкахъ разверстки мірской земли въ общинахъ шацкаго уѣзда, гдѣ земля распредѣлялась по наличнымъ работникамъ, г. Романовъ замѣчаетъ между прочимъ, что этого порядка въ первое десятилѣтіе по освобожденіи крестьяне дѣйствительно держались довольно строго и у нихъ ежегодно происходила новая общая раскладка надѣловъ. „Но по мѣрѣ того, какъ возвышалась цѣнность земель, въ составѣ всѣхъ общинъ росло число домохозяевъ, противившихся ежегоднымъ общимъ переверсткамъ земли. Въ особенности богатые или почему-либо вліятельные крестьяне заставляли сельскій сходъ сохранять за ними

---

[1]) „Курскій Листокъ", 1884, № 37. Такого же рода случай имѣлъ мѣсто и въ свіяжскомъ уѣздѣ казанской губерніи, гдѣ возникшіе, года 2 — 3 назадъ, въ одной общинѣ споры изъ-за передѣловъ кончились побоищемъ, въ результатѣ котораго было 3 убитыхъ и 14 раненыхъ.

[2]) „Сборн. стат. свѣд. по тамбовской губ.", т. 1, стр. 21.

прежнее число надѣловъ, хотя бы убыль работниковъ и требовала уменьшенія этого числа для надѣленія другихъ домохозяевъ. Пользованіе надѣлами (по отношенію къ числу ихъ) дѣлалось у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ болѣе и болѣе постояннымъ, подобно тому, какъ у бывшихъ государственныхъ крестьянъ оно не мѣнялось отъ одной ревизіи до другой. Бывшее прежде основнымъ правило распредѣленія мірской земли по наличнымъ работникамъ мало-по-малу утрачиваетъ свое значеніе" [1]). Въ симбирской губерніи, по словамъ г. В. Пругавина, земельные споры между „стародушниками" и „новодушниками" получаютъ съ каждымъ днемъ все болѣе ожесточенный и враждебный характеръ. Присматриваясь къ процессу земельной борьбы въ этой губерніи, говоритъ онъ, нельзя не замѣтить въ ней нѣкоторыхъ существенно новыхъ фактовъ и явленій, которые или совсѣмъ не имѣютъ мѣста, или находятся лишь въ зародышѣ въ общинахъ не-черноземной Россіи, даже въ тѣхъ областяхъ ея, гдѣ доходность надѣла выше суммы лежащихъ на немъ платежей. Въ группѣ крестьянъ, противящихся передѣлу, мы замѣчаемъ здѣсь больше настойчивости, системы и упорства въ отстаиваніи своихъ стремленій. Цѣлый рядъ всевозможныхъ средствъ пускается въ ходъ съ цѣлью такъ или иначе затормазить осуществленіе требованій большинства крестьянъ, стоящаго за передѣлы. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне уже нѣсколько лѣтъ владѣли землею по наличнымъ душамъ на основаніи приговора, срокъ которому начинаетъ истекать, даже въ этихъ случаяхъ противники передѣла горячо ратуютъ за то, чтобы вновь установленъ былъ порядокъ пользованія землей по ревизскимъ душамъ [2]). Но помимо этой причины—противодѣйствія со стороны богатаго и вліятельнаго меньшинства—есть еще и другія, препятствующія болѣе или менѣе своевременному передѣлу земли въ общинѣ; въ числѣ ихъ слѣдуетъ отмѣтить, между прочимъ, ст. 114-ю мѣстнаго великороссійскаго положенія, согласно которой передѣлы земли между крестьянами допускаются лишь по приговору двухъ третей всѣхъ домохозяевъ населенія. „При нѣкоторомъ неблагопріятномъ числѣ домохозяевъ въ малыхъ общинахъ,—говоритъ г. Григорьевъ [3]),—согласія на передѣлъ, на основаніи этой статьи, невозможно добиться; напримѣръ, въ общинѣ съ 8-ю домохозяевами необходимо согласіе на передѣлъ 6-ти противъ двухъ, въ общинѣ съ 5-ю

---

[1]) Тамъ же, т. VI, стр. 25.

[2]) Съ Волги, см. „Русск. Вѣд." 1884 г., № 162.

[3]) „Сборн. стат. свѣд. по рязанской губ.", т. I, стр. 39.

домохозяевами должны быть согласны на передѣлъ 4 противъ одного и т. д. Кромѣ того, нуженъ приговоръ двухъ третей всѣхъ домохозяевъ селенія, но при развитіи отхожихъ промысловъ это является весьма существеннымъ препятствіемъ къ передѣлу: какъ собрать всѣхъ домохозяевъ?—Зимой, когда всѣ дома. Но, во-первыхъ, всѣ собираются въ деревню рѣдко; еслибы даже и собрались, еслибы и состоялся приговоръ, его можно обжаловать; дѣло затянется до весны, когда многіе разойдутся на работы. Является непремѣнный членъ для провѣрки приговора, а многихъ подписавшихъ его уже нѣтъ въ деревнѣ; подпись отсутствующихъ домохозяевъ, повидимому, не принимается во вниманіе. Такъ было, напр., въ Подвязьѣ весной 1882 года. По словамъ крестьянъ, ихъ приговоръ былъ признанъ неправильнымъ, такъ какъ не оказалось на лицо нѣкоторыхъ изъ подписавшихся двухъ третей".

Добиться согласія двухъ третей домохозяевъ общины, требуемаго ст. 114-й, оказывается весьма затруднительнымъ по другимъ причинамъ. Такъ нужно имѣть въ виду, что между наиболѣе заинтересованными въ вопросѣ о передѣлѣ двумя группами—одной, для которой передѣлъ является наиболѣе выгоднымъ, и другой, которая вслѣдствіе его должна неминуемо утратить часть находящейся въ ея пользованіи земли,—стоитъ еще третья группа домохозяевъ, относящаяся къ нему безразлично, такъ какъ онъ не можетъ повліять сколько-нибудь существеннымъ образомъ на сокращеніе размѣра или количества ихъ надѣльныхъ душевыхъ участковъ.

Конечно, при нормальномъ теченіи общинной жизни, тамъ, гдѣ вліяніе новѣйшихъ условій не успѣло еще отразиться на складѣ бытовыхъ и экономическихъ отношеній общины, гдѣ общинныя преданія не подавлены еще тяжестью этихъ условій и не затоптаны новыми пришельцами современной деревни,—тамъ эта наименѣе заинтересованная часть населенія, руководясь извѣстными принципами общиннаго владѣнія, станетъ несомнѣнно на сторону наиболѣе нуждающейся въ передѣлѣ группы домохозяевъ, и вопросъ разрѣшится въ интересахъ большинства. Но иное дѣло тамъ, гдѣ традиціонные общинные порядки успѣли до извѣстной степени расшататься, гдѣ требованія справедливости не въ силахъ выстоять въ борьбѣ со ставшими на первое мѣсто личными интересами отдѣльныхъ лицъ, преслѣдующихъ исключительно только узкія своекорыстныя цѣли,—цѣли наживы и эксплуатаціи окружающихъ. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно уже пускается въ дѣло и подкупъ, и спаиваніе, противъ чего утратившее вѣру въ святость обычая населеніе устоять не въ силахъ, и добивающимся

передѣла земли остается лишь положить оружіе: благодаря стараніямъ и экономическому вліянію кулаковъ на массу, на ихъ сторонѣ здѣсь всегда окажется больше трети домохозяевъ и передѣлъ останется такимъ образомъ лишь въ области пріятныхъ иллюзій хотя и многочисленныхъ, но безсильныхъ „малодушниковъ".

Вліяніе разнаго рода хищниковъ, какъ пришедшихъ извнѣ, такъ и воспитанныхъ на по-реформенной почвѣ деревни, заполонившихъ послѣднюю и внесшихъ раздоръ въ общину, не могло не отразиться, конечно, въ извѣстной степени и на экономическихъ воззрѣніяхъ народной массы. Вліяніе это, въ указываемомъ нами смыслѣ, являлось тѣмъ болѣе сильнымъ, что новые взгляды, внесенные сельской буржуазіей въ общину, и ея проникнутыя индивидуализмомъ стремленія весьма близко совпадали съ общимъ духомъ нашего законодательства, сколько-нибудь касающагося общины.

Люди, нахлынувшіе въ деревню изъ городовъ въ чаяніи богатой жатвы—разнаго рода промышленники, торговцы, скупщики и перекупщики и проч.,—являются всѣ приверженцами идеи свободной собственности, усердно пропагандируютъ эту идею, стараясь освободить отъ узъ общины ея членовъ и ихъ коллективную земельную собственность. Правда, въ такихъ благихъ начинаніяхъ этимъ „новымъ людямъ деревни" не уступаютъ и нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ обществъ и писателей извѣстнаго лагеря. Такъ, напр., московское сельскохоз. общество, съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, уже нѣсколько лѣтъ подрядъ носится съ вопросомъ о хуторномъ хозяйствѣ, пропагандируя его въ цѣломъ рядѣ докладовъ, находя, что община, стѣсняя индивидуальную свободу своихъ членовъ и ихъ хозяйственную предпріимчивость, является источникомъ всѣхъ нашихъ сельскохозяйственныхъ и экономическихъ бѣдъ.

Такимъ образомъ предъ нашими глазами открывается назидательное и любопытное зрѣлище: мы видимъ, что стремленія нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ обществъ, а также и лицъ, принадлежащихъ къ такъ называемой образованной части нашего общества, гармонируютъ съ стремленіями заполонившихъ деревню хищниковъ; и тѣ, и другіе въ каждый данный моментъ могутъ протянуть другъ другу руки; и тѣ, и другіе стремятся къ одной цѣли, пропагандируя — одни въ народѣ, другіе въ литературѣ и въ обществѣ—вредъ и необходимость уничтоженія общиннаго владѣнія.

Этотъ трогательный, пока еще только случайный союзъ представителей науки,—хотя и довольно своеобразной,—съ массою

Колупаевыхъ и Деруновыхъ—въ своемъ родѣ есть знаменіе времени. Конечно, столь распространенная и дѣятельная пропаганда не могла оставаться безслѣдною, тѣмъ болѣе, что большая часть заинтересованныхъ лицъ дѣйствовала не только словомъ, но и примѣромъ. Пользуясь постановленіемъ закона, любой кулакъ самымъ нагляднымъ образомъ могъ доказать „міру“, что неотчуждаемость мірской собственности есть въ сущности миѳъ, что извѣстную часть ея каждый членъ общины можетъ при извѣстныхъ условіяхъ взять какъ свою личную собственность. Такимъ образомъ примѣненная нашимъ законодательствомъ къ общинной земельной собственности система выкупа и указанныя выше вліянія успѣли уже существеннымъ образомъ отразиться на понятіяхъ крестьянства о собственности, и въ настоящій моментъ русская община вступаетъ уже въ новый періодъ своей исторіи—въ періодъ борьбы обычая съ закономъ [1]).

Г. Григорьевъ въ своемъ изслѣдованіи формъ крестьянскаго землевладѣнія въ рязанскомъ уѣздѣ [2]), между прочимъ указываетъ на выкупъ, какъ на поворотный пунктъ во взглядѣ крестьянъ на своё мірское владѣніе землею. „Хотя по закону земля выкупается всею общиной въ свою общественную собственность, — говоритъ онъ, — но вѣдь община распредѣлила землю между отдѣльными домохозяевами; каждый пользуется своимъ клочкомъ земли, каждый вноситъ, сообразно размѣру своего участка, и платежи. Чѣмъ длиннѣе промежутки между передѣлами, чѣмъ дольше пользуется домохозяинъ однимъ и тѣмъ же кускомъ земли, тѣмъ крѣпче слагается въ немъ увѣренность, что часть надѣла уже выкуплена

---

[1]) Нужно замѣтить, что борьба эта проявляется не только въ сферѣ собственно поземельныхъ отношеній общины, но и въ другихъ областяхъ народной жизни. „Если сравнить рѣшенія волостныхъ судовъ прежнихъ лѣтъ съ теперешними, напр., по дѣламъ о семейныхъ раздѣлахъ,—говоритъ авторъ одного изъ докладовъ рязанскаго губернскаго земскаго собранія о ревизіи волостей, — то окажется, что понятія нынѣшнихъ судей о томъ, чтó право и не право, словно помутились; мѣсто обычая, служившаго основаніемъ прежнихъ рѣшеній, въ рѣшеніяхъ нынѣшнихъ то-и-дѣло попадаются ссылки на статьи X тома, разсужденія о законности и незаконности рожденія того или другого наслѣдника, о земской давности, о правѣ жены на 1/7 часть послѣ мужа и т. п., въ особенности въ волостяхъ государственныхъ крестьянъ“ (см. т. II „Доклад. членовъ рязанской губерн. зем. управы о ревизіи волостей“, стр. 359). Докладчикъ приписываетъ это явленіе вліянію старшинъ и толкованіямъ волостныхъ писарей; но насколько можно судить по одному сообщенію другого докладчика, то въ этомъ дѣлѣ не безъ грѣха и уѣздная администрація: такъ помянутый докладчикъ передаетъ, что просматривая книгу приговоровъ волостного суда, онъ нашелъ на ея страницахъ „назидательныя замѣчанія, вмѣняющія суду въ обязанность строже держаться законовъ (?) при рѣшеніяхъ“ (тамъ же, т. I, стр. 493).

[2]) „Сборн. стат. свѣд. по рязанск. губ.“, т. I, стр. 31 и 33.

не общиной, а имъ, что слѣдовательно эта часть ему и принадлежитъ. Эта увѣренность и сознаніе права собственности иногда доходитъ до такихъ размѣровъ, что во время споровъ о переразделеніи земли по новымъ душамъ слышатся кровавыя угрозы: „Да развѣ я отдамъ кому землю, которую 10—15 лѣтъ выкупалъ?! Да я косой прогоню всякаго, кто выйдетъ съ сохой на мою землю!“ ...Быть можетъ,—говоритъ авторъ далѣе,—вліяніемъ выкупа слѣдуетъ объяснить довольно странное явленіе въ немногихъ деревняхъ клепиковской волости: тамъ выкупные платежи строго выдѣляются отъ остальныхъ и только они раскладываются міромъ по количеству земли у каждаго домохозяина, остальные же — платитъ каждый работникъ (земля раздѣлена по ревизскимъ душамъ), даже и не владѣющій землею. Такъ, напримѣръ, въ д. Иншаковѣ земля подѣлена по ревизскимъ душамъ; въ настоящее время тамъ увѣрены, что каждый въ отдѣльности со дня выхода на выкупъ черезъ 49 лѣтъ станетъ полнымъ собственникомъ участка, за который вноситъ выкупные платежи; во всѣхъ же остальныхъ податяхъ и повинностяхъ домохозяинъ участвуетъ не по количеству надѣльныхъ душъ, а въ зависимости отъ числа рабочихъ членовъ семьи. Такой фактъ стоитъ въ противорѣчіи съ обычнымъ распредѣленіемъ крестьянъ всѣхъ податей и повинностей по землѣ“. При этомъ авторъ замѣчаетъ, что „не только выкупные, но и временно-обязанные крестьяне не всегда увѣрены въ своемъ правѣ на передѣлъ; иногда они убѣждены, что и ихъ земля выкупается, такъ какъ и они „не меньше людей“ платятъ за землю, а выкупаемую землю какъ же передѣлить?“

Такого же рода отношенія начинаютъ складываться и въ общинахъ тамбовской губерніи, и въ общинахъ курской. Указывая на противодѣйствіе со стороны отдѣльныхъ личностей кореннымъ передѣламъ мірской земли, авторъ изслѣдованія курскаго уѣзда приводитъ образчики аргументаціи противниковъ передѣла, которая вполнѣ совпадаетъ съ аргументаціей, слышанной нами изъ устъ ихъ рязанскихъ единомышленниковъ. „Личности эти, — говоритъ онъ,—долгое время эксплуатировали одинъ и тотъ же аргументъ: „мы выплачивали выкупной платежъ, поэтому и не отдадимъ свою землю ради новаго передѣла“; но встрѣчая довольно вѣское и вполнѣ правильное возраженіе отъ сторонниковъ послѣдняго, указывающихъ на то, что они за то же время въ пять разъ болѣе переплатили за аренду земель, они прибѣгли подъ защиту совершенно иной уловки: они весьма усердно распространяютъ слухъ, что начальство будто бы не дозволитъ никакого передѣла. Надо полагать,—замѣчаетъ авторъ,—что мѣстное начальство само спо-

собствуетъ утвержденію этого слуха, по крайней мѣрѣ, намъ не разъ приходилось слышать въ этомъ отношеніи ссылки на волостныхъ старшинъ и писарей. Нельзя также умолчать о томъ, что даже урядники зачастую придаютъ через-чуръ мрачный смыслъ тому слову, которое заключаетъ въ себѣ самую существенную и законную сторону всякаго крестьянскаго общежитія, владѣющаго землею на общинномъ правѣ пользованія; задерживая правильное распредѣленіе земли среди крестьянскаго общества, они, сами не сознавая того, создаютъ въ будущемъ ненормальныя отношенія между членами этого общества и, быть можетъ, даже серьезныя затрудненія, при установленіи внѣшняго порядка и при введеніи въ исполненіе какихъ-либо финансовыхъ соображеній правительства... Такъ или иначе, — заключаетъ авторъ,—но соединенныя усилія многихъ лицъ привели къ тому, что крестьяне утратили вѣру въ свое право производить передѣлы въ установленные ими сроки и на условленныхъ между ними основаніяхъ" [1]).

Но утвержденныя Положеніемъ 19 февраля права общины въ распоряженіи „мірскою" землей попираются далеко не одними урядниками и старшинами.

Въ нашей повременной печати, а въ послѣднее время и въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ не разъ уже приводились случаи произвольнаго и незаконнаго вмѣшательства во внутренніе распорядки общины. Такъ, напримѣръ, г. Григорьевъ указываетъ въ своемъ, уже цитированномъ нами, изслѣдованіи рязанскаго уѣзда, что „въ с. Большомъ Шаповѣ и въ Киселевѣ (подвязьевской волости) мировой посредникъ запретилъ крестьянамъ не только передѣлять свою землю, но и отмѣнилъ ихъ приговоръ о передачѣ надѣла съ умершихъ на народившихся. Съ тѣхъ поръ,— говоритъ авторъ, — они боятся и рѣчь заводить о передѣлахъ". „Въ Зубенкахъ (того же рязанскаго уѣзда) посредникъ объяснялъ, что землю станетъ выкупать каждый въ свою собственность; зубенковскіе и до сихъ поръ сомнѣваются, можно ли передѣлить мірскую землю"... „Въ одной изъ общинъ Семчина, троицкой волости, послѣ выхода на выкупъ, сняли міромъ часть земли съ малосемейнаго; тотъ пожаловался исправнику, а исправникъ приказалъ вернуть землю старому хозяину. Старшины и тѣ своей властью отмѣняютъ рѣшенія схода: старшина той же троицкой волости прислалъ приказъ одному изъ старостъ, чтобы онъ не смѣлъ допускать общество распоряжаться землей отдѣльныхъ домо-

[1]) „Сборн. стат. свѣд. по курской губ.", т. I, стр. 68 и 69.

хозяевъ, снимать ее съ однихъ и передавать другимъ" [1]). Въ борисоглѣбскомъ уѣздѣ, по словамъ г. В. Орлова, Софьевское общество, николо-кабаньевской волости, хотѣло-было отобрать часть надѣла отъ одного домохозяина (нынѣ волостного старшины), такъ какъ послѣдній при малой семьѣ пользуется несоразмѣрно большимъ надѣломъ (кромѣ своихъ душъ имѣетъ еще нѣсколько наслѣдственныхъ); но рѣшеніе міра обжаловано было въ уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, которое отмѣнило его, утвердивъ права (?) домохозяина на владѣніе всѣми душами [2]).

Такимъ образомъ, въ настоящее время мы застаемъ нашу общину въ борьбѣ съ цѣлою ратью самыхъ разнородныхъ противниковъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что самый злѣйшій, самый опасный врагъ общины есть—бѣдность, и самая тяжелая борьба, какую только приходится ей вести за свое существованіе—это борьба съ неблагопріятными экономическими условіями ея современнаго положенія. Ничто такъ сильно не подтачиваетъ ея основъ, ея вѣковыхъ „устоевъ", какъ эти условія. Хищническія посягательства на „мірскую" земельную собственность при иномъ, болѣе благопріятномъ экономическомъ строѣ не имѣли бы такихъ замѣтныхъ успѣховъ, какіе приходится наблюдать въ настоящее время, и 165-я статья Полож. о выкупѣ никогда не получила бы такого широкаго примѣненія въ дѣйствительности и не могла бы повлечь за собой такихъ тяжкихъ послѣдствій, какія она влечетъ при настоящихъ условіяхъ. Болѣе или менѣе существенное значеніе она имѣла бы только для болѣе зажиточныхъ или богатыхъ домохозяевъ, да и то въ тѣхъ по преимуществу общинахъ, гдѣ передѣлы земли совершаются рѣдко, гдѣ въ теченіе продолжительнаго отсутствія передѣловъ успѣваетъ возникать рѣзкое несоотвѣтствіе въ отдѣльныхъ хозяйствахъ между числомъ душевыхъ надѣловъ и семейнымъ составомъ этихъ хозяйствъ, причемъ выдѣлялись бы лишь дворы съ наиболѣе выгоднымъ отношеніемъ находящейся въ ихъ пользованіи земли къ ихъ семейному составу; для остальной же массы хозяйствъ, какъ уже замѣчено было выше, выдѣлъ изъ общины не представлялъ бы рѣшительно никакихъ выгодъ.

Совсѣмъ иное дѣло теперь, когда значительное число хозяйствъ общины находится на ступени окончательнаго разстройства, когда многія изъ нихъ не имѣютъ даже живого рабочаго инвентаря, когда, при недостаточности надѣльной земли, крестьянинъ не въ

[1]) „Сборн. стат. свѣд. по рязанской губ." т. I, стр. 32.

[2]) „Сборн. стат. свѣд. по тамбовской губ." т. I, стр. 22, отд. II.

состояніи добыть обработкой ея даже самыхъ насущныхъ потребностей существованія. Мы уже видѣли, какъ легко при такого рода условіяхъ попасть домохозяину въ разрядъ безземельныхъ и какую громадную роль въ такихъ случаяхъ можетъ играть ст. 165-я. Закабалившему мужика кулаку не представляется особенныхъ затрудненій склонить или просто вынудить у него тѣми или иными способами уступку ему своего надѣла; а разъ соглашеніе состоялось—слѣдуемый за землю выкупъ вноситъ тотъ же кулакъ и земля поступаетъ въ его распоряженіе, навсегда ускользая изъ рукъ общины. Вотъ тотъ путь, которымъ можетъ совершаться разложеніе нашей земельной общины.

Взглянемъ теперь, такъ ли это на самомъ дѣлѣ и насколько дѣйствительные факты оправдываютъ наши предположенія.

VI.

Въ началѣ настоящей статьи нами были приведены нѣкоторыя данныя о числѣ безземельныхъ въ средѣ нашего крестьянскаго населенія; данныя эти, обнимающія въ общей сложности 30 уѣздовъ разныхъ губерній (въ томъ числѣ вся московская), собраны путемъ подворныхъ переписей земскими статистическими бюро и представляютъ такимъ образомъ матеріалъ, несомнѣнно, вполнѣ надежный, но въ равной степени сырой, необработанный.

Въ объяснительномъ текстѣ къ таблицамъ земскихъ статистическихъ изданій мы ни въ одномъ изъ нѣсколькихъ десятковъ просмотрѣнныхъ нами томовъ не нашли указаній на то, какіе собственно разряды сельскихъ обывателей включены изслѣдователями въ графу безземельныхъ: внесены ли туда только дворы, принадлежащіе къ коренному населенію или и приписанные изъ другихъ мѣстностей, и только ли тѣ, которые вышли на волю съ надѣломъ или бывшіе дворовые, не получившіе надѣла? Какихъ-либо данныхъ относительно того, какимъ путемъ образовалась группа безземельныхъ въ данномъ уѣздѣ, куда, при какихъ условіяхъ ускользнула изъ рукъ ихъ земля, если таковая когда-либо была у нихъ въ распоряженіи—въ статистическихъ сборникахъ опять-таки нѣтъ.

Такимъ образомъ, земскіе статистическіе источники не заключаютъ въ себѣ почти никакихъ данныхъ для освѣщенія процесса обезземеленія крестьянскаго населенія; даже далеко не всѣ изслѣдователи собираютъ обстоятельныя свѣденія о выкупѣ отдѣльными домохозяевами своихъ надѣловъ по статьѣ 165-й Полож. о

выкупѣ, касаясь этого вопроса большей частію вскользь, несмотря на всю его громадную важность. Вслѣдствіе этого намъ волей-неволей приходится обратиться къ даннымъ, болѣе или менѣе разнохарактернымъ и случайнымъ, встрѣчающимся время до времени въ органахъ нашей ежедневной печати. Конечно, свѣденія этого рода нельзя сравнивать съ данными, собираемыми систематически въ цѣломъ районѣ, на ряду съ массою другихъ фактовъ, дополняющихъ ихъ; но тѣмъ не менѣе, несмотря на свою неполноту и отрывочность, они бросаютъ болѣе или менѣе яркій свѣтъ на совершающійся въ настоящее время процессъ, съ одной стороны, разложенія общины, а съ другой—обезземеленія крестьянскаго населенія. Въ то же время они могутъ служить путеводною нитью къ уразумѣнію тѣхъ условій, подъ давленіемъ которыхъ совершается развитіе указаннаго процесса, а слѣдовательно и матеріаломъ для провѣрки сдѣланныхъ нами выводовъ.

Мы замѣтили выше, что статья 165-я Полож. о выкупѣ, играя весьма выдающуюся роль въ процессѣ разрушенія общины, является вмѣстѣ съ тѣмъ и орудіемъ обезземеленія населенія въ рукахъ наиболѣе зажиточной части послѣдняго. За фактами, подтверждающими это, ходить далеко не нужно. Нѣкоторые изъ корреспондентовъ упомянутаго нами московскаго сельскохозяйственнаго общества, вполнѣ подтверждаютъ высказанныя нами предположенія. Такъ, напримѣръ, членъ пермскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія г. Четинъ, констатируя отсутствіе въ пермской губерніи случаевъ перехода крестьянъ отъ общиннаго владѣнія землею къ подворному, замѣчаетъ, что „изъ обществъ крестьянъ-собственниковъ состоятельные члены выдѣляются чрезъ посредство выкупа своихъ участковъ на основаніи 165-й ст., безъ согласія обществъ. Конечно,—говоритъ онъ,—когда участокъ выкупается чисто съ земледѣльческими цѣлями, послѣдствія надобно признать благотворными (?) и для владѣльца участка, и для остальныхъ членовъ общества, видящихъ возможность лучшей обработки земли и бо̀льшихъ отъ нея выгодъ. Однако, на практикѣ участки выкупаются не всегда для развитія земледѣлія, а съ посторонними промышленными цѣлями: выкупаются иногда бѣдняки, за которыхъ деньги вноситъ торговецъ, кабатчикъ и т. п., коимъ и достается выкупной участокъ; такъ что этимъ путемъ удается пріобрѣтать общественную землю совершенно постороннимъ лицамъ, становящимся, такимъ образомъ, въ выгодное положеніе къ крестьянамъ, по части ихъ эксплуатаціи“ [1]).

---

[1]) 5-ый докладъ въ коммис. Имп. Моск. Общ. Сел. Хоз., 1881, стр. 14 и 15.

Изъ курмышскаго уѣзда, симбирской губерніи, предсѣдатель мѣстнаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія сообщаетъ, что „въ послѣднее время по случаю передѣла обществами надѣльной земли по наличнымъ душамъ, вмѣсто ревизскихъ, всѣ стародушники, прежде составленія такого приговора, стараются выкупать „умершія души въ семьѣ", для чего большей частію продаютъ ихъ съ выгодой не только своимъ односельчанамъ, но и посторожнимъ. Въ этомъ случаѣ,—замѣчаетъ авторъ сообщенія,—право, данное 165-ю статьею Пол. о вык., является орудіемъ, способнымъ ослабить и даже совершенно разрушить общину, сильную только при единствѣ и общности интересовъ всего міра" [1]). Въ пошехонскомъ уѣздѣ, ярославской губерніи, крестьянская община также оказывается „не совсѣмъ свободною отъ вліянія кулаковъ". Выдѣляясь изъ общины, они стремятся къ расширенію своей частной земельной собственности, „причемъ побуждаютъ и другихъ крестьянъ къ выдѣленію изъ общины, надѣясь, впослѣдствіи, прибрать къ своимъ рукамъ земельные участки вышедшихъ изъ мірской зависимости [2]).

То же самое оказывается и въ самарскомъ уѣздѣ, гдѣ, по словамъ изслѣдователя, „общинные принципы еще крѣпко коренятся въ народномъ сознаніи". Однако, выдѣленныхъ изъ общины, съ помощью ст. 165-й, надѣловъ насчитывается здѣсь уже до 317, причемъ „мотивами къ выкупу въ большинствѣ случаевъ служило желаніе состоятельныхъ крестьянъ пріобрѣсть выкупленную землю въ личную неотчуждаемую собственность". Двадцать надѣловъ изъ числа 317 выкуплены лѣтъ 15—20 тому назадъ не собственными средствами крестьянъ, а при помощи нѣкоторыхъ самарскихъ купцовъ и кабатчиковъ, желавшихъ воспользоваться выкупленной крестьянской землей для устройства кабаковъ. Тамъ, гдѣ этотъ выкупъ надѣловъ состоялся, кабаки открывались и существовали не болѣе одного-двухъ лѣтъ.

Въ с. Чубовкѣ, алексѣевской волости, крестьянинъ Авдѣевъ выкупилъ свои два надѣла при помощи самарскаго купца, который устроилъ на землѣ Авдѣева кабакъ, причемъ самъ Авдѣевъ пожелалъ быть и сидѣльцемъ въ этомъ кабакѣ, но вскорѣ проторговался и разорился. Купецъ съумѣлъ однако гарантировать себя отъ потерь тѣмъ, что завладѣлъ по суду землей Авдѣева и продалъ ее крестьянину д. Кольцовки, тростянской волости, за 400 р. Въ с. Смышляевкѣ, той же волости, въ 20 верстахъ отъ Самары,

---

[1]) Тамъ же, стр. 15—16.

[2]) „Изъ Пошехонья". Корресп. „Русск. Вѣд.", 1883, № 355.

самарскими купцами было выкуплено 8 крестьянскихъ надѣловъ и было построено 7 кабаковъ и трактировъ, которые, однако, просуществовали не болѣе 2 лѣтъ, а потомъ, вслѣдствіе извѣстнаго указа объ открытіи кабаковъ съ согласія сельскихъ обществъ, смышляевское общество „не допустило“ дальнѣйшаго существованія кабаковъ. Въ с. Мордовскихъ Липягахъ (таборахъ) самарскій купецъ Н. выкупилъ крестьянину Тягаеву 2 надѣла за 210 рублей, построилъ на его землѣ кабакъ, который существовалъ 10 лѣтъ единственно благодаря лишь тому обстоятельству, что Н. „откупилъ кругомъ всѣ земли и воды“, и потому міръ ничего не могъ подѣлать. Изъ другихъ селеній кабаки существовали на выкупленной землѣ въ пр. Алексѣевскѣ, въ с. Тростянкѣ, д. Березовкѣ, с. Краковкѣ, с. Барштѣ, с. Красномъ Поселеньѣ. Вездѣ кабаки существовали не болѣе одного-двухъ лѣтъ, а потомъ „міръ не допустилъ“.

Не менѣе знаменательныя вѣсти идутъ и изъ курской губерніи. Авторъ одной корреспонденціи изъ рыльскаго уѣзда, указываетъ фактъ обнаружившагося въ послѣднее время стремленія въ средѣ мѣстныхъ крестьянъ къ замѣнѣ общиннаго владѣнія подворнымъ участковымъ. Указывая при этомъ на то обстоятельство, что такого рода явленіе замѣчается преимущественно въ одной части уѣзда (южной), тогда какъ въ другой (сѣверной) во многихъ общинахъ бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ, не передѣлявшихъ земли съ X ревизіи, стали „усиленно поговаривать объ уравненіи“, — корреспондентъ объясняетъ это тѣмъ, что на сѣверѣ уѣзда земля оказывается наименѣе доходною: здѣсь „она е́два-едва оплачиваетъ платежи, лежащіе на ней, а во многихъ мѣстахъ даже прямо въ тягость крестьянину [1]); на югѣ же, наоборотъ, она—единственная кормилица, единственный источникъ благосостоянія семьи и средство для выполненія повинностей“. Поэтому крестьянинъ здѣсь дорожитъ ею и скорѣе постарается закрѣпить за собою, чѣмъ при передѣлѣ на наличныя души уступить извѣстную часть въ пользу своего сосѣда. „Въ виду этого, на черноземной полосѣ уѣзда крестьянскіе надѣльные участки

[1]) Стремленіе къ наиболѣе частому передѣлу въ такихъ общинахъ, надѣлы которыхъ являются малопроизводительными, гдѣ лежащіе на нихъ платежи покрываются не столько доходами земледѣлія, сколько доходами, даваемыми посторонними промыслами, оказывается явленіемъ повсемѣстнымъ; оно замѣчено во всѣхъ почти мѣстностяхъ, изслѣдованныхъ земскими статистиками, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться, по нашему мнѣнію, ни признакомъ особой живучести здѣсь общинныхъ традицій, ни признакомъ устойчивости общиннаго владѣнія, какъ, напр., утверждаетъ это г. Пругавинъ (въ „Русск. Мысли“, 1884, № 7).

давно уже приняли характеръ родовой частной собственности, — такъ же какъ и у старозаимочныхъ и четвертныхъ владѣльцевъ. Сознаніе права собственности на свою надѣльную землю такъ глубоко проникло въ среду здѣшняго крестьянства, что каждый считаетъ себя въ правѣ распоряжаться своимъ надѣломъ, какъ вздумается, по своему усмотрѣнію: отказывать его по наслѣдству, покупать, продавать, закладывать, не спрашивая даже на это согласія міра и сосѣдей. Вдова послѣ смерти мужа получаетъ обыкновенно весь его надѣлъ, даже и въ томъ случаѣ, если она бездѣтна. Надѣлы всегда переходятъ къ прямымъ наслѣдникамъ; если ихъ нѣтъ—къ дальнымъ родственникамъ,—все равно, живутъ ли въ этой общинѣ или въ другой деревнѣ; только уже въ случаѣ полнѣйшей выморочности рода, земля „поступаетъ въ общество", которое сдаетъ ее на пополненіе общественныхъ расходовъ. Перепродажа надѣловъ здѣсь практикуется въ громадныхъ размѣрахъ. Въ кульбакинской волости, самой южной изъ всѣхъ, за послѣдніе три года (1881—83) было 83 случая продажи надѣльной крестьянской земли, причемъ надѣловъ всѣхъ было продано 103¾ или 285,3 дес. перешло изъ однихъ рукъ въ другія. Землю продаютъ крестьяне по разнымъ причинамъ: одни добровольно „бросаютъ" ее, продаютъ, чтобы только уйти куда-нибудь отъ „тѣсноты" и неурядицы деревенской, и идутъ „на сходцы", „на вольныя земли" въ Ставрополье, въ Сибирь или просто въ городъ „на заработки"; такъ кажется имъ выгоднѣе, лучше, „безгрѣшнѣе"... Другіе вынуждены къ этому жадной эксплуатаціей мѣстныхъ Разуваевыхъ и Колупаевыхъ; задолжавши имъ, запутавшись въ ихъ тенетахъ, они за безцѣнокъ передаютъ имъ свои надѣлы и сами нанимаются въ батраки въ сосѣднія помѣщичьи экономіи. Обыкновенная цѣна надѣла (2¾ дес.) въ нашихъ краяхъ 150 руб., съ усадьбой и постройками — 200 руб. Впрочемъ, иногда замѣчаются довольно значительныя отклоненія отъ этой цифры; такъ, Колупаевы наши платятъ сплошь да рядомъ за надѣлъ 40—50 р., а волостной старшина кобыльской волости платитъ даже и еще того меньше, 25—30 руб. за надѣлъ. За послѣдніе два года... крестьяне стали даже продавать свои надѣльные участки лицамъ постороннимъ—разнымъ мѣщанамъ, купцамъ, „поповичамъ" и пр. Одно уже это ясно показываетъ, что тутъ о передѣлѣ общинныхъ земель на жилыя наличныя души не можетъ быть и рѣчи, потому что всѣ эти „не приписанные ни къ какому сословію", недоучившіеся кутейники, мѣщане, покупающіе крестьянскіе участки, во всякомъ случаѣ, ни за что не пожелаютъ разстаться съ ними или хоть бы даже просто подѣлиться ими съ

сосѣдями-крестьянами, пустить ихъ въ „общее равненіе". Кромѣ того, не нужно упускать изъ виду и того обстоятельства, что Колупаевы у насъ не дремлютъ и „умненько да потихоньку" округляютъ свои земли „къ однимъ рукамъ". По нашимъ черноземнымъ волостямъ, въ южной части уѣзда, не рѣдкость уже и теперь встрѣтить крестьянъ, закупившихъ „въ однѣ руки" 15—20 надѣловъ... Все это ничего хорошаго въ будущемъ, разумѣется, не предвѣщаетъ... Когда мы однажды, въ разговорѣ съ крестьянами, упомянули, между прочимъ, о передѣлѣ общинной деревенской земли по наличнымъ душамъ, то они только руками замахали: „у насъ, говорятъ, только начни передѣлы—такое разбойство выйдетъ, головы не унесешь"... И это вполнѣ понятно" [1])...

Не лучшее творится и въ малоархангельскомъ уѣздѣ той же курской губерніи, гдѣ въ достаточной степени обнищавшіе крестьяне бѣгутъ отъ своихъ надѣловъ, сдавая ихъ кулакамъ по 5—6 руб. за яровое, а озимое будущаго года рублей за 12. Крестьянская земля быстро переходитъ къ мѣстнымъ Разуваевымъ, сначала она попадаетъ имъ въ залогъ изъ 15 до 20% годовыхъ, а чрезъ 2—3 года остается у нихъ и совсѣмъ. „Продается, — говоритъ корреспондентъ, — конечно только земля четвертныхъ владѣльцевъ и такъ какъ крестьяне на нее документовъ не имѣютъ, то для продажи придумали слѣдующую процедуру. Положимъ, я продаю вамъ одну десятину земли. Для этого я выдаю вамъ вексель по большей части въ бо́льшую сумму, чѣмъ продажная цѣна. Если бы вы рискнули взять вексель въ настоящую сумму, то могли бы на аукціонѣ остаться на бобахъ. Въ каждомъ уѣздѣ есть такъ называемые кочеты, которые изъ покупки съ аукціона земли сдѣлали профессію. Они живутъ на аукціонахъ и если вы желаете посредствомъ аукціона купить землю, то должны имъ заплатить, иначе они перебьютъ. Нѣтъ той деревни, по словамъ автора, гдѣ бы не выдѣлялся изъ общины свой братъ мужикъ, разжившійся съемкой земли у своихъ собратовъ. У такого мужика, если есть 100 дес., то земля раскинута въ ста разныхъ мѣстахъ, такъ какъ она пріобрѣтена имъ отъ ста разныхъ хозяевъ" [2]).

Въ курскомъ уѣздѣ, „въ по́слѣднее время,—говоритъ г. Вернеръ, завѣдующій статистическимъ бюро курскаго земства,—переходъ четвертныхъ земель путемъ продажи сталъ практиковаться въ весьма широкихъ размѣрахъ — купчая крѣпость часто даже

[1]) „Новости", 1884, № 143.
[2]) „Русск. Вѣд.", 1883, № 336.

замѣняетъ собою завѣщаніе. Правомъ продавать свои земли крестьяне стали пользоваться сравнительно недавно; отъ Киселева до размежеванія, по ихъ собственному показанію, они не пользовались этимъ правомъ“. Продажа стала практиковаться лишь со времени составленія владѣнныхъ записей, причемъ теперь отъ крестьянина, продающаго весь свой участокъ, не требуется даже разрѣшенія общества, не смотря на то, что фактомъ пріобрѣтенія надѣльной земли покупщикъ признается равноправнымъ членомъ общества, вліяющимъ на рѣшенія сельскихъ сходовъ по всѣмъ вопросамъ, имѣющимъ связь съ поземельными распорядками. Это условіе весьма дурно отзывается на экономическомъ строѣ жизни поземельной общины, крестьянской по своимъ привычкамъ и внутреннему быту и всесословной по необходимости. Во многихъ общинахъ образовался особый классъ владѣльцевъ, именуемый на крестьянскомъ жаргонѣ „широкодачники“, „земляки“, „міроѣды“, „глотки“, это чаще всего мелкіе купцы изъ крестьянъ, городскіе мѣщане, бывшее и настоящее волостное начальство и тому подобные культурные люди; они являются новаторами среди крестьянъ, прививая, главнымъ образомъ, привычки, способныя сдѣлать менѣе устойчивымъ крестьянское землевладѣніе“.

„Весьма часто въ послѣднее время,—продолжаетъ авторъ,—вмѣсто совершенія купчихъ крѣпостей стали прибѣгать къ пріобрѣтенію земель съ публичныхъ торговъ“, съ помощью получаемыхъ отъ продавцовъ дутыхъ заемныхъ писемъ на короткій срокъ, которыя обмѣниваются покупщиками на исполнительные листки. Но чтобы назначенное по послѣднимъ въ продажу имущество не могло попасть въ постороннія руки, долговой документъ пишется на сумму, въ 2—3 раза превышающую дѣйствительную стоимость земли, благодаря чему торги назначаются съ несоразмѣрной оцѣнки и мнимый кредиторъ можетъ быть увѣренъ, что ему представится возможность великодушно оставить продаваемую землю за собой. „Не менѣе распространеннымъ способомъ пріобрѣтенія земель является совершеніе закладной. Закладная пишется на сумму, въ два раза превышающую дѣйствительную выдачу, причемъ вмѣсто процентовъ залогоприниматель пріобрѣтаетъ право пользованія землею по срокъ закладной—лѣтъ на 9—12. По окончаніи срока продавецъ, конечно, не имѣетъ ни охоты, ни возможности выкупать свою землю за двойную сумму, а потому закладная переписывается на новый срокъ. Насколько распространенъ этотъ способъ, можно судить изъ того, что въ первой деревнѣ (Нижній Дубовецъ), которую мы взяли безъ выбора, по свѣденіямъ подвор-

ной переписи оказалось, что изъ 98 домохозяевъ у 18 земля заложена такимъ образомъ" [1]).

Правда все, что говорится о торговлѣ землею въ двухъ послѣднихъ уѣздахъ — малоархангельскомъ и курскомъ—относится не къ общиннымъ землямъ, а къ землямъ четвертныхъ владѣльцевъ, хотя и эти земли нельзя признать „личною собственностью въ виду того, что переходъ по наслѣдству и продажа этихъ земель въ нѣкоторыхъ случаяхъ ограничены міромъ, находятся подъ его контролемъ" [2]). Но мы считали не лишнимъ провести эти факты, такъ какъ они несомнѣнно вполнѣ возможны и въ общинѣ, въ особенности въ виду ст. 165-й, тѣмъ болѣе, что „закладываніе душъ" и торговля ими практикуется въ весьма широкихъ размѣрахъ и при общинномъ землевладѣніи. Такъ, напр., изъ пензенской губерніи пишутъ въ одну газету, что хотя времена Чичиковыхъ и стали уже теперь достояніемъ исторіи, „но, покопавшись поближе въ народной жизни, и въ настоящее время можно найти новую формацію промышленниковъ à la Чичиковъ, сдѣлавшихъ себѣ профессію изъ купли и продажи душевыхъ надѣловъ". Промышленники, о которыхъ мы намѣрены говорить,—пишетъ корреспондентъ,—это новый типъ кулаковъ, эксплуататоровъ мужицкой бѣдности и темноты. „Торговецъ землей"—это раффинированный ростовщикъ, принимающій въ закладъ „душу". Сущность этой немудреной операціи заключается въ слѣдующемъ. Осенью и зимой, особенно въ малоурожайные годы (какъ, напр., прошлый, 1883 годъ), когда крестьянство по преимуществу нуждается въ деньгахъ, „благодѣтель" является на выручку. Онъ ссужаетъ нуждающагося деньгами или, правильнѣе, покупаетъ (арендуетъ на 1 годъ) у него душевой надѣлъ, совершая на это формальный документъ въ волостномъ правленіи; при этой сдѣлкѣ продавецъ рѣдко получаетъ болѣе 8—10 рублей за десятину надѣла, изъ каковой суммы онъ еще долженъ угостить благодѣтеля, писаря, стариковъ и т. п., а также заплатить за написаніе документа, а если продавецъ безграмотенъ, то за „рукоприкладство". Мы не ошибемся, сказавъ, что расходы эти обходятся не менѣе 2—3 рублей, т.-е. составляютъ 25 проц. договоренной суммы. Да и договора-то, по правдѣ сказать, не существуетъ; обыкновенно мужикъ, подъ гнетомъ нужды, беретъ не торгуясь то, что ему даютъ, да еще благодаритъ за милость. Но вотъ проходитъ зима, приближается время, когда мужику пора съ сохой въ поле выѣзжать—

[1]) „Сборн. стат. свѣд. по курской губ.", т. 1, стр. 56—58.
[2]) Тамъ же, стр. 58.

а земли у него нѣтъ: и вотъ онъ идетъ къ „благодѣтелю", выручать свою землю, но послѣдняя оказывается якобы перепроданной и взамѣнъ ея, какъ знакъ особенной милости, предлагается десятинка изъ посторонняго, заложеннаго ему надѣла, конечно, за чудовищное вознагражденіе. А осенью, когда наступаетъ время расплаты, неумолимый кредиторъ требуетъ немедленнаго удовлетворенія,—и хорошо, если урожай вознаградилъ труды земледѣльца и ему есть чѣмъ расплатиться. Въ противномъ же случаѣ въ счетъ уплаты опять поступаетъ „душа" рублей за 7 или за 8, а за остальную часть идетъ хлѣбъ со скидкой въ 1½—2 руб. съ четверти противъ его дѣйствительной стоимости, или самому должнику приходится идти въ кабалу къ „благодѣтелю".

Обыкновенно „торговецъ душами" есть въ то же время и подрядчикъ, поставляющій рабочихъ на мѣстные заводы и фабрики; въ такомъ случаѣ онъ нанимаетъ своего должника въ рабочіе на зиму за 25—30 рублей, причемъ деньги, разумѣется, удерживаетъ за долгъ. Нерѣдко долгъ уплачивается домашнимъ скотомъ, орудіями и т. п. [1]). По сосѣдству съ пензенской, въ саратовской губерніи торговля „душами" получила настолько широкое распространеніе, что обнаружившій здѣсь это явленіе г. Трироговъ нашелъ возможнымъ признать эти „души"—„продуктомъ народнаго хозяйства", подчиненнымъ „всѣмъ законамъ рынка" и не отличающимся „ни въ чемъ отъ другихъ продуктовъ сельской промышленности" [2]). Въ торговлѣ этимъ своеобразнымъ продуктомъ „вы встрѣчаете,—говоритъ авторъ,—тѣ же колебанія цѣнъ, тѣ же послѣдствія предложенія и спроса и ту же скупку и продажу". По изслѣдованію почтеннаго автора, только въ 21 волости насчитывается до 2,101 домохозяевъ, продававшихъ свои „души". Въ г. Петровскѣ существуютъ извѣстные скупщики душъ, „которые въ теченіе пяти лѣтъ составили капиталъ въ три тысячи рублей". Вершоутскіе скупщики душъ платятъ за душу осенью по 7 руб., а продаютъ весною по 10, деньги продавцамъ скупщики не всегда отдаютъ сполна, а сначала ограничиваются задатками. Уловка торгующихъ душами состоитъ въ томъ, что они скупаютъ такія души, въ которыя входятъ пахотная земля, лѣсъ и луга, а продаютъ обыкновенно только землю, по-десятинно, такъ что лѣсъ и луга остаются чистой прибылью. Такимъ образомъ они наживаютъ рубль на рубль". Въ пендельской волости кузнецкаго уѣзда, „души продаются по распоряженію волостного правленія

---

[1]) Въ газетѣ „Эхо", № 1105, 1884.

[2]) „Община и Подать". Собраніе изслѣдованій Трирогова, стр. 177.

публично съ торговъ, о чемъ извѣстно всѣмъ сосѣднимъ селеніямъ; эта мѣра,—поясняетъ авторъ,—вызвала повышеніе цѣнъ, отчего выиграли бѣдняки и сама община, а главное, этимъ устранилось злоупотребленіе, крывшееся въ стачкахъ покупателей и торгующихъ душами" [1]).

Чтобы видѣть, какими причинами обусловливается здѣсь развитіе этой оригинальной торговли, достаточно указать на тотъ фактъ, что продавцами душъ являются, глявнымъ образомъ, бездомовые, не имѣющіе никакого хозяйства. Такъ, напр., въ Троицкомъ-Варотаевѣ домохозяевъ одинокихъ 88, семьянныхъ 90; изъ нихъ продаютъ души всего 8 домохозяевъ. Въ томъ же селѣ бездомовыхъ: одинокихъ 34, семьянныхъ 5; продающими оказываются всѣ 39 семей. То же самое въ с. Дмитріевскомъ и Бузовлевѣ: въ первомъ изъ 171 домохозяевъ продаютъ души только 5, а бездомовые всѣ безъ исключенія, въ числѣ 47 семей; во второмъ изъ 144 домохозяевъ никто не продаетъ душъ, тогда какъ изъ 119 семей бездомовыхъ нѣтъ ни одной непродающей [2]).

Ясно, что разсматриваемое явленіе обусловливается въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ предъидущихъ, неблагопріятнымъ экономическимъ положеніемъ массы крестьянскаго населенія, крайнимъ его обѣднѣніемъ, разстройствомъ его хозяйства. Лучшимъ свидѣтелемъ того, что послѣднее находится здѣсь далеко не въ цвѣтущемъ состояніи, можетъ служить громадный процентъ бездомовыхъ, которые во всѣхъ трехъ указанныхъ общинахъ почти поголовно бросили земледѣліе, и принадлежащая имъ земля обратилась въ предметъ торговой спекуляціи. Правда, въ настоящемъ случаѣ мы видимъ предъ собой пока только торговлю правомъ пользованія, если можно такъ выразиться, а не правомъ владѣнія. Но нѣтъ ничего невозможнаго; напротивъ, скорѣе всего, что практикуемое теперь въ такихъ широкихъ размѣрахъ временное отчужденіе земельныхъ надѣловъ или „душъ" уступитъ мѣсто отчужденію ихъ навсегда въ качествѣ объекта частной собственности. И это тѣмъ болѣе вѣроятно, что для крестьянина-земледѣльца, попавшаго, быть можетъ, вслѣдствіе какой нибудь несчастной случайности въ разрядъ безхозяйныхъ, прекратившихъ земледѣльческія занятія, весьма трудно возстановить свое самостоятельное хозяйство; въ силу этого его земельный надѣлъ теряетъ для него свою цѣну, по крайней мѣрѣ на время; онъ уже не дорожитъ имъ въ такой же степени, какъ дорожилъ бы при иныхъ, болѣе благопріятныхъ,

[1]) Тамъ же, стр. 178—179.

[2]) Тамъ же, стр. 181.

условіяхъ; въ силу необходимости онъ сдаетъ свою землю другому, болѣе сильному экономически домохозяину, и разъ выищется желающій пріобрѣсти ее въ собственность, для него нѣтъ достаточныхъ основаній воздержаться отъ ея отчужденія. А мы уже видѣли выше, что недостатка въ желающихъ не будетъ, община же воспрепятствовать расхищенію подобнымъ путемъ своей коллективной собственности не въ состояніи, такъ какъ въ рукахъ хищниковъ имѣется достаточно могущественное средство въ извѣстной уже читателю ст. 165-й Полож. о выкупѣ.

Обстоятельство это имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что число безхозяйныхъ дворовъ въ массѣ крестьянскаго населенія достигаетъ въ настоящее время положительно чудовищной цифры. Такъ, только въ 30 уѣздахъ 8-ми губерній изъ 580,420 надѣльныхъ дворовъ насчитывается безхозяйныхъ 66572 или 11,5% общаго количества. При этомъ нужно замѣтить еще, что съ теченіемъ времени контингентъ обнищавшихъ семей не только не уменьшается, но, напротивъ, постоянно возрастаетъ; изъ статистическихъ данныхъ по московской губерніи видимъ, что не далѣе какъ 1877—1878 г. общее количество безземельныхъ и безхозяйныхъ составляло 52,016 дворовъ, а въ 1883 г. они составляютъ уже 60,784, т.-е. въ продолженіе только 5-ти лѣтъ число ихъ увеличилось на 8,768 дворовъ или на 16,8%!.. [1]).

Но наряду съ безхозяйными есть еще группа дворовъ, стоящая на экономической лѣстницѣ одной ступенью выше послѣднихъ,—это дворы безлошадные, другими словами, не имѣющіе рабочаго скота; число таковыхъ (несомнѣнно включающихъ и большую часть безхозяйныхъ) простирается въ тѣхъ же тридцати уѣздахъ до 164,329, или до 25,8% общаго количества надѣльныхъ дворовъ. Но допуская даже, что всѣ безхозяйные—вмѣстѣ съ тѣмъ и безлошадные, то и тогда получится все-таки громадная цифра (болѣе 97 тыс.) надѣльныхъ дворовъ, ведущихъ свое хозяйство, не имѣя собственнаго рабочаго скота. Нечего, конечно, и говорить, что положеніе такого рода хозяйствъ до крайней степени неустойчиво. Вотъ, что говоритъ, напр., относительно безлошадныхъ дворовъ г. В. Орловъ: „Обыкновенно бываетъ такъ, что рабочіе члены такихъ дворовъ нанимаются въ батраки къ своимъ же зажиточнымъ крестьянамъ, выговариваютъ себѣ право обработать часть надѣльной земли на хозяйской лошади, а часть надѣла сдаютъ въ аренду. Но такой способъ является и неудобнымъ, и

---

[1]) Прилож. къ журн. моск. губ. зем. собр. 1883 и 1884 г. Докладъ о работахъ статист. отдѣленія.

невыгоднымъ, а потому, побившись нѣсколько лѣтъ и не видя въ скоромъ будущемъ возможности привести въ надлежащій видъ свое хозяйство, такіе домохозяева часто отказываются отъ веденія собственнаго земледѣлія и сдаютъ въ аренду весь свой надѣлъ, а сами обращаются въ постоянныхъ батраковъ и наконецъ дѣлаются бездомовыми" [1]).

Такимъ образомъ, пользуясь статьею 165-й, стремящимся къ округленію своихъ земельныхъ владѣній Разуваевымъ есть къ чему приложить руки. Правда, въ настоящее время для громаднаго большинства мѣстностей имперіи сколько-нибудь точныхъ и полныхъ данныхъ о количествѣ земли, отторгнутой отъ общины въ частную собственность при посредствѣ статьи 165-й, не имѣется: эти драгоцѣнныя данныя пока остаются еще въ архивной пыли нашихъ крестьянскихъ присутствій и выплываютъ на свѣтъ Божій только благодаря какой-нибудь счастливой случайности. Но уже и по тѣмъ отрывочнымъ и случайнымъ даннымъ, которыя мы имѣемъ теперь въ распоряженіи, можетъ быть установленъ тотъ знаменательный и крайне печальный фактъ, что примѣненіе означенной статьи быстро прогрессируетъ, вырывая изъ рукъ общины съ каждымъ годомъ все бо́льшія и бо́льшія части ея достоянія.

Такъ, напр., по свѣденіямъ, собраннымъ непремѣннымъ членомъ владимірскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, А. П. Смирновымъ, о „выдѣлахъ изъ общиннаго землевладѣнія и изъ круговой поруки по взносу выкупныхъ платежей и оброчной подати" во владимірской губерніи, оказывается, что въ періодъ времени съ 1863 по 1880 г. включительно, „число домохозяевъ, погасившихъ единовременно выкупной долгъ и оброчную подать", составляетъ 2459, у нихъ число душъ равняется 6423, а количество внесенной ими суммы 696,822 руб. или въ среднемъ 283 руб. 38 коп. на домохозяина; число земельныхъ участковъ, выдѣленныхъ въ натурѣ съ выдачею особыхъ данныхъ 312, изъ коихъ 152 усадебныхъ и 160 усадебныхъ и полевыхъ; число выдѣленныхъ душевыхъ надѣловъ составляетъ $844^1/_2$, а количество выдѣленной земли 3,108 дес. 584 саж. [2]). Что касается распредѣленія всѣхъ этихъ случаевъ выдѣла по отдѣльнымъ годамъ, то оно представляетъ весьма знаменательный фактъ постояннаго, съ самыми незначительными колебаніями, возрастанія числа ежегодно выдѣляющихся домохозяевъ. Такъ, въ семилѣтіе съ 1863 по 1870 годъ общее число погасившихъ выкупной долгъ состав-

[1]) „Сборн. стат. свѣд. по тамбовской губ.", т. 1, стр. 43.

[2]) „Владимірскій земскій сборникъ", 1882, іюль, стр. 126—137 (отдѣлъ статист. матеріаловъ и проч.).

лѣтъ 236 или 9,6% общаго количества выдѣлившихся за всѣ 18 лѣтъ; причемъ ни одному изъ нихъ не было выдѣлено особыхъ участковъ, стало быть земля ихъ продолжала оставаться въ общинѣ. Затѣмъ, въ слѣдующее 6-лѣтіе, съ 1870 по 1875 г. включительно, выдѣлилось 852 домохозяина или 34,6% части которыхъ было уже выдѣлено 224 душев. надѣла, составляющихъ въ общей сложности 802 дес. 1938 саж. общинной земли. Всѣ остальные 1371 домохозяина или 55,8% выдѣлились въ послѣднія 5 лѣтъ съ 1876 по 1880 г., причемъ части ихъ было выдѣлено 620½ душев. надѣловъ или 2306 дес. 650 саж. Сопоставляя тѣ же самыя данныя въ среднихъ числахъ по отдѣльнымъ періодамъ времени, получимъ:

Число дворовъ, ежегодно выдѣлявшихся	въ первое 7-милѣтіе.	33,71
„ „ „ „	во второе 6-тилѣтіе	142,00
„ „ „ „	въ третье 5-тилѣтіе	274,20
Среднее годовое количество за все 18-тилѣтіе.		136,60

Не менѣе краснорѣчивыя данныя оказываются и по московской губерніи. По переписи статистическаго бюро мѣстной губернской земской управы, произведенной въ 1883 году, число крестьянъ, выкупившихъ надѣлы отдѣльно отъ общества, составляетъ 1413, а число выкупленныхъ ими душевыхъ надѣловъ 3808½ [1]). Насколько быстро распространяется среди мѣстнаго населенія примѣненіе ст. 165-й, можно судить по слѣдующему: изъ изслѣдованія г. В. Орлова видно, что въ 1878 году всѣхъ дворовъ, выкупившихъ свои надѣлы, числилось по 6 уѣздамъ, гдѣ имъ были собраны данныя, 234, которыми было выкуплено 714 душевыхъ надѣловъ [2]). Сопоставляя данныя означеннаго года съ данными переписи 1883 г. по тѣмъ же 6 уѣздамъ, мы найдемъ, что въ теченіе этого пятилѣтія число случаевъ выкупа по ст. 165-й увеличилось:

	1878 годъ		1883 годъ.		% увеличенія за пятилѣтіе.	
	число дворовъ.	число душ. над.	число двор.	число душ. над.		
Въ клинскомъ уѣздѣ . .	14	54	153	401	992,9%	(двор)
— волоколамскомъ . . .	6	22	92	262	1433,3—	„
— дмитровскомъ	12	66	44	122	266,6—	„
— бронницкомъ	25	86	334	827	1236,0—	„
— подольскомъ.	24	67	45	117	85,8—	„
— богородскомъ	163	419	320	903	96,3—	„
Всего . . .	244	714	988	2632	304,9%	„

[1]) „Прилож. къ журн. москов. губ. зем. собр. 1883—1884 гг.“. Докладъ № 8.

[2]) „Формы крестьян. землевлад.“. Сборн. ст. свѣд. по московской губ., т. 4, стр. 294 и 295.

Такимъ образомъ, въ среднемъ выводѣ по этимъ шести уѣздамъ число домохозяевъ, выкупившихъ свои надѣлы, увеличилось на 304,9%, т.-е. болѣе чѣмъ въ три раза, причемъ по нѣкоторымъ отдѣльнымъ уѣздамъ количество ихъ возросло въ 12—14 разъ!..

Но еще съ большимъ успѣхомъ совершается расхищеніе общинной собственности въ симбирской губерніи. Къ сожалѣнію, полныхъ данныхъ о выкупѣ по ст. 165-й за періодъ съ освобожденія крестьянъ по настоящее время по этой губерніи мы не имѣемъ. Имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи данныя обнимаютъ лишь весьма краткій періодъ времени, а именно 4½ года (1877—1881 по іюль), въ теченіе котораго, тѣмъ не менѣе, мѣстныя общины успѣли лишиться 11,733 десятинъ, на сумму 218,665 руб. [1]).

Обращаясь къ распредѣленію выкупленной земли по отдѣльнымъ годамъ, мы замѣчаемъ здѣсь еще болѣе быстрое развитіе разсматриваемаго процесса, чѣмъ въ двухъ предъидущихъ губерніяхъ; такъ,

								земли въ %
въ 1877	г.	было	выкуплено	1,040	дес.	на сумму	21,416 р.	8,8
„ 1878	„	„	„	1,523	„	„	23,189 „	12,9
„ 1879	„	„	„	2,316	„	„	47,521 „	19,7
„ 1880	„	„	„	4,004	„	„	70,079 „	34,0
„ 1881/½		„	„	2,890	„	„	46,460 „	24,6

Т.-е. изъ общаго количества выкупленной земли на первый годъ приходится 8,8%, на второй—12,9%, на третій—19,7%, на четвертый—34,0%, на половину пятаго—24,6%. Сколькими домохозяевами и какое количество надѣловъ выкуплено по губерніи, какъ вообще за весь по-реформенный періодъ времени, такъ и за эти 4½ года въ частности—свѣденій въ разсматриваемыхъ нами источникахъ не имѣется. Но какихъ громадныхъ размѣровъ достигло примѣненіе ст. 165 по нѣкоторымъ отдѣльнымъ общинамъ, можно судить по слѣдующимъ даннымъ, имѣющимся въ „приложеніи къ докладу симбирской губернской управы о пониженіи выкупныхъ платежей“ [2]). Въ дер. Суподѣевкѣ, ардатовскаго уѣзда, при 45 дворахъ съ 140 наличными душами и 647 дес. земли, выкуплено 53 душевыхъ надѣла, на сумму 5,994 р. 16 к.; въ с. Чедаевкѣ, при 80 дворахъ съ 215 наличными душами и съ 400 дес., выкуплено 13 надѣловъ на сумму 1,144 р.

---

[1]) „Сводъ постан. уѣзд. и губерн. земск. собр. симбирск. губ. по вопросу о преобразованіи крестьян. учрежденій“. 1882, стр. 101—102.

[2]) См. въ означенномъ „Приложеніи“ селенія подъ №№ 3, 18, 81, 82 и др. Въ таблицы этихъ приложеній вошло только 110 селеній губерній, для которыхъ предположено спеціальное пониженіе выкупныхъ платежей, и въ 32 изъ нихъ выкупъ по 165-й ст. практиковался въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ.

98 к.; въ селѣ Головцевѣ, сызранскаго уѣзда, съ 242 налич. душами при 366 дес., земли, выкупленъ 21 надѣлъ на сумму 1,315 р.; въ дер. Обуховскіе выселки, съ 104 налич. душами при 508 дес., выкуплено 13 надѣловъ, на сумму 1,560 руб. и т. д. [1]).

VII.

Этими и вышеприведенными данными исчерпывается въ настоящее время весь, насколько намъ извѣстно, документальный матеріалъ относительно примѣненія статьи 165-й къ выкупу земли изъ общиннаго владѣнія отдѣльными домохозяевами. За исключеніемъ трехъ послѣднихъ губерній, намъ, волей-неволей, пришлось довольствоваться отрывочными и большей частью случайными свѣденіями, взятыми изъ разнаго рода источниковъ. Но, какъ ни разнообразны эти источники и неполны въ большинствѣ случаевъ приведенныя нами данныя, тѣмъ не менѣе и однихъ ихъ вполнѣ достаточно для того, чтобы видѣть, какой тяжкій кризисъ переживаетъ въ настоящій моментъ наша сельская земельная община. Начавшійся въ ней и сравнительно весьма быстро совершающійся процессъ разложенія—фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Несомнѣнно также, что явленіе это далеко не мѣстное: оно замѣчается всюду; мы уже видѣли выше, что стремленіе сельской буржуазіи къ захвату общинныхъ земель обнаруживается съ большею или меньшею силою и настойчивостью, и въ губерніяхъ черноземной Россіи, и въ губерніяхъ ея промышленной области, и въ губерніяхъ сѣверныхъ и приволжскихъ.

Изучая причины этого знаменательнаго явленія, новаго еще и мало знакомаго русскому обществу,—на основаніи цѣлаго ряда точныхъ, добытыхъ путемъ мѣстныхъ подворныхъ переписей, статистическихъ данныхъ, мы пришли къ заключенію, что это явленіе есть результатъ весьма многихъ неблагопріятныхъ условій экономическаго положенія массы нашего сельскаго населенія, или иными словами—результатъ обѣднѣнія послѣдняго.

Являясь, такъ сказать, историческимъ основаніемъ процесса разложенія общины, эти условія мало-по-малу разработали почву для развитія въ ней противу-общинныхъ инстинктовъ, и обнаруживающееся теперь съ такой силой стремленіе къ удовлетворе-

---

[1]) Во всѣхъ этихъ селеніяхъ надѣлы весьма плохи и обременены чрезвычайно тяжелыми платежами, такъ что, напр., Обуховскіе выселки отказались отъ земли и теперь арендуютъ ее за 252 р. въ годъ, тогда какъ сумма выкупныхъ платежей опредѣлена за нее 813 руб. См. тѣ же „Прилож.“, селеніе № 82.

нію ихъ успѣло уже пошатнуть самые коренные устои общиннаго владѣнія и грозить въ будущемъ перевернуть „вверхъ дномъ" весь строй ея внутреннихъ отношеній.

Что касается значенія въ этомъ процессѣ указанныхъ статей Положенія и главнымъ образомъ статьи 165-й, то онѣ играютъ здѣсь лишь роль орудія. Это молотъ, приводимый въ движеніе сложной системой пружинъ всего по-реформеннаго хозяйственнаго строя, направляемый опытной и неутомимой рукою такъ называемыхъ лучшихъ людей деревни, причемъ роль наковальни играетъ община.

Статья 165-я, равно какъ и другія, никогда не могла бы получить такого широкаго примѣненія, еслибы экономическія условія современнаго положенія массы земледѣльческаго населенія не были до такой степени неблагопріятны; точно также и обѣднѣніе населенія само по себѣ не имѣло бы своимъ послѣдствіемъ столь быстраго обезземеленія послѣдняго и разрушенія общины, еслибы указанныя статьи не облегчали возможности расхищенія общинной собственности: земля, брошенная безхозяйными членами общины, оставалась бы въ ея распоряженіи и впослѣдствіи могла бы вновь поступить въ пользованіе временно прекратившихъ свое хозяйство домохозяевъ,—тогда какъ теперь она ускользаетъ отъ общины безвозвратно, точно такъ же, какъ и домохозяева, порвавшіе съ нею связь безвозвратно становятся въ ряды пролетаріата.

Отсюда вытекаютъ два основныхъ положенія, опирающіяся на цѣлый рядъ указанныхъ выше фактовъ:

1) Какъ экономическія, такъ и юридическія условія современнаго положенія общины, являясь каждыя въ отдѣльности исходною точкой ея разложенія, еще болѣе благопріятствуютъ этому разложенію и ускоряютъ его въ тѣхъ случаяхъ, когда выступаютъ на сцену единовременно; поэтому вліяніе ихъ оказывается наиболѣе разрушительнымъ въ тѣхъ общинахъ, гдѣ крайнія имущественныя состоянія обнаруживались наиболѣе ярко, гдѣ передѣлы земли совершаются чрезъ наиболѣе продолжительные періоды времени.

2) Какъ тѣ, такъ и другія изъ этихъ условій, нарушая самые существеннѣйшіе интересы страны и народа, дѣйствуютъ исключительно въ интересахъ наиболѣе богатой и обезпеченной части населенія, въ интересахъ нарождающейся у насъ какъ сельской, такъ и городской буржуазіи: первыя служатъ ей тѣмъ, что силой вещей заставляютъ крестьянина бросать земледѣльческое хозяйство и устраняютъ его отъ земли, сосредоточивая послѣднюю въ рукахъ наиболѣе сильныхъ соперниковъ въ борьбѣ за мате-

ріальныя средства существованія; вторыя же тѣмъ, что обезличивая общину въ распоряженіи принадлежащею ей земельною собственностью, въ пользу отдѣльныхъ лицъ, являются въ рукахъ послѣднихъ орудіемъ отторженія общинной собственности, съ одной стороны находящейся въ пользованіи безхозяйныхъ членовъ общины, съ другой—находящейся въ ихъ непосредственномъ пользованіи.

Какого рода послѣдствія могутъ явиться въ результатѣ дальнѣйшаго и ничѣмъ нестѣсняемаго вліянія на общину этихъ условій—распространяться считаемъ излишнимъ: они должны быть ясны для каждаго, кто хоть немножко захочетъ подумать надъ явленіями современной деревенской дѣйствительности, кто не желаетъ закрывать умышленно глаза предъ соціальными и экономическими недугами своей родины.

Фактъ изучаемаго нами явленія давно уже обратилъ на себя вниманіе нѣкоторыхъ изъ нашихъ земствъ и вызвалъ въ средѣ ихъ обсужденіе мѣръ предупрежденія возможности совершеннаго разложенія общиннаго землевладѣнія. Честь перваго почина въ этомъ отношеніи принадлежитъ, какъ извѣстно, симбирскому земству, успѣвшему высказаться по этому вопросу еще три года тому назадъ. „Губернская коммиссія по вопросамъ о преобразованіи крестьянскихъ учрежденій“, обсуждавшая его въ 1881 г. на ряду съ прочими вопросами современной организаціи крестьянскаго самоуправленія, единогласно пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) о необходимости отмѣны ст. 165-й Полож. о выкупѣ со всѣми ея послѣдствіями; 2) о необходимости установленія мѣстными учрежденіями сроковъ для обязательнаго дѣйствія приговоровъ обществъ по земельнымъ разверсткамъ; 3) о предоставленіи обществамъ права скидки и накидки тяголъ, и 4) большинствомъ 9 голосовъ противъ 4, о необходимости отмѣны ст. 163-й Пол. о выкупѣ.

Затѣмъ коммиссія, въ своемъ „проектѣ для редакціи предполагаемыхъ ею измѣненій въ существующихъ нынѣ законоположеніяхъ по крестьянскому общественному управленію“, внесла въ симбирское губернское земское собраніе, между прочимъ, слѣдующія предложенія:

1) Въ отмѣну ст. 36 Общ. пол., 115, 116, 117 Мѣстн. пол., 161, 162, 163 и 165 ст. Пол. о вык. постановить: а) крестьянская общественная земля признается неотчуждаемою; б) участки общественной земли, перешедшіе до сего изъ общественной собственности въ личную собственность, признаются частною собственностью, но выдѣлъ ихъ къ одному мѣсту производится не

иначе, какъ съ согласія мірского схода по большинству $^3/_4$ голосовъ всѣхъ домохозяевъ.

6) Въ отмѣну ст. 54 Общ. пол., 160 Пол. о вык. и 114 ст. Мѣстн. пол. постановить: а) о передѣлѣ мірской земли, б) объ установленіи добровольныхъ складокъ и употребленіи имѣющихся въ обществахъ капиталовъ, в) объ удаленіи порочныхъ людей изъ общества по требованію самого общества, и г) о замѣнѣ хлѣбныхъ общественныхъ запасовъ денежными,—требуется согласіе болѣе половины всѣхъ домохозяевъ общины, причемъ, если на сходъ явилась только половина домохозяевъ и сельскій староста (по ст. 52 Общ. полож.), то рѣшеніе схода должно быть единогласное [1]).

Предложенія эти были приняты симбирскимъ губернскимъ собраніемъ въ засѣданіи 19-го декабря 1881 года.

Вопросъ объ отмѣнѣ ст. 165-й Полож. о вык. возбуждался, въ связи съ общимъ вопросомъ о преобразованіи крестьянскаго управленія, насколько намъ извѣстно, также и въ другихъ земствахъ: череповецкомъ уѣздномъ и въ тверскомъ и с.-петербургскомъ губернскихъ. Однако, послѣднее изъ нихъ въ очередномъ засѣданіи 1882 года, проникшись доводами противниковъ общины, находящихъ общинные порядки „стѣсняющими личную иниціативу крестьянъ и не дающими сельскому хозяйству принести всю ту пользу населенію, которую слѣдовало ожидать отъ надѣленія крестьянъ землею“ [2]),—приняло предложеніе коммиссіи ходатайствовать не объ отмѣнѣ, а о дополненіи означенной статьи въ смыслѣ облегченія ея примѣненія, путемъ предоставленія желающимъ выдѣлить свой надѣлъ изъ общиннаго владѣнія вносить не весь долгъ по выкупной ссудѣ, какъ она этого требуетъ, а лишь „половины онаго“.

Что касается череповецкаго и тверскаго земскихъ собраній, то, насколько намъ помнится, они отнеслись къ вопросу объ отмѣнѣ 165-й статьи въ утвердительномъ смыслѣ. Вполнѣ сочувствуя стремленію земства къ огражденію общины отъ грозящей ей опасности разрушенія, мы не можемъ, однако, признать проектируемыя имъ мѣры достаточно сильными для того, чтобы онѣ могли безусловно предохранить ее отъ вліянія массы тѣхъ неблагопріятныхъ условій, которыя были нами указаны. И въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли спасти общину только отмѣна 165-й статьи Полож. о выкупѣ? Мы уже видѣли выше, что первенствующую роль въ

[1]) „Сводъ пост. уѣздн. и губерн. земск. собр. симбирской губ. по вопросу о преобразов. крест. учрежденій“. Стр. 108, 311—312.

[2]) „Земство“, 1882 № 25. Рѣчь гр. Бобринскаго.

процессѣ ея разложенія играютъ экономическія условія и означенная статья является, такъ сказать, лишь исполнительнымъ органомъ этихъ послѣднихъ. Слѣдовательно, самое большее, что можетъ повлечь за собой ея исключеніе изъ Положенія о выкупѣ— это развѣ только замедлить нѣсколько ходъ самаго процесса разложенія общины, или направить его по другому пути. Экономическія условія—какъ главный факторъ процесса—будутъ несомнѣнно дѣйствовать все съ тою же силою и въ томъ же направленіи, какъ дѣйствуютъ и теперь, и роль статьи 165-й можетъ перейти къ статьѣ 54-й Общаго положенія. Въ силу этой статьи, какъ извѣстно, достаточно согласія $^2/_3$ всѣхъ домохозяевъ общины, имѣющихъ голосъ на сходѣ, чтобы замѣнить общинное владѣніе подворнымъ или участковымъ. Въ виду этого, и не будучи пророкомъ, можно предсказать заранѣе, что, при современной экономической зависимости массы крестьянъ отъ наиболѣе богатой и вліятельной части сельской буржуазіи, статья 54-я будетъ практиковаться нерѣдко.

Возможность болѣе или менѣе частаго примѣненія этой статьи является еще тѣмъ болѣе вѣроятною, что, какъ уже было указано ранѣе, введенная Положеніемъ выкупная система отразилась на юридическихъ воззрѣніяхъ народной массы на поземельную собственность далеко не въ благопріятномъ для общины смыслѣ: мы уже видѣли выше, что „юридическая идея свободной собственности“, господствующая въ Положеніи и пропагандируемая сельскою буржуазіею, начинаетъ циркулировать и въ массѣ сельскаго населенія, пріобрѣтая между зажиточною частью его все больше и больше новыхъ сторонниковъ.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду также и то весьма важное обстоятельство, что помимо непосредственнаго уничтоженія общины, путемъ примѣненія статьи 54-й, она можетъ утратить свое экономическое значеніе благодаря отсутствію, напримѣръ, коренныхъ передѣловъ, которые встрѣчаютъ теперь все болѣе и болѣе сильное противодѣйствіе со стороны богатаго меньшинства членовъ общины; подъ вліяніемъ этого меньшинства передѣлы могутъ прекратиться и вовсе, тѣмъ болѣе, что для совершенія ихъ необходимо большинство двухъ третей домохозяевъ, составить которое при существующей неурядицѣ въ общинѣ весьма трудно.

Такимъ образомъ ни исключеніе ст. 165-й, ни измѣненіе нѣкоторыхъ другихъ статей Положенія еще не въ состояніи оградить и сохранить нашу общину. Для этого нужны иныя болѣе общія мѣры, которыя обезоруживали бы современныхъ хищниковъ въ ихъ стремленіяхъ къ расхищенію народнаго достоянія и эко-

номическому порабощенію самого народа. Такою мѣрою можетъ быть только одна: это—обращеніе общинныхъ земель въ собственность государства, причемъ за общиною должно остаться лишь право постояннаго пользованія экспропрированной у ней землею. Въ этомъ случаѣ она займетъ мѣсто третьяго посредствующаго лица между государствомъ, какъ собственникомъ земли, и отдѣльными хозяйственными единицами, такъ какъ имѣть дѣло съ каждою такою единицею отдѣльно было бы для государства и неудобно, и крайне затруднительно по весьма многимъ причинамъ. За общиною, какъ и теперь, продолжало бы оставаться право надзора за распредѣленіемъ между своими членами предоставляемой государствомъ въ ея пользованіе земли, и такимъ образомъ при ея посредствѣ каждый получалъ бы соразмѣрный своимъ рабочимъ силамъ земельный участокъ, какъ матеріальныя средства для приложенія труда. Однимъ словомъ, хозяйственныя функціи общины оставались бы прежнія, измѣнилось бы только ея юридическое право на землю.

Такого рода мѣра является тѣмъ болѣе цѣлесообразною, что для осуществленія ея было бы достаточно лишь отмѣны дѣйствующей нынѣ выкупной системы при замѣнѣ вносимыхъ, въ настоящее время, крестьянами выкупныхъ платежей несравненно менѣе обременительной оброчной податью или арендной платой. При этомъ тѣмъ обществамъ, которыя уже успѣли погасить весь или часть выкупного долга можно было бы зачесть эти взносы въ счетъ будущихъ оброчныхъ платежей, освободивъ на нѣкоторое время отъ всей или части вновь опредѣленной ежегодной оброчной платы. Это несомнѣнно предохранило бы насъ и отъ дальнѣйшаго развитія пролетаріата и повліяло бы вмѣстѣ съ тѣмъ и на поднятіе до такой степени расшатаннаго теперь народнаго благосостоянія. Конечно, для коренного улучшенія экономическаго быта крестьянства было бы еще недостаточно одного пониженія платежей: для этого необходимо и многое другое, но размѣры и предметъ нашей статьи не позволяютъ входить въ ближайшее разсмотрѣніе столь сложнаго вопроса.

И. Анисимовъ.

ПЕСТРЫЯ ПИСЬМА

Чаще и чаще приходится слышать, что жить становится скучно и тяжело. И нельзя сказать, чтобы эти сѣтованія были безосновательны. Не въ смыслѣ сокращенія суммы такъ-называемыхъ развлеченій—ихъ даже черезъ-чуръ достаточно—и не въ смыслѣ увеличивающейся съ каждымъ днемъ суммы утратъ и несбывшихся надеждъ, а просто потому, что понять ничего нельзя. Самыя противорѣчивыя теченія до такой степени перепутались и загромоздили пути, что человѣкъ чувствуетъ себя какъ бы въ застѣнкѣ, въ которомъ, вдобавокъ, его ударило по темени. Онъ измученъ не столько реальностью настигающихъ его золъ, сколько безплодностью своихъ метаній и сознаніемъ, что жизненный процессъ хотя и не прекратился, но въ то же время утерялъ творческую силу. Жизнь утонула въ массѣ подробностей, изъ которыхъ каждая устраивается сама по себѣ, внѣ всякаго соотвѣтствія съ какой бы то ни было руководящей идеей. Нѣоткуда взяться этой идеѣ; нѣоткуда и незачѣмъ. Прошедшее — несостоятельно, будущее—загромождено.

Я знаю, что нѣтъ недостатка въ попыткахъ разобраться въ удручающихъ жизнь противорѣчіяхъ, но, говоря по совѣсти, эти попытки не только ничего не объясняютъ, но даже еще больше запутываютъ пониманіе предстоящихъ задачъ. Всѣ онѣ, какъ бы ни были разнообразны ихъ формы и клѣйма, свидѣтельствуютъ только объ ощущеніи боли, и о томъ, что это ощущеніе въ одинаковой мѣрѣ присуще всѣмъ, которые не однимъ прозябаніемъ, но и работою мысли принимаютъ участіе въ совершающемся жизненномъ процессѣ. Всѣмъ присуще,—начиная отъ самыхъ ядовитыхъ и нагло-торжествующихъ и кончая самыми наивными и пригнетенными.

Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ выражаются эти попытки? Какія даютъ онѣ разрѣшенія, какія открываютъ перспективы безнадежно-мятущейся массѣ замученныхъ и недоумѣвающихъ людей?—Чтобы отвѣтить на эти вопросы, достаточно, не заходя далеко, остановиться на современной русской публицистикѣ.

Съ одной стороны, раздаются голоса, изрыгающіе проклятія, призывающіе къ ябедѣ, человѣконенавистничеству, междоусобію. Нельзя, конечно, отрицать, что эта проповѣдь имѣетъ смыслъ вполнѣ опредѣленный, и что она даже производитъ массу частнаго зла; но самая безсодержательность ея отправныхъ пунктовъ уже свидѣтельствуетъ о ея творческомъ безсиліи. Не проклятіями исправляется жизнь и не человѣконенавистничествомъ насаждается миръ и благоволеніе въ сердцахъ—этого самыя закоснѣлыя личности не могутъ не понимать. Стало быть, если онѣ упорствуютъ въ человѣконенавистничествѣ, то не потому, чтобы вѣрили въ зиждительныя свойства его, а потому лишь, что проклятія представляютъ своеобразную формулу, въ которую выливается общій всей современности безсильный вопль противъ массы недодѣлокъ, недомолвокъ и встрѣчныхъ теченій. Но при этомъ очень возможно и то, что проповѣдь ненависти, благодаря сложившимся обстоятельствамъ, сдѣлалась и не безвыгоднымъ ремесломъ...

Съ другой стороны, въ отвѣтъ кляузѣ, слышатся голоса наивныхъ, которые тоже чего-то ищутъ и нѣчто стараются разъяснить. Но въ сущности, они не разъясняютъ, но лишь уклоняются и оправдываются. Положеніе, по истинѣ, унизительное, хотя, по обстоятельствамъ, совершенно понятное. Существуетъ нѣкоторая загадочная подкладка въ спорахъ, касающихся современности, подкладка, благодаря которой одна сторона вступаетъ въ состязаніе заранѣе торжествующею, а другая—заранѣе виноватою, хотя и не знаетъ за собой ни одного факта, на который могло бы опереться обвиненіе. Ни для кого не тайна, что въ современныхъ полемикахъ рѣчь идетъ совсѣмъ не о вопросахъ, которые ставитъ жизнь, а о чемъ-то постороннемъ, чему вполнѣ произвольно присвояется названіе „образа мыслей“. И такъ какъ „правильный“ образъ мыслей сдѣлался какъ бы монополіей кляузы, то понятно, что противная сторона прежде всего обязывается обѣлить себя передъ лицомъ кляузы, и только уже по выполненіи этого, считаетъ себя въ правѣ выложить, въ формѣ рискованнаго предположенія, ту скромную крупинку истины, какая имѣется въ запасѣ. Или, говоря другими словами, чтобы пустить эту крупинку въ обращеніе, необходимо предварительно надѣть Петрушкины (Чичиковскаго Петрушки) порты, и уже въ

этомъ видѣ дерзать. Спрашивается: какихъ результатовъ можетъ достигнуть разъясненіе, обставленное такими условіями?

Какъ плодъ недодѣлокъ и недомолвокъ, появились на сцену „кризисы". Ни о какихъ кризисахъ въ старые годы не слыхивали, а тутъ вдругъ повалило со всѣхъ сторонъ. То хлѣбный кризисъ, то фабричный, то промышленный, то желѣзно-дорожный, наконецъ, денежный, торговый, сахарный, нефтяной, даже шпеничный. Не говоря ужъ о кризисѣ совѣсти, который, повидимому, никому жить не мѣшаетъ. И, очевидно, этотъ новый бичъ не выдумка такъ-называемыхъ отрицателей и потрясателей, а самая несомнѣнная правда, потому что сами оракулы современности (они же изрыгатели проклятій) только о кризисахъ и говорятъ. Всѣ, безъ различія партій, на этой почвѣ сошлись; всѣ въ одинъ голосъ вопіютъ: кризисы! еще кризисы! нѣтъ отбою отъ кризисовъ! И не только вопіютъ, но даже во всѣ зараженныя мѣста пальцемъ тычутъ (вотъ-дескать гдѣ, и вотъ, и вотъ!), а исцѣленія всетаки преподать не умѣютъ.

Это напоминаетъ мнѣ провинціалку-барыню, которую я въ старые годы знавалъ, и которая тоже безпрерывно страдала кризисами. Всѣ доктора, къ кому она ни обращалась, въ одинъ голосъ говорили: „Это, сударыня, кризисъ!" —но затѣмъ, всѣ же, получивъ трехрублевку за визитъ, считали свою задачу выполненною. Да и что̀ другое могли сказать убогіе провинціальные эмпирики, коль скоро и сами они (дѣло происходило въ сороковыхъ годахъ въ одной изъ самыхъ глухихъ провинцій) никакихъ „средствицъ", кромѣ гофманскихъ капель, бобковой мази, да липоваго цвѣта, не знали.

— У кого же вы теперь лечитесь, Любовь Ивановна?—спросилъ я однажды, заставъ ее удрученною какимъ-то совсѣмъ новымъ кризисомъ.

— Да что́, голубчикъ, все перепробовала: и лекарей, и знахарей, и колдуновъ—нѣтъ мнѣ облегченья! Теперь... оборотень лечитъ!

— Какъ „оборотень"!

— Какіе бываютъ оборотни! ни-то человѣкъ, ни-то хавронья. Наговорили мнѣ объ немъ съ три короба, сказывали, будто бы духъ отъ него здоровый... Да врядъ ли. Чавкаетъ... ну, роется... воняетъ... это такъ! А чтобы онъ настоящимъ манѐромъ облегчить могъ—не вѣрю!

Хорошо, что впослѣдствіи природа Любови Ивановны взяла свое, и добрая женщина освободилась-таки отъ угнетавшихъ ее

кризисовъ; но скажите по совѣсти, до какой безнадежности она должна была дойти, чтобы довѣрить свою жизнь... оборотню!

Но, что̀ всего знаменательнѣе — указывая на кризисы, люди всѣхъ партій непремѣнно приплетаютъ къ нимъ реформы. Всѣ въ одно слово утверждаютъ, что именно въ реформахъ и заключается весь секретъ. Только одни прибавляютъ: не дореформили!— а другіе: перереформили!

Я не буду останавливаться на людяхъ первой разновидности. Голоса ихъ имѣютъ столь же мало значенія въ общемъ политиканствующемъ концертѣ, какъ и воркотня того „слуги", который на театральной сценѣ, при поднятіи занавѣса, мететъ комнату (ворчитъ, а все-таки мететъ) и съ негодованіемъ сообщаетъ, что ужъ двѣнадцатый часъ въ исходѣ, а господа все еще почиваютъ... И вдругъ, справа: Иванъ! одѣваться!—слѣва: Иванъ! чаю! — изъ глубины: Иванъ! принесли ли афиши? И мчится Иванъ, какъ угорѣлый, не только позабывъ о недавней воркотнѣ, но весь, съ верхняго конца до нижняго, проникнутый одною мыслью: что̀, ежели эту воркотню подслушалъ баринъ и ударитъ его за нее по затылку!..

Но люди второй разновидности, тѣ, которые на самое возникновеніе реформаторской дѣятельности (независимо отъ ея содержанія) смотрятъ какъ на катастрофу, породившую всѣ дальнѣйшія злосчастія; эти люди заслуживаютъ того, чтобы побесѣдовать объ нихъ подробнѣе, ибо въ настоящее время, они—авторитетъ. Каждый день они каркаютъ: погибнемъ! погибнемъ! погибнемъ! —такъ-что отъ однихъ этихъ паскудныхъ проклинаній становится жутко жить. Вся улица гремитъ ихъ угрозами, всѣ столбцы пропахли ихъ мудростью, и кто знаетъ, далеко ли время, когда, быть можетъ, и канцеляристы проникнутся убѣжденіемъ, что кляуза и судаченье представляетъ наилучшее средство, если не для того, чтобы выпутаться изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, то, по крайней мѣрѣ, для того, чтобы хоть временно „отписаться" отъ нихъ.

Я охотно допускаю, что совершившіяся реформы не для всѣхъ пріятны, и что слѣдовательно единомыслія въ ихъ оцѣнкѣ ожидать нельзя. Но для того, чтобы съ успѣхомъ вести по ихъ поводу упразднительную пропаганду, недостаточно ненавидѣть, проклинать и подсиживать, а необходимо ясно и опредѣлительно указать, ка̀къ съ ненавидимымъ предметомъ поступить. Нѣкоторымъ изъ реформъ уже четверть вѣка минуло, а большинство приближается къ концу второго десятилѣтія. Вѣдь это уже въ извѣстномъ смыслѣ храмъ славы, а совсѣмъ не наважденіе, по поводу

котораго достаточно сказать: дунь и плюнь!—и ничего не будетъ. Но еслибъ даже и возможно было симъ легкимъ способомъ освободиться отъ храма славы, то все-таки надо и самимъ знать, и для другихъ сдѣлать понятнымъ, какой иной храмъ славы предполагается соорудить на мѣсто только-что выстроеннаго и уже предполагаемаго къ упраздненію.

Ежели, какъ можно догадываться, безмятежное житіе, проектируемое кляузниками на мѣсто реформенной жизни, должно заключаться въ томъ, что люди, причастные ему, будутъ служить безмолвными объектами для всевозможныхъ оздоровительныхъ затѣй, то эта перспектива едва ли кого-нибудь соблазнитъ. Потому что даже простодушнѣйшіе изъ простодушныхъ—и тѣ уже понимаютъ, что, при извѣстной обстановкѣ, выраженія: „оздоровительное предпріятіе“ и „битье по темени“ имѣютъ значеніе не только равносильное, но даже съ нѣкоторымъ преферансомъ въ пользу второго.

Что битье по темени, точно такъ же, какъ и сѣченіе, никогда не обладало творческою силой—исторія доказала намъ это достаточно. Отъ начала вѣковъ исправникъ сѣкъ мужика, полагая, что черезъ это числящаяся на немъ недоимка полностью поступитъ въ казначейство, а недоимка и доднесь на мужикѣ числится. Стало быть, сѣченьемъ ни мало интереса казны не соблюли, а только спину мужику понапрасну испортили.

Конечно, большинство исправниковъ оправдываетъ себя въ этомъ случаѣ тѣмъ, что мужикъ, при совершеніи экзекуціи, не только не прекословилъ, но даже, по окончаніи ея, благодарилъ за науку. Стало быть, говорятъ они, онъ самъ чувствовалъ, что сѣченье ему на пользу. Однако, едва ли на этотъ разъ можно повѣрить мужику на слово. Почему онъ молчитъ и даже благодаритъ—это тайна, которую не особенно мудрено разгадать. А именно: онъ молчитъ и благодаритъ потому, что ежели онъ будетъ „разговаривать“, то исправникъ, пожалуй, не затруднится и опять его „разложить“.

Точно то же безплодное будущее предстоитъ и битью по темени. Ни фабричный, ни даже пшеничный кризисъ не прекратятся отъ того, что люди ополоумѣютъ. Очень возможно, что эти ополоумѣвшіе, подобно сейчасъ упомянутому мужику, будутъ кланяться и благодарить, но секретъ этой благодарности будетъ столь же легко объяснимъ, какъ и въ предъидущемъ случаѣ. Стало быть, кризисы останутся въ своей силѣ, да вдобавокъ получится еще громадная масса проломленныхъ головъ. Неужели это можетъ кого-нибудь утѣшить?

Но, кромѣ того, здѣсь является и другой очень важный вопросъ: кого стукать, и за что?

Ежели стукать такъ называемую интеллигенцію, то она не только не виновна въ кризисахъ, но, можно сказать, даже вполнѣ равнодушна къ нимъ. Въ сущности, и сахарные, и всякіе другіе кризисы задѣваютъ ее такъ мало, что едва ли она даже видитъ нужду въ опредѣленіи тѣхъ убытковъ, которые она несетъ отъ нихъ. Она безпрекословно уплачиваетъ лишній грошъ въ одномъ мѣстѣ, и идетъ въ другое мѣсто, чтобъ уплатить другой лишній грошъ. И при этомъ отлично помнитъ, что совать носъ не въ свое дѣло не слѣдуетъ. Конечно, не можетъ она, отъ времени до времени, не разсуждать (а въ томъ числѣ и о кризисахъ), но въ этомъ уже виновны университеты, гимназіи и кадетскіе корпуса, гдѣ совершенно открыто внушается, что человѣку свойственно разсуждать. Но, кромѣ того, ежели даже о словахъ говорится: verba volant,—то для мыслей у насъ и крыльевъ-то не заведено: гдѣ родятся, тамъ и умираютъ. Вотъ почему, когда, года три тому назадъ, изо всѣхъ щелей выползли кляузники, вооруженные проектами истребленія интеллигенціи, то громадная масса интеллигентовъ даже протестовать не пыталась, а только въ недоумѣніи спрашивала себя: за что?

Ежели стукать мужика, то онъ еще менѣе виноватъ въ появленіи кризисовъ, хотя преемственность ихъ въ особенности живо отдается на его бокахъ. Мужикъ и до сихъ поръ не знаетъ, что въ существованіе его заползли какіе-то кризисы, но для него не тайна, что съ кризисами, или безъ оныхъ, онъ все-таки повиненъ работѣ. И работаетъ. Мнѣ возразятъ, быть можетъ, что во вниманіе къ таковымъ похвальнымъ качествамъ, ни одинъ кляузникъ и не выступилъ съ проповѣдью объ истребленіи мужика: пускай-дескать плодится и множится.—Согласенъ; дѣйствительно, объ истребленіи мужика проектовъ не было, однакожъ ни одинъ безпристрастный человѣкъ не будетъ отрицать, что о подкузмленіи его мечтали и мечтаютъ очень многіе. За что?

Существуетъ и еще кляузное мнѣніе: въ самомъ-дескать правительствѣ накопилось безконечное множество анти-правительственныхъ элементовъ, которые, пользуясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ, преднамѣренно поддерживаютъ въ странѣ смуту, служащую источникомъ всѣхъ кризисовъ. Но, во-первыхъ, это мнѣніе вполнѣ обстоятельно опровергается существованіемъ знаменитаго 3-го пункта для смѣняемыхъ, и кабинетныхъ собесѣдованій—для несмѣняемыхъ. Во-вторыхъ, еслибы даже расколъ, о которомъ идетъ рѣчь, и не былъ баснею, то прежде, чѣмъ направо

и наиво раздавать клички, слѣдовало бы опредѣлить, откуда этотъ расколъ пришелъ, и не имѣется ли органической причины, которая дѣлаетъ его неистребимымъ. И, въ третьихъ, наконецъ, гдѣ найти компетенцію, которая, не будучи посвящена въ тайну правительственныхъ намѣреній, имѣла бы возможность безошибочно установлять признаки правительственности и анти-правительственности? Ужели достаточно заявить себя кляузникомъ, чтобы присвоить себѣ монополію такой компетенціи?

Повторяю: проклятія останутся только проклятіями, человѣконенавистничество пребудетъ только человѣконенавистничествомъ. Не изъ могилъ, разрываемыхъ гіенами, услышится живое слово... нѣтъ, не изъ нихъ!

Ахъ, кляузники, кляузники! вѣдь дѣло совсѣмъ не въ укорахъ и завиненіяхъ заднимъ числомъ; дѣло не въ ябедахъ и не въ подтасовкахъ, а въ томъ, чтобы жизнь не калѣчила живыхъ. Ежели слово „реформы" до того постыло, что даже слышать его больно, то пусть оно будетъ замѣнено другимъ... напримѣръ, хоть „регламентаціей". Ежели и „регламентація" окажется подозрительною (она отзывается отчасти соціализмомъ, отчасти аракчеевщиною), то замѣните ее „постепеннымъ, при содѣйствіи околодочныхъ надзирателей, благопоспѣшеніемъ". И это будетъ хорошо. Не въ словахъ сила, и нѣтъ той номенклатуры, съ которою нельзя было бы помириться, но пускай же исчезнетъ то постыдное пустоутробіе, которое выдаетъ камень за хлѣбъ, и полоумный доносъ— за содѣйствіе.

Оскудѣніе полное. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ мысль не можетъ окончательно умереть, то она и подъ игомъ всевозможныхъ недоумѣній продолжаетъ свою работу. Но, очутившись внѣ живоносной струи руководящихъ началъ, она исключительно устремляется къ мелочамъ обыденной жизни, и въ нихъ ищетъ утолить присущую ей потребность творчества.

Отсюда—громадная масса проектовъ и проектцевъ, удручающая нашу современность. Я не утверждаю, чтобы между ними не было практически-полезныхъ, снабженныхъ весьма интересными справками и изложенныхъ прекраснѣйшимъ слогомъ, но не могу скрыть, что даже полезнѣйшіе построены на „песцѣ", зависятъ отъ массы случайностей, и, вслѣдствіе этого, осуждены на полную неустойчивость.

Много мы знали полезныхъ выдумокъ и многія изъ нихъ видѣли даже въ дѣйствіи; но польза, которая отъ нихъ ожидалась, прежде всего парализировалась ихъ внутреннею изолированностью.

Въ общемъ укладѣ жизни не было для нихъ ни соотвѣтствія, ни поддержки, и это сказывалось до такой степени рѣзко, что едва ли можно указать хотя на одно явленіе этой категоріи, которое, при самомъ рожденіи, не стояло бы подъ угрозой всеминутнаго упраздненія. Мы созидаемъ и вслѣдъ за тѣмъ разрушаемъ, потомъ опять возвращаемся къ разрушенному, и, возсоздавъ его, вновь разрушаемъ. Плотина, которая сдерживала бы напоръ пораженнаго паникою произвола, не только не существуетъ, но даже самая мысль о ея необходимости представляется не безопасною.

Тѣмъ не менѣе, неустойчивость отнюдь не обезкураживаетъ прожектеровъ. И это вполнѣ понятно, потому что человѣкъ, самый простодушный, чувствуя боль во всѣхъ суставахъ, не можетъ не употреблять усилій, чтобы освободиться отъ нея. Но еще болѣе понятно то, что человѣкъ этотъ, игнорируя общіе законы, управляющіе жизнью, останавливается въ недоумѣніи передъ маломальски широкой задачей и спѣшитъ отыграться на подробностяхъ.

Простодушіе цѣнитъ только непосредственныя практическія примѣненія, а ничто такъ легко не поддается практической разработкѣ, какъ подробности. Міръ подробностей—міръ простодушныхъ людей, и ежели вы сообразите, какое разнообразіе подробностей представляетъ даже самая бѣдная содержаніемъ жизнь, то убѣдитесь, что прожектеры могутъ черпать изъ этого источника, нимало не опасаясь, что онъ когда-нибудь истощится.

Повторяю: и количество, и разнообразіе ходячихъ проектовъ по истинѣ изумительно. И чѣмъ больше проектъ напоминаетъ принципъ раздѣленія труда, въ силу котораго рабочій на всю жизнь осуждается выдѣлывать одну двадцатую часть булавочной головки, тѣмъ большую претензію предъявляетъ онъ на авторитетность. Чѣмъ онъ низменнѣе, тѣмъ благовременнѣе и назойливѣе. Многіе даже утверждаютъ, будто бы въ основѣ большинства современныхъ выдумокъ—прямо или косвенно, но непремѣнно лежитъ воровство; но я считаю это мнѣніе черезъ-чуръ уже рискованнымъ. Меня гораздо болѣе поражаетъ и оскорбляетъ то, что всякій одержимый чесоткою празднолюбецъ, не обинуясь, пріурочиваетъ свою личную чесотку къ лику недуговъ общественныхъ и государственныхъ.

Низменность и безсвязность большинства сыплющихся со всѣхъ сторонъ оздоровительныхъ предпріятій таковы, что даже породили мнѣніе о вырожденіи человѣческаго рода. Старики, по крайней мѣрѣ, положительно утверждаютъ, что въ былыя времена разсуждали обстоятельнѣе, не „растекались мыслью по древу“, а на-

чавши долбить стоящій на очереди сукъ, долбили его во всѣхъ смыслахъ и до конца. И въ примѣръ приводятъ рѣшенія и поступки, которые хотя и сданы въ архивъ, но въ свое время задали-таки копоти. Тогда какъ нынѣ,—возьмите любой оздоровительный проектъ, и вы прежде всего убѣдитесь, что содержаніе его напоминаетъ пирогъ, въ которомъ, вмѣсто съѣдобной начинки, затисканы стружки, глина, песокъ и другой строительный матеріалъ. А затѣмъ и внѣшности приличной нѣтъ на лицо. Начнетъ человѣкъ: такъ какъ,—а объ то позабудетъ; или начнетъ съ хотя, а ни тѣмъ не менѣе, ни но и въ поминѣ нѣтъ. Даже многоточія въ ходъ пошли—на что похоже!

— Фельетоны такъ писать дозволительно, а не проекты-съ, —негодовалъ на-дняхъ безшабашный совѣтникъ Дыба:—скажите на милость, начали прибѣгать къ многоточію! Вѣдь многоточіе-то, государь мой, волненіе чувствъ означаетъ. А развѣ таковое приличествуетъ въ вопросѣ столь несомнѣнной важности, какъ общественное оздоровленіе!

Я не буду, однакожъ, разсматривать, насколько правы сѣтующіе старики, хотя, вообще, думаю, что они многое позабыли и весьма малому научились. Не стану также приводить примѣры полезныхъ оздоровительныхъ проектовъ, въ родѣ обузданія гласности, упраздненія судейской несмѣняемости, неограниченнаго выпуска кредитныхъ билетовъ, учрежденія элеваторовъ и т. п. Не стану, во-первыхъ потому, что все, чтó я могу сказать объ этихъ предметахъ, исчерпывается слѣдующими немногими словами: можетъ быть, хорошо выйдетъ, а можетъ быть, и не хорошо, и даже зловредно. Я и самъ радъ бы какой-нибудь оздоровительный проектъ написать, но что же я, сидя у себя въ кабинетѣ, знаю? Чѣмъ я могу руководиться, кромѣ цифръ, въ качествѣ отправнаго пункта, и логики, въ качествѣ орудія для вывода? Допустимъ, что я человѣкъ вполнѣ добросовѣстный и недюжиннаго ума, что взятая мною цифра вѣрна, и что сдѣланное мною на основаніи ея построеніе вполнѣ согласно съ законами логики; но могу ли я поручиться, что не упустилъ изъ вида тѣхъ примѣсей, которыя при всякомъ практическомъ примѣненіи всплываютъ со дна жизни, вопреки всякимъ цифрамъ о построеніяхъ. Насколько, напримѣръ, моя выдумка можетъ потерпѣть отъ вмѣшательства воровства, лихоимства, нравственной распатанности, неряшества, или даже, наконецъ, отъ такой пустой и нелѣпой вещи, какъ провинціальный этикетъ? Я знаю, конечно, что эти дрянныя примѣси вполнѣ устранимы, а, можетъ быть, даже знаю, при какихъ условіяхъ онѣ устранимы (впрочемъ, и тутъ не выдаю своего мнѣнія за непо-

грѣшимое); но до тѣхъ поръ, пока этихъ условій не существуетъ, ни о чемъ ничего сказать не могу, кромѣ: можетъ быть, хорошо, а можетъ быть, такъ не хорошо, что завтра же передѣлывать придется.

А во-вторыхъ, еслибы я, даже не останавливаясь передъ этими соображеніями, и началъ вкривь и вкось разсуждать, то, навѣрное, меня на первыхъ же шагахъ остановятъ люди болѣе меня опытные и компетентные. И хорошо сдѣлаютъ, ибо фортуна поступила со мной жестоко, отдавъ всю мудрость и опытность въ удѣлъ столоначальниковъ, а мнѣ (впрочемъ, быть можетъ, и вамъ, читатель) предоставивъ бродить на помочахъ и спотыкаться.

Итакъ, область серьезнаго и дѣльнаго для меня недоступна. Я и не стараюсь проникнуть въ нее, и, право, безъ зависти взираю на вереницы коллежскихъ регистраторовъ, передъ которыми настежь растворяется запертая для меня дверь. Я знаю, что существуетъ другая область: область нелѣпаго и смѣшного, на воротахъ которой написано: entrée libre, и въ которую я, вмѣстѣ съ другими профанами, могу входить вполнѣ свободно. Почему свободно? — а потому, во-первыхъ, что смѣшное и несерьезно-нелѣпое предполагается исходящимъ отъ людей мизерныхъ, значенія не имѣющихъ, то-есть вообще такихъ, которыхъ можно „касаться", не рискуя быть обвиненнымъ въ потрясеніи основъ. А во-вторыхъ, и потому, что смѣшное и нелѣпое сами по себѣ настолько невинны, что и спотыкающійся, подобно мнѣ, человѣкъ ничего, кромѣ невиннаго упражненія, извлечь изъ подобной тэмы не можетъ.

Какъ бы то ни было, но я пользуюсь этой свободой и благодарю.

Изъ числа моихъ школьныхъ сверстниковъ, оставшихся въ живыхъ, ни чей удѣлъ не кажется мнѣ столь желательнымъ, какъ тотъ, который выпалъ на долю Ѳедоту Архимедову. И выпалъ, надо сказать правду, совершенно незаслуженно, единственно благодаря счастливо сложившимся обстоятельствамъ.

Въ школѣ мы называли Архимедова „Ѳедотъ да не тотъ", и эта кличка удивительно къ нему шла. Что-то несвойственное въ немъ было, какая-то заколдованность, абсентеизмъ. Уроки онъ отбывалъ почти всегда исправно, но учителямъ почему-то казалось, что не онъ лично отвѣчаетъ урокъ, а какая-то сущая въ немъ чертовщина; велъ онъ себя добропорядочно, но надзирателямъ казалось, что эта добропорядочность въ немъ не то, чтобы лицемѣрная, а какъ бы невмѣняемая. Поэтому, и баллы ему какъ

въ ученіи, такъ и въ поведеніи, ставились очень умѣренные. И онъ не протестовалъ противъ несправедливости, а только при случаѣ горько улыбался; но эта горькая улыбка была до того беззавѣтно-нелѣпа, что ему тутъ же сбавляли за нее еще баллъ или два въ поведеніи, какъ будто онъ произвелъ невѣсть какое дебоширство. Ни съ кѣмъ онъ не былъ друженъ, и ни къ какому занятію не оказывалъ предпочтенія. Охотнѣе всего игралъ въ свайку, но и тутъ устроится въ одиночку гдѣ-нибудь въ уголку и самъ себѣ задаетъ рѣдьки. Въ рекреаціонные часы онъ и по залѣ, и по саду ходилъ всегда одинъ,—и непремѣнно задумавшись; но никто не могъ опредѣлить, дѣйствительно ли онъ думаетъ, или у него болитъ голова. Нѣкоторые даже утверждали, что у него въ головѣ завелось мышиное гнѣздо, и приставали къ нему, спрашивая, выпросталась ли старая мышь, и не безпокоютъ ли его своей бѣготней молодые мышата. Однакожъ, этотъ вопросъ —только онъ одинъ—приводилъ его почти въ изступленіе. Онъ, какъ бѣшеный, бросался въ толпу обидчиковъ, ничего не разбирая, сыпалъ ударами направо и налѣво, швырялъ чернильницами, и, разумѣется, взаимно украшенный синяками, попадалъ, въ концѣ концовъ, въ карцеръ. Между тѣмъ, какъ прочіе товарищи интересовались литературой, и втихомолку зачитывались журналами, онъ, въ продолженіи всего шестилѣтняго курса, читалъ исключительно одинъ и тотъ же № „Репертуара“ (Песоцкаго), въ которомъ былъ помѣщенъ водевиль „Отецъ, какихъ мало“. Читалъ постоянно и не могъ начитаться. И въ довершеніе всего, лицо у него было похоже на подмалеванный портретъ, въ которомъ художникъ тщетно пытался что-то изобразить, и наконецъ бросилъ, подписавъ внизу: „Галиматья“.

По выходѣ изъ школы, онъ вмѣстѣ съ другими товарищами обязательно поступилъ на службу. Однакожъ, и новое начальство довольно долго не могло приспособиться къ нему и разгадать, тотъ ли онъ Ѳедотъ, или не тотъ. Поэтому, на первыхъ порахъ, на него возлагались работы самыя легкія, такъ сказать, идіотскія; но даже и въ нихъ онъ не обнаруживалъ ни мастерства, ни виртуозности. Запишетъ, бывало, бумагу во входящій реестръ, и не безпокоится. Всѣ безпокоятся, у всѣхъ сердце болитъ, а ему какъ съ гуся вода! И можетъ быть, служебныя дѣла его и до сего дня шли бы тихимъ ходомъ, еслибы, на его счастье, въ служебной атмосферѣ не послѣдовало новаго вѣянія. Неизвѣстно почему, но, конечно, не безъ основанія, на Ѳедотовъ явилось въ бюрократическихъ сферахъ усиленное требованіе. Отъ нихъ однихъ ожидалось усердіе не по разуму, а на ихъ непреклонность въ

соблюденіи канцелярской тайны возлагались самыя горячія упованія. Ѳедотовъ нужно! никого, кромѣ Ѳедотовъ! раздался кличъ по всему лагерю, и въ согласность этому кличу произошли существенныя перемѣны и въ томъ вѣдомствѣ, въ которомъ служилъ Архимедовъ. Старый начальникъ былъ смѣненъ, и на его мѣсто посаженъ другой — тоже Ѳедотъ да не тотъ. Оба Ѳедота любили сами себѣ свaечныя рѣдьки задавать, оба — ничего не читали, кромѣ водевиля „Отецъ, какихъ мало", и у обоихъ — подъ портретомъ написано было: „Галиматья". Взглянули они другъ на друга да такъ и ахнули. И съ этой минуты служебная карьера Архимедова была обезпечена.

И точно, съ перваго же абцуга дѣло пошло у нихъ какъ по маслу, и въ настоящее время доведено до такого совершенства, какъ дай Богъ всякому. Подчиненный Ѳедотъ — докладываетъ, а начальникъ Ѳедотъ — понимаетъ; начальникъ-Ѳедотъ приказываетъ, а подчиненный-Ѳедотъ понимаетъ. И не видятъ оба, какъ время летитъ. Всѣ сослуживцы дивятся, и говорятъ, что они при дьявольскомъ наважденіи присутствуютъ, а имъ что за дѣло!

И лѣзетъ да лѣзетъ Ѳедотъ Архимедовъ по лѣстницѣ, видѣнной Іаковомъ во снѣ, и, навѣрное, до чего-нибудь долѣзетъ. Въ послѣднее время онъ почти сряду получилъ три награды: къ Рождеству его сдѣлали дѣлопроизводителемъ Коммисіи Для Разсмотрѣнія Предшествующихъ Заблужденій; постомъ—онъ получилъ дифтеритъ, а къ святой—орденъ Такова. И живетъ себѣ припѣваючи въ великолѣпной казенной квартирѣ, и съ часу на часъ ожидаетъ курьера. А нѣкоторые даже присовокупляютъ, что онъ каждое утро казанскимъ мыломъ моется, и ладелавандомъ ротъ полощетъ, дабы, въ случаѣ чего, не оплошать. Чтожъ! казанское мыло не одному Ѳедоту открывало путь къ почестямъ!

Такъ вотъ, этотъ самый Ѳедотъ съ чего-то началъ ко мнѣ похаживать. Придетъ, разсядется въ креслѣ, вынетъ платокъ, опрысканный какими-то ни съ чѣмъ несообразными духами, и начнетъ вытирать имъ между пальцевъ. И чтобы я не возмечталъ о себѣ, по поводу его визита, чего-нибудь лишняго, непремѣнно скажетъ:

— Я потому къ тебѣ зашелъ, что нахожу не лишнимъ отъ времени до времени окунуться въ волны общественнаго мнѣнія...

Оговорившись такимъ образомъ, онъ начинаетъ, не торопясь, разматывать предо мной, одинъ за другимъ, нагноившіеся въ его головѣ прожекты. Прожектовъ этихъ у него напасено ровно столько, сколько есть звѣздъ на небѣ, и хоть по всѣмъ вѣроятіямъ ни одному изъ нихъ не предстоитъ осуществленія (черезъ-чуръ ужъ

они смѣлы), тѣмъ не менѣе это не мѣшаетъ имъ циркулировать въ сферахъ и даже утруждать вниманіе. Ибо, при всеобщемъ современномъ оголтѣніи, Ѳедоты изображаютъ собой силу, съ которой нельзя не считаться, и выслушивать которую—обязательно.

Въ большинствѣ случаевъ, эта „сила“ всплываетъ на поверхность случайно (какъ это уже и разсказано мною выше), но разъ всплывши, она устраивается настолько прочно, что сдвинуть ее съ занятой позиціи представляется дѣломъ весьма не легкимъ. Секретъ заключается въ томъ, что Ѳедоты быстро и издалека угадываютъ другъ друга и, угадавши, составляютъ изъ себя, такъ сказать, ассоціацію взаимнаго застрахованія. Во главѣ этой ассоціаціи становится Ѳедотъ первый, который гдѣ-то имѣетъ „руку“, и слѣдовательно считаетъ себя въ правѣ колобродить, не стѣсняясь ничѣмъ, кромѣ усердія не по разуму. У перваго Ѳедота имѣетъ руку Ѳедотъ второй, у второго Ѳедота—третій и т. д. Всѣ заимствуются свѣтомъ другъ у друга, и всѣ колобродятъ. Колобродятъ серьезно, сосредоточенно и сердито, такъ что ежели, въ разгаръ этого колобродства, подвернется профанъ и попробуетъ выказать не то чтобы несогласіе, а только равнодушіе, то ему, навѣрное, не сдобровать.

Въ силу такихъ счастливыхъ условій колобродилъ и Ѳедотъ Архимедовъ. Сознавая себя Ѳедотомъ по преимуществу, онъ не ограничивался тѣмъ, что разводилъ свои колобродства въ тѣсномъ кругу подобныхъ ему Ѳедотовъ, но находилъ наслажденіе угнетать имъ и людей совершенно постороннихъ. А въ томъ числѣ и меня.

Всѣ кризисы постепенно прошли черезъ горнило его умопомраченія, всѣ одинаково вызывали на его лицѣ озабоченное выраженіе, и всѣ онъ пріурочивалъ къ одной и той же причинѣ: разнузданности. Долгое время онъ ограничивался, въ разговорахъ со мною, одними общими мѣстами на эту тэму, но, наконецъ, не выдержалъ и раскрылъ мнѣ подробности своего плана.

— Ты уже знаешь, — сказалъ онъ мнѣ:—что, по мнѣнію моему, прежде всего, необходимо уничтожить разнузданность. Разъ мы успѣемъ въ этомъ, жизнь естественнымъ порядкомъ войдетъ въ надлежащую колею. Внутренніе враги разсѣются, а съ внѣшними мы, съ Божьею помощью, и сами справимся. Надѣюсь, что ты ничего не имѣешь противъ этого результата?

Разумѣется, я не только не имѣлъ ничего, но былъ даже очень радъ. На то враги и существуютъ, чтобы ихъ обуздывать. Но такъ какъ время нынѣ стоитъ загадочное, то и я счелъ нужнымъ отвѣтствовать загадочно. То-есть, не отрицалъ, но и безусловнаго согласія не изъявлялъ.

— Какъ тебѣ сказать, душа моя,—резонировалъ я:—можетъ быть, оно и хорошо выйдетъ, а можетъ быть, и не хорошо. Обуздывать, вообще говоря, полезно и даже всегда благовременно; однако, не мѣшаетъ при этомъ имѣть въ виду и слѣдующее: а что̀, если вдругъ понадобится снова разнуздывать?! кто будетъ тогда виноватъ въ безвременномъ обузданіи?! Но, съ другой стороны, можетъ случиться и такъ: ежели мы оставимъ разнузданность не обузданною, то ка̀къ бы потомъ не пришлось быть въ отвѣтѣ за то, что мы своевременно ее не обуздали. Словомъ сказать, все въ этомъ предпріятіи сводится къ пословицѣ: и перевернешься—бьютъ, и не перевернешься—бьютъ. Вотъ чего я боюсь.

Высказавши это мнѣніе, я вдругъ очнулся: что̀ бишь такое я сказалъ? Къ счастью, Архимедовъ не толко не казался изумленнымъ, но даже понялъ.

— Ты слишкомъ остороженъ,—укорилъ онъ меня.—Завѣсу будущаго приподнимать полезно, но не всегда. Есть вещи, которыя необходимо приводить въ исполненіе сразу, не разсуждая. Разсужденіе—вотъ корень угнетающаго насъ зла. Разсуждая, я, конечно, всегда рискую встрѣтиться съ препятствіями. Сперва придетъ одно препятствіе, потомъ другое, третье и, наконецъ, накопится такое множество, что, для разборки ихъ, потребуется цѣлая коммиссія, которая послѣ десяти лѣтъ неусыпныхъ трудовъ, подобно тебѣ, резюмируетъ свою мысль въ трехъ словахъ: бабушка на двое сказала. Но это мы ужъ давно знаемъ, это написано, въ видѣ эпиграфа, во главѣ всѣхъ нашихъ начинаній, и къ сожалѣнію, мы нимало не дѣлаемся отъ того благополучны. Намъ нужно совсѣмъ другое, а именно: отзвонилъ и съ колокольни долой! Правду ли я говорю?

— Какъ тебѣ сказать, мой другъ... Быть можетъ, безъ разсужденія, выйдетъ и хорошо, но можетъ быть, и не хорошо. А равнымъ образомъ—и на счетъ звону. Иной звонарь бухаетъ въ колоколъ зря, а другой—старается попасть въ тонъ... Словомъ сказать, загвоздка.

Но онъ даже не отвѣтилъ на мое возраженіе, а самодовольно выпрямился и сказалъ:

— Ну ужъ, на счетъ звону... можешь не безпокоиться: слишкомъ тридцать-пять лѣтъ я звоню, и, кажется... Но не будемъ увлекаться голословными препирательствами, а обратимся къ фактамъ, которые, я надѣюсь, лучше всякихъ разсужденій тебя убѣдятъ въ моей правотѣ.

И тутъ-то вотъ, онъ, пунктъ за пунктомъ, развилъ передо мной свой проектъ объ уничтоженіи разнузданности.

По его мнѣнію, наша современность представляла два главныхъ вмѣстилища разнузданности: во-первыхъ, современную молодежь, во-вторыхъ, печать. Онъ не отрицалъ, впрочемъ, что если копнуть, то могутъ открыться и еще два-три вмѣстилища (напримѣръ: земство, судъ, акцизное вѣдомство, контроль), но, покуда, еще позволялъ себѣ смотрѣть сквозь пальцы на ихъ „недостойную игру". Зато, на вопросахъ о молодежи и печати онъ сосредоточилъ все свое вниманіе и изучилъ ихъ до тонкости.

— Относительно нашей молодежи,—началъ онъ:—я полагаю, что, прежде всего, необходимо упорядочить ея воспроизведеніе...

И прочитавъ на моемъ лицѣ испугъ, поспѣшилъ успокоить меня.

— Не прекратить—я соглашаюсь, что это было бы черезъ-чуръ радикально—но „упорядочить". Не пугайся и выслушай меня до конца. Наблюденія свѣдущихъ людей показываютъ намъ, съ послѣднею очевидностью, что качества, какъ физическія, такъ и нравственныя, наслѣдственно переходятъ отъ производителей къ производимымъ. Какимъ образомъ это происходитъ—никому неизвѣстно; но таковъ законъ природы. Отецъ, обладающій большимъ носомъ, передаетъ его по наслѣдству сыну, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, къ несчастію, и дочери. Точно тоже явленіе замѣчается и относительно характера (особенно, ежели характеръ строптивъ) и ежели бываютъ исключенія изъ этого общаго правила, то они доказываютъ лишь вмѣшательство постороннихъ факторовъ, котораго никакой законъ ни предотвратить, ни предусмотрѣть не можетъ. Слѣдовательно, дабы получить молодое поколѣніе, вполнѣ соотвѣтствующее требованіямъ благоустройства и благочинія, необходимо главнѣйшимъ образомъ упорядочить производительную среду. Но гдѣ мы отыщемъ эту среду? Ежели мы будемъ искать ее среди нашихъ сверстниковъ, то врядъ ли поиски наши приведутъ къ плодотворному результату. Мы, старики, свое дѣло сдѣлали. Что съ возу упало, то пропало. Тщетно стараться объ упорядоченіи того, что самою природою до такой степени упорядочено, что] можетъ сказать о себѣ только: на нѣтъ и суда нѣтъ. Конечно, найдутся и среди насъ... между прочимъ, не скрою и о себѣ... но это уже, такъ сказать, особливое благоволеніе природы, на которое законъ смотритъ, какъ на явленіе въ высшей степени пріятное, но не обязательное... Не правда ли, mon vieux? такъ вѣдь я говорю?

— То-есть, какъ тебѣ сказать... Конечно, въ такихъ дѣлахъ

молодые люди болѣе компетентны, но, съ другой стороны, ежели взглянуть на дѣло съ точки зрѣнія осмотрительности...

— Ну, ну, что ужъ! не оправдывайся, Богъ проститъ! И такъ, продолжаемъ. Истинная производительная сила, та, которая производитъ обязательно и съ увлеченіемъ, сосредоточивается въ самомъ молодомъ поколѣніи. И вотъ отъ этой-то именно силы, то-есть отъ ея доброкачественности или недоброкачественности и зависятъ судьбы будущаго. Или, говоря языкомъ науки: „всякій молодой человѣкъ, воспроизводящій, въ лицѣ ребенка, подобіе самого себя, не только удовлетворяетъ этимъ естественной склонности къ самовоспроизведенію, но въ тоже время вліяетъ и на дальнѣйшія судьбы своего отечества“. Это аксіома, или, лучше сказать, краеугольный камень, на которомъ долженъ произрости цвѣтъ будущаго. Заручившись этимъ основаніемъ, я говорю себѣ: такъ какъ составъ и свойство грядущихъ поколѣній находятся въ тѣсной зависимости отъ состава и свойствъ нынѣ дѣйствующаго молодого поколѣнія, то, дабы усовершенствовать первое, необходимо произвести въ послѣднемъ такой подборъ людей, который представлялъ бы несомнѣнное ручательство въ смыслѣ благонадежности. Или, говоря языкомъ науки, необходимо, наряду съ прочими возникшими въ послѣднее время институтами, образовать еще институтъ племенныхъ молодыхъ людей, признавъ чисто правоспособными только тѣхъ молодыхъ людей, кои добрымъ поведеніемъ и успѣхами въ древнихъ языкахъ (а на первое время хотя бы въ одномъ изъ нихъ, прибавилъ онъ снисходительно) окажутся того достойными; тѣмъ же, которые подобнаго ручательства не представятъ, предоставить доказывать свою правоспособность отъ дѣла сего особо. Такъ ли я говорю?

— Какъ бы тебѣ сказать...

— Позволь. Твоя рѣчь впереди,—перебилъ онъ меня нетерпѣливо. — Прошу замѣтить, что я ни экзаменовъ, ни пробныхъ лекцій, ничего такого не требую. Хорошо велъ себя въ школѣ, знаешь наизусть двѣ-три басни Федра (но надобно знать ихъ твердо, мой другъ!)—иди и шествуй! Хоть сейчасъ подъ вѣнецъ. Наше вѣдомство не токмо не встрѣтитъ препятствій, но даже окажетъ дѣятельнѣйшее въ семъ смыслѣ содѣйствіе. И еще замѣть:—я и строптиваго не обезкураживаю. Я, такъ сказать, только отчисляю его по инфантеріи, но не навѣчно, ибо, въ то же время, говорю: —старайся оправдаться и ежели представишь подлинное удостовѣреніе—дерзай! И чѣмъ больше будетъ раскаявающихся, тѣмъ полнѣе будетъ наша радость. Одного не могу допустить и не допущу:—это, чтобъ элементы неблагонадежные или сомнительные

могли проникнуть въ корпорацію правоспособныхъ... нѣтъ! не допущу!

— Но неужели же тѣ, которые, по упорству или по нерадѣнію, все-таки не выучать двухъ-трехъ басенъ Федра, неужели они будутъ навсегда осуждены влачить безотрадное существованіе во инфантеріи?

— Всенепремѣнно; въ этомъ заключается вся экономія предлагаемаго мною проекта. Впрочемъ, не огорчайся; вѣдь это только издали кажется страшно; но какъ только дѣло дойдетъ до практики, то опасенія твои, навѣрное, дойдутъ до минимума. Инстинктъ самовоспроизведенія настолько силенъ въ человѣкѣ, что даже самые строптивые будутъ прилагать старанія къ скорѣйшему духовному и нравственному возрожденію. А, сверхъ того, право, не такъ ужъ трудно выучить двѣ-три басни Федра, чтобъ изъ-за этого подвергать себя столь существенному лишенію. Не много терпѣнія, и очень много твердости со стороны наблюдающихъ—и ты увидишь, что въ самое короткое время за кадрами останутся только закоснѣлые.

— Но ежели...

— Никакихъ „ежели" въ проектѣ моемъ не допускается. Вопросъ поставленъ ясно и категорически, а сверхъ того, чтобы кадры не номинально только, а дѣйствительно оставались замкнутыми, имѣется въ виду неусыпное наблюденіе и строго соображенная система взысканій. Прорваться не будетъ возможности. Сначала, конечно, въ отношеніи къ покушающимся, будутъ пущены въ ходъ мѣры кротости и убѣжденія, потомъ — взысканія, постепенно усиливаемыя, и наконецъ...

— Ахъ!

— И я знаю, что жестоко, но иначе нельзя. И ты увидишь, что, благодаря содѣйствію племенныхъ молодыхъ людей, слѣдующее же поколѣніе получитъ совсѣмъ другую окраску. О разнузданности не будетъ и въ поминѣ, а ежели и останутся отдѣльные индивидуумы, имѣющіе унылый и недоброкачественный видъ, то они мало-по-малу изноютъ сами собой.

Онъ умолкъ и самонадѣянно смотрѣлъ на меня, выжидая одобренія. Но любопытство мое настолько было задѣто за живое, что я уже и самъ пожелалъ нѣкоторыхъ поясненій.

— Но мужички,—спросилъ я:—неужели и они...

— О, нѣтъ! до нихъ мой проектъ не касается!—разубѣдилъ онъ меня:—крестьянское сословіе можетъ плодиться и множиться на прежнихъ основаніяхъ! Для усмиренія крестьянской разнузданности существуютъ спеціальныя установленія: волостная управа,

волостные суды, клоповники и наконецъ... чикъ-чикъ! Этого вполнѣ и на долго будетъ достаточно... разумѣется, если какая-нибудь коммиссія и тутъ не подпуститъ... Но какъ ты находишь мой проектъ въ цѣломъ? не правда ли, онъ въ настоящую точку бьетъ?

— Какъ тебѣ сказать? Конечно, можетъ выйти хорошо, но можетъ выйти и нехорошо. Вѣдь и Рыковъ думалъ: — дай-ка я оживлю земледѣліе и торговлю,—и, разумѣется, ждалъ, что выйдетъ хорошо. Однако, теперь онъ за свою выдумку сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ. А почему?—потому что это была его личная выдумка, которою онъ увлекся, да что-нибудь и упустилъ... А можетъ быть, и подпустилъ...

— Рыковъ!—какія, однакожъ, у тебя тривьяльныя сравненія?

— Ахъ, нѣтъ, я не объ томъ... Я говорю только:—если у тебя все пойдетъ какъ по маслу, то выйдетъ хорошо; если же, напримѣръ, люди, зачисленные по инфантеріи, прорвутся въ дѣйствующіе кадры, хотя бы даже въ качествѣ посторонней стихіи... Ну, не сердись! не сердись! это я по простотѣ... Навѣрное, ты уже все заранѣе предуготовилъ и предусмотрѣлъ, и слѣдовательно... Отлично выйдетъ! отлично! Одно только меня интригуетъ: какимъ путемъ ты додумался до такой изумительной комбинаціи? Ужасно это любопытно!

— Какимъ путемъ!—Наблюдалъ, размышлялъ, прислушивался, сопоставлялъ... Свои личныя наблюденія провѣрялъ наблюденіями добрыхъ друзей, и наоборотъ. Я, голубчикъ, еще въ то время, когда реформы только-что начались, уже о многомъ думалъ. И многое предусмотрѣлъ и даже предупреждалъ, но... Впрочемъ, оставимъ эти дурныя воспоминанія, и обратимся къ предмету нашего собесѣдованія. Теперь, мнѣ предстоитъ изложить мои предположенія относительно другого вмѣстилища современной разнузданности—печати.

Ѳедотъ остановился и испытующе взглянулъ на меня. Очевидно, онъ вспомнилъ, что я до извѣстной степени не чуждъ печати, и это какъ будто стѣснило его. Разумѣется, я поспѣшилъ его разувѣрить.

— Итакъ, будемъ откровенны!—началъ онъ.—Впрочемъ, это будетъ для меня тѣмъ легче, что, въ сущности, я совсѣмъ не врагъ печати, а только желаю, такъ-сказать, оплодотворить ее.

Онъ опять остановился, и какъ бы предвидя, что все-таки нельзя обойтись безъ того, чтобъ не огорчить меня, взялъ мою руку и крѣпко, по-товарищески, ее сжалъ.

— Да не стѣсняйся, голубчикъ! говори! — убѣждалъ я, растроганный до глубины души.

— Итакъ, будемъ откровенны, — вновь началъ онъ послѣ нѣкотораго колебанія.—Не безъизвѣстно тебѣ, что въ настоящее время печать служитъ предметомъ очень тяжкихъ обвиненій. Я считаю, впрочемъ, излишнимъ излагать здѣсь многообразную сущность этихъ обвиненій: она извѣстна тебѣ, по малой мѣрѣ, столь же подробно, какъ и мнѣ. Нельзя похвалить современную печать, мой другъ! нельзя! И хотя я стараюсь быть безпристрастнымъ, но во всякомъ случаѣ не могу не признать, что дѣло поставлено очень и очень неправильно! И я увѣренъ, что ты самъ внутренно соглашаешься со мной, хотя, конечно, по чувству солидарности, и не высказываешь... Признайся! вѣдь соглашаешься? а?

— Чтожъ, коли тебѣ все ужъ извѣстно...

— Ну вотъ видишь! я такъ и зналъ! Есть что-то такое въ этой печати, чего ни подъ какимъ видомъ нельзя допустить. И даже въ самой формѣ. Вызывающее что-то... дерзкое! А притомъ, и не всегда понятное. Вотъ почему многіе заявляютъ открыто, что печать слѣдуетъ или совсѣмъ упразднить, или, по малой мѣрѣ, надѣть на нее намордникъ!

— Намордникъ!!

— Да, намордникъ. И замѣть, это говорятъ люди, которые въ общежитіи слывутъ за людей обязательныхъ, мягкихъ и вѣжливыхъ. Они мягки и обязательны во всемъ... кромѣ литературы! Какъ только рѣчь коснется литературы... намордникъ! Я, однакожъ, этого мнѣнія н-не раз-дѣ-ля-ю!

Онъ произнесъ послѣднія слова съ нѣкоторою торжественностью, такъ что я не воздержался и воскликнулъ:

— Ѳедотъ! ты великодушенъ!

— Я только справедливъ,—отвѣтилъ онъ томно. — Тѣмъ не менѣе, не раздѣляя мнѣнія столь крайняго, я въ то же время понимаю, что мѣры необходимы, и мѣры рѣшительныя. И имѣю основаніе думать, что такія мѣры... возможны!

— О!

— Не пугайся, выслушай меня. Вѣроятно, ты ужъ замѣтилъ, что въ основѣ всѣхъ моихъ предположеній лежитъ главнымъ образомъ не упраздненіе, а упорядоченіе. Или, лучше сказать, возрожденіе. Такъ поступаю я и въ данномъ случаѣ. Многіе противопоставляютъ моей системѣ спасительный страхъ, но я нахожу, что послѣдній уже въ значительной мѣрѣ утратилъ свое обаяніе. Съ самаго пришествія варяговъ мы живемъ подъ дѣйствіемъ спасительнаго страха, а дурныя страсти, какъ были разнузданы при Гостомыслѣ, такъ и теперь остаются разнузданными. Другъ мой! что̀ пользы въ томъ, что мы, подобно

Сатурну, будемъ глотать своихъ дѣтей?! Проглотимъ одного, проглотимъ другого, третьяго, четвертаго... что-жъ дальше? Не расточать надобно, а собирать въ житницы—вотъ мой девизъ. Этотъ девизъ, какъ тебѣ извѣстно, я примѣнилъ къ той части моего проекта, которая касается нашей молодежи; его же предполагаю примѣнить и въ печати..

— О!

— Вотъ вкратцѣ содержаніе моихъ предположеній по этому предмету. Печать, говорю я, сама по себѣ не могла бы существовать, еслибы не существовало дѣятелей печати. Ежели дѣятели печати хороши, то и печать хороша; ежели дѣятели дурны или вредны, то и печать дурна или вредна. Это... аксіома. А ежели это аксіома, то, очевидно, что сущность, или, такъ сказать, стрѣла всякаго проекта, написаннаго въ здравомъ умѣ и твердой памяти, должна быть направлена не противъ печати собственно, а противъ ея дѣятелей. Такъ оно у меня и выходитъ. Дѣятелей печати я раздѣляю на два разряда: къ первому отношу современныхъ литераторовъ и публицистовъ; ко второму—публицистовъ и литераторовъ будущаго. Что касается первыхъ, то на ихъ возрожденіе надежда плохая. Они слишкомъ закоснѣли въ дурныхъ привычкахъ, слишкомъ избалованы. Поэтому, я полагаю удобнѣйшимъ оставить ихъ подъ дѣйствіемъ спасительнаго страха, подъ коимъ они доднесь пребывали, не чувствуя отъ того для себя отягощенія...

— Ну не совсѣмъ-таки безъ отягощенія...

— Извини меня, но со стороны господъ писателей это уже прихоть! Все вамъ предоставлено, все! И предостереженія, и предупрежденія, и совѣты! Если же и затѣмъ... согласись со мной, что самая снисходительная система дальше идти не можетъ, не рискуя попасть пальцемъ въ небо. Впрочемъ, повторяю: на нынѣшній составъ литературы я и не полагаю никакихъ надеждъ. Alea jacta est. Что будетъ, то будетъ, а будетъ, что́ Богъ дастъ. Намордниковъ я не предлагаю, но думаю, что сама природа, наконецъ, возмутится и явится на помощь къ благонамѣреннымъ людямъ съ естественной развязкой. Уже достаточное количество сошло съ арены, остальные... не замедлятъ! Жалко, но дѣлать нечего—таковъ законъ природы! Ну-съ, а затѣмъ прошу тебя выслушать меня внимательно, потому что я приступаю.

— Съ большимъ удовольствіемъ, хотя не могу не сказать, что мнѣніе твое на счетъ современной литературы...

— Ни слова объ этомъ. Ежели я не требую намордниковъ, то и идти дальше по пути послабленій ни мало не желаю. Сло-

вомъ сказать, я возлагаю упованія на будущее. Въ этихъ видахъ, я связываю мои предположенія о возрожденіи печати съ проектомъ объ упорядоченіи молодого поколѣнія вообще. Ты видѣлъ, какъ не трудно и даже легко достигается послѣднее, а по послѣднему можешь судить и о первомъ. Какъ скоро образуется, благодаря содѣйствію племенныхъ молодыхъ людей, молодое поколѣніе усовершенствованное и очищенное отъ неблагонадежныхъ элементовъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ получатся и питательные кадры, изъ которыхъ имѣютъ пополняться ряды дѣятелей печати. Но здѣсь —какъ, впрочемъ, и вездѣ — возникаетъ нѣсколько очень существенныхъ вопросовъ, которые необходимо разрѣшить впередъ. Вопросъ первый: слѣдуетъ ли сдѣлать входъ въ литературную среду общедоступнымъ? Или же, полезнѣе будетъ ограничить число дѣятелей печати опредѣленнымъ комплектомъ? Я долго колебался между этими двумя системами, но, по обсужденіи доводовъ pro и contra, пришелъ къ такому заключенію: первая хороша — вообще, вторая—въ частности. А такъ какъ наше время не время широкихъ задачъ, то хотя и съ болью въ сердцѣ, но приходится предпочесть частное общему. Въ этихъ видахъ, я полагалъ бы на первыхъ порахъ комплектъ дѣйствующихъ литераторовъ ограничить числомъ 101. Сто—это потребность настоящаго; одинъ—это, такъ сказать, окно, изъ котораго открываются перспективы будущаго. Гдѣ есть одинъ, тамъ есть начало новой сотни, или, по крайней мѣрѣ, надежда на оную — вотъ! Или, говоря точнѣе, я не только не закрываю дверей будущаго, но, напротивъ, приглашаю достойнѣйшихъ: идите! вотъ этотъ сто первый укажетъ вамъ путь къ славѣ!

— Прекрасно! — воскликнулъ я: — Стало быть, ты все-таки сознаешь, что и литературѣ не чуждъ путь славы...

Но онъ, вмѣсто отвѣта, только махнулъ рукою и продолжалъ:

— Второй вопросъ касается организаціи. Не имѣя въ виду прецедентовъ, которые указывали бы, какъ въ данномъ случаѣ поступить, я былъ вынужденъ довольствоваться собственною изобрѣтательностью. И посему полагалъ бы: сто русскихъ литераторовъ раздѣлить на десять отрядовъ, по десяти въ каждомъ, а сто первому литератору предоставить переходить по очереди изъ одного отряда въ другой до тѣхъ поръ, пока время не укажетъ на необходимость образованія новаго, одиннадцатаго отряда, къ которому онъ и примкнетъ. Во главѣ этихъ отрядовъ, на первое время, я предполагаю поставить старѣйшинъ изъ числа дѣятелей современной русской литературы, но исключительно изъ такихъ, которые, по преклонности лѣтъ, ужъ мышей не ловятъ. При этомъ,

я отдалъ бы предпочтеніе составителямъ хрестоматій, которымъ, по свойству ихъ занятій, всѣ роды литературы доступны. Когда все будетъ готово, тогда, по совершеніи молебствія и по воспослѣдованіи пригласительнаго сигнала, отряды начнутъ между собой полемику. Но полемику благородную и притомъ сливающуюся въ одномъ общемъ чувствѣ признательности.

Онъ остановился, чтобы передохнуть, и я воспользовался этимъ, чтобы слегка походатайствовать.

— Вотъ ты упомянулъ о старѣйшинахъ,—робко инсинуировалъ я:—вотъ кабы...

— Имѣю въ виду,—обнадежилъ онъ меня кратко.—Затѣмъ, продолжаю. Вопросъ третій: слѣдуетъ ли членамъ литературныхъ отрядовъ присвоить штатное содержаніе, или же удобнѣе считать ихъ занятія безмездными? На этотъ вопросъ отвѣчаютъ трояко: одни въ утвердительномъ смыслѣ; другіе въ отрицательномъ, и наконецъ, третьи говорятъ: слѣдуетъ, но въ видѣ частнаго пособія и притомъ келейно. Отрицательной системы я не допускаю вовсе, потому что она до извѣстной степени подрываетъ принципъ отвѣтственности и притомъ уже доказала на дѣлѣ свою несостоятельность. Систему келейныхъ пособій я тоже не могу одобрить, потому что она, страдая тѣмъ же недостаткомъ, какъ и система отрицательная, имѣетъ, сверхъ того, и еще неудобство: такъ-называемыя субсидіи стоятъ казнѣ, помалой мѣрѣ, столь же дорого, какъ и гласно-выдаваемое жалованье. Затѣмъ, остается система утвердительная, которую я и принимаю. Но что касается размѣра предполагаемыхъ содержаній, то таковой поставленъ мною въ зависимости отъ состоянія бюджета. Хорошъ бюджетъ—и жалованье хорошо; дуренъ бюджетъ—нѣтъ ничего. Но расписываешься въ полученіи, и въ томъ, и другомъ случаѣ—обязательно.

— Вотъ-то будутъ о ниспосланіи хорошаго бюджета Бога молить!—невольно вырвалось у меня.

— Га! ты понялъ теперь, въ чемъ заключается соль моего проекта! Вотъ это-то именно мнѣ и нужно. Да-съ, перестанутъ господа публицисты хихикать надъ бюджетомъ! перестанутъ-съ! будутъ Бога молить-съ! Но пора кончить. Остается четвертый и послѣдній вопросъ: какому порядку надлежитъ слѣдовать въ видахъ пополненія отрядовъ, какъ при образованіи ихъ, такъ и на случай убылей? На это я отвѣчаю кратко: тѣ же правила, какія проектированы мною для признанія правоспособности молодыхъ людей, могутъ быть примѣнены и здѣсь. Въ средѣ племенныхъ молодыхъ людей, дѣятели печати составятъ какъ бы status in

statu: это будутъ дѣятели племенные по преимуществу. Только одно лишнее требованіе я считаю полезнымъ допустить—это знаніе латинскихъ пословицъ и изреченій. Знаніе это сообщаетъ слогу колоритность, а писателю даетъ видъ, какъ будто онъ нѣчто знаетъ, но только не все сказать хочетъ. Затѣмъ, остальное—пускай устроитъ жребій!

Онъ кончилъ, и заторопился. На этотъ разъ онъ даже не поинтересовался моимъ мнѣніемъ: до такой степени рельефно выступала въ его сознаніи непререкаемость проекта. Впрочемъ, онъ обѣщалъ не вдолгѣ вновь меня посѣтить и изложить мнѣ свои проекты относительно упорядоченія судовъ и земства.

— А при этомъ, быть можетъ, придется намъ коснуться и элеваторовъ,—присовокупилъ онъ, загадочно подмигнувъ мнѣ глазомъ.

На душѣ у меня была музыка.

Н. Щедринъ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОЛГИ
РОССІИ

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

1768—1843.

I.

До половины XVIII вѣка русское государственное хозяйство не очень сильно измѣнилось противъ того, чѣмъ оно было при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Правда, въ области прямыхъ налоговъ подушная замѣнила обложеніе по животамъ и промысламъ. Но съ момента закрѣпощенія крестьянъ, едва ли уже было существенное различіе между крѣпостнымъ животомъ и крѣпостною душою. Въ области косвенныхъ налоговъ различія было еще менѣе: таможни и кабаки по прежнему управлялись по той своеобразной системѣ, которую г. Чичеринъ очень удачно назвалъ „принудительнымъ откупомъ". Правильнаго устройства даже и откупа еще не получили. Въ области чрезвычайныхъ рессурсовъ все еще практиковалось стремленіе вычеканить изъ пуда мѣди возможно больше денегъ; монастыри продолжали считаться самыми богатыми капиталистами.

Петру Великому, однако, не только не безъизвѣстны были болѣе обильные экстраординарные рессурсы, которыми пользовались западно-европейскія правительства, но онъ не прочь былъ завести ихъ и у себя. Какъ-разъ во время блестящихъ успѣховъ Джона Ло въ Парижѣ, тамъ находился въ числѣ русскихъ путе-

шественниковъ молодой князь Иванъ Андр. Щербатовъ, очень увлекшійся личностью и операціями Ло. Въ видахъ ознакомленія Петра съ увлекшими его мыслями, Щербатовъ перевелъ извѣстное сочиненіе Ло: „Considérations sur le numéraire“ —подъ заглавіемъ: „Деньги и купечество, разсуждено съ предлогами къ присовокупленію въ народѣ денегъ, чрезъ г. Ивана Ляуса“. „Предлоги“ (проекты), видимо, очень понравились Петру, и вскорѣ послѣ паденія Ло въ Парижѣ (случилось въ декабрѣ 1720 г.) 13 марта 1721 г. данъ ассесору бергъ-коллегіи, Габріелю Багарету де-Пресси, указъ, правленный въ черновой самимъ Петромъ. Въ указѣ этомъ повелѣвалось Багарету предложить „Ляусу“ —княжескій титулъ, чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, званіе оберъ-гофмаршала, андреевскій орденъ, двѣ тысячи душъ, право строить укрѣпленные города и населять ихъ иностранными мануфактуристами. При этомъ давалось „Ляусу“ разрѣшеніе, „если онъ рудокопныя дѣла, такожде персидскую торговую компанію сочинить и учредить намѣренъ“. За все это „его царское величество отъ него, Ляуса, больше не требуетъ токмо одного милліона рублей, или по той цѣнѣ серебромъ въ его царскаго величества казну“. На случай, еслибъ Ло не принялъ сдѣланныхъ ему предложеній, приказано было сдѣлать ихъ его сыновьямъ или зятьямъ, буде они способны къ дѣламъ, которыми занимается Ло. Если же и въ этомъ успѣха не будетъ, то Петръ ожидалъ отъ Ло объясненій, „какимъ образомъ и какими кондиціями онъ самъ бы персидскую компанію, или въ рудокопныя дѣла, или въ иныя здѣшняго государства дѣла вступить намѣренъ, и въ чемъ его царское величество въ иномъ дѣлѣ свою царскую склонность и почтеніе ему оказать можетъ“ [1]).

Изъ сношеній съ Джономъ Ло ничего не вышло; не имѣли успѣха и первыя попытки акклиматизировать въ Россіи заграничные чрезвычайные „способы“, посредствомъ учрежденія публичныхъ банковъ при Аннѣ Іоанновнѣ и Елисаветѣ. Только со времени Екатерины II финансы у насъ начинаютъ принимать, такъ сказать, цивилизованный видъ. Съ окончательной организаціею крѣпостного права прямые налоги приведены въ систему, особенно благодаря тому, что съ переходомъ въ казну монастырскихъ крестьянъ, оброчная подать получила одинаковое значеніе съ подушною. Въ кругу косвенныхъ налоговъ старая система управленія „на вѣрѣ“ окончательно брошена, и откупа получили совершенно законченную организацію. Цѣлая сѣть казенныхъ банковыхъ

---

1) Пекарскій, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ I, 243—247.

учрежденій покрыла страну, отовсюду собирая процентные вклады для раздачи ихъ въ ссуду. Съ учрежденіемъ казенныхъ палатъ не только быстро увеличивается централизація государственныхъ доходовъ и расходовъ, но получается основаніе, на которомъ стало возможно развитіе, хотя и не совершенное, бюджета и отчетности.

До какой степени все это было хорошо задумано и приспособлено къ условіямъ страны, ясно видно изъ факта, что, за исключеніемъ центральнаго управленія и нѣкоторыхъ другихъ, еще менѣе существенныхъ, перемѣнъ, Екатерининская финансовая система въ состояніи была продержаться въ продолженіе семидесяти пяти лѣтъ, вплоть до освобожденія крестьянъ.

Однимъ изъ плодовъ этой созидательной дѣятельности Екатерины II явился и государственный кредитъ Россіи. Въ обстоятельствахъ времени было главное оправданіе его необходимости, и если размѣръ и формы, имъ принятые, съ нашей современной точки зрѣнія, не выдерживаютъ критики, то едва ли справедливо въ этомъ винить дѣятелей Екатерининской эпохи. Они строили, конечно, изъ того матеріала, который имѣлся въ ихъ распоряженіи; а намѣренія ихъ и не могли идти далѣе пріисканія средствъ для сильно возросшихъ государственныхъ расходовъ. Эти средства можно было получить только отъ государственнаго кредита, и потому созданіе его было коренною задачею; формы же, въ которыхъ имъ воспользовались, едва-ли и могли тогда быть предметомъ свободнаго выбора. Формы эти зависѣли единственно лишь отъ удачи произведенныхъ опытовъ тою или иною изъ нихъ достигнуть цѣли.

Этихъ формъ было три: ассигнаціи, внѣшніе займы и позаимствованія изъ процентныхъ вкладовъ, которые публика вносила въ учрежденныя въ 1773—1786 годахъ казенныя кредитныя учрежденія, а именно, заемный банкъ, сохранныя казны и приказы общественнаго призрѣнія. Самымъ важнымъ видомъ государственныхъ долговъ съ первыхъ же шаговъ выступили ассигнаціи. Мысль о бумажныхъ деньгахъ прельщала, какъ способъ сразу достигнуть двоякой цѣли: создать для казны новый источникъ средствъ и въ то же время создать въ странѣ обиліе денегъ. Надо отдать справедливость Екатерининскимъ финансистамъ (главнымъ образомъ, генералъ-прокурору князю Вяземскому, стоявшему во главѣ финансовъ почти во все время царствованія Екатерины Второй), что они обнаружили много такта и умѣнья при „водвореніи" ассигнацій. Исторія первыхъ шаговъ на этомъ поприщѣ неодно-

кратно разсказывалась и, всего лучше, въ послѣднее время А. Н. Куломзинымъ [1]).

Ассигнаціи имѣли успѣхъ, и, дѣйствуя очень осторожно, правительство постепенно увеличивало ихъ количество: въ шесть лѣтъ до 1774 года ихъ было выпущено не болѣе 20.000,000 рублей, а для облегченія имъ доступа во внутренніе каналы обращенія—съ 1772 года до 1788 года учреждены были въ 22 городахъ особыя размѣнныя конторы. Тѣмъ не менѣе уже и при двадцати милліонахъ обезпеченность размѣна ассигнацій на звонкую монету становилась сомнительною. Въ 1774 году особымъ указомъ приходилось уже подтвердить, „чтобы не болѣе, какъ на двадцать милліоновъ рублей ассигнаціями въ имперіи нашей обращалось". Очевидно, и сумма въ двадцать милліоновъ считалась уже очень значительною, и признавалось необходимымъ ее закрѣпить особымъ обѣщаніемъ, что она не будетъ увеличена. Конечно, это обѣщаніе не могло быть и не было сдержано; но въ этомъ всего менѣе виновать былъ руководитель финансовъ Екатерины Второй. Князю Вяземскому приходилось выдерживать упорную борьбу съ другими совѣтниками императрицы, которые очень сочувствовали нововведенному, легкому и удобному способу, находить деньги для расходовъ, состоявшихъ въ ихъ вѣденіи. Генералъ-прокурору же было извѣстно, что этотъ способъ—далеко не такой легкій, какъ могло казаться со стороны. По изслѣдованіямъ А. Н. Куломзина, казна воспользовалась и изъ 20.000,000 рублей, выпущенныхъ до 1774 года, лишь частью въ 12.714,750 рублей. Возможно, конечно, что эта цифра не совсѣмъ точна; но если даже она совершенно точная, и размѣнный фондъ составлялъ 7.286,000 руб., или свыше 36% всего выпуска, то, во-первыхъ, эта пропорція практически уже тогда, какъ неоднократно въ послѣдующее время, могла оказываться лишенною практическаго значенія; а во-вторыхъ, значеніе размѣннаго фонда должно было быть ничтожное, если онъ на столь значительную сумму состоялъ изъ мѣдной монеты. Даже безостановочный размѣнъ ассигнацій на мѣдную монету нисколько не устранялъ возможности возникновенія лажа на золотую и серебряную монеты. Симптомы этого лажа стали проявляться уже въ 1744 году, и, поэтому, понятно, что генералъ-прокуроръ защищалъ свою позицію указомъ, что выпуски не будутъ превышать 20.000,000 рублей. Къ сожалѣнію, защита и не могла быть очень сильною.

---

[1]) Изслѣдованія А. Н. Куломзина: „Объ ассигнаціяхъ въ царствованіе имп. Екатерины II", печатались въ „Русск. Вѣстн." и „Сборникѣ русск. истор. общества".

Во второе шестилѣтіе существованія ассигнацій (въ 1775—1780 годахъ) ихъ обращеніе увеличилось лишь на 5.000,000 руб., но съ 1781 года вліяніе генералъ-прокурора, вѣроятно, уже ослабѣло; осилили его противники, имѣвшіе за себя аргументъ неизбѣжности расходовъ, хотя бы и очень большихъ, для тѣхъ блестящихъ военныхъ успѣховъ, которыми они могли похвастаться. Въ промежутокъ между 1781 и 1786 годами обращеніе ассигнацій сразу удвоилось, увеличившись съ 25.000,000 до 50.000,000 руб. По донесенію князя Вяземскаго, однако, „банковыхъ суммъ на казенныхъ мѣстахъ состояло въ теченіи 1786 года 30.400,000 рублей“ [1]). Для размѣна „денежная казна“, то-есть мѣдная монета, достигла слишкомъ 13.000,000 р., а на остальные 7.000,000 р. ассигнаціи могли еще находиться въ кассахъ (на нѣсколько меньшую сумму онѣ еще оставались въ кассахъ и послѣ этого). Но если даже въ 1786 г. фактически казна воспользовалась лишь $^3/_5$ выпущенныхъ ассигнацій, то сильный упадокъ вексельнаго курса съ 1780 года заявлялъ наглядно о наступившей опасности. Тогда-то впервые прибѣгли къ мѣрѣ, которой впослѣдствіи суждено было играть выдающуюся роль въ секретной области нашихъ финансовъ. Къ облегченію денежнаго курса и въ поспѣшествованіе внѣшнимъ операціямъ употреблено было средство, состоящее въ покупкѣ въ Петербургѣ на казенный коштъ товаровъ и въ высылкѣ ихъ въ чужіе края для продажи по купеческому обряду. Кромѣ того, „для возвышенія вексельнаго курса и удержанія онаго въ желаемой пропорціи, чинены были распоряженія, чтобы баронъ Сутерландъ (петербургскій банкиръ правительства) трассировалъ на казенныя деньги, въ Амстердамѣ, у бароновъ де-Смитъ (тамошнихъ банкировъ правительства) состоящіе, а они посему долженствовали гонорировать тѣ векселя“ [2]). Въ 1780 году посланъ за-границу казенный ревень; въ 1781 г. посланы казенныя пенька и желѣзо; сверхъ того въ 1781 и 1782 годахъ трассировано векселей на 3.170,442 гульдена, сумму, весьма не малую для того времени. Конечно, и опытъ того времени доказалъ, что искусственныя средства были совершенно безуспѣшны: вексельный курсъ лишь весьма незначительно отъ нихъ поправился, и все ихъ практическое значеніе ограничивалось (какъ и въ послѣдующія эпохи) тѣмъ, что, противудѣйствуя на нѣкоторое время дальнѣйшему упадку курса, искусственная его поддержка пока от-

---

[1]) Архив. Госуд. Сов. I, 2, стр. 435.

[2]) Тамъ же, стр. 429, и Куломзинъ, Финанс. докумен. царств. Екатерины II., въ „Сборн. ист. общест.“ т. XXVIII, стр. 381.

крывала просторъ для новыхъ выпусковъ. Ими-то и занялись уже совсѣмъ безъ всякихъ стѣсненій съ 1786 года. Къ этому году окончательно устроена была и система казенныхъ банковъ: вмѣсто учрежденныхъ въ 1768 году двухъ ассигнаціонныхъ банковъ, созданъ былъ одинъ большой „государственный ассигнаціонный банкъ". Изъ всѣхъ созданныхъ въ 1773 и 1786 годахъ банковыхъ учрежденій, однако, прежде всего пришлось развернуться ассигнаціонному банку: заставъ сумму ассигнацій въ 50.000,000 р., онъ въ десятилѣтіе, до конца царствованія Екатерины II, ее утроилъ, доведя ее до 150.000,000 рублей.

Переходимъ ко второму виду государственнаго кредита, впервые введеннаго въ Россіи Екатериною II,—къ внѣшнимъ займамъ. Для правильной оцѣнки этого Екатерининскаго нововведенія, не безполезно имѣть въ виду общія условія внѣшняго государственнаго кредита того времени въ Европѣ. Условія эти были далеко не блестящія. Подъ внѣшними займами тогда понимали сдѣлки съ голландскими, швейцарскими и итальянскими банкирами, къ которымъ правительства обыкновенно обращались только при крайней необходимости, когда внутренній кредитъ оказывался изсякшимъ. Сдѣлки были, большею частью, на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Начало положено было имъ итальянскими банкирами еще въ средніе вѣка, когда кліентами ихъ были преимущественно англійскіе и французскіе короли; впослѣдствіи тѣми же операціями начали заниматься швейцарскіе и южно-нѣмецкіе банкиры, которые нашли себѣ обширный кругъ кліентовъ въ германскихъ императорахъ и болѣе значительныхъ нѣмецкихъ государяхъ. Со времени королевы Елизаветы, операціи съ заграничными банкирами въ Англіи навсегда прекратились и уже болѣе никогда не возобновлялись. Съ конца же XVII вѣка государственный кредитъ въ Англіи принялъ тѣ формы, которыя онъ сохранилъ до настоящаго времени: онъ сталъ исключительно внутреннимъ кредитомъ, которымъ правительство пользовалось, выпуская или облигаціи безсрочной ренты (иногда въ соединеніи съ лотереею и срочными платежами), или краткосрочныя обязательства казначейства. Во Франціи внутренній государственный кредитъ, въ видѣ продаваемой правительствомъ безсрочной ренты, тоже принялъ довольно большіе размѣры уже съ половины XVI вѣка. Извѣстно, однако, что какъ-разъ въ промежутокъ времени между половиною XVI и концомъ XVIII вѣка на французскомъ тронѣ сидѣли короли, которые всего менѣе знали цѣну деньгамъ. Поэтому итальянскіе, а съ половины XVII вѣка, и швейцарскіе банкиры находили у нихъ обширное поле для своихъ операцій. Обыкновенно, сперва выпу-

скалась такая масса рентъ и создавалось такъ много продажныхъ должностей, какъ только было возможно для успѣшнаго сбыта внутри страны [1]). Если же деньги все еще были нужны, то обращались къ такъ называемымъ сдѣлкамъ. Главная ихъ особенность состояла въ совершенно ростовщическихъ условіяхъ, на которыхъ онѣ заключались. Д'Эффіа, руководившій одно время французскими финансами при кардиналѣ Ришелье, разсказываетъ, что платили до 25% за ссуды. Разумѣется, хорошіе руководители финансовъ (Сюлли, Эмери, Кольберъ) уже въ XVII столѣтіи избѣгали операцій съ банкирами, но они были исключеніемъ изъ правила. Обычно же было въ XVIII столѣтіи такое положеніе, что казначейство находилось въ нуждѣ, и у банкировъ заискивали, прельщая ихъ „выгодными“ условіями. Это-то должна была почувствовать и Екатерина II, выступивъ конкурренткою на внѣшніе займы. Въ переговорахъ о нихъ Екатерина II нерѣдко должна была выслушивать и принимать въ соображеніе аргументы банкировъ въ томъ смыслѣ, что французскій король согласенъ на болѣе тяжелыя условія, чѣмъ какія предлагались Екатеринѣ.

Было, однако, во второй половинѣ XVIII вѣка правительство, которое и съ банкирами имѣло дѣло не какъ съ ростовщиками. Это было правительство Маріи-Терезіи и Іосифа II. Они тоже пріобрѣли себѣ большія заслуги въ устройствѣ финансовъ своей страны, а ихъ нидерландскія владѣнія давали видъ внутренняго кредита ихъ операціямъ съ фландрскими богачами. Публика издавна здѣсь привыкла къ австрійскимъ долговымъ бумагамъ, охотно ихъ разбирала, и оттого условія австрійскихъ займовъ могли быть болѣе выгодными. Отмѣтимъ кстати, какъ подтвержденіе хорошей репутаціи, которою пользовалось австрійское финансовое управленіе во второй половинѣ XVIII вѣка, что въ теченіе того же времени, въ которое въ Россіи выпуски бумажныхъ денегъ дошли до 150.000,000 р., и ассигнаціи стали уже сильно обезцѣниваться, онѣ въ Австріи едва превысили 30.000,000 рублей и еще сохраняли всю свою цѣнность [2]).

Такимъ образомъ, когда Екатерина II выступила конкурренткою на внѣшніе займы, то возникъ вопросъ, въ какое положеніе

---

[1]) Продажа должностей, или вѣрнѣе—присвоеннаго имъ содержанія, обыкновенно изъ особо указанныхъ для того сборовъ, но часто и просто изъ государственныхъ кассъ,—была однимъ изъ обычныхъ во Франціи чрезвычайныхъ рессурсовъ до революціи, и съ финансовой стороны мало отличалась отъ выпуска рентъ. За отданный правительству капиталъ получалось право на ренту или окладное содержаніе.

[2]) Hauer, Beitr. zur Gesch. der oesterr. Finanzen, 210.

относительно ихъ ей удастся поставить Россію: въ то, какое занимала Франція, или въ то, которое занимала Австрія? Вопросъ этотъ разрѣшенъ былъ какъ нельзя удачнѣе. Какъ новичекъ въ дѣлѣ, Екатерина должна была сначала согласиться на довольно тяжелыя условія, но они весьма скоро очень существенно улучшились.

Внѣшніе займы начались непосредственно вслѣдъ за первымъ ассигнаціоннымъ выпускомъ, въ 1769 году. Они еще очень мало были похожи на современные внѣшніе займы. Собственно говоря, ихъ правильнѣе было бы считать ссудами: въ французской практикѣ того времени ихъ и называли авансами. Они заключались лишь на 8—10 лѣтъ и на сравнительно огромныя суммы—2½, 3, 5 и не болѣе 6 милліоновъ голландскихъ гульденовъ. Займы заключались главнымъ образомъ у голландскихъ банкировъ въ Амстердамѣ: сначала у банкировъ де-Смитъ, а потомъ всего чаще у Гопе и К°; немногіе, менѣе значительные, займы, заключены въ Гентѣ и Брюсселѣ. Прямого и непосредственнаго сношенія русскаго правительства къ заграничной публикѣ, по займамъ, не было. Русское правительство выдавало свои облигаціи на имя банкира, у котораго заключался заемъ, на сумму не менѣе полумилліона гульденовъ по каждой облигаціи. Затѣмъ банкиръ уже отъ себя выпускалъ для публики бумаги, представлявшія часть выданныхъ ему облигацій. Требовалась только подпись русскаго уполномоченнаго на каждой такой бумагѣ, для удостовѣренія, что она выпущена именно какъ часть выданной русскимъ правительствомъ облигаціи, а также для обезпеченія русскаго правительства, что бумагъ будетъ выпущено лишь на сумму его облигацій. Наконецъ, коренная особенность займовъ заключалась въ ихъ обезпеченіи опредѣленными доходами русскаго правительства: деньги отдавались въ ссуду, какъ бы подъ залогъ опредѣленныхъ доходовъ. Такъ, въ указѣ о первомъ займѣ говорилось: „Мы даемъ въ надежный залогъ за капиталъ и проценты по сей негоціяціи изъ всѣхъ нашихъ доходовъ на толикую сумму, сколько занято будетъ, а особливо эстляндскія и лифляндскія пошлины за привозные и отвозные товары Риги, Пернова, Ревеля и Нарвы“. Общая сумма всѣхъ внѣшнихъ займовъ составляла къ концу царствованія Екатерины II: по 5% всего на 32.500,000 гульденовъ; по 4½% на 18.000,000 г., и по 4% на 6.000,000 гульденовъ; сверхъ того, по тремъ генуэзскимъ займамъ на 3.000,000 піастровъ, или 5,608,695 гульденовъ; куртажъ уплачивался очень высокій—до 6½%; общій итогъ составляетъ 62.108,695 гульд.,

или, по 66 копѣекъ гульденъ (30 штиверовъ за рубль), какъ тогда считали по курсу, 41.404,681 рубль [1]).

Третья (и послѣдняя) форма, въ которой явился государственный кредитъ при Екатеринѣ II, представляла еще нѣчто весьма неопредѣленное, но содержала въ себѣ зародышъ своеобразнаго вида долговъ, впослѣдствіи игравшаго выдающуюся роль въ нашей финансовой системѣ. Мы говоримъ о позаимствованіяхъ у казенныхъ кредитныхъ установленій, основанныхъ въ 1773 и 1786 годахъ, имѣвшихъ задачею собирать процентные вклады для раздачи ихъ въ ссуды. При Екатеринѣ эти учрежденія еще не успѣли развиться, и финансовыя позаимствованія у нихъ еще не могли быть значительны. Точныя свѣденія объ этомъ предметѣ не опубликованы; извѣстно лишь, что въ 1798 году числилось за государственнымъ казначействомъ за позаимствованія у заемнаго банка не болѣе 7.000,000 рублей. Наконецъ, къ числу государственныхъ долговъ, не безъ основанія, присоединялись въ концѣ XVIII вѣка и началѣ XIX вѣка суммы, которыя казна задолжала подрядчикамъ; такихъ суммъ отъ царствованія Екатерины II оставалось около 17.570,000 рублей.

Сводя вмѣстѣ имѣющіяся данныя, можно считать, что къ концу царствованія Екатерины II итогъ всѣхъ государственныхъ долговъ едва-ли превышалъ 215.000,000 рублей.

II.

Второй періодъ развитія государственнаго кредита Россіи совпалъ съ тѣми исключительными обстоятельствами, въ которыя европейскія правительства были поставлены Наполеоновскими войнами. Для большей части правительствъ все было поставлено на карту, и естественно, конечно, что въ составъ этого всего входили и финансовыя средства, можно сказать, до послѣдней копѣйки. Не было европейскаго государства, изъ боровшихся съ Наполеономъ, которое не прибѣгало бы къ значительнымъ выпускамъ бумажныхъ денегъ; повсюду размѣнъ ихъ на звонкую монету пріостановился, а цѣнность ихъ такъ понизилась, что нерѣдко отъ нея оставалась одна лишь тѣнь. Въ Австріи, напр., въ которой выпускъ ассигнацій (банкоцеттелей) въ 1796 году не превышалъ 30.420,000 рублей, а цѣнность ихъ оставалась еще

---

[1]) Куломзинъ, Финан. док. Екат. II, стр. 385, 444 — 7 и 456 (за вычетомъ $3^1/_2$ милл. гульд., не реализованныхъ по 18 и 19 займамъ).

совершенно неприкосновенною, въ ноябрѣ 1807 года обращалось на 317.000,000 рублей ассигнацій, потерявшихъ уже половину своей цѣны. Въ январѣ 1810 года количество ассигнацій составляло 562.000,000 рублей, стоившихъ уже только $^1/_5$ своей цѣны, а въ мартѣ 1811 г. обращеніе ассигнацій достигло 690.000,000 рублей, сохранившихъ не болѣе 12% своей цѣны.

Въ царствованіе императора Павла перемѣны, происшедшія въ государственныхъ долгахъ Россіи, были еще сравнительно невелики. Выпуски новыхъ ассигнацій, въ совокупности, составляли немного менѣе 55.000,000; но хотя общее количество ихъ едва превышало 200.600,000 рублей, цѣнность ихъ чувствительно поколебалась: лажъ на серебро уже доходилъ до 50%, или ассигнаціи потеряли $^1/_3$ своей цѣны. Въ Австріи не ранѣе 1804 года количество образовавшихся ассигнацій достигло 219.000,000 р., но и тогда онѣ еще сохранили 74% своей цѣны.—Въ отношеніи внѣшнихъ займовъ существенную перемѣну произвелъ лишь указъ 1798 года, по которому въ составъ государственныхъ долговъ Россіи вошли долги польскіе. Собственно русскую часть внѣшняго (голландскаго) долга указъ опредѣлилъ въ 56.500,000 гульденовъ, къ которымъ нужно прибавить около 5.500.000 гульденовъ изъ генуэзскихъ займовъ, такъ что итогъ составлялъ около 62.000,000 гульденовъ, или, считая по курсу того времени гульденъ въ 75 коп., всего 46.500,000 рублей. Польскихъ долговъ прибавилось на 31.000,000 гульденовъ, или 23.850,000 рублей. Слѣдовательно, весь внѣшній долгъ составлялъ 70.350.000 рубл. По указу 1798 года, долгъ этотъ весь долженъ былъ быть уплаченъ чрезъ 12 лѣтъ, къ 1810 году.

Само собою разумѣется, что Наполеоновскія войны сдѣлали совершенно невозможнымъ пользованіе рессурсомъ внѣшнихъ займовъ. Для большей части европейскихъ правительствъ ихъ замѣнили субсидіи отъ Англіи. Какъ щедро Англія ихъ раздавала, можно заключить изъ того, что общій ихъ итогъ съ 1792 года по 1816 годъ превышалъ 57.000,000 фунтовъ стерлинговъ (359.497,500 металлическихъ рублей). На долю Россіи изъ этой суммы пришлось 9.533,329 фунтовъ, или 59.930,000 металлическихъ рублей, а по курсу того времени около 210.000,000 рублей ассигнаціями. Самыя крупныя суммы по этимъ субсидіямъ, однако, явились на помощь лишь послѣ 1813 года. До этого же времени Россія получила въ 1799 и 1800 годахъ 1.370,594 фунта (8.616,100 рублей металлическихъ, или 30.156,000 руб ассигнаціями), а въ 1802, 1803 и 1807 годахъ даже лажъ

877,183 фунт. ст. — 5,514,325 рублей металлическихъ, или 19.300,000 рублей тогдашнихъ [1]).

Такимъ образомъ, въ первое десятилѣтіе царствованія императора Александра I волею-неволею оставалось только пользоваться внутренними рессурсами. По свѣденіямъ, доставленнымъ департаменту экономіи государственнаго совѣта, вскорѣ по его учрежденіи въ 1810 году, внутренніе государственные долги тогда были такъ исчислены [2]): „количество ассигнацій 577.000,000; казначейство должно заемному банку 42.917,156 руб.; воспитательнымъ домамъ 43.204,138; удѣламъ 2.072,000; внутренній заемъ 3.063,000; слѣдовательно, весь долгъ казначейства—668.261,894 рубля“.

Изъ внѣшняго долга, вопреки указу 1798 года, оставалось еще не уплаченныхъ, но съ истекшимъ срокомъ ихъ уплаты, 82.600,000 гульденовъ, или, по курсу того времени, 148.680,000 рублей. Такимъ образомъ, весь государственный долгъ выразится уже весьма внушительною суммою—816.941,894 рубля, или почти на 600.000,000 больше, чѣмъ къ концу царствованія Екатерины II.

Въ этомъ фазисѣ исторіи государственныхъ долговъ Россіи особенный интересъ представляетъ ихъ составъ и толки по поводу ихъ размѣра въ преобразованномъ въ 1810 году государственномъ совѣтѣ. Мы должны обстоятельнѣе коснуться этого предмета, потому что недавно опубликованные о немъ очень интересные архивные документы еще совсѣмъ незнакомы публикѣ.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе значительность позаимствованій у заемнаго банка и сохранныхъ казенъ воспитательныхъ домовъ. Позаимствованія эти въ 1810 году простирались на сумму свыше 86.000,000 рублей. Объясняется это тѣмъ, что названныя учрежденія къ тому времени успѣли порядочно развиться, и въ нихъ поступали „великіе вклады, коихъ количество прежде никогда столь далеко не простиралось“ [3]). Обиліе вкладовъ происходило уже тогда (какъ потомъ предъ 1848 годомъ) и отъ того, что Россію считали обезпеченною отъ политическихъ переворотовъ, угрожавшихъ въ западной Европѣ цѣлости капиталовъ, и эти капиталы охотно отдавались на вклады въ русскіе казенные банки, тѣмъ болѣе, что вклады не только хорошо оплачивались (5%), но ихъ во всякое время можно было вытре-

[1]) Rep. (1869) on publ. inc. and exp., II, 681.
[2]) Арх. госуд. совѣта, т. IV, ч. 1, стр. 211.
[3]) Тамъ же, IV, 205.

бовать назадъ. Такое обиліе вкладовъ находилось въ тѣсной связи еще и съ другимъ обстоятельствомъ, и открытіе этой связи дѣлаетъ очень много чести финансистамъ Александровской эпохи, особенно потому, что впослѣдствіи (со времени графа Канкрина) о ней совершенно забыли: „вклады всегда были въ соразмѣрности съ новыми выпусками ассигнацій“ [1]). Для финансистовъ 1810 г. (главными между ними были: Сперанскій, Мордвиновъ и Гурьевъ, но всего болѣе настаивалъ на связи между вкладами и ассигнаціями министръ финансовъ, графъ Гурьевъ) эта связь была очевиднымъ фактомъ, который наглядно показывалъ имъ опытъ перваго десятилѣтія нашего вѣка. Получая громадныя суммы новыхъ ассигнацій, значительно превышавшія нужды денежнаго обращенія, публика не могла не наброситься на единственный, еще имѣвшійся у нея, способъ сдѣлать изъ ассигнацій доходный капиталъ—отдавать ихъ на процентные вклады въ казенные банки. Но для этого было очень важно, чтобы банки, въ свою очередь, не боялись востребованія отъ нихъ вкладовъ, когда эти востребованія происходили отъ того ли, что деньгамъ считали возможнымъ находить лучшее помѣщеніе при улучшеніи положенія дѣлъ, или отъ чрезвычайныхъ событій. Къ сожалѣнію, казенные банки уже съ первыхъ своихъ шаговъ осуждены были на вѣчный страхъ, какъ бы у нихъ публика не потребовала назадъ свои вклады. Опытъ 1810 года наглядно показалъ, какая опасность для банковъ возникла отъ того, что бо́льшая часть ихъ вкладовъ отъ нихъ отвлекалась позаимствованіями для нуждъ государственнаго казначейства. Въ 1810 году въ заемный банкъ публика внесла вкладовъ 25.242,623 руб., а потребовала обратно гораздо больше—38.247,105 рублей, такъ что банкъ „по истощенію всѣхъ наличныхъ суммъ находился въ невозможности сохранить къ себѣ довѣріе безостановочнымъ платежемъ“ [2]). Затруднительность положенія тогда явственно выступила, „поелику министерствомъ 2-го февраля сего (1810) года новый выпускъ ассигнацій прекращенъ“ [3]), и банку нельзя было помочь новымъ выпускомъ. Уже въ началѣ 1810 года, до наступленія кризиса, департаментъ экономіи предусматривалъ угрожавшую опасность. Естественно, что когда опасность наступила воочію, департаментъ „не могъ не обратиться къ разсужденіямъ его, въ журналѣ о составѣ займовъ изложеннымъ, о всѣхъ неудобствахъ существованія банковыхъ уста-

[1]) Арх. Госуд. Сов., IV, стр. 209.
[2]) Тамъ же, т. IV, ч. I, стр. 303.
[3]) Тамъ же, т. IV, ч. I, стр. 299.
[4]) Тамъ же, т. IV, ч. I, стр. 209.

новленій на правилахъ нашихъ заемныхъ банковъ, въ числѣ коихъ должны почитаться и воспитательные дома (собственно ихъ сохранныя казны). Разсужденія сіи заключаются въ слѣдующемъ: банкъ, помѣстивъ, напримѣръ, 10.000,000 частнаго безсрочнаго капитала на 8 лѣтъ (для ссуды правительству или подъ недвижимость), каждый день можетъ ожидать, что капиталъ сей потребуютъ обратно, а возможность замѣнить его другимъ вкладомъ не имѣетъ полной вѣроятности. При открытіи торговли, когда капиталы найдутъ обширнѣйшій кругъ своему дѣйствію, вѣроятность сія еще болѣе уменьшится. Слѣдовательно, банкъ долженъ будетъ или хранить капиталъ безъ обращенія, себѣ въ убытокъ, или, отдавъ его въ заемъ на 8 лѣтъ, отказать въ возвратѣ при его востребованіи. Изъ сего слѣдуетъ, что въ строгомъ смыслѣ и въ точномъ банковомъ разсчетѣ надлежало бы прекратить пріемъ безсрочныхъ вкладовъ. Затрудненія, кои предвидѣлъ департаментъ, нынѣ совершаются и еще паче подтверждаютъ заключеніе, сколь полезно и даже нужно было прекратить пріемъ безсрочныхъ вкладовъ, отъ коихъ всѣ сіи затрудненія происходятъ“. Поэтому департаментъ полагалъ „предоставить министру финансовъ и опекунскимъ совѣтамъ впредь отъ частныхъ вкладчиковъ принимать капиталъ не иначе какъ на срокъ, и не менѣе, какъ на одинъ годъ. Въ сей послѣдней мѣрѣ департаментъ видитъ единственное средство избѣгнуть хотя нѣсколько тѣхъ затрудненій, коихъ отъ настоящаго положенія ежевременно ожидать должно; ибо, вѣдая заранѣе сроки, въ какіе вклады могутъ быть обратно потребованы, удобно будетъ при ихъ приближеніи изготовиться къ удовлетворенію требованій частныхъ людей, вмѣсто того, чтобы нынѣ всякій день, всякій часъ могутъ неожиданно вступать требованія, кои не только озаботить могутъ заемный банкъ и воспитательные дома, но коихъ даже, по кореннымъ правиламъ заведеній сихъ, удовлетворить будетъ не въ силахъ самого правительства безъ великихъ усилій“ [1]). Перечитывая нынѣ эти разсужденія, нельзя не изумляться ихъ прозорливости, практичности и безукоризненной научности. Они на цѣлое полстолѣтіе были впереди своего времени, и не ранѣе 1860 года, да и то лишь послѣ новаго жестокаго кризиса, когда иного исхода не было, были, наконецъ, проведены въ жизнь.

Не менѣе интереса представляютъ разсужденія департамента экономіи объ ассигнаціяхъ. „Признавъ основаніемъ, что финансы наши приведены въ разстройство наипаче отъ безмѣрнаго умно-

[1]) Архивъ Госуд. Сов., т. IV, ч. I, стр. 300—302.

женія ассигнацій, департаментъ призналъ нужнымъ обратиться прежде всего къ разсмотрѣнію мѣръ для возстановленія кредита ассигнацій. Мѣры сіи заключаютъ въ себѣ три постепенныя операціи: остановить выпускъ ассигнацій, разсрочить ихъ платежъ и произвести дѣйствительную ихъ уплату". Первое было уже исполнено манифестомъ 2-го февраля 1810 года. Въ отношеніи того, что департаментъ называлъ „разсрочкою ассигнацій", онъ полагалъ, что „упадокъ ассигнацій послѣдовалъ отъ безмѣрнаго ихъ умноженія, слѣдовательно, къ возстановленію должно уменьшить массу ихъ въ обращеніи, т.-е. уплатить такую часть, чтобъ остатокъ былъ соразмѣренъ наличнымъ капиталамъ и нуждамъ обращенія. Наличною металлическою монетою уплаты сей произвести невозможно; для сего надлежитъ продать часть казенныхъ имуществъ и составить достаточный капиталъ къ ихъ погашенію. Но продажа казенныхъ имуществъ не должна быть совершена въ большихъ вдругъ массахъ, дабы не унизить ихъ цѣны. Посему должно найти способъ, который бы представилъ возможность уменьшить нынѣ же массу ассигнацій, а уплату разсрочить на нѣсколько лѣтъ. Способъ сей представляется въ займѣ тѣхъ самыхъ ассигнацій, коихъ количество уменьшить предполагается; при этомъ департаментъ объясняетъ: „займы сего рода" (съ цѣлью извлеченія ассигнацій), „весьма различны отъ тѣхъ, кои установляются въ пособіе ежегоднымъ доходамъ". А именно: „когда заемъ открывается не металлическими капиталами, но тѣми же самыми ассигнаціями, кои уменьшить предполагается, и открывается для того, чтобы ихъ истребить, тогда заемъ не составляетъ новаго долга, но установляетъ только разсрочку въ прежнемъ долгѣ". Проектируя займы для „истребленія" ассигнацій, департаментъ экономіи признавалъ необходимымъ сообразить, „какое дѣйствіе будутъ имѣть новые займы на положеніе существующихъ заемныхъ банковъ?" Капиталисты помѣщали доселѣ въ банкъ праздные свои капиталы. Уменьшеніе ассигнацій должно будетъ произвести противное дѣйствіе. Чѣмъ менѣе будетъ ассигнацій, тѣмъ менѣе будетъ вкладовъ. Но капиталисты влагали свои капиталы съ тѣмъ, чтобы, имѣя ихъ подъ рукою, пользоваться перемѣнами торговаго курса. Банки отъ сего не терпѣли убытка, потому что одинъ вкладъ вскорости замѣнялся другимъ. Замѣнъ сей при умноженіи ассигнацій имѣлъ великую степень вѣроятности и можно было безсрочные частные капиталы выдавать на сроки. Но при уменьшеніи ассигнацій, вѣроятность сія исчезаетъ. Изъ сего слѣдуетъ, что, какъ скоро принято „намѣреніе уменьшить ассигнаціи, надлежало бы прекратить пріемъ безсроч-

ныхъ вкладовъ". Опять и въ этихъ сужденіяхъ департаментъ далеко опередилъ не только свое время, но и значительно позднѣйшее.

Обращаясь затѣмъ къ размѣрамъ проектируемыхъ операцій, департаментъ экономіи исходилъ изъ того, что регулированію подлежитъ не только долгъ по ассигнаціямъ, но весь внутренній долгъ государственный; очевидно, департаментъ совершенно раціонально усматривалъ и въ позаимствованіяхъ у банковъ только иной видъ того же неутвержденнаго государственнаго долга. Поэтому основаніемъ разсчета департаментъ принялъ общій итогъ приведенныхъ выше суммъ отдѣльныхъ внутреннихъ долговъ въ 668.261,894 рубля. „Имущество банка въ горныхъ заводахъ, наличныхъ капиталахъ и долгахъ на разныхъ мѣстахъ и лицахъ составляетъ 164.046,942 рубля; сверхъ того государственному казначейству должны разныя мѣста и лица 17.332,171 рубль; слѣдовательно, имущество банка составляетъ 181.379,413½ р.; посему дѣйствительный государственный внутренній долгъ составляетъ 486.882,480 рублей". Затѣмъ департаментъ ставилъ вопросъ: „должно ли всѣ сіи ассигнаціи (т.-е. на сумму 486.882,480 руб.), выкупивъ наличными капиталами, предать истребленію"? Вопросъ этотъ департаментъ разрѣшилъ въ отрицательномъ смыслѣ, ссылаясь на то, что „одинъ оборотъ государственныхъ доходовъ и расходовъ составляетъ болѣе 170.000,900, а 20 или 30.000,000 рублей легко могутъ размѣститься въ частныхъ предпріятіяхъ. Посему можно положить, что изъ 486.000,000 руб., составляющихъ дѣйствительный долгъ, 200.000,000 не требуютъ погашенія; они состоятъ въ соразмѣрности съ наличными монетными капиталами и съ нуждами обращенія. Слѣдовательно, долгъ, требующій уплаты, составляетъ до 286.000,000 рублей".

Безплодно было бы входить теперь въ разборъ способовъ, которыми въ 1810 году признавалось возможнымъ добыть эти 286.000,000 рублей. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что по экономическому развитію Россіи того времени, такія крупныя операціи были бы связаны съ непреодолимыми затрудненіями, даже въ совершенно спокойное и нормальное время. Событія же той эпохи дѣлали всякія операціи, въ родѣ проектировавшихся, даже и въ скромныхъ размѣрахъ, совершенною невозможностью. Нѣтъ никакого сомнѣнія также и въ томъ, что и самый разсчетъ департамента экономіи едва-ли былъ правиленъ. Активъ банка въ суммѣ 181.379,414 рублей всего менѣе облегчалъ въ данномъ случаѣ дѣло, и строить на немъ значило строить на пескѣ.

Во всякомъ случаѣ предположенія 1810 года, какъ они ни

были благожелательны и какъ ни много въ нихъ было разумнаго, были опрокинуты теченіемъ событій. Манифестъ 2-го февраля 1810 года, о пріостановленіи дальнѣйшихъ выпусковъ ассигнацій, прежде всего пришлось нарушить: въ 1810 году необходимость принудила снова выпустить около 45.000,000 рублей. Ассигнаціонный рубль, который еще въ 1807 году сохранялъ двѣ трети своей цѣнности, а въ 1808 и 1809 годахъ стоилъ 54 и 44 коп. металлическихъ, въ 1810 году понизился до одной трети своей нарицательной стоимости. Въ 1811 году почти не сдѣлано новаго выпуска, но ассигнаціонный рубль подвергся новому пониженію и стоилъ уже только около 25 коп. сер.

Между тѣмъ, расходы предстояли очень большіе. Настоящая борьба съ Наполеономъ для Россіи еще только приближалась и въ необходимости новыхъ выпусковъ не могло быть никакого сомнѣнія. Какое же еще дальнѣйшее пониженіе предстояло ассигнаціонному рублю?

Дѣйствительно, съ 1812 года до конца борьбы съ Наполеономъ выпущено новыхъ ассигнацій на сумму около 250.000,000 рублей. Тѣмъ не менѣе, дальнѣйшее паденіе ассигнаціоннаго рубля съ 1811 года почти совсѣмъ пріостановилось. Въ другомъ мѣстѣ [1]) мы это явленіе объясняли дѣйствіемъ манифеста 9-го апрѣля 1812 г. До 1812 года ассигнаціи были обязательны къ пріему только для государственнаго казначейства, для частныхъ же лицъ пріемъ ихъ не только не былъ обязателенъ, но были даже мѣстности въ имперіи, въ которыя ассигнаціи совсѣмъ не проникали, а продолжала обращаться серебряная монета. Къ концу 1811 года, первоначально, кажется, по ходатайству эстляндской и курляндской губерній, возникла мысль „о расширеніи обращенія ассигнацій въ тѣхъ провинціяхъ имперіи, гдѣ доселѣ всѣ сдѣлки совершались на серебро". Но по этому предмету возникло разногласіе между департаментомъ экономіи и министромъ финансовъ. Департаментъ экономіи проектировалъ особый манифестъ, установившій „законный курсъ" по 3 рубля ассигнаціями за 1 рубль серебромъ [2]). Изъ того, что дѣйствительно изданный 9 апрѣля 1812 г. манифестъ былъ совсѣмъ не похожъ на проектъ департамента экономіи и даже былъ прямо ему противуположенъ по смыслу, а также изъ позднѣйшей дѣятельности графа Гурьева, нетрудно понять, въ чемъ собственно министръ финансовъ разошелся съ департа-

---

[1]) Обзоръ проектовъ о преобразованіи денежной системы Россіи. Спб. 1878 г. стр. 47 — 49; сравн. также нашу статью: Das Bankwesen in Russland, въ книгѣ M. Worth, Handbuch des Bankwesens, 3 Aufl., Köln 1883, особ. стр. 454.

[2]) Арх. Гос. Сов., т. IV, ч. I, стр. 391—400.

ментомъ экономіи. Установленіе „законнаго курса“, какъ его предлагалъ департаментъ, было легализаціею лажа въ двѣсти процентовъ. Но легализаціи такого громаднаго лажа графъ Гурьевъ долженъ былъ тѣмъ менѣе сочувствовать, что, судя по его взглядамъ въ 1810 году и по дѣятельности послѣ 1815 года, онъ совсѣмъ не сочувствовалъ никакой легализаціи лажа. Онъ совершенно слѣпо вѣрилъ въ возможность посредствомъ „истребленія“ ассигнацій возвысить ихъ цѣнность. И вотъ вмѣсто манифеста, проектированнаго департаментомъ объ установленіи „законнаго курса“, министръ финансовъ, съ своей стороны, составилъ манифестъ, въ которомъ ни о какомъ законномъ курсѣ не говорилось. Этотъ-то второй проектъ манифеста удостоился Высочайшаго утвержденія. „Въ видахъ ввести повсемѣстно единообразное обращеніе ассигнацій“, манифестъ 9 апрѣля 1812 года, сдѣлавшій пріемъ ассигнацій для всѣхъ обязательнымъ на всемъ пространствѣ имперіи и для всякаго рода сдѣлокъ и платежей, въ то же время совсѣмъ отвергъ установленіе „законнаго курса“ и предоставилъ этотъ курсъ самому себѣ, свободному теченію сдѣлокъ. Никто не могъ, по манифесту, отказываться отъ пріема ассигнацій по курсу дня, какой бы онъ ни былъ. Графъ Гурьевъ, очевидно, полагалъ, что онъ дѣйствуетъ, какъ истый приверженецъ Ад. Смита, не отставая и въ этомъ отношеніи отъ своихъ коллегъ въ Пруссіи и Австріи, Штейна и Стадіона [1]). Но графъ Гурьевъ не замѣтилъ, что положеніе дѣлъ, созданное предшествовавшими событіями, дѣлало именно его образъ дѣйствій не соотвѣтствующимъ его собственнымъ намѣреніямъ; напротивъ, проектъ департамента экономіи болѣе соотвѣтствовалъ этимъ намѣреніямъ; проектъ департамента, установляя законный курсъ, прямо оговаривалъ, что правительство ежегодно, „доколѣ ассигнаціи не сравняются съ серебромъ“, соображаетъ этотъ курсъ и руководствуется количествомъ ассигнацій и срокомъ для ихъ погашенія [2]). Слѣдовательно, департаментъ полагалъ, что, дѣйствуя согласно его предложенію, правительство не выпускаетъ изъ своихъ рукъ дѣло возвышенія курса ассигнацій до уравненія ихъ съ звонкою монетою. Министръ же боялся, что узаконеніемъ громаднаго лажа этому возвышенію ставится слишкомъ сильное препятствіе. Министръ не замѣтилъ, что, желая избѣгнуть этого препятствія, онъ прибѣгалъ къ средству, отъ котораго препятствія къ

---

[1]) Объ авторитетѣ Ад. Смита для государственныхъ людей начала XIX вѣка см. у Безобразова, „О вліяніи экон. науки на госуд. жизнь“. Спб. 1867.

[2]) Арх. Гос. Сов., IV, стр. 399, §§ 19 и 20-й проекта департ. экономіи.

возвышенію цѣнности ассигнацій становились уже совершенно и окончательно непреоборимыми. Только съ виду могло казаться, будто, не установляя никакого законнаго курса ассигнацій, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ не узаконяетъ никакого курса. На дѣлѣ, напротивъ, и манифестъ 9 апрѣля 1812 года тоже узаконялъ курсъ, но случайный, биржевой, устанавливаемый свободнымъ теченіемъ сдѣлокъ. А это узаконеніе биржевого курса означало, что рѣшеніе вопроса о цѣнности ассигнацій было поставлено въ зависимость отъ того, кто сильнѣе при установленіи цѣнности ассигнаціи: тѣ ли, которымъ выгоднѣе, чтобы цѣнность денегъ была ниже, или тѣ, которымъ выгоднѣе, чтобы цѣнность денегъ была выше? Рѣшеніе этого вопроса всегда и повсюду одинаковое, потому что всегда и повсюду больше тѣхъ, которымъ выгоднѣе, чтобы деньги были дешевле; въ этомъ же заинтересованы всѣ производители и всѣ должники, а въ Россіи, въ то время особенно, главные должники были казна и дворянство. Очевидно, сила была на сторонѣ тѣхъ, которымъ выгоднѣе было, чтобы ассигнаціи не возвышались, чтобы ихъ курсъ, если онъ составлялъ въ 1811 году 25 коп. металл., выше этого во всякомъ случаѣ не шелъ. Но этимъ уже обезпечивалось, что курсъ и ниже 25 коп. не опустится, по меньшей мѣрѣ, если цифры новыхъ выпусковъ не сдѣлаются миѳически громадными. Въ самомъ дѣлѣ, если свободному теченію дѣлъ было предоставлено цѣнить ассигнаціонный рубль по курсу дня, по 25 коп. серебромъ, то это значило, что предоставлено было остальныя три четверти всякаго ассигнаціоннаго рубля совершенно игнорировать, какъ если бы ихъ и не было; слѣдовательно, обращавшуюся сумму ассигнацій въ 577.000,000 рублей предоставлено было принимать только въ одну четверть ея нарицательной суммы, въ 144.250,000 рублей, какъ будто остальные 432.750,000 руб. совсѣмъ не были бы выпущены, или какъ еслибы они изъ обращенія были изъяты. Если, далѣе, въ пятилѣтіе послѣ 1812 года, до возстановленія мира, правительство должно было выпустить еще новыхъ ассигнацій на 250.000,000 руб., то и по отношенію къ нимъ манифестъ 9 апрѣля 1812 года предоставлялъ цѣнить ихъ лишь въ одну четверть, или въ 62.500,000 рублей, какъ еслибы остальные 187.500,000 рублей вовсе не были выпущены въ обращеніе, или изъ обращенія были бы изъяты. Такимъ образомъ, манифестъ 9 апрѣля 1812 года былъ, незамѣтно для его автора, могучимъ, хотя и косвеннымъ, средствомъ изъятія изъ дѣйствительнаго обращенія весьма значительныхъ долей нарицательной суммы выпущенныхъ ассигнацій. Онъ былъ средствомъ „редукціи“ и „истребленія“ ассигнацій въ такихъ громадныхъ

размѣрахъ, о какихъ ни графъ Гурьевъ, ни его единомышленники 1810 года и не помышляли.

Естественно, что при этихъ, хотя косвенныхъ, но громадныхъ изъятіяхъ, дальнѣйшему пониженію цѣнности ассигнацій послѣ 1812 года было поставлено самое энергическое препятствіе. Но оно съ тою же силою должно было противодѣйствовать и возвышенію ихъ цѣнности, пока манифестъ 9 апрѣля 1812 года сохранялъ свою силу.

Этого-то значенія манифеста 9 апрѣля 1812 года графъ Гурьевъ не понялъ, не только въ 1812 году, но и по возстановленіи мира. Графъ Гурьевъ тогда возвратился къ своимъ мыслямъ 1810 года о постепенномъ изъятіи ассигнацій изъ обращенія посредствомъ займовъ. Но это было совершенно то же самое, какъ еслибы хирургъ сначала отрѣзалъ почти всю больную ногу, а потомъ занялся леченіемъ сначала одного ея пальца, потомъ другого, потомъ колѣна и такъ далѣе. Операціи графа Гурьева фатально обречены были на совершенное безплодіе. Дѣйствіе манифеста 9 апрѣля 1812 года, продолжавшаго сохранять свою силу до 1839 года, было равносильно ампутаціи, которая умерщвляла сразу три четверти всѣхъ выпущенныхъ ассигнацій, на сумму не менѣе 627.000,000 рублей. И если изъ этихъ 627.000,000 руб. отъ времени до времени 50.000.000 рублей изъ обращенія извлекались займомъ и уничтожались, то, очевидно, подобныя операціи были очень похожи на леченіе отрѣзанной ноги постепеннымъ отрѣзываніемъ ея пальцевъ.

Возвратимся теперь къ цифрамъ, выражающемъ собою, тѣ суммы чрезвычайныхъ рессурсовъ, которыми можно было воспользоваться послѣ 1810 года до возстановленія мира. О новыхъ внѣшнихъ займахъ, конечно, не могло быть никакой рѣчи; за то англійскія субсидіи стали притекать обильнѣе. Въ 1813 — 16 годахъ Россія получила ихъ 6.628,052 фунт. стерлин., или 166.666,000 рублей на тогдашнія деньги. Но этимъ денежная помощь Англіи не ограничилась. По голландскимъ займамъ, отъ которыхъ съ 1810 года оставался не уплаченный остатокъ въ 82.600,000 гульденовъ, платежи по купонамъ въ 1812—15 годахъ были пріостановлены; сумма по этимъ неоплаченнымъ въ срокъ купонамъ, вмѣстѣ съ возмѣщеніемъ за убытки отъ пріостановленнаго платежа, всего 18.000,000 гульденовъ, по указу 14 октября 1815 года были присоединены къ капиталу долга, отъ этого возросшаго до 100.600,000 гульденовъ. Изъ этой-то суммы, по конвенціи 7 (19) мая 1815 года, Нидерланды и Англія взяли на себя ежегодные платежи процентовъ и погашенія, каждая на часть

долга въ 25.000,000 гульденовъ. По сдѣланному исчисленію, общій расходъ, который взяла на себя Англія, долженъ былъ составить, на платежи по погашенію до 1915 года, 25.000,000 гульденовъ, и на платежи по купонамъ, тоже до 1915 года, 62.500,000 гульд., а всего 87.500,000, или около 43.300,000 метал. рублей [1]).

Такимъ образомъ, на долю России отъ прежнихъ голландскихъ долговъ оставалось лишь 51.100,000 гульденовъ, или, по курсу того времени, 107.310,000 рублей. Внутренній же государственный долгъ тогда составляли: ассигнаціи и главнымъ образомъ позаимствованія у казенныхъ банковъ. Долгъ по ассигнаціямъ составлялъ, по суммѣ ихъ выпуска, 836.000,000 рублей. О размѣрѣ же позаимствованій у казенныхъ банковъ и остальныхъ долговъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Въ 1817 и послѣдующемъ годахъ были превращены (конвертированы и консолидированы) въ особый (третій) 6% заемъ капиталы, позаимствованные у заемнаго банка, приказовъ, удѣловъ и духовныхъ училищъ, всего на сумму 169.609,100 руб. ассигнаціями и 10.331,288 рублей металлическихъ; въ такой-же заемъ на 10.649,793 р. тогдашнихъ рублей были превращены долги по военному и морскому вѣдомствамъ за разные подряды и поставки. Изъ суммъ обоихъ этихъ займовъ на время до 1816 года приходится 189.066,707 рублей ассигнаціями. Сверхъ того оставались еще не консолидированы позаимствованія у заемнаго банка на сумму около 70.000,000 рублей ассигнаціями. Слѣдовательно, весь внутренній долгъ составлялъ въ круглой суммѣ 1.095.066,707 р., а съ суммою по внѣшнимъ займамъ весь государственный долгъ составлялъ 1.202.376,707 рублей. Съ 1810 года его увеличеніе простиралось до 385.434,813 руб., а съ конца царствованія Екатерины II увеличеніе составляло около милліарда рублей. Въ этотъ-то милліардъ рублей опредѣляется стоимость Наполеоновскихъ войнъ.

Въ 1817 году преобразована была коммиссія погашенія государственныхъ долговъ, первоначально созданная въ 1810 году, какъ учрежденіе, чрезъ которое предполагалось заключать внут-

---

[1]) Обязательства, которыя приняли на себя по конвенціи 7 мая 1815 года Англія и Нидерланды (доля Англіи подтверждена особымъ закономъ 55 Geo. III, c. 115) были поставлены въ связь съ присоединеніемъ Бельгіи къ Голландіи и этимъ даже обусловлены, причемъ Голландія уступала Англіи колоніи на мысѣ Доброй Надежды, Демераре и еще нѣкоторыя другія дальнія владѣнія. Послѣ объявленія независимости Бельгіи, Голландія совсѣмъ отказалась отъ платежей по своей долѣ, а въ 1832 году лордъ Гренвиль, тогда контролеръ казначейства, хотѣлъ задержать и англійскіе платежи, но запрошенные королевскіе адвокаты объяснили, что это неправильно, и платежи Англіи продолжаются правильно донынѣ. Parl. pop. 1847 №№ 31, 137, 793.

ренніе консолидированные займы, собственно для погашенія ассигнацій. Въ 1817 году ей передано было вообще завѣдываніе оборотами по государственнымъ долгамъ, подъ наблюденіемъ совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій. Совѣтъ состоялъ и состоитъ до сихъ поръ подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя государственнаго совѣта изъ высшихъ чиновъ финансоваго управленія и представителей отъ столичнаго дворянства и купечества. Видимо, графа Гурьева сильно занимала мысль о регулированіи всего тогдашняго неотвержденнаго государственнаго долга. Это легко заключить изъ упомянутыхъ выше займовъ 1817 года и слѣдующихъ годовъ, для консолидаціи долговъ по позаимствованіямъ у казенныхъ банковъ и по ассигнаціямъ. Изъ позаимствованій у казенныхъ банковъ, консолидированы были вклады удѣльнаго вѣдомства, разныхъ богоугодныхъ заведеній, казенныхъ мѣстъ, публичныхъ установленій и т. п. Въ связи съ этою заботою о консолидаціи вкладовъ, позаимствованныхъ у казенныхъ банковъ, находится глубоко задуманная попытка графа Гурьева кореннымъ образомъ преобразовать Екатерининскую систему казенныхъ банковъ и совершенно „упразднить заемный банкъ, а вмѣсто онаго открыть ссуду для вспомоществованія промышленности, въ настоящихъ обстоятельствахъ только нужную". Заемный банкъ главнымъ образомъ служилъ для питанія государственнаго казначейства позаимствованіями изъ процентныхъ вкладовъ, вносившихся въ него и другіе банки. Попытка графа Гурьева, однако, не имѣла успѣха [1]; а при его преемникѣ не только мысль о преобразованіи не возобновлялась, но, напротивъ, дѣятельность заемнаго банка, по снабженію государственнаго казначейства суммами отъ вкладовъ, была приведена въ стройную систему и развивалась съ особенною любовію.

Переходя къ ассигнаціямъ, мы должны прежде всего отмѣтить одинъ изъ любопытнѣйшихъ фактовъ не только русской, но и общеевропейской исторіи финансовъ. Революціонныя и Наполеоновскія войны во всей Европѣ были связаны съ колоссальными выпусками неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, достигавшихъ иногда размѣровъ, положительно миѳическихъ. Достаточно, напр., вспомнить цифру французскихъ революціонныхъ ассигнацій на десять милліардовъ рублей. Эти бѣшеныя цифры повсюду оказали, между прочимъ, одинаковое слѣдующее дѣйствіе. Когда миновала критическая эпоха необходимости выпусковъ, то обнаружилось, что съ

---

[1]) Архив. гос. сов., т. IV ч. 1, ст. 319—354.

мыслью о бумажныхъ деньгахъ связался какой-то паническій страхъ. Оттого во всей Европѣ съ конца Наполеоновскихъ войнъ до 1848 года или до крымской войны повсюду на операцію выпуска кредитныхъ знаковъ вообще, даже размѣнныхъ, смотрѣли, какъ на какую-то отраву, отъ которой лучше держаться подальше, а выпусковъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, какъ финансоваго рессурса, совсѣмъ не было нигдѣ. Не было ихъ и въ Россіи. Если съ 1773 года по 1816-й годъ мы имѣемъ сорока-трехъ-лѣтній періодъ процвѣтанія неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, какъ финансоваго рессурса, то съ 1816 года по 1854 годъ, мы имѣемъ тоже очень продолжительный тридцати-восьми-лѣтній періодъ, когда ихъ избѣгали какъ чумы.

Изъ этого-то періода особенно выдѣляется первая его часть, когда министромъ финансовъ былъ графъ Гурьевъ. Графъ Гурьевъ не хотѣлъ удовольствоваться одною только отрицательною добродѣтелью воздержанія отъ выпусковъ. Въ немъ билась сильная творческая жилка, ярко сказавшаяся въ 1817 году, между прочимъ, и въ его смѣлой попыткѣ упразднить питейные откупы съ замѣною ихъ казеннымъ управленіемъ, какъ переходною ступенью къ введенію акцизной системы. Мимоходомъ замѣтимъ, что эта попытка увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ, хотя Канкринъ поспѣшилъ и ее скорѣе похоронить, какъ онъ хоронилъ все, что шло отъ его даровитаго предшественника. Естественно, что добиваясь положительнаго улучшенія повсюду, Гурьевъ и въ дѣлѣ обращенія ассигнацій стремился къ положительному результату въ видѣ возвышенія ихъ цѣнности. Мы уже объяснили выше, что, къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи все его стараніе заранѣе осуждено было на совершенное безплодіе. Намъ остается лишь бѣгло обозрѣть операціи, къ которымъ гр. Гурьевъ прибѣгнулъ, добиваясь возвышенія ассигнацій. Въ этихъ видахъ въ 1817 и 1818 годахъ заключены были два шестипроцентные займы, въ ассигнаціяхъ и на металлическіе рубли, а въ 1820 и 1822 годахъ два пятипроцентные металлическіе займа. Займы эти на номинальную сумму 426.070,646 руб. ассигн. по реализаціи доставили государственному казначейству 321.982,697 рублей. Въ общей сложности по всѣмъ четыремъ займамъ облигація цѣны реализаціи составляла 75,57 за сто, а дѣйствительно уплачиваемый процентъ былъ 6,61%. Условія эти были по тогдашнему времени довольно хорошія, какъ можно заключить изъ того, что въ 1817 году у лондонскихъ банкировъ Берингъ и Гопе открыта была подписка на французскую пятипроцентную ренту по среднему курсу 56½

за сто [1]). Изъ полученныхъ отъ названныхъ четырехъ займовъ 331.982,699 рублей употреблено было на изъятіе и уничтоженіе ассигнацій 236.306,480 рублей. Остальная часть въ суммѣ 85.676,217 рублей, вѣроятно, пошла на покрытіе бюджетныхъ дефицитовъ.

Въ 1820 году произведенъ былъ обмѣнъ ассигнацій на новые образцы, и по этому поводу обнаружилась прибыль государственнаго казначейства отъ непредъявленныхъ къ обмѣну на 3.917,210 рублей. Эта сумма, вмѣстѣ съ изъятыми и уничтоженными изъ займовъ 1817—1822 годовъ, даетъ итогъ въ 240.223,690 рублей, на которые было уничтожено гр. Гурьевымъ ассигнацій. Сумма ихъ послѣ этого опредѣлилась въ 595.776,310 рублей и осталась на этомъ уровнѣ до обмѣна на кредитные билеты.

Изъятія граф. Гурьева составляютъ нынѣ притчу во языцѣхъ. Надъ ними смѣются, потому что ассигнаціонный рубль отъ нихъ возвысился лишь на 2 копѣйки, съ 25 металлическихъ копѣекъ до 27 металл. коп. Эти насмѣшки, однако, нельзя не признать преувеличенными; нѣкоторая заслуга за Гурьевскими изъятіями должна быть признана. Манифестъ 9 апрѣля 1812 года предоставлялъ публикѣ цѣнить обращавшіеся въ 1816 году 836.000,000 по ихъ рыночному курсу, то есть по 25 металлическихъ копѣекъ, слѣдовательно, принимать ихъ за 209.000,000 металл. рублей. Послѣ операціи гр. Гурьева тотъ-же манифестъ предоставлялъ публикѣ цѣнить ассигнаціи, оставшіяся въ суммѣ 595.776,310 руб., хотя бы только и по 27 коп., т.-е. принимать ихъ за 160.859,604 руб. Это все-таки обнаруживало весьма почтенное уменьшеніе на 48.140,396 металлическихъ рублей. Очень возможно, что и 209.000,000 были уже настолько скромной цифрою, что и при ней звонкая монета появилась бы въ обращеніи. Во всякомъ случаѣ не можетъ быть никакого сомнѣнія, что если и скромная цифра 209 милліоновъ еще уменьшилась на 48 милліоновъ, то это еще болѣе содѣйствовало появленію звонкой монеты. За операціями графа Гурьева поэтому во всякомъ случаѣ остается безспорная заслуга, что онѣ ускорили созданіе металлическаго денежнаго обращенія въ Россіи уже съ начала 1820-хъ годовъ.

Послѣднее и, можетъ быть, наилучшее выраженіе заслугъ графа Гурьева въ дѣлѣ правильной постановки государственнаго кредита Россіи заключается въ цифрахъ о составѣ государственныхъ долговъ въ тотъ моментъ, когда онъ передавалъ руководство финансами Канкрину. Составъ былъ слѣдующій:

---

[1]) Сравн. нашу Истор. банков. въ Великобританіи и Ирландіи, стр. 521.

Консолидированный государственный долгъ:	Въ 1816 г. милліоны рублей:	до конца 1823 г. милліоны рублей:
Голландскіе займы	107	95
Шестипроцентные	189	279
Пятипроцентные	—	298
Всего	296	672
Неотвержденные долги:		
Ассигнаціи	836	595
Займы у банковъ	70	78
Всего	906	673
Весь государственный долгъ	1.209	1.345

По окончаніи Наполеоновскихъ войнъ три четверти всего государственнаго долга имѣли неотвержденный видъ, т.-е. состояли изъ неисполняемыхъ обязательствъ; графъ Гурьевъ уменьшилъ ихъ съ 906.000,000 до 673.000,000, или на 249.000,000 рублей. Напротивъ, благодаря ему, половина государственнаго долга, 672.000,000 изъ 1.345,000,000, была консолидирована и не могла уже быть въ тягость благоустроенному бюджету. Достигнутъ же былъ этотъ результатъ при общемъ увеличеніи итога всѣхъ государственныхъ долговъ лишь на 143.000,000 рублей.

III.

Графа Гурьева смѣнилъ въ руководствѣ русскими финансами генералъ, впослѣдствіи графъ, Канкринъ, пользующійся блестящею репутаціею за приписываемыя ему заслуги въ дѣлѣ благоустроенія государственнаго кредита. Особенною громкою славою пользуются его заслуги по преобразованію кредитнаго денежнаго обращенія (превращеніемъ, въ 1839 и 1843 годахъ, ассигнацій въ размѣнные на звонкую монету кредитные билеты) и по охранѣ государственнаго кредита отъ всего, что могло бы малѣйшимъ образомъ повредить его непоколебимой прочности. Почитатели Канкрина, преклоняясь предъ его денежною реформою, указываютъ на нѣкоторое, дѣйствительно существующее, сродство между манифестами 1839 и 1863 годовъ (объ ассигнаціяхъ и кредитныхъ билетахъ), съ одной стороны, и знаменитымъ банковымъ актомъ 1844 года сэра Роберта Пиля, съ другой,—не безъ патріотической гордости наслаждаясь сознаніемъ, что „нашъ Канкринъ" предвосхитилъ даже идеи сэра Р. Пиля.

Къ сожалѣнію, предъ судомъ исторической критики эти восторги оказываются лишенными серьезнаго основанія. Въ реформѣ

кредитнаго денежнаго обращенія 1839—1843 гг. заслуги Канкрина, и даже его право на авторство въ отношеніи основной мысли реформы—болѣе, нежели сомнительны.

Въ 1823 году, когда министромъ финансовъ былъ еще графъ Гурьевъ, въ Лондонѣ вышла брошюра подъ заглавіемъ: „Considérations sur le papier-monnaie de la Russie, par John Grant“. Въ этой брошюрѣ любопытный читатель можетъ найти очень обстоятельное изложеніе всего, что содержится въ манифестахъ 1839 и 1843 годовъ, почти безъ всякихъ пропусковъ. Изъ брошюры видно, что во время пребыванія императора Александра I въ Лайбахѣ на конгрессѣ, мистеръ Грантъ подалъ ему докладную записку о денежномъ вопросѣ въ Россіи. Грантъ полагалъ, что совершенно напрасно въ Россіи такъ усердно извлекаютъ ассигнаціи изъ обращенія, что это ни къ чему не ведетъ, что лучше махнуть рукою на возвышеніе цѣнности ассигнацій и, наконецъ, что слѣдуетъ обмѣнять ассигнаціи по установленной закономъ цѣнѣ на новую кредитную бумагу; благодаря низкой цѣнности ассигнацій, эту новую кредитную бумагу придется выпустить въ столь незначительномъ количествѣ, что поддерживать ея размѣнъ на звонкую монету возможно будетъ посредствомъ самаго незначительнаго фонда, хотя бы только въ одну шестую часть выпуска, т.-е., вдвое менѣе, чѣмъ обыкновенно признается нормально необходимымъ для размѣннаго фонда. Грантъ разсказываетъ далѣе, что императоръ Александръ I повелѣлъ записку его передать министру финансовъ, который принялъ ее не только къ свѣдѣнію, но и къ исполненію: изъятіе ассигнацій изъ обращенія рѣшено было пріостановить. Но когда Грантъ просилъ награды за представленный имъ планъ, то ему было отказано, подъ предлогомъ, что случайно его идеи совпали съ идеями министерства финансовъ. Апеллируя къ публикѣ на эту несправедливость, Грантъ и напечаталъ свой планъ во всеобщее свѣдѣніе.

Брошюра Гранта представляетъ двоякаго рода интересъ. Во-первыхъ, уже самое время ея появленія совершенно опрокидываетъ ходячее у насъ мнѣніе, будто только со вступленіемъ въ министерство финансовъ Канкрина признано было необходимымъ пріостановить изъятіе и уничтоженіе ассигнацій. Оказывается что это произошло ранѣе, еще при Гурьевѣ. Во-вторыхъ, брошюра такъ ясно и полно излагаетъ всѣ основанія и частности произведенной въ 1839 и 1843 годахъ реформы, что ни о какомъ авторствѣ Канкрина по отношенію къ ней рѣчи быть не можетъ. Наконецъ, брошюра даетъ возможность объяс-

нить очень просто секретъ сродства между манифестомъ 1843 г. и знаменитымъ Пилевскимъ актомъ 1844 года.

Дѣло въ томъ, что едва ли и самого Гранта можно признать первоначальнымъ авторомъ тѣхъ коренныхъ основаній, на которыхъ былъ построенъ составленный имъ для Россіи планъ. Болѣе вѣроятно, что Грантъ позаимствовалъ эти основанія изъ того же источника, изъ котораго заимствовалъ основанія для своего акта 1844 года сэръ Робертъ Пиль.

Источникъ этотъ представлялся въ лицѣ извѣстнаго англійскаго экономиста начала нынѣшняго вѣка, Рикардо, не скрывавшаго своихъ идей ни въ парламентѣ, ни въ печати.

Такимъ образомъ, на долю Канкрина остается лишь сомнительная заслуга (если о таковой можетъ быть вообще рѣчь), что онъ затянулъ, безъ всякой надобности, осуществленіе Грантовскаго плана на 16—20 лѣтъ, въ теченіе которыхъ, по его собственному объясненію, отъ совмѣстнаго обращенія ассигнацій и звонкой монеты въ нашемъ денежномъ обращеніи воцарились невообразимый хаосъ и вавилонское столпотвореніе.

Надежныхъ полныхъ данныхъ для сужденія о дѣйствительномъ положеніи баланса государственныхъ доходовъ и расходовъ за время до 1832 года не существуетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что чрезвычайные расходы по персидской войнѣ 1827 года, по турецкой войнѣ 1828—1829 годовъ и, наконецъ, по усмиренію польскаго возстанія 1831 года, должны были быть очень велики. Естественно, поэтому, что они вызвали увеличеніе государственнаго долга. Сомнительно только, дѣйствительно ли Канкрину должно быть поставлено въ заслугу, что это увеличеніе было умѣренное, и что оно было произведено въ раціональной формѣ. Консолидированные долги дѣйствительно увеличились умѣренно, но только потому, что заключеніе ихъ было связано съ большими затрудненіями. Въ 1828 году возобновлены были голландскіе займы въ Амстердамѣ, и при томъ на старыхъ условіяхъ, которыя въ западно-европейскихъ государствахъ уже вышли изъ употребленія: облигаціи для публики шли отъ банкира, а не отъ русскаго правительства, отдававшаго въ залогъ тѣ самыя статьи (доходовъ), которыя въ указѣ 1798 года особенно назначались. Но заемъ 1828 года на 42.000,000 гульденовъ, или 22.050,000 рублей, былъ реализованъ очень выгодно по 95,09 за сто. Напротивъ, третій пятипроцентный заемъ на 20.000,000 металл. рублей, заключенный въ 1831 году, реализованъ былъ уже только по 79,32 за сто: такъ неблагопріятно повліяли на

нашъ государственный кредитъ событія того времени. По усмиреніи польскаго возстанія четвертый пятипроцентный заемъ 1832 года, тоже на 20.000,000, былъ уже реализованъ по 87,02 за сто. По курсу того времени, всѣ три займа 1828—31—32 гг. увеличили государственный долгъ на нарицательную сумму 228.964,500 кредитныхъ (ассигн.) рублей, а государственное казначейство отъ нихъ получило 200.082,220 руб. или въ общей сложности по $87^1/_3$ за сто. Это уже выражало, что русскій государственный кредитъ стоитъ значительно ниже государственнаго кредита Англіи, Франціи, Пруссіи; только по отношенію къ Австріи, которой четыре займа, заключенные въ 1830 и 1834 годахъ, были реализованы въ общей сложности по $83^1/_5$ [1]), нашъ кредитъ является болѣе благопріятнымъ. Очевидно, во всякомъ случаѣ, что еслибы министръ финансовъ пожелалъ подвигаться впередъ съ внѣшними займами, то едва ли онъ въ состояніи былъ удержать даже достигнутый результатъ. Поэтому Канкринъ благоразумно предпочелъ на нѣкоторое время (до 1840 г.) совсѣмъ пріостановить операціи по внѣшнимъ займамъ чрезъ посредство банкировъ и сосредоточился на пользованіи имѣвшимся въ его распоряженіи „домашнимъ средствомъ".

Это „домашнее средство" заключалось въ позаимствованіяхъ у банковъ, которые такъ осуждалъ государственный совѣтъ въ 1810 году. Сначала, видимо, и Канкринъ не предполагалъ сильно попалечь на этотъ рессурсъ. Напротивъ, въ 1827 году онъ даже, подобно своему предшественнику, консолидировалъ въ шестипроцентныхъ облигаціяхъ часть позаимствованій въ 20.720,000 рублей ассигнаціями. Но когда съ 1828 года появились крупные чрезвычайные расходы, а внѣшніе займы или не давали всѣхъ потребныхъ суммъ, или дали бы ихъ на условіяхъ, которыя не очень благопріятно освѣтили бы финансовое управленіе Канкрина, то выборъ уже оставался только между позаимствованіями у банковъ или выпускомъ ассигнацій. Естественно, конечно, что Канкринъ выбралъ первый способъ и систематически организовалъ пользованіе имъ. Въ этихъ видахъ онъ въ 1830 году понизилъ проценты, которые банки уплачивали по вкладамъ, вносимымъ публикою, и въ тѣхъ же видахъ, онъ систематическимъ обуздываніемъ всякаго проявленія духа предпріимчивости всячески старался, чтобы публика не требовала своихъ вкладовъ изъ банковъ. Въ то же время государственный заемный банкъ окончательно превращенъ въ центральный резервуаръ, которому другіе банки

---

[1]) De Muhlinen, Les finances de l'Autriche. Paris, 1875, p. 115.

(коммерческій, сохранныя казны, приказы и т. д.) передавали свои вклады, чтобы уже изъ заемнаго банка государственное казначейство всегда могло производить позаимствованія, когда въ нихъ была надобность. Такихъ позаимствованій въ 1828—31 годахъ сдѣлано на сумму 105.977,945 тогдашнихъ рублей.

Такъ какъ съ 1832 года имѣются уже обстоятельныя, провѣренныя государственнымъ контролемъ и совершенно надежныя данныя о финансовомъ положеніи [1]), то представляется умѣстнымъ опредѣлить состояніе государственнаго долга къ этому моменту. Въ составъ его входили: два голландскихъ займа на 44.384,025 металлическихъ рублей, а по курсу того времени 165.220,892 рублей кредитныхъ (или ассигнаціонныхъ), шестипроцентные займы на общую сумму 72.744,718 металлическихъ или 269.155,458 рублей кредитныхъ, наконецъ, три пятипроцентные займа на 80,130,500 руб. мет. или 296.482,850 бумажныхъ рублей; вмѣстѣ всѣ консолидированные займы составляли 197.259,242 рублей метал. или 830.859,200 бумажн. руб. Въ составъ неотвержденныхъ же государственныхъ долговъ входили: ассигнаціи на 595.176,210 руб., позаимствованія у банковъ на 177.107,140 руб. и билеты казначейства (серіи), впервые выпущенные въ 1831 году на 13.000,000 руб., всего 785.883,450 рублей. Общій итогъ государственныхъ долговъ простирался до 1.616,742,648 рублей.

Въ одиннадцать лѣтъ, съ 1832 по 1842 годъ общій итогъ дефицитовъ государственныхъ росписей составлялъ 547.321,669 рублей ассигн. [2]). Главнымъ источникомъ для покрытія этихъ дефицитовъ послужили заимствованія у казенныхъ банковъ, сумма коихъ простиралась до 321.104,153 рублей. Второй по важности рессурсъ едва ли выставляетъ въ лучшемъ свѣтѣ финансовый геній Канкрина. Этотъ рессурсъ заключается въ „позаимствованіяхъ изъ оборотнаго капитала коммиссіи погашенія государственныхъ долговъ“. Подъ мудренымъ названіемъ въ данномъ случаѣ скрывается довольно старомодный, безхитростный финан-

---

[1]) Повѣрка отчетовъ финансовыхъ за время съ 1832 по 1842 года сдѣлана была подъ руководствомъ В. А. Татаринова въ связи со смѣтною реформою, и сводъ результатовъ повѣрки былъ напечатанъ въ Статистическомъ Временникѣ 1866 года; они представляютъ драгоцѣннѣйшій статистическій источникъ для нашей финансовой исторіи.

[2]) Въ видахъ установленія однородности суммъ въ таблицахъ государственнаго контроля, ассигнаціонныя суммы переведены по курсу 3 р. 50 к. за время до 1843 г.; намъ оттого пришлось обратно ихъ переложить по тому же курсу на первоначальную ихъ валюту.

совый изворотъ, который въ то время, когда Канкринъ не стѣснялся сравнивать свое управленіе съ финансовымъ управленіемъ других большихъ государствъ, въ послѣднихъ уже давно вышелъ изъ употребленія. Изворотъ этотъ заключался въ употребленіи суммъ, назначенныхъ на погашеніе государственныхъ долговъ, для покрытія дефицитовъ по текущимъ государственнымъ расходамъ.—Такихъ-то суммъ въ 1832—42 годахъ употреблено было Канкринымъ для покрытія дефицитовъ не на малую сумму 186.716,148 рублей. Такимъ образомъ, изъ общаго итога дефицитовъ въ 547.321,669 рублей покрыто было указанными двумя рессурсами 92%, или на сумму 507.830,301 рублей. За симъ, лишь для оставшейся незначительной части въ 39.491,268 руб. послужилъ нормальный рессурсъ правильно заключенныхъ займовъ. Къ заключенію ихъ Канкринъ возвратился снова не ранѣе 1840 года, когда имъ былъ реализованъ по 86,45 за сто первый 4% заемъ на 25.000,000 металл. руб.; въ 1840 году имъ былъ реализованъ по 90,41 за сто второй 4% заемъ на 8.000,000 рублей сереб. Въ общей сложности обоихъ займовъ, эти условія соотвѣтствуютъ реализаціи 5% займа по 110,55 за сто, то-есть, они были блестящія. Блескъ этотъ, однако, значительно тускнѣетъ отъ простого факта, что государственное казначейство извлекло очень немного пользы изъ громкихъ успѣховъ Канкрина. Ибо для нихъ Канкринъ долженъ былъ, во-первыхъ, восемь лѣтъ систематически избѣгать всякаго выпуска новыхъ русскихъ бумагъ на открытомъ денежномъ рынкѣ и вмѣсто того систематически же пользоваться суммами казенныхъ кредитныхъ установленій; а во-вторыхъ, даже тогда, когда Канкринъ, наконецъ, выступилъ съ новыми займами, онъ предпочелъ воспользоваться блестящими успѣхами лишь на очень скромныя суммы. Очевидно, что если блестящая сторона финансоваго положенія давала только около 39.500,000, тогда какъ далеко не блестящая сторона того же положенія должна была доставить остальные 507.800,000 руб., или почти въ 13 разъ больше, то первая изъ нихъ имѣла лишь значеніе казового конца, не больше.

Обратимъ вниманіе еще на одно обстоятельство, тоже характеризующее тогдашніе финансы очень своеобразно. Съ перваго же взгляда можетъ казаться страннымъ, какъ было возможно тревожить банки, принимавшіе вклады съ обязательствомъ ихъ возврата по востребованію, на столь громадныя суммы. Секретъ этотъ, однако, объясняется тѣмъ, что съ своей стороны и банки не мало тревожили государственное казначейство. Конечно, такія большія суммы, какъ позаимствованія изъ безсрочныхъ вкладовъ, простирав-

шіяся въ 11 лѣтъ до 321.114,153 рублей, не могли быть взяты безнаказанно. Такъ же точно невозможно было совершенно отвлекать суммы, назначенныя на погашеніе долговъ, въ столь значительной мѣрѣ, чтобъ они въ 11 лѣтъ уменьшились на 156.716,148 рублей. Такія позаимствованія волею-неволею должны быть только временныя, потому что, съ одной стороны, публику нужно было удовлетворять, когда она требовала изъ банка свой вкладъ; а съ другой стороны, и на погашеніе долговъ должны были быть производимы неотложные расходы. Отсюда возникали большіе расходы государственнаго казначейства по возврату хотя части произведенныхъ позаимствованій. Возвраты же эти, увеличивая итогъ государственныхъ расходовъ, увеличивали дефициты; а отъ этого положеніе государственнаго казначейства представлялось въ гораздо болѣе неблагопріятномъ видѣ, чѣмъ каково оно было на самомъ дѣлѣ. Такъ, въ 1832—42 годахъ означенные возвраты простирались на сумму 195.403,029 рублей. Эту сумму, собственно говоря, слѣдуетъ сбросить съ вышеприведеннаго итога дефицитовъ, и тогда окажется, что на самомъ дѣлѣ итогъ дефицитовъ составлялъ только 351.918,640 рублей. Ту же сумму слѣдуетъ сбросить съ итога позаимствованія у банковъ и у погашенія долговъ, и тогда будетъ видно, что на самомъ дѣлѣ у этихъ двухъ рессурсовъ взято было лишь 312.427,272 рубл. Не трудно исчислить, сколько взято у каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Выше мы показали, что къ 1832 году сумма позаимствованій у банковъ составляла 177.107,140 рублей; къ 1843 году позаимствованій уже числилось на 402.885,581 руб. [1]); слѣдовательно, въ 1832—42 годахъ они возросли на 225.778,381 рублей. Вычтя эту сумму изъ вышепоказаннаго итога позаимствованій у банковъ и у погашенія долговъ (312.427,272 руб.), мы получаемъ, что собственно отъ погашенія долговъ было отвлечено 86.848,891 рублей.

Въ связи съ государственнымъ долгомъ находится еще одна особенность Канкриновскихъ финансовъ. Извѣстно, что онъ былъ

---

[1]) Номинальный размѣръ этой суммы, даже принимая во вниманіе, что она выражалась въ ассигнаціонныхъ рубляхъ, можетъ удивить современнаго читателя. Удивленіе его, однако, уменьшится, когда онъ справится о цифрѣ общаго итога вкладовъ у всѣхъ казенныхъ банковъ. Свѣденія объ этомъ мы имѣемъ лишь съ конца 1849 года, когда итогъ вкладовъ составлялъ 1.998.500,000 рублей ассигн. Ср. таблицу о вкладахъ въ 1843—57 годахъ въ нашей статьѣ: Das Bankwesen in Russland, стр. 461. О колебаніи цифръ вкладовъ можно судить по слѣдующему примѣру: въ августѣ 1833 года въ кассахъ заемнаго и коммерческаго банковъ было наличности на 42½ м. р., а 1 октября уже только на 26.500,000; 24 декабря оставалось даже только 10.000,000 рублей.

большой приверженецъ „особо отложенныхъ капиталовъ" для храненія на чрезвычайныя надобности. Основаніе имъ было положено суммами отъ контрибуцій, уплаченныхъ Персіею и Турціею послѣ войнъ конца 1820 годовъ. Но эти суммы были поглощены расходами для подавленія польскаго возстанія 1831 года, а обыкновенные рессурсы государственнаго казначейства, которыхъ не хватало на текущіе расходы, конечно, совсѣмъ уже ничего не могли дать для образованія „особо отложенныхъ капиталовъ". Единственнымъ рессурсомъ для этого оставались займы, и имъ-то дѣйствительно Канкринъ и пользовался, чтобъ откладывать „особые капиталы". Такъ, изъ приведенныхъ выше данныхъ усматривается, что изъ двухъ четырехъ-процентныхъ займовъ 1840—1842 годовъ, доставившихъ государственному казначейству 100.958,550 рублей, на покрытіе дефицитовъ употреблено 39.491,368 рублей, слѣдовательно, отъ нихъ за покрытіемъ всѣхъ государственныхъ расходовъ еще оставалась свободная часть въ 61.467,182 рубля. Этого мало. Въ приведенныхъ выше данныхъ о чрезвычайныхъ рессурсахъ, которыми въ 1832—42 годахъ покрывались дефициты, совсѣмъ не упоминается о билетахъ казначейства (серіяхъ). Между тѣмъ, Канкринъ очень усердно занимался выпускомъ и водвореніемъ ихъ въ обращеніи, въ 1832—42 годахъ. Первый указъ о выпускѣ ихъ на 30.000,000 рублей изданъ былъ еще въ 1831 году, но сразу размѣстить такую большую сумму не оказалось возможнымъ; дѣйствительно выпущено было въ 1831 году не болѣе 13.000,000 рублей, и оттого мы лишь эту сумму приняли въ соображеніе при исчисленіи итога всѣхъ государственныхъ долговъ къ 1832 году. Однако въ 1832—33 годахъ и остальная часть была размѣщена, а въ 1834 году еще было выпущено новыхъ серій на 40.000,000 рублей; въ 1836 году 10 милліоновъ были погашены, но въ 1840 году выпущено еще на 12 милліоновъ рублей металлическихъ или 42.000,000 руб. ассигнац. Такимъ образомъ, всего серій съ 1832 года по 1840 было выпущено на сумму не менѣе 89.000,000 руб. Присоединяя эту сумму къ остатку отъ 4% займовъ, мы получаемъ почтенный итогъ въ 150.467,182 рубля. Допуская даже, что серіи, реализованныя въ 1832—33 годахъ, служили еще для остававшихся неисполненными чрезвычайныхъ расходовъ прежняго времени,—отъ серій, выпущенныхъ въ 1834 и 1840 годахъ, а также отъ остатковъ по 4% займамъ, образовался свободный излишекъ въ 133.467,182 руб. ассигнаціями, или около 38.000,000 рублей металлическихъ, которые Канкринъ передалъ своему преемнику, уѣзжая въ 1843 году заграницу. Изъ этого-то рессурса только и могло быть положено основаніе

размѣнному фонду созданныхъ тогда кредитныхъ билетовъ, тому самому фонду, который продолжаетъ существовать и понынѣ.

Оставляя Канкриновскій періодъ русскаго государственнаго кредита, скажемъ еще нѣсколько словъ о денежной реформѣ 1839 года. Разсмотрѣніе ея по существу принадлежитъ исторіи денежнаго обращенія; въ разсказѣ же нашемъ умѣстно упомянуть о ней лишь въ той мѣрѣ, въ какой она затрогиваетъ судьбы государственнаго кредита. И вотъ съ этой стороны приходится констатировать любопытный фактъ совершенно отрицательнаго свойства. Хотя реформа 1839 года, касаясь ассигнацій, непосредственно была направлена на очень значительную часть государственнаго долга, тѣмъ не менѣе наименьшую роль при ней играли соображенія благоустройства и прочности основаній государственнаго кредита. Можно подумать, что дѣло этихъ основаній совсѣмъ не касалось, и Канкринъ предпринималъ реформу единственно лишь для приведенія въ порядокъ монетной системы, для устраненія того хаоса, который, какъ выше было замѣчено, возникъ отъ совмѣстнаго обращенія ассигнацій и звонкой монеты; отъ возникшей, вслѣдствіе того, для правительства необходимости опредѣлять, по какому курсу оно принимаетъ монету и ассигнаціи; отъ оказывавшагося всегда несоотвѣтствія между курсами, назначенными правительствомъ, и дѣйствительными курсами въ разныхъ мѣстностяхъ; отъ разнообразныхъ видовъ лажа, не только на монету, но и на ассигнаціи, явившихся, какъ необходимое послѣдствіе того, что правительство цѣнило звонкую монету и ассигнаціи то выше, то ниже ихъ дѣйствительной стоимости; отъ „столпотворенія вавилонскаго“, вызваннаго необходимостью считаться не только съ достоинствомъ монеты и ассигнацій, но и—различныхъ видовъ лажа на нихъ; наконецъ, отъ безсовѣстной эксплуатаціи, которой, благодаря хаосу, подвергались и казна, и публика, особенно простой народъ. Вслѣдствіе же того, что манифестъ 1 іюля 1839 года непосредственно касался лишь монетной системы, онъ только косвенно явился указомъ объ отмѣнѣ манифеста 9 апрѣля 1812 года, установившаго вольную цѣну ассигнацій: съ 1 іюля 1839 года ассигнаціи имѣли уже постоянную, установленную закономъ цѣну въ пропорціи 350 ассигнац. руб. за 100 рубл. серебромъ, то-есть, по 28,57 металлич. копѣекъ за бумажный рубль. На остальныя же 71,43 коп. бумажный рубль закономъ девольвировался. Изъ этого уже, какъ дальнѣйшее послѣдствіе, вытекало и то, что съ 1-го іюля 1839 года ассигнаціонный долгъ въ 595.776,310 рублей превращался въ новый долгъ лишь на

сумму 170.221,802 руб.; остальные же 425.554,508 руб. переставали быть государственнымъ долгомъ.—Оставалось только на новый долгъ въ 170.221,802 руб. выдать новый документъ, для замѣны имъ стараго документа на долгъ въ 595.776,310 руб. Это и сдѣлано было манифестомъ 1843 года объ обмѣнѣ ассигнацій на кредитные билеты. Но обмѣнъ этотъ не былъ ни прямою, ни косвенною цѣлью преобразованія 1839 года. Было бы ошибочно думать, что обмѣнъ былъ только замаскированъ монетною реформою 1839 года, а на самомъ дѣлѣ онъ-то и имѣлся въ виду. Напротивъ, существуютъ всѣ основанія для допущенія, что со всею искренностію преслѣдовалась именно только задача упорядоченія монетной системы [1],—девольвація же оказалась лишь побочнымъ обстоятельствомъ монетнаго преобразованія.

Но эта-то искренность бросаетъ весьма сомнительный свѣтъ на финансовую прозорливость Канкрина. Какъ ни существенна была польза отъ упорядоченія монетной системы, значеніе ея все-таки было лишь второстепенное; сравнительно, гораздо важнѣе для государственнаго хозяйства было то, что, влача свое жалкое существованіе, ассигнаціи отнимали у правительства всякую возможность воспользоваться бумажно-денежнымъ рессурсомъ, еслибы чрезвычайныя обстоятельства дѣлали его безусловно необходимымъ. Странно, въ самомъ дѣлѣ, ставить въ заслугу Канкрину, что онъ уже не выпускалъ въ обращеніе ассигнацій: всякое увеличеніе ихъ количества вѣдь угрожало низвести ихъ цѣну еще ниже 25—28 металлическихъ копѣекъ; то-есть, польза отъ новыхъ выпусковъ была болѣе чѣмъ сомнительная. Чтобъ бумажныя деньги опять стали производительнымъ рессурсомъ для государственнаго хозяйства, на случай чрезвычайныхъ событій, для этого прежде всего было необходимо возвысить ихъ цѣнность. Но объ этомъ-то Канкринъ думалъ всего менѣе. Между тѣмъ, не трудно себѣ представить, какимъ опасностямъ это подвергало государственное хозяйство. Канкрину потребовалось 16 лѣтъ для косвеннаго преобразованія ассигнацій посредствомъ упорядоченія монетной системы. Безъ этого косвеннаго повода легко могло бы пройти еще 16 лѣтъ, а преобразованіе ассигнацій все еще ожидало бы своей очереди. Но ровно чрезъ 16 лѣтъ послѣ 1839 г. наступила крымская война съ потребностью для правительства имѣть 400.000,000

[1]) A. Schmidt. Das russiche Geldwesen. 1823 — 1844. St.-Petersburg. 1875. Книга Шмидта написана на основаніи неопубликованныхъ документовъ архива государственнаго совѣта.

рублей отъ бумажныхъ денегъ. Ассигнаціи могли бы дать такую сумму лишь при новомъ выпускѣ ихъ въ размѣрѣ не менѣе $1^{1}/_{2}$ милліарда рублей, еслибы цѣнность ихъ удержалась. Очевидно, однако, что прибавленіе къ 595 милліонамъ ассигнацій, оставшихся отъ царствованія Екатерины II и Александра I, еще новыхъ $1^{1}/_{2}$ милліарда рублей, совершенно и окончательно лишило бы ихъ всякой цѣны: то-есть, потребныхъ рессурсовъ для войны не оказалось бы вовсе, а страна пережила бы еще болѣе жестокій кризисъ, чѣмъ какой она пережила.

Въ заключеніе подведемъ итогъ суммамъ государственныхъ долговъ наканунѣ ухода Канкрина изъ министерства финансовъ. Въ видахъ сравненія съ предъидущимъ и послѣдующимъ временемъ, мы должны на этотъ разъ выразить суммы и по старому, и по новому: въ ассигнаціонныхъ и серебряныхъ рубляхъ.

Къ 1843 г. въ составъ итога государственныхъ долговъ входили: остатокъ отъ голландскихъ займовъ на 132.893,512 руб. ассигн., и суммы по 6%, 5% и 4% займамъ на 729.254,634 руб.; всего же консолидированный долгъ составлялъ 862.148,146 руб.

Неотвержденные государственные долги слагались: изъ ассигнацій на 595.776,310, изъ позаимствованій у банковъ на 402.885,521 руб., и у погашенія долговъ на 86.648,891 р.; наконецъ, изъ серій на 102.000,000 руб.; всего же неотвержденныхъ долговъ было на 1.187.310,722 руб.—Общій итогъ всѣхъ государственныхъ долговъ представлялъ уже 2.049.458,868 рублей ассигн.

Тѣ же суммы въ серебряныхъ рубляхъ выражались слѣдующимъ образомъ: остатковъ отъ голландскихъ займовъ было на 37.969,575 руб., а отъ 6%, 5% и 4% займовъ 208.358,467 рублей; всего консолидированнаго долга было на 246.328,042 руб.; неотвержденные долги: бумажныхъ денегъ на 170.221,803 руб., позаимствованій у банковъ на 115.110,149, а у погашенія долговъ на 24.756,826 руб., наконецъ, серій на 29.142,845 руб.; всего не отвержденныхъ долговъ на 339.231,620 рублей.—Общій итогъ всѣхъ долговъ составлялъ 585.560,262 руб. серебр.

Сравненіе данныхъ о государственномъ долгѣ при вступленіи Канкрина въ министерство финансовъ и наканунѣ выхода изъ него показываетъ, что за время Канкрина произошло ухудшеніе не только количественное, но и качественное. Въ 20 лѣтъ государственный долгъ увеличился на 703.443,958 ассигнац. рублей, или среднимъ числомъ въ годъ на 30.172,198 рублей. При Гурьевѣ, съ конца Наполеоновскихъ войнъ до его выхода, увеличеніе долга въ 6 лѣтъ составило 143,638,203 рубля или по

23.939,700 рублей въ годъ. Гораздо важнѣе, однако, ухудшеніе качественное. Гурьевъ оставлялъ государственный долгъ, въ такомъ составѣ, что консолидированная часть уже уравновѣшивала неотвержденную часть: первая составляла 672.538,600 рублей, вторая 673.476,300 рублей. Напротивъ, послѣ управленія Канкрина неотвержденная часть увеличилась на 513.834,412 рублей, или на 76%, тогда какъ консолидированная часть увеличилась лишь на 189.609,546 рублей. Уже одна сумма итога неотвержденныхъ долговъ въ 1.187.300,000—всего сильнѣе опровергаетъ ходячее заблужденіе о заслугахъ Канкрина въ развитіи государственнаго кредита Россіи.

И. Кауфманъ.

РОБКОМУ СОЛОВЬЮ.

Кротко-лучистая
Въ сумеркахъ теплыхъ зажглася звѣзда.
Льется прохлада душистая.
Въ берегъ звучнѣй ударяетъ вода.
И, убаюканы нѣжной волною,
Дремлютъ сады надъ безсонной рѣкою.

Грустью цѣлительной
Мирно обвѣянъ, я жду, притаясь...
Жду, чтобы пѣсней плѣнительной
Вешняя ночь, изнывая, зажглась.
Чу! Я дождался. Изъ темной вершины
Трижды привѣтъ прозвучалъ соловьиный.

Томной загадкою
Вылилась пѣсня во мракѣ вѣтвей—
Тихо, какъ будто украдкою...
Что ты такъ робко поешь, соловей?
День миновалъ суетливый и душный.
Громче, смѣлѣй, утѣшитель воздушный!

Къ ласкамъ свиданія
Друга зовешь ли,—страстнѣе зови.
Пой! Не стыдися признанія.
Нѣтъ ничего благодатнѣй любви.
Сила любви всѣмъ, чтó движется, правитъ.
Счастливъ, кто въ пѣснѣ любовь свою славитъ.

Если же счастія
Грезу мгновенную жребій унесъ,—
Плачь! Не стыдися участія.
Нѣтъ ничего благотворнѣе слезъ.
Черная скорбь все живущее гложетъ.
Счастливъ, кто скорбь свою выплакать можетъ.

Міра безбрежнаго,
Вѣчности темной не бойся, пѣвецъ.
Міръ безъ восторга мятежнаго,
Міръ безъ страданій—огромный мертвецъ.
Вѣчность мертва безъ живого мгновенья.
Жизнь холодна безъ огня вдохновенья.

Видишь: печальнѣе
Весперъ склонился челомъ золотымъ.
Небо разверзлося дальнее,
Полночь прислушалась къ вздохамъ твоимъ.
Слушаетъ полночь—и звѣзды, сверкая,
Тихо катятся, лазурь обжигая.

Пѣснь вдохновенная
Громче да льется, пѣвецъ красоты.
Вся тебѣ внемлетъ вселенная.
Я тебѣ внемлю, безсмертный, какъ ты.
Звѣзды—твои, пока любишь и страждешь.
Вѣчность—твоя, пока вѣчности жаждешь...

Н. Минскій.

КАКЪ МЕНЯ УЧИЛИ ЖИВОПИСИ

въ

ПАРИЖѢ.

Разсказъ автора: „Beata".

Съ англійскаго.

I.

— Густавъ,—сказалъ мнѣ разъ вечеромъ дядя,—ты день-ото-дня становишься несноснѣе. Когда ты поймешь, что мѣлъ лежитъ тутъ затѣмъ, чтобы писать цифры, а не рисовать каррикатуры; что лавка, гдѣ продаютъ полотна, не мастерская живописца, а прилавокъ не мольбертъ?

— Дядя, — отвѣчалъ я:—я больше не въ силахъ выносить этого!

Дядя поглядѣлъ на меня черезъ очки и погладилъ свой гладкій подбородокъ. Мы сидѣли въ комнатѣ рядомъ съ лавкой, которая уже была заперта; сосиски, поданныя намъ на ужинъ, уже были съѣдены, но запахъ ихъ все еще стоялъ въ воздухѣ. Запахъ сосисокъ былъ одной изъ тѣхъ вещей, которыя портили мнѣ жизнь, такъ же какъ и несносная бѣлизна тюковъ съ полотнами, окружавшихъ насъ со всѣхъ сторонъ и загромождавшихъ полки, доходившія до самаго потолка,—тюковъ, помѣченныхъ таинственными буквами въ родѣ Н. В., Н. В. В. или Н. В. С., и т. д. Я былъ поэтъ въ душѣ, а мой дядя—воплощенная проза.

— Густавъ,—продолжалъ дядя,—Einbildung!

Этой простой формулой, означающей воображеніе или фанта-

зію, ему до сихъ поръ удавалось убивать во мнѣ поэтическіе порывы или по крайней мѣрѣ ихъ внѣшнія проявленія. Но сегодня чаша переполнилась; я долженъ былъ отмѣрить пятьдесятъ ярдовъ полотна молодой четѣ, вступающей въ брачную жизнь, и не знаю ужъ: счастливое ли лицо жениха или нытье въ моихъ рукахъ развили во мнѣ духъ непокорности.

— Густавъ,—настаивалъ дядя, откинувшись на спинку стула, сложивъ руки на животѣ и вертя большими пальцами, одинъ вокругъ другого,—чего ты не можешь больше выносить? Полотна или отсутствія kleine Base?

Разумѣется, вторая причина была настоящая, а потому я безъ запинки отвѣчалъ:

— Полотна,—но при этомъ покраснѣлъ до самаго корня своихъ желтыхъ волосъ.

— Einbildung! Густавъ, Einbildung! — повторялъ дядя, все быстрѣе и быстрѣе вертя пальцами. Она навѣрное вернется. Я не думаю, чтобы съ дѣвушкой приключилась какая бѣда, хоть она и забрала себѣ въ голову скрываться отъ насъ. Конечно, тяжело дѣвушкѣ остаться на попеченіи мачихи, которая... ну, будемъ говорить правду,—бьетъ ее; но она могла бы придти и посовѣтоваться со мной, вмѣсто того, чтобы навострить такимъ образомъ лыжи, ни съ кѣмъ не простясь.

— Но вѣдь я же сказалъ, что мнѣ надоѣло полотно,—сердито замѣтилъ я.

— Ахъ, да, полотно! гмъ!—конечно... полотно.. Einbildung!

— Дядя!—взмолился я,—отпустите меня въ Парижъ!

— Чтобы разъискивать двоюродную сестричку? Ну да вѣдь мы не знаемъ навѣрное, тамъ ли она.

— Нѣтъ, вовсе не за тѣмъ, чтобы кого-нибудь разъискивать, но чтобы сдѣлаться живописцемъ.

— По моему, для цивилизаціи нужны только тѣ живописцы, которые рисуютъ вывѣски,—отвѣтилъ дядя.—Но чѣмъ видѣть, какъ мой прилавокъ ежедневно пачкается, а мой мѣлъ ломается на куски, такъ что я не могу почти держать его въ рукахъ, ужъ лучше я отпущу тебя въ Парижъ.

Итакъ, къ моему невыразимому восторгу вопросъ былъ рѣшенъ. Всѣ необходимыя справки наведены и всѣ приготовленія сдѣланы. Я купилъ французскій словарь и учебникъ Оллендорфа и принялся подновлять свой запасъ французскихъ фразъ, которыхъ къ счастію я много зналъ, такъ какъ дядя съ давнихъ поръ готовилъ изъ меня комми-вояжера своей полотняной фирмы.

Новая пара платья, признанная лучшими городскими автори-

тетами достойной Парижа, заказана была для меня; нѣсколько ярдовъ полотна, съ завѣтной полки, помѣченнаго буквами Н. В. В., было отмѣрено для моего спеціальнаго употребленія и превращено въ рубашки. Съ сильно бьющимся сердцемъ поглядѣлся я въ зеркало, когда всѣ приготовленія были окончены.

Когда приказчикъ изъ полотняной лавки выкажетъ поползновенія къ занятію поэзіей и искусствомъ, то онъ обязанъ по крайней мѣрѣ владѣть правильнымъ носомъ и парой жгучихъ черныхъ или нѣжныхъ голубыхъ глазъ.

У меня же глаза были безцвѣтные, а носъ совсѣмъ неопредѣленной формы. Я былъ высокаго роста, широкоплечій малый, и, думаю, такъ же бы легко положилъ быка на мѣстѣ ударомъ кулака, какъ и большинство двадцати-двухлѣтнихъ молодыхъ людей. Но истина обязываетъ меня сказать, что ни высокій ростъ, ни сильное сложеніе не придавали мнѣ никакой особенной красоты или граціи. Я имѣлъ несчастную привычку краснѣть отъ всякихъ пустяковъ и никогда не зналъ, куда дѣвать руки.

Тѣмъ не менѣе, однако, я глядѣлся на этотъ разъ въ зеркало не безъ скромнаго самодовольства и съ пріятной вѣрой въ силу пословицы, гласящей, что людей по платью встрѣчаютъ.

Утромъ въ день моего отъѣзда дядя сказалъ мнѣ рѣчь, которую, какъ я замѣтилъ, онъ сочинилъ и записалъ заранѣе въ промежутки между приходомъ и уходомъ покупателей. Читатель, быть можетъ, уже раньше того слыхалъ повѣствованія объ опасностяхъ, гнѣздящихся въ столицахъ, о безумной довѣрчивости юности и о приманкахъ соблазнителей, а потому я не стану утруждать его рѣчью дяди. Слушая ее, я прослезился.

— Густавъ,—заключилъ дядя,—ты ѣдешь въ Парижъ, снабженный рекомендаціями къ двумъ самымъ блестящимъ геніямъ Парижа. Другъ мой Пинсельманъ, благодаря счастливой случайности, можетъ похвалиться честью знакомства съ ними и согласенъ отрекомендовать тебя имъ. Мнѣ говорили, что эти два несравненныхъ художника, которые неразлучны, какъ братья, представляютъ по истинѣ трогательное зрѣлище безкорыстной дружбы. Они все рѣшительно дѣлятъ между собой, даже вдохновеніе. Бери ихъ себѣ въ примѣръ, поступай какъ они, и ты можешь со временемъ стать славой и гордостью своего родного города.

Послѣ того, дядя взялъ меня за плечи, и нѣсколько секундъ глядѣлъ мнѣ прямо въ глаза; затѣмъ симметрически поцѣловалъ меня въ обѣ щеки, поморгалъ глазами, точно ему было больно глядѣть на свѣтъ и ушелъ въ лавку, захлопнувъ за собой дверь и бормоча сквозь зубы:—Einbildung! Einbildung! Einbildung!

По дорогѣ на станцію желѣзной дороги я не много похныкалъ. Я былъ въ кроткомъ и плаксивомъ расположеніи духа, чувствовалъ почти нѣжность къ полотняной торговлѣ и почти готовъ былъ прижать къ сердцу тюкъ полотна.

Когда поѣздъ помчалъ меня, эти ощущенія испарились. Нескончаемыя полки съ ихъ Н. В. и Н. В. В. исчезли изъ моей памяти и ихъ мѣсто заняло иное видѣніе: личико дѣвушки съ голубыми глазами и двумя льняными косами. Увижу ли я ихъ снова когда въ дѣйствительности?

Читатель имѣлъ уже не разъ случай замѣтить, что я былъ по уши влюбленъ въ двоюродную сестрицу, но что касается ея самой, то она объ этомъ и не подозрѣвала. Я находился въ томъ первомъ и мучительномъ періодѣ любви, который въ просторѣчіи именуется „телячьими нѣжностями". Любовь этого періода бываетъ или очень экспансивна или же, напротивъ того, очень скрытна; моя любовь была послѣдняго рода. Я цѣлыя ночи напролетъ лежалъ безъ сна и придумывалъ разныя комбинаціи: какъ я встрѣчу ее на другой день „случайно" и чтó изъ того произойдетъ. Но когда мои комбинаціи готовы были осуществиться на дѣлѣ, я прятался за уголъ или же по какому-то для меня самого непонятному побужденію, завидя сестричку, уходилъ, насвистывая, въ противуположную сторону.

Однажды она выразила желаніе поѣсть раковъ. Это не было поэтическое желаніе, но оно вдохновило меня. Внѣ себя, я убѣжалъ изъ лавки и принялся ловить раковъ въ маленькой рѣчкѣ, протекавшей за городомъ.

Моя ловля оказалась удачной, какъ и всякая вообще запрещенная ловля. Я поймалъ пять великолѣпныхъ раковъ. Правда, что моей правой рукѣ очень больно досталось отъ раковыхъ клешней, что рукавъ моего сюртука весь замокъ, а дядя выдралъ меня за уши, когда я вернулся, но всѣ эти обстоятельства нисколько меня не смутили. И только когда пришелъ моментъ поднести раковъ сестрицѣ, прежняя дикая застѣнчивость снова овладѣла мной. Она должна была прійти послѣ полудня, и испугавшись, какъ бы она не подумала, что я для нея такъ старался, я съѣлъ двухъ раковъ самъ, а остальныхъ выбросилъ за окно. Когда она увидѣла раковыя скорлупки у меня на тарелкѣ и попеняла мнѣ за то, что я ей не оставилъ раковъ, я назвалъ ее жадной дѣвчонкой, а когда она ушла, я заперся въ своей комнатѣ и цѣлый часъ обсуждалъ, чтó мнѣ теперь дѣлать: выброситься въ окно или повѣситься на крючкѣ, вбитомъ по срединѣ моего потолка. Къ счастью крючекъ, очевидно, не вынесъ бы тяжести моего тѣла, а нѣсколько

ящиковъ съ полотнами, только-что привезенныхъ и поставленныхъ на дворѣ подъ моимъ окномъ, заставили меня отказаться отъ второй мысли. Я могъ не до смерти убиться, упавъ на нихъ, а остаться калѣкой на всю жизнь мнѣ не хотѣлось.

Вскорѣ послѣ исторіи съ моими раками бѣлокурая Гильда и сбѣжала изъ дому. Она не проронила ни словечка о своихъ намѣреніяхъ ни мнѣ, ни дядѣ, не жаловалась на дурное обращеніе мачихи; только щеки ея поблѣднѣли за послѣднее время, а глаза стали серьезнѣе, и въ одно прекрасное утро мы узнали, что она сбѣжала. Прошло нѣсколько дней прежде нежели она подала о себѣ вѣсточку, но затѣмъ пришло отъ нея нѣсколько строкъ на имя дяди, въ которыхъ она извѣщала его, что находится въ безопасности и торжественно клялась, что при первой же попыткѣ разыскать ее—лишить себя жизни. Почтовый штемпель на письмѣ былъ изъ пограничнаго нѣмецкаго городка, одной изъ станцій на пути въ Парижъ, и на основаніи этого обстоятельства, а также припоминая разныя ея прежнія слова, я рѣшилъ, что если ее можно найти, то слѣдуетъ искать въ Парижѣ.

Всю дорогу я составлялъ планы на счетъ будущаго. Эти планы были просты: стать знаменитымъ живописцемъ, разыскать двоюродную сестрицу и, привезя ее домой, повергнуть къ ея ногамъ свое сердце и нажитое богатство. Планъ этотъ казался очень простъ за прилавкомъ дядюшки и все еще не представлялся особенно сложнымъ, когда я ѣхалъ въ вагонѣ. Но когда я очутился въ вихрѣ экипажей и пѣшеходовъ, который называется Парижемъ, мои идеи стали не такъ отчетливы, и все, чтò я сознавалъ въ эту минуту—это, какъ бы мнѣ остаться цѣлымъ и невредимымъ и не быть сметеннымъ потокомъ жизни, къ которому меня не приготовила самая смѣлая фантазія.

На другое утро послѣ моего пріѣзда я настолько пришелъ въ себя, чтобы освѣдомиться о квартирѣ моихъ будущихъ учителей, двухъ блестящихъ геніевъ, которые должны были освѣтить мой путь къ искусству. Не скажу, сколько разъ мнѣ пришлось повторить мой вопросъ, прежде нежели я достигъ мѣста своего назначенія; но, какъ бы то ни было, я достигъ его наконецъ.

Кварталъ, гдѣ проживали геніи-пріятели, былъ отдаленный. Пройдя съ полдесятка улицъ, съ очень дурнымъ запахомъ, я увидѣлъ на одной, гдѣ пахло всего хуже, названіе, обозначенное на рекомендательномъ письмѣ, которое я крѣпко зажалъ въ рукѣ. Ничего не зная о привычкахъ геніевъ, кромѣ того, что они эксцентричны, я не нашелъ страннымъ, что такіе замѣчательные художники живутъ въ такомъ кварталѣ. Когда я подошелъ къ

дому № 53, цѣли моего назначенія, сердце мое сильно забилось, я съ благоговѣніемъ ступалъ по расколотымъ кирпичамъ, которыми вымощенъ былъ дворъ, и даже къ огрызкамъ моркови, покрывавшимъ его, относился съ почтеніемъ.

Первое лицо, встрѣченное мной, была прачка, которая, однако, своей персоной отнюдь не доказывала большого знакомства съ мыломъ или водой. У этой особы я спросилъ дрожащимъ голосомъ, гдѣ живутъ живописцы, гг. Ланишъ и Фуршонъ.

— Plus haut!—былъ отвѣтъ, и она ткнула вверхъ брускомъ мыла.

Послѣ этого я поднялся по нѣсколькимъ поворотамъ лѣстницы, стучалъ въ нѣсколько дверей, испугалъ крысъ, кормившихся обрѣзками овощей, которыми, казалось, домъ осыпанъ былъ сверху и до низу, подобно тому, какъ процессію осыпаютъ цвѣтами, и постоянно слышалъ слова:—Plus haut!

Наконецъ, казалось, что выше и идти некуда. Правда, была еще лѣстница надъ моей головой, но она, очевидно, вела на чердакъ, а я не могъ предположить, чтобы мои учителя тамъ жили. Но, что кто-то тамъ жилъ, было очевидно, такъ какъ запахъ лука доносился съ этихъ высотъ и чей-то звучный голосъ напѣвалъ пѣсенку, нѣсколько двусмысленнаго, какъ мнѣ показалось, содержанія. Я готовился въ отчаяніи уже спуститься съ лѣстницы, какъ вдругъ пѣсенка оборвалась среди какого-то шипящаго и свистящаго шума и кто-то сказалъ:

— Погляди-ка на луковицы, Жеромъ, онѣ всѣ на полу.

Это вывело меня изъ нерѣшительности. Жеромомъ звали одного изъ моихъ учителей. Я сталъ подниматься вверхъ, дивясь страннымъ фантазіямъ геніевъ.

Только-что я поднялся на площадку, какъ открытая дверь съ шумомъ захлопнулась. Другой не было на площадкѣ, а потому я робко подошелъ и постучался. Голосъ спросилъ меня сквозь замочную скважину: что мнѣ нужно? и я, заикаясь, объяснилъ причину своего прихода. За дверью произошло какое-то совѣщаніе шопотомъ, затѣмъ она раскрылась на одинъ вершокъ, въ отверстіе просунулись два пальца и голосъ потребовалъ письма.

Нѣсколько секундъ прошло послѣ того, какъ я просунулъ тоненькій пакетъ. Сначала за дверью воцарилось гробовое молчаніе, прерываемое только шелестомъ бумаги, затѣмъ опять шопотъ, торопливые шаги, и еще какіе-то любопытные и непонятные звуки. Шипящій шумъ, слышавшійся до того непрерывно, постепенно прекратился, точно причину его перевели подальше; затѣмъ что-то

разъ или два стукнуло о полъ, вызвавъ смѣхъ. Затѣмъ театральнымъ шопотомъ донеслось до меня:

— Еще двѣ остались подъ прессомъ, Жеромъ.

Послѣ чего послышалось передвиженіе чего-то тяжелаго по полу.

Кто-то сказалъ:

— Чѣмъ мнѣ прикрыть это?

Другой отвѣтилъ:

— Египетскимъ плащомъ.

Шелестъ шелка, еще шопотъ, небольшая пауза и, наконецъ, дверь отворилась и очень пріятный голосъ произнесъ:

— On vous prie d'entrer.

Первая вещь, поразившая меня, когда я послѣдовалъ за этимъ приглашеніемъ, былъ сильный запахъ скипидарнаго лаку, который совершенно вытѣснилъ запахъ лука. Впослѣдствіи я пришелъ къ заключенію, что бутылка съ лакомъ была нарочно разбита, чтобы совершить полную перемѣну въ атмосферѣ комнаты.

— Пожалуйста, садитесь,—сказалъ человѣкъ, отворившій дверь, указывая рукой, съ спокойствіемъ императора и граціей греческаго бога, на плетеное кресло, драпированное чѣмъ-то, что я принялъ-было за кашне, но что впослѣдствіи научился почитать подъ титуломъ „сирійскаго шарфа".

— Прошу васъ садитесь, sur ce fauteuil, ou sur le canapé, какъ вамъ лучше нравится.

Я поглядѣлъ на canapé, но замѣтивъ, что одна изъ его ножекъ сломана, а сидѣнье залито краской, еще не успѣвшей просохнуть, и что, кромѣ того, половина его уже занята большимъ, осклабленнымъ скелетомъ, я скромно предпочелъ кресло.

— Я вижу изъ этого письма, — началъ молодой французъ; онъ казался не старѣе меня, и я сразу опредѣлилъ его въ геніи № 2,—что вы желаете учиться у меня и у моего друга, но я не могу дать вамъ рѣшительнаго отвѣта безъ его согласія. Я погляжу, свободенъ ли онъ въ настоящую минуту, avec votre permission, и съ легкимъ наклоненіемъ головы, котораго бы мнѣ не перенять и послѣ долгихъ мѣсяцевъ упражненія, онъ пошелъ къ двери въ сосѣднюю комнату и скрылся въ нее.

Изумленный, но очарованный, я остался на своемъ fauteuil. Нахальство моего хозяина ошеломило меня, но его улыбка меня плѣнила. Воспользовавшись случаемъ, я огляделся кругомъ. Комната была слабо освѣщена не по винѣ окошка, которое господствовало надо всѣми сосѣдними крышами, но потому, что лоскутъ полинявшей зеленой шолковой матеріи приколотъ былъ къ рамѣ у

нижнихъ стеколъ. Покатый потолокъ возвѣщалъ мнѣ, что я нахожусь на чердакѣ; что касается всего остального, то впечатлѣнія мои были весьма неопредѣленны. Около стѣны стоялъ мольбертъ, другой —посрединѣ комнаты и на немъ какая-то картина, прикрытая грязной салфеткой. Я замѣтилъ также, что въ комнатѣ было очень много различныхъ драпировокъ, расположенныхъ на неожиданныхъ и невѣроятныхъ мѣстахъ и имѣвшихъ странную форму, которую имъ могли сообщить только предметы, прикрываемые ими. Посреди комнаты стоялъ деревянный маннекенъ, драпированный отъ самаго подбородка до кончика пальцевъ на ногахъ кускомъ желтаго дама, съ красной бахрамой по краямъ. Изъ этого я заключилъ, что одинъ изъ геніевъ работаетъ надъ сюжетомъ изъ Библіи.

Въ тотъ самый моментъ, какъ я рѣшилъ это, дверь снова отворилась, и мой знакомый вошелъ въ сопровожденіи другого человѣка, который держалъ открытымъ въ своей рукѣ мое письмо.

Геній № 1 былъ старшій изъ двухъ, но всего лишь годами тремя-четырьмя. Ему могло быть лѣтъ двадцать-семь, двадцать-восемь. Его волосы были темнѣе, а лицо изборождено морщинами и складками, которыя, какъ я инстинктивно почувствовалъ, проведены были не годами, но чѣмъ-то инымъ.

— Monsieur Bertrand Laniche, Monsieur Gustave Leegold, —сказалъ младшій художникъ съ однимъ изъ своихъ неподражаемыхъ жестовъ, и черезъ минуту я снова очутился на плетеномъ креслѣ, напротивъ двухъ французовъ, тщетно стараясь показать, что мои руки нисколько меня не стѣсняютъ. Развязность, съ какою мои новые учителя распоряжались своими, хотя, повидимому, онѣ ничѣмъ не были заняты, представлялась мнѣ и завидной, и таинственной. Оба были въ бархатныхъ пиджакахъ, съ которыхъ мѣстами сошелъ ворсъ, и мой опытный глазъ сразу открылъ, что полотно ихъ рубашекъ не было помѣчено буквами Н. В. В., врядъ ли даже буквами Н. В.; но не смотря на все это, не смотря на мое новое съ иголочки платье, не смотря даже на изящный портсигаръ въ моемъ карманѣ, я чувствовалъ себя нулемъ въ сравненіи съ ними.

— Monsieur Легольдъ желаетъ оказать намъ честь, поступивъ къ намъ въ ученики,—сказалъ Бертранъ Ланишъ густымъ и внушительнымъ голосомъ, на что его младшій пріятель, Жеромъ Фуршонъ, отвѣчалъ своимъ тоненькимъ, какъ флейта, голоскомъ и съ очаровательной улыбкой:

— Онъ привезъ такія хорошія рекомендаціи, Бертранъ; можетъ быть, ты перемѣнишь свое рѣшеніе и найдешь возможнымъ принять его.

Я съ досадой услышалъ, что пріемъ меня въ ученики состоитъ еще подъ сомнѣніемъ, и покраснѣвъ до слезъ, пробормоталъ что-то о моей преданности искусству.

— L'art, — сказалъ Ланишъ, откашливаясь, — l'art c'est une maîtresse jalouse. Готовы ли вы посвятить себя его служенію? Готовы ли вы трудиться, а не забавляться только avec les joujoux qu'elle nous jette?

Метафора эта показалась мнѣ непонятной, но внушительный голосъ и серьезный взглядъ Ланиша произвели на меня болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ всѣ метафоры въ мірѣ. Я объяснилъ, что ничего лучшаго не желаю какъ серьезно трудиться подъ руководствомъ серьезнаго учителя.

Гг. Ланишъ и Фуршонъ колебались и отговаривались еще немного, намекая на недосугъ, на множество занятій, пока наконецъ душа моя не ушла въ пятки. Но наконецъ Ланишъ какъ будто сообразилъ что-то и, повернувшись къ Жерому, сказалъ:

— А что, еслибы мы отказали маркизу, чтобы очистить мѣсто для г. Легольда?

— Это было бы несправедливо относительно маркиза, — серьезно возразилъ Жеромъ:—онъ такъ аккуратенъ въ своихъ занятіяхъ.

— И въ платежѣ денегъ,—добавилъ Ланишъ.

— Вѣрно,—подтвердилъ Жеромъ,—хотя это второстепенное дѣло.

Быть можетъ, случайно глаза обоихъ пріятелей остановились на мнѣ какъ разъ въ эту минуту, но что-то подсказало мнѣ завѣрить ихъ:

— Я буду такъ же аккуратенъ какъ и маркизъ и въ занятіяхъ, и въ платежахъ, такъ какъ дядя очень щедро надѣлилъ меня деньгами.

Очаровательная улыбка снова появилась на лицѣ Жерома, и даже глаза серьезнаго Ланиша какъ бы оживились. Черезъ нѣсколько минутъ рѣшено было пожертвовать для меня маркизомъ.

— Мы начнемъ завтра,—объявилъ Ланишъ:—я выберу для васъ нѣкоторыя изъ нашихъ моделей. Какъ ты думаешь, Жеромъ, начнемъ мы наши уроки съ г. Легольдомъ съ античныхъ произведеній или же съ образцовъ французской школы?

— Надо хорошенько обсудить этотъ вопросъ,—отвѣчалъ Жеромъ, пристально глядя на меня, какъ будто стараясь прочитать на моемъ лицѣ, къ чему я болѣе способенъ.

— Я надѣюсь, что лѣстница не утомляетъ васъ?—спросилъ Ланишъ любезно обращаясь ко мнѣ:—мы дорожимъ этимъ помѣ-

щеніемъ оттого, что оно такое свѣтлое. Мы здѣсь чувствуемъ себя выше толпы, г. Легольдъ.

Я съ восторгомъ согласился.

— Еще одно маленькое условіе, — сказалъ Ланишъ, когда я всталъ, чтобы уйти, и разсматривая свои красиво обточенные ногти:—простая формальность, но у насъ въ обычаѣ получать съ учениковъ плату впередъ.

— За мѣсяцъ,—вмѣшался Жеромъ.

— За три мѣсяца, — поправилъ Ланишъ, строго взглядывая на своего пріятеля.—Мы беремъ по три франка въ день, включая сюда пользованіе моделями, исключая, разумѣется, той порчи, какой они могутъ подвергнуться въ вашихъ рукахъ. Это составитъ девяносто франковъ въ мѣсяцъ и двѣсти семьдесятъ франковъ за три мѣсяца.

— Двѣсти семьдесятъ франковъ!—повторилъ я съ ужасомъ.

— Вы удивлены,—спросилъ Ланишъ,—вы, конечно, не ожидали такой дешевизны. Но que voulez-vous? времена для искусства тяжелыя.

Я все еще не могъ придти въ себя, но вспомнилъ о маркизѣ, принесенномъ мнѣ въ жертву, и вынулъ кошелекъ. Когда я закрылъ его, то одно изъ его отдѣленій опустѣло, и единственнымъ утѣшеніемъ мнѣ служила мысль, что путь къ искусству расчищенъ для меня на три мѣсяца. Кромѣ того, хотя сумма и устрашила меня, но три франка за урокъ, длившійся цѣлый день, въ сущности было немного.

Итакъ, спотыкаясь о различные предметы, попадавшіеся мнѣ подъ ноги, и два раза чуть не опрокинувъ маннекенъ, загромождавшій мнѣ дорогу и равновѣсіе котораго Жеромъ всякій разъ очень добродушно возстановлялъ, я раскланялся, наконецъ, съ моими учителями и благополучно добрался до двери.

Быть можетъ, то было Einbildung, но когда я затворялъ за собою дверь, мнѣ показалось, что мои учителя безмолвно бросились другъ другу въ объятія и обнимали одинъ другого въ припадкѣ какого-то непонятнаго для меня волненія.

II.

Пунктуальный, какъ нѣмецъ, я постучался въ дверь чердака на слѣдующее утро. Я провелъ безпокойную ночь; лихорадочное возбужденіе не давало мнѣ уснуть; я горѣлъ нетерпѣніемъ поскорѣй сдѣлать первый шагъ на пути къ искусству.

Послѣ кратковременной паузы, дверь отворилась; Ланишъ въ довольно безцеремонномъ negligé вѣжливо встрѣтилъ меня. Зеленый шелковый лоскутъ былъ снятъ съ окна, но другія разнообразныя и неописанныя драпировки оставались въ томъ же видѣ, какъ и вчера. Маннекенъ стоялъ закутанный въ своихъ желтыхъ лохмотьяхъ. На углу одного изъ столовъ, расчищеннаго, очевидно, съ нѣкоторымъ трудомъ, стояла алебастровая модель ноги, которой недоставало одного пальца.

— Notre premier modèle, — объяснилъ Ланишъ, нисколько не смущаясь отсутствіемъ одного пальца, и вытащивъ листъ бумаги изъ-подъ груды портфелей, онъ принялся бѣгать по комнатѣ, разыскивая кусокъ угля, и началъ съ быстротой, отъ которой у меня рябило въ глазахъ, рисовать означенную ногу. Нѣсколькими штрихами онъ воспроизвелъ ея общій видъ, а я глядѣлъ, онѣмѣвъ отъ благоговѣнія, и съ каждымъ штрихомъ все болѣе и болѣе мирился съ потерей двухсотъ семидесяти франковъ.

Что касается недостающаго пальца, то Ланишъ увѣрялъ, что это ничего не значитъ; что, въ сущности, принимая во вниманіе, что на этомъ недостаткѣ можетъ разыграться воображеніе, его слѣдуетъ считать скорѣе преимуществомъ, чѣмъ недостаткомъ. Оказывалось, что маркизъ отломилъ палецъ у ноги. Послѣ того несравненный художникъ показалъ мнѣ какъ держать уголь, сказалъ латинскія названія нѣсколькихъ костей, принадлежащихъ къ строенію человѣческой ноги, что̀ произвело на меня сильное впечатлѣніе и что̀ онъ называлъ посвященіемъ меня въ анатомію, объявилъ, что усматриваетъ признаки таланта въ первыхъ дрожащихъ штрихахъ, проведенныхъ мною по бумагѣ, и затѣмъ удалился въ сосѣднюю комнату, гдѣ я ясно услышалъ, какъ онъ опять улегся въ постель.

Часа два спустя появился Жеромъ, который, очевидно, съ трудомъ продралъ глаза. Поздоровавшись со мной нѣсколько вялымъ тономъ, онъ подошелъ и, заглянувъ черезъ мое плечо, замѣтилъ, что на моемъ рисункѣ пальцы точно отморожены, стеръ два злополучныхъ пальца, но не нарисовалъ вмѣсто нихъ другихъ. Послѣ этого, онъ какъ будто позабылъ о моемъ существованіи и занялся переборкой портфелей, изъ которыхъ высыпалъ рисунки, бранился, и опять складывалъ ихъ въ портфель.

Въ общемъ я не былъ недоволенъ первымъ днемъ, проведеннымъ въ мастерской. Я выучился двумъ латинскимъ словамъ и узналъ, что то, что̀ я называлъ до сихъ поръ щиколодкой, называется... но, увы! я давно уже позабылъ свою латынь и память не подсказываетъ мнѣ даже и того, какъ по-латыни мизинецъ.

Правда, что къ вечеру отъ моего рисунка оставалось только два пальца, но что за дѣло, что бумага моя была бѣдна штрихами, когда мой умъ обогатился новыми свѣдѣніями. Я чувствовалъ, что на слѣдующій день совсѣмъ иначе примусь за свою ногу.

Когда я пришелъ на другой день, то дверь на чердакъ была заперта, и прошло съ полчаса прежде, нежели отвѣтили на мой скромный стукъ. Наконецъ, дверь отворилъ, вѣроятно, Жеромъ, который, однако, немедленно послѣ того, какъ повернулъ ключъ въ замкѣ, отретировался въ спальную, прокричалъ мнѣ, что мнѣ ничего иного не требуется, какъ продолжать этюдъ ноги, le pied d'Hercule, называлъ онъ ее, но я сомнѣваюсь, чтобы Геркулесъ имѣлъ съ нею что-либо общее.

— Vous trouverez tout,—объявилъ онъ и скрылся.

Я дѣйствительно нашелъ все, вѣдь не даромъ же въ Библіи сказано: ищите и обрящете. Спустя полчаса, проведенныхъ въ поискахъ, я разъискалъ ногу Геркулеса, служившую подпоркой сломанному мольберту, который безъ нея повалился на бокъ; но, увы! рисунокъ мой исчезъ безслѣдно. Однако, я настолько уже набрался смѣлости, что самъ взялъ бумагу и уголь, какъ только успѣлъ найти ихъ, и съ ослинымъ терпѣніемъ моей расы принялся за изображеніе четырехъ съ половиной пальцевъ, составлявшихъ въ настоящее время цѣль моихъ стремленій.

Этотъ день печально протекъ для меня. Я испыталъ нѣсколько разочарованій, благодаря своему любопытству, такъ какъ въ продолженіе долгихъ часовъ отсутствія моихъ учителей, я безразсудно приподнималъ драпировки, казавшіяся мнѣ такими таинственными. Подъ одной изъ нихъ, изъ краснаго бархата, я открылъ цѣлую груду пустыхъ бутылокъ и одну полную; на всѣхъ красовалось слово „коньякъ"; въ другомъ углу, подъ обрывками кружевъ, я нашелъ рулетку и нѣсколько колодъ грязныхъ картъ. Но всего чувствительнѣе былъ ударъ для моей поэтической натуры, когда почтительно снявъ „египетскій плащъ" съ маннекена, котораго я до сихъ поръ принималъ за библейскаго патріарха, я увидѣлъ, что онъ долженъ былъ изображать танцовщицу, готовившуюся произвести антрша.

Это открытіе такъ повліяло на меня, что мой рисунокъ сильно пострадалъ.

Ланишъ не показывался во весь этотъ день; Жеромъ заглядывалъ по временамъ въ комнату и въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ поощрялъ меня.

На третій день и многіе дни затѣмъ, дверь оставалась неза-

пертой для моего удобства и удобства моихъ учителей. Полдня обыкновенно я проводилъ въ уединеніи. Мастерская и все, что въ ней находилось, было предоставлено въ мое полное распоряженіе; я могъ набить карманы рисунками или подбить рукава эскизами, и ничто, кромѣ честности, не мѣшало мнѣ унести манекенъ или удрать со скелетомъ. Непостижимыя драпировки, носившія звучныя имена „сирійскаго шарфа", „индійскаго покрывала", „турецкаго кафтана", не располагались больше такимъ живописнымъ манеромъ; бутылки стояли на виду и даже балетная фигурантка, отбросивъ всякую скрытность, готовилась на моихъ глазахъ произвести антрша; о маркизѣ, оказавшемъ такую неоцѣненную услугу моимъ учителямъ, уже больше не упоминалось въ разговорѣ; куплеты распѣвались при мнѣ, лукъ жарился у меня подъ носомъ и меня даже имъ угощали.

Послѣ перваго разочарованія, я быстро измѣнилъ идеальныя представленія, которыя составилъ-было себѣ о своихъ учителяхъ. О! наивный, наивный дядюшка Легольдъ! при всей своей опытности такъ же мало понимающій людей и свѣтъ, какъ деревянныя полки его лавки! Ну что, еслибы я послушался его совѣта и послѣдовалъ примѣру своихъ учителей? Быть можетъ, я и прославилъ бы свой родной городъ, но врядъ ли въ лестномъ смыслѣ этого слова. И совсѣмъ тѣмъ его описаніе не было вполнѣ ложно; привязанность двухъ художниковъ другъ къ другу была непритворная; они дѣйствительно по-братски дѣлили все между собой, даже мои сигары, если я какъ-нибудь неосторожно оставлялъ портсигаръ на столѣ.

Дни проходили довольно однообразно: Около полудня или немного позже появлялись мои учителя одинъ за другимъ съ опухшими глазами и испитыми лицами и первымъ ихъ дѣломъ было потребовать un siphon. Затѣмъ, если Ланишъ былъ въ особенно трудолюбивомъ настроеніи, онъ проводилъ часа два за очинкой трехъ или четырехъ кусковъ мѣла, а Жеромъ гонялся за крысами со щеткой въ рукахъ. Да! какъ бы не забыть сказать, что нога Геркулеса претерпѣла безвременный конецъ, будучи послана въ догонку крысѣ, появившейся среди бѣлаго дня.

Но это были исключительные случаи. Обыкновенно оба художника сидѣли по угламъ въ какомъ-то угрюмомъ оцѣпенѣніи, безусловно равнодушные ко всему окружающему и, повидимому, полусонные. Иногда кто-нибудь изъ нихъ вскакивалъ, и схвативъ мѣлъ или уголь, карандашъ или кисть, словомъ, что попадется подъ руку, набрасывалъ эскизы различныхъ сюжетовъ, которые, выражаясь мягко, принадлежали къ безпардонному разряду искус-

ства. Затѣмъ, захвативъ эскизы подъ мышку, они исчезали на весь остатокъ дня и появлялись случайно уже безъ нихъ, но съ окорокомъ ветчины и бутылкой водки на ужинъ. Не знаю, заслуживалъ ли кто изъ нихъ прозвища „геній", но что у этихъ двухъ безпутныхъ гулякъ было больше таланта, чѣмъ у полудюжины обыкновенныхъ людей—это несомнѣнно.

Послѣ первыхъ дней они перестали обращать на меня вниманіе. Если я находилъ самъ мѣлъ или уголь—мое счастье; если нѣтъ—tant pis. Они разговаривали черезъ мою голову, въ то время, какъ я боролся, какъ умѣлъ, съ геркулесовскими пальцами или съ рукой Аполлона, къ которой перешелъ съ теченіемъ времени. Что касается характера и сюжетовъ этихъ разговоровъ, то они просто ошеломляли меня. Я былъ крайне неопытенъ, а потому неудивительно, если у меня волоса становились дыбомъ, когда я слушалъ разсказы объ ихъ похожденіяхъ, которыми они оживляли свои трудовые часы.

По нѣкоторымъ отрывкамъ ихъ бесѣдъ я узналъ, что каждый изъ нихъ послалъ картину въ Salon, и такъ какъ приближался роковой день, когда обнародываются названія принятыхъ картинъ, то обоихъ трясла лихорадка. При малѣйшемъ шумѣ въ домѣ или шагахъ на лѣстницѣ, Жеромъ бросался вонъ изъ комнаты, съ шумомъ раскрывалъ дверь и возвращался разочарованный.

Наконецъ, въ одно утро, когда я работалъ по обыкновенію въ одиночествѣ и больше думалъ о голубыхъ глазахъ и льняныхъ косахъ, чѣмъ о гипсовыхъ пальцахъ, такъ какъ не стану отрицать, что моя артистическая жажда начинала проходить—я былъ выведенъ изъ задумчивости Жеромомъ, вторгнувшимся въ комнату съ лѣстницы (онъ, кажется, пропадалъ всю ночь) и завопившимъ изо всей мочи:

— Принята! Принята, Бертранъ, принята!

Ланишъ появился на шумъ и спросилъ:

— Твоя или моя?

— Моя!—взвизгнулъ Жеромъ, бросаясь въ объятія друга, и въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ они кружились по комнатѣ, такъ что я боялся, что они въ концѣ-концовъ свалятся съ ногъ. Въ манерахъ Ланиша не проглядывало и тѣни зависти къ успѣху младшаго сотоварища. Принятіе его картины считалось одинаковымъ благополучіемъ для обоихъ, и сознаюсь, что это наблюденіе нѣсколько смягчило горечь потери моихъ двухсотъ - семидесяти франковъ, которые, — я уже сознавалъ это теперь — я бросилъ за окно.

Послѣ этого, безумно было ожидать отвѣта на вопросъ о сгибѣ

въ пальцахъ; оба художника слишкомъ ликовали, чтобы даже понять, чего я отъ нихъ хочу. Въ отвѣтъ на мои вопросы они прижали меня къ сердцу и ушли, взявшись подъ руку, напѣвая веселыя пѣсенки и въ продолженіе цѣлыхъ трехъ дней не показывались въ мастерской.

Когда они снова появились, ихъ голоса охрипли, а руки дрожали; но проспавшись, художникъ, которому повезло, почувствовалъ реакцію въ душѣ. Онъ досталъ газету, гдѣ критиковались выставленныя картины, между прочимъ, и его собственная. Хотя она и допущена была на выставку, но строго порицалась и не столько за выполненіе, которое было названо „талантливымъ“, сколько за сюжетъ, признанный „безнравственнымъ“, послѣ чего слѣдовала тирада объ извращеніи общественной нравственности и художественнаго вкуса. Я такъ и не узналъ хорошенько, въ чемъ состоялъ сюжетъ принятой картины Жерома и отвергнутыхъ двухъ Ланиша, но слышалъ съ тѣхъ поръ отзывы о Жеромѣ какъ о „le moins frivole des deux“.

Прочитавъ эту статью, Жеромъ тихо просидѣлъ цѣлый часъ, мечтательно кусая ногти и проводя рукой по курчавымъ волосамъ. Наконецъ, повернувшись на стулѣ, онъ обратился къ Ланишу, который занимался выдергиваніемъ ниточекъ изъ остатка бахромы на „египетскомъ плащѣ“.

— Ecoute, Bertrand, мнѣ пришла идея въ голову.

— Eh bien!—промычалъ тотъ.

— Я докажу, что этотъ молодецъ вретъ, называя мое вдохновеніе безнравственнымъ; я нарисую самую нравственную картину, то-есть сравнительно нравственную, какую только можно себѣ представить. Угадай мой сюжетъ.

— Mon petit chat, дитя, играющее съ котенкомъ?—саркастически вопросилъ Ланишъ.

Но Жеромъ не былъ расположенъ шутить и, не дожидаясь дальнѣйшихъ догадокъ, объявилъ, что избранный имъ сюжетъ: Фаустъ и Гретхенъ.

— Помнится мнѣ, что на этотъ сюжетъ уже кое-кто писалъ раньше тебя,—замѣтилъ Ланишъ, саркастически настроенный сегодня утромъ.

— Но не такъ, какъ я напишу,—объяснялъ Жеромъ, вскакивая въ волненіи со стула.—Затасканный сюжетъ, говоришь ты? Вздоръ, я это отрицаю или, скорѣе, вполнѣ согласенъ, но именно потому, что онъ затасканъ, оригинальность моего таланта выступитъ еще ярче. Я представлю этотъ сюжетъ совсѣмъ въ новомъ свѣтѣ, какой никому еще до меня въ голову не приходилъ. Я

намѣренъ сдѣлать Мефистофеля возбуждающимъ состраданіе и сосредоточить на немъ весь интересъ. Гретхенъ будетъ помѣщена въ картинѣ только за тѣмъ, чтобы своей пошлой красотой рельефнѣе выставить его сатанинскую прелесть, понимаешь меня, Бертранъ?

— Не совсѣмъ,—отвѣчалъ Ланишъ, зѣвая.—Но гдѣ ты достанешь пошлую Гретхенъ и сатанинскаго Мефистофеля? Вѣдь модели не растутъ на деревьяхъ. А какъ же съ Фаустомъ? Будетъ онъ допущенъ въ дѣло?

— Онъ останется на заднемъ планѣ,—заявилъ Жеромъ, расхаживая взадъ и впередъ подъ наплывомъ вдохновенія.—Я придамъ ему выжидательную и настороженную позу, въ родѣ, какъ бы пантеры, знаешь. Это будетъ совсѣмъ ново; никто еще этого не выдумалъ. Затѣмъ я помѣщу на картинѣ алтарь и много цвѣтовъ, груды цвѣтовъ, чтобы изобразить свѣжесть и невинность, знаешь.

— И прялку?—догадывался Ланишъ,—и тысячъ на двѣсти франковъ или около того бриллiантовъ?

— Нѣтъ, прялка затаскана. Я лучше бы хотѣлъ посадить Гретхенъ за швейную машину системы Гоу, да боюсь, что это покажется черезъ-чуръ эксцентрическимъ. Я лучше дамъ ей въ руки какой-нибудь инструментъ, цитру, напримѣръ.

— Я никогда не слыхалъ, чтобы она играла на цитрѣ,—усумнился Ланишъ.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ оригинальнѣе; и кромѣ того, вѣдь ты также не слыхалъ, что она на немъ не играла, не правда ли?

Ланишъ согласился и съ этимъ замѣчаніемъ.

— Что касается задняго плана,—продолжалъ Жеромъ,—то этотъ вопросъ надо еще обсудить. Я самъ еще не знаю, что́ выбрать: грозовое небо или легкое солнечное затмѣніе. Затмѣніе будетъ болѣе необыкновенно, но у насъ нѣтъ больше черной краски, и грозовыя тучи обойдутся, конечно, дешевле, такъ какъ на нихъ пойдетъ все индиго, оставшееся отъ моей послѣдней гаремной картины.

Ланишъ откинулъ назадъ голову и расхохотался.

— Тебѣ слѣдовало бы открыть курсъ лекцій о домашней экономіи,—сказалъ онъ.—Я берусь расклеивать объявленія.

— Смѣйся, сколько хочешь,—отвѣчалъ Жеромъ,—мнѣ твои насмѣшки все-равно, что горохъ объ стѣну. Я теперь точно переродился; съ тѣхъ поръ какъ Мефистофель и Гретхенъ завладѣли моимъ умомъ, я серьезно отношусь къ задачамъ жизни. И теперь я пойду доставать себѣ моделей. Я уже имѣю въ виду Гретхенъ и надѣюсь, что, вернувшись, найду тебя остепенившимся. Кстати,

нѣтъ ли у тебя мелочи? Если я не покажу имъ серебра, они не повѣрятъ, что я говорю серьезно.

— У меня нѣтъ, но у г. Легольда есть,—отвѣчалъ Ланишъ съ великолѣпнымъ хладнокровіемъ,—и я не сомнѣваюсь, что онъ соблаговолитъ ссудить насъ деньгами.

— Боюсь, что у меня не найдется... — нервно произнесъ я.

— Pardon, monsieur,—перебилъ Ланишъ, котораго нельзя было смутить.—Я не совсѣмъ точно выразился, но вы, вѣроятно, обратили вниманіе на тотъ фактъ, что мы еще не предъявляли вамъ счета за употребляемый вами матеріалъ. Это оплошность съ моей стороны, но двадцати франковъ будетъ достаточно, чтобы покрыть этотъ расходъ. Резинка включается въ этотъ счетъ.

Мнѣ было не по силамъ бороться съ monsieur Ланишемъ, и двадцать франковъ перешли изъ моего кармана въ карманъ Жерома, и тотъ, схвативъ шляпу, которая, сказать мимоходомъ, принадлежала мнѣ, убѣжалъ разъискивать свои модели.

Меня можно счесть черезъ-чуръ наивнымъ, но мнѣ иногда казалось, что Жеромъ могъ бы еще исправиться. Правда, что онъ носилъ въ себѣ зародыши всѣхъ пороковъ, но все же въ натурѣ его было еще столько подвижности и впечатлительности, что не вся надежда была утрачена. Въ Ланишѣ же, наоборотъ, порокъ черезъ-чуръ укоренился, чтобы его можно было искоренить. Они шли по одному пути или, вѣрнѣе, сказать, по двумъ параллельнымъ путямъ; но жизнь, которую Жеромъ велъ съ пѣсней на губахъ и со смѣхомъ въ глазахъ, велась Ланишемъ гораздо серьезнѣе, такъ сказать, дѣловитѣе. Погоня за развлеченіями была для него болѣе серьезнымъ дѣломъ, а порокъ—болѣе привлекательной вещью, чѣмъ для Жерома.

Два дня спустя послѣ этого разговора, придя въ мастерскую, я нашелъ къ моему великому удивленію дверь ея раскрытой настежъ, а въ мастерской ни души. Внутренняя дверь тоже была отворена и въ нее виднѣлись два матраца на полу и разныя принадлежности туалета; но учителей моихъ и слѣдъ простылъ. Немного встревоженный, я спросилъ у прачки, жившей подъ нами: не знаетъ ли она чего и она отвѣчала мнѣ, что наканунѣ, вечеромъ, пришло письмо къ живописцамъ, содержаніе котораго ихъ, повидимому, очень обрадовало и что они немедленно ушли изъ дому, de très bonne humeur, и съ тѣхъ поръ не возвращались.

Съ уныніемъ вернулся я въ опустѣвшую мастерскую и принялся за работу. Собрать необходимый для этого матеріалъ оказалось сегодня еще труднѣе обыкновеннаго. Все въ мастерской было вверхъ дномъ.

Былъ душный іюньскій день и въ воздухѣ пахло грозой. Проработавъ съ часъ, я почувствовалъ, какъ потъ заструился у меня по лбу. Я открылъ окно, снялъ сюртукъ и высунулся изъ окна, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Я уже не былъ тѣмъ неутомимымъ труженикомъ, который мѣсяцъ тому назадъ выступилъ на путь къ искусству. Рвеніе мое значительно охладѣло; я открылъ, что поэзія на этомъ пути сильно разведена прозой, и хотя я малому научился въ мастерской гг. Фуршона и Ланиша, но одно я узналъ несомнѣнно, а именно: что страсть рисовать карикатуры на прилавкѣ еще не доказываетъ, что вы Рафаэль въ зародышѣ, и что хотя я могу смѣло разсчитывать на то, что научусь рисовать вывѣски къ вящшему удовольствію моего дядюшки, но что высшія сферы искусства останутся, по всей вѣроятности, навѣки для меня недоступными.

Милый прилавокъ! Не въ первый разъ я ловилъ себя на чувствительныхъ думахъ о полотняныхъ тюкахъ и о томъ, когда-то я снова увижу знакомые очки и услышу привычное слово: Einbildung!

Конечно, я былъ воленъ въ любой день повернуться спиной къ мастерской и вернуться въ домъ дяди и не одна только мысль о невозвратно затраченныхъ двухъ стахъ-семидесяти франкахъ удерживала меня подъ ферулой несравненныхъ художниковъ. Моя настоящая цѣль, та самая, которая привлекла меня въ Парижъ, хотя я въ этомъ и не сознавался, еще не была достигнута. Тщетно слонялся я все свое свободное время по улицамъ Парижа, тщетно устремлялся въ погоню за каждой льняной косой, я не находилъ своей сестрички и уже боялся: не умерла ли она.

Сегодня, глядя изъ окна на крыши и считая дымовыя трубы и воробьевъ, прыгавшихъ по крышамъ, я почувствовалъ нѣчто въ родѣ паники, при мысли, что весьма возможно и даже очень вѣроятно, что я никогда не найду ее, или же найду лѣтъ черезъ двадцать или тридцать, когда мои волосы—а, быть можетъ, и ея также—посѣдѣютъ и порѣдѣютъ, а сердце ея—а, быть можетъ, и мое также—состарѣется и охладится.

Работа моя плохо подвигалась сегодня. Въ полдень Жеромъ влетѣлъ въ мастерскую.

— Bon jour! — вскричалъ онъ. — Слышали вы новость? Моя академическая картина продана... за пятьсотъ франковъ! Не надо ли вамъ денегъ? Я могу дать вамъ взаймы (однако, не далъ). Я подѣлился съ Ланишемъ, само собой разумѣется, онъ только-что проигралъ все до послѣдней копѣйки въ рулетку и насъ выгнали изъ кофейни Филигранъ; но онъ сейчасъ же возьметъ реваншъ.

Жеромъ, говоря это, собиралъ карты съ полу.

— Cher ami,—сказалъ онъ, поднимаясь съ полу и съ одной изъ своихъ очаровательныхъ улыбокъ, противъ которыхъ я никакъ не могъ устоять.—Я вижу, что вы сидите безъ сюртука; мой къ несчастью залитъ краснымъ виномъ; не можете ли вы одолжить мнѣ вашъ сюртукъ часа на два, — и прежде нежели я успѣлъ отвѣтить да или нѣтъ, Жеромъ уже облекся въ мой сюртукъ.

— У васъ все есть, что нужно, надѣюсь?—освѣдомился онъ, очевидно, не безъ угрызенія совѣсти, прежде чѣмъ выдти за дверь. —Que cherchez-vous là?

— Я ищу мѣлъ,—вяло отвѣчалъ я.

— Cherchez seulement,—произнесъ Жеромъ тономъ веселаго поощренія и захлопнулъ за собою дверь.

III.

Послѣ этого я ожидалъ, что проведу день въ безусловномъ уединеніи, но къ моему удивленію вскорѣ затѣмъ кто-то постучался въ дверь.

— Vous êtes monsieur Fourchon?—мрачно спросилъ незнакомый голосъ, когда я отворилъ дверь.

Я сказалъ, что я не Фуршонъ.

— Кто же вы въ такомъ случаѣ? и гдѣ же онъ? И съ чего эти господа назначаютъ часы, а сами пропадаютъ?

Незнакомецъ, протиснувшійся въ дверь, былъ съ ногъ до головы закутанъ въ длинный темный плащъ.

— Вы желаете переговорить съ художникомъ?—спросилъ я. —Если я могу исполнить ваше порученіе...

Вмѣсто отвѣта онъ театральнымъ жестомъ отбросилъ свой плащъ и предсталъ передъ моими изумленными взорами въ костюмѣ изъ пунцоваго атласа съ золотыми кружевами.

— Je suis Faust,—возвѣстилъ онъ, садясь на ближайшій стулъ.

Я совсѣмъ позабылъ про предполагаемую картину Жерома, какъ и онъ самъ, по всей вѣроятности, хотя и провелъ весь вчерашній день, отмѣривая холстъ, растирая краски, и какъ я теперь припомнилъ, окончательно пригласилъ модели. Въ отчаяніи я спрашивалъ себя, что я буду дѣлать съ Фаустомъ. Отослать его прочь было рискованно: Жеромъ, промотавъ послѣдніе сто франковъ, могъ неожиданно вернуться въ мастерскую; и такимъ образомъ мнѣ оставалось только разсыпаться въ уклончивыхъ извиненіяхъ и намекахъ на многочисленныя занятія художника.

Положеніе мое было незавидное, но оно стало еще хуже. Фаустъ не пробылъ и пяти минутъ въ комнатѣ, какъ послышался новый стукъ въ дверь и вошелъ Мефистофель, такой худой и голодный на видъ, что идея Жерома о возбужденіи къ нему жалости показалась мнѣ весьма осуществимой при взглядѣ на этого Мефистофеля. Мефистофелю была знакома наша мастерская, онъ сиживалъ здѣсь въ качествѣ модели раньше, разъ какъ итальянскій разбойникъ, въ другой, какъ турецкій паша (подозрѣваю, что онъ бралъ очень дешево за свой трудъ), но Фаустъ, который, очевидно, считалъ себя гораздо болѣе важной персоной, нежели этотъ злополучный демонъ, съ неудовольствіемъ морщился и даже намекнулъ, что только изъ любви къ искусству соглашается играть роль модели.

Я не зналъ, какой именно моментъ изъ поэмы выбранъ Жеромомъ, и потому не могъ сообразить, сколько еще понадобится дѣйствующихъ лицъ. Но я былъ ко всему готовъ: къ появленію крестьянъ, солдатъ, бюргеровъ, студентовъ и духовъ—небесныхъ или адскихъ безразлично—и даже не удивился бы цѣлой толпѣ, составленной изъ всѣхъ этихъ различныхъ элементовъ. Уставившись на дверь, я сидѣлъ и внутренно молилъ небо о скорѣйшемъ возвращеніи хоть одного изъ моихъ учителей. Занимать модели было не легко; они не хотѣли разговаривать другъ съ другомъ; Фаустъ свысока глядѣлъ на Мефистофеля, а Мефистофель презрительно озирался на Фауста.

Мнѣ сдается, что несчастный былъ такъ близокъ къ голодной смерти, какъ только можетъ человѣкъ, еще стоящій на ногахъ. Не разъ я ловилъ его голодный взглядъ, устремленный на крошки хлѣба, которымъ я вытиралъ свой рисунокъ.

Мои опасенія насчетъ толпы оказались неосновательными. Въ слѣдующіе полчаса прибыла только Марта, въ шелковой юбкѣ и бархатномъ спенсерѣ. Эта, сравнительно молодая женщина, будучи особой полной, совсѣмъ задохлась, поднимаясь на лѣстницу, и должна была сначала отдышаться, прежде нежели начать ругать неаккуратность и, какъ она выражалась, „le manque de tact“ живописцевъ. Она къ тому же очень тревожилась объ участи своихъ двухъ малолѣтнихъ дѣтей, которыхъ, сколько я могъ понять изъ ея словъ, она заперла въ пустомъ шкафу на своей квартирѣ.

Мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ время шло, даже Мефистофель начиналъ терять терпѣніе. Три разъяренныя модели сидѣли вокругъ меня и осыпали бранью мою, ни въ чемъ неповинную голову.

— Я служилъ моделью для первѣйшихъ живописцевъ въ Парижѣ,—негодовалъ Фаустъ,—но такое обращеніе для меня ново. Мнѣ время дорого; въ пять часовъ у меня назначено свиданіе съ г. Пастелло; я обѣщалъ ему свою руку какъ модель для его портрета Карла I,—и Фаустъ съ нѣжностью поглядѣлъ на свою выхоленную бѣлую руку.

— А не обѣщали ли вы вашъ мизинецъ или ваше красивое ухо кому-нибудь другому?—освѣдомилась Марта иронически, радуясь случаю излить досаду хотя бы и на товарища въ бѣдѣ.

Фаустъ только поглядѣлъ на нее презрительно.

— Разумѣется, мы стребуемъ съ нихъ плату какъ за сеансъ, —замѣтилъ онъ.

— Разумѣется, — вторилъ Мефистофель, но болѣе безнадежнымъ тономъ; онъ, вѣроятно, вспоминалъ о прошлой неаккуратности художниковъ въ платежахъ.

— Что до меня касается, — объявила Марта, обрывая кружева на своемъ спенсерѣ,—если который-нибудь изъ моихъ pauvres chéris сломаетъ себѣ шею тѣмъ временемъ, то я...

— Буду преслѣдовать судомъ Фуршона,—подсказалъ Фаустъ.

— Подамъ двойной счетъ,—поправила Марта.

Усилія мои успокоить ихъ оказывались тщетными, убѣжденія потерпѣть не дѣйствовали. По прошествіи часа Фаустъ вскочилъ, какъ бѣшеный, яростно завернулся въ свой длинный плащъ и объявилъ, что не можетъ долѣе лишать г. Пастелло руки, которая долженствовала осчастливить Карла I. Марта собиралась послѣдовать его примѣру.

— Благодарствуйте за пріятное времяпрепровожденіе, monsieur l'artiste,—иронизировала она.—Я надѣюсь, что вамъ не помѣшаетъ спать кровь моихъ невинныхъ малютокъ, которая прольется изъ-за васъ. Tiens, кто-то еще идетъ, я слышу шаги на лѣстницѣ; неужели monsieur Фуршонъ надѣлъ туфли, что ступаетъ такъ неслышно.

— Это новая жертва,—сказалъ Фаустъ съ горькимъ смѣхомъ. —Я и забылъ, что картина не полна.

— Это какая-то дѣвушка, — объявила Марта, досадливо пожимая плечами.—Идите-ка лучше домой, бѣдное дитя! Если вы пришли на сеансъ къ m-r Фуршону, то останетесь въ дурахъ и больше ничего.

— Неужели я опоздала? — спросилъ тихій голосъ изъ-подъ платка, который вновь прибывшая не снимала съ головы.

Хотя бы я прожилъ до ста лѣтъ, мнѣ никогда не позабыть электрическаго дѣйствія, произведеннаго этими немногими словами

на мою душу. Милліонъ смутныхъ ощущеній вызванъ былъ къ жизни звуками этого голоса. Не говоря ни слова, не думая ни о чемъ, я растолкалъ Фауста и Марту, заслонявшихъ мнѣ путь, и какъ грубіянъ сорвалъ платокъ, который бѣлая ручка удерживала подъ подбородкомъ.

Платокъ свалился на полъ къ ея ногамъ, обутымъ въ открытые башмаки и бѣлоснѣжные чулки. Она стояла передо мной въ нѣжно-голубомъ платьѣ съ золотистыми косами, распущенными по плечамъ, розовыя губки раскрылись въ удивленіи, голубые глаза тоже; болѣе красивой Гретхенъ не могъ бы вообразить себѣ художникъ. Но для меня она была не Гретхенъ, для меня она была Гильда, потерянная мной и счастливо найденная двоюродная сестрица.

Первымъ моимъ движеніемъ вслѣдъ за тѣмъ было, на глазахъ у Фауста, Мефистофеля и Марты, упасть на колѣни и, схвативъ обѣ ея руки въ свои, закричать на родномъ языкѣ:

— Kleine Base, kleine Base! поѣдемъ со мной домой, поѣдемъ со мной домой!

Для трехъ зрителей, которые не понимали ни одного слова изъ того, что я говорилъ, я могъ показаться сумасшедшимъ.

Марта оглядывалась кругомъ, ища воды, чтобы облить мнѣ голову. По счастію тутъ былъ только лакъ и она не рѣшилась пустить его въ дѣло. Шесть паръ глазъ, устремленныхъ на меня, нисколько меня не смущали. Неожиданность побѣдила окончательно во мнѣ застѣнчивость. Мнѣ не приходило даже въ голову, что эта демонстрація должна была такъ же удивить Гильду, какъ и остальную компанію. Я столько разъ мысленно сообщалъ ей мою тайну, что мнѣ казалось, что она должна была ее знать.

Но мой жаркій порывъ встрѣтилъ жестокій отпоръ. Kleine Base была гораздо хладнокровнѣе меня. Послѣ перваго минутнаго удивленія, она, повидимому, вполнѣ овладѣла собой и граціозно отступивъ назадъ, присѣла мнѣ, въ то время какъ я стоялъ на колѣняхъ на полу, и отвѣчала:

— Отправляйтесь домой одинъ, mein Vetter, отправляйтесь домой одинъ. Если вы пріѣхали въ Парижъ за мной, то даромъ потратили время и деньги.

— Гильда, — вскричалъ я, поднимаясь съ полу, такъ какъ теперь, когда Гильда отвѣчала, передъ моими распростертыми объятіями стоялъ одинъ только маннекенъ, — Гильда, позволь мнѣ объясниться съ тобой. Я забылъ, что ты ничего не знаешь, — и я хотѣлъ схватить ее за руки, но Гильда отступила за маннекенъ,

и ея голубые глаза мрачно и съ угрозой глядѣли на меня черезъ его деревянное плечо.

Но въ это время остальные вполнѣ освоились съ положеніемъ вещей. Французы инстинктивно сочувствуютъ подобнымъ положеніямъ и хотя нашъ разговоръ происходилъ по-нѣмецки, но наша пантомима была, должно быть, общепонятна.

— Voyons,—сказалъ Фаустъ, дурное расположеніе духа котораго разсѣялось:—это начинаетъ меня интересовать; я доволенъ, что остался.

— Но я сомнѣваюсь, чтобы намъ долго пришлось здѣсь еще оставаться, — отвѣчала Марта, въ которой боролись любопытство съ симпатіей.—Они поссорились, c'est clair, и я не думаю, чтобы они помирились, пока здѣсь такъ много народа.

— Напротивъ того, — возразилъ Фаустъ, — nous aiderons. Браво, mon ami, такъ именно надо съ ними дѣйствовать. Если дѣвушки бѣгаютъ, то только затѣмъ, чтобы ихъ ловили. Я помогу вамъ, если хотите; столовъ тутъ не такъ ужъ много, чтобы за ними можно было спрятаться.

— Уходите, уходите всѣ скорѣе!—закричалъ я, яростно топая ногами, потому что ихъ присутствіе и добродушныя шутки вдругъ стали мнѣ нестерпимы. — Эта дѣвушка моя двоюродная сестра; она сама вамъ это скажетъ.

Повѣрили они мнѣ или нѣтъ, я этого не знаю. Но ушли, не безъ прощальныхъ восклицаній со стороны Фауста, котораго, однако, Марта, очевидно принадлежавшая къ породѣ свахъ, увлекла изъ комнаты. Мефистофель поплелся вслѣдъ за ними. Kleine Base и я остались вдвоемъ въ мастерской.

Она стояла въ углу, точно разкапризничавшееся дитя, надувъ губы и топая ногой о полъ. Послѣ первой своей фразы она не промолвила больше ни слова и даже какъ будто не замѣчала, что всѣ ушли.

— Kleine Base!—смиренно промолвилъ я.

— Grosser Vetter?—отвѣчала она недовѣрчиво.

— Я былъ дуракомъ всю свою жизнь.

— Если вы ничего новѣе этого мнѣ не скажете,—вздернула она свой очаровательный носикъ,—то мнѣ можно идти.

— Нѣтъ, не уходите, потому что я пойду за вами. Вы не можете отъ меня спрятаться теперь, когда я васъ нашелъ.

— Вы читали мое письмо къ дядѣ?

— Да.

— И помните мою угрозу на тотъ случай, если меня станутъ разъискивать.

— Боже мой,—вскричалъ я въ тревогѣ,—я не разъискивалъ васъ, то-есть не то, чтобы разъискивалъ по настоящему. Я не затѣмъ пріѣхалъ въ Парижъ.

— А зачѣмъ вы пріѣхали въ Парижъ? — холодно спросила она.

— Чтобы сдѣлаться живописцемъ. Но мнѣ надоѣло искусство; я и въ немъ оказался такимъ же дуракомъ, какъ и во всемъ остальномъ. Я самъ все сгубилъ.

— Вашу карьеру живописца? — спросила она, поднимая брови.

— Нѣтъ, мое счастіе, Гильда. Я былъ сначала слишкомъ робокъ, а теперь сталъ черезъ-чуръ смѣлъ. Я никогда не добьюсь успѣха.

— Возьмите другого учителя,—замѣтила Гильда съ кроткой, но ледяной улыбкой.

Все это время она стояла въ самомъ дальнемъ углу мастерской и разсматривала свои башмаки, точно они интересовали ее больше всего на свѣтѣ.

— Провались мои учителя!—сердито закричалъ я,—или нѣтъ, дай имъ Богъ здоровья, такъ какъ они свели насъ послѣ такой долгой и мучительной разлуки, для меня, по крайней мѣрѣ. Но я долженъ, не могу вамъ не сказать, что сердце мое принадлежитъ вамъ одной; что съ тѣхъ поръ, какъ я васъ потерялъ, для меня міръ Божій не красенъ, солнце не грѣетъ и цвѣты не благоухаютъ. Что я... ну, словомъ, что я былъ дуракъ... О, Kleine Base, поѣдемъ со мной домой. Неужели ты не поѣдешь? Неужели ты такъ счастлива въ этомъ большомъ Парижѣ, что можешь обойтись безъ тѣхъ, кто тебя любитъ?

Гильда ниже наклонила голову, точно затѣмъ, чтобы получше разглядѣть свои башмаки; на лицѣ ея происходила какая-то борьба; но прежде нежели я успѣлъ себя спросить, въ чемъ дѣло, она закрыла лицо своимъ кисейнымъ передникомъ и залилась горькими слезами.

Я смутно помню то, что̀ затѣмъ послѣдовало, знаю только, что это было что-то хорошее; я помню, что мы вдругъ очутились рядомъ и я поцѣловалъ мокрую щечку, а затѣмъ мы усѣлись на canapé, не обращая никакого вниманія на осклабляющійся скелетъ, и не помнили, какъ долго просидѣли такимъ образомъ.

Столько надо было спросить и разсказать, столько разъяснить, что стало смеркаться, а мы этого и не замѣчали.

— Bäschen, Bäschen,—укорялъ я ее,—ты могла бы обратиться къ дядѣ, вмѣсто того, чтобы бѣжать на чужую сторону и

оставить меня умирать съ тоски и страха. Отчего тебѣ не пришло въ голову обратиться за покровительствомъ къ дядѣ?

— Я часто объ этомъ думала,—отвѣчала она, теребя свой хорошенькій передникъ,—но вѣдь ты знаешь, что ты мѣшалъ.

— Я? Боже мой, да я былъ бы твой рабъ, я бы защитилъ тебя, я бы умеръ за тебя.

— А самъ былъ грубъ со мной; бѣжалъ отъ меня, о! Густавъ, какъ это ты не догадался о моей тайнѣ?

— Потому что я дуракъ, а можетъ быть потому, что я былъ занятъ только тѣмъ, чтобы не выдать свою.

— Должно быть, тоже было и со мной, — сказала Гильда задумчиво,—какіе мы съ тобой умники! какъ мы хорошо таились другъ отъ друга! Такъ хорошо, что могли бы и никогда не угадать, въ чемъ дѣло... никогда, никогда.

— Поэтому-то ты и не пришла къ дядѣ?

— Да, я не могла идти къ нему, такъ какъ не желала выдать свою тайну, а потому сочла за лучшее уѣхать подальше отъ всѣхъ.

Подальше отъ всѣхъ! Глупецъ я, глупецъ! Моя нелѣпая застѣнчивость такъ же, какъ мачихины побои выгнали ее изъ дому. Но какъ могъ я догадаться, что и она любитъ меня?

Мы заговорили о дядѣ и о лавкѣ, и о ракахъ, которыхъ ей не пришлось ѣсть. Я узналъ, что она доставала себѣ пропитаніе разными вышивками, въ которыхъ была мастерица, и что разъ или два головка ея послужила моделью для живописцевъ такъ какъ въ то время была мода на хорошенькія головки.,

— Но я бы этого никогда не сдѣлала, еслибы не была такъ голодна. Люди въ Парижѣ не то, что у насъ дома, Густавъ.

— А ты уже бывала въ нашей мастерской? — съ испугомъ спросилъ я, вспомнивъ разбитныя рѣчи и нахальный смѣхъ Жерома.

— Нѣтъ; г. Фуршонъ пригласилъ меня на три сеанса. Сегодня долженъ былъ быть первый.

— И будетъ послѣднимъ. Ты не должна больше знаться съ этими чудовищами. Мы съ тобой покончили со всякими мастерскими и съ Парижемъ; мы вмѣстѣ уѣдемъ, милая кузина, домой, къ дядѣ, за прилавокъ, къ тюкамъ съ полотнами. Пойдемъ.

Я вдругъ испугался, что живописцы вернутся. Какой, однако, я дуракъ, что такъ долго оставался въ мастерской.

И дѣйствительно, только-что мы встали съ дивана, какъ дверь отворилась, и Ланишъ, въ шляпѣ на бекрень, появился на порогѣ.

— Tiens, tiens,—сказалъ онъ,—des tourterelles! Какой пріятный сюрпризъ! Что вы прилетѣли въ окно! Ахъ, понимаю!—по-

дошелъ онъ ближе,—это Жеромовская „пошлая Гретхенъ"; ну, картина не удастся, le pauvre Méphisto провалится рядомъ съ ней; она недостаточно пошла.

При видѣ его краснаго лица и сверкающихъ глазъ, Гильда, задрожавъ, прижалась ко мнѣ.

— Добраго вечера, monsieur Ланишъ,—сказалъ я такъ холодно, какъ только могъ:—моя двоюродная сестра и я уходимъ домой, пожалуйста, пропустите меня.

Я взялъ ее подъ руку и направился къ двери, но Ланишъ, подзадоренный виномъ, не хотѣлъ такъ легко сдаться.

— Doucement, — сказалъ онъ, преграждая намъ дорогу,— позвольте васъ спросить, кто здѣсь хозяинъ: я или вы?

— Я вамъ сейчасъ это покажу, если вы меня тотчасъ же не пропустите,—яростно закричалъ я.

— Вотъ еще! вы хотите увести модель, которая должна прославить картину Жерома? Pas si bête!

— Она не модель Жерома,—пытался я оттолкнуть его: — она моя двоюродная сестра и невѣста.

— Rien que ça?—захихикалъ Ланишъ:—я не одобряю поспѣшныхъ помолвокъ; это неблагоразумно. Дайте-ка мнѣ взглянуть на нее? Что она прячетъ свое лицо? Ah ça! меня не даромъ зовутъ Бертранъ Ланишъ и я...

Онъ протянулъ руку, точно собираясь взять ее за подбородокъ, но тутъ самообладаніе покинуло меня. Мои руки, на которыя я привыкъ глядѣть, какъ на безполезные придатки, внезапно оказались весьма нужными орудіями. Я больше не сомнѣвался въ ихъ назначеніи; я сразу сообразилъ, что онѣ существуютъ для того, чтобы поколотить этого дерзкаго парижанина.

Минутная борьба, а затѣмъ этотъ совершенный художникъ уже лежалъ на спинѣ на полу, слабо ругаясь, но вполнѣ обезсиленный.

— Скорѣе, Гильда, скорѣе, пока не вернулся другой.

— Но ты безъ сюртука,—замѣтила Гильда, а на дворѣ идетъ дождь.

Я вспомнилъ, что мой сюртукъ былъ взятъ Жеромомъ, а потому, схвативъ первую попавшуюся драпировку, завернулся въ нее и, взявъ Гильду за руку, поспѣшно сбѣжалъ съ нею съ лѣстницы.

На полдорогѣ намъ попался Жеромъ навстрѣчу, но къ счастью онъ былъ такъ пьянъ, что не узналъ меня, и мы безпрепятственно продолжали путь.

Когда мы вышли на улицу, уже совсѣмъ стемнѣло. Я позвалъ фіакръ и сѣлъ въ него съ кузиной.

Насъ не преслѣдовали и черезъ сутки мы навѣки разстались съ Парижемъ и съ искусствомъ, и на колѣняхъ передъ дядюшкой просили его благословенія.

Я имѣлъ еще одну только вѣсточку отъ гг. Ланишъ и Фуршонъ: то былъ счетъ на двадцать франковъ, за „египетскій плащъ", который я второпяхъ унесъ вмѣсто своего сюртука, но я взялъ на себя смѣлость не заплатить по немъ и меня больше не безпокоили. Я храню „египетскій плащъ" на память о томъ, какъ меня учили живописи въ Парижѣ.

Написалъ ли Жеромъ своего „Мефистофеля съ Гретхенъ" — я не знаю; знаю только одно, что не найти ему Гретхенъ прекраснѣе той, которую я увезъ изъ Парижа; ея чудная красота и ангельскія качества души... но, впрочемъ, дядя говоритъ, что и это Einbildung.

А. Э.

СВОБОДА
ВНѢШНЕЙ ТОРГОВЛИ И ПРОТЕКЦІОНИЗМЪ

Слово „протекціонизмъ" употребляется иногда въ широкомъ смыслѣ, разумѣя подъ нимъ всякое вмѣшательство государства въ экономическую жизнь для защиты ли интересовъ какого-либо класса или для развитія національнаго производства и торговли. Но обычное значеніе этого слова—болѣе тѣсное. Когда употребляютъ его безъ дальнѣйшихъ поясненій, подъ нимъ разумѣется покровительство національной промышленности путемъ запрещеній и стѣсненій посредствомъ пошлинъ привоза иностранныхъ товаровъ. Такой ограниченный смыслъ даемъ и мы слову протекціонизмъ въ нашемъ изложеніи.

Самой ранней системой, на которой основывалась регламентація внѣшней торговли, была такъ-называемая система меркантилизма. Меркантильная система видѣла всю выгоду внѣшней торговли лишь въ ввозѣ денегъ, давала искусственное поощреніе вывозу товаровъ и стѣсняла ихъ ввозъ. Единственными исключеніями изъ этого общаго правила были тѣ, которыя вытекали изъ самой системы: для матеріаловъ и орудій производства допускался свободный ввозъ и запрещался ихъ вывозъ. Дѣлалось это съ той цѣлью, чтобы мануфактуристы, дешевле снабжаясь элементами производства, могли дешевле продавать и потому больше вывозить.

Преувеличенный взглядъ меркантилистовъ на значеніе благородныхъ металловъ и ошибочность ихъ политики внѣшней торговли давно уже разъяснены. Теперь главнымъ основаніемъ регламентаціи внѣшней торговли служитъ покровительство отечественной промышленности. Покровительство это выражается здѣсь

въ запрещеніи или стѣсненіи, посредствомъ пошлинъ, привоза тѣхъ иностранныхъ товаровъ, которые могутъ производиться въ самой странѣ.

Какой же несомнѣнный и вмѣстѣ съ тѣмъ важнѣйшій результатъ запрещенія или стѣсненія пошлиной привоза иностранныхъ товаровъ? Несомнѣнный и важнѣйшій результатъ такой торговой политики состоитъ въ томъ, что страна производитъ покровительствуемые товары съ тратою бо̀льшаго количества труда и капитала, нежели какое требовалось на производство предметовъ, отдававшихся въ обмѣнъ за иностранные товары до запрещенія или стѣсненія пошлиною ввоза послѣднихъ. Слѣдовательно, теряютъ не только всѣ потребители покровительствуемыхъ товаровъ, вслѣдствіе возвышенія цѣны имъ, теряетъ также вся страна чрезъ уменьшеніе производительности ея труда. Таковы вредные для народнаго хозяйства результаты покровительственной системы тарифа.

Ради какихъ же интересовъ, блага которыхъ превышаютъ указанное зло, выступаютъ защитники покровительственныхъ пошлинъ?

Самый распространенный доводъ въ защиту покровительственныхъ пошлинъ таковъ, что уже имъ самимъ высказывается, что свобода торговли должна быть цѣлью, принципомъ, который можетъ подлежать лишь временному ограниченію. Говорятъ, именно, что введеніе на извѣстное непродолжительное время протекціонной пошлины имѣетъ мѣсто, когда страна представляетъ всѣ естественныя условія для акклиматизированія въ ней иностранной промышленности. Превосходство одной страны надъ другою въ извѣстной отрасли промышленности часто происходитъ лишь оттого, что первая страна начала заниматься ею раньше, а потому рабочіе ея пріобрѣли уже искусство и опытность въ этой отрасли промышленности, которыхъ не имѣютъ рабочіе другой страны. Но покровительство должно ограничиваться такими отраслями промышленности, относительно которыхъ есть очень основательная увѣренность, что покровительствуемое дѣло черезъ нѣсколько времени будетъ въ состояніи обойтись безъ покровительства; и никакъ не должно допускать въ отечественныхъ производствахъ ожиданія, что покровительство имъ будетъ продолжаться долѣе времени, необходимаго для хорошей провѣрки ихъ способности къ дѣлу.

По поводу защиты, въ такой формѣ, временной пошлины слѣдуетъ замѣтить прежде всего, что установленіе пошлины не есть единственное средство къ развитію въ странѣ извѣстной отрасли промышленности. Рядомъ съ протекціонизмомъ существуетъ много

другихъ мѣръ покровительства промышленности; а потому требованіе введенія пошлины получаетъ принципіальное оправданіе лишь когда будетъ доказано, что всякія другія мѣры или не достигаютъ цѣли, или требуютъ большихъ жертвъ. Важнѣйшія изъ такихъ мѣръ—тѣ, которыя накопляютъ и распространяютъ въ странѣ капиталъ знанія. Сюда относятся: учрежденіе ремесленныхъ школъ; образованіе техниковъ и мастеровъ для той или другой отрасли посредствомъ посылки ихъ за границу; раздача усовершенствованныхъ орудій и машинъ при надлежащемъ наставленіи въ употребленіи ихъ; устройство музеевъ, постоянныхъ и подвижныхъ; устройство мѣстныхъ выставокъ. Кромѣ распространенія въ народѣ знаній существуетъ не мало другихъ мѣръ къ развитію промышленности; такъ, напримѣръ, наше суконодѣліе развилось, благодаря обезпеченію производителямъ сбыта въ казну въ извѣстномъ количествѣ и по извѣстной цѣнѣ; наше винокуреніе плохо развивается, благодаря нераціональной акцизной системѣ; при небольшомъ вниманіи къ интересамъ населенія, наши огромные лѣса сѣверной полосы Россіи могутъ быть средоточіемъ разнообразныхъ лѣсныхъ промысловъ и фабрикацій, основанныхъ на обработкѣ лѣсныхъ продуктовъ. Словомъ, дѣйствительная жизнь, смотря по мѣстнымъ условіямъ и по входящей въ разсмотрѣніе промышленной отрасли, предлагаетъ много самыхъ разнообразныхъ мѣръ; общей же мѣрой для преуспѣянія промышленности въ странѣ является распространеніе въ народѣ техническихъ знаній.

Вышеприведенный доводъ въ пользу установленія покровительственной пошлины покоится на томъ основаніи, что развитіе извѣстной промышленности, для акклиматизированія которой страна представляетъ всѣ естественныя условія, затрудняется отсутствіемъ у отечественныхъ рабочихъ тѣхъ техническихъ знаній и навыковъ, какими обладаютъ иностранные рабочіе. Но, въ такомъ случаѣ, не раціональнѣе ли, не потребуетъ ли меньшихъ жертвъ подготовленіе рабочихъ къ данной отрасли промышленности путемъ техническаго обученія, вмѣсто развитія въ нихъ необходимыхъ знаній покровительственной пошлиной? Мы еще разъ повторимъ основное требованіе раціональной торговой политики: установленіе покровительственной пошлины можетъ быть оправдано лишь тогда, когда, во-первыхъ, есть очень основательная увѣренность, что покровительствуемое дѣло черезъ нѣсколько времени будетъ въ состояніи обойтись безъ покровительства, и, во-вторыхъ, когда доказано, что всякія другія мѣры къ развитію данной отрасли промышленности или не достигаютъ цѣли, или требуютъ большихъ

жертвъ. Покровительственная пошлина составляетъ несомнѣнное зло для націи. Если пошлина установлена правильно, покровительствуемое дѣло быстро развивается до способности свободной конкурренціи съ иностранцами, то и въ этомъ случаѣ протекціонизмъ есть принесеніе въ жертву интересовъ настоящаго поколѣнія интересамъ поколѣній будущихъ. Неправильно же установленныя пошлины, какъ это обыкновенно бывало и есть, несутъ съ собой много зла какъ настоящимъ, такъ и будущимъ поколѣніямъ. А потому, живущее поколѣніе, рѣшаясь вынести зло протекціонизма на своихъ плечахъ ради интересовъ будущихъ поколѣній, должно поступать въ такомъ дѣлѣ очень осмотрительно, иначе оно повредитъ и себѣ и потомству. Оно можетъ рѣшиться на установленіе пошлины лишь послѣ самаго внимательнаго, всесторонняго изслѣдованія дѣла со стороны спеціалистовъ науки и техники. И чѣмъ бѣднѣе народъ, тѣмъ бóльшую осторожность должно соблюдать правительство въ протекціонныхъ экспериментахъ.

Итакъ, покровительственная пошлина можетъ имѣть за себя разумные доводы, когда страна представляетъ всѣ естественныя условія для акклиматизированія извѣстной иностранной промышленности и когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, доказано, что всякія другія мѣры для развитія данной промышленности оказываются менѣе цѣлесообразными. Но спѣшимъ замѣтить: таково лишь теоретическое обоснованіе покровительственной пошлины. А кромѣ теоретическаго обоснованія пошлины громадную важность въ тарифномъ дѣлѣ имѣетъ элементъ практическій, а именно—какими способами изслѣдуются и рѣшаются въ странѣ вопросы о покровительствѣ. Теорія говоритъ: пошлина можетъ считаться раціонально обоснованной, когда, во-первыхъ, самое внимательное и всестороннее изслѣдованіе привело къ убѣжденію, что покровительствуемое дѣло черезъ нѣсколько времени будетъ въ состояніи обойтись безъ покровительства, и, во-вторыхъ, когда опять самое внимательное и всестороннее изслѣдованіе привело къ убѣжденію, что всякія другія мѣры къ развитію извѣстной отрасли промышленности или не достигаютъ цѣли, или требуютъ большихъ жертвъ. Само собой понятно, что изслѣдованіе такихъ трудныхъ вопросовъ требуетъ спеціальныхъ экономическихъ и техническихъ знаній, а потому можетъ быть поручено лишь совѣту извѣстныхъ экономистовъ и техниковъ. Требованія теоріи не будутъ выполнены, если протекціонное дѣло изслѣдуется въ канцеляріяхъ на основаніи бумажныхъ документовъ и опроса заинтересованныхъ въ дѣлѣ фабрикантовъ и заводчиковъ. Въ виду массы зла и ничтожной доли добра, которыя принесъ устанавливаемый канцелярскимъ путемъ

протекціонизмъ, правильнѣе стоять за полную свободу торговли, пока не учрежденъ органъ, самый составъ котораго обѣщаетъ всестороннее, безпристрастное и толковое изслѣдованіе промышленныхъ вопросовъ.

Второй доводъ въ защиту протекціоннаго тарифа заключается въ томъ, что такой тарифъ даетъ занятіе національному труду. При этомъ само собой предполагается, что часть рабочаго населенія не находитъ себѣ занятія или круглый годъ, обращаясь въ пауперовъ, или въ извѣстное время года, главнымъ образомъ зимою. Еслибы все населеніе было занято круглый годъ, тогда покровительственныя пошлины, создавая новыя отрасли промышленности, производили бы лишь перемѣщеніе труда изъ отраслей менѣе доходныхъ въ отрасли болѣе доходныя.

Если при введеніи пошлины ради акклиматизированія въ странѣ промышленности живущее поколѣніе приноситъ жертвы въ интересахъ будущихъ поколѣній, то, при установленіи пошлины съ единственною цѣлью дать занятіе труду—то есть, когда покровительствуемое дѣло не представляетъ шансовъ устоять въ предвидимое время въ конкурренціи съ иностранной промышленностью,—нарушаются интересы однихъ лицъ даннаго общества въ пользу другихъ, интересы потребителей въ пользу производителей. Покровительственныя пошлины, поднимая цѣну обложенныхъ предметовъ, вынуждаютъ производителей издѣлій, не пользующихся покровительствомъ, сбывать при обмѣнѣ свои продукты на менѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ было бы при отсутствіи пошлины. Повышеніе въ настоящее время въ Россіи таможеннаго тарифа на чугунъ, желѣзо, пряжу, ситцы и другіе предметы крестьянскаго потребленія означаетъ принужденіе властью государства многомилліоннаго крестьянскаго населенія сбывать по соотвѣтственно низшей стоимости хлѣбъ, скотъ и другіе земледѣльческіе продукты. Въ виду зла, причиняемаго пошлиною потребителямъ покровительствуемаго товара, установленіе пошлины ради расширенія занятія труду, можетъ быть оправдано лишь когда будетъ выяснено, что заработки, обѣщаемые населенію покровительствуемою промышленностью, превышаютъ ущербъ, причиняемый потребителямъ. Иначе можетъ случиться, что отъ пошлины будутъ проигрывать милліоны людей, а выигрывать всего какой-нибудь десятокъ тысячъ рабочихъ, да нѣсколько богатыхъ предпринимателей. Такъ, напримѣръ, если состоится предположенное у насъ высокое обложеніе чугуна, то тяжесть этой мѣры въ большей или меньшей степени испытаетъ на себѣ каждый изъ членовъ многомил-

ліонной крестьянской семьи, а выгоды отъ нея достанутся на долю небольшой горсти горнозаводскихъ рабочихъ, главнымъ же образомъ поступятъ въ карманы заводовладѣльцевъ.

Само собой очевидно, что изслѣдованіе и разсужденіе о томъ, выкупаетъ ли покровительственная пошлина выгодами производителей ущербъ потребителей, могутъ имѣть мѣсто лишь когда доказано, что цѣль, ради которой она установляется, именно: расширеніе поля занятій труда, будетъ достигнута. Введеніе пошлины на товары какой-либо отрасли промышленности привлекаетъ, въ виду бóльшихъ барышей, капиталы въ эту отрасль. Въ странѣ создается новое промышленное дѣло. Люди, не вникающіе въ экономическія явленія, видятъ созданіе въ странѣ новой промышленности и толкуютъ объ увеличеніи протекціонизмомъ поля занятій труда. Имъ и въ голову не приходитъ вопросъ: не произошло ли въ данномъ случаѣ простого перемѣщенія капитала, а съ нимъ и труда, изъ существовавшей уже промышленности въ новую; не произошло ли даже, при этомъ перемѣщеніи, сокращенія поля занятій труда, вслѣдствіе увеличенія цѣны на покровительствуемые товары и уменьшенія черезъ то спроса на нихъ?

Разсматривая вопросъ: можетъ ли покровительственная пошлина расширить поле занятія труда и, если можетъ, то при какихъ условіяхъ, слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду основную теорему политической экономіи, что размѣръ промышленности ограниченъ размѣромъ капитала, или, говоря иначе, размѣръ промышленности не можетъ быть больше того, насколько снабжена она матеріалами для обработки и пищею для прокормленія. „Эта истина,—говоритъ Милль,—такъ очевидна, что принимается за безспорную въ разговорной рѣчи. Но замѣчать иногда истину еще совершенно не то, что признавать ее всегда и не допускать мнѣній несогласныхъ съ нею. До послѣдняго времени законодатели и публицисты почти постоянно проводили и защищали мѣры, несогласныя съ этой аксіомою; до сихъ поръ чрезвычайно часто излагаются мнѣнія, несовмѣстныя съ нею... Такъ, напримѣръ, долго думали, что законы и правительства могутъ создавать промышленность, не создавая капитала. Правительство косвеннымъ образомъ можетъ въ извѣстной степени содѣйствовать тому, чтобы народъ дѣлался болѣе трудолюбивъ или успѣшность его труда увеличивалась; но думали, что правительство можетъ развивать промышленность не этимъ путемъ. Полагали, что хотя бы искусство и энергія работниковъ не увеличились, правительство все-таки можетъ создать большее количество промышленныхъ дѣлъ, не увеличивая запаса, на который производится промышленность.

Запретительными законами правительство прекращало ввозъ какого-нибудь товара; заставивъ тѣмъ производить этотъ товаръ дома, оно хвалилось, что обогатило страну новой отраслью промышленности, выставляло на похвальбу въ статистическихъ таблицахъ количество полученнаго продукта и труда, употребленнаго на производство, и объявляло всю эту сумму выигрышемъ для страны, доставленнымъ ей чрезъ запретительный законъ. Въ Англіи политическая ариѳметика этого рода нѣсколько потеряла свой кредитъ, но у націй континентальной Европы она еще процвѣтаетъ. Еслибы законодатели понимали, что размѣръ промышленности ограниченъ размѣромъ капитала, они понимали бы, что когда масса капитала страны не увеличилась, то часть капитала, обращенная ихъ законами на новопріобрѣтенную отрасль промышленности, отнята у какой-нибудь другой отрасли, въ которой она давала занятіе, вѣроятно, почти такому же количеству труда, какому даетъ занятіе въ новомъ дѣлѣ".

Такимъ образомъ, когда количество капитала въ странѣ не возросло, установленіе покровительственной пошлины не увеличиваетъ сферу занятій труда, а производитъ лишь простое перемѣщеніе труда.

Теперь спрашивается: расширяется ли поле занятія труда отъ установленія покровительственной пошлины при условіи возрастанія капитала? Здѣсь надо различать два состоянія дѣлъ: эмиграцію капитала и отсутствіе ея.

Есть страны, какъ, напримѣръ, Англія, Голландія, откуда происходитъ постоянная эмиграція капитала для помѣщенія его болѣе выгодно въ промышленности и фондахъ другихъ странъ. Весьма вѣроятно, что еслибы Англія ввела у себя въ настоящее время такія покровительственныя пошлины на нѣкоторые предметы ввоза, которыя сулили бы бо́льшіе барыши отъ покровительствуемыхъ отраслей промышленности, эмиграція капитала уменьшилась бы и расширилось бы поле занятія труда. Но англичане не увлекаются этой перспективой, полагая, что масса зла для страны отъ такой мѣры превышаетъ ожидаемую отъ нея пользу.

Когда капиталъ не бѣжитъ изъ страны, что́ имѣетъ мѣсто въ нашемъ отечествѣ, это означаетъ, что онъ находитъ себя достаточно выгодно помѣщеннымъ дома. А потому притязаніе защитниковъ новой покровительственной пошлины или повышенія существующей въ интересѣ расширенія поля занятій труду получаетъ основаніе лишь когда будетъ доказано, что безъ этой мѣры дальнѣйшее накопленіе капитала, не находя себѣ достаточно выгоднаго помѣщенія въ отечествѣ, вызоветъ эми-

грацію капитала. Накопленіе капитала, которое нашло бы себѣ помѣщеніе въ отечественной промышленности безъ всякихъ протекціонныхъ мѣръ, обращается большей или меньшею частью на производство товаровъ, на которое вводится, существуетъ или повышается покровительственная пошлина, въ виду обѣщаемыхъ такимъ производствомъ, хотя бы и временно, бо́льшихъ барышей; но обращеніе капитала въ покровительствуемыя отрасли промышленности, при указанномъ положеніи дѣла, не расширяетъ поля занятія труда, а порождаетъ только перемѣщеніе труда. Вмѣсто развитія естественныхъ странѣ промышленныхъ отраслей, возникаютъ и расширяются искусственно созданныя протекціонизмомъ занятія, продукты которыхъ страна получаетъ по болѣе дорогой цѣнѣ сравнительно съ пріобрѣтеніемъ ихъ отъ иностранцевъ въ обмѣнъ на національные товары. Отъ этого теряетъ вся страна, такъ какъ благосостояніе ея уменьшается, а выигрываетъ лишь кучка предпринимателей на бо́льшихъ барышахъ, которые они извлекаютъ изъ покровительствуемыхъ отраслей промышленности. Когда же, съ теченіемъ времени, прибыль въ покровительствуемыхъ отрасляхъ сравнивается съ прибылью въ занятіяхъ непокровительствуемыхъ, тогда исчезаютъ и выгоды кучки предпринимателей; въ результатѣ получается одна лишь потеря. Тогда—обыкновенное явленіе—хозяева покровительствуемыхъ занятій начинаютъ домогаться повышенія пошлины, маскируя при этомъ свои личные интересы громкими фразами объ интересахъ національной промышленности и о доставленіи заработка рабочимъ.

Такое именно явленіе происходитъ въ настоящее время въ нашемъ отечествѣ: предъ нашими глазами совершается по истинѣ оргія протекціонизма. Фабриканты и заводчики наперерывъ требуютъ повышенія, во вредъ странѣ, установленныхъ и притомъ черезъ-чуръ громадныхъ, поощряющихъ тѣмъ самымъ техническую рутину, пошлинъ. Хочется вѣрить, что они умѣрили бы свои инстинкты наживы, еслибы понимали, какое большое зло народу и всей странѣ принесетъ удовлетвореніе ихъ требованій. Можно ли ожидать эмиграціи капитала изъ нашего отечества, когда процентъ на него у насъ вдвое выше, чѣмъ въ Англіи, и значительно выше, чѣмъ въ любой западно-европейской странѣ. Всѣмъ извѣстно, что мы никогда не имѣли избытка капитала. Можно ли говорить, что безъ покровительственныхъ пошлинъ, капиталъ нашъ не нашелъ бы себѣ выгоднаго дѣла дома и ушелъ бы за границу, когда огромныя естественныя богатства страны остаются неэксплуатированными и присущія странѣ, по ея естественнымъ свойствамъ, отрасли промышленности глохнутъ или развиваются медленно бла-

годаря именно недостатку капиталовъ въ нашемъ отечествѣ! Лѣсныя производства, каковы: строительные матеріалы, поташъ, деготь, скипидаръ—упали; салотопенное производство упало; производство кожъ упало; мельничное, льняное и пеньковое производство, сыровареніе, винодѣліе, угольное дѣло—развиваются туго. Суконное производство процвѣтаетъ въ царствѣ польскомъ и остановилось развитіемъ въ чисто русскихъ губерніяхъ. Проведите пути сообщенія въ горнозаводскую мѣстность, станьте на уровень западно-европейской техники, и наше желѣзо не допуститъ иностраннаго во всѣ внутреннія и восточныя губерніи. Всѣ эти производства открываютъ обширное поприще помѣщенію капитала, но онъ обходилъ и обходитъ ихъ, притягиваемый протекціонной системой къ менѣе производительнымъ, а потому и убыточнымъ для страны отраслямъ промышленности, обѣщающимъ, хотя бы и временно, большіе барыши.

Слѣдующій доводъ въ пользу протекціонныхъ пошлинъ относится къ земледѣльческимъ странамъ, которыя вывозятъ за границу сырье въ обмѣнъ на мануфактурныя произведенія. Протекціонисты, основываясь на ученіи Либиха, доказываютъ, что истощеніе почвы есть судьба всѣхъ исключительно земледѣльческихъ государствъ, ибо страна, вывозящая массу зерноваго хлѣба, вывозитъ въ немъ производительныя части почвы, а потому для устраненія или, по крайней мѣрѣ, для уменьшенія истощенія почвы страны, государство должно всѣми мѣрами, въ томъ числѣ и таможенными пошлинами, содѣйствовать развитію обработывающей промышленности.

По поводу этого довода протекціонистовъ прежде всего замѣтимъ, что вывозъ зерноваго хлѣба въ обмѣнъ на фабрикаты истощаетъ почву лишь въ томъ случаѣ, если посредствомъ животнаго и минеральнаго удобренія не возвращается въ почву взятое у нея производительное содержаніе. Возвращается ли почвѣ взятое у нея — это зависитъ отъ стоимости сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, стоимости удобренія, отъ благосостоянія поселянъ-собственниковъ и, обусловливаемаго благосостояніемъ, количества скота у нихъ.

Но, положимъ, рѣчь идетъ о введеніи протекціонныхъ пошлинъ въ такой странѣ, гдѣ почва не получаетъ эквивалента за взятое у нея и вывезенное за границу сырье. Каковы будутъ послѣдствія примѣненія здѣсь пошлинъ съ цѣлью уменьшить истощеніе почвы?

Чтобы цѣль, ради которой въ данномъ случаѣ вводится протекціонная пошлина, была достигнута несомнѣнно, требуется, чтобы

возникшія въ странѣ, благодаря пошлинѣ, отрасли обработывающей промышленности привлекли къ себѣ не только свободныя рабочія руки, но перемѣстили также часть сельскаго населенія изъ земледѣльческихъ занятій въ промышленность обработывающую, результатомъ чего явится уменьшеніе площади воздѣлываемой земли и сокращеніе количества вывоза сырья. Сокращеніемъ вывоза производительныхъ частицъ почвы уменьшается ея истощеніе. Но этотъ благопріятный результатъ достигается не даромъ; онъ достигается на счетъ увеличенія количества труда въ дѣлѣ пріобрѣтенія тѣхъ предметовъ обработывающей промышленности, которые прежде получались изъ-за границы въ обмѣнъ на сырье, а съ введеніемъ пошлины создаются внутреннимъ производствомъ. Итакъ, уменьшеніе истощенія почвы посредствомъ пошлинъ на ввозимые товары достигается лишь чрезъ увеличеніе стоимости пріобрѣтенія предметовъ обработывающей промышленности. Рѣшеніе вопроса: какое изъ этихъ двухъ золъ меньшее, зависитъ отъ большого количества соображеній, обусловливаемыхъ мѣстомъ и временемъ. Главнѣйшимъ же образомъ здѣсь надо принять во вниманіе, насколько увеличится стоимость пріобрѣтенія предметовъ, приготовляемыхъ отраслями промышленности, порожденными пошлиною. Слишкомъ большая жертва въ этомъ отношеніи можетъ настолько ухудшить матеріальное положеніе народа, что ослабленіе истощенія почвы, происходящее отъ сокращенія вывоза сырья, представится пустякомъ сравнительно съ истощеніемъ почвы отъ уменьшенія у земледѣльцевъ количества скота. Далѣе, при обсужденіи даннаго вопроса весьма важно обратить вниманіе на то—не имѣетъ ли государство средствъ уменьшать истощеніе почвы другимъ болѣе вѣрнымъ и болѣе производительнымъ путемъ, а именно, чрезъ поднятіе благосостоянія крестьянскаго населенія и увеличеніе тѣмъ самымъ количества скота у этого класса.

Установленіе пошлины на заграничныя обработанныя произведенія съ цѣлью уменьшить вывозъ сырья представляетъ особенно большую опасность въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ уже существуютъ различныя отрасли обработывающей промышленности, обладающія всѣми естественными условіями для дальнѣйшаго развитія. Причины большой опасности отъ установленія здѣсь таковой пошлины заключаются въ слѣдующемъ. Чтобы вызвать въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ, путемъ протекціонныхъ пошлинъ, новыя отрасли промышленности, когда уже существуютъ многообразныя производства, обладающія всѣми естественными условіями для дальнѣйшаго развитія безъ всякаго покровительства и откры-

вающія тѣмъ самымъ обширное поприще наростающему капиталу, необходимо установить такую пошлину, при которой капиталъ получилъ бы увѣренность въ извлеченіи имъ большей прибыли изъ вновь создаваемыхъ пошлиною отраслей промышленности, сравнительно съ прибылью, получаемою капиталомъ изъ существующихъ производствъ. Вслѣдствіе этого наростающій капиталъ будетъ вливаться въ вновь возникшія, болѣе прибыльныя производства. Если наростаніе капитала въ странѣ не идетъ такъ быстро, чтобы удовлетворить потребность въ немъ какъ производствъ, обладающихъ всѣми естественными условіями для развитія безъ покровительства, такъ и производствъ, вызванныхъ къ жизни искусственнымъ путемъ, то помѣщеніе капитала въ послѣднія будетъ совершаться на счетъ развитія первыхъ. Такимъ образомъ, цѣль, ради которой была установлена протекціонная пошлина, не будетъ достигнута, ибо произойдетъ простое перемѣщеніе капитала и труда изъ однихъ отраслей обработывающей промышленности въ другія, а площадь воздѣлываемой земли или совсѣмъ не уменьшится или уменьшится въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ, ибо такой порядокъ явленій не сопровождается переходомъ земледѣльческаго труда въ сферу обработывающей промышленности. Сокращеніе привоза изъ-за границы предметовъ протекціонируемыхъ производствъ замѣстится привозомъ товаровъ тѣхъ отраслей промышленности, которыя представляютъ всѣ естественныя условія для развитія ихъ въ странѣ, но, вслѣдствіе эмиграціи изъ нихъ капитала или недостаточнаго прилива его, отстанутъ въ техникѣ и откроютъ тѣмъ конкурренцію иностраннымъ товарамъ. Итакъ, въ результатѣ уменьшеніе истощенія почвы не будетъ достигнуто, а страна, отъ такой экономической политики, понесетъ потери, такъ какъ вмѣсто развитія естественныхъ странѣ производствъ искусственно вызываются къ жизни и поддерживаются пошлиною промышленности, въ которыхъ трудъ менѣе производителенъ, чѣмъ въ первыхъ.

Такое положеніе дѣла представляетъ Россія. Хотя у насъ никогда не вводились пошлины ради уменьшенія истощенія почвы, но наши протекціонисты въ числѣ своихъ доводовъ приводятъ и тотъ, что пошлины, вызывая и поддерживая различныя отрасли промышленности, отвлекаютъ трудъ отъ земледѣльческихъ занятій и тѣмъ уменьшаютъ вывозъ хлѣба за границу.

Увѣреніе протекціонистовъ, что пошлины уменьшаютъ у насъ вывозъ хлѣба за границу, имѣло бы основаніе лишь въ томъ случаѣ, еслибы наростающій капиталъ не могъ найти себѣ приложенія къ присущимъ Россіи, по ея естественнымъ свойствамъ, отраслямъ

промышленности, еслибы продукты этихъ промышленныхъ отраслей, при примѣненіи къ нимъ уже добытыхъ техникою открытій и усовершенствованій, не могли вытѣснить иностранные товары того же рода изъ внутренняго рынка и найти себѣ сбытъ за границу. Между тѣмъ, экономическія условія нашего отечества представляютъ вполнѣ обратное положеніе дѣлъ. Мы уже имѣли случай указать выше, что въ Россіи существуютъ естественныя условія для развитія разнообразныхъ производствъ, открывающихъ обширное поприще помѣщенію капитала; и если капиталъ обходилъ и обходитъ ихъ, то лишь потому, что притягивается протекціонной системой къ менѣе производительнымъ, а потому и убыточнымъ для страны промышленнымъ отраслямъ, но обѣщающимъ ему бо̀льшіе барыши. Не отвлекайся капиталъ отъ соотвѣтствующихъ Россіи отраслей обработывающей промышленности въ производства, искусственно создаваемыя протекціонными пошлинами, тогда нѣсколько сотъ тысячъ рабочихъ, занятыхъ нынѣ въ покровительствуемыхъ производствахъ, работали бы въ промышленныхъ отрасляхъ, соотвѣтствующихъ физическимъ условіямъ нашего отечества, и предметы, вырабатываемые нынѣ протекціонируемыми производствами, мы получали бы изъ-за границы въ обмѣнъ на наши обработанныя произведенія по меньшей стоимости; иначе сказать, Россія получала бы ежегодно въ обладаніе большее количество предметовъ, то - есть, была бы богаче. Такимъ образомъ, пошлины для развитія обработывающей промышленности въ Россіи производятъ перемѣщеніе капитала и труда лишь въ сферѣ обработывающей промышленности и нимало не способствуютъ переходу земледѣльческаго труда въ промышленный, а слѣдовательно и не уменьшаютъ истощенія почвы.

Уменьшеніе въ значительныхъ размѣрахъ вывоза сырья изъ Россіи за границу посредствомъ протекціонныхъ пошлинъ могло бы быть достигнуто лишь чрезъ такой тарифъ, который имѣлъ бы почти запретительный характеръ. Но это повело бы за собой такое пониженіе производительности труда въ странѣ, такое возрастаніе цѣнъ на продукты обработывающей промышленности, что ослабленіе истощенія почвы, долженствующее явиться отъ устраненія вывоза сырья, было бы парализовано истощеніемъ почвы, какъ результатомъ обѣднѣнія народа.

Приступимъ къ разсмотрѣнію послѣдняго, сколько-нибудь серьёзнаго, довода въ пользу протекціонныхъ пошлинъ, довода, относящагося опять лишь къ земледѣльческимъ странамъ.

Страны исключительно земледѣльческія,—говорятъ сторонники протекціонныхъ пошлинъ,—всегда отличались вялостью мысли и отсталостью культуры. Коренную причину этого видятъ въ меньшей энергіи сношеній разбросаннаго сельскаго населенія сравнительно съ скученнымъ промышленнымъ населеніемъ, размѣщающимся по преимуществу въ городахъ и вблизи нихъ. Иниціаторами культуры до сихъ поръ были города и культура распространялась въ городскомъ населеніи раньше, нежели въ сельскомъ.

Справедливо, что городское населеніе, благодаря большей энергіи сношеній, быстрѣе воспринимало до сихъ поръ культуру, нежели сельское населеніе. Но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что бо́льшая способность къ воспринятію культуры рабочихъ, занятыхъ въ обработывающей промышленности и сосредоточенныхъ въ городахъ и промышленныхъ центрахъ, покупается, при настоящихъ порядкахъ производства, дорогою цѣною вырожденія ихъ физическихъ силъ, ихъ здоровья. Далѣе, изъ факта преобладанія до сихъ поръ культуры городовъ надъ селами едва ли можно выводить, какъ незыблемую истину, что среди сельскаго населенія представляется, при всякихъ условіяхъ, менѣе данныхъ къ распространенію въ ней культуры, сравнительно съ городской средой. Еще ни въ одной странѣ, исключая Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, не устроено хорошихъ школъ для образованія сельскаго населенія. Франція и Англія только приступаютъ къ этому дѣлу. Можетъ быть, опытъ покажетъ, что надлежащее школьное образованіе въ состояніи настолько же подготовить почву для распространенія культуры среди сельскаго населенія, насколько такая почва создается въ городахъ скученностью населенія и живыми черезъ то сношеніями. Соединенные Штаты Сѣверной Америки не жалуются, что ихъ сельское населеніе отстало въ культурѣ отъ массъ городского населенія. Не лишнее обратить вниманіе и на то, что по мѣрѣ возрастанія населенія увеличивается плотность его въ сельскихъ округахъ и, такимъ образомъ, постепенно уменьшается слишкомъ большая разница въ живости сношеній между населеніемъ городовъ и населеніемъ селъ.

Но оставимъ будущее и будемъ имѣть въ виду настоящее положеніе дѣлъ въ земледѣльческихъ странахъ, какъ, напримѣръ, наше отечество, когда сельское населеніе, и притомъ только меньшая его часть, обучается лишь грамотѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предположу, что читатель, ради ускоренія распространенія культуры, принадлежитъ къ сторонникамъ скученности рабочаго населенія въ городахъ и промышленныхъ центрахъ, хотя и знаетъ, что при

современныхъ порядкахъ производства и жилищныхъ условіяхъ, расширеніе обработывающей промышленности, возрастаніе числа городовъ и ихъ размѣровъ покупается физическимъ вырожденіемъ рабочаго класса. Теперь спрашиваемъ:—всегда ли покровительственныя пошлины способствуютъ расширенію обработывающей промышленности; а если не всегда, то при какихъ условіяхъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ всецѣло заключается въ сказанномъ нами при разборѣ предшествовавшаго довода протекціонистовъ. Ибо, какъ тамъ, такъ и здѣсь дѣло идетъ о перемѣщеніи части земледѣльческаго труда въ обработывающую промышленность; разница лишь въ цѣли этого перемѣщенія: тамъ перемѣщеніе имѣло цѣлью уменьшить истощеніе почвы, здѣсь увеличить городское населеніе. Чтобы не повторять всего сказаннаго, приведемъ лишь окончательный выводъ по вопросу о томъ, при какихъ условіяхъ протекціонныя пошлины могли бы повліять на увеличеніе въ Россіи городского населенія. Увеличеніе городского населенія посредствомъ протекціонныхъ пошлинъ могло бы быть достигнуто лишь чрезъ такой тарифъ, который имѣлъ бы почти запретительный характеръ. Но это повело бы за собой чрезвычайное пониженіе производительности труда въ странѣ или, что тоже, обѣднѣніе народа и уменьшеніе государственныхъ финансовъ. А развитіе народнаго богатства составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ въ дѣлѣ распространенія въ странѣ просвѣщенія и культуры.

Мы разсмотрѣли заслуживающіе вниманія доводы защитниковъ протекціонныхъ пошлинъ ради развитія національной промышленности [1]). Изъ разсмотрѣнія оказалось, что въ примѣненіи

---

[1]) Мы не касались въ нашемъ изложеніи пошлинъ, устанавливаемыхъ ради государственной безопасности, и такъ называемыхъ „пошлинъ возмездія", ибо онѣ не имѣютъ протекціоннаго характера. Еще Адамъ Смитъ признавалъ цѣлесообразность пошлинъ ради обороны страны. Въ настоящее время подъ эту рубрику можетъ подойти одно только приготовленіе оружія; да и это приготовленіе болѣе обезпечивается основаніемъ государственныхъ фабрикъ, нежели пошлинами. Когда въ оправданіе пошлинъ на ввозный хлѣбъ приводятъ необходимость обезпечить національную независимость, то этотъ аргументъ лишенъ всякаго значенія, по крайней мѣрѣ, для государствъ Европы въ современныхъ ихъ условіяхъ, такъ какъ ни одному изъ этихъ государствъ, даже въ случаѣ большой войны, не можетъ грозить опасность быть отрѣзаннымъ со всѣхъ сторонъ. „Пошлины возмездія (Retortionszölle) рекомендуются для тѣхъ случаевъ, когда есть вѣроятность побудить ими другія государства къ уничтоженію ограниченій ввоза. Подобныя пошлины ни мало не имѣютъ протекціоннаго значенія. Направленныя къ тому, чтобы произвести давленіе на другую страну, онѣ должны быть наложены на тѣ предметы, которые составляютъ важнѣйшія статьи вывоза данной страны. Такъ, напр., для Франціи всего чувствительнѣе было бы возвышеніе Англіей пошлины на вино.

къ нашему отечеству значеніе имѣетъ лишь первый въ нашемъ изложеніи и самый распространенный доводъ, заключающійся, какъ мы видѣли, въ томъ, что временная протекціонная пошлина должна быть признана полезною, когда ею облагаются предметы такой отрасли иностранной промышленности, къ акклиматизированію которой страна представляетъ всѣ естественныя условія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выяснено, что всякія другія мѣры къ развитію въ странѣ такой промышленной отрасли или не достигаютъ цѣли, или требуютъ большихъ средствъ.

Но если покровительственная пошлина въ современной Россіи имѣетъ раціональное значеніе лишь въ томъ случаѣ, когда она удовлетворяетъ высказаннымъ только-что требованіямъ, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ желательность немедленной отмѣны всѣхъ тѣхъ изъ существующихъ пошлинъ, которыя не удовлетворяютъ этимъ требованіямъ. Внезапная отмѣна существующихъ пошлинъ вызвала бы гибель многихъ предпріятій, потрясеніе всего процесса производства и кредита, была бы несправедливостью по отношенію къ предпринимателямъ и оставила бы безъ заработка массы рабочихъ. При такомъ положеніи дѣла пошлины могутъ быть устранены лишь путемъ постепеннаго пониженія ихъ. И это пониженіе должно совершаться съ крайней осмотрительностью и съ достаточно раннимъ предувѣдомленіемъ о томъ. Заранѣе заявленное пониженіе пошлинъ заставитъ промышленниковъ заблаговременно принять мѣры къ удешевленію издѣлій или же дастъ имъ возможность высвободить капиталы свои изъ предпріятій, которыя перестаютъ быть выгодными.

До сихъ поръ мы разсматривали вопросъ о теоретическомъ обоснованіи протекціонныхъ пошлинъ. Но въ тарифномъ дѣлѣ, кромѣ этого вопроса, важное значеніе имѣетъ еще самое устройство учрежденія, которому поручается управленіе пошлинами, и тѣ правила, которыми должно руководиться такое учрежденіе.

Предшествующее изложеніе показало намъ, какія сложныя явленія приходится изслѣдовать для рѣшенія вопроса о цѣлесообразности пошлины въ данное время на данный предметъ. Правильное рѣшеніе такой задачи требуетъ спеціальныхъ экономическихъ и техническихъ знаній; а потому, тарифное учрежденіе должно состоять изъ лицъ, извѣстныхъ своей компетентностью въ этихъ знаніяхъ и своимъ безпристрастіемъ. Сверхъ того, такое учрежденіе, въ интересахъ возможно бо́льшаго выясненія дѣла,

должно призывать экспертовъ, давать правительственнымъ предположеніямъ о перемѣнахъ тарифа самую широкую гласность и приглашать всѣхъ свѣдущихъ лицъ сообщать о нихъ свои замѣчанія правительству. Въ прежнія времена при пересмотрахъ тарифа, напримѣръ, въ 1867 году, такъ обыкновенно и велось дѣло: каждое слово экспертовъ и представителей правительства въ тарифной коммиссіи немедленно становилось общимъ достояніемъ и подвергалось разбору въ печати. Теперь пошла въ ходъ иная практика: скоро два года, какъ засѣдаетъ коммиссія по тарифнымъ вопросамъ, а между тѣмъ до сихъ поръ неизвѣстно ничего точнаго на счетъ ея намѣреній.

Важнѣйшія правила, которыми должно руководиться тарифное учрежденіе, суть слѣдующія:

1) Когда признано полезнымъ обложить пошлиною какіе-либо предметы иностраннаго ввоза, ради развитія національной промышленности, то величина этой пошлины должна быть такая, при которой по возможности сравнивалась бы средняя стоимость туземнаго производства съ средней стоимостью производства иностраннаго. При размѣрѣ пошлины ниже средней стоимости туземнаго производства, послѣднее не будетъ защищено отъ иностранной конкурренціи и пошлина не достигнетъ цѣли, ради которой установлена. Размѣръ пошлины выше средней стоимости туземнаго производства покровительствуетъ промышленной рутинѣ, апатіи, ибо, защищая туземное производство болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, отъ иностранной конкурренціи, отнимаетъ у промышленнаго класса побудительный стимулъ заботиться о развитіи техники и объ усовершенствованіи производства. „Извѣстный французскій экономистъ Мишель Шевалье, описывая дѣйствіе англо-французскаго торговаго договора 1860 года, прямо заявляетъ, что до этого договора, подъ вліяніемъ высокихъ покровительственныхъ пошлинъ за продолжительное время, французскія фабрики по большей части обладали лишь устарѣвшими и неудовлетворительными машинами, которыя значительно увеличивали стоимость производства. Торговый договоръ, значительно понизившій всѣ покровительственныя пошлины, заставилъ стряхнуть съ себя эту апатію, обновить машины, замѣнить ихъ болѣе усовершенствованными, и вообще нѣкоторая прибавка иностранной конкурренціи оказалась безусловно плодотворной для французскихъ мануфактуръ. Точно также Давидъ Уэльсъ, коммиссіонеръ Соединенныхъ Штатовъ, путешествуя по Европѣ и осматривая нѣкоторыя фабрики, имѣющія большія дѣла съ Америкой, не смотря на

высокія таможенныя пошлины, къ своему удивленію услышалъ на одной крупной мануфактурѣ, что она, бросая старыя машины и замѣщая ихъ новыми улучшенными образцами, цѣликомъ продаетъ старые механизмы въ Америку, гдѣ они и продолжаютъ спокойно работать подъ защитой высокаго тарифа“ [1]).

„Къ этому же вредному дѣйствію усиленнаго покровительства,—говоритъ московскій фабричный инспекторъ, проф. Янжулъ,—много аналогичныхъ примѣровъ можно было бы представить изъ современнаго положенія русской промышленности. Кому неизвѣстно изъ лицъ, близко-стоящихъ къ промышленности, что у насъ не рѣдкость встрѣтить фабрики, основанныя въ 40-хъ, 50-хъ годахъ и съ тѣхъ поръ не возобновлявшія машинъ, не смотря на всѣ усовершенствованія и на утилизацію труда, которая съ тѣхъ поръ достигнута путемъ улучшенія или увеличенія размѣровъ различныхъ механизмовъ. На однихъ и тѣхъ же бумагопрядильныхъ фабрикахъ мнѣ приходилось видѣть въ одно время въ дѣйствіи, только въ разныхъ зданіяхъ, „мюль-машины“ въ 400, 700 и 900 веретенъ, сработанныя за періодъ сорока лѣтъ. Такъ какъ расходъ на заработную плату при всѣхъ столь различныхъ по производительной силѣ машинахъ почти одинаковъ, то, очевидно, отсюда, что данное явленіе обязано своимъ происхожденіемъ лишь слишкомъ высокому размѣру прибыли, получаемому, благодаря полной защитѣ отъ иностранной конкурренціи, и что, даже при самыхъ несовершенныхъ въ техническомъ отношеніи машинахъ, прибыль эта достаточно велика, чтобы окупить предпріятіе“ [2]).

2) Когда покровительственная пошлина устанавливается ради акклиматизаціи извѣстной отрасли промышленности, обѣщающей черезъ нѣкоторое время сравняться по производительности съ такой же промышленностью у иностранцевъ, то долженъ быть заранѣе опредѣленъ срокъ, на который вводится пошлина. Опредѣленіе заранѣе срока—правило, рѣдко соблюдаемое практикой—имѣетъ весьма важное значеніе въ четырехъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, эта мѣра способна значительно парализовать ошибочные протекціонные эксперименты. Фабрикантъ, заводчикъ, мануфактуристъ вложатъ большой основной капиталъ въ дѣло, покровительствуемое лишь на опредѣленное заранѣе время, не прежде, какъ составятъ твердое убѣжденіе, что, по прошествіи назначеннаго срока, они будутъ въ состояніи конкуррировать съ ино-

[1]) Янжулъ Свободная торговля и покровительственная система. 1884 стр. 28.
[2]) Тамъ же.

странцами. Во-вторыхъ, эта мѣра неизбѣжно заставляетъ перенести въ отечество всѣ техническія усовершенствованія данной промышленности у иностранцевъ и, такимъ образомъ, устраняетъ лѣнь, безпечность, рутину хозяевъ промышленныхъ заведеній. Въ-третьихъ, этой мѣрой дѣлаются невозможными обычныя притязанія производителей на удержаніе существующей пошлины, основанныя на томъ, что они, производители, затратили огромные капиталы на дѣло въ разсчетѣ на очень долгое сохраненіе имѣющейся пошлины, и что отмѣна ея разоритъ ихъ и массы рабочихъ будутъ выкинуты на улицу. Въ-четвертыхъ, наконецъ, опредѣленіе заранѣе срока гарантируетъ общество отъ гнета покровительственныхъ пошлинъ въ теченіе многихъ десятковъ и даже сотни лѣтъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ прошлой и современной дѣйствительности.

И. Иванюковъ.

ИЗЪ ГЕЙНЕ

Задумчиво, изъ лона водъ,
Взглянула въ вышину лилея
И видитъ: мѣсяцъ, пламенѣя,
Въ лучѣ привѣтъ любви ей шлетъ.

Стыдясь, она головкой бѣдной
Склонилась къ трепетнымъ водамъ
И видитъ: тотъ же мѣсяцъ блѣдный,
Упалъ, дрожа, къ ея ногамъ.

А. Яхонтовъ.

МОСКОВСКАЯ СТАРИНА

I.

Византійское преемство.

Періодъ московскаго царства, XV—XVII вѣка, составляетъ совершенно своеобразную эпоху въ исторіи русскаго народа и народности. Историческія условія выдѣлили этотъ періодъ особеннымъ характеромъ, какъ государственно-общественнаго устройства, такъ и народнаго міровоззрѣнія, бытовыхъ понятій и нравовъ. Періодъ былъ такъ продолжителенъ, что онъ заслонилъ все предъидущее развитіе до такой степени, что сложившіяся въ немъ формы казались не только самимъ людямъ того времени, но и многимъ новѣйшимъ историкамъ и писателямъ, единственнымъ подлиннымъ складомъ русской народности. Такъ, это послѣднее категорически утверждаетъ новѣйшій консерватизмъ, для котораго мнимая мѣрка „истинно-русскихъ“ понятій и бытовыхъ формъ дается именно XVI—XVII-мъ вѣкомъ. Эта ссылка, фальшивая въ политическо-культурномъ смыслѣ, столько же фальшива и съ чисто-исторической точки зрѣнія. Въ сущности, старый московскій періодъ нашей исторіи былъ, разумѣется, лишь отдѣльный періодъ національной жизни, обставленный своими условіями и отношеніями, связанный, какъ бываетъ всегда въ исторіи, съ прошедшимъ и послѣдующимъ развитіемъ, но никакъ не однородный, не совпадающій съ ними, не обязывающій къ извѣстнымъ сужденіямъ о томъ и другомъ, и ни въ какомъ случаѣ не представляющій единственной, наилучшей и навсегда обязательной формы русской народности. Московская старина имѣетъ свое историческое объясненіе, свою причину бытія, но это не значитъ, чтобы русская

жизнь должна была и остановиться на ней, чтобы, напр., московская старина во всемъ превышала древній періодъ, такъ какъ была послѣ него; или чтобы послѣдующее время должно было сохранять именно ея характеръ, потому что она была раньше. Московскій періодъ былъ временнымъ историческимъ фазисомъ русской жизни, много занявшимъ у старины, много передавшимъ новому времени; но было бы грубымъ противорѣчіемъ здравому смыслу и всей исторіи утверждать, чтобы онъ одинъ далъ неизмѣнную мѣрку русской народности, быта и просвѣщенія.

Условія, окружавшія судьбу русскаго народа и народности въ среднемъ періодѣ, какъ мы въ другомъ мѣстѣ указывали, не были благопріятны или, вѣрнѣе, были въ высшей степени неблагопріятны. Таковы были татарское иго и его прямыя и косвенныя послѣдствія—угнетеніе народа, огрубѣніе нравовъ, почти полное прекращеніе просвѣщенія; упадокъ связей съ западомъ, гдѣ тогда былъ единственный источникъ научныхъ знаній; невольныя дѣла съ варварскимъ югомъ и востокомъ. Новые историки, развивая давнюю мысль Карамзина, убѣждаются, что именно татарское иго наложило свою печать на политическій складъ московскаго объединенія, которое окончилось полнымъ паденіемъ мѣстныхъ автономій, закрѣпощеніемъ всѣхъ сословій государства, и не вознаградило утратъ общественности никакими заботами о просвѣщеніи. Затѣмъ, историки обоихъ взглядовъ,—и тѣ, которые считали московское объединеніе исключительно слѣдствіемъ органическаго развитія русскаго политическаго начала; и тѣ, которые видѣли его основаніе въ татарскомъ игѣ,—не находили въ немъ никакихъ почти вліяній византійскихъ, которыя искони оставались въ русской жизни чисто книжными и отвлеченными. На этомъ нельзя не остановиться.

Надо отличить, во-первыхъ, вліянія собственно византійскія отъ чисто церковныхъ и обще-христіанскихъ. При первомъ введеніи христіанства, съ нимъ проникали новыя понятія о власти, неизвѣстныя древнему русскому быту. Ветхозавѣтная и евангельская исторія, которыя излагались уже въ исповѣданіи вѣры, внесенномъ въ начальную лѣтопись, говорили о власти, и именно власти царской, какъ о божественномъ установленіи: судьба еврейскаго народа была непосредственно устрояема самою божественною волею; евангельское ученіе говорило, примѣромъ самого Христа, о повиновеніи „власти кесаря". О томъ же учили апостольскія писанія: „всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется, нѣсть бо власти аще не отъ Бога, сущія бо власти отъ Бога учинены суть" (ап. Павелъ). Подъ вліяніемъ этихъ и по-

добныхъ положеній, постоянно излагаемыхъ въ церковномъ ученіи, княжеская власть переставала быть простымъ обычаемъ народнаго быта, и получала авторитетъ божественнаго установленія. Духовенство уже говорило Владиміру: „ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье“ [1]). Дѣйствительный бытъ, конечно, долго еще сохранялъ свой старый характеръ; самъ Владиміръ, какъ тутъ же замѣчаетъ лѣтопись, жилъ „по устроенью отьню и дѣдню“,—такъ долго еще жили и послѣдующіе князья; но можно было ожидать, что церковный авторитетъ, съ новыми представленіями духовенства о происхожденіи и значеніи власти, явится на помощь княжеской власти, когда она найдетъ возможнымъ выйти за предѣлы обычая,—какъ это впослѣдствіи и случилось. Церковное вліяніе впередъ должно было быть на сторонѣ княжеской власти и ея абсолютныхъ стремленій,—таковъ былъ ея характеръ въ самой Византіи.

Такъ какъ проводникомъ христіанства была у насъ греческая церковь, то въ ея посредствѣ стали именно сказываться черты собственно византійскія. Это было тѣмъ естественнѣе, что въ первое время мѣста въ высшей русской іерархіи были заняты прямо греками. Высчитано было, что въ періодъ до-татарскій изъ двадцати-трехъ митрополитовъ только трое были русскіе и трое неизвѣстнаго происхожденія, но семнадцать были греки; затѣмъ до 1448 года изъ десяти митрополитовъ было все-таки трое грековъ, и трое изъ южныхъ славянъ; наконецъ, митрополиты назначаемы были въ Константинополѣ, и даже и избираемые потомъ въ Россіи должны были посвящаться въ Константинополѣ. Въ первое время даже клиръ состоялъ частью изъ грековъ, частью изъ болгаръ. Духовенство являлось въ русской жизни цѣлымъ, неизвѣстнымъ прежде, сословіемъ, получавшимъ свои понятія и нравы изъ чужой среды: сословіе это не было закрытымъ, но вступавшій въ него обязательно принималъ его взгляды, и церковная жизнь являлась въ той обстановкѣ, какую она имѣла въ Византіи.

Эта связь съ греческой церковностью осталась на цѣлые вѣка, и въ до-петровской Россіи была особенно сильна; сначала Россія составляла просто одну изъ епархій константинопольской патріархіи, а послѣ, когда палъ уже Константинополь и Россія пріобрѣла самостоятельную патріархію, во внутреннихъ дѣлахъ русской церкви не однажды требовалось авторитетное рѣшеніе вселенскихъ патріарховъ, и особенно константинопольскаго. Ви-

---

[1]) Лаврент. лѣт., стр. 54.

зантійскій авторитетъ былъ таковъ, что въ первые вѣка, въ церковныхъ эктеніяхъ въ Россіи поминалось имя византійскаго императора—въ смыслѣ единственнаго по могуществу, верховнаго христіанскаго царя, и когда великій князь Василій Дмитріевичъ запретилъ это, то константинопольскій патріархъ отправилъ къ нему строгое внушеніе [1]). Эти навязчивыя вмѣшательства прекратились только съ возвышеніемъ московскаго княжества и съ паденіемъ самого Константинополя.

Естественно, что при такихъ отношеніяхъ весь характеръ русской церковной жизни складывался по образу византійскому. Начиная съ богослуженія до церковной жизни, монастырскихъ учрежденій, церковнаго законодательства, вездѣ источникомъ и образцомъ служила Византія. Греческіе отцы церкви, житія, номоканоны, сначала въ южно-славянскихъ, потомъ въ самостоятельныхъ русскихъ переводахъ, составили главный матеріалъ старой русской письменности и образецъ, которому неизмѣнно подражали русскіе церковные писатели,—а они были почти единственные русскіе писатели. Научное движеніе, въ самой Византіи вымиравшее и заслоненное церковной литературой — проповѣдью, полемикой, не отозвалось у насъ совершенно ничѣмъ, и русскіе подражатели вращались въ той же области чисто церковныхъ вопросовъ, полемики и аскетическаго нравоученія. Высчитано было также, что въ старыхъ русскихъ библіотекахъ, именно монастырскихъ, насколько онѣ извѣстны изъ сохранившихся старыхъ описей, наибольшую долю составляли книги богослужебныя и аскетическія, — это и была мѣрка старинваго чтенія. По различнымъ обстоятельствамъ, и въ томъ числѣ прямо по образцамъ византійской церковной литературы, аскетизмъ развивался въ господствующую черту старой русской письменности и наиболѣе авторитетной морали, какъ рядомъ съ тѣмъ выростало число монастырей и чрезвычайно размножалось монашество. Это отражалось и на религіозныхъ представленіяхъ цѣлой народной массы.

Въ бытовой жизни народа, византійское вліяніе сказалось нововведеніями законодательными, прямо дѣйствовавшими на бытъ. „Чуждая нашимъ предкамъ догма византійскаго права сдѣлалась не только канономъ, но и живымъ практическимъ источникомъ церковнаго и свѣтскаго судопроизводства",—по словамъ Калачова. Духовенство, сначала греческое, потомъ вмѣстѣ и туземное, явилось особымъ сословіемъ, рѣзко отличавшимся отъ другихъ сословій древней Руси. Выросшее въ догматахъ византійской церкви, утверж-

[1]) Acta Patriarch. Constant. II, 182—192; Макарій, Ист. церкви, т. V, прил. XI.

денныхъ неподвижно канонами св. апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и св. отцовъ, основательно знакомое съ свѣтскимъ византійскимъ правомъ, греческое духовенство являлось въ Россіи съ высокимъ понятіемъ о своемъ церковномъ и гражданскомъ достоинствѣ и должно было „смотрѣть съ внутреннимъ негодованіемъ и отвращеніемъ“ на положеніе вещей, встрѣченное имъ въ русской жизни, и должно было счесть своей обязанностью внушать князьямъ необходимость новыхъ началъ въ жизни не только церковной, но и гражданской. Первые князья, принявшіе новую вѣру, были усердные христіане; церковные іерархи стали ихъ близкими людьми, совѣтниками въ думахъ, посредниками въ ихъ раздорахъ; церковь уже вскорѣ пріобрѣтаетъ и нравственное вліяніе, и обширныя богатства, наконецъ прямую административную и судебную власть. Греческій номоканонъ, пришедшій, безъ сомнѣнія, съ первыми греческими іерархами, сначала, повидимому, прямо на греческомъ только языкѣ, и потомъ нѣсколько разъ переведенный на церковно-славянскій языкъ, входитъ важнымъ элементомъ въ русское законодательство наряду съ старымъ обычнымъ правомъ, нерѣдко наперекоръ ему, — такъ что историки русскаго права видятъ въ нашемъ законодательствѣ до самаго Уложенія царя Алексѣя Михайловича замѣчательную двойственность [1]).

Русская церковь возникла въ то время, когда только-что совершился окончательный и крайне враждебный разрывъ между Византіей и Римомъ, церковью восточной и западной. Первые проповѣдники не упустили предостеречь князя Владиміра отъ латинъ, къ которымъ сами питали уже ненависть. По крещеніи, греческіе учители преподали князю исповѣданіе вѣры по Синкеллу, но добавили наставленіе: „не преимай же ученья отъ латынъ, ихъ же ученье развращено“, и перечисливъ латинскія заблужденія, заключали: „ихъ же блюдися ученья—Богъ да сохранить тя отъ сего“ [2]). Такимъ образомъ съ первыхъ шаговъ церковнаго ученія начата полемика противъ латинства. Вскорѣ появляются литературныя полемическія произведенія, писанныя сначала греческими іерархами, а затѣмъ и русскими писателями, которые приняли буквально всю византійскую ненависть къ Риму и всѣ аргументы обличеній противъ латинства, и мало-по-малу достигнуто было то, что въ популярныхъ представленіяхъ латинство

---

[1]) Калачовъ, О значеніи Кормчей въ системѣ др. рус. права. М. 1850, стр. 2—9 и далѣе.

[2]) Лаврент. лѣт., стр. 49—50; Сухомлинова, О древней рус. лѣтописи, стр. 65—68.

стало такою же „поганою“ вѣрой, какой считались язычество или магометанство. Въ первые вѣка эта ненависть еще не успѣла овладѣть умами; продолжались извѣстныя сношенія съ западомъ—торговыя и промышленныя дѣла, призывы иноземныхъ мастеровъ, брачныя связи князей съ иностранными, католическими, домами, и т. п.; повидимому, все это еще не внушало опасеній за невредимость собственной вѣры, но чѣмъ дальше, тѣмъ больше „латина“ становилась и въ глазахъ народа „поганою“, сближеніе съ которою грозило душевному спасенію. Когда татарское нашествіе оторвало русскій сѣверо-востокъ отъ юга и запада, уединило будущій центръ государства отъ европейскихъ сношеній и оставило русскую жизнь собственнымъ силамъ, это преданіе старой церковности развилось до послѣдней крайности: догматическій споръ и церковно-политическое соперничество Византіи и Рима стали догматомъ самой народности,—христіанскій иновѣрецъ былъ приравненъ „поганому“, сношенія съ которымъ оскверняютъ человѣка и грозятъ душевной гибелью.

Церковные іерархи, какъ мы упомянули, съ самаго начала принимаютъ извѣстное участіе въ дѣлахъ; они обращаются къ князьямъ съ посланіями, состоящими отчасти въ поученіи, отчасти въ нѣкоторой лести; князья для нихъ — уже не тѣ правители, какихъ разумѣлъ народъ по старому бытовому преданію, а такіе властители, какихъ предполагали византійскія представленія о власти. Іерархи называютъ уже Владиміра „царемъ“ и „самодержцемъ“, „поставленнымъ отъ Бога“, какъ они привыкли это понимать по византійскому обычаю. Митрополитъ Никифоръ, въ посланіи къ Владиміру Мономаху о латинской вѣрѣ, замѣчаетъ, что князьямъ, „отъ Бога избраннымъ“, должно хорошо знать Христово ученіе и твердое основаніе церковное, чтобы они сами могли „послужить подпорами для святой церкви“; въ другомъ посланіи онъ называетъ его „доблестной главой нашей и всей христолюбивой земли“ и особенно указываетъ на самое происхожденіе Владиміра отъ царской и княжеской крови—такъ какъ мать Владиміра-Мономаха была изъ греческаго императорскаго рода [1]). Одинъ изъ древнѣйшихъ русскихъ проповѣдниковъ, новгородскій архіепископъ Лука, въ своемъ поученіи увѣщеваетъ: „Бога ся боите, князя чтите, раби первое Бога, таже господу“, т.-е. рабы во-первыхъ Бога, а потомъ господина, князя [2]). Съ этихъ поръ уже духовенство представляетъ себѣ княжескую власть не такъ,

[1]) Памятники Росс. словесности XII вѣка. М. 1821, стр. 153; Русскія Достопамятности. М. 1815, I, стр. 63.

[2]) Рус. Достопамятности, I, 10.

какъ народная масса, — а именно, съ чертами автократическими, и хотя ихъ долго еще не было на дѣлѣ, но постоянное повтореніе этой темы не могло наконец не оказыватъ вліянія, такъ что, когда и въ дѣйствительности княжеская власть въ Москвѣ стала приближаться къ единодержавію, въ умахъ уже была подготовлена идея самодержавнаго православнаго властителя, съ которой и совпала власть московскихъ князей... Соловьевъ, по взгляду котораго развитіе единодержавія совершалось естественнымъ путемъ какъ самобытная политическая потребность русской жизни, признаетъ однако, что въ его образованіи участвовало и воспитанное въ византійскихъ идеяхъ духовенство. „Проникнутое понятіями о власти царской, власти, получаемой отъ Бога и не зависящей ни отъ кого и ни отъ чего, духовенство по этому самому должно было находиться постоянно во враждебномъ отношеніи къ старому порядку вещей... не говоря уже о томъ, что усобицы княжескія находились въ прямой противоположности съ духомъ религіи, а безъ единовластія онѣ не могли прекратиться. Вотъ почему, когда московскіе князья начали стремиться къ единовластію, то стремленія ихъ совершенно совпали со стремленіями духовенства; можно сказать, что вмѣстѣ съ мечемъ свѣтскимъ, великокняжескимъ, противъ удѣльныхъ князей постоянно былъ направленъ мечъ духовный“ [1])... Въ другомъ мѣстѣ мы говорили о томъ, что духовенство играло немаловажную роль въ созданіи московскаго единовластія, въ которомъ имѣло и свой интересъ, какъ церковно-административный, такъ и чисто имущественный: отвлеченное основаніе къ этому союзу съ единодержавіемъ давали именно церковно-византійскія представленія объ автократическомъ монархѣ. Исторія возвышенія Москвы даетъ цѣлый рядъ фактовъ вмѣшательства іерарховъ и авторитетныхъ иноковъ въ княжескія отношенія въ пользу князя московскаго, на котораго, задолго до перваго дѣйствительнаго единодержавца, Ивана III, церковная іерархія переносила свои монархическія сочувствія. Естественно, что сами московскіе князья очень охотно брали на свой счетъ тѣ преимущества единой, Богомъ опредѣляемой власти, какія приписывались имъ московской іерархіей.

Извѣстно, какъ въ особенности первые московскіе митрополиты, начиная съ св. Петра, употребляли свой духовный мечъ противъ удѣльныхъ князей, противниковъ московскаго князя; извѣстно также, какъ дѣятельными пособниками Москвы становились монастыри и ихъ игумены, которые также прилагали свой

---

[1]) Ист. Россіи, IV, 2-е изд., стр. 88.

авторитетъ на вѣсы московскаго единодержавія. Извѣстны факты этого рода въ біографіи Сергія Радонежскаго, Пафнутія Боровскаго и въ особенности знаменитаго Іосифа Волоцкаго, который сталъ представителемъ цѣлой религіозно-политической партіи, служившей съ одной стороны исключительному единодержавію московскихъ князей, съ другой—матеріальному усиленію монашества (споръ о монастырскихъ имуществахъ).—Въ практической дѣятельности и въ писаніяхъ этихъ лицъ продолжались тѣ же византійскія представленія о власти, которыя наконецъ выражаются самымъ категорическимъ образомъ. Въ спорѣ Василія Темнаго съ Дмитріемъ Шемякой, первый отдаетъ дѣло на судъ духовенства, конечно, съ увѣренностью о результатѣ. Слѣдствіемъ этого обращенія было извѣстное посланіе къ Шемякѣ, гдѣ цѣлый синклитъ духовенства съ Ефремомъ, владыкой ростовскимъ, во главѣ грозно увѣщевалъ углицкаго князя отказаться отъ своихъ притязаній и покориться великому князю московскому. Въ началѣ, синклитъ напоминаетъ углицкому князю, какъ, по кознямъ „общаго нашего душегубнаго супостата и врага всему человѣческому роду, діавола", праотецъ нашъ Адамъ возмнилъ о равенствѣ съ Богомъ и какъ за это пострадалъ (!); какъ напрасно князь стремится получить то, что̀ ему не было „богодаровано" (т.-е. великое княженіе), и т. д., и въ заключеніе синклитъ грозитъ углицкому князю за неповиновеніе—проклятіемъ: „и аще не обратишися къ Богу и ко своему брату старѣйшему къ великому князю, съ чистымъ покаяніемъ и по Спасову глаголющему словеси, чюжъ будешь отъ Бога и отъ церкви божіей, и отъ православныя христіанскія вѣры, и части не имаши съ вѣрными, и не будетъ на тобѣ милости божіей... и по святымъ правиломъ проклятъ да будешь отъ святыхъ апостолъ и отъ святыхъ богоносныхъ отецъ, отъ всѣхъ седми вселенскихъ сборовъ, и въ конечную погибель да пойдеши" и пр. [1]). Такъ ставились политическіе вопросы еще въ половинѣ XV-го столѣтія, когда вопросъ московскаго единодержавія и самодержавія далеко не былъ рѣшенъ; очевидно притомъ, что способъ постановки вопроса, какой мы видимъ въ приведенномъ посланіи, явился теперь не въ первый разъ въ умахъ писавшихъ, а, напротивъ, къ тому времени былъ уже приготовленъ предшествующимъ развитіемъ идеи власти. Въ понятіяхъ іерархіи представленіе о московскомъ „царствѣ" было уже готово гораздо ранѣе, чѣмъ оно основалось въ дѣйствительности; несомнѣнно, что въ XV-мъ вѣкѣ оно не безъ указаній іерархіи становилось цѣлью

1) Акты историческіе, т. I, стр. 75—83.

стремленій самихъ князей и идеаломъ ихъ приближенныхъ. У последующихъ писателей, какъ, напр., у Іосифа Волоцкого, это представленіе является вполнѣ законченнымъ; нечего говорить о писателяхъ болѣе позднихъ, какъ грекъ Максимъ, какъ отенскій инокъ Зиновій, которые имѣли уже и въ дѣйствительности основаніе для возвеличенія единодержавной и безграничной московской власти.

Что взгляды древней іерархіи внушаемы были именно византійскими вліяніями, очевидно и изъ тѣхъ немногихъ примѣровъ, какіе были нами приведены. Постановленія церкви приходили къ намъ именно съ тѣми развитіями, примѣненіями и дополненіями, какія они получали въ жизни Византіи, подъ дѣйствіемъ ея условій и понятій; единственная литература, извѣстная нашимъ старымъ писателямъ и служившая имъ образцомъ и источникомъ поученій, была литература византійская; мы видѣли выше, какой процентъ нашей іерархіи составляли именно греки, конечно приносившіе свои привычныя понятія о строеніи общества и распространявшіе ихъ въ новой средѣ [1]).

Одну часть этого вопроса о византійскомъ вліяніи въ древней Руси взялъ тэмой своего изслѣдованія покойный кіевскій профессоръ Ф. А. Терновскій [2]). Въ одной части своего труда Терновскій собралъ тѣ свѣденія о византійской исторіи, которыя существовали въ древней русской литературѣ—по переводнымъ хронографамъ (какъ Малала, Георгій Амартолъ и его продолжатель, Манассія, Зонара), отдѣльнымъ повѣстямъ, наконецъ прологамъ и житіямъ святыхъ; затѣмъ, во второй части онъ говоритъ о непосредственномъ знакомствѣ русскихъ съ Византіею—черезъ русскихъ путешественниковъ и паломниковъ, ходившихъ въ Византію съ древнѣйшихъ временъ и до конца XVII-го вѣка, и черезъ грековъ, приходившихъ на Русь, и наконецъ собираетъ изъ старой русской письменности и самыхъ событій (до временъ Петра Великаго) многочисленные примѣры приложеній византійской исторіи или ссылокъ на нее по разнымъ случаямъ русской жизни... Авторъ называетъ ихъ тенденціозными: дѣйствительно, если нѣкоторыя ссылки на византійскую исторію бывали у нашихъ писателей только любопытнымъ сравненіемъ, то гораздо чаще это были ссылки сознательныя, которыя должны были служить извѣстнымъ

---

[1]) Вообще, много данныхъ о вліяніяхъ Византіи въ церковномъ, политическомъ, бытовомъ и образовательномъ отношеніи собрано въ трудолюбиво составленной книгѣ г. Иконникова: „Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи". Кіевъ, 1869.

[2]) Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси. 2 выпуска. Кіевъ, 1875—1876 (изъ „Унив. Извѣстій" 1874 г.).

русскимъ цѣлямъ—доставлять подтвержденіе церковному ученію или обычаю, доказывать законность извѣстнаго церковно-политическаго взгляда или мѣропріятія, что-либо оправдать или обвинить. Очевидно, Византія была авторитетъ, справка съ которымъ была безусловно доказательна; это былъ образецъ, которому должна была подражать другая православная земля. Въ самомъ дѣлѣ, это было знаменитѣйшее православное царство, которому принадлежало столько великихъ отцовъ церкви, гдѣ совершались вселенскіе соборы, гдѣ установлялась вся православная церковь, гдѣ были наконецъ столь славные свѣтскіе законодатели.

Пересмотрѣвши по возможности всѣ ссылки на византійскую исторію въ нашей древней письменности, Терновскій замѣчалъ, что въ періодѣ до-татарскомъ или даже до половины XV-го вѣка эти ссылки были немногочисленны, и тѣ, какія есть, не имѣли руководящаго или тенденціознаго значенія, а были скорѣе только аналогіей и сравненіемъ русской жизни съ давними событіями греческой исторіи. Причину такого характера этихъ ссылокъ Терновскій видѣлъ въ томъ, что Византія, еще не павшая, передавая Руси свои іерархическіе порядки и общественные принципы, могла дѣйствовать и дѣйствовала живымъ примѣромъ. „Всѣ несложные вопросы древне-русской жизни были предусматриваемы византійскою практикою, рѣшаемы іерархомъ грекомъ, скрѣпляемы уставами русскихъ князей, слагавшимися по образцамъ современнаго византійскаго законодательства. Можно сказать, что современная Византія большею частью давала отвѣты на вопросы древне-русской жизни прежде, чѣмъ возникали самые вопросы. Греки пользовались въ древней Руси полнымъ довѣріемъ и голосъ современной Византіи принимался нашими предками съ благоговѣйнымъ вниманіемъ и послушаніемъ... Достаточно было сказать: это противно греческому благовѣрному житію [1])—и вопросъ считался рѣшеннымъ. Спорныхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ движеніемъ религіозной жизни, въ древней Руси было вообще мало; но когда они возникали, то высшимъ безапелляціоннымъ судомъ считался судъ цареградскаго патріарха... Византія должна была напередъ умереть, чтобы поучать своимъ прошедшимъ, своею исторіею. И она умерла къ тому времени, когда на Руси сложилось московское государство, поставившее своею задачею воспроизвести въ себѣ вторую Византію, по образу и подобію первой“ [2]).

Но и прежде чѣмъ Византія умерла, въ результатѣ живыхъ,

---

[1]) Русскія Достопамятности, I, стр. 91.

[2]) Изученіе визант. ист. II, 125—126.

дѣловыхъ и книжныхъ сношеній образовалось уже такое настроеніе понятій, что послѣ паденія Византіи Россія стала представляться ея непремѣнной и единственной преемницей. Терновскій указываетъ въ древнемъ періодѣ тотъ, отмѣченный нами въ другомъ мѣстѣ, фактъ, что, когда новое христіанство боролось противъ язычества, то наши писатели не только сравнивали его съ язычествомъ древне-греческимъ, но и просто отождествили ихъ, считали за одно и то же. Такимъ образомъ, въ нашихъ старыхъ памятникахъ, то греческія божества являются у русскихъ язычниковъ и двоевѣрцевъ, то русскія божества забираются на греческій Олимпъ, какъ „еллинскій старецъ Перунъ"; русское язычество именовалось „еллинствомъ", остатки русскаго двоевѣрія осуждались какъ „обычаи треклятыхъ еллинъ" [1]).

Къ половинѣ средняго періода готовилось другое отождествленіе. Когда Россія начинала оправляться отъ ига, когда татарскія царства слабѣли и можно было ожидать полнаго освобожденія, въ умахъ все сильнѣе выростало чувство достоинства православнаго государства. Съ паденіемъ византійской имперіи пало послѣднее православное царство на востокѣ, и Россія одна осталась представительницей православія. Приходъ греческой царевны въ Россію какъ будто наглядно указывалъ, что Москва остается одна пріютомъ стараго византійскаго преданія, и сверженіе ига закрѣпило мысль, что Москва есть дѣйствительно „третій Римъ". Костомаровъ замѣчалъ, что византійское вліяніе обнаружилось при Иванѣ III только тѣмъ, что онъ „сталъ воображать себя преемникомъ славы и величія православныхъ византійскихъ царей". Но дѣло именно въ томъ, что вовсе не онъ одинъ воображалъ это, а воображали также и всѣ книжные, руководящіе люди того времени въ московскомъ государствѣ.

Со второй половины XV-го вѣка, именно съ Ивана III, Терновскій отмѣчаетъ въ старой нашей письменности и въ политическихъ внутреннихъ дѣлахъ обильные примѣры сравненій и ссылокъ на Византію. Это и понятно, потому что теперь именно явились поводы въ разныхъ отношеніяхъ пользоваться примѣрами славнаго нѣкогда царства, параллелью и продолженіемъ котораго становилось государство московское. Ссылки на византійскую исторію дѣлались теперь по разнымъ поводамъ церковной и политической жизни—по вопросамъ о началѣ и значеніи монашества, о монастырскихъ имуществахъ, о мѣрахъ для истребленія ересей и укрощенія еретиковъ, о частныхъ церковныхъ дѣлахъ—о вдо-

[1]) Тамъ же, стр. 115.

выхъ священникахъ и т. п.; далѣе въ XVII-мъ столѣтіи—по дѣлу о патріархѣ Никонѣ, объ иконописаніи и исправленіи книгъ, по вопросу о преимуществѣ греческаго языка и просвѣщенія надъ латинскимъ и пр. Наконецъ, ссылки на византійскую исторію понадобились по вопросу о царской власти.

Сюда относится, напр. извѣстная легенда о шапкѣ Мономаховой и прочихъ царскихъ утваряхъ, дошедшихъ будто бы до московскихъ царей отъ Владиміра Мономаха, который получилъ ихъ отъ греческаго императора Константина Мономаха. Самый фактъ неизвѣстенъ древней лѣтописи и притомъ противорѣчитъ историческимъ даннымъ: временамъ русскаго князя Владиміра Мономаха отвѣчаетъ не правленіе Константина Мономаха (1042—53), а время Алексѣя Комнина (1081—1118). Между тѣмъ, русское сказаніе (занесенное и въ Никоновскую лѣтопись) разсказываетъ, что греческій императоръ, воевавшій тогда съ персами и латинами, чтобы сохранить миръ съ княземъ русскимъ, послалъ къ нему митрополита ефесскаго Неофита съ другими важными сановниками, которые должны были принести русскому князю дары византійскаго императора, а именно: „крестъ отъ животворящаго древа, и съемъ отъ своея главы вѣнецъ царскій, иже именуется Мономахова шапка, и крабицу сердоликову, изъ нея же Августъ царь римскій веселяшеся, и чепи златые и иные многіе царскіе дары". Неофитъ, пришедши къ Владиміру, передалъ ему слова императора: „проситъ царь отъ твоего благородія мира и любви, да церкви Божія безъ мятежа будутъ и все христіанство въ покои пребудетъ, подъ сущею властію нашего царства и твоего великаго самодержавства Великія Руси, да нарицаешися отселѣ боговѣнчанный царь". Митрополитъ Неофитъ вѣнчалъ князя Владиміра этимъ царскимъ вѣнцомъ, и съ тѣхъ поръ онъ назывался „Мономахомъ" и царемъ Великія Руси, а впослѣдствіи, по словамъ лѣтописи, этимъ вѣнцомъ вѣнчались всѣ князья владимірскіе, когда ставились на великое княженіе. Это сказаніе повторяется съ разными варіантами и съ тою же исторической ошибкой въ хронографахъ; авторъ „Синопсиса" замѣтилъ ошибку въ хронологіи и на мѣсто Константина Мономаха поставилъ Алексѣя Комнина; но при этомъ сдѣлалъ другую ошибку, именно заставивъ Комнина въ своемъ посланіи назвать князя Владиміра единокровнымъ себѣ и при этомъ забывъ, что Комнинъ принадлежалъ къ другой династіи византійскихъ императоровъ. Такимъ образомъ, сказаніе о вѣнчаніи Мономаха царскимъ вѣнцомъ не имѣетъ исторической достовѣрности и, по мнѣнію Терновскаго, возникло именно послѣ паденія Византіи и освобожденія Россіи

отъ татарскаго ига, когда московскій государь остался единственнымъ кандидатомъ на праздное мѣсто перваго православнаго царя: тогда сочли возможнымъ придать эту опредѣленную форму существовавшему, быть можетъ, и прежде темному преданію о значеніи нѣкоторыхъ предметовъ великокняжеской казны. Въ духовныхъ грамотахъ московскихъ князей, со временъ Калиты до Іоанна IV, завѣщаются старшимъ сыновьямъ „золотая шапка“, „животворящій крестъ“, „хрещатая цѣпь“ [1]), „бармы“ (наплечія) и „сердоличная крабица“ (т.-е. коробка), но безъ всякихъ историческихъ объясненій; но въ чинѣ царскаго вѣнчанія Ивана IV эти бармы называются уже „бармами Константина Мономаха“; въ духовной Ивана IV самая шапка является съ именемъ Мономаховой, и кромѣ ея Грозный завѣщаетъ своему сыну Ивану „весь чинъ царскій, чтó прислалъ прародителю нашему царю и великому князю Владиміру царь Константинъ Мономахъ изъ Царьграда“. На царскомъ мѣстѣ, устроенномъ въ 1552 году въ Успенскомъ соборѣ, на затворахъ было написано это сказаніе и въ барельефахъ изображены его подробности.

Наши историки находили возможнымъ древнее происхожденіе Мономаховыхъ регалій, но самое сказаніе, очевидно, было измышленіемъ московскихъ книжниковъ XVI вѣка, которое было внушено желаніемъ связать возникшее московское царство съ древнѣйшимъ и славнѣйшимъ православнымъ царствомъ востока. Съ тѣхъ поръ сказаніе повторялось множество разъ и съ полнымъ довѣріемъ, какъ у московскихъ книжниковъ, такъ и у людей оффиціальныхъ. Терновскій припоминаетъ любопытный фактъ, что нашелся, однако, еще въ XVII вѣкѣ рѣзкій противникъ этого сказанія—не со стороны исторической достовѣрности, а со стороны его внутренняго смысла. Этимъ противникомъ былъ знаменитый Крижаничъ. Этотъ своеобразный славянскій и русскій патріотъ вооружается противъ мысли, чтобы русскій царь могъ отъ кого-либо получить свою царственную почесть, кромѣ единаго Бога: онъ такъ высоко ставилъ величіе русскаго царя, что считалъ для него неприличнымъ получать отъ кого-либо подобные дары,—римскіе императоры не могли ни дать, ни отнять у русскихъ властителей ихъ царскаго достоинства. Крижаничъ думалъ, что русскій царь долженъ короноваться своей русской короной и устранить всѣ византійскіе дары и регаліи, какъ „дары Данаевъ“. Терновскій прибавляетъ замѣчаніе Соловьева: „не разъ предшественникамъ Петра и ему самому указывали на титулъ императора восточнаго; но Петръ отвергнулъ

---

[1]) Т.-е. цѣпь съ крестами.

эту ветхость и принялъ титулъ императора всероссійскаго; родная страна не была отлучена отъ славы царя своего; впервые оказано было уваженіе къ народности“ [1]).

Литература и политическія событія временъ Грознаго представляютъ цѣлый рядъ ссылокъ на византійскую исторію и примѣненій ея къ русской жизни. Такъ это было въ дѣятельности Сильвестра, который былъ большимъ начетчикомъ въ византійской литературѣ (конечно, переводной) и во время своего вліянія хотѣлъ изъ Ивана IV выработать царя по византійскому образцу. Когда Иванъ IV охладѣлъ къ Сильвестру и Адашеву, то противъ нихъ, по византійскому образцу, собирается соборъ и рѣчь царя къ Адашеву, по указанію Терновскаго, представляетъ перифразъ завѣта Константина Великаго къ властителямъ и судьямъ, завѣта, находящагося и въ нашей Кормчей. По образцу византійскихъ царей Иванъ Грозный собралъ Стоглавый соборъ и предлагалъ на немъ вопросы для обсужденія духовныхъ властей: понятно, что при этомъ византійскіе авторитеты и примѣры изъ византійской исторіи занимали очень важное мѣсто [2]). Такимъ же образомъ византійскіе церковные писатели и житія являлись важнымъ документомъ на соборѣ противъ еретиковъ Матвѣя Башкина, игумена Артемія и инока Ѳеодосія Косого; эти послѣдніе съ своей стороны были также довольно сильно вооружены византійскими цитатами, которыя не всегда удачно были опровергаемы ихъ обличителями въ полемической литературѣ.

По смерти митр. Макарія (1563), собрался церковный соборъ для избранія новаго митрополита, но еще до избранія царь предложилъ собору вопросъ: не слѣдуетъ ли митрополиту московскому носить такой же бѣлый клобукъ, какъ носятъ архіепископы новгородскіе. По мнѣнію царя, митрополиту нужно было имѣть этотъ клобукъ, какъ главѣ архіепископовъ и епископовъ; царь упоминалъ, что „не знаетъ изъ писанія“, почему архіепископы новгородскіе имѣли это преимущество. Между тѣмъ, въ старой письменности существовала извѣстная „повѣсть о новгородскомъ бѣломъ клобукѣ“, написанная, какъ значится въ ея заглавіи, Дмитріемъ Толмачемъ для новгородскаго архіепископа Геннадія,

---

[1]) Изученіе визант. исторіи, II, стр. 155—166. О томъ же сказаніи въ связи съ византійскими политическими легендами см. у Веселовскаго: „Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ — Повѣсть о вавилонскомъ царствѣ“. Славянскій Сборникъ, т. II, 1876.

[2]) Какъ, по другимъ указаніямъ, Соборъ воспользовался многимъ изъ прямого греческаго источника—изъ сочиненій Максима Грека.

будто бы на основаніи документовъ папской библіотеки, во время пребыванія Дмитрія Толмача въ Римѣ въ 1492 году. Эта повѣсть, вѣроятно, была извѣстна членамъ собора (а можетъ быть, царю), но они не сослались на нее, какъ думалъ Терновскій, потому, что даже для того времени повѣсть не внушала къ себѣ довѣрія своимъ содержаніемъ и притомъ не совсѣмъ отвѣчала идеямъ царя. Дѣло въ томъ, что эта повѣсть есть такая же историческая легенда, какъ приведенная выше легенда о царскихъ регаліяхъ Мономаха, но еще болѣе фантастическая. Происхожденіе бѣлаго клобука, носимаго архіепископами новгородскими, въ этой повѣсти возводится ко временамъ царя Константина, который нѣкогда далъ этотъ самый клобукъ въ первый разъ римскому папѣ Сильвестру; впослѣдствіи развращенные папы, подстрекаемые бѣсомъ, захотѣли истребить бѣлый клобукъ (т.-е. имъ приписывалась ненависть къ этой древней святынѣ, первоначально православной), но никакъ не могли того сдѣлать; наконецъ, одинъ папа, испуганный грознымъ видѣніемъ, принужденъ былъ противъ воли отправить святой клобукъ въ Константинополь, но здѣсь царь Константинъ и папа Сильвестръ явились въ видѣніи патріарху и повелѣли ему отослать бѣлый клобукъ въ Новгородъ, гдѣ онъ и былъ съ торжествомъ принятъ архіепископомъ Василіемъ. На дѣлѣ, новгородскій бѣлый клобукъ упоминается гораздо ранѣе архіепископа Василія (XIV вѣкъ): его носилъ еще архіепископъ Іоаннъ (умершій 1185 года), а затѣмъ на концахъ существующаго клобука находятся шитыя изображенія нѣкоторыхъ русскихъ святыхъ XII—XV вѣка, такъ что анахронизмъ сравнительно съ показаніями составленной въ XV вѣкѣ повѣсти оказывается болѣе чѣмъ на тысячу лѣтъ. Какъ извѣстно по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, повѣсть сочинена была на основаніи готоваго легендарнаго матеріала и цѣль ея была придать старому новгородскому обычаю легендарное освященіе для наибольшаго возвеличенія новгородской архіепископской каѳедры. Подобное желаніе возникло теперь и въ Москвѣ, такъ какъ по идеѣ повѣсти бѣлый клобукъ обозначалъ передачу изъ Византіи на Русь высшаго іерархическаго достоинства, какъ Мономахова шапка изображала наслѣдственность православнаго царскаго величія, перешедшаго изъ древней православной державы въ Москву. Соборъ 1667 года, при Алексѣѣ Михайловичѣ, упоминаетъ уже о повѣсти Дмитрія Толмача (о которой умалчивалъ соборъ XVI вѣка), но прямо не одобрялъ ее: соборъ опредѣлилъ, чтобы теперь всѣ русскіе митрополиты носили бѣлый клобукъ—ради греческаго древ-

няго обычая, „а не ради лживаго писанія Дмитрія Толмача, еже писа отъ вѣтра главы своея“ [1]).

Когда князь Курбскій ушелъ изъ Москвы въ Литву и возникла извѣстная полемическая переписка его съ Иваномъ Грознымъ, въ ихъ взаимныхъ обличеніяхъ византійская исторія опять доставляла немаловажный запасъ примѣровъ и доказательствъ. Курбскій сравнивалъ царя съ тиранномъ Фокою и иконоборцами, доказывалъ, что царь долженъ слушать добрыхъ совѣтниковъ, мірскихъ и духовныхъ, и приводилъ примѣръ изъ житія святого Николая, который, явившись въ сонномъ видѣніи, обличалъ царя Константина. Царь не оставался въ долгу и съ своей стороны уподоблялъ Курбскаго консулу императора Аркадія Евтропію, сравнивалъ его съ тѣми же иконоборцами и въ доказательство того, что стѣсненіе царскаго самодержавія епархами и вельможами бываетъ гибельно для государства, изображаетъ (очень смутно) постепенный упадокъ Византіи — „понеже убо тамо царіе быша послушни епархомъ и синклитомъ, и въ какову погибель пріидоша“...

Когда поднятъ былъ и рѣшенъ вопросъ объ избраніи на царство Бориса Годунова, византійская исторія снова помогла тогдашнимъ политикамъ, которымъ нужно было объяснить народу избраніе новаго царя не по праву рожденія. Въ грамотѣ по случаю этого избранія патріархъ Іовъ подбираетъ историческіе примѣры, гдѣ не наслѣдственность, а особые пути промысла приводили людей на престолъ: изъ Ветхаго Завѣта онъ указываетъ на Давида и Іосифа (будто бы царствовавшаго въ Египтѣ), а затѣмъ приводитъ цѣлый рядъ византійскихъ императоровъ, разсказывая случаи, доставившіе имъ престолъ, называетъ равноапостольнаго Константина, Ѳеодосія Великаго, Маркіона и т. д. Терновскій замѣчаетъ, что въ этомъ исчисленіи византійскихъ царей, получившихъ престолъ не по наслѣдству, грамота патріарха не идетъ дальше Маврикія, потому вѣроятно, что слѣдующій затѣмъ царь Фока тираннъ плохо рекомендовалъ царей, случайно достигавшихъ престола.

Когда по окончаніи смутнаго времени рѣшено было избраніе новаго царя, то изъ избирательной грамоты видно, что архіепископъ рязанскій Ѳеодоритъ, глава депутаціи, для убѣжденія Михаила Ѳедоровича указывалъ тѣ же ободрительные примѣры изъ

[1]) Терновскій, тамъ же, II, стр. 171—174. О бѣломъ клобукѣ см. изданіе текста въ „Памятникахъ“ Костомарова, Спб. 1860, I, стр. 287—303, и въ отдѣльной книжкѣ, Спб. 1861; изслѣдованія о легендѣ у Буслаева, Истор. Очерки, т. II, стр. 274—278, и друг.

византійской исторіи, какіе были перечислены въ избирательной грамотѣ Бориса.

Не будемъ приводить дальнѣйшихъ примѣровъ того, какъ византійскіе церковные и политическіе обычаи и происшествія служили авторитетомъ въ русскихъ дѣлахъ и спорахъ церковныхъ и политическихъ партій. Изъ приведенныхъ указаній достаточно видно, что Византія была для русскихъ книжниковъ и политическихъ людей не только древняя православная страна, гдѣ совершались великія церковныя событія и гдѣ преподаны были истинныя правила вѣры, но что это было также священное царство, которое должно служить образцомъ для великаго православнаго царства, какимъ становилось тогда государство московское. Такъ это было въ понятіяхъ предержащей власти, царя, іерархіи, служилыхъ людей и самого народа; и въ самомъ дѣлѣ византійское царство было единственнымъ идеаломъ, по которому могли образоваться тогдашнія государственныя представленія. Фактическое преобладаніе московскаго великокняженія уже со второй половины XV вѣка устраняетъ всякую мысль о возможности иного политическаго порядка кромѣ того, который издавна подготовлялся въ Москвѣ и теперь началъ быстро осуществляться: московская власть проявлялась такими рѣзкими и подавляющими мѣрами, что онѣ должны были создавать въ народѣ впечатлѣніе неодолимаго могущества и внушать къ власти суевѣрный страхъ, который получалъ теперь и религіозное подкрѣпленіе. На дѣлѣ, эта власть унаслѣдовала многое изъ страшнаго татарскаго періода, но къ этому уже привыкли, и безграничный характеръ власти приписывали, съ одной стороны, тому первобытному понятію, какое имѣли о домашнемъ управленіи и распорядкѣ, а съ другой—отвлеченному представленію о царской власти, какое давала Византія. Разумѣется само собою, что это была Византія воображаемая или даже прямо фантастическая. Въ дѣйствительности, о настоящей Византіи знали мало, но это не помѣшало, на основаніи того, чтó было извѣстно и чтó предполагалось, создавать образъ православной державы: это было царство священное, въ которомъ хранятся преданія истинной вѣры, которое освящается обиліемъ святынь, подвижничествомъ и чудесами, славится мудростью законовъ,—составлявшихъ въ греческомъ Номоканонѣ продолженіе правилъ св. апостоловъ и вселенскихъ соборовъ; которое славится великолѣпіемъ храмовъ обиліемъ монастырей, книжнымъ богатствомъ и наконецъ священнымъ величіемъ царскаго самодержавія. Такимъ желали видѣть и государство московское, и съ этой цѣлью сознательно и инстинктивно собирались преданія и отыскивались нити, которыя и фак-

тически связали бы московское государство съ понятой въ этомъ смыслѣ византійской древностью. Національное чувство, всегда самолюбивое и исключительное, находило глубокое удовлетвореніе въ мысли, что русскому, а не иному, народу принадлежитъ обладаніе высшимъ нравственно-политическимъ достоинствомъ: въ русское царство, послѣ паденія Византіи, перешло храненіе единой истинной православной святыни. Понятно, что когда это убѣжденіе разъ проникло въ умы, народъ не могъ относиться иначе какъ съ недовѣріемъ, высокомѣріемъ и пренебреженіемъ ко всякимъ иновѣрцамъ, не только „поганымъ“ язычникамъ и магометанамъ, но и къ иновѣрцамъ христіанскимъ, которые были не лучше поганыхъ, потому что отвергли истину, какою владѣли прежде, и не хотѣли отстать отъ своихъ гибельныхъ заблужденій и хулы противъ истины.

Тѣ внѣшнія обстоятельства, которыя съ XIII вѣка отдѣлили и удалили Русь отъ западной Европы, и тотъ крайній недостатокъ или полное отсутствіе образованія, какими отличаются средніе вѣка нашей исторіи, составили для народнаго ума почву, на которой упомянутыя представленія должны были развиться до своей послѣдней крайности. Московская Русь XV—XVII вѣка представила примѣръ чисто китайской неподвижности и исключительности въ области образовательныхъ понятій — съ тою разницею отъ настоящаго Китая, что здѣсь не успѣла выработаться культура, которая доставала бы для національной жизни. Европа все-таки была довольно близка; развивавшіяся матеріальныя силы и отношенія государства требовали знаній, которыхъ дома не было; еще съ XV вѣка неизбѣжная необходимость заставляла нарушать вкоренившееся недовѣріе къ иноземцамъ, и правительство начинаетъ вызывать ихъ въ свою службу. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше число ихъ возрастаетъ: они являются въ качествѣ купцовъ, промышленниковъ, ремесленниковъ, мастеровъ, врачей и аптекарей, людей военныхъ—офицеровъ и артиллеристовъ, наконецъ все чаще являются въ посольствахъ; но въ торжественныхъ царскихъ пріемахъ даже знатные иноземные послы не могутъ не видѣть, что правительство опасается и всячески удаляетъ ихъ отъ сношеній съ русскими, и что ихъ самихъ, въ качествѣ иновѣрцевъ, считаютъ за людей поганыхъ, сближеніе съ которыми требуетъ потомъ очищенія...

Вникнувъ нѣсколько въ это настроеніе умовъ, нельзя не видѣть, что оно образовалось именно подъ вліяніями Византіи, т.-е. той, какую знали и воображали себѣ у насъ въ тѣ времена. Какъ увидимъ далѣе, у насъ совсѣмъ не знали той стороны византій-

скаго образованія, какая еще задолго до паденія восточной имперіи играла извѣстную роль въ развитіи Возрожденія; но тѣмъ больше оказывала у насъ вліяніе церковная литература, преданія и обычаи, которые считались выраженіемъ истиннаго православія. Въ томъ же смыслѣ развивались и политическія идеи. Въ духѣ тѣхъ понятій, какія могли быть дѣйствительно взяты изъ Византіи, или вычитаны изъ византійскихъ книгъ, или дополнены и украшены дома въ мнимо-византійскомъ духѣ, русское царство получило тотъ своеобразный характеръ, съ какимъ мы видимъ его въ XVI—XVII столѣтіи. Оно образовалось въ вѣка татарскаго ига естественнымъ стремленіемъ къ политическому единству народа одного происхожденія, языка и вѣры, съ большимъ прибавленіемъ разнородныхъ послѣдствій татарскаго времени, но во внѣшности приняло тѣ черты, какія создавались въ народныхъ понятіяхъ подъ вліяніемъ образцовъ византійскихъ. Русскій царь является полу-ѳеократическимъ властителемъ и въ полу-церковной обстановкѣ; цари, всегда благочестивые, употребляютъ много времени на церковныя службы, на посѣщеніе храмовъ и монастырей, на богомолье; ихъ одѣяніе уподобляется церковному облаченію. Народныя понятія о царѣ и царской власти пріобрѣтаютъ идеальный, почти фантастическій характеръ; иноземные путешественники удивлялись этому необычайному представленію о царѣ, воля котораго въ умѣ стараго русскаго человѣка ставилась рядомъ съ волей Бога: „то вѣдаетъ Богъ да государь“ — это выраженіе они не разъ приводятъ въ своихъ разсказахъ, чтобы дать понятіе о томъ отношеніи къ власти, которое они множество разъ встрѣчали на дѣлѣ. Дѣйствительно, авторитетъ царя былъ безграниченъ: это замѣчательнымъ образомъ обнаружилось, напримѣръ, въ смутное время въ успѣхѣ не только Лжедимитрія, но самыхъ нелѣпыхъ самозванцевъ, принимавшихъ царское имя, и, что, можетъ быть, еще замѣчательнѣе, — въ томъ почтеніи, какое сохранилъ Петръ Великій, какъ царь, въ умахъ тѣхъ самыхъ раскольниковъ, которые ненавидѣли его нововведенія и считали его самого чуть не антихристомъ.—Что подобное представленіе о царской власти выработалось въ тѣсной связи съ отголосками византійскихъ понятій— это очевидно для всякаго безпристрастнаго наблюдателя.

Въ примѣръ этой связи приводимъ два-три эпизода изъ старой русской литературы, гдѣ судьба Византіи ставится въ прямое отношеніе съ московскимъ государствомъ—ставится не въ оффиціальномъ мірѣ, а въ средѣ самого общества. Паденіе Константинополя произвело на Руси большое впечатлѣніе, и между прочимъ, оно выразилось въ старыхъ сказаніяхъ объ этомъ событіи.

Паденіе Византіи приписывалось вообще винѣ самихъ грековъ—слабости въ вѣрѣ и особливо неправосудію и порабощенію народа; но любопытно то, что въ одной изъ этихъ повѣстей—какого бы она ни была происхожденія, греческаго, южно-славянскаго, и были ли въ ней русскія прибавки — говорится, что „греки утѣшаются нынѣ благовѣрнымъ и вольнымъ царствомъ и царемъ русскимъ“, хотя и въ самомъ русскомъ царствѣ мало правды, отъ упадка которой пало и греческое царство; въ повѣсти приведены слова, сказанныя какимъ-то латиняниномъ о русскихъ: „велика милость божія въ землѣ ихъ, но еслибы къ той вѣрѣ христіанской да правда турецкая была, съ ними бы ангелы бесѣдовали“... Изъ этой подробности видно, что авторъ не былъ особеннымъ любителемъ московскаго государства, и тѣмъ любопытнѣе находящееся въ повѣсти предвѣщаніе—что русскіе нѣкогда побѣдятъ турокъ и воцарятся въ седмихолмномъ городѣ.

Предсказанія такого рода особенно легко пріобрѣтаютъ популярность. Извѣстно, что предвѣщаніе о будущей побѣдѣ русскихъ и завоеваніи Константинополя не разъ подновлялось у насъ при войнахъ съ турками, а въ XV—XVII вѣкахъ тѣмъ больше должно было укрѣплять мысль о византійскомъ преемствѣ московскаго государства.

Другой любопытный въ этомъ смыслѣ памятникъ представляютъ посланія старца псковскаго Елеазарова монастыря, Филоѳея, отъ начала XVI вѣка. Монастырскій міръ въ тѣ времена обыкновенно хорошо зналъ церковно-политическія дѣла, совершавшіяся въ высшей правительственной и іерархической сферѣ, и въ то же время монастыри стояли въ тѣсныхъ связяхъ съ народомъ. Въ словахъ „старцевъ“ могли высказываться понятія, существовавшія въ народѣ, или отъ нихъ извѣстные политическіе и церковные взгляды переходили въ народъ. Старецъ Филоѳей былъ псковскій патріотъ; въ посланіи къ великому князю Василію Ивановичу онъ мужественно указываетъ царю, что онъ долженъ позаботиться, чтобы подъ его властію не „вдовствовала святая соборная церковь“, — намекая на то, что новгородская и псковская епархіи, по низложеніи архіепископа Серапіона, осмѣлившагося протестовать противъ присоединенія волоколамскаго монастыря къ московской митрополичьей области, въ теченіе семнадцати лѣтъ оставалась безъ „владыки“... Но и въ этихъ условіяхъ псковскій старецъ видитъ, что Москвѣ суждено преемство послѣ Византіи. „Стараго Рима церкви [1]),—пишетъ онъ,—падеся невѣріемъ апол-

[1]) Т.-е. церковь.

линаріевы ереси; втораго же Рима, Константинова града, церкви агаряне внуцы сѣкирами и оскордми разсѣкоша двери. Сія же нынѣ третьяго новаго Рима державнаго твоего царствія святая соборная апостольская церкви, иже въ концыхъ вселенныя въ православной христіанстѣй вѣрѣ во всей поднебеснѣй паче солнца свѣтится. И да вѣсть твоя держава, благочестивый царю, яко вся царства православныя христіанскія вѣры снидошася въ твое едино царство: единъ ты во всей поднебеснѣй христіаномъ царь. Подобаетъ тебѣ, царю, сіе держати со страхомъ божіимъ; убойся Бога, давшаго ти сія“ [1])...

Старецъ возвращается къ этому предмету и въ другомъ посланіи, которое онъ писалъ къ московскому (во Псковѣ) дьяку Мисюрю. Обличая звѣздочетцевъ и латынъ, онъ снова говоритъ о византійскомъ преемствѣ Россіи, или, по его словамъ, „о нынѣшнемъ православномъ царствіи пресвѣтлѣйшаго и великостолнѣйшаго государя нашего, иже по всей поднебеснѣй единаго христіаномъ царя и браздодержателя святыхъ божіихъ престолъ святыя вселенскія церкви, иже вмѣсто римской и константинопольской, иже есть въ богоспасенномъ градѣ Москвѣ, святаго и славнаго Успѣнія пресвятыя Богородицы, иже едина во всей вселеннѣй паче солнца свѣтится... Вся христіанская царства преидоша въ конецъ и снидошася во едино царство нашего государя, по пророческимъ книгамъ, то-есть россійское царство; два убо Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быти. Многажды апостолъ Павелъ поминаетъ Рима въ посланіихъ, въ толкованіи глаголетъ Римъ — весь міръ; уже бо христіанской церкви исполнися глаголъ блаженнаго Давида“ (приводятся пророчества Давида и Іоанна Богослова)... „Видиши ли,... яко христіанскія царства потопишася отъ невѣрныхъ. Токмо единаго нашего государя царство, благодатію Христовою, стоитъ“... Но и здѣсь опять старецъ предостерегаетъ: „подобаетъ царствующему держати сіе съ великимъ опасеніемъ и къ Богу обращеніемъ, и не уповати на злато и на богатство исчезновенное“... [2]).

Это говорилось въ началѣ XVI-го вѣка, а въ концѣ этого столѣтія, при учрежденіи у насъ патріаршества, константинопольскій патріархъ Іеремія говорилъ царю Ѳедору Ивановичу, что истинно отъ Бога пришла ему эта мысль: „Понеже убо ветхій Римъ падеся аполлинаріевою ересью; вторый же Римъ, иже есть Константинополь, агарянскими внуцы отъ безбожныхъ турокъ обла-

[1]) Православный Собесѣдникъ, 1863, кн. I, стр. 337—348.
[2]) Тамъ же, 1861, кн. 2, стр. 78—96.

даемъ. Твое же, о благочестивый царю, великое русiйское царство—третiй Римъ — благочестiемъ всѣхъ превзыде, и вся благочестивая въ твое царствiе во едино собрашася; и ты единъ подъ небесемъ христiянскiй царь именуешися во всей вселеннѣй, во всѣхъ христiанѣхъ". Издатель посланiя Филоѳея замѣчаетъ, что вселенскiй патрiархъ какъ будто беретъ цитату изъ посланiя псковскаго старца [1]).

Въ правленiе перваго царя изъ новой династiи упомянутое полу-ѳеократическое свойство царской власти выразилось очень характерно, когда сынъ былъ царемъ, а отецъ патрiархомъ. Но собственно говоря, власть царя, какъ только она утвердилась вполнѣ еще въ XVI столѣтiи, тотчасъ превысила значенiе iерархiи,—этому давала уже примѣры сама византiйская исторiя. Византiйская iерархiя оставалась въ союзѣ съ императорской властью и даже подчинялась ей. Мы упоминали выше, что во времена Грознаго церковный авторитетъ былъ уже безсиленъ передъ волей царя. Старый обычай совѣта съ iерархами (возникшiй въ то время, когда влiянiе iерархiи давало политическую силу), благочестивое настроенiе самихъ царей и всего народа, требовавшее, чтобы всякое дѣло начиналось молитвой, и отсюда необходимость давать правительственнымъ дѣйствiямъ церковное освященiе, дѣлали представителей духовенства непремѣнными участниками, напримѣръ, земскихъ соборовъ; но какъ сами соборы въ сущности не имѣли влiянiя на собственныя рѣшенiя царя съ его ближайшими совѣтниками, такъ въ частности представительство духовенства имѣло болѣе фиктивное, чѣмъ дѣйствительное значенiе. Единственный примѣръ, когда патрiаршая власть, въ лицѣ Никона, возъимѣла притязанiе вступить въ споръ съ царскимъ авторитетомъ, дѣло кончилось ея пораженiемъ [2]): двоевластiе было немыслимо, и если потомъ обвиняли Петра Великаго въ ограниченiи значенiя духовенства, обвиненiе было несправедливо, потому что это ограниченiе совершено было еще въ концѣ XVI-го вѣка.

---

[1]) Тамъ же, 1863, I, стр. 342—343.

[2]) Г. Иконниковъ (о значенiи Византiи, стр. 305), ссылаясь на Флетчера, говоритъ о большомъ влiянiи духовенства на соборахъ, но Флетчеръ (Of the russe Common Wealth, гл. VII, VIII, XIII), напротивъ, именно говоритъ, что духовенство было только политическимъ орудiемъ въ рукахъ царской власти, что само по себѣ оно не имѣло влiянiя на ея рѣшенiя и на соборахъ было только декорацiей.

II.

Объемъ и свойство научныхъ свѣдений.

Въ складѣ понятій, отличающемъ „народность“, чрезвычайно важную роль играетъ образованіе.—Въ нашей литературѣ, именно съ славянофильской стороны, не однажды излагалась мысль, что въ характерѣ народности главное состоитъ въ ея врожденномъ, природномъ содержаніи, что лишнее знаніе или недостатокъ его не измѣняютъ нравственнаго существа народа, что народъ съ меньшимъ образованіемъ можетъ далеко превышать народы, просвѣщенные бо̀льшей глубиной своей нравственной идеи и т. д. [1]). Мы видѣли уже, что природныя свойства народа нуждаются, однако, въ воспитаніи для того, чтобы „народность“ пріобрѣла необходимыя условія человѣчнаго развитія, и съ другой стороны, что бываютъ внѣшнія обстоятельства, которыя нарушаютъ правильный ходъ народной жизни и тяжело отзываются на народномъ характерѣ и нравственномъ содержаніи. Никто не отрицаетъ глубокихъ вліяній христіанства,—русскій народъ, до и послѣ его принятія, конечно, не остался однимъ и тѣмъ же,—но христіанство было для него совершенно новой истиной, чуждой ему до извѣстнаго историческаго момента и пришедшей извнѣ. Едва ли возможно, далѣе, утверждать, чтобы татарское иго не отразилось гибельнымъ дѣйствіемъ на народную жизнь, перерывомъ и остановкой ея развитія, порчей народнаго характера... Итакъ, „природныя свойства“ безсильны были дать народу тѣ нравственныя понятія, необходимыя для его человѣческаго достоинства, какія даны были ему христіанствомъ. Очевидно, что этому достоинству, съ другой стороны, служитъ знаніе: человѣкъ, и народъ, остающійся въ потьмахъ, не въ состояніи воспользоваться тѣми задатками умственной силы и художественнаго творчества, какіе существуютъ въ его природѣ, а вмѣстѣ не можетъ развить вполнѣ и задатковъ нравственнаго содержанія.—Слѣпая вражда до-петровскихъ изувѣровъ и новѣйшихъ доктринеровъ къ иновѣрному европейскому западу распространялась и на западное знаніе, будто бы ненужное для русской природы, даже вредное для нея; но другого

[1]) Не возвращаясь подробно къ избитому вопросу, укажемъ, напр., переборъ различныхъ мнѣній о немъ въ недавней книжкѣ г. Линицкаго: „Славянофильство и либерализмъ. Опытъ систематическаго обозрѣнія того и другого“. Кіевъ, 1882.

знанія не было и неумолимая историческая необходимость заставляла и заставляетъ воспринимать его, сколько бы оно ни противорѣчило старымъ привычкамъ, преданіямъ и суевѣріямъ. Историческая необходимость, совпадавшая въ дѣйствительности съ глубочайшими инстинктами и потребностями національной жизни, рѣшила вопросъ, не спрашиваясь изувѣровъ.

Средніе вѣка нашей исторіи представляютъ, относительно просвѣщенія, поистинѣ мрачную и безотрадную пору. Древній періодъ также не былъ особенно богатъ знаніями, но тогда все-таки полагались нѣкоторыя начала, и литература представила нѣсколько опытовъ, обѣщавшихъ будущее: писатели, какъ авторъ начальной лѣтописи, какъ Ѳеодосій, Кириллъ Туровскій, произведенія, какъ Слово о полку Игоревѣ, являлись у народа, едва выходившаго изъ первобытнаго состоянія, едва принявшаго христіанство и получившаго грамоту — это было во всякомъ случаѣ замѣчательное вступленіе на путь образованности. Лѣтописи говорятъ о цѣломъ рядѣ князей, собиравшихъ книги, любившихъ просвѣщеніе, основывавшихъ школы, какъ Ярославъ, Николай Святоша, Константинъ Всеволодовичъ и другіе. Различныя свидѣтельства и сохранившіеся памятники говорятъ о замѣчательныхъ предпріятіяхъ въ области искусства и т. д. Съ XIII-го вѣка и до второй половины XVII-го, длился тягостный періодъ, когда едва сберегались эти первыя начала и образованіе не подвинулось впередъ ни на шагъ: въ теченіе болѣе четырехъ столѣтій не было основано ни одной правильной школы, превышающей уровень первоначальной грамотности,—едва однажды мелькнула мысль о необходимости высшей школы.

Странно говорить о сравненіи съ западной Европой. Въ Италіи уже XIV вѣкъ видѣлъ Данта, Петрарку и Боккачіо, XV—XVI вѣкъ были эпохой Возрожденія и богатаго разцвѣта итальянскаго искусства; XVI—XVII вѣкъ видѣли Коперника, Галилея, Кеплера, видѣли Шекспира и блестящую эпоху французскаго псевдоклассицизма и т. д., и т. д. У насъ только съ половины XVII-го вѣка возникаетъ первое подобіе высшей школы—съ той схоластической программой, которая давно уже была покинута дѣйствительной наукой, —и возникаетъ все-таки не собственными силами, а только потому, что въ оторванной отъ русскаго цѣлаго юго-западной Руси въ XVI вѣкѣ началось умственное движеніе, помощью котораго можно было воспользоваться.

Историкъ древнихъ русскихъ училищъ, настроенный преувеличивать изслѣдуемые имъ факты, долженъ былъ употребить не мало труда на то, чтобы собрать крохи свѣденій объ этомъ пред-

метѣ [1]); ему удалось выяснить только неопредѣленный фактъ существованія школъ элементарныхъ. Что касается до послѣдующаго времени, свѣденія о школахъ не богаче, и едва ли не чаще встрѣчаются указанія на ихъ отсутствіе. Таковы извѣстныя жалобы новгородскаго архіепископа Геннадія, въ концѣ XV вѣка, множество разъ приведенныя нашими историками; таковы жалобы Максима Грека; таковы постановленія Стоглаваго собора; таковы обличенія въ недостаткѣ ученья и въ умственной лѣни высшихъ классовъ и народа у Крижанича, Котошихина и т. д.; таковы единогласные отзывы иностранныхъ путешественниковъ, много разъ, однако, съ сочувствіемъ говорившихъ о даровитости русскаго народа... и т. д. Изъ существующихъ свѣденій можно извлечь только, что въ тѣ вѣка правильной школы у насъ не было, что можно было учиться въ монастыряхъ, у священниковъ, у „мастеровъ"—безъ сомнѣнія такихъ же доморощенныхъ спеціалистовъ, какіе до нашего времени бываютъ распространителями грамоты въ народѣ. Старинные образованные или книжные люди, „философы", всего больше похожи были на позднѣйшихъ раскольничьихъ начетчиковъ: путемъ чтенія они хорошо знакомы были съ наличнымъ составомъ письменности, почти исключительно богословской и церковно-исторической, но обыкновенно бывали совершенно лишены и всякихъ другихъ свѣденій и точнаго литературнаго пріема. Правда, еще въ древнемъ періодѣ бывали писатели съ большимъ литературнымъ искусствомъ, какъ, напр., Кириллъ Туровскій; бывали и послѣ люди, съ успѣхомъ перенимавшіе реторическую манеру своихъ византійскихъ образцовъ и даже доходившіе въ „плетеніи словесъ" до большей виртуозности; но число такихъ писателей было все-таки не велико и еще рѣже были люди, знакомые съ греческимъ и латинскимъ языкомъ и литературой. Въ обычныхъ школахъ ученіе ограничивалось элементарными предметами: это были чтеніе, письмо и церковное пѣніе,—„четье, пѣтье церковное", какое указываютъ былины у нѣкоторыхъ своихъ героевъ какъ полный запасъ учености. Немногіе русскіе люди, напр., благочестивые иноки, живавшіе и трудившіеся въ греческихъ обителяхъ въ Константинополѣ и на Аѳонѣ, знакомились, вѣроятно, и съ обиходомъ правильныхъ греческихъ школъ, но и это мало расширяло кругъ ихъ познаній, потому что они знали только школу спеціально церковную. У самихъ грековъ бывали школы для богословія, философіи, реторики, ариѳметики, правовѣденія, но къ намъ эти науки почти не доходили и самая постановка ихъ въ византійской школѣ была

[1]) Н. Лавровскій, „О древне-русскихъ училищахъ". Харьковъ, 1854.

слишкомъ схоластическая. „Творческій духъ грековъ, — говоритъ г. Лавровскій въ упомянутой книгѣ, — ослабѣвалъ постепенно, и истинно-христіанское начало стѣснялось односторонней догмой. Наука не имѣла жизненности, внутренней силы, свѣжести, не обращалась въ жизнь и сама не питалась жизнію; облеченная въ сухія отвлеченныя формы, она существовала отдѣльно, почти не касаясь живыхъ современныхъ интересовъ общества. Утонченная діалектика богословія, искусственныя и пустыя умозрѣнія въ философіи, декламація вмѣсто истиннаго краснорѣчія,—вотъ что болѣе всего составляло ученыя занятія византійскихъ грековъ, но, конечно, не науку въ ея истинномъ значеніи. Правда, среди лицъ, предававшихся этимъ занятіямъ, были и понимавшія истинное значеніе науки и сохранявшія ее отъ злоупотребленій: были просвѣщенные пастыри церкви, охранявшіе чистоту и неприкосновенность ея догматовъ отъ злонамѣренныхъ покушеній; рѣже появлялись защитники интересовъ науки, потому что общее направленіе, общій духъ времени не могли не увлекать и самыхъ безкорыстныхъ ея приверженцевъ“ [1]). Авторъ замѣчаетъ далѣе, что такая выродившаяся наука не могла утвердиться на древней русской почвѣ по самому своему существу, что наши предки, „полные жизненной силы, свѣжей и юной“, не были способны понимать этихъ умозрѣній;— но наши предки не усвоили ихъ и послѣ. Проще было сказать, что усвоить ихъ было невозможно по совершенному отсутствію у насъ правильной школы, которая и для этого была бы необходима.

Въ нашихъ среднихъ вѣкахъ можно, кажется, замѣтить даже упадокъ грамотности. Въ древнемъ періодѣ лѣтопись не разъ упоминаетъ о любителяхъ книгъ между князьями, о большихъ княжескихъ библіотекахъ; теперь эти извѣстія рѣже и, напротивъ, оказывается, что въ самомъ высшемъ классѣ общества было очень много людей, совершенно безграмотныхъ. Такъ, даже о великомъ князѣ московскомъ Дмитріи Донскомъ говорится, что онъ не былъ хорошо изученъ книгамъ, а Василій Темный былъ ни книженъ, ни грамотенъ [2]). За болѣе позднее время мы находимъ, что изъ 22 бояръ, подписавшихъ грамоту объ избраніи Годунова на царство, не знали грамотѣ два князя Трубецкіе, князь Голицынъ и князь Черкасскій, изъ 40 стольниковъ 8 было неграмотныхъ [3]). Еще меньше знали грамотѣ дворяне и дѣти боярскіе. Въ одномъ актѣ XVI вѣка изъ 115 князей и дѣтей боярскихъ только 47

---

[1]) Лавровскій, стр. 72—73.

[2]) Соловьевъ, Ист. Россіи, IV, изд. 2-е, стр. 376.

[3]) Акты Арх. Экспед., II, № 7.

могли подписать свое имя [1]). Способъ обученія у старинныхъ „мастеровъ" былъ, вѣроятно, тотъ самый, который по преданію черезъ XVIII вѣкъ (Записки Данилова) дошелъ и до нашего времени въ простонародной и раскольничьей школѣ: заучиваніе букваря, за которымъ слѣдовалъ часословъ и наконецъ псалтырь, составлявшая вѣнецъ тогдашняго обученія [2]).

Понятно, что при отсутствіи правильной школы объемъ научныхъ знаній не могъ быть обширенъ. Партизаны старины не разъ настаивали на томъ, что однакоже Византія, которая была источникомъ нашего просвѣщенія, хранила у себя великія богатства христіанской философіи и вмѣстѣ классическаго знанія, что она была источникомъ, изъ котораго черпало само западное образованіе въ средніе вѣка и въ эпоху Возрожденія.

Но дѣло въ томъ, что за исключеніемъ собственно-церковной литературы, существовавшей у насъ въ довольно значительномъ количествѣ переводовъ, и за исключеніемъ разысканныхъ недавно отрывковъ византійскаго эпоса, къ намъ почти совсѣмъ не доходили произведенія греческой научной литературы, а тѣмъ менѣе византійскаго классицизма. Къ намъ приходили изъ Константинополя только люди духовнаго сословія—іерархи, управлявшіе русской церковью, позднѣе собиратели пособій и милостыни или искатели приключеній, являвшіеся подъ видомъ благочестія; изъ русскихъ бывали въ Греціи опять только лица духовныя, иноки, странники ко святымъ мѣстамъ; сношенія купеческія были, повидимому, безразличны для цѣлей образованія. Такимъ образомъ, у насъ совсѣмъ не знали Византіи ученой, классической. Византійскіе любители и знатоки классической древности еще задолго до паденія Византіи переносили свои сокровища въ Италію и примкнули къ тому великому умственному движенію, которое извѣстно подъ именемъ Возрожденія и гуманизма и послужило началомъ, какъ новаго оживленія истинной науки, такъ и началомъ новаго развитія національныхъ литературъ западной Европы. На западѣ съ радостію принимали этихъ ученыхъ выходцевъ изъ Константинополя; люди, какъ Эммануилъ Хризолорасъ, Филельфъ, Георгій Трапезунтскій, Θеодоръ Газа и др. встрѣчали тамъ уже готовый интересъ къ своему предмету и знаніе, которое имъ приходилось не основывать, а только расширять новыми запасами классическаго преданія. Въ Италіи представителями клас-

[1]) Собр. Госуд. Грам., I, № 184.

[2]) См. Забѣлина, „Домашній бытъ царей", и его же „Опыты", ч. I, стр. 51—81: Характеръ начальнаго образованія въ до-Петровское время; и стр. 82—128: Русская личность и русское общество наканунѣ Петровской реформы,—и друг.

сическаго движенія были уже люди, какъ Петрарка и Боккаччіо, позднѣе Поджіо и Валла, и цѣлый рядъ любителей и знатоковъ классической литературы и просвѣщенныхъ меценатовъ; вокругъ этихъ ученыхъ собирались школы ревностныхъ учениковъ; вскорѣ движеніе распространилось въ Германію, Францію, Англію и т. д. Что было бы дѣлать подобнымъ людямъ въ Москвѣ? Сюда былъ вызванъ въ XVI в. ученый грекъ Максимъ,—хотя онъ былъ, впрочемъ, вовсе не ученый классикъ, а церковный писатель,—но и ему, съ нѣкоторой привычкой къ свободной критикѣ, пришлось въ Москвѣ неблагополучно, а что сталось бы съ настоящимъ проповѣдникомъ идей Возрожденія, которыя были бы здѣсь приняты прямо за бѣсовское лжеученіе? Не только въ XV-мъ, но въ концѣ XVII-го столѣтія южно-русскіе ученые, сами церковные благочестивые люди, у которыхъ классическая ученость была только украшеніемъ литературной формы, не избѣгли изъ-за нея небезопасныхъ подозрѣній въ неправославіи.

Въ XVI столѣтіи въ царскомъ дворцѣ въ Москвѣ существовала обширная библіотека, „безчисленное множество греческихъ книгъ“, по современному свидѣтельству. Какъ она составилась—хорошенько неизвѣстно; Карамзинъ думалъ, что она была собрана отчасти древними князьями, отчасти была привезена съ княгиней Софьей изъ Рима. Когда великій князь Василій Ивановичъ показывалъ эту библіотеку Максиму Греку, послѣдній съ восторгомъ говорилъ, что подобной библіотеки не имѣетъ ни Греція, ни Италія. Это былъ, безъ сомнѣнія, комплиментъ, но библіотека тѣмъ не менѣе была богата книгами греческими и латинскими, также еврейскими, писателями церковными и классическими. Ее видѣлъ позднѣе другой ученый человѣкъ, способный судить о ея содержаніи—нѣмецкій пасторъ изъ Дерпта, Веттерманъ, взятый въ плѣнъ при Иванѣ IV, и какъ ученый человѣкъ, пользовавшійся уваженіемъ царя. Въ этой библіотекѣ хранилась толковая псалтырь, для перевода которой и вызванъ былъ Максимъ Грекъ; этотъ вызовъ показывалъ, что въ Москвѣ не было людей, способныхъ взяться за подобный трудъ. Максимъ Грекъ замѣчаетъ, что библіотека оставалась заперта въ теченіе многихъ лѣтъ, т.-е. лежала мертвымъ капиталомъ. Иванъ Грозный желалъ, между прочимъ, имѣть переводы Тита Ливія и Юстиніанова кодекса,—но былъ переведенъ одинъ Светоній [1]). Полагаютъ, что эта библіотека погибла въ смутное время, можетъ быть, при сожженіи Москвы въ 1611 году.

---

[1]) Иконниковъ, Опытъ изслѣд. о значеніи Византіи, стр. 55—58.

Историческія познанія стариннаго книжнаго человѣка заключались, главнымъ образомъ, въ церковной исторіи. Основной источникъ должна была доставить библія; но замѣчательно, что въ этомъ случаѣ обращались не столько къ подлинному писанію, сколько къ извлеченіямъ, собраннымъ въ такъ-называемыхъ палеяхъ и хронографахъ, и также къ толкованіямъ на различныя книги св. писанія, какъ „Шестодневъ" Іоанна экзарха болгарскаго и т. п. Къ самой библіи обращались рѣдко, и когда архіепископъ новгородскій Геннадій, вынужденный необходимостью обличенія еретиковъ, возъимѣлъ планъ собрать полный текстъ писанія, ему стоило не малаго труда собирать библейскія книги, и онъ все-таки не могъ собрать полнаго текста по существующимъ рукописямъ, и нѣкоторыя недостававшія книги были переведены вновь съ латинскаго и еврейскаго. Этотъ текстъ послужилъ впослѣдствіи для извѣстнаго острожскаго изданія библіи.— Затѣмъ, источникомъ историческихъ знаній были переводы греческихъ хронистовъ, Амартола и Малалы, которыми пользовалась еще древняя до-монгольская лѣтопись; позднѣе явились переводы другихъ византійскихъ хронистовъ, Константина Манассіи, Зонары. Впослѣдствіи, въ XV—XVI вѣкѣ у книжныхъ людей возникла мысль о цѣльномъ обзорѣ, такъ-сказать о всеобщей исторіи, и выполненіемъ ея были извѣстные „хронографы". Эта „всеобщая исторія" нашихъ предковъ начиналась событіями библейскими, продолжалась нѣкоторыми эпизодами изъ исторіи древнихъ народовъ (насколько о ней говорили упомянутые византійскіе хронисты), затѣмъ переходила къ событіямъ византійскимъ, наконецъ русскимъ и частію южно-славянскимъ (болгарскимъ и сербскимъ); только въ поздних редакціяхъ хронографа появляются извѣстія о нѣкоторыхъ западныхъ событіяхъ (какъ, напр., открытіе Америки и под.), о польской исторіи и т. п. по хроникѣ Мартина Бѣльскаго, по книгѣ Конрада Ликостена и пр. „Хронографъ" есть вообще весьма первобытная компиляція отрывочныхъ, ничѣмъ не связанныхъ свѣденій изъ скуднаго матеріала, доступнаго составителямъ, и только подведенная по возможности въ хронологическій порядокъ. До чего доходилъ недостатокъ свѣденій, можно видѣть изъ того, что до конца XVII-го столѣтія (а у людей стараго вѣка и въ XVIII-мъ, потому-что „хронографъ" переписывался даже въ прошломъ столѣтіи) основнымъ источникомъ знаній о древнемъ мірѣ и Византіи оставались тѣ же Амартолъ и Малала, какими пользовались еще въ XI—XII-мъ вѣкѣ, и явившіеся нѣсколько позднѣе южно-славянскіе переводы Манассіи и Зонары; для познанія южно-сла-

вянской исторіи служили немногіе случайно доходившіе историческіе отрывки и два-три житія южно-славянскихъ святыхъ, факты откуда были разбиты по хронографу въ порядкѣ времени; русскія событія передавались обыкновенно по лѣтописи. Если встрѣчались отдѣльныя сказанія мнимо-историческаго характера, какъ средневѣковые пересказы Троянской войны, какъ „Александрія" псевдо-Каллисѳена, переполненная чудесными миѳическими преданіями,—они также вносились въ хронографъ, какъ исторія. Въ библейской и церковной исторіи подлинныя сказанія были перемѣшаны въ палеѣ и хронографѣ съ множествомъ апокрифическихъ легендъ, которыя, видимо, пользовались такимъ же довѣріемъ, какъ настоящіе библейскіе факты.

Въ настоящее время этотъ апокрифическій отдѣлъ нашей старой письменности почти вполнѣ приведенъ въ извѣстность и болѣе или менѣе разработанъ. Это — цѣлая область поэтическихъ преданій, представляющихъ частію древнее болѣе или менѣе фантастическое развитіе библейскихъ и евангельскихъ темъ, частію уже новое средневѣковое созданіе христіанской легенды и суевѣрія; вообще, это были произведенія весьма различнаго происхожденія, полу-книжныя, полу-народныя, иногда поэтическія, всегда исполненныя чудеснаго и чрезвычайно популярныя на всемъ пространствѣ христіанскаго міра. Апокрифическіе разсказы дополняли предполагаемые пробѣлы библейской и евангельской исторіи подробностями, которыя особенно были способны затрогивать народное воображеніе, такъ какъ и сами они были плодомъ полународнаго миѳа. Апокрифы сопровождали библейскую исторію съ самаго начала. Миѳическое сказаніе, не довольствуясь библейскимъ повѣствованіемъ, сообщало новыя свѣденія о самомъ твореніи міра, объ Адамѣ и Евѣ, о библейскихъ патріархахъ; давало цѣлый рядъ чудесныхъ исторій о царѣ Соломонѣ, который въ особенности былъ любимымъ героемъ народной фантазіи и является во множествѣ популярныхъ сказаній, отъ еврейскаго, христіанскаго и даже мусульманскаго востока до крайняго европейскаго запада; оно разсказывало далѣе много недосказанныхъ въ евангеліи, невѣроятныхъ, но нравившихся народу подробностей о жизни І. Христа, о Богородицѣ и апостолахъ; наконецъ, о святыхъ подвижникахъ, о раѣ и адѣ, о борьбѣ съ бѣсами, о странствіяхъ душъ за гробомъ по мытарствамъ, о чудесныхъ писаніяхъ, падавшихъ съ неба съ завѣтами для людей отъ имени самого Христа, о людяхъ, видавшихъ конецъ свѣта и т. д., и т. д. Какъ мы сказали, этотъ богатый матеріалъ народно-религіозной фантастики распространенъ былъ въ средніе вѣка по всему хри-

стіанскому міру, вездѣ пользовался авторитетомъ въ народной массѣ, вездѣ сливался на одной сторонѣ съ суевѣріемъ, на другой съ народнымъ эпосомъ или книжно-популярной поэзіей. Такимъ же образомъ обширный запасъ апокрифическаго преданія былъ распространенъ и у насъ. За гибелью древнихъ рукописей, которыхъ множество должно было исчезнуть отъ татарскихъ погромовъ, новѣйшія изслѣдованія большею частію не въ состояніи опредѣлить съ точностію время, когда эти произведенія появлялись въ нашей письменности, и пути, которыми они приходили; но едва ли сомнительно, что значительная доля ихъ пришла къ намъ еще въ древнемъ періодѣ изъ того же южно-славянскаго источника, который съ положительной достовѣрностью опредѣляется для многихъ важныхъ памятниковъ нашей старой переводной литературы. Большею частью мы знаемъ эти сказанія въ спискахъ средняго періода, отъ котораго легче могли сохраняться рукописи, когда вообще больше была распространена грамотность и рукописи были дешевле и многочисленнѣе. Но въ этотъ средній періодъ мы можемъ уже наблюдать чрезвычайную популярность этихъ сказаній: нѣкоторыя изъ нихъ встрѣчаются во множествѣ списковъ, и въ нихъ обнаруживаются варіанты, указывающіе иногда на то, что сказаніе приходило въ нѣсколько пріемовъ изъ разныхъ источниковъ, или иногда на то, что оно отъ широкаго обращенія среди читателей подвергалось дома постепеннымъ передѣлкамъ и измѣненіямъ; нѣкоторые варіанты чрезвычайно любопытны тѣмъ, что на нихъ можно наблюдать вліяніе народнаго поэтическаго склада, который сказаніе принимало вслѣдствіе своего популярнаго обращенія,—затѣмъ еще шагъ, и чужое преданіе является въ формѣ народнаго произведенія. Такъ новѣйшія изслѣдованія указали любопытный примѣръ, что апокрифическое сказаніе о Соломонѣ въ концѣ-концовъ стало тэмой народной былины о Дунаѣ Ивановичѣ. Въ другихъ случаяхъ фантастическій апокрифъ входилъ прямо въ народную религію, становился молитвой и заговоромъ; таковы. напр., „эпистолія о недѣлѣ", „Сонъ Богородицы", „молитвы о трясавицахъ" (лихорадкахъ) и т. п. Очевидно, что фантастическое преданіе совершенно овладѣвало народнымъ умомъ и воображеніемъ, становилось религіей. Церковная власть, по давнему греческому примѣру, строго запрещала чтеніе этихъ „ложныхъ и отреченныхъ книгъ", но запрещенія были совершенно безполезны: легковѣрію не только народныхъ читателей и слушателей, но и самихъ книжныхъ людей и „философовъ" не было предѣла, потому что не было никакого противовѣса ни въ историческомъ знаніи, ни въ какой-нибудь

критической мысли. Само высшее духовенство и наилучшіе начетчики были податливы на вѣру въ эти сказанія: эпизоды апокрифическаго свойства являются въ писаніяхъ самихъ книжныхъ людей, какъ, напр., въ лѣтописи, въ извѣстномъ посланіи архіепископа Василія о раѣ и т. д.; такое же легковѣріе обнаруживается въ упомянутыхъ выше повѣстяхъ о бѣломъ клобукѣ, Мономаховой шапкѣ и т. п.

Мы скажемъ дальше о значеніи этихъ сказаній въ образованіи популярныхъ религіозныхъ представленій въ среднемъ періодѣ, и указываемъ ихъ здѣсь какъ принадлежность историческихъ понятій въ томъ кругѣ книжныхъ людей, который можно считать тогдашнимъ образованнымъ обществомъ...

Знанія о древнемъ классическомъ мірѣ,—произведенія котораго, частію давно уже извѣстныя на западѣ (гдѣ никогда вполнѣ не прерывалось античное преданіе), частію тогда вновь открываемыя въ древнихъ рукописяхъ и распространяемыя печатью и университетами, совершали переворотъ въ умственной жизни Европы,—у насъ ограничивались тѣми смутными и краткими свѣденіями, какія заключались въ случайныхъ упоминаніяхъ греческихъ церковныхъ писателей, а также въ хронографѣ и „Пчелѣ". Подъ этимъ послѣднимъ названіемъ извѣстенъ былъ византійскій сборникъ, заключавшій достопамятныя изреченія изъ церковной литературы, изъ отцовъ и учителей церкви, а также изъ древнихъ мудрецовъ и знаменитыхъ писателей—отрывочныя изреченія нравоучительнаго содержанія: отсюда и изъ подобныхъ цитатъ въ другихъ книгахъ извѣстны были въ старой письменности имена классическихъ писателей съ ихъ немногими фразами,—это было все, что̀ знали у насъ о знаменитыхъ писателяхъ классической древности...

Свѣденія въ географіи и космографіи были похожи на свѣденія историческія. Понятно, что основы космографическихъ понятій были заимствованы изъ библіи: такъ было во всемъ средневѣковомъ христіанствѣ,—но въ то время какъ въ западной Европѣ рядомъ съ популярными представленіями критическая мысль пришла, наконецъ, къ идеямъ Коперника и Галилея, у насъ неподвижно хранилось смутно понимаемое преданіе, и система Коперника свое первое право бытія получила уже только въ XVIII столѣтіи. Главнымъ источникомъ понятій о строеніи міра были сочиненія церковныя; таковъ былъ весьма распространенный „Шестодневъ", толкованія библейскаго сказанія о шести дняхъ творенія, составленное писателемъ X-го вѣка, Іоанномъ экзархомъ болгарскимъ на основаніи Василія Великаго, Іоанна Злато-

уста, Северіана гевальскаго и другихъ писателей, съ обличеніемъ языческихъ философовъ, говорившихъ объ устройствѣ вселенной; далѣе, толкованія Епифанія Кипрскаго на книгу Бытія, Аѳанасія Александрійскаго на псалтырь; книга греческаго писателя VI вѣка, Козьмы Индикоплова, поэма VII-го вѣка Георгія Писида и т. п. По содержанію своихъ взглядовъ, эти источники относились къ первымъ вѣкамъ христіанства, когда христіанскіе писатели, между прочимъ, стремились опровергать ученіе древнихъ языческихъ философовъ объ устройствѣ вселенной и установить новую космографію на основаніи библейскихъ книгъ; такимъ образомъ, русская книжность XVI—XVII вѣка, временъ Коперника, Галилея и Кеплера, повторяла идеи IV—VII столѣтія, отвергавшія даже Птолемея. Помянутыя книги принадлежали у насъ отчасти еще древнему періоду, какъ „Шестодневъ“ и др., отчасти переведены были позднѣе—Георгій Писидъ въ концѣ XIV вѣка, Индикопловъ, кажется, въ XV-мъ вѣкѣ. Послѣдній и въ свое время, въ VI вѣкѣ, представлялъ нѣчто странное: обличая тѣхъ, кто осмѣливался умозрѣніями опредѣлять видъ и положеніе земли, и геометрическими вычисленіями, на основаніи затмѣній, объяснять устройство міра, Козьма поступаетъ гораздо проще,—онъ беретъ случайныя выраженія св. писанія, общія нравственныя мысли и сравненія, не имѣющія ни догматическаго значенія, ни даже какого-нибудь отношенія къ космографіи, и на основаніи ихъ дѣлаетъ космографическіе выводы. Моисей,—говоритъ онъ,—устраивая святилище, велѣлъ сдѣлать его по подобію земли, вдвое болѣе въ длину, нежели въ ширину; поэтому земля есть четвероугольная плоскость, имѣющая отъ востока на западъ вдвое большее протяженіе, чѣмъ отъ сѣвера къ югу. На подобныхъ основаніяхъ опредѣлены другія подробности устройства земли. Вокругъ этой плоской земли обтекаетъ океанъ, образующій четыре входа въ землю: моря Средиземное и Каспійское, заливы Аравійскій и Персидскій. За океаномъ во всѣ стороны тянется твердая земля, до которой люди не могутъ достигнуть, хотя нѣкогда тамъ жили; именно на востокѣ находится рай, откуда, какъ извѣстно, вытекали четыре райскія рѣки; Адамъ, по изгнаніи изъ рая, жилъ на берегу океана, и только Ной, послѣ потопа, высадился на обитаемой нынѣ землѣ; райскія рѣки (Гангъ, Нилъ, Тигръ, Евфратъ) появились на этой землѣ подземными протоками. На краю недостижимой земли, находящейся за океаномъ, возвышается громадная стѣна, которая, закругляясь вверху, образуетъ основаніе небеснаго свода, и на немъ какъ скатерть растянута небесная твердь. По небу ходятъ свѣтила, но не вокругъ земли, а кругомъ остроко-

нечной горы, лежащей на сѣверѣ и т. д. Въ подкрѣпленіе этой космографіи приводятся тексты писанія: напр., сказано: „не говори въ сердцѣ своемъ: кто взойдетъ на небо, чтобы низвести съ неба Бога? или кто перейдетъ за предѣлы моря, чтобы извести его оттуда?“ По объясненіи Козьмы, отсюда именно слѣдуетъ, что существуетъ несомнѣнно земля за океаномъ, котораго, однако, переплыть нельзя, и т. п. Движеніе небесныхъ свѣтилъ объясняется тѣмъ, что ими управляютъ разумные духи; такіе же духи правятъ облаками, низводятъ дождь и пр.

Это представленіе о духахъ или особыхъ ангелахъ, управляющихъ движеніями небесныхъ свѣтилъ и всѣми явленіями природы—временами года, ночью и днемъ, свѣтомъ и тьмой, и пр., возникло съ первыхъ вѣковъ христіанства въ противность ученіямъ древней философіи, и подъ вліяніями гностицизма; у насъ оно появилось вмѣстѣ съ писаніями разныхъ отцовъ церкви, прежде всего, кажется, Епифанія Кипрскаго (писателя IV вѣка), извѣстнаго еще начальному лѣтописцу. „Въ 6618 (1110) году,—пишетъ онъ,—было знаменіе въ Печерскомъ монастырѣ въ 11 день февраля мѣсяца: явился столбъ огненный отъ земли до неба, и молніи освѣтили всю землю, и на небѣ былъ громъ въ 1 часъ ночи, и весь міръ это видѣлъ; и этотъ столбъ сталъ сначала на каменной трапезницѣ, такъ что не видно было креста; и постоявши немного, спустился на церковь и сталъ надъ Ѳеодосіевымъ гробомъ, и потомъ вступилъ на верхъ, какъ бы къ востоку, а потомъ сталъ невидимъ. А это былъ не огненный столбъ, а видъ ангельскій: потому что такъ является ангелъ—то огненнымъ столбомъ, то пламенемъ, какъ сказалъ объ этомъ Давидъ; творя ангелы своя духи и пр... и это явленіе показывало, что̀ должно случиться, какъ то и было, потому что на другой годъ не ангелъ ли былъ вождемъ на иноплеменниковъ и супостатовъ?.. Такъ пишетъ премудрый Епифаній: къ каждой твари ангелъ приставленъ—ангелъ облакамъ и мгламъ, и снѣгу, и граду, и морозу, ангелъ голосамъ и громамъ, ангелъ зимы и зноя, и осени, и весны, и лѣта, и всему духу твари на землѣ, и тайной бездны; они скрыты подъ землею и въ преисподнихъ тьмы, и въ безднахъ, бывшихъ прежде на верху земли; есть ангелъ мрака, вечера и ночи, свѣта и дня; ко всѣмъ тварямъ ангелы приставлены: также ангелъ приставленъ къ каждой землѣ, чтобы соблюдалъ всякую землю, хотя бы она была и поганая; если будетъ Божій гнѣвъ на какую-нибудь землю, то повелитъ ангелу идти бранью на эту землю и ангелъ другой земли не воспротивится повелѣнію Божію“ и т. д. [1]).

[1]) Лаврент. лѣт., стр. 121—122.

Эта мысль о господствѣ духовъ и ангеловъ во всѣхъ областяхъ природы, о таинственномъ значеніи различныхъ явленій природы, особливо небесныхъ, излагалась въ цѣломъ рядѣ другихъ произведеній византійской литературы, въ отеческихъ писаніяхъ, въ статьяхъ апокрифическихъ, наконецъ, и у книжниковъ русскихъ. Понятно, что высказанная писателями авторитетными, она принималась съ полной вѣрой и въ ея дальнѣйшихъ варіаціяхъ. Въ концѣ концовъ понятіе, носившее сначала характеръ болѣе или менѣе идеальный, мистическій, становилось грубымъ антропоморфическимъ представленіемъ. Силы природы были олицетворены въ ангелахъ, исполнявшихъ непосредственныя повелѣнія Бога; своя доля участія дана была и злымъ духамъ, получавшимъ разрѣшеніе дѣйствовать на гибель человѣка, такъ что человѣкъ окруженъ былъ дѣйствіемъ сверхъ-естественныхъ силъ, относительно которыхъ онъ былъ безпомощенъ и могъ привлекать ихъ помощь или отвращать ихъ нападеніе только молитвой, заговоромъ и заклинаніемъ.

Мы не будемъ входить въ подробности этихъ понятій о природѣ, господствовавшихъ въ письменности и въ умахъ народа— намъ пришлось бы излагать цѣлую своеобразную миѳологію. Довольно сказать, что вся старинная космографія, т.-е. ученіе объ устройствѣ вселенной, и вся физика состояли изъ подобныхъ христіанско-миѳологическихъ представленій, основою которыхъ были преданія и книжныя измышленія первобытнаго христіанскаго востока. На западѣ жили тѣ же популярныя представленія о природѣ, развивалось подобное антропоморфическое суевѣріе, иногда въ столь же грубыхъ практическихъ формахъ; но опять была здѣсь громадная разница съ нашимъ положеніемъ вещей. Надъ слоемъ популярной миѳологіи на западѣ уже очень рано возникали проблески критической мысли и сомнѣнія; философія среднихъ вѣковъ состояла, повидимому, въ безплодныхъ умствованіяхъ на тэмы, взятыя изъ того же міра легенды и схоластики,—но сама схоластика все-таки была подготовленіемъ науки, классическія воспоминанія освѣжали атмосферу суевѣрія и къ концу среднихъ вѣковъ критическая мысль выбилась, наконецъ, изъ-подъ спуда религіознымъ движеніемъ реформаціи и великими научными открытіями XV—XVI вѣка. Съ другой стороны, христіанско-миѳическое преданіе рано стало достояніемъ книжно-народной поэзіи и его суевѣрная грубость смягчалась идеалистической обработкой: такова была уже „Божественная Комедія“, поэмы о Гралѣ и много другихъ произведеній средневѣкового эпоса германскаго, французскаго и т. д. Средневѣковой мракъ проходилъ, и въ

кругахъ образованныхъ старое преданіе было наконецъ до того вытѣснено новымъ содержаніемъ, что литература, выросшая изъ Возрожденія, потеряла всякую историческую память о своемъ недавнемъ прошломъ; старина среднихъ вѣковъ осталась удѣломъ народной массы въ ряду суевѣрій, свойственныхъ незнанію и грубости мысли; въ средѣ классовъ образованныхъ разцвѣла новая литература на основѣ возродившагося наслѣдія классическаго міра и новой науки. У насъ было не то. Епифаній Кипрскій, книги Козьмы Индикоплова, Дамаскина и т. д., до самаго восемнадцатаго вѣка оставались непререкаемымъ авторитетомъ, цѣнились одинаково, какъ толкователи христіанскаго ученія и какъ авторитеты въ космографіи и физикѣ, и противорѣчить имъ въ космографіи и физикѣ сочтено было бы за преступленіе противъ самого христіанскаго ученія. Всѣ слои общества были въ этомъ отношеніи равны: отъ высшихъ круговъ московской знати до грамотнаго посадскаго человѣка и крестьянина, господствовало одно міровоззрѣніе, одинъ уровень понятій и о христіанскомъ ученіи, и о космографіи и физикѣ [1]). Но науки здѣсь не было, конечно, и слѣда.

Какъ не было у нашихъ предковъ никакихъ научныхъ понятій о космографіи и физикѣ, такъ ихъ совсѣмъ не было и въ астрономіи, хотя въ церковной статьѣ „о книгахъ истинныхъ и ложныхъ" и въ церковныхъ обличеніяхъ строго запрещались „острономѣя" и „звѣздочетье". Это запрещеніе было повторено, конечно, по примѣру византійскихъ запрещеній, когда древніе блюстители вѣры возставали противъ занятій астрономіей, которыя были дѣломъ языческимъ въ рукахъ знаменитаго Птолемея или Гиппарха. Въ самой Византіи астрономическое знаніе пришло въ совершенный упадокъ и никогда не возрождалось, — дѣло древней астрономіи продолжали арабскіе мыслители, а потомъ ученые западной Европы. При космографическомъ взглядѣ Козьмы

---

[1]) Въ новыхъ изслѣдованіяхъ о старой нашей литературѣ собрано довольно много подробностей относительно старинныхъ знаній и понятій о природѣ, объ устройствѣ міра и т. п. См., напр., „Историческіе Очерки" г. Буслаева; „Лѣтописи русской литературы и древности", г. Тихонравова; изданія „ложныхъ и отреченныхъ книгъ", Тихонравова. М. 1863, и мое, Спб. 1862; „Историческіе очерки народнаго міросозерцанія и суевѣрія православнаго и старообрядческаго", Щапова, въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1863; „Свѣдѣнія и замѣтки о малоизв. памятникахъ" Срезневскаго (напр., о Козьмѣ Индикопловѣ, № XI, и мн. др.); общій обзоръ у Иконникова, Изслѣд. о значеніи Византіи (стр. 510 и слѣд.) и друг. Было бы чрезвычайно любопытнымъ трудомъ—собрать въ цѣломъ и въ системѣ древнія свѣденія научнаго характера и понятія о природѣ, съ указаніемъ ихъ источниковъ и ихъ перехода изъ книги въ народное знаніе, примѣту, суевѣріе и миѳологію,—въ родѣ того, какъ собранъ подобный матеріалъ въ книгѣ Шиндлера: Der Aberglaube des Mittelalters.

Индикоплова нечего думать объ астрономіи. Статьи астрономическаго содержанія въ старыхъ русскихъ памятникахъ ограничиваются смутными переводными отрывками, гдѣ кое-какіе клочки старыхъ астрономическихъ свѣденій смѣшивались съ упомянутыми выше умствованіями византійской схоластики, а наконецъ и запрещались какъ ложныя книги [1]). Впослѣдствіи до нашихъ книжниковъ стали доходить слухи о новѣйшей западной астрологіи— послѣдней вспышкѣ стараго суевѣрія передъ великими открытіями Коперника и Галилея. У новгородскихъ еретиковъ XIV — XV вѣка, повидимому, существовали эти астрологическія суевѣрія, занесенныя изъ западной Европы, и были здѣсь слабой попыткой научной любознательности. Въ XVI столѣтіи въ числѣ иноземцевъ, заходившихъ въ Россію для торговыхъ дѣлъ и на царскую службу, бывали люди, знакомые съ астрологіей, которая, между прочимъ, интересовала самихъ царей; въ числѣ этихъ иноземцевъ былъ очень извѣстный тогда Николай Нѣмчинъ, царскій врачъ, который въ особенности привлекъ на себя суровыя обличенія нашихъ ревнителей. Для образчика приведемъ нѣсколько словъ изъ посланія упомянутаго выше старца Филоѳея къ дьяку Мисюрю Мунехину, который обратился къ нему съ вопросомъ объ астрологическихъ предсказаніяхъ. Старецъ основательно отвергаетъ вліяніе звѣздъ на судьбу царствъ и отдѣльнаго человѣка и хотя догадывается, что астрономическими вычисленіями можно опредѣлять „солнечное и лунное потемнѣніе", но вообще не видитъ большого проку въ этихъ вычисленіяхъ. Дѣло объясняется просто. Старецъ напоминаетъ, какъ Богъ создалъ міръ, какъ въ четвертый день „отъ того огня, иже свѣтъ нарече, сотвори двѣ свѣтильницы велицы: свѣтило великое во освѣщеніе дню, еже есть солнце, свѣтило меньшее въ просвѣщеніе нощи, еже есть луна; также звѣзды, яко мудрый златарь ово на сосуды, ово же на златицы разсыпа, и нарече двѣнадцать звѣздъ, еже глаголются отъ насъ зодіи, иже есть пути солнцу и лунѣ (зодіакъ)... А о звѣздномъ теченіи, и о солнцѣ и лунѣ, да вѣсть твоя честность, яко не самы тыя звѣзды движаемы суть, ниже чувственны, или животны, и не зрятъ ни на что же, но огнь невещественъ, ничтоже вѣсть, ниже знаетъ, преносими суть отъ ангельскихъ невидимыхъ силъ. Самовидѣцъ сему — богоизбранный сосудъ, апостолъ Павелъ, иже третины тверди не дошедъ, посредѣ самыхъ звѣздъ бывъ, и тамо видѣ самыя тыя ангельскія силы, како непрестанно служеніе имутъ

---

[1]) Таковы были греческіе каландологій, бронтологій и т. п.,—въ русскомъ переводѣ: колядникъ, громникъ и пр., упоминаемые въ статьѣ „о ложныхъ книгахъ".

человѣка ради: овіи солнце носятъ, друзіи луну, а иные звѣзды, овіи воздухъ правятъ, вѣтры, облака, громы, отъ послѣднихъ земли воды возносятъ облакомъ, и лице земли напаяютъ, на ращеніе плодомъ, на весну и жатву, ангели на есень и зиму" [1])...

Столѣтіе спустя, въ первой половинѣ XVII вѣка, Олеарій разсказываетъ: „Большинство русскихъ, когда что-либо узнаютъ отъ чужестранцевъ о высокихъ знаніяхъ и извѣстныхъ имъ естественныхъ наукахъ и искусствахъ, произносятъ самыя грубыя и неразумныя сужденія: такъ астрономію и астрологію они считаютъ волшебными науками. Они никакъ не думаютъ, чтобы было естественно знать напередъ и предсказать затмѣнія солнца и луны, равно какъ движеніе другой какой-либо планеты. Поэтому, когда, по возвращеніи нашемъ изъ Персіи, въ Москвѣ стало извѣстно, что великій князь пригласилъ и назначилъ меня своимъ астрономомъ, начались толки: въ Москву-де скоро вернется волшебникъ, находящійся теперь въ голштинскомъ посольствѣ, который по звѣздамъ узнаетъ будущее. Нѣкоторые возымѣли даже отвращеніе ко мнѣ, что́, вмѣстѣ съ другими причинами, и заставило меня отказаться отъ предложенной мнѣ должности.

„Можетъ быть, впрочемъ, москвитяне желали удержать меня въ своей землѣ не за то, что я былъ свѣдущъ въ астрономіи, а потому скорѣе, что я рисовалъ, какъ имъ стало извѣстно, рѣку Волгу и персидскія области, черезъ которыя мы проѣзжали, и положилъ ихъ на карту.

„Позднѣе, именно въ 1643 году, когда я опять былъ въ Москвѣ, я, сидя дома, забавлялся камеръ-обскурой, пропуская сквозь небольшое отверстіе и шлифованное стекло все то, что́ происходило на улицѣ передъ окномъ, и представляя себѣ изображенія живыми красками, вошелъ ко мнѣ русскій подканцлеръ, которому я и показалъ тѣ изображенія. Онъ перекрестился и сказалъ: „Это чародѣйство!" Его собственно поразили люди и лошади, ходившіе вверхъ ногами, какъ представлялись они на изображеніи" [2]).

Не далѣе ушли наши предки въ знаніяхъ математическихъ. Система счета въ нашемъ языкѣ десятичная; со введеніемъ грамоты, написаніе чиселъ совершалось по греческому образцу буквами, какъ на западѣ числа писались буквами латинскими. Первые примѣры вычисленій въ нашей старой письменности находятъ въ

---

[1]) Православный Собесѣдникъ, 1861„ кн. II, стр. 78—96.

[2]) Олеарій, „Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 годахъ". Перев. П. Барсова. Москва, 1870, стр. 165—166.

статьяхъ книжника XII столѣтія, извѣстнаго Кирика, который между прочимъ разрѣшалъ задачи о числѣ лѣтъ, мѣсяцевъ, недѣль, дней, часовъ, протекшихъ отъ сотворенія міра до его времени и т. п.; и въ „Русской Правдѣ“, гдѣ приведены примѣрные разсчеты приплода отъ домашняго скота, прибытка зернового хлѣба въ теченіе извѣстнаго времени, и опредѣляется стоимость найденнаго числа этихъ предметовъ. Далѣе, въ концѣ XV вѣка мы встрѣчаемъ вычисленія пасхаліи, сдѣланныя митрополитомъ Зосимой и въ особенности новгородскимъ архіепископомъ Геннадіемъ и въ XVI-мъ вѣкѣ продолженныя другими духовными лицами.

Способъ счета, при написаніи чиселъ буквами, былъ, конечно, очень затруднителенъ; у грековъ употреблялись при этомъ значки для отличенія тысячъ и десятковъ тысячъ; подобныя обозначенія употреблялись и въ нашемъ письмѣ. За отсутствіемъ нынѣшняго ариѳметическаго счета, облегчаемаго десятичною арабскою системой цифръ, вычисленія были очень медленны и сложны. Для того, чтобы произвести простое нынѣшнее ариѳметическое дѣйствіе, приходилось разлагать данное число на его составныя части, именно, отдѣлять, напримѣръ, десятки тысячъ, тысячи, сотни, десятки и единицы, и высчитывать круглыя числа порознь, приставляя ихъ одно къ другому и затѣмъ выводя ихъ общую сумму. Такимъ образомъ производились всѣ ариѳметическія дѣйствія; при нѣсколько сложныхъ числахъ это вычисленіе становилось чрезвычайно медленно и кропотливо, и замѣчаютъ, напримѣръ, что вычисленія Кирика, хотя онъ не боялся имѣть дѣло съ очень большими числами, несвободны отъ ошибокъ. [1]) При буквенномъ обозначеніи чиселъ требовались для отличенія на письмѣ особенные термины, которые обозначали бы десятки и сотни тысячъ; у насъ десятки тысячъ носили названіе „тма“ (т.-е. собственно: тьма, мракъ), для сотенъ тысячъ Кирикъ употребляетъ слово „невѣдіе“, видимо обозначающее трудность исчисленія такого громаднаго числа. Съ теченіемъ времени пріобрѣталась, конечно, привычка къ счету и, напримѣръ, въ вычисленіяхъ „Русской Правды“ (XII—XIV вѣкъ) находятъ уже значительный успѣхъ сравнительно съ познаніями Кирика. Десятки и сотни тысячъ, затруднявшія Кирика, были уже доступнѣе во времена „Русской Правды“, такъ что полагаютъ, что къ XIII вѣку доступный для русскихъ счетъ подвинулся впередъ до милліона, хотя и тутъ еще замѣтенъ недостатокъ легкости въ обращеніи съ числами. Кромѣ упомянутыхъ случаевъ, остались вычисленія еще по одному предмету

[1]) Разумѣется, если это не были ошибки писца.

практической необходимости, именно, по межеванію земли. Какъ оно происходило въ древнемъ періодѣ, хорошенько неизвѣстно; впослѣдствіи, когда татарамъ понадобилось „изочтеніе“ земель для раскладки податей, межеваніе должно было получить особенную важность, такъ что понадобился особый классъ людей, „писцовъ“, первое упоминаніе которыхъ относится къ 60-мъ годамъ XIV вѣка. „Писцы“ должны были составлять подробное описаніе размежеванныхъ ими мѣстностей; это были такъ называемыя „писцовыя книги“, отъ которыхъ до XVI в. дошли до насъ только отрывки. Въ татарскій періодъ, какъ полагаютъ, въ разныхъ частяхъ русской земли установились разные пріемы и мѣры межеванія. На юго-западѣ, въ областяхъ, присоединенныхъ къ Литвѣ, земельными мѣрами были: уволока, моргъ и прутъ; въ московскомъ государствѣ главной единицей земельной мѣры (и вмѣстѣ мѣры для раскладки податей) была соха, вѣроятно, древнѣйшая русская мѣра, —другими единицами были четверть (содержавшая около $1^1/_2$ нынѣшней десятины) и десятина; въ новгородской области земля измѣрялась сохами, обжами и коробьями (въ сохѣ 3 обжи, и въ обжѣ 5 коробьевъ),—эта новгородская соха или, какъ называли ее потомъ московскіе писцы, сошка составляла десятую часть московской сохи; въ тверскомъ княжествѣ была своя земельная мѣра, и т. д. Это различіе земельной мѣры было, вѣроятно, однимъ изъ давнихъ мѣстныхъ отличій русскихъ земель и племенъ. Дробныя части этихъ мѣръ, при неизвѣстности ариѳметики, не умѣли выразить, по нынѣшнему, дробями и для обозначенія ихъ употреблялись очень мудреные пріемы. Именно, части сохи назывались такъ:

$^1/_2$ сохи — пол-сохи
$^1/_4$ „ — четь-сохи
$^1/_8$ „ — пол-четь-сохи
$^1/_{16}$ „ — пол-пол-четь-сохи
$^1/_{32}$ „ — пол-пол-пол-четь-сохи
$^1/_3$ „ — треть-сохи
$^1/_6$ „ — пол-треть-сохи
$^1/_{12}$ „ — пол-пол-треть-сохи
$^1/_{24}$ „ — пол-пол-пол-треть-сохи и пр.

Подобнымъ образомъ половина четверти называлась осьмина (вѣроятно, по количеству хлѣба, нужнаго для его засѣва), $^1/_3$ называлась третникъ, $^1/_6$—пол-третникъ, $^1/_{24}$ пол-пол-пол-третникъ, $^1/_{96}$ пол-пол-пол-пол-пол-третникъ и т. д. Въ XVI столѣтіи, когда вообще возникали книжныя западныя вліянія, являются переводныя математическія статьи западнаго происхожденія, но которыя

на первый разъ свидѣтельствовали опять о крайней отсталости знаній. Такъ сочли тогда нужнымъ переводить статью Исидора Севильскаго, писателя VII столѣтія, представлявшую, конечно, не много поучительнаго [1]).

Въ западной Европѣ арабскія цифры, съ введеніемъ которыхъ начинается нынѣшняя ариѳметика, были заимствованы отъ арабовъ еще въ концѣ XII вѣка, когда онѣ были принесены изъ Испаніи знаменитымъ Гербертомъ (впослѣдствіи папа Сильвестръ II). Въ общее употребленіе онѣ вошли много позднѣе; но математическія знанія еще до конца среднихъ вѣковъ получили значительное развитіе. У насъ арабскія цифры появляются впервые только со второй половины XVII-го вѣка—еще какъ рѣдкость; первая рукописная ариѳметика, конечно, переводная и западнаго происхожденія, является въ концѣ столѣтія, а первая напечатанная ариѳметика и общее употребленіе арабскихъ цифръ относятся уже ко временамъ Петра Великаго. Первыми распространителями настоящей ариѳметики были Фарварсонъ, учитель въ „навигацкихъ" школахъ, и Магницкій, авторъ знаменитой ариѳметики. Капитанъ Перри, бывшій въ Россіи во времена Петра, разсказываетъ, что математическія выкладки велись у русскихъ обыкновенно на счетахъ и что въ его время въ Россіи было очень мало людей, знавшихъ ариѳметику, и такіе люди считались остроумнѣйшими головами. Ѳеофанъ Прокоповичъ, въ „Словѣ на похвалу Петра Великаго" (29 іюня 1725) говорилъ: „Что ни видимъ цвѣтущее, а прежде сего намъ и невѣдомое, не все ли то его заводы?.. Что рещи о ариѳметикѣ, геометріи и прочихъ математическихъ искусствахъ, которымъ нынѣ дѣти россійстіи съ охотою учатся, съ радостью навыкаютъ, и полученная показуютъ съ похвалою: тая прежде были ли? Не вѣдаю, во всемъ государствѣ былъ ли хотя одинъ цирклинъ, а прочаго орудія и именъ не слыхано: а есть ли бы гдѣ нѣкое явилося ариѳметическое или геометрическое

---

[1]) В. Бобынина, „Состояніе математическихъ знаній въ Россіи до XVI вѣка", въ Ж. Мин. Просв. 1884, № 4, стр. 183—209. Авторъ этой любопытной статьи дѣлаетъ, впрочемъ, нѣкоторыя ошибки. Изъ запрещенія „землемѣрія" въ статьѣ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ онъ заключаетъ, что у насъ существовали особыя сочиненія, спеціально посвященныя землемѣрію,—но упомянутое запрещеніе было просто рабски скопировано съ византійскаго индекса и въ подлинникѣ означало геометрію, какъ мірскую языческую науку. Такимъ же образомъ надо было бы принять, что у насъ существовали и книги, спеціально посвященныя астрономіи, потому что она тоже запрещалась. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 203), на основаніи статьи Максима Грека о „Николаѣ Нѣмчинѣ" авторъ заключаетъ, что у насъ въ XVI вѣкѣ знали ученіе Коперника; но Николай Нѣмчинъ былъ вовсе не Коперникъ. — Образчики купеческаго счета приведены въ книгѣ г. Саввантова о царскихъ утваряхъ и одеждахъ.

дѣйствіе, то тогда волшебствомъ нарицано"... Это было совершенно справедливо. При Грозномъ благочестивые люди испугались появившихся тогда нѣмецкихъ календарей, и календари были сожжены. Въ извѣстной исторіи о невинномъ заточеніи боярина Матвѣева большую роль играла „черная книга", „что писаны многія статьи цифирью", относительно которой бояринъ отозвался, что есть у него „тетрадка славенскаго письма, а въ той тетрадкѣ писаны пріемы отъ всякихъ болѣзней, и подмѣчены тѣ статьи словами цифирными [1]) для пріисканія лекарствъ"... Г. Забѣлинъ припоминаетъ, что понятія нашихъ предковъ о математикѣ всего ярче выразились въ московскомъ преданіи о Сухаревой башнѣ, имя которой—отъ пребыванія въ ней учителей и учениковъ математики — стало обозначеніемъ ученаго заведенія, а такъ какъ здѣсь дѣлались астрономическія вычисленія, физическіе опыты, отсюда выходили календарныя предсказанія и т. п., то въ народѣ образовалось понятіе о Сухаревой башнѣ, какъ о мѣстѣ колдовства, а Брюсъ, авторъ знаменитаго перваго русскаго календаря, прослылъ чернокнижникомъ [2])...

Свѣденія по географіи, при оторванности отъ западной Европы, при недостаткѣ географическихъ указаній византійскихъ, при общемъ умственномъ застоѣ, не могли быть ни обширны, ни точны. Почти единственной чужой землей, которая интересовала русскихъ, была святая земля, и странствія паломниковъ, отъ игумена Даніила въ XII-мъ вѣкѣ до священника Лукьянова въ Петровскія времена, составляютъ главное содержаніе старой литературы путешествій. Знаніе географіи было чисто эмпирическое. Путешествіе въ Индію Аѳанасія Никитина осталось исключительнымъ фактомъ, не имѣвшимъ послѣдствій для научнаго знанія. Путешествій на западъ не было совсѣмъ, кромѣ оффиціальныхъ путешествій пословъ, и ихъ „статейные списки" иногда изъ приказовъ проникали въ сборники и распространялись въ нихъ какъ интересное чтеніе. Первыя нѣсколько полныя свѣденія о разныхъ странахъ свѣта, народахъ и государствахъ, получены были опять изъ западныхъ источниковъ—въ различныхъ „космографіяхъ" (т.-е. географіяхъ), переведенныхъ съ латинскаго и польскаго языка,—и переводы эти свидѣтельствуютъ обыкновенно о большой трудности для переводчиковъ передавать незнакомые и непривычные термины и понятія общественныя въ описаніяхъ на-

---

[1]) Т.-е. просто цифрами.

[2]) Ср. Пекарскаго, Наука и литер. въ Россіи при Петрѣ В., I, стр. 263—271; Забѣлина, Опыты, I, стр. 73—76.

родовъ и государствъ. Въ одной изъ такихъ космографій, переведенныхъ въ концѣ XVII вѣка извѣстными учеными монахами Епифаніемъ Славинецкимъ, его товарищемъ Исаіей и Арсеніемъ Сатановскимъ, находится, кажется, первое вразумительное изложеніе системъ Птолемея и Коперника, гдѣ о послѣдней замѣчено, что „нынѣ изящнѣйшіе вси математики Копернику подражаютъ", но о значеніи ея сказано уклончиво. Первыя печатныя книги и правильное изложеніе географіи начинаются опять съ Петра Великаго [1]).

Географія самой Россіи была, конечно, хорошо извѣстна по административной необходимости; но какъ мы говорили, въ другомъ мѣстѣ [2]), это эмпирическое знаніе впервые стало точнымъ лишь тогда, когда со временъ Петра предприняты были научныя экспедиціи и геодезическія измѣренія. Обширная колонизація, веденная промышленными и охочими людьми и полу-разбойниками казаками, открывала для русскихъ цѣлыя новыя страны на востокѣ и новые географическіе факты, но эти факты входили въ науку лишь чрезъ посредство иностранныхъ путешественниковъ и писателей, которые въ первый разъ старались дать имъ опредѣленность и дѣлали общимъ достояніемъ. Такое внѣ-научное положеніе знаній иногда дѣлало ихъ безполезными и для науки, и для практическаго примѣненія у самихъ нашихъ предковъ. Аѳанасій Никитинъ былъ въ Индіи до португальцевъ, казакъ Дежневъ открылъ Беринговъ проливъ задолго до Беринга; но заслуга открытія остается за португальцами и Берингомъ. Путешествіе Никитина и для тогдашней науки, и для какого-нибудь практическаго русскаго интереса осталось совершенно безплодно. Русскій дьякъ Истома, и потомъ Власовъ еще до Ченслера совершили плаваніе по берегамъ Норвегіи; но бѣломорскій путь былъ все-таки „открытъ" Ченслеромъ въ 1555 г., потому что лишь съ этого времени новый географическій фактъ вошелъ въ науку, и повелъ къ практическому пользованію этимъ путемъ. Извѣстная привилегія англійской компаніи на торговлю съ Россіей этимъ путемъ (1567) дана была именно потому, что путь открытъ былъ кораблями этой компаніи. „Россіи суждено было,—замѣчаетъ Костомаровъ,—предупредить другихъ европейцевъ въ географическихъ открытіяхъ, которыя послѣ, однако, въ наукѣ остались не за русскими" [3]).

---

[1]) Ср. Пекарскаго, I, стр. 333—343; нѣсколько текстовъ старой космографіи у Андрея Попова, „Изборникъ", М. 1869, стр. 459—541.

[2]) Статьи о нашей наукѣ XVIII-го вѣка, В. Евр. 1884.

[3]) Очеркъ торговли моск. государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Спб. 1862, стр. 50.

Для самихъ русскихъ торговыя дѣла этимъ путемъ начались только съ тѣхъ поръ, когда, независимо отъ нихъ, явились этимъ путемъ англичане.

То же отсутствіе всякой школы, какъ въ доселѣ упомянутыхъ отдѣлахъ знанія, представляютъ познанія грамматическія. Мы не будемъ останавливаться на тѣхъ начаткахъ грамматическаго и „философскаго" знанія, какія представляются древнимъ переводомъ книгъ Іоанна Дамаскина,—переводомъ, повтореннымъ еще нѣсколько разъ: историки нашей старой литературы не однажды передавали содержаніе этихъ книгъ [1]). Но эти и подобные начатки, положенные въ древнемъ періодѣ, остались потомъ безъ всякаго развитія. Правда, встрѣчаются потомъ два-три примѣра разсужденій о грамматическихъ правилахъ, и даже весьма важныя теоретическія замѣчанія о языкѣ, но они принадлежатъ писателямъ ино-славянскимъ, какъ, напр., Константинъ Костенчскій и Крижаничъ, или иноземцамъ, какъ Максимъ Грекъ; первыя русскія грамматики приходятъ опять съ юго-запада (Зизаній и Смотрицкій). Сколько споровъ о церковныхъ текстахъ, объ исправленіи книгъ,—споровъ, имѣвшихъ нерѣдко трагическій конецъ и, между прочимъ, получившихъ такое фатальное значеніе въ развитіи раскола,—было порождено простымъ незнаніемъ грамматики. При господствующемъ невѣжествѣ, при возникшемъ отсюда внѣшнемъ пониманіи самой религіи, обряду давалось преувеличенное значеніе и буква дѣлалась основой правовѣрія: исправленіе несомнѣнной ошибки, внесенной невѣждами-писцами и противорѣчившей какъ подлиннику писанія (или богослужебныхъ книгъ), такъ и здравому смыслу, приравнивалось нарушенію и оскорбленію самой вѣры. Примѣры этого рода являются издавна. Въ XVI вѣкѣ этотъ паническій страхъ передъ буквой былъ готовъ. Максимъ Грекъ уже выносилъ нападенія за попытку исправлять испорченныя книги. Когда начались преслѣдованія, привязались и къ его переводамъ. Медоварцовъ, сотрудникъ его въ переводѣ толковой псалтыри, на вопросъ митр. Даніила, зачѣмъ онъ заглаживалъ (выскабливалъ) одно мѣсто въ книгѣ, отвѣчалъ такъ: „мнѣ, господине, Максимъ велѣлъ загладити, и азъ, господине, сталъ гладити да загладилъ двѣ строки, и впередъ гладити усомнѣлся; и азъ говорилъ Максиму, что не могу заглаживати, дрожъ мя

[1]) См., напр., за послѣднее время, Православный Собесѣдникъ, 1860, кн. 2, стр. 181—236: „Объ источникахъ свѣденій по разнымъ наукамъ въ древнія времена Россіи"; Иконникова, о значеніи Византіи, стр. 510—513, и друг. Изданія древнихъ переводовъ изъ Дамаскина въ „Чтеніяхъ моск. общ. исторіи и древн." послѣднихъ годовъ.

великая поимала и ужасъ на мя напалъ“ [1]). Несчастный и самъ думалъ, что совершаетъ ужасное дѣло, „заглаживая“ въ священной книгѣ строки—гдѣ вкралась ошибка. Не мудрено, что во время Никона приверженцы раскола говорили, что „не точію въ вѣрѣ, но ни въ малѣйшей чертицѣ канонов и пѣсней, ни у какого слова, ни у какой рѣчи не убавить, не прибавить ни единаго слова не должно, и что православнымъ должно умирать за едину букву азъ“ [2]).

Говорятъ, что истинный смыслъ раскола заключался не въ этомъ спорѣ о буквахъ; были, дѣйствительно, у него и другія основанія недовольства, но остается во всякомъ случаѣ фактъ, что въ протестахъ раскола величайшая важность придавалась именно буквѣ, что въ этомъ смыслѣ понимали дѣло, между прочимъ, и важныя лица московскаго духовенства, приставшія тогда къ расколу, и наконецъ, что за буквой и подобными внѣшними и пустыми вещами остались мало сознанными и не высказанными болѣе серьезныя причины недовольства.

Присоединялось и незнаніе греческаго языка: довольно было знать греческую азбуку и видѣть одну греческую книгу, чтобы понять, какъ должно писаться имя „Іисусъ“; но этого знанія не нашлось.

Повидимому, въ этомъ отношеніи Москва отстала даже отъ прежнихъ вѣковъ. Недостатокъ знающихъ людей въ Москвѣ былъ таковъ, что постоянно приходилось искать чужой помощи: то является митрополитъ Кипріанъ, то Пахомій (сербы), чтобы помогать московской книжности; то вызывается Максимъ Грекъ для „толкованія“ священныхъ книгъ; то приглашаются для исправленія перепорченныхъ книгъ южно-русскіе ученые. Москва, превозносясь тѣмъ, что она замѣщаетъ павшій Костантинополь и представляетъ единое христіанское царство, „третій Римъ“, не умѣла собственными средствами поставить даже необходимѣйшаго книжнаго дѣла. Не входя въ подробности, напомнимъ одинъ эпизодъ изъ дѣятельности Максима Грека въ Москвѣ. Видѣвши по собственному опыту крайнее невѣжество московскихъ людей, онъ, не смотря на свои личныя невзгоды, хотѣлъ, сколько можно, быть имъ полезнымъ, и училъ ихъ, какъ имъ слѣдуетъ, послѣ него, выбирать изъ приходящихъ грековъ настоящаго знающаго человѣка и предостеречься отъ обманщиковъ и невѣждъ въ книжномъ дѣлѣ. Съ этою цѣлью онъ рекомендовалъ имъ (въ статьѣ „о при-

---

[1]) Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн. 1847, № 7, стр. 11.

[2]) Щаповъ, Русскій расколъ старообрядства. Казань, 1859, стр. 73 и далѣе.

шельцахъ философахъ") слѣдующее простое средство: для испытанія людей, которые стали бы предлагать свои услуги въ качествѣ переводчиковъ съ греческаго языка, онъ написалъ нѣсколько греческихъ стиховъ размѣра героическаго и элегическаго, приложилъ къ нимъ свой переводъ и объясненія, и совѣтовалъ: „Аще кто по моемъ умертвіи будетъ пришедъ къ вамъ, иже аще возможетъ превести вамъ строкъ тѣхъ по моему переводу—имите вѣры ему, добръ есть и искусенъ; аще ли не умѣетъ совершенно превести по моему переводу—не имите вѣры ему, хоти тмами хвалится, и первѣе вопросите его: коею мѣрою сложени суть строки сіи? [1]) и еще речетъ: иройскою и елегійскою мѣрою,—истиненъ есть; аще рцыте ему: коликими ногами (стопами) обоя мѣра совершается? и аще отвѣщаетъ, глаголя: яко иройска убо шестію, и елегійска пятію,—ничтоже прочее сомнитеся о немъ, предобръ есть, пріимите его съ любовію и честію и, елико время у васъ жити произволяетъ, жалуйте его нещадно, и егда же хощетъ возвращатися во свояси, отпустите его съ миромъ, а силою не держите у себя таковыхъ; нѣсть бо похвально ниже праведно, но ни полезно земли вашей, яко же и Омиръ глаголетъ премудрый, законополагая страннолюбію: лѣпо есть, рече, любити гостя у насъ живуща, а хотяща отъити — пустити". Можно судить о патріархальномъ невѣжествѣ людей, которымъ надо было подавать такіе совѣты, и о томъ, какъ могъ настоящій ученый человѣкъ къ нимъ относиться.

При отсутствіи знакомства съ другими странами и народами, особливо западными, при крайней религіозной враждѣ къ нимъ, трудно ожидать знанія западныхъ иностранныхъ языковъ. И дѣйствительно, въ старой письменности господствуютъ переводы только съ греческаго—притомъ частію старые, частію сдѣланные чужими руками, именно руками южныхъ славянъ и самихъ грековъ; но очень рѣдки переводы съ латинскаго, которые въ большемъ числѣ являются только къ XVII-му вѣку, при посредствѣ южной и западной Руси; почти нѣтъ переводовъ съ нѣмецкаго,—не говоря о другихъ западныхъ языкахъ. Знаніе послѣднихъ иностранные путешественники отмѣчаютъ какъ особенную рѣдкость. Во второй половинѣ XVII вѣка, когда уже были значительныя сношенія съ западными странами, въ посольскомъ приказѣ, по словамъ Котошихина, было для переводовъ около 50 переводчиковъ и 70 толмачей; но имена переводчиковъ, упоминаемыя въ „Памятникахъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ иностранными державами", ука-

[1]) Т. е., въ какомъ размѣрѣ написаны стихи.

зываютъ, что это были иностранцы, болѣе или менѣе обрусѣвшіе или знакомые съ русскимъ языкомъ: Касперъ Ивановъ, Юшка Вичентовъ, Лукашъ сынъ Магнусовъ, Анца Андреевъ, Вестерманъ, „иноземецъ" Романъ Болдвинъ, Романъ Бекманъ, Иванъ Гельмсъ (съ послѣднимъ имѣлъ дѣло, напр., Олеарій). Есть извѣстія, что плѣнныхъ иноземцевъ и безъ всякаго ихъ желанія хотѣли дѣлать переводчиками: это видно и въ приведенныхъ словахъ Максима Грека—чтобы не „держали силой" людей, которые захотятъ возвратиться въ свое отечество. Въ сношеніяхъ съ турками встрѣчаются переводчики съ такими именами: Келметъ Алешовъ, Шебанъ Шепчюринъ и т. п.,—очевидно люди восточные.

Не будемъ также останавливаться долго на другихъ отрасляхъ знанія, напр., на свѣденіяхъ старыхъ русскихъ людей въ разныхъ предметахъ естествознанія. Понятно, что у нихъ нечего было-бы искать какого-нибудь подобія анатоміи, медицины, зоологіи, ботаники, минералогіи и т. д. Анатомія была невозможна—по религіозному чувству и связанному съ нимъ суевѣрному страху,—да и некому, и не зачѣмъ, было бы ею заниматься, потому что не существовало никакой медицинской школы. Практическая медицина извѣстнаго рода существовала, разумѣется, искони, въ видѣ народныхъ эмпирическихъ средствъ, примѣтъ, суевѣрныхъ обычаевъ и наконецъ легендарныхъ преданій, научавшихъ, въ какихъ болѣзняхъ помощь какого святого бываетъ спеціально полезна. Народная эмпирическая медицина, существующая до сихъ поръ (но къ сожалѣнію все еще мало изслѣдованная), не лишена была вѣроятно настоящаго значенія относительно фармакологіи; другія стороны ея были только хаосомъ суевѣрныхъ преданій. Потребность въ медицинской помощи, повидимому, очень давно вызывала заимствованія и наконецъ переводы медицинскихъ книгъ съ иностранныхъ языковъ. Сначала медицинскія свѣденія приходили, вѣроятно, отъ грековъ, а въ среднемъ періодѣ съ запада. Съ XV вѣка появляются въ Россіи, сначала при царскомъ дворѣ, нѣмецкіе врачи, а къ концу XVII столѣтія ихъ было уже довольно много. Медицинская литература состояла изъ „зелейниковъ" и „травниковъ", исторія которыхъ остается пока еще очень темна; несомнѣнно только, что болѣе поздніе изъ нихъ были переводимы съ нѣмецкаго и латинскаго [1]). Такъ одинъ травникъ переведенъ былъ съ нѣмецкаго въ 1534 году, и переводчикомъ былъ „полонянинъ литовскій, родомъ нѣмчинъ, любчанинъ". Таковы могли быть и другіе пере-

[1]) Этимъ языкамъ принадлежатъ многія вошедшія въ народъ названія лекарствъ и аптечныхъ снадобьевъ.

водчики. Но, какъ ни было, повидимому, просто и необходимо медицинское знаніе, и оно было окружено своеобразными препятствіями. Въ старыхъ спискахъ ложныхъ и отреченныхъ книгъ не забытъ и „зелейникъ“: врачевство въ древнія времена было обыкновенно знахарствомъ, колдовствомъ и волшебствомъ; слово „зелье“ и до сихъ поръ сохранило въ языкѣ остатокъ стариннаго значенія травы волшебной и очень часто опасной, губительной. Впослѣдствіи, врачъ-иноземецъ былъ призываемъ по самой крайней необходимости: ему не довѣряли впередъ, какъ злокачественному иновѣрцу, побаивались его искусства и обращались къ этому небезопасному, но „хитрому“ человѣку, когда безплодность домашняго знахарства была слишкомъ очевидна. Враждебное недовѣріе къ ученому доктору твердо хранилось въ народѣ и до послѣдняго времени, развѣ что очевидная польза и видимое доброжелательство врача разувѣряли несчастнаго суевѣра. Въ такомъ положеніи были за немногими исключеніями вообще наши предки, колеблясь между бѣдой болѣзни и суевѣрнымъ страхомъ къ знанію, которое притомъ прямо причислялось къ вещамъ „отреченнымъ“.

Зоологія, ботаника, минералогія и пр. состояли опять въ двоякомъ родѣ знаній: съ одной стороны, это были простыя эмпирическія знанія, по необходимости скудныя; съ другой, легендарныя сказанія о чудесныхъ (и, конечно, никѣмъ невиданныхъ) звѣряхъ, птицахъ, рыбахъ, растеніяхъ, камняхъ и т. д. Эти сказанія частью могли быть остаткомъ старинныхъ миѳическихъ преданій, а большею частью почерпнуты были изъ различныхъ чудесныхъ исторій книжныхъ. Такихъ источниковъ представляли очень много писанія самихъ отцовъ церкви, повторявшихъ популярные миѳы; книги апокрифическія; чудесныя повѣсти въ родѣ „Александріи“; старинные „Физіологи“; статьи о чудесныхъ камняхъ и т. д. Книжный человѣкъ стараго времени, знакомясь съ этой областью, вступалъ опять въ фантастическій міръ чудеснаго, гдѣ долженъ былъ переходить отъ одной невѣроятности къ другой, и не имѣлъ никакой возможности оріентироваться, потому что не имѣлъ къ этому единственнаго способа—какого-нибудь научнаго знанія.

Далѣе, намъ останется еще сказать о свойствѣ знаній нашихъ предковъ въ области самой русской исторіи.

Въ предъидущемъ изложеніи мы не имѣли въ виду сколько-нибудь полнаго очерка того, что̀ можно назвать научными знаніями стараго московскаго времени; въ столь сжатомъ объемѣ это

и затруднительно,—но изъ того, что было нами приведено, можно составить себѣ представленіе объ общемъ характерѣ этихъ знаній. Нѣкоторый проблескъ начинается лишь съ тѣхъ поръ, какъ въ Москву стали проникать вліянія юго-западнаго просвѣщенія и кіевскихъ школъ и черезъ нихъ стали приходить отголоски тогдашнихъ знаній европейскихъ. Образовательное движеніе южно-русское возбуждено было, какъ извѣстно, потребностями церковной борьбы противъ католицизма и уніи и, по историческимъ условіямъ южно-русской жизни, усвоило схоластическую форму школы и самой науки. Оно открылось съ конца XVI-го вѣка, и съ тѣхъ поръ уже стало отражаться въ московской письменности, но болѣе прочно стало проникать въ Москву только со второй половины XVII-го. И сама южно-русская школа не могла считаться сколько-нибудь полнымъ представительствомъ научнаго знанія, дѣйствовавшаго на западѣ; по своей формѣ и содержанію своей науки она представляла параллель клерикальной католической школы — другого образца она не знала, и для защиты интересовъ православія естественно воспользовалась оружіемъ самихъ противниковъ. Южно-русское просвѣщеніе имѣло, какъ видимъ, свои настоятельныя мѣстныя нужды и заботы,—но здѣсь совершалось и общерусское дѣло. Здѣсь впервые развилось русское книгопечатаніе, неудавшееся на первыхъ порахъ въ Москвѣ; здѣсь издана была впервые славяно-русская библія; сюда перенесъ свою дѣятельность московскій выходецъ князь Курбскій, спасаясь отъ тиранства Ивана Грознаго; здѣсь явилось первое систематическое славяно-русское изложеніе православнаго догматическаго ученія, въ катихизисѣ Петра Могилы; отсюда сама Москва пожелала наконецъ вызвать ученыхъ людей, которые помогли бы ея научной безпомощности; въ тѣсной связи съ этимъ церковно-полемическимъ движеніемъ шла борьба южно-русскаго народа противъ польскаго и католическаго ига, кончившаяся присоединеніемъ давно оторванной южно-русской страны къ русскому цѣлому.

Старая Москва, какъ извѣстно, недружелюбно смотрѣла на южно-русское движеніе, подозрѣвая въ невѣдомыхъ ей формахъ схоластической науки скрывающееся латинство (послѣ, не смотря на то, эти схоластическія формы цѣликомъ были приняты въ московской академіи, и съ конца XVII-го вѣка господствовали въ нашихъ духовныхъ заведеніяхъ до самаго XIX столѣтія, чуть не до нашихъ дней). Но если мы захотимъ опредѣлить то „научное“ содержаніе, какое сложилось въ самой подлинной Москвѣ, еще не тронутой юго-западными вліяніями, мы увидимъ ту странную картину, черты которой указывали выше. Единственный ис-

точникъ познаній о природѣ и человѣкѣ, свѣденій по космографіи и физикѣ, исторіи и естествознанію, и т. д. составляли безсвязные отрывки изъ византійской литературы, не переработанные никакимъ самостоятельнымъ изслѣдованіемъ, не объединенные никакой собственной мыслью. Въ то время, когда совершались великія открытія новой европейской науки XV—XVII вѣка, у насъ повторялась полемика мрачныхъ аскетовъ первыхъ вѣковъ христіанства противъ классической философіи и науки; полемика была очень запоздалая, но даже и ея смыслъ нашимъ книжникамъ не могъ быть понятенъ, потому что сами классики были совершенно неизвѣстны. Когда въ западно-европейской жизни создавалась новая философія—Декарта, Спинозы, Лейбница, совершались ученые труды знаменитыхъ гуманистовъ и открытія въ изученіи природы, и въ литературѣ уже явился Шекспиръ,—у насъ безраздѣльно господствовалъ фантастическій міръ средневѣковаго преданія, мысль опутывалась густымъ туманомъ легендарныхъ суевѣрій, страхомъ и передъ природой, и передъ наукой. Теоретическое знаніе не существовало: за всѣ средніе вѣка нашей исторіи не находится ни одного примѣра подобной теоретической работы, и въ XVIII-мъ вѣкѣ народный умъ впервые долженъ былъ проходить эту школу. Намъ хотятъ теперь изображать эту старину идеаломъ національной жизни, потеряннымъ раемъ истинно народныхъ началъ; но не говоря о томъ, возможно ли завершенное выраженіе народныхъ началъ на полъ-пути историческаго роста,—можетъ ли желанный идеалъ заключаться въ томъ положеніи народа, когда его мысль была окружена мракомъ и пугалась знанія, которое необходимо было бы не только для національнаго, но и для самого человѣческаго достоинства?

Мы остановимся дальше на томъ, какъ въ этихъ условіяхъ умственнаго содержанія складывались понятія объ исторической судьбѣ самого народа и понятія общественныя.

А. Пыпинъ.

ОБРУЧЕННЫЕ.

Изъ „Хроники происшествій".

„Сильна любовь какъ смерть!"
Пѣснь пѣсней. VIII. 6.

I.

Здѣсь тихая смерть обитаетъ въ покояхъ,
И двери для всѣхъ отперты:
Невѣста лежитъ въ гіацинтахъ, левкояхъ—
Съ улыбкой остыли черты.

Въ тѣни соболиныхъ рѣсницъ утопая,
Сквозятъ голубые глаза,
И кажется, будто въ селеніяхъ рая
Имъ снится небесъ бирюза,

Иль грезится тишь въ голубомъ океанѣ
И свѣтъ незакатныхъ лучей...
А колоколъ плачетъ въ надземномъ туманѣ
Невнятной печалью людей...

И стрѣлка часовъ, пробѣгая по кругу,
Ведя утомительный счетъ,
Предѣлъ назначаетъ трудамъ и досугу,
И горю, и счастью чередъ.

И гдѣ-то въ углу пріунывшаго дома
Украдкой посудой гремятъ:

Рыдавшихъ постигла нѣмая истома —
Ихъ слабость друзья сторожатъ...

Но съ холодомъ въ членахъ и съ жаромъ въ зѣницахъ
Глядятъ они тупо вокругъ,
Взаимно читая въ потерянныхъ лицахъ
Невольный предъ жизнью испугъ.

Имъ странны движенья прислуги несмѣлой,
Случайные звуки рѣчей,
Постылыя яства на скатерти бѣлой,
На утвари — отблескъ лучей...

И всѣмъ точно призракъ, осилившій зрѣнье,
Мерещится въ саванѣ та,
Кто здѣсь, за стѣною, вкусивъ усыпленье,
Исчезла, какъ въ небѣ мечта...

Житейское море въ немолчныхъ прибояхъ
Сюда не домчитъ суеты:
Здѣсь тихая смерть обитаетъ въ покояхъ,
Здѣсь вянутъ на гробѣ цвѣты.

II.

А Невскій въ этотъ день, какъ и въ другіе дни,
Кипѣлъ прохожими на солнцѣ и въ тѣни,
И также, въ двѣ рѣки, тянулись экипажи
Межъ стеколъ, блещущихъ соблазнами продажи,
И разноцвѣтные, но блѣдные дома
Подъ небомъ высились, какъ ровная кайма,
И башня думская подобно часовому
Внимала холодно движенію дневному...
Все та же вѣчная, живая суета
И тотъ же вольный видъ съ Аничкова моста
На уходящіе наклоны перспективы:
Шпалеры стройныя такъ горды и красивы!
Межъ нихъ чернѣетъ людъ на гладкомъ полотнѣ —
А тамъ рисуется въ далекой глубинѣ,
Какъ подъ косымъ дождемъ, подъ нитью телефона,
Адмиралтейскій шпиль на дымкѣ небосклона. —

Движенье улицы пришло теперь въ разгаръ:
Гудѣлъ торцовый путь, покрылся тротуаръ.
Зѣваки скучились на лѣстницѣ пассажа,
А передъ лавочкой подвальнаго этажа
Чредой прохожіе сгибались у витринъ,
Гдѣ блещутъ образы пѣвицъ и балеринъ,
И въ тусклыхъ копіяхъ желтѣютъ наши славы...
Газетчикъ предлагалъ послѣдніе уставы,
Сулилъ вамъ выигрышъ съ обманчивыхъ таблицъ...
Мелькали профили, пестрѣли сотни лицъ:
Курсистка съ книжкою и съ думою суровой;
Кокотка смуглая подъ шляпкою пунцовой,
Въ боа закутана—два обруча въ ушахъ;
Убогій инвалидъ привсталъ на костыляхъ
Предъ сочной выставкой съѣстного магазина;
На дрожкахъ трепетныхъ стремглавъ летѣлъ мужчина,
Обнявшись съ дамою; въ каретѣ биржевикъ
Качался выбритый, откормленный какъ быкъ;
Артельщики несли золоченные стулья;
Изъ конокъ публика валила какъ изъ улья,
Сходя предъ линіей гостинаго двора;
Надъ уровнемъ толпы носились кучера;
Лакей посланника проплылъ съ своимъ плюмажемъ,
Съ портфелемъ—адвокатъ... но всѣхъ не перескажемъ.

И передъ улицей, гдѣ, словно межъ кулисъ,
Видѣнья шумныя, вседневныя неслись,
Печальный юноша застылъ въ оцѣпенѣньи...
Онъ дрогнулъ и блѣднѣлъ въ глубокомъ отчужденьи
Отъ этихъ образовъ, мелькавшихъ передъ нимъ,
Случайныхъ, суетныхъ, удушливыхъ, какъ дымъ!

Онъ былъ здѣсь, правда, не у мѣста
Съ своей печалью гробовой:
Уснула тихо предъ зарей
Послѣднимъ сномъ его невѣста...
Онъ видѣлъ смерти бѣлый взглядъ,
И грозной тѣни близкій ядъ
Его мутилъ... Страшна потеря
Любимой, избранной души!
Насъ гложетъ скорбь тогда въ тиши
И мы безпомощнѣе звѣря...

Вокругъ—мы видимъ суету,
А въ глубь души бросая взоры,
Въ себѣ встрѣчаемъ темноту—
И въ ней мятемся безъ опоры!
И вотъ, охваченный толпой,
Онъ думалъ—съ болью и тоской:

„Круженье лицъ, и гулъ, и топотъ,
Дневной тревоги бѣготня—
И никому неслышный ропотъ,
Грызущій сердце у меня!..
О, жизни горестная сказка
И пестрый, безпокойный бредъ!
Ужели легкая повязка
Меня спасала столько лѣтъ,
И за толпой, въ цѣпи единой,
Я шелъ на пиршествѣ земномъ,
Считая стройною картиной
Одинъ безсмысленный содомъ?!..
Круженье лицъ, и гулъ, и топотъ,
Дневной тревоги бѣготня—
И никому неслышный ропотъ,
Грызущій сердце у меня!..“

III.

Въ тревогѣ мрачной и безумной,
Съ лицомъ потерянно-больнымъ,
Онъ убѣжалъ съ дороги шумной
Въ другія улицы. За нимъ
Движенье стихло. Видъ канала
Съ его безшумной пестротой
Раскрылся длинною дугой
И груда зданій обступала
Изгибы ленты водяной.
Онъ шелъ, потупя взоръ недвижный...
Предъ нимъ тянулся путь булыжный,
Покрытый грязью, и на немъ
Встрѣчались вдругъ: то клокъ соломы,
То слѣдъ муки, или несомый
Въ круженьи вихря ледяномъ

Газетный листъ, иль голубь сизый,
Сбиравшій зерна на пути,
Чтобъ ихъ къ подругѣ унести
На недоступные карнизы, —
И эти пятна, брызги дня
Его пугали, какъ видѣнья,
Едва доступнаго значенья,
Изъ свѣтлой бездны бытія.
Въ умѣ, смущенномъ до затмѣнья,
Несчастный думалъ: „гдѣ отвѣтъ?
Зачѣмъ онъ свѣтитъ—этотъ свѣтъ?..
Теперь ты въ гробѣ стынешь, стынешь!
Ужели мнѣ, хоть я живой,
Завѣсу тайны роковой
Ты на мгновенье не раздвинешь?..“
И онъ прислушался... Но вдругъ,
Очами обведя вокругъ,
Онъ сдвинулъ дрогнувшія брови —
И зарыдалъ.—Стѣснилась грудь,
И долго силилась вздохнуть—
И грѣлась подъ наплывомъ крови...

IV.

Сквозь росу туманную смоченныхъ рѣсницъ
Легче сердцу кажется горе безъ границъ.
Вотъ и Маня прежняя, какъ живой портретъ,
Ходитъ, улыбается, шлетъ ему привѣтъ.
Вспомнилось, какъ рѣзвая, вмигъ она могла
Отогнать задумчивость отъ его чела:
Сядетъ съ нимъ подъ лампою, книгой шелеститъ,
Втайнѣ словомъ ласковымъ друга подаритъ
И рукой дотронется до его руки —
Оба сердцемъ чувствуютъ какъ они близки!
А пройдетъ по комнатѣ—очи ей во слѣдъ
Тянутся, любуются, какъ дитя на свѣтъ!..
Скроется—и кажется, что за нею вдругъ
Жизни обрывается лучезарный кругъ.

V.

И припомнилась ночь: онъ не спалъ до разсвѣта.
Опьянялъ его кровь неизвѣданный пылъ:
Грудь не знала доселѣ на ласку отвѣта,
Никому онъ объятій своихъ не раскрылъ.

Съ одинокаго ложа онъ бредилъ о Манѣ.
Знойныхъ мыслей его обдавала волна
И казалось ему: въ предразсвѣтномъ туманѣ
Цѣломудренной тѣнью являлась она.

Онъ молилъ у ней страсти, еще не испитой,
Онъ угадывалъ тайны ея красоты —
И слѣпили его бѣлизной непокрытой
Очертанья, представшія взору мечты...

Онъ боялся несбыточной грезы блаженства
И придерживалъ сердце горячей рукой,
Но по прежнему въ чистыхъ лучахъ совершенства
Нѣжный мраморъ сіялъ передъ нимъ, какъ живой.

А при встрѣчѣ дневной, пожимая ей руку,
Онъ блаженно внималъ обыденнымъ рѣчамъ,
Вспоминалъ съ упоеньемъ безсонную муку
И застѣнчиво вѣрилъ несбыточнымъ снамъ...

VI.

Но эти сны остались снами!
И трауръ складками повисъ
Надъ всей землей, надъ небесами,
На всемъ, куда ни оглянись!
И туча длинная лежитъ на небосклонѣ
Печальной, тихою чертой,
И церковь бѣлая съ молитвой на фронтонѣ
Гласитъ о вѣчности нѣмой!..
Дома глядятъ на жизнь, въ тоскливомъ отчужденьи,
Изъ оконъ, словно изъ очей,
И каждый шумъ колесъ, смолкая въ отдаленьи,
Гудитъ задумчиво о ней!..

VII.

Сегодня утромъ—неужели
Онъ это видѣлъ не во снѣ!—
Одинъ, въ ужасной тишинѣ,
Къ ея покинутой постели
Онъ приближался: здѣсь она
Была недугомъ сожжена,
Ее сейчасъ отсюда взяли...
Какимъ безмолвіемъ печали
Казалась комната полна!
Завѣса сорвана съ окна
И впущенъ свѣтъ; подушки стынутъ,
И край кровати отодвинутъ
Въ минуты первой суеты
Отъ голой стѣнки; на комодѣ,
Смѣшавъ бумажные хвосты,
Рецепты шепчутъ на свободѣ
О темной мудрости врачей...
Онъ думалъ: все открылось ей!
Съ улыбкой горечи, презрѣнья,
А можетъ—высшаго прощенья,
Уснувъ подъ маской ледяной,
Она забыла міръ земной—
И отдала свое дыханье!
Но чьей—безвинное созданье—
Ты чьей замучена рукой?!..
Когда нѣмую потревожа,
Ее поднять хотѣли съ ложа,
Зачѣмъ у ней, какъ у живой,
Коса разсыпалась волной?..
И голова зачѣмъ повисла
Съ какой-то грустью безъ конца?..
Зачѣмъ тѣ образы безъ смысла
Терзаютъ близкія сердца?..
А онъ, пылавшій къ ней душою,
Зачѣмъ онъ Маню увидалъ,
Сквозь дверь, отворенную въ залѣ,
Когда подъ чистой пеленою,
Какъ платье бальное въ чехлѣ,
Она лежала на столѣ,—

И вся омытая, нагая,
Уйдя въ покровы съ головой,
Ждала одежды гробовой?..
Что испыталъ онъ, замирая
Предъ очертаніемъ сквознымъ,
Мелькнувшимъ смутно передъ нимъ?—
И стыдъ, и горе—и проклятье
За разлученныя объятья!!..

VIII.

Онъ все блуждалъ безъ цѣли предъ собой,
Онъ жаждалъ тайнъ, живому неоткрытыхъ...
А тусклый день безцвѣтною волной
Уже спадалъ въ пучину дней забытыхъ!
И этотъ день, казалось, уходилъ
За Маней вслѣдъ съ гудѣніемъ и звономъ,
Свой темный путь огнями бороздилъ
И замиралъ надъ шумнымъ Вавилономъ...
И проходилъ невѣдомый народъ,
Какъ-бы топчась въ довольствѣ безсердечномъ
По той землѣ, куда она сойдетъ,
Подъ ихъ стопы—въ нарядѣ подвѣнечномъ!..
Спѣша въ театръ, кареты къ площадямъ
Уже плыли двуглазыми огнями —
И онъ унесся робкими мечтами
Подъ своды залъ, гдѣ выглянуть изъ рамъ
Видѣнья сцены... Въ тихомъ созерцаньи
Замретъ толпа—и дружный грянетъ смѣхъ,
И трепетомъ обдастъ рукоплесканье
Избранника, вкусившаго успѣхъ...
У юноши къ порхающей богинѣ
Задорной страсти вспыхнетъ огонекъ,
И будутъ спать, какъ прежде, въ паутинѣ
Любимцы музъ, вѣнчая потолокъ
Подъ пыльной люстрой въ грязныхъ медальонахъ...
Тотъ пантеонъ любимыхъ русскихъ лицъ —
Онъ зналъ его: въ пѣвучихъ перезвонахъ
Ихъ голоса изъ дремлющихъ гробницъ
Къ нему дошли съ прославленныхъ страницъ...
Но въ этотъ мигъ никто, никто на свѣтѣ

Въ его душѣ не разогналъ бы тьмы!
Онъ холодно подумалъ о поэтѣ
И развѣнчалъ великіе умы.
Онъ былъ одинъ! Его душило горе,
Какъ будто въ ноздри хлынула волна —
Исчезли звуки, лица, времена —
И смерть мелькнула въ помутнѣломъ взорѣ —
И въ эту смерть звала его она!..
Какъ могъ онъ ждать на сердцѣ перемѣны?
Зачѣмъ бѣжалъ? Чего добился онъ?
Скорѣй, скорѣй въ покинутыя стѣны:
Она вѣдь тамъ, и прошлое—не сонъ...
Ея уста не могутъ дать отвѣтовъ,
Не свѣтитъ мысль подъ мраморомъ чела;
Но слѣдъ ея судьба не замела:
И то есть жизнь, когда въ ряду предметовъ
Она еще, какъ статуя, цѣла,—
Щадимая рукою разрушенья —
Та самая, доступная для зрѣнья!..

IX.

Онъ жадно бросился назадъ,
Туда, гдѣ зала со свѣчами,
За омраченными домами
Въ себѣ таила страшный кладъ...
Предъ нимъ смѣнялись повороты,
Смѣнялись улицы съ толпой,
И полный горестной заботы,
Онъ уходилъ, кончая счеты
Съ постылой сердцу суетой.
Но жизнь плыла ему навстрѣчу
И онъ входилъ въ нее опять,
Какъ входятъ раненые въ сѣчу,
Еще не смѣя отдыхать...
Къ лицу ласкался воздухъ свѣжій
И сыпалъ дождикъ съ вышины;
Мелькнувшій подъ-носомъ проѣзжій
Ему кивнулъ со стороны;
Рванулся вѣтеръ съ перекрестка
И тѣни хлынули крестомъ

Отъ фонаря на бѣлый домъ,
И на ручьѣ зардѣла блестка
Предъ поколебленнымъ огнемъ...
И въ этомъ трепетѣ стихіи
Онъ слышалъ звукъ, себѣ родной,
И плачъ надъ жизнью молодой
„Новопреставленной Маріи“!..
Воздушнѣй утренняго сна,
Казалось, призракомъ она
Его въ пути опережала, —
Вдали садилась—отлетала,
Неуловима и блѣдна, —
И къ дому скорби призывала!..
И онъ спѣшилъ за ней туда
Съ невольнымъ, робкимъ содроганьемъ,
Какъ передъ горестнымъ свиданьемъ
Или разлукой навсегда.

X.

Раскрылся тихій рядъ строеній —
И сердце дрогнуло въ груди:
Онъ домъ завидѣлъ впереди,
Гдѣ Маня дремлетъ безъ мученій...
Была, какъ прежде, холодна
Его громадная стѣна,
Темнѣли выступы, балконы,
Зажглись въ подъѣздахъ фонари —
Какъ будто въ немъ живые стоны
Не раздавались до зари...
Исчезла жизнь—и жизнь пируетъ,
И суетится, и торгуетъ,
И вотъ зачѣмъ-то въ ближній домъ,
Должно быть въ лавку мелочную,
Прошла служанка подъ платкомъ,
Надѣтымъ спѣшно въ накидную...
Ночныя тѣни, шумъ дождя,
Очей и слуха впечатлѣнья
И думъ сосущая змѣя —
О, еслибъ грянулъ часъ забвенья!..
И вдругъ—раздумье: тайный страхъ

Ему въ чудовищныхъ чертахъ
Представилъ смерть—и въ передрягѣ,
Придя къ подъѣзду подъ навѣсъ,
Онъ замеръ на послѣднемъ шагѣ —
Въ него вцѣпился жизни бѣсъ...
Но онъ вошелъ: предъ нимъ ступени
Бѣгутъ зубцами сѣрыхъ плитъ
И свѣтъ огня на нихъ дрожитъ...
Слабѣютъ робкія колѣни...
Площадка... двѣ... и поворотъ,
И сердце прыгаетъ—и вотъ
Нѣмыя двери безъ затвора...
Онъ ихъ открылъ съ боязнью вора...
Въ передней пусто... тишина...
За щелью—свѣчи... и—она!..

XI.

О, какъ она мила, нетронутая тлѣньемъ!
Какъ просіялъ потухшій ликъ
Тѣмъ горестнымъ и сладкимъ умиленьемъ,
Котораго не выразить языкъ...
И слезы жаркія, какихъ не знали очи,
И плачъ раскаянья онъ пролилъ на нее
За содроганіе свое
Передъ пустыней вѣчной ночи...
Теперь въ немъ робости ужъ нѣтъ —
Теперь не можетъ быть разлуки!
И къ гробу подойдя, какъ бы творя обѣтъ,
Онъ рознялъ ей безпомощныя руки
И палъ межъ нихъ къ покойницѣ на грудь,
Чтобъ въ сердцѣ мертвомъ утонуть
Душой, надорванной отъ муки!..

Пускай померкло все кругомъ —
Ему легко, легко, какъ въ дѣтствѣ,
Среди цвѣтовъ, въ ея сосѣдствѣ,
Съ слезой, бѣгущею ручьемъ...
И въ тихой, опьяняющей дремотѣ
Онъ будто чуялъ къ смерти переходъ,
Онъ созерцалъ въ всемірномъ оборотѣ

Ея неслышимый полетъ:
Предъ нимъ носились желтыя дубравы,
И восковые облики дѣтей,
Развалины потухшихъ алтарей
И пѣсенъ умолкающихъ октавы,
И тѣни лицъ, и образы временъ,
Померкшихъ и развѣянныхъ какъ сонъ —
И вслѣдъ всему, что кануло въ забвенье,
Взывало позднее людское сожалѣнье!..

Но онъ желалъ въ забвеніе отбыть
Не въ слѣпотѣ подъ выстрѣломъ минутнымъ —
Онъ жаждалъ съ ней свою кончину слить,
Прельщенный ожиданьемъ смутнымъ
Ея весь бредъ узнать и пережить:
Онъ думалъ въ ней найти себѣ отраву,
Похитить ядъ у ней въ крови —
Соединиться съ ней по праву
Нерасторгаемой любви!..

И онъ привсталъ, очнулся сразу,
На ткани трупа бросилъ взоръ —
На этотъ дѣвственный фарфоръ,
Таившій темную заразу —
И онъ узналъ—узналъ неотразимо
Все, что любилъ онъ у живой.
Особый складъ руки, поникшей недвижимо
Въ своей обтяжкѣ восковой,
И очертанья формъ, прекрасныхъ и невинныхъ,
И волны мягкія волосъ,
И линіи бровей задумчивыхъ и длинныхъ,
И блѣдныхъ устъ ея вопросъ...
Его тянуло къ ней... Въ умѣ чередовались
Два близкихъ образа—бездушный и живой —
И, наконецъ, они смѣшались,
Какъ тѣни въ тучѣ грозовой...
Душа—ея душа!—была подъ этимъ прахомъ —
И еслибъ тлѣніе, кощунствуя надъ нимъ,
Его пришло разсѣять въ дымъ
Или смести послѣднимъ взмахомъ —
Онъ въ немъ бы съ радостью исчезъ...
Святыня мрака и чудесъ

Въ него такъ вкрадчиво глядѣла
Сквозь нѣжный ликъ нѣмого тѣла,
Что, власть надъ сердцемъ потерявъ,
Онъ въ тишинѣ благоговѣйной
У мертвой отвернулъ рукавъ
И ранилъ верхъ руки лилейной,
И тѣмъ же лезвіемъ стальнымъ,
Влекомый чувствомъ роковымъ,
Онъ сдѣлалъ вмигъ порѣзъ глубокой
Въ рукѣ безтрепетной своей:
И такъ онъ втайнѣ слился съ ней,
Бѣжавъ отъ жизни одинокой...
. . . .

Онъ все лежалъ къ стѣнѣ лицомъ,
Дыша прерывисто и шумно.
Глаза, раскрытыя безумно,
Уже мутились предъ концомъ.
Ихъ взоръ сухой и воспаленный
Въ защиту мысли угнетенной
Мольбой и страхомъ не звучалъ:
Онъ равнодушно умиралъ...

И пѣснь смолкаетъ у порога,
Гдѣ вѣковая тишина,
Гдѣ жизни мелкая волна
Опять впадаетъ въ лоно Бога.

С. Андреевскій.

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКІЙ РОМАНЪ

ВЪ

ЕГО ГЛАВНЫХЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЯХЪ*).

I.

КРЕСТОВСКІЙ (псевдонимъ).

Имя В. Крестовскаго появилось въ первый разъ въ нашихъ журналахъ на рубежѣ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, въ ту памятную эпоху, когда подъ усиленнымъ внѣшнимъ гнетомъ развивалось, крѣпло, возникало вновь столько крупныхъ литературныхъ дарованій. Писательница, усвоившая себѣ и прославившая это имя, выступила на сцену вслѣдъ за Тургеневымъ, Гончаровымъ, Достоевскимъ, Дружининымъ, Писемскимъ, Григоровичемъ, незадолго до графа Л. Толстаго. Это не помѣшало ей сразу занять выдающееся мѣсто въ нашей беллетристикѣ—мѣсто, сохраняемое ею и теперь, послѣ тридцати пяти лѣтъ непрерывной литературной дѣятельности. Ни до нея, ни послѣ нея ни одна женщина не достигала у насъ—въ области изящной литературы—и половины той извѣстности, которая выпала на ея долю. Повѣсти Жуковой, Павловой или Зинаиды Р—вой, стихотворенія графини

*) Новый рядъ этюдовъ, предпринимаемыхъ подъ этимъ заглавіемъ, составляетъ продолженіе статей о современномъ романѣ въ Германіи и Франціи, напечатанныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1879, 1880 и 1882 гг.

Ростопчиной охотно читались въ сороковыхъ годахъ, но теперь давно уже забыты; почти забыты и разсказы Марка Вовчка (госпожи Маркович), надѣлавшіе много шуму лѣтъ двадцать пять тому назадъ. Между писательницами болѣе близкаго къ намъ времени ни одна не пошла дальше такъ называемаго succès d'estime. Если обратиться къ западно-европейской беллетристикѣ, то рядомъ съ именемъ В. Крестовскаго могутъ быть поставлены не имена плодовитыхъ, популярныхъ разсказчицъ въ родѣ графини Ганъ-Ганъ, Марлиттъ, Вернеръ, Бремеръ, Карленъ, графини Дашъ, madame Шарль Рейбо, мистриссъ Браддонъ или Вудъ, а только имена Ж. Занда, Кёррерь-Белль, Джорджа Элліота. Мы не предрѣшаемъ этой параллелью вопроса о размѣрахъ и глубинѣ дарованія нашей писательницы—мы хотимъ только сразу указать ту сферу, къ которой оно, въ нашихъ глазахъ, принадлежитъ по праву. Русская читающая публика никогда не отказывала В. Крестовскому въ своемъ сочувствіи; высоко цѣнила ея труды и русская критика—но эта оцѣнка никогда еще, кажется, не захватывала сразу всю дѣятельность писательницы. Совокупность отдѣльныхъ, разрозненныхъ отзывовъ не можетъ замѣнить собою общаго обзора, въ особенности по отношенію къ цѣлому, всѣ части котораго соединены между собою тѣсною внутреннею связью. Съ этой точки зрѣнія русская критика въ долгу передъ В. Крестовскимъ—и намъ хотѣлось бы уплатить теперь хотя небольшую часть ея долга.

I.—„Провинція въ старые годы".

Когда, въ 1861 г., вышелъ въ свѣтъ романъ Достоевскаго: „Униженные и оскорбленные", Добролюбовъ посвятилъ ему свою послѣднюю критическую статью, назвавъ ее: „Забитые люди". Обширная область, обнимаемая этими двумя характеристичными заглавіями, стала считаться, съ тѣхъ поръ, какъ бы спеціальнымъ достояніемъ Достоевскаго—и каждое новое его произведеніе увеличивало, повидимому, его права на обладаніе ею. Мы не оспариваемъ этихъ правъ, но думаемъ, что рядомъ съ ними существуютъ и другія; единовластія здѣсь нѣтъ, да и не можетъ быть, потому что забитыхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ на русской почвѣ было и продолжаетъ быть слишкомъ много. Рудникъ, однажды открытый, оказался неисчерпаемымъ; работа велась и ведется въ немъ многими путями, то параллельными, то перекрещивающимися между собою. Гоголь первый коснулся тѣхъ скромныхъ, едва замѣтныхъ пасынковъ общества, на которыхъ оно навьючиваетъ свою

черную работу, игнорируя их личную жизнь, сваливая ихъ безразлично въ одну муравьиную кучу. Къ герою „Шинели“ непосредственно примкнулъ герой „Бѣдныхъ людей“, со всей потянувшейся за нимъ вереницей болѣе или менѣе родственныхъ ему типовъ. Тургеневъ—въ „Запискахъ Охотника“, „Муму“, „Постояломъ Дворѣ“,—Григоровичъ, отчасти Писемскій обратились къ изученію другой группы угнетенныхъ, самой многочисленной и наиболѣе бѣдствовавшей; Островскій сдѣлалъ предметомъ своихъ наблюденій тотъ отдѣлъ „темнаго царства“, въ которомъ, подъ покровомъ „патріархальной“ тишины, развились, усовершенствовались и дошли до своего крайняго выраженія разнообразныя формы „самодурства“. Міръ, которому преимущественно посвящены первые очерки В. Крестовскаго, стоитъ только одною ступенькою выше—выше не по своему внутреннему достоинству, а по своему положенію въ общественной іерархіи: это—міръ провинціальнаго дворянства и чиновничества. Какъ и въ средѣ Титъ Титычей и Большовыхъ, театромъ, на которомъ дѣйствуютъ униженные и унижающіе, оскорбленные и оскорбляющіе, является здѣсь, прежде всего, семья. Никто больше Крестовскаго не способствовалъ поднятію завѣсы, за которой совершались у насъ семейныя драмы. Вовсе нетронутая Гоголемъ, едва сдвинутая съ мѣста Герценомъ и Тургеневымъ, она уступила только настойчивой рукѣ молодой писательницы, рѣшившейся внести свѣтъ въ потаенные уголки, всего тщательнѣе оберегавшіеся отъ посторонняго глаза. Часть раннихъ произведеній Крестовскаго недавно издана вновь подъ общимъ именемъ: „Провинція въ старые годы“; ко многимъ изъ нихъ еще больше подходило бы заглавіе: „Провинціальная семья въ старые годы“. Только совсѣмъ ли прошли эти старые годы?..

Портретной галлереѣ „униженныхъ и оскорбленныхъ“, созданной В. Крестовскимъ, кладетъ начало одинъ изъ первыхъ ея разсказовъ: „Анна Михайловна“. Героиня разсказа пришлась, по извѣстному крестьянскому выраженію, „не ко двору“ той семьѣ и той средѣ, куда забросила ее судьба. Этого было довольно, чтобы все кругомъ нея соединилось въ одномъ враждебномъ ей настроеніи, на-половину обдуманномъ, на-половину безсознательномъ, инстинктивномъ. Подобно тому, какъ иныя растенія сокращаютъ свои лепестки, чтобы удалить сѣвшее на нихъ насѣкомое, семья Топилиныхъ—а вмѣстѣ съ нею и весь свѣтскій кружокъ, къ которому она принадлежитъ — выживаетъ чуждый элементъ, нарушившій ея спокойствіе. Пока у Анны Михайловны есть двѣ точки опоры—привязанность дяди и самостоятельное состояніе—борьба ведется осторожно, больше путемъ „намековъ, попрековъ

и упрековъ"; сигналомъ для рѣшительнаго нападенія становится безпомощность жертвы, орудіемъ для него избирается всемогущая провинціальная сплетня. Но, можетъ быть, все несчастье Анны Михайловны заключалось въ томъ, что она выросла въ другой обстановкѣ, воспитавшей въ ней чувство собственнаго достоинства и способность къ протесту, между тѣмъ какъ провинціальной семьѣ нужна была покорность, одна только покорность, доведенная до безличности? Такому идеалу отвѣчаетъ какъ нельзя больше другое дѣйствующее лицо разсказа, Anastasie Хлопова — этотъ, говоря словами тургеневскаго Вязовнина, „олицетворенный трепетъ"; но жизнь ея что-то мало похожа на награду за добродѣтель. Дома она остается до двадцати-шести лѣтъ запуганнымъ ребенкомъ, лишеннымъ главной дѣтской утѣхи — материнской ласки; затѣмъ ее выдаютъ замужъ за человѣка, котораго она не знаетъ и не любитъ. Она мѣняетъ только одну власть на другую, одинъ источникъ страха на другой. Передъ нашими глазами проходитъ еще одна „мелкая ежедневная драма" — это судьба Семена Сергѣича Топилина. Онъ отецъ семейства, хозяинъ дома, не послѣднее лицо въ своемъ служебномъ вѣдомствѣ; въ его положеніи нѣтъ, повидимому, той зависимости, которая тяготѣетъ надъ Анной Михайловной и Настенькой Хлоповой. Противъ домашней „малой войны" и онъ, однако, оказывается безсильнымъ, потому что не можетъ и не хочетъ прибѣгать къ свойственнымъ ей пріемамъ. Въ главномъ онъ настаиваетъ на своемъ — не соглашается жить не по средствамъ или пополнять ихъ такъ называемыми безгрѣшными доходами; но за одну крупную побѣду онъ расплачивается множествомъ маленькихъ пораженій, столь же невыносимыхъ, въ общей сложности, какъ ежеминутно повторяемые булавочные уколы. „Если онъ говорилъ, что къ его бѣленькой Лизѣ идетъ голубое, Лиза по цѣлымъ недѣлямъ не надѣвала ничего, кромѣ розоваго; если онъ находилъ, что такой-то — пустой малый, Марья Ивановна не забывала напомнить той или другой дочери, что онъ приглашалъ ее танцовать на какомъ-нибудь слѣдующемъ балѣ; ему нравилась книга — ее отсылали въ книжную лавку не прочитавъ, и некому было и похвалить ее; онъ любилъ вставать рано — въ домѣ всѣ спали до полудня; онъ любилъ цвѣты — они завядали неполитые; онъ ненавидѣлъ новости и вѣсти — жена и дочери съ утра до ночи перебирали жизнь и дѣянія цѣлаго города... Но кто исчислитъ, сколько мелкихъ неудовольствій можетъ нанести женская досада, женская изобрѣтательность, женское невниманіе?"

Процентъ „униженныхъ и оскорбленныхъ" всегда и вездѣ

относительно великъ между старыми дѣвами—въ особенности тамъ, гдѣ не получилъ правъ гражданства самостоятельный женскій трудъ, гдѣ женщина, не вышедшая замужъ, играетъ, въ большинствѣ случаевъ, роль пятаго колеса въ семьѣ или, что еще хуже, нисходитъ на степень приживалки. Неудивительно поэтому, что Крестовскому часто приходилось останавливаться на положеніи старой дѣвы—и притомъ именно старой дѣвы провинціальной. Въ первый разъ мы встрѣчаемся съ нею въ „Испытаніи“ (1854). Настасья Петровна не ропщетъ на судьбу, ничего не требуетъ лично для себя отъ жизни; для нея достаточно любви къ брату, къ племянницѣ—но ей не даютъ спокойно пользоваться и этимъ скромнымъ счастьемъ. Надъ ней смѣются, ее втягиваютъ, помимо воли, въ пошлую комедію, хладнокровно затѣянную Шатровскимъ и его сестрою — и потомъ осыпаютъ упреками за вину, существующую только въ праздномъ воображеніи ея гонителей. Она всѣмъ жертвуетъ для Вареньки — и въ концѣ-концевъ все-таки должна безмолвно присутствовать при ея гибели. Анна Дмитріевна съ самаго начала видитъ въ сестрѣ мужа—природнаго врага, въ борьбѣ съ которымъ позволительны всѣ средства; ничего не дѣлая для того, чтобы удержать за собою любовь Николая Петровича и Вареньки, она не можетъ примириться съ тѣмъ, что они любятъ Настасью Петровну. Шатровскій, въ свою очередь, легко входитъ въ планы своей сестры, потому что сантиментальность, влюбчивость старыхъ дѣвъ кажется ему правиломъ, не допускающимъ исключеній. Ему стоитъ только сказать Настасьѣ Петровнѣ нѣсколько нѣжныхъ фразъ, чтобы увѣрить другихъ—и даже самого себя,—что старая дѣва готова броситься ему на шею. Клавдія Яковлевна, въ „Свободномъ времени“ (1856), составляетъ, во многихъ отношеніяхъ, прямую противоположность Настасьѣ Петровнѣ; но жизнь улыбается ей, вслѣдствіе этого, ничуть не больше. Она довольствуется послѣднимъ мѣстомъ въ домѣ своего дяди, ни на что иное не разсчитываетъ даже въ мысляхъ, любитъ своего двоюроднаго братца издалека, робко и скрытно, какъ запуганная дворняшка—суроваго хозяина. Свою приниженность и забитость она переноситъ какъ нѣчто должное, никого не подкупая и не смягчая своимъ смиреньемъ. „Взглядъ ея, добродушный и кроткій, постоянно выражалъ покорность и готовность услужить; но именно это постоянное выраженіе и дѣлало его утомительнымъ. При взглядѣ на Клавдію Яковлевну становилось какъ-то неловко и жаль ее; какъ-то невольно приходило на мысль, что, вѣроятно, у этого существа, некрасиваго и вѣчно хлопотливо-занятаго, не было молодости съ ея забавами, не было пріятныхъ

дней отдыха и бездѣлья... Она не умѣла разбирать движеній своего сердца; умъ не тяготился окружавшей ее мелочностью и грубостью, но ей было горько, грустно, обидно, и она припомнила, что ей всегда бывало грустно, горько и обидно".

Настасья Петровна и Клавдія Яковлевна живутъ въ чужихъ домахъ; въ „Братцѣ" (1858) выведены на сцену двѣ старыя дѣвы, никогда не разлучавшіяся съ матерью, но забытыя ею изъ-за единственнаго сына — семейнаго бога, за которымъ признается право на всѣ возможныя жертвы. Вѣчное одиночество и скучное бездѣлье надламываетъ характеръ одной изъ сестеръ, отнимаетъ у нея даже способность жаловаться на свое положеніе; „братецъ" становится для Вѣры Андревны такимъ же кумиромъ какъ и для матери, съ тою лишь разницей, что послѣдняя любитъ созданнаго ею фетиша, а первая только боится. Другая старая дѣва, Прасковья Андревна, не заражена общимъ идолопоклонствомъ и хорошо понимаетъ „братца"; безграничная нѣжность къ младшей сестрѣ, Катѣ, даетъ ей силу вступить въ открытую борьбу съ Сергѣемъ Андреичемъ—но союзъ обоихъ властныхъ лицъ семьи оказывается непобѣдимымъ, и дверь клѣтки, изъ которой хотѣла выпорхнуть Катя, захлопывается надъ нею, какъ захлопнулась раньше надъ двумя старшими ея сестрами. Героиней „Стоячей воды" (1861) опять является старая дѣва, очерченная сильнѣе и ярче всѣхъ остальныхъ. Анночка—мученица вдвойнѣ, мученица своего фальшиваго положенія въ домѣ брата, мученица своей несчастной любви къ Куличову. Нужно прочесть повѣсть Крестовскаго, чтобы понять, изъ какихъ мелочей слагается иногда медленная пытка, отравляющая всю жизнь, не оставляющая иного выхода, кромѣ бѣгства отъ міра или изъ міра. За нѣсколько недѣль мимолетнаго, неполнаго счастья, Анна Александровна расплачивается долгими годами страданій, никѣмъ не признанныхъ и не раздѣленныхъ. Катастрофа, вынуждающая ее искать спасенія въ монастырѣ—безъ всякаго призванія къ монашеской жизни—была только послѣдней каплей, переполнившей чашу. Что же она сдѣлала, чѣмъ заслужила насмѣшливое пренебреженіе брата, обидную холодность его жены, жестокіе упреки сестры и тетки, измѣну Куличова? Она никогда не думала о себѣ, жила только для другихъ, выносила на своихъ плечахъ всѣ хозяйственныя хлопоты, воспитывала племянниковъ и племянницъ—и считала себя въ неоплатномъ долгу передъ тѣми, которые милостиво позволяли ей на нихъ работать. За все это ее оттолкнулъ Куличовъ, когда она, изнемогая подъ тяжестью обострившихся оскорбленій, рѣшилась напомнить ему о его прежнемъ чувствѣ; за все это ее вы-

швырнули, какъ щепку, изъ обоихъ родственныхъ ей домовъ, сошедшихся только въ одномъ—въ желаніи выместить на беззащитномъ существѣ свою взаимную, безсильную злобу.

Не нужно было, впрочемъ, быть, старой дѣвой, чтобы испытать на себѣ давленіе прежнихъ семейныхъ порядковъ. Марья Андревна Оршевская, въ „Послѣднемъ дѣйствіи комедіи" (1855), одарена, къ несчастью для себя, способностью думать и чувствовать не по общепринятому шаблону. Отсюда нравственное ея одиночество, сначала въ семьѣ, потомъ и въ обществѣ. Мать считаетъ ее гордой, отецъ—холодной, братъ—до педантизма скучной, свѣтская молодежь—слишкомъ умной и ученой. Ея сердце полно любви—а она доживаетъ до двадцати-пяти лѣтъ, никѣмъ не любимая; никому нѣтъ дѣла до ея внутренней жизни, никто не знаетъ и не хочетъ знать, чтò таится за ея вынужденнымъ молчаніемъ. Когда ее, наконецъ, озаряетъ позднее, неожиданное счастье, никто не признаетъ за ней права быть счастливой; ея родители, ея братъ хладнокровно жертвуютъ ею—а вмѣстѣ съ нею, заодно, и полюбившимъ ее Нестоевымъ—своимъ своекорыстнымъ планамъ, не потрудившись даже убѣдиться предварительно въ возможности ихъ успѣха. Участь Настеньки Деневской—въ „Недавнемъ" (1864)—еще печальнѣе, чѣмъ участь Марьи Андревны. У послѣдней были, по крайней мѣрѣ, свободныя минуты, она страдала больше отъ равнодушія семьи, чѣмъ отъ ея активныхъ притѣсненій; ей не пришлось перенести самаго тяжелаго изъ бѣдствій—разочарованія въ любимомъ человѣкѣ. Настеньку Деневскую мелочной семейный деспотизмъ гнететъ ежедневно, ежеминутно; любовь ея къ Малѣеву переходитъ въ презрѣніе, Боровицкій не стòитъ ея дружбы. Ее любила только младшая сестра, Даша — но и та, послѣ смерти Настеньки, „почувствовала какое-то странное облегченіе". „Въ домѣ не стало свѣтлой, яркой точки, которая выказывала его темноту... Живая мѣшала строю мертваго царства. При сестрѣ Дашу, бывало, тянуло къ ней; она глядѣла ея глазами, слушала ее, мучилась за нее, у нея училась мучиться, настраивая себя на товарищество въ страданіи. Теперь этого товарищества было не нужно. Жить не мучась — пріятнѣе; Даша стала со многимъ мириться". Судьба, такимъ образомъ, преслѣдовала Настеньку до конца; самая память о ней исчезла безслѣдно. Портится, ломается жизнь и при другихъ условіяхъ, повидимому, болѣе благопріятныхъ. Варенька (въ „Испытаніи") пробуетъ бороться за свое чувство, находитъ поддержку въ отцѣ, въ Настасьѣ Петровнѣ — и все-таки кончаетъ тѣмъ, что выходитъ замужъ за нелюбимаго и неуважаемаго ею человѣка; Нину Лит-

вину („Кто жъ остался доволенъ?“ 1852) спасаетъ отъ той же участи только случайность. Родители Ивановскаго („Баритонъ“, 1857) и Лёленьки („Пансіонерка“, 1860) желаютъ, по своему, счастья своимъ дѣтямъ—и доводятъ ихъ, именно въ силу этого желанья, до гибели или до края гибели.

Мать и сестра Озерина (въ „Искушеніи“, 1850), вмѣстѣ съ героемъ разсказа: „Старое горе“ (1858), вводятъ насъ въ другую сферу „униженныхъ“ — униженныхъ бѣдностью, нищетою. Само собою разумѣется, что это униженіе не на всѣхъ дѣйствуетъ одинаково. Въ человѣкѣ образованномъ оно развиваетъ болѣзненную гордость или просто ложный стыдъ, затрудняющій и безъ того уже трудную жизнь; припомнимъ описаніе впечатлѣній, испытанныхъ героемъ „Стараго горя“, когда онъ узнаетъ, что жена его работаетъ за деньги. Въ людяхъ невѣжественныхъ и ограниченныхъ бѣдность убиваетъ, наоборотъ, всякое чувство собственнаго достоинства. Для старушки Озериной и ея дочери совершенно непонятно, какимъ образомъ можно отказываться отъ „благодѣяній“, все равно, отъ кого бы они ни шли и чѣмъ бы ни вызывались. „Какая же тутъ обида,—говоритъ Озерина своему сыну, „немного оторопѣвъ“ отъ его протеста противъ „выпрашиваній“:—никакой тебѣ нѣтъ обиды, все дѣло житейское. Новое-то, поди-ка, купить чего станетъ, а если отъ какого доброхотнаго дателя...“ „Катя,—спрашиваетъ Озеринъ сестру,—ты понимаешь, что значитъ подарить и что—пожаловать?“—„Полноте, братецъ,—отвѣчаетъ Катя,—я разнымъ наукамъ не училась. Все равно, взялъ—и только“. Недоумѣнія матери и сестры возрастаютъ, когда Озеринъ не хочетъ принимать состояніе, воспользоваться которымъ—значило бы стать участникомъ дурного дѣла. „Видно вамъ чужіе милѣе своихъ!—Что чужую кровлю крыть, своя раскрыта“ — вотъ простая житейская мораль, противопоставляемая внушеніямъ совѣсти. Озеринъ указываетъ на нравственный долгъ—ему возражаютъ ссылкою на формальный законъ. И это со стороны его семьи не лицемѣріе, не попытки самообмана; Катя и ея мать искренно и глубоко убѣждены, что такъ разсуждать, какъ разсуждаетъ Озеринъ, можетъ только безумный. Они живутъ точно въ разныхъ мірахъ; способность понимать другъ друга утрачена ими безвозвратно... Такое отношеніе къ „благодѣяніямъ“ и „благодѣтелямъ“, какое мы видимъ въ семьѣ Озерина, возможно только на очень низкой степени развитія; менѣе непосредственнымъ, менѣе наивнымъ оно становится на рубежѣ средняго и высшаго круга,—но въ сущности такіе люди, какъ напримѣръ Анна Ѳедоровна („Въ ожиданіи лучшаго“, 1860), составляютъ

только разновидность типа, изображеннаго въ „Искушеніи“. Къ униженію сознаваемому труднѣе привыкнуть, чѣмъ къ униженію безсознательному; вотъ почему между старушкой Озериной и ея дочерью царствуетъ трогательное единодушіе, а Полина, пользуясь попрошайничествомъ Анны Өедоровны, никакъ не можетъ вполнѣ съ нимъ примириться.

Мы выхватили изъ первыхъ произведеній Крестовскаго только одну группу фигуръ, болѣе или менѣе родственныхъ между собою —выхватили ее потому, что на ней, преимущественно, сосредоточивалось вниманіе молодой писательницы. Общимъ фономъ для этихъ фигуръ служитъ картина провинціальнаго общества. Въ барскихъ квартирахъ прежняго времени существовало рѣзкое различіе между парадными комнатами и тѣми, которыя были предназначены для домашняго, ежедневнаго обихода. Въ первыхъ господствовала нарядность, часто доходившая до роскоши, рѣдко носившая на себѣ признаки изящнаго вкуса. Въ просторныхъ залахъ и гостиныхъ все было чисто, свѣтло, по возможности красиво; тѣмъ тѣснѣе, грязнѣе и безпорядочнѣе было въ дѣтскихъ и спальныхъ, не говоря уже о помѣщеніяхъ для прислуги. Много общаго съ квартирами представляла жизнь ихъ обитателей; она также имѣла двѣ стороны: лицевую, показную — и оборотную, закулисную. Переходъ изъ заднихъ комнатъ въ переднія — или, наоборотъ—сопровождался, большей частью, не только перемѣной въ костюмахъ, но и перемѣной въ лицѣ, рѣчи, манерахъ. Граница комнатъ часто была, вмѣстѣ съ тѣмъ, границей настроеній; избытку стѣсненій въ одномъ мѣстѣ соотвѣтствовалъ, въ другомъ, избытокъ безцеремонности. Для литературы, какъ и для общественной жизни, долго были доступны только салоны; наблюдательность Крестовскаго не остановилась передъ затворенными дверьми „черной половины“ барскаго дома. Мы видимъ уже въ „Аннѣ Михайловнѣ“, какъ хозяйка дома осыпаетъ племянницу то рѣзкими, грубыми укоризнами, то нѣжностями, смотря по тому, происходитъ ли сцена „между своими“ или при постороннихъ свидѣтеляхъ. Мы видимъ, какъ Катерина Михайловна Воронская („Кто жъ остался доволенъ?“) грозитъ сыну, наединѣ, лишеніемъ наслѣдства—и вслѣдъ затѣмъ выставляетъ его Литвину образцомъ сыновняго послушанія. Въ „Испытаніи“ Анна Дмитріевна не только сама, съ помощью Шатровскаго, разыгрываетъ мастерски комедію, направленную къ поимкѣ выгоднаго жениха, но и втягиваетъ въ нее актеровъ противъ воли (Варенька, Николай Петровичъ).

Лицемѣріе, воспитанное домашней жизнью, переносится и за

ея предѣлы. Оно обостряетъ сплетню, дѣлаетъ ее вдвойнѣ опасной, какъ кинжалъ въ рукѣ предателя-друга. Васъ принимаютъ съ отверстыми объятіями, для того, чтобы нѣсколько минутъ спустя распустить на вашъ счетъ самую ядовитую небылицу или—что еще хуже—самую искусную смѣсь истины съ ложью (припомнимъ слухъ, портящій репутацію Анны Михайловны, или „сообщеніе" Елены Ивановны Оршевской, влекущее за собою дуэль Нестоева съ Ливинскимъ). Главнымъ источникомъ сплетень служитъ, съ одной стороны, поразительная пустота жизни, отсутствіе или крайне слабое развитіе умственныхъ интересовъ, съ другой—общее взаимное недоброжелательство, поддерживаемое постоянною борьбою за почетъ, за успѣхъ, за мѣсто, за жениховъ, за все то, что̀ имѣетъ прочную цѣну на этомъ маленькомъ житейскомъ рынкѣ. Есть, наконецъ, и такіе виртуозы сплетни, которые занимаются ею изъ любви къ искусству, дѣлаютъ ее главной задачей своего существованія и достигаютъ, съ ея помощью, вліятельнаго, почти властнаго положенія въ свѣтѣ. Такова, напримѣръ, Наталья Семеновна Деревская („Анна Михайловна"). „Это была единственная дама въ городѣ N, о которой не говорили, или если говорили, то для того, чтобы похвалить ея чепчикъ, соболѣзновать о ея несчастіяхъ и повторять то, что̀ она сказала, потому что судъ ея и воззрѣніе на вещи почитались неопровержимыми. Когда и какъ Наталья Семеновна заслужила такое довѣріе и непогрѣшимость—неизвѣстно, но дамы почитали ея дружбу за честь, старички, любезничая, пожимали ей ручки, дѣвушки старались ей нравиться". Еще болѣе крупный экземпляръ того же типа—это Катерина Ѳедоровна Бѣлова (въ „Стоячей водѣ"). „Она слушала всѣ слухи, сбирала всѣ свѣденія, всѣмъ обо всемъ говорила по секрету, плела охотно и безъ оглядки, совѣщалась со всѣми своими домашними, отъ форрейтора до людской стряпухи включительно... Тамъ, гдѣ собранныя свѣденія были неполны или неудовлетворительны, Катерина Ѳедоровна составляла предположенія по догадкѣ, по наведенію, по знанію человѣческаго сердца. Дѣятельность ея языка была баснословна. Вліяніе, если не участіе этого двигателя, оказывалось во всѣхъ неудавшихся бракахъ, семейныхъ разрывахъ, супружескихъ разъѣздахъ, свѣтскихъ столкновеніяхъ, низверженіяхъ и замѣщеніяхъ чиновниковъ, во всей общественной N-ской жизни. Dans ses moments perdus, для развлеченія, или въ первое апрѣля она посылала къ ревнивымъ супругамъ анонимныя записочки, отъ которыхъ, случалось, весь домъ поднимался вверхъ дномъ и доходило до кровавыхъ исторій. Катерина Ѳедоровна была, конечно, не виновата въ этихъ послѣдствіяхъ: она шутила,

повинуясь жившему въ ней духу... Многіе зарекались ѣздить къ ней въ домъ и все-таки ѣздили. Причина тому было геніальное сплетничество Катерины Ѳедоровны: ея боялись". Еще опаснѣе, можетъ быть, чѣмъ сплетницы по привычкѣ, были сплетницы, выступавшія на сцену только въ экстренныхъ случаяхъ, съ опредѣленною цѣлью; Ливинскій повѣрилъ Еленѣ Ивановнѣ именно потому, что ея шипѣнье раздавалось обыкновенно только за кулисами. Нѣтъ ничего болѣе заразительнаго, чѣмъ сплетня; разносчиками вѣстей являются не только старыя дѣвы, въ родѣ Катерины Ѳедоровны, не только „дамы среднихъ лѣтъ", въ родѣ Натальи Семеновны, но и чиновные старцы (генералъ Осминниковъ въ „Недавнемъ"), и свѣтскіе кавалеры (Малѣевъ, тамъ же). Несвободны, по временамъ, отъ пароксизмовъ господствующей болѣзни даже молодые люди, болѣе или менѣе выдѣляющіеся изъ массы; припомнимъ, напримѣръ, разсказъ Бѣлягина, разстроивающій свадьбу совѣтника и Надины Грашковой („Кто жъ остался доволенъ?").

Рядомъ съ сплетнями въ „провинціи старыхъ годовъ" царятъ карты, царитъ погоня за богатыми невѣстами и ловля выгодныхъ жениховъ, царитъ ухаживанье за замужними женщинами. Конечно, ни въ одномъ изъ этихъ занятій нѣтъ ничего специфическаго, свойственнаго только извѣстному мѣсту и извѣстной эпохѣ; они благополучно процвѣтаютъ до сихъ поръ, и не въ однихъ только провинціальныхъ уголкахъ; но интенсивность ихъ и распространенность все-таки далеко уже не прежнія. Энергичная, умная дѣвушка въ родѣ Надины Грашковой едвали употребила бы теперь все свое искусство, всю свою силу на пріисканіе и удержаніе за собою такой жалкой добычи, какъ Александръ Иванычъ Воронскій. Между Надиной и матерью Александра Иваныча идетъ ожесточенная подпольная борьба, требующая громадныхъ затратъ ловкости, присутствія духа, дипломатическаго такта. Половины усилій, внесенныхъ въ эту борьбу, было бы достаточно для достиженія другой, лучшей цѣли; но вся бѣда заключается въ томъ, что никакой иной цѣли борющіяся стороны не могутъ себѣ и представить. Для Катерины Михайловны Воронской выгодная женитьба сына—единственное средство обезпечить его „счастье"; для Надины Грашковой ловля жениха—единственное возможное препровожденіе времени, замужество—единственный возможный выходъ изъ домашней бѣдности и неволи... Такъ влюбляться, какъ madame Гореванова („Доброе дѣло"), свойственно только людямъ, не видящимъ вокругъ себя ни одного искренняго, теплаго чувства. Находить наслажденіе въ игрѣ съ Домниковымъ Шатровскій могъ

только въ обстановкѣ, убаюкивавшей умъ и совѣсть; въ этой же обстановкѣ вырабатывались Андреи Валерьянычи Оршевскіе, „съ легкимъ сердцемъ“ спускавшіе въ карты состояніе жены и дѣтей, да за одно ужъ и деньги, ввѣренныя имъ на содержаніе богадельни...

Къ обыкновеннымъ, ежедневнымъ рессурсамъ общества присоединялись, отъ времени до времени, рессурсы экстраординарные, въ видѣ какой-нибудь ссоры между губернскими или уѣздными тузами, въ видѣ столкновеній между „партіями“, подобныхъ тому, которое описано въ „Недавнемъ“. Не во время или не по порядку предложенный тостъ становится яблокомъ раздора, источникомъ непріязненныхъ дѣйствій на всей линіи, отдѣляющей губернаторскій „лагерь“ отъ предводительскаго. Буря въ стаканѣ воды принимаетъ все бо́льшіе и бо́льшіе размѣры, волнуя и увлекая даже тѣхъ, кто въ состояніи, повидимому, понять ея ничтожность. Мелкіе чиновники, въ силу извѣстной поговорки о панахъ и хлопцахъ, летятъ съ своихъ мѣстъ, остаются безъ куска хлѣба. Поднимается цѣлая масса дѣлъ, которыя, въ мирное время, такъ и не вышли бы изъ-подъ сукна; губернаторъ внезапно даетъ ходъ жалобамъ на жестокое обращеніе помѣщиковъ съ крестьянами, губернскій предводитель „шевелитъ“ вопросъ о какихъ-то суммахъ, о какомъ-то незаконно положенномъ запрещеніи на одно дворянское имѣніе. Свара и смута продолжается до тѣхъ поръ, пока не исчезнетъ со сцены одинъ изъ главныхъ борцовъ или пока не раздастся сверху внушительное „quos ego!..“ Не чѣмъ инымъ, какъ экстраординарнымъ рессурсомъ, является, въ глазахъ провинціальнаго общества, даже война, пока она еще не слишкомъ замѣтно отражается на его интересахъ. Прапорщикъ отправляющагося на Дунай полка поетъ въ губернаторскомъ салонѣ модную пѣсенку о „воеводѣ Пальмерстонѣ“, въ честь полка устраивается прощальный балъ, съ украшеніемъ бальной залы штыками, касками, барабанами—и только. Верховской („Большая Медвѣдица“) пріѣзжаетъ въ губернскій городъ N весной 1854 г., въ самомъ началѣ войны съ Франціей и Англіей. Его поражаетъ то спокойствіе, „съ которымъ всякій прекращалъ какой бы то ни было разговоръ о современныхъ дѣлахъ и обращался къ самому себѣ, къ вчерашней сплетнѣ, къ завтрашней попойкѣ. Едва раскрывались игорные столы, общество бросалось за нихъ, замѣтно облегченное и обрадованное. Гдѣ-то дѣлалось что-то; потолковали— и довольно. Это не у нихъ дѣлалось, не ихъ касалось... Это было не мужество, обсудившее свой долгъ и положеніе и, въ ожиданіи своей очереди дѣйствовать, въ свободный часъ, обращаю-

щееся къ житейскимъ мелочамъ. Это была не отвага, готовая, шутя, всѣмъ жертвовать и, шутя, умереть; не горе, которое, утомясь само собою, ищетъ въ чемъ-нибудь забыться. Это было холодное, тупое, сонное равнодушіе"...

Основой всѣхъ основъ, на которыхъ покоилось до-реформенное провинціальное общество, служило крѣпостное право. Въ первыхъ произведеніяхъ Крестовскаго оно едва виднѣется изъ-за „господъ"—и это совершенно понятно, такъ какъ они написаны между 1849 и 1855 г., въ эпоху усиленной охраны всѣхъ „общественныхъ устоевъ". Вынужденныя недомолвки особенно замѣтны въ „Искушеніи"; отношеніе Покорскаго къ своимъ крестьянамъ, очевидно, играющее большую роль въ нравственной пыткѣ Озерина, намѣчено только немногими осторожными штрихами. Въ „Послѣднемъ дѣйствіи комедіи" едва затронутъ, по той же причинѣ, контрастъ между набожными воздыханіями Елены Ивановны Оршевской и обращеніемъ ея съ крѣпостной прислугой. И все-таки вся атмосфера, которой дышатъ герои и героини Крестовскаго, проникнута, если можно такъ выразиться, запахомъ крѣпостничества. Только между рабовладѣльцами или подъ непосредственнымъ ихъ вліяніемъ могло развиться и процвѣтать то пренебреженіе къ личности, та умственная лѣнь, та нравственная зачерствѣлость или забитость, съ которыми мы встрѣчаемся на каждомъ шагу въ названныхъ нами до сихъ поръ повѣстяхъ и романахъ. Отношенія между родителями и дѣтьми, между начальниками и подчиненными, между „благодѣтелями" и „облагодѣтельствованными", между сильными и слабыми всѣхъ категорій складывались сплошь и рядомъ по образцу господствующаго типа. Возьмемъ, напримѣръ, „Кто жъ остался доволенъ?" Чадолюбивыя маменьки, желающія получше устроить и пристроить своихъ сынковъ, встрѣчаются вездѣ и всегда; характеристична, для времени и мѣста, не столько аттака, веденная Катериной Михайловной Воронской, сколько отсутствіе противодѣйствія со стороны Нины. Отлично понимая всю пустоту, всю дрянность навязываемаго ей жениха, искренно любя другого, Нина позволяетъ располагать собою, какъ вещью, не пробуетъ протестовать, хотя протестъ не былъ ни труденъ, ни опасенъ. Литвинъ—вовсе не деспотъ, не самодуръ; онъ только холоденъ и безучастенъ—но больше ничего и не нужно, чтобы возбудить въ Нинѣ непобѣдимую боязнь и обречь ее, въ присутствіи отца, на робкое молчаніе. На тогдашней почвѣ чувства этого рода росли особенно быстро и держались особенно крѣпко. Страхъ передъ властью—отцовскою и всякою другою—былъ безсмѣнной принадлежностью тогдашняго „очеред-

наго порядка"; онъ всасывался съ кровью матери, съ молокомъ кормилицы, и однажды, овладѣвъ своей жертвой, крайне неохотно возвращалъ ей свободу. Людямъ новѣйшихъ поколѣній послѣднія главы „Кто жъ остался доволенъ?" могутъ показаться невѣроятными,—но лѣтъ тридцать тому назадъ безпомощное послушаніе Нины не было анахронизмомъ.

Пренебреженіе къ личности, непризнаніе самыхъ простыхъ, самыхъ законныхъ правъ ея—вотъ, въ самомъ дѣлѣ, та черта, которая всего ярче выступаетъ на видъ въ картинѣ, нарисованной Крестовскимъ. Въ „провинціи старыхъ годовъ", подточенной снизу крѣпостнымъ правомъ, придавленной сверху желѣзнымъ строемъ „полицейскаго государства", личность, сама по себѣ, не цѣнилась ни во что; оцѣнка ея зависѣла всецѣло отъ привѣшеннаго къ ней ярлыка, отъ мѣста, занимаемаго ею въ чиновной, сословной или свѣтской іерархіи. Отсюда величавая самоувѣренность, „полный гордаго довѣрія покой" такихъ ничтожествъ, какъ Черемышевъ и его супруга („Недавнее"); отсюда вѣра Покорскаго („Искушеніе") въ собственную непогрѣшимость, отсюда торжествующая, наивная наглость генерала Осминникова и несокрушимая бодрость разныхъ чиновныхъ и сановныхъ сплетницъ. Отсюда, съ другой стороны, безнадежная, почти всегда покорная слабость „униженныхъ и оскорбленныхъ". Богатство, почетъ и власть составляютъ преимущественно достояніе мужчинъ; женщина, въ большинствѣ случаевъ, блеститъ только отраженнымъ свѣтомъ, падающимъ на нее отъ отца или мужа—отсюда несчастное положеніе старыхъ дѣвъ, лишенныхъ этого источника свѣта. Василій Ивановичъ (въ „Свободномъ времени")—человѣкъ далеко не злой, расположенный, по своему, къ той самой Клавдинькѣ, которую онъ безпрестанно обижаетъ; онъ просто не предполагаетъ въ ней способности обижаться. То же самое можно сказать о Ельниковѣ по отношенію къ Анночкѣ („Стоячая вода"); онъ пользуется ея услугами, какъ чѣмъ-то должнымъ, спокойно игнорируя ея внутреннюю жизнь или интересуясь ею только какъ матеріаломъ для безцеремонныхъ шутокъ. Во имя того же презрѣнія къ личности родители распоряжаются судьбою своихъ дѣтей—Хлоповы выдаютъ свою дочь за Окольскаго, Анна Дмитріевна заставляетъ Вареньку предпочесть Юрина Карзанову, Деневскіе съ утра до вечера пилятъ Настеньку, старушка Чиркина (въ „Братцѣ") жертвуетъ дочерьми „братцу", Катерина Михайловна Воронская чуть не силой хочетъ женить своего Сашу на Нинѣ. Власть господствующихъ взглядовъ такъ сильна, что перевѣшиваетъ иногда даже авторитетъ мужа надъ женою. Если въ семьѣ Топилиныхъ, напримѣръ, главнымъ

лицомъ является Марья Ивановна, а не Семенъ Сергѣичъ, то это объясняется именно тѣмъ, что Семенъ Сергѣичъ не плыветъ по теченію, не слѣдуетъ во всемъ общепринятому кодексу, а Марья Ивановна исполняетъ всѣ его требованія. Въ этомъ же коренится, отчасти, побѣда Анны Дмитріевны надъ Николаемъ Петровичемъ („Испытаніе“); предводитель дворянства, защищающій слабаго противъ сильнаго, отецъ семейства, предпочитающій для дочери бѣднаго жениха богатому—это, очевидно, человѣкъ непрактичный, человѣкъ не своего времени, заранѣе во всемъ обреченный на неудачу.

Какъ бы прочно и незыблемо ни стоялъ общественный строй, втянуть въ себя всѣхъ и все онъ не можетъ; диссонансы встрѣчаются вездѣ и всегда. Изъ среды унижающихъ и униженныхъ выдѣляются и у Крестовскаго люди, одинаково далекіе отъ роли молота и отъ роли наковальни. Замѣчательно, что въ первыхъ произведеніяхъ писательницы нѣтъ ни одного представителя активной борьбы противъ торжествующей неправды. Бѣлягинъ („Кто-жъ остался доволенъ?“) едва возвышается надъ своей средой; менѣе пустой и ничтожный, чѣмъ другіе свѣтскіе молодые люди, онъ кое-что читаетъ, кое-о-чемъ думаетъ, способенъ не только влюбиться, но и любить. Этого достаточно, чтобы сдѣлать его для большинства предметомъ почтительнаго страха, смѣшаннаго съ антипатіей; но крупной фигурой онъ можетъ казаться только въ сравненіи съ такими infiniment petits, какъ Воронскій. Гораздо сильнѣе Нестоевъ, но и его сила выражается только въ рѣшимости вырвать Марью Андревну изъ невыносимой семейной обстановки. Чета Ливинскихъ обрисована только слегка; непріязнь къ нимъ провинціальнаго свѣта объясняется исключительно тѣмъ, что они свободны отъ его недостатковъ. Васильевы (въ „Искушеніи“) совершенно отдѣлены отъ окружающаго ихъ міра; семья Займищевыхъ (въ „Свободномъ времени“)—это какой-то оазисъ, отношеніе котораго къ провинціальной степи такъ и остается неизвѣстнымъ. Тарнѣевъ (въ „Встрѣчѣ“), Ивановскій (въ „Баритонѣ“) не переживаютъ своего горя. Такіе типы, какъ Багрянскій и его дочь, встрѣчаются только въ „Большой Медвѣдицѣ“, принадлежащей къ другому періоду творчества автора. Почему это такъ—сдѣлается яснымъ, когда мы ближе познакомимся съ первоначальнымъ настроеніемъ Крестовскаго. Тѣмъ чаще, зато, попадаются въ раннихъ произведеніяхъ писательницы люди, сбившіеся съ прямой дороги или шедшіе по ней только до перваго перекрестка. Одинъ изъ нихъ—Озеринъ (въ „Искушеніи“)—находитъ въ себѣ силу искупить свою вину; другіе падаютъ все ниже и ниже.

Шатровскій („Испытаніе") уменъ, образованъ, не лишенъ добрыхъ намѣреній; вліяніе честной, хорошей дѣвушки не даетъ развиться его природнымъ недостаткамъ. Счастливый ея обществомъ, онъ почти никуда не выѣзжаетъ, почти никого не видитъ; ничто не мѣшаетъ ему наблюдать и работать надъ самимъ собою. Перенесенный въ другую среду, онъ скоро становится неузнаваемымъ; подпавъ подъ власть сестры — капризной, безсердечной свѣтской женщины — онъ дѣлается участникомъ ея мелкихъ интригъ, разбиваетъ вмѣстѣ съ нею счастье всѣхъ окружающихъ. Письмо друга открываетъ ему глаза, но слишкомъ поздно — поздно не только потому, что нельзя взять назадъ однажды сдѣланнаго, но и потому, что съ такой обузой за плечами ему уже не возвратиться на прежнюю дорогу. Прочитавъ „Испытаніе", невольно спрашиваешь себя, нѣтъ ли ошибки въ самой завязкѣ романа, возможна ли была продолжительная дружба между Лизаветой Андревной и такимъ дряннымъ человѣкомъ, какимъ оказывается Шатровскій? Мы думаемъ, что авторъ не ошибся. Люди, радикально измѣняющіеся съ измѣненіемъ обстановки, встрѣчаются вездѣ и всегда — но въ особенности много ихъ должно быть въ такомъ обществѣ, въ которомъ почти все благопріятствуетъ „приспособленію къ обстоятельствамъ", почти ничего — укрѣпленію характера и воли. Такимъ же точно образомъ рѣшается вопросъ и о Сергѣѣ Павлычѣ, въ „Свободномъ времени". Въ университетѣ, въ товарищескомъ кружкѣ онъ могъ казаться, до извѣстной степени даже быть хорошимъ человѣкомъ, могъ привлечь къ себѣ симпатію Владиміра Займищева; но облѣнившись въ деревнѣ, привыкнувъ считать себя мученикомъ несправедливой судьбы, опустясь, отъ скуки, до одного уровня съ Перевицкимъ и окунувшись, вслѣдъ затѣмъ, въ омутъ провинціальнаго большого свѣта, съ страстнымъ желаніемъ играть тамъ видную роль и безъ всякихъ реальныхъ данныхъ для такой роли, онъ долженъ былъ стать тѣмъ, чѣмъ мы его видимъ въ концѣ романа. Окольскій („Анна Михайловна") и Куличовъ („Стоячая вода") вступаютъ въ жизнь безъ большого умственнаго и нравственнаго фонда; но довести перваго до продѣлки съ Митенькой Хлоповымъ и до женитьбы на Anastasie, второго — до недостойной игры съ чувствомъ Анночки, могло только продолжительное созерцаніе самихъ себя въ зеркалѣ провинціальной жизни, выпрямлявшемъ кривыя линіи и искривлявшемъ прямыя. Еще характеристичнѣе, съ этой точки зрѣнія, Боровицкій (въ „Недавнемъ"), смѣющійся надъ неприглядными сторонами провинціи и все-таки незамѣтно всасываемый ею, понижаемый ею до ея уровня. Онъ очень хорошо видитъ, какъ смѣшонъ Черемышевъ — и все-

таки ухаживаетъ за нимъ, даже безъ опредѣленной практической цѣли; онъ смотритъ сверху внизъ на губернскія партіи и ихъ распри—и все-таки принимаетъ дѣятельнѣйшее участіе въ устройствѣ „демонстративнаго“ обѣда; онъ сочувствуетъ положенію Настеньки Деневской — и все-таки рисуется передъ ней, ищетъ развлеченія въ разговорахъ съ нею, не задумываясь о томъ, во что это развлеченіе ей обойдется. Скажемъ болѣе: печать времени замѣтна даже на героѣ „Стараго горя“, какъ онъ ни сторонится отъ общества, какъ онъ ни огражденъ, повидимому, отъ его вліяній. Не знаменательно ли, что въ воспоминаніяхъ мужа о покойной, нѣжно любимой женѣ играютъ большую роль сожалѣнія такого рода: „Не знать, что такое нарядить ее, мою красавицу! Не показать ее никому, чтобъ на нее полюбовались, чтобы узнали, какъ она умна, весела, остроумна; не повеселить ее ничѣмъ, не имѣть возможности дать ей хоть бездѣлицу, хоть сотую долю той роскоши или хоть того удобства, которымъ пользуются женщины, не стоющія, чтобы и сравнить ихъ съ нею“... Не знаменательно ли, что, разбогатѣвъ и почувствовавъ себя еще „не охладѣвшимъ къ удовольствіямъ жизни“, онъ сталъ думать только о томъ, какъ бы устроить себѣ „теплый домъ“, какъ бы найти вторую жену, „молодую, хорошенькую и добрую“? Не знаменательно ли, что второй его женѣ, по его собственнымъ словамъ, нечего больше дѣлать, „какъ хорошѣть и нравиться“? Правда, его продолжаетъ угнетать „старое горе“, онъ ищетъ и не находитъ забвенья; „свѣтъ очень веселъ, очень счастливъ“—таковы послѣднія слова его дневника—„только есть еще безумцы, которымъ въ немъ не живется“... Счастливецъ, которому все удалось, очевидно, думаетъ о самоубійствѣ; почему? Не потому ли, что кругомъ него ничто не подсказывало другихъ, болѣе широкихъ взглядовъ, ничто не влекло на ту дорогу, на которой только и можно забыть или, по крайней мѣрѣ, перенести личное горе?.. Самымъ типичнымъ изъ всѣхъ людей, „испорченныхъ жизнью“, является Верховской („Большая Медвѣдица“)—но о немъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ.

II.—Постепенный ростъ таланта.

Таковъ, въ главныхъ чертахъ, тѣсный и темный міръ, изученіе котораго стоитъ на первомъ планѣ въ раннихъ произведеніяхъ Крестовскаго. Въ его рамки замыкается, однако, далеко не все, относящееся къ этому періоду творчества писательницы. Дѣйствіе „Приходскаго учителя“ (1850) происходитъ въ провин-

ціи, но связано съ нею чисто внѣшнею связью; перенесите мысленно его героевъ на другую почву — и общее впечатлѣніе отъ этого ничуть не перемѣнится. Въ „Фразахъ" (1855) подъ кровлей помѣщичьяго дома совершается идиллія, непохожая на обычную прозу провинціальной жизни — а единственное лицо, вносящее фальшивую ноту въ мирный концертъ (Прасковья Александровна Залѣская), занесено въ глушь изъ столичнаго „большого свѣта". Этому свѣту посвященъ почти всецѣло романъ, озаглавленный: „Въ ожиданіи лучшаго" (1860). „Нѣсколько лѣтнихъ дней" (1853), „Въ дорогѣ" (1854), „Разговоръ" (1856), „Изъ связки писемъ, брошенныхъ въ огонь" (1857), „Недописанная тетрадь" (1859)—все это небольшія картинки или психологическіе этюды, не уступающіе иногда болѣе крупнымъ созданіямъ Крестовскаго. Работая надъ „провинціей въ старые годы", молодая писательница скоро усвоила себѣ своеобразную манеру, скоро достигла той высоты, которую удержала за собою и внѣ границъ своей первоначальной сферы.

Интересный матеріалъ для исторіи изучаемаго нами таланта даетъ сравненіе трехъ первыхъ, по времени, произведеній Крестовскаго: „Приходскій учитель", „Искушеніе" и „Анна Михайловна". Начинающій авторъ, очевидно, еще не нашелъ своей настоящей дороги; онъ пробуетъ свои силы, мѣняетъ задачи, переходитъ отъ одного жанра къ другому. Въ „Приходскомъ учителѣ" черезъ-чуръ преобладаетъ фантазія, изобрѣтеніе; дѣйствующія лица оторваны отъ всякой реальной почвы, ихъ бытъ едва ли знакомъ автору по личному наблюденію. Самая форма романа—дневникъ—способствуетъ лирическимъ изліяніямъ, иногда горячимъ, чаще сантиментальнымъ, кое-гдѣ не чуждымъ банальности или фразерства [1]). Отношеніе автора къ герою разсказа отзывается неустойчивостью; по временамъ оно кажется спокойнымъ, объективнымъ, по временамъ можно думать, что устами Андрея Васильича говоритъ самъ авторъ. Обстановка, въ которую поставленъ сельскій учитель, слишкомъ идиллична; даже теперь, тридцать пять лѣтъ спустя, она едва ли соотвѣтствовала бы дѣйствительности. Отецъ Аѳанасій, крестьянскіе мальчики, работница Мавра — все это одинъ свѣтъ, безъ всякой примѣси тѣней. Жители села Слободки вовсе не являются на сцену, какъ

---

[1]) „Не для одного только себя и однихъ своихъ выгодъ пріобрѣтаемъ мы познанія, не для одного только собственнаго нашего блага и спасенія дается намъ сердце, способное любить... Деревня, глушь! душа моя сотворена для нихъ. Не мнѣ жить на свѣтѣ, и я охотно уступаю другимъ свою долю въ его славѣ, почестяхъ, даже довольствѣ"...

будто учитель деревенской школы могъ прожить цѣлый годъ безъ всякаго соприкосновенія съ ними. Марья Павловна Кремнинская ничѣмъ не отличается отъ общаго типа великосвѣтскихъ барышенъ, до дна исчерпаннаго беллетристикой тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ; много знакомаго и въ разочарованномъ Ардабьевѣ, и въ широкой русской натурѣ Рановскаго. Довольно оригинально задумана только Варвара Петровна — это смѣсь педантизма съ мягкосердечіемъ, напускной холодности съ искреннимъ чувствомъ, испортившая уже, во имя системы, жизнь своего пасынка и рискующая испортить такимъ же образомъ жизнь или характеръ своихъ дочерей. Слѣдовъ недюжиннаго дарованія много и въ „Приходскомъ учителѣ“ —но ему не хватаетъ простора въ той искусственно-вымышленной средѣ, куда заключилъ его авторъ [1]).

Гораздо болѣе твердой рукой написано „Искушеніе“. И здѣсь не все одинаково хорошо извѣстно автору, не все одинаково жизненно. Васильевъ и его жена—это скорѣе отвлеченія, чѣмъ реальныя лица, это воплощенная идея долга, предназначенная оттѣнить, по закону контраста, то наивное игнорированіе высшихъ нравственныхъ обязанностей, какимъ отличаются мать и сестра Озерина. Эти послѣднія выхвачены зато прямо изъ дѣйствительности, и до сихъ поръ не сошедшей еще со сцены. До крайности упрощенный, чуждый всякихъ сомнѣній и колебаній взглядъ на жизнь, теорія правъ и обязанностей, коренящаяся вся безъ остатка въ двухъ формулахъ: „своя рубашка ближе къ тѣлу“ и „всякое даяніе благо“ —вотъ чѣмъ обусловливается прямолинейность и цѣльность старушки Озериной и Кати. Онѣ помнятъ, вдобавокъ, что онѣ— „чиновницы“,—и если нужда и скука могли заглушить въ нихъ на время этотъ прирожденный, унаслѣдованный гоноръ, то съ перемѣной обстоятельствъ онъ тотчасъ же выступаетъ наружу; мать не хочетъ больше „покрываться платочкомъ“, дочь отказывается отъ жениха, не имѣющаго чина. Самъ Озеринъ никакъ не можетъ возвратиться въ ту спокойную гавань, изъ которой никогда не выходила его семья; но и въ открытомъ

[1]) Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести небольшой отрывокъ, показывающій, какъ здраво смотрѣла молодая писательница на едва поставленныя и мало кого занимавшія тогда задачи начальной народной школы. „По программѣ,—говоритъ сельскій учитель,—я должень выучить ихъ (учениковъ) читать, писать и считать. Они читаютъ, но не вздоръ; они пишутъ, но то, что можетъ имъ пригодиться впослѣдствіи; они считаютъ—не милліоны, а расходы своего деревенскаго хозяйства“. Не заключается ли въ этихъ словахъ цѣлая программа, которая и до сихъ поръ не вполнѣ исполнена начальной школой? Укажемъ еще на одно мѣсто въ разговорѣ Колумбова съ Андреемъ Васильичемъ (изд. 1859 г., т. I, стр. 47—48), любопытное по своему сходству съ нѣкоторыми мотивами современнаго народничества.

морѣ ему жутко, и за своихъ, и даже за себя—и вотъ почему онъ поддается „искушенію". Въ изображеніи душевныхъ мукъ, испытываемыхъ Озеринымъ и до, и послѣ паденія, виденъ уже будущій мастеръ психологическаго анализа. Пріемы, употребляемые авторомъ, не вездѣ достаточно художественны; онъ слишкомъ часто покидаетъ своего героя для отвлеченныхъ разсужденій, слишкомъ часто обобщаетъ мысли и чувства, которыя должны были бы оставаться личнымъ достояніемъ Озерина; но не смотря на эти формальные недостатки, сила и тонкость наблюденія во многихъ мѣстахъ остается поразительною. Озеринъ сознаетъ, что его нравственная гибель будетъ рѣшена, какъ только онъ свыкнется съ своимъ положеніемъ—и все-таки, по временамъ, желаетъ свыкнуться съ нимъ, чтобы избавиться отъ ежечасной, ежеминутной муки. Отсюда уже только одинъ шагъ до исполненія желанія—и въ этомъ убѣжденіи Озеринъ черпаетъ рѣшимость для разрыва съ своими цѣпями. Нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ имъ въ добровольной неволѣ, прошли для него, однако, не даромъ; онъ ставитъ на карту всѣ выгоды своего положенія, но въ глубинѣ души, едва замѣтно для самосознанія, у него копошится страхъ потерять, надежда удержать эти выгоды. Распорядившись деньгами Покорскаго, онъ не уходитъ изъ его дома, чего-то ждетъ, на что-то разсчитываетъ; Покорскій совершенно правъ, говоря ему въ послѣдней сценѣ: „прости я вамъ теперь, вы найдете причину логическую, законную причину остаться опять у меня!" Главный интересъ „Искушенія" заключается, впрочемъ, не столько въ Озеринѣ—такихъ слабыхъ, колеблющихся людей въ нашей литературѣ цѣлая масса,—сколько въ Покорскомъ. Это фигура чрезвычайно оригинальная, коренящаяся всецѣло на почвѣ тогдашнихъ порядковъ, но вполнѣ возможная и теперь, конечно, mutatis mutandis. Покорскій—теоретикъ, фанатикъ формальнаго права; это воплощенный Игеринговскій Kampf um's Recht, перенесенный въ среду крѣпостного права, ябеды, бумажнаго судопроизводства и канцелярской тайны. Разоряя своихъ родныхъ, давя и муча своихъ подвластныхъ, унижая своего избраннаго наслѣдника, онъ считаетъ себя воздавателемъ каждому должнаго, орудіемъ высшей справедливости. Поддерживаемый этимъ убѣжденіемъ, этою вѣрой, онъ неуклонно преслѣдуетъ свои цѣли, не зная ни сомнѣній, ни состраданія. „Я моимъ врагамъ прощаю,—говоритъ онъ Озерину,—но какъ прощаю? душевно. Въ душѣ я не имѣю зла ни на кого, но на дѣлѣ, чтобы знали, что есть правосудіе, я стараюсь имъ дѣлать зло... Развѣ легко дѣлать зло? Это—крестъ! Плачешь, а дѣлаешь, потому что долженъ". Здѣсь,

положимъ, Покорскій немного пересолилъ; онъ и не думаетъ плакать, дѣлая зло, и очень легко несетъ свой добровольный крестъ—но онъ не лицемѣритъ, провозглашая себя органомъ правосудія. Его поддерживаетъ въ этой мысли и многолѣтняя практика—практика у себя въ имѣніи, гдѣ на каждомъ шагу являются правонарушенія, а, слѣдовательно, и поводы къ неукоснительному возстановленію нарушеннаго права (Покорскій, самъ того не зная, слѣдуетъ ученію того нѣмецкаго криминалиста, который признавалъ за преступникомъ право на наказаніе), практика въ старыхъ судахъ, гдѣ крючкотворство и взятка всегда обезпечивали побѣду за Покорскимъ. Къ буквѣ закона онъ старается, впрочемъ, присоединить и другую, болѣе внушительную санкцію. „Люди на землѣ,—восклицаетъ онъ,—развѣ не средства, не исполнители высшихъ цѣлей? А высшія цѣли, что онѣ такое, если не исправленіе, а не исправленіе, такъ наказаніе злыхъ?“ Служеніе „высшимъ цѣлямъ“, такимъ образомъ понятымъ, не могло встрѣтить, въ тогдашнее время, ничего кромѣ поощренія и поддержки, особенно когда носителемъ его былъ человѣкъ богатый и чиновный. Отсюда безграничная самоувѣренность Покорскаго, отсюда презрѣніе его къ людямъ. Готовый полюбить, по своему, Озерина, онъ играетъ имъ какъ кошка съ мышкой, наслаждается его мученіями, ожидаетъ, чуть не съ часами въ рукахъ, послѣднихъ содроганій его нравственнаго чувства. „Ты знаешь,—говоритъ онъ ему,—я люблю естественную исторію, люблю слѣдить за перерожденіемъ личинки въ бабочку. Вотъ мнѣ любопытно и теперь посмотрѣть, какъ ты переродишься“. Весьма вѣроятно, что выгнавъ отъ себя Озерина въ минуту гнѣва, онъ тотчасъ же пожалѣлъ, что не довелъ до конца этотъ естественно-историческій опытъ надъ человѣческою душою.

„Аннѣ Михайловнѣ“ принадлежитъ, въ нашихъ глазахъ, рѣшающее значеніе въ исторіи творчества Крестовскаго. Этотъ разсказъ—небольшое, но законченное цѣлое; здѣсь нѣтъ тѣхъ неровностей, которыя встрѣчаются въ „Искушеніи“, нѣтъ идеализированныхъ черезъ край Васильевыхъ, нѣтъ сантиментальныхъ бесѣдъ о добродѣтели и о долгѣ. Мы видимъ передъ собою уголокъ мало изслѣдованнаго міра, съ его будничною жизнью, мелкими страстями, „ежедневными драмами“, ничтожная завязка которыхъ сплошь и рядомъ ведетъ къ болѣе чѣмъ серьезной развязкѣ. Этотъ міръ, очевидно, знакомъ автору во всѣхъ своихъ изгибахъ, знакомъ ему не какъ случайному, постороннему свидѣтелю, а какъ человѣку, выросшему въ его средѣ и поднявшемуся, силою мысли и чувства, надъ его уровнемъ. Точное наблюденіе не исключаетъ здѣсь

рѣзко выраженнаго субъективнаго элемента; воспроизводятся и комбинируются факты, почерпнутые изъ дѣйствительной жизни, но эта комбинація совершается не безстрастно, потому что безстрастіе не въ характерѣ автора, да и не въ свойствѣ работы. Такъ понять провинціальную жизнь, какъ она понята въ „Аннѣ Михайловнѣ“, и все-таки сохранить невозмутимое хладнокровіе лѣтописца или дьяка, „спокойно зрящаго на правыхъ и виновныхъ“ — это было бы возможно только при исключительной крѣпости нервовъ. Зрѣлище человѣческихъ жертвъ, падающихъ безвѣстно и безцѣльно, не подъ ударами грозной силы, а подъ уколами безсилія, не во имя идеи, а во имя рутины — наполнило Крестовскаго негодованіемъ и тоскою, тѣмъ болѣе глубокими, чѣмъ непрогляднѣе была тогдашняя тьма, чѣмъ меньше просвѣтовъ представляло будущее. Раннія произведенія Крестовскаго, за весьма немногими исключеніями, точно одѣты въ трауръ—не тотъ эффектный трауръ, съ плерезами и длинными вуалями, который бросается въ глаза и словно аффишируетъ скорбь, а тотъ едва замѣтный трауръ, который составляетъ какъ бы невольное выраженіе искренней печали. Отсюда иногда нѣкоторое однообразіе колорита, но отсюда и своеобразная прелесть, до сихъ поръ дѣйствующая на читателей.

Вслѣдъ за „Анной Михайловной“ появляется цѣлый рядъ романовъ, остающихся въ предѣлахъ той же области, той же задачи: „Кто-жъ остался доволенъ?“ (1852), „Испытаніе“ (1854), „Послѣднее дѣйствіе комедіи“ (1855), „Свободное время“ (1856), „Баритонъ“ (1857). Они дополняютъ другъ друга, какъ комическое изображеніе жизни дополняется трагическимъ. Разстояніе между комедіей и трагедіей не такъ велико, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда; одной небольшой перестановки въ комбинаціи тѣхъ же элементовъ, одной такъ называемой случайности достаточно для того, чтобы измѣнить исходъ, а вмѣстѣ съ нимъ — и общій характеръ дѣйствія. Усилія Катерины Михайловны Воронской женить своего недоросля-сына на Нинѣ Литвиной вызываютъ улыбку, потому что они оканчиваются неудачей; но вѣдь они столь же легко могли окончиться успѣхомъ — и тогда супружеская жизнь Воронскаго и Нины сдѣлалась бы, пожалуй, „послѣднимъ дѣйствіемъ комедіи“ въ томъ же, глубоко-ироническомъ смыслѣ, въ какомъ названъ этимъ именемъ разсказъ о судьбѣ Марьи Андревны Оршевской. Въ „Испытаніи“ занавѣсъ падаетъ передъ свадьбой Юрина и Вареньки, за которой виднѣется нѣчто весьма мало похожее на настоящую комедію... Останавливаться отдѣльно на каждомъ произведеніи Крестовскаго, значило

бы, впрочемъ, выйти изъ рамокъ нашей статьи. Наибольшей силы, въ разсматриваемую нами теперь эпоху, дарованіе писательницы достигаетъ въ „Послѣднемъ дѣйствіи комедіи“. Два предшествовавшіе романа („Кто-жъ остался доволенъ?“ и „Испытаніе“), какъ и слѣдующій („Свободное время“), не свободны отъ растянутости; ни одна изъ созданныхъ ими фигуръ не можетъ сравниться, по рельефности и яркости очертаній, съ образомъ Покорскаго, ни одна группа не представляетъ такого типичнаго цѣлаго, какъ семья Топилиныхъ (въ „Аннѣ Михайловнѣ“), ни одна сцена не стоитъ на одномъ уровнѣ съ такими страницами, какъ тѣ, которыя посвящены разрыву Покорскаго съ Озеринымъ. Въ „Послѣднемъ дѣйствіи комедіи“ рука мастера видна на каждомъ шагу; постройка романа оставляетъ желать весьма немногаго, дѣйствіе развивается быстро, интересъ растетъ до самаго конца, главныя лица—Марья Андревна Оршевская, ея мать, ея отецъ—глубоко врѣзываются въ память. Елена Ивановна Оршевская, зачерствѣвшая въ ханжествѣ, ожесточенная противъ всего и всѣхъ, отуманенная гордымъ сознаніемъ собственной безгрѣшности и безнадежной грѣховности ближняго — это одна изъ тѣхъ фигуръ, которыя особенно долго сохраняютъ жизненную силу, потому что вѣрность данной средѣ, данному времени соединяется въ нихъ съ чертами болѣе устойчивыми, глубже коренящимися въ человѣческой природѣ. Фарисейство вѣчно; мѣняются только его формы и выраженія. Какъ дошла до него Елена Ивановна, какой спеціальный оттѣнокъ оно въ ней получило—это мы видимъ съ полною ясностью. Старая дѣва, поздно сдѣлавшаяся женой и матерью, не нашедшая, почти не искавшая семейнаго счастья, никогда никого не любившая и ничѣмъ не увлекавшаяся, окружена пустымъ легкомысленнымъ, испорченнымъ обществомъ. Не раздѣляя его привычекъ, не находя удовольствія въ его развлеченіяхъ, она убѣждается въ своемъ нравственномъ превосходствѣ надъ нимъ— и общество ей не противорѣчитъ, охотно платитъ ей, издалека, дань холоднаго уваженія, соглашается признать строгія мины и елейныя рѣчи подлиннымъ и несомнѣннымъ доказательствомъ добродѣтели. Въ этомъ общемъ, почти единодушномъ признаніи—припомнимъ, что оно увлекаетъ собою даже Ливинскаго — главная особенность положенія, занимаемаго Еленой Ивановной, главная сигнатура эпохи, къ которой относится романъ. Андрей Валерьянычъ Оршевскій—типъ переходный; онъ „прожигаетъ“ состояніе жены и дѣтей по рецепту „добраго стараго времени“, но является, вмѣстѣ съ тѣмъ, предшественникомъ хищниковъ и грюндеровъ слѣдующаго поколѣнія. Правда, дѣятельность его въ этомъ направ-

леніи ограничена узкой рамкой богадельни, въ которой онъ морить холодомъ и голодомъ старушекъ;—но не его вина, если еще не наступилъ періодъ предпринимательской горячки. Для этого періода онъ воспитываетъ своего сына, относящагося къ отцу, какъ молодой графъ Турбинъ относится къ старому, въ извѣстномъ разсказѣ гр. Л. Толстого. Въ такой семьѣ растетъ Марья Андревна, о которой мы уже говорили. „Экспозиція" романа принадлежитъ къ числу самыхъ удачныхъ въ нашей литературѣ: разговоръ Елены Ивановны съ Пелагеей Михайловной, отношеніе обѣихъ дамъ къ Марьѣ Андревнѣ, появленіе Нестоева, бесѣда молодого Оршевскаго съ сестрой, потомъ съ отцомъ—все это сразу вводитъ насъ in medias res, подготовляетъ и объясняетъ дальнѣйшій ходъ дѣйствія. Небольшая сцена между Еленой Ивановной и просительницей довершаетъ характеристику Оршевской, еще раньше чѣмъ мы узнаемъ ея прошедшее. Превосходно изображенъ тотъ моментъ, когда Нестоевъ въ первый разъ сознательно даетъ себѣ отчетъ въ любви своей къ Марьѣ Андревнѣ; встрѣча ихъ въ деревенской глуши, въ чудную весеннюю ночь, полна истинной, задушевной поэзіи. Такихъ оживленныхъ, разнообразныхъ картинъ провинціальнаго общества, какую представляетъ пикникъ, устроенный Оршевскимъ, и у Крестовскаго, и у другихъ нашихъ лучшихъ писателей найдется немного; здѣсь видно то умѣнье распоряжаться массами, которое такъ высоко—и такъ справедливо—цѣнится современной критикой. Развязка логически вытекаетъ изъ всего предъидущаго. „Легкому сердцу" Оршевскаго, какъ и безсердечію его жены, ничего не стоило откинуть въ сторону счастье Марьи Андревны, какъ сучокъ, встрѣтившійся на ихъ дорожкѣ. Смерти ея и Нестоева никто прямо не желалъ — но если они умерли, что-жъ? Тѣмъ хуже для нихъ.

„Баритонъ" также оканчивается смертью, но смертью другого рода. Оршевскіе равнодушно жертвуютъ дочерью изъ-за своихъ личныхъ видовъ; отецъ Алексѣй совершенно искренно говоритъ сыну: „Ты мнѣ дорогъ, но ты упрямишься, а я отецъ любящій, воля моя непреклонная; я насильно твое счастье сдѣлаю". Въ этихъ послѣднихъ словахъ заключается глубокій, трагическій смыслъ романа. Самодурство честное и любящее опаснѣе, быть можетъ, всякаго другого, потому что оно отнимаетъ охоту и способность сопротивленія. „Никогда въ жизни,—говоритъ Ивановскій,—я не смѣлъ поступать противъ отца... Даже теперь, среди всѣхъ моихъ страданій, я вижу, какъ онъ меня любитъ. Онъ моего горя не можетъ понять, а я — какъ я рѣшусь ему противорѣчить? Мнѣ страшно вымолвить, страшно подумать, что

я всю мою жизнь, всю мою участь перемѣню безъ благословенія, подъ гнѣвомъ отца. А повиноваться не могу, не могу!" Гдѣ выходъ изъ этой дилеммы, и теперь еще сохраняющей, по временамъ, свою прежнюю силу?... Въ томъ кружкѣ, къ которому принадлежитъ Ивановскій, она ставилась и ставится чаще, чѣмъ въ другихъ, потому что ей благопріятствовала здѣсь кастовая замкнутость, благопріятствуетъ корпоративный духъ; но основной ея источникъ—убѣжденіе власти въ правѣ и возможности насильно устроить личное благополучіе подвластнаго—никогда не составлялъ и не составляетъ исключительнаго достоянія одной общественной группы. Къ нему сводятся явленія изъ разныхъ сферъ жизни, съ перваго раза мало сходныя между собою...

Ивановскій — не единственный герой „Баритона"; не менѣе важную роль играетъ въ романѣ небольшой семинарскій мірокъ, географически, если можно такъ выразиться, стоящій рядомъ съ губернскимъ обществомъ, но отдѣленный отъ него цѣлой китайской стѣною. Внутри этого мірка опять-таки высится стѣна, раздѣляющая старшихъ и младшихъ его членовъ; профессоръ, конфузящійся передъ Зарѣчинскимъ, потому что тотъ какими-то судьбами удостоился получить доступъ въ „свѣтъ", считаетъ себя въ правѣ унижать и оскорблять, безъ всякой надобности, заурядную овцу своего стада. Нелѣпость искусственныхъ перегородокъ, воздвигнутыхъ предразсудкомъ и поддерживаемыхъ рутиной, одинаково бросается въ глаза и въ салонѣ Майцевой, приходящемъ въ смятеніе и ужасъ отъ появленія среди него — horribile dictu!— семинариста, и въ гостиной молодого дьякона, дальше порога которой не смѣетъ идти, въ виду присутствія почетныхъ гостей, учащаяся молодежь. Вѣрно ли, однако, изображенъ Крестовскимъ семинарскій бытъ, и раньше (у Нарѣжнаго, у Гоголя), и позже (у Помяловскаго) являвшійся на сцену въ совершенно другомъ, гораздо менѣе привлекательномъ видѣ? Не повредила ли тенденціозность картины ея правдивости? Намъ кажется, что нѣтъ. Безспорно, свѣтлыя стороны быта выдвинуты на первый планъ, нѣкоторыя изъ темныхъ его сторонъ его обойдены молчаніемъ; но романъ — не статистика и не исторія, на безусловную полноту онъ и не претендуетъ. Весь вопросъ заключается въ томъ, могли ли выработаться въ семинаріи пятидесятыхъ годовъ такіе симпатичные люди, какъ Ивановскій, Слободской, Бѣляевъ, Демкинъ? Безъ сомнѣнія, могли; чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть хотя бы воспоминанія г. Гилярова-Платонова, печатавшіяся въ „Русскомъ Вѣстникѣ" прошлаго года. Бурса Помяловскаго— реальный фактъ, но фактъ существовавшій не постоянно и не

повсемѣстно. Весьма важно и то, что дѣйствующія лица Крестовскаго — не бурсаки въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. не ученики, живущіе въ семинаріи. Недостатки, свойственные самому типу семинарскаго воспитанія и образованія, отражаются весьма ясно и въ нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицахъ „Баритона"; припомнимъ іезуита Зарѣчинскаго, тупого фанатика Миролюбова, веселаго друга приказныхъ Зерцова, быстро очерствѣвшаго Березова. Даже тѣ черты, которыя кажутся теперь наименѣе вѣроятными—напр., восторженная рѣчь Ивановскаго о „благородныхъ наставникахъ" (изд. 1859 г., т. II, стр. 156)—могли быть, въ данное время и въ данномъ мѣстѣ, срисованы съ натуры; чего не идеализируетъ — при условіяхъ, способствующихъ идеализаціи — молодая душа, готовая вѣрить въ добро и расположенная видѣть вездѣ только лицевую сторону медали? Мы едва ли ошибемся, если назовемъ длинный рядъ сценъ въ общей ученической квартирѣ (главы VI и VII) страницей изъ исторіи пятидесятыхъ годовъ — страницей, конечно, не исчерпывающей предмета, требующей существенно важныхъ дополненій, но вносящей яркій свѣтъ въ одинъ уголокъ тогдашней умственной жизни.

Нигдѣ, можетъ быть, созрѣвшее дарованіе Крестовскаго—Крестовскаго „первой манеры"—не чувствуется такъ живо, какъ въ нѣкоторыхъ небольшихъ этюдахъ, цѣльныхъ, сжатыхъ и глубокихъ. Уже въ разсказѣ: „Въ дорогѣ" (1854), встрѣчаются превосходныя страницы, посвященныя воспоминаніямъ дѣтства, картинамъ „заброшеннаго, далекаго городка"; но въ общемъ разсказу недостаетъ законченности, самъ разсказчикъ и предметъ его дѣтской любви обрисованы довольно блѣдно. Настоящимъ маленькимъ chef-d'oeuvre кажется намъ отрывокъ: „Изъ связки писемъ, брошенной въ огонь" (1857). Изобразить, въ немногихъ чертахъ, всѣ фазисы медленно растущаго, долго несознаваемаго чувства, заставить насъ пережить, вмѣстѣ съ героиней, переходъ отъ равнодушія къ уваженію, отъ уваженія къ сочувствію и состраданію, отъ состраданія къ любви—это задача, которую такъ могъ исполнить только мыслитель и художникъ. Ни одного лишняго слова, ни одного искусственнаго эффекта, никакихъ перипетій и выдающихся событій; все просто, сдержанно, повидимому обыкновенно; но именно такъ и подготовляются, такъ и совершаются, въ большинствѣ случаевъ, жизненныя драмы. Развязки нѣтъ, вопросъ, которымъ заканчивается послѣднее письмо: „ѣхать ли мнѣ, или оставаться?" не разрѣшенъ авторомъ—но впечатлѣніе отъ этого скорѣе усиливается, чѣмъ ослабѣваетъ. Чувствуется, что обѣ альтернативы грозятъ несчастьемъ и горемъ, что мы стоимъ здѣсь

передъ однимъ изъ тѣхъ гордіевыхъ узловъ общественнаго строя, развязать которые нельзя, а разсѣчь или оставить неприкосновенными—одинаково тяжело и опасно. Въ „Недописанной тетради“ (1859) нѣтъ той сосредоточенности, которая составляетъ главную прелесть „Изъ связки писемъ, брошенной въ огонь“—но она до крайности интересна въ другомъ отношеніи: она написана, мѣстами, точно вчера, она затрогиваетъ такіе вопросы, надъ которыми стоитъ въ раздумьѣ современная жизнь, современная литература. Тяжелое, безотрадное дѣтство, ненормальныя семейныя отношенія, бездушное лицемѣріе, прикрываемое формулой: „по родственному“, испорченная жизнь, позднія сожалѣнія, безплодные порывы—все это изображено Крестовскимъ съ большою силой. Авторъ дневника, составляющаго „недописанную тетрадь“—одинъ изъ „лишнихъ людей“ пятидесятыхъ годовъ, съ оттѣнкомъ пессимизма, одинаково безпощаднаго къ другимъ и къ самому себѣ,—но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ точно человѣкъ позднѣйшей эпохи, ищущей выхода въ направленіи, котораго не знали ни Рудины, ни Лаврецкіе, ни Гамлеты Щигровскаго уѣзда. „Ушелъ бы куда-нибудь,—пишетъ больной, одинокій человѣкъ,—въ степь, въ лѣсъ, въ избу, но чувствуешь, что и тамъ не годишься; тамъ нужны руки; чувствуешь, что не проживешь, потому что не съумѣешь сложить себѣ жизни внѣ общества, какъ не съумѣлъ сложить ее себѣ въ обществѣ. Здѣсь—все слишкомъ криво, тамъ—слишкомъ прямо. Одно самъ помогалъ портить, для другого самъ слишкомъ испорченъ... Поденщики, которые въ тинѣ и сырости копаютъ прудъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ павильона, гдѣ я размышляю о человѣчествѣ, достигаютъ, лучше всякихъ идеалистовъ, до идеала самоотверженія: они исполняютъ свой долгъ, трудятся, чтобы кормить свою семью. Если возразятъ на это, что ихъ заставляетъ необходимость, крайность, а крайность можетъ только отуплять, то почему идеалисты высшаго разряда плачутся надъ этой крайностью, а до сихъ поръ не придумали, какъ отвратить, или хотя облегчить ее, или, наконецъ, почему не рѣшаются они хотя раздѣлить трудъ, чтобы не пользоваться имъ даромъ?.. Ces malheureux! je ne puis les voir! говорила вчера очень чувствительно сестра моя. Я, какъ человѣкъ нечуждый ничего человѣческаго и врагъ нервическихъ состраданій, подошелъ ближе, посмотрѣлъ, прочелъ лекцію о предохранительныхъ средствахъ отъ лихорадки... Когда же, наконецъ, человѣкъ рѣшительно и здраво скажетъ себѣ, что будетъ чѣмъ-нибудь однимъ—существомъ, готовымъ отдать другимъ послѣднюю рубашку, или существомъ, спокойно разсуждающимъ, что, напримѣръ, въ этотъ прудъ, отъ котораго уже шесть

человѣкъ слегли въ лихорадку, посадятъ deux cents sterlets и не знаю сколько carassins, и какъ это будетъ magnifique!.. Вѣдь быть чѣмъ-нибудь однимъ покойнѣе, неоспоримо логичнѣе, а, по моему, даже благороднѣе!“.. Не слышится ли въ этихъ словахъ нѣчто знакомое намъ изъ послѣднихъ сочиненій гр. Л. Толстого, г. Гл. Успенскаго, Златовратскаго, нѣчто, во всякомъ случаѣ, весьма далекое отъ господствующаго настроенія той эпохи, къ которой относится „Недописанная тетрадь“? Передъ художникомъ словно поднялась, на минуту, завѣса будущаго, словно мелькнула „тѣнь грядущихъ событій“ или, лучше сказать, грядущихъ стремленій.

Слабой, сравнительно, стороной раннихъ романовъ и повѣстей Крестовскаго кажется намъ ихъ форма. Языку писательницы недостаетъ образности, яркости, силы; въ постройкѣ фразы чувствуется иногда тяжеловѣсность, почти граничащая съ неправильностью. Мѣткіе эпитеты, картинныя сравненія встрѣчаются рѣдко; описаній почти вовсе нѣтъ, или они не даютъ намъ живого представленія объ описываемомъ предметѣ. Съ этой точки зрѣнія первые опыты Крестовскаго рѣзко отличаются отъ другихъ выдающихся произведеній тогдашней беллетристики. Когда началась дѣятельность Крестовскаго, новая русская проза, созданная Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Гоголемъ, была уже общимъ достояніемъ литературы; молодые таланты сразу овладѣвали оружіемъ, выкованнымъ ихъ предшественниками, совершенствовали его все больше и больше, достигали мастерства въ томъ или другомъ способѣ пользованія имъ. Припомнимъ, какую громадную роль игралъ языкъ въ успѣхѣ „Обыкновенной Исторіи“, „Записокъ Охотника“, первыхъ комедій Островскаго, „Дѣтства“ графа Л. Н. Толстого. Одинъ лишь Достоевскій долго боролся съ трудностями слога—но именно этимъ объясняется, отчасти, тотъ фактъ, что изъ всѣхъ произведеній, написанныхъ имъ до ссылки, настоящая удача выпала только на долю „Бѣдныхъ людей“. Неудовлетворительность манеры, усвоенной Достоевскимъ, могла быть забыта ради ея новизны, еще болѣе—ради необыкновенной симпатичности первыхъ созданныхъ имъ фигуръ; когда она стала повторяться, не уравновѣшиваемая уже достоинствами содержанія, она оттолкнула отъ автора и критику, и читающую публику. Если того же самаго не случилось съ Крестовскимъ, если популярность молодой писательницы продолжала расти, то причину этому мы видимъ съ одной стороны въ громадной важности предмета, изслѣдованію и изображенію котораго она посвятила свои силы, съ другой стороны—

въ томъ, что недостатки формы были у нея болѣе отрицательнаго, чѣмъ положительнаго свойства. У нея было мало колорита, мало рельефности, мало движенія, но не было ни вычурности, ни претензій, ни натянутости; въ ея произведеніяхъ проглядывало скорѣе нѣкоторое пренебреженіе къ внѣшней отдѣлкѣ, чѣмъ напрасная погоня за художественной красотою. Недодѣланность формы вредитъ роману, въ нашихъ глазахъ, все-таки меньше, чѣмъ дѣланность ея; отсутствіе усилій можетъ быть не замѣчено читателемъ, избытокъ ихъ—безъ соотвѣтствующаго результата—бросается въ глаза и неизбѣжно производитъ охлаждающее дѣйствіе. Простота, даже переходящая въ сухость, лучше вымученной цвѣтистости, лучше аффектаціи.

Будущему біографу и критику Крестовскаго предстоитъ раскрыть ту внутреннюю связь, которая существуетъ между творчествомъ писательницы и ея обстановкой, ея воспитаніемъ, ея жизнью; для насъ доступны только предположенія, основанныя исключительно на знакомствѣ съ ея произведеніями. Провинція сороковыхъ годовъ—вотъ, повидимому, та почва, на которой созрѣвало изучаемое нами дарованіе. Глубокое, всестороннее знаніе этой почвы свидѣтельствуетъ о томъ, что она была для Крестовскаго не предметомъ случайныхъ наблюденій, а чѣмъ-то болѣе близкимъ, непосредственно тяготѣвшимъ надъ мыслью и чувствомъ. Не здѣсь ли слѣдуетъ искать, между прочимъ, разгадку нѣкоторыхъ особенностей, указанныхъ нами выше? Разнообразіе и пестрота впечатлѣній, споры и пренія университетскихъ и вообще товарищескихъ кружковъ, соприкосновеніе съ центрами умственной жизни въ Россіи, тѣмъ болѣе—въ з. Европѣ,—вотъ условія, игравшія видную роль въ развитіи большинства нашихъ „людей сороковыхъ годовъ". Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ молодости Крестовскаго они занимали гораздо меньше мѣста. Лучи свѣта, и въ столицахъ не безъ труда, не безъ препятствій пробивавшіеся сквозь тучи, доходили до провинціи значительно ослабленными и померкшими; небо надъ нею было почти постоянно облачнымъ и сѣрымъ. Въ Петербургѣ и Москвѣ образованная женщина, раздѣляющая интересы образованныхъ мужчинъ, и въ то время не была уже рѣдкостью; въ провинціи на нее еще показывали пальцемъ, найти равныхъ себѣ и окружить себя ими было для нея еще до крайности трудно. Прибавимъ къ этому характеристическія свойства момента, къ которому относятся первые опыты Крестовскаго—и для насъ станетъ понятнымъ и минорный тонъ, и блѣдный колоритъ ихъ. „Озеринъ оглянулся на жизнь... Будущее показалось ему безконечно-длинно". Въ этихъ заключитель-

ныхъ словахъ „Искушенія“ отразилось, быть можетъ, настроеніе самого автора. Откуда, въ 1850 г., можно было ждать пробужденія для провинціи, не только погруженной въ темноту, но и много довольной ею? Негдѣ было искать бодрости духа, нечѣмъ было обороняться противъ массы удручающихъ впечатлѣній — удручающихъ именно своею мелочностью, своею обыденностью, своею непрерывностью. Впереди виднѣлось только повтореніе тѣхъ же мотивовъ, наростаніе зла, котораго почти никто не признавалъ зломъ. Нужно было много рѣшимости, чтобы нарисовать самому себѣ правдивую картину всего окружающаго—еще болѣе, чтобы перенести ее, насколько это было возможно, въ область беллетристики. Эта рѣшимость нашлась у Крестовскаго; воспроизведеніе дѣйствительности вышло вѣрнымъ, но именно потому лишеннымъ яркихъ красокъ, точно подернутымъ легкою дымкой. Конечно, подъ рукой систематика объективности, подъ рукой художника, раньше выработавшаго себѣ пластичность, образность языка, тотъ же матеріалъ могъ бы отлиться въ другую форму; но взаимнодѣйствіе тусклой среды и таланта, воспитавшагося подъ ея гнетомъ—хотя и завоевавшаго себѣ внутреннюю свободу—должно было выразиться именно въ тѣхъ чертахъ, которыми запечатлѣны первыя произведенія Крестовскаго.

Сознаніе гнета неминуемо ведетъ къ протесту, а протестъ— одна изъ формъ тенденціозности. Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ, которые желали бы изгнать тенденцію изъ области искусства; она имѣетъ, въ нашихъ глазахъ, полное право на существованіе, лишь бы только она не обращалась въ сухое резонерство, не била черезъ край, не замѣняла характеристику—пасквилемъ, портретъ—каррикатурой. Въ первыхъ произведеніяхъ Крестовскаго тенденціозность является источникомъ не слабости, а силы. Негодованіе противъ торжествующей или спокойно господствующей неправды не переходитъ здѣсь въ слѣпую ненависть къ случайнымъ носителямъ этой неправды; они рисуются такими, какими ихъ создала жизнь, безъ преувеличеній, безъ избытка черныхъ красокъ. Наименѣе симпатичныя изъ числа дѣйствующихъ лицъ—Покорскій, Елена Ивановна Оршевская, „братецъ“ Сергѣй Андреичъ — вовсе не чудовища, не злодѣи; это люди, болѣе или менѣе испорченные обстоятельствами, едва сознающіе, или вовсе не сознающіе свою испорченность, опасные въ особенности тѣмъ, что на ихъ сторонѣ успѣхъ или сила, на ихъ сторонѣ уваженіе общества. Отъ резонерства первые романы и повѣсти Крестовскаго не вполнѣ свободны, но оно зависитъ не отъ тенденціозности; происхожденіе его нужно искать скорѣе въ

реакціи противъ окружающаго недомыслія. Наша мысль сдѣлается яснѣе, если мы припомнимъ, что именно въ раннихъ произведеніяхъ писательницы симпатичныя героини почти всѣ склонны къ разсужденіямъ, къ логическому анализу, что эта склонность дѣлаетъ ихъ слегка резонерками. Назовемъ, для примѣра, Софью Николаевну въ „Приходскомъ учителѣ", Настасью Петровну въ „Испытаніи", Майцову въ „Баритонѣ", автора „писемъ, брошенныхъ въ огонь". „Ты смѣешься надо мной,—пишетъ послѣдняя своему другу Машѣ,—что съ нѣкотораго времени на меня нашла страсть философствовать, что я все разбираю и выражаю такія идеи, которыхъ ты у меня не подозрѣвала. Вспомни прошлое, Маша; врядъ ли ты не подозрѣвала у меня этихъ идей. Конечно, на письмѣ я говорю ихъ свободнѣе, нежели на словахъ; но, помнится, мнѣ случалось высказываться. Ты и твои сестрицы и тогда смѣялись надо мной". И дѣйствительно, когда пробудившаяся мысль встрѣчаетъ кругомъ себя полную непривычку и нежеланіе думать, она работаетъ тѣмъ интенсивнѣе и настойчивѣе, на всемъ останавливаясь, все расчленяя и разбирая. Эту работу Крестовскій переноситъ и въ свое творчество, не всегда вдвигая ее въ задуманныя рамки, соединяя ее съ дѣйствіемъ иногда чисто внѣшнею связью. Весьма характеристичны, въ этомъ отношеніи, первыя слова „Послѣдняго дѣйствія комедіи". „Среди разнаго рода мыслей,—такъ начинается романъ,—которыя иногда невольно приходятъ въ голову тому, кто составилъ себѣ печальную привычку пристально вглядываться въ ежедневную суету житейскую и разбирать ее, по странному упрямству головы и сердца—потому что голова утомляется, а сердце страдаетъ — чаще всего является мысль о необъяснимыхъ противорѣчіяхъ дѣйствій съ словами, словъ съ убѣжденіями, убѣжденій съ наклонностями и характерами, которые ихъ себѣ усвоили". Очевидно, что это крайне неудачная entrée en matière, способная расхолодить требовательныхъ или впечатлительныхъ читателей; но для насъ важно здѣсь признаніе писательницы, прямо подтверждающее нашу догадку, констатирующее силу привычки, о которой мы говорили. Спѣшимъ прибавить, что слишкомъ большого простора этой привычкѣ Крестовскій не даетъ нигдѣ, и что въ нѣкоторыхъ романахъ—напр. въ „Баритонѣ"—слѣды ея исчезаютъ совершенно.

Закончимъ нашъ обзоръ раннихъ произведеній Крестовскаго указаніемъ одной услуги, оказанной и оказываемой ими русскому общественному развитію. Въ свое время они, безъ сомнѣнія, были однимъ изъ составныхъ элементовъ того умственнаго броженія, которое положило конецъ многолѣтнему застою, переработало,

хотъ отчасти, наши обычаи и нравы; но извѣстная доля практическаго значенія сохраняется за ними и въ настоящую минуту. Насъ хотятъ увѣрить, что золотой вѣкъ лежитъ позади насъ, что единственное спасеніе—въ строгихъ, стройныхъ и справедливыхъ порядкахъ до-реформенной эпохи, что только подъ ихъ покровомъ можетъ благоденствовать семья, укрѣпляться нравственность, процвѣтать добродѣтель. Кто не видалъ этихъ порядковъ или забылъ о нихъ, тотъ можетъ изучить ихъ, между прочимъ, въ первыхъ сочиненіяхъ Крестовскаго. Минувшее отразилось въ нихъ, какъ въ зеркалѣ — и отраженіе это не такого рода, чтобы возбудить въ комъ-нибудь сожалѣніе объ утраченномъ блаженствѣ. Какъ бы безотрадно ни было настоящее,—прошедшее, изображенное Крестовскимъ, еще безотраднѣе и мрачнѣе.

К. Арсеньевъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е января, 1885.

Первая половина 80-хъ годовъ, какъ противоположность первой половинѣ 60-хъ.—Совершившіеся факты; опасенія и надежды.—Сословность и ея защитники; сословный романтизмъ.—Исполненіе росписи 1883 года.—Правила о совмѣстительствѣ.

Первая половина переживаемаго нами десятилѣтія составляетъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, прямую противоположность первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Дорога осталась та же, но радикально измѣнилось направленіе; мы проходимъ мимо тѣхъ же верстовыхъ столбовъ, но идемъ въ другую сторону. Многое изъ сдѣланнаго тогда обсуждается теперь въ обратномъ смыслѣ и даже предлагается въ печати къ передѣлкѣ. Перенесемся мысленно къ 1 января 1865 г. За мѣсяцъ передъ тѣмъ были обнародованы новые судебные уставы. Старымъ судамъ, старому процессу предстоялъ, повидимому, близкій и повсемѣстный конецъ; переходный періодъ, необходимый для введенія ихъ въ дѣйствіе, опредѣлялся немногими годами. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, утвержденное 1 января 1864 г., начинало уже осуществляться. Положеніе о начальныхъ училищахъ, изданное въ томъ же году, открывало широкій просторъ для развитія земской школы. Университеты пользовались уже автономіей, дарованной имъ въ 1863 г. Работы надъ новымъ закономъ о печати приводились къ концу; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ первый разъ должна была появиться, и дѣйствительно появилась, небывалая у насъ до тѣхъ поръ безцензурная пресса. Между прошедшимъ и будущимъ существовала, казалось, полная гармонія; можно было ожидать не только исполненія всего обѣщаннаго, окончанія всего начатаго, но и новыхъ шаговъ впередъ, къ однажды избранной цѣли. Съ тѣхъ поръ прошло двадцать лѣтъ — и постройка нетолько не окончена, но многія ея части разрушились, другія обречены на раз-

рушеніе, третьимъ угрожаетъ, быть можетъ, та же печальная судьба. Университетскій уставъ 1863 г. болѣе не существуетъ; церковно-приходская школа не столько поставлена рядомъ съ земскою, сколько противопоставлена ей; изъ закона 6 апрѣля 1865 г. уцѣлѣло лишь кое-что, въ особенности послѣ разъясненныхъ двухлѣтней практикой „временныхъ" правилъ 1882 года; къ ограниченіямъ свободы печати присоединилось ограниченіе свободы чтенія, посредствомъ временныхъ правилъ 5 января 1884 г.; недовѣріе къ самоуправленію наглядно выразилось въ циркулярѣ, напомнившемъ предсѣдателямъ городскихъ думъ и земскихъ собраній объ отвѣтственности за допущеніе „несоотвѣтственныхъ" сужденій; кругъ дѣйствій Положенія о земскихъ учрежденіяхъ давно уже остается неподвижнымъ; крайне медленно раздвигается и кругъ дѣйствій судебныхъ уставовъ, до того медленно, что въ остзейскомъ краѣ, напримѣръ, все еще нѣтъ мировыхъ судей, хотя назначенный закономъ срокъ введенія ихъ истекъ въ 1881 г.—Таковы **факты**, изъ которыхъ многіе относятся спеціально къ минувшему году; каковы же ожиданія, каковы поводы для надеждъ или опасеній? Противъ основныхъ началъ новаго суда, противъ земскаго и городского самоуправленія ведется неустанная борьба—ведется, судя по тону и пріемамъ нападающихъ органовъ печати, и далеко не безъ шансовъ успѣха. Подъ именемъ „возвращенія правительства" предвѣщается, въ сущности, не что иное, какъ возвращеніе къ старой правительственной системѣ—къ той самой системѣ, разрывомъ съ которой были вызваны и запечатлѣны всѣ реформы шестидесятыхъ годовъ. Никогда еще реакціонная печать не шла въ бой съ такою безцеремонною самоувѣренностью, никогда еще не рѣдѣли такъ замѣтно ряды противоположной группы, не разрастался такъ быстро средній лагерь—лагерь равнодушныхъ, „праздно болтающихъ", систематиковъ индифферентизма. Если бы наша консервативная или ультра-консервативная пресса могла быть названа оффиціозной въ томъ смыслѣ, какой имѣетъ это слово въ западно-европейскихъ (континентальныхъ) государствахъ, еслибы направленія, господствующія въ нашей печати, строго соотвѣтствовали направленіямъ, господствующимъ въ обществѣ, тогда нетрудно было бы предугадать, въ главныхъ чертахъ, и дальнѣйшее развитіе правительственной системы, и дальнѣйшій ходъ общественной мысли—предугадать, разумѣется, настолько, насколько вообще возможны догадки въ области политики. На самомъ дѣлѣ это не совсѣмъ такъ. Какъ бы ни старались извѣстныя газеты выставить себя все или очень много знающими, въ какой бы авторитетной формѣ онѣ ни изрекали свои вѣщанія, какъ бы насмѣшливо ни обращались къ своимъ противникамъ съ вопросомъ: „не вѣрите?"—практика удо-

стовѣряетъ на каждомъ шагу, что эти самозванные пророки служатъ скорѣе органами стремленій, еще борющихся за побѣду, чѣмъ провозвѣстниками побѣды, уже одержанной. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить тотъ неожиданный „репримандъ", который они получили въ ноябрѣ въ видѣ извѣстной оффиціальной рѣчи. Наложить руку на судебные уставы, на городское и земское самоуправленіе, не такъ легко, какъ это кажется нашимъ доморощеннымъ Геростратамъ. Надежды консервативныхъ разрушителей зиждутся въ особенности на фактѣ изданія новаго университетскаго устава; если уничтожено одно изъ произведеній „бѣса шестидесятыхъ годовъ", то почему бы—такъ разсуждаютъ они—не уничтожить и всѣ другія? Логичность этого разсужденія болѣе чѣмъ сомнительна. Прошлогодняя университетская реформа не создала новыхъ учрежденій, не потребовала новыхъ людей, не произвела, непосредственно и внезапно, коренной перемѣны въ самомъ характерѣ дѣятельности университетовъ. Студенты и профессора остались тѣ же, цѣли и пріемы преподаванія не измѣнились. Дѣйствіе реформы можетъ сдѣлаться замѣтнымъ лишь впослѣдствіи; въ данную минуту осуществленіе ея не представляло никакихъ затрудненій, не встрѣчало никакихъ препятствій. Такъ ли легко и просто совершился бы переворотъ въ другой, болѣе обширной сферѣ, ближе соприкасающейся съ ежедневной жизнью? Уничтоженіе суда присяжныхъ возбудило бы толки въ каждой деревнѣ, привело бы къ увеличенію числа судей, замедлило бы рѣшеніе уголовныхъ дѣлъ, переполнило бы тюрьмы, потрясло бы до основанія все зданіе новаго суда. Порядокъ преданія суду не могъ бы остаться прежній; приговоры окружнаго суда перестали бы быть окончательными, участь подсудимыхъ стала бы рѣшаться—во второй, апелляціонной инстанціи—преимущественно на основаніи бумажныхъ доказательствъ, потому что нельзя же повторять два раза всю процедуру допроса свидѣтелей, экспертовъ и т. п. Еще болѣе труднымъ оказался бы обратный поворотъ въ области хозяйственнаго управленія. Нужно же было бы передать кому-нибудь другому то дѣло, съ которымъ теперь справляются земскія учрежденія—нужно было бы, иными словами, создать сразу множество новыхъ правительственныхъ органовъ, сразу расширить предѣлы правительственной дѣятельности и до крайности усложнить ея задачи. Нужно было бы отказаться отъ всѣхъ выгодъ, обусловливаемыхъ привлеченіемъ къ мѣстному дѣлу мѣстныхъ жителей, изъ которыхъ многіе работаютъ безвозмездно (гласные земскихъ собраній, члены училищныхъ совѣтовъ, члены врачебныхъ совѣтовъ, санитарные попечители и т. п.). Нужно было бы возвратиться на ту дорогу, непригодность которой давно доказалъ опытъ—и притомъ опытъ, произведенный при болѣе благо-

пріятныхъ условіяхъ: при меньшемъ числѣ и меньшей сложности потребностей, при даровомъ содѣйствіи помѣщиковъ, какъ начальниковъ надъ своими крѣпостными. Напрасно было бы тѣшить себя мыслью, что роль упраздняемаго земства могла бы перейти къ тому „самоограждeнію отдѣльныхъ, личныхъ интересовъ“, которое теперь въ модѣ противопоставлять самоуправленію; нѣтъ, мѣсто самоуправленія могло бы замѣнить лишь управленіе, для котораго едва ли нашлось бы достаточное количество подходящихъ силъ.

Охраной для новыхъ судовъ, для земства, служитъ не одна только трудность ихъ замѣщенія; они защищены щитомъ болѣе крѣпкимъ —защищены чувствомъ невольнаго уваженія къ той великой преобразовательной работѣ, которой они обязаны своимъ существованіемъ. И здѣсь есть несомнѣнная разница между университетской реформой 1863 г., съ одной стороны, Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ и судебными уставами 20 ноября 1864 г.—съ другой. Образовательная роль университетовъ въ нашей государственной и общественной жизни началась гораздо раньше 1863 г.; уставъ, изданный въ этомъ году, ничего не создалъ вновь — онъ только улучшилъ прежде данныя условія, облегчилъ достиженіе прежде данныхъ цѣлей. Организація высшаго образованія не можетъ быть связана съ именемъ императора Александра II-го, какъ связано съ нимъ устройство новыхъ судовъ и мѣстнаго самоуправленія. Въ двухъ послѣднихъ областяхъ дѣятельность покойнаго государя была по-истинѣ творческою; онъ призвалъ къ жизни учрежденія, проложилъ пути, намѣтилъ задачи, для которыхъ вовсе не было мѣста въ прежнемъ государственномъ строѣ. Уничтожить эти учрежденія, закрыть эти пути, отказаться отъ этихъ задачъ, значило бы пойти прямо въ разрѣзъ уже не съ тѣмъ или другимъ частнымъ дѣломъ, а съ основной идеей минувшаго царствованія. Въ газетной статьѣ такіе скачки совершаются весьма легко, но нельзя, къ счастію, сказать того же самаго о дѣйствительности. Воспоминаніе о близкомъ и славномъ прошедшемъ является здѣсь силой, если не влекущей впередъ, то во всякомъ случаѣ задерживающей обратное движеніе.

Чтобы испортить механизмъ, не нужно, впрочемъ, ломать его; достаточно вынуть изъ него однѣ пружины, подмѣнить другія, нарушить правильное соотношеніе между частями. Въ этомъ смыслѣ опасность для суда, для самоуправленія несомнѣнно существовала и существуетъ—существуетъ тѣмъ болѣе, что въ государственной жизни, какъ и въ области техники, нѣтъ такого механизма, который не нуждался бы въ починкѣ, не допускалъ бы усовершенствованій. Починка, усовершенствованіе—понятія относительныя, близко граничащія съ поврежденіемъ и ухудшеніемъ. Доказательствъ этому исторія

земства и новыхъ судовъ и теперь уже представляетъ немало; весьма можетъ быть, что ближайшее будущее принесетъ съ собою еще болѣе длинный рядъ подобныхъ явленій. Есть, конечно, простой критерій, съ помощью котораго можно разграничить довольно точно различныя категоріи поправокъ: этотъ критерій — согласіе или несогласіе ихъ съ общимъ духомъ, общимъ характеромъ цѣлаго. Положимъ, напримѣръ, что съ одной стороны предлагается понизить земскій имущественный цензъ, съ другой—предоставить крупнымъ землевладѣльцамъ два голоса на избирательномъ съѣздѣ; съ одной стороны предлагается возложить производство предварительнаго слѣдствія на старшихъ, наиболѣе опытныхъ членовъ окружного суда, съ другой — поручить эти функціи чиновникамъ министерства юстиціи, назначаемымъ и увольняемымъ по усмотрѣнію министра. Чтобы опредѣлить сравнительное достоинство этихъ предложеній, стоитъ только сопоставить ихъ съ основными началами земской и судебной реформы, стоитъ только спросить себя, которое изъ нихъ соотвѣтствуетъ намѣреніямъ и цѣлямъ преобразователя. Такой способъ повѣрки предполагаетъ, однако, одно существенно важное условіе: рѣшимость продолжать однажды начатое дѣло, продолжать его въ томъ направленіи и смыслѣ, въ какомъ оно начато. Нѣтъ этого условія — нѣтъ и ручательства въ томъ, что поправка будетъ именно поправкой, только поправкой. Минувшій годъ принесъ съ собою лишь одно нововведеніе въ судебной сферѣ — законъ 12 іюня, ограничившій право отвода присяжныхъ и измѣнившій составъ коммиссій, установляющихъ списки присяжныхъ. Въ этомъ законѣ, какъ уже было указано нами въ свое время, нѣтъ ничего несовмѣстнаго съ призваніемъ присяжныхъ, ничего подрывающаго значеніе ихъ въ уголовномъ процессѣ; но ограничится ли имъ „поправка" судебныхъ уставовъ, и если не ограничится, то каковъ будетъ слѣдующій шагъ—на этотъ вопросъ нельзя, покамѣстъ, дать опредѣленнаго отвѣта. Агитація противъ института присяжныхъ, въ самомъ его принципѣ, продолжается до сихъ поръ, попрежнему не разбирая средствъ — продолжается несмотря на то, что конецъ 1884 года, въ противоположность послѣднимъ мѣсяцамъ 1883-го, былъ особенно богатъ обвинительными приговорами (по дѣлу Мироновича, по дѣлу Рыкова, по дѣлу Федорова, по дѣлу Свиридова —при второмъ разсмотрѣніи его въ кіевскомъ окружномъ судѣ). Пускай только повторится та комбинація обстоятельствъ, при которой возникъ, годъ тому назадъ, вопросъ о необходимости „поправить" дѣйствующіе законы на счетъ присяжныхъ — и туча, повидимому, разсѣявшаяся, можетъ вновь появиться на горизонтѣ. Надъ адвокатурой, надъ гласностью судопроизводства, надъ независимостью суда также виситъ дамокловъ мечъ—мечъ, въ данномъ случаѣ, тѣмъ болѣе опас-

ный, что, разсматриваемый съ извѣстной точки зрѣнія, онъ можетъ показаться совершенно невиннымъ рабочимъ инструментомъ. „Это не орудіе уничтоженія“, могутъ утверждать всѣ чающіе и жаждущіе паденія меча; „это просто рѣзецъ, съ помощью котораго можно дать новую, лучшую форму мраморному изваянію. Вотъ неровность, которую нужно сгладить; вотъ линія, которую нужно выпрямить. Стоитъ только оборвать нить, мѣшающую движеніямъ рѣзца—все остальное приложится само собою“. Оборвать нить, безъ сомнѣнія, очень легко, —но что, если мнимый рѣзецъ окажется тяжелымъ мечемъ, годнымъ только для изувѣченія статуи?..

Отъ внезапныхъ ударовъ, отъ частныхъ „поправокъ“ разрушительнаго свойства, самоуправленіе, въ настоящую минуту, обезпечено нѣсколько больше, чѣмъ новый судъ—обезпечено существованіемъ такъ называемой Кахановской коммиссіи. Когда та или другая отрасль законодательства пересматривается въ полномъ своемъ объемѣ, съ цѣлью систематической переработки, детальныя въ ней перемѣны снимаются обыкновенно съ очереди, признаются несвоевременными. Вопросъ сводится здѣсь уже не къ отдѣльнымъ отступленіямъ отъ существующихъ порядковъ, а къ выбору системы; опасность отъ этого не становится меньше, но отодвигается въ болѣе отдаленное будущее, дѣлается менѣе настоятельною. Конечно, преобразовательная работа можетъ быть прервана во всякое время, составленіе органическаго закона можетъ быть признано излишнимъ и замѣнено совокупностью спѣшныхъ мѣропріятій, вызванныхъ случайнымъ настроеніемъ данной минуты; но шансы такого перерыва все-таки меньше, чѣмъ шансы быстрыхъ превращеній въ другихъ отрасляхъ законодательства. Трудамъ Кахановской коммиссіи не предвидится еще конца; если принять въ соображеніе, что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ (октября и ноября) она не покончила даже съ волостью, что ей остается еще разсмотрѣть все касающееся полиціи, городовъ, уѣзднаго и губернскаго управленія, то можно сказать почти навѣрное, что въ текущемъ законодательномъ періодѣ она не заключитъ даже предварительнаго фазиса работы—не установитъ окончательно тѣхъ главныхъ положеній, на основаніи которыхъ должны быть составлены подробные законопроекты о мѣстномъ управленіи и самоуправленіи. Моментъ внесенія этихъ законопроектовъ въ государственный совѣтъ не можетъ быть опредѣленъ теперь даже и приблизительно. Сокрушаться объ этомъ мы не видимъ причины. Какъ ни плачевно, во многихъ отношеніяхъ, нынѣшнее положеніе провинціальнаго земско-административнаго строя, немедленное преобразованіе его оказалось бы, быть можетъ, большимъ изъ двухъ золъ, обостривъ или, по крайней мѣрѣ, закрѣпивъ нѣкоторые недостатки status quo. Извѣстія о преніяхъ въ

Кахановской коммиссіи, проникающія въ печать, отрывочны, сбивчивы и мало достовѣрны; кое-что, однако, можно вывести и изъ нихъ — и эти выводы мало утѣшительнаго свойства. Между „мѣстными дѣятелями“, „усилившими“ составъ коммиссіи, преобладаютъ, повидимому, далеко не тѣ мнѣнія, за которыя высказалось, въ 1881—82 г., большинство земскихъ собраній; взгляды, весьма распространенные въ земствѣ, вовсе или почти вовсе не имѣютъ представителей въ коммиссіи—и наоборотъ. Съ другой стороны, первоначальный проектъ коммиссіи (т.-е. проектъ такъ называемаго „особаго совѣщанія“) не свободенъ отъ непрактичности, особенно ясно выразившейся въ постановленіяхъ о сельскомъ обществѣ. Отсюда возможность утверждать, что провинція исправляетъ ошибки Петербурга, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ споръ идетъ вовсе не между провинціей и Петербургомъ, а между одной провинціальной партіей и одной петербургской группой. У провинціальной партіи есть союзники въ Петербургѣ, петербургская группа не предлагаетъ почти ничего такого, что не было бы раньше предложено въ провинціи. Всесословное село, какъ и волостель—мысли, усвоенныя петербургскою почвой, но вовсе не изобрѣтенныя ею. Нашимъ читателямъ извѣстно, что мы не стоимъ ни за всесословное село, ни за волостеля; мы не думаемъ защищать предложенія „совѣщанія“—мы хотимъ только констатировать неправильную постановку вопроса, въ силу которой борьба двухъ однородныхъ—по своему происхожденію и свойству—мнѣній обращается въ борьбу между теоріей и практикой, между кабинетнымъ измышленіемъ и знаніемъ дѣйствительной жизни. Если откинуть этотъ миражъ и присмотрѣться поближе къ сущности спора, то придется, быть можетъ, признать, что спорящія стороны вовсе не такъ далеки другъ отъ друга—и обѣ одинаково далеки отъ истины.

Говоря о контрастѣ между первой половиной шестидесятыхъ и первой половиной восьмидесятыхъ годовъ, мы не указали одной его черты, весьма характеристичной. Первая половина шестидесятыхъ годовъ была временемъ сближенія сословій, временемъ паденія или пониженія раздѣлявшихъ ихъ перегородокъ. За освобожденіемъ крестьянъ, за ограниченіемъ тѣлесныхъ наказаній, слѣдуетъ Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, знающее только личныхъ землевладѣльцевъ, но не дворянъ, соединяющее, въ одной общей дѣятельности, всѣ классы мѣстнаго населенія. Судебные уставы изгоняютъ сословность изъ судовъ; полицейскія должности еще раньше перестаютъ замѣщаться по выбору дворянства. Проходитъ нѣсколько лѣтъ, преобразовательное движеніе ослабѣваетъ—но направленіе его остается прежнее; правительство установляетъ общую воинскую повинность, земскія собранія высказываются почти единогласно за отмѣну по-

душной подати, т.-е. за уничтоженіе сословныхъ податныхъ привилегій. Не дальше, какъ три года тому назадъ, земство разныхъ концовъ Россіи подаетъ голосъ за всесословную самоуправляющуюся волость. Это было высшей точкой прилива; теперь мы присутствуемъ при отливѣ, выразившемся, пока, не столько въ законодательныхъ актахъ, сколько въ проектахъ, предложеніяхъ, рѣчахъ, газетныхъ статьяхъ. На всей ли линіи происходитъ отливъ, или только мѣстами—объ этомъ судить трудно; ясно только одно—что степень его и сила не вездѣ одинаковы. Такъ называемое „особое совѣщаніе" отнесено отливомъ назадъ не такъ далеко, какъ „мѣстные дѣятели", „усилившіе" собою составъ Кахановской коммиссіи — но и оно не осталось чуждымъ обратному движенію. Оно предлагаетъ уничтоженіе крестьянской волости, но замѣняетъ ее не союзомъ всѣхъ жителей данной мѣстности, а чисто-административной единицей, всесословной лишь настолько, насколько можетъ быть названъ этимъ именемъ теперешній полицейскій станъ. Оно вводитъ безсословность туда, гдѣ она всего менѣе желательна—въ сельское общество,—но вводитъ ее съ такими оговорками, при дѣйствіи которыхъ она осуществилась бы только на бумагѣ. „Мѣстные дѣятели" болѣе послѣдовательны; они стоятъ за сохраненіе крестьянскаго сельскаго общества, крестьянской волости [1]), съ подчиненіемъ ихъ лишь строгому контролю—котролю той властной руки, о которой уже давно идетъ рѣчь въ московской печати. Здѣсь разногласіе между спорящими становится только кажущимся; властную руку проектировало и „совѣщаніе", въ образѣ волостеля. Какъ бы ни назывался новый мѣстный властелинъ—мировымъ ли посредникомъ, мировымъ ли судьею, волостелемъ ли, волостнымъ ли головою — несомнѣнно только одно: въ его лицѣ крестьянскому сословію будетъ данъ начальникъ, если не de jure, то de facto принадлежащій къ сословію дворянскому.

Подъ знамя модной идеи борцы всегда стекаются съ разныхъ сторонъ, разными путями. Современные защитники сословности могутъ быть раздѣлены на нѣсколько группъ, рѣзко отличающихся другъ отъ друга. Одни стоятъ за сословность, какъ за остатокъ и оплотъ старины, какъ за составную часть того до-реформеннаго строя, паденіе котораго составляетъ предметъ ихъ неумолчныхъ сѣтованій, а возстановленіе—предметъ ихъ неугасимой надежды; это консерваторы или реакціонеры, съ оттѣнкомъ аристократизма—или, лучше

---

[1]) Говоря о „мѣстныхъ дѣятеляхъ", мы имѣемъ въ виду ту группу, которая, судя по газетнымъ слухамъ, наиболѣе рѣзко расходится съ мнѣніями „совѣщанія". Обнимаетъ ли она собою всѣхъ пріѣзжихъ членовъ коммиссіи, присоединился ли къ ней кто-нибудь изъ постоянныхъ членовъ—этого мы не знаемъ.

сказать, псевдо-аристократизма, потому что настоящій аристократизмъ всегда былъ чуждъ нашей почвѣ. Другіе дорожатъ сословностью, какъ созданіемъ исторіи, какъ выраженіемъ русской національной самобытности, къ которому грѣшно прикладывать разрушительную или преобразовательную руку; это идеалисты-романтики, увлекающіеся собственными фразами и строющіе изъ нихъ болѣе или менѣе красивые воздушные замки. Третьи бѣгутъ „пѣтушкомъ" то за первыми, то за вторыми, то за тѣми и другими вмѣстѣ, устраиваясь такъ, чтобы неукоснительно попадать въ тонъ минуты; это оппортунисты, всегда готовые сжечь то, чему поклонялись, и поклониться тому, что сжигали. Въ особенномъ авантажѣ находится теперь первая изъ этихъ группъ—но это авантажъ чисто внѣшній, нисколько не зависящій отъ внутренней силы ея доводовъ. Отталкивающая черствость прямолинейныхъ заключеній, выводимыхъ изъ явно ошибочныхъ посылокъ, никого не можетъ увлечь — а убѣдить можетъ только заранѣе убѣжденныхъ. Аргументація романтиковъ также не отличается убѣдительностью—но она не лишена наружнаго блеска и заслуживаетъ нѣсколько большаго вниманія.

„Земля или земщина — читаемъ мы въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ „Руси"—это цѣлый бытовой разнообразный строй, со множествомъ развѣтвленій, разрядовъ и группъ. Разъ онъ признается, разъ эти такъ-называемыя, положимъ, сословія существуютъ, государство не имѣетъ права не признавать, игнорировать ихъ и вводить насильственно начало безсословности, чуждое жизни... Основное историческое начало русской исторической государственной жизни —это единство въ разнообразіи и разнообразіе въ единствѣ. Коренная черта нашего народнаго строя—это наклонность слагаться въ союзы. Вслѣдъ за семейнымъ союзомъ, образуются союзы или міры деревенскіе, союзы артельные, союзы людей однородныхъ занятій, промысловъ и т. д... Что же такое, въ частности, наши сословія? То ли это самое, что понимается подъ сословіями на западѣ? Ничуть не бывало. Это даже не цехи, это скорѣе касты, такъ какъ въ основѣ ихъ лежитъ преемственная, наслѣдственная однородность занятій, профессіи или служенія; но и отъ кастъ они отличаются тѣмъ, что двери ихъ раскрыты настежь для входа и выхода... Во многомъ существенно отличается отъ нихъ дворянство". Въ чемъ же заключается это отличіе? Въ до-Петровское время, читаемъ мы дальше, служилая профессія, будучи наслѣдственною, создавая своего рода касту, „не имѣла никакой внутренней организаціи, не представляла ни тѣснаго бытоваго союза, ни солидарности какихъ-либо своихъ сословныхъ интересовъ... Съ указомъ Петра III-го о вольности дворянской впервые явилось въ Россіи сословіе безъ опредѣленной,

общей для всѣхъ однородной профессіи, но съ выдающимся положеніемъ". Этимъ положеніемъ дворянство не съумѣло воспользоваться, именно потому, что въ основаніи его лежали привилегіи; только теперь, когда привилегій у дворянства больше нѣтъ, „выступаютъ во всемъ своемъ значеніи тѣ особаго рода нравственныя права, которыя составляютъ его историческое стяжаніе... Историческое преданіе воспитало въ дворянствѣ, какъ въ бывшемъ служиломъ классѣ, привычку и духъ служенія не личнымъ или сословнымъ, эгоистическимъ, а государственнымъ и общественнымъ интересамъ, и дало такое направленіе всему его быту... Сила и въ томъ, что у дворянъ есть нѣчто общее: извѣстный идеалъ чести, а у старинныхъ дворянъ—и доброе историческое чувство рода... И вотъ эта-то бытовая, не на власти лишь капитала или оскорбительныхъ привилегій основанная, а выработанная, очищенная въ горнилѣ исторіи, нравственно независимая, въ то же время просвѣщенная сила, сила притомъ не корпоративная, а проявляющаяя себя въ единицахъ, не исключающая нисколько участія иныхъ сословныхъ силъ—не можетъ же не быть призвана къ привычному ей дѣлу служенія, къ служенію земству, не можетъ же быть искусственно отстраняема, ради какого-то отвлеченнаго принципа безсословности".

Извиняемся передъ читателями за длинную выписку—но намъ казалось необходимымъ сохранить всѣ основныя черты славянофильскаго взгляда на сословность. Романтизму всегда и вездѣ свойственна нѣкоторая туманность, нѣкоторая неуловимость мысли; та разновидность романтизма, которую мы теперь изучаемъ, не составляетъ исключенія изъ общаго правила. Аргументація „Руси"—настоящій Протей; она безпрестанно мѣняетъ свои формы, замѣняетъ одну исходную точку другою, прерываетъ логическую нить разсужденія, бросается изъ стороны въ сторону, ни на чемъ не останавливаясь или находя мнимую точку опоры въ фикціяхъ, въ иллюзіяхъ, построенныхъ даже не на пескѣ, а просто на воздухѣ. „Коренная черта русскаго народнаго строя,—говорятъ намъ,—это—наклонность слагаться въ союзы". Прекрасно; мы радуемся постановкѣ вопроса на реальную почву и съ любопытствомъ ожидаемъ доказательствъ тому, что русское дворянство—свободно и самопроизвольно сложившійся союзъ, однородный, въ этомъ отношеніи, съ артелью и міромъ. Наше ожиданіе продолжается недолго; мы узнаёмъ, что уже въ до-Петровское время,—раньше, слѣдовательно, чѣмъ русская историческая машина соскочила съ рельсовъ и понеслась по откосу, къ западно-европейской низменности—служилое сословіе (т.-е. будущее дворянство) „не представляло тѣснаго бытоваго союза", было лишено внутренней солидарности. Нѣсколько разочарованные, мы отступаемъ на другую по-

зицію, ищемъ въ дворянствѣ признаковъ „касты“, въ основаніи которой лежала бы „преемственная, наслѣдственная однородность занятій, профессіи или служенія“. Правда, насъ смущаетъ самое понятіе о кастѣ, входъ и выходъ которой „раскрытъ настежь“; мы привыкли видѣть характеристическую черту касты именно въ замкнутости—но мы успокоиваемъ себя мыслью, что важно не слово, выбранное болѣе или менѣе неудачно, а понятіе, которое можетъ быть и найдетъ себѣ подтвержденіе въ фактахъ. Новое разочарованіе: намъ объявляютъ, что уже со временъ Петра III-го, т.-е. болѣе столѣтія, дворянство является „сословіемъ безъ опредѣленной, общей для всѣхъ однородной профессіи“. Историческая экскурсія въ глубь прошедшаго была предпринята, такимъ образомъ, совершенно напрасно; союзы или единенія, свойственные русскому народу, оказываются чѣмъ-то вполнѣ отличнымъ отъ дворянства, и вмѣсто „самобытной“, національной для него основы остается на лицо только пустота, которую нужно чѣмъ-нибудь наполнить. Здѣсь-то и выступаютъ на сцену фикціи, безъ всякой даже попытки обосновать ихъ фактическими данными.

Фикція № 1: „Привычка и духъ служенія не личнымъ или сословнымъ, эгоистическимъ, а государственнымъ и общественнымъ интересамъ“—привычка, „давшая направленіе всему быту дворянства“. Спрашивается, прежде всего, когда образовалась эта привычка? Безъ сомнѣнія тогда, когда „служеніе“ было профессіей дворянства? Но вѣдь оно было не только его профессіей—оно было и его кормленьемъ, т.-е. чѣмъ-то весьма тѣсно связаннымъ съ его эгоистическими интересами. Какой родъ службы воспитывалъ, притомъ, преданность „государственнымъ и общественнымъ интересамъ“? Служба ли въ московскихъ приказахъ, съ ихъ посулами и волокитой, или служба воеводская, такъ часто возбуждавшая жалобы и ропотъ населенія? Служба ли въ коллегіяхъ, изъ страха передъ Петромъ, или въ печальный періодъ времени между смертью преобразователя и воцареніемъ Екатерины II-й? Если дворянство XVIII-го вѣка было одушевлено „духомъ общественнаго и государственнаго служенія“, отчего же оно такъ сильно тяготилось обязательною службой? Куда дѣвался этотъ духъ, когда дворянская грамота 1785 г. отвела дворянству первенствующую роль въ мѣстномъ судѣ, въ мѣстномъ управленіи? Полнѣйшую неудачу дворянства на этомъ поприщѣ констатируетъ сама „Русь“; но развѣ такой результатъ былъ бы возможенъ, еслибы существовала та „воспитанная историческимъ преданіемъ“ привычка, въ которую вѣритъ г. Аксаковъ? Говорятъ, что ее парализовало крѣпостное право; допустимъ, что это такъ—но чѣмъ доказать, въ такомъ случаѣ, живучесть и устойчивость силы, столь долго находившейся

въ скрытомъ состояніи? Гдѣ признаки пробужденія ея, послѣ отмѣны угнетавшаго ее института? Намъ укажутъ, конечно, на мировыхъ посредниковъ перваго призыва—но они были дворянами, а не представителями дворянства. Приписывать всему сословію заслуги этихъ отдѣльныхъ лицъ было бы столь же неосновательно, какъ выводить изъ дѣятельности Милютиныхъ, Самариныхъ, Я. Соловьевыхъ, заключеніе объ общемъ сочувствіи дворянства освобожденію крестьянъ. Да и надолго ли хватило энергіи у мировыхъ посредниковъ? Въ одной ли только перемѣнѣ вѣтра, дувшаго сверху, слѣдуетъ искать причину банкротства, постигшаго это учрежденіе?.. Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ преводителямъ дворянства принадлежитъ первое мѣсто въ уѣздѣ; такъ ли они воспользовались бы имъ, еслибы избирающее ихъ сословіе было исполнено „духа общественнаго служенія"? Могъ ли бы, при наличности послѣдняго свойства, упасть такъ низко интересъ къ дворянскимъ собраніямъ? Могло ли бы уменьшиться въ такой степени число дворянъ-землевладѣльцевъ вообще, число дворянъ-землевладѣльцевъ, живущихъ у себя въ усадьбахъ, въ особенности? Могли ли бы дворяне признать себя побѣжденными, почти безъ бою, въ борьбѣ съ разночинцами, съ кулаками, съ новыми „хозяевами положенія" въ деревнѣ? Гдѣ, наконецъ, слѣды „направленія", даннаго „привычкой или духомъ служенія" всему „дворянскому быту"? Не господствуетъ ли, на оборотъ, въ этомъ бытѣ—гораздо больше, чѣмъ въ крестьянскомъ — формула: „chacun pour soi, chacun chez soi"? Между дворянами сохранилось, правда, большое тяготѣніе къ государственной службѣ; но развѣ государственная служба—синонимъ „служенія государству"?

Фикція № 2: извѣстный идеалъ дворянской чести. Мы называемъ этотъ идеалъ фикціей не потому, чтобы вовсе не вѣрили въ его существованіе, а потому, что онъ не имѣетъ ничего общаго съ основною мыслью, поддерживаемой „Русью". Идеалъ дворянской чести слагается изъ двухъ элементовъ—общаго и спеціальнаго. Общій элементъ его—общій съ понятіемъ о чести, не пріуроченной къ сословію или классу—коренится въ отрицаніи и порицаніи лжи, обмана, трусости, низкой корысти; интенсивность и жизненность этого элемента зависитъ гораздо больше отъ нравственнаго и умственнаго склада личности, чѣмъ отъ положенія, занимаемаго ею въ общественной іерархіи. Спеціальный элементъ идеала русской дворянской чести—это пренебреженіе къ профессіямъ, несовмѣстнымъ съ достоинствомъ дворянина: къ торговлѣ, къ промышленности, къ физическому труду. Сохранило ли оно свою силу до настоящаго времени, удерживаетъ ли оно кого-нибудь, съ одной стороны, отъ полезныхъ, но не „барскихъ" занятій. съ другой стороны — отъ участія въ спекуляціяхъ,

сомнительныхъ аферахъ, отъ погони за легкой наживой? Едва ли. Если нѣтъ такой области честнаго труда, въ которой теперь не работали бы дворяне, то и въ поклоненіи золотому тельцу, которымъ ознаменовалась у насъ—и не у насъ однихъ — послѣдняя четверть вѣка, дворянство отставало отъ купечества, отъ промышленнаго класса развѣ настолько, насколько это зависѣло отъ недостатка навыка, отъ затрудненій, сопряженныхъ съ „мобилизаціей" дворянскихъ состояній. Или, можетъ быть, въ составъ того, что мы назвали спеціальнымъ элементомъ дворянской чести, входило и входитъ сознаніе особаго долга передъ обществомъ, выполняемаго безкорыстной дѣятельностью на общую пользу? На этотъ вопросъ мы отвѣчали уже заранѣе, разбирая первую фикцію „Руси". Понятіе о „служеніи" правительству и народу, какъ объ обязанности, составляющей эквивалентъ дворянскихъ правъ и преимуществъ, руководило, можетъ быть, нѣкоторыми дворянами, но всегда было чуждо нашему дворянству. Это не вина его, а неизбѣжный результатъ положенія, въ которое оно было поставлено съ самаго начала, и изъ котораго никогда не выходило.

Не станемъ останавливаться на фикціи № 3—„добромъ историческомъ чувствѣ рода", существующемъ у „старинныхъ дворянъ" — и перейдемъ прямо къ „короткому смыслу длинной рѣчи", произнесенной въ защиту сословности съ точки зрѣнія романтизма. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что эта рѣчь вовсе не имѣетъ практическаго смысла, рѣшительно ни къ чему не ведетъ и составляетъ лишь отвлеченное упражненіе въ ораторскомъ искусствѣ. Если привилегіи служили только ко вреду дворянства, если „историческое его стяжаніе", выступающее „во всемъ своемъ значеніи" именно теперь, съ паденіемъ дворянскихъ привилегій, заключается исключительно въ „нравственныхъ его правахъ", то остается только предоставить дѣло естественному его теченію и спокойно выжидать плодовъ долгаго историческаго процесса. „Нравственныя права" не нуждаются въ особой охранѣ, въ санкціи со стороны закона; жизнь должна признавать ихъ добровольно — иначе на мѣсто нравственнаго права явится право юридическое, формальное. Вотъ этого-то логическаго заключенія собственной аргументаціи и не хочетъ, повидимому, допустить московская газета. Она требуетъ призванія дворянства къ „привычному дѣлу служенія земству", протестуетъ противъ искусственнаго отстраненія его отъ этого дѣла, ради принципа безсословности. Что значитъ этотъ протестъ, это требованіе? Что общаго между безсословностью и отстраненіемъ дворянъ, какъ отдѣльныхъ единицъ (припомнимъ, что „Русь" говоритъ о нихъ именно какъ о единицахъ, а не какъ о корпораціи), отъ служенія земству?

Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ не знаетъ дворянства, какъ сословія—но развѣ это мѣшаетъ дворянамъ играть выдающуюся роль въ земствѣ? Какая „безсословная" волость отвергла бы услуги дворянъ, имѣющихъ „нравственное право" на ея уваженіе? Требовать призванія дворянъ къ дѣлу, которое и теперь для нихъ вполнѣ доступно, отъ котораго никто не предлагалъ и не предлагаетъ отстранять ихъ въ будущемъ — это значитъ или тѣшить себя безсодержательной фразой, или домогаться новаго, весьма серьезнаго распространенія дворянскихъ привилегій. Въ данномъ случаѣ, какъ мы сейчасъ увидимъ, вѣроятнѣе послѣднее предположеніе.

Въ той же статьѣ, нѣсколько раньше, вредныя послѣдствія всесословности доказываются примѣромъ нашихъ столицъ и большихъ городовъ, хозяйство которыхъ шло „недурно", лишь до тѣхъ поръ, пока управленіе ими имѣло сословный характеръ. Съ введеніемъ въ дѣйствіе новаго городового положенія все измѣнилось къ худшему. Прежде „всѣ сословные интересы имѣли своихъ заступниковъ и находили способъ соглашаться между собою"; теперь „смѣшали всѣ сословныя группы вмѣстѣ, встрясли, взболтали въ одно мутное цѣлое, подѣлили, по количеству платимыхъ повинностей, на три равноправныхъ разряда. Результатъ вышелъ, можетъ быть, и вполнѣ согласный съ принципомъ науки, но вполнѣ безобразный. Живые бытовые интересы общественныхъ классовъ оказались представленными вовсе неравномѣрно. Всякій еле-грамотный пьяница, торгующій въ разноску по торговому свидѣтельству, оплачиваемому двадцатью рублями, получаетъ теперь право избирать и быть выбраннымъ — право, котораго лишены способные и просвѣщенные осѣдлые старожилы—обыватели города, не платящіе прямыхъ повинностей". Замѣтимъ, мимоходомъ, что старожилы не-домовладѣльцы, какъ бы они ни были способны и просвѣщенны, и до изданія городового положенія не имѣли ни активнаго, ни пассивнаго избирательнаго права. Трехразрядная избирательная система безспорно не выдерживаетъ никакой критики, не выдерживаетъ ея передъ лицомъ науки точно такъ же, какъ и передъ лицомъ опыта; но причину ея несостоятельности нужно искать не въ безсословности ея, а въ грубомъ, если можно такъ выразиться, ея матеріализмѣ, признающемъ только власть рубля и соразмѣряющемъ избирательное право исключительно съ количествомъ платимаго (по дурной финансовой системѣ) налога. Желательно было бы знать, какіе имѣются въ городѣ отдѣльные сословные интересы, въ чемъ именно интересы городскихъ жителей-дворянъ не совпадаютъ съ интересами городскихъ жителей-мѣщанъ или ремесленниковъ? Различіе—и даже противоположность — интересовъ въ средѣ городского населенія вполнѣ возможно, но оно обусловли-

вается не принадлежностью къ тому или другому сословію, а занятіями, профессіей, свойствомъ владѣемаго имущества. Трактирщикъ и хлѣбный торговецъ оба принадлежатъ къ купеческому сословію, но для одного изъ нихъ особенно непріятенъ одинъ городской налогъ, для другого—другой. Мелочной торговецъ и живущій въ городѣ хлѣбопашецъ (мы имѣемъ здѣсь въ виду тѣ города, населеніе которыхъ сохраняетъ еще отчасти крестьянскія, земледѣльческія занятія и привычки)—оба мѣщане, но для перваго выгоденъ одинъ, для второго—другой способъ пользованія городской землею. Наоборотъ, между крупными промышленниками или фабрикантами можетъ господствовать полная солидарность, независимо отъ ихъ дворянскаго или купеческаго происхожденія. Чтобы упорядочить и поднять городское самоуправленіе, необходимо болѣе равномѣрное представительство интересовъ и въ особенности болѣе правильное и полное представительство потребностей, а отнюдь не возвращеніе къ представительству сословій. То же самое слѣдуетъ сказать и о земскомъ самоуправленіи; въ уѣздѣ, какъ и въ городѣ, дворянство, какъ сословіе, не имѣетъ никакихъ особыхъ интересовъ. Выдѣлить дворянъ, какъ дворянъ, изъ среды личныхъ землевладѣльцевъ, предоставить имъ особое мѣсто въ земскомъ строѣ—въ видѣ ли сословнаго ценза, въ видѣ ли обезпеченнаго заранѣе числа голосовъ въ земскомъ собраніи, въ видѣ ли исключительнаго права на занятіе той или другой земской должности (напримѣръ, вновь проектируемой должности администратора-судьи)—значило бы дать имъ новую, ничѣмъ не вызываемую и не оправдываемую привилегію. Между тѣмъ, именно къ этому результату клонится, повидимому, аргументація романтиковъ сословности; иначе имъ незачѣмъ было бы ссылаться на процвѣтаніе городовъ подъ управленіемъ сословныхъ думъ, незачѣмъ было бы настаивать на призваніи дворянъ, правительственною властью, къ служенію земству. Если „духъ служенія“, „исторически воспитанный“ въ дворянахъ, не находитъ для себя достаточнаго простора въ нынѣшнемъ мѣстномъ самоуправленіи, то не логичнѣе ли было бы стремиться къ открытію для него новаго поприща, путемъ образованія всесословной (самоуправляющейся) волости? Но нѣтъ, о всесословной волости наши романтики не хотятъ и слышать; они готовы признать ее выдумкой „петербургскаго либерализма“, хотя именно за нее подано было всего больше голосовъ въ средѣ земства. Къ вопросу о всесословной волости мы, впрочемъ, еще возвратимся; его исторія особенно богата доказательствами тому, до какой степени узки взгляды, эгоистичны тенденціи сословнаго консерватизма.

Съ тѣхъ поръ, какъ восточная война 1853—56 г. положила конецъ предшествовавшему ей абсолютному застою, различныя теченія нашей государственной жизни почти никогда не укладывались въ одно русло, не сливались въ одно безусловно-единое цѣлое. Этотъ формальный недостатокъ оказывается иногда положительнымъ достоинствомъ; благодаря ему, у насъ почти никогда не останавливается движеніе впередъ, не прекращается преобразовательная работа. Было время, когда роль двигателя посреди неподвижности играло морское министерство; потомъ эта роль перешла къ министерству военному, теперь она принадлежитъ отчасти министерству юстиціи, еще болѣе—министерству финансовъ. Убѣдиться въ этомъ весьма легко: стоитъ только обратить вниманіе на тѣ нападенія, которыхъ названныя нами министерства удостоиваются со стороны извѣстныхъ органовъ печати. Въ чуткости этимъ органамъ отказать нельзя; они прекрасно понимаютъ, что̀ идетъ въ разрѣзъ съ ихъ стремленіями и цѣлями. Если до сихъ поръ немного еще было произведено прямыхъ аттакъ противъ проекта уголовнаго уложенія, составляемаго особою коммиссіей при министерствѣ юстиціи, то это объясняется отдаленностью реформы, до осуществленія которой должно, по меньшей мѣрѣ, пройти еще пять лѣтъ. Другое дѣло—министерство финансовъ; здѣсь преобразованія не только имѣются въ виду, но составляютъ уже, отчасти, совершившійся фактъ—и сообразно съ этимъ растетъ ожесточеніе тѣхъ, которые допускаютъ перемѣну только въ смыслѣ Rückbildung, а не Fortbildung,—въ смыслѣ регресса, а не прогресса. До чего доходили, въ минувшемъ году, нападенія противъ крестьянскаго поземельнаго банка—это мы имѣли случай видѣть еще недавно; чѣмъ шире и успѣшнѣе развивается дѣятельность полезнаго учрежденія, тѣмъ больше разыгрывается желчь въ его врагахъ, обусловливающихъ право на государственную помощь не нуждою, а соображеніями своеобразной „высшей политики". Всего усерднѣе подкапываются подъ крестьянскій банкъ именно тѣ, которые всего настойчивѣе требуютъ организаціи государственнаго поземельнаго кредита для помѣщиковъ. Изъ того же источника идетъ агитація противъ одного изъ разумнѣйшихъ и справедливѣйшихъ налоговъ—налога съ наслѣдствъ,—агитація, не отступающая даже передъ оправданіемъ или извиненіемъ тѣхъ пріемовъ, съ помощью которыхъ налогъ не уплачивается вовсе или уплачивается въ меньшемъ, чѣмъ слѣдуетъ, размѣрѣ (передача имущества наслѣднику за нѣсколько часовъ до смерти наслѣдодателя и т. п.). Налогъ съ наслѣдствъ упадаетъ преимущественно на достаточные классы—inde ira; отсюда попытки доказать несоотвѣтствіе его нашимъ гражданскимъ законамъ —какъ будто бы могли существовать такіе гражданскіе законы, ко-

торые мѣшали бы устраненію вѣковой неправды въ финансовой системѣ...

Къ пассиву министерства финансовъ принадлежитъ, въ глазахъ извѣстной партіи, и непринятіе имъ насчетъ казны вознагражденія вкладчиковъ скопинскаго банка. Теперь эта мѣра требуется уже не съ такою настойчивостью, какъ два года тому назадъ, вслѣдъ за Рыковскимъ крахомъ —но все-таки требуется безъ большого разбора въ выборѣ аргументовъ. Опять выступаетъ на сцену фактическая невозможность продать, на удовлетвореніе долговъ банка, частную собственность скопинскихъ гражданъ—между тѣмъ какъ давно уже доказано, что это невозможность не фактическая, а юридическая, что обязательства банка обезпечивались только собственностью городского общества, какъ юридическаго лица. Опять повторяется старая пѣсня объ отвѣтственности правительства передъ „ни въ чемъ неповинными вкладчиками, „довѣрившими свои крохи авторитетному и уполномоченному кредитному учрежденію“. Не станемъ касаться вопроса о винѣ или невинности вкладчиковъ, прельщенныхъ, въ большинствѣ случаевъ, высокимъ процентомъ и забывшихъ изъ-за него о самой элементарной осторожности; полюбопытствуемъ только узнать, въ чемъ заключались „авторитетныя полномочія“ скопинскаго банка? Повидимому — только въ томъ, что существованіе его было разрѣшено закономъ. Но вѣдь безъ разрѣшенія законодательной власти у насъ не основывается ни одно акціонерное общество—а никто, кажется, не предлагалъ еще правительству взять на себя вознагражденіе акціонеровъ и кредиторовъ лопнувшихъ акціонерныхъ обществъ. Наблюденіе за городскими банками было возложено только на городскія учрежденія, за бдительность и дѣятельность которыхъ правительство никогда не ручалось и ручаться не могло. Мы не отвергаемъ, что отсутствіе правительственнаго надзора было ошибкой, но обнаружить значеніе этой ошибки могъ только опытъ—да и возможно ли допустить, чтобы государство (т.-е. народъ) должно было расплачиваться за каждую ошибку закона? „Если казна оказываетъ пособіе населеніямъ, пострадавшимъ отъ естественныхъ причинъ и отъ собственной непредусмотрительности“—говорятъ далѣе газетные ходатаи за скопинскихъ вкладчиковъ,—„то нѣтъ ничего нелѣпаго и несправедливаго въ томъ, чтобы она была до нѣкоторой степени отвѣтственна за разореніе людей, безвинно пострадавшихъ вслѣдствіе неправильной доктрины“. Болѣе вопіющаго софизма нельзя, кажется, себѣ и представить. Газета имѣетъ въ виду, безъ сомнѣнія, тѣ случаи, когда казна приходитъ на помощь населенію, голодающему или пострадавшему отъ эпидемической болѣзни. Основаніемъ помощи служитъ здѣсь крайняя степень нужды—такой нужды, отъ которой только одинъ шагъ до общегосударственнаго бѣдствія, до

громадныхъ потерь, во много разъ превышающихъ—даже съ чисто матеріальной точки зрѣнія — цѣнность приносимой государствомъ жертвы. Очевидно, что въ подобныхъ случаяхъ немыслимо колебаніе, что помощь должна быть оказана, хотя бы даже одною изъ причинъ нужды была „собственная непредусмотрительность" населенія (замѣтимъ, впрочемъ, что „непредусмотрительность", ведущая къ голоду или къ сильному развитію эпидеміи, почти всегда является общею народною чертой, зависящей отчасти отъ всего государственнаго и общественнаго строя—а не спеціальнымъ порокомъ однихъ только пострадавшихъ). Самый бѣдный изъ плательщиковъ податей не станетъ жаловаться на то, что часть внесенныхъ имъ денегъ идетъ на покупку хлѣба для голодающихъ; но для него едва ли было бы понятно обращеніе копѣекъ, заработанныхъ имъ съ такимъ трудомъ, на пополненіе пробѣловъ, образовавшихся, вслѣдствіе банковаго краха, въ сбереженіяхъ достаточнаго класса населенія. Между вкладчиками скопинскаго банка найдутся, можетъ быть, и такіе, которые доведены до нищеты; но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что громадное ихъ большинство не лишено средствъ къ существованію. Всякая общая мѣра въ пользу скопинскихъ вкладчиковъ—т.-е. принятіе на счетъ казны всего понесеннаго ими убытка или извѣстной его части—была бы поэтому равносильна обогащенію немногихъ на счетъ массы, увеличенію избытка на счетъ бѣдности, т.-е. одною изъ самыхъ крупныхъ несправедливостей, какія только можетъ совершить государство.

Для непроизводительныхъ, произвольныхъ, ничѣмъ неоправдываемыхъ расходовъ настоящая минута представляется особенно неподходящей. 1883-й годъ, какъ видно изъ обнародованнаго недавно отчета государственнаго контроля, оказался, въ финансовомъ отношеніи, гораздо менѣе благопріятнымъ, чѣмъ 1882-ой. Расходы превысили доходъ почти на 22½ милліона рублей, покрываемые отчасти тѣми заграничными рессурсами и суммами, имѣвшимися въ распоряженіи министерства финансовъ (въ количествѣ 21 милліона), которые были предназначены, по росписи 1883 г., на пополненіе разницы между чрезвычайными расходами и чрезвычайными поступленіями. На самомъ дѣлѣ эта разница составила не 21 милліонъ, а лишь 9½ милліоновъ рублей, такъ что часть экстраординарныхъ рессурсовъ могла пойти на погашеніе тринадцати-милліоннаго дефицита, образовавшагося вслѣдствіе роста обыкновенныхъ расходовъ и недобора въ обыкновенныхъ доходахъ. Обыкновенныхъ доходовъ ожидалось въ 1883 г. около 713½ милліоновъ рублей, а поступило на самомъ дѣлѣ около 699 милліоновъ; общая цифра обыкновенныхъ расходовъ (со включеніемъ сверхсмѣтныхъ) превысила 723½ милліона рублей. Дефицитъ

простирался бы, такимъ образомъ, не до тринадцати, а до $24^1/_2$ милліоновъ, еслибы къ доходамъ 1883 г. не были присоединены, по вновь принятому порядку, свободные остатки отъ заключенныхъ смѣтъ 1879 г., въ размѣрѣ около $11^1/_2$ милліоновъ рублей.

Въ сравненіи съ 1882-мъ годомъ, обыкновенные доходы 1883 г. понизились почти на пять милліоновъ рублей. Пониженіе это не коснулось главныхъ источниковъ дохода, за исключеніемъ только податей и налоговъ поземельнаго и лѣсного. Противъ поступленія 1882 г. эта статья дохода понизилась слишкомъ на 5 милліоновъ рублей ($108^2/_3$ милліона, вмѣсто $115^3/_4$), противъ исчисленія росписи—слишкомъ на $8^1/_2$ милліоновъ. Объясняется этотъ недоборъ отчасти неисправною уплатою податей въ четырнадцати губерніяхъ, вслѣдствіе неурожая и другихъ неблагопріятныхъ для сельскаго хозяйства причинъ, отчасти сложеніемъ недоимокъ по случаю коронаціи. Необходимо замѣтить, что недоборъ податей въ вышеупомянутыхъ четырнадцати губерніяхъ простирался до четырнадцати милліоновъ рублей, и что общая цифра дефицита не превысила $8^1/_2$ милліоновъ лишь вслѣдствіе успѣшнаго поступленія податей и недоимокъ въ другихъ мѣстностяхъ имперіи. Главная доля недобора приходится на подушную подать; недоборъ въ оброчной подати и лѣсномъ налогѣ менѣе значителенъ; поземельный налогъ далъ даже нѣкоторое превышеніе противъ росписи. Не ясно ли, что отмѣна подушной подати представляется желательною не только въ видахъ облегченія массы, но и въ видахъ большей правильности государственнаго хозяйства, въ видахъ замѣны невѣрнаго, колеблющагося источника дохода другими, болѣе надежными и твердыми?.. Таможеннаго дохода въ 1883-мъ г. поступило болѣе противъ 1882-го г. (на два съ небольшимъ милліона рублей), но значительно менѣе противъ росписи (около 97 милліоновъ, вмѣсто $101^1/_4$). Теперь можно повторить съ большею опредѣленностью сказанное нами годъ тому назадъ: надежда на увеличеніе таможеннаго дохода путемъ повышенія таможенныхъ пошлинъ оказалась лишенною основанія. Увеличился, въ 1883 г., ввозъ такихъ товаровъ, по отношенію къ которымъ таможенный тарифъ, въ 1882 г., остался неизмѣненнымъ; наоборотъ, въ ввозѣ товаровъ, по отношенію къ которымъ тарифъ былъ повышенъ, замѣтно значительное пониженіе. Только по семи статьямъ первой категоріи таможенный доходъ повысился почти на $5^1/_2$ милліоновъ рублей, т.-е. на сумму значительно большую, чѣмъ общее повышеніе дохода; отсюда можно заключить, какъ велико было паденіе дохода по статьямъ, принадлежащимъ къ второй категоріи. Поразительно высока, далѣе, цифра недобора по статьѣ пошлинъ съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами: вмѣсто предположенныхъ четырехъ милліоновъ получено только $1^1/_3$ милл. рублей. Въ отчетѣ государствен-

наго контроля это объясняется новостью и неполнымъ примѣненіемъ въ 1883 г. закона о вышеупомянутыхъ пошлинахъ (между которыми главную роль играетъ налогъ съ наслѣдствъ); мы едва ли ошибемся, если прибавимъ къ числу причинъ недобора тѣ обходы закона, о которыхъ мы говорили выше, по другому поводу. На помощь финансовой администраціи и суда должно придти здѣсь общественное мнѣніе; чѣмъ больше распространится и укрѣпится взглядъ, по которому утайка наслѣдственнаго имущества, завѣдомо низкая его оцѣнка, преждевременная его передача—не что иное, какъ квалифицированные виды обмана, тѣмъ успѣшнѣе будетъ поступленіе налога, уплата котораго составляетъ долгъ чести достаточныхъ классовъ передъ массой, никогда не знавшей податныхъ привилегій.

Большое превышеніе, сравнительно съ росписью, представляетъ питейный доходъ; вмѣсто ожидавшихся $239^1/_2$ милліоновъ, поступило болѣе $252^1/_2$ милліоновъ рублей. Въ сравненіи съ доходомъ 1882 г. превышеніе получилось весьма умѣренное—менѣе одного милліона. Правда, доходъ 1882 г. былъ искусственно увеличенъ взысканіемъ патентнаго сбора за полтора года (вслѣдствіе взысканія его въ 1881 г. только за полгода); но зато въ 1883 г. состоялось повышеніе цѣнъ на патенты—и все-таки патентный сборъ составилъ лишь съ небольшимъ 19 милліоновъ, между тѣмъ какъ въ 1879 г. онъ доходилъ до $19^3/_4$ милліоновъ. Тайная продажа вина, очевидно, сохраняетъ большіе размѣры, не смотря на усиленіе (въ томъ же 1883 г.) наказаній за нарушенія питейнаго устава. Сумма акциза съ спирта и вина возросла, противъ исчисленія росписи, на $10^1/_2$ милліоновъ рублей. Весьма удачными оказываются, съ финансовой точки зрѣнія, результаты новаго табачнаго устава, изданнаго въ 1882 г. По росписи ожидалось 15 милліоновъ рублей (на 700 тысячъ болѣе дѣйствительнаго поступленія 1882 г.), поступило—болѣе $18^3/_4$ милліоновъ. Сахарный доходъ также продолжаетъ расти: въ 1881 г. онъ составлялъ съ небольшимъ $3^1/_2$ милліона, въ 1882 г. повысился, вслѣдствіе измѣненія закона, до 8 милліоновъ, въ 1883 г. приблизился къ 9 милліонамъ (на $^3/_4$ милліона болѣе противъ росписи). Вмѣстѣ взятые, доходы табачный и сахарный въ десять лѣтъ возросли почти вдвое; въ 1874 г. они простирались до $14^1/_2$ милліоновъ, въ 1883 г.—до $27^3/_4$ милліоновъ. Питейный доходъ, за тотъ же промежутокъ времени, увеличился только на одну четверть (вмѣсто 201 милліона—$252^3/_4$ милл. рублей).

Сверхсмѣтные расходы, достигшіе своего максимума—и абсолютнаго, и относительнаго—въ 1880 г., продолжаютъ уменьшаться, хотя и медленно. Въ 1882 г. ихъ было около $34^1/_2$ милліоновъ (5% смѣтнаго назначенія), въ 1883 г.—менѣе $29^1/_2$ милліоновъ (съ небольшимъ 4% смѣтнаго назначенія). При этомъ необходимо замѣтить, что смѣтныя назначенія не перестаютъ расти, между прочимъ, вслѣдствіе

включенія въ смѣты расходовъ, прежде покрывавшихся сверхсмѣтными ассигнованіями. Сравнительно съ 1882 г., смѣтныя назначенія 1883 г. увеличились почти на 28 милліоновъ рублей. Уменьшеніе сверхсмѣтныхъ расходовъ объясняется, такимъ образомъ, не столько увеличеніемъ экономіи, сколько перемѣнами въ способѣ составленія смѣты.

Полгода тому назадъ, мы имѣли случай высказать наше мнѣніе по вопросу о совмѣстительствѣ, окончательно разрѣшенному, въ началѣ минувшаго декабря, Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ. Положеніе это не оставляетъ желать ничего лучшаго. Подъ дѣйствіе его безусловно подведены всѣ сколько-нибудь вліятельныя должностныя лица, а могутъ быть подведены и всѣ другія, если служебныя ихъ обязанности не допускаютъ, безъ вреда или опасности для дѣла, одновременныхъ занятій въ частныхъ обществахъ. На одну доску съ желѣзно-дорожными обществами поставлены всѣ вообще промышленныя и торговыя товарищества по участкамъ и компаніи на акціяхъ, а также общественныя и частныя кредитныя установленія (на исключеніяхъ мы не останавливаемся, потому что они не имѣютъ большого значенія). Запретъ наложенъ какъ на участіе въ учредительствѣ и на занятіе какихъ бы то ни было должностей по управленію обществами, такъ и на исполненіе обязанностей повѣреннаго и другихъ, хотя бы временныхъ, порученій по дѣламъ обществъ; участіе въ ревизіонныхъ коммиссіяхъ допускается въ такомъ только случаѣ, если съ нимъ не сопряжено денежное вознагражденіе или полученіе иныхъ имущественныхъ выгодъ. Наконецъ, —и въ нашихъ глазахъ это чуть ли не самое важное—новыя правила не установляютъ никакихъ изъятій въ пользу лицъ, дѣятельность которыхъ представлялась бы одинаково необходимой и для государственной службы, и для акціонерной компаніи. Само собою разумѣется, что такая необходимость — миѳъ, и что допущеніе ея привело бы только къ обходу закона, къ установленію ничѣмъ не оправдываемыхъ привилегій. Повторяемъ еще разъ—особенно благодѣтельныхъ послѣдствій правила о совмѣстительствѣ, по всей вѣроятности, имѣть не будутъ, но они устранятъ одну изъ причинъ, способствовавшихъ всякимъ акціонернымъ непорядкамъ и неправдамъ. Съ этой точки зрѣнія они безспорно должны быть занесены въ небогатый законодательный активъ минувшаго года.

ПИСЬМА ИЗЪ МОСКВЫ.

15 декабря 1884.

...Еще въ началѣ ноября послѣдовало у насъ благопріятное измѣненіе въ погодѣ. Сѣрая осень, заполонившая Москву навозною грязью, смѣнилась быстро—бѣлою, здоровою и бодрящею зимою. И такъ хороша стала Москва въ молодомъ зимнемъ нарядѣ, что, какъ разсказываютъ, знаменитая вѣнка, прибывшая сюда какъ-разъ къ этому времени, нашла первопрестольную столицу привлекательнѣе самой Вѣны.—Что еслибы подобное превращеніе открыть намъ въ самомъ ходѣ московской жизни! еслибы и въ Москвѣ зажилось получше, чѣмъ въ любой Вѣнѣ! Думается, однако, что далеко еще до подобнаго превращенія. Зима пришла, и городская жизнь вошла въ свою обычную колею; средній человѣкъ обезпеченной толпы завертѣлся въ своемъ колесѣ „дѣлъ“ и „увеселеній“; но нѣтъ и слѣда какого-либо благотворнаго возбужденія. Человѣка же мыслящаго не покидаетъ сѣрое, сумрачное настроеніе нашихъ дней. Не Москва создаетъ его; но благодаря своимъ особенностямъ, московская жизнь полнѣе воспроизводитъ дѣйствіе общихъ причинъ. Въ болѣющемъ сердцѣ не прекратилась отзывчивость на явленія окружающаго міра, не водворился еще успокоительный индифферентизмъ, но затруднительность и безплодность личнаго участія въ общемъ токѣ помутившей жизни чувствуются сильнѣе и сильнѣе. Тина, никогда не исчезавшая, вновь даетъ знать себя.—Наводящаго уныніе отовсюду больше, нежели отраднаго—достаточно оглянуться хоть на недавнее прошлое. Населеніе, которое откочевывало на лѣто изъ столицы въ ея округи, возвращалось назадъ съ невеселыми мыслями. Кто прожилъ лѣто подъ самой Москвою, тотъ испыталъ хроническую стужу и сырость, да насмотрѣлся на луга и поля съ травами и хлѣбомъ, почти уничтоженными дождями. Полусгнившее, непросохшее сѣно, полусгнившіе, несвезенные на гумно снопы, да охавшій вокругъ нихъ мужикъ,—такова была подмосковная картина и въ іюлѣ, и въ августѣ. Изъ болѣе далекихъ мѣстъ дачники возвратились съ воспоминаніями, болѣе безотрадными. Мѣстами и тамъ та же сырость, и систематическое изгниваніе урожая; на сѣверныхъ же окраинахъ чернозема—почти безусловный неурожай. На первое время это было благодарною тэмою для разговоровъ: для сенсаціонныхъ новостей, пока недоставало еще своихъ, московскихъ. Южныя части тульской и тамбовской губ., сѣверные уѣзды воронежской и восточную половину орловской губ. постигъ почти полный

неурожай—не мало москвичей возвратились именно оттуда. Мѣстами, какъ говорили, не были выручены даже сѣмена. Съ конца августа крестьяне начали распродажу скота; въ ливенскомъ уѣздѣ, напр., жеребята продавались за гривенникъ и пятіалтынный, обыкновенныя рабочія лошади — за два и за три рубля; главными покупателями являлись живодеры, и большія дороги, ведущія отъ ярмарочныхъ мѣстъ, обагрялись кровью ободранныхъ конскихъ труповъ. Уже въ сентябрѣ крестьянскія семьи изъ нѣсколькихъ дворовъ сходились подъ общую кровлю въ тѣхъ видахъ, чтобы получить нѣкоторый запасъ корма изъ полугнилыхъ соломенныхъ крышъ оставленныхъ дворовъ, а также для того, чтобы сберечь на топливѣ, которымъ служитъ та же солома. Въ одномъ изъ хлѣбородныхъ уѣздовъ земское собраніе, никогда не отличавшееся благосклоннымъ отношеніемъ къ крестьянамъ, опредѣлило въ двѣсти-двадцать тысячъ рублей минимальную цифру позаимствованія изъ продовольственнаго капитала, необходимаго въ настоящемъ году.

Впрочемъ, скоро изъ-за тумана привозныхъ новостей выступили свои мѣстныя, московскія. Тутъ съ самаго начала года происходила какая-то безтолковщина. Въ мартѣ мы читали въ своихъ газетахъ: „торговля плохо идетъ предъ праздниками"; въ апрѣлѣ извѣстіе о томъ же варіировалось такъ: „полный застой торговли, не смотря на наступившую эпоху дешевыхъ товаровъ"; въ іюнѣ: „тяжелое торговое настроеніе", и вдругъ оповѣщалось, что „нижегородскую ярмарку, сверхъ ожиданія, слѣдуетъ считать удачною"; и дѣйствительно, она имѣла относительный успѣхъ, правда, при условіи значительнаго пониженія цѣнъ на мануфактурные и иные товары; осенью же опять пошли тревожные слухи о близкомъ банкротствѣ нѣкоторыхъ крупныхъ фирмъ.—Съ безтолковщиной въ области своего самоуправленія москвичи должны были окончательно свыкнуться еще съ конца прошлаго года. Городское самоуправленіе прожило послѣдній годъ при безголовицѣ, и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ,—безголовицѣ, которая разстраивала нормальное теченіе дѣлъ въ городской думѣ и управѣ, и однако была неизбѣжна въ силу сложившихся обстоятельствъ, большинству же сверхъ того представлялась, послѣ ухода послѣдняго головы г. Чичерина необходимой „по принципу". Въ земскомъ самоуправленіи московскаго уѣзда старыя хозяева, издавна управлявшіе уѣздомъ и сослужившіе большую службу дѣлу народнаго образованія, вдругъ ни съ того ни съ сего, вслѣдствіе обыкновенной избирательной интриги, были выбиты изъ своихъ позицій „кирпичниками". Кирпичники—представители партій многочисленныхъ владѣльцевъ подмосковныхъ кирпичныхъ и иныхъ заводовъ, противники народнаго образованія „по принципу" и главные сторонники улуч-

женныхъ путей сообщенія, по которымъ бы ихъ кирпичъ могъ удобно доставляться въ столицу. Кирпичники овладѣли земскимъ самоуправленіемъ съ гикомъ и трескомъ, сразу пустили кругомъ свою кирпичную пыль въ видѣ всякаго рода клеветъ, долженствовавшихъ опозорить ихъ противниковъ, а чрезъ годъ вдругъ выдали себя въ откровенномъ заявленіи: „мы ничего не желаемъ такъ, какъ — сохранить все въ такомъ же видѣ, какъ было до насъ". Экономическія воззрѣнія „кирпичниковъ" если не своеобразны, то достаточно элементарны. Въ послѣднемъ земскомъ собраніи предсѣдатель уѣздной управы г. Пфейферъ прямо совѣтовалъ облагать налогомъ на устройство лечебницъ при фабрикахъ не хозяевъ фабрикъ, но только рабочихъ— ибо „кого ни обложи, а налогъ въ концѣ-концовъ заплатятъ тѣ же рабочіе". Этотъ откровенный взглядъ не понравился, впрочемъ, болѣе вылощеннымъ предводителямъ партіи, и „извѣстный богатый фабрикантъ,—„энергично возставалъ противъ обложенія рабочихъ"; собраніе же раздѣлило грѣхъ пополамъ, предположивъ облагать совмѣстно и фабрикантовъ, и рабочихъ. Эпизодъ, происшедшій въ самомъ концѣ собранія, до-нельзя характеренъ для нашего времени. По предложенію управы, рѣшительно ни чѣмъ не мотивированному, собраніе отняло земскую субсидію у одной изъ народныхъ школъ. Послѣ того пошли между гласными частные толки о томъ, что будто бы означенное предложеніе было вызвано свѣдѣніями о „неблагонамѣренности" учительницы, дававшей дѣтямъ учить наизусть что-то изъ стихотвореній Некрасова. Чтобы ослабить тяжелое впечатлѣніе, произведенное такими толками, предсѣдатель собранія, уѣздный предводитель дворянства, предложилъ собранію оффиціально выразить, что, постановляя о прекращеніи субсидіи данной школы, оно вовсе не руководилось свѣдѣніями о степени благонадежности учительницы, и поставленное на голоса это послѣднее предложеніе... провалилось.

Не легче и по вопросу о судѣ и правосудіи. Почти что на-дняхъ въ здѣшнемъ юридическомъ обществѣ возглашалось на разные лады, что правый судъ, созданный уставами 20 ноября, есть надежнѣйшая опора власти, а въ ушахъ все еще стоялъ шумъ отъ крика, исходившаго съ извѣстнаго бульвара противъ того же суда и въ интересахъ той же власти; и правда, факты, какъ будто, удостовѣряли, что и на суды есть острастка.

Живя въ такой-то безтолковщинѣ москвичи осенью были еще озадачены рядомъ тяжелыхъ и таинственныхъ новостей. Будничная же жизнь шла своимъ чередомъ. Въ собраніи акціонеровъ рязанской желѣзной дороги произошла борьба двухъ партій, изъ которыхъ каждая работала надъ умноженіемъ числа голосовъ, принадлежащихъ ей по акціямъ; правленіе обратилось за совѣтомъ къ юрисконсуль-

тамъ, которые, не касаясь партіи, отвѣчали по существу закона и устава, и вотъ—изъ среды лицъ, оставшихся недовольными заключеніемъ юристовъ, былъ выпущенъ на нихъ печатный памфлетъ, а вслѣдъ затѣмъ другіе юристы, основываясь на этомъ памфлетѣ, подняли противъ своихъ собратьевъ формальное обвиненіе въ томъ, что они дали безнравственную консультацію. Обвиненіе было пригнано ко времени общаго собранія присяжныхъ повѣренныхъ, когда должны были происходить выборы въ члены совѣта; однако, сверхъ ожиданія собраніе не состоялось. — Всю осень городу грозила скотская чума, и все время этой чумы земскіе ветеринары пререкались съ ветеринарами правительственными, причемъ первые упрекали вторыхъ въ незаконномъ потакательствѣ скотовладѣльцамъ, а вторые первыхъ — въ излишней къ нимъ придирчивости. — Пожаръ Солодовниковскаго пассажа освѣтилъ собою всю Москву и обнаружилъ, что при стройкѣ пассажа было допущено нарушеніе элементарныхъ строительныхъ правилъ; городская дума заволновалась и выбрала изъ своей среды особую коммиссію для опредѣленія условій построенія пассажей, но не успѣла коммиссія (въ теченіе двухъ мѣсяцевъ) выбрать даже предсѣдателя, какъ Солодовниковъ потребовалъ разрѣшеніе на возобновленіе сгорѣвшаго зданія, такъ что думѣ придется разсуждать о томъ, не дожидаясь заключеній своей коммиссіи.

Медлительность, съ которою двигается наше городское самоуправленіе, весьма замѣчательна. Одно время водопроводное дѣло остановилось только потому, что предсѣдатель водопроводной коммиссіи, переѣхавъ изъ деревни въ Москву, не захватилъ съ собою бумагъ коммиссіи, которыя онъ бралъ съ собою въ деревню, о чемъ и было доложено думѣ, а въ городской управѣ случился даже и такой казусъ. Въ нынѣшнемъ году она постановила рѣшеніе по частной просьбѣ, поданной почти десять лѣтъ тому назадъ: проситель ходатайствовалъ о разрѣшеніи ему уличной торговли какимъ-то товаромъ на праздникахъ того года, когда было подано прошеніе, и милостивое разрѣшеніе, дѣйствительно, послѣдовало чрезъ десять лѣтъ послѣ этихъ праздниковъ! Проситель, кажется, успѣлъ уже умереть, не дождавшись приговора управы.

Событій, преисполненныхъ внутренними противорѣчіями, можно было бы насчитать и еще достаточное количество. Въ маѣ текущаго года московская городская дума учредила читальню въ память И. С. Тургенева на капиталъ въ 10,000 рублей, пожертвованный В. А. Морозовою. За лѣто успѣли воздвигнуть самыя зданія читальни на счетъ той же жертвовательницы и на немъ появилась вывѣска: „Безплатная народная читальня въ память И. С. Тургенева“; вывѣска повисѣла нѣсколько дней и неожиданно была снята по чьему-то приказанію—говорили, что нѣсколько поспѣшили съ вывѣской, не дождав-

лись надлежащаго разрѣшенія на открытіе читальни. Однако, нынѣ требуемое разрѣшеніе уже пришло, но предположенная вывѣска болѣе не появляется. Читальня въ память Й. С. Тургенева разрѣшена кѣмъ слѣдуетъ, но слова „въ память И. С. Тургенева" на вывѣскѣ будутъ замазаны; распорядителей не мало занимаетъ вопросъ, какъ поступить имъ съ замазаннымъ мѣстомъ, чтобы не изуродовать внѣшняго вида надписи. Есть и другіе признаки того, что мы готовы вернуться кое въ чемъ къ временамъ, давно прошедшимъ. Съ этой точки зрѣнія въ высшей степени интересенъ докладъ городской управы „о вознагражденіи полицейскихъ чиновъ за пріемъ подписки на Вѣдомости московской городской полиціи". Эти „Вѣдомости" принадлежали въ прежніе времена полиціи, теперь же они составляютъ доходную статью города, но подписка на нихъ принимается попрежнему чрезъ посредство полицейскихъ чиновъ. И вотъ городская управа замѣтила, что число подписчиковъ, къ ущербу городской казны, стало уменьшаться. Причина этого заключается, очевидно, въ томъ, что съ передачею въ пользу города дохода отъ „Вѣдомостей", который обращался прежде на добавочное жалованье полицейскимъ чинамъ, для нихъ прекратился уже интересъ въ увеличеніи этого дохода. Потому, по мнѣнію управы, „слѣдовало бы отчислять въ пользу полицейскихъ чиновъ извѣстный процентъ съ денегъ, собираемыхъ ими по подпискѣ на „Вѣдомости", въ томъ предположеніи, что они будутъ по прежнему интересоваться пріобрѣтеніемъ возможно большаго числа подписчиковъ". Съ каждаго экземпляра предполагается дѣлять полиціи за коммисію 25 коп. Признаемся, насъ ужасно интересуетъ эта новая роль полицейскихъ чиновъ, до сихъ поръ свойственная лишь книгопродавцамъ. Живо представляется положеніе мирнаго обывателя, къ которому, противъ его желанія, коммиссіонеръ полицейскій явится съ предложеніемъ къ подпискѣ. Подписаться—значитъ платить четыре рубля, которые желалъ бы не тратить; не подписаться—значитъ отнять у полицейскаго чина его четвертакъ, мы не знаемъ, много ли среди обывателей найдется охотниковъ ссориться съ своимъ ближайшимъ начальствомъ изъ-за четвертака. Дума уже утвердила проектъ управы, а согласіемъ въ его пользу со стороны высшей полицейской власти управа заручилась еще раньше. Не понимаемъ только одной непослѣдовательности. Если коммиссіонные четвертаки предназначаются на поощреніе отдѣльныхъ полицейскихъ чиновъ по сбору подписки, то слѣдовало бы и отдавать ихъ этимъ чинамъ прямо на руки; между тѣмъ, коммиссіонныя суммы должны, по проекту, поступать въ распоряженіе оберъ-полиціймейстера. Спрашивается, думаетъ ли управа ограничиться этимъ случаемъ возвращенія къ старому времени, когда каждая услуга со стороны по-

лиціи оцѣнивалась и покупалась на деньги, или не предложить ли полиціи особаго вознагражденія за исполненіе другихъ, возложенныхъ на нее обязанностей? Во всякомъ случаѣ для города было бы полезно поощрить кого слѣдуетъ, ну, напр., хоть въ дѣлѣ очищенія тротуаровъ. Прошлою весною, во время большого таянія снѣга, тротуары зачастую не очищались отъ полуталой грязи даже на такихъ улицахъ, какъ Тверская, въ самомъ ея бойкомъ мѣстѣ; а теперь, съ наступленіемъ зимы, рѣдко гдѣ можно замѣтить, чтобы они посыпались пескомъ. Въ чемъ другомъ, а въ отношеніи внѣшняго благоустройства Москва въ послѣдніе годы испытала несомнѣнный регрессъ. Временно, во время коронаціи полицейская дѣятельность оживилась въ этомъ направленіи, но, какъ оказалось, для того только, чтобы потомъ заглохнуть совершенно. Полная апатія царитъ въ этой сферѣ, хотя казалось бы, что въ наше время ближе всего было бы начать съ очищенія авгіевыхъ конюшенъ въ прямомъ ихъ смыслѣ, не увлекаясь другимъ, переноснымъ и весьма произвольнымъ знаніемъ того же термина. Но объ очищеніи города отъ навоза мало заботится и городская дума, такъ долго дремавшая въ послѣднее время надъ водопроводнымъ проектомъ. Лѣтъ чрезъ пять Москва должна быть залита, по принятому проекту, водою; однако, осталось безъ вниманія, какимъ путемъ море воды, притянутое изъ Мытищъ, будетъ стекать съ московской почвы и не превратитъ ли оно ее, за плохимъ состояніемъ водостоковъ, въ обширное болото? Общая сонливость не помѣшаетъ этому вопросу на долгое время оставаться открытымъ, а для возрастанія самой сонливости окажется не мало благопріятныхъ условій.

Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, интересуется московское общество въ настоящее время? Лицамъ, которыя не отстали еще отъ „политики", нѣкоторую пищу давалъ процессъ Рыкова и его сподвижниковъ; но, каково бы ни было значеніе этого процесса, онъ, во всякомъ случаѣ, не составляетъ злобы дня. Городскіе выборы—но объ нихъ даже и не говорили въ обществѣ, кромѣ кружковъ, непосредственно связанныхъ съ городскимъ управленіемъ,—да газеты, по обязанности, печатали объ этомъ предметѣ статьи, которыя почти не читались. Кто будетъ городскимъ головою,—вопросъ, столь жгучій два года тому назадъ, испытываетъ равнодушіе. Не лучше и съ другимъ вопросомъ: кто будетъ губернскимъ предводителемъ дворянства, взамѣнъ Шереметьева, умершаго скоропостижно; только изрѣдка, въ какомъ-либо дворянскомъ салонѣ вы услышите тѣ или другія тонкія соображенія на этотъ счетъ. Интересъ совершенно иного рода овладѣлъ нашей интеллигенціей всѣхъ ярусовъ и оттѣнковъ: съ пріѣздомъ Ирвинга Бишопа, „всемірно-извѣстнаго чтеца чужихъ мыслей", нача-

юсь чуть не всеобщее столоверченіе и вожденіе другъ друга съ завязанными глазами. Повторяется то же, чему свидѣтелями мы были въ эпоху нравственнаго и умственнаго застоя предъ послѣднею турецкою войною, когда запасъ первой дѣятельности, за отсутствіемъ другихъ путей, нашелъ себѣ широкій исходъ въ спиритизмѣ. Тогда спиритизмъ составилъ главную злобу дня, и ему отдавалась чуть не половина московской публики. Война, связанныя съ нею испытанія и волненія, заставили насъ сразу и надолго позабыть таинственныя области духовъ, къ которымъ мы опять возращаемся въ настоящее время. Ирвингъ Бишопъ какъ бы открылъ москвичамъ новые, истинные пути, и немного помогли дѣлу разоблаченія бишопизма, послѣдовавшія на научныхъ опытахъ проф. Шереметьевскаго въ университетѣ. Профессорскіе опыты не были, да и не могли быть столь же искусны, какъ эксперименты самого Бишопа; они не удовлетворили любопытства большой публики, но раззадорили ее и вмѣстѣ съ тѣмъ поощрили къ самостоятельному изслѣдованію бишопическихъ явленій. Прежде многіе воздерживались отъ спиритизма просто изъ стыдливости: стыдно было признаться въ своемъ увлеченіи областью духовъ; теперь тѣ же лица вертятъ другъ друга ради якобы „научной“ цѣли. Въ домахъ, гдѣ собирались не иначе какъ для „умныхъ“ разговоровъ, или съ какими-нибудь художественными цѣлями,—въ домахъ, гдѣ карточныхъ столовъ и въ заводѣ не было,—теперь вы встрѣчаете „научные“ опыты бишопизма. Такъ или иначе они волнуютъ участвующихъ, отвлекаютъ ихъ вниманіе отъ нерадостныхъ впечатлѣній окружающаго міра и удовлетворяютъ извѣстнымъ образомъ естественную потребность въ нервномъ возбужденіи, въ нервной дѣятельности.

О процессѣ Рыкова и его сподвижниковъ все же приходится сказать нѣсколько словъ. Злую шутку сыграли судьи съ уѣзднымъ городкомъ Скопинымъ. Отвѣчая на вопросы о лучшемъ устройствѣ городского самоуправленія, скопинцы въ 1862 году заявили, между прочимъ (по вопросу объ избирательномъ цензѣ), что „умъ лучше всякаго капитала“, и вслѣдъ затѣмъ „умъ“, подсказавшій имъ это рѣшеніе, показалъ во-очію, какъ изъ двѣнадцати тысячъ основного капитала можно сдѣлать двѣнадцать милліоновъ непогасимаго долга. Описывать ли всѣ перипетіи возникшаго отсюда процесса, только-что оконченнаго разбирательствомъ, воспроизводить ли всю картину раскрывшагося передъ нашими глазами нравственнаго растлѣнія? Ежедневные органы сдѣлали все это безъ насъ, а въ хроникѣ московской жизни достаточно отмѣтить, что, строго, говоря, вовсе не знаменитымъ судебнымъ дѣломъ интересовалась публика, ходившая въ судъ и толковавшая объ немъ на основаніи печатныхъ и устныхъ

сообщеній. Дѣло Рыкова и К° обсуждалось въ судѣ, но не оно составляло предметъ сужденія въ обществѣ. Репортеры удостовѣрили, что праздную, нестройную толпу, наполнявшую лавки для „публики", прокуроръ принялъ какъ бы за представительницу всего общества, и репортеры похвалили за это прокурора—такое его обращеніе произвело на нихъ „пріятное" впечатлѣніе, хотя трудно понять, что же именно здѣсь было пріятнаго: то-ли, что представитель карающей власти обращался съ своею рѣчью къ массѣ общества, какъ разъ въ такомъ случаѣ, когда подобное обращеніе наименѣе умѣстно (хорошъ былъ бы судъ, еслибы судили не присяжные, а случайная публика!); то-ли, что подобнымъ обращеніемъ принижалось значеніе сидѣвшихъ тутъ же присяжныхъ, которые искусственно низводились на степень простыхъ слушателей, или еще что-либо третье? Прокуроръ возглашалъ: „гг. судьи, гг. присяжные!", но искалъ этихъ судей въ „народѣ", а сидѣвшіе сзади прокурора, репортеры, радовались такому чрезвычайному обстоятельству! Сама публика не попалась, впрочемъ, въ ловушку и вмѣсто того, чтобы судить Рыкова, судила самого прокурора. Одни наслаждались его плавною, легкою, блестящею рѣчью, другіе искали, къ чему бы въ ней прицѣпиться. Одни даже не замѣтили, какъ искусно вышелъ ораторъ изъ неожиданнаго затрудненія, созданнаго ему главнымъ подсудимымъ, который предъ самымъ началомъ его рѣчи былъ выведенъ, за неприличное поведеніе, изъ залы, такъ что оратору пришлось, можетъ быть, опустить многое—и жесты, и слова,—разсчитанное на присутствіе подсудимаго предъ самымъ лицомъ обвинителя. Другіе, напротивъ, нашли въ рѣчи прокурора непримиримыя противорѣчія. Эти другіе еще раньше, съ самаго начала процесса, заинтересовались тою, наполовину замаскированною, борьбою, которая во все продолженіе его шла между предсѣдательствующимъ и прокуроромъ, съ одной стороны, защитниками подсудимыхъ, подсудимыми и допрашиваемыми лицами—съ другой. Допрашивался ли свидѣтель, читался-ли какой-либо документъ, давалъ ли свое заключеніе экспертъ, все вниманіе предсѣдателя и прокурора устремлялось на то, чтобы не было сказано или прочитано нѣчто лишнее. Достаточно было просидѣть въ залѣ съ полчаса, чтобы два-три раза услышать, какъ то или другое показаніе, иногда на самомъ интересномъ мѣстѣ, прерывалось замѣчаніемъ предсѣдателя: „это къ дѣлу не относится!" или восклицаніемъ прокурора: „я васъ объ этомъ не спрашиваю!" Многое „не относящееся" къ дѣлу можно было узнать изъ особыхъ напечатанныхъ книжекъ, имѣвшихся у судей, прокурора, подсудимыхъ и присяжныхъ, но содержаніе этихъ книжекъ осталось тайною для присяжныхъ и „народа". Весь слѣдственный матеріалъ, вся фактическая

сторона дѣла были заранѣе раздѣлены на двѣ части: на показную и на обреченную тайнѣ, и трудная задача руководителей процесса состояла въ томъ, чтобы не перейти установленной границы. Она перейдена и не была; но зато все судебное разбирательство превратилось въ какую-то толкотню „вокругъ да около", вопреки задуманнымъ результатамъ; публика ушла изъ судебной залы съ яснымъ сознаніемъ о существованіи сказанной границы и съ не очень-то темными представленіями о томъ, что скрывалось за нею. Могла ли она при такихъ условіяхъ послѣдовать всецѣло за прокуроромъ въ его аргументаціи? Обвинитель увѣрялъ своихъ слушателей, что всѣ „негодующіе честные люди" стоятъ за нихъ „въ эту торжественную минуту", что онъ говоритъ „отъ ихъ имени", и не замѣчалъ, что процессъ лишь раздразнилъ „негодующихъ честныхъ людей", но мало чѣмъ удовлетворилъ ихъ. Обвинитель говорилъ также „отъ лица государства и справедливо карающей власти его", онъ торжествовалъ, что лишь вмѣшательство судебной власти остановило Рыкова въ его безчинствахъ, но онъ и не намекнулъ на то, когда же „справедливо карающая власть" коснется тѣхъ, которые стояли за Рыковымъ; напротивъ, изъ словъ обвиненія приходилось заключить, что въ подобной карѣ нѣтъ даже и надобности. „Банкъ жилъ цѣлою сложною системою подкупа и въ ней заключал сь особенно тлетворная и отталкивающая его сторона". Но, училъ обвинитель, не на подкупаемаго, а на подкупавшаго должна пасть вся отвѣтственность. „Рыковъ, пользуясь человѣческою слабостью, совращалъ и подкупалъ всѣхъ (?) кого могъ... На душу Рыкова всею тяжестью падаетъ этотъ грѣхъ". Итакъ, невѣжественный, даже „не особенно умный" Рыковъ признавался всецѣло отвѣтственнымъ за испорченность и продажность тѣхъ, кому ввѣрено попеченіе объ общественномъ благѣ, можетъ быть даже объ интересахъ правосудія! Такова была мораль обвиненія... Защита не нашлась, что отвѣтить; она защищала вѣдь подсудимыхъ, а не общество; практически для подсудимыхъ было даже выгодно согласиться съ ученіемъ прокурора.

Такимъ образомъ, и Рыковскій процессъ далъ намъ новый, яркій примѣръ противорѣчій, которыя наполняютъ собою общественную жизнь нашего времени. О подобныхъ же противорѣчіяхъ, всплывшихъ наружу по поводу городскихъ выборовъ и о многомъ другомъ въ томъ же родѣ мы поведемъ рѣчь въ слѣдующемъ письмѣ.

Wz.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е января, 1885.

Политическіе итоги 1884 года. — Колоніальныя предпріятія и ихъ значеніе. — Положеніе дѣлъ въ Англіи и во Франціи.—Экономическіе кризисы.—Новые успѣхи князя Бисмарка, и борьба его съ парламентомъ. — Рѣшеніе палаты и его дѣйствительный смыслъ. — Замѣчанія Бисмарка о соціаль-демократіи. — Австрійскія дѣла. — Новый американскій президентъ.

Вяло и безцвѣтно прошелъ 1884 годъ для Европы. Никакихъ крупныхъ перемѣнъ не произошло въ общемъ состояніи государствъ; все также продолжались вооруженія, направленныя противъ невѣдомыхъ враговъ; милліонныя арміи попрежнему стояли наготовѣ, удручая народы своими колоссальными, непрерывно возрастающими потребностями и усовершенствованіями,—между тѣмъ, какъ заботы о мирѣ не сходили съ устъ дипломатіи. Внѣшній миръ не нарушался, и предпріимчивость кабинетовъ обращалась на отдаленные края, на колоніальныя экспедиціи и войны, дающія пищу узкому честолюбію патріотовъ. Взаимныя отношенія между державами вызывали еще безпокойство, въ виду неясности политическихъ цѣлей и намѣреній Россіи; но свиданіе трехъ императоровъ и ихъ руководящихъ министровъ въ Скерневицахъ, въ началѣ сентября, устранило эту неопредѣленность и возстановило отчасти традиціи тройственнаго союза.

Преобладаніе колоніальной политики было выдающейся чертою международнаго положенія Европы за истекшій годъ. Двѣ дипломатическія конференціи посвящены были колоніальнымъ дѣламъ—одна засѣдала въ Лондонѣ, лѣтомъ, для обсужденія египетскаго вопроса, другая созвана была осенью въ Берлинѣ для обсужденія африканскихъ дѣлъ; первая не привела ни къ чему и окончилась рядомъ недоразумѣній между Англіею и государствами материка, а послѣдняя успѣшно кончаетъ свои работы въ настоящее время. Египетъ, Тонкинъ, Африка—поочередно занимали собою европейскую дипломатію и журналистику; на почвѣ этихъ колоніальныхъ вопросовъ забыта вражда между нѣмцами и французами; германская имперія дѣйствуетъ по соглашенію съ французскою республикою, и князь Бисмаркъ идетъ рука объ руку съ Жюлемъ Ферри. Предпріятія берлинскаго кабинета оказываются наиболѣе удачными; нѣмцы пріобрѣли нѣсколько цѣнныхъ колоній въ Африкѣ безъ всякаго риска и безъ серьезныхъ затратъ, тогда какъ для Франціи тонкинское дѣло послужило источникомъ великихъ затрудненій, а Англія до сихъ поръ

не можетъ справиться съ Египтомъ. Французскій договоръ съ Китаемъ, подписанный 11 мая въ Тьенъ-цзинѣ, не только не содѣйствовалъ разрѣшенію кризиса, но еще болѣе усложнилъ его; притязанія Китая не уничтожены бомбардировкою Фу-чеу и Келунга, и Франція должна поневолѣ прибѣгнуть къ дальнѣйшимъ энергическимъ мѣрамъ, чтобы настоять на исполненіи договора, который былъ нарушенъ китайцами тотчасъ послѣ его подписанія. Не менѣе трудная задача предстоитъ англичанамъ относительно Судана, занятаго войсками „махди“; нужно такъ или иначе выручить генерала Гордона, посланнаго въ самый центръ арабскаго движенія, въ качествѣ оффиціальнаго представителя Англіи. Отрядъ генерала Уольслея долженъ подготовить почетное отступленіе для англійскихъ дѣятелей, взявшихъ на себя охрану безопасности Египта,—хотя отступленіе это сопряжено съ большими потерями, матеріальными и нравственными. Ближайшіе соратники Гордона погибли при попыткѣ выбраться изъ Хартума, и естественное чувство раздраженія, вызванное въ Англіи этимъ кровавымъ событіемъ, обратилось въ нѣкоторой степени противъ министерства Гладстона, слишкомъ медлительнаго и перемѣнчиваго во внѣшней политикѣ.

Болѣе значительные результаты достигнуты правительствами Англіи и Франціи въ области внутреннихъ дѣлъ и вопросовъ. Гладстонъ провелъ свой билль о реформѣ, увеличившій число избирателей на три милліона; вмѣстѣ съ тѣмъ принято новое распредѣленіе избирательныхъ округовъ, согласно измѣнившимся условіямъ населенія въ различныхъ мѣстностяхъ. Не легко было добиться осуществленія этой важной реформы; палата лордовъ, руководимая маркизомъ Салисбѐри, рѣшительно отвергла проектъ, одобренный палатою общинъ, и только сильная народная агитація заставила лордовъ сдѣлать необходимую уступку общественному мнѣнію. Многочисленные и грандіозные митинги выдвигали вопросъ о самомъ существованіи института наслѣдственныхъ законодателей; непомѣрныя привилегіи лордовъ давали богатый матеріалъ для рѣзкой критики и для новыхъ реформаторскихъ требованій. Вожди консерваторовъ и члены кабинета обмѣнивались воинственными рѣчами; министръ Чамберленъ указывалъ на грозу, могущую обрушиться на головы упорныхъ лордовъ, а лордъ Салисбѐри выразилъ пожеланіе, чтобы Чамберленъ вышелъ изъ этой грозы съ разбитою головою. Эта горячая перестрѣлка не помѣшала, однако, практическому соглашенію между обѣими партіями; министерство предложило оппозиціи подвергнуть совмѣстному разсмотрѣнію проектъ распредѣленія избирательныхъ округовъ, чтобы сдѣлать возможнымъ принятіе билля о реформѣ. Лордъ Салисбѐри и сэръ Норскотъ имѣли совѣщаніе съ министрами, въ

томъ числѣ и съ Чамберленомъ, и вслѣдъ затѣмъ консервативное большинство въ палатѣ лордовъ утвердило законъ, внесенный вторично изъ палаты общинъ. Кризисъ, казавшійся опаснымъ для цѣлости англійской конституціи, прошелъ почти безслѣдно; народное движеніе остановилось, и общественное мнѣніе удовлетворено. Вліяніе на законодательство и политику переходитъ въ болѣе многочисленнымъ низшимъ слоямъ общества; отнынѣ всякій англичанинъ, занимающій самостоятельное помѣщеніе въ своемъ или чужомъ домѣ или арендующій землю съ годовымъ доходомъ не менѣе ста рублей, имѣетъ право голоса при выборахъ въ парламентѣ. Поземельная аристократія располагала до сихъ поръ множествомъ мелкихъ избирательныхъ пунктовъ въ предѣлахъ своихъ владѣній; теперь эти „гнилыя мѣстечки", въ числѣ 106, упразднены, за отсутствіемъ въ нихъ достаточнаго количества избирателей. Въ 37 мѣстахъ оставлено по одному представителю, вмѣсто двухъ; двѣнадцать членовъ прибавится для Шотландіи, шесть—въ Англіи, и въ общемъ освобождается 178 парламентскихъ мѣстъ, которыя распредѣлены между другими округами графствъ и городовъ. Многіе видные дѣятели палаты общинъ принуждены искать себѣ новыхъ избирателей, такъ какъ представляемые ими фиктивные округа вычеркнуты теперь изъ списковъ; между прочимъ, лордъ Рандольфъ Черчилль не можетъ уже быть выбираемъ въ имѣніи своего отца, герцога Марльборо, и долженъ подготовить свою кандидатуру гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, что и не затруднитъ его при обширной его популярности. Безъ обычныхъ своихъ округовъ остались также — бывшій министръ финансовъ, Гошенъ, товарищи министровъ—лордъ Фицморисъ и Кортнэй, самъ „спикеръ" (президентъ) палаты общинъ, извѣстный ораторъ по восточнымъ дѣламъ, Ашмедъ-Бартлетъ, и другіе. Малоизвѣстные и ничѣмъ не выдающіеся члены парламента, обязанные своимъ избраніемъ родственнымъ или инымъ отношеніямъ съ владѣльцами „гнилыхъ мѣстечекъ", исчезнутъ теперь изъ состава представительства и уступятъ мѣсто людямъ, заслужившимъ довѣріе значительнаго круга избирателей. Средній уровень парламента неизбѣжно повысится, и палата будетъ болѣе вѣрнымъ отраженіемъ дѣйствительныхъ мнѣній и чувствъ большинства народа. Со времени перваго билля о реформѣ, изданнаго въ 1832 году, нынѣшнее преобразованіе является самымъ крупнымъ шагомъ къ болѣе демократическому устройству Англіи. Съ измѣненіемъ состава парламента долженъ измѣниться также характеръ законодательной дѣятельности; заботы о народныхъ массахъ выдвинутся на первый планъ, и исключительныя преимущества лордовъ мало-по-малу утратятъ свое прежнее значеніе. Актъ о „представительствѣ народа", проведенный Гладстономъ съ такимъ не-

обычайнымъ трудомъ въ сравнительно короткое время, можетъ справедливо считаться увѣнчаніемъ парламентской карьеры знаменитаго руководителя англійскихъ либераловъ.

Французскій пересмотръ конституціи, состоявшійся лѣтомъ прошлаго года, далеко не имѣетъ той важности, какую представляетъ для Англіи реформа Гладстона. Конституція 25 февраля 1875 года могла бы еще долго дѣйствовать, безъ всякихъ передѣлокъ; она одинаково годилась для передовыхъ республиканцевъ, какъ и для умѣренныхъ консерваторовъ, и только крайнія партіи обоихъ лагерей толковали о пересмотрѣ, въ далекихъ видахъ на будущее. Они надѣялись на установленіе радикальной республики съ единымъ представительнымъ собраніемъ; другіе мечтали о подготовленіи монархіи при благопріятныхъ обстоятельствахъ, которыя могли бы наступить рано или поздно. „Ревизія" конституціи была удобнымъ оружіемъ партійной борьбы, и для министерства Жюля-Ферри было чрезвычайно выгодно завладѣть этимъ оружіемъ, пока оно не успѣло еще причинить вредъ интересамъ существующаго правительства. Умѣренная республиканская партія, господствующая нынѣ во Франціи, воспользовалась пересмотромъ для двухъ цѣлей,—для закрытія доступа къ власти монархистамъ и для прекращенія агитаціи крайнихъ радикаловъ. Съ одной стороны, республиканскій образъ правленія объявленъ окончательнымъ, не подлежащимъ дальнѣйшей „ревизіи", и члены царствовавшихъ фамилій исключены изъ числа возможныхъ кандидатовъ на постъ президента республики; а съ другой стороны, радикаламъ и соціалистамъ загражденъ легальный путь къ конституціоннымъ опытамъ, занимавшимъ видное мѣсто въ ихъ политическихъ программахъ и требованіяхъ. Если нельзя было устранить вопросъ о пересмотрѣ, то благоразумнѣе всего было разрѣшить его по своему разъ навсегда, въ духѣ наиболѣе невинномъ и умѣренномъ; такъ и поступило министерство Ферри, и въ этомъ заслуга его передъ страною. Лишній поводъ къ волненіямъ и опасеніямъ уничтоженъ такимъ образомъ, и республика можетъ спокойнѣе устраивать свои текущія политическія дѣла. Частыя перемѣны и колебанія придавали правительству какой-то временный характеръ, отнимали у него энергію и послѣдовательность, а возможность радикальнаго или монархическаго пересмотра конституціи висѣла, какъ Дамокловъ мечъ, надъ смѣнявшимися кабинетами. Авторитетъ власти держался отдѣльными лицами, поднимаясь и падая вмѣстѣ съ ними; достаточно вспомнить роль Гамбетты и впечатлѣніе его смерти въ началѣ 1883 года. Это чувство неопредѣленности вытекало изъ общаго сознанія, что дѣло республики не стоитъ еще прочно, что оно тѣсно связано съ судьбою тѣхъ или другихъ политическихъ дѣятелей, что оно легко можетъ

погибнуть отъ несчастной случайности или отъ неожиданнаго внѣшняго толчка. Конечно, вѣра въ будущность возведеннаго политическаго зданія не можетъ быть установлена закономъ; но пока зданіе окружено лѣсами и около него хлопочутъ архитекторы, до тѣхъ поръ живущіе подъ его покровомъ люди не могутъ чувствовать себя спокойно,—хотя бы на самомъ дѣлѣ зданіе было уже закончено и суетящіеся при немъ строители оказались самозванцами. Въ этомъ смыслѣ пересмотръ конституціи принесъ свою долю пользы республикѣ, тѣмъ болѣе что онъ совершился при весьма благопріятной обстановкѣ.

Кабинетъ Жюля Ферри—одинъ изъ самыхъ долговѣчныхъ и солидныхъ, какими обладала Франція со времени обнародованія республиканской конституціи. Нынѣшніе министры управляютъ страною съ конца февраля 1883 года; за все это время не было никакихъ кризисовъ, столь частыхъ въ прежніе годы. Постоянство власти начинаетъ входить въ политическіе нравы французскихъ республиканцевъ; прочно организовавшіяся партіи не увлекаются уже новыми министерскими комбинаціями и энергически поддерживаютъ правительство, пока оно пользуется довѣріемъ страны. Понятное недовольство населенія по поводу дорого стоющихъ и рискованныхъ экспедицій въ Тонкинъ и въ китайскія воды не пошатнуло, однако, кабинета Ферри; всякій понимаетъ, что невозможно отказаться отъ начатыхъ разъ предпріятій, и что перемѣна министерства въ данный моментъ была бы истолкована въ смыслѣ отступленія, непозволительнаго для могущественной первоклассной державы. Поэтому палата депутатовъ не только утверждаетъ безпрекословно всѣ требуемые военные расходы, но выражаетъ формально свое довѣріе къ образу дѣйствій Жюля Ферри, чтобы облегчить скорѣйшее достиженіе желаемыхъ результатовъ. Очевидно, французскіе политическіе дѣятели многому научились и ничего не забыли; они убѣдились на опытѣ, что нѣтъ ничего вреднѣе тѣхъ одностороннихъ увлеченій, которыя прежде разбивали министерства наканунѣ серьезныхъ международныхъ кризисовъ. Вліяніе на Египетъ утрачено Франціею, благодаря внезапному паденію кабинета Фрейсинэ, когда предполагались совмѣстныя англо-французскія мѣры для устройства египетскихъ дѣлъ; Англія взяла эту задачу въ свои руки, убѣдившись въ безсиліи французскихъ сторонниковъ вмѣшательства, и съ тѣхъ поръ французамъ не разъ приходилось жаловаться на „коварство" англичанъ и на послѣдствія своихъ собственныхъ ошибокъ. Такъ же точно и въ китайскомъ вопросѣ отказъ правительству въ поддержкѣ могъ бы испортить политическое положеніе Франціи, а этого больше всего опасаются французскіе депутаты. Борьба партій потеряла свой жгучій, страстный оттѣнокъ и вошла въ мирное русло обыденной парламентской практики; монархисты всѣхъ направле-

ній далеко оттѣснены отъ власти и не могутъ уже оспаривать господство у республиканцевъ, которые въ свою очередь привыкли къ твердому режиму немногихъ испытанныхъ вождей. Опытъ прошлаго показалъ наглядно, что министерскій портфель есть тяжелая ноша, сопряженная часто съ непосильною отвѣтственностью и съ печальными разочарованіями; честолюбцы, лишенные достаточной практической подготовки и необходимыхъ житейскихъ качествъ, уходили изъ этого министерскаго горнила разбитыми физически и нравственно;—такъ было съ Дюклеркомъ, съ Шалльмель-Лакуромъ, съ де-Фальеромъ, которому сдѣлалось дурно въ серединѣ рѣчи въ палатѣ, подъ вліяніемъ разнообразныхъ министерскихъ треволненій. Одинъ изъ эфемерныхъ министровъ Макъ-Магона, Гуляръ, умеръ черезъ нѣсколько дней послѣ того какъ ему поручено было составить кабинетъ,—умеръ буквально отъ необычнаго нервнаго напряженія, во время напрасной погони за возможными кандидатами въ министры. При чисто-парламентскомъ режимѣ, министръ долженъ соединять въ себѣ много различныхъ условій, рѣдко встрѣчающихся вмѣстѣ,—онъ долженъ имѣть закаленный характеръ, чтобы встрѣчать хладнокровно постоянныя нападки оппозиціи и безпокойную критику друзей, не терять самообладанія въ критическія минуты и среди перемѣнчивыхъ общественныхъ теченій сохранять единство цѣлей и цѣлесообразность дѣйствій; онъ долженъ обладать даромъ яснаго и убѣдительнаго слова, безъ излишней горячности и безъ увлекающагося краснорѣчія; нужно, наконецъ, умѣнье направлять людей, руководить обстоятельствами, поддерживать довѣріе палаты и общественнаго мнѣнія. Прежде всякій талантливый ораторъ стремился къ министерскому посту; теперь даровитые люди избѣгаютъ этого скользкаго оффиціальнаго поприща, если не увѣрены напередъ въ успѣхѣ. Жюль Ферри создалъ себѣ репутацію „необходимаго человѣка“, благодаря своимъ несомнѣннымъ качествамъ практическаго государственнаго дѣятеля; никто не считаетъ его геніальнымъ, но всѣ признаютъ за нимъ тѣ разнообразныя практическія достоинства, которыя обязательно долженъ совмѣщать въ себѣ хорошій руководящій министръ. Республика постепенно вырабатываетъ изъ себя элементы опытнаго правящаго класса, среди котораго выдѣляются лица, достаточно авторитетныя и популярныя для замѣщенія высшихъ правительственныхъ должностей; устанавливаются извѣстныя традиціи въ пріемахъ политическихъ и административныхъ; перемѣны въ составѣ министровъ становятся труднѣе и связаны все съ бо́льшими неудобствами,—вообще установленный политическій порядокъ дѣлается болѣе устойчивымъ и солиднымъ.

Соціальные и экономическіе вопросы повсюду играютъ первенствующую роль въ настоящее время; они даютъ себя сильно чувство-

вать и во Франціи. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности замѣчается упадокъ, вслѣдствіе возрастающей иностранной конкурренціи; нѣмецкія, англійскія и американскія произведенія, при своей относительной дешевизнѣ, легко вытѣсняютъ собою французскіе продукты. Массы рабочихъ остаются безъ занятій, и затихшая было дѣятельность соціалистовъ нѣсколько оживилась. Фабриканты требуютъ покровительственныхъ пошлинъ; того-же добиваются сельскіе хозяева и землевладѣльцы, страдающіе отъ ввоза американскаго хлѣба. Для однихъ разорительны низкія цѣны на хлѣбъ; другіе жалуются на возвышеніе цѣнъ, и всѣ надѣются на помощь правительства. Въ одно и то-же время предполагается возстановить таксу на хлѣбъ въ Парижѣ, для пониженія цѣнъ, и искусственно поднять эти цѣны, посредствомъ таможенныхъ пошлинъ; послѣдняя мѣра рѣшена уже въ принципѣ министерствомъ и будетъ, вѣроятно, принята палатами. Само собою разумѣется, что ввозныя пошлины нисколько не поправятъ и не смягчатъ промышленныхъ недочетовъ; временное облегченіе фабрикантовъ насчетъ французскихъ потребителей будетъ только кажущимся, ибо французская промышленность работаетъ не для однихъ внутреннихъ рынковъ, а главнымъ образомъ для вывоза за-границу; иностранный же спросъ на французскіе товары не увеличится отъ того, что цѣны ихъ будутъ поддерживаться на извѣстной высотѣ въ самой Франціи. Выдѣлка шолковыхъ матерій въ Ліонскомъ округѣ доставляла заработки полумилліону людей и производила цѣнностей на 400 милліоновъ въ годъ; между тѣмъ, за послѣдніе годы швейцарскія и нѣмецкія фабрики завладѣли значительною частью рынковъ, которые прежде снабжались французскими издѣліями. Французы по-неволѣ сокращаютъ свое производство, и толпы рабочихъ остаются безъ хлѣба. Насколько значителенъ упадокъ въ этомъ отношеніи, можно судить по тому, что въ 1873 году вывезено было шолковыхъ матерій на 477 милліоновъ, а въ 1883 году—всего на 245 милліоновъ. Повидимому, французскій промышленный кризисъ имѣетъ общее хроническое значеніе, и причины его стоятъ внѣ контролирующей или направляющей власти правительства, къ которому взываютъ заинтересованныя стороны. Съ января по октябрь прошлаго года цѣнность ввоза во Францію была на 152, а вывоза—на 151 милл. меньше, чѣмъ въ соотвѣтствующій періодъ предшествующаго года; съ 1876 по 1881 годъ вывозилось изъ Франціи, среднимъ числомъ на 2886 милліоновъ въ годъ, а въ прошломъ году вывезено всего 2343 милл., т.-е. на полъ-милліарда меньше. Что помогутъ финансовыя и таможенныя мѣры противъ этого общаго явленія, обнимающаго всѣ виды промышленности въ странѣ? Такая судьба всегда грозитъ тѣмъ промысламъ, которые разсчитаны на заграничный спросъ; ни одно государство не

хочетъ служить рынкомъ для другого, каждое окружаетъ себя таможенными заставами и старается создать внутри страны всевозможныя отрасли производства. Франція была бы крайне недовольна, еслибы англичане стали снабжать ее товарами, даже лучшими и болѣе дешевыми, чѣмъ французскія; также точно и другіе народы не хотятъ французскихъ товаровъ и предпочитаютъ имѣть свои собственные. Это естественный ходъ вещей, и покровительственныя пошлины, примѣняемыя повсюду, дѣлаютъ кризисъ всеобщимъ: затрудняя ввозъ, мы не можемъ надѣяться на свободный вывозъ, и принципъ взаимности между народами приводитъ къ тому, что всѣ стѣснены въ одинаковой мѣрѣ. Чтобы обезпечить правильный сбытъ излишку своихъ товаровъ, приходится думать о колоніальныхъ владѣніяхъ въ разныхъ частяхъ свѣта; въ эту сторону и направляютъ свои заботы передовыя промышленныя государства. Вопросъ о колоніяхъ возникъ не произвольно, а поставленъ на очередь настоятельными нуждами экономической жизни европейскихъ народовъ; колоніи необходимы не только для выгоднаго помѣщенія рабочихъ рукъ и капиталовъ, но и въ качествѣ постоянныхъ и все болѣе развивающихся рынковъ для отечественной промышленности. Не нуждаются въ новыхъ колоніальныхъ владѣніяхъ только такія страны, какъ Россія, которая имѣетъ обширныя мѣста для колонизаціи у себя дома, въ Сибири, въ средней Азіи, на Кавказѣ.

Колоніальная политика не успѣла еще поправить дѣла Франціи, но она принесла уже новые лавры германскому канцлеру. Имя князя Бисмарка давно уже не повторялось въ Германіи съ такимъ единодушнымъ и искреннимъ сочувствіемъ, какъ теперь, послѣ новѣйшихъ колоніальныхъ пріобрѣтеній. Обнародованная недавно дипломатическая переписка между кабинетами берлинскимъ и лондонскимъ напомнила нѣмцамъ о наиболѣе славныхъ побѣдахъ канцлера на поприщѣ дипломатіи; нѣмцы восторгаются этимъ блестящимъ и побѣдоноснымъ турниромъ съ представителями Англіи, которые сами должны были въ концѣ-концовъ признать себя побѣжденными. Графъ Гренвилль возражалъ противъ намѣреній Германіи, ставилъ свои условія и требованія, въ надеждѣ, что голосъ первой морской державы въ мірѣ подѣйствуетъ отрезвляющимъ образомъ на континентальную имперію, вздумавшую искать добычи на моряхъ; въ то же время англійскій министръ колоній, лордъ Дерби, принималъ мѣры, чтобы нѣмецкія попытки были обречены на безсиліе: около пунктовъ, выбранныхъ или намѣченныхъ Германіею, предполагалось объявить номинальное господство Англіи, съ цѣлью стѣснить новыя колоніи и помѣшать ихъ дальнѣйшему росту. Князь Бисмаркъ узналъ объ этомъ планѣ отъ германскаго консула въ Капштадтѣ и преду-

предилъ графа Гренвилля, что не будетъ считать обязательнымъ для Германіи номинальное провозглашеніе сосѣднихъ земель англійскими, если послѣднія не будутъ дѣйствительно заняты англичанами; а пока велись переговоры, нѣмецкіе броненосцы подготовили въ Африкѣ цѣлый рядъ „совершившихся фактовъ", противъ которыхъ безполезно было спорить. Англійскія требованія и условія были рѣшительно отклонены, такъ какъ они касались будущихъ распоряженій въ нѣмецкихъ колоніяхъ, а постороннее вмѣшательство въ дѣйствія Германіи не могло быть допущено княземъ Бисмаркомъ. Британскіе министры признали молча силу этихъ доводовъ, и графъ Гренвилль заявилъ, что въ сущности Англія ничего не имѣетъ противъ германскихъ колоніальныхъ предпріятій и что разногласіе произошло лишь по „недоразумѣнію". Понятно, что англичане съ самаго начала не имѣли въ виду ссориться серьезно съ нѣмцами; они употребили только свой обычный пріемъ запугиванія, который, однако, въ данномъ случаѣ не произвелъ желаемаго дѣйствія. Другая держава, на мѣстѣ Германіи, могла-бы легко уступить, для избѣжанія непріятныхъ дипломатическихъ столкновеній; но князь Бисмаркъ не боится кабинетной полемики, а насильственныя мѣры были немыслимы со стороны Англіи, что-бы ни предпринимали нѣмцы. Не трудно было одержать побѣду надъ противникомъ, который вовсе не думалъ вступать въ борьбу; лондонскій кабинетъ сдѣлалъ крупную ошибку, обнаруживъ непріязненность къ колоніальнымъ попыткамъ Германіи, безъ достаточнаго къ тому реальнаго основанія. Выставлять требованія, которыхъ нельзя поддержать,—по меньшей мѣрѣ безцѣльно, по отношенію къ такому противнику, какъ германскій канцлеръ. Захватъ отдаленныхъ земель въ пользу нѣмцевъ подвигается быстро впередъ, и Англія довольствуется тѣмъ, что беретъ себѣ также львиную долю; Германія завладѣла частью Новой Гвинеи, а остальное пространство объявлено британскою колоніею; значительные острова Тихаго океана, бывшіе еще свободными, присоединены къ нѣмецкимъ владѣніямъ,—другіе достанутся англичанамъ, если не заняты кѣмъ-либо раньше. Европейскіе народы торопятся раздѣлить между собою незаселенныя еще области земного шара; эти торопливые систематическіе захваты составляютъ любопытную черту современной эпохи, съ ея праздно стоящими арміями и флотами, съ ея промышленными и рабочими кризисами.

Внѣшнія удачи не отражаются однако на внутреннихъ отношеніяхъ между княземъ Бисмаркомъ и парламентомъ. За истекшій годъ борьба даже обострилась, несмотря на принятіе одного изъ соціально-политическихъ проектовъ канцлера во время весенней законодатель-

вой сессіи. Особенно бурныя пренія происходили въ ноябрѣ, въ новой палатѣ, выбранной 28 октября. Князь Бисмаркъ говорилъ много и часто, по разнымъ случаямъ. Вопросъ о вознагражденіи депутатовъ за путевыя и прочія издержки далъ ему поводъ высказаться энергически противъ „неумѣстныхъ притязаній" парламента. „Большинство рейхстага,—заявилъ онъ,—вовсе не важно для меня. Я не отступалъ даже передъ убѣжденіемъ всей Европы. Другое дѣло, еслибы вы вышли изъ однороднаго убѣжденія народа; но этого нѣтъ. Вы распредѣляете свои голоса по партіямъ, смотря по тому, какъ рѣшено поступать—за правительство или противъ него. Національная, императорская политика имѣетъ здѣсь только 155 защитниковъ; они стоятъ за императора и имперію. Вы имѣете, далѣе, около ста человѣкъ, борющихся за господство духовенства; затѣмъ, между вами есть 98 демократовъ. Я называю ихъ такъ, потому что для меня безразлично, хотятъ ли республику съ наслѣдственнымъ президентомъ или съ выборнымъ, по американскому образцу... Я объясню вамъ, почему большинство не важно для меня. Да, еслибы вы всѣ были одного мнѣнія! Но большинство составляется по совершенно другимъ основаніямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ дѣломъ. Когда обсуждалось устройство имперіи, я былъ убѣжденъ, что самой крѣпкой опорою ея будетъ рейхстагъ, и что опасности, могущія грозить имперіи, будутъ исходить не отъ парламента, а отъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ правительствъ. Мое предположеніе было ошибочно; я теперь гораздо больше опасаюсь рейхстага, чѣмъ союзнаго совѣта. Тогда, послѣ австро-прусской войны, естественно было думать, что лучшимъ и вѣрнѣйшимъ выразителемъ идеи единства будетъ имперскій сеймъ, направляемый общимъ національнымъ воодушевленіемъ. Это ожиданіе не сбылось. Національнаго единодушія что-то мало замѣчалось въ рейхстагѣ за послѣднія десять лѣтъ. Партійные интересы оказались сильнѣе національныхъ".

Откровенное признаніе, что большинство представителей „нисколько не важно„ для канцлера", не понравилось даже усерднымъ поклонникамъ князя Бисмарка. Въ газетахъ полуоффиціозныхъ, какъ, напримѣръ, въ мюнхенской „Всеобщей", высказаны были осторожныя соображенія о томъ, что не слѣдовало бросать въ лицо парламенту столь пренебрежительныя фразы, къ которымъ не было подано ни малѣйшаго повода. Въ отвѣтъ на рѣчь имперскаго канцлера одинъ изъ ораторовъ оппозиціи замѣтилъ: „мы очень благодарны канцлеру за то, что онъ не отступалъ передъ цѣлою Европою,—но когда онъ представляетъ себѣ отношеніе къ нѣмецкому народу, въ лицѣ большинства его депутатовъ, въ такомъ же видѣ, какъ отношеніе къ французамъ или русскимъ, то это точка зрѣнія чистѣйшаго абсолю-

тизма. Не имперскаго канцлера слышали мы сегодня, а маленькаго господина фонъ-Бисмарка, какимъ онъ былъ въ 1847 году". Другой депутатъ выразился, что и канцлеръ не важенъ для палаты; это и доказано было дальнѣйшими голосованіями. Предложеніе прогрессистовъ, столь рѣзко оспариваемое канцлеромъ, было принято значительнымъ большинствомъ; въ духѣ правительства высказалось только 99 человѣкъ изъ тѣхъ полутораста благонадежныхъ патріотовъ, которыхъ насчиталъ въ палатѣ князь Бисмаркъ. Что онъ напрасно и преждевременно объявилъ войну рейхстагу—въ этомъ онъ вскорѣ имѣлъ случай убѣдиться. Канцлеръ требовалъ нѣкотораго увеличенія издержекъ по его канцеляріи; дѣло шло о ничтожной суммѣ въ 2,700 марокъ. Онъ подробно объяснялъ, что не можетъ имѣть хорошихъ служащихъ безъ этой прибавки: „Я долженъ отъ 8 часовъ утра до 10 часовъ вечера и даже ночью имѣть подъ рукою чиновниковъ; постоянно приходятъ депеши, требующія тѣхъ или другихъ распоряженій. Служащіе не выдерживаютъ такой долгой ежедневной работы, и скупиться на вознагражденіе ихъ невозможно". Несмотря на просьбу канцлера прямо утвердить прибавку, дѣло было отослано въ бюджетную коммиссію; только въ слѣдующемъ засѣданіи, оппозиція великодушно заявила готовность удовлетворить ходатайство князя Бисмарка, согласно заключенію коммиссіи. Черезъ нѣкоторое время палатѣ пришлось обсудить другое денежное требованіе канцлера, по вѣдомству иностранныхъ дѣлъ. Въ министерствѣ настоятельно нуженъ второй директоръ, съ жалованьемъ въ 20,000 марокъ: иначе канцлеръ не можетъ работать. Князь Бисмаркъ произнесъ нѣсколько длинныхъ и весьма убѣдительныхъ рѣчей на эту, сравнительно мелкую тэму; онъ приводилъ различные доводы и ссылался даже на свою служебную присягу, въ подтвержденіе своей полной добросовѣстности,—но все было напрасно: депутаты твердо помнили, что ихъ большинство не важно канцлеру. Явное недовѣріе противниковъ раздражало и оскорбляло князя Бисмарка; но онъ сдерживалъ себя на этотъ разъ съ геройскимъ терпѣніемъ. „Если я увѣряю честнымъ словомъ, что требуемая вещь необходима, а вы говорите, что нѣтъ, это неправда,—то я или недостоинъ довѣрія, или неспособенъ, или незнакомъ съ положеніемъ дѣла. За-границею, —продолжалъ канцлеръ,—я пользуюсь репутаціею, въ которой отказываютъ мнѣ на родинѣ; тамъ повсюду признаютъ мою добросовѣстность, правдивость и способность; здѣсь сомнѣваются въ этомъ, чуть только я выступаю съ какимъ-либо предложеніемъ. Если вы отказываете въ достаточномъ числѣ чиновниковъ для веденія иностранныхъ дѣлъ, то невозможно будетъ продолжать дѣла по прежнему. Я не могу подвергать имперію опасностямъ, вытекающимъ изъ

слишкомъ скуднаго вознагражденія чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ; я долженъ былъ бы воспользоваться своимъ правомъ и не управлять болѣе дѣлами, такъ какъ рейхстагъ не даетъ мнѣ необходимыхъ для этого средствъ. Эти маленькія придирки не имѣютъ другой цѣли, какъ только отравлять мнѣ жизнь. Я стою и сражаюсь здѣсь отъ имени короля, какъ солдатъ и нѣмецкій подданный моего прирожденнаго государя;—пострадаю ли я или нѣтъ—это безразлично. Я исполняю мою обязанность и больше ничего сказать не могу". Въ послѣднихъ словахъ слышится обычная нотка, часто повторяющаяся въ рѣчахъ князя Бисмарка, — намекъ на то, что въ его лицѣ дѣйствуетъ власть самого императора, и что враги его суть въ то же время недоброжелатели имперіи. Этотъ пріемъ перересталъ уже вліять на публику, вслѣдствіе слишкомъ частаго употребленія. Вопросъ идетъ о бюджетѣ, а утвержденіе бюджета зависитъ отъ парламента, который обязанъ контролировать и ограничивать денежныя траты правительства. Знаменитый и престарѣлый канцлеръ говорилъ такъ трогательно о своемъ непосильномъ трудѣ на пользу имперіи, при ничтожномъ количествѣ служащихъ,—что можно было разсчитывать на благопріятное рѣшеніе палаты. Было ужъ слишкомъ мелочно мстить подобнымъ образомъ князю Бисмарку за его неуваженіе къ большинству депутатовъ. Соціалистъ фонъ-Волльмаръ не затруднился даже выразить сомнѣніе въ надежности „служебной присяги", о которой говорилъ канцлеръ. Оппозиціонныя партіи, повидимому, заранѣе рѣшили отказать правительству въ требуемой небольшой суммѣ, чтобы напомнить всѣмъ и каждому о важномъ и исключительномъ правѣ парламента—давать государству нужныя финансовыя средства или отказывать въ нихъ, смотря по обстоятельствамъ.

Въ засѣданіи 26 (14) ноября князь Бисмаркъ сказалъ большинству: „вы для меня ничего не значите, даже вся Европа не заставитъ меня измѣнить мое рѣшеніе". Это же большинство, въ засѣданіи 15 (3) декабря, отвѣтило ему: „мы значимъ очень много для правительства, гораздо больше, чѣмъ вся Европа,—ибо средства вы получаете отъ насъ, а не отъ Европы". Благоразумно ли поступилъ парламентъ и правильно ли былъ выбранъ имъ способъ отвѣта—это другой вопросъ, о которомъ масса нѣмецкаго населенія думаетъ совершенно иначе, чѣмъ оппозиція въ палатѣ. Обидныя для палаты слова князя Бисмарка прошли безслѣдно, среди скучныхъ парламентскихъ преній; они не оставили никакихъ осязательныхъ послѣдствій на практикѣ, а отказъ великому политическому дѣятелю въ двадцати тысячахъ марокъ, необходимыхъ, по его словамъ, для правильной охраны высшихъ интересовъ страны, — этотъ отказъ остается, какъ реальный фактъ, до слѣдующаго бюджетнаго года. Палата поставила

себя въ весьма невыгодное положеніе въ глазахъ нѣмецкихъ патріотовъ; она не только отплатила „черною неблагодарностью“ за блестящіе успѣхи внѣшней политики канцлера, но обнаружила еще странное невниманіе къ дѣйствительнымъ нуждамъ такого важнаго и заслуженнаго вѣдомства, какъ министерство иностранныхъ дѣлъ. Вѣдь потребованная канцлеромъ сумма нужна была не ему лично и не для облегченія его самого, а для пользы дѣла въ области, одинаково близкой всѣмъ слоямъ нѣмецкаго общества. Палата могла обнаружить упорную скупость по какому угодно поводу, но никакъ не въ отношеніи спеціальнаго министерства, руководимаго съ необычайнымъ искусствомъ княземъ Бисмаркомъ и недавно еще успѣвшаго превратить Германію въ первоклассную колоніальную державу. Вредить этому вѣдомству — значитъ вредить отечеству и самимъ себѣ, съ общепринятой точки зрѣнія; большинство рейхстага слѣдовало бы въ такомъ случаѣ не мотивамъ общественнымъ и политическимъ, а личнымъ, мелочнымъ побужденіямъ, способнымъ подорвать авторитетъ народнаго представительства. Нѣмецкое общество именно такъ и отнеслось къ поступку палаты; оно выражаетъ сочувствіе канцлеру и порицаетъ образъ дѣйствій парламентскаго большинства. Во многихъ мѣстахъ Германіи и даже за предѣлами ея произошелъ „взрывъ негодованія“ противъ рейхстага, если вѣрить оффиціознымъ свѣдѣніямъ; составляются сочувственные адреса для подачи канцлеру, собираются деньги по подпискѣ для доставленія ему нужныхъ двадцати тысячи марокъ, въ Берлинъ посылаются многочисленныя телеграммы съ разныхъ концовъ Германіи, съ заявленіемъ патріотическаго прискорбія и симпатіи. Германскій имперскій сеймъ какъ будто нарочно выставилъ себя въ самомъ дурномъ свѣтѣ, чтобы оправдать отношеніе къ нему канцлера; въ этомъ смыслѣ вся эта исторія чрезвычайно удобна для послѣдняго. Но странно было бы предполагать, что большинство нѣмецкихъ депутатовъ дѣйствительно лишено патріотизма или не признаетъ великихъ заслугъ князя Бисмарка, какъ министра иностранныхъ дѣлъ. Ничего подобнаго не высказывала и не имѣла въ виду палата. Оппозиція не придавала серьезнаго значенія тому увѣренію, что новый директоръ съ крупнымъ жалованьемъ безусловно необходимъ для министерства иностранныхъ дѣлъ; противники утверждали, что потребность не могла быть особенно сильною, если она не чувствовалась до сихъ поръ, и что во всякомъ случаѣ министерство легко обойдется безъ новой должности, такъ какъ оно имѣетъ возможность приглашать сверхштатныхъ чиновниковъ для особенныхъ занятій. Косвенно это признавалъ и князь Бисмаркъ. Толки о патріотизмѣ и „взрывы негодованія“ являются тутъ довольно некстати; они раздуваются также по обыкновенію услужливою печатью. Не надо

забывать, что съ самаго начала нынѣшней парламентской сессіи правительство, въ лицѣ канцлера, отнеслось къ палатѣ съ непонятною и ничѣмъ не вызванною враждебностью. Князь Бисмаркъ началъ съ того, что довелъ до свѣденія рейхстага объ ограниченіи даровой ѣзды по желѣзнымъ дорогамъ на основаніи депутатскихъ билетовъ, въ виду слишкомъ частыхъ и продолжительныхъ путешествій нѣкоторыхъ депутатовъ. Между тѣмъ, плата за эти переѣзды включена въ бюджетъ, утвержденный палатою, и канцлеръ не имѣлъ вовсе надобности входить въ оцѣнку того, сколько проѣздили отдѣльные члены парламента. Ограничивать собственною властью примѣненіе закона, существующаго въ интересахъ депутатовъ,—было едва ли согласно съ нормальными отношеніями между министерствомъ и народнымъ представительствомъ; простое приличіе требовало, чтобы о возникшихъ сомнѣніяхъ сообщено было предварительно палатѣ, которая не стала бы, разумѣется, спорить противъ устраненія дѣйствительныхъ неправильностей въ пользованіи правомъ дарового переѣзда. Дѣло здѣсь шло о суммѣ гораздо менѣе значительной, чѣмъ потребованная канцлеромъ прибавка, и самовластное распоряженіе правительства по этому предмету нельзя понять иначе, какъ въ смыслѣ непріязненнаго шага противъ парламента. Странная мѣра князя Бисмарка огорчила даже консерваторовъ; чувство незаслуженной обиды сказывалось во всѣхъ заявленіяхъ и рѣчахъ, посвященныхъ неудачному проекту о возмѣщеніи депутатскихъ издержекъ. Проектъ былъ принятъ большинствомъ, не смотря на энергическіе протесты имперскаго канцлера. Партія центра вотировала вмѣстѣ съ прогрессистами; съ своей стороны, прогрессисты и либералы вотировали вмѣстѣ съ центромъ въ пользу отмѣны закона противъ католическаго духовенства. Союзъ партіи центра съ прогрессистами всего болѣе раздражаетъ канцлера; неудивительно, что его раздраженіе, проявляемое въ формахъ довольно неожиданныхъ, встрѣтило соотвѣтственный отпоръ въ парламентѣ. Чѣмъ же другимъ могла отвѣчать палата, какъ не урѣзками въ интересующихъ князя Бисмарка статьяхъ бюджета? Другого оружія не имѣетъ представительство, а довольствоваться жалкими словами было бы унизительно и безцѣльно. Только наглядный „совершившійся фактъ“ могъ имѣть убѣдительную силу въ глазахъ канцлера; депутаты желали напомнить ему осязательно, что имперскій сеймъ есть все-таки нѣчто большее, чѣмъ простое сборище непріятныхъ правительству лицъ. Великій дипломатъ въ международныхъ дѣлахъ совершаетъ промахи въ дѣлахъ внутреннихъ: онъ даетъ щелчки палатѣ прежде чѣмъ получить отъ нея желательныя рѣшенія и бюджетныя уступки.

Понятно, что презрительные отзывы князя Бисмарка о парламент-

скомъ большинствѣ вызваны только тѣмъ обстоятельствомъ, что большинство стоитъ противъ него. Никто не сомнѣвается, что германскій канцлеръ былъ-бы очень радъ имѣть за себя большинство въ палатѣ и что онъ былъ-бы тогда первымъ сторонникомъ строго-конституціоннаго режима. Для правительства всегда удобнѣе дѣйствовать въ согласіи съ общественнымъ мнѣніемъ и съ его оффиціальными выразителями; дѣло только въ томъ, что князь Бисмаркъ не допускаетъ другихъ мнѣній, кромѣ своихъ собственныхъ. Быть можетъ, онъ имѣетъ основаніе считать свои взгляды болѣе вѣскими, чѣмъ мнѣнія всѣхъ либеральныхъ нѣмцевъ въ совокупности и даже чѣмъ мнѣнія всей Европы; на то онъ великій человѣкъ, по всеобщему единодушному признанію. Но что будетъ при его преемникахъ въ министерствѣ, когда тѣ-же принципы будутъ примѣняться людьми обыкновенными, безъ его геніальной проницательности и безъ его великихъ заслугъ? То, что имѣетъ еще смыслъ въ устахъ объединителя Германіи, окажется нелѣпымъ самомнѣніемъ со стороны какого-нибудь Путкаммера, Госслера или Шольца. Правда, и теперь эти сотрудники канцлера говорятъ иногда его надменнымъ, самоувѣреннымъ языкомъ; но это не возбуждаетъ удивленія, пока они считаются лишь органами болѣе могучей воли и болѣе смѣлаго ума. Въ многолѣтней школѣ князя Бисмарка, подъ его руководствомъ и неусыпнымъ контролемъ, воспиталось цѣлое поколѣніе мелкихъ государственныхъ людей и чиновниковъ, которые останутся его исполнителями и подражателями послѣ того какъ онъ самъ сойдетъ со сцены. Много труда и усилій потребуется еще для того, чтобы гигантскую роль, принадлежащую по праву Бисмарку, приспособить къ плечамъ заурядныхъ дѣятелей, къ которымъ перейдетъ его политическое наслѣдство. Вѣроятнѣе всего, что принципы измѣнятся вмѣстѣ съ людьми, и значеніе народнаго представительства возстановится вмѣстѣ съ возстановленіемъ правильной политической жизни въ странѣ. Общественныя силы не будутъ тогда тратиться на безплодную внутреннюю борьбу, поддерживавшую только разочарованіе и недовольство въ народѣ.

Что Бисмаркъ смотритъ болѣе широко на задачи народнаго представительства, чѣмъ большинство его поклонниковъ,—это можно видѣть изъ сужденій его о соціаль-демократахъ. „Увеличеніе соціаль-демократической партіи въ палатѣ,—говорилъ онъ въ засѣданіи 26 ноября,—меня вовсе не огорчаетъ; чѣмъ больше будетъ число ея членовъ, тѣмъ скорѣе она должна будетъ выступить наконецъ съ положительными предложеніями и объяснить всѣмъ намъ, какъ она представляетъ себѣ будущность міра и нашего государственнаго устройства. До сихъ поръ они ограничивались критикою и отрицаніемъ

всего существующаго. Эта критика чрезвычайно легка, трудно только улучшеніе. Еслибы я наконецъ имѣлъ предъ собою ту конституцію и то законодательство, о которыхъ мечтаютъ вожди соціализма! Соціалистическіе депутаты довели свое число до двухъ дюжинъ, я охотно дамъ имъ еще третью, и затѣмъ буду съ увѣренностью ждать, что они предложатъ свой планъ дѣйствій;—въ противномъ случаѣ я долженъ думать, что они не могутъ это сдѣлать. Вамъ слѣдуетъ наконецъ выложить свое положительное эльдорадо сюда, на столъ палаты. Мнѣ кажется, что еслибы вы принуждены были предварительно объяснить свои планы избирателямъ, то оказалось-бы, что далеко не всѣ, выбирающіе соціаль-демократовъ, соглашаются на тѣ цѣли, къ которымъ стремятся вожди ихъ. Люди, подающіе теперь за нихъ свои голоса,—это сумма всѣхъ недовольныхъ, имѣющихъ потребность въ улучшеніи своего быта и ожидающихъ исцѣленія всяческихъ недуговъ отъ политиковъ будущаго, планы которыхъ пока еще не поддаются ихъ оцѣнкѣ. Отъ либерализма, отъ прогрессистовъ они не ждутъ уже ничего; они разглядѣли ихъ до самаго дна; но соціаль-демократы имѣютъ еще видъ пророковъ, и существуетъ надежда, что они, быть можетъ, обладаютъ спасительнымъ средствомъ. Всѣ эти недовольные не имѣютъ, однако, никакого понятія о планахъ соціаль-демократіи. Я говорю это для успокоенія тѣхъ, къ которымъ я не принадлежу,—которые считаютъ соціаль-демократію величайшею опасностью будущаго. Когда соціалисты выступятъ съ своими планами, они станутъ скромнѣе также съ своею критикою. Все-таки существованіе соціаль-демократіи есть важный признакъ, грозно напоминающій имущимъ классамъ, что не все обстоитъ такъ, какъ было-бы желательно, и что необходимы различныя улучшенія;—въ этомъ смыслѣ оппозиція вполнѣ полезна. Не будь соціаль-демократіи, и еслибъ множество людей не боялось ея, не было-бы и тѣхъ немногихъ успѣховъ, которые вообще достигнуты въ соціальныхъ реформахъ. Въ такой мѣрѣ страхъ предъ соціаль-демократіею является полезнымъ элементомъ для тѣхъ, которые вообще не имѣютъ сердца по отношенію къ своимъ бѣднымъ согражданамъ". Соціаль-демократы часто прерывали эту рѣчь рукоплесканіями; но эта рѣчь относилась не къ нимъ однимъ,—она имѣетъ болѣе общій смыслъ, заслуживающій вниманія и оцѣнки со стороны консервативныхъ умовъ. Князь Бисмаркъ не хочетъ, чтобы противники молчали или скрывались; напротивъ, онъ вызываетъ ихъ на публичную арену, радуется увеличенію числа ихъ уполномоченныхъ, ждетъ ихъ объясненій и указаній, могущихъ или принести пользу обществу, или снять съ нихъ ореолъ таинственности. Опасность не въ томъ, что̀ будетъ сказано публично, а въ томъ, что̀ скрывается во мракѣ и проповѣдуется намеками; да

въ сущности и не въ послѣднемъ дѣло, а въ причинахъ недовольства, порождающаго несбыточныя надежды.

Въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ политическая жизнь не представляла особеннаго интереса въ теченіе прошлаго года. Разрозненныя части Австро-Венгріи живутъ своими провинціальными злобами дня и почти не возвышаются уже до общихъ политическихъ задачъ и вопросъ. Чехія примкнула ближе къ Венгріи; хорваты и сербы ссорятся и мирятся съ мадьярами; въ центрѣ замѣчается застой, въ которомъ чувствуетъ себя очень хорошо министерство графа Таафе. Неизмѣнный Тисса властвуетъ въ Пештѣ; онъ искусно подогрѣваетъ свою популярность такими реформами, какъ преобразованіе венгерской палаты магнатовъ, безъ ущерба для туземной аристократіи. Австрія крѣпко держится германской дружбы и ладитъ со всѣми, соблюдая аккуратно свои выгоды, особенно на Балканскомъ полуостровѣ.

Внѣ Европы совершилось выдающееся событіе въ Соединенныхъ Штатахъ: на постъ президента выбранъ кандидатъ демократической партіи, приверженецъ коренныхъ реформъ въ администраціи, рѣшительный врагъ злоупотребленій, испортившихъ репутацію великой республики въ долгій періодъ господства такъ называемыхъ республиканцевъ. Избраніе нью-іоркскаго губернатора Кливленда привѣтствуется въ Америкѣ честными людьми всѣхъ партій и направленій; отъ него ждутъ именно того, чего недоставало правителямъ въ родѣ генерала Гранта или Блэна, и надо полагать, что общія надежды оправдаются на дѣлѣ. Объ этомъ интересномъ моментѣ политической жизни въ Америкѣ приводятся подробныя свѣденія въ помѣщаемой ниже корреспонденціи г-жи Макъ-Гаханъ.

ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

Изъ Нью-Іорка.

Торжество демократической партіи въ Соединенныхъ Штатахъ.

На митингѣ, состоявшемся 20-го ноября въ лондонскомъ Сентъ-Джемсъ-Голлѣ извѣстный американскій политико-экономистъ, Генри Джоржъ, заявилъ, что „только-что закончившіеся президентскіе выборы въ Америкѣ являются однимъ изъ важнѣйшихъ событій исторіи республики, потому что они заканчиваютъ собою эру, въ продолженіе которой американскій народъ боролся изъ-за рабства и истекающихъ изъ него вопросовъ". Переждавъ вызванный этимъ заявленіемъ взрывъ сочувственнаго энтузіазма публики, Генри Джоржъ закончилъ свою мысль словами: „событіе это предвѣщаетъ разложеніе обѣихъ великихъ политическихъ партій республики и возникновеніе новой и могучей партіи, пока еще неизвѣстной. Въ будущемъ экономическіе и соціальные вопросы должны выступить въ Америкѣ на первый планъ".

Таково мнѣніе Генри Джоржа—мнѣніе извѣстнаго мыслителя и къ тому природнаго американца. Что же касается до заурядныхъ, хотя и добросовѣстныхъ наблюдателей развитія повседневныхъ событій, то передъ нами открывается здѣсь такая масса фактовъ и явленій, что въ нихъ также трудно разобраться, какъ въ развалинахъ большого города послѣ гибельнаго землетрясенія, и гадательныя соображенія по-неволѣ приходится пока оставить въ сторонѣ.

Закончившіеся выборы, въ штатахъ, дѣйствительно, являются „однимъ изъ важнѣйшихъ событій въ исторіи республики"—это не подлежитъ никакому сомнѣнію, въ особенности для тѣхъ, кто имѣлъ возможность близко присмотрѣться ко всему здѣсь происходившему; но что выборы эти заканчиваютъ эру борьбы изъ-за рабства—съ этимъ весьма трудно согласиться, такъ какъ все здѣсь указываетъ на совершенно противоположное.

Выборы эти не только эры такой пока не заканчиваютъ, но они еще раздули тлѣвшія въ теченіе двадцатилѣтняго періода мира искры междоусобной вражды и партійныхъ распрей, которыя уже разъ чуть не стоили жизни союзу и были лишь затоптаны ногами побѣдителей, но не подавлены силою убѣжденія, послѣ кровопролитной междоусобной борьбы 1861—65 годовъ.

Тѣмъ не менѣе послѣдняя президентская кампанія является во многихъ отношеніяхъ безпримѣрною въ лѣтописяхъ страны, какъ по идеямъ, ею затронутымъ, по представленной ею мѣркѣ требованій общественной морали, такъ и по той ярости, съ которой велась атака со всѣхъ сторонъ, равно какъ и по составу лицъ, принимавшихъ въ этихъ атакахъ участіе.

Въ началѣ года все указывало на то, что главнымъ факторомъ кампаніи будетъ вопросъ о протекціонизмѣ и сравнительной свободѣ торговли, причемъ республиканцы явятся поборниками протекціонизма, ими же введеннаго и доставившаго странѣ такое неоспоримое процвѣтаніе въ теченіе послѣднихъ лѣтъ; а демократы—подъ вліяніемъ все разростающейся среди нихъ фракціи фритредеровъ—построятъ свою оппозицію на томъ положеніи, что протекціонизмъ сослужилъ свою службу и въ настоящее время является лишь помѣхой естественному развитію промышленности въ странѣ, причиною переполненія внутреннихъ рынковъ предметами отечественнаго производства при полной невозможности сбывать ихъ по сходной цѣнѣ за границу—положеніе вещей, содѣйствующее лишь непомѣрному обогащенію монополистовъ и обѣднѣнію народныхъ массъ.

По этому вопросу о протекціонизмѣ обѣ главныя партіи страны сильно раздѣлились: между республиканцами нашлось много фритредеровъ [1]), а среди демократовъ оказалась сильнѣйшая партія, предводимая экс-спикеромъ Ранделемъ въ конгрессѣ, которая настаивала на томъ, что сбавленіе тарифа на привозные товары до minimum'а наводнитъ американскіе рынки дешевыми производствами Европы, подвергнетъ здѣшнихъ рабочихъ обнищанію, лишитъ ихъ всякаго достатка и заставитъ ихъ работать за скудное вознагражденіе, установившееся въ Европѣ. Этотъ аргументъ упорныхъ протекціонистовъ вызывалъ со стороны ихъ оппонентовъ то замѣчаніе, что въ настоящее время за недостаткомъ рынка для сбыта товаровъ, большинство фабрикъ и заводовъ закрывается на нѣсколько мѣсяцевъ въ году, оставляя рабочихъ безо всякаго заработка, и что при подвозѣ дешеваго иностраннаго товара, рабочимъ этимъ хотя жизнь будетъ обходиться дешевле, да и работа будетъ постоянная вслѣдствіе болѣе ускореннаго интернаціональнаго обмѣна производствъ. На эти аргу-

---

[1]) Терминъ „фритредеръ“ будетъ употребляться въ этой статьѣ за неимѣніемъ лучшаго краткаго опредѣленія здѣшнихъ адептовъ этой школы. Слѣдуетъ, впрочемъ, отмѣтить, что радикальныхъ фритредеровъ здѣсь почти нѣтъ, и лица, носящія это наименованіе, требуютъ лишь того, чтобы суммы на покрытіе государственныхъ расходовъ собирались посредствомъ умѣреннаго тарифа на привозные товары, и чтобы этотъ тарифъ отнюдь не былъ покровительственно запретительнымъ въ видахъ доставленія монополіи производства мѣстнымъ фабрикантамъ.

венты неизмѣнно съ противной стороны сыпятся вопросы: „а мясо для рабочихъ, а хлѣбъ, а квартиры будутъ дешевле?“ и проч. Такимъ образомъ, этотъ животрепещущій вопросъ здѣшней жизни подвергается какому-то нескончаемому коловращенію, причемъ на каждый аргументъ какъ-то само собою возникаетъ опроверженіе, и въ концѣ-концовъ обѣ партіи опять-таки остаются каждая при своемъ.

Понятное дѣло, что пока передовые люди обѣихъ партій вертятся въ этомъ колесѣ, не находя изъ него выхода, невозможно было предъявить народу рѣшеніе его, предлагая націи выбрать президента-протекціониста или президента-фритредера. Вслѣдствіе того, когда состоялись въ Чикаго національные конвенты для составленія „платформъ“ каждой партіи—иначе говоря, ихъ открытыхъ professions de foi—и избранія кандидатовъ на президентство, обѣ партіи сочли за лучшее отдѣлаться общими фразами насчетъ народнаго блага, народныхъ интересовъ, экономнаго управленія страной и проч., не затрогивая щекотливаго вопроса протекціонизма. Обѣ партіи высказались притомъ за пересмотръ тарифа на ввозные товары и сбавленіе его, такъ что въ сущности платформы обѣихъ партій оказались столь сходными, что республиканцы и демократы легко могли бы ими помѣняться, ничѣмъ не измѣняя своего положенія.

Внутренніе раздоры партій, возникшіе по вопросу о протекціонизмѣ, еще усугубились по поводу личностей національныхъ кандидатовъ на президентство. Когда національный конвентъ республиканской партіи, открывшійся въ Чикаго 15-го іюня, выставилъ кандидатомъ своей стороны на президентство Джэмса Джиллеспай Блэна (James Gillespie Blaine), противъ этого выбора возмутилось все, что было наиболѣе независимаго и респектабельнаго въ республиканской партіи, такъ какъ Блэнъ, въ бытность свою спикеромъ вашингтонской палаты представителей, направлялъ законодательство въ интересахъ желѣзно-дорожныхъ компаній и различныхъ монополистовъ, содѣйствовавшихъ въ благодарность за то его личному обогащенію. Что эти обвиненія были не безосновательны, было очевидно изъ того огромнаго состоянія, которое нажито было Блэномъ. Происходитъ онъ, правда, изъ богатой семьи, но отецъ его прожился вконецъ, и молодому Джемсу Блэну пришлось начать свою жизненную карьеру на скромномъ поприщѣ учителя военной академіи въ штатѣ Кентукки; затѣмъ онъ переселился въ 50-хъ годахъ въ штатъ Мэнъ и занялся изданіемъ газеты, отличавшейся въ свое время яростной пропагандой дикихъ идей нетерпимости тогдашней партіи Know-Nothings, которая стояла на изгнаніи всѣхъ иностранцевъ и на тезисѣ: „Америка для американцевъ“. Газета Блэна вдавалась также и въ религіозную нетерпимость, и особенно раздувала страсти хан-

жей-протестантовъ противъ католиковъ. Это положеніе, занятое Блэномъ по религіозному вопросу, было вполнѣ послѣдовательно, такъ какъ самъ онъ произошелъ изъ католической семьи и перешелъ въ протестантизмъ изъ-за того, что католикамъ въ Новой Англіи ходу не давалось; а яростнѣйшими врагами всегда являются отступники.

Изданіе газеты продолжалось недолго и не дало никакихъ финансовыхъ выгодъ, но пробило мистеру Блэну дорогу въ законодательное собраніе Мэна, а оттуда въ конгрессъ, гдѣ онъ провелъ затѣмъ народнымъ представителемъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ. На арену общественной дѣятельности мистеръ Блэнъ вступилъ бѣднякомъ; жалованье членовъ законодательнаго собранія и конгресса не превышаетъ отъ 1,000 до 5,000 долларовъ въ годъ; однакоже, послѣ этого тридцатилѣтняго „служенія“ отечеству и широкаго житья въ Вашингтонѣ, Блэнъ оказался владѣльцемъ полумилліоннаго состоянія и отстроилъ себѣ великолѣпнѣйшій домъ въ Вашингтонѣ. Откуда взялись эти деньги, когда здѣсь навѣрное извѣстно, что ни самъ Блэнъ, ни безприданница-жена его никогда ни одного наслѣдства не получили.

Вопросъ о злоупотребленіи Блэномъ своимъ оффиціальнымъ положеніемъ поднимался не одинъ разъ; было даже наряжено конгрессіонное слѣдствіе для уясненія его сношеній съ монополистами. Опасность Блэну грозила неминуемая, такъ какъ въ рукахъ его бывшаго секретаря, Мюллигана, находились сильно его компрометтирующія письма, а Мюллиганъ перешелъ на сторону враговъ. Тогда мистеръ Блэнъ, съ свойственною ему предпріимчивостью и дерзостью, рѣшился на средство отчаянное: на тайномъ свиданіи съ Мюллиганомъ онъ на колѣняхъ вымолилъ у него свои письма, чтобы пересмотрѣть ихъ и подготовиться ихъ пояснить; выпросилъ онъ ихъ на время, честью своею ручаясь, что возвратитъ ихъ—и не возвратилъ. Но такъ какъ скандалъ уже нельзя было замять молчаніемъ, то мистеръ Блэнъ самъ выступилъ въ свою защиту въ конгрессѣ и прочиталъ въ открытомъ собраніи эти самыя компрометтирующія его письма — конечно, пропуская самые неблаговидные ихъ отрывки и предварительно уничтоживъ письма, которыя совершенно оказались непригодными для гласности и неподдающимися объясненію. Когда затѣмъ конгрессіонное слѣдствіе снова прижало Блэна къ стѣнѣ, онъ рискнулъ на театральный эффектъ—и съ полнымъ успѣхомъ. Возвращаясь однимъ воскреснымъ утромъ изъ церкви, набожный мистеръ Блэнъ подвергся солнечному удару и затѣмъ нѣсколько недѣль лежалъ въ постелѣ, какъ утверждали друзья его, на рубежѣ жизни и смерти: это отчаянное положеніе популярнѣйшаго въ обществѣ мистера Блэна снискало ему всеобщія симпатіи; конгрессіонное

слѣдствіе надъ умирающимъ человѣкомъ признано было дѣйствіемъ неподходящимъ, и дѣло положено было подъ сукно. Когда мистеръ Блэнъ, наконецъ, выздоровѣлъ—гроза надъ нимъ миновала. Новые раскаты грома прогремѣли надъ его головою въ тѣ времена, когда на республиканскихъ конвентахъ, 1876 и 1880 годовъ, онъ добивался кандидатуры на президентство; но эти раскаты не имѣли послѣдствій. Гроза разразилась надъ нимъ во всей своей силѣ лишь въ настоящемъ году, когда онъ достигъ, наконецъ, цѣли завѣтныхъ своихъ стремленій и былъ провозглашенъ кандидатомъ своей партіи на президентство.

Выставленіе подобнаго человѣка запятнанной репутаціи знаменосцемъ партіи, гордо называющей себя партіей „великихъ моральныхъ идей“, было уже само по себѣ открытымъ торжествомъ порочныхъ идей, которыя представлялись личностью мистера Блэна, и республиканцы, которымъ было дорого доброе имя старой партіи, всѣ какъ одинъ человѣкъ возстали противъ избранія Блэна, такъ какъ оно было бы полнѣйшей, всенародной отмѣной этихъ принциповъ въ политикѣ и жизни общественной.

Тотчасъ по закрытіи бурнаго республиканскаго конвента въ Чикаго, отъ партіи этой отшатнулось значительное число наиболѣе трезвыхъ и независимыхъ республиканцевъ, заявляя, что они не станутъ поддерживать кандидатуру Блэна, а выждутъ, кого выставятъ демократы; если же и эти назначатъ своимъ кандидатомъ партизана, не внушающаго довѣрія, то тогда они обратятъ все свое вліяніе на организованіе независимой партіи и рекомендуютъ народу въ президенты другую личность высокихъ принциповъ и незапятнанной репутаціи.

Таково было положеніе вещей при открытіи 8-го іюля въ Чикаго національнаго конвента демократовъ. Въ видахъ состоявшагося къ тому времени раскола въ республиканской партіи и все усиливающагося со всѣхъ сторонъ требованія на кандидата незапятнанной честности, все вниманіе конвента было направлено на подъисканіе такого лица. Составленіе демократической платформы являлось уже соображеніемъ второстепеннымъ, и разрѣшилось оно повтореніемъ давно затасканныхъ принциповъ демократіи касательно огражденія правъ отдѣльныхъ штатовъ отъ вмѣшательства въ ихъ дѣла федеральнаго правительства, провозглашеніемъ необходимости ввести строгую отвѣтственность правительства передъ народомъ и организовать государственное управленіе на болѣе экономныхъ началахъ. Все это, какъ и всегда,—сопровождалось публичнымъ преданіемъ анаѳемѣ республиканцевъ, державшихся во главѣ правленія страны въ теченіе почти цѣлой четверти столѣтія.

Демократія рѣшила, во что бы то ни стало, воспользоваться демо-

рализаціей водворенной въ рядахъ республиканцевъ кандидатурою Блэна и вырвать правленіе изъ рукъ этой партіи. Для этого признавалось необходимымъ, во-первыхъ, выставить кандидатомъ человѣка, способнаго перетянуть на сторону демократіи голоса одного изъ большихъ и „сомнительныхъ“ по своимъ политическимъ тенденціямъ штатовъ; во-вторыхъ, такого человѣка, который бы не оттолкнулъ отъ себя ни фритредеровъ, ни протекціонистовъ и въ то же время имѣлъ бы репутацію, обезпечивающую ему поддержку „независимыхъ“ республиканцевъ, отшатнувшихся отъ Блэна.

Ни одинъ изъ „столповъ“ демократіи этимъ требованіямъ не отвѣчалъ. Всѣ они были извѣстны какъ неуклонные партизаны, демократы чистѣйшей воды, и потому едва ли бы удостоились поддержки „независимыхъ“; къ тому же, Бэярдъ не могъ перетянуть ни одного сомнительнаго штата, Тильденъ былъ слишкомъ старъ, да и самъ отказывался принять кандидатуру, а Терманъ и Рендаль происходили изъ штатовъ съ такимъ подавляющимъ республиканскимъ большинствомъ, что не могли бы перетянуть ихъ на сторону демократіи и тѣмъ бы произвели весьма опасную диверсію.

„Независимые“ республиканцы, вліятельные органы нью-іоркской печати и большинство демократіи этого штата, признаннаго сомнительнымъ, настаивали на томъ, чтобы кандидатамъ выставленъ былъ губернаторъ Кливелэндъ, избранный всего два года тому назадъ въ Нью-Іоркѣ безпримѣрнымъ большинствомъ 192,000 голосовъ. Но противъ Кливелэнда возстала сильная партія среди демократіи. Кливелэндъ—человѣкъ, сравнительно говоря, неизвѣстный. Провинціальный адвокатъ, избранный впервые лѣтъ шесть тому назадъ шерифомъ, онъ снискалъ довѣріе своихъ согражданъ и былъ, до истеченія срока своей службы шерифомъ, выбранъ мэромъ богатаго города Беффало; не успѣлъ дослужить онъ свой срокъ мэромъ, какъ весь штатъ Нью-Іоркъ возмутился противъ интригъ и злоупотребленій регулярныхъ политическихъ „машинъ“, составились комитеты „независимыхъ“ гражданъ, поднялись со всѣхъ сторонъ требованія на честнаго человѣка для занятія должности губернатора „имперскаго“ штата; какимъ-то образомъ пущена была молва про достоинства мэра города Беффало; Кливелэндъ выступилъ кандидатомъ демократіи и избранъ былъ губернаторомъ Нью-Іорка соединенными усиліями демократовъ и недовольныхъ республиканцевъ. Счастье Кливелэнда начинало входить въ поговорку, но самъ онъ все еще оставался нѣкотораго рода неизвѣстной величиной при всѣхъ разсчетахъ присяжныхъ политикановъ, хотя и признавался демократомъ.

Подозрительнѣе всего казалась демократамъ тенденція Кливелэнда придерживаться какъ буквы, такъ и духа новой реформы граждан-

ской службы: занявъ постъ губернатора Нью-Іорка, онъ держалъ почти всѣхъ чиновниковъ на мѣстахъ, замѣняя демократами лишь тѣхъ, которые смѣщались по какой нибудь уважительной причинѣ, а не изъ-за того, чтобы очистить мѣсто для друзей новаго губернатора. Эта черта прошлаго Кливелэнда не обѣщала ничего хорошаго въ будущемъ: какая была выгода демократамъ проводить въ президенты человѣка, который вздумалъ бы удерживать на мѣстахъ республиканцевъ, безо всякой пользы для голодныхъ и холодныхъ своей собственной партіи? Но настоянія сторонниковъ Кливелэнда взяли верхъ, и онъ былъ объявленъ кандидатомъ демократіи на президентство, причемъ кандидатомъ на вице-президентство единогласно провозглашенъ былъ Томасъ Гендриксъ, избранный въ эту должность въ 1876 году.

Кандидатура Кливелэнда была встрѣчена весьма несочувственно демократіею всего союза. Вездѣ держалось смутное убѣжденіе въ томъ, что Кливелэндъ, никогда не бывшій партизаномъ—не болѣе какъ республиканецъ, нарядившійся въ демократическое платье; это мнѣніе тѣмъ сильнѣе поддерживалось въ странѣ, что „независимые" республиканцы съ восторгомъ привѣтствовали кандидатуру губернатора реформатора Нью-Іорка. Неудовольствіе отдѣльныхъ лицъ, политикановъ демократіи, вскорѣ однакоже уступило мѣсто сознанію того, что сѣтованіями дѣлу не поможешь, и что для того, чтобы разбить врага, надо водворить полное согласіе въ своихъ собственныхъ рядахъ.

Смѣщеніе правительственной партіи послѣ того, какъ она продержалась во власти цѣлыхъ двадцать-четыре года—задача далеко не легкая. Злоупотребленія правительственной партіи возмущали народъ, но эти самыя злоупотребленія—если только можно допустить этотъ парадоксъ—дѣлали республиканскую партію еще болѣе сильною. Возникновеніемъ своимъ, правда, партія эта обязана торжеству высокихъ идей филантропіи и патріотизма, и въ первый періодъ существованія своего дѣйствительно насчитывала въ рядахъ своихъ много людей, снискавшихъ себѣ заслуженную славу своими услугами отечеству. Но пора этихъ патріотовъ, этихъ выдающихся, неподкупныхъ дѣятелей, давно миновала. Сильно партизанская администрація Гранта, длившаяся два четырехлѣтія, нетолько утвердила республиканцевъ крѣпко на всѣхъ теплыхъ мѣстахъ, но и довела ихъ до явнаго сознанія того, что безъ этихъ теплыхъ мѣстъ имъ нельзя и обойтиться, а надо ихъ удерживать за собою чего бы то ни стоило. Обычное слѣдствіе долгаго періода власти—деморализація правительственной партіи; и эта гангрена деморализаціи быстро начала въѣдаться въ подточенный уже роскошью, богатствомъ и властью организмъ республиканской партіи. Тѣ дѣятели, которые основали партію, люди, которые составляли не только кровь и плоть, но и самую совѣсть этой партіи, мало-по-малу

отпали отъ нея: одни изъ нихъ сошли въ могилу, другіе же были оттѣснены новыми элементами, пробивавшимися на первый планъ; высокія идеи, вызвавшія республиканскую партію къ жизни, мало-помалу утратились, принципы уступили мѣсто борьбѣ изъ-за лучшихъ мѣстъ, и партія уже не представляла собою ничего способнаго привлечь къ ней молодыя силы новыхъ дѣятелей на мѣсто выбывающихъ стариковъ. Но зато, какъ сказано выше, въ партіи проявились новые элементы, весьма скоро давшіе себя почувствовать.

Къ партіи правительственной, имѣющей въ распоряженіи своемъ мѣста и всякую благостыню, самымъ естественнымъ образомъ льнутъ всѣ народные паразиты; въ началѣ этимъ паразитамъ въ ней не было мѣста, но по мѣрѣ того, какъ партія свыкалась со своимъ привилегированнымъ положеніемъ, она начинала изыскивать новыя средства къ продленію своего владычества. Владычество надъ страною обусловливалось тѣмъ, чтобы каждое четырехлѣтіе перетягивать выборы на сторону своихъ кандидатовъ; за утратою же принциповъ, способныхъ воодушевлять массы, приходилось прибѣгать къ инымъ средствамъ и „усиливать внутреннюю организацію партіи", щедро смазывать „колеса той машины", которая, находясь въ рукахъ профессіональныхъ политикановъ, регулируетъ движеніе безчисленнаго количества мелкихъ колесъ и въ значительной степени предрѣшаетъ исходъ народныхъ выборовъ. На усовершенствованіе „машины" требовались деньги, деньги и деньги. Черпать деньги изъ государственнаго казначейства было бы слишкомъ по-дѣтски, и долго бы продлиться не могло. Но у республиканцевъ оставались другія средства. Во власти правительства было доставлять возможныя льготы богатымъ корпораціямъ, и этою властью оно широко за послѣднее время пользовалось, въ благодарность за что монополисты и корпораціи щедро жертвовали деньги на „республиканскіе избирательные фонды", а деньги эти служили на поддержку „машины" и черезъ ея посредство въ значительной степени обезпечивали за республиканцами торжество на выборахъ.

Другимъ источникомъ пополненія кассы правительственной партіи служила раздача желательныхъ мѣстъ. Честолюбцы, желающіе добиться виднаго назначенія дома или за границей, жертвовали крупныя суммы денегъ на „республиканскій фондъ" и при избраніи республиканскаго президента получали желаемое мѣсто. Не ходя далеко за примѣромъ, стоитъ только припомнить, какъ пробрался на свой теперешній постъ настоящій посланникъ Соединенныхъ Штатовъ въ Парижѣ, m-r Levi Morton. Ничего въ прошломъ этого джентльмена не указывало на то, чтобъ онъ надѣленъ былъ дипломатическими талантами, да и образованіе его весьма и весьма ограничено. Но мис-

теръ Мортонъ—банкиръ-милліонеръ; онъ отъ себя пожертвовалъ огромную сумму денегъ на веденіе республиканской кампаніи, собралъ—благодаря связямъ своимъ—большой кушъ денегъ по подпискѣ, и когда Гарфильдъ былъ выбранъ президентомъ, Мортонъ былъ отправленъ посланникомъ въ Парижъ. Уклоненіе отъ подобнаго способа распредѣленія мѣстъ является въ настоящее время исключеніемъ. Хотя президентъ Арэсеръ, не будучи связанъ при занятіи президентскаго кресла никакими предварительными обѣщаніями, гораздо менѣе своихъ предшественниковъ пользовался этимъ способомъ для пополненія республиканской кассы, вполнѣ уклониться онъ отъ него все же не могъ и принужденъ былъ удержать на мѣстахъ всѣхъ лицъ, получившихъ назначеніе этимъ путемъ.

Третій могучій рычагъ, который пущенъ въ дѣйствіе республиканцами въ видахъ удержанія власти, состоялъ въ замѣщеніи всѣхъ правительственныхъ мѣстъ такими лицами, которыя способны были на мѣстахъ этихъ содѣйствовать интересамъ своей партіи. Всего въ распоряженіи федеральнаго правительства числится около 110,000 мѣстъ. Этикетъ правительственныхъ слоевъ предписываетъ президенту прямо замѣщать лишь извѣстную часть этихъ мѣстъ, предоставляя остальныя мѣста въ распоряженіе министровъ, сенаторовъ своей партіи и представителей въ конгрессѣ. Министры, сенаторы и представители, получающіе свою долю „патронажа"—всѣ республиканцы, и потому раздаютъ находящіяся въ ихъ рукахъ мѣста республиканцамъ же той мѣстности, которая доставляетъ имъ по выборамъ доступъ въ конгрессъ. Эта система donnant—donnant вступила въ силу во всей странѣ и дѣйствуетъ съ регулярностью механизма. Въ крупныхъ назначеніяхъ и при размѣщеніи дипломатическихъ постовъ президентъ отчасти связанъ тѣмъ, что назначаемыя имъ лица должны быть утверждены сенатомъ; но такъ какъ сенатъ уже давно располагаетъ республиканскимъ большинствомъ, то это ограниченіе президентской воли—чисто фиктивное. Въ тѣхъ же рѣдкихъ случаяхъ, когда сенатъ имѣетъ большинство президенту оппозиціонное, тогда послѣ нѣсколькихъ стычекъ, обѣ стороны вступаютъ въ соглашеніе: сенаторы утверждаютъ назначаемыхъ президентомъ лицъ, а взамѣнъ того получаютъ возможность замѣщать извѣстное количество мѣстъ своими людьми. Но главная сила президента и министровъ заключается въ замѣщеніи болѣе мелкихъ постовъ, какъ, напр., мѣстъ провинціальныхъ почтмейстеровъ, которое производится безъ санкціи сената. Если не ошибаюсь, почтмейстеровъ и помощниковъ ихъ въ союзѣ насчитывается чуть ли не 30.000 человѣкъ. Всѣ эти почтмейстеры—не только ревностные республиканцы, но и искусные организаторы-политиканы. А кому неизвѣстно, какимъ вліяніемъ поль-

зуется почтмейстеръ въ невѣжественныхъ сельскихъ округахъ, въ провинціальныхъ захолустьяхъ, гдѣ у фермеровъ въ кровь и плоть вошелъ обычай проводить цѣлые часы въ бесѣдахъ при почтовой конторѣ, въ значительной степени черпая свои идеи, пополняя свои знанія отъ почтмейстера? И почтмейстеры эти ревностно работають на пользу своей партіи—нѣтъ между ними слугъ нерадивыхъ, такъ какъ каждый изъ нихъ знаетъ, что собственное его жалованье находится въ прямой зависимости отъ продленія власти въ рукахъ той партіи, отъ которой онъ добился назначенія.

Выше приведенными рессурсами далеко еще не исчерпывается перечень тѣхъ силъ, которыми утверждается преобладаніе правительственной партіи, но они, надѣюсь, съ достаточной ясностью указывають на тѣ методы, которые здѣсь дѣйствують, и поясняють до какой степени трудно оппозиціи смѣстить правительственную партію, въ рукахъ которой сосредоточенъ этотъ сложный и могучій механизмъ политической „машины“ и „патронажа“.

Удаленные отъ власти въ теченіе 24-хъ лѣтъ, демократы не могли пополнять избирательные фонды своей партіи обѣщаніями раздачи теплыхъ мѣстъ, не могли производить побора съ правительственныхъ чиновниковъ на расходы кампаніи—имъ приходилось довольствоваться исключительно доброхотными даяніями энтузіастовъ своей партіи; доля патронажа въ рукахъ демократовъ была самая незначительная: почтмейстера-демократа, что называется, днемъ съ огнемъ не сыщешь; что же касается до крупныхъ капиталистовъ, желѣзно-дорожниковъ, промышленныхъ и другихъ корпорацій, то они не столько наивны, чтобы жертвовать деньги на фонды партіи, побиваемой на выборахъ въ теченіе 24-хъ лѣтъ и къ тому же проповѣдующей сокращеніе расходовъ и строгое обереженіе государственныхъ земель и народныхъ денегъ.

И демократія прекрасно сознавала свое невыгодное положеніе и трудность смѣщенія республиканцевъ.

Выставивъ кандидатомъ своимъ на президентство Гровера Клевелэнда, человѣка, личныя симпатіи котораго по вопросу о протекціонизмѣ и свободѣ торговли совершенно неизвѣстны, демократія разомъ со своей стороны изъяла этотъ щекотливый вопросъ изъ президентской кампаніи и перевела ее на обсужденіе личныхъ качествъ кандидатовъ и той степени довѣрія, котораго они заслуживають отъ народа, судя по ихъ прошлой дѣятельности.

На этой почвѣ кандидату демократіи нечего было опасаться. Честность, справедливость его, вѣрное исполненіе своего долга и твердость въ преслѣдованіи, разъ намѣченной цѣли — общеизвѣстны. За весь періодъ его занятія должностей шерифа, мэра и губернатора на

него ни разу не легло подозрѣніе въ злоупотребленіи своимъ общественнымъ вліяніемъ на преслѣдованіе личныхъ выгодъ; ни разу не введено было на него обвиненіе въ дѣйствіяхъ на пользу монополистовъ и корпорацій, хотя, благодаря частымъ veto, которыя онъ налагалъ на билли законодательнаго собранія, онъ нажилъ себѣ не мало враговъ. Обвиняли, правда, Кливелэнда, въ антагонизмѣ интересамъ бѣднѣйшаго населенія столицы изъ-за того, что онъ наложилъ свое veto на билль, принуждавшій одну желѣзно-дорожную корпорацію города сбавить на половину цѣну на проѣздъ по воздушной желѣзной дорогѣ; но какъ враги его ни старались—доказать не могъ никто, чтобы veto это наложено было въ видахъ подслуживанія капиталистамъ-владѣльцамъ дороги.

Республиканцы и печатные органы ихъ упорно застращивали публику призракомъ фритредерства, которое, по ихъ мнѣнію, введено будетъ въ страну демократами—особенно настаивалъ на этомъ пугалѣ самъ мистеръ Блэнъ въ публичныхъ рѣчахъ своихъ къ избирателямъ; но эти аргументы имѣли дѣйствіе лишь на такія мѣстности, которыя и безъ того стояли за республиканцевъ, значитъ, рѣшающаго вліянія на исходъ кампаніи не имѣли, и дѣло въ началѣ лѣта и до дня президентскихъ выборовъ вертѣлось на обмѣнѣ самыхъ грязныхъ обвиненій касательно кандидатовъ, и на столь же отчаянныхъ стремленіяхъ отмывать съ нихъ грязь, которою ихъ забрасывали.

Хуже всего въ началѣ приходилось Блэну. Онъ имѣлъ за собою ту невыгоду, что состоялъ виднымъ общественнымъ дѣятелемъ въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ, все прошлое его было на счету, и это прошлое было настолько доступно порицанію, что сторонникамъ его едва доставало времени отвѣчать на всѣ обвиненія, сыпавшіяся на голову мистера Блэна.

Первымъ дѣломъ демократовъ было, конечно, припомнить компрометирующія письма, которыя спикеръ Блэнъ писалъ нѣкоему Фишеру, агенту разныхъ корпорацій, письма, въ которыхъ Блэнъ напоминалъ Фишеру, какъ полезенъ онъ, Блэнъ, корпораціи въ конгрессѣ, обѣщалъ служить ея интересамъ и впредь, и изъявлялъ надежду, что услуги его будутъ вознаграждены по примѣру прежнихъ временъ облигаціями и акціями, до которыхъ онъ былъ такой охотникъ. Изъ другой серіи опубликованныхъ этимъ лѣтомъ Блэновскихъ писемъ стало очевидно, что Блэнъ злоупотреблялъ даже довѣріемъ къ себѣ знакомыхъ своихъ, продавая имъ по непомѣрно дорогой цѣнѣ акціи компаніи, въ товариществѣ съ которой тайно состоялъ. Многія изъ этихъ скандальныхъ посланій заключались разными неблаговидными PSS., какъ напр.: „сожгите это письмо“!—„нижайшее почтеніе вашей супругѣ, миссисъ Фишеръ и проч.“. Большинство этихъ писемъ входило въ число тѣхъ, которыя

были въ прежнія времена мошенническимъ образомъ вымanены Блэномъ у секретаря Мюллигана, другія же доставлены самимъ Фишеромъ; но всѣ они стали извѣстны подъ общимъ наименованіемъ Мюллигански хъ писемъ—подъ такимъ именемъ скандальной литературѣ этой, конечно, и суждено быть внесенной на страницы исторіи.

Какъ ни старались òрганы республиканской партіи объяснять дѣловыя сношенія Блэна съ Фишеромъ обще-американскимъ духомъ предпріимчивости, выразившимся и въ поведеніи спикера-Блэна, обвиненія эти мало-по-малу проникали въ сознаніе публики и начинали производить свое дѣйствіе. Приходилось изыскивать энергичныя средства для того, чтобы перенести борьбу на другую почву. Средства эти были найдены, но легли они несмываемымъ пятномъ, какъ на лицъ, пустившихъ ихъ въ ходъ, такъ и на самую американскую націю, допустившую у себя такой неблаговидный способъ политическаго воздѣйствія на избирателей. Я говорю о нападкахъ на частную жизнь кандидатовъ.

Первая бомба этого свойства пущена была друзьями мистера Блэна, и, какъ утверждаютъ—по его распоряженію. Это послѣднее, однако, не доказано, и трудно повѣрить, чтобы мистеръ Блэнъ снизошелъ до такой грязи. Обвиненіе исходило отъ одного протестантскаго пастора изъ Бёффало, мистера Болль, который печатно заявилъ о томъ, что Кливелэндъ человѣкъ самой низкой морали и распущенныхъ нравовъ, и въ подтвержденіе своего заявленія сообщалъ о томъ, какъ лѣтъ одиннадцать тому назадъ Кливелэндъ лишилъ добраго имени одну скромную вдову Maria Halpin, насильственнымъ образомъ совратилъ ее со стези правды и добра, а затѣмъ, прижитаго отъ нея ребенка отдалъ въ сиротскій пріютъ, а мать заперъ въ домъ умалишенныхъ. Грязное обвиненіе это разразилось надъ сторонниками Кливелэнда громомъ изъ яснаго неба. Но въ началѣ этому не повѣрили. Одна вліятельная нью-іоркская республиканская газета, „Evening Post", поддерживавшая въ эту кампанію демократа Кливелэнда, отрядила въ Беффало спеціальнаго корреспондента для изслѣдованія обвиненія, а затѣмъ даже пригласила одного извѣстнаго адвоката выяснить сущность дѣла. Слѣдствіемъ было дознано, что Кливелэндъ дѣйствительно состоялъ въ интимныхъ отношеніяхъ съ тридцатичетырехъ-лѣтнею вдовою Maria Halpin, имѣвшей въ ту пору дочь и сына четырнадцати лѣтъ. На неопытность свою въ дѣлахъ житейскихъ, стало быть, несчастная вдова эта сослаться не могла, да и репутаціей она хорошей не пользовалась. Во всякомъ случаѣ ничѣмъ не было доказано, что родившійся затѣмъ мальчикъ—сынъ Кливелэнда. Этотъ послѣдній, однако же, не отказался взять на себя отвѣтственность за эту ошибку и аккуратно выдавалъ содержаніе Маріи Халь-

пинъ и ея сыну. Когда же дознано было, что эта женщина, въ нетрезвомъ видѣ, бьетъ своего ребенка, то мальчика помѣстили въ пріютъ, а мать отвезли въ убѣжище для леченія отъ пьянства. Всѣ эти мѣры приняты были адвокатомъ, которому Кливелэндъ съ самаго рожденія мальчика поручилъ выдавать Маріи Хальпинъ деньги, никогда самъ не видаясь съ нею. Изъ убѣжища Марія Хальпинъ бѣжала тайкомъ, увезла сына изъ пріюта, а затѣмъ снова получала деньги на его содержаніе черезъ адвоката Кливелэнда. Этимъ исторія и заканчивалась; даже братья этой вдовы заявляли, что Кливелэндъ поступилъ съ нею по чести. Никто никогда не слыхалъ, чтобы Кливелэндъ обѣщалъ на Маріи Хальпинъ жениться, да и сама она на то не претендовала.

Хотя гнуснѣйшая часть этой скандальной исторіи была опровергнута, но это ни мало не разсѣяло навѣянной ею грозы. Республиканскіе органы не только результатовъ этого слѣдствія не опубликовали, но до конца продолжали настаивать на своихъ первоначальныхъ обвиненіяхъ, и съ этого времени изъ неизвѣстнаго источника по всей странѣ, всѣмъ избирателямъ, ихъ женамъ и дочерямъ стали разсылаться печатныя брошюры, въ которыхъ приводились самыя ужасныя исторіи въ видахъ подтвержденія развращенности Кливелэнда и той распущенной жизни, которую онъ велъ въ Беффало и Альбани. Говоря объ этихъ брошюрахъ, здѣшнія газеты независимаго оттѣнка прямо заявляли, что содержаніе ихъ не только чистый вымыселъ, но въ иныхъ мѣстахъ простая перепечатка самыхъ скандальныхъ произведеній изъ Боккачіо. Какъ ни нелѣпы были эти обвиненія и какъ ни неумѣстны, они все же производили дѣйствіе ложки дегтя въ бочкѣ меда. Опровергать этого рода обвиненій было даже нельзя, такъ какъ нельзя было ихъ и допускать на столбцы чистыхъ газетъ и журналовъ. Сторонники Кливелэнда весьма основательно говорили, что погрѣшности въ частной жизни кандидата—хотя бы и доказанныя—не измѣняютъ его доблестнаго служенія народнымъ интересамъ и честнаго исполненія долга, наложеннаго выборною должностью. Нѣкоторыя изъ весьма уважаемыхъ газетъ дошли притомъ въ увлеченіи своемъ до того, что принялись доказывать, что погрѣшностей, въ которыхъ обвиняется Кливелэндъ, не былъ чуждъ почти ни одинъ изъ американскихъ и европейскихъ знаменитыхъ людей и патріотовъ.

Какъ бы то ни было, а кусокъ сала, брошенный въ президентскую кампанію, разростался въ огромное пятно. Одна мелкая демократическая газета „Индіана", не желая оставаться передъ республиканцами въ долгу, напечатала заявленія лицъ, утверждавшихъ что и съ мистеромъ Блэномъ и женой его не все обстояло благопо-

лучно до ихъ брака, вслѣдствіе чего она принуждена была оставить свое мѣсто сельской учительницы въ Кентукки, а братья ея впослѣдствіи заставили Блэна жениться на ней, употребивъ въ видѣ аргумента револьверы. Ни одна уважающая себя газета этой грязной сплетни не перепечатала, но мистеръ Блэнъ сдѣлалъ самъ оплошность, давъ своимъ адвокатамъ инструкціи преслѣдовать газету „Индіана" за клевету, ища съ нея 50,000 долларовъ вознагражденія за ущербъ, причиненный его репутаціи. Эта оплошность Блэна разомъ подлила масла въ огонь. Сплетнѣ данъ былъ дальнѣйшій ходъ. Около этого времени съ памятника надъ могилой перваго сына Блэна, умершаго въ дѣтствѣ съ четверть вѣка назадъ, соскоблено было неизвѣстною рукою число и годъ рожденія младенца. Кто говорилъ, что это сдѣлано друзьями Блэна, чтобы скрыть преждевременность рожденія этого сына; другіе же—и что правдоподобнѣе—приписывали это постыдное дѣйствіе рукѣ какого-нибудь фанатика-демократа, стремившагося наложить новую тѣнь на репутацію Блэна. Вопросъ этотъ такъ и остался неразъясненнымъ, и я упоминаю о немъ лишь для того, чтобы дать понятіе о томъ, до чего помутились всѣ умы партизановъ въ эту кампанію и до какихъ ужасныхъ излишествъ и забвенія всякихъ приличій доходятъ здѣсь разнузданныя человѣческія страсти.

Между тѣмъ, благодаря своей собственной — пылкой неосмотрительности, мистеръ Блэнъ попалъ изъ огня да въ полымя. Не припомню теперь послѣдовательнаго развитія этихъ грязныхъ навѣтовъ на интимную жизнь Блэна, такъ какъ мало кто придавалъ имъ значеніе: можно даже сказать, что въ дѣлѣ этомъ всѣ симпатіи общества были на сторонѣ Блэна, пока онъ самъ не счелъ нужнымъ напечатать письмо съ объясненіемъ, на основаніи чего сплетня возникла. По его словамъ, онъ вступилъ въ бракъ съ своею теперешнею женою въ Кентукки, въ 1850 году, не видался съ нею затѣмъ чуть-ли не годъ, затѣмъ перевезъ ее въ Пенсильванію. По прошествіи нѣкотораго времени до него дошли слухи, что бракъ его можетъ почитаться недѣйствительнымъ, такъ какъ по законамъ Кентукки требовалось предъявленіе разрѣшенія властей (a licence) на вступленіе въ бракъ—предосторожность, которую онъ совершенно упустилъ изъ вида. Чтобъ не оставлять такого важнаго вопроса подъ сомнѣніемъ, онъ рѣшился вновь обвѣнчаться съ женою; второй бракъ состоялся въ Пенсильваніи. Но — извѣстное дѣло, что нѣтъ ничего опаснѣе излишка поясненій. Письмо Блэна было перепечатано газетами всего союза. И что же? Изъ Кентукки пришло заявленіе о томъ, что законъ о брачныхъ разрѣшеніяхъ (licences) введенъ былъ въ Кентукки лишь въ 1853-мъ году, то-есть послѣ вторичнаго брака Блэна съ женой.

Расколъ въ старыхъ политическихъ партіяхъ не ограничился на этотъ разъ отпаденіемъ „независимыхъ" республиканцевъ отъ мистера Блэна. Не менѣе ненавистнымъ оказался и демократическій кандидатъ на президентство для извѣстныхъ слоевъ избирателей, издавна дѣйствовавшихъ за одно съ демократіей. Древняя политическая „машина" демократіи Нью-Іорка, ассоціація Таммани Голль рѣшительно противилась кандидатурѣ Кливелэнда и ворчливо отнеслась къ его назначенію. Таммани Голль, празднующая черезъ два года столѣтнюю годовщину своего учрежденія, составляетъ великую силу въ политическихъ сферахъ Нью-Іорка, располагая въ этомъ городѣ 60,000 избирательныхъ голосовъ. Глава Таммани Голль, ирландецъ Джонъ Келли, привыкъ имѣть рѣшающій голосъ на совѣтахъ демократіи, и требуетъ, какъ должное себѣ, извѣстное число городскихъ должностей для раздачи членамъ своей ассоціаціи. Кливелэндъ, выбранный губернаторомъ Нью-Іорка, смертельно оскорбилъ Джона Келли, не давъ ему для раздачи ни одной должности. „Независимые" были вполнѣ правы, заявляя въ Чикаго, что любятъ Кливелэнда изъ-за тѣхъ враговъ, которыхъ онъ себѣ нажилъ. Но въ періодъ президентской кампаніи Джонъ Келли—врагъ опасный; его, однако, же замирили тѣмъ, что выставили кандидатомъ демократіи на вице-президентство личнаго его друга, Гендрикса. Таммани Голль дулись въ теченіе мѣсяцевъ, но все же въ концѣ кампаніи все вліяніе свое употребили на избраніе Кливелэнда и Гендрикса.

Съ другой стороны, партія насильственнаго водворенія трезвости въ странѣ—такъ-называемые „прогибиціонисты" — выставила своего кандидата на президентство — Сентъ-Джона. Этотъ кандидатъ перетянулъ не мало голосовъ отъ мистера Блэна.

Былъ еще одинъ кандидатъ—или, вѣрнѣе говоря, кандидатка—на президентство, а именно, женщина-адвокатъ, миссисъ Бельва Локвудъ, выставленная партіей „Равныхъ Правъ".

Но эта кандидатура почиталась шутовствомъ и не снискала за себя ни одного голоса, хотя шаловливые молодые люди много разъ устраивали процессіи въ честь „Прекрасной Бельвы", расхаживая по улицамъ и маршируя подъ звуки музыки въ женскихъ костюмахъ, покроя „Mother Hubbard", возбуждая тѣмъ массу остротъ и шутокъ въ публикѣ и гомерическій смѣхъ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ новыхъ броженій въ политическихъ слояхъ страны, къ концу президентской кампаніи настоящаго года получилось чрезвычайно курьезное сочетаніе положеній, совершенно притомъ безпримѣрное въ исторіи страны.

Кандидатъ республиканской партіи Блэнъ утратилъ поддержку лучшей составной части своей партіи, такъ-называемыхъ „независи-

мыхъ", и притомъ лишился голосовъ „прогибиціонистовъ", всегда дотолѣ вотировавшихъ съ республиканцами. За то въ его пользу ревностно работали демократы-ирландцы, всегда почитавшіеся радикальными демократами.

Съ другой стороны, Кливелэндъ лишился поддержки рабочихъ, навлекъ на себя немилость демократической твердыни „Таммани Голль", лишился голосовъ ирландскихъ динамитчиковъ, но за то снискалъ просвѣщенную и энергичную поддержку „независимыхъ" республиканцевъ и извлекалъ для себя выгоду изъ отпаденія поборниковъ трезвости отъ Блэна, къ Сентъ-Джону.

Такимъ образомъ оказывалось, что если восторжествуетъ республиканецъ Блэнъ, то побѣдою своею онъ будетъ обязанъ недовольнымъ демократамъ ирландскаго происхожденія.

Если же президентство достанется демократу Кливелэнду, то состоится это благодаря тому, что за него, не жалѣя силъ, работали наилучшіе люди республиканской партіи.

Деморализація политическихъ партій достигла, казалось, высшаго своего развитія.

Таково было странное положеніе, занятое фигурами на шахматной доскѣ здѣшней политической арены.

Но вотъ наступилъ наконецъ и день выборовъ—4-е ноября. День былъ пасмурный — скоро пошелъ и дождь: демократы ободрились. Исходъ кампаніи зависѣлъ отъ того, за кого поданы будутъ 36 избирательныхъ голосовъ Нью-Іорка. Сельскіе округа этого штата почти всегда даютъ республиканское большинство, и фермеры республиканцы, полагаясь на это, не потрудятся въ дождливую погоду ѣхать за нѣсколько миль отъ дома подавать голоса; демократы же никогда не побоятся промочить ногъ, когда дѣло идетъ о подачѣ голоса за своего кандидата. По большимъ городамъ, гдѣ подача голосовъ легка и удобна—демократы и безъ того располагаютъ большинствомъ. За нѣсколько дней до выборовъ нью-іоркскій прокуроръ произвелъ не мало арестовъ такъ-называемыхъ „повторителей", т.-е. лицъ, которыя записываются жителями въ разныхъ участкахъ города и за плату, по нѣскольку разъ въ день, подаютъ голоса подъ именемъ различныхъ гражданъ. Обыкновенно эти повторители поднимаются на слѣдующую хитрость: заручившись отъ политическихъ агентовъ той или другой партіи именами гражданъ, рано изъ дома не выходящихъ, „повторитель" идетъ рано утромъ и подаетъ голосъ за одного изъ этихъ гражданъ: когда же тотъ приходитъ вотировать, то къ величайшему своему удивленію находитъ, что голосъ за него уже поданъ. Если онъ лично инспекторамъ выборовъ извѣстенъ, то его допускаютъ подать свой голосъ, но это не мѣшаетъ тому, чтобы мошенническій билетъ также вошелъ въ счетъ голосовъ.

За исключеніемъ этихъ продѣлокъ „повторителей", выборы прошли какъ нельзя болѣе чинно и мирно, хотя законъ, запрещающій въ этотъ день открывать до захода солнца кабаки и харчевни—нарушался повсемѣстно. Но американцы, извѣстное дѣло, въ совершенствѣ владѣютъ талантомъ пить много, но до буйства не допиваться. Къ вечеру лишь стало очевидно, до какой интенсивности доходитъ интересъ публики къ исходу выборовъ. Не смотря на ливмялившій дождь—никто не могъ усидѣть дома: паромы и мосты черезъ рѣки переполнены были сплошною толпою, двигающейся въ Нью-Іоркъ изъ сосѣднихъ городовъ, такъ что къ вечеру, по оцѣнкѣ людей привыкшихъ исчислять людскія сборища, на центральныхъ улицахъ Нью-Іорка и внизу города у редакцій большихъ газетъ толпилось болѣе милліона людей. Можно съ увѣренностью сказать, что въ этотъ первый и послѣдующіе за нимъ вечера по домамъ оставались лишь больные да малые дѣти.

И что это было за сборище! Настоящая американская толпа: чистая, чинная, остроумная, но и крайне притомъ добродушная. Передъ редакціями газетъ и квартирами національныхъ комитетовъ обѣихъ партій толпа стояла сплошная—плечомъ къ плечу — и несмотря на непереставшій дождикъ никто и зонтика не открывалъ, зная, что не столько тѣмъ себя защититъ, сколько наводнитъ сосѣдей. Въ ожиданіи того, когда на приготовленныхъ транспарантахъ станутъ выставляться получаемыя по телеграфу извѣстія насчетъ подачи голосовъ, толпа пробавлялась шуточками — незамѣтно было ничего враждебнаго, хотя мѣстами и пускались по вѣтру зажженныя бумажки, съ криками: „Сожгите это письмо, сожгите это письмо"... и нерѣдко раздавалась въ отвѣтъ насмѣшливая поговорка республиканцевъ: „Мама! гдѣ мой папа!" Единственныя вѣрныя извѣстія, которыхъ публика дождалась за этотъ вечеръ, заключались въ томъ, что вездѣ подавалось безпримѣрно большое число голосовъ, и голосованіе шло весьма ровно. Ночью демократическій комитетъ и независимыя редакціи газетъ стали сообщать о томъ, что побѣда склоняется на сторону Кливелэнда: но республиканцы продолжали выставлять на транспарантахъ своихъ цифры, благопріятныя Блэну. Толпа наводняла улицы до трехъ часовъ утра, когда вышло первое изданіе утреннихъ газетъ, но и отъ нихъ мало получилось утѣшенія: независимая и демократическая печать возвѣщала объ избраніи Кливелэнда, а республиканскія газеты вышли съ громкимъ заявленіемъ: „Блэнъ избранъ президентомъ! Блистательная республиканская побѣда!"

Во всемъ союзѣ тѣмъ временемъ спокойствіе ничѣмъ не нарушилось, за исключеніемъ мелкихъ стычекъ между отдѣльными демократами и республиканцами въ разныхъ мѣстахъ, разрѣшавшихся аре-

стомъ бунтовщиковъ. Въ Нью-Орлеанѣ дошло дѣло до того, впрочемъ, что въ уличной схваткѣ убито было нѣсколько негровъ, одинъ полисменъ и поранено нѣсколько человѣкъ.

Спокойнѣе всего за это время казался Кливелэндъ. На всѣ безпокойные запросы своихъ сторонниковъ онъ рѣшительно отвѣчалъ: „Я выбранъ президентомъ и займу свое мѣсто".

Внѣ Нью-Іорка демократы зорко слѣдили за своими интересами и нигдѣ не допустили республиканцевъ пользоваться своими оплошностями. Какъ республиканскій комитетъ ни оттягивалъ рѣшенія, а скоро пришлось заявить, что за Кливелэнда подали свои голоса всѣ 16 штатовъ „цѣльнаго Юга" (solid South) и 3 сѣверныхъ штата, а именно Индіана, Нью-Джерси и Коннектикутъ. Въ Нью-Іоркѣ голосованіе шло такъ равно, что онъ долго оставался подъ сомнѣніемъ —приходилось ждать оффиціальнаго счета голосовъ. Когда же наконецъ этотъ счетъ состоялся, то оказалось, что изъ милліона съ четвертью поданныхъ въ штатѣ голосовъ Кливелэндъ получилъ большинство всего въ 1,047 голосовъ! Изъ числа почти десяти милліоновъ голосовъ, поданныхъ во всемъ союзѣ, за Кливелэндомъ оказывается большинство около 38,000. Для того, чтобы быть избраннымъ президентомъ, кандидатъ долженъ получить по крайней мѣрѣ голосъ 201-го электора изъ 400-тъ электоровъ ото всѣхъ штатовъ, Кливелэндъ же получилъ на этихъ выборахъ 219 голосовъ электоровъ.

Дѣло смѣщенія зазнавшейся правительственной партіи совершилось, казалось, легче, чѣмъ кто-либо могъ предполагать; но это произошло лишь оттого, что лучшая, наиболѣе сознательная часть народа приложила къ тому свои силы. Было бы ошибочно приписывать только-что одержанную побѣду демократіи: это побѣда народа надъ „политической машиной", это — заявленіе властной воли хозяина, и хозяина сильнаго, которому не приходится еще поднимать шумъ на весь свѣтъ для того, чтобы настоять на своемъ у себя дома.

Есть что-то освѣжающее въ только-что происшедшихъ здѣсь событіяхъ, что-то ободряющее въ сознаніи того, что „всемогущій долларъ" не составляетъ еще сущности всего міросозерцанія американцевъ. Значеніе побѣды демократовъ отнюдь не состоитъ въ томъ, чтобы демократы превосходили республиканцевъ численностью; напротивъ того, хотя Кливелэндъ и получилъ на 38,000 болѣе голосовъ, чѣмъ Блэнъ, все же можно навѣрное сказать, что демократы уступаютъ численностью другимъ слоямъ, которые или прямо кормятся благостынями правительственной партіи, или же по личной трусости и эгоизму боялись возможнаго кризиса въ дѣлахъ при смѣщеніи этой партіи, и потому поддерживали ее во что бы то ни стало.

Благосостояніе послѣднихъ лѣтъ, казалось, повергло народъ въ апатію, сдѣлало для него безразличнымъ, кто и какъ бы ни правилъ страною, что бы ни дѣлалось по управленію, только бы его самого оставляли въ покоѣ наживаться. Люди патріотичные уже начинали отчаяваться, предсказывали близкое распаденіе республики по примѣру древнихъ республикъ. Но они, какъ оказывается, еще не знали своего народа.

Народъ не оставилъ непримѣченнымъ вопіющее преступленіе правительственной партіи въ 1876 году: онъ только выжидалъ свое время. Правительственная партія молила въ 1880 году о продленіи своей власти на основаніи того, что нечего странѣ отъ добра—добра искать; и народъ далъ ей еще четыре года сроку. Видя же теперь, что правительство не только не исправляетъ имъ же допущенныхъ злоупотребленій, не наказываетъ грабителей народа, но еще собирается выбрать президентомъ демагога Блэна, способнаго войти во внѣшнія военныя авантюры, лишь бы отклонить вниманіе народа отъ того, что происходитъ дома,—народъ, т.-е. все, что было въ немъ независимаго, осмысленнаго, энергичнаго, возстало какъ одинъ человѣкъ и свергло правительственную партію, цѣплявшуюся за власть всѣми своими присосами въ образѣ 110,000 федеральныхъ чиновниковъ и втрое большаго числа паразитовъ.

Народъ одержалъ побѣду безъ грохота, безъ шума, безъ баррикадъ, и съ спокойнымъ сознаніемъ своего могущества передаетъ управленіе страной другому своему слугѣ — старой демократіи, причемъ большинство тѣхъ лицъ, которыя наиболѣе всего поработали на достиженіе этого результата, преспокойно возвращается къ обычнымъ своимъ занятіямъ, не требуя себѣ ни чиновъ, ни награды, въ одномъ утѣшительномъ сознаніи исполненнаго гражданскаго долга.

Убѣдившись въ томъ, что вердиктъ его на этотъ разъ не подтасовался, народъ вернулся къ обычному своему расположенію безпечнаго пренебреженія ко всему, что не затрогиваетъ интересовъ настоящаго дня. Интересы же настоящаго дня, казалось, всѣ сосредоточивались теперь на разборѣ того, что заварено было въ теченіе этой увлекательной президентской кампаніи.

На первомъ планѣ, конечно, стояла расплата за пари. Не смотря на то, что законами многихъ штатовъ—и Нью-Іорка въ томъ числѣ—строго запрещается дѣлать исходъ выборовъ предлогомъ биться объ закладъ подъ страхомъ лишенія голоса всѣхъ участвующихъ въ пари, однакоже законъ этотъ никѣмъ во вниманіе не принимается, и трудно бы за всѣ послѣдніе мѣсяцы найти въ штатахъ мужчину или подростка, не державшаго пари за Кливелэнда или Блэна. Большинство пари составляется на новую шляпу или на новую пару платья; но этотъ методъ держится среди одной молодежи; болѣе дѣ-

ловые люди держатъ пари на чистыя деньги, начиная со ставки въ пять долларовъ и кончая тысячами, причемъ обѣ стороны при составленіи пари цѣликомъ вносятъ свою ставку и поручаютъ ее храненію третьяго лица, преимущественно отдаютъ ихъ въ кассы отелей или ресторановъ, куда привыкли заходить: въ теченіе одного вечера, какъ мнѣ лично извѣстно, въ одной кассѣ Astor House положено было до 50,000 долларовъ разными лицами на пари.

И никогда не бываетъ слышно, чтобы „третье лицо" или кассиръ нарушали довѣріе къ нимъ и исчезали со ввѣренными имъ фондами.

Но бываетъ не мало охотниковъ и до эксцентричныхъ пари. За эту президентскую кампанію почему-то вошло въ моду держать пари на то, чтобы оппонентъ, въ случаѣ проигрыша, провезъ выигравшаго пари на тачкѣ по городу. Въ чемъ кроется тутъ удовольствіе— въ томъ ли, чтобы служить предметомъ вниманія толпы, или просто въ желаніи даромъ покататься при необычайной обстановкѣ, судить не могу, но въ теченіе цѣлыхъ двухъ недѣль повсемѣстно по городамъ, въ самый разгаръ торговаго дня, въ самыхъ людныхъ кварталахъ появлялись вполнѣ респектабельные граждане, толкая передъ собою тачку, на которой возсѣдали не менѣе респектабельные и сіяющіе улыбками побѣдители. Не далѣе, какъ надняхъ въ скверѣ при здѣшней городской ратушѣ появился, сидя на грудѣ газетъ въ тачкѣ, редакторъ газеты „Boycotter", который не только видимо наслаждался своимъ привилегированнымъ положеніемъ, но еще обратилъ его въ рекламу, разбрасывая аплодирующей толпѣ экземпляры газеты своей. Возницей въ этомъ случаѣ состоялъ проигравшій пари типографщикъ.

Затѣмъ, на здѣшнихъ улицахъ появился одинъ биржевой маклеръ, уплачивая проигранное имъ пари тѣмъ, что расхаживалъ въ теченіе трехъ часовъ по городу, нося на спинѣ органъ и наигрывая популярные мотивы, къ вящшему восторгу публики, стекавшейся со всѣхъ сторонъ на призывъ дудки спеціально къ маклеру-органисту приставленнаго вожака.

Въ Бостонѣ состоялось пари на то, что проигравшій долженъ былъ съѣсть галку, въ видѣ практической иллюстраціи къ популярной поговоркѣ: to feast on crow — „несолоно хлебать". На этотъ разъ несолоно похлѣбавшій сторонникъ Блэна уплатилъ пари въ одномъ изъ лучшихъ бостонскихъ ресторановъ, куда выигравшій пари доставилъ собственноручно пристрѣленную галку. Пока собравшаяся веселая компанія ѣла прекрасный обѣдъ, запивая его шампанскимъ, проигравшій ѣлъ свою галку. Галка оказалась крупная, жирная, но проигравшій готовился къ этому пиру, два дня передъ тѣмъ придерживаясь строгаго воздержанія отъ пищи—и такъ усердно принялся за галку, что обглодалъ всѣ косточки, и объявилъ

ее превкусной. Этотъ аппетитъ возбудилъ даже подозрѣніе выигравшаго пари доктора, и тотъ призвалъ къ допросу буфетчика; этотъ послѣдній, однако, клятвенно подтвердилъ, что зажарена и подана была галка.

Демократы тѣмъ временемъ по всему союзу производили торжественныя демонстраціи, маршируя по городамъ процессіями съ факелами, пуская ракеты, подъ припѣвъ обычныхъ за эту кампанію ссылокъ на прошлое Блэна, и маршировали подъ припѣвъ: „Ma! where is my Pa? In the White House ha! ha! ha!". (Мама! гдѣ мой папа? — Въ Бѣломъ домѣ [1]) ха! ха! ха!). Во многихъ мѣстахъ, торжествуя свою побѣду, демократы устраивали гигантскихъ размѣровъ даровыя угощенія, такъ-называемыя barbecues, состоящія въ томъ что на кострахъ подъ открытымъ небомъ цѣликомъ зажариваются быки и бараны, и тутъ же поѣдаются присутствующими въ сопровожденіи обильной выпивки.

Республиканцы тѣмъ временемъ совершенно присмирѣли, выражая свое недовольство лишь тѣмъ, что въ той или другой мѣстности публично сожигали куклы, изображавшія собою прогибиціониста Сентъ-Джона, который, по ихъ мнѣнію, былъ причиною пораженія Блэна, вслѣдствіе того, что многіе республиканцы подавали голоса свои съ прогибиціонистами. Ортодоксальные же послѣдователи Сентъ-Джона, Бутлера и Бельвы Локвудъ вели себя тихо, и никто о нихъ со дня выборовъ почти ничего не слыхалъ, такъ какъ излюбленные кандидаты ихъ не получили ни одного электоральнаго голоса отъ штатовъ.

Одинъ мистеръ Блэнъ не успокоивался; онъ не могъ примириться со своимъ пораженіемъ, хотя, перечисляя причины своей неудачи, неизмѣнно заявлялъ, что скорбитъ лишь о смѣщеніи своей партіи, что же до него самого касается, то онъ слишкомъ близко стоялъ къ президентству въ 1881 году, присмотрѣлся къ тому, съ какими разочарованіями и опасностями оно сопряжено, и радъ возможности на досугѣ докончить свой обширный историческій трудъ: „Двадцать лѣтъ въ конгрессѣ".

Но что это довольство въ мистерѣ Блэнѣ не вполнѣ искренно, видно изъ того, какъ онъ попытался на дняхъ отомстить народу за свое пораженіе, сказавъ рѣчь, прямо разсчитанную на то, чтобы расшевелить народныя страсти и снова возбудить дремлющее, но еще не искорененное, взаимное недовѣріе между сѣверомъ и югомъ.

Рѣчь эта сама по себѣ должна составить выдающееся явленіе въ исторіи настоящей бурной президентской кампаніи; хорошо еще будетъ, если ядъ, введенный ею въ народный организмъ, не отзовется

[1]) Бѣлый Домъ—президентская резиденція въ Вашингтонѣ.

на послѣдующемъ развитіи исторіи страны. Сказана она была 18-го ноября въ городѣ Августѣ, штата Мэна, когда сосѣди и сограждане мистера Блэна собрались передъ его домомъ, выразить ему свое личное уваженіе и сожалѣніе по поводу того, что имъ не суждено имѣть его президентомъ.

Этикетъ здѣшнихъ политическихъ сферъ предписываетъ побѣжденнымъ безпрекословно преклоняться передъ разъ выраженнымъ народнымъ вердиктомъ, и этому неизмѣнно подчиняются всѣ крупные общественные дѣятели, но опять-таки, за исключеніемъ мистера Блэна, который не признаетъ для себя другихъ законовъ, кромѣ законовъ собственной воли, не признаетъ другого руководства, кромѣ руководства своихъ страстей, и вотъ послѣ выборовъ онъ произноситъ зажигательную рѣчь съ цѣлью раздуть старыя политическія ненависти, построенныя на антагонизмѣ Юга и Сѣвера.

Дѣло въ томъ, что республиканцы, сами вырыли ту яму, передъ которою они теперь остановились въ неподдѣльномъ ужасѣ, подъ вліяніемъ этой зажигательной рѣчи мистера Блэна. Ихъ вина—что Югъ, послѣ двадцати лѣтъ, истекшихъ послѣ войны, все еще является твердыней демократіи; некого имъ винить кромѣ себя и въ томъ, что за этотъ періодъ времени Югъ пріобрѣлъ такой вѣсъ во внутренней политикѣ страны.

Мало кто изъ заурядной публики интересовался исторіей Юга со времени подавленія его возстанія противъ союза съ сѣверными штатами. Въ 1865-мъ году междоусобная война, длившаяся цѣлыхъ четыре года, прекратилась, наконецъ, потому, что на сторонѣ южанъ почти всѣ взрослые люди были перебиты или поранены. Тогда какъ арміи сѣверянъ постоянно пополнялись ордами новобранцевъ изъ числа прибывающихъ эмигрантовъ [1]), ряды южанъ все рѣдѣли и пополняться имъ было уже не откуда, такъ какъ все способное носить оружіе пошло на войну по первому призыву и во многихъ семьяхъ не оставалось ни одного мужчины старше 16-ти и моложе 60-ти лѣтъ. Югу не оставалось другого исхода какъ покориться—и онъ сдался безусловно. Эмансипація негровъ—которая и о сю пору многими въ Европѣ приписывается филантропіи сѣверянъ—состоялась; но вызвана она была совсѣмъ не чувствомъ справедливости къ угнетеннымъ рабамъ, а была мѣрою военною, на которую Линкольнъ былъ вызванъ необходимостью. Здѣсь ни для кого не тайна, что президентъ-мученикъ въ началѣ совсѣмъ не сочувствовалъ освобожденію рабовъ, и что, напротивъ того, симпатіи его въ этомъ вопросѣ склонялись на сторону Юга, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ по семейнымъ связямъ при-

---

[1]) Мнѣ передавали, что нѣкоторые полки сѣверянъ за время войны состояли на двѣ трети изъ иностранцевъ, не понимающихъ англійскаго языка.

надлежалъ къ рабовладѣльческому Югу. Война, какъ извѣстно, велась изъ-за того, чтобы помѣшать одиннадцати рабовладѣльческимъ штатамъ отложиться отъ союза. Когда же негры были освобождены, то республиканцы воспользовались этимъ обстоятельствомъ и поспѣшили его обратить въ политическій капиталъ, неустанно внушая неграмъ, что нетолько имъ обязаны они своей свободой, но что свобода эта будетъ у нихъ отнята, лишь только демократамъ удастся снова вступить во власть. Подъ вліяніемъ этихъ ученій у невѣжественныхъ негровъ выработалось совершенно превратное понятіе о политическомъ положеніи большихъ партій въ странѣ; по ихъ понятію, самое наименованіе партіи „республиканской" свидѣтельствуетъ о томъ, что „республиканцы" олицетворяютъ собою законное правительство „республики"; демократы же—не болѣе какъ мятежники противъ федеральнаго правительства, хотя у себя дома, въ штатахъ южныхъ, негры нетолько мирились съ властью демократіи, но и признавали ее вполнѣ законной и умѣстной.

Но сѣверяне не удовольствовались разореніемъ плантаторовъ южанъ—они хотѣли сломить ихъ гордыню, поставить ихъ ниже ихъ прежнихъ рабовъ. Много въ свое время говорилось о великодушіи сѣверянъ, по поводу того, что они не стали конфисковать имѣній южанъ и ихъ личной собственности, не взыскали съ нихъ военной контрибуціи, не заставили вожаковъ возстанія жизнью своею поплатиться за измѣну союзу, а вновь, при окончаніи войны, приняли южанъ въ союзъ на правѣ равныхъ и братьевъ, сыновъ общаго отечества. Всѣ эти заявленія являются весьма поучительными на страницахъ школьныхъ руководствъ; на самомъ же дѣлѣ великодушіе это было миѳомъ, такъ какъ и основано оно было не на братскомъ чувствѣ всепрощенія, а на той злостной ненависти, которая проявляется лишь въ распряхъ членовъ одной семьи. Южане были приняты въ братскія объятія сѣверянъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ освобожденные негры вполнѣ уравнены были въ политическихъ правахъ своихъ съ бѣлыми южанами, съ прежними своими хозяевами. Такимъ образомъ, принимая одною рукою блуднаго брата въ объятія свои, Сѣверъ—другою рукою предательски вонзилъ въ бокъ брата кинжалъ. Зачѣмъ это было сдѣлано? Конечно, не потому, чтобъ политическая правоспособность негровъ вызвана была государственными соображеніями. Противъ радикальной мѣры этой возставали самые мудрые и опытные вожаки республиканской партіи, указывая на то, какъ опасно довѣрять избирательный голосъ милліонамъ вчерашнихъ рабовъ, стоящихъ еще на низшей степени человѣческаго развитія. Государственные люди видѣли, что орудіе это обоюдо-острое, но все же, повидимому, не оцѣняли всей его опасности для своей республиканской партіи. Распространеніе избирательнаго голоса на негровъ потрясло не одни одиннадцать мя-

тежныхъ штатовъ юга, но заставило къ нимъ пристать и тѣ пять рабовладѣльческихъ штатовъ, которые оставались вѣрными союзу. Всѣ эти шестнадцать южныхъ штатовъ сплотились какъ стѣна противъ ненавистнаго Сѣвера, а съ годами сдѣлались твердыней демократіи. По числу бѣлыхъ избирателей эти южные штаты имѣли право всего на 120 электоровъ для избранія президента. Когда же въ 1869-мъ году состоялась полная эмансипація негровъ, избирательное населеніе юга увеличилось до такой степени, что теперь эта сплоченная часть страны располагала уже 153-мя электорами изъ числа 401-го человѣка, входящихъ въ электоральную коллегію ото всѣхъ 38-ми штатовъ.

Республиканцы разсчитывали на то, что голоса негровъ юга будутъ всегда перевѣшивать выборы на ихъ сторону. Такъ оно и было въ теченіе восьми лѣтъ по окончаніи войны, когда разоренный югъ былъ наводненъ подонками сѣвернаго населенія, такъ-называемыми carpet-baggers [1]). Это былъ классъ людей, живущихъ ловлею рыбы въ мутной водѣ. Не имѣя ни опредѣленнаго занятія, ни имущества, эти люди пронюхали легкую наживу на югѣ, и двинулись туда съ сѣвера толпами, унося съ собою каждый все свое имущество въ одномъ сакъ-вояжѣ. Прибывая на югъ, эти carpet-baggers водворялись въ немъ совершеннѣйшими паразитами. Они тянули деньги и съ живого и мертваго; пользуясь невѣжественностью негровъ, они эксплуатировали и закабаляли ихъ изъ-за какого-нибудь десятка ссуженныхъ имъ долларовъ. Республиканцы не мѣшали своимъ carpet-baggers, открыто допуская ихъ „кормиться“ на югѣ, въ полной увѣренности, что это обезпечиваетъ имъ, республиканцамъ, политическое преобладаніе. Тѣ мѣстности Россіи, гдѣ жалуются на эксплуатацію сельскаго населенія евреями, могутъ по личному опыту судить о томъ, что пришлось перенести Югу отъ этихъ господъ — своихъ же бѣлыхъ янки. Южане, впрочемъ, никогда не ставятъ еврея на одну доску съ carpet-bagger'омъ: этотъ послѣдній признается вдесятеро хуже всякаго Шейлока.

Не довольствуясь личною наживой, carpet-baggers погнались наконецъ и за политическими почестями и вліяніемъ. Они подѣлили всѣ выборныя должности юга между собою и неграми, наводнили собою законодательныя собранія штатовъ, избирались въ конгрессъ, грабили штаты какъ только могли. Но эта политическая сатурналія продолжаться вѣчно не могла. Все, что было честнаго и работящаго на Югѣ, сплотилось противъ этого зла, и послѣ десятилѣтняго ига негровъ и carpet-baggers, свергло его, и водворилось у себя дома хозяевами. Carpet-baggers въ теченіе нѣкотораго времени имѣли

[1]) Carpet-bag—значитъ сакъ-вояжъ.

еще возможность эксплуатировать Югъ съ экономической стороны, но эра ихъ политическаго всемогущества миновала безвозвратно. Мѣстное самоуправленіе возвратилось къ первоначальному бѣлому населенію Юга, къ такъ-называемымъ на политическомъ жаргонѣ—бурбонамъ. Съ той поры 153 электора отъ южныхъ штатовъ неизмѣнно подавали свои голоса за кандидатовъ демократіи.

Что же касается до разсчетовъ республиканцевъ на голоса благодарныхъ негровъ, то и они оправдались не вполнѣ. Въ теченіе нѣкотораго времени по сверженіи ига carpet-baggers и негровъ, во многихъ мѣстностяхъ юга негры боялись показываться при мѣстахъ подачи голосовъ; бывали случаи, что бѣлые запугивали ихъ револьверами и кнутами. Но эта пора миновала.

Корреспонденты большихъ газетъ сѣвера единогласно свидѣтельствуютъ, что на только-что законченныхъ выборахъ негры въ большинствѣ южныхъ штатовъ ничѣмъ не были стѣснены въ свободѣ подачи своего голоса, но тѣмъ не менѣе очень немногіе изъ нихъ пользовались своими избирательными правами. Лишь весьма немногіе негры подаютъ голоса свои за демократовъ — большинство продолжаетъ стоять за республиканцевъ. Но дѣло въ томъ, что только исключительные негры интересуются политикой—мало кто изъ нихъ беретъ на себя трудъ записываться во-время и подавать голосъ на выборахъ. Оттого-то на югѣ демократы и располагаютъ такимъ подавляющимъ большинствомъ, которое всецѣло состоитъ изъ голосовъ бѣлыхъ людей. Тѣ же изъ негровъ, что рѣшаются подавать голосъ за демократію, подвергаются сильнѣйшей опасности отъ темнокожаго населенія страны: когда, по избраніи Кливелэнда въ демократической процессіи въ Ричмондѣ участвовало нѣсколько десятковъ марширующихъ негровъ, то ихъ со всѣхъ сторонъ ограждали отъ уличной толпы бѣлые демократы: иначе имъ это отступничество отъ республиканцевъ даромъ не прошло бы—негры разорвали бы ихъ на клочки.

Но долго ли суждено на югѣ держаться подобному рѣзкому распаденію мѣстнаго населенія на ту и другую партію? Негры крѣпко стоятъ пока за поддержку республиканцевъ во главѣ федеральнаго правительства, и только изъ-за того, что большинство негровъ такъ еще невѣжественно, что вѣритъ республиканскимъ агентамъ, которые имъ твердили, что лишь только демократы добьются избранія своего президента—они немедленно отмѣнятъ эмансипацію негровъ и закрѣпостятъ снова бывшихъ рабовъ. Во многихъ мѣстностяхъ Юга, негры были сильно перепуганы устойчивостью этихъ слуховъ; когда же объявлено было избраніе Кливелэнда, многіе вѣтренные бѣлые люди еще подлили масла въ огонь, въ шутку говоря неграмъ, что теперь ихъ пѣсенка спѣта, что всѣхъ ихъ погонятъ теперь на базаръ и

станутъ продавать съ молотка — по тысячѣ долларовъ за каждаго человѣка. Молодые и болѣе или менѣе цивилизованные негры большихъ городовъ этимъ угрозамъ не придавали значенія, хотя и боялись того, что предсказанія республиканцевъ сбудутся въ томъ отношеніи, что плата за работу негровъ будетъ демократами сбавлена болѣе чѣмъ на половину, и школы для негровъ уничтожены; что же касается сельскихъ округовъ, то тамъ среди прежнихъ невольниковъ возникла мѣстами совершенная паника. Многіе отправлялись къ прежнимъ своимъ хозяевамъ плантаторамъ, прося ихъ взять обратно, и не допустить ихъ быть проданными въ чужія руки. Въ одномъ же мѣстѣ одинъ старый негръ, натерпѣвшійся всякихъ ужасовъ отъ прежняго хозяина, такъ испугался перспективы рабства, что бросился и зарѣзалъ собственную корову, говоря: „пусть самъ я достаюсь своему хозяину—а коровы я ему не уступлю!“

Болѣе всего, казалось, боялись старые негры быть проданными въ рабство прежнихъ „carpet-baggers“ или сѣверянину вообще. И эта боязнь весьма рельефно оттѣняетъ воззрѣнія негра на бѣлыхъ Юга и Сѣвера. Сѣвернаго республиканца негръ почитаетъ своимъ освободителемъ и законнымъ покровителемъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ ему не довѣряетъ, вѣчно его остерегается, въ томъ убѣжденіи, что янки-сѣверянину — пальца въ ротъ не клади—неравно откуситъ; вообще негръ почитаетъ вѣчно занятаго, непосѣдливаго янки—плутомъ. Живя по близости прежнихъ плантацій своихъ хозяевъ, негры почитаютъ „господами“ лишь представителей прежнихъ семей плантаторовъ, съ презрѣніемъ отзываются о бѣлыхъ переселенцахъ съ сѣвера, выражая это презрѣніе даже тѣмъ, что не снисходятъ до того, чтобы запоминать фамиліи этихъ пришлецовъ и коверкаютъ ихъ, хотя бы тѣ семьи жили по сосѣдству съ ними цѣлые годы. Что же касается до старинныхъ плантаторскихъ семей юга, негры относятся къ членамъ ихъ не только съ уваженіемъ, но даже побаиваются ихъ, что не мѣшаетъ имъ гордиться качествами этихъ семей, передавать своимъ дѣтямъ и внукамъ семейныя традиціи своихъ прежнихъ господъ и являться къ этимъ послѣднимъ за помощью въ случаѣ нужды.

Съ своей стороны, южане изъ прежнихъ плантаторовъ и женщины ихъ среды, не подпуская близко къ себѣ сѣверянъ-плебеевъ и третируя ихъ, какъ низшаго разбора людей, относятся къ миграмъ чрезвычайно дружелюбно, даже сердечно. Объясненія этому надо отчасти, какъ мнѣ кажется, искать въ томъ, что негры напоминаютъ этимъ южанамъ о сладкой эпохѣ ихъ прежняго величія, и къ тому же, допуская себя до извѣстной доли фамильярности съ неграми, южане не боятся уронить свое достоинство.

Въ результатѣ такого оригинальнаго взаимнаго расположенія нег-

ровъ и бѣлыхъ является то, что переходъ власти по мѣстному управленію южныхъ штатовъ въ руки прежнихъ плантаторовъ—бурбоновъ, принятъ былъ неграми какъ нѣчто должное, не возбудилъ въ нихъ ни малѣйшаго неудовольствія, такъ какъ бѣлые южане несравненно умѣреннѣе пользовались своею властью, чѣмъ отщепенцы сѣвера carpet-baggers. Переходъ федеральнаго правительства въ руки демократовъ ошеломилъ теперь негровъ, возбудилъ въ нихъ нѣкоторыя опасенія за будущее. Когда же негры увидятъ, что интересы ихъ отъ этого перехода власти не страдаютъ, то это должно будетъ произвести совершенно новую диверсію въ томъ міросозерцаніи, которое усвоилось ими со словъ ихъ учителей-республиканцевъ.

По предсказанію одного уважаемаго южнаго пастора-негра, день 4-го ноября 1884 года, возвратившій власть демократамъ, будетъ впослѣдствіи почитаться днемъ конечной политической эмансипаціи негровъ, которые до сей поры состояли въ кабалѣ у республиканцевъ во всемъ, что касалось ихъ правъ избирательныхъ. Отнынѣ, по убѣжденію многихъ образованныхъ негровъ, ихъ земляки займутъ въ политикѣ положеніе независимое, и заживется имъ тогда лучше, такъ какъ обѣ большія партіи будутъ стараться заслужить расположеніе негровъ и снискать ихъ голоса за своихъ кандидатовъ.

Мнѣ пришлось остановиться нѣсколько подробно на взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ политическихъ слоевъ населенія на югѣ, и это потому, что въ настоящее время все указываетъ на то, что положеніе дѣлъ на югѣ будетъ косвеннымъ образомъ отражаться на многихъ мѣрахъ, принимаемыхъ союзнымъ правительствомъ до той поры, пока подъ вліяніемъ новой группировки партій и новыхъ условій, не завершится, наконецъ, то броженіе, которымъ сопровождается водворившееся перерожденіе когда-то мятежнаго Юга.

Мистеръ Блэнъ, съ обычною догадливостью своей, будетъ, конечно, пользоваться неустойчивымъ положеніемъ дѣлъ на югѣ, обращая его въ политическій для себя капиталъ и тѣмъ устраивая препятствія на пути новаго правительства, и въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. По всему даже видно, что онъ вовсе не собирается вести жизнь литературнаго анахорета, такъ какъ переѣзжаетъ въ Уашингтонъ въ той, какъ говорятъ, надеждѣ, что вокругъ него тамъ соберется все, что уцѣлѣло отъ разбитыхъ, но еще не разсѣянныхъ республиканскихъ силъ.

Трудныя, очевидно, предстоятъ Кливелэнду задачи въ теченіе четырехъ лѣтъ его администраціи.

В. Макъ-Гаханъ.

1-е декабря 1884.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е января 1885.

— Родъ Шереметевыхъ. Александра Барсукова. Книга четвертая. Спб. 1884.

Въ „Литературномъ обозрѣніи" В. Евр. не разъ уже говорилось о трудѣ г. Барсукова. Вышедшій нынѣ 4-й томъ его исторіи ведется тѣмъ же порядкомъ. Это—подробный разсказъ событій, политическихъ, придворныхъ, бытовыхъ, гдѣ Шереметевы принимали какое-либо участіе. Мы уже замѣчали прежде, что разработка частной, фамильной исторіи составляетъ весьма важное дополненіе исторіи общей, такъ какъ можетъ доставить много подробностей, рисующихъ въ особенности внутренній бытъ эпохи, черты нравовъ и, наконецъ, личные характеры историческихъ дѣятелей. Такихъ оригинальныхъ подробностей не мало мы видѣли въ 3-мъ томѣ книги г. Барсукова. Но этотъ родъ исторіи имѣетъ свои предѣлы, которыхъ нельзя переступать, не вредя задачѣ: надо избѣгать излишества. Нѣчто подобное можно замѣтить въ настоящемъ томѣ исторіи: онъ заключаетъ въ себѣ разсказъ не болѣе какъ о 50-тыхъ годахъ XVII вѣка, и въ разсказѣ передаются не только тѣ событія, гдѣ Шереметевы были видными дѣятелями, но и вообще случаи, гдѣ они какимъ-либо образомъ участвовали, хотя бы случаи были неважные,—напримѣръ, не только походы, гдѣ совершались ими крупныя военныя дѣла, но и простые случаи, какъ царскіе обѣды, гдѣ Шереметевы „смотрѣли въ большой столъ" или „въ кривой столъ", по современному выраженію. О послѣднемъ можно было бы упомянуть кратко, между тѣмъ, авторъ, чтобы упомянуть объ исполненіи придворной службы, разсказываетъ и всѣ поводы, по которымъ былъ этотъ царскій столъ и которые не имѣли иногда къ этой придворной службѣ никакого отношенія. На нашъ взглядъ, это—излишество.

Настоящій томъ опять не лишенъ любопытныхъ бытовыхъ подробностей, собранныхъ частью изъ источниковъ извѣстныхъ, частью появляющихся вновь изъ архивныхъ матеріаловъ, напр., изъ неизданныхъ бумагъ государственнаго архива. Упоминая объ извѣстіяхъ Олеарія, авторъ находитъ, что этотъ писатель „не пожалѣлъ черныхъ

красокъ для изображенія нравовъ и обычаевъ русскихъ, преимущественно простолюдиновъ", и хотя мало говоритъ о людяхъ знатныхъ, но „ясно, что не простираетъ на нихъ своихъ общихъ и слишкомъ строгихъ сужденій о грубости и невѣжествѣ современныхъ ему русскихъ". Въ доказательство г. Барсуковъ напоминаетъ отзывы Олеарія о бояринѣ Никитѣ Ивановичѣ Романовѣ и Васильѣ Петровичѣ Шереметевѣ; въ послѣднемъ Олеарій хвалитъ его любезную обходительность. Но Олеарій въ отзывахъ о русской жизни мало отличается отъ другихъ авторитетныхъ путешественниковъ стараго времени: у Герберштейна, Флетчера, Майерберга эти отзывы не болѣе мягки. Трудно назвать мнѣнія Олеарія и слишкомъ строгими, потому что его мнѣнія подтверждаются не только разсказами другихъ иностранцевъ, но и русскими источниками. Понятная вещь, что несмотря на низкую степень образованія между русскими людьми, знатными и незнатными, могли быть и были люди достойные, большого ума, высокаго характера, и примѣры подобнаго рода не разъ приводятся у иностранныхъ писателей, и у самого Олеарія, котораго авторъ считаетъ слишкомъ строгимъ; но рядомъ съ этими достоинствами все-таки существовала грубость нравовъ и недостатокъ образованія, которые извѣстны и мимо Олеарія. Г. Барсуковъ приводитъ, между прочимъ, такой образчикъ старинныхъ обычаевъ. При отпускной аудіенціи цесарскихъ пословъ Аллегрети и Лорбаха, послы были приглашены къ царскому столу. Самъ царь Алексѣй Михайловичъ поднялъ чашу за здоровье цесаря; затѣмъ заздравную чашу поднимали нѣсколько царевичей (грузинскіе, касимовскіе, сибирскіе), потомъ бояре и другіе чиновные люди: „послы должны были каждый разъ выпивать чашу до дна и, вышедъ изъ-за стола, бить челомъ государю". Въ такомъ же порядкѣ выпито было за государево здоровье. Затѣмъ, по церемоніалу, слѣдовало пить посламъ за боярское здоровье, а боярамъ—за цесаревыхъ думныхъ людей; но эта часть церемоніи уже не могла быть исполнена: цесарскіе послы не выдержали. Въ разрядной записи отмѣчено: „И послы про бояръ, а бояре про пословъ не пили, потому что послы, обрадовався государевы милости, упились пьяни и пошли изъ палаты вскорѣ безпамятно". Послѣ стола назначалось раздать посламъ царскіе подарки и вручить отпускную грамоту, но это было отложено до другого дня, „для того, что послы упились гораздо". Царь велѣлъ отвезти пословъ домой въ каретѣ. „А корета была посломъ для того,—поясняется въ третій разъ въ разрядной записи,—что они, послы, были пьяни". Но и этимъ не кончилось. По обычаю, означавшему царскую милость, къ посламъ былъ отправленъ ближній бояринъ еще поподчивать пословъ на ихъ дворѣ; при этомъ посылаемому давалась обыкновенно точная инструкція, какъ и чтó онъ долженъ говорить; инструк-

ція дана была и на этотъ разъ,—но порученіе опять не могло быть исполнено: бояринъ тотчасъ же вернулся съ посольскаго двора назадъ, объявивъ, что „совсѣмъ не потчивалъ пословъ, для того, что они пьяни“ (стр. 257—258). Такъ „обрадовались“ послы, по отзыву разрядной записи; но оказывается, что когда впослѣдствіи (на литовскомъ походѣ царя, въ Полоцкѣ) посламъ предстояло опять испытать эту радость, то послы, помня московское угощенье, уклонились отъ чести обѣдать за государевымъ столомъ: „послы пришли къ столу и били челомъ, чтобы государь пожаловалъ ихъ, не велѣлъ имъ быть у своего государева стола“. Челобитье было уважено (стр. 271).

— Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи. (Исторія эпидемій X—XVIII вв.). В. Эккерманъ. Казань, 1884.

Наши историки давно уже обращали вниманіе на предметъ, выбранный г. Эккерманомъ для своего изслѣдованія, но ограничивались обыкновенно только тѣмъ, что отмѣчали указанные лѣтописью годы моровыхъ язвъ, безъ дальнѣйшихъ сопоставленій. Г. Эккерманъ ставитъ вопросъ съ историко-медицинской точки зрѣнія: онъ внимательно выбралъ изъ лѣтописей всѣ упоминанія объ эпидемическихъ болѣзняхъ, сопоставилъ ихъ съ тѣмъ, что̀ извѣстно съ среднихъ вѣковъ объ эпидеміяхъ въ западной Европѣ и на Востокѣ, и сближая эти свѣденія, старается опредѣлить вѣроятный ходъ эпидемій, и насколько возможно, самый характеръ болѣзней. Въ западной литературѣ этотъ предметъ имѣетъ уже цѣлую литературу, и нашъ авторъ относительно западной Европы и Востока могъ воспользоваться цѣлымъ рядомъ изслѣдованій—Шнуррера, Гекера, Мартина, Гирша и т. д. При помощи этой литературы г. Эккерманъ дѣлаетъ весьма вѣроятныя сопоставленія русскихъ эпидемій съ тѣми, какія опустошали около тѣхъ же временъ западную Европу, и отмѣчаетъ самые пути, какими шли моровыя язвы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда эпидемія шла изъ Европы, онъ указываетъ, что у насъ исходнымъ пунктомъ эпидемій бывали Новгородъ и Псковъ, по ихъ торговымъ связямъ съ Западомъ. Авторъ обращалъ вниманіе также на извѣстія объ особенныхъ атмосферическихъ явленіяхъ, такъ какъ теперь начинаютъ предполагать, что эпидеміи находятся съ ними въ какомъ-то соотношеніи; но за скудостью свѣденій здѣсь трудно было прійти къ какому-нибудь точному заключенію. Наконецъ, авторъ касается и общаго вопроса о характерѣ и послѣдствіяхъ эпидемій, насколько исторія нашихъ моровыхъ язвъ могла давать объ этомъ указанія;—но наши лѣтописныя извѣстія объ эпидеміяхъ вообще такъ кратки, что изъ нихъ можно извлечь очень немногое въ этомъ отношеніи.

Во всякомъ случаѣ, книжка г. Эккермана не лишена серьезнаго

историческаго интереса; но жаль, что обращаясь къ русской старинѣ, роясь въ лѣтописяхъ, авторъ не позаботился лучше ознакомиться со старымъ русскимъ языкомъ, что̀ предупредило бы нѣкоторыя грубыя ошибки. Напр. въ извѣстномъ лѣтописномъ разсказѣ о моровой язвѣ въ Полоцкѣ 1092 года, г. Эккерманъ переводитъ старое слово „тутьнъ“—„туманъ“, когда оно значитъ: шумъ; слово „навье“ онъ переводитъ „наяву“, когда это значитъ: мертвецъ; слово „корста“, по его мнѣнію, значитъ—крестъ и т. п. Избѣжать этихъ ошибокъ было бы не трудно при нѣкоторомъ вниманіи къ дѣлу.

—М. Ѳ. Раевскій и россійскій панславизмъ. Споминка зъ пережитого и передуманого, списавъ Корнило Н. Устіяновичъ. У Львовѣ, 1884.

Какъ видитъ читатель по заглавію, мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ произведеній галицкой литературы и такимъ, которое должно затрогивать старый, избитый и въ особенности вкривь и вкось перевранный и вѣроятно многимъ страшно надоѣвшій вопросъ о панславизмѣ —русскомъ или австрійскомъ,—и объ украинофильствѣ. На читателя сколько-нибудь безпристрастнаго должна, вообще производить чрезвычайно странное впечатлѣніе вся постановка этого дѣла въ нашей литературѣ: въ извѣстныхъ „органахъ“ нашей печати давно рѣшено и подписано, что украинофильство есть зловредное направленіе и что, къ сожалѣнію и удивленію, есть, однако, приверженцы этого направленія въ Галиціи,—хотя тамъ противъ нихъ борются такіе достойные дѣятели, какъ недавно посѣтившій Россію г. Площанскій... Но, не говоря о томъ, что „свѣдущіе люди“ рѣшали судьбу украинофильства на русской почвѣ—хотя бы и не освѣдомившись о различныхъ мнѣніяхъ его защитниковъ (потому что эти мнѣнія, какъ и естественно въ живомъ вопросѣ, дѣлятся на весьма несходныя категоріи), любопытно, что они рѣшили этотъ вопросъ и для Руси галицкой, о которой обыкновенно они знаютъ очень мало. Правда, въ послѣднемъ случаѣ могутъ ссылаться на авторитетъ г. Площанскаго; но должно думать, что въ столь серьезномъ предметѣ не мѣшало бы справиться также о мнѣніяхъ другихъ галичанъ,—потому что г. Площанскій у себя дома вовсе не есть такой нравственно-политическій и литературный авторитетъ, чтобы затѣмъ можно было не обращать вниманія на другія мнѣнія. А въ галицкой литературѣ и обществѣ есть мнѣнія, раздѣляемыя очень большимъ числомъ галицкихъ патріотовъ и совсѣмъ противоположныя взглядамъ г. Площанскаго. Кромѣ того, свѣдущіе люди забываютъ еще одно обстоятельство: если и у насъ такъ называемое украинофильство есть вовсе не одна кабинетная теорія, выдуманная произвольно, то тѣмъ болѣе въ Галиціи вопросы о томъ или другомъ направленіи литературы и полагаемаго на нее

труда составляютъ самое реальное жизненное дѣло, связанное съ самыми серьезными вопросами внутренняго политическаго положенія, и самаго существованія галицко-русской народности. Эти вопросы очень сложны и переплетены, и рѣшая ихъ, такъ сказать, съ маху, можно очень ошибиться и, стремясь, повидимому, услужить интересамъ галицко-русскаго народа, можно, пожалуй, услужить его врагамъ.— Положеніе дѣйствительно спутанное до-нельзя. Въ древней исторіи Галичъ есть часть сáмой подлинной русской земли; съ XIV вѣка галицкое королевство становится польскимъ владѣніемъ, и высшій классъ населенія ополячивается, народъ остается русскимъ, т.-е. южно-русскимъ; съ распаденіемъ Польши, Галиція становится австрійской провинціей, гдѣ сѣверо-западный край — польскій, юго-восточный — русскій, и польская народность господствуетъ. Со времени славянскаго возрожденія, когда и у галичанъ возникло народное движеніе, они остаются въ недоумѣніи: чтò такое ихъ народность, какія ея настоящія историческія воспоминанія и источники, куда примкнуть ближайшимъ народническимъ симпатіямъ галичанъ въ современномъ составѣ русскаго племени? Примкнуть къ народности русской имперіи, т.-е. собственно великорусской? но она образовалась въ государство и націю уже послѣ того, какъ порвалась старая историческая связь; эта народность чужда галичанамъ и по языку и по характеру народа, и единственное звено, ихъ сближающее, есть книжное движеніе XVII вѣка; къ народности южно-русской въ Россіи? но ея старина также пала и новое малорусское возрожденіе совершилось въ условіяхъ чуждыхъ галицкой Руси; правда, малорусская литература не всегда понятна по содержанію, но близка, даже тождественна по народному языку; это могъ бы быть естественный союзъ, но въ самой Россіи малорусская литература составляетъ что-то неопредѣленное, безправное и, наконецъ, преслѣдуемое оффиціально и осуждаемое тѣми славянолюбцами, которыхъ галичане должны были, вслѣдъ за другими славянскими братьями, считать наилучшими представителями славянскихъ чувствъ. Одна доля галицкихъ патріотовъ стала на сторону панруссизма,—хотя плохо знала русскій языкъ и литературу; другая, чувствуя, что русскій языкъ чуждъ народной массѣ, для которой именно и нужно было работать, держалась своихъ ближайшихъ преданій, стала писать на народномъ языкѣ, и тѣмъ сблизилась съ нашимъ украинофильскимъ движеніемъ. Въ конституціонной Австріи наступила и для Галиціи извѣстная политическая свобода; но тѣмъ не менѣе оставалось тоже трудное внутреннее положеніе: политическое вліяніе оставалось въ рукахъ поляковъ, которымъ принадлежало и преобладаніе средствъ матеріальныхъ; народное движеніе было крайне затруднено и враждебнымъ по преданію отношеніемъ польскаго элемента, и политической нераз-

витостью и слабостью народа, и недовѣріемъ власти, которая подозрительно смотрѣла на племенныя сочувствія галицко-русскихъ патріотовъ, которыя, въ ихъ обѣихъ фракціяхъ, направлялись къ Россіи. Далѣе, присоединялось дѣленіе религіозное: католицизмъ, уніатство и православное преданіе. Наконецъ, въ сосѣдствѣ была Русь венгерская, съ ея особеннымъ положеніемъ... Дѣятель галицко-русскій, выступая на службу своему обществу, оказывался на перекресткѣ, откуда расходилось нѣсколько дорогъ въ противоположныя стороны: онъ могъ, съ полнымъ убѣжденіемъ, видѣть благо и спасеніе своего народа или въ присоединеніи къ обще-русскимъ симпатіямъ (такъ называемый панруссизмъ) или въ союзѣ съ украинофильствомъ, во враждѣ съ поляками или въ сближеніи съ болѣе мирной долей польскаго общества, въ уніатствѣ или въ православіи и т. д., и надъ всѣмъ одинаково долженъ былъ у него стоять обязательный австрійскій патріотизмъ (который въ прежнія времена бывалъ ярмомъ, а теперь, въ конституціонныя времена, бываетъ даже предметомъ гордости, — какъ у автора названной книжки, стр. 49). Въ послѣдніе годы народолюбивыя стремленія приняли еще новое направленіе — соціализмъ, убѣжденіе, что никакая народная политическая и общественная цѣль не можетъ быть достигнута, если прежде всего силы общества не направятся на улучшеніе матеріальнаго быта народной массы...

Для общественнаго дѣятеля, который искренно отдается интересамъ своего народа, выборъ той или другой точки зрѣнія есть, какъ видимъ, не вопросъ одной кабинетной теоріи, а трудное дѣло самой жизни, результатъ ея требованій и внутренней борьбы. Въ обществѣ, какъ галицко-русское, поставленномъ въ чрезвычайно запутанныя условія, бѣдномъ средствами, моральными и матеріальными, окруженномъ сильными противниками, эта внутренняя борьба особенно трудна —и чтобы судить о галицкихъ партіяхъ, нужно вникнуть въ это положеніе вещей. Того требовала бы простая добросовѣстность; къ сожалѣнію, тѣ, кто берется судить у насъ о галицкихъ дѣлахъ, обыкновенно не считаютъ нужнымъ удостоивать эти вещи своего вниманія. Можно представить, какъ справедливы бываютъ тогда ихъ сужденія.

Книжка Устіяновича, какъ видно по заглавію, написана по поводу смерти протоіерея Раевскаго, прожившаго нѣсколько десятковъ лѣтъ въ Вѣнѣ и очень извѣстнаго въ славянскомъ, особливо православномъ, мірѣ Австріи. Многочисленные некрологи, явившіеся у насъ, еще не вполнѣ выяснили своеобразное положеніе Раевскаго въ славянскомъ обществѣ, онъ пользовался большой популярностью у однихъ, недовѣріемъ у другихъ; иные считали его тайнымъ политическимъ агентомъ—или правительства, или „московскаго панславизма". Вѣрно то, что онъ исповѣдывалъ взгляды, представляемые у

насъ славянскимъ комитетомъ, — съ тѣми непослѣдовательностями и противорѣчіями, какія принадлежатъ этимъ взглядамъ. Это и было то, что авторъ книжки называетъ „россійскимъ панславизмомъ". Устіяновичъ,—одинъ изъ замѣтныхъ писателей современной галицкой литературы,—не имѣлъ въ виду какого-нибудь полнаго разсказа о дѣятельности Раевскаго; онъ нашелъ въ ней только поводъ къ разсказу о своихъ личныхъ впечатлѣніяхъ и испытаніяхъ въ средѣ галицкаго народнаго движенія, между разными его направленіями и партіями. Этотъ разсказъ мы очень рекомендовали бы прочесть тѣмъ, кто берется у насъ рѣшать галицкіе и украинофильскіе вопросы. Устіяновичъ разсказываетъ длинную, и очень интересную исторію своихъ народническихъ взглядовъ, въ теченіе которой онъ увлекался то тѣми, то другими теоріями, и потомъ разочаровывался въ нихъ, когда видѣлъ ихъ внутренній смыслъ и практическія примѣненія. Онъ началъ именно съ увлеченій „россійскимъ панславизмомъ", которому онъ, еще юношей, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, поучался у Раевскаго,—онъ увлекался стихотвореніями Хомякова и видѣлъ въ нихъ откровеніе, у себя дома сочувствовалъ той партіи, которая проповѣдывала „панруссизмъ"; впослѣдствіи Устіяновичу случилось познакомиться съ другими сторонами дѣла,—отъ Бронислава Залѣскаго онъ услышалъ о Шевченкѣ, о которомъ раньше имѣлъ только смутное представленіе; затѣмъ онъ бывалъ въ Россіи, видѣлъ дѣятельность своихъ земляковъ въ Холмѣ, бывалъ въ Петербургѣ, жилъ нѣкоторое время въ Кіевѣ, гдѣ встрѣчалъ людей самыхъ противоположныхъ направленій — отъ г. Юзефовича до украинофиловъ и мелькомъ видѣлъ даже настоящихъ соціалистовъ; наконецъ, ему случилось побывать въ Буковинѣ и въ Румыніи, и тамъ встрѣчать своихъ земляковъ. Въ результатѣ, взгляды его совершенно измѣнились; если и прежде, въ эпоху своего наибольшаго увлеченія „панруссизмомъ", онъ долженъ былъ съ прискорбіемъ замѣчать, что его соотечественникамъ невразумителенъ языкъ стихотвореній Хомякова, то теперь онъ окончательно убѣдился, что русская жизнь слишкомъ далека отъ народныхъ интересовъ его родины и что панруссизмъ даже представляетъ для нихъ самыя серьезныя препятствія; роль галичанъ въ Россіи представлялась ему очень жалкой, а иногда даже презрѣнной; положеніе русскаго украинофильства разрушало иллюзіи о славянскомъ братствѣ; какъ мы выше замѣтили, онъ даже чувствовалъ нѣкоторую гордость своимъ австрійскимъ „гражданствомъ". Наконецъ, онъ увѣрился, что для своего народа онъ долженъ работать на живомъ языкѣ этого народа, а не на искусственно и недостаточно перенятомъ языкѣ другого народа, и работать въ его ближайшихъ, насущныхъ интересахъ, не задаваясь от-

влеченными теоріями, слишкомъ мало находившими опоры и подтвержденія въ дѣйствительности.

Эта исповѣдь написана очень искренно и раскрываетъ галицкую жизнь съ тѣхъ сторонъ, которыя у насъ очень недостаточно извѣстны—иногда даже тѣмъ людямъ, которые безапелляціонно порѣшили галицкій вопросъ. Къ сожалѣнію, для русскихъ читателей книжка Устіяновича будетъ не всегда понятна: авторъ имѣлъ въ виду только свою публику и предполагаетъ извѣстными разныя лица и событія галицкой современной жизни, между тѣмъ для русскихъ читателей галицкая современная исторія и литература извѣстны очень мало, и разсказъ потребовалъ бы комментаріевъ.—А. В—нъ.

— Георгъ Майръ. Законосообразности въ общественной жизни. Перевелъ съ нѣмецкаго Н. Романовъ. Тамбовъ, 1884.

Заглавіе книги, переведенной г. Романовымъ, даетъ не совсѣмъ вѣрное понятіе объ ея содержаніи; въ дѣйствительности она трактуетъ не столько о законосообразностяхъ общественной жизни, сколько о спеціальныхъ пріемахъ и выводахъ статистики. Самостоятельныя разсужденія Георга Майра не отличаются ни оригинальностью, ни глубиною; трудъ его можетъ только служить полезнымъ руководствомъ для собирателей и изслѣдователей статистическихъ данныхъ. Важность статистики въ различныхъ областяхъ ея примѣненія сознается у насъ уже давно; у насъ существуютъ весьма цѣнныя статистическія изданія и работы, которыя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ считаются образцовыми даже для западной Европы,—напримѣръ, работы нѣкоторыхъ земствъ и особенно московскаго, по вопросамъ народнаго хозяйства. Чувствуется, однако, недостатокъ въ единствѣ пріемовъ, а иногда и отсутствіе научной подготовки, при большомъ практическомъ умѣньи; многое достигается собственнымъ опытомъ и навыкомъ, тогда какъ было бы гораздо легче и удобнѣе пользоваться готовыми техническими правилами и способами, выработанными практикою и наукою другихъ странъ. Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ признать вполнѣ цѣлесообразнымъ изданіе въ русскомъ переводѣ лучшихъ иностранныхъ сочиненій по теоріи статистики.

Въ сочиненіи Майра подробно разбираются задачи и методы статистическихъ изслѣдованій, пріемы собиранія, изложенія и распредѣленія данныхъ, способы графическаго изображенія ихъ въ діаграммахъ и картограммахъ, а затѣмъ съ особенною обстоятельностью излагаются начала статистики народонаселенія (стр. 87—206). Для русскихъ читателей книга имѣетъ одно неудобство: авторъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ баварскую статистику и пользуется преимущественно ея матеріалами, удѣляя слишкомъ мало вниманія ста-

тистикѣ другихъ государствъ. Но такъ какъ дѣло не въ матеріалахъ, а въ способахъ разработки ихъ, то это неудобство не умаляетъ значенія существенныхъ отдѣловъ книги. Во всякомъ случаѣ трудъ Георга Майра не будетъ у насъ лишнимъ, не смотря на существованіе у насъ весьма почтенныхъ самостоятельныхъ курсовъ статистики—проф. Янсона, Симоненко, Бунге.

— Руководство коммерческой экономіи для учениковъ коммерческихъ отдѣленій въ реальныхъ училищахъ. Составилъ Д. Моревъ. С.-Петербургъ, 1884.

Преподаваніе политической экономіи въ такихъ заведеніяхъ, какъ реальныя и коммерческія училища, представляетъ большія трудности; нужно умѣть разобраться среди различныхъ и часто противоположныхъ теорій при изложеніи общихъ началъ науки, избѣгать сомнительныхъ пунктовъ и обходить щекотливые вопросы, издавна раздѣляющіе экономистовъ на нѣсколько школъ и направленій. Мы не говоримъ уже о необходимости яснаго и точнаго языка, отъ котораго зависитъ все значеніе подобныхъ учебниковъ; нигдѣ характеръ изложенія не играетъ такой важной роли, какъ въ популярныхъ книгахъ по общественнымъ наукамъ.

Съ этой точки зрѣнія руководство г. Морева должно быть признано вполнѣ удовлетворительнымъ; оно даетъ именно столько, сколько требуется для ознакомленія учащихся и читателей съ основными началами хозяйственной и промышленной жизни, и притомъ даетъ это въ формѣ общедоступной и ясной, не пускаясь въ критическую оцѣнку фактовъ и въ рискованныя отвлеченныя разсужденія. Иногда авторъ уже черезъ-чуръ краткокъ; онъ довольствуется напримѣръ сухимъ перечисленіемъ функцій городскихъ общественныхъ банковъ, которымъ посвящено всего полторы странички (стр. 198—9), а о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ упоминается только въ нѣсколькихъ словахъ, въ концѣ главы о банкахъ (стр. 207). Впрочемъ, авторъ долженъ былъ строго придерживаться утвержденной министерствомъ примѣрной программы политической экономіи для реальныхъ училищъ, и въ эту программу, быть можетъ, не входятъ еще свѣденія о недавно-учрежденномъ крестьянскомъ банкѣ; но относительно городскихъ общественныхъ банковъ слѣдовало-бы ожидать большей обстоятельности. Въ учебникѣ не приведено также свѣденій о формальной и юридической сторонѣ векселя, равно какъ и о торговой несостоятельности: въ этомъ случаѣ авторъ руководствовался тѣмъ соображеніемъ, что указанные „вопросы не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ политической экономіи“, и что дѣйствующіе законы по этимъ предметамъ должны быть замѣнены въ скоромъ времени новыми уставами. Г. Моревъ желалъ придать своей книгѣ значеніе „систематическаго

цѣлаго“, а не простого „сборника разныхъ практически полезныхъ для коммерсанта свѣденій, ничѣмъ между собою не связанныхъ и лишенныхъ необходимой научной основы“. Задача выполнена успѣшно съ несомнѣнным тактомъ и знаніемъ дѣла.

— Будда, его жизнь, ученіе и община. Сочиненіе Германа Ольденберга. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва, 1884.

Интересъ къ буддизму значительно усилился въ новѣйшее время, въ связи съ развитіемъ и распространеніемъ болѣе усовершенствованныхъ пессимистическихъ ученій въ западной Европѣ. Разработка древнѣйшей индусской литературы, сдѣлавшая такіе громадные успѣхи въ послѣдніе годы, открываетъ намъ доступъ къ пониманію и оцѣнкѣ любопытнѣйшихъ философскихъ и общественныхъ движеній въ жизни стараго человѣчества, за многіе вѣка до-христіанской эры. Книга Ольденберга читается почти какъ романъ, хотя она составляетъ въ тоже время ученый трудъ, съ массою ссылокъ на санскритскіе источники.

Преданія о личности Будды, объ его поученіяхъ и объ общинѣ его послѣдователей переносятъ насъ въ особый міръ, дышущій поэзіею и спокойною, созерцательною мыслью; многія легенды, приводимыя въ буквальномъ переводѣ, производятъ впечатлѣніе настоящихъ художественныхъ произведеній. Жаль только, что русскій переводчикъ употребляетъ слова и выраженія отчасти тяжелыя и неблагозвучныя, —какъ напримѣръ „мыслеразвитіе“, „правоуряженный“, „язычество“ (отъ „я“) и т. п.; тутъ нуженъ былъ переводъ болѣе легкій, безъ сомнительныхъ нововведеній, въ родѣ приведенныхъ.

Книга Ольденберга распадается на три обширныхъ отдѣла — о жизни Будды, объ ученіяхъ буддизма и объ общинѣ его учениковъ. Въ пространномъ введеніи авторъ объясняетъ состояніе Индіи до появленія Будды, разсказываетъ объ индійскихъ вѣрованіяхъ и понятіяхъ, о душескитаніи и искупленіи, объ аскетизмѣ и монашествѣ. Жизнь и дѣятельность Будды описаны очень картинно, въ цѣломъ рядѣ очерковъ; самыя ученія буддизма изложены не догматически, а въ видѣ сказаній и разговоровъ, записанныхъ учениками и позднѣйшими послѣдователями Будды. Не мало интереснаго сообщается также въ главахъ объ общинной жизни буддистовъ. Въ концѣ книги приложены спеціальныя разсужденія о вадійской и буддистской культурахъ, объ исторіи юности Будды и о нѣкоторыхъ вопросахъ индійской догматики.—Л. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е января, 1885.

Трудность опредѣлить характеристическія черты нашей общественной жизни.—Есть ли поводъ къ „разочарованію" въ могуществѣ науки и общественныхъ порядковъ, къ „великой скорби" о настоящемъ и будущемъ?—Значеніе „подражательности" въ исторіи русской мысли за послѣднюю четверть вѣка.—Нѣсколько словъ по поводу недавнихъ уголовныхъ процессовъ.

Положеніе дѣлъ въ области политики гораздо легче обнять однимъ взглядомъ, опредѣлить немногими чертами, чѣмъ положеніе дѣлъ въ области общественной жизни. Господствующее настроеніе въ политикѣ всегда выражается конкретными фактами или отсутствіемъ фактовъ, не менѣе знаменательнымъ; въ общественной жизни можетъ и не быть господствующаго настроенія, или оно можетъ проявляться въ признакахъ крайне сбивчивыхъ, едва уловимыхъ. У насъ въ Россіи первая изъ намѣченныхъ нами задачъ представляется, сравнительно, еще болѣе легкой, вторая—еще болѣе трудной, чѣмъ на западѣ Европы. Дѣятельный факторъ въ политикѣ у насъ только одинъ; указать сдѣланное и предпринятое имъ въ данный періодъ времени, напомнить высказанныя имъ намѣренія и взгляды—значитъ набросать довольно полную картину, почти не требующую дорисовки на основаніи другихъ источниковъ. Факторовъ общественной жизни у насъ, конечно, не больше, чѣмъ у нашихъ сосѣдей — скорѣе наоборотъ, но тамъ ничто не мѣшаетъ ихъ проявленію, а слѣдовательно и ихъ изученію. У насъ они сплошь и рядомъ существуютъ „въ скрытомъ состояніи", едва доступные для глаза, переплетенные, спутанные другъ съ другомъ, не выдѣлившіеся въ нѣчто опредѣленное и цѣльное. Даже тогда, когда они болѣе или менѣе свободно выступаютъ на сцену, степень вліятельности и распространенности ихъ остается не вполнѣ выясненной, потому что для нея нѣтъ точныхъ критеріевъ, потому что борющимся между собою элементамъ недостаетъ способовъ повѣрки собственной силы. Ограничимся однимъ примѣромъ, весьма характеристичнымъ. Едва ли найдется хоть одинъ образованный русскій человѣкъ, который бы ничего не слышалъ о перемѣнѣ, происшедшей въ міросозерцаніи графа Л. Н. Толстого; но многимъ ли извѣстны тѣ сочиненія нашего великаго писателя, въ которыхъ выразилась эта перемѣна? Знаемъ ли мы что-нибудь о впечатлѣніи, ими произведенномъ? Можемъ ли мы судить о томъ, на какую почву они упали, гдѣ и въ комъ нашли отголосокъ, къ какимъ привели практическимъ результатамъ? Такія недоумѣнія возможны, мыслимы только въ Россіи; во всякой другой цивилизо-

ванной странѣ они давно были бы разрѣшены жизнью. Только у насъ остаются подъ спудомъ теченія, идущія изъ самой глубины душевнаго міра; только у насъ проходятъ цѣлые годы, прежде чѣмъ станетъ общимъ достояніемъ мысль, работающая въ умахъ и двигающая сердцами. Неосуществимой поэтому была бы теперь всякая попытка опредѣлить точную, такъ сказать, ситуацію русской общественной жизни въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ; наблюденію поддаются только отдѣльныя ея особенности, и то подъ условіемъ большой осторожности въ выводахъ изъ неизбѣжно-неполныхъ данныхъ. Одна изъ такихъ особенностей была указана недавно въ трудѣ К. Д. Кавелина, напечатанномъ въ нашемъ журналѣ [1]): это—усиленный интересъ къ вопросамъ нравственности, къ задачамъ этики. Раздѣляя вполнѣ основную мысль глубоко уважаемаго нами писателя, мы хотимъ только разсмотрѣть поближе одну ея сторону, имѣющую непосредственное отношеніе къ затронутой нами тэмѣ.

„Кто изъ поборниковъ науки — спрашиваетъ К. Д. Кавелинъ въ введеніи къ своему этюду — не былъ, лѣтъ тридцать тому назадъ, непоколебимо убѣжденъ, что знаніе, просвѣщеніе, хорошіе общественные порядки, сами собою воспитаютъ нравственность и добродѣтель въ сознаніи и сердцахъ людей? Кому изъ нихъ не думалось, что культура, основанная на знаніи, должна навсегда упразднить и преданія, и этику, дѣлая ихъ ненужными?.. Теперь приходится убѣждаться, что цивилизація и культура только дрессируютъ и полируютъ людей снаружи, въ ихъ сношеніяхъ съ другими людьми и обществомъ, что внѣ этихъ отношеній и бокъ-о-бокъ съ культурой и цивилизаціей могутъ уживаться самыя чудовищныя страсти, самые гнусные и отвратительные пороки, самые звѣрскіе инстинкты. Гдѣ же, послѣ того, всемогущество культуры и цивилизаціи? Какое разочарованіе! Оно не могло не поколебать вѣры въ науку, не разстроить густыхъ рядовъ ея безусловныхъ приверженцевъ, бодро шедшихъ впередъ подъ ея развернутымъ знаменемъ“. Намъ кажется, что разочарованіе на самомъ дѣлѣ вовсе не такъ велико, и что вѣра въ науку можетъ и не колебаться. Внезапные перевороты, громадные скачки, такъ-называемые changements à vue, не принадлежатъ къ числу догматовъ этой вѣры—а между тѣмъ, „воспитаніе нравственности и добродѣтели“, законченное или хотя бы замѣтно подвинутое впередъ въ нѣсколько десятилѣтій, было бы именно чѣмъ-то въ родѣ театральнаго превращенія. Въ исторіи человѣчества тридцать лѣтъ — немногимъ болѣе одной минуты. Вліяніе знанія, культуры, хорошихъ общественныхъ порядковъ, можетъ быть, по самому своему свойству,

[1]) „Задачи этики, при современныхъ условіяхъ знанія“, „Вѣстникъ Европы“ 1884 г., №№ 10, 11 и 12.

не инымъ, какъ крайне медленнымъ; требовать отъ него быстро зрѣющихъ плодовъ, значило бы не быть „приверженцемъ науки“. Настолько ли, притомъ, распространилось, въ послѣднія тридцать лѣтъ, знаніе, процвѣла культура, улучшились общественные порядки, чтобы можно было разсчитывать на рѣшительный, сообразно съ этимъ, прогрессъ нравственности и испытывать разочарованіе, не видя такого прогресса? Не только въ Россіи—даже въ западной Европѣ не произошло съ пятидесятыхъ годовъ, въ этомъ отношеніи, особенно крупной перемѣны. При отсутствіи или слабомъ дѣйствіи причины нельзя, очевидно, ожидать и ощутительныхъ послѣдствій. Мы не отрицаемъ существованія тѣхъ увлеченій, о которыхъ говоритъ К. Д. Кавелинъ; мы думаемъ только, что они—за самыми, развѣ, немногими исключеніями—не шли слишкомъ далеко, не обѣщали, въ близкомъ будущемъ, господства нравственности, основанной на знаніи.

Изъ числа писателей пятидесятыхъ годовъ никто не проповѣдывалъ болѣе пламенно воспитательную силу знанія и культуры, чѣмъ Бокль—и никто больше его не способствовалъ популярности этой доктрины въ нашемъ русскомъ обществѣ. Ученіе Бокля, безъ сомнѣнія, не было свободно отъ односторонности—но не одной же только модой объясняется, однако, власть, на время пріобрѣтенная имъ надъ умами. Мы едва ли ошибемся, если увидимъ главную разгадку этой власти въ одномъ фактѣ, рѣзко бросавшемся въ глаза читателямъ „Исторіи цивилизаціи въ Англіи“. Высшее нравственное ученіе, никѣмъ не превзойденное, возвѣщено міру болѣе восемнадцати вѣковъ тому назадъ—и какъ невелика, все-таки, сумма нравственности, которою съ тѣхъ поръ располагалъ и теперь располагаетъ міръ! Какъ шатки тѣ данныя, изъ которыхъ можно выводить постепенное увеличеніе этой суммы!... Отсюда оставался только одинъ шагъ до заключенія, что залогъ роста нравственности слѣдуетъ искать въ другихъ условіяхъ, наступившихъ сравнительно недавно и постоянно распространяющихся въ ширь и глубь, съ неудержимой силой. Въ этомъ заключеніи была большая доля правды; главная ошибка, къ которой оно привело, состояла въ пренебреженіи однимъ факторомъ изъ-за другого. Противъ этой ошибки и направлена реакція, констатируемая и поддерживаемая К. Д. Кавелинымъ—реакція вполнѣ законная, лишь бы только она не ударилась въ противоположную крайность. Ничего подобнаго въ „Задачахъ этики“ мы не видимъ; почтенный ихъ авторъ признаетъ вполнѣ и цѣну науки, и силу общественныхъ порядковъ—онъ настаиваетъ только на томъ, что на одномъ объективномъ знаніи, какъ и на одномъ внѣшнемъ устройствѣ взаимныхъ человѣческихъ отношеній, личная нравственность построена быть не можетъ. Это совершенно справедливо; но съ не меньшей настойчивостью слѣдуетъ, какъ намъ кажется, выставлять на видъ и другую

сторону медали, т.-е. громадную важность опоры, находимой нравственными идеалами и въ объективномъ знаніи, и въ общественныхъ порядкахъ. У насъ легче, чѣмъ гдѣ-либо, могутъ найтись люди, готовые провозглашать, съ злораднымъ или наивнымъ торжествомъ, безсиліе науки, тщету политическаго и соціальнаго прогресса. Въ виду недоразумѣній, могущихъ возникнуть съ этой стороны, полезно напомнить лишній разъ, что если знаніе и культура — не гарантія нравственности, даже не необходимое, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, условіе ея, то въ общемъ выводѣ она все-таки имѣетъ въ нихъ союзниковъ могущественныхъ и незамѣнимыхъ. Откуда, напримѣръ, идутъ тѣ звѣрскія преступленія, отъ которыхъ по временамъ приходятъ въ ужасъ цивилизованныя страны? Современная наука объясняетъ ихъ, между прочимъ, такъ-называемымъ атавизмомъ, т.-е. проявленіемъ инстинктовъ, таящихся въ человѣкѣ, какъ наслѣдіе его отдаленныхъ предковъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что по мѣрѣ распространенія культуры, по мѣрѣ смягченія нравовъ растетъ, въ общей сложности, уваженіе къ человѣческой жизни, укрѣпляются мирныя привычки, рѣже выступаютъ наружу необузданные порывы животной страсти. На основаніи закона наслѣдственности, все это должно отразиться на будущихъ поколѣніяхъ—отразиться, конечно, не скоро, но тѣмъ не менѣе неизбѣжно. Нетрудно себѣ представить, какую службу должно сослужить въ этомъ отношеніи хотя бы прекращеніе войнъ, уже теперь гораздо болѣе рѣдкихъ, чѣмъ два-три столѣтія тому назадъ.

Есть въ „Задачахъ этики" еще одно мѣсто, которое можно отнести къ характеристикѣ настоящаго времени. „Глубокій разврать и великая скорбь, быстро овладѣвающіе міромъ,—говоритъ К. Д. Кавелинъ,—невольно напоминаютъ состояніе рода человѣческаго за двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, точно будто снова мракъ начинаетъ падать на землю и людей". Картины этого рода рисовались много разъ, въ разныя времена, при разныхъ обстоятельствахъ —рисовались весьма часто лучшими людьми эпохи, глубоко потрясенными зрѣлищемъ торжествующаго зла, рисовались и поэтами, пораженными аналогіей тѣхъ или другихъ явленій. „Nous sommes aussi vieux qu'au jour de ta naissance", восклицалъ, полъ-вѣка тому назадъ, Альфредъ Мюссе въ своемъ знаменитомъ обращеніи къ Христу („Rolla", глава первая); „nous attendons autant, nous avons plus perdu; plus livide et plus froid, dans son cercueil immense, pour la seconde fois Lazare est étendu... Mais l'espérance humaine est lasse d'être mère et, le sein tout meurtri d'avoir tant allaité, elle fait son repos de sa stérilité". Не доказываетъ ли, однако, самая періодичность подобныхъ жалобъ, что въ основаніи ихъ лежитъ невольное преувеличе-

ніе? Намъ кажется, что между эпохой упадка античной цивилизаціи и исходомъ девятнадцатаго вѣка существуетъ — не говоря уже о всѣхъ другихъ—одно въ высшей степени важное различіе. Въ средѣ тогдашняго цивилизованнаго общества—если разсматривать его какъ одно цѣлое—не было и слѣда внутренней преобразовательной работы; отношеніе къ данному общественному строю было совершенно пассивное, индифферентное, инертное, и перспектива чего-то лучшаго открывалась не въ мірѣ, а внѣ міра. Наше время, наоборотъ, полно движенія; нѣтъ такого направленія, въ которомъ не производилось бы поисковъ и развѣдокъ, нѣтъ такой задачи, надъ которой не трудилась бы мысль—мысль не только критическая, но и творческая, созидающая. Многими овладѣваетъ, правда, „великая скорбь" — но это далеко не всегда скорбь отчаянія; иныхъ угнетаетъ отдаленность завѣтной цѣли, другихъ — смутное предчувствіе тяжелой борьбы, третьихъ—необходимость разрыва съ дорогими убѣжденіями. Пессимизмъ—только одна сторона современнаго міросозерцанія, и едва ли господствующая его сторона. Далеки отъ пессимизма и тѣ заключительные выводы, къ которымъ приходитъ авторъ „Задачъ этики". Горизонтъ, раскрываемый имъ передъ нами, широкъ и свѣтелъ; онъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ „выходомъ"—выходомъ изъ жизни—который виднѣлся, какъ единственное утѣшеніе, мыслителямъ одряхлѣвшаго античнаго міра.

Продолжая искать въ текущей литературѣ указаній на отличительныя черты русской общественной жизни, мы переходимъ отъ „Задачъ этики" къ статьѣ г. Н. Данилевскаго: „Происхожденіе нашего нигилизма" („Русь" №№ 22 и 23). Переходъ оказывается весьма рѣзкимъ; насколько силенъ подъемъ мысли въ изслѣдованіи К. Д. Кавелина, настолько ограничена почва, на которой оперируетъ г. Данилевскій. Аргументація его не лишена, однако, своеобразнаго интереса. Основная мысль автора, какъ и слѣдовало ожидать отъ сотрудника „Руси", заключается въ томъ, что источникъ русскаго нигилизма —русская подражательность. Онъ развиваетъ эту мысль по всѣмъ правиламъ діалектики, сначала подкрѣпляя ее прямыми доказательствами, потомъ опровергая возраженія, которыя могли бы быть приведены противъ нея. Прямыя доказательства—это ссылка на отсутствіе у насъ всѣхъ тѣхъ условій, которыя вызвали нигилизмъ на западѣ Европы: католицизма, феодализма, метафизики, за господствомъ которыхъ должно было послѣдовать, по закону реакціи и контраста, отрицаніе въ области религіозной, политической и философской. Возраженія, ослабляющія, повидимому, силу прямыхъ доказательствъ — это распространенность нигилизма въ нашей интеллигенціи, внезапное появленіе и быстрый ростъ его, сосредоточеніе подражательной способности именно на немъ, а не на какомъ-нибудь другомъ изъ многочислен-

ныхъ созданій западно-европейской мысли. Опроверженія г. Данилевскаго сводятся къ слѣдующему. Западная жизнь въ своемъ долговременномъ и славномъ развитіи не могла не породить сильной приверженности и любви къ различнымъ фазисамъ или этапамъ своей эволюціи; каждый изъ нихъ до сихъ поръ сохраняетъ своихъ приверженцевъ. У насъ, вслѣдствіе нашей подражательности, этого нѣтъ: отсюда большее, сравнительно, число лицъ, поддавшихся вліянію нигилизма. Внезапное появленіе его объясняется тѣмъ, что почва для него была подготовлена „западничествомъ“ сороковыхъ годовъ, вытравившимъ изъ умовъ всякія начала самобытности. „Умы, такимъ образомъ настроенные, были какъ губка, готовая всосать въ себя жидкость, или какъ пустой сосудъ, ожидающій своего содержанія и готовый всею силою пустоты втянуть его въ себя, лишь только ему будетъ дано прикоснуться къ нему своимъ горлышкомъ“. Прикосновеніе это совершилось въ концѣ пятидесятыхъ годовъ—и втянуто было то содержаніе, которое всего больше соотвѣтствовало пустотѣ сосуда. „Подражательность, по самому своему существу, характеризуется самою крайнею радикальностью“—и притомъ такою радикальностью, которая набрасывается на такъ называемое „послѣднее слово“ жизни и науки. Кто „клянется словами учителя, тотъ можетъ клясться вѣдь только его послѣдними словами, а не тѣми, которыя онъ самъ уже отвергъ“. Послѣднимъ словомъ европейской жизни, четверть вѣка тому назадъ, былъ нигилизмъ—понятно, что за нигилизмъ и должна была ухватиться наша подражательность. Успѣху его содѣйствовало вынужденное молчаніе славянофиловъ; еслибы они могли говорить съ тою свободой, которою пользовались проповѣдники „неопредѣленно-западническихъ и даже прямо нигилистическихъ идей“, то „нигилизмъ не занялъ бы господствующаго положенія въ нашей интеллигенціи“. Сообразно съ этимъ предлагается г. Данилевскимъ и способъ леченья—„обращеніе къ самобытности во всѣхъ сферахъ мысли и жизни“.

Итакъ, подражательность, какъ болѣзнь, самобытность, какъ лекарство—вотъ формула, выводимая г. Данилевскимъ изъ изученія нашей современной общественной жизни. Откуда же взялась, однако эта подражательность, откуда она заимствовала свою силу? Отъ недостатка „приверженности и любви къ различнымъ фазисамъ и этапамъ нашей эволюціи“. Но вѣдь это объясненіе ничего не объясняющее, или лучше, сказать, въ свою очередь требующее объясненія. „У насъ,—восклицаетъ г. Данилевскій,—любви къ прошедшей жизни не было и не могло быть тамъ, гдѣ мысль была настроена подражательно, ибо подражательность необходимо предполагаетъ отсутствіе любви къ своему. Еслибы она сохранилась, то какъ бы бросили свое и обратились къ чужому?“ Но отчего же не сохранилась „любовь къ

своему", гдѣ первоначальный источникъ „подражательнаго настроенія мысли"? Вотъ вопросъ, съ разрѣшенія котораго слѣдовало бы начать—а г. Данилевскій его даже не ставитъ. Нельзя же вообразить себѣ, что русское общество ни съ того, ни съ сего повернулось спиной къ прошедшимъ „фазисамъ и этапамъ своей эволюціи". Еслибы въ этихъ фазисахъ и этапахъ таилась крупная притягательная сила, никакой толчокъ сверху не могъ бы оторвать отъ нихъ столько умовъ и сердецъ. Ссылкою на фазисы и этапы г. Данилевскій доказалъ гораздо больше, чѣмъ хотѣлъ доказать, или доказалъ совершенно иное: онъ затронулъ, самъ того не желая, слабую сторону той доктрины, которой онъ служитъ. Дѣйствительно, въ нашемъ прошедшемъ мало моментовъ, на которыхъ охотно останавливалось бы воспоминаніе, къ которымъ легко приковывалось бы чувство. Это фактъ, котораго нельзя ни устранить, ни обойти; о немъ можно только забыть—но забвеніе дается не каждому, и во всякомъ случаѣ не дается по заказу. Если исторія не воспитала въ насъ того нѣжнаго отношенія къ старинѣ, которое у нашихъ сосѣдей называется непереводимымъ словомъ Pietät, то ему не откуда взяться теперь, сколько бы ни прилагалось къ тому запоздалой заботы. „Западничество,—увѣряютъ насъ,—вытравило изъ умовъ всякія начала самобытности"; но вытравить можно только то, что есть—а гдѣ признаки самобытности, существовавшей въ умахъ до появленія западничества? Мы подчеркиваемъ выраженіе: въ умахъ, потому что нельзя же считать умственною самобытностью совокупность непродуманныхъ привычекъ и механически усвоенныхъ взглядовъ.

Авторъ „Россіи и Европы" [1]) приписываетъ западничеству нѣчто еще болѣе странное, чѣмъ „вытравленіе" чего-то не существовавшаго; онъ выставляетъ его какимъ-то воздушнымъ насосомъ, произведшимъ пустоту и ничѣмъ ее не наполнившимъ. Итакъ западничество не имѣло никакихъ положительныхъ идеаловъ? Оно проповѣдывало подражательность вообще, подражательность an sich, неизвѣстно чему и неизвѣстно кому? По-истинѣ удивительная проповѣдь—тѣмъ болѣе удивительная, что она, по словамъ г. Данилевскаго, увѣнчалась успѣхомъ, многихъ убѣдила, сдѣлалась исходной точкой дальнѣйшаго движенія. Для чего г. Данилевскому понадобился такой абсурдъ—это понять нетрудно. Ему нужно было доказать абсолютный характеръ нашего подражанія,—подражанія, исключающаго всякое критическое отношеніе къ своимъ образцамъ. Онъ понимаетъ, что такое подражаніе несовмѣстно съ выборомъ образцевъ—и вотъ, для того, чтобы заставить насъ повѣрить отсутствію

[1]) Такъ называется изданная лѣтъ 10—12 тому назадъ книга, въ которой г. Данилевскій систематически изложилъ свое ученіе.

выбора, онъ и возлагаетъ на западничество роль фабриканта пустыхъ сосудовъ, ожидающихъ содержанія и жаждущихъ втянуть его въ себя. Что же, однако, мѣшало этимъ сосудамъ тотчасъ же утолить свою жажду? Развѣ западъ — этотъ до краю полный сосудъ, или, лучше сказать, эта громадная коллекція переполненныхъ сосудовъ—былъ для нихъ недоступенъ, развѣ они не могли прильнуть къ нему „своимъ горлышкомъ?" Безъ сомнѣнія, могли, и постоянно пользовались этой возможностью; не нужно быть свидѣтелемъ сороковыхъ годовъ или знатокомъ ихъ исторіи, чтобы помнить, какое живое общеніе существовало въ то время, не смотря на всѣ заставы и перегородки, между русскимъ образованнымъ обществомъ и западно-европейскою мыслью. Объ этотъ простой и безспорный фактъ разбивается въ дребезги вся метафора „пустыхъ сосудовъ", а вслѣдъ за нею—и фикція объ отсутствіи выбора. „Западничество" уже потому одному никогда не было и не могло быть проповѣдью отвлеченной подражательности, что оно всегда обнимало собою нѣсколько различныхъ направленій, весьма далекихъ одно отъ другого. Допустимъ, что каждое изъ нихъ созидало свою систему исключительно изъ западно-европейскаго матеріала—но матеріалъ-то они во всякомъ случаѣ брали не одинъ и тотъ же. Каждый изъ строителей работалъ на виду у другихъ, подвергаясь ихъ критикѣ и самъ ихъ критикуя—а гдѣ критика, тамъ не можетъ быть безсознательнаго, рабскаго подражанія; это признаетъ, въ принципѣ, и г. Данилевскій.

Если сосуды, къ концу пятидесятыхъ годовъ, не были пусты, то сама собою падаетъ гипотеза о наполненіи ихъ наирадикальнѣйшимъ содержаніемъ только потому, что оно наирадикальнѣйшее. Несостоятельность этой гипотезы можетъ быть доказана и другими путями. Еслибы западничество было посылкой, нигилизмъ—необходимымъ изъ нея заключеніемъ, то всѣ западники—за исключеніемъ только покоившихся и обратившихся—поголовно очутились бы въ лагерѣ нигилистовъ. Ничего подобнаго не произошло, опять-таки потому, что не было ни предварительной пустоты, ни послѣдующаго общаго припаданія къ „горлышку" ультра-радикализма. Подъ именемъ „западничества", какъ мы имѣли случай показать еще недавно, соединяется до сихъ поръ множество различныхъ ученій, соотвѣтствующихъ чуть не всѣмъ цвѣтамъ радуги. На сторонѣ какого цвѣта стояло и стоитъ большинство „западниковъ"—это опредѣлить мы не беремся, по причинамъ, указаннымъ въ началѣ хроники; глубоко убѣждены мы только въ одномъ—что первое мѣсто, съ этой точки зрѣнія, принадлежитъ не красному цвѣту. Недоказаннымъ является, далѣе, и то положеніе г. Данилевскаго, что въ моментъ „наполненія пустыхъ сосудовъ" послѣднимъ словомъ западно-европейской жизни былъ именно нигилизмъ или ультра-радикализмъ.

Матеріалистическія доктрины, въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ, имѣли, безспорно, видныхъ представителей въ Германіи—но не были чѣмъ-то небывалымъ, только что открытымъ, моднымъ, привлекательнымъ своею новизною. Онѣ ничѣмъ существенно не отличались отъ французскаго матеріализма XVIII-го вѣка, отголоски котораго доходили и до Россіи; что касается до радикализма политическаго и соціальнаго, то онъ обрѣтался въ то время не въ авантажѣ, не гремѣлъ и не шумѣлъ, не обращалъ на себя общаго вниманія. Лассаль и Марксъ только-что выступали на сцену, Прудонъ, Луи-Бланъ, тѣмъ болѣе Сенъ-Симонъ и Фурье, были отодвинуты въ сторону; господствующими созвѣздіями были національная идея и парламентаризмъ въ политикѣ, естественная гармонія отношеній въ политической экономіи. „Учитель" еще и не думалъ тогда отрекаться отъ поклоненія этимъ созвѣздіямъ, какъ отрекается отъ него, болѣе или менѣе, въ настоящее время.

Приверженцу старины слѣдовало бы обращаться съ прошедшимъ нѣсколько бережнѣе, чѣмъ это дѣлаетъ г. Данилевскій. Послушавъ его, можно подумать, что наша исторія за послѣдніе полъ-вѣка исчерпывается слѣдующими чертами: сначала идетъ выкачиваніе воздуха, образованіе пустоты, причемъ западническій воздушный насосъ пользуется одобреніемъ и сочувствіемъ цензуры и высшей полицейской власти [1]); потомъ начинается наполненіе пустоты нигилизмомъ; въ продолженіе обоихъ фазисовъ процесса единственному возможному его противовѣсу—славянофильству, предоставляется только покрывать своими изданіями, какъ костями, „скорбный путь русскаго самобытнаго направленія". Мы очень хорошо помнимъ печальныя судьбы славянофильской прессы; для насъ всегда было непонятно то ослѣпленіе, вслѣдствіе котораго была запрещена „Москва" и болѣе десяти лѣтъ не могла возобновиться литературная дѣятельность г. Аксакова [2]); мы радовались появленію „Руси", какъ пополненію существенно-важнаго пробѣла въ русской журналистикѣ [3])—но изъ безспорныхъ, къ сожалѣнію, фактовъ г. Данилевскій сколачиваетъ уже черезъ-чуръ высокій (и черезъ-чуръ шаткій) пьедесталъ

[1]) Мы боимся быть заподозрѣнными въ искаженіи мысли г. Данилевскаго, и приводимъ поэтому подлинныя его слова. „Подготовкой нигилизму была явная, открытая проповѣдь подражательности, хорошо извѣстная и самой цензурѣ, и той высшей полицейской власти, которая имѣла своимъ спеціальнымъ назначеніемъ слѣдить за направленіемъ умовъ. И не только была она имъ извѣстна, но сверхъ сего была и одобряема ими и имъ сочувственна, ибо вполнѣ гармонировала съ строемъ нашей жизни". Какая сила фантазіи нужна для того, чтобы вѣрить въ одобреніе дѣятельности Бѣлинскаго—генераломъ Дубельтомъ и графомъ Орловымъ!

[2]) См. въ „Вѣстникѣ Европы" 1869 г. (№ 4) статью, озаглавленную: „Русскіе законы о печати".

[3]) См. Внутр. Обозр. въ № 11 „Вѣстника Европы" за 1880 г.

для своей излюбленной доктрины. Славянофильство, вслѣдъ за появленіемъ своимъ, возбудило недовѣріе власти, но возбудило его ничуть не въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ противоположное направленіе. Главные представители его—И. Кирѣевскій, К. Аксаковъ, Хомяковъ—имѣли возможность высказаться, конечно, далеко не полно, но во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ ихъ противники. Если „Современникъ" и „Отечественныя Записки" пережили реакцію начала пятидесятыхъ годовъ, то пережилъ ее и тогдашній славянофильскій журналъ—„Москвитянинъ". Между новыми органами печати, призванными къ жизни второю половиною пятидесятыхъ годовъ, довольно видное мѣсто занимала „Русская Бесѣда"—и если она сошла со сцены, то причиною этому были, кажется, не притѣсненія со стороны цензуры или „высшей полицейской власти". „День", въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, просуществовалъ нѣсколько лѣтъ сряду; систематическое сживаніе со свѣту славянофильской печати началось только во время изданія „Москвы" и достигло своей цѣли съ запрещеніемъ „Москвича". Съ 1868 до 1880 г. славянофильство дѣйствительно не имѣло собственнаго органа въ печати; близкіе къ нему журналы („Бесѣда" и „Заря") издавались недолго, и одинъ изъ нихъ („Бесѣда") умеръ неестественною смертью. Но вѣдь къ концу шестидесятыхъ годовъ русскій нигилизмъ былъ уже, къ несчастію, совершившимся фактомъ; исторія первыхъ фазисовъ его доказываетъ несомнѣнно, что славянофилы не могли остановить его развитія. Когда „западничество" производило „пустоту въ умахъ", славянофильская печать старалась наполнить умы своимъ содержаніемъ; усилія ея продолжались и тогда, когда „пустые сосуды" втягивали въ себя „послѣднія слова" западно-европейской жизни. Если пропаганда славянофильства, продолжавшаяся болѣе двадцати лѣтъ, не увѣнчалась успѣхомъ, то гдѣ же основанія думать, что она была бы счастливѣе въ слѣдующее затѣмъ десятилѣтіе? Если она не задушила змѣя въ колыбели, если она не справилась даже съ „пустотою", то много ли шансовъ побѣды представляла для нея борьба съ ученіемъ, успѣвшимъ стать на ноги и окрѣпнуть? Повторяемъ, какъ ни прискорбенъ фактъ вынужденнаго молчанія славянофиловъ въ семидесятыхъ годахъ, но тѣхъ послѣдствій, какія приписываетъ ему г. Данилевскій, онъ, безъ сомнѣнія, не имѣлъ и имѣть не могъ.

Объясненіе сложнаго историческаго факта какою-нибудь одной, бросившейся въ глаза причиной—пріемъ крайне рискованный и ненаучный. Противопоставлять гипотезѣ г. Данилевскаго другую, столь же смѣлую, мы не станемъ, не только потому, что для исторіи происхожденія и развитія нигилизма еще не наступило время, но и потому, что мы не вѣримъ въ возможность свести разнообразныя черты этой исторіи къ одной абсолютной формулѣ, все исчерпывающей, на все

дающей рѣшительный отвѣтъ. Такія формулы болѣе чѣмъ излишни —онѣ опасны, въ особенности, когда предлагаютъ для леченья самыхъ различныхъ болѣзней одно специфическое, универсальное средство. Въ данномъ случаѣ это средство—самобытность; „все остальное,— говоритъ г. Данилевскій,—будетъ лишь временно и слабо дѣйствующимъ палліативомъ". Еслибы авторъ „Россіи и Европы" былъ правъ, то пришлось бы отчаяться въ нашемъ будущемъ. Если „обращеніе къ самобытности во всѣхъ сферахъ мысли и жизни" до сихъ поръ даже не начиналось (мы говоримъ, конечно, о „самобытности" въ смыслѣ славянофильства, разсматривающаго ее какъ нѣчто потерянное и подлежащее отыскиванію) или начиналось лишь въ тѣсномъ и почти вовсе нерасширяющемся кружкѣ, то на чемъ же основана надежда, что оно обниметъ собою все русское образованное общество, исцѣлитъ его недуги, приведетъ его къ желанной цѣли? Гдѣ самобытность—настоящая, истинная самобытность,—тамъ и разногласіе; странно было бы предполагать, что всѣ искатели самобытности найдутъ ее именно въ томъ, въ чемъ видѣли и видятъ ее славянофилы. Допустимъ, наконецъ, что во владѣніи послѣднихъ находится безусловная истина; какъ же сдѣлать ее достояніемъ всѣхъ или многихъ? „Обращеніе къ самобытности" не можетъ быть предписано, не можетъ совершиться par ordre; въ основаніи его должно лежать убѣжденіе— а громадное большинство русскихъ образованныхъ людей, сорокъ лѣтъ убѣждаемое славянофилами, все никакъ не можетъ убѣдиться ихъ доводами. Приходится, такимъ образомъ, ждать у моря погоды, ничего, въ сущности, не предпринимая, потому что у кого же явится охота придумывать и примѣнять „временно и слабо дѣйствующіе палліативы", хотя бы и „полезные въ томъ или другомъ отношеніи"? Безплодность—вотъ отличительная черта теоріи г. Данилевскаго, составляющей сто-первую варіацію на старую славянофильскую тэму.

Конецъ минувшаго года принесъ съ собою два сенсаціонныхъ процесса — дѣло объ убійствѣ Сарры Беккеръ въ Петербургѣ, дѣло Рыкова и товарищей его въ Москвѣ. Чтеніе судебныхъ отчетовъ и вызванныхъ ими газетныхъ статей нѣсколько разъ наводило насъ на вопросъ: „ou donc la politique ne va-t-elle pas se nicher"? Въ процессъ о скопинскомъ банкѣ политику внесъ главный подсудимый, полемизируя съ министерствомъ финансовъ доводами „Московскихъ Вѣдомостей", становясь подъ эгиду „извѣстнаго публициста и благодѣтеля", г. Каткова. Въ процессъ объ убійствѣ Сарры Беккеръ,— или, лучше сказать, въ толки объ этомъ процессѣ—политику внесли ультрареакціонныя газеты, намекая на то, что осужденію Мироновича способствовала бывшая его служба въ качествѣ полицейскаго чинов-

ника! По-истинѣ тяжела становится, въ послѣднее время, дѣятельность присяжныхъ засѣдателей. Оправдають они подсудимаго — на нихъ сыплются обвиненія въ превышеніи власти, въ присвоеніи себѣ права помилованія; постановять они обвинительный приговоръ на основаніи косвенныхъ уликъ—имъ начинають приписывать судебную ошибку, забывая о томъ, что въ оцѣнкѣ подобныхъ уликъ играють существенно важную роль данныя, не поддающіяся стенографированію, впечатлѣнія, не воспроизводимыя ни чтеніемъ отчета, ни даже присутствіемъ, въ качествѣ случайнаго слушателя, при томъ или другомъ эпизодѣ судебнаго слѣдствія или судебныхъ преній. Болѣе безполезной работы, чѣмъ газетное пережевываніе матеріаловъ, вдоль и поперегъ разобранныхъ на судѣ, мы не можемъ себѣ и представить. Присяжные, въ продолженіе восьми дней, посвятили себя всецѣло развертывавшейся передъ ними картинѣ, изучили всѣ ея детали, разсматривали ее при самомъ различномъ освѣщеніи и пришли, наконецъ, къ убѣжденію, выраженному въ ихъ вердиктѣ. Можно ли ожидать, что та же работа будетъ повторена, въ томъ же объемѣ и съ тѣми же пріемами, газетами, берущими на себя критику вердикта?.. Само собою разумѣется, что никакихъ внѣшнихъ стѣсненій этой критики мы не желаемъ—но нѣкоторое самоограниченіе печати было бы здѣсь весьма кстати. Не мѣшало бы помнить, что̀ должны испытывать присяжные, встрѣчая на каждомъ шагу возраженія противъ ихъ приговора — приговора, произнесеніе котораго безъ того уже, конечно, стоило имъ тяжелой внутренней борьбы; не мѣшало бы помнить, что ничего новаго въ обсужденіе до дна исчерпаннаго предмета печать, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, внести не можетъ. Намъ могутъ возразить, что прежде чѣмъ думать о присяжныхъ, нужно имѣть въ виду подсудимаго, можетъ быть неправильно осужденнаго; но есть ли основаніе предполагать, что газетные отзывы перевѣсятъ рѣшеніе присяжныхъ, не отмѣненное судомъ (имѣвшимъ на то право, еслибы былъ осужденъ явно невинный)? Мы знаемъ, что англійская печать поднимаетъ иногда агитацію по поводу обвинительнаго приговора, съ цѣлью достигнуть помилованія осужденнаго: но. во-первыхъ, въ англійскомъ судопроизводствѣ весьма часто нѣтъ, кромѣ помилованія, иного средства исправить судебную ошибку; во-вторыхъ, агитація поднимается, большею частью, тогда, когда ошибка болѣе чѣмъ вѣроятна, или когда наказаніе явно не соотвѣтствуетъ винѣ, или когда осужденный заслуживаетъ, по той или другой причинѣ, особаго снисхожденія. Ничего подобнаго не было у насъ въ данномъ случаѣ; значительная часть газетныхъ толковъ и не имѣла, впрочемъ, другой цѣли, кромѣ поддержанія лихорадочнаго возбуж-

денія, болѣзненнаго любопытства, вызваннаго, къ сожалѣнію, дѣломъ объ убійствѣ Сарры Беккеръ.

Праздные споры о томъ, кто убилъ Сарру Беккеръ, представляются тѣмъ болѣе досадными, что въ каждомъ выдающемся процессѣ есть стороны, обсужденіе которыхъ въ печати нельзя не признать въ высшей степени желательнымъ. Таковъ, напримѣръ, способъ веденія процесса какъ до суда, такъ и въ судѣ; таковы научные вопросы, поднимаемые экспертизой; таковы, наконецъ, бытовыя черты, обнаруживающіяся иногда съ особенною яркостью въ уголовномъ дѣлѣ. Все это было затронуто печатью и по поводу дѣла Мироновича, затронуто нѣкоторыми органами ея не безъ умѣнья и не безъ пользы; жаль только, что къ замѣчаніямъ, въ сущности справедливымъ, примѣшивалась иногда большая доза мелкой тенденціозности. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появилось письмо г. Разумихина, совершенно основательно жаловавшагося на то, что въ обвинительномъ актѣ по дѣлу объ убійствѣ Сарры Беккеръ было сообщено о немъ, со словъ подсудимой Семеновой, одно неблагопріятное для него обстоятельство, оставшееся не провѣреннымъ и на предварительномъ, и на судебномъ слѣдствіи. И дѣйствительно, или обстоятельство это имѣло значеніе для дѣла — въ такомъ случаѣ слѣдовало бы вызвать и допросить г. Разумихина въ качествѣ свидѣтеля; или оно было совершенно безразлично для обвинителя и обвиняемыхъ — въ такомъ случаѣ не слѣдовало давать ему мѣста въ обвинительномъ актѣ. Письмо г. Разумихина оканчивается слѣдующими словами: „я взялся за перо главнымъ образомъ ради того, что, по моему крайнему разумѣнію, время, наконецъ, подумать объ устраненіи такъ часто повторяющагося у представителей судебной власти „усмотрѣнія“, благодаря которому нерѣдко виновные ускользаютъ отъ заслуженной кары, а невинные подвергаются незаслуженнымъ испытаніямъ, вопреки правдѣ и справедливости“. Здѣсь слышится уже не протестъ обиженнаго человѣка, а отголосокъ предвзятаго мнѣнія, извиняемый, впрочемъ, тѣмъ личнымъ раздраженіемъ, подъ вліяніемъ котораго написано письмо г. Разумихина. Но чѣмъ извинить выходку редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“, комментирующей это письмо слѣдующимъ восклицаніемъ: „Случай въ самомъ дѣлѣ вопіющій! Возстановляютъ ли правду наши суды, охраняютъ ли честь и права людей—это весьма прискорбный вопросъ; но что они могутъ служить удобнымъ средствомъ позорить людей и обходить законы, это къ вящшему прискорбію давно не вопросъ“. Можно подумать, въ самомъ дѣлѣ, что ошибки, подобныя той, которая была допущена по отношенію къ г. Разумихину, встрѣчаются въ судебномъ мірѣ сплошь и рядомъ, между тѣмъ, какъ мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что случаевъ этого рода до сихъ

норъ не было вовсе. Это просто lapsus calami, допущенный составителемъ обвинительнаго акта и незамѣченный обвинительною камерою,—одинъ изъ тѣхъ недосмотровъ, которые возможны во всякомъ крупномъ, сложномъ дѣлѣ. Отъ имени прокурорскаго надзора въ обвинительномъ актѣ о г. Разумихинѣ не сказано рѣшительно ничего; повторены только слова Семеновой, за которыми прокуратура, какъ извѣстно, большого значенія не признавала. Прокурорскій надзоръ поступитъ совершенно основательно и справедливо, если напечатаетъ, согласно съ требованіемъ г. Разумихина, разъясненіе неловкости, вкравшейся въ обвинительный актъ; но еслибы это даже не было сдѣлано, цѣль г. Разумихина достигнута уже теперь — достигнута появленіемъ въ печати его письма, такъ какъ нѣтъ никакой причины вѣрить ему меньше, чѣмъ Семеновой. Желательно было бы знать, такъ ли легко было бы оправдаться лицу, задѣтому не судебною, а административною властью?... Судебное вѣдомство не больше всякаго другого можетъ претендовать на непогрѣшимость—но больше всякаго другого допускаетъ возможность исправленія погрѣшностей. Пускай „Московскія Вѣдомости" бьютъ сколько угодно въ большой барабанъ — всякій пойметъ, что это не серьезная тревога, а нѣчто въ родѣ того шума, который поднимаютъ дикари съ цѣлью прогнать померещившагося имъ злого духа.

Въ той же газетѣ „обыватель" перечисляетъ ошибки, допущенныя, по его мнѣнію, короннымъ судомъ въ приговорѣ по дѣлу Мироновича. Мы, конечно, не послѣдуемъ за нимъ въ дебри юридическихъ тонкостей; мы хотимъ только констатировать и здѣсь крайнюю слабость стѣнобитныхъ орудій, пускаемыхъ въ ходъ систематическими противниками новаго суда. Мироновичъ обвинялся съ самаго начала въ убійствѣ, совершенномъ въ запальчивости или раздраженіи; „обыватель" находитъ, что забыта статья, предусматривающая непредумышленное убійство безъ этихъ уменьшающихъ вину обстоятельствъ. Она, очевидно, не забыта, а просто признана непримѣнимой къ данному случаю, потому что при томъ объясненіи, которое обвинительная власть дала убійству Сарры Беккеръ, оно могло быть совершено только въ состояніи аффекта. „Обыватель" недоумѣваетъ, почему обвиненіе Мироновича не было поставлено примѣнительно (курсивъ въ подлинникѣ) къ пун. 2 и 3 ст. 1453; но въ дѣлахъ уголовныхъ невозможно распространительное, по аналогіи, толкованіе закона во вредъ подсудимому. „Обыватель" спрашиваетъ, какое тяжелое оскорбленіе нанесла Мироновичу Сарра Беккеръ; но еслибы онъ внимательно прочелъ приводимую имъ самимъ вторую часть ст. 1455-й, то онъ увидѣлъ бы, что оскорбленіе со стороны убитаго вовсе не составляетъ необходимаго условія для примѣненія

этого закона, а является только обстоятельствомъ, могущимъ особенно уменьшить вину и наказаніе. Прежде, чѣмъ приступать къ технической критикѣ уголовныхъ приговоровъ, не лучше ли было бы „обывателю“ познакомиться хоть немного съ пріемами этой критики? Чтеніе „Московскихъ Вѣдомостей“ развиваетъ, повидимому, въ поклонникахъ этой газеты такое высокомѣрное отношеніе къ суду, что каждый изъ нихъ считаетъ себя призваннымъ дѣлать ему реприманды и разъяснять ему, не разъяснивъ предварительно самому себѣ, элементарныя начала юриспруденціи.

Сдѣлаемъ, съ своей стороны, одно только замѣчаніе по поводу дѣла Мироновича. Пора было бы, кажется, отказаться разъ навсегда отъ стремленія представить на судъ всю прежнюю жизнь подсудимаго, не отдѣляя обстоятельствъ, могущихъ разъяснить вопросъ о виновности или невиновности его въ данномъ преступленіи, отъ обстоятельствъ, не имѣющихъ рѣшительно никакого отношенія къ этому вопросу. Какъ бы ясно ни было доказано, что Мироновичъ, въ бытность его полицейскимъ чиновникомъ, бралъ взятки, былъ суровъ съ дворниками и добръ съ трактирщиками, это не увеличило бы ни на одну іоту вѣроятность убійства именно имъ несчастной Сарры Беккеръ. Показанія его сослуживцевъ и другихъ лицъ о полицейской его службѣ составляли поэтому балластъ излишній, если не вредный, для процесса. Положительно и несомнѣнно вредны были основанныя на слухахъ показанія о преступленіяхъ, будто бы совершенныхъ нѣкогда Мироновичемъ—и мы не можемъ не пожалѣть о томъ, что, допустивъ подобныя показанія, судъ отказалъ защитѣ Мироновича въ возможности провѣрить ихъ допросомъ новыхъ свидѣтелей. Правда, прокуроръ не воспользовался этими показаніями—но они все-таки могли бы оказать вліяніе на присяжныхъ, еслибы ихъ обошелъ молчаніемъ повѣренный гражданскаго истца.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Пошехонскіе разсказы. Соч. М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина). Спб. 1885. Стр. 215. Ц. 1 р. 25 к.

Настоящій рядъ очерковъ связанъ между собою не однимъ общимъ заглавіемъ, а и общею мыслью—указать, какъ одна и та же „пошехонская“ черта проходитъ по всѣмъ самымъ разнообразнымъ явленіямъ нашей общественной жизни и во всѣ самыя противоположныя эпохи ея развитія: по словамъ автора, онъ зналъ свое Пошехонье крѣпостнымъ, зналъ и реформеннымъ, знаетъ и теперь готовымъ возродиться вновь“, или „отъ словесъ перейти къ дѣлу“,—и всегда его „пошехонецъ“ былъ одинаковъ, на все былъ сговорчивъ, а только про себя говорилъ: „посмотримъ, какая-то изъ этого новаго хлѣба выйдетъ лебеда“, а что изъ всякаго даже „хлѣба“ должна непремѣнно выйти „лебеда“—пошехонецъ зналъ по опыту жизни. Такая черта общественнаго характера представила таланту автора благодарный матеріалъ, впрочемъ, не для одного бичеванія: „бывали минуты,—восклицаетъ онъ,—когда пошехонская страна приводила меня въ недоумѣніе, но такой минуты, когда сердце мое перестало болѣть по ней, я рѣшительно не запомню; такая эта страна—ее надо любить“.

Разсказы. 1850—1884. В. Крестовскаго (псевдонимъ). Спб. 1885. Стр. 358. Ц. 1 р. 50 к.

Ограничимся здѣсь однимъ указаніемъ на сборникъ, въ который вошли четыре послѣдніе разсказа писателя: выше, въ настоящей книжкѣ, посвящается ему особая статья; упомянутые разсказы послужатъ, между прочимъ, предметомъ ея продолженія въ ближайшемъ нумерѣ журнала.

Всеобщая исторія литературы. Выпускъ XVI. Спб. 1885. Стр. 697—856.

Извѣстное изданіе, начатое по мысли и подъ редакціею покойнаго В. Ѳ. Корша, продолжается теперь подъ новою редакціею, но по тому же плану и по той же системѣ. Слѣдующій выпускъ заключитъ собою окончаніе средневѣковой литературы и исторію славянскихъ литературъ, а затѣмъ начнется новая литература, въ 4 книгахъ, которыя обнимутъ вѣкъ возрожденія и реформаціи, псевдоклассицизма, просвѣщенія и революціи и наконецъ — новѣйшей литературы, съ ея романтизмомъ и реализмомъ. Настоящій выпускъ заключаетъ въ себѣ очеркъ исторіи славянскихъ литературъ до конца XVI вѣка и итальянскую литературу въ средніе вѣка; послѣдній очеркъ останавливается на новеллахъ Боккаччіо.

Иллюстрированная исторія Екатерины Второй. Соч. А. Брикнера, пр. рус. ист. въ дерптскомъ университетѣ, съ 300 гравюрами. Спб. 1885. Вып. 1 и 2. Ц. всѣхъ 30 вып. 15 руб.; отд. вып. 60 коп.

Настоящее изданіе составлено по тому же плану, какъ и „Иллюстрированная исторія Петра Великаго“ и представляетъ такое же богатство снимковъ съ современныхъ гравюръ, исполненныхъ столь же изящно и роскошно. Желательно было бы, конечно, чтобы иллюстрація относилась ближе къ тексту, нежели какъ-то встрѣчается въ изданіи: теперь приходится уже въ самомъ началѣ, а даже еще до начала разсказа о вступленіи на престолъ Екатерины II, имѣть предъ глазами катафалкъ надъ ея гробомъ, при текстѣ о послѣднихъ годахъ царствованія имп. Елисаветы. Весь трудъ будетъ состоять изъ 5 частей; первые два выпуска представляютъ начало первой части, излагающей событія до 1762 г. включительно, подъ общимъ заглавіемъ: „Путь къ престолу“.

Сводъ узаконеній о евреяхъ. Сост. Е. Б. Левинъ. Спб. 1885. Стр. 641.

Въ настоящемъ изданіи соединены въ одно цѣлое всѣ нынѣ дѣйствующія законоположенія, разсѣянныя по различнымъ томамъ Свода законовъ и его продолженій, а также и по спеціальнымъ кодексамъ до самаго 1883 г., вмѣстѣ съ разъясненіями законовъ по рѣшеніямъ сената и министерскимъ циркулярамъ. Для юристовъ и судебной практики такое изданіе является, конечно, весьма важнымъ подспорьемъ, а объемъ его говоритъ о чрезвычайной сложности нашего законодательства; такой спеціальный законъ, какъ настоящій, одинъ превышаетъ по объему, наприм., Code Napoléon, имѣющій въ себѣ полное законодательство цѣлой страны.

Дѣйствія отрядовъ генерала Скобелева въ русско-турецкую войну 1877—78 гг. Соч. ген.-м. Куропаткина. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1885. Стр. 678. Ц. 5 р.

Знакомые съ трудомъ автора, по его статьямъ, печатавшимся въ „Военномъ Сборникѣ“, найдутъ его въ настоящемъ изданіи исправленнымъ и дополненнымъ, на основаніи тѣхъ сообщеній, которыя были вызваны упомянутыми статьями. Центромъ изслѣдованія служатъ Ловча и Плевна, съ 10 по 31 августа 1877 г. Изданіе снабжено картою и нѣсколькими планами.

Геологія. Общій курсъ. Т. I. Современныя геологическія явленія. Проф. А. А. Иностранцева. Спб. 1885. Стр. 494. Ц. 3 р. 50 к.

При отсутствіи сколько-нибудь удовлетворительнаго руководства по геологіи, въ размѣрахъ высшаго ея преподаванія, трудъ проф. А. А. Иностранцева является весьма цѣннымъ вкладомъ въ отечественную геологическую литературу. Иностранныя произведенія, при всѣхъ ихъ высокихъ достоинствахъ, представляли, естественно, недостатокъ свѣденій о Россіи въ геологическомъ отношеніи. Въ первый, вышедшій нынѣ, томъ, снабженный многочисленными иллюстраціями, вошла геологическая дѣятельность атмосферы, воды, вулканизма и организмовъ; двѣ особыя главы посвящены петрографіи, строенію горныхъ породъ, и стратиграфіи, образованію осадочныхъ слоевъ. Второй томъ будетъ содержать историческую геологію.

Пословицы въ силуэтахъ. Елиз. Бемъ. Спб. 1884.

Къ ряду силуэтовъ работы г-жи Бемъ, всегда превосходно и изящно выполняемыхъ, присоединяется теперь новый сборникъ изъ 12 картинокъ, гдѣ народныя пословицы и поговорки, въ родѣ: „Что имѣемъ не хранимъ, потерявши плачемъ“,—являются иллюстрированными изъ жизни дѣтей и ихъ любимыхъ спутниковъ, собакъ и кошки.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 2-я. — ФЕВРАЛЬ, 1885.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстника Европы“ въ 1885 г., см. ниже, на оберткѣ

НА ВОЙНѢ

Воспоминанія и очерки.

VI *).

Масса разныхъ кушаньевъ, бараны, цѣликомъ зажаренные на огромныхъ противняхъ, гуси, куры подъ разными соусами, разставлены на землѣ въ два ряда, кромѣ того сосуды съ виномъ, водкой (ракія), молокомъ, груды ячменя и цѣлые стоги сѣна ожидали нашего прибытія.

Наши маленькія силы совершенно потонули въ толпѣ жителей, которые теперь столпились около палатокъ и съ удивленіемъ смотрятъ на насъ. Признаться сказать, это было довольно стѣснительно; казакамъ не лишнее было бы отдохнуть послѣ десяти-часового сидѣнья на лошади. Не довольствуясь тѣмъ, что они смотрятъ издали, они подходятъ даже къ самымъ палаткамъ, приподнимаютъ ихъ и заглядываютъ туда точно на какую диковинку. Удивленіямъ и восклицаніямъ нѣтъ конца: „казакъ, черкесъ!“ только и слышалось кругомъ.

Прежде всего бросились мы съ Антоновымъ писать донесеніе по начальству; я же, кромѣ Тутолмина, долженъ былъ еще донести и великому князю. Количество непріятеля мы опредѣлили, по обоюдному согласію, въ 1500 человѣкъ баши-бузуковъ и черкесъ. Непріятеля изрублено 20 человѣкъ, съ нашей стороны потеря — 1 казакъ и 2 лошади.

Въ Тырново послалъ я двоихъ казаковъ а къ Тутолмину троихъ, такъ какъ туда дорога была дальная.

---

*) См. выше: янв., 5 стр.

Когда стемнѣло, иду я разставлять ночные посты. Тутъ болгаре опять насмѣшили насъ. Они съ особеннымъ усердіемъ предлагали свои услуги для сторожевой службы, и такъ какъ я согласился взять ихъ, то вслѣдствіе этого на нѣкоторыхъ постахъ оказалось болѣе ста человѣкъ. Не малаго труда стоило втолковать имъ, чтобы они ночью сидѣли смирно, не разговаривали, не курили, а, главное, не раскладывали бы огней. Послѣднее обстоятельство имъ больше всего не нравилось, и когда въ полночь я опять пошелъ провѣрять посты, то болгаре большею частью уже разошлись по домамъ, „да ужинъ прàве“, какъ мнѣ объяснили нѣкоторые изъ оставшихся.

Я забылъ сказать, что во все время перестрѣлки, Дмитрій Кара-Ивановъ находился при мнѣ, какъ переводчикъ, и ни на шагъ не отставалъ отъ меня. Въ тотъ же вечеръ онъ привелъ своихъ родителей и познакомилъ меня съ ними.

Солнце скрылось, пора спать. На этотъ разъ мой Ламакинъ постарался для меня, столько натаскалъ въ палатку свѣжаго душистаго сѣна, что я какъ легъ, такъ сразу и заснулъ, подъ говоръ жителей, безъ умолку тараторившихъ гдѣ-то по близости съ казаками.

Просыпаюсь. Утро. Протираю глаза, смотрю: дверка палатки осторожно открывается и ко мнѣ заглядываетъ улыбающееся лицо болгарина, съ бритымъ подбородкомъ и съ черными усами. Чалму изъ покорности онъ оставилъ за палаткой. Еще вчера этотъ человѣкъ распоряжался нашимъ угощеніемъ и теперь, примѣтя, что я проснулся, радушно спрашиваетъ: „кафе—млеко треба, капитане?“

Въ одной рукѣ онъ держитъ на подносикѣ маленькую бѣленькую чашечку, въ другой—закоптѣлый кофейникъ. Не дожидаясь отвѣта, онъ довольно смѣло проползаетъ ко мнѣ въ низенькую палатку на колѣнкахъ, и наливаетъ. Кофе походитъ на какую-то бурду, гущу, въ которой пропасть сахару. За этимъ болгариномъ начали влѣзать и разсаживаться другія лица, все мои вчерашніе знакомые, всѣ радостные, довольные.

Въ одномъ бешметѣ выхожу я наконецъ изъ палатки умываться. Передо мной вдали темнѣютъ Балканы. Высокой стѣной они подымаются къ небу и, казалось, хотятъ заслонить остальному міру солнышко. А оно, между тѣмъ, уже выкатилось изъ-за зубчатыхъ вершинъ и кокетливо плыло по багровому небу, точно хвастаясь передъ всѣми своей красотой: „посмотрите-дескать, добрые люди, какой я красавецъ, свѣтленькій, хорошенькій изъ чистаго золота сдѣланъ“. Окружающія его пурпуровыя облака

какъ будто съ удивленіемъ разступались и давали дорогу, принимая на время его золотистый оттѣнокъ. Вершины горъ тоже смотрѣли какъ-то привѣтливѣе другъ на друга. Вонъ и моя знакомая снѣжная вершинка, на которую я столько разъ передъ тѣмъ смотрѣлъ и разсчитывалъ, сколько верстъ могло быть до нея, и она тоже казалась веселѣе, и точно здоровалась со мною. Такъ хорошо, такъ пріятно дышалось мнѣ въ эту минуту. Я живо умылся холодной водой, которую Ламакинъ тонкой струей поливалъ мнѣ на руки изъ высокаго мѣднаго кунгана. Кунганъ этотъ онъ, очевидно, гдѣ-то только-что раздобылъ и замѣтно гордился этимъ пріобрѣтеніемъ, зная, что оно не могло быть мнѣ непріятно.

— Гдѣ ты досталъ такой?—спрашиваю я, вытирая болгарскимъ полотенцемъ съ золотымъ шитьемъ раскраснѣвшіяся отъ холода руки.

— Булгаринъ принесъ, ваше благородіе,—грубо отвѣчаетъ тотъ.

— Сколько же ты заплатилъ ему?

— Что-жъ ему еще платить? Вѣдь не его, турецкая!—И недовольный тѣмъ, что я не похвалилъ его обновку, сердито выплескиваетъ остатки воды на землю такъ неосторожно, что брызги долетаютъ мнѣ на сапоги, послѣ чего уходитъ къ себѣ въ палатку.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ палатки, съ непокрытой головой, стоитъ предсѣдатель здѣшняго „градскаго совѣта", видный мужчина, Иванчу Ангеловъ. Шея его изъ почтенія нѣсколько согнута. Одѣтъ онъ по-европейски, въ черномъ сюртукѣ. Голосъ имѣетъ мягкій, вкрадчивый, манеры деликатныя. Иванчу шопотомъ разговариваетъ съ высокимъ священникомъ, одѣтымъ въ черную широкую рясу; на головѣ у него черный высокій клобукъ съ уширеннымъ верхомъ. Руки у нихъ обоихъ смиренно сложены на груди. Оба они терпѣливо посматриваютъ на мою палатку и ожидаютъ, когда я покажусь. По близости стоитъ еще нѣсколько человѣкъ; между ними особенно выдается фигура маленькаго вертляваго болгарина, съ короткими щетинистыми усами съ просѣдью. Одѣтъ онъ въ сѣренькій пиджакъ. Звали его Василій Ангеловъ. Его чрезвычайно звонкій голосъ ни на минуту не умолкалъ. Василій Ангеловъ все кричалъ, суетился и спрашивалъ казаковъ: „не треба ли што?" и если получалъ въ отвѣтъ: „ничего не надо",—то самъ находилъ что-либо нужнымъ. Вотъ уже онъ повелительно кого-то зоветъ, оборотившись къ окружавшей толпѣ: „Димитро, Димитро, эйла тука" (поди сюда), рѣзко кричитъ онъ,

и вытянувъ правую руку, быстро дѣлаетъ знаки кистью руки, чтобы тотъ приблизился. Здоровый высокій Димитро, не торопясь, подходитъ. Одѣтъ онъ въ бѣлую суконную куртку, шаровары такія же, очень широкія, внизу застегнутыя на подобіе камашъ, какъ у ливрейныхъ лакеевъ. За широкимъ кушакомъ заткнуто, для собственнаго ободренія, нѣсколько ятагановъ, пистолетовъ и ножей. Красная феска на головѣ обмотана полотенцемъ.

Выслушавъ приказаніе начальства, Димитро съ апатичнымъ видомъ снимаетъ свой головной уборъ, достаетъ со дна фески грязный платокъ, обтираетъ потную стриженую голову и затѣмъ быстро отправляется въ городъ исполнять приказаніе.

Я напился кофе и иду взглянуть на городъ. Предсѣдатель, члены „градскаго совѣта“ и еще не малое число людей, съ почтеніемъ слѣдуютъ за мной и объясняютъ мнѣ все, что попадалось на пути достопримѣчательнаго.

Дорогой узнаю, что большая часть турецкихъ семействъ въ Сельви, изъ опасенія, чтобы они не присоединились къ баши-бузукамъ, посажены болгарами подъ арестъ и скованные сидятъ въ подвалахъ „конака“ (такъ называется у нихъ полицейское управленіе). Отправляюсь взглянуть на плѣнниковъ. Оказывается, дѣйствительно, множество турокъ, всевозможныхъ возрастовъ и въ разнообразнѣйшихъ костюмахъ, сидѣли въ подвалахъ, скованные по рукамъ и ногамъ длинными цѣпями. Въ эти цѣпи, незадолго передъ тѣмъ, турки заковывали болгаръ.

Надо было видѣть, съ какимъ злорадствомъ смотрѣли болгаре на плѣнныхъ турокъ. Съ какимъ довольнымъ видомъ они переговаривались между собой и прищелкивали языкомъ.

Я взглянулъ на нихъ и иду дальше. Когда я проходилъ узенькимъ переулочкомъ, мимо одного хорошенькаго садика, мои спутники съ значительнымъ видомъ указали мнѣ на домикъ, виднѣвшійся посреди сада, и сообщили, что тутъ живетъ мулла, ихъ главный врагъ и притѣснитель. По ихъ словамъ, всѣ несчастія, постигшія городъ, произошли черезъ этого человѣка. Во время нападеній баши-бузуковъ, мулла будто-бы выкидывалъ съ мечети зеленое знамя Магомета, посылалъ нарочныхъ за черкесами и тому подобныя дѣла дѣлалъ; арестовать же его никто не рѣшался. Я разсудилъ пока оставить его въ покоѣ.

Вездѣ народъ встрѣчалъ меня съ искренней радостью, почти каждый старался добраться до меня и поцѣловать мою руку.

Когда мы шли главной улицей, съ галерейки одного высокаго красиваго дома спустился къ намъ на встрѣчу старикъ болгаринъ. Видъ его мнѣ показался страненъ. Росту онъ былъ до-

вольно высокаго, полный, сутуловатый, лицо давно небритое, такъ что щеки и подбородокъ покрылись короткой бѣлой, щетинистой бородой. Походка слабая, вялая. Весь видъ болгарина выказывалъ безутѣшное отчаяніе. Въ особенности меня поразили его глаза. Ихъ было почти не видно, до того они прикрывались опухшими вѣками. Старикъ пригласилъ насъ зайти къ нему въ домъ. Здѣсь, за чашкой кофе, хозяинъ разсказалъ мнѣ, что онъ имѣлъ единственнаго сына, котораго турки, по наущенію того же самаго муллы, взяли и, неизвѣстно за что, замучили до смерти.

— Вотъ съ тѣхъ поръ я плачу, плачу и не могу выплакать своихъ очей, — говорилъ онъ, обтирая рукавомъ опухшія вѣки. Во время разговора старикъ всхлопывалъ руками и взглядывалъ къ небу. Члены „градскаго совѣта" сидѣли рядомъ со мною на коврикѣ. Имъ видимо уже наскучили давно извѣстные безконечные вопли и слезы товарища. Съ серьезными лицами они покуривали изъ камышевыхъ мундштучковъ крученыя папироски, попивали кофе изъ маленькихъ чашечекъ и соболѣзненно покачивали головами.

— Если бы могъ, то собственноручно разорвалъ бы этого муллу,—восклицалъ старикъ, прощаясь со мною.

Мы жили бы здѣсь весело, если бы одинъ случай не опечалилъ насъ. Въ сотнѣ Антонова былъ молоденькій офицеръ, не помню хорошо, сотникъ или хорунжій, по фамиліи Гурбановъ, очень добрый, симпатичный. Гурбанова послалъ Антоновъ въ разъѣздъ, кажется съ 10-ю казаками. Въ первомъ же селеніи, повидимому, совершенно пустомъ, Гурбановъ остановился отдохнуть. Не знаю, выставилъ онъ посты или нѣтъ, только не успѣли казаки хорошенько расположиться, какъ на нихъ напали черкесы. Гурбанова и нѣсколькихъ человѣкъ убили, другіе же разбѣжались. Одинъ изъ нихъ разсказывалъ мнѣ потомъ, что онъ спрятался по близости въ кукурузу, и слышалъ крики своего командира о помощи, но не выскочилъ, такъ какъ боялся, что его убьютъ.

— Эхъ, ваше благородіе, и кинжальчикъ-то пропалъ, а ножны-то вѣдь серебряныя были,—съ сокрушеннымъ сердцемъ прибавилъ деньщикъ Гурбанова, разсказывая мнѣ это происшествіе. (Гурбановъ хоть и донецъ былъ, а носилъ въ походѣ кинжалъ на поясѣ). Это происшествіе произвело на нашъ маленькій отрядъ сильное впечатлѣніе и заставило быть осторожнѣе на будущее время.

5-го іюня, рано утромъ, слышу сквозь сонъ какой-то особенно сильный шумъ, топотъ лошадей, чужіе голоса, разговоры. Кто-то спрашиваетъ: „Такъ вотъ по этой долинѣ и происходили стычки?" Въ отвѣтъ слышалось: „Такъ точно, ваше скаблагородіе." — „Ну, а вашъ командиръ, сотникъ Верещагинъ, спитъ еще?

Поди, усталъ отъ вчерашняго дѣла?“ Мнѣ эти вопросы пришлись очень по вкусу. По нимъ можно было судить, что объ нашемъ дѣлѣ разговаривавшіе имѣли преувеличенное понятіе. Кто бы это такіе были?—спрашиваю я самъ себя. Заглядываю въ дырочку въ палаткѣ, вижу:—прибыли изъ Тырнова два эскадрона лейбъ-казаковъ и расположились рядомъ съ нашими.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моей палатки стоитъ группа офицеровъ, съ которыми я познакомился еще въ главной квартирѣ. Между ними замѣтны щеголеватыя фигуры флигель-адъютанта полковника Жеребкова, командира лейбъ-казаковъ, полковника Орлова—адъютанта главнокомандующаго, и нѣсколькихъ офицеровъ лейбъ-казаковъ. Только что показавшееся солнышко ярко освѣщало ихъ блестящіе мундиры.

Вѣсть о нашей защитѣ города Сельви, очевидно, произвела хорошее впечатлѣніе въ главной квартирѣ и высоко подняла меня съ Антоновымъ во мнѣніи этихъ офицеровъ. Они съ значительнымъ видомъ показывали теперь другъ другу на долину, разстилавшуюся передъ ихъ глазами, разсуждали, спорили между собою и съ нетерпѣніемъ ждали, когда я или Антоновъ покажемся изъ своихъ палатокъ. Наши казаки тоже не ударяли въ грязь лицомъ, и разсказывали Богъ знаетъ какія чудеса своей храбрости вновь прибывшимъ товарищамъ. Со стороны донцовъ чаще всего доносилось ихъ любимое выраженіе: „видимо-невидимо“.

Надѣваю черкеску, шашку и направляюсь къ Жеребкову. Какъ онъ, такъ и всѣ остальные офицеры начали поздравлять меня и осыпать вопросами, разспрашивали всѣ подробности нашего дѣла. Я же со своей стороны узналъ, что полковникъ Жеребковъ прибылъ сюда съ двумя эскадронами и двумя орудіями на подмогу намъ. Кромѣ того, онъ имѣлъ въ виду, если это будетъ возможно, продвинуться дальше и занять городъ Ловчу, находившійся отсюда верстахъ въ 30. Ловча соединялась съ Сельви тѣмъ самымъ шоссе, по которому мы столько разъ гонялись, отбивая баши-бузуковъ.

Еще дня за два до прихода лейбъ-казаковъ, къ намъ поспѣла на помощь одна сотня 30-го донского полка, подъ начальствомъ есаула Аѳанасьева. Въ первой же стычкѣ съ черкесами онъ былъ раненъ шашкой въ лобъ. Поэтому, когда мы тронулись къ Ловчѣ, Аѳанасьевъ съ сотнею остался караулить Сельви.

VII.

Мы выступили къ Ловчѣ съ пѣснями рано утромъ. Верстахъ въ двѣнадцати за деревней Акинджеляръ встрѣтили мы первыхъ баши-бузуковъ, и погнались за ними. Помню, скачу я вправо отъ шоссе, по лѣсистой мѣстности, покрытой густою травой. Казаки всѣ куда-то разскакались, со мной нѣтъ никого. Въ такія минуты всегда чувствуешь себя какъ-то скверно, неловко; хоть бы одинъ человѣкъ и то уже гораздо лучше, смѣлѣе. Продолжаю нестись. Смотрю, впереди за деревьями мелькнуло нѣсколько согнутыхъ фигуръ донцовъ. Привставши на стремянахъ, съ пиками въ рукахъ, неслись они.

— Вонъ, вонъ гдѣ, ваше благородіе, баши-бузукъ,—кричитъ мнѣ съ остервенѣніемъ одинъ изъ нихъ. Глаза его выпучены, длинные волосы развѣваются по вѣтру. Я скачу по указанному направленію и внезапно натыкаюсь на турка, сидящаго подъ деревомъ. Донцы не примѣтили его и пронеслись дальше. Это былъ еще молодой человѣкъ, очень смуглый, съ черными усами, глаза тоже черные, какъ угли. Онъ былъ совершенно измученъ отъ усталости. Опершись лѣвой рукой о землю, въ правой держалъ онъ пистолетъ, который направилъ на меня. Глаза его въ эту минуту выражали рѣшимость и въ то же время страданіе.

Увидавъ турка, въ первое мгновеніе я какъ-будто оцѣпенѣлъ отъ неожиданности и до того забылся, что какъ сумасшедшій началъ кричать: „Здѣсь, здѣсь, вотъ онъ гдѣ!“ Въ то же время замахиваюсь на него плетью, вмѣсто шашки. Затѣмъ, когда уже опомнился, выхватываю шашку и наношу ударъ по плечу. А такъ какъ рубить человѣка мнѣ пришлось въ первый разъ въ жизни, къ тому же вѣтви дерева не давали размахнуться, то и ударъ мой вышелъ слабый, неумѣлый, и едва-едва прорубилъ на непріятелѣ толстую, синюю куртку. Турокъ продолжалъ тяжело дышать и цѣлить изъ пистолета, который, вѣроятно, уже былъ разряженъ.

Странное чувство испытывалъ я, когда наносилъ ударъ. Совѣсть шептала мнѣ: „брось, оставь, не руби, возьми лучше въ плѣнъ, срамъ рубить лежачаго“. Но другое чувство, болѣе черствое, старалось заглушить первое. Пока я рубилъ турка, слышу позади себя крики: „ваше благородіе, пожалуйте впередъ, мы съ нимъ уже тутъ раздѣлаемся!“ Смотрю, подскакиваютъ тѣ донцы, которые за минуту передъ тѣмъ мелькнули мимо меня. Я предоставилъ имъ распорядиться съ туркомъ, а самъ поскакалъ дальше.

Мы подвигались медленно, осторожно, опасаясь наткнуться на засаду. Часовъ около четырехъ вечера въѣхали на гору, откуда была видна Ловча. Артиллерія начала стрѣлять черезъ городъ, по какимъ-то удалявшимся повозкамъ, принявъ ихъ за войсковые фургоны. Въ одну изъ нихъ снарядъ попалъ, и, какъ впослѣдствіи оказалось, подшибъ ѣхавшую въ ней женщину съ дѣтьми.

Ловча была занята почти безъ боя. Войскъ въ ней не оказалось. Жителей турокъ тоже не было, они заранѣе оставили городъ. Нѣсколько сотъ болгарскихъ семействъ, со священникомъ во главѣ, вышли къ намъ на встрѣчу.

Городъ Ловча расположенъ на самомъ берегу рѣчки Осьмы, у подножія горъ. Мы прошли городъ и расположились лагеремъ на противоположномъ концѣ. Здѣсь священникъ отслужилъ благодарственный молебенъ, послѣ чего жители начали угощать насъ чѣмъ только могли. Пированіе продолжалось далеко за полночь. На другой день, утромъ, мы простились съ гостепріимными хозяевами и оставили, для охраны Ловчи, Антонова съ сотней.

Не долго Антоновъ охранялъ городъ. Хотя мы и неоднократно доносили въ главную квартиру, что необходимо занять Ловчу серьезными силами, но силы не приходили. И вотъ, въ одно прекрасное утро, какъ разсказывалъ мнѣ офицеръ сотни Антонова, подлѣ ихъ палатокъ шлепается граната и разрывается; за ней вторая. Третьей казаки предпочли не дожидаться, скорѣй на лошадей и маршъ-маршъ назадъ. Да и что же оставалось дѣлать сотнѣ? Не могла же она бороться съ нѣсколькими баталіонами пѣхоты и съ артиллеріей.

Ловчу непріятель занялъ; жителей болгаръ заставилъ рыть укрѣпленія; тѣхъ же, которые изъявили наибольшую радость при нашемъ вступленіи, лишили жизни; въ томъ числѣ поплатился и священникъ, за то, что служилъ намъ молебенъ.

7-го іюля вечеромъ мы были обратно въ Сельви.

VIII.

На другой день утромъ, представители города, члены „градскаго совѣта", въ томъ числѣ и Иванчу Ангеловъ, собрались къ Жеребкову, съ жалобой на муллу и еще на нѣкоторыхъ изъ вліятельнѣйшихъ жителей турокъ. Всѣ они разсказывали такіе ужасы, обвиняли турокъ въ такихъ жестокостяхъ, что Жеребковъ рѣшилъ

немедленно же судить этихъ людей военнымъ судомъ. На мою долю выпало сходить, привести муллу.

Отправляюсь въ сопровожденіи нѣсколькихъ болгаръ и казаковъ. Муллу мы нашли разгуливающимъ въ своемъ саду. Это былъ средняго роста, широкоплечій, пожилой мужчина, съ жиденькой черной бородой. Глаза имѣлъ тоже черные, взглядъ чрезвычайно живой. Лицо у него было шафраннаго цвѣта, щеки мягкія, отвисшія. Руки бѣлыя, нѣжныя, очевидно не привыкшія ни къ какой грубой работѣ. На немъ было надѣто нѣчто въ родѣ мантіи кофейнаго цвѣта, на головѣ бѣлая чалма, обтянутая зеленой кисеей.

Мулла издали замѣтилъ насъ и тихонько скрылся въ свои покои. Онъ смѣтилъ, что къ нему идутъ гости непрошенные. Мы за нимъ въ домъ, поднимаемся по ступенькамъ маленькой лѣстницы. Я одинъ вхожу въ первую комнатку, очень чистенькую, полъ покрытъ красивыми цыновками, и здѣсь встрѣчаю хозяина, съ четками въ рукахъ. Ни во взглядѣ его, ни въ движеніяхъ, не замѣтно было и тѣни страха; лицо ему не измѣняло. Мулла проситъ меня сѣсть на низенькій диванчикъ, покрытый коврикомъ; я же, въ свою очередь, прошу его слѣдовать за мной. Тотъ безъ разговоровъ слѣдуетъ. Мы выходимъ. Въ эту минуту дверь на заднюю половину отворяется, и оттуда съ крикомъ и воплемъ высыпаетъ пять или шесть женщинъ. Лица ихъ до половины закрыты бѣлыми чадрами. Онѣ съ плачемъ и воемъ бросаются къ муллѣ и начинаютъ съ нимъ прощаться и обнимать колѣни. Мулла и тутъ не измѣняетъ себѣ; тихо, величественно онъ прощается съ своими женами и уговариваетъ ихъ успокоиться.

При выходѣ изъ дому, одинъ изъ моихъ спутниковъ болгаръ указываетъ мнѣ на трость съ мѣдной рукояткой, стоящую въ комнатѣ муллы. Рукоятка палки имѣла одинъ конецъ въ видѣ клюва, другой въ формѣ молотка. По словамъ болгарина, эта палка была извѣстна всему городу, такъ какъ мулла никогда съ ней не разставался и колотилъ ею болгаръ, праваго и виноватаго. Я беру палку, чтобы показать ее Жеребкову. Огромная толпа народу пристаетъ къ намъ по дорогѣ къ лагерю. Всѣ они кричатъ, радуются и указываютъ кто на палку, кто на муллу.

Жеребковъ съ нѣсколькими офицерами, членами временнаго военнаго суда, уже ожидали насъ въ просторной палаткѣ, сидя на разостланныхъ буркахъ. Предъ ними, при входѣ, сидѣлъ, поджавши ноги, пожилой смуглый турокъ, очень почтенный на видъ, въ богатомъ пестромъ халатѣ. Его манеры и степенность доказывали, что онъ принадлежалъ къ высшему кругу. Это былъ тоже обвиняемый.

Муллу просятъ сѣсть поближе къ офицерамъ, какъ почетнѣйшаго.

Переводчикъ Ульяновъ начинаетъ муллѣ объяснять, въ чемъ онъ обвиняется, задаетъ ему вопросы. Мулла на все отвѣчаетъ тихимъ глухимъ гортаннымъ голосомъ: „зокъ, эфенди“ (нѣтъ, князь). При этомъ поднимаетъ глаза къ небу и говоритъ: „Алла верды!“ (Божья воля). Въ то же время лѣвой рукой перебираетъ четки, правую же, для пущаго доказательства, прижимаетъ къ сердцу. Но судьба его уже была рѣшена.

Поговоривъ немного съ офицерами, Жеребковъ приказываетъ казаку, который стоялъ за спиной муллы, увести того. Казакъ слегка трогаетъ подсудимаго за плечо и грубо говоритъ ему: „эй, мулла, геть“ (пойдемъ)!

Мулла безпомощно озирается и никого не видитъ, кто бы могъ защитить его. Искра надежды, мелькавшая еще у него въ глазахъ, начинаетъ покидать его. Шафранное лицо судорожно искажается. Не смотря на все это, онъ не теряетъ достоинства, гордо приподнимается, идетъ за казакомъ, и дорогой шепчетъ молитву. Слова: „Алла, Алла“ можно ясно разобрать по движенію его губъ. Муллу отводятъ шаговъ за тридцать отъ лагеря, ставятъ къ телеграфному столбу, даже не привязываютъ, а только покрываютъ голову бѣлымъ полотенцемъ. Губы осужденнаго все еще продолжаютъ шептать молитву. Офицеръ командуетъ взводу: „пли“; залпъ раздается — мулла мгновенно вздрагиваетъ всѣми суставами, послѣ чего, тѣло его, свихнувшись на бокъ, медленно спускается вдоль столба на землю безсильно подогнувъ колѣни.

Въ ту же самую минуту, изъ толпы жителей, безмолвно смотрѣвшей на казнь, бросается ко мнѣ пожилой болгаринъ, снимаетъ чалму и жалобно начинаетъ о чемъ-то умолять, цѣлуетъ мои руки, полы черкески и тащитъ къ трупу.

Первоначально я было подумалъ, ужъ не родственникъ ли онъ будетъ убитому. Но когда болгаринъ закричалъ: „Има хубави сахатъ; моля ти, да говема“. Я понялъ, что этотъ человѣкъ проситъ позволенія снять съ муллы часы-луковицу, которые у того торчали изъ-за кушака, на длинной серебряной цѣпочкѣ. Невыразимо гадокъ показался мнѣ этотъ болгаринъ.

Я замахнулся на него плетью, а тому хоть бы что, прикрылъ ладонями свою бритую голову и продолжалъ приставать ко мнѣ до тѣхъ поръ, пока трупъ муллы не зарыли.

Послѣ муллы тотчасъ же принялись за старика турка. Его положеніе было самое ужасное. Ему пришлось слышать и видѣть, какъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него разстрѣливали самаго ува-

жаемаго имъ человѣка. Въ противуположность муллѣ, старикъ совершенно потерялъ всякое самообладаніе. Казнь ли муллы на него такъ подѣйствовала или вообще его нервы были слабѣе, только когда казакъ сталъ его звать, то онъ уже не могъ самъ подняться, пришлось вести подъ руки. Боже мой, какъ онъ просилъ, какъ умолялъ о прощеніи,—все напрасно. Залпъ вторично раздался, и черезъ нѣсколько минутъ, подлѣ могилы муллы, образовалась другая могила. Болгаре постояли, потолковали, почесали затылки и разошлись.

IX.

Какъ-то послѣ обѣда сижу въ своей палаткѣ и разбираюсь въ грудѣ турецкаго и болгарскаго трапья: его мнѣ наканунѣ принесъ мой Ларинъ. Гдѣ ужъ Ларинъ досталъ эти вещи, Богъ его знаетъ. Между дрянью тутъ были и очень хорошія вещи, въ особенности женскія шелковыя рубахи, тонкія какъ паутина, съ золотымъ шитьемъ. Затѣмъ была пропасть полотенецъ, съ вышивками, всевозможныхъ узоровъ. „Вотъ, думаю, какъ обрадуется мой пріятель Владиміръ Васильичъ Стасовъ, если я привезу ему этихъ вышивокъ, какъ начнетъ восклицать: „Чудесно, прекрасно, великолѣпно". Съ кѣмъ бы только посовѣтоваться, которыя изъ нихъ пооригинальнѣе, поинтереснѣе? Антонова спрашивать не стоитъ; тому вышивки не интересны, ему лишь бы полотно хорошо было". Пока такъ сижу и раздумываю, подходитъ мой приказный Панчохъ и останавливается около меня.

— Чтò скажешь?—спрашиваю я.

— Ваше благородіе, вотъ гдѣ, говорятъ, кони-то есть, этта не такъ далече, верстъ 30 всего,—объявляетъ тотъ и показываетъ рукой къ тѣмъ горамъ, откуда появлялись баши-бузуки. По лицу Панчоха сразу было замѣтно, что онъ пронюхалъ что-то хорошее!

— Кто тебѣ сказалъ?—спрашиваю я.

— Димитрій (Кара Ивановъ) сказывалъ. Тамъ, говоритъ, турокъ много; оружіе у нихъ отобрать надо,—непокорные!

При этихъ словахъ лицо Панчоха дѣлается довольное. Онъ ничего такъ не любилъ, какъ ѣздить по турецкимъ селеніямъ и отбирать оружіе. Признаться сказать, я тоже очень любилъ этимъ заниматься, и почти изъ тѣхъ же самыхъ видовъ. Казаки надѣялись „при семъ удобномъ случаѣ" поживиться чѣмъ-нибудь цѣннымъ: деньгами, украшеніями, а я жаждалъ коня себѣ добыть, настоящаго, арабскаго, и хотя у меня уже стояло по ко-

нюшнямъ, въ Сельви, около десятка лошадей различной масти и качествъ, но при этой новой вѣсти сердце мое затрепетало, и я началъ разспрашивать Панчоха, гдѣ находятся лошади, у кого, далеко ли селеніе, и т. п.

— Селеніе, ваше благородіе, большое; только туды уже съ утра надо, пораньше, а то засвѣтло не поспѣть воротиться,— отвѣчаетъ онъ. Я передаю этотъ разговоръ Жеребкову, какъ своему временному начальнику, причемъ добавляю, что мнѣ лично приказано обезоруживать турецкія селенія. Кромѣ того прибавляю, что передъ моимъ отправленіемъ изъ Тырнова мнѣ поручено прислать туда, если попадутся, хорошихъ кобылу или жеребца. „Поэтому,—говорю Жеребкову,—мое мнѣніе, такой случай упускать не надо, а тамъ, какъ знаете!"

Жеребковъ вполнѣ соглашается, и моя поѣздка назначается на завтра. Въ конвоѣ ѣдетъ 10 человѣкъ моихъ и 10 лейбъ-казаковъ.

На другой день, только что солнышко стало показываться изъ-за горъ, мы уже сидѣли на лошадяхъ и трогались въ путь на юго-западъ отъ Сельви. Сначала ѣдемъ той долиной, по которой гонялись за черкесами, затѣмъ въѣзжаемъ на лѣсистыя возвышенности. Дорога становится все живописнѣе. Что за роскошныя мѣста здѣсь! Какое богатство травъ, зелени, фруктовъ! Какіе лѣса, какія пастбища! Право, еслибы не видѣлъ собственными глазами, такъ не повѣрилъ бы. Вотъ идетъ широкое ущелье; по зеленому дну его, точно громадные лебеди, разгуливаютъ бѣлые волы въ тучной травѣ. Животныя, очевидно, уже совершенно сыты. Завидя насъ, они лѣниво поворачиваютъ красивыя морды въ нашу сторону, тревожно настораживаютъ уши, нюхаютъ воздухъ черными влажными переносьями, и удивленно смотрятъ.

„Что за прелестная скотина, такой еще мнѣ нигдѣ въ Россіи не приходилось видѣть!" разсуждаю я. „А гулять-то ей какъ хорошо: ни комара, ни мухи; тѣни—сколько угодно подъ каждымъ деревомъ; вода съ горъ течетъ ручьями въ изобиліи!"

Часа три ѣдемъ, не слѣзая; становится жарко. Около блестящаго ручейка дѣлаемъ отдыхъ на полчаса, и затѣмъ ѣдемъ дальше. Проводники болгары начинаютъ поговаривать: „тука не далеко, бративу, има три садъ" (тутъ недалеко, братецъ, всего три часа), т.-е. 18 верстъ, да ѣхали мы 3 часа; выходитъ, до Остреца, считая по 7 верстъ въ часъ, всего 30 верстъ. „Хорошо еще, что мы такъ рано выѣхали! Проѣхавъ еще около 1½ часа, встрѣчаемъ нѣсколькихъ верховыхъ болгаръ, жителей Остреца, на маленькихъ плохенькихъ лошаденкахъ. Они присоединяются

къ намъ и ѣдутъ рядомъ со мной. Отъ нихъ узнаемъ, что Острецъ очень большое селеніе; въ немъ живетъ нѣсколько сотъ турецкихъ семействъ и есть богатые турки.

— „Има кони, има оружіе, има паричка, има сичко, сичко има“ (они имѣютъ лошадей, оружіе, деньги, имѣютъ все, все имѣютъ), нашептываютъ они мнѣ, значительно киваютъ головами и дѣлаютъ знаки, по направленію къ своему селенію. Хотя, конечно, мнѣ очень хотѣлось достать знаменитыхъ коней, но въ то же время меня начинаетъ брать сомнѣніе. „А какъ да турки встрѣтятъ насъ огнемъ или устроятъ засаду? Вѣдь насъ и всего-то 20 человѣкъ. Примѣръ же съ сотникомъ Гурбановымъ давно ли былъ!“.. При этой мысли, я изподтишка оглядываюсь на свое воинство, и не совсѣмъ-то спокойнымъ голосомъ спрашиваю болгаръ:

— Ну, какъ же вы думаете, отдадутъ намъ турки свое оружіе?

— Не вѣмы, капитане, не вѣмы! (не знаемъ), — отвѣчаютъ тѣ, робко снимаютъ чалмы, прикладываютъ къ груди и кланяются мнѣ, насколько позволяютъ сѣдло и шея лошади. Они замѣтно боятся прогнѣвить меня своимъ отвѣтомъ. Въ это время передовые всадники-болгаре радостно кричатъ:

— Эгэ-э-э, Острецъ!—Они заскакали немного впередъ и, въѣхавъ на небольшой бугорокъ, весело указываютъ теперь на селеніе.

Мѣстность здѣсь идетъ довольно песчаная. Селеніе лежитъ въ небольшой котловинѣ и защищается отъ вѣтровъ возвышенностями со всѣхъ сторонъ. Еще издали мы видимъ пеструю толпу жителей, вышедшую къ намъ на встрѣчу. Освѣщенная яркимъ солнцемъ, толпа раздѣлилась на двѣ половины; по правую сторону дороги сразу можно отличить турокъ, по ихъ характернымъ бѣлымъ разноцвѣтнымъ чалмамъ, а также по длиннымъ халатамъ, преимущественно коричневаго и желтаго цвѣта. Халаты, должно быть, надѣваютъ не всѣ турки, такъ какъ вонъ позади толпы замѣтны фигуры безъ халатовъ, въ коротенькихъ цвѣтныхъ куртвахъ. Влѣво отъ дороги расположились болгары. Ихъ толпа гораздо мельче и скромнѣе; пестрыхъ цвѣтовъ въ одеждѣ здѣсь не видно. Во главѣ ихъ стоитъ попъ, въ черной рясѣ и высокой черной шапкѣ. Болгаре изъ почтенія стоятъ съ непокрытыми головами, туркамъ же законъ не дозволяетъ снимать чалмы. И тѣ, и другіе безмолвно ожидаютъ насъ. Между турками прежде всѣхъ замѣтенъ мулла по его осанкѣ и степенному виду; за нимъ слѣдуютъ старики, какъ почетнѣйшіе жители.

Подъѣзжаемъ сначала къ болгарамъ. „Слѣзай!“ командую я, и начинаемъ здороваться, сначала, конечно, съ попомъ. Болгаре здороваются на турецкій манеръ, берутъ наши руки и прижимаютъ къ сердцу, потомъ ко лбу. Отъ болгаръ переходимъ къ туркамъ. Лицо здѣшняго муллы, какъ и сельвинскаго, очень мнѣ понравилось, такое же умное, серьезное. Глаза черные, впалые, выразительные. Голосъ его нѣсколько гортанный, но ясный, спокойный, внушающій довѣріе. Мулла былъ невысокаго роста, худощавый; манеры имѣлъ тихія.

Всѣ турки замѣтно относились къ нему съ большимъ уваженіемъ.

— Вотъ,—думается мнѣ,—какъ здѣсь турки смотрятъ на своихъ поповъ, не такъ какъ у насъ въ Россіи, гдѣ прихожане иной разъ чуть не въ рукопашную готовы пуститься со своими пастырями!

Турокъ въ Острецѣ несравненно болѣе, чѣмъ болгаръ, а потому хоть насъ и мирно встрѣчаютъ, разсуждаю я, но все-таки намъ не мѣшаетъ быть осторожными, въ особенности, когда находишься въ 30 верстахъ отъ своихъ. Печальный случай съ Гурбановымъ не выходитъ изъ моей головы.

По совѣту тѣхъ же Ларина и Панчоха, я приказываю отдѣлиться отъ толпы муллѣ и шестерымъ почетнѣйшимъ старикамъ, и приставляю къ нимъ пять казаковъ, съ ружьями на готовѣ. Турки спокойно отходятъ въ сторону и безмолвно ждутъ, что́ съ ними будетъ дальше. Казаки ихъ окружаютъ и вынимаютъ изъ чахловъ ружья. Эти турки должны были составлять залогъ на случай какого-либо нападенія на насъ.

Въ селеніе я не ѣду, а подзываю переводчика Димитрія и прошу его перевести муллѣ слѣдующее: „Всѣ жители Остреца должны немедленно сносить сюда, ко мнѣ, какое у нихъ есть оружіе; если же я потомъ найду хоть одну сломанную шашку или пистолетъ, то хозяинъ будетъ разстрѣлянъ, а домъ сожженъ“.

Мулла спокойно выслушиваетъ и затѣмъ громкимъ, отчетливымъ голосомъ передаетъ слово въ слово собравшейся толпѣ. Быстро разбѣгаются жители, какъ старики, такъ и малые ребята, по своимъ домамъ. Начинается стаскиваніе оружія. Пять арбъ, запряженныхъ, каждая, парою большихъ черныхъ буйволовъ, до верху нагружаются всевозможнымъ оружіемъ. Какихъ только ружей здѣсь нѣтъ! И длинныхъ, длинныхъ съ дамаскированными стволами, украшенныхъ золотою насѣчкою, и до того коротенькихъ, что только одни ложи, толстыя, претолстыя, виднѣются, раздѣланныя блестящимъ цвѣтнымъ перламутромъ. Масса ятага-

новъ, шашекъ. Есть и съ серебряными рукоятками, и изъ слоновой кости, съ бирюзой, кораллами, яхонтами и разными другими украшеніями. Кромѣ того, множество пистолетовъ и худыхъ, и хорошихъ.

Болгаре тѣснятся вокругъ оружія и пожираютъ его глазами. Имъ, очевидно, очень хотѣлось бы подѣлить все это добро.

Черезъ часъ, не больше, мулла объявляетъ, что приказаніе исполнено.

Въ отвѣтъ на это я велю Димитрію напомнить, что самъ лично отправлюсь провѣрить его слова.

Мулла посылаетъ нѣсколько оборванныхъ турокъ кричать по селенію, чтобы жители сносили все оружіе безъ остатка. Крикуны бѣгутъ и начинаютъ кричать. Ихъ крики походятъ на какое-то завываніе, и въ окружающей тишинѣ, да еще въ чужой незнакомой мѣстности, гдѣ за каждой горкой могутъ скрываться враги, дѣйствуютъ на насъ очень непріятно.

Солнышко на закатѣ, ѣхать давно пора, а наше дѣло, между тѣмъ, еще не кончено. Крикуны, стоя на плоскихъ крышахъ, въ разныхъ концахъ селенія, орутъ немилосердно, задравъ головы. Я уже начинаю раскаяваться, что велѣлъ кричать. „Богъ знаетъ, думаю, что они тамъ кричатъ! Далеко, да и не по нашему, не разберешь, можетъ къ оружію призываютъ или засаду готовятъ!

Наконецъ, мулла подходитъ ко мнѣ, и подтверждаетъ, что оружіе снесено все. Тогда я приступаю къ главной цѣли моей поѣздки и прошу Димитрія перевести ему слѣдующее:

„Мнѣ нужны хорошія лошади, такъ какъ я знаю, что у кого-то изъ здѣшнихъ жителей таковыя есть, поэтому пусть тотъ немедленно же приведетъ ихъ сюда“. Мулла сразу догадывается, о комъ идетъ рѣчь, обращается къ высокому широкоплечему, уже пожилому турку, съ круглой бородой, одѣтому въ желтый халатъ съ пунцовыми полосками, и что-то говоритъ ему. Турокъ прикладываетъ руку къ сердцу и направляется въ селеніе. Панчохъ съ Гасюкомъ ужъ тутъ какъ тутъ, готовы, точно шакалки на падаль, вскакиваютъ на лошадей и верхами слѣдуютъ за старикомъ. За ними бѣгутъ ребятишки, подпрыгивая и обгоняя другъ друга. Одѣты они въ пестрыя куртки и широкія шаравары; на головахъ маленькія фески.

Минутъ черезъ десятокъ, видимъ, показывается изъ селенія процессія. Впереди всѣхъ молодой парень турокъ, румяный, съ черными усиками, очень красивый, въ курткѣ изъ зеленоватаго ситца съ цвѣточками, въ синихъ шараварахъ и въ широкихъ башмакахъ на босу ногу, ведетъ на короткомъ поводу темно-сѣ-

рую кобылу. Лошадь небольшого росту, очень дикая, какъ змѣя, извивается въ разныя стороны; она испуганно водитъ ушами, фыркаетъ и безпрестанно пробуетъ вырваться изъ рукъ оробѣлаго турченка. Старикъ хозяинъ угрюмый слѣдуетъ за лошадью и останавливается передъ нами. Лошадь красавица; мордочка сухая, жилки такъ всѣ и видны; глаза на выкатѣ, ножки стройныя, тоже сухія, грудь широкая, спина прямая, задъ тоже широкій круглый; все въ ней доказывало породистость, силу и быстроту. Я приказываю немедленно осѣдлать ее моимъ сѣдломъ. За этой лошадью приводятъ еще двухъ, одну кобылу рыжую, тоже очень красивую, но уже старую, и караковаго жеребца, молоденькаго, лѣтъ трехъ. Эти обѣ лошади хоть и хороши, но гдѣ же имъ равняться съ сѣрой? Тѣмъ не менѣе, я приказываю казакамъ взять и ихъ.

„Ну, теперь, думаю, можно и домой ѣхать", и направляюсь къ своему новому коню. Въ это самое время, сквозь толпу пробивается нѣсколько женщинъ, одѣтыхъ въ черные капишоны, лица завязаны бѣлыми чадрами. Онѣ бросаются къ сѣрой кобылѣ, покрываютъ поцѣлуями ея морду, шею, грудь, спину, копыта и до тѣхъ поръ продолжаютъ ласкать ее, пока я не кричу людямъ: „садись!"

Солнце на половину закатилось, когда мы тронулись въ обратный путь. Отъѣхавъ съ полверсты, оглядываюсь назадъ, смотрю, толпа все еще стоитъ и, точно прикованная, смотритъ, какъ мы удаляемся. Впереди всѣхъ выдѣляются женщины въ своихъ черныхъ длинныхъ одеждахъ, съ бѣлыми покрывалами на лицахъ.

„Что-то весь этотъ народъ думаетъ объ насъ" —разсуждаю я,— „разбойники—молъ, да и только; пришли, ограбили и ушли". Въ это время слышу позади себя восклицанія казаковъ:

„Эхъ, да и кобыла хороша", — толкуютъ они въ полголоса, глядя на мою новую лошадь. И дѣйствительно, было на что посмотрѣть. Лошадь, казалось, сѣдока совсѣмъ на себѣ не слышала, до того легко ступала по землѣ. Сидѣть на ней приходилось крѣпко, дремать некогда, того и гляди вылетишь изъ сѣдла. Послѣ моей прежней лошади, на этой было не такъ спокойно ѣхать или, проще сказать, я трусилъ немного, въ особенности когда замѣтилъ, что она рѣшительно не умѣетъ переходить маленькіе мостики и канавы, а старается перескочить ихъ.

Вонъ впереди мостикъ. Подъѣзжаю ближе, лошадь все уменьшаетъ и уменьшаетъ шагъ, не смотря на то, что я слегка подталкиваю ее ногой. Затѣмъ она начинаетъ дрожать, прижимаетъ уши, сбираетъ спину.

„Сидите, ваше благородіе“, — слышу крикъ Димитрія Кара Иванова. Вслѣдъ за этимъ крикомъ, лошадь дѣлаетъ прыжокъ, да такой, что я едва-едва не лечу черезъ голову. „Го-го-го“, подсмѣиваются сзади казаки. Не смотря на это, я все-таки ласково треплю лошадь по шеѣ, и съ любовью расправляю ея тонкую, жиденькую, сѣдую гривку.

Сейчасъ позади меня ѣдутъ мулла и шестеро турокъ заложниковъ. Я рѣшилъ ихъ отпустить только тогда, когда проѣдемъ горы. Назадъ ѣхать, кажется, намъ гораздо дальше и скучнѣе, такъ какъ всего того, чѣмъ мы такъ интересовались и любовались днемъ, теперь не видно. Ѣдемъ съ предосторожностями: впереди, саженей съ сотню, ѣдутъ четыре казака, да по сторонамъ столько же. Разговоровъ не слышно, лица у всѣхъ не такія веселыя и беззаботныя, какъ днемъ. Въ ночной тишинѣ только и раздается, что топотъ лошадей, да скрипъ арбъ. Этотъ однообразный шумъ изрѣдка нарушаютъ крики погонщиковъ турокъ.

О-о-о! — понукаютъ они огромныхъ буйволовъ, которые въ темнотѣ кажутся еще больше. Вытянувъ морщинистыя морды съ маленькими глазками, животныя лѣниво переступаютъ съ ноги на ногу.

— О-о-о, и-и! — что-то ужъ особенно сердито кричитъ передовой погонщикъ, и съ азартомъ тычетъ палкой въ бокъ праваго буйвола за то, что тотъ неаккуратно затащилъ арбу на косогоръ. Буйволъ въ свою очередь сердится, нагибаетъ голову книзу, упрямо крутитъ точно прижатыми къ шеѣ рогами и разомъ наваливается широкой грудью въ гладкое ярмо. Лѣвый буйволъ, чтобы избѣжать непріятныхъ тычковъ, дружно помогаетъ вытащить арбу на настоящую дорогу; послѣ того, они оба переходятъ въ свой прежній шагъ и лѣниво идутъ, самодовольно помахивая длинными мускулистыми хвостами.

Какъ только горы миновали, мы отпустили заложниковъ.

Въ лагерь пріѣхали мы уже за полночь. Прежде, чѣмъ лечь спать, я долго возился съ лошадьми, самъ проводилъ арбы съ оружіемъ въ городской конакъ, приставилъ къ нимъ часовыхъ изъ болгаръ, и только тогда пришелъ къ себѣ въ палатку и счастливый заснулъ.

X.

На утро, иду въ городской конакъ, провѣдать оружіе, и что же нахожу? Часовой болгаринъ стоитъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ я его поставилъ наканунѣ, комично уперевъ ложе кремневаго ружья

въ свой животъ и прехладнокровно на меня смотритъ. Оружія, что́ я вчера привезъ, и слѣда нѣтъ.

— Это что такое? Гдѣ же все оружіе?—съ удивленіемъ спрашиваю я.

— Нѐма, капитане, нѐма; моля ти (умоляю),—жалобно кричитъ тотъ и защищаетъ лицо ладонью, боясь, чтобы я не ударилъ его. Затѣмъ объясняетъ, что городскіе жители, какъ только узнали объ оружіи, толпой набросились и моментально все его расхватали, онъ же не посмѣлъ имъ препятствовать. Такъ я и не попользовался оружіемъ.

Около полудня пріѣхали въ Сельви изъ Тырнова три офицера изъ главной квартиры: поручикъ Непокойчицкій, ротмистръ Максимовичъ и поручикъ Джонсонъ. Они присланы были съ тѣмъ, чтобы я ихъ проводилъ со своей полусотней въ кавказскую бригаду къ Тутолмину.

Въ тотъ же день, вечеромъ, пріѣхалъ изъ бригады мой сотенный командиръ съ 1-й полусотней. Мы очень дружно обнялись съ нимъ и поцѣловались, хотя изъ разговоровъ замѣтно было, что Павелъ Ивановичъ завидовалъ моей удачной командировкѣ.

— Ну, что-жъ, коня мнѣ достали?—говорилъ онъ въ тотъ же вечеръ, сидя у меня въ палаткѣ и попивая чай съ блюдечка.

— Досталъ-было двухъ, да одну отправилъ въ Тырновъ, а другую Жеребкову подарилъ,—объясняю я ему, хотя въ дѣйствительности у меня было еще три лошади, очень порядочныхъ, но мнѣ сильно не хотѣлось съ ними разставаться.

— Эхъ, хорошъ офицеръ, жалѣетъ лошади своему сотенному командиру,—ворчитъ на это Павелъ Ивановичъ, и съ тѣхъ поръ онъ началъ коситься на меня. Отъ него же я узналъ, что наша бригада находится недалеко отъ Булгаренскаго моста.

Рано утромъ отправляюсь съ полусотней, ближайшей дорогой черезъ возвышенности, провожать посланныхъ изъ главной квартиры. Эту дорогу мнѣ указали болгары, и ею значительно сокращался путь. Одновременно со мной выступилъ обратно въ Тырново и Жеребковъ съ лейбъ-казаками. Караулить Сельви остался Павелъ Ивановичъ съ 1-й полусотней, и пробылъ тамъ нѣсколько дней, пока не былъ замѣщенъ другой сотней.

Часовъ въ одиннадцать утра дѣлаемъ привалъ въ селеніи Юру-Клеръ. Селеніе это очень большое и, повидимому, пустое. Только-что мы слѣзли съ лошадей, чтобы отдохнуть, вижу, поручикъ Непокойчицкій ѣдетъ съ казакомъ осматривать селеніе. Мнѣ тогда же мелькнуло въ головѣ: „чего ему тамъ нужно ѣз-

дить?.. Еще нарвется на какого-нибудь баши-бузука, ранятъ,—отвѣчай тогда за него!“ И дѣйствительно, не прошло 10 минутъ, слышимъ выстрѣлъ, поднимается тревога. Что такое? казака Непокойчицкаго ранили. Оказывается, поручикъ вздумалъ взойти въ одну хатку, и хорошо еще, что не самъ первый пошелъ, а послалъ казака, тотъ осторожно входитъ съ винтовкой въ рукахъ, какъ вдругъ на него бросается турокъ и ранитъ шашкой въ руку. Казакъ не потерялся и успѣлъ застрѣлить турка.

Въ бригаду мы пріѣхали рано утромъ. Товарищи встрѣтили меня чрезвычайно радостно, тѣмъ болѣе, что въ полку уже были получены отъ великаго князя шесть георгіевскихъ крестовъ на мою полусотню, за защиту Сельви. Въ то же время я узнаю, что 8 іюля наши войска потерпѣли неудачу подъ Плевной.

Такъ какъ адъютантовъ я же и обратно провожалъ въ главную квартиру, то мнѣ пришлось вторично попасть въ Тырново. Городъ уже значительно измѣнился. Вся площадь, прилегавшая къ саду, гдѣ жилъ великій князь, покрылась штабными палатками. По улицамъ виднѣлось множество ресторановъ и кафе-шантановъ, повсюду раздавались пѣсни и военная музыка.

Въ тотъ день подъ вечеръ, сижу я въ палаткѣ одного знакомаго офицера генеральнаго штаба, которому только-что передъ этимъ продалъ караковаго жеребенка, доставшагося мнѣ въ Острецѣ, и разговариваю съ нимъ про плевненскую неудачу 8-го іюля.

— Ну, теперь-то ужъ мы возьмемъ ее, туда идутъ цѣлыхъ двѣ дивизіи,—съ увѣренностью говоритъ капитанъ.

— Отчего же такъ мало?—спрашиваю я,—вѣдь по слухамъ въ Плевнѣ засѣло около 40 тысячъ непріятеля.

— Да откуда же больше взять? Главнокомандующій и то теперь съ одними лейбъ-казаками остался.—Я никакъ не подозрѣвалъ, что у насъ такъ мало было войскъ, а потому этотъ разговоръ врѣзался въ моей памяти.

Если не ошибаюсь, 14 іюля, съ восходомъ солнца, я выѣхалъ обратно къ Булгаренскому мосту. За это послѣднее время я такъ привыкъ къ большимъ переѣздамъ, что теперь ѣхать обратно, слишкомъ за сто верстъ, казалось мнѣ совершенно обыкновенной поѣздкой. Только тутъ я узналъ, чтó за прекрасная была моя лошадь: крѣпкая, бодрая, никогда не спотыкалась и съ очень большимъ шагомъ—качество, неоцѣненное въ боевой походной лошади. Отъ встрѣчныхъ болгаръ узнаю, что Тутолминъ съ бригадой передвинулся по направленію къ Плевнѣ.

За Булгаренскимъ мостомъ открывается обширная равнина.

Вдали показались столбы пыли, — это шли тѣ самыя дивизіи, о которыхъ мнѣ говорилъ капитанъ генеральнаго штаба. Начинаю обгонять ихъ. На душѣ становится какъ-то отраднѣе при видѣ этого лѣса штыковъ, сверкающихъ на солнцѣ.

— Эге, сколько здѣсь нашихъ,—весело толкуютъ казаки позади меня. Вправо отъ шоссе, на лужкѣ, отдыхаетъ бригада пѣхоты. Палатки не раскинуты, люди прилегли только такъ, временно, и, вѣроятно, скоро пойдутъ дальше. Лѣвѣе отъ шоссе, и тамъ бѣлѣютъ на солнышкѣ рубахи солдатъ.

Обгоняемъ обозы; медленно тащатся повозка за повозкой, покрытыя густой пылью. На одной изъ нихъ горой навьючены офицерскія вещи: сакъ-вояжи, чемоданы, кожаные, парусинные, сундуки, складныя кровати, котелки, чугуны, самовары; на самомъ верху сидятъ связанные за ноги пѣтухъ и нѣсколько куръ. За повозкой слѣдуютъ деньщики, кто въ сюртукахъ нараспашку, кто безъ сюртуковъ, въ ситцевыхъ рубахахъ, заправленныхъ въ черные штаны. Одинъ изъ нихъ, схватившись правой рукой за край повозки, въ другой держитъ пучекъ какихъ-то вѣтокъ и отмахивается ими отъ мухъ.

Жара начинаетъ одолѣвать, солнце входитъ въ свои права, вѣтру совсѣмъ нѣтъ; пыль, поднятая тысячами ногъ, точно не хочетъ оставлять войска и тяжелой тучей настойчиво слѣдуетъ за ними.

За офицерской повозкой обгоняю чью-то богатую карету, запряженную четверкой добрыхъ гнѣдыхъ лошадей. Красивый кучеръ, въ клеенчатой шляпѣ и въ синей безрукавкѣ, поверхъ кумачевой рубахи, лѣниво правитъ лошадьми.

— Чья карета?—спрашиваю кучера.

— Генерала Пузанова,—отвѣчаетъ онъ.

Еще долго обгоняемъ обозы, артиллерію, пѣхоту. Кавалеріи что-то здѣсь незамѣтно: кажется, всѣхъ объѣхали.

Съ версту впереди, виднѣются одиночные солдаты, разставленные другъ отъ друга рѣдкою цѣпью. Мѣстность настолько открыта, что простымъ глазомъ можно видѣть еще верстъ на пять впередъ.

Не доѣзжая цѣпи, влѣво отъ шоссе, замѣтна группа всадниковъ. По ихъ блестящимъ мундирамъ объясняю себѣ, что это вѣрно стоитъ начальникъ дивизіи со штабомъ. Отдаю честь и ѣду мимо; только-что поравнялся съ ними, слышу голосъ:

— Господинъ офицеръ, господинъ офицеръ, пожалуйте сюда.— Вижу, мнѣ машетъ рукой генералъ при аксельбантахъ, съ очень смуглымъ лицомъ, борода бритая, усы черные, густые. Отъ штаба

отдѣляется молоденькій офицерикъ, подскакиваетъ ко мнѣ и предупредительно говоритъ:—Васъ генералъ проситъ!

— Какой генералъ?—спрашиваю его въ полголоса.

— Генералъ, командиръ***.

— Я останавливаю полусотню и скачу на зовъ.

— Куда вы ѣдете?—еще издали спрашиваетъ меня генералъ, голосомъ, въ которомъ слышалась укоризна. Я объясняю, что ищу кавказскую бригаду, которая должна быть впереди.

— Какая тамъ бригада? Развѣ вы не видите, что вонъ тамъ уже мои передовые посты стоятъ?—крикливо говоритъ онъ, указывая рукой на передовую цѣпь. Затѣмъ, какъ бы обидчиво добавляетъ:—Ну-да ступайте, ступайте, какъ знаете!—И генералъ съ недовольнымъ видомъ отпускаетъ меня.

Ѣдемъ еще верстъ 7—8 по шоссе, сворачиваемъ влѣво и узкой тропинкой доѣзжаемъ до небольшого селенія, гдѣ и останавливаемся на отдыхъ. За нѣсколько верстъ передъ этимъ селеніемъ, ко мнѣ присталъ ординарецъ главнокомандующаго, поручикъ Рудзевскій. Его послали въ распоряженіе генералъ-маіора Михаила Дмитріевича Скобелева, который только-что передъ тѣмъ былъ назначенъ, на время предстоящаго штурма Плевны, начальникомъ небольшого отряда. Въ составъ этого отряда входили кавказская казачья бригада, баталіонъ курскаго полка и одна баттарея.

Селеніе, гдѣ мы остановились, расположено вдоль ручейка, между высокими холмами.

„Гдѣ-же бригада?—думаю я, растянувшись на буркѣ.—Скоро-ли мы ее найдемъ?“ Казаки уморились, лошади тоже, жара смертная. Достали барана, сварили его, закусили, отлично отдохнули и съ свѣжими силами сбираемся въ дальнѣйшій путь. Но только-что мы спустились съ холмика, гдѣ во время отдыха стоялъ сторожевой казакъ, видимъ въ верстѣ передъ нами раскинулась наша бригада со своими разноцвѣтными сотенными значками. Длинныя коновязи правильно разбиты. Людей не видно. Въ такую жару каждый, конечно, старался быть въ тѣни. Лошади тоже, истомленныя жарой, стоятъ, понуривъ головы.

— Эге, то наша бригада,—удивленно восклицаемъ мы. И дѣйствительно, было чему удивляться. Никто изъ насъ не могъ себѣ объяснить, какъ можно было такъ долго отдыхать и закусывать въ верстѣ отъ своихъ и никого не замѣтить. Произошло это отъ того, что бригада защищалась маленькимъ холмикомъ; нашему часовому ея и не было видно.

Въ деревнѣ N мы простояли одни сутки; затѣмъ слышимъ, приказано выступать къ Плевнѣ.

XI.

Разсвѣтаетъ. Солнце еще не показывалось, въ воздухѣ свѣжо и сыро. По обѣ стороны дороги выстроился нашъ маленькій отрядъ, пѣхота, артиллерія и казаки. Лица у всѣхъ сонливыя. Одинъ Скобелевъ, веселый, въ пальто въ рукава, сквозь разстегнутые красные борта виднѣется бѣлый китель и Георгій на шеѣ, подскакиваетъ къ сотнямъ и привѣтствуетъ ихъ по обыкновенію картавя.

— Здорово, братцы! Поздравляю васъ съ боемъ! Помните, что сигнала отступленія не будетъ!—и уже трогаетъ шпорой своего сѣраго коня, чтобы скакать къ слѣдующимъ частямъ, какъ оборачиваетъ голову и прибавляетъ:—Да прошу васъ, братцы, въ плѣнъ непріятеля не брать.—Затѣмъ несется впередъ.—Ради стараться, ваше превосходительство-о-о,—доносится ему въ слѣдъ.

Солнце взошло. Владикавказскій полкъ идетъ правѣе шоссе, то по кукурузѣ, то кустарниками, то по совершенно зрѣлому, золотистому ячменю. Жалость смотрѣть, какъ лошади топчутъ этотъ великолѣпный хлѣбъ. Третья сотня идетъ въ резервѣ, прикрывая артиллерію, поэтому мнѣ и незамѣтно было, когда нашъ авангардъ вступилъ въ перестрѣлку съ непріятелемъ. Послышались рѣдкіе, отдаленные ружейные выстрѣлы. Сотня останавливается около густого дерева, Павелъ Ивановичъ командуетъ: „слѣзай“. Вижу, здѣсь намъ придется долгонько простоять, пожалуй ничего и не увидишь изъ сраженія. Подъѣзжаю къ сотенному командиру и прошу позволенія съѣздить къ бригадному.

— Чего вамъ тамъ нужно? Еще не наѣздились, оставайтесь, гдѣ слѣдуетъ—грубо отвѣчаетъ тотъ, все еще продолжая сердиться на меня.

— Мнѣ бригадный командиръ приказалъ находиться при немъ во время дѣла,—говорю ему, самъ не зная, съ чего мнѣ пришла эта мысль.

Павелъ Ивановичъ мычитъ что-то въ отвѣтъ и располагается подъ деревомъ на буркѣ. Казаки тихонько водятъ лошадей въ поводу, другіе закуриваютъ, третьи разсаживаются на травку, достаютъ изъ переметныхъ сумъ закусить и жуютъ себѣ, толкуя другъ съ другомъ вполголоса о предстоящемъ дѣлѣ.

Я ѣду одинъ, безъ казака, искать Тутолмина, и нахожу его

на холмикѣ. Иванъ Ѳедоровичъ сидитъ на свѣтло-гнѣдой лошади золотистой масти; позади два кубанскихъ казака (Тутолминъ любилъ больше кубанцевъ, чѣмъ владикавказцевъ) съ почтеніемъ ожидаютъ приказанія начальства.

— Что скажете, Верещагинъ?—любезно спрашиваетъ командиръ бригады и протягиваетъ руку.

— Позвольте, полковникъ, мнѣ быть при васъ на время дѣла, а то наша сотня остается въ резервѣ и я ничего не увижу,—жалобно объясняю ему.

— Сдѣлайте одолженіе, очень радъ,—говоритъ онъ. Я остаюсь. Тутолминъ пристально смотритъ впередъ, но видѣть далеко нельзя, такъ какъ мѣстность передъ нами возвышается и закрываетъ непріятельскую позицію.

— Ну-съ, Верещагинъ, какъ же бы вы распорядились въ данномъ случаѣ?—шутливо спрашиваетъ Иванъ Ѳедоровичъ, указывая рукой передъ собою:—ну-съ, какъ же-съ?—Но не успѣлъ я еще хорошенько вникнуть въ его вопросъ, какъ видимъ оба, скачетъ казакъ кубанецъ на круглой гнѣденькой лошадкѣ, совершенно потной; останавливается въ нѣсколькихъ шагахъ отъ бригаднаго командира, подноситъ руку вмѣстѣ съ плетью къ папахѣ и докладываетъ на своемъ малороссійскомъ языкѣ:—Ваше высокородіе, генералъ требуютъ еще сотню владикавказцевъ.—Тутолминъ обращается ко мнѣ и приказываетъ ѣхать къ Левису передать это. Только-что я тронулся, слышу вслѣдъ:

— Вашъ братъ пріѣхалъ, онъ тамъ впереди съ генераломъ.

— Который братъ, Василій?—съ удивленіемъ спрашиваю я, такъ какъ только-что передъ тѣмъ слышалъ, что братъ Василій лежитъ въ бухарестскомъ госпиталѣ, и очень плохо поправляется.

— Нѣтъ, другой, Сергѣй!—Я уже больше году не видалъ Сергѣя, а потому очень обрадовался и веселый скачу впередъ.

Командиръ полка въ это время находился съ нѣсколькими офицерами съ полверсты впереди, около самаго шоссе. Обхвативъ пальцами костяные гозыри сѣренькой походной черкески, онъ прохаживался съ командиромъ 2-й сотни подъ тѣнью деревьевъ. Другіе офицеры, въ томъ числѣ Астаховъ, Тимоѳѣевъ, Абессаловъ, Шанаевъ, сидѣли не вдалекѣ и разговаривали. По близости, сквозь кусты и вѣтви деревьевъ, виднѣлись казаки и лошади. Я подскакиваю къ Левису и передаю приказаніе. Тотъ оборачивается къ офицерамъ и отрывисто спрашиваетъ:

— Гдѣ Ляпинъ?—Слышатся возгласы:—Гдѣ хорунжій Ляпинъ? Гдѣ Ляпинъ?—Кто-то шутливо баситъ:—Позвать сюда адъютанта

Ляпина.—Пока идетъ эта суетня, я тихонько ѣду впередъ, скрываюсь изъ виду и маршъ-маршемъ скачу искать брата.

Поднявшись и спустившись нѣсколько разъ съ холмика на холмикъ, вижу не вдалекѣ на самомъ шоссе, на пригоркѣ, группу всадниковъ съ развѣвающимся краснымъ значкомъ по серединѣ. Скобелевъ, въ бѣломъ кителѣ, на бѣлой лошади, ярко выдѣлялся отъ всѣхъ прочихъ. Лѣвѣе его видѣнъ одинъ знакомый полковникъ блондинъ, маленькаго роста, худенькій, тщедушный, съ рыжей мефистофелевской бородкой и такими же усами. Позади стоитъ конвой, человѣкъ 15 владикавказцевъ и кубанцевъ.

Чѣмъ ближе подъѣзжаю, тѣмъ чаще слышу свистъ пуль. Послѣ стычекъ подъ Сельви мнѣ представилось, что уже я Богъ знаетъ какой обстрѣленный; а какъ теперь пришлось попасть подъ настоящій огонь, такъ и увидалъ, что здѣсь не баши-бузуки стрѣляютъ! Сердце стало крѣпче сжиматься и замирать. Но самый сильный огонь оказывается на вершинѣ пригорка, подлѣ Скобелева. Непріятель, очевидно, замѣтилъ кучку людей и сосредоточилъ сюда огонь.

Братъ Сергѣй находился еще лѣвѣе блондина полковника. Какъ штатскій человѣкъ и волонтеръ, онъ былъ одѣтъ въ черную суконную куртку, на головѣ казачья папаха. Сидѣлъ онъ на маленькой турецкой лошадкѣ сѣрой масти. Я осторожно подъѣзжаю къ нему и здороваюсь. Скобелевъ увидѣлъ меня и кричитъ: — Здравствуйте, Верещагинъ, вотъ и братъ вашъ пріѣхалъ къ намъ.— Затѣмъ, какъ бы нé-хотя, протягиваетъ мнѣ лѣвую руку, чтобы я пожалъ ее, и углубляется въ разсматриваніе позиціи.

Что за чудная картина представляется моимъ глазамъ! Широкая зеленая долина съ разсыпанными по ней кое-гдѣ густыми одиночными деревьями освѣщена яркимъ солнцемъ. Противоположная сторона ея постепенно возвышается и образуетъ холмистую мѣстность. По этой долинѣ вправо, далеко-далеко, верстъ на пятнадцать пожалуй, протянулась полукругомъ наша линія пушечныхъ огней, поперемѣнно вспыхивающихъ, то ближе, то дальше. За ними слѣдуютъ густые клубы синяго и бѣлаго дыму. Поднимаясь все выше и выше, клубы останавливаются и сливаются въ одну общую непроглядную сѣрую полосу. Бронзовыя орудія сверкаютъ на солнцѣ, какъ свѣтящіеся жучки на сырой землѣ послѣ заката солнца. Все это составляетъ нашу боевую линію. Правый флангъ ея сильно задался впередъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи позади орудій, можно разобрать неясныя темныя массы артиллерійскихъ лошадей. Длинныя очертанія четвериковъ и шестериковъ вмѣстѣ съ зарядными ящиками и передками то останавливаются и стоятъ,

то передвигаются съ мѣста на мѣсто. Параллельно нашей боевой линіи, дальше, верстахъ въ двухъ, протянулась турецкая линія. Она немного короче и съ частыми промежутками. У турокъ нѣтъ такой сплошной линіи артиллерійскаго огня. Ихъ орудійные дымки первое мгновеніе летятъ въ нашу сторону, и уже затѣмъ поднимаются къ небу. А небо въ этотъ день, точно нарочно, великолѣпнаго голубого цвѣта!

Гдѣ я стою, съ пригорка, хорошо видно, что нашъ скобелевскій отрядъ составлялъ лѣвый флангъ главныхъ силъ, которыхъ самыя ближайшія части настолько удалены отъ насъ, что ихъ едва можно разобрать простымъ глазомъ, и то только судя по ружейному дыму.

Вонъ впереди орудій, саженяхъ въ двухстахъ, вспыхиваетъ длинная тонкая бѣловатая полоска. Вонъ еще правѣе, другая,—это ружейные залпы,—значитъ, тамъ залегла пѣхота. Вонъ кучки нашихъ солдатъ въ бѣлыхъ рубахахъ неясно показываются изъ зелени и тотчасъ же опять скрываются. О тѣхъ же войскахъ, что должны быть тамъ, далеко, въ концѣ праваго фланга, и говорить нечего, что ихъ не видно. Еслибы не орудійный дымъ, такъ я, кажется, ничего не разобралъ бы во всемъ этомъ зрѣлищѣ, настолько и наши, и непріятельскія силы, потонули въ глубокой зелени садовъ, полей и виноградниковъ. Хотя, по дыму глядя, канонада должна бы быть и очень сильная, но гулъ отъ нея не особенно рѣзокъ, ужъ слишкомъ позиціи растянуты! Всматриваясь пристальнѣе, можно различить, что наша линія огня дѣлится большимъ промежуткомъ на двѣ половины—дальній корпусъ Криднера отдѣляется отъ ближайшаго къ намъ Шаховского. Оба эти корпуса точно готовились обхватить и задушить маленькую Плевну. Ее я сначала искалъ глазами тамъ, вправо, гдѣ кончались наши силы, а она, между тѣмъ, какъ разъ противъ меня, верстахъ въ четырехъ. Скученная масса бѣленькихъ домиковъ, съ красными черепичными крышами и съ торчащими кое-гдѣ остроконечными минаретами и мечетями, обрисовывала городъ. Освѣщенный солнцемъ, онъ рѣзко выдѣлялся изъ общей зелени. Но хотя солнце и ярко свѣтитъ, Плевна мнѣ не вся видна, въ особенности нѣкоторыя ея части, прикрытыя лѣсистыми холмиками, не смотря на то, что я приподымаюсь на стременахъ и старательно вглядываюсь. Мѣстами съ этихъ холмовъ вспыхиваютъ огни и за ними слѣдуютъ клубы синеватаго дыму.

— Во-о-о-нъ, за Плевной, видишь бѣлая-то полоска идетъ, это Софійское шоссе, — вполголоса говоритъ мнѣ Сергѣй и

плетью указываетъ направленіе. — А вонъ, что тамъ блеститъ, лѣвѣе—это рѣка Видъ.

Вся разстилающаяся передъ нами мѣстность все сильнѣе и сильнѣе затягивалась облаками дыму. Взглядъ на нее былъ настолько интересенъ и величественъ, что такъ и смотрѣлъ бы все, не сводя глазъ, если бы только не проклятыя пули, летающія кругомъ насъ какъ шмели. Гранаты тоже частенько рвутся по близости. Чувствую, что робость забирается въ мою душу. Изподтишка смотрю на Скобелева, что онъ, каковъ, есть ли у него что на лицѣ? Хоть бы чтò! Генералъ вытянулъ шею, уперся глазами въ бинокль, и точно замеръ въ такомъ положеніи. Изрѣдка дергаетъ онъ за поводъ лошадь, за то, что та, переступая съ ноги на ногу, мѣшаетъ ему спокойно смотрѣть.

— О-о-ой, братцы!—раздается сзади стонъ. Оглядываюсь, въ толпѣ конвойныхъ казаковъ идетъ суматоха. Нѣсколько человѣкъ соскочили съ лошадей и возятся около раненаго. Генералъ на мгновеніе оборачивается, сердито смотритъ и хрипло кричитъ: „Разъѣхаться шире!“ затѣмъ снова упирается глазами въ бинокль.

„Да что онъ, каменный, что-ли, или заговоренъ, что не боится нисколько?“—думается мнѣ, и я начинаю ругать себя за то, что самъ напросился на эту опасность. Въ то же время мнѣ представляется, какъ мой Павелъ Ивановичъ спокойно лежитъ теперь подъ деревомъ на буркѣ и сладко дремлетъ. „Скверно, скверно! Значитъ, я большой трусъ, если не могу равнодушно переносить свиста пуль“,—продолжаю разсуждать съ самимъ собою, и одновременно съ этимъ смотрю на брата. На лицѣ того, точно такъ же, какъ и на скобелевскомъ, и тѣни не видно робости; даже сумрачности, которую я замѣтилъ у генерала, и той нѣтъ. „Что-то на моемъ лицѣ теперь написано, желалъ бы я знать“. Взглядываю на знакомаго блондина полковника, тотъ какъ-бы почувствовалъ мой взглядъ, смотритъ на меня и дружески киваетъ головой.

„Эге, мой милый, ты, должно быть, какъ и я, нехорошо себя здѣсь чувствуешь!“—мелькаетъ у меня въ головѣ. Лицо его поблѣднѣло, рыжая бородка точно обострилась, глаза посоловѣли и притупились.

— Сергѣй Васильевичъ!—раздается въ эту минуту мужественный, пріятный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вселяющій какую-то бодрость, голосъ Скобелева. Сережа быстро подстегиваетъ свою лошаденку и подскакиваетъ. Генералъ что-то говоритъ ему, тотъ поворачиваетъ лошадь и несется подъ гору.

— Ваше превосходительство, позвольте и мнѣ ѣхать за братомъ,—обращаюсь я къ генералу.

— Развѣ я васъ держу, ступайте себѣ,—улыбаясь, говоритъ онъ. Я пускаюсь и живо догоняю Сергѣя.

— Куда тебя послалъ генералъ?—спрашиваю его. Мы ѣдемъ рысью вдоль подножья холма; на вершинѣ между деревьями разставлена наша передовая цѣпь.

— Велѣно кубанцевъ провѣдать, они здѣсь влѣво стоятъ,—отвѣчаетъ братъ и подгоняетъ свою турецкую лошаденку. Пули и здѣсь преслѣдуютъ насъ, хотя, казалось, имъ бы и не слѣдовало здѣсь падать, такъ какъ, по моему разсчету, здѣсь, за холмомъ, мертвое пространство, а между тѣмъ онѣ безпрестанно, то со свистомъ пролетаютъ мимо, то близехонько, впиваясь въ землю, шипятъ, точно расплавленный свинецъ, опущенный въ воду.

— Что, каково, здѣсь не свой братъ?—смѣясь, спрашиваетъ Сережа, и на его смѣломъ лицѣ, опушенномъ косматой черной бородкой, появляется ласковая улыбка.

„Чего онъ смѣется? До смѣху ли тутъ? Да и чего онъ здѣсь суетится, ѣздитъ?—думается мнѣ.—Я—дѣло другое: я на службѣ, а онъ что? штатскій, съ боку припека. Убьютъ, никто и и спасибо не скажетъ!“—И мнѣ становится досадно на брата, и не за то, что онъ подвергалъ себя опасности, а за то, что Сергѣй былъ, очевидно, смѣлѣе, храбрѣе меня и точно трунилъ надъ моимъ малодушіемъ. „Ужъ не замѣтилъ-ли онъ чего на моемъ лицѣ?“ и я подбадриваюсь, насколько могу, обгоняю и скачу впереди его.

— Куда ты? Не туда! За мной ступай!—кричитъ онъ, и мы подымаемся направо, по отлогому холму, въ тѣнистую рощу. Не вдалекѣ, между деревьями, мелькаютъ фигуры спѣшенныхъ казаковъ, держащихъ въ поводу лошадей.

— Погоди здѣсь немного, — кричитъ Сергѣй, и скрывается въ тѣни рощи, откуда доносится раскатистая ружейная трескотня. Слѣзаю съ лошади, беру ее за поводъ, и сажусь на травку позади дерева, такимъ манеромъ, чтобы шальная пуля не могла задѣть меня. „Какъ же это, думается мнѣ, я такой трусъ, а еще считалъ себя достойнымъ Георгія за Сельвинское дѣло! Вѣдь ужъ Георгіевскій крестъ даютъ, конечно, тѣмъ офицерамъ, которымъ пуля ни по чемъ, какъ, напримѣръ, Скобелеву, брату Василью. Сережѣ я также бы далъ Георгія — онъ отчаянный!“ Въ это время Сергѣй возвращается и мы тихонько ѣдемъ назадъ, разсуждая о своихъ домашнихъ.

Время подвигается къ полудню. Солнце сердито жжетъ палящими лучами. Подъѣзжаемъ къ шоссе, видимъ, Скобелевъ съ конвоемъ спускается съ бугорка и ѣдетъ вдоль правой стороны цѣпи. Здѣсь намъ часто попадаются раненые солдаты курскаго баталіона. Въ бѣлыхъ рубахахъ, подпоясанныхъ ремешками, уныло тащились они къ перевязочному пункту.

Мы догоняемъ генерала. Лѣвѣе насъ идетъ широкая полоса густыхъ деревьевъ. Сквозь ихъ вершинки просвѣчиваетъ синее небо, а пониже—непріятельскія позиціи, утонувшія въ зелени. Въ этихъ просвѣтахъ безпрестанно раздаются ружейные выстрѣлы. Гулъ отъ нихъ какъ-то особенно далеко раздается въ лѣсу; дымъ же, напротивъ, задерживается между вѣтвями, наполняя воздухъ ѣдкимъ пороховымъ запахомъ.

Мы совсѣмъ близко подъѣхали къ нашей цѣпи. Вонъ, между виноградными кустами, виднѣются солдатскія головы, прикрытыя кепками. Вонъ крайній солдатикъ приподнимается немного, и, согнувшись, насколько возможно, съ ружьемъ въ рукѣ, придерживая другой полотняную сумочку съ сухарями, перебѣгаетъ дальше, припадаетъ на землю и прицѣливается въ кого-то. Здѣсь пули свищутъ рѣзче. Замѣтно, что онѣ летятъ съ болѣе близкаго разстоянія. Вонъ еще двое солдатъ, тоже перебѣгаютъ, скорчившись, вдоль линіи, то скрываются, то опять показываются и, наконецъ, совсѣмъ пропадаютъ. Дальше за курцами слѣдуетъ цѣпь спѣшенныхъ владикавказцевъ. Въ длиннополыхъ черкескахъ, подогнутыхъ подъ ремни кинжаловъ, въ чорныхъ папахахъ, загорѣлыя фигуры ихъ среди ружейнаго огня и дыма напоминаютъ мнѣ тѣхъ героевъ кавказцевъ, которыхъ я видалъ на старинныхъ картинахъ, изображавшихъ кавказскіе бои. Въ то же время мнѣ показалось, что казаки гораздо ловчѣе солдатъ умѣютъ пользоваться мѣстностью: быстро прячутся они за деревья, кусты, осторожно присѣдаютъ, выглядываютъ, стрѣляютъ и снова прячутся. Раненыхъ казаковъ, сравнительно съ солдатами, мы еще мало встрѣтили. Отсюда Скобелевъ ѣдетъ дальше вдоль линіи, къ артиллеріи, до которой оставалось уже не далеко. Меня же, не помню за чѣмъ, посылаютъ въ тылъ.

Часовъ около четырехъ по-полудни я стою около шоссе съ товарищами и мы разговариваемъ о томъ, что ежели намъ не удалось обѣдать въ Плевнѣ, то ужинать мы непремѣнно будемъ тамъ. Съ того мѣста, гдѣ мы стоимъ, городъ Плевна хорошо виденъ.

— Смотрите, господа, смотрите, ви-и-дите, какая линія повозокъ тянется изъ города по Софійскому шоссе. Это что, а-а?

Значитъ, они выбираются,—радостно восклицаетъ красивый сотникъ Шанаевъ, и, снявъ съ своей сѣдоватой мясистой головы маленькую папаху (Шанаевъ, какъ природный горецъ, носилъ маленькую папаху), указываетъ ею направленіе. Мы всѣ пристально всматриваемся и видимъ, что за городомъ дѣйствительно тянется длинный рядъ повозокъ. Всѣ онѣ, удаляясь по одному и тому же направленію, на нѣсколько верстъ растянулись по шоссе. Въ это время мимо насъ скачетъ назадъ, въ тылъ, братъ мой Сергѣй.

— Куда ты?!—кричу ему. Онъ останавливается и машетъ мнѣ рукой. Смотрю, рука обвязана чѣмъ-то бѣлымъ.—Эхъ, вѣрно, раненъ!—Подбѣгаю къ нему.

— Перевяжи-ка, братецъ мой,—отрывисто проситъ онъ и протягиваетъ руку. Развязываю повязку, пониже локтя оказывается глубокій шрамъ отъ пули, рана обмотана грубымъ болгарскимъ полотенцемъ, съ концами, вышитыми золотомъ, и такъ обвязана, что шитье какъ разъ приходилось на рану. Какъ я ни уговаривалъ его, онъ такъ и не поѣхалъ на перевязочный пунктъ, а немедленно же возвратился къ генералу.

Между тѣмъ, что дальше, то труднѣе становилось защищать позиціи. Уже всѣ наши сотни, спѣшиваясь одна за другой, перебывали въ цѣпи. Такъ какъ пѣхоты у насъ было всего одинъ баталіонъ, то Скобелевъ назначалъ въ цѣпь и казаковъ, приказывая имъ спѣшиваться и ружейнымъ огнемъ задерживать напоръ непріятеля. Сотни теряли при этомъ не мало людей и по мѣрѣ возможности смѣнялись свѣжими. Курскій же батальонъ, находясь въ цѣпи безсмѣнно, къ концу дня убылъ на половину.

Солнце закатилось, канонада стихла, только тамъ далеко, на правомъ флангѣ, должно быть у Криднера, еще раздаются рѣдкіе пушечные выстрѣлы, но и они стихаютъ. Ночь медленно, исподоволь, обхватываетъ природу и точно сковываетъ ее. Вонъ впереди я едва-едва различаю темные силуэты остроконечныхъ минаретовъ и мечетей Плевны. Вершинки ихъ, слегка обрисовываясь на багровомъ небѣ, тамъ, гдѣ закатилось солнышко, зловѣще напоминаютъ о кровопролитномъ днѣ. Все кругомъ глубже и глубже погружается въ темноту, точно въ пропасть какую.

— Не видалъ ли 4-й сотни?—неожиданно спрашиваетъ меня Ляпинъ, выѣхавшій изъ-за угла рощицы.

— Тутъ влѣво, кажется, стоитъ,—отвѣчаю я.

— Нѣтъ, тамъ кубанцы.—И Ляпинъ, озабоченный, беретъ

вправо и теряется въ темнотѣ. Въ ночной тиши слышатся безпрестанно сдержанные голоса: „гдѣ полковникъ?.. 2-й сотни не видалъ ли?.. Эй, кто тамъ, казакъ, стой, генералъ гдѣ?“ и т. д.

Слѣзаю съ лошади, пѣшкомъ спускаюсь подъ гору и иду къ деревьямъ, гдѣ стоятъ нѣсколько офицерскихъ лошадей; отсырѣвшая трава чисто обтираетъ мои пыльные сапоги. Натыкаюсь на командира полка. Тотъ, какъ бы обрадовавшись мнѣ, отрывисто приказываетъ:

— Верещагинъ, ступайте, отзовите осетинъ, что они до сихъ поръ въ цѣпи дѣлаютъ? — Я снова сажусь на лошадь и ѣду. —Всѣ давно ужъ отошли, они одни остались!—кричитъ мнѣ Левисъ въ догонку.

По тону его голоса замѣтно, что дѣла наши не особенно-то должны быть хороши!

„Вотъ тебѣ и отъужинали въ Плевнѣ!“—разсуждаю я, путаясь между деревьями и кустами. Натыкаюсь на Шанаева. „Ты куда?“—кричитъ тотъ.—„Къ осетинамъ“.—„И я туда же, ѣдемъ вмѣстѣ!“ Въ темнотѣ осторожно пробираемся, гдѣ рысью, гдѣ шажкомъ, по временамъ нагибая вѣтви деревьевъ, чтобы не потерять папахъ. Спускаемся съ холмика въ лощинку, ѣдемъ то густой, мѣстами уже измятой травой, то виноградниками и, наконецъ, добираемся до осетинъ. Тихо, безъ шуму, стоятъ они рѣдкой цѣпью, не слѣзая съ лошадей, вдоль лѣсистаго холма. Холмъ этотъ выше другихъ, и поэтому его продолговатый гребень, вмѣстѣ съ людьми и деревьями, еще чуточку освѣщался послѣдними отблесками закатившагося солнца. Позади осетинъ виднѣлась, тоже на конѣ, внушительная фигура ихъ командира, старика Есенова. Лѣтъ 70-ти, если не больше, высокій, худощавый, сѣдой, съ длинной, какъ ленъ, бѣлой бородой, этотъ старикъ всегда внушалъ мнѣ особенное къ нему уваженіе. Что за бодрость, что за сила, что за выносливость была въ немъ, и въ такіе годы! Вотъ и теперь, напримѣръ, когда мы подъѣхали къ нему, какимъ молодцомъ сидитъ онъ, а вѣдь навѣрное цѣлый день не слѣзалъ съ коня. Есеновъ былъ немножечко тугъ на ухо, а потому не замѣтилъ нашего приближенія.

— А-а-а, назадъ ѣхать! харасё, харасё!—удивленно говоритъ онъ, нѣсколько картавя, и вполголоса отдаетъ приказанія подчиненнымъ на своемъ горскомъ нарѣчіи.

— Поѣдемъ-ка, посмотримъ, не осталось ли здѣсь кого изъ раненыхъ!—кричитъ мнѣ Шанаевъ, забираясь еще немного впередъ и поворачивая направо, вдоль линіи. Съ полчаса ѣдемъ такимъ путемъ между деревьями; выѣзжаемъ изъ рощи къ спуску

холма. Внизу въ темнотѣ, на непріятельской позиціи, неясно обрисовываются густыя формы деревьевъ. Я невольно задерживаю поводъ лошади передъ этимъ мрачнымъ видомъ; обратно въѣзжаемъ въ рощу и ѣдемъ; останавливаемся, тревожно прислушиваемся и, наконецъ, выѣзжаемъ къ шоссе. Вдругъ, посреди общей тишины доносится сильный, картавый голосъ Скобелева:

— Подать сюда одно орудіе!

Вслѣдъ за этимъ слышно, кто-то звонко несется вскачъ по шоссе. Черезъ нѣкоторое время раздается шумъ колесъ, звонъ самаго орудія и затѣмъ опять голосъ генерала:

— Ступайте впередъ, дайте нѣсколько выстрѣловъ, пускай турки знаютъ, что мы послѣдніе стрѣляемъ!

Орудіе везутъ на позицію и даютъ нѣсколько выстрѣловъ. Одиноко, тоскливо, безнадежно раскатываются эти выстрѣлы, никто на нихъ не отвѣчаетъ и этимъ заканчивается день 18-го іюля.

Полночь. На темносинемъ небѣ ярко вспыхиваютъ золотыя звѣздочки. Кругомъ тихо. Свѣжій, здоровый ночной воздухъ всѣхъ успокоилъ и убаюкалъ. Только раненымъ не спится; отъ нихъ, свезенныхъ въ одно мѣсто, доносятся долгіе, продолжительные стоны, надрывающіе душу.

Казачьи сотни расположились не вдалекѣ отъ раненыхъ; моя 3-я сотня стоитъ тутъ же; но такъ какъ я все еще не лажу съ ея командиромъ, то и не иду туда спать, а ложусь подъ деревомъ, около кого-то изъ товарищей. Мой Ламакинъ съ лошадями улегся тутъ же, по близости. Ночь прелестная, дышется легко; только хрустѣніе необмолоченнаго ячменя на зубахъ лошадей, да шелесть сноповъ однообразно раздаются въ тишинѣ. Долго я не могъ заснуть, но, наконецъ, дремота одолѣла! Въ просоньѣ слышу, подымается шумъ, стукъ колесъ, звонъ орудій, скрипъ повозокъ. Вскакиваю, смотрю, отрядъ отступаетъ. Сотня за сотней вытягиваются и пропадаютъ въ темнотѣ.

Бѣгу къ своей лошади, ея нѣтъ.

— Ламакинъ, Ламакинъ!—кричу казака.—Нигдѣ не видно. Бѣгу, гдѣ стояла 3-я сотня, и сотни нѣтъ, уже выступила.

„Ну что за дуракъ этотъ Ламакинъ! Какъ ему наказывалъ оставаться на мѣстѣ, пока его не позову!“ толкую я дорогой, направляясь пѣшкомъ за сотнями. Сзади еще много тянется разныхъ повозокъ.

— Вы что, сотникъ, пѣшкомъ?—смѣясь, кричитъ мнѣ эсаулъ Скаритовскій, обгоняя со своей сотней. Я разсказываю, въ чемъ

дѣло; вижу, казаки подсмѣиваются. Скаритовскій съ трудомъ соглашается дать мнѣ заводную лошадь [1]), чтобы догнать Ламакина. Минутъ черезъ пять догоняю того.—Что-жъ ты, такой сякой, уѣхалъ одинъ?—кричу ему съ сердцемъ.

— Я, ваше благородіе, искалъ, да васъ не было подъ тымъ деревомъ,—оправдывается казакъ,—ну я и поѣхалъ, думалъ, что вы пѣшкомъ пошли.

— Думалъ, думалъ, все ты думаешь!—ворчу я, пересаживаясь на свою лошадь и въ ту же минуту вспоминаю, что я вставалъ ночью, и на обратномъ пути, вѣроятно, ошибся деревомъ и легъ не подъ тѣмъ; Ламакинъ же не догадался посмотрѣть кругомъ.

Ѣдемъ скучные, безъ разговоровъ, спать хочется. Но вотъ солнышко показывается, пригрѣваетъ, и незамѣтно прогоняетъ общую дремоту. Башлыки, окутывавшіе шеи казаковъ, понемногу скидываются и вмѣстѣ съ бурками, на ходу, привязываются позади сѣдла, тонкими прочными ремешками. Солнце всѣхъ веселитъ. Кругомъ поднимаются разговоры, конечно, о вчерашнемъ дѣлѣ. Почти все начальство и офицеры ѣдутъ впереди, около Скобелева, и я тутъ. Мѣстность идетъ открытая, ровная кое-гдѣ, посреди зелени, виднѣются одинокія деревья. Вонъ впереди, нѣсколько влѣво отъ насъ, замѣтно маленькое селеньице, кругомъ его чернѣютъ терновые заборы; далѣе вдоль извивающагося блестящаго ручейка, замѣтно, точно огоньки тлѣютъ; немного правѣе, лежатъ какія-то груды.

— Что тамъ такое?—слышатся вопросы между офицерами:—ранцы; нѣтъ, шинели.—Подъѣзжаемъ ближе, смотримъ, дѣйствительно, кучею свалены ранцы, шинели, котелки, палатки, кэпи, и чего-чего тутъ нѣтъ изъ солдатскихъ вещей. Огоньки, которые мы видѣли издалека, служили, очевидно, для варки пищи только-что прошедшимъ войскамъ, такъ какъ кругомъ валялось множество выпотрошенныхъ воловьихъ внутренностей. Отъ потухающихъ огоньковъ тянулись по легонькому вѣтерку тонкія синеватыя струйки дыма. Что-то нехорошее закрадывается въ мою душу, при видѣ этого разбросаннаго солдатскаго имущества. Конечно, еще ночью мы слышали, что отъ Шаховского получено приказаніе отступать, что наши войска разстроены, но насколько они въ дѣйствительности были разстроены, этого какъ мнѣ, такъ, думаю, и никому изъ моихъ товарищей и въ голову не приходило. Тѣмъ болѣе намъ трудно было предположить что-либо

[1]) Заводная или запасная или же просто свободная, хозяинъ которой убитъ или раненъ.

ужасное, такъ какъ нашъ отрядъ, скобелевскій, не только выполнилъ свою задачу и не подался назадъ, но даже еще впередъ продвинулся.

Ѣдемъ дальше все той же равниной. Версты черезъ три, видимъ вдали, что-то разбросано бѣлое. Подъѣзжаемъ, оказывается, съ полсотни носилокъ съ нашими умирающими, прикрытыхъ бѣлыми простынями, въ безпорядкѣ оставлены среди поля. Нѣкоторые изъ раненыхъ уже умерли, другіе умираютъ, пуская, сквозь стиснутые зубы, бѣлую слюну. Мухи во множествѣ облѣпили несчастныхъ и радуются на жарѣ такому празднеству. Теперь только страшная дѣйствительность открывается передъ нашими глазами. Сомнѣнья нѣтъ, войска наши разбиты и бѣгутъ, побросавъ все, и даже раненыхъ. Такого ужаса мы никакъ не ожидали и долго ходимъ около носилокъ, удивляемся и горюемъ. Наконецъ опомнившись, принимаемся за дѣло: умершихъ закапываемъ, живыхъ наваливаемъ на телѣги и веземъ съ собой.

Отъѣзжаемъ еще немного и останавливаемся отдохнуть около маленькой деревушки. Не вдалекѣ опять видимъ точно аммуничный складъ какой, шинелей, фуражекъ, котелковъ, въ особенности много ранцевъ. Все это лежитъ не въ грудѣ, а разбросано на небольшой площадкѣ. По близости прохаживается часовой съ ружьемъ. Я съ нѣсколькими товарищами подходимъ и спрашиваемъ солдата:

— Ты какого полка?

— Вологодскаго, ваше благородіе.

— Что же ты тутъ дѣлаешь?

— При вещахъ нахожусь.

— Гдѣ же ваши?

— Впередъ пошли,—и солдатъ показываетъ рукой къ Дунаю.

— А тебя зачѣмъ же здѣсь оставили?

— Не могу знать!

— Долго ли же ты будешь здѣсь дожидаться?

— Не могимъ знать, ваше благородіе.

Въ это время нѣсколько нашихъ казаковъ подходятъ и точно въ своемъ имуществѣ начинаютъ рыться между вещами: достаютъ одинъ сапогъ, осматриваютъ его, кидаютъ, поднимаютъ другой, распихиваютъ вещи ножнами шашекъ. Часовой смѣло набрасывается на казаковъ, начинается споръ. Слышны крики:

— Вамъ чего надо? ваше что ли?

— А тебѣ жалко!—и т. д. Мы приказываемъ казакамъ убираться во-свояси.

Не отошли мы всего и двѣнадцати верстъ, какъ передъ нами

открывается новое, еще болѣе грустное, зрѣлище. Съ небольшого пригорка видимъ: по равнинѣ, на сколько хватаетъ глазъ, идутъ наши солдаты, гдѣ въ разбродъ, по одиночкѣ, гдѣ кучками, человѣкъ 5—6, а гдѣ человѣкъ 40—50. Офицеровъ при нихъ незамѣтно.

Вотъ она, наша армія, наши побѣдоносныя войска! Неужели, думается мнѣ, затѣмъ они прошли столько тысячъ верстъ, чтобы теперь бѣжать такимъ постыднымъ образомъ? Солдаты идутъ совершенно распущенно, дисциплины и слѣда нѣтъ. Догоняемъ одну партію, человѣкъ въ 50. Тутъ видны кэпки и съ красными околышами, и съ бѣлыми, и съ синими; есть тутъ и артиллеристы, и спѣшенные кавалеристы, однимъ словомъ, всѣ роды войскъ. Кто идетъ въ шинели въ накидку, кто надѣлъ въ рукава, третій навѣсилъ скатанную на ружье и несетъ ее точно богомолецъ свою котомку.

— Боже мой, Боже мой, что тутъ творится!—невольно вырывается у каждаго изъ насъ:—неужели это наши войска?

— Здорово, братцы! — кричитъ имъ Скобелевъ, останавливая коня около толпы.

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство, — нестройно раздается отъ этой разношерстной команды.

— Какой вы части?

— Вологодскаго, Архангелогородскаго, Шуйскаго!—слышится со всѣхъ сторонъ.

— Говори одинъ кто-нибудь,—сердито кричитъ генералъ.— Ну, говори хоть ты,—обращается онъ къ молодцоватому смуглому солдату въ кэпи съ синимъ околышемъ, шинель въ накидку. Ты Шуйскаго полка?

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— Гдѣ же всѣ ваши?—спрашиваетъ генералъ, строго смотря въ лицо солдату.

— Да почитай, что всѣ тутъ, — отвѣчаетъ онъ, нѣсколько гнусливымъ однообразнымъ тономъ и удивленно озирается на товарищей.

— Какъ всѣ! Да гдѣ же командиръ полка, гдѣ баталіонные, гдѣ ротные командиры? — горячится Скобелевъ, и его лицо становится все мрачнѣе и мрачнѣе.

Въ отвѣтъ на это солдатъ внезапно разражается потокомъ словъ:—Полковой командиръ убитъ, баталіонные убиты, ротные командиры тоже убиты, остальные почитай что всѣ тутъ!—И при этомъ солдатъ опять начинаетъ озираться кругомъ на товарищей какимъ-то жалостнымъ взглядомъ, точно хотѣлъ сказать: „что же,

братцы, поддержите, не выдавайте, ужъ коли пропадать, такъ вмѣстѣ!“ Солдатъ, видимо, сознавалъ, что стряслось что-то недоброе, и въ общемъ бѣгствѣ считалъ и себя то же виновнымъ.

— Что ты мнѣ вздоръ городишь! — кричитъ Скобелевъ. Но солдатъ уже разошелся, не робѣетъ и вторично разражается тѣмъ же самымъ однообразнымъ тономъ.

— Мы, ваше превосходительство, какъ пошли въ атаку, какъ пошли... первы завалы взяли... вторы завалы взяли... третьи завалы взяли... тутъ, смотримъ, наша антилерія снялась и назадъ... тутъ мы посидѣли, посидѣли и тоже назадъ... Тутъ насъ и пошли крошить, и пошли... И полкового командера убили, и ротнаго убили, и субалтерновъ перебили...—Все это солдатъ говорилъ скороговоркой, не переводя духа, точь-въ-точь какъ школьникъ, который, запнувшись на какомъ-либо словѣ и припомнивъ его, снова пускается еще съ большей силой.

— Куда же вы теперь идете? — спрашиваетъ Скобелевъ, глядя на толпу.

— Домой.—Къ Дунаю.—Въ Рассею,—слышатся различные отвѣты. При этомъ нѣкоторые, для поясненія, съ какимъ-то отчаяньемъ машутъ рукой по направленію къ Дунаю.

Мы останавливаемся еще около нѣсколькихъ кучекъ и спрашиваемъ. Отвѣтъ получался почти одинъ и тотъ же; различіе состояло только въ томъ, что вмѣсто Шуйскаго полка слышался Ярославскій, вмѣсто Вологодскаго—Рыльскій, вмѣсто Архангелогородскаго—Пензенскій, вмѣсто слова „завалы“—говорили „траншеи“. На артиллерію же всѣ жаловались поголовно, что она въ самую критическую минуту снялась и не поддержала аттакующихъ огнемъ.

Двигаясь далѣе, слышимъ въ лѣвой сторонѣ отъ плевненскихъ высотъ доносятся пушечные выстрѣлы. Скобелевъ беретъ нѣсколькихъ казаковъ и галопомъ направляется на выстрѣлы. На другой день я слышалъ разсказъ его объ этой поѣздкѣ. Изъ всѣхъ частей Михаилъ Дмитріевичъ нашелъ на своемъ мѣстѣ только генерала Горшкова съ бригадой. Горшковъ сидѣлъ на барабанѣ. Передъ нимъ было выстроено нѣсколько баталіоновъ, которыхъ онъ собирался сѣчь. По близости возвышалась цѣлая груда розогъ. Скобелеву онъ представился такъ:

— Рекомендуюсь, генералъ Potier (т.-е. Горшковъ). „Ха, ха, ха, Potier“, хохоталъ Скобелевъ, повторяя Левису нѣсколько разъ это слово. Затѣмъ, разсказывалъ Скобелевъ, Горшковъ обращается къ своимъ солдатамъ и кричитъ имъ: „Вы что, подлецы, бѣжать, а, бѣжать? Я вамъ задамъ, такіе, сякіе. У меня три

дома въ Петербургѣ, сто тысячъ денегъ, а я и то не боюсь, а у васъ, кромѣ вшей, ничего нѣтъ, а вы трусите! Драть васъ за это, всѣхъ драть, ложись, подлецы"! солдаты ложатся. Горшковъ стихаетъ, и затѣмъ кричитъ имъ: Ну, вставать; Богъ васъ проститъ!

Впослѣдствіи Скобелевъ, каждый разъ, при разговорѣ о дѣлѣ 18-го іюля подъ Плевной, съ любовью отзывался о Горшковѣ и называлъ его молодцомъ.

XII.

Вскорѣ мнѣ опять пришлось ѣхать въ Тырново, въ главную квартиру. Какъ-то утромъ, только-что я одѣлся, вышелъ изъ палатки полюбоваться солнышкомъ, вижу, не вдалекѣ отъ меня Скобелевъ умывается около своей палатки. Молодой деньщикъ, Круковскій, въ чорномъ сюртукѣ съ краснымъ воротникомъ, поливаетъ ему воду на руки изъ мѣднаго рукомойника. Генералъ въ неглиже: пунцовая, шелковая рубаха заправлена въ синіе рейтузы съ красными лампасами; рукава засучены выше локтей, сапоги лакированные со шпорами. Разставивъ ноги и закинувъ голову назадъ, онъ старательно и съ шумомъ полощетъ горло.

— Верещагинъ! — кричитъ онъ, замѣтивъ меня. Я подхожу. Генералъ продолжаетъ умываться: намыливаетъ руки, лицо, набираетъ въ ротъ воды, пропускаетъ ее фонтаномъ черезъ ноздри своего огромнаго носа, фыркаетъ и брызжется какъ утка. Круковскій подаетъ сложенное полотенце. Такъ какъ торопиться некуда, отрядъ никуда не выступаетъ, то генералъ производитъ все это чрезвычайно медленно; широко разстегиваетъ косой воротъ рубахи, обтираетъ мокрую длинную шею, густые рыжіе бакенбарды, захватываетъ полотенцемъ и коротко стриженные волосы на головѣ, которые у него становятся уже очень рѣдки, и только тогда обращается ко мнѣ, съ вопросомъ:

— Вы, кажется, были въ Тырновѣ? знаете дорогу?—причемъ дѣлаетъ шагъ къ палаткѣ и достаетъ изъ нея маленькое ручное зеркальце.

— Такъ точно, ваше превосходительство, былъ.

— Такъ съѣздите, пожалуйста, опять, привезите мнѣ хорошаго вина боченокъ, да повидайте отца моего, онъ тамъ при великомъ князѣ. Привезите отъ него побольше денегъ, да спросите: нѣтъ ли у него бѣлой лошади; скажите, что у меня 18-го іюля двухъ убили. Слышите?—Затѣмъ Михаилъ Дмитріевичъ страшно

широко раскрываетъ ротъ и подробно осматриваетъ въ зеркало свое горло. Окончивъ осмотръ, повязываетъ чорный форменный галстухъ, навѣшиваетъ Георгія, надѣваетъ чистенькій суровый китель и принимается яростно расчесывать рыжіе бакенбарды заразъ двумя щетками, направо и налѣво, причемъ вытягиваетъ шею и дѣлаетъ отчаянныя гримасы.

— Такъ отправляйтесь, когда хотите, хоть теперь же, явитесь полковнику Тутолмину,—говоритъ онъ, и простившись со мной за руку, уходитъ къ себѣ въ палатку. Сквозь открытыя дверки, я вижу еще нѣкоторое время, какъ онъ тамъ душится изъ флакончика: льетъ духи за воротникъ кителя, на грудь, на платокъ. Скобелевъ чрезвычайно любилъ душиться. У него постоянно возились съ собой цѣлыя баттареи различныхъ банокъ, флакончиковъ съ духами и одеколонами.

Часа полтора спустя, я уже ѣхалъ въ Тырново въ сопровожденіи шести казаковъ.

На этотъ разъ городъ показался мнѣ очень скучнымъ. Разгромъ нашихъ войскъ 18-го іюля, очевидно, произвелъ на всѣхъ здѣсь подавляющее впечатлѣніе. Великаго князя не было, онъ уѣзжалъ въ мѣстечко Бѣлу къ Государю Императору. Жители имѣли какой-то растерянный видъ, войскъ мало, ни музыки, ни пѣсенъ не слышно. Повсюду царствовало уныніе. Старикъ Скобелевъ какъ-будто немного обрадовался, увидѣвъ меня, и мы долго разговаривали съ нимъ о сынѣ его и о дѣлѣ 18-го іюля.

— Ну, зайдите ко мнѣ передъ отъѣздомъ, я напишу письмецо Мишѣ и пошлю ему кое-что,—гнусилъ онъ, подавая на прощанье по обыкновенію только два пальца.

Вечеромъ захожу. Дмитрій Ивановичъ передаетъ мнѣ письмо и маленькую коробочку изъ-подъ пилюль, перевязанную тоненькимъ шнурочкомъ. Въ коробочкѣ болталось нѣсколько золотыхъ.

— Ну вотъ передайте это Мишѣ, да скажите ему, что лошадей у меня больше нѣтъ; я далъ двухъ — убили, ну, теперь какъ знаетъ—на него не напасешься.—Старикъ былъ очень скупъ и не баловалъ сына. Его загорѣлое бронзовое лицо, съ очень крупными чертами и съ густой окладистой рыжей бородой, вызывало суровость и упрямство.

— М-м-м, старый хрѣнъ,—замычалъ Михаилъ Димитріевичъ, принимая отъ меня посылку.—И лошадей нѣтъ?—ворчливо спрашиваетъ онъ, развязывая коробочку и перекладывая оказавшіеся въ ней десять полуимперіаловъ въ свой длинный, шелковый кошелекъ съ колечками; распечатываетъ отцовское письмо, читаетъ его и очень недовольный уходитъ къ себѣ въ палатку.

XIII.

Въ Порадимѣ мы стояли одинъ день. 23 іюля бригада передвинулась къ мѣстечку Дойранъ, верстахъ въ шести отъ города Ловчи.

Отличное здѣсь было мѣсто; сколько ни стояли, нигдѣ мнѣ такъ не нравилось. Лагерь разбили недалеко отъ берега Осьмы; водопой тутъ и есть. Вдоль рѣки, по направленію къ Ловчѣ, по обѣ стороны идутъ какъ бы хутора, съ великолѣпными фруктовыми садами. Нѣкоторые изъ нихъ огорожены плетнями и каменными заборами, другіе стоятъ такъ, на волѣ, въ видѣ рощъ. Августъ приближался, фрукты поспѣвали. Ѣдешь, бывало, купаться, или такъ прокатиться, смотришь, ужъ гдѣ-нибудь навѣрно, въ саду, казакъ верхомъ, привставши на стременахъ, срываетъ къ себѣ въ торбу темныя посинѣлыя сливы или крупные зеленые грецкіе орѣхи. Множество было также грушъ, винограду. Еще росли здѣсь фрукты въ родѣ сливы, только совершенно круглые, желтоватаго цвѣта, очень сладкіе, но не особенно вкусные. У казаковъ они назывались „лыча“. Мы всѣ ѣли ее съ большимъ удовольствіемъ.

Влѣво отъ лагеря, если смотрѣть къ Ловчѣ, шли горы, мѣстами покрытыя лѣсомъ, мѣстами голыя, скалистыя.

Наша сторожевая линія, по которой стояли аванпосты, находилась въ двухъ верстахъ отъ лагеря и шла вдоль продолговатаго гребня холмовъ, покрытаго тоже фруктовыми деревьями; по скату его росъ виноградъ. Съ этихъ холмовъ мѣстность спускается и образуетъ долину, покрытую зеленью, виноградниками и фруктовыми деревьями. Влѣво, вдоль долины, у подножія горъ, извивается рѣка Осьма. Она мѣстами то блеститъ на солнышкѣ, то пропадаетъ за извилистыми берегами. Верстахъ въ четырехъ отъ аванпостовъ, за долиной, бѣлѣетъ знакомая мнѣ Ловча.

„Вонъ тамъ, — разсуждаю я, стоя на гребнѣ холмика,— Сельвинское шоссе должно спускаться съ горы къ мосту; за нимъ сейчасъ же идетъ, черезъ весь городъ, длинная улица и упирается вонъ въ то кладбище, по сю сторону города. Какъ это наши упустили Ловчу? Теперь ее не вдругъ опять возьмемъ; вонъ тамъ, не доходя города, какія насыпи виднѣются!“

Изъ Ловчи, параллельно нашей сторожевой линіи, бѣлой лентой тянется шоссе къ Плевнѣ и теряется за холмами. Вдали, параллельно шоссе, тянутся высокія синеватыя горы.

Хорошо бывало здѣсь, въ Дойранѣ, въ особенности подъ вечеръ,

когда жара спадала. Помнится мнѣ одинъ изъ такихъ вечеровъ. Солнце готовилось садиться, офицеры и казаки повылѣзли изъ палатокъ подышать свѣжимъ воздухомъ; повсюду слышится шумъ, смѣхъ, разговоры. Я направляюсь къ себѣ на коновязь, тамъ идетъ уборка лошадей. Нѣкоторыхъ уже привели съ водопоя, и имъ навѣшиваютъ торбы съ ячменемъ, другихъ еще только ведутъ. Молодой черноватый казакъ, верхомъ на гнѣдой сытой лошадкѣ, въ одной рубахѣ и штанахъ, тащитъ за поводъ еще двухъ коней. Лошади только-что выкупаны, шерсть на нихъ прилипла и блеститъ, хвосты намокли и обострились, вода такъ и капаетъ съ нихъ. Казакъ подъѣзжаетъ къ коновязи, опускаетъ повода лишнихъ лошадей, быстро соскакиваетъ, надѣваетъ на шею своей лошади заранѣе приготовленную торбу, и пока та водитъ ушами и жубритъ ячмень, онъ чиститъ ее: обтираетъ сѣномъ шею, спину, подъ брюхомъ, ноги, третъ руками и холитъ ее, насколько хватаетъ умѣнья. Кругомъ слышится ржаніе лошадей и хрустѣнье ячменя; иногда шумъ этотъ нарушается возгласами казаковъ: „Стой, лѣшій!“ „И! вражья сила“, и т. д.

Возвращаюсь къ коновязи, вижу, командиръ полка Левисъ показывается изъ своей палатки и начинаетъ прогуливаться на холодкѣ, въ черномъ ластиковомъ бешметѣ, сѣдая стриженая голова ничѣмъ не покрыта. Онъ заложилъ свои бѣлыя пухлыя руки за спину и прохаживается взадъ и впередъ по утоптанной тропинкѣ мимо часового у знамени. Тотъ уперъ глаза въ „полка командера“ и провожаетъ и встрѣчаетъ его движеніемъ головы. По временамъ полковникъ, равняясь съ своей палаткой, точно ныряетъ въ нее, но черезъ минуту снова появлется на свѣтъ божій, обтирая пухлой рукой длинные сѣдые усы.

Я знаю, зачѣмъ Оскаръ Александровичъ заглядываетъ туда. Онъ отпиваетъ глоточками красное вино, что стоитъ у него на столикѣ возлѣ кровати: вино это-то самое, что я привезъ Скобелеву изъ Тырнова; генералъ отдалъ полковнику весь боченокъ. Левисъ охотникъ до хорошаго вина!

— Верещагинъ,—кричитъ командиръ, увидѣвъ меня. Я подхожу.

— Хотите вина?—подчуетъ онъ. Я благодарю, беру стаканъ и пробую—вино очень порядочное.

— А вы знаете,—разсказываетъ Оскаръ Александровичъ:—я васъ къ Георгіевскому кресту представилъ, за Сельвинское дѣло. Довольны вы?

— Покорно благодарю, полковникъ, какъ-же не быть довольнымъ! Только пройдетъ-ли?

— Отчего не пройдетъ? Тутолминъ подписалъ, Паренцовъ самъ везетъ сегодня къ Зотову всѣ представленія за 18 іюля, и ваше въ томъ числѣ.

Въ это время, скорымъ шагомъ подходитъ Тутолминъ; папаха немного на затылкѣ, лѣвая рука на кинжалѣ, правой онъ размахиваетъ на казацкій манеръ и тоже говоритъ мнѣ:

— Ну-съ, вы представлены къ Георгію; полковникъ Паренцовъ везетъ представленія къ генералу Зотову, и лично будетъ ходатайствовать о вашемъ.—И Иванъ Өедоровичъ смотритъ на меня такимъ образомъ, какъ бы хотѣлъ сказать: „Ужъ, кажется можно быть довольнымъ“.

Я иду къ палаткѣ Паренцова; тамъ толпятся почти всѣ офицеры; всѣ провожаютъ начальника штаба, который везетъ ихъ представленія о наградахъ; каждый, конечно, напоминаетъ о своемъ и проситъ не забыть.

Начальникъ штаба, въ клеенчатомъ пальто при погонахъ, съ кожаною сумкою черезъ плечо, суетится и съ дѣловымъ видомъ собирается ѣхать въ корпусный штабъ; со всѣми прощается, между прочимъ, и со мною, обѣщаетъ, что мое представленіе навѣрно пройдетъ, что ужъ онъ постарается!

Такъ, дня черезъ три или четыре, иду мимо палатки брата Сергѣя, смотрю, тотъ машетъ мнѣ рукой. Захожу къ нему.

— Не думаешь-ли ты, братецъ, Георгія получить?—говоритъ онъ съ серьезнымъ лицомъ, въ которомъ проглядываетъ досада.

— Право, не знаю. Левисъ обѣщалъ, Тутолминъ тоже, Паренцовъ самъ повезъ представленія,—отвѣчаю ему.

— Ну, такъ оставь, братецъ, думать; я только-что отъ Зотова, и совершенно случайно слышалъ, какъ докладывались ему всѣ ваши представленія; о твоемъ было сказано, что оно ничего не стоитъ, Зотовъ и выкинулъ его. Ужъ будь увѣренъ, я врать не стану.—И братъ, сердитый, пожалъ мнѣ руку. Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ я ничего больше не слышалъ о моемъ Георгіи; такъ онъ и заглохъ.

Разъ подъ вечеръ слышу, кто-то верхомъ подъѣхалъ къ нашей палаткѣ и кричитъ:

— Господа, ѣдемте купаться.—Выхожу, смотрю, Индрисъ Дударычъ (такъ звали Шанаева) сидитъ верхомъ на своей вороной турецкой лошадкѣ, которую онъ уже успѣлъ раскормить какъ поросенка; сзади казакъ, тоже верхомъ, держитъ подъ мышкой ма-

ленькій коврикъ, полотенце и остальныя принадлежности для купанья. Павелъ Ивановичъ тоже выходитъ, но ѣхать отказывается.

— Нѣтъ, я не купаюсь, боюсь, лихорадка замучитъ,—говоритъ тотъ, кутаясь въ свой полосатый тиковый бешметъ. Подходятъ еще нѣсколько товарищей, мы соглашаемся и ѣдемъ.

Въ одномъ мѣстечкѣ, въ полуверстѣ отъ лагеря, берегъ Осьмы очень отлогій и сплошь покрытъ мелкими камешками; дно песчаное, твердое, купаться очень пріятно. На мнѣ былъ надѣтъ золотой крестикъ на длинной золотой цѣпочкѣ—подарокъ моей мамаши передъ отъѣздомъ на войну. Чтобы не потерять, я снялъ и положилъ его подъ кустикъ, да и забылъ. На утро хвать—нѣтъ креста. Бѣгу къ берегу, но уже поздно, ночью былъ дождикъ и Осьма такъ разлилась, что далеко затопила и берегъ, и кустикъ, гдѣ я раздѣвался.—Однако, воротимся къ купанью. Мы ѣдемъ назадъ. Изъ лагеря доносится гулъ таломбаса и голоса пѣсенниковъ. Мотивъ пѣсни разобрать трудно; подъѣзжаемъ ближе, слышу, „Калинушку“ поютъ. Ударенія на слоги ясно достигаютъ ушей.

Посажуль-я калинушку
На крутъ бережочекъ:
Рости, рости, калинушка,
Рости, не шатайся.
Рости, рости, калинушка,
Рости, не шатайся,
Живи, моя сударушка,
Живи, не печалься.

У-у-у-, вторитъ таломбасъ.

— Это у Пржеленскаго должно быть! Что у него за праздникъ!—толкуютъ товарищи дорогой.—Какой тамъ праздникъ, у него и все праздникъ!

Придетъ тоска кручинушка,
Пойди разгуляйся,
Пойди, пойди, разгуляйся,
Съ милымъ повидайся!

Съ какимъ-то особеннымъ азартомъ вскрикиваютъ пѣсенники слова: „съ милымъ повидайся“.—Далеко за полночь длится кутежъ и раздаются въ ночной тиши голоса охриплыхъ пѣсенниковъ. Ужъ поздно прихожу въ палатку. Сожителя моего, Павла Ивановича, еще нѣтъ; онъ тамъ допиваетъ остатки. Ложусь спать, не спится—пѣсенники мѣшаютъ. Вотъ опять начинаютъ, чуть не въ десятый разъ, любимую:

Полно намъ, снѣжки, на талой землѣ лежать,
Полно намъ, казаченьки, горе горева-а-ть...

Закрываюсь сглуха буркой, сую голову подъ сложенный бешметъ, замѣняющій мнѣ подушку, нѣтъ,—таломбасъ продолжаетъ гудѣть, точно надъ самымъ ухомъ. Но сонъ сильнѣе всякаго таломбаса.

Рѣка Осьма съ дождей сильно разлилась, переправа трудная, а между тѣмъ узнаёмъ, что съ противоположнаго берега подошла девяти-фунтовая батарея полковника Гудимы, и ей необходимо переправиться на нашу сторону. Послали казаковъ на помощь ей; это было 2-го августа. Сажусь на лошадь и ѣду взглянуть.

Еще издали вижу, съ того берега спускается зарядный ящикъ, запряженный четверкой рыжихъ лошадей. Одинъ такой ящикъ уже сбило бурнымъ потокомъ, и онъ лежитъ вонъ тамъ, немного влѣво, по срединѣ русла; мутная вода такъ и хлещетъ, такъ и обмываетъ торчащія изъ воды зеленыя колеса, обтянутыя сверкающими на солнцѣ шинами.

Го-го-го-у-у-у,—гогочетъ толпа раздѣтыхъ артиллеристовъ, подгоняя лошадей; на зарядномъ ящикѣ возсѣдаетъ усатый возница въ одной рубахѣ, закрученной до самыхъ подмышекъ. Онъ съ азартомъ дергаетъ возжами, машетъ кнутомъ и оретъ громче всѣхъ. Человѣкъ тридцать нашихъ казаковъ, совершенно голыхъ, верхами, тутъ же барахтаются; нѣкоторые изъ нихъ заѣхали по самыя сѣдла въ воду, и, прикрѣпивъ одинъ конецъ веревки или, какъ они называютъ, мочки, къ дышлу, а другой къ сѣдлу погоняютъ своихъ лошадей и такимъ образомъ помогаютъ артиллеристамъ вытаскивать зарядные ящики. То же самое продѣлываютъ съ орудіями. Отличныя лошади были у полковника Гудимы, подобныхъ я во всю кампанію ни въ одной баттареѣ не видалъ, одна лучше другой!

Баттарея не вдругъ переправилась; я успѣлъ съѣздить въ лагерь пообѣдать. Возвращаясь назадъ, вижу, ѣдетъ на встрѣчу на вороненькой лошадкѣ офицеръ генеральнаго штаба, еще совсѣмъ молодой человѣкъ, небольшого росту, худощавый, черноватенькій, безъ бороды, но съ усами.

— Здравствуйте, Верещагинъ,—говоритъ онъ, когда, поровнявшись съ нимъ, я отдаю ему честь.—Вы очень походите на вашего брата Василія Васильевича, съ нимъ я еще съ Туркестана знакомъ.—Это былъ капитанъ Куропаткинъ. Онъ ѣхалъ къ Скобелеву, въ качествѣ начальника штаба отряда, на мѣсто Паренцова. Куропаткинъ сразу располагалъ къ себѣ. Нѣсколько су-

ровый на видъ, голосъ онъ имѣлъ пріятный, лицо блѣдное, глаза маленькіе, впалые, но очень живые. Говорилъ не много, но ясно, толково. Алексѣй Николаевичъ всѣмъ у насъ понравился. Всѣ были довольны новымъ начальникомъ штаба.

10-го августа я находился съ сотней на постахъ. Павелъ Ивановичъ оставался въ лагерѣ. Вечерѣетъ. Сижу на бугорочкѣ подъ высокимъ деревомъ и любуюсь видомъ на Ловчу. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, между виноградными кустами, стоитъ на посту верховой казакъ, и тоже смотритъ въ непріятельскую сторону.

— Что, ничего не видно?—спрашиваю я.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, ничего не замѣтно,—отвѣчаетъ тотъ, мелькомъ взглядываетъ на меня, и затѣмъ опять продолжаетъ пристально смотрѣть.

Плевненское шоссе, при яркомъ послѣ-обѣденномъ солнцѣ, еще рѣзче выдѣлялось изъ общей зелени. Медленно тянутся турецкія каруцы, запряженныя бѣлыми волами; даже видно, какъ животныя лѣниво помахиваютъ хвостами.

„Сколько повозокъ!—и все это въ Плевну, все съ провіантомъ, все запасы турки дѣлаютъ. И что же это мы тутъ стоимъ и дозволяемъ непріятелю свободно снабжать Плевну! Отчего бы намъ не напасть на транспортъ и не отбить его?“

Въ это время кто-то подскакалъ сзади. Оглядываюсь, казакъ изъ лагеря, слѣзаетъ съ лошади въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, и ведя ее за собою въ поводу, подаетъ мнѣ записочку. Почеркъ Шанаева. Онъ пишетъ, что бригадный командиръ проситъ меня немедленно же явиться къ нему. Я зову вахмистра, наказываю ему быть осторожнѣе, сажусь на лошадь и маршъ-маршемъ скачу въ лагерь. Полковникъ Тутолминъ находился въ палаткѣ у Скобелева.

— Вы назначаетесь отряднымъ адъютантомъ,—говоритъ мнѣ генералъ, и вопросительно смотритъ на меня. Я никакъ не ожидалъ такой новости, и не имѣя понятія о канцелярской службѣ и порядкахъ, чувствую себя неспособнымъ къ этой должности.

— Ваше превосходительство, я боюсь, что не въ силахъ буду выполнить этого назначенія. Я совершенно незнакомъ съ канцелярскимъ дѣломъ,—отвѣчаю генералу.

— Почему это? Тутъ нѣтъ никакой трудности. Впрочемъ, какъ знаете. Дайте сегодня же отвѣтъ Куропаткину.

Я иду къ тому, и объясняю, въ чемъ дѣло; Алексѣй Николаевичъ успокоиваетъ меня и говоритъ:

— Ничего, оставайтесь, если чего не знаете, такъ я помогу.— Я соглашаюсь. На другой день товарищи читаютъ въ приказѣ по отряду, что въ составъ отряда генерала Скобелева входятъ, кромѣ казачьей бригады, казанскій пѣхотный полкъ, первый баталіонъ шуйскаго полка и 9-ти-фунтовая баттарея. Начальникомъ штаба назначается капитанъ Куропаткинъ, отряднымъ адъютантомъ сотникъ Верещагинъ.

XIV.

11-го августа, рано утромъ, нашъ отрядъ снялся, чтобы перейти на сельви-ловчинское шоссе. Переправившись черезъ Осьму, мы идемъ узенькимъ гористымъ ущельемъ. Чтò за жара была въ этотъ день! На серединѣ пути отрядъ остановился; все измучилось и люди, и лошади. Дорога каменистая, неровная, и очень тяжелая. Повозки остановились, лошади выбились изъ силъ; люди разбрелись и, уткнувшись, гдѣ пришлось, подъ тѣнью деревьевъ, лежатъ какъ убитые. Я тоже уморился и лежу въ тѣни кустарника; подлѣ меня растянулся хорошенькій, молоденькій сотникъ кубанскаго полка Воейковъ, прикомандированный изъ лейбъ-уланъ. Потное лицо его покраснѣло, какъ его шелковая красная рубаха; черные усики и только-что пробивающіеся бакенбарды намокли отъ пота; самъ онъ тяжело дышетъ. Я смотрю на него и опасаюсь, не случился ли съ нимъ солнечный ударъ.

Черезъ дорогу, на скатѣ пригорка въ тѣни, сидитъ начальство и закусываетъ. Между ними и Скобелевъ въ бѣломъ кителѣ, при аксельбантахъ и съ Георгіемъ на шеѣ. Рядомъ съ нимъ сидитъ въ истасканномъ парусинномъ пиджакѣ корреспондентъ Максимовъ. Онъ что-то разсказываетъ генералу и, должно быть, очень смѣшное, такъ какъ Скобелевъ, закинувъ голову назадъ, заразительно смѣется.

Понемногу начинаютъ показываться фигуры солдатъ, офицеровъ; лошадей начинаютъ снова гнать, бить по чемъ попало. Повозки подаются на сажень, останавливаются, снова двигаются, опять останавливаются и такъ далѣе.

Поздно ночью отрядъ добрался до назначеннаго мѣста и остановился на самомъ шоссе, на половинѣ дороги между Сельви и Ловчей. Пѣхота стала на полъ-версты впереди отъ казачьей бригады, влѣво отъ шоссе, въ густой тѣнистой рощѣ.

Балканы виднѣлись отсюда прекрасно. Подолгу, случалось, я любовался на нихъ, въ особенности по вечерамъ, въ дни атакъ Сулеймана на Шипку, когда канонада стала ясно доноситься. Возьму, бывало, бинокль, выйду на опушку рощи, лицомъ къ темнѣющимъ Балканамъ, сяду, гдѣ поудобнѣе, и прислушиваюсь, не загудитъ ли въ горахъ. Вонъ, гдѣ-то далеко-далеко, и именно со стороны Шипки—слышатся точно громовые удары,—у-у-у!—потрясаютъ пушечные раскаты воздухъ. Смотрю въ бинокль на зубчатыя вершинки, освѣщенныя закатывающимся солнцемъ, не увижу ли хоть дыму гдѣ? Нѣтъ, далеко до Шипки. Болгары, говорятъ, 60 верстъ будетъ. Вотъ второй раскатъ—этотъ еще дольше гудитъ. Сердце сжимается, въ головѣ мелькаетъ мысль: что-то наши? удержатся ли они? мало ихъ тамъ, а непріятеля чуть ли не двадцать тысячъ! Что же это къ нашимъ помощь нейдетъ? Гдѣ же войска?—Вотъ что терзало меня въ эти минуты.

— Дайте-ка, Верещагинъ, всю переписку, всѣ наши бумаги!—кричитъ мнѣ какъ-то Михаилъ Дмитріевичъ изъ своей палатки. Беру портфель и несу.

— Нѣтъ, батюшка, вы не годитесь вести дѣла. Вы мнѣ такъ всѣ бумаги порастеряете, — ворчитъ Скобелевъ, перебирая бумаги.—Не подшиты, не пронумерованы! Развѣ такъ можно?—Я стою какъ ошпаренный и не подозрѣвая, что бумаги слѣдовало подшивать и помѣчать числа. Генералъ никогда мнѣ объ этомъ не говорилъ. Получитъ, бывало, бумагу во время пути, прочтетъ ее, обернется ко мнѣ и крикнетъ: „Спрячьте!“ „Возьмите!“—Ну, возьмешь ее и положишь къ другимъ бумагамъ; стараешься, только, чтобы не потерялись.

— Нѣтъ, я возьму другого офицера, онъ будетъ лучше вести дѣла! Попросите сюда полковника Тебякина.—Я, сконфуженный, иду въ казанскій полкъ, который стоялъ тутъ же въ нѣсколькихъ шагахъ; ихъ палатки бѣлѣлись между деревьями; офицеры почти всѣ уже мнѣ знакомы; почти у всѣхъ я побывалъ въ гостяхъ, посидѣлъ и попилъ чаю, всѣ меня знали и относились съ должнымъ почтеніемъ, какъ къ отрядному адъютанту.—И тутъ вдругъ такой скандалъ! Все это дорогой моментально пролетѣло у меня въ головѣ. Впрочемъ, думаю, о чемъ же особенно и горевать, вѣдь я предупреждалъ генерала, что не знаю канцелярскихъ порядковъ; и Куропаткину говорилъ совершенно откровенно, что не терплю писанія, не знаю ни формы бумагъ, ни порядковъ! И я начинаю понемножку успокоиваться и утѣшаться, въ особен-

ности, когда припомнилъ маленькую непріятность съ Тутолминымъ, происшедшую изъ-за того только, что я написалъ ему отъ имени генерала: „предписываю“ вмѣсто „предлагаю“.

— Чортъ съ ними, съ этими бумагами! Ну, велитъ уйти въ полкъ, такъ и уйду. Писать на эдакой жарѣ, чистое наказанье!— И я, совершенно потный отъ жары и размышленій, вхожу на прогалинку рощи, гдѣ стояла просторная палатка командира полка. Дежурный солдатикъ докладываетъ обо мнѣ, командиръ полка самъ выскакиваетъ. Это былъ уже пожилыхъ лѣтъ господинъ, средняго роста, съ толстой шеей, крѣпкаго тѣлосложенія, рыжеватый, бороду и щеки брилъ, носилъ одни усы.

— Пожалуйте, господинъ поручикъ, пожалуйте!—чрезвычайно любезно упрашиваетъ онъ меня взойти въ палатку, и застегиваетъ на себѣ китель. Въ палаткѣ у полковника находился въ это время худощавый маіоръ, лѣтъ подъ 50, завѣдывающій хозяйствомъ полка. При видѣ меня, лицо маіора принимаетъ до приторности ласковое выраженіе, и онъ обѣими руками трясетъ мою руку.

— Васъ генералъ проситъ,—передаю я Тебякину.

— Не знаете, зачѣмъ? — какъ бы испуганно спрашиваетъ онъ, мгновенно мѣняя сладкое лицо на озабоченное. Полковникъ торопится одѣваться и кричитъ денщика, я же прощаюсь, ухожу къ себѣ въ палатку, ложусь на постель и раздумываю о томъ, что генералъ вѣрно будетъ просить Тебякина дать ему офицера, который бы могъ замѣнить меня.

Вскорѣ показывается изъ рощи фигура полкового командира въ мундирѣ, бѣлыхъ штанахъ и при саблѣ. Онъ осторожно на цыпочкахъ подходитъ къ генеральской палаткѣ, останавливается около дежурнаго казака и шопотомъ спрашиваетъ того что-то. Казакъ шопотомъ же отвѣчаетъ и указываетъ рукой на палатку генерала. Командиръ полка снимаетъ кэпи съ широкимъ золотымъ штабъ-офицерскимъ галуномъ, достаетъ изъ задняго кармана темный фуляровый платокъ, обтираетъ имъ лобъ, небольшую лысину, затылокъ, шею, берется за воротникъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ застегивается, оттягиваетъ его съ такимъ видомъ, точно мундиръ душилъ его, и затѣмъ, какъ бы машинально проведя рукой по борту мундира, чтобы убѣдиться, всѣ ли пуговицы застегнуты, откашливается и уже ступая на всю ступню, рѣшительно направляется къ дверямъ палатки. Слышится голосъ генерала:

— Кто тамъ?—А, полковникъ! Милости просимъ!—Минутъ черезъ десять полковникъ выходитъ уже обратно изъ палатки, и

приподнявъ саблю за эфесъ, съ озабоченнымъ видомъ, той же осторожной поступью теряется въ рощѣ.

— Кого-то онъ пошлетъ генералу, — думаю я, продолжая лежать на буркѣ. Не больше какъ черезъ полчаса показывается стройный молодой офицеръ.—А, это Лисовскій! Ну, этотъ хорошій, я его знаю, нѣсколько разъ встрѣчался съ нимъ у командира роты и всегда любовался, какой онъ ловкій, красивый, манеры такія деликатныя.

Лисовскій подходитъ къ дежурному казаку и тоже шопотомъ спрашиваетъ его что-то; казакъ показываетъ рукой на мою палатку, офицеръ направляется ко мнѣ. Лисовскій одѣтъ съ иголочки, мундиръ на немъ новешенекъ, брюки тоже бѣлые, какъ у полкового командира, но гдѣ же командирскимъ равняться съ этими? Эти бѣлые какъ снѣгъ; гдѣ только онъ досталъ такіе? Вѣрно, какъ ему ихъ вымыли и выгладили еще въ Россіи, такъ и сложилъ и завернулъ ихъ въ бумагу (но не въ газетную, газетная отпечатается), да и въ чемоданчикъ! Перчатки на его рукахъ тоже бѣлоснѣжныя. Мы поздоровались, какъ старые знакомые, и вмѣстѣ направились къ генералу. Тебякинъ, вѣроятно, сказалъ Скобелеву, кого онъ пришлетъ, такъ какъ тотъ, услышавъ наши шаги, кричитъ изъ палатки.—Пожалуйте сюда, Лисовскій.—Мы входимъ.

— Пожалуйста, примите вотъ всѣ эти бумаги отъ сотника Верещагина. Вы будете ихъ вести, да поаккуратнѣе, пронумеруйте ихъ, подшейте. Понимаете?

— Слушаю-съ, ваше превосходительство,—отвѣчаетъ тотъ, беретъ отъ меня всѣ бумаги, любезно раскланивается и уходитъ къ себѣ.

Около часу по-полудни, деньщикъ генерала Круковскій, по обыкновенію, зоветъ меня обѣдать. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ палатки генерала накрытъ столъ бѣлой скатерткой. Обѣдаютъ: генералъ, Куропаткинъ и я. Въ сторонѣ, между деревьями, видна согнутая фигура казака повара, который разливаетъ изъ котелка щи на тарелки. Скобелевъ повязываетъ на себя салфетку подъ подбородкомъ, какъ маленькія дѣти, и начинаетъ ѣсть щи; затѣмъ, прерываетъ ѣду и говоритъ, обращаясь ко мнѣ. — И не стыдно, ха, ха, ха! дѣла отняли; я бы на вашемъ мѣстѣ обидѣлся, ха-ха-ха!—Алексѣй Николаевичъ, ты знаешь, онъ мнѣ всѣ бумаги перепуталъ, ужъ у меня другой теперь будетъ отрядной адъютантъ,—добродушно разсказываетъ Михаилъ Дмитріевичъ, смѣется и третъ рукой свой огромный носъ. Въ голубыхъ глазахъ его незамѣтно никакой досады или сердца на меня, онъ хохоталъ отъ души, добрымъ откровеннымъ смѣхомъ.

— Ничего, ваше превосходительство, Верещагинъ у насъ останется по строевой части, онъ намъ полезенъ будетъ,—серьезнымъ тономъ ободряетъ меня Куропаткинъ.

Кажется, въ тотъ же день, я хожу съ генераломъ по рощѣ, канонада съ Балканъ особенно рѣзко раздавалась въ эти минуты. Михаилъ Димитріевичъ, засунувъ руки въ карманы, задумчивый, мурлычетъ себѣ подъ носъ какую-то пѣсенку, страшно фальшивымъ голосомъ. Затѣмъ внезапно останавливается, берется за бортъ моей черкески и говоритъ съ какимъ-то отчаяніемъ въ голосѣ.

— Знаете что, съѣздите вы на Шипку къ Драгомирову, скажите Михаилу Ивановичу,—тамъ у него кровь льется, а мы здѣсь ничего не дѣлаемъ, гуляемъ,—скажите, что я готовъ ему помочь своими войсками!—Затѣмъ прибавляетъ:—Да привезите мнѣ изъ Габрова, отъ капитана Маслова, вина хорошаго,—слышите, отправляйтесь!

Сажусь на лошадь и ѣду, въ сопровожденіи казака. „До Сельви пятнадцать верстъ, отъ Сельви до Габрова считается 30, да тамъ до Шипки 15, всего около 60 верстъ“, разсчитываю я дорогой. Солнышко закатилось. За Сельви я обгоняю пѣхотную бригаду Мольскаго. Ѣду дальше. Вижу, два солдата артиллериста ѣдутъ на-встрѣчу скорой рысью. Должно, что-нибудь особенное случилось!

— Здорово, братцы!—кричу имъ,—что̀ какъ у васъ тамъ?

— Генералъ Драгомировъ раненъ, ваше благородіе! — отвѣчаетъ одинъ изъ нихъ, пріостанавливая лошадь.

— Когда? Опасно?

— Такъ точно, ваше благородіе; сегодня, въ ногу.—Солдаты замѣтно торопятся; я не задерживаю ихъ и ѣду дальше. Артиллеристы трогаются той же крупной рысью, и быстро пропадаютъ въ темнотѣ. Звонъ подковъ раздается еще нѣкоторое время въ ночной тиши.

Въ Габрово пріѣхалъ я поздно ночью. Ѣду къ начальнику города, капитану Маслову, тому самому, съ которымъ я познакомился въ первую несостоявшуюся рекогносцировку Скобелева въ Систовѣ. Масловъ сообщаетъ мнѣ, что Драгомировъ раненъ въ ногу, не особенно опасно, и что его завтра же привезутъ сюда въ Габрово.

Рано утромъ узнаю̀, что привезли генерала Драгомирова. Вскакиваю и бѣгомъ отправляюсь къ Габровскому монастырю,

который былъ отведенъ для раненыхъ. Это низенькое зданіе съ большимъ дворомъ. Подхожу какъ разъ въ ту минуту, когда Драгомирова вытаскиваютъ изъ санитарнаго фургона и на рукахъ несутъ во внутреннее помѣщеніе монастыря. Я тоже подбѣгаю и помогаю нести. Генералъ слабымъ движеніемъ головы благодаритъ всѣхъ за участіе.

— Вы отъ Михаила Дмитріевича?—говоритъ онъ мнѣ, узнавъ отъ Маслова, что я ѣхалъ къ нему на Шипку.—Такъ вотъ, скажите ему, да,—тянетъ онъ слабымъ унылымъ голосомъ:—скажите, что вотъ, видѣли меня, вотъ въ какомъ положеніи. Кланяйтесь Михаилу Димитріевичу,—и генералъ киваетъ головой и закрываетъ глаза. Я уже не рѣшаюсь его больше безпокоить разспросами о дѣлахъ и вскорѣ ѣду обратно.

Во время стоянки на сельви-ловченскомъ шоссе генералъ часто приказывалъ мнѣ посылать лазутчиковъ болгаръ въ Ловчу, развѣдывать о непріятелѣ. Какъ-то разъ узнаемъ, что турки сбираются напасть на насъ. Въ тотъ день подъ вечеръ Скобелевъ ходитъ по рощѣ въ нервномъ настроеніи и потираетъ руки; я прохожу мимо него.

— Верещагинъ,—подзываетъ онъ меня, легонько берется за рукавъ моей черкески и заставляетъ ходить рядомъ съ собой.—Завтра у насъ будетъ бой! —говоритъ онъ. При этомъ лицо его принимаетъ торжествующее выраженіе.—Я вамъ себя поручаю; въ случаѣ, если я буду раненъ, не смѣйте увозить меня съ поля сраженія до конца боя. Слышите?

— Слушаю-съ, ваше превосходительство! — отвѣчаю я. Но слухъ оказался не вѣренъ; на другой день боя не было.

А. Верещагинъ.

БАБЬЕ ЛѢТО

ПОВѢСТЬ.

Окончаніе [1]).

XI.

Въ Оврагахъ обѣдали.

Передъ кушеткой, на которой лежала Ната, накрывался маленькій столикъ, ей подавали отдѣльный легкій обѣдъ, на составленіе котораго хозяйка тратила много вниманія и заботливости; но больная прихотничала и цѣлыми днями не брала въ ротъ ничего, кромѣ острыхъ соленій, фруктовъ и сладостей, за которыми гоняли нарочныхъ въ городъ,—была ли это особенность натуры или и въ этомъ проявлялось то же нервное раздраженіе, которое все усиливалось съ каждымъ днемъ, къ совершенному недоумѣнію врача. Онъ давно готовъ бы былъ признать свою паціентку выздоровѣвшей, еслибы она не была такъ неестественно раздражительна, такъ блѣдна, апатична, такъ несчастна среди окружавшихъ ее заботъ и попеченій.

Марья Матвѣвна находила странное наслажденіе въ этихъ заботахъ о своей гостьѣ, которую никогда не любила и считала своей торжествующей соперницей. Теперь она прощала ей все ея коварство, весь эгоизмъ, все безсердечіе—за одну ея молодость. Ей какъ будто казалось, что нѣтъ достоинства, которое могло бы сравниться съ двадцатью годами, и нѣтъ ошибки, нѣтъ заблужденія, нѣтъ промаха, которые бы не выросли въ преступленіе, въ по-

---

[1]) См. выше: янв. 59 стр.

зоръ, въ безвозвратное паденіе—въ сорокъ лѣтъ! Ея терпѣніе было неистощимо. Если эта всегда ровная, мягкая кротость была искусственна, хозяйка Овраговъ неожиданно оказалась превосходной актрисой.

Ната считала ее актрисой, лицемѣркой, іезуиткой... Она не могла выносить равнодушно ея голоса, ненатуральнаго смиренія, съ которымъ тетка переносила всѣ ея болѣзненныя выходки... Она видѣла во всемъ этомъ утонченную жестокость, она ненавидѣла ея заботы, теряла аппетитъ отъ одного взгляда на изысканныя блюда, которыя приготовлялись для нея. Съ каждымъ днемъ, Ната запутывалась сильнѣе въ хаосѣ собственной подозрительности и того смятенія, которое подняло въ ея душѣ первое искреннее чувство.

Разумѣется, она не сознавалась себѣ, что полюбила Комова—этого упрямаго деревенскаго жителя, совсѣмъ не обладавшаго ни утонченностью, ни самообладаніемъ людей, привыкшихъ жить въ обществѣ, который одинаково не умѣлъ ни скрывать своихъ впечатлѣній, ни поступаться своими мнѣніями. О, этотъ разумѣется никогда не скажетъ, что у него нѣтъ противъ нея ни гордости, ни мужского достоинства!—этотъ не будетъ любить, не уважая...

Вся ея испорченность, привитая возбуждающей атмосферой праздной свѣтской жизни, въ вѣчной погонѣ за развлеченіями, за впечатлѣніями, за сладостнымъ опьянѣніемъ, въ которомъ держитъ женщину прикосновеніе чужой страсти, весь душевный развратъ безшабашнаго кокетства, создающаго себѣ забаву изъ чужихъ волненій — вся нравственная физіономія хорошенькой Наты, такая, казалось, опредѣленная—смутилась и дрогнула отъ первыхъ внезапныхъ и бурныхъ приступовъ мучительной страстной тоски, какъ будто свѣжимъ вѣтромъ полей сдуло искусственный налетъ съ молодой души, не пережившей до этихъ поръ ни одной бури искренняго чувства, незнакомой съ единственнымъ горькимъ опытомъ—опытомъ собственныхъ волненій и мукъ....

Но она была слишкомъ богата опытомъ чужихъ увлеченій, черезчуръ знакома съ картиной чужихъ страстей, чужого паденія. Она была разочарована, прежде чѣмъ узнала все очарованіе вѣры; помята, прежде чѣмъ ее коснулась чья-нибудь рука; эта дѣвушка какъ будто принадлежала всѣмъ тѣмъ, которые были влюблены въ нее, которые ревновали, ненавидѣли и терзались изъ-за нея... Ната была тѣмъ, что̀ сдѣлало изъ нея всякое отсутствіе воспитанія, помимо безпорядочныхъ и опасныхъ уроковъ жизни въ распущенной, богатой семьѣ, гдѣ отцвѣтшая красавица мать рядилась, румянилась и молодилась, а отецъ представлялъ загадочную

фикцію, появлявшуюся у домашняго очага только въ экстренныхъ случаяхъ жизни. Ната была тѣмъ, чтó сдѣлали изъ нея ея поклонники, обожавшіе ея красоту и прощавшіе всѣ ея вины за одну соблазнительную улыбку... Она привыкла, что ее предпочитали скромнымъ, серьезнымъ барышнямъ, что ради нея унижались, измѣняли долгу; она знала, что ея власть заключается именно въ томъ, чтó всѣми громко осуждается: въ томъ кнутѣ, который она дерзко и откровенно держала въ рукахъ...

Все это было тамъ въ бальныхъ залахъ и въ полутемныхъ гостиныхъ, пропитанныхъ раздражающимъ благоуханіемъ духовъ, въ залитыхъ огнями тѣсныхъ ложахъ театровъ, подъ очаровывающіе звуки страстной музыки. Здѣсь—порывы вѣтра кидали дождемъ о стекла окошекъ и выводили въ трубахъ строгую, скорбную, душу надрывающую мелодію. Здѣсь Ната чувствовала себя безпомощной, безсильной лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, отстаивавшимъ упрямо и стойко свой нравственный міръ, не признававшимъ власти, которую ее давно пріучили считать неотразимой... Чтò творилось въ душѣ Комова, она плохо понимала, чувствовала только съ отчаяніемъ, что испытанное оружіе измѣняетъ ей, что будетъ не такъ, какъ захочетъ она, чувствовала, что подчиняется сама какой-то безпощадной силѣ... Ната еще сопротивлялась; она боролась капризно, строптиво, пугаясь точныхъ словъ и прямыхъ вопросовъ.

Въ Оврагахъ обѣдали.

Марья Матвѣевна, стоя, разливала супъ, и сквозь горячій паръ, поднимавшійся надъ миской и распространявшій вкусный запахъ свѣжихъ щей, она увидѣла, какъ отворилась дверь и вошелъ Комовъ.

Петя и Витя встрѣтили гостя радостными криками; они громко стучали ногами и колотили ложками объ тарелки, въ порывѣ шумнаго дѣтскаго торжества:

— А! бѣглецъ!.. мы-таки вытащили васъ!.. Это мы, мы!.. Мама, вѣдь правда, что это мы?..

Никто не унималъ мальчиковъ; поднятый ими гвалтъ былъ истиннымъ спасеніемъ для взрослыхъ. Гость улыбался напряженной улыбкой—конечно, онъ явился единственно на ихъ приглашеніе, такъ какъ никто больше и не звалъ, вѣдь, его въ Овраги! Педагогъ поправлялъ очки и безжалостно разглядывалъ поочередно всѣхъ этихъ смущенныхъ людей, переживавшихъ минуту мучительнаго замѣшательства.

Марья Матвѣевна поставила на мѣсто тарелку и подала руку, которую сосѣдъ поднесъ къ своимъ губамъ, какъ дѣлалъ это

всегда въ теченіе пяти лѣтъ. Но въ этомъ робкомъ и легкомъ прикосновеніи не было ничего прежняго—ни дружеской пріязни давнишнихъ лѣтъ, ни недавней нѣжности этого лѣта.

— Надѣюсь, вы не обѣдали... Садитесь здѣсь,—пригласила хозяйка, когда Комовъ отошелъ отъ кушетки, выразивъ Натѣ церемонно и банально свое сожалѣніе по поводу ея упорной болѣзни.

За всю муку, которую пережила Марья Матвѣвна, за весь ужасъ своего разочарованія, она имѣла одно это единственное удовлетвореніе: она не обнаружила никакого смущенія, встрѣтившись съ Комовымъ. Она говорила тѣмъ же ровнымъ—„противнымъ“, по мнѣнію Наты—голосомъ, смотрѣла взоромъ, смыслъ котораго былъ закрытъ для него; и по мѣрѣ того, какъ она сама убѣждалась въ этомъ, ея спокойствіе становилось натуральнѣе и увѣреннѣе. Она разспрашивала сосѣда объ его хозяйствѣ, жаловалась на собственныя неурядицы, говорила много, говорила, наконецъ, одна за всѣхъ...

Комовъ былъ пораженъ; онъ ничего не понималъ въ этомъ удивительномъ самообладаніи женщины, оскорбленной такъ незаслуженно. Взглядывая въ ея лицо—все чаще, все смѣлѣе—онъ находилъ, что оно какъ будто потухло, застыло, стало блѣднымъ отпечаткомъ того лица, которое нѣсколько недѣль тому назадъ свѣтилось всѣмъ одушевленіемъ любви и счастія.

И чѣмъ больше онъ убѣждался въ этомъ, чѣмъ спокойнѣе, подвижнѣе и разговорчивѣе становилась хозяйка Овраговъ—тѣмъ, онъ чувствовалъ, увеличивалось отчужденіе, ихъ раздѣлявшее; тѣмъ меньше и меньше становилось мѣсто, которое занималъ онъ и страданія, имъ причиненныя, въ душевномъ мірѣ женщинѣ, которую онъ такъ уважалъ, съ которой мечталъ прожить цѣлую жизнь... Онъ не смѣлъ больше мечтать, онъ не могъ желать, чтобы она страдала—но тѣмъ не менѣе все, что онъ видѣлъ, точно пришибло его.

То, что они испытывали въ эту первую встрѣчу—было одинаково неожиданно для нихъ обоихъ.

Нѣсколько разъ Марья Матвѣвна вздохнула глубоко, всей грудью—въ первый разъ съ того памятнаго утра, когда ей неожиданно принесли длинное письмо изъ Борковъ. Всѣ дни, недѣли, съ тѣхъ поръ, на груди лежалъ подавляющій гнетъ стыда, окутавшаго непроглядной тьмою цѣлую жизнь, прожитую безупречно, тѣснившій ея дыханіе, сковывавшій ея движенія... Могла ли она ждать, что этотъ ужасный гнетъ спадетъ при встрѣчѣ, которой она такъ боялась! Съ каждой минутой все отчетливѣе она

чувствовала себя прежней Марьей Матвѣвной, замѣчала съ удивленіемъ, что этотъ стыдъ, отъ котораго она боялась задохнуться при одномъ взглядѣ на Комова, весь хаосъ нравственныхъ терзаній, черезъ который она прошла, вся гроза внезапно налетѣвшей страсти—искушающей, торжествующей и такъ безжалостно разбитой, цѣлая жизнь, прожитая въ четыре мѣсяца—все это вдругъ выпустило ее изъ своей власти... И это ощущеніе освобожденія, чувство неожиданнаго и полнаго возврата къ себѣ самой, это было сильнѣе всего другого, охватило ее съ могучей силой.

Все остальное было впереди: всѣ ея счеты съ этимъ человѣкомъ, вся боль обиды, вся горечь раскаянія, весь ядъ воспоминаній, которыхъ нельзя ни простить, ни вычеркнуть изъ жизни—о, безъ сомнѣнія, Марьѣ Матвѣвнѣ не уйти отъ этого!—конечно, она заплатитъ полностью за свое несчастное увлеченіе, заплатить чистопробной монетой, щедрой рукой изъ богатаго запаса женщины, прожившей скромную уединенную жизнь, бѣдную сердечными волненіями... Но теперь она дышала свободно, подняла голову съ радостнымъ изумленіемъ передъ этой возможностью жить, смотрѣть прямо въ глаза, говорить съ этимъ человѣкомъ, вовсе даже не думая о томъ, что́ такъ страшно сблизило ихъ.

Но чѣмъ спокойнѣе была Лубянская, тѣмъ мучительнѣе и тревожнѣе чувствовалъ себя Комовъ... Презрѣніе этой женщины такъ велико, что она даже не удостоиваетъ признавать за нимъ его вину!.. Онъ палъ такъ низко, что она потеряла всякую охоту, самую возможность страдать изъ-за него!.. Самая краснорѣчивая картина страданій оскорбленной женщины не заставила бы его испытать и половины того мучительнаго негодованія, которое закипѣло въ молодомъ сердцѣ за самого себя, за свою поколебленную честь, за свою униженную гордость.

Каждая фраза оживленнаго разговора за обѣденнымъ столомъ, малѣйшая игра выраженій лицъ, всякое колебаніе интонацій голоса—все это жадно ловилось на другомъ концѣ комнаты, на кушеткѣ, гдѣ лежала Ната, безмолвная на правахъ больной, полузакрывая глаза, чтобы скрыть лихорадочный блескъ своихъ испытующихъ взглядовъ. Она переводила все это по своему, на понятный для себя языкъ: о, она отъ всей души завидуетъ артистическимъ способностямъ Марьи Матвѣвны, умѣющей такъ хорошо притворяться, такъ мастерски выдерживать равнодушіе, сводящее съ ума эту сельскую наивность, которая все принимаетъ за чистую монету!—дочери Евы вездѣ на одинъ ладъ—солидная тетушка, скромная помѣщица не хуже свѣтской кокетки

понимаетъ, что слезные упреки и бурныя сцены ревности только ускоряютъ охлажденіе, только обнаруживаютъ власть мужчины— власть, которой онъ перестаетъ дорожить съ первой минуты, какъ убѣдится въ ней!.. О, она превосходно уничтожаетъ его своимъ непроницаемымъ взоромъ, своими равнодушными минами. Можно поспорить, Натѣ ли съ безотраднымъ клеймомъ патентованной кокетки или этой строгой вдовушкѣ, разыгрывающей въ тиши свои романы—должна принадлежать пальма первенства!.. Она вдоволь помучитъ его за невольное и неотразимое обаяніе другой женщины, она не проститъ ему ея молодости, ея красоты, она выместитъ на немъ свои тридцать-восемь лѣтъ, свои поблекшія щеки, свои сѣдѣющіе волосы.

О, да, онъ настоящій школьникъ въ сравненіи съ нею!.. ему бы слѣдовало избрать карьеру актера съ своимъ до смѣшнаго гибкимъ голосомъ, съ этими, то темными, то свѣтлыми волнами, переливающимися въ глазахъ, съ внезапными морщинками надъ бровями, такъ мѣняющими характеръ лба, совсѣмъ небезмятежнаго... О, о!.. какіе благородные жесты, что за картинная поза!.. ха, ха, ха!..

— Александръ Андреичъ! Александръ Андреичъ!..—звала Ната, дрожа съ головы до ногъ отъ какого-то незнакомаго, никогда неиспытаннаго недуга, который налеталъ все ближе, ближе, разрывалъ ей грудь дикимъ взрывомъ смѣха и рыданій, вылетавшихъ одновременно изъ губъ, побѣлѣвшихъ и высохшихъ.

Сквозь этотъ безумный смѣхъ, со слезами, стоявшими крупными каплями въ ея прелестныхъ глазахъ, Ната развивала Комову свою внезапную идею: она пророчила ему громадный успѣхъ, она ручалась за симпатіи всей женской публики, она обѣщала собственноручно аплодировать, не жалѣя рукъ, на его дебютѣ. Она отталкивала стаканъ воды и рюмку съ успокоительными каплями, которыя ей испуганно протягивали, спѣша досказать этотъ вздоръ, который такъ дико веселилъ ее, борясь мучительно со спазмомъ, спиравшимъ дыханіе, чувствуя себя несчастной, какъ никогда въ цѣлую жизнь, самой несчастной изъ всѣхъ женщинъ, когда-либо жившихъ на свѣтѣ...

XII.

Ната только-что оправилась отъ жестокой истерики и лежала блѣдная, какъ подушка, по которой разсыпались ея золотые волосы, измученная и слабая до того, что чувствовала какой-то

особенный холодъ, который скользилъ по вискамъ и щекоталъ ей губы.

Василій Васильичъ увелъ дѣтей; Марья Матвѣвна, съ намѣреніемъ или нѣтъ, вышла изъ комнаты; Комовъ осторожно пробирался къ своей фуражкѣ, думая только объ одномъ: какъ бы скорѣе вырваться изъ Овраговъ. Но Ната внезапно открыла глаза и подозвала его къ себѣ повелительнымъ жестомъ.

— Вамъ нужно успокоиться... отдохнуть...,—бормоталъ онъ съ глупымъ видомъ мужчины, безпомощнаго передъ бурной картиной дамскихъ волненій.

— Не ваше дѣло!—отвѣтила Ната, безцеремонно вынула фуражку изъ его рукъ и отбросила ее въ уголъ.—Вамъ отдали мою записку?..

— Я не понялъ, въ чемъ вы меня подозрѣваете?

— Я? я!..—воскликнула дѣвушка, не вѣря своимъ ушамъ.

Она быстро поднялась и сѣла съ такой легкостью, какъ будто никогда не была больна.

— Наталья Дмитріевна!.. это невозможно!.. какъ хотите, я ухожу... я не могу!..

— Вы сейчасъ же пойдете,... она къ себѣ ушла нарочно, вы и этого вѣрно не поняли?.. ну, вы пойдете и объясните ей: я не хочу,... вы понимаете?.. я не хочу выносить ея ревности!.. Вы ей скажете, что еще ни одной женщины вы не презирали такъ, какъ вы презираете меня! вы ей объясните, что мы двѣ—небо и земля... день и ночь... свѣтъ и тьма... все, что хотите!.. но чтобы это было кончено... кончено!..

Теперь это было уже не истерика, а тяжелыя слезы страстной муки, которыя неудержимо лились изъ глазъ и, казалось Натѣ, смывали весь блескъ жизни съ ея лица, проводили на немъ отвратительныя страдальческія морщины.

— Я не могу говорить о ревности!.. я... я совсѣмъ не презираю васъ!—защищался Комовъ со своими прекрасными свободными жестами человѣка, привыкшаго много двигаться.

— Не лгите... Не лгите...,—шептала дѣвушка безъ голоса, выламывая на колѣнѣ свои тонкіе пальчики, такъ что было слышно, какъ они хрустѣли и щелкали.

— Бога ради... я васъ прошу!.. я васъ умоляю!..—Комовъ схватилъ эти несчастныя руки и заглянулъ ей близко въ лицо съ такой мольбой, съ такимъ волненіемъ, что Ната безсознательно закрыла глаза.—Я пріѣду черезъ нѣсколько дней... Завтра, если хотите!.. Вы пожалѣете... увѣряю васъ, вы сами пожалѣете!.. дайте мнѣ уйти теперь...

Ната вскочила на ноги съ мгновенно высохшими глазами, которые, казалось, потеряли на-вѣки свой безмятежный бархатный взоръ.

— Такъ я скажу сама... вамъ такъ лучше нравится? Она сейчасъ придетъ сюда... Я начну разговоръ и, все равно, вы должны будете кончить его!..

— Какъ могу я помѣшать вамъ?!—воскликнулъ онъ съ негодованіемъ, со всѣмъ возмущеніемъ скромнаго человѣка.

— А!.. вотъ и она... тѣмъ лучше... тѣмъ лучше!..

Ната кинулась на-встрѣчу Лубянской, которая стремительно входила въ комнату.

— Слышите колокольчикъ?.. рѣшительно не знаю, кто бы это могъ быть!.. Ната, зачѣмъ ты такъ много двигаешься, да еще послѣ истерики?..

Вслѣдъ за Лубянской, въ другихъ дверяхъ толпились Василій Васильичъ и дѣти, няня, горничная—всѣ обитатели глухого деревенскаго угла, сбѣгающіеся на магическіе звуки почтоваго колокольчика.

Городскому жителю никогда не представить себѣ, что за возбуждающей музыкой разносится надъ пустынными осенними полями рѣзкій и короткій металлическій звукъ! Разомъ всколыхнетъ онъ торжественное безмолвіе этого печальнаго простора, возвѣщаетъ неотступно и назойливо своимъ рѣзкимъ и пронзительнымъ языкомъ магическую власть жизни, перемѣнъ, событій, печалей и радостей мятежной людской толпы!.. Все ближе и ближе несется это загадочное, это невѣдомое, электризуя нервы, подымая въ умахъ лихорадочный переполохъ догадокъ и соображеній, надеждъ или опасеній, заставляя сердца замирать и вздрагивать въ сладкомъ томленіи...

Все живое въ Оврагахъ толпилось у оконъ, выбѣгало на крыльцо, оживленно мѣняясь догадками и пожирая глазами темно-сѣрую ленту дороги, которая далеко видна изъ оконъ столовой. Педагогъ воевалъ съ дѣтьми, они рвались во что бы то ни стало за горничной, отправившейся на передовой постъ у поворота, откуда можно слѣдить за экипажемъ, когда дорога круто поднимается въ гору; учитель и самъ весь свѣтился любопытствомъ и переминался съ ноги на ногу, крѣпко держа за руки своихъ питомцевъ, которые подпрыгивали отъ нетерпѣнія въ накинутыхъ наскоро пальтишкахъ, съ сіяющими глазами и пылающими рожицами. Старушка няня поспѣшно прибирала комнаты; въ кухнѣ ставили самоваръ и готовились растворить тѣсто, зная по

опыту, что такое перекрестный огонь спѣшныхъ и безтолковыхъ господскихъ приказаній въ минуты неожиданныхъ пріѣздовъ.

Всѣ поочередно высказывали увѣренность, что это докторъ— и тутъ же опровергали сами себя, повторяя въ сотый разъ, что докторъ былъ всего день тому назадъ, боясь всего пуще, чтобы это и въ самомъ дѣлѣ не оказался онъ, чтобы все веселое оживленіе не завершилось такимъ прозаическимъ разочарованіемъ... Ната оставалась на своемъ мѣстѣ, самая равнодушная изъ всѣхъ къ тому, чѣмъ разрѣшится любопытная загадка. Комовъ и Марья Матвѣвна стояли у оконъ и прислушивались къ пронзительнымъ восклицаніямъ, которыми, надсаживая горло, дѣти обмѣнивались съ горничной; ея свѣтлое платье то надувалось какъ парусъ, то билось по ногамъ, точно флагъ, терзаемый бурей. На дворѣ крѣпчалъ морозъ. По вѣтру явственно доносился стукъ колесъ и удары двѣнадцати копытъ о застывшую землю—тройка шагомъ поднималась по разъѣзженной и скользкой дорогѣ; колокольчикъ молчалъ или звякалъ слабо и нехотя. На дворѣ волновались собаки, не подражая однако же людскому нетерпѣнію, а, съ внушительнымъ достоинствомъ собачьей породы, выжидая той минуты, когда врагъ вступитъ въ ихъ предѣлы.

Наконецъ, тройка поднялась на гору и колокольчикъ залился совсѣмъ близко. Горничная бѣгомъ пустилась къ дому, подтверждая въ безчисленный разъ, что это не докторъ, а совсѣмъ незнакомый баринъ. Теперь всѣ толпились въ столовой, разглядывая незнакомца, пока тарантасъ огибалъ дворъ:

„Блондинъ... Безъ бороды... Высокій... Въ бобрахъ“...

— Можетъ быть это кто-нибудь изъ Москвы?—проговорила тревожно Марья Матвѣвна.

— А-а!..—сорвалась съ мѣста Ната,—теперь я знаю... Это Олышевъ!.. разумѣется!.. кто же больше? кто просилъ его!.. кто позволилъ ему!..

Пріѣздъ жениха былъ самымъ многозначительнымъ и самымъ торжественнымъ разрѣшеніемъ всеобщаго недоумѣнія. Лубянской овладѣло смутное безпокойство; она безсознательно оправляла свою прическу и посматривала съ опасеніемъ на волновавшуюся Нату. Педагогъ увлекъ переодѣвать дѣтей, которыхъ слово „женихъ“ привело въ совершенный восторгъ.

— Женихъ!.. женихъ!..—передавалось съ праздничнымъ возбужденіемъ изъ устъ въ уста по людскимъ, коридорамъ и кухнямъ. Одинъ мальчишка громко крикнулъ ура! въ ту минуту, какъ пріѣзжій входилъ на крыльцо.

Комовъ непремѣнно хотѣлъ сейчасъ же уѣхать, но хозяйка

настойчиво удерживала его, невольно обращаясь къ нему съ прежнимъ дружелюбіемъ. Нату насильно удерживали въ столовой,—она собиралась запереться въ своей комнатѣ и, казалось, что вотъ-вотъ сейчасъ она расплачется... Нѣсколько разъ она встрѣчалась съ глазами Комова, въ нихъ мелькало недоумѣніе и какъ будто испугъ. Горничная Даша явилась изъ прихожей еще вся продрогшая и запыхавшаяся, но съ самымъ торжественнымъ и серьезнымъ видомъ вручила карточку, на которой Владиміръ Петровичъ Олышевъ просилъ позволенія представиться владѣтельницѣ Овраговъ.

XIII.

Это былъ высокій, статный блондинъ. Въ тонкихъ чертахъ его лица—если можно такъ выразиться—недоставало чистоты рисунка: ни одна изъ нихъ не бросалась въ глаза, не запоминалась сразу и только всѣ вмѣстѣ оставляли вполнѣ опредѣленное впечатлѣніе твердости и упорства. Блѣдно-голубые глаза блестѣли слабымъ блескомъ и смотрѣли тѣмъ тяжелымъ взглядомъ безъ опредѣленнаго выраженія, какой бываетъ у очень сдержанныхъ и скрытныхъ людей. Но въ этомъ тонкомъ лицѣ съ сжатымъ лбомъ и массивнымъ подбородкомъ, въ этихъ безцвѣтныхъ глазахъ съ тонкими и нервными вѣками, во всемъ ансамблѣ тусклыхъ красокъ и неуловимыхъ линій свѣтлаго блондина—была какая-то скрытая сила, была упорная и холодная страстность...

— Какая непріятная наружность!—промелькнуло въ умѣ Лубянской, когда она выслушивала извиненія гостя, что онъ позволилъ себѣ явиться въ Овраги, не испросивъ предварительно ея разрѣшенія; слегка почтительно склонившись всей своей элегантной фигурой, Олышевъ говорилъ тихимъ голосомъ, медленно и отчетливо договаривая слова. Онъ ссылался на исключительность своего положенія и на тревогу, которую возбудили въ немъ послѣднія письма его невѣсты; но странно, выразительныя и многозначительныя слова, которыя онъ употреблялъ, звучали безцвѣтно и банально, какъ то, чтò говорится для публики, во всеобщее свѣденіе и во что остерегаются влагать искреннее чувство: „Это-то, чтò я долженъ сказать въ настоящую минуту, все-равно—тебѣ или всякому другому“—словно предупреждалъ ничего не выражающій взглядъ, вѣжливо и ровно столько, сколько полагается, останавливаясь на напряженномъ лицѣ хозяйки.

— Какъ это однако скучно!—нѣсколько разъ повторила мысленно Марья Матвѣвна въ то время, какъ, инстинктивно впадая

въ церемонный тонъ, она разспрашивала о дорогѣ, освѣдомлялась о родныхъ и улыбалась безъ всякаго повода машинальной и неловкой улыбкой женщины, рѣдко бывающей въ свѣтскомъ обществѣ.

Олышевъ прямо изъ дорожнаго тарантаса выглядѣлъ гостемъ, только-что явившимся въ городскую гостиную; онъ какъ будто даже съ неудовольствіемъ отклонялъ неизбѣжныя угощенія обогрѣться съ дороги и словно недоумѣвалъ надъ вопросомъ, предпочитаетъ онъ чай или рюмку водки? Сидя въ скромной гостиной Овраговъ, женихъ точно вовсе и не торопился свидѣться съ Натой, и, казалось, готовъ былъ до безконечности тянуть легкую и плавную бесѣду человѣка, привыкшаго думать, что языкъ на то собственно и данъ людямъ, чтобы скрывать свои настоящія мысли и чувства. Но, разумѣется, онъ не нашелъ въ этомъ случаѣ достойной поддержки—Лубянская поторопилась сдать его съ рукъ на руки.

Олышевъ зналъ свою невѣсту. Онъ зналъ хорошо эту извращенную своенравность, самонадѣянную дерзость, съ какою Ната пренебрегала репутаціей благовоспитанной дѣвушки, приводила въ ужасъ всѣхъ отцовъ и матерей, пугала и отталкивала благоразумныхъ людей, знающихъ цѣну душевному спокойствію—и держала въ плѣну, сводила съ ума, доводила до изступленія, до отчаянія тѣхъ безумцевъ, которые поддавались опасному очарованію, теряя надолго, если не навсегда, способность цѣнить истинныя совершенства другихъ женщинъ,—какъ человѣкъ, привыкшій къ грубому спирту, не различаетъ вкуса тонкихъ винъ. Въ этомъ было странное и прихотливое торжество контраста: сдержанный, приличный и щепетильный Олышевъ сознательно шелъ на свою погибель, ставилъ на карту все, чѣмъ до сихъ поръ дорожилъ, обожалъ въ Натѣ именно ея пороки, все, что̀ отличало ее отъ толпы хорошенькихъ женщинъ, какъ муссирующая игра отличаетъ шампанское отъ всѣхъ винъ... Все это Владиміръ Петровичъ взвѣсилъ и порѣшилъ разъ навсегда въ своей замкнутой, для всѣхъ закрытой душѣ. Но одного онъ знать не могъ: какъ подѣйствовала на дѣвушку неожиданная экскурсія въ совершенно новый для нея свѣжій міръ.

Олышевъ мгновенно понялъ, что въ комнатѣ никого нѣтъ и сама хозяйка остается за дверью съ довѣрчивой свободой деревенскихъ нравовъ. Въ одинъ мигъ, который женихъ употребилъ на то, чтобы проскользнуть отъ двери до ея кушетки, Ната успѣла замѣтить только знакомую, тусклую блѣдность, всегда разливавшуюся по его лицу въ минуты волненій — вслѣдъ затѣмъ

сильныя руки схватили ее и приподняли на воздухъ, она увидала близко надъ собой безцвѣтные глаза, жгучіе какъ металлъ раскаленный до бѣла, горячее стѣсненное дыханіе обожгло ея похолодѣвшія губы... Однакожъ Олышевъ не поцѣловалъ ее, а бережно опустилъ на кушетку, какъ будто онъ не въ силахъ былъ сдержать только этого перваго взрыва страсти.

— Вы съ ума сошли!!—крикнула Ната, отталкивая его руки.

— Творецъ мой, какъ вы измѣнились!.. какъ вы похудѣли!.. какъ вы похудѣли!!—шепталъ онъ, пожирая ее глазами и совсѣмъ не слушая.

— Кто васъ звалъ? кто вамъ позволилъ пріѣхать!?..—Ната топнула ногою въ порывѣ безсильной досады и поспѣшно собирала складки своего платья, чтобы отодвинуть его дальше, какъ можно дальше отъ этого человѣка...

Успѣла она забыть его? Какая-то странная, несносная смѣсь знакомаго и чужого... Припоминалось не вдругъ, а постепенно, одно за другимъ: загорѣвшійся, обезцвѣченный взглядъ, который точно пепломъ подергивался, по мѣрѣ того, какъ онъ успокоивался... не совсѣмъ чистый звукъ голоса, становившійся тише и глуше отъ волненія... старательно расчесанные волосы, свѣтлые безъ блеска, съ слегка обозначенной лысиной... упрямыя и повелительныя движенія рта, оттѣненнаго только небольшими усами...

— О, я ужасно жалѣю!... невыразимо жалѣю!

— О чемъ вы жалѣете?

— Что не отослала вамъ одного моего письма...

Олышевъ опустилъ глаза, какъ будто для того, чтобы не видѣть Наты и быть въ состояніи слушать внимательно.

— Да!... я заразилась чужими добродѣтелями и это не привело ни къ чему хорошему!..

— Какое это письмо?—спросилъ онъ медленно.

— Сколько прошло?.. позвольте... разъ, два—да, слишкомъ два мѣсяца! Неужели вамъ кажется, что два мѣсяца—все равно что вчера!?

Олышевъ посмотрѣлъ прямо, въ самую глубину глазъ Наты и они встрѣтили его холодно, настороже. Они не смѣялись дразнящей и подзадоривающей насмѣшкой, какъ въ минуты ихъ прежнихъ ссоръ. Ея похудѣвшее лицо сжалось въ серьезную, мрачную мину, горькая складочка обозначилась въ углу безпечнаго маленькаго рта.

Онъ нѣсколько секундъ смотрѣлъ на нее молча, потомъ заговорилъ съ быстрымъ, подавленнымъ жестомъ человѣка, рѣшающаго не поддаваться чему-нибудь:

— Я васъ увезу отсюда! васъ уморятъ здѣшніе доктора...

— Я могу уѣхать только по санному пути.

— Онъ будетъ на-дняхъ. Морозитъ...

— Я уѣду сейчасъ же, какъ только будетъ возможно... Сейчасъ же!—проговорила Ната съ жаромъ, точно она увѣряла въ этомъ не его, а себя самою.

Олышевъ не понялъ. Онъ внезапно опустился на кушетку около своей невѣсты и, не рѣшаясь дотронуться до рукъ, которыя она поспѣшно отодвинула, нервно и безсознательно мялъ конецъ шелковаго платка, соскользнувшій съ ея плеча.

— Зачѣмъ я послушался васъ!.. зачѣмъ я не пріѣхалъ сейчасъ же... Какъ вы могли запрещать мнѣ придти взять васъ отсюда... на рукахъ унести, если нельзя иначе!.. Какъ вы могли, Ната? какъ вы могли?!

Дѣвушка мрачно смотрѣла на свой платокъ въ этихъ судорожно сжимавшихся рукахъ и начинала понимать, что отнять права, разъ данныя, не всегда такъ легко, какъ она думала. Она рѣшилась выйти за Олышева, потому что онъ былъ сильнѣе другихъ. Ей нравилась затаенная страстность, совсѣмъ особенная—сгонявшая послѣднюю краску съ лица, всякій цвѣтъ изъ глазъ, всякую звучность изъ голоса; ее занимало пробовать надъ нимъ свою власть и наблюдать тяжелую борьбу дикихъ инстинктовъ съ мягкими манерами, благовоспитанными пріемами и привычной сдержанностью высшей школы. Какъ проживетъ она съ нимъ цѣлую жизнь — Нату не особенно заботило, она знала, что торжество всегда на сторонѣ того, кто не увлекается... Но, „два мѣсяца не все равно, что вчера!“... эта борьба не интересовала ее больше. Сила, которой играть было такъ жутко и весело—въ первый разъ показалась неудобной, опасной, когда она еще не знала, какъ ей удастся освободиться изъ ея власти.

— Вы удивляетесь, какъ могла я прожить безъ васъ эти два мѣсяца?—спросила она дерзко, внезапно разсердившись на него за свое собственное смущеніе.

— О, нѣтъ!—протянулъ съ горечью Олышевъ.—Я такъ неизбалованъ, какъ вамъ извѣстно.

— Вы очень ошибаетесь, если воображаете, что... что въ Москвѣ все будетъ по старому!—заторопилась дѣвушка,—что я вѣчно останусь той Натой Апухтиной, которую вы знали... Явлюсь домой совсѣмъ готовая—въ бальномъ платьѣ, прямо въ танцовальную залу и закружусь въ веселомъ вальсѣ!.. Да, вы заблуждаетесь, Владиміръ Петровичъ, заблуждаетесь!..

— Я воображалъ совсѣмъ не это,—отвѣтилъ онъ, наконецъ, послѣ длинной паузы.

Ната понемножку вытянула изъ его рукъ свой платокъ... и плотно закуталась въ него по самый подбородокъ.

— Я воображалъ,—продолжалъ Олышевъ еще медленнѣе,— что вамъ надоѣстъ, наконецъ, меня мучить... Вы возьмете во вниманіе, что и у меня есть же какія-нибудь обязанности въ жизни?... дѣла, служба, семья...

Только этого недоставало! чтобы онъ заговорилъ съ нею о своихъ дѣлахъ и о своей роднѣ въ ту минуту, когда она желала только одного, чтобы ему было до нея такъ же все равно, какъ ей до него.

— Ахъ, избавьте, Бога ради!—вскрикнула Ната съ досадой и вскочила, чтобы не сидѣть дольше съ нимъ рядомъ.

— Скажите мнѣ, наконецъ, чтó здѣсь случилось?..

— Развѣ вы не знаете? Я чуть не сломала спины, полетѣвъ съ лошади для того, чтобы вызвать изъ дому одного нелюбезнаго кавалера...

Никто не угадалъ бы, что это была не грубая шутка — а правда, которую она выговорила съ наслажденіемъ. Олышевъ нахмурился, какъ серьезный человѣкъ, не понимающій ребячества въ важныя минуты.

Ната принялась его разглядывать. Она всѣмъ повторяла, что ея женихъ некрасивъ, но никогда еще онъ не казался ей такимъ немолодымъ, такимъ невзрачнымъ.

— Нѣтъ, никогда!.. нѣтъ!..—твердила она мысленно, удивляясь, что могла когда-нибудь согласиться. До сихъ поръ, она цѣнила своихъ обожателей по степени ихъ занимательности, по силѣ тѣхъ ощущеній, которыя они заставляли ее переживать— только теперь она узнала, чтó значитъ истинное обаяніе, музыка голоса, проникающаго въ самую душу, куда не доходилъ ни чей голосъ, сладкая и мучительная власть непобѣдимаго волненія... Нужды нѣтъ, что Комовъ презираетъ ее—она не принадлежитъ себѣ съ той минуты, какъ онъ входитъ въ комнату. Разговаривая съ другими, она слышитъ его каждое слово, не поднимая глазъ, слѣдитъ за всякимъ его движеніемъ... Она не знаетъ ничего лучше его глазъ—темныхъ и выразительныхъ, чистыхъ и ясныхъ, какъ у людей, ведущихъ простую воздержную жизнь...

„Я люблю Комова... Комова!“ въ первый разъ выговорила мысленно Ната, разглядывая своего жениха и чувствуя только власть другого надъ всѣмъ своимъ существомъ.

Сердце замерло боязливо передъ этимъ новымъ, неиспытан-

нымъ—передъ силой, которой до сихъ поръ она забавлялась, испытывала ее только надъ другими и видѣла, наблюдала безжалостно, какъ эта сила уносила ихъ покой, ломала ихъ гордость, приковывала ихъ къ ея прихоти, страдающихъ и покорныхъ...

И все это будетъ съ нею?..

Взоръ дѣвушки затуманился; тяжелый вздохъ приподнялъ грудь, губы сжались жалобно какъ у ребенка, который боится, что его ударятъ...

Олышевъ тоже машинально поднялся съ кушетки отъ непривычки сидѣть передъ женщиной, которая стояла.

— За что вы на меня сердитесь?—спросилъ онъ, удивляясь печальному выраженію ея лица.

У Наты вырвался нетерпѣливый жестъ—ей было совсѣмъ не до него...

Тогда женихъ сказалъ себѣ, что не слѣдуетъ слишкомъ надоѣдать ей съ перваго шага... Она больна... Она отвыкла—женщины такъ легко отвыкаютъ!.. Это практическое соображеніе въ минуту собственной мучительной тревоги—явилось какъ всегдашняя принадлежность его ярма, какъ трусливая дань его рабству... Изъ боязни еще больше разсердить Нату, онъ рѣшилъ отложить разгадку всѣхъ неожиданныхъ странностей въ поведеніи невѣсты послѣ двухмѣсячной разлуки, готовъ былъ затаить свою муку, всю бурю внезапно нахлынувшихъ опасеній.

— Гдѣ же однако ваша тетушка?

О, Ната живо представляла себѣ все злорадное торжество, съ какимъ Марья Матвѣвна предоставляла имъ полную свободу въ эти минуты... Сама она тѣмъ временемъ, конечно, выслушиваетъ горячія и искреннія оправданія Комова.

— Я пойду взглянуть, гдѣ она!—рванулась Ната изъ комнаты, совершенно забывая, что до этого дня, богатаго волненіями, и всѣмъ другимъ, и ей самой казалось, что она не можетъ безнаказанно дойти отъ кушетки до своей спальни безъ посторонней помощи.

XIV.

Когда Ната проскользнула до комнаты Лубянской, быстрыми и неслышными движеніями кошки, подстерегающей добычу, и внезапно во всю ширину распахнула притворенную дверь—она была очень разочарована, найдя свою тетку на колѣняхъ передъ выдвинутымъ ящикомъ комода, изъ котораго она выдавала горничной чистое столовое бѣлье.

— Сейчасъ твоему гостю подадутъ обѣдать, Ната! вотъ что, Даша—спроси, не угодно ли имъ пройти сначала въ свою комнату? Ната, мы устроили для него комнату Василія Васильича, ты знаешь, больше негдѣ.

— Неужели вы думаете, что онъ останется ночевать въ Оврагахъ?... щепетильный Олышевъ... Никогда!

— Но, душа моя, куда же онъ дѣнется? ты, кажется, забываешь, что здѣсь глухая деревня!

Ната ничего не желала соображать—ее просто выводила изъ себя одна мысль, что Олышевъ можетъ водвориться въ Оврагахъ на правахъ близкаго человѣка. Очевидно, озабоченная хозяйка употребила все это время на самыя прозаическія хлопоты. Но гдѣ былъ Комовъ? Ната оглядывала комнату, какъ будто онъ могъ быть спрятанъ гдѣ-нибудь.

— Онъ уѣдетъ такъ же, какъ пріѣхалъ, — проговорила она сухо.

— Ночью?

— Люди ѣздятъ и ночью.

Марья Матвѣвна оглянулась на нее, словно не вѣря своимъ ушамъ.

— Вы забываете, что оно даже и не совсѣмъ прилично — остановиться въ домѣ, гдѣ нѣтъ хозяина.

— Твоему будущему мужу?... Я, можетъ быть, не въ правѣ тебя учить, но такъ какъ здѣсь я хозяйка, то позволь ужъ мнѣ соблюсти тѣ требованія гостепріимства, которыя я считаю обязательными для всякаго. Изъ Овраговъ еще никого не отсылали ночью на большую дорогу.

Если Марья Матвѣвна разсчитывала пристыдить свою племянницу негодующей фразой, то она очень ошиблась. Какъ только тетка вышла изъ комнаты озабоченной и спѣшной походкой человѣка, знающаго, что ему надо дѣлать, Ната опустилась на стулъ и прижалась къ его спинкѣ горячимъ лбомъ. О, какъ она устала! Она начинала понимать теперь все значеніе спокойствія, о которомъ ей такъ часто, съ такой тоской твердили другіе; тогда оно звучало въ ея ушахъ празднымъ звукомъ, непонятнымъ, какъ непонятна вся прелесть здоровья—здоровому, счастья—счастливому!.. Ей хотѣлось уснуть, чтобы хотя на время забыть всю сложную путаницу, въ которую превратилась ея беззаботная жизнь.

Въ корридорѣ раздались шаги — Комовъ вошелъ и запнулся въ дверяхъ, увидѣвъ Нату въ ея печальной и изнеможенной позѣ.

Она протянула къ нему руки безотчетно, только для того, чтобы онъ не ушелъ сейчасъ же, не промолвивъ ни одного слова.

— Подите сюда...

Онъ нерѣшительно сдѣлалъ два шага.

— Я такъ устала!—протянула дѣвушка съ очаровательнымъ жалобнымъ видомъ, отъ котораго у него перевернулось сердце.

— И въ самомъ дѣлѣ вы должны устать сегодня!.. Прилягте, пока вашъ женихъ будетъ обѣдать... Его займетъ Марья Матвѣвна.

Ната неотступно смотрѣла на него, боясь потерять хоть минуту, хоть секунду... Вотъ онъ какой!.. Вотъ онъ какой!.. Что еслибъ сейчасъ онъ взялъ ее на руки и отнесъ въ ея комнату? Съ какой стати нелѣпая фантазія пришла ей въ голову?.. но она, упрямо дразня, вертѣлась въ умѣ... Можетъ быть, просто потому, что она ужасно устала...

— Я право совѣтую вамъ лечь,—повторилъ Комовъ.

— Вы ужъ уходите?!.

У него былъ очень холодный и сумрачный видъ.

— Господинъ Олышевъ пріѣхалъ за вами, неправда ли?

— Развѣ онъ мужъ мой, чтобы являться за мной?—возмутилась Ната.

— Вашъ женихъ?

— Вчерашній женихъ—завтра посторонній человѣкъ, voilà!.. pas plus que ça! и... и это такъ и будетъ!..

— О, я никогда не пойму—для чего все это дѣлается? зачѣмъ вы сводите съ ума, дразните, обѣщаете, чего нѣтъ, и потомъ обманываете?!.. Зачѣмъ вы продѣлываете въ забаву, въ насмѣшку все, чѣмъ другіе живутъ, страдаютъ, мучаются и бываютъ счастливы... Зачѣмъ!!..

И прежде чѣмъ Ната успѣла произнести хоть слово, Комовъ стремительно вышелъ изъ комнаты, не бросивъ на нее ни одного взгляда.

Она кинулась къ двери и видѣла, какъ онъ почти бѣжалъ по коридору, проводя обѣими руками по волосамъ, какъ человѣкъ, старающійся овладѣть своимъ волненіемъ. Не могла же она крикнуть ему во всеуслышаніе—что все это было прежде, что его она любитъ такъ же, какъ любятъ всѣ, что она несчастна!..

Ната повторяла это себѣ, готовая стать на колѣни, еслибы это могло вернуть его. . . . .

. . . .

— Кто это уѣзжаетъ отъ васъ?

— Сосѣдъ,—отвѣтила коротко Лубянская, взглянувъ въ окно по указанію Олышева и увидѣвъ съ удивленіемъ, какъ Комовъ отвязалъ лошадь, вскочилъ въ свою маленькую рессорную телѣжку и уѣхалъ съ мѣста крупной рысью.

Не простясь съ нею? Стемнѣло. Олышевъ не могъ всмотрѣться внимательно въ молодого человѣка съ красивой каштановой бородкой и гибкими движеніями; но почему-то ему сейчасъ же вспомнилась странная шутка его невѣсты о „нелюбезномъ кавалерѣ“.

. . . .

Въ серединѣ обѣда Ната вернулась въ столовую, по прежнему закутанная по самыя губы въ бѣлый шелковый платокъ. Ея глаза смотрѣли такъ черно и мрачно, какъ будто весь блескъ въ нихъ погасъ на вѣки.

— Отчего Комовъ уѣхалъ?—спросила Марья Матвѣвна.

— Уѣхалъ?!.—сорвалось съ губъ дѣвушки такъ краснорѣчиво, что, если въ вопросѣ тетки было затаенное коварство, она имѣла удовольствіе поймать быстрый и вопросительный взглядъ жениха.

— Я думала, что онъ простился съ тобою,—прибавила Лубянская, нѣсколько пристыженная.

Олышевъ кончилъ обѣдать и курилъ сигару по приглашенію хозяйки, такъ какъ самъ онъ никогда не позволилъ бы себѣ просить разрѣшенія курить у мало знакомой дамы; на столѣ горѣли двѣ свѣчи, синеватое облачко дыма тянуло къ огню и сквозь эту дымку ему видна была задумчиво поникшая золотистая головка съ мрачнымъ взоромъ и вытянувшимся оваломъ. Марья Матвѣвна ушла, но Ната не замѣчала этого; она сидѣла погруженная въ свои мысли, не чувствуя жгучаго взгляда, устремленнаго на нее съ другого конца стола.

— О чемъ вы такъ задумались?—спросилъ Олышевъ и:— Я испугалъ васъ?—прибавилъ поспѣшно, когда Ната порывисто отмахнулась рукой.

— Вы знаете, я не выношу сигарнаго дыма!..

— Простите, Бога ради!—Онъ съ отвращеніемъ кинулъ сигару и, пользуясь случаемъ, пересѣлъ къ ней ближе на стулъ хозяйки.

— Я совсѣмъ брошу курить—кажется, я ужъ обѣщалъ вамъ это?

Ната покраснѣла.

— До меня не касаются ваши привычки...

— Такъ ли это, Наталья Дмитріевна?..

— Да, такъ! Господи, неужели вы не видите?!..

Вотъ оно... Олышевъ медленно всей грудью втянулъ воздухъ, какъ будто приготовляясь встрѣтить ударъ.

Глаза Наты блеснули красноватымъ, знакомымъ огнемъ, но это было не ея лицо, другое—и это другое было еще лучше... Слова полились съ ея устъ стремительно, какъ вода въ прорвавшуюся плотину:

— Уѣзжайте, ради Бога!! да, я виновата, виновата! Я должна была написать, предупредить—я не хотѣла—я боялась... не знаю сама! боялась, что меня опять обвинятъ въ безсердечіи, въ жестокости... Меня не стóитъ любить — съ этимъ всѣ согласны, не стóитъ!.. Забудьте... прокляните! объявите всѣмъ, кричите вездѣ, что я васъ низко обманула... ну, отомстите мнѣ какъ знаете, какъ съумѣете... только оставьте меня въ покоѣ!.. оставьте меня!!..

Она видѣла, какъ вся кровь кинулась ему въ голову, потомъ отхлынула до послѣдней капли и на тускломъ лицѣ самыми свѣтлыми точками сіяли глаза.

— И только?.. и только?..—почти шепталъ Ольшевъ: — оставить васъ въ покоѣ!! два года жить... дышать только вами!.. позволять вамъ топтать себя ногами... раболѣпствовать!.. ждать—понимаете ли вы, чтó значитъ ждать такую женщину, какъ вы?!!

Онъ наклонялся къ ней все ближе, его тихій голосъ съ какой-то особенной явственностью раздавался по комнатѣ, какъ шопотъ трагика достигаетъ послѣдняго уголка театральной залы. Ната оттолкнула его и вскочила, запутавшись платкомъ за стулъ, такъ что онъ потащился за нею слѣдомъ и потомъ съ шумомъ грохнулся на полъ.

Они оба вздрогнули и оба нагнулись поднять его, на мигъ столкнувшись руками.

— Чего вы хотите отъ меня, наконецъ?!—вскричала дѣвушка, выпрямляясь.—Я еще не ваша оттого только, что была глупа!.. была слѣпа!..

— Вы прозрѣли?

— Да, прозрѣла—я васъ... выносить не могу!!.

Она хотѣла объявить ему его приговоръ, какъ можно мягче, какъ можно осторожнѣе; она собиралась щадить, раскаяваться, угрызаться, утѣшать—все, все сдѣлать, чтó требуется добродѣтельною и утонченной совѣстью тѣхъ другихъ, которые читали ей мораль при всякомъ случаѣ. Что сталось со всѣмъ этимъ?.. Она его ненавидѣла—ненавидѣла и боялась, ничего больше. Ей не было жаль его нисколько, ни капли. Она испытывала не угрызеніе, а тяжелое, опьяняющее волненіе обороны, самозащиты передъ бѣшеной страстью, свѣтившейся въ этихъ бѣлыхъ глазахъ.

— А-а!.. вы меня выносить не можете?—подхватилъ Ольшевъ:—прозрѣли?... Не прозрѣли вы, а влюбились!.. Не знаю, можетъ быть, въ того самаго съ бородкой, который сейчасъ уѣхалъ, о которомъ здѣсь только - что говорили—ну, да, да!.. разумѣется... Вы изъ тѣхъ женщинъ, которыя вездѣ найдутъ съ кѣмъ измѣнить!.. которыя всѣхъ обманываютъ—мужей, любовни-

ковъ, жениховъ!.. изъ тѣхъ, которымъ не вѣрятъ... которыхъ запираютъ, которыхъ не спускаютъ съ глазъ... которыхъ...

Онъ остановился, потому что у него не хватило дыханія, а не оскорбленій...

Ната ничего больше не говорила. Она не спускала съ него глазъ, медленно дыша и съ страннымъ напряженіемъ слыша не только его прерывавшіяся, недоговоренныя фразы, его дыханіе, его движенія—но и всѣ смутные, заглушенные звуки въ другихъ комнатахъ. Кто-то проходилъ близко мимо двери и ей все казалось, что сейчасъ войдутъ... Нѣтъ, слава Богу!.. Мысль работала очень ясно и ужасно быстро. Она спрашивала себя, чтó онъ сдѣлаетъ? понимала не умомъ, а инстинктомъ, что подобное волненіе чѣмъ-нибудь разрѣшается... Она не рѣшалась отойти ни на шагъ отъ стола, вокругъ котораго они незамѣтно кружились—какъ во снѣ не рѣшаешься бѣжать отъ преслѣдователя, котораго слышишь за плечами и который кинется на васъ при вашемъ первомъ движеніи.

Олышевъ поднялъ руку и дотронулся до головы, какъ-будто почувствовалъ въ ней боль, оглянулъ столъ, нашелъ стаканъ и поднесъ его къ губамъ; но въ стаканѣ была не вода, а недопитое красное вино. Онъ проглотилъ его съ жадностью и слегка нагнулся, чтобы лучше разсмотрѣть Нату изъ-за свѣчей... Ей вдругъ показалось, что онъ улыбается, и въ ту же минуту весь ея страхъ мгновенно потонулъ во взрывѣ негодованія...

— Вы кончили, господинъ Олышевъ?—крикнула она звонко:—или у васъ найдутся еще какія-нибудь ругательства для меня?... Не стѣсняйтесь! пусть ужъ я до конца узнаю, чего я избавилась—какого ужаса, какого позора, сама того не зная!!.

— Позора?.. нѣтъ—позоръ мнѣ, что я васъ добивался! что я васъ любилъ, когда я зналъ, зналъ, какая фигурантка бездушная... развращенная до мозга костей... продажная—да, продажная!!. Однихъ покупаютъ деньгами, а такихъ какъ вы—страстью, своей честью... своей жизнью!.. такихъ какъ вы... такихъ какъ вы...

Ната не поняла, зачѣмъ онъ быстро нагнулся къ столу и потомъ кинулся къ ней, шатаясь, какъ пьяный. Она вскрикнула негромко, смутно помня, что могутъ услышать—и съ удивленіемъ попятилась передъ какою-то вещью, которая упала къ ея ногамъ, въ то время, какъ Олышевъ круто повернулся и бросился къ окну.

Она стояла оцѣпенѣвъ отъ ужаса, все еще не понимая, чтó

именно произошло? Онъ рванулъ форточку и прижался головой къ рамѣ.

Въ ту же минуту въ столовую быстро вошла Лубянская.

— Ната?!—произнесла она вопросительно, боясь ошибиться, не зная навѣрное, въ какой мѣрѣ то, чтó, очевидно, произошло за этой запертой дверью—можетъ или не можетъ остаться тайной двухъ людей.

Ната поспѣшно нагнулась и подняла вещь, которая лежала на полу: это былъ столовый ножикъ. Она осторожно, безъ всякаго звука, опустила его на столъ и почувствовала странное облегченіе отъ сознанія, что Олышевъ хотѣлъ убить ее. Эта мысль пронеслась яркой молніей надъ ужаснымъ хаосомъ отвратительной сцены. Въ одинъ мигъ Ната перестала ненавидѣть его и чувствовала только, что у нея кружится голова, подкашиваются ноги и поднимается невыносимая грызущая боль въ ушибленной спинѣ.

Марья Матвѣвна слегка обняла дѣвушку за плечи и пыталась увлечь ее изъ комнаты.

Ната тихонько отвела ея руки. Оставалось еще распутать положеніе и, конечно, это могъ сдѣлать не московскій гость, который при входѣ Лубянской инстинктивно принялъ приличную позу, но по прежнему продолжалъ стоять подъ открытой форточкой.

Рѣзкій, морозный вѣтеръ врывался въ комнату, вытягивалъ длинными языками пламя свѣчей, пригибая его такъ низко, что казалось—вотъ-вотъ оно потухнетъ; и въ неровномъ, трепетномъ освѣщеніи эта быстро настывавшая комната, съ накрытымъ столомъ и безмолвно стоявшими человѣческими фигурами, какъ-будто все еще дышала смятеніемъ...

— Милая тетя, у меня къ вамъ просьба!—заговорила Ната яснымъ голосомъ, который зазвучалъ неестественно громко и показался Олышеву очень высокимъ, совсѣмъ не ея обыкновеннымъ голосомъ.—Мы поссорились. Очень прискорбно, что такъ вышло, и никому неинтересно знать, кто изъ насъ виноватъ—но дѣло въ томъ, что г. Олышевъ желаетъ сейчасъ же уѣхать.. Не найдете ли вы какого-нибудь способа достать лошадей?..

Даже и въ эту минуту Марья Матвѣвна, въ невѣденіи всего случившагося, не могла отрѣшиться отъ своей женской антипатіи къ холоду и мраку. Мягкимъ и успокоительнымъ тономъ, точно уговаривала раскапризничавшихся дѣтей—она напоминала о непроглядной темнотѣ октябрьской ночи, о тяжелой дорогѣ съ внезапно застывшей грязью, о безразсудномъ утомленіи сдѣлать

въ одинъ день два подобныхъ пути; ей показалось, что гость могъ безъ всякаго вреда, для чего бы то ни было, провести еще нѣсколько часовъ подъ ея крышей и уѣхать рано утромъ, если не всегда—nuit porte conseil. Все, что она говорила, было совершенно резонно, очень тепло и очень искренно; вся она—ласковая и симпатичная—могла внушить одно довѣріе и желаніе уступить ея милымъ просьбамъ—но они выслушали ее совершенно безстрастно. Ната ничего не сказала. Ольшевъ какъ-будто не сразу понялъ, что на этотъ разъ отвѣтить можетъ только онъ, и была минута страннаго молчанія.

— Буду крайне обязанъ вамъ. Я долженъ ѣхать во что бы то ни стало,—проговорилъ онъ, наконецъ, не трогаясь съ мѣста.

— Въ такомъ случаѣ я прикажу сейчасъ же заложить тройку въ тарантасъ.

Лубянская вышла послѣ минутнаго колебанія—благоразумно ли оставить ихъ снова наединѣ.

При первомъ движеніи Наты удалиться вслѣдъ за нею, Ольшевъ отошелъ, наконецъ, отъ окна и сталъ такъ, что ихъ раздѣляла другъ отъ друга вся ширина большого стола.

— Вы, конечно, не считаете меня убійцей... Быть можетъ, въ васъ найдется также настолько справедливости, чтобы не считать меня человѣкомъ способнымъ оскорбить женщину?

Это было нѣсколько странно послѣ того, какъ онъ оскорбилъ ее безпримѣрно и кинулся на нее съ ножомъ, но Ната нисколько не удивилась и сейчасъ же поняла, что онъ хотѣлъ этимъ сказать.

— О, да... въ концѣ концовъ виноватой остаюсь, безъ сомнѣнія, я одна... Но тѣмъ не менѣе мы нѣсколько сквитались, Владиміръ Петровичъ!.. Я не могу лгать и не вижу, почему должна скрывать, что это обстоятельство меня чрезвычайно радуетъ!..

Его лицо сжалось, какъ отъ сильнѣйшей внутренней боли, но онъ ничего не прибавилъ и далъ ей уйти...

. . . .

Все остальное время Ольшевъ просидѣлъ одинъ подъ открытой по прежнему форточкой и его поза была такъ безжизненна, его лицо такъ непроницаемо, что постороннему зрителю, внезапно вошедшему въ комнату, проще всего было бы подумать, что пріѣзжій, уставъ съ дороги, задремалъ нечаянно на своемъ стулѣ и потому только не чувствуетъ жестокаго холода, дующаго ему прямо въ лицо.

На темномъ дворѣ мелькали фонари, слышался скрипъ тяжелыхъ дверей, стукъ тарантаса, съ грохотомъ выкаченнаго изъ

сарая, топтались лошади, продолжая досыпать стоя прерванный сонъ, среди сердитыхъ понуканій и толчковъ кучеровъ, ни мало необрадованныхъ внезапной поѣздкой въ черную полночь.

Въ послѣднюю минуту Марья Матвѣвна собственноручно принесла въ столовую стаканъ горячаго чая; она заставила Олышева выпить и проводила его до прихожей. Гость высказалъ сожалѣніе, что своимъ неудачнымъ пріѣздомъ нарушилъ мирное спокойствіе Овраговъ и такъ дурно воспользовался ея любезнымъ гостепріимствомъ, но такъ же, какъ и при встрѣчѣ, слова звучали безстрастно и непріятно, какъ будто, произнося ихъ, онъ настроивался враждебно противъ этой самой женщины, вынуждающей его говорить о себѣ и о своихъ чувствахъ, вмѣсто того, чтобы распространяться о скверной погодѣ и живописной мѣстности, какъ онъ желалъ бы, какъ это было бы вполнѣ прилично.

Пять минутъ разговора, совершенно противъ воли Марьи Матвѣвны, расхолодили ея сочувствіе къ этой жертвѣ безсердечія Наты, которую она отнюдь не расположена была оправдывать; съ инстинктивнымъ эгоизмомъ родственной крови, тетушка была довольна, что ея очаровательная племянница избавилась отъ опрометчивыхъ обязательствъ.

Позвякивая бубенчиками наборныхъ хомутовъ и дѣлая своими фонарями еще чернѣе окружающій мракъ — сытая помѣщичья тройка увезла изъ Овраговъ случайнаго гостя, обладавшаго печальнымъ талантомъ отталкивать сердца и убивать въ зародышѣ самыя искреннія симпатіи. У Олышева было довольно пріятелей въ Москвѣ — но прошло много времени, прежде чѣмъ кто-нибудь узналъ, что его помолвка съ m-lle Апухтиной разстроилась, и когда это стало извѣстно стороной — ни одному изъ нихъ и въ голову не пришло задать ему какой-нибудь вопросъ или выразить свое сочувствіе по поводу такого прискорбнаго обстоятельства.

XV.

— Покатайте меня на прощанье на вашихъ маленькихъ саночкахъ.

— Съ удовольствіемъ, если вамъ угодно.

Александръ Андреичъ Комовъ недоумѣвалъ какъ иначе могъ бы онъ отвѣтить на эту невинную просьбу, съ которой къ нему обратилась Ната, отвернувшись на минуту отъ окна, въ которое давно уже упорно смотрѣла.

Чистая, бѣлая пелена великодушно прикрыла, наконецъ, не-

рашливые остатки лѣтняго пира. Мягкая и пушистая, она поднялась въ одну ночь на всѣ пригорки, спустилась во всѣ углубленія, обогнула всѣ выступы, ровняя и сглаживая мелкія шероховатости и проводя надо всѣмъ свои мягковолнующіеся контуры. Она повисла пушистыми хлопьями на вѣткахъ, пытавшихся задержать ея плавное паденіе, и прикрыла аккуратными блестящими шапочками верхушки сѣнныхъ стоговъ, потемнѣвшихъ подъ долгими осенними дождями. Безпокойная людская жизнь еще не успѣла оставить своихъ неопрятныхъ слѣдовъ на дѣвственномъ покровѣ, только-что слетѣвшемъ съ небесъ и принесшемъ съ собою ихъ ровный блескъ безъ тѣней и ихъ безстрастный холодъ... Все сверкало и искрилось на солнцѣ, все слилось въ одно безбрежное бѣлое море, и маленькія деревушки, жалко сѣрѣвшія вдали, казались не поправимо, на вѣки затерявшимися въ застывшихъ волнахъ, гдѣ самый зоркій глазъ не могъ бы прослѣдить ничего похожаго на дорогу къ этимъ невзрачнымъ человѣческимъ гнѣздамъ...

Завтра Ната уѣдетъ въ Москву. Ей давно выслали ея шубку и „первопутка“ была послѣднимъ срокомъ ея пребыванія въ Оврагахъ; это всѣ давно знали. Ната перестала жаловаться на скуку и не выражала больше ребяческаго желанія имѣть крылья, чтобы перенестись на нихъ въ Москву; но ее ждали дома и никто не просилъ ее остаться въ Оврагахъ. Она уѣзжала и никому не говорила, чего собственно она желала.

Низенькіе саночки, накрытые ковромъ и запряженные молоденькой доморощенной лошадкой, стояли у крыльца. Ната вышла въ элегантной городской шубкѣ, но съ головой, укутанной по деревенски въ большой бѣлый платокъ. Ея каріе глаза, такіе мрачные и задумчивые послѣднее время, весело щурились и блестѣли, на щекахъ игралъ нѣжный румянецъ блѣдныхъ лицъ, а изъ-за горячихъ губъ, вдыхавшихъ съ наслажденіемъ морозный воздухъ, блестѣли маленькіе хищные зубки, которыхъ такъ рѣдко комунибудь удавалось видѣть съ тѣхъ поръ, какъ Ната отказалась отъ своихъ кокетливыхъ улыбокъ, вѣроятно, въ угоду надоѣдливымъ моралистамъ.

Такъ наблюдалъ и. думалъ Комовъ, перебирая возжами и ласково уговаривая своего молодого ворона, которому такъ же какъ и Натѣ хотѣлось скорѣе полюбоваться новорожденной зимой; онъ безразсудно рвался впередъ, отказываясь выждать, пока хорошенькая дѣвушка усядется съ неловкостью городской барышни.

— Правъ тотъ, кто силенъ,—рѣшилъ воронъ и пустился стрѣлой въ ту минуту, какъ Ната занесла въ сани вторую ногу и со

смѣхомъ упала на кучера, который могъ помочь ей только одними совѣтами.

— Не удерживайте его!.. не мѣшайте ему!.. — просила дѣвушка, съ наслажденіемъ поглядывая по сторонамъ и подставляя лицо на встрѣчу мелкой брильянтовой пыли.

— Вѣрно васъ никогда не носили лошади?

— Развѣ онъ несетъ?..

— Нѣтъ, — усмѣхнулся Комовъ и заставилъ ворона пойти капризнымъ, танцующимъ шагомъ молоденькой лошадки въ легкомъ экипажѣ.

— Куда прикажете ѣхать?—спросилъ онъ на поворотѣ.

— Все равно—туда—внизъ!—махнула рукой Ната на безпредѣльную покатость, разстилавшуюся передъ ихъ глазами.

Комовъ молча правилъ и былъ, казалось, поглощенъ всецѣло этимъ незамысловатымъ дѣломъ. Темная мѣховая шапка оттѣняла его цвѣтущее лицо съ живыми, зоркими глазами, съ темной бородкой, начинавшей подергиваться серебристой пылью, и съ выраженіемъ спокойнаго вниманія, какъ будто онъ одинъ возвращался въ Борки, а не катался вдвоемъ съ Натой наканунѣ ея отъѣзда.

Она смотрѣла на него, на весело бѣжавшаго ворона, на гладкую дорогу, не представлявшую никакихъ затрудненій и такъ близко подъ санями, что даже и упасть на нее было бы забавнымъ приключеніемъ, а не опасностью—она смотрѣла, и сумрачная тѣнь пробѣгала по ея лицу; нѣсколько разъ она открывала губы, чтобы сказать что-то, но всякій разъ отворачивалась нетерпѣливымъ движеніемъ человѣка, сознающаго, что слово—не воробей.

— Очень... будете вы рады... когда я уѣду?—предложила Ната свой вопросъ, послѣ того, какъ Комовъ оглянулся на потерянную кѣмъ-то подкову, звякнувшую подъ ногами лошади, — и такъ ловко обошелъ взглядомъ свою прелестную сосѣдку, какъ будто она была камнемъ на дорогѣ, надъ которымъ ему надлежало доказать свое кучерское искусство.

Воронъ вдругъ прибавилъ ходу отъ какой-то непонятной манипуляціи возжей въ неподвижныхъ, повидимому, рукахъ его хозяина, а Комовъ отвѣтилъ съ неудовольствіемъ:

— Вамъ кажется, что я долженъ радоваться этому?

— Все пойдетъ по старому... вы будете опять счастливы,— проговорила дѣвушка голосомъ, который чѣмъ-то перехватывало.

Ей начинало казаться, что онъ оставляетъ безъ отвѣта это нескромное замѣчаніе,—но Комовъ неожиданно повернулъ голову и взглянулъ на нее.

— Вы правы—я былъ очень счастливъ, пока вы не пріѣзжали...

— Вы должны простить мнѣ это невольное преступленіе, потому что... ну хоть потому... что я уѣзжаю!..—выговорила она съ жалобной улыбкой, которая изъ всѣхъ силъ боролась съ подступавшими слезами.

— Я ни въ чемъ рѣшительно не обвиняю васъ.

Повидимому, это было гораздо обиднѣе того момента, когда Олышевъ кинулся на нее съ ножемъ. Ната отвернулась и молчала долго, пока ей не показалось, наконецъ, что голосъ вернулся и она можетъ безопасно произнести нѣсколько словъ.

— Васъ... простятъ...,—выговорила она довольная, что хоть какая-нибудь изъ ея мыслей можетъ быть выражена въ двухъ словахъ.

— Для чего намъ говорить объ этомъ, Наталья Дмитріевна?.. Это нисколько не касается васъ и къ несчастію очень немного можетъ касаться меня... Впрочемъ, — чтобы удовлетворить ваше любопытство,—я дѣйствительно надѣюсь: меня когда-нибудь простятъ!..

Одного Ната добилась: лицо ея молодого спутника потеряло свое невозмутимое выраженіе.

— Какое оцѣпенѣніе!..—проговорилъ онъ неожиданно, обведя взглядомъ весь широкій ландшафтъ.

И собственное замѣчаніе для перемѣны разговора внезапно подняло въ душѣ такую жгучую боль, такое горькое сожалѣніе!.. Оцѣпенѣніе не только надъ полями и лугами Овраговъ, но и надъ его жизнью, гдѣ, какъ блестящій метеоръ, вспыхнуло и погасло капризное людское счастье... До послѣднихъ мелочей онъ зналъ все, что̀ его ждетъ изо дня въ день послѣ того, какъ Ната уѣдетъ и онъ будетъ изрѣдка посѣщать Овраги, встрѣчаясь съ затаенной, постепенно слабѣющей неловкостью съ ихъ милой хозяйкой... Никакими усиліями не вернуть ни ему, ни ей того, что̀ было два мѣсяца тому назадъ, когда по этой самой дорогѣ они неслись въ коляскѣ къ желѣзно-дорожной станціи. И какъ бы въ возмездіе за ихъ горькое разочарованіе, въ эту минуту рядомъ съ нимъ безмолвно терзалась эта самая Ната, однимъ своимъ появленіемъ разрушившая иллюзію, обнаружившая все, что̀ въ ней было искусственнаго и запоздалаго, какъ въ томъ роскошномъ бабьемъ лѣтѣ...

— Не повернуть ли однако?—спросилъ Комовъ.

Онъ оглянулся, потому что она ничего не отвѣтила, и тогда Ната кивнула головой въ знакъ согласія.

Надо было быть слѣпымъ, чтобы не видѣть ея волненія, чтобы не замѣчать изумительной перемѣны во всемъ ея существѣ.

„Тѣмъ хуже“...—подумалъ Комовъ, когда ему сообщили въ двухъ словахъ о внезапномъ разрывѣ съ женихомъ и объ отъѣздѣ Олышева. Онъ поѣхалъ кататься единственно для того, чтобы не быть грубымъ. До завтра оставалось всего нѣсколько часовъ — это придавало ему такую же увѣренность, какую придаетъ видъ берега изнемогающему пловцу.

Владѣлецъ Борковъ не зналъ навѣрное—плачутъ ли когда-нибудь изъ кокетства? добиваются ли безсердечныя красавицы чьей-нибудь любви съ такой странной робостью, съ такой тоской, съ такой мучительной тревогой?.. Случается ли женщинамъ худѣть и болѣть отъ одной досады, что не удалось пополнить лишнимъ номеромъ длиннаго списка ихъ несчастныхъ жертвъ?

Владѣлецъ Борковъ былъ молодъ, очень неопытенъ и совершенно не зналъ женщинъ — одно это обстоятельство нѣсколько смущало его, когда онъ повторялъ не имъ добытую истину, что „безумно вѣрить кокеткѣ“.

Но вѣдь по меньшей мѣрѣ наполовину мы всѣ живемъ чужими истинами — для него это во всякомъ случаѣ оказалось полезнѣе многихъ и многихъ другихъ.

Еслибы въ эту минуту Комова спросили,—что такое любовь? —едва ли у него нашелся бы готовый отвѣтъ на этотъ вопросъ; по всей вѣроятности, онъ началъ бы добираться до истины вѣрнымъ, но медленнымъ путемъ исключеній.

Могучее, неотвратимое обаяніе Наты не могло быть любовью, если всей силой ума и воли онъ сопротивлялся этому обаянію съ непоколебимой увѣренностью, что въ немъ его погибель.

Не была любовью и вся его нѣжность къ Марьѣ Матвѣвнѣ, погасшая такъ же внезапно, какъ безпричинно вспыхнула послѣ долгаго спокойнаго знакомства.

Не любовь, разумѣется, новая прихоть московской красавицы приручить деревенскаго медвѣдя—не любовь потому, что Ната не можетъ любить. Изъ всѣхъ трехъ резоновъ это былъ самый категорическій: никого не увѣришь, что слѣпой видитъ!

Но вопросъ былъ поставленъ не кѣмъ - нибудь другимъ, а самимъ Комовымъ, и передъ безотраднымъ отрицательнымъ результатомъ Александръ Андреичъ почувствовалъ новый приливъ сожалѣнія и ощутилъ живѣе странную гармонію между собственнымъ душевнымъ настроеніемъ и строгой грустью на долго заснувшей природы... Онъ жилъ постоянно въ деревнѣ и, какъ каждый деревенскій житель, очень часто представлялся самому

себѣ ничтожнымъ атомомъ среди окружавшаго величія. Онъ съ нимъ сливался, онъ въ немъ терялся—съеживался или распускался, смотря по тому, какая сумма тепла или влажности заключалась въ окружающей атмосферѣ... Онъ былъ болѣе склоненъ вѣрить лѣтомъ и сомнѣваться зимой.

Ната тоже смотрѣла на снѣгъ, но твердо помнила, что онъ растаетъ. Съ стойкой самоувѣренностью горожанки, она не имѣла привычки обращать вниманіе на погоду.

Если онъ не полюбилъ ее, то въ чемъ же заключалось зло и чѣмъ она разрушила счастье?

Во все время длиннаго молчанія Ната терзалась надъ этой дилеммой, чувствуя себя не въ силахъ увезти ее не разрѣшенною въ Москву.

Воронъ быстро приближался къ усадьбѣ. За всю поѣздку они обмѣнялись всего нѣсколькими отрывочными фразами.

— Какъ вы спѣшите!—замѣтила наконецъ дѣвушка съ слабой саркастической усмѣшкой.

— Вы не озябли?

— Я хочу, чтобы вы мнѣ отвѣтили на одинъ вопросъ по чести.

— Если онъ касается одного меня.

— О, я понимаю!—Ната сдѣлала маленькую паузу и договорила скороговоркой:—вы ее не любите больше?

— Нѣтъ.

— И... никого?

— Никого.

Маленькіе саночки круто завернули за уголъ, съ удивительной быстротой проскользнули мимо сада, мимо сараевъ, мимо амбаровъ и погребовъ и лишь нѣсколько минутъ простояли у крыльца: Комовъ зашелъ только проститься съ хозяйкой и сейчасъ же уѣхалъ въ Борки, въ смутномъ состояніи человѣка, совершившаго тяжелый подвигъ, цѣль котораго, однако же, ему не вполнѣ извѣстна.

На другой день было такое же великолѣпное солнечное утро, и Лубянскіе всей семьей повезли Нату на станцію.

Марья Матвѣвна была грустна и молчалива; дѣти радовались поѣздкѣ, Василій Васильичъ относился къ событію довольно равнодушно, его любовныя треволненія утихли передъ совершенной невозможностью остановить на нихъ хотя мимолетное вниманіе Наты.

Московская чародѣйка выѣхала изъ Овраговъ больная и не-

чальная—какъ будто и пріѣхала только для того, чтобы потерять здѣсь свой магическій жезлъ.

На станціи, на платформѣ, по которой Ната прогуливалась въ ожиданіи поѣзда, сидѣла красивая молодая цыганка на одной изъ чугунныхъ скамеекъ; каждый разъ, когда мимо нея проходила хорошенькая путешественница, она медленно поворачивала голову и провожала ее долгимъ взглядомъ своихъ великолѣпныхъ глазъ съ голубыми бѣлками и роскошными рѣсницами. Она была въ коротенькой бѣличьей шубкѣ поверхъ обыкновеннаго городского платья, довольно впрочемъ неопрятнаго, а на головѣ, несмотря на морозъ, былъ повязанъ неизмѣнный яркій шелковый платочекъ. На колѣняхъ она держала большой узелъ, вѣроятно, также ожидала поѣзда.

Въ началѣ Ната просто любовалась строгой и грустной красотой этого янтарнаго лица, но мало-по-малу ее начинали волновать магнетическіе взгляды. Дѣвушка обогнула зданіе и прошлась нѣсколько разъ по другой платформѣ, но когда вернулась, молодая цыганка сидѣла неподвижно на прежнемъ мѣстѣ и еще издали ее встрѣтилъ загадочный настойчивый взглядъ, точно смуглая красавица имѣла сказать ей что-то важное.

Поддаваясь машинально какой-то притягательной силѣ, Ната остановилась и спросила, не можетъ ли она погадать ей?

Цыганка покачала отрицательно головой, потомъ все такъ же молча подняла руку и показала ею направо. У Наты билось сердце, точно она была древняя гречанка, представшая передъ лицомъ оракула. Она схватила за руку Витю и повела его за собою. Едва повернули они за уголъ направо, Ната увидѣла другую цыганку, но это была отвратительная старуха въ грязныхъ лохмотьяхъ, около нея стоялъ прелестный мальчикъ лѣтъ восьми и грызъ орѣхи, безцеремонно швыряя скорлупу подъ ноги публики; у этого мальчугана было тоже грустное и строгое лицо и онъ подносилъ ко рту и разгрызалъ орѣхи своими великолѣпными зубами съ такой же неподражаемой важностью, съ какой молодая женщина отослала отъ себя Нату однимъ безмолвнымъ жестомъ.

Старуха какъ только замѣтила нерѣшительно подходившую дѣвушку, такъ и уставилась въ нее жгучими глазами:

— Судьбу свою спроси, красивая барышня, старую цыганку спроси... Богъ тебѣ дастъ три здоровья... будешь счастлива сегодня,—сыпала она гортаннымъ голосомъ, своеобразно напряженной, угрожающей интонаціей цыганъ.

Ната протянула руку, какъ будто уйти отъ этой старухи было уже не въ ея власти.

— Монету положи на ручку, красивая барышня—не для меня, а для тебя—еще положи—не бойся, старая цыганка судьбу видитъ. Еще, еще положи! не для меня, а для тебя, — требовала настойчиво старуха, снимая двугривенные одинъ за другимъ съ покорно раскрытой ладони дѣвушки.

— Надѣйся на Бога, красавица. Ночь черная въ твоемъ сердцѣ — много плакали твои ясныя очи. Побѣжало счастье по чужой дорожкѣ. Будешь богата, красивая барышня, много золота пошлетъ тебѣ Богъ. Старая цыганка судьбу видитъ. Будешь счастлива сегодня—подай на счастье бѣдному сироткѣ, Богъ пошлетъ тебѣ три здоровья...

Неизвѣстно, сколько бы еще продолжался этотъ дикій наборъ словъ, еслибы Витя не началъ плакать и тащить Нату отъ старухи. Она все мрачнѣе возвышала голосъ, вглядываясь въ грустное лицо своей слушательницы и видя какъ нельзя лучше, что это дѣйствуетъ на ея разстроенные нервы. Ната напряженно силилась уловить какой-то загадочный смыслъ.

Она съ трудомъ вырвалась отъ цыганки, послѣ того какъ дала рублевую бумажку за гаданье—всѣ двугривенные были „не для меня, а для тебя“ и въ счетъ не шли—и должна была дать еще и другую бѣдному сироткѣ, который пересталъ грызть орѣхи и принялся выпрашивать съ неменьшей назойливостью:

— Ишь ты какая! сколько я тебя прошу не для меня, а для сиротки—жалѣешь подать бѣдному цыганенку!

Ната убѣжала отъ нихъ разстроенная и пристыженная собственнымъ ребячествомъ.

Витя объявилъ матери, что страшная старуха въ лохмотьяхъ держала Нату за руку и громко бранила ее, послѣ чего Василій Васильичъ непремѣнно желалъ пожаловаться жандарму и посадить цыганъ въ полицію. Онъ такъ суетился, что наконецъ Ната безцеремонно удержала его за плечо.

— Право, это невозможно, Василій Васильичъ, до чего вы глупы!—произнесла она прямо ему въ лицо такимъ тономъ, какъ будто это было самое обыкновенное замѣчаніе.

Петербургскій поѣздъ пришелъ. Ната обняла свою тетушку и внезапно безутѣшно расплакалась. Съ такимъ легкимъ сердцемъ стояла она такъ недавно еще на этой самой платформѣ! Въ первый разъ въ жизни Натѣ было нестерпимо жаль самое себя. Все, что ее постигло, было вполнѣ заслуженно; но она находила, что женщинѣ съ такой непоколебимой репутаціей злостной кокетки—

страдать рѣшительно не къ лицу! Съ нея достаточно и того, что на нее могутъ броситься съ ножемъ, могутъ заставить ее вынести всѣ оскорбительныя ощущенія травли, въ четверть часа стать опытнѣе сѣдой старухи, никогда не заглядывавшей въ мутную пучину страстей, никогда не видавшей исступленнаго, звѣрскаго выраженія на человѣческомъ лицѣ—она теперь только узнала, во что обходится минутами подобный рискъ! Съ нея достаточно и того, что ея слезъ не замѣчаютъ, что ея любви не вѣрятъ.

Натѣ казалось, что она платитъ по чужимъ счетамъ, ощущая въ своей груди обожженное и уязвленное, нѣжное женское сердце.

Другая женщина тоже проплакала всю дорогу домой. Она спустила вуаль и старалась, чтобы ея слезы были какъ можно менѣе замѣтны. Въ слезахъ этой женщины не было вовсе ни возмущенія, ни ропота, была ядовитая горечь вины передъ собой, своеобразная боль удара, нанесеннаго самому себѣ...

Василій Васильичъ усѣлся на козлахъ и мысленно грозилъ даже и не разыскивать Наты въ Москвѣ послѣ ея прощальной обиды.

Дѣти спали. Тройка бѣжала ровной рысью, позвякивая бубенчиками и погружаясь въ холодную бѣлую тьму зимней ночи.

Ольга Шапиръ.

ТОРМАЗЫ
НОВАГО РУССКАГО ИСКУССТВА

I.

У насъ въ Россіи есть теперь уже не мало людей, въ самомъ дѣлѣ любящихъ искусство. И на выставкахъ, и въ оперѣ, и въ концертахъ они дѣйствительно проводятъ одни изъ счастливѣйшихъ часовъ своей жизни, искренно радуются на то, что̀ въ живописи, скульптурѣ или музыкѣ хорошо и талантливо, не пропускаютъ никакого случая узнать что-то новое, прекрасное по этой части, на придачу ко всему прекрасному и талантливому, что̀ дано прежними вѣками, и при этомъ глубоко радуются, когда видятъ, что талантливое новое выпало на долю нашего отечества и создано руками нашихъ собственныхъ художниковъ. Эти люди страстными глазами слѣдятъ за успѣхомъ русскаго художества, и считаютъ всякій новый шагъ его впередъ истиннымъ торжествомъ и праздникомъ для себя. Они ведутъ у себя въ головѣ счетъ нашимъ художникамъ, помнятъ все, что̀ ими создано самаго хорошаго и замѣчательнаго, и радостно привѣтствуютъ появленіе всякаго новаго русскаго таланта, всякаго новаго русскаго истинно-даровитаго художественнаго созданія. Да, по счастью, такихъ людей у насъ теперь уже не мало, и ихъ мнѣнія много разъ высказывались даже въ печати, не только въ Петербургѣ и Москвѣ, но и въ разныхъ далекихъ концахъ Россіи, въ русской провинціи. Замѣчательно, что именно въ провинціальной печати у насъ до сихъ поръ всего болѣе выражено было сочувствія новому нашему искусству. Къ этому факту я еще ворочусь ниже.

Но симпатизируютъ новому искусству далеко не всѣ. Напротивъ, большинство публики состоитъ у насъ изъ людей, которымъ очень мало дѣла до того, что̀ хорошо и талантливо, и которые любятъ въ искусствѣ спеціально лишь то, что именно и не хорошо, и не талантливо. Имъ болѣе всего нужно то, что̀ въ искусствѣ плохо и плоско, что́ въ немъ фальшиво, гнило и негодно. Талантливость не доходитъ до ихъ зрѣнія и слуха, истинность и глубина содержанія не имѣютъ для нихъ никакого значенія, и весь свой вѣкъ они пробавляются жалкими побрякушками, на которыя глядѣть досадно. Между художниками, для ихъ сердца милы только тѣ, что посредственны или бездарны; между художественными созданіями наполняютъ ихъ сердца и волнуютъ душу лишь тѣ, въ которыхъ вмѣсто красоты присутствуетъ смазливость, вмѣсто правды—условность или даже полная нелѣпость, вмѣсто чувства—риторика, вмѣсто вкуса—пошлость. Это люди того самаго сорта, про которыхъ Гоголь восклицалъ: „Поди ты, ладь съ человѣкомъ! Пропуститъ мимо созданіе поэта, ясное какъ день, а бросится именно на то, гдѣ какой-нибудь удалецъ напутаетъ, наплететъ, изломаетъ, выворотитъ природу, и ему оно понравится, и онъ станетъ кричать:—Вотъ оно, вотъ настоящее знаніе тайнъ сердца!“ О, какой знатокъ былъ Гоголь натуры человѣческой вообще, и натуры русской въ особенности! Полстолѣтія тому назадъ были сказаны эти чудесныя слова, и съ тѣхъ поръ дѣло ни на единую черточку не перемѣнилось. Все осталось по прежнему, и можетъ быть фальшь вкусовъ разрослась даже сильнѣе и шире прежняго.

Вотъ въ этихъ-то людяхъ и сидитъ помѣха всякому правдивому и талантливому искусству, въ томъ числѣ и новому русскому. Они глубоко ненавидятъ все то, что́ въ художникахъ и въ искусствѣ не приходится по ихъ низменнымъ вкусамъ и злосчастнымъ понятіямъ; они злые гонители всего самаго высокаго, правдиваго и талантливаго; они бы съ восторгомъ стерли все это съ лица земли. А когда нельзя вовсе стереть, то хоть бы задержать и затормазить такъ долго, какъ только удастся. Но изъ этихъ людей состоитъ у насъ громадное большинство; каковы же поэтому тѣ помѣхи, которыя вѣчно лежатъ поперегъ дороги искусству, рвущемуся къ свѣту и правдѣ! Новое русское искусство, здоровое, свѣжее, дышащее свѣтлымъ юношескимъ порывомъ впередъ, осуждено на каждомъ шагу чувствовать толчки въ бокъ, ухабы и подножки со всѣхъ сторонъ. Его слабость, его паденіе, были бы, кажется, торжествомъ многихъ тысячей людей. Цѣлыя толпы изъ среды публики били бы тогда въ ладоши и ликовали бы безпредѣльно. То-то былъ бы праздникъ! И это не миѳъ, не

выдумка, не фантастическое предположеніе. Этому было даже нѣсколько примѣровъ; я ихъ приведу ниже. Только ненавистники новаго русскаго искусства немного ошибались, всякій разъ, въ своихъ надеждахъ: не взирая на всѣ невзгоды, новые русскіе художники никогда не падали духомъ и бодро продолжали свое дѣло.

Ничто новое, выступающее на замѣну стараго — негоднаго, или на продолженіе стараго—хорошаго, никогда не водворялось безъ упорнаго сопротивленія и безъ отчаянной борьбы. Охрана прежняго, все равно и худого, и хорошаго—это одна изъ самыхъ коренныхъ потребностей людскихъ, особливо у тѣхъ между ними, которые близоруки и ограниченны, а такихъ—всегда и вездѣ большинство. Нигдѣ ничто новое, если оно правдиво и глубоко, не бываетъ сразу принято мирно и дружелюбно. Его никогда не допускаютъ безропотно. Оно съ боя должно добыть себѣ мѣсто и завоевать себѣ право. Поэтому и въ искусствѣ новые художники и новыя стремленія всегда должны были терпѣть суровую непріязнь и жестокое сопротивленіе, прежде чѣмъ добиться настоящаго своего торжества. Но нигдѣ непріязнь и сопротивленіе новому искусству не получали такого лютаго, мучительнаго, преслѣдовательнаго и инквизиціоннаго характера, какъ у насъ.

Въ 1874 году Перовъ писалъ мнѣ: „Мое мнѣніе таково, что искусство—совершенно лишнее украшеніе для матушки - Россіи, а, можетъ, еще и не пришло то время, когда мода искусства выразится сильнѣе, а потому и любовь къ нему будетъ замѣтнѣе“.

И раньше Перова, лѣтъ за 10—15, и послѣ Перова, спустя лѣтъ 10, всѣ лучшіе художники, что только у насъ бывали, вынуждены были много разъ, вслухъ или про себя, повторять этотъ тяжкій стонъ боли и безнадежности.

Въ послѣдніе два года своего пребыванія въ Россіи (1854—1856) Глинка часто повторялъ немногимъ близкимъ людямъ, еще интересовавшимся его созданіями: „поймутъ меня тогда уже, когда меня не будетъ въ живыхъ, а „Руслана“—лѣтъ черезъ 100!“ Вѣдь въ то время никто еще не хотѣлъ знать „Руслана“, всѣ презрительно, свысока глядѣли на него, или же и вовсе забывали его. Другую оперу Глинки, „Жизнь за царя“, итальянцы вытѣснили съ Большого театра на Александринскій (какъ нѣчто совершенно маловажное). Притомъ же, замѣчено въ однихъ современныхъ замѣткахъ, „опера эта давалась съ полнымъ пренебреженіемъ во всѣхъ отношеніяхъ, и когда давалась? или въ табельные дни—не по музыкѣ, а по имени оперы, или когда почему-нибудь нельзя было давать другихъ оперъ“. — „Послѣ всего, что мой

братъ переиспыталъ, перестрадалъ и перечувствовалъ въ послѣдніе два года пребыванія своего въ Россіи (говоритъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о Глинкѣ, сестра его, Л. И. Шестакова), я бы и не рѣшилась просить его снова пріѣхать на зиму въ Россію... Уѣзжая, въ 1856 году, въ послѣдній разъ за границу, Глинка, на заставѣ, у Петербурга, вышелъ изъ кареты, простился съ провожавшими его, потомъ плюнулъ и сказалъ: „Когда бы мнѣ никогда болѣе этой гадкой страны не видать!“ И это восклицалъ Глинка, который былъ человѣкъ такой мягкій и кроткій, который всю жизнь такъ страстно, такъ безпредѣльно любилъ Россію.

Да, но родина—это одно, а живые ея представители — это нѣчто совсѣмъ другое. Родина была нѣма и безгласна, но живые ея представители—о, какъ они были и не нѣмы, и не безгласны! Они съ презрѣніемъ объявляли, что „Жизнь за царя“ — это мужицкая музыка (musique des cochers), а „Русланъ“ — опера скучная, а главное, совершенно неудачная (opéra manqué). Конечно, „Лучіи“, „Сомнамбулы“, „Пуритане“ и „Нормы“ никому не казались въ это же время ни мужицкими, ни скучными, ни неудачными, а наполняли всѣ русскія сердца страстнымъ восхищеніемъ. Понятно, что послѣ того „Руслана“ можно было не давать на нашей сценѣ цѣлыхъ 14 лѣтъ, и никто этого даже и не замѣтилъ. Конечно, такъ продолжалось бы и до сихъ поръ, еслибы не упрямыя усилія горячихъ (очень немногочисленныхъ) поклонниковъ Глинки, которые, послѣ долгихъ напрасныхъ хлопотъ, добились-таки, наконецъ, своего: заставили на русской сценѣ исполнять „Руслана“, а русскую публику пріучили къ мысли, что „Русланъ“—не ничтожество, а Глинка — геніальный человѣкъ.

Точно также, Даргомыжскій мало могъ порадоваться на сочувствіе своихъ современниковъ и на успѣхъ среди нихъ. Въ самый годъ смерти Глинки, онъ писалъ: „Я не заблуждаюсь. Артистическое мое положеніе въ Петербургѣ незавидно. Большинство нашихъ любителей музыки и газетныхъ писакъ не признаютъ во мнѣ вдохновенія... Притомъ, неуваженіе ко мнѣ дирекціи даетъ имъ сильныя противъ меня оружія. Сколько выслушиваю я нелестныхъ намековъ, но привыкъ и холоденъ къ нимъ“... Въ 1859 году онъ писалъ: „Всѣ отъ меня поотстали, театральная дирекція, хотя не поддерживаетъ, но не гонитъ меня, какъ прежде; шумный свѣтскій кругъ, учено-музыкальный міръ и журнальный вертепъ какъ будто забыли о моемъ существованіи“... Въ 1865 году: „Все какъ-то идетъ у меня къ разстройству... Искусство, въ благородномъ его значеніи, кажется, пало

безвозвратно. Сохраняется оно еще въ небольшихъ артистическихъ кружкахъ. Все остальное—или спекуляція, или пошлыя забавы"... Наконецъ, въ 1868 году, за немного мѣсяцевъ до смерти, онъ говорилъ по поводу великаго, геніальнаго своего созданія:—„Каменный гость" мой подводится къ концу. Есть много любопытствующихъ слушать его. А когда услышать, то многіе недоумѣваютъ—музыка это или куриная слѣпота?"... И это „недоумѣніе" съ тѣхъ поръ не прекращалось. Въ началѣ, „Каменнаго гостя" вовсе не хотѣли принимать на нашу сцену, подъ тѣмъ предлогомъ, что дирекція не можетъ, по своимъ правиламъ, заплатить за него болѣе тысячи рублей (тогда какъ за одну изъ бездарнѣйшихъ оперъ Верди, „Forza del destino", безъ малѣйшаго затрудненія она же заплатила 10,000 руб.). Пришлось самой публикѣ устраивать публичный сборъ на „Каменнаго гостя" и покупать его на пожертвованныя, чисто отъ общественнаго негодованія, деньги. Но когда, наконецъ, этотъ „Каменный гость" былъ купленъ, „принятъ" смиловавшеюся театральною дирекціею и поставленъ на сцену, его исполнили всего лишь нѣсколько разъ, а потомъ забросили въ темный уголъ, какъ вещь негодную и ни для кого не интересную. Съ геніальной оперой Даргомыжскаго повторилось то самое, что̀ было прежде съ геніальной оперой Глинки. Ея никто знать не хочетъ. „Каменнаго гостя" не даютъ на русской сценѣ вотъ уже цѣлыхъ 10 лѣтъ, и, дастъ Богъ, авось еще лѣтъ 20 не дадутъ. Вольно же ей быть созданіемъ истинно-великимъ. И пѣвцы, и капельмейстеръ, и публика—всѣ только „недоумѣваютъ", и ни шага дальше.

Все это такъ необычайно, все это такъ безотрадно и нелѣпо, что свѣжій посторонній человѣкъ, который въ первый разъ услышитъ такой разсказъ объ участи лучшихъ нашихъ художниковъ, навѣрное въ первую минуту не повѣритъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, вообразить себѣ, что тѣ великіе наши люди, которые теперь такъ знамениты, которыхъ созданія должны составлять нашу гордость и славу, принуждены были, пока были живы, вотъ какъ набѣдствоваться и настрадаться, должны были пройти вотъ сквозь какіе шпицрутены. Каждый, слушая ту удивительную повѣсть, навѣрное станетъ удивляться и негодовать. И, однакоже, дѣло не остановилось на художникахъ прежнихъ періодовъ. Та же исторія продолжалась и всегда послѣ. Люди жалѣютъ о томъ, что̀ было вчера, а сегодня повторяютъ точь въ точь то самое, на что негодуютъ и о чемъ ахаютъ.

Новые наши музыканты—пускай они даже не Глинки и не Даргомыжскіе, но все-таки, даже по общему признанію толпы,

люди сильно талантливые и выходящіе изъ ряду вонъ, эти люди постоянно испытывали и испытываютъ ту самую участь, что ихъ великіе предшественники. Ихъ оперъ не хотятъ брать на театръ, а когда и берутъ, то послѣ тысячи мытарствъ и требованій передѣлокъ; невѣжественные капельмейстеры самовольно, ни у кого не спрашивая, урѣзываютъ и передѣлываютъ въ этихъ операхъ, когда онѣ поступили на театръ, что́ хотятъ и какъ хотятъ, и на нихъ нѣтъ никакой управы. Въ заключеніе же всего, публика скучаетъ и жалуется, а театральное управленіе спѣшитъ воспользоваться удобнымъ предлогомъ, чтобы поскорѣе снять вонъ со сцены недоступное и враждебное ей произведеніе. И вотъ, проходитъ 10—15 лѣтъ, капитальнѣйшихъ нашихъ новыхъ оперъ нѣтъ на театрѣ, никто ихъ не слышитъ и не видитъ. Новыя поколѣнія лишены возможности получить о нихъ хоть какое-нибудь понятіе. Симфоніи, увертюры, романсы, фортепіанныя сочиненія этихъ же авторовъ точно также избѣгаются или преслѣдуются и публикой, и исполнителями, и капельмейстерами, такъ что, не будь „Безплатной музыкальной школы", которая все-таки продолжаетъ быть въ нашемъ музыкальномъ дѣлѣ и шпорой, и Дамокловымъ мечомъ для всѣхъ, навѣрное никогда не были бы услышаны никѣмъ въ Россіи.

Вспомнимъ еще одинъ необыкновенный случай. Въ 1869 году, Балакиревъ, за два года передъ тѣмъ приглашенный въ капельмейстеры для концертовъ Русскаго Музыкальнаго общества, вдругъ принужденъ былъ удалиться оттуда. По словамъ одного изъ значительнѣйшихъ русскихъ музыкантовъ, Чайковскаго („Соврем. Лѣтоп.", № 16), „дирекція нашла дѣятельность Балакирева, составлявшаго украшеніе Музыкальнаго общества, совершенно безполезною и даже вредною, и въ капельмейстеры пригласила нѣкоего музыканта, еще не запятнаннаго склонностью къ русской національной музыкѣ". Но многіе, очень многіе изъ публики, и съ ними вмѣстѣ музыкальные критики Ростиславъ и Сѣровъ, радовались и ликовали. Сѣровъ провозглашалъ въ „Голосѣ": „Паденіе Балакирева, а съ нимъ и его лагеря—дѣло вполнѣ логичное, и справедливое".

Наконецъ, у насъ бывали цѣлые музыкальные комитеты, которые оффиціально рѣшали, что такое-то талантливое созданіе (оперу Мусоргскаго „Хованщина")—ни за что не надо пускать на театръ, ни за что не надо давать кому бы то ни было средства узнать ее.

Гдѣ найдешь что-нибудь подобное въ цѣлой Европѣ? Гдѣ слыхано, чтобы ихъ композиторы, отъ высшихъ и до низшихъ, ихъ Мейерберы, Вагнеры, ихъ Гуно, Массене и Бизе, ихъ Листы,

Брамсы, Раффы, Гаде, и всѣ остальные, не только были оцѣниваемы вкривь и вкось—это еще куда не шло, это часто бываетъ общая участь—но чтобы они были вовсе лишены возможности быть услышаны и узнаны! Вездѣ композиторовъ ищутъ, жаждутъ, идутъ имъ навстрѣчу, создаютъ для нихъ всѣ окказіи явиться передъ общимъ судомъ—у насъ имъ только зажимаютъ ротъ, отъ нихъ только презрительно отвертываются.

Бывали не разъ въ Европѣ музыкальныя партіи, между которыми шла ожесточенная борьба мнѣній и понятій, бывали глукисты и пиччинисты въ прошломъ столѣтіи, бывали сторонники и противники Берліоза, сторонники и противники Рихарда Вагнера въ нынѣшнемъ столѣтіи; но никогда и нигдѣ, кромѣ нашего отечества, не слыхано и не видано, чтобы какое-то „музыкальное начальство" останавливало талантливое произведеніе на своемъ шлагбаумѣ и никому не давало его услыхать.

Въ прочихъ искусствахъ происходитъ у насъ нѣчто совершенно тождественное. За мѣсяцъ до смерти, живописецъ Ивановъ, привезшій свою картину изъ Италіи и не могшій добиться, чтобы ее у него купили, писалъ брату: „Составилась партія о преломленіи мнѣ пути — я вѣдь съ моими новыми идеями постоянно долженъ ожидать новыхъ страданій... Появилась обо мнѣ статья въ „Сынѣ Отечества", гдѣ противуположная мнѣ партія — какъ многіе увѣряютъ, Бруни и другіе члены академіи—прикрылась именемъ весьма мало извѣстнаго и плохого литератора (Толбина). Статью приносятъ къ картинѣ и читаютъ, сличая. Пименовъ мнѣ говоритъ, что картина моя не поразила дворъ, какъ картина Брюллова („Помпея")."—Скоро послѣ смерти Иванова, Даргомыжскій писалъ въ одномъ письмѣ: „Великій нашъ живописецъ Ивановъ 20 лѣтъ жилъ царемъ въ своей мастерской въ Римѣ. Что же? Возвратился къ намъ съ дивными произведеніями... И чѣмъ же кончилось? Нахальство вельможи, у котораго онъ прождалъ три часа въ передней, сразило его. Холера, смерть и самое унылое погребеніе были вѣнцомъ замѣчательнаго художника."

Во времена послѣ Иванова точно также имѣютъ успѣхъ и сильно нравятся всего чаще только созданія посредственныя и фальшивыя. Всѣ лучшія, всѣ самыя могучія созданія остаются въ сторонѣ. Одни изъ нихъ бываютъ очень мало или вовсе не замѣчены, другія сильно не нравятся большинству публики, третьи кажутся совершенно враждебными этому большинству и выразителямъ его, нашимъ художественнымъ критикамъ. Нерѣдко выходитъ, что русскій новый художникъ, написавшій истинно капитальную картину, полную таланта, мысли, глубокаго содержанія,

чувства и правды, точно будтó совершилъ какое-то преступленіе противъ всѣхъ. На него сыплются упреки и выговоры, ему, точно на публичномъ экзаменѣ, ставятъ ноль, ему трубятъ во всѣ уши, что онъ, конечно, человѣкъ даровитый, но нынче „промахнулся", что онъ самъ не понимаетъ, чтó онъ такое дѣлаетъ и куда идетъ, его уговариваютъ воротиться, пока еще время есть, его усовѣщиваютъ снова ступить на „хорошій" рельсъ, пока еще не все пропало. И это бываетъ именно все только съ лучшими созданіями (никогда съ плохими и посредственными)—лучшій примѣръ тому превосходнѣйшія картины Перова, Рѣпина и Верещагина. Чего только изъ-за нихъ не наслушались ихъ авторы? Какія толстыя книги можно бы составить изъ всѣхъ тѣхъ упрековъ и выговоровъ, что противъ нихъ были напечатаны.

Но чтò особенно интересно, это, что и сами наши классики говорятъ то же самое, что и наши художники и сочувствующія имъ лица изъ среды публики, о печальномъ состояніи вкусовъ и симпатій наибольшей массы русской публики. За 10 лѣтъ до письма Перова, я говорилъ однажды, въ 1865 году, по поводу художественной выставки, на которую всѣ тогда нападали за ея „малочисленность", за ея „плачевность", за ея „плохость": „Въ нынѣшнемъ году всѣ жаловались,—и академія прежде всѣхъ,—что выставка слишкомъ маленькая. Но позвольте спросить, отчего ей быть большой? У нашихъ художниковъ слишкомъ мало резоновъ для того, чтобъ производить много картинъ, статуй и всего остального. Напротивъ, у нихъ есть всѣ резоны для того, чтобъ работать какъ можно меньше. Кому у насъ нужно то, чтó они дѣлаютъ? Кто спрашиваетъ, кто ищетъ себѣ художественныхъ произведеній? Потребность въ созданіяхъ искусства—просто ничтожная у насъ. Неужели можно винить художниковъ нашихъ въ лѣни, маломъ трудолюбіи? Да зачѣмъ имъ работать? Неужели только для того, чтобы наполнять свою квартиру собственными произведеніями и, глядя на нихъ, голодать? Нѣтъ, надо удивляться, какъ у нашихъ молодыхъ живописцевъ хватаетъ мужества и твердости на то, чтобъ продолжать свое неблагодарное занятіе; надо удивляться, откуда они берутъ силу дѣлать даже столько, сколько мы видимъ каждый годъ. Одни, безъ помощи, безъ поддержки, противъ потока всеобщаго холода и апатіи! Пусть талантливый писатель напишетъ замѣчательный романъ, прекрасную драму, комедію: они у него не залежатся. найдутся издатели, журналисты, которые тотчасъ купятъ, напечатаютъ его произведенія, и онъ спокойно будетъ задумывать новое созданіе. Съ живописцемъ, скульпторомъ не такъ: окры-

ленный талантомъ, юношескимъ жаромъ къ дорогому искусству, онъ забываетъ обо всемъ, онъ готовъ на всѣ лишенія; потомъ придутъ, посмотрятъ его картину, барельефъ, похвалятъ ихъ— но кончилась выставка, и въ его тѣсную комнатку возвращается его милое, красивое дитя, которое всѣ ласкали разсѣянной рукой, и никто не пріютилъ у себя" („Спб. Вѣдомости", 1865, № 290). Вотъ что я писалъ 20 лѣтъ тому назадъ. И что-же? Одинъ изъ самыхъ твердыхъ столбовъ тогдашняго нашего классицизма въ искусствѣ, ректоръ академіи художествъ, профессоръ Бруни, печатая въ „Биржев. Вѣдомостяхъ" полу-оффиціальную статью подъ названіемъ: „Антагонистамъ академіи художествъ", соглашался со мною именно въ этомъ главномъ пунктѣ и восклицалъ: „Повторимъ за В. С., что потребность въ созданіяхъ искусства просто ничтожна у насъ"; и тутъ же прибавлялъ отъ самого себя: „любви къ искусству, инстинкта художественнаго у насъ нѣтъ". Не совершенно ли одно и то же все это со словами Перова? Прошло съ тѣхъ поръ цѣлыхъ 20 лѣтъ, а со времени горькихъ словъ Перова—цѣлыхъ 10 лѣтъ, но дѣло все-таки ни съ мѣста, ничто не измѣнилось, и, глядя на послѣднія художественныя наши событія, пришлось бы опять то же самое повторять, что̀ говорили и ректоръ академіи—въ 1865 году, и одинъ изъ рѣшительнѣйшихъ ея противниковъ—въ 1874 году: „Любви къ искусству у насъ нѣтъ". „Искусство совершенно лишнее украшеніе для матушки Россіи!"

Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ (уже не говоря о мнѣніяхъ публики и критики, о которыхъ рѣчь впереди), посмотрите, какая судьба ждетъ самыя значительныя, самыя капитальныя созданія новаго русскаго искусства? Они большинству вовсе не нужны. Ихъ нѣтъ ни въ одномъ нашемъ публичномъ музеѣ, ни въ одномъ общественномъ собраніи, и объ этомъ никто никогда не тужилъ. Еслибъ не было этихъ трехъ-четырехъ чудаковъ, съ П. М. Третьяковымъ во главѣ, которые вздумали интересоваться новымъ русскимъ искусствомъ и любить его въ такой степени, что тратятъ десятки тысячъ рублей на покупку новыхъ русскихъ картинъ и наполняютъ ими свои дома, даже образуютъ изъ нихъ музеи,—навѣрное большинство этихъ картинъ, и всего скорѣе самыя совершенныя между ними, все то, что̀ лучшаго создано Перовымъ, Рѣпинымъ, Верещагинымъ и талантливѣйшими ихъ товарищами, такъ бы и остались на рукахъ у своихъ авторовъ, въ глуши ихъ мастерскихъ, невидимыми и неизвѣстными для всего нашего народа. Между тѣмъ, всякія плохія и посредственныя вещи всегда находили себѣ усердныхъ цѣнителей и поку-

пателей, и „Нимфы“ Неффа или „Русалки“ К. Маковскаго, разныя „Бури“ Айвазовскаго безъ труда пробили себѣ дорогу и красуются на почетнѣйшихъ мѣстахъ въ Эрмитажѣ.

Вдобавокъ къ остальнымъ фактамъ вотъ еще одинъ, до необыкновенности характерный. Въ 1874 году, П. М. Третьяковъ, купивъ за дорогую цѣну всю коллекцію великолѣпныхъ туркестанскихъ картинъ Верещагина, великодушно вздумалъ подарить ее московскому училищу живописи и ваянія. „Что же вы думаете—(писалъ мнѣ тогда съ негодованіемъ Перовъ), что сдѣлали члены совѣта? Конечно, обрадовались, пришли въ восхищеніе, благодарили Третьякова? Ничуть не бывало. Они какъ будто огорчились“. Подъ разными предлогами, совѣтъ отказался отъ подарка. Тогда Третьяковъ объявилъ, что беретъ свою коллекцію назадъ. „Вы думаете,—продолжалъ въ своемъ письмѣ Перовъ,— произошелъ шумъ, высказано было сожалѣніе, желаніе возвратить потерянное? Ничуть не бывало, всѣ какъ-будто обрадовались: ну, дескать, и пусть такъ будетъ!“—Послѣ того, П. М. Третьяковъ хотѣлъ подарить верещагинскую коллекцію московскому обществу любителей художествъ, — оно точно также отказалось! Пусть мнѣ покажутъ гдѣ-нибудь въ Европѣ что-либо подобное этимъ необычайнымъ событіямъ.

Вотъ нѣсколько примѣровъ того, какъ идетъ у насъ дѣло искусства, какъ его любятъ и уважаютъ, какъ въ немъ нуждаются, какъ его уразумѣваютъ.

Но что́ всѣ эти примѣры доказываютъ? Они доказываютъ одно: уровень художественный, еще необыкновенно низкій, величайшую необтесанность пониманія и вмѣстѣ — изуродованность вкуса. Все это печально, все это, при каждой новой встрѣчѣ, наполняетъ душу горестью, досадой, негодованіемъ. Но это только на первую минуту. Вглядываясь въ дѣло, скоро видишь, что масса не виновата въ своей близорукости, въ своей слѣпотѣ, въ своемъ низкомъ уровнѣ. Она, въ дѣлѣ искусства, съ самыхъ молодыхъ своихъ лѣтъ обречена жить среди такихъ обстоятельствъ, которыя мало способны помогать ея росту, ея развитію, расширенію ея мысли и понятія, и, напротивъ, имѣютъ всю власть обезображивать эту мысль и понятіе, дѣлать ихъ тусклыми, блѣдными, слабыми или фальшивыми. Эти обстоятельства—точь-въ-точь нечистый воздухъ и зловредная пища, которые портятъ дыханіе человѣка и отравляютъ его организмъ, разслабляютъ и уродуютъ его. Возьмите самыя сильныя, самыя здоровыя, самыя свѣтлыя и самостоятельныя натуры, и тѣ хруснутъ и надломятся подъ вліяніемъ всего того, что́ приходится большинству

людей выносить на спинѣ своей, въ теченіе дѣтскихъ и юношескихъ годовъ. Что же будетъ съ натурами слабыми, несамостоятельными, безхарактерными, изъ какихъ состоитъ большинство? Конечно, онѣ скоро, но прочно обезличатся и обезобразятся. Лишь немногія уцѣлѣютъ.

Изучить этотъ печальный ходъ дѣла было бы, мнѣ кажется, и нужно, и интересно. Уже столько писано объ искусствѣ и художникахъ, что пора, наконецъ, заняться и публикой.

II.

Злокачественныя вліянія, въ области художества, точь-въ-точь тѣ самыя, что и въ другихъ областяхъ нашей жизни. Это, во-первыхъ, всѣ тѣ ходячіе взгляды на искусство и его произведенія, которые каждый, еще дома, получаетъ по наслѣдству отъ папаши, мамаши, дяденьки, тетеньки и всяческихъ знакомыхъ. Потомъ вся та масса условныхъ, общепринятыхъ понятій и мнѣній, которыми надѣляетъ „образованіе“, дрессировка дома, въ пансіонѣ, школѣ, гимназіи, академіи, консерваторіи. Потомъ, твердо прививаемая слѣпая вѣра въ общепризнанные авторитеты. Потомъ, весь тотъ спутанный, хаотическій міръ художественныхъ произведеній, который постоянно встрѣчаетъ вездѣ вокругъ себя каждый въ то время, когда складываются мысли и представленія, весь тотъ океанъ хорошаго и посредственнаго, превосходнаго и никуда негоднаго, идущій намъ на-встрѣчу въ музеѣ, на выставкѣ, въ концертѣ, въ оперѣ: среди него, большинство людей, уже разслабленное и отуманенное всѣми предъидущими вліяніями, оказывается неспособнымъ само разобраться и распутаться, становится въ тупикъ, совершенно растеривается, просто не знаетъ, куда поворотиться, на чемъ остановиться. Эту путаницу понятій, эту нерѣшительность и робость мысли безмѣрно увеличиваетъ и поддерживаетъ, въ заключеніе всего, такъ-называемая наша „художественная критика“, которая, не взирая на свое громкое названіе, въ бóльшинствѣ случаевъ вовсе не приготовлена и неспособна къ тому дѣлу, за которое берется, и только приноситъ своей публикѣ величайшій вредъ.

Первыя зловредныя вліянія, въ дѣлѣ искусства, начинаются въ жизни каждаго, почти всегда очень рано. Они одновременны съ зловредными вліяніями общаго „воспитанія“, и очень похожи на нихъ. Въ большинствѣ случаевъ, въ общемъ „воспитаніи“ насъ съ самой ранней молодости усердно учатъ тому, чему вовсе не надо

учить, и усердно не учать тому, чему всего болѣе надо-бы учить. Учать всего болѣе всяческимъ механическимъ ухваткамъ и пріемамъ знанія, всей его внѣшней формалистикѣ, всѣмъ его голымъ фактамъ, и ничуть не заботятся о томъ, что̀ кроется позади этихъ механическихъ пріемовъ, что̀ выражается этою внѣшнею формалистикою, что̀ заключается въ этихъ голыхъ фактахъ. „Учи, помни и не разсуждай", говоритъ грамматика, учебникъ исторіи и географіи, катихизисъ. „Разсуждать будешь—потомъ, впослѣдствіи когда-нибудь". Приходитъ ли, въ самомъ дѣлѣ, впослѣдствіи это разсужденіе—это мы увидимъ дальше, а покуда его нѣтъ, оно изгнано, и начинающій учиться остается безъ отвѣта на сто вопросовъ, именно въ немъ просыпающихся на каждомъ шагу и безпокоющихъ его. Въ искусствѣ—точь въ точь то-же самое, съ тою только разницею, что здѣсь пріемы еще стариннѣе, еще первоначальнѣе. Ныньче грамотѣ уже никто не учитъ по „буки-азъ-ба", „глаголь-рцы-иже-гри"; вообразите-же себѣ, въ искусствѣ все-таки и до сихъ поръ учатъ именно такъ. Что такое, какъ не эти „буки-азъ-ба", тѣ „геометрическія тѣла" изъ проволоки, картона или дерева, тѣ выдуманные идеальные носы, уши, лица изъ гипса, которыхъ нѣтъ въ натурѣ, а только въ классѣ, но которые всѣмъ приходится долго, очень долго, вырисовывать, точно такъ, какъ прежде, бывало, заставляли мальчиковъ и дѣвочекъ, съ потомъ на лбу, складывать небывалые склады „лры, щры цры, щта", все для симметріи съ другими подобными, для порядка, для гимнастики. Долгое время держатъ каждаго учащагося на всяческихъ мертвыхъ и условныхъ формахъ, и какъ можно тщательнѣе отдаляютъ его отъ формъ дѣйствительныхъ, отъ того, что̀ въ самомъ дѣлѣ есть въ натурѣ. И къ этому еще прибавляется безконечное копированіе съ „оригиналовъ", копированіе формъ банальныхъ, лицъ, головъ и фигуръ безцвѣтныхъ, безхарактерныхъ, безжизненныхъ, но зато признаваемыхъ „классическими", не взирая на то, что ихъ даже и противъ оригиналовъ-то еще обезцвѣтили и опошлили бездарные рыночные рисовальщики. И все это безуміе идетъ ровнымъ, мѣрнымъ шагомъ, окруженное общимъ довѣріемъ и даже почтеніемъ, никто не жалуется, всѣ довольны, всѣ убѣждены, что только въ такомъ ученьѣ и состоитъ все спасенье, только имъ и можно дойти до истиннаго умѣнья. Но на дѣлѣ этого не выходитъ. Рисуютъ конусы, кубы. носы и уши—всѣ, но рисовать не умѣетъ никто. А почему? Потому, что учатъ не рисованью, а отбыванью рисовальной повинности. Рисованье—это во всѣхъ классахъ, дома и въ школѣ, нѣчто въ родѣ каллиграфіи, гдѣ ученикъ обязанъ вывести коротко или

длинно, прямо или косо, толсто или тонко, и непремѣнно съ тщательно тушовкой, указанной заранѣе, извѣстныя условныя фигуры, лица, головы, драпировки—точь въ точь кѣмъ-то и гдѣ-то выдуманныя буквы, корючки и завитки чистописанія. Разумныя системы—величайшая рѣдкость,—ихъ только-что, только-что пробуютъ вводить въ употребленіе.

Что въ этомъ мудренаго, когда сами учителя рисованія ничего выше этой каллиграфіи не знаютъ и не желаютъ! Что за люди учителя рисованія? Почти всегда или люди очень старые, или люди очень молодые. Въ первомъ случаѣ, это все тѣ, которые побились-побились въ академіи художествъ, увидали, что художество не для нихъ создано, что тутъ имъ ничего не добиться, ни до чего не дойти, и вотъ, кинувши всѣ надежды, сбѣжавши разомъ сто ступенекъ внизъ, они идутъ въ учителя. Но позволительное ли это дѣло? Кто негоденъ для художества, тотъ именно и идетъ учить ему! Вѣдь это-молъ только начало, вѣдь это только одна первая его механика, чтожъ—чему-нибудь большему, настоящему научатъ, дескать, позже, потомъ когда-нибудь, другіе. И всѣ воображаютъ, что это то же самое, что учить азбукѣ и складамъ: не все ли равно, кто ей будетъ учить, нянька или мамаша, или маленькій братецъ Ванюша? Но въ томъ-то и дѣло, что не все равно. Дѣло искусства, хотя-бы на самой первоначальной, на самой низменной своей ступени, ничуть не похоже на дѣло знанія, тоже на самой его первоначальной, на самой низменной его ступенькѣ. Въ дѣлѣ искусства нѣтъ того мгновенія, когда можно было-бы остановиться на одной механикѣ, на одномъ фактѣ и внѣшности. Оцѣнка, сравненіе существующей формы съ представляемою моею рукою формою, не должны ни единой секунды покидать рисующаго. Онъ ничего не долженъ принимать одною механическою памятью, и отъ перваго своего штриха до послѣдняго долженъ дѣйствовать соображеніемъ, воображеніемъ, разсудкомъ и—какъ ни забавно это можетъ на первый взглядъ показаться—творчествомъ. Да, творчествомъ. Потому что эта сила, въ какой-бы то ни было микроскопической дозѣ, но присутствуетъ уже и въ пачкотнѣ маленькаго ребенка, когда онъ рисуетъ домикъ или сани, или даму со шлейфомъ и въ шляпкѣ съ перомъ—и въ неуклюжемъ царапаньѣ дикаря, когда онъ чертитъ на деревѣ, или вырѣзываетъ на камнѣ, или выдавливаетъ на глинѣ круги и звѣзды, и спирали, и человѣчковъ, и животныхъ. Вездѣ тутъ ужъ присутствуетъ творчество. Вездѣ умъ, соображеніе и творческая фантазія водятъ слабою, неумѣлою рукою, когда она пытается воспроизвести то, что̀ глазъ видитъ, что̀ ему нравится, что̀

интересуетъ. Надо этому зачаточному творчеству помочь, надо его направить, надо его укрѣпить и развить—вмѣсто этого, что происходитъ? На него выливаютъ ушатъ воды, его замораживаютъ, его засушиваютъ. Его запираютъ куда-то далеко на ключъ, говорятъ ему, что оно вздоръ и пустяки, что его надо забыть и бросить—а вмѣсто того надо приняться за сушь, за мертвечину, за непонятную небывальщину, за отвлеченности, въ дѣйствительности нигдѣ не существующія. Ничего другого не можетъ дать тотъ старичекъ, выброшенный вонъ изъ академіи художникъ, который побывалъ когда-то въ передней искусства, видѣлъ классы, карандаши, фигуры и чертежи, и никуда дальше не пошелъ. Помните „Учителя рисованья“ Перова? Какая это талантливая картина! Какъ она глубоко хватаетъ! Вся натура, весь внутренній міръ этого бѣднаго печальнаго старика выложены передъ вами какъ на ладони. Но неправъ будетъ и совершенно близорукъ тотъ, кто остановится на одной только сторонѣ картины, и пойметъ только ея грусть и элегію. Да, конечно, жаль этого бѣднаго существа, испытавшаго голодъ и холодъ, промыкавшаго Богъ знаетъ какъ непригляднную жизнь, вѣкъ собиравшаго себѣ хлѣбъ по копѣйкамъ и ничего не собравшаго, а вотъ теперь, на закатѣ, принужденнаго печально и тоскливо ждать, въ богатой комнатѣ, въ уединеніи, пока мальчишки и дѣвчонки отзавтракаютъ за богатымъ столомъ, или воротятся съ веселой прогулки съ расфранченной мамашей. Да, грустная, печальная эпопея. Но не въ ней одной картина состоитъ. Есть еще другая сторона, сторона за кулисами, которой не надо забывать. Это—тѣ самые „мальчишки и дѣвчонки“, которыхъ тутъ нѣтъ на лицо, которыхъ мы приносимъ въ жертву въ честь разжалобившаго насъ старичка-учителя, но у которыхъ есть тоже свои права, своя нота. Вонъ онъ сидитъ у стола, понуривъ голову и вертя карандашъ между пальцами, въ тоскѣ и скукѣ ожиданія. Но посмотрите, около него на столѣ, на эти доски, на эти воздвигнутыя на столѣ таблицы съ „носами“ и „глазами“—вѣдь это все инструменты пытки и мученія, орудія засушиванія; все это враги тѣхъ маленькихъ розовыхъ существъ, которыя въ эту минуту еще такъ весело прыгаютъ и смѣются за сценой, а черезъ минуту, потушенныя и натянутыя, будутъ вести нетерпѣливую войну со своимъ учителемъ, если они живы и смѣлы, или слѣпо ему покоряться, если они вялы и безцвѣтны. Чему и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, научитъ ихъ бѣдный печальный старикъ? Тому, что́ самъ по нечаянности узналъ и въ чемъ окостенѣлъ на вѣки, тому, что̀ онъ разноситъ теперь каждый день по всѣмъ домамъ, какъ одинъ и тотъ-же рецептъ, безъ раз-

судка, безъ разумѣнія, безъ отвѣта на какой-бы то ни было вопросъ, никогда не спросивши, даже никогда не подумавши о всей разницѣ натуръ, характеровъ, вкусовъ, наклонностей. Другой учитель, молодой, самъ еще начинающій, не попалъ еще подъ кисть Перова, но тоже какъ-бы стоилъ-бы того! Можетъ быть, однажды придетъ и для него свой чередъ. Это юноша, прибѣжавшій въ Петербургъ въ академію или въ Москву, въ рисовальную школу, изъ дальней провинціи, учиться, и сдѣлаться художникомъ. Онъ бѣденъ, ему нечѣмъ жить, онъ долженъ что-нибудь предпринять —и онъ идетъ въ учителя: это такъ легко и просто. Онъ кое-какъ отбываетъ свою должность, до которой ему никакого дѣла нѣтъ, онъ только о томъ и думаетъ, какъ-бы ее поскорѣе сбросить съ плечъ и заняться однимъ своимъ настоящимъ дѣломъ. Онъ учитъ, какъ ему въ голову придетъ, впрочемъ все-таки съ тѣхъ же носовъ и ушей, опять-таки не справляясь ни съ натурой, ни съ наклонностями маленькаго паціента, и вгоняя его въ общую мѣрку.

Неужели все это ученье, ничему не научающее, кромѣ — и то въ лучшемъ разѣ — внѣшней поверхностной механики, неужели оно не дѣйствуетъ самымъ вреднымъ, самымъ растлѣвающимъ образомъ на юный умъ, понятіе, чувство? Вѣдь оно учитъ искать въ искусствѣ одной формы, и притомъ не той формы, безконечно разнообразной, которая существуетъ въ измѣнчивой и колеблющейся дѣйствительности, а какой-то экстрактной, процѣженной и просѣянной, исключительной и отвлеченной, какой въ натурѣ нѣтъ. Она учитъ вѣрить въ „поправку“ природы, она учитъ вѣрить, что все разсѣянное вокругъ насъ — ничтожество и мизерность, нѣчто второстепенное, словно какой-то напрасный призракъ, ложь и неправда, а настоящее и истинное— это тѣ гипсовые бѣлые люди, которые завѣщаны намъ старинными народами, когда-то жившими, давно и далеко, и къ которымъ мы должны летѣть всѣмъ сердцемъ и всей душой. Но въ то же время папаша и мамаша со слезами радости держатъ въ рукахъ своихъ чисто, гладко и тупо тушованные листы своихъ дѣтокъ, эти рисунки съ казенными, безличными, чуждыми всякой живой дѣйствительности очертаніями, и съ восхищеніемъ вѣруютъ, что они дѣлаютъ успѣхи въ искусствѣ. Еслибъ они знали, что эти „успѣхи“ —первые шаги на пути искаженія художественнаго чувства и водворенія пошлаго рутиннаго вкуса!

Еслибы они знали, что стулъ, столъ, лампа, чернильница, простѣйшій цвѣточекъ, учебная комната, всѣ самыя обыкновенныя вещи, но нарисованныя въ самомъ дѣлѣ съ натуры и являющіяся

какъ плодъ собственнаго наблюденія, усилій и успѣховъ, въ сто тысячъ разъ нужнѣе и важнѣе для художественнаго настоящаго развитія, чѣмъ всевозможныя головы Ахиллеса, ангела, или Ніобеи, отчеканенныя съ мертвыхъ „оригиналовъ", прописей рисовальныхъ!

Въ школѣ, а потомъ въ академіи, съ тѣмъ же успѣхомъ продолжается это самое дѣло разрушенія. Лишь немногіе истинные художники или же немногіе люди, одаренные здоровымъ художественнымъ взглядомъ, видятъ эту порчу, понимаютъ ея вредъ и стараются протестовать. Но ихъ голоса обыкновенно никто не слушаетъ, ихъ смѣшныхъ требованій просто никто знать не хочетъ.

Заглянемъ на мунуту въ художественныя школы и академіи.

Одинъ изъ лучшихъ художественныхъ умовъ нашего времени, знаменитый Віолле-ле-Дюкъ писалъ еще въ 1864 году („Réponse à M. Vitet à propos de l'enseignement des arts du dessin"): „Рисуетъ не карандашъ, не кисть—а интеллигенція. Механизмъ руки есть только аксессуаръ. Художникъ, не рисующій умомъ, вѣкъ будетъ только машиной, сколько бы ни искусна была, впрочемъ, его рука. Вотъ этотъ-то источникъ рисованья, какъ и всяческой человѣческой дѣятельности, интеллигенцію—и надобно развивать. А развѣ академическое преподаваніе устроено такъ, чтобъ развивать интеллигенцію ученика? Неужели механическая работа, состоящая въ томъ, чтобъ воспроизводить на бумагѣ, какимъ бы то ни было орудіемъ, голаго человѣка, торчащаго на эстрадѣ, между четырехъ стѣнъ, можетъ (при какой бы то ни было внимательности преподавателя) развить у учащагося мысль, концепцію, чувство? Есть только одинъ теоретическій способъ научиться рисовать, и именно тотъ, который употребляли всѣ великіе художники, внѣ способовъ академическихъ или иныхъ, и даже вопреки имъ: это—учиться видѣть натуру, учиться выбирать, привыкать задерживать въ памяти, все данное наблюденіемъ, и сдѣлать свою руку настолько послушною, чтобъ потомъ воспроизводить на картинѣ отпечатокъ наблюденія. Переходя къ практикѣ, и здѣсь есть точно также всего одинъ способъ: это—развивать наблюдательную способность ученика, раскрывать его интеллигенцію для всегда новаго зрѣлища природы, анализировать все представляемое ею, изучать подробности врозь, но твердо помня мѣсто каждой изъ нихъ и ихъ относительное значеніе; сдѣлать такъ, чтобы, вслѣдствіе упражненія, рисунокъ сдѣлался средствомъ постоянной передачи мысли или впечатлѣнія, подобно тому, какъ это бываетъ у оратора или писателя съ рѣчью или перомъ... Я упрекаю академическія методы въ томъ, что

онѣ уничтожаютъ интеллектуальную работу между моделью и рукою, что онѣ научаютъ строить періоды безъ намѣренія что-нибудь сказать... Академическая метода представляетъ двѣ опасности: первая та, что ученики, вовсе не одаренные способностью къ искусствамъ, научаются рисовать, стряпать произведенія, такъ какъ для этого есть способы чисто механическіе; вторая та, что развивается исполненіе чисто-условное, въ ущербъ работѣ мысли... Нѣтъ, надо начинать съ расширенія и увеличенія интеллигенціи учащагося; не слѣдуетъ ограничивать его горизонтъ стѣнами школы или мастерской, а доказывать ему, что все должно быть для него предметомъ наблюденія, что онъ долженъ сперва на живой натурѣ, и раньше чѣмъ на картинахъ и статуяхъ мастеровъ, схватывать выраженіе человѣческихъ чувствъ посредствомъ изученія жеста; что онъ долженъ разбирать внѣшнее проявленіе формъ, эффекты свѣта и красокъ"...

Такое ли же отношеніе между школьнымъ художественнымъ ученіемъ и учащимися также и у насъ, въ Россіи, мы это узнаемъ изъ воспоминаній одного изъ самыхъ крупныхъ и самыхъ мыслящихъ нашихъ художниковъ. Въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Судьбы русскаго искусства", надѣлавшей много шума, Крамской говоритъ: „Нигдѣ въ Европѣ искусство не находится въ такой тѣсной зависимости отъ академіи, какъ у насъ; нигдѣ академіи не имѣютъ возможности направлять его, сообразно своимъ традиціоннымъ наклонностямъ; вездѣ оно повинуется вновь возникающимъ потребностямъ общества, и отжившія свое время академіи въ сущности очень мало стѣсняютъ развитіе національныхъ школъ живописи..." (Новое Время, 1877, № 645).

Но какъ же всегда учила своихъ учениковъ наша художественная школа, имѣющая такое громадное вліяніе и на судьбу, и на понятія, и на знанія, и на дѣятельность нашихъ художниковъ? Мы знаемъ это изъ разсказовъ не только одного Крамского, но еще многихъ другихъ, значительнѣйшихъ нашихъ художниковъ: Перова, Верещагина. Крамской разсказываетъ: „Я вступилъ въ академію (въ 1857 году) какъ въ нѣкій храмъ, полагая найти тутъ тѣхъ же самыхъ вдохновенныхъ учителей и великихъ живописцевъ, о которыхъ я начитался, поучающихъ огненными рѣчами благоговѣйно внемлющихъ имъ юношей. Словомъ, я полагалъ встрѣтить нѣчто похожее на тѣ мастерскія итальянскихъ художниковъ, какія дѣйствительно когда-то существовали. Разсказы товарищей о томъ, что такой-то профессоръ замѣчательный теоретикъ, а вотъ этотъ великій композиторъ, только разжигали мое воображеніе... Но на первыхъ же порахъ я встрѣтилъ, вмѣсто

общенія между учителями и учениками (какое существовало за цѣлыя столѣтія до возникновенія академій) и такъ сказать „лекцій“ профессоровъ объ искусствѣ, одни голыя и сухія замѣчанія: вотъ это длинно или коротко, а вотъ это надо постараться посмотрѣть на антикахъ, Германикѣ, Лаокоонѣ... Одно за другимъ стали разлетаться созданія моей собственной фантазіи объ академіи, и прокрадываться охлажденіе къ мертвому и педантическому механизму въ преподаваніи... Въ классѣ живописи замѣчанія профессоровъ отличались опять-таки тѣмъ же лаконизмомъ: „плоско! колѣнка дурно нарисована! чулокъ вмѣсто слѣдка“! На другой день съ иными варіаціями: „Не худо, не худо! Э... Это не такъ, да и это не такъ! Все не такъ“...

Перовъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ нѣчто совершенно подобное. Въ статьѣ „Наши учителя“ („Художественный журналъ“, 1881) онъ разсказываетъ множество интереснаго про трехъ главныхъ преподавателей въ московской школѣ живописи и ваянія. Одинъ, Мокрицкій, наполнялъ всѣ свои классы повѣствованіями о Брюлловѣ и Италіи. Монте-Пинчіо, Фраскати, Альбано не сходили у него съ языка. О чемъ бы онъ ни заговорилъ, но кончалъ непремѣнно своей незабвенной Италіей и плѣнительной Венеціей. „Ученики очень любили его слушать,—говоритъ Перовъ. Ихъ увлекали его разсказы о великихъ мастерахъ, о живописныхъ мѣстностяхъ и очаровательныхъ картинахъ. И еслибы Мокрицкій не былъ обольщенъ собою, какъ хорошимъ, даже выдающимся художникомъ; еслибы онъ не предлагалъ каждому своей помощи и совѣта, даже тому, кто его объ этомъ не просилъ, а также и тѣмъ, которые отъ нихъ уже по нѣскольку разъ отказывались; еслибы онъ не навязывалъ также копировать своихъ плохихъ произведеній, чуть не насильно всовывая ихъ въ руки оторопѣлыхъ учениковъ, то его навѣрное бы очень любила молодежь и онъ несомнѣнно могъ бы сдѣлать много хорошаго и принести много пользы своими живыми и воодушевленными разсказами“... Что касается до мнѣній объ искусствѣ, усердно внушаемыхъ ученикамъ устами этого Мокрицкаго, то они были слѣдующія: „Что натура? Натура—дура! Надо изучать великихъ мастеровъ. Изучая ихъ великія творенія, только и возможно прійти къ чему-нибудь разумному, сознательному и изящному. Ученикъ, прежде чѣмъ пользоваться натурой, долженъ изучить рисунокъ и живопись по образцамъ великихъ мастеровъ... Пожалуйте вотъ ко мнѣ. Я вамъ покажу и дамъ рисуночки изъ Страшнаго суда Микель-Анджело. Вы ихъ почертите побольше, и я ручаюсь, что это будетъ для васъ самое полезное... Скопируйте также что-нибудь. Я вамъ

помогу и въ этомъ случаѣ. У меня есть много прекрасныхъ образцовъ и, поработавши съ нихъ, вы сами увидите, какъ подвинетесь"!..

Другой преподаватель, Скотти, проходилъ по классу, какъ Юпитеръ-громовержецъ или по меньшей мѣрѣ римскій императоръ. Поднявъ высоко голову и заложивъ за спину руки, онъ медленно, торжественно подходилъ къ какому-либо ученику, молча смотрѣлъ на его работу и, также молча отвернувшись, безъ слова, безъ звука, проходилъ дальше, останавливаясь у слѣдующаго. Величайшая похвала изъ устъ его была: „Гм, гм! У тебя идетъ!.. Это не дурно!.. Продолжай!" Но иногда онъ удостоивалъ и слѣдующими замѣчаніями: „Убавь носу!.. Подними глазъ"!.. Или: „Срѣжь подбородокъ!.." Это все слышали отъ него ученики"... Впрочемъ, въ свое дежурство, Скотти, въ противуположность Мокрицкому, съ которымъ былъ въ вѣчной враждѣ, постоянно твердилъ ученикамъ: „Надо изучать натуру! Это лучшій учитель!" Но это были только праздныя слова. Никакой натуры, живой и правдивой, онъ не видѣлъ и не разумѣлъ, но самъ былъ художникъ стараго покроя и академистъ, точь въ точь какъ и врагъ его Мокрицкій, и понималъ онъ въ дѣйствительности только одну „натуру", школьную и натурщикову, и это онъ доказывалъ всю жизнь свою не только всѣми картинами своими, но и бездушнымъ, мертвымъ, механическимъ своимъ преподаваніемъ въ московской художественной школѣ.

Третій преподаватель, Зарянко, клонилъ все свое преподаваніе и безконечныя разглагольствованія свои о разныхъ, имъ самимъ изобрѣтенныхъ механическихъ пріемахъ только къ тому, чтобы ученики рисовали, писали и сочиняли съ „математическою точностью" Но дѣло кончалось только тѣмъ, что выходили въ результатѣ этюды и картины „съ изумительною выпискою, крайнею сухостью и странностью".

Въ свою очередь и разсказы Верещагина о преподаваніи въ академіи, въ его время, рисуютъ положеніе дѣла, очень похожее на то, какое нарисовано у Крамского и Перова. „Осенью 1860 г. я поступилъ въ академію художествъ,—говоритъ онъ въ одномъ письмѣ ко мнѣ,—въ число учениковъ профессора Маркова. Бейдеманъ, тогда еще свѣжій, былъ мнѣ очень полезенъ. Онъ первый, рядомъ наглядныхъ примѣровъ, поколебалъ мою вѣру въ необходимость „штриха" (повсемѣстно царствовавшаго тогда въ академіи), чистоты и опрятности рисунка. Я сталъ рисовать грязнѣе и сталъ получать болѣе далекіе номера"...

Весь этотъ схоластическій, поверхностный и бездушный спо-

собъ веденія художественнаго преподаванія существуетъ въ нашей академіи уже очень давно. По всей вѣроятности, онъ точно такой былъ съ самаго начала академіи, 100 лѣтъ тому назадъ. У насъ вѣдь, въ этомъ случаѣ, ничего своего новаго не выдумывали, повторяли только то, что̀ заведено было и дѣлалось вездѣ въ остальной Европѣ. Во времена „великаго“ Брюллова, въ тѣ времена, когда вся Россія отъ него съ ума сходила и видѣла въ немъ не только эру новаго искусства, но и олицетвореніе чего-то совершенно еще небывалаго, даже и въ дѣлѣ преподаванія, художественной педагогической проповѣди,—продолжали, однако же, царствовать повсюду, въ томъ числѣ и у самого Брюллова, тѣ же самые взгляды. Хвалители Брюллова, изъ числа его учениковъ, бывшіе въ продолженіе многихъ лѣтъ свидѣтелями всего того, что́ онъ дѣлалъ, думалъ, говорилъ, а также того, чему онъ училъ другихъ, разсказываютъ многое такое, что̀ даетъ полное представленіе о художественномъ учебномъ и воспитательномъ способѣ той эпохи. Одинъ изъ брюлловскихъ учениковъ, Желѣзновъ, разсказываетъ: „Брюлловъ говорилъ, что „рисовать надо умѣть прежде, нежели быть художникомъ; механизмъ слѣдуетъ развивать отъ раннихъ лѣтъ, чтобы художникъ, начавъ размышлять и чувствовать, передавалъ свои мысли вѣрно и безъ всякаго затрудненія; чтобъ карандашъ бѣгалъ по волѣ мысли... Да и поздно учиться рисунку тогда, когда живая женщина нравится болѣе Венеры Медицейской“... („Отеч. Зап.“, 1856, т. 107). Что такое это ученье о пріобрѣтеніи „рисунка, раньше размышленія и чувства“, какъ не обычное схоластическое понятіе о рисункѣ, какъ о чемъ-то совершенно механическомъ, внѣшнемъ и условномъ, въ родѣ каллиграфіи! Что̀ все это, какъ не старинное игнорированіе въ искусствѣ всего самаго важнаго, низведеніе его на степень красивой, но фальшивой игрушки! Потому что какой же правды ожидать отъ того художника, который научился рисовать не думавши и не чувствовавши, вдали отъ живой природы? Брюлловъ требуетъ, чтобъ художникъ владѣлъ какимъ-то отвлеченнымъ, внѣ-естественнымъ рисункомъ. Но какой же это будетъ рисунокъ, какъ не условный? Никакому другому, кромѣ этакого, здѣсь мѣста нѣтъ. Живая дѣйствительность, наблюденіе и усвоеніе ея далеко отлетѣли прочь. Посмотрите, помимо всяческой реторики и пышныхъ словъ, что̀ выходило на самой дѣйствительности у художниковъ, воспитанныхъ по тлетворной, глубоко-разрушительной и развращающей системѣ академическаго рисованія. Взгляните за кулисы, посмотрите на художниковъ во время ихъ работы, за холстомъ, въ ихъ собственной мастерской. Брюлловъ всегда очень много толковалъ своимъ

ученикамъ про „натуру“, но какъ ее понималъ, эту „натуру“? Никакъ не иначе, какъ въ одномъ только самомъ условномъ смыслѣ: онъ бралъ изъ нея, чтò ему хотѣлось и пропускалъ все остальное мимо. Ученикъ его, Мокрицкій, разсказываетъ, какъ онъ однажды писалъ въ его присутствіи картину: „Пришелъ натурщикъ,—пишетъ Мокрицкій.—Ну, Тарасъ, начнемъ благословясь.—Натурщикъ сталъ на свое мѣсто, и художникъ, поправивъ его, взялъ въ руки палитру и началъ писать... Торжественная тишина въ мастерской сопровождала трудъ его и довершала очарованіе. Я посматривалъ на натурщика и дивился, откуда бралъ художникъ изображаемую красоту, форму и выраженіе, ибо сравнивая съ живописью, я видѣлъ только нѣкоторое сходство пятенъ свѣта и тѣней“... Все это Мокрицкій, въ своемъ безпредѣльномъ энтузіазмѣ, ставитъ въ заслугу Брюллову, но мы бы поставили, конечно, только въ укоръ. Откуда, въ самомъ дѣлѣ, бралъ онъ все то, чтò наносилъ тутъ на холстѣ? Конечно, не изъ натуры—онъ ее обходилъ, онъ ее пропускалъ мимо глазъ, онъ выдумывалъ какую-то свою собственную натуру, какая у него вертѣлась въ ту минуту въ головѣ, на основаніи всякихъ гипсовъ, антиковъ, картинъ „великихъ мастеровъ“. Это была натура эклектическая, мозаичная, склеенная изъ разныхъ кусочковъ, выдуманная. Механически-послушная и понаторѣлая въ условности и лжи рука покорно выполняла затѣи своего барина и безпрекословно рисовала всякую небывальщину. Вспомнимъ еще, какъ Брюлловъ этому же Мокрицкому поправлялъ его рисунки „съ натуры“ у себя на квартирѣ, далеко отъ самой натуры... „Онъ просмотрѣлъ внимательно, указалъ недостатки и сдѣлалъ замѣчанія; потомъ взялъ карандашъ, нарисовалъ кисточку, выправилъ слѣдки, просмотрѣлъ внимательно контуръ, и, указывая на красоту линій, сказалъ: „Видите ли, какъ нужно смотрѣть на натуру; какъ бы ни былъ волнистъ контуръ, рисуйте его такъ, чтобъ едва замѣтно было уклоненіе отъ общей его линіи... смотрите почаще на антики: въ нихъ всегда выдержано спокойствіе, гармонія общей линіи, оттого они и прекрасны, оттого они важны и величественны“... Вотъ и весь катихизисъ художества „великаго“ Брюллова: всѣ натуры, все разнообразіе природы, всѣ безчисленныя видоизмѣненія людей и существъ—приводить къ одному знаменателю! Стушевывать всѣ разницы, всѣ уклоненія, всѣ случайности и, съ подобострастіемъ глядя на антики, искать только „прекраснаго“, „важнаго“ и „величественнаго“! Брюллову, со всѣми его учителями, товарищами и учениками не могло, конечно, тогда и въ голову прійти, чтобъ нашлись такіе люди и такіе художники,

которые бы сказали: „Да не хотимъ мы совсѣмъ ни „прекраснаго“, ни „важнаго“, ни „величественнаго“ всѣхъ вашихъ антиковъ. Ихъ совершенства пусть при нихъ и остаются. Но намъ совсѣмъ другое нужно—намъ, художникамъ, писать, и намъ, публикѣ—видѣть и чувствовать. Не хотимъ мы вашего „прекраснаго“, которое не есть прекрасное въ самомъ дѣлѣ, а только условное; да вовсе и не однимъ „прекраснымъ“ живетъ искусство. У него важнѣе есть задачи!“ Но ничего такого еще не зналъ Брюлловъ со всѣми его предшественниками и послѣдователями—и вотъ, спустя цѣлыхъ полстолѣтія, ихъ символы вѣры, ихъ законы до сихъ поръ продолжаютъ царствовать въ школѣ, и вы всякій день можете увидѣть, въ классѣ, профессора, который сердито выговариваетъ ученику, зачѣмъ онъ такъ близко, такъ взаправду, воспроизводитъ на своемъ классномъ рисункѣ натурщика, быть можетъ, съ его немножко сухими плечами, можетъ быть, съ его полноватымъ тѣломъ, можетъ быть, съ его, не до послѣдней ниточки „идеальными“, какъ статуя, очертаніями! „Что это вы такое дѣлаете?—кричитъ онъ:—развѣ такъ можно? Копировать натурщика! Да развѣ вы забыли гипсовыя фигуры въ залахъ музея? Натурщикъ вамъ данъ только на то, чтобы напоминать вамъ гипсовыя статуи древнихъ! Ихъ однихъ вы должны помнить и рисовать, лѣпить, а не эту нынѣшнюю, дѣйствительную, случайную, низменную натуру!“ И ученикъ вздыхаетъ, и долженъ фальшить, долженъ съ натуры рисовать „то, да не то“.

Кто этого не слушается въ академіяхъ, горе тому! Одинъ изъ лучшихъ современныхъ художественныхъ писателей, Эженъ Веронъ, пишетъ въ статьѣ своей: „Нѣсколько словъ о состояніи искусства во Франціи“: „Узколобые академическіе педанты выбираютъ изъ античнаго міра то, что̀ признаютъ для себя подходящимъ, сообразно со своимъ собственнымъ разумѣніемъ, налагаютъ на него свой собственный вкусъ и, въ концѣ концовъ, создаютъ изъ него ту окостенѣлую традицію, которая, подъ именемъ схоластики, во времена среднихъ вѣковъ, сдѣлала безплодными всѣ усилія человѣческаго ума, а въ дѣлѣ искусства, исключала, во имя академической традиціи, такихъ людей, какъ Буланже, Гюэ, Руссо, Бари, Делакруа, съ нашихъ выставокъ, признавая ихъ недостойными считаться въ числѣ французскихъ художниковъ“ (L'Art, 1876, t. IV).

Это „окостенѣніе“ такъ всегда и шло въ школахъ и академіяхъ повсюду, въ томъ числѣ и у насъ, тяжелымъ и мѣрнымъ шагомъ, передаваясь отъ поколѣнія къ поколѣнію. Сначала рисованіе и лѣпленіе съ „великихъ антиковъ“, позже—сочиненія на

нелѣпо заказываемые „великіе античные“ или классическіе сюжеты, потомъ еще копированіе въ Эрмитажѣ и всякихъ музеяхъ съ „великихъ новѣйшихъ“ произведеній „великаго вѣка“, т.-е. съ итальянцевъ XVI вѣка, единственныхъ достойныхъ наслѣдниковъ великаго античнаго времени; наконецъ, умиленное пилигримство въ художественную Мекку—Италію, и фанатическое самоотравленіе ея старыми идолами. Вотъ что̀ составляло тотъ тяжелый капканъ, въ который попадалъ художникъ на лучшіе годы своей жизни.

Но всего хуже было то, что люди, задавленные этою ужасною системою, не чувствовали своей погибели и, напротивъ, находили себя вполнѣ благоденствующими, идущими по настоящему пути и ко всѣмъ самымъ превосходнымъ цѣлямъ. Лишь немногіе, въ Европѣ и у насъ, понимали настоящее свое положеніе и восклицали, какъ Курбэ во Франціи, какъ Крамской въ Россіи: „Академія душитъ!“ Лишь немногіе разумѣли глубокую отраву во всемъ веденіи художественнаго дѣла повсюду: въ механичности, все равно и первоначальнаго, и высшаго преподаванія, въ фетишизмѣ передъ древнимъ антикомъ и новою Италіею; лишь немногіе разумѣли ложь и вредъ „классическихъ задачъ“ для заказываемыхъ школою композицій, лишь немногіе не вѣровали въ животворящую силу путешествія въ Италію и долгой жизни тамъ. Мало выступало впередъ, гдѣ бы то ни было въ Европѣ, такихъ художниковъ, которые, какъ Шассаньоль, живописецъ 40-хъ годовъ (навѣрное списанный съ натуры, въ романѣ Гонкуровъ „Manette Solomon“), съ досадой провозглашаетъ: „Какъ! все самое противоположное, натуры, темпераменты, способности, призванія, всѣ личныя особенности чувствованія, схватыванія, передачи, всѣ разнообразія, всѣ контрасты, все, что́ въ художникѣ есть оригинальнаго — вы запираете все это въ художественный пансіонъ, подъ начальство и указку гувернера отъ Красоты! И какой Красоты! Красоты, патентованной школой! Талантъ—гмъ! Но еслибъ у тебя и было его на грошъ, то его не донесешь оттуда назадъ. Потому что талантъ, что́ такое талантъ? Это просто-на-просто большая или маленькая способность къ новизнѣ, слышишь? къ новизнѣ, какую носитъ въ себѣ индивидуумъ... способность вложить въ то, что́ ты дѣлаешь, немножко того рисунка, который ты схватишь и уловишь самъ въ нынѣшнихъ линіяхъ жизни,—сила, и прямо скажу, смѣлость попробовать немножко той краски, которую ты видишь своимъ западно-европейскимъ взглядомъ, взглядомъ парижанина XIX вѣка... Такъ вотъ, мой любезнѣйшій, ты и увидишь, много ли у тебя всего

этого останется, послѣ проповѣдей, маленькихъ мукъ, преслѣдованій! Да вѣдь на тебя будутъ указывать пальцемъ! Противъ тебя будутъ и директоръ, и товарищи, и чужіе люди, воздухъ виллы Медичи (французской академіи въ Римѣ), воспоминанія, примѣры, старые рисунки твоихъ предшественниковъ, Ватиканъ, камни прошлаго, заговоръ индивидуумовъ, вещей, всего говорящаго, совѣтующаго, укоряющаго, гнетущаго посредствомъ воспоминаній, традицій, высокопочитаній, предразсудковъ—весь Римъ и угарная атмосфера его ше-дёвровъ... И къ чему эта французская академія въ Римѣ? Скажи мнѣ только, зачѣмъ? Точно будто не слѣдовало бы оставить на волю растущему живописцу идти, куда ему угодно. Отчего не быть школѣ въ Амстердамѣ для тѣхъ, кто чувствуетъ въ себѣ родственную связь съ Рембрандтомъ? Отчего не быть школѣ въ Мадридѣ для тѣхъ, кто слышитъ Веласкеца у себя въ крови? Отчего не быть школѣ въ Венеціи, еще для другихъ? И потомъ, въ сущности, на что̀ школы? Хочешь, я тебѣ скажу, что̀ надо дѣлать, и что̀, можетъ быть, нѣкогда сдѣлаютъ? Долой конкурсы, школьное соревнованіе, долой старыя обветшавшія машины и традиціонныя зацѣпки: скорѣй къ созданію свободному, убѣжденному, личному, доказывающему мысль и вдохновеніе... Но ты увидишь, я тебѣ это пророчу, что изъ тебя выйдетъ, какъ и изъ другихъ: почтенная посредственность. Какъ же! Ты будешь служить „здоровымъ и возвышеннымъ ученіямъ искусства!"... Мало выступало также писателей, которые, какъ Эженъ Веронъ, восклицали: „Глубокопочитаніе прежнихъ поколѣній новыми иногда превращается въ фетишизмъ, совершенно лишенный разсудка. Если греческая и римская древность еще и до сихъ поръ такъ странно господствуютъ надъ нашимъ умомъ, если онѣ сдѣлали совершенно безплодною такую массу интеллигенціи, и это посредствомъ деспотизма подражательности, внѣ которой для художника не было спасенія, то надо искать причинъ этого феномена въ фактахъ психологическихъ". Мало было людей, которые, какъ наши художественные „протестанты" 1863 года, видѣли до корней нелѣпыя привычки и пріемы нашей художественной школы, не хотѣли покориться имъ, и уходили вонъ, съ проповѣдью новыхъ понятій, новыхъ пріемовъ, новыхъ стремленій. Мало было у насъ художниковъ, которые, какъ недавно разсказывалъ одинъ художественный журналъ, со словъ самихъ паціентовъ, „до 30-лѣтняго возраста учились (въ академіи), а послѣ только о томъ и заботились, чтобы забыть все, чему ихъ учили" („Живописное Обозрѣніе", 1883, № 6). Это были все только „лучшіе" между художниками; всѣ остальные мирно и кротко покорялись тяго-

тѣвшей надъ ними желѣзной лапѣ и безропотно вдавливались въ изготовленную для нихъ, стараніями долгихъ годовъ, форму. Систематическій погромъ художественной интеллигенціи былъ прочный, онъ вполнѣ достигалъ своей цѣли, онъ до глубины костей проникалъ въ существо своего человѣческаго матеріала. Уцѣлѣли отъ этого погрома лишь немногіе, лишь тѣ, у кого была своя крѣпкая мысль, самодѣятельное понятіе, своя виднѣющаяся впереди цѣль. „Оставалось намъ въ школѣ,—говоритъ Крамской,—товарищество, единственное, что двигало массу впередъ, давало хоть какія-нибудь знанія, вырабатывало хоть какіе-нибудь пріемы и помогало справиться со своими задачами"... Да, такіе люди, по счастью, существовали у насъ (какъ и въ остальной Европѣ), но ихъ было немного, и, въ общемъ хорѣ, ихъ мало слышала и видѣла отуманенная масса. Еще разъ приходитъ на умъ вся глубокая правда словъ, приведенныхъ выше: „Нигдѣ въ Европѣ искусство не находится въ такой тѣсной зависимости отъ академіи какъ у насъ, и нигдѣ академіи не имѣютъ возможности направлять ее, сообразно своимъ традиціоннымъ наклонностямъ"... Отравляющее вліяніе совершалось не надъ одними художниками, но надъ всей громадой публики. Она еще больше художниковъ была беззащитна противъ традиціонныхъ наклонностей и привычекъ.

Художественный уровень уже и такъ, самъ по себѣ, всегда не высокъ у массы, она всего охотнѣе наслаждалась бы всякими прилизанными, ничтожнѣйшими картинками и иллюстраціями, безсмысленными, безвкусными, и только жантильными или сентиментальными, какія аттакуютъ каждаго человѣка съ самаго ранняго дѣтства, на страницахъ „маленькихъ дѣтскихъ книжекъ" (этой заразы и чумы), со сладкою улыбкой даримыхъ папашей и мамашей еще въ первые годы жизни сыну и дочери. Впослѣдствіи, вкусъ и понятіе выростающаго человѣка, преслѣдуютъ сквозь всю жизнь его тысячи лживыхъ картинъ и картинокъ на выставкѣ и въ музеѣ, манерныхъ, полныхъ условій гравюръ въ окнахъ магазина, приторныхъ и прилизанныхъ иллюстрацій въ безчисленныхъ книгахъ. И что же! Вдобавокъ ко всему этому, тяжелый гнетъ академическихъ преданій, классическія и античныя рамки, навязываемыя каждому, забивающій мысль слѣпой культъ „великихъ авторитетовъ", не разбираемыхъ, не тронутыхъ собственнымъ умомъ зрителя!

Какому изъ всего этого вмѣстѣ выйти художественному складу и понятію у бѣдной, ни откуда не просвѣтленной массѣ! Тотъ даже прямой умъ, то свѣтлое, здоровое постиженіе, которое первоначально принадлежатъ каждому неотравленному внѣшними

вліяніями человѣку, тускнѣютъ и заволакиваются темнымъ облакомъ. Здравый смыслъ не всегда погибаетъ до конца, — и мы не мало еще тому примѣровъ укажемъ ниже,—но первоначальная сила и свѣжесть понятія ослаблены въ громадномъ размѣрѣ, мысль становится робка и безцвѣтна, она дѣлается способна неразборчиво воспринимать заразъ хорошее и дурное, ложное и правдивое, она лѣниво мирится и съ талантомъ, и съ посредственностью, и съ бездарностью, она часто пріучается всего болѣе любить именно послѣднюю, лишь бы только она была смазлива. Но, что всего безотраднѣе, она привыкаетъ какъ нельзя дружнѣе и спокойнѣе уживаться съ полнѣйшею безсодержательностью въ искусствѣ и даже искать ее и покровительствовать ей.

Художественная отрава такъ была глубока, что дѣйствовала не только на бѣдную, безотвѣтную массу публики, но даже на самихъ нашихъ талантливыхъ художниковъ-писателей. Кто могъ быть болѣе реалистъ, какъ Пушкинъ и Гоголь, кто глубже ихъ понималъ фальшь и условность той литературы, которая предшествовала имъ, кто больше ихъ искалъ правды и дѣйствительности въ искусствѣ своемъ? И что же! Оба они нисколько не понимали такой же точно фальши и условности, когда она высказана была не въ литературѣ, а въ живописи или скульптурѣ, они въ этихъ искусствахъ и не воображали искать той самой правды и дѣйствительности, какою наполнены были ихъ собственныя произведенія, для какой они только и создавали эти произведенія.

По разсказамъ ученика Брюллова, Мокрицкаго, Пушкинъ и Жуковскій глубоко „любовались и восхищались дивными акварельными рисунками Брюллова“; но когда онъ показалъ имъ недавно конченный рисунокъ „Съѣздъ на балъ къ австрійскому посланнику въ Смирнѣ“, то Пушкинъ былъ въ такомъ восхищеніи, что не могъ съ нимъ разстаться, сталъ передъ Брюлловымъ на колѣни и началъ умолять его: „Отдай, голубчикъ! Вѣдь другого ты не нарисуешь для меня; отдай мнѣ этотъ!“ (рисунокъ принадлежалъ уже княгинѣ Салтыковой). А между тѣмъ, извѣстно, каковы рисунки Брюллова съ живой натуры, въ томъ числѣ и этотъ: они полны условности и произвола, они не заключаютъ никакой дѣйствительной натуры, и „турки“ въ нихъ такіе же придуманные, прикрашенные и передѣланные по своему, какъ всѣ его итальянцы, греки, русскіе, французы, рыцари, монахи, крестьяне и синьоры. Точно также, Пушкинъ до глубины души восхищался и его „Распятіемъ“, и эскизомъ „Гензерихъ грабитъ Римъ“, и т. д., совершенно не чувствуя, какія тутъ вездѣ присутство-

вали условность, академичность, ходульность, ложь и гниль, отсутствіе правды и натуры.

Точно также, когда скульпторъ Пименовъ вылѣпилъ своего „Бабочника“, Пушкинъ, при первомъ же взглядѣ, сказалъ: „Слава Богу! Наконецъ и скульптура въ Россіи явилась народная“. Президентъ Академіи, Оленинъ, указалъ ему художника. Пушкинъ пожалъ руку Пименову, назвалъ его „собратомъ“, и тутъ же написалъ свой чудный экспромтъ:

Юноша трижды шагнулъ, наклонился, рукой о колѣно
Бодро оперся, другой поднялъ мѣдную кость.
Вотъ ужъ прицѣлился... Прочь! раздайся, народъ любопытный,
Врозь разступись: не мѣшай русской удалой игрѣ.

Но Пушкинъ не понималъ тогда, что эта статуя — академическое, совершенно условное созданіе, безъ всякой жизненной правды, какъ все созданное Пименовымъ въ теченіе всей его жизни. Пушкинъ не понималъ, что никакой „народной скульптуры“ тутъ не являлось, а русскаго было тутъ всего — одно заглавіе, да волосы, остриженные въ кружокъ.

Такъ и Гоголь. „Послѣдній день Помпеи“ казался ему верхомъ не только красоты и совершенства, но и жизненной правды; онъ ее прославлялъ,—эту театрально-итальянскую живую картину, виртуозную по выполненію, но чуждую всякой правды и живого выраженія, полную реторики и барбчности,—какъ геніальное, великое пробужденіе искусства въ нашъ вѣкъ. Художникъ Чартковъ (въ „Портретѣ“) создаетъ всего только какую-то „Психею“, и въ этомъ школьномъ, насилованномъ, неестественномъ, ни на что ненужномъ творчествѣ Гоголь не видитъ ничего предосудительнаго, негоднаго, безумнаго. Да и вообще, кромѣ подобныхъ безобразныхъ задачъ, онъ никакихъ другихъ и не желалъ для искусства, онъ, великій и правдивый реалистъ, онъ, который ни за что не согласился бы брать подобныя задачи для своего собственнаго творчества, и навѣрное гнушался бы ими, какъ чѣмъ-то мертвымъ и ложнымъ отъ начала и до конца.

Цѣлыхъ четверть столѣтія позже, еще одинъ крупный, талантливѣйшій нашъ реалистъ, Тургеневъ, точно также не уразумѣвалъ смысла художества Брюллова и, значитъ, всей школы его предшественниковъ и послѣдователей. Конечно, Тургеневъ видѣлъ „трескучесть“ и, слѣдовательно, лживость картинъ Брюллова; но все-таки говорилъ: „Брюлловъ могъ выразить все, что̀ хотѣлъ, да сказать ему было нечего... Брюлловъ правдиво представлялъ ложь“... Нѣтъ, на дѣлѣ все это было не такъ. Брюлловъ вовсе не

могъ выразить все, чтò хотѣлъ, и вовсе не представлялъ правдиво что бы то ни было. Онъ не могъ представить все, чтó хотѣлъ; онъ могъ представить только то, къ чему привыкъ, къ чему былъ пріученъ школой и Италіей, и потому представлялъ все это не „правдиво", а ложно. Его форма рококо вполнѣ равнялась его содержанію рококо, и ничѣмъ не возвышалась надъ нею. Не чудо ли это, что такой правдивый въ своемъ собственномъ творчествѣ художникъ, какъ Тургеневъ, даже въ зрѣлыхъ годахъ своихъ не понималъ фальши, академичности и условности у другого художника только потому, что тутъ дѣло шло не о романѣ, комедіи или драмѣ, а о картинахъ и работѣ кистью? Правда, впослѣдствіи Тургеневъ, послѣ анатомическихъ работъ нашей художественной критики, значительно измѣнилъ свое понятіе о Брюлловѣ, и въ „Дымѣ", устами Потугина, прямо называлъ его „пухлой ничтожностью", которой Богъ знаетъ почему могли у насъ поклоняться цѣлыхъ 20 лѣтъ. Да, но сколько же потребовалось лѣтъ даже и Тургеневу, чтобы увидать ложь Брюллова (и значитъ, всего ему родственнаго искусства) не только въ мысли, задачѣ, содержаніи, но и въ самомъ „исполненіи"?

Такъ было съ живописью; но въ скульптурѣ понятіе Тургенева никогда не измѣнилось, до конца жизни. Въ „Наканунѣ" у него на сценѣ скульпторъ Шубинъ, который создаетъ барельефъ „Ребенокъ съ козломъ", и Тургеневъ вполнѣ симпатично, безъ тѣни осужденія или юмора, относится къ такой академической, никуда не годной дѣятельности. Этотъ Шубинъ „посмотрѣлъ на настоящихъ, на стариковъ, на антики, да и разбилъ свою чепуху"—чепуху не потому, что все въ ней нелѣпо и праздно, отъ самаго начала, а только потому, что она не приближается къ „настоящимъ", къ „антикамъ", и не достигаетъ ихъ неоспоримыхъ, несомнѣнныхъ совершенствъ.

Вотъ какіе бывали иногда художественныя понятія у правдивѣйшихъ реалистовъ, у совершеннѣйшихъ художниковъ русскаго слова. Для нихъ, искусство раскалывалось на двѣ половины. Одна половина была—литература и литературное творчество: здѣсь они смотрятъ впередъ, у нихъ есть ясные глаза, твердое острое зрѣніе, здѣсь они стремятся къ одной правдѣ и натурѣ, здѣсь они чуждаются лжи, гонятъ ее какъ самаго злого врага своего. Но другая половина—все остальное искусство, живопись и скульптура въ особенности. Тутъ у нихъ вдругъ является новая мѣрка, совершенно особенная. Они прощаютъ многое такое, чего никогда бы не простили въ своемъ собственномъ дѣлѣ, становятся близоруки и односторонни, свѣтлый взглядъ ихъ отуманивается, и они

мирятся, спокойно уживаются со всѣмъ тѣмъ, что по настоящему никогда не должно было оставлять ихъ ни мирными, ни спокойными. Такова сила привычки, давно навязанныхъ взглядовъ, укоренившихся словно непреложный какой-то законъ, таковъ гнетъ понятій, примѣръ другихъ странъ и народовъ.

Чего же можно ждать, въ подобномъ же случаѣ, отъ массы публики, состоящей въ большинствѣ случаевъ изъ людей обыкновенныхъ, посредственныхъ, не одаренныхъ ни силою, ни свѣтлымъ взглядомъ, ни глубокими симпатіями таланта, часто слишкомъ ко многому равнодушныхъ? Имъ еще въ сто разъ труднѣе противиться ложнымъ идеямъ, извращеннымъ вкусамъ, бѣдственнымъ привычкамъ мысли, пагубному гнету традиціи.

Посмотримъ же теперь, въ какомъ положеніи очутилось большинство нашей публики, и куда оно направилось, когда народилось у насъ и шагнуло впередъ новое художественное поколѣніе, съ совершенно иными противъ прежняго мыслью, задачами и стремленіями, и когда наша „художественная критика“, неприготовленная, слабая, вдругъ выведенная изъ своего добродушнаго far-niente, оказалась застигнутою въ расплохъ, совершенно сбитою съ толку.

В. Стасовъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

* * *

Солнца лучъ промежъ липъ былъ и жгучъ, и высокъ,
Предъ скамьей ты чертила блестящій песокъ,
Я мечтамъ золотымъ отдавался вполнѣ;
Ничего ты на все не отвѣтила мнѣ.

Я давно угадалъ, что мы сердцемъ родня,
Что ты счастье свое отдала за меня;
Я рвался, я твердилъ не о нашей винѣ;
Ничего ты на все не отвѣтила мнѣ.

Я молилъ, повторялъ, что нельзя намъ любить,
Что минувшіе дни мы должны позабыть,
Что въ грядущемъ цвѣтутъ всѣ права красоты;
Мнѣ и тутъ ничего не отвѣтила ты.

Съ опочившей я глазъ былъ не въ силахъ отвесть,
Всю погасшую тайну искалъ я прочесть
И лица твоего мнѣ простили-ль черты?
Ничего,—ничего не отвѣтила ты!

* * *

Есть ночи зимней блескъ и сила,
Есть непорочная краса,
Когда подъ снѣгомъ опочила
Вся степь и кровли и лѣса.

Сбѣжали тѣни ночи лѣтней,
Тревожный ропотъ ихъ исчезъ,
Но тѣмъ всевластнѣй, тѣмъ замѣтнѣй
Огни безоблачныхъ небесъ.

Какъ будто волею всезрящей
На этотъ мигъ ты посвященъ
Глядѣть въ лицо природы спящей
И понимать всемірный сонъ.

А. Фетъ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОЛГИ
РОССІИ

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

1843–1882.

IV.

Съ 1843 года до 1870 года проходитъ 28 лѣтъ, которые по однообразному ихъ финансовому характеру представляютъ однородный и, можетъ быть, самый печальный періодъ нашей финансовой исторіи съ Екатерины II. Коренное отличіе этого періода заключается въ какомъ-то неограниченномъ владычествѣ дефицита, хроническаго, ужасающаго, до того глубоко въѣвшагося, что онъ какъ-бы сдѣлался непремѣнною принадлежностью русскаго государственнаго хозяйства, которое безъ него стало, а отчасти и осталось, немыслимымъ нетолько для заграничныхъ публицистовъ, но для очень многихъ и дома—по настоящее время. Эта особенность тѣмъ болѣе любопытна, что со времени Екатерины II, съ котораго только и можетъ быть рѣчь о дефицитахъ, въ точномъ смыслѣ слова, они едва ли когда-либо отсутствовали. Однако, впечатлѣніе дефицитовъ царствованій Екатерины II, Александра I и первой половины императора Николая I значительно ослабляется, во-первыхъ, сравнительною ихъ незначительностью, особенно въ мирное время, а во-вторыхъ, неустанною энергіею руководителей нашихъ финансовъ (Вяземскаго, Гурьева, Канкрина), ихъ непрерывными стараніями осилить неблагопріятныя

обстоятельства, при которыхъ они должны заботиться о благоустроенiи государственнаго хозяйства. Мы видѣли выше, что Екатерина II оставляла по себѣ государственный долгъ всего лишь въ 215.000,000 рублей, сумму, совершенно незначительную, сравнительно съ тѣмъ, чтó она совершила. Наполеоновскiя войны вызвали увеличенiе государственнаго долга на миллiардъ рублей, и опять эту сумму нельзя назвать несоразмѣрною, ни сравнительно съ цѣлью, для которой миллiардъ былъ израсходованъ, ни сравнительно съ суммами, израсходоваными въ другихъ странахъ во время наполеоновскихъ войнъ. Въ Австрiи было израсходовано почти столько же, сколько въ Россiи, а въ Англiи даже слишкомъ въ пять разъ больше [1]). Если считать по суммамъ, на которыя увеличился государственный долгъ отъ 1817 года къ 1823 г., а потомъ при Канкринѣ, то оказывается, что со времени возстановленiя мира дефицитъ составлялъ среднимъ числомъ въ годъ: при Гурьевѣ около 24.000,000, при Канкринѣ по 30.000,000 руб. асигн. или 9.141,000 руб. серебромъ. Дефицитъ въ предѣлахъ 9 миллiоновъ рублей, конечно, не былъ непомѣрно большой, а значенiе его еще ослаблялось тѣмъ, что его едва-ли подозрѣвали (кромѣ, разумѣется, самого министра и его ближайшихъ довѣренныхъ лицъ). Канкринъ обладалъ замѣчательнымъ искусствомъ дѣлать дефициты невидимыми и представлять финансы въ блестящемъ положенiи. Самъ онъ всегда изображалъ неприступную крѣпость, окружавшую финансы и побѣдоносно яко-бы выдерживавшую всѣ нападенiя. При немъ и послѣ него всего громче были толки о его строгости и непреклонной экономiи, о томъ, какъ трудно получить его согласiе на новые расходы, какъ онъ отказывалъ въ этомъ даже государю. Если во всемъ этомъ было много ходульнаго и „ложно-величаваго", то практическая польза отъ канкриновской „манеры" все-таки была не малая: въ той мѣрѣ, въ которой все человѣческое зависитъ отъ настроенiя, наши финансы были въ порядкѣ, хотя бы и потому только, что въ этотъ порядокъ слѣпо вѣрили.

Съ уходомъ Канкрина коренным образомъ измѣнились и объективныя, и субъективныя условiя положенiя русскихъ финансовъ. Ближайшiе два преемника Канкрина, Вронченко и Брокъ, всего менѣе выдерживаютъ какое бы то ни было, даже самое снисходительное, сравненiе, по способностямъ, государственному образованiю и широтѣ пониманiя, съ такими руководителями фи-

[1]) Въ Австрiи около 1,106 милл. рублей, а въ Англiи 5,226 4/5 миллiона рублей; Hauer, Gesch. der oesterr. Fin. стр. 163 и 210—211; Ret. on publ. inc. and exp. II, 707.

нансовъ, какими были Вяземскій, Гурьевъ и Канкринъ; что же касается А. М. Княжевича и М. Х. Рейтерна (въ первую половину его руководительства финансами), то обстоятельства видимо были сильнѣе ихъ, и скорѣе теченіе ихъ увлекало за собою, чѣмъ они въ состояніи были указывать ему направленіе. Но на долю М. Х. Рейтерна выпало—дождаться и такого момента, когда онъ, наконецъ, осилилъ задачу, которой рѣшеніе сначала ему не давалось, и онъ могъ выйти побѣдителемъ изъ трудной борьбы.

Какъ великъ былъ итогъ дефицитовъ за весь періодъ, къ разсмотрѣнію котораго мы теперь приступаемъ, видно изъ слѣдующихъ данныхъ [1]). Въ 28 лѣтъ съ 1843 года по 1870 г. составляли:

всѣ государственные расходы	9.356.382,131	рублей
„ обыкновенные доходы	7.854.275,543	„
слѣдовательно, итогъ дефицитовъ	1.502.106,588	рублей
среднимъ числомъ, ежегодно	53.646,664	„

Всего удобнѣе періодъ 1843—70 годовъ разлагается на три части: на 9 лѣтъ съ 1843 до 1851 года, когда итогъ дефицитовъ составлялъ 330.527,114 рублей, на десятилѣтіе 1852—1861 годовъ, съ итогомъ дефицитовъ въ 848.970,257 рублей, и на 9 лѣтъ съ 1862 по 1870 годъ съ итогомъ дефицитовъ въ 312.609,217 рублей.

Въ составъ этихъ суммъ входятъ значительные чрезвычайные расходы: на венгерскую кампанію, на крымскую войну и на подавленіе польскаго возстанія 1863 года. Очевидно, что расходы эти должны быть выдѣлены, для правильнаго сужденія о томъ, въ какой мѣрѣ экстраординарные рессурсы требовались соотвѣтственно ихъ назначенію, и въ какой мѣрѣ нужда въ нихъ обусловливалась только финансовымъ неустройствомъ. Къ сожалѣнію, прямыхъ данныхъ о размѣрѣ чрезвычайныхъ расходовъ по каждой изъ названныхъ трехъ кампаній не существуетъ. Приходится, поэтому, обратиться къ косвенному способу приблизительнаго ихъ

---

[1]) Такъ какъ разработанные государственнымъ контролемъ и напечатанные въ Статист. Времен. 1866 года таблицы оканчиваются 1861 годамъ, а отчеты государственнаго контроля начинаются съ 1866 года, то въ нашей финансовой статистикѣ существуетъ пробѣлъ за 1862—5 годы. Этотъ пробѣлъ нами пополненъ разработкою финансовыхъ отчетовъ за недостающіе годы на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ составлены таблицы Временника 1866 года. Въ дополненіе послѣднихъ наши таблицы будутъ напечатаны въ другомъ мѣстѣ; въ настоящей же статьѣ мы пользовались лишь ихъ главнѣйшими результатами.

исчисленія по одному изъ методовъ, употребляемыхъ въ подобныхъ случаяхъ въ наукѣ и администраціи. Наилучшимъ намъ кажется методъ, принятый въ Англіи [1]); существо этого метода всего понятнѣе будетъ по одному изъ вычисленій. Въ теченіе трехъ лѣтъ предъ венгерскою кампаніею военные расходы Россіи составляли 220.808,345 р., а отъ одного трехлѣтія къ другому они возрастали на 7%. По этой прогрессіи расходы должны были бы въ 1848—50 годахъ составить 237.363,596 руб.; на дѣлѣ же они были 302.691,720 рублей или болѣе противъ принятой мирной нормы на 65.328,124 рубл. Въ эти-то 65.328,124 руб. мы и примемъ стоимость венгерской кампаніи, за неимѣніемъ прямыхъ о ней указаній. По такому же исчисленію стоимость крымской войны опредѣляется въ 528.225,010 руб., а расходы подавленія польскаго возстанія 1863 года опредѣляются въ 71.701,457 рублей. Для этихъ исчисленій мы приняли во вниманіе не только военное и морское, но и остальныя вѣдомства, расходы которыхъ возрастаютъ отъ войны. Поэтому позволительно думать, что исчисленныя нами суммы во всякомъ случаѣ не уступаютъ въ точности подобнымъ же разсчетамъ, которые дѣлались для опредѣленія стоимости войнъ другихъ странъ. Необходимость-же подобной оговорки въ настоящемъ случаѣ вызывается тѣмъ, что полученныя нами суммы чрезвычайныхъ расходовъ на венгерскую, крымскую и польскую кампаніи оказываются гораздо болѣе умѣренными, чѣмъ принято думать, главнымъ образомъ, съ голоса иностранныхъ публицистовъ, въ свое время производившихъ большую сенсацію совершенно произвольными предположеніями о громадности означенныхъ расходовъ. Особенно большую сенсацію въ свое время производили различныя иностранныя догадки о томъ, во сколько обошлась Россіи крымская война [2]). Даже такой осторожный писатель, какъ Леруа Болье, считаетъ, что крымская война стоила Россіи 796.000,000 руб. (3,183 милл. франковъ). Но подобную цифру, буквально, нѣтъ никакой возможности принять. Весь итогъ военно-морскихъ расходовъ въ пятилѣтіе съ 1853 по 1857 годъ составлялъ 975½ милліоновъ рублей; очевидно, что если изъ нихъ 796 милліоновъ выражаютъ стоимость крымской войны, то остается 179½ милл.

---

[1]) Въ большомъ сводномъ финансовомъ отчетѣ о государственныхъ доходахъ и расходахъ Англіи съ 1688 по 1868 годъ (составленномъ по порученію Гладстона на основаніи громаднаго матеріала, котораго разработка потребовала десять лѣтъ)—посредствомъ этого метода вычислена стоимость всѣхъ войнъ, веденныхъ Англіею съ 1688 по 1868 годъ; см. т. II, стр. 707—709.

[2]) Léon Faucher, Mélanges d'écon. pol. et des finances, I, 299.

рублей, какъ сумма, которая была-бы израсходована въ Россіи въ пять лѣтъ на войско и флотъ, еслибы войны не было: абсурдъ очевидный, потому что ежегодный мирный военно-морской бюджетъ предъ крымскою войною былъ на 36.000,000 р. или почти втрое больше [1]).

Итакъ, изъ общаго итога дефицитовъ 28-лѣтняго періода съ 1843 по 1870 годъ въ 1,502 милліона рублей приходится на чрезвычайные расходы 675.254,591 руб. Слѣдовательно, по обыкновеннымъ расходамъ дефициты составляли 826.851,997 рублей. Сумма эта слѣдующимъ образомъ распредѣляется между частями, на которыя мы раздѣлили періодъ 1843—1870. На девять лѣтъ съ 1843 по 1851 приходится хроническій средній ежегодный дефицитъ по обыкновеннымъ расходамъ въ 29.466,555 руб. Въ десятилѣтіе 1852—61 онъ увеличился до 31.074,525 руб. Въ пятилѣтіе съ 1862 по 1866 годъ онъ еще болѣе возросъ до 39.005,090 рублей; только въ послѣдніе четыре года всего періода, съ 1867 по 1870 годъ, М. X. Рейтернъ началъ уже овладѣвать этимъ грознымъ явленіемъ, и средняя ежегодная цифра дефицита сократилась до 11.470,577 рублей. Всего тяжелѣе было положеніе М. X. Рейтерна, на долю котораго пришлось какъ разъ тогда, когда онъ сталъ во главѣ финансоваго управленія, попасть въ самый разгаръ движенія дефицитовъ, дѣйствительно увеличивавшихся подобно лавинѣ (въ 1866 году дефицитъ по обыкновеннымъ расходамъ достигъ 56.871,846 рублей). Тѣмъ безспорнѣе заслуга его въ исторіи русскихъ финансовъ уже за одно то, что онъ въ состояніи былъ овладѣть этимъ движеніемъ и остановить его.

Обратимся теперь къ даннымъ о государственныхъ долгахъ, послужившихъ для покрытія вышеисчисленныхъ дефицитовъ по чрезвычайнымъ и обыкновеннымъ расходамъ. Въ первую часть разсматриваемаго періода, съ 1843 по 1851 годъ, мы имѣемъ рабскую копію съ канкриновской „манеры“. Общая сумма дефицитовъ составляла 330.527,114 рублей; но лишь для покрытія

---

[1]) Paul Leroy-Beaulieu, Les guerres contemporaines. p. 118; тамъ же, p. 181, вся стоимость крымской войны для всѣхъ участвовавшихъ въ ней государствъ — опредѣляется въ 8½ миллъярдовъ франковъ или 2,125 милліоновъ рублей. Это тоже преувеличено. По нашимъ розысканіямъ война эта стоила Англіи, Франціи, Піемонту и Турціи 3,835 милліоновъ франковъ или 959 милліоновъ рублей, а полагая еще 600 милліоновъ франковъ или 150 милліоновъ рублей на тогдашнія вооруженія Австріи и Германіи, всего война стоила иностраннымъ государствамъ 4,435 милліоновъ франковъ, или 1,110 милліоновъ рублей; съ присоединеніемъ расходовъ Россіи 2,153 милл. франковъ или 538¼ милліоновъ рублей, вся стоимость крымской войны опредѣляется (круглою суммою) въ 6,600 милліоновъ франковъ, или 1.650.000,000 рублей.

самой незначительной части этой суммы послужили консолидованные займы. Ихъ было заключено: три четырехпроцентныхъ и одинъ $4^1/_2$ процентный, всего на 68.575,200 руб., доставившихъ государственному казначейству 62.338,000 рублей. Сумма процентовъ по этимъ займамъ составляла 2.915,750 рублей, слѣдовательно въ общей сложности взамѣнъ 4 р. 30 к. годовыхъ процентовъ государственное казначейство получало капитала 90 р. 90 к., что соотвѣтствуетъ реализаціи $5^0/_0$ займа по 105 р. 69 к. за сто рублей,—условія, отличныя, вполнѣ достаточныя для поддержанія блеска казоваго конца, наглядно показывающія, что оригиналъ весьма нетрудно было воспроизвести въ очень точной копіи, даже безъ геніальности. Съ другого (не казоваго) конца видны: позаимствованія у казенныхъ банковъ (за вычетомъ возвратовъ) на сумму 176.397,812 руб. и у погашенія долговъ на 23.025,119 руб., сверхъ того новыхъ серій выпущено на 42.000,000 руб. Если сложить всѣ эти суммы чрезвычайныхъ рессурсовъ, то получается еще только 303.760,931 руб. или меньше, чѣмъ требовалось, на 26.766,185 руб. Не трудно найти источникъ, изъ котораго эта сумма была получена. Въ данныхъ государственнаго контроля показано, что для покрытія дефицитовъ 1843—51 гг. займы дали 89.104,185 руб., между тѣмъ, новые займы, заключенные въ 1843—51 гг., дали только 62.338,000 р., какъ мы и считали, или менѣе на тѣ же 26.766,185 руб. Очевидно, что если ихъ не дали новые займы, то они должны были существовать, какъ остатки отъ старыхъ займовъ. Выше же мы дѣйствительно видѣли, что отъ займовъ Канкрина оставалось свыше 40.000,000 руб., изъ которыхъ были образованы его „особо-отложенные“ капиталы. Оказывается, слѣдовательно, что наслѣдіе, оставленное Канкринымъ, тоже послужило въ значительной степени для покрытія дефицитовъ по обыкновеннымъ расходамъ.

Къ концу разсмотрѣннаго девятилѣтія или наканунѣ крымской войны, государственный долгъ слагался: изъ остатковъ двухъ голландскихъ займовъ на 30.003,225 р. и займовъ $6^0/_0$, $5^0/_0$, $4^1/_2{}^0/_0$ и $4^0/_0$ на 258.181,476 рублей или всего консолидованныхъ займовъ 297.184,700 рублей. Неотвержденныхъ долговъ было: по бумажнымъ деньгамъ 170.221,803 р., по позаимствованіямъ у казенныхъ банковъ 291.507,861 и у погашенія долговъ 47.781,945 рублей, наконецъ, серій было въ обращеніи на 57.000,000 рублей; слѣдовательно всего 566.511,609 руб. Общій итогъ всего государственнаго долга составлялъ 863.696,309 рублей. Неотвержденная часть составляла уже три четверти госу-

дарственнаго долга, а весь его итогъ, со времени ухода Канкрина, въ 9 лѣтъ увеличился почти на половину.

Отъ одного обвиненія, однако, ближайшій преемникъ Канкрина долженъ быть очищенъ. Неоднократно писали, будто очень скоро послѣ обмѣна ассигнацій на кредитные билеты, на послѣдніе будто бы немедленно набросились, какъ на новый финансовый рессурсъ. Это положительно сплетня, лишенная всякихъ основаній. Въ данныхъ государственнаго контроля подъ 1849 и 1850 годами встрѣчаются двѣ суммы въ 3.000,000 и 1.000,000 руб., позаимствованныя у экспедиціи кредитныхъ билетовъ, но эти двѣ суммы (и сами по себѣ не значительныя) могутъ имѣть лишь значеніе кассоваго оборота, то-есть, суммъ, которыя еще въ предѣлахъ отчетнаго года уравновѣшиваются въ приходѣ и расходѣ. Это ясно видно изъ данныхъ о кредитныхъ билетахъ, состоявшихъ въ обращеніи, и о размѣнномъ фондѣ, ихъ обезпечивавшемъ. Вплоть до 1853 г. цифра кредитныхъ билетовъ, не обезпеченныхъ звонкою монетою размѣннаго фонда, всегда была меньше, а не больше суммы 170.221,803 руб., на которую кредитные билеты замѣнили ассигнаціи [1]). Разность по закону должна была бы составлять одну шестую часть означенной суммы или 28.370,300 руб., которые обѣщано было положить въ размѣнный фондъ (не покрытыхъ звонкою монетою кредитныхъ билетовъ въ такомъ случаѣ никогда не должно было быть больше 141.851,503 рублей). Но, во-первыхъ, и обѣщаніе въ манифестѣ 1843 года дано было условно: если обстоятельства потребуютъ его исполненія; для начала же положено было дать изъ казны звонкой монеты для размѣннаго фонда только 14 милл. рублей, слѣдовательно $^1/_{12}$ часть суммы кредитныхъ билетовъ, обращавшихся за счетъ казначейства; во-вторыхъ, и эти 14 милліоновъ практически были безполезны и двѣ трети ихъ скоро взяты обратно, такъ что въ размѣнномъ фондѣ суммъ государственнаго казначейства до 1853 года никогда не было больше $5^1/_2$ милл. рублей; остальныя же суммы принадлежали публикѣ, которая ихъ внесла сначала за депозитные билеты а потомъ за кредитные билеты.

Любопытный эпизодъ исторіи государственнаго кредита въ сороковыхъ годахъ связанъ съ серіями (билетами государственнаго казначейства). Канкринъ выпустилъ ихъ: въ 1831 году на 30 милл. руб. ассигн. (8,571,428 р. сер.), въ 1834 еще на 40 мил. руб. ассигн. (11.428,572 р. сереб.) и въ 1841 году на 12 милл. руб. серебромъ, всего на 32.000,000 руб. сер.;

---

[1]) См. таблицу въ нашей статьѣ: Das Bankwesen in Russland, стр. 457.

изъ нихъ онъ погасилъ въ 1836 году только незначительную часть въ 10 милліоновъ рублей ассигнаціями или 2.857,143 руб. серебромъ, оставивъ по себѣ наслѣдіе въ 29.149,857 руб. сер. Затѣмъ въ 1844 году погашено было еще 8.704,286 руб. сер. (30 милл. руб. ассиг.) и въ 1847 году на 2.428,571 руб. сер. Въ связи съ этими-то погашеніями въ 1847 году возникъ вопросъ о томъ, что серіи, въ противность своему назначенію, совсѣмъ не служатъ государственному казначейству временнымъ преходящимъ рессурсомъ, а превратились въ подобіе долгосрочныхъ займовъ. Поэтому финансовый комитетъ въ 1847 году предложилъ Вронченко „принять мѣры къ постепенному изъятію сихъ билетовъ посредствомъ значительнаго фонда погашенія или консолидаціею билетовъ по частямъ“ [1]). Вронченко, однако, „встрѣтилъ къ осуществленію сей мѣры совершенную невозможность“, ссылаясь на два обстоятельства: погасительный фондъ составить не изъ чего, а для консолидаціи пришлось-бы прибѣгнуть къ принужденію, чѣмъ поколеблено было бы довѣріе къ билетамъ. Аргументы—комическіе, но они-то и характеризуютъ уровень понятій Вронченко, какъ руководителя финансовъ. Кончилось тѣмъ, что въ 1847—50 годахъ выпущено новыхъ билетовъ на 42 милліона рублей, а въ 1851 году погашено и изъято на 3 милліона рублей. Такимъ образомъ, со времени созданія серій до начала пятидесятыхъ годовъ всѣхъ билетовъ казначейства было выпущено въ обращеніе на 74.000,000 рублей, а погашеніемъ изъято ихъ изъ обращенія на 17.000,000 рублей, такъ что ихъ осталось въ составѣ государственнаго долга на 57.000,000 рублей. Съ того времени количество ихъ только увеличивалось, а старыя серіи съ истекшимъ восьмилѣтнимъ срокомъ, на который онѣ выпускались, обмѣнивались на новыя; уменьшенія же ихъ суммы посредствомъ погашенія уже не было.

V.

Переходя къ десятилѣтію 1852—61, мы сначала разсмотримъ ту его часть, на которую приходятся чрезвычайные расходы по крымской войнѣ. Въ 1852—1857 годахъ общій итогъ государственныхъ расходовъ составилъ 2.470,294,171 рубль, при суммѣ обыкновенныхъ доходовъ въ 1.697,803,358 рублей, слѣдовательно, дефициты составили 772.490,813 рублей. Если, однако, принять

---

[1]) Ежегод. мин. фин. IV, 168—169.

въ соображеніе, что при этомъ превышеніе „возвратныхъ“ расходовъ надъ „возвратными“ же доходами входитъ въ итогъ дефицитовъ суммою въ 10.361,829 рублей, то дѣйствительный итогъ дефицитовъ опредѣляется точнѣе въ 762.128,984 рублей. Очень вѣроятно, что и эта сумма преувеличена, и даже сильно, неумѣренными требованіями, впередъ, всѣхъ ассигнованныхъ кредитовъ, которымъ дѣйствительные расходы далеко не соотвѣтствовали: на такую догадку наводятъ нѣкоторыя обстоятельства и нравы того времени. Во всякомъ случаѣ, для покрытія дефицита въ 762,128,984 руб. были изысканы рессурсы сполна Изъ нихъ, по обычаю, наименьшая часть состояла въ займахъ. Въ 1854 и 1855 годахъ реализованы пятый и шестой 5% займы на 100.000,000 руб., доставившихъ государственному казначейству 90.560,000 руб. и сверхъ того 1.804,706 руб. взяты изъ остатковъ отъ канкриновскихъ займовъ; такимъ образомъ, всего займы могли доставить 92.364,275 рублей. У казенныхъ банковъ было позаимствовано 218.389,511 рублей, и у погашенія долговъ 12.308,197 руб. Новыхъ серій выпущено на 36.000,000 рублей. Всего перечисленные рессурсы дали 359.061,984 р., то-есть, сумму такую, какая въ столь короткій срокъ никогда посредствомъ ихъ не могла быть добыта, а между тѣмъ, она не составляла еще и половины того, что было нужно. Недоставало еще 403.067,000 руб. Въ этой-то крайности волей-неволей пришлось обратиться къ выпуску кредитныхъ билетовъ.

Къ 1853 году кредитныхъ билетовъ обращалось на 311.375,581 руб. при размѣнномъ фондѣ въ 146.798,848 рублей; слѣдовательно, не обезпеченныхъ звонкою монетою билетовъ было лишь 164.580,733 рубля. Другими словами, изъ тѣхъ 170.221,803 руб., которые были выпущены взамѣнъ ассигнацій, звонкою монетою было обезпечено около $^{1}/_{31}$ части, на сумму 5.441,070, которые въ размѣнномъ фондѣ принадлежали государственному казначейству; остальная-же часть фонда на 141.353,778 р. принадлежала частнымъ лицамъ, внесшимъ звонкую монету въ обмѣнъ за взятые ими кредитные билеты.

Къ концу 1857 года кредитныхъ билетовъ уже находилось въ обращеніи на 735.297,006 рублей при размѣнномъ фондѣ въ 141.460,771 рубль. Количество кредитныхъ билетовъ увеличилось на 423.921,425 руб., а размѣнный фондъ уменьшился на 5.334,077 рублей, количество билетовъ, необезпеченныхъ звонкою монетою, увеличилось на 429.255,502 рубля. Правительство не только взяло обратно изъ размѣннаго фонда всю, принадлежащую ему, часть звонкой монеты: она была незначительна

и это не имѣло-бы никакого значенія; но въ то же время начались ограниченія по возврату публикѣ внесенной ею за кредитные билеты звонкой монеты: размѣнъ билетовъ сталъ допускаться только по особымъ административнымъ распоряженіямъ.

Такимъ образомъ, непосредственно послѣ крымской войны (къ началу 1858 г.), состояніе государственнаго долга не очень существенно измѣнилось въ его консолидированной части: остатки отъ займовъ голландскихъ составляли 24.868,725 рублей, отъ займовъ шестипроцентныхъ 74.001,002 рубля, отъ пятипроцентныхъ 187.879,080 рублей, отъ 4½-процентныхъ 29.734,672 руб. и отъ четырехпроцентныхъ 47.342,500 рублей, а всего 363.825,979 рублей. Но неотвержденные государственные долги достигли громадной высоты: долгъ за кредитные билеты и за иммобилизированный ихъ размѣнный фондъ составлялъ 735.297,006 руб. [1]), долгъ за позаимствованія у казенныхъ банковъ возвысился до 509.897,372 рубля, долгъ за позаимствованія изъ суммъ на погашеніе процентныхъ займовъ достигъ 60.090,142 рублей и, наконецъ, долгъ по серіямъ составлялъ 90.000,000 рублей; вмѣстѣ-же эта категорія долговъ достигла 1.395.284,520 рублей. Общая сумма всего государственнаго долга была 1.759.110,499 р.

VI.

Государственный долгъ въ 1,759 милліоновъ рублей былъ значительный, но не выходившій изъ предѣловъ суммъ, въ которыхъ уже привыкли къ государственнымъ долгамъ. Совершенно иное явленіе представляла не отвержденная часть тогдашняго государственнаго долга: въ суммѣ почти 1,400 милліоновъ рублей она была единственное явленіе въ своемъ родѣ, подобія кото-

---

1) У насъ принято при исчисленіи государственныхъ долговъ принимать кредитные билеты не во всей ихъ суммѣ, а за вычетомъ размѣннаго фонда. Это было-бы правильно, еслибъ размѣнный фондъ былъ свободенъ, то-есть, еслибъ кредитные билеты были размѣнны. При неразмѣнности-же противупоставленіе размѣннаго фонда кредитнымъ билетамъ имѣетъ лишь бухгалтерское значеніе противупоставленія актива пассиву. Но и при такомъ противупоставленіи ошибочно брать пассивъ не во всей его суммѣ, а уже за вычетомъ актива; еще ошибочнѣе забывать, что вслѣдствіе неразмѣнности кредитныхъ билетовъ, размѣнный фондъ сталъ самъ предметомъ государственнаго долга: неразмѣнность только означаетъ, что находящаяся въ фондѣ монета, которая въ него поступила отъ владѣльцевъ кредитныхъ билетовъ и имъ принадлежитъ, задержана и исполненіе обязательства возврата ея по востребованію пріостановлено.

рому не только въ то время, но и никогда на пространствѣ всей финансовой исторіи нигдѣ не было видно.

Такое явленіе можно было создать, но не поддерживать, сколько-нибудь, претендуя на хотя бы лишь внѣшній порядокъ въ государственномъ хозяйствѣ. Это весьма наглядно обнаружилось немедленно по окончаніи войны.

Главныя двѣ части неотвержденнаго государственнаго долга составляли кредитные билеты и позаимствованія изъ вкладовъ казенныхъ банковъ. По первымъ на правительствѣ лежало обязательство ихъ размѣна на звонкую монету, а по вторымъ—обязательство возврата довѣренныхъ банкамъ суммъ немедленно по ихъ востребованію вкладчиками.

Невозможность поддерживать размѣнъ кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ на громадную сумму свыше 735 милліоновъ руб., не могла, конечно, возбуждать никакого сомнѣнія. Къ этому обстоятельству тогда и не относились безразлично. Привычка, которая продолжается уже десятки лѣтъ, притупила наше современное чувство и мы проходимъ мимо факта неразмѣнности съ совершеннымъ равнодушіемъ. Но тогда обращеніе звонкой монеты еще было у всѣхъ передъ глазами, и относиться спокойно къ предстоявшему ея исчезновенію еще не умѣли: страхъ этого исчезновенія вызывалъ ту боль, какую чувствуетъ должникъ, ожидающій, что вотъ-вотъ явится кредиторъ и ему придется заявить, что исполненіе обязательства невозможно. Съ какою остротою боль тогда чувствовалась, ясно характеризуется особенно двумя фактами: во-первыхъ, размѣнъ кредитныхъ билетовъ не былъ пріостановленъ гласнымъ распоряженіемъ, и, во-вторыхъ, немедленно по окончаніи войны возникла забота объ изъятіи изъ обращенія хоть части кредитныхъ билетовъ. Никакого спора объ этомъ предметѣ тогда не было; для всѣхъ, консерваторовъ и либераловъ, стояло выше всякаго сомнѣнія, что для возстановленія размѣна кредитныхъ билетовъ „что-нибудь“ должно быть сдѣлано, хотя едва ли многіе (или даже не многіе) хорошо знали, что именно должно быть сдѣлано. Выраженіемъ этого-то настроенія и явился особый указъ въ началѣ 1858 года, которымъ повелѣно было изъять изъ обращенія на 60.000,000 рублей кредитныхъ билетовъ. Повелѣніе это исполнено съ особенною энергіею: въ 1858 году цифра кредитныхъ билетовъ уменьшилась не только на 60.000,000 рублей, о которыхъ говорилось въ указѣ, и на которые уменьшилась часть билетовъ, выпущенныхъ за счетъ государственнаго казначейства, но сверхъ того, съ помощью средствъ размѣннаго фонда изъято изъ обращенія и уничтожено еще на

30.650,288 руб., такъ что всего цифра кредитныхъ билетовъ въ 1858 году уменьшилась на 90.650,288 р. Однако, этому уменьшенію едва-ли тогда придавали много значенія. Напротивъ, всѣ понимали, что труднѣйшая часть задачи еще впереди и критеріемъ для сужденія о талантливости руководителя финансовъ, главнымъ образомъ, служили предположенія о томъ, готовъ и способенъ ли онъ поскорѣе взяться за возстановленіе размѣна кредитныхъ билетовъ?

Прежде, однако, чѣмъ приступать къ возстановленію размѣна, необходимо еще было повѣдаться съ другимъ вопросомъ; какъ примирить безсрочность банковыхъ вкладовъ съ позаимствованіемъ изъ нихъ для нуждъ казны суммы, перешедшей за черту полумилліарда рублей? Что государственное казначейство именно громадностью этой суммы поставлено было въ невозможность оказать банкамъ сколько-нибудь значительную помощь въ случаѣ усиленнаго востребованія вкладовъ, въ этомъ, конечно, не могло быть никакого сомнѣнія. Замѣчательно, однако, что объ этомъ совсѣмъ и не безпокоились; очень тяготились только 4%, которые уплачивались вкладчикамъ. Совершенно было забыто, что эти 4% составляли единственную, хотя далеко недостаточную, приманку, которою вклады удерживались въ банкахъ. И вотъ въ видахъ облегченія государственнаго казначейства въ расходахъ на уплату процентовъ вкладчикамъ, задумано было понизить эти проценты. Въ настоящее время вошло въ моду навязывать это пониженіе „либеральному повороту" въ настроеніи правительственныхъ круговъ послѣ крымской войны. Это, однако, совершеннѣйшій вздоръ, который очень легко расточать передъ невѣжественною частью публики, но который становится совершенно очевиднымъ отъ простого его сопоставленія съ элементарными фактами нашей финансовой хронологіи. На дѣлѣ пониженіе банковыхъ процентовъ ничего общаго ни съ какимъ либерализмомъ не имѣло. Оно задумано было въ 1856 году реакціоннѣйшимъ министромъ финансовъ, Брокомъ, одновременно съ другими, тогда же имѣвшимися въ виду, далеко не либеральными, предположеніями: объ отдачѣ табачнаго дохода на откупъ, объ установленіи бандеролей на чай для охраны московско-кяхтинской монополіи и т. п. Что Брокъ, при всей реакціонности его финансоваго кругозора, не отличался дальновидностью, въ этомъ едва-ли можно винить либерализмъ. „Для устраненія ущерба для банковыхъ установленій отъ скопленія въ оныхъ весьма значительныхъ капиталовъ, равно съ цѣлью дать празднымъ (?) капиталамъ направленіе, болѣе соотвѣтственное пользамъ государства, указомъ 20 іюля 1857 года

повелѣно уменьшить банковые проценты": таковъ оффиціальный текстъ [1]). Что пониженіе процентовъ возъимѣло очень сильное дѣйствіе, конечно, совершенно естественно:—вкладчики не оказались расположенными довольствоваться 3% и предпочли массами востребовать обратно свои деньги. Конечно, и „поворотъ въ настроеніи" потомъ не мало усилилъ горячность этихъ востребованій. Но насколько дѣло касается „поворота", Н. Х. Бунге давно уже весьма справедливо замѣтилъ, что „поворотъ" оказалъ бы свое дѣйствіе, даже еслибы никакого пониженія процентовъ не произошло [2]). Въ самомъ дѣлѣ, разъ стали возникать толки объ упраздненіи крѣпостного права, дѣловой міръ не могъ вѣдь не истолковать ихъ въ смыслѣ наступающей зари нѣкоторой свободы и для него. Вѣдь закрѣпощенъ былъ въ пользу казны и помѣщиковъ не только трудъ, но и капиталъ. Система Екатерининскихъ казенныхъ банковъ, особенно въ томъ видѣ, какъ она была усовершенствована Канкринымъ, только то значеніе и имѣла, что она была превосходно приспособлена къ особенностямъ русскаго государственнаго и народнаго хозяйства: казенные банки были искусственными органами для закрѣпощенія капитала,—для принужденія его служить главнѣйшимъ образомъ, даже почти исключительно, нуждамъ казны и помѣщиковъ. Это свое назначеніе они исполняли очень хорошо, пока подъ ними была прочная почва: пока крѣпостное право стояло незыблемо. Но разъ это основаніе начало расшатываться, банки неминуемо должны были рухнуть. И рухнуть они должны были съ тѣмъ бóльшимъ трескомъ, чѣмъ крупнѣе были размѣры зданія, возведеннаго на почвѣ, которая пришла въ сильное и внезапное движеніе. Размѣры же эти были громадны. Мы видѣли, что уже въ началѣ сороковыхъ годовъ сумма банковыхъ вкладовъ составляла 571.000,000 рублей серебромъ (1998½ милліоновъ рублей ассигнаціями). Въ концѣ 1849 года ихъ было 699.43 милл. рублей сереб.; наканунѣ крымской войны, въ концѣ 1852 года, они составляли 792.72 милліоновъ рублей; а въ 1857 году сумма ихъ перешла за миліардъ рублей. Изъ этой суммы больше половины было за казною, а помѣщикамъ въ долгосрочныя ссуды было роздано около 430 милліоновъ рублей; остальное составляло кассовую наличность банковъ. Помѣщики, конечно, могли совсѣмъ не безпокоиться о судьбѣ вкладовъ; оттого вся тяжесть востребованій, пре-

[1]) Отч. госуд. кред. установ. за 1858 годъ.

[2]) Примѣч. къ переводу соч. Вагнера о рус. бум. деньгахъ, стр. 159.

вшавшихъ наличность, всегда должна была неминуемо пасть на государственное казначейство (какъ въ 1812 и 1836 годахъ).

Хотя случившаяся въ 1857—59 годахъ катастрофа крушенія казенныхъ банковъ, вслѣдствіе усиленнаго востребованія вкладовъ изъ нихъ, имѣла громадное значеніе для финансоваго положенія всего послѣдующаго десятилѣтія,—тѣмъ не менѣе о ней, о связанныхъ съ нею операціяхъ и ихъ соотношеніи съ общими бюджетными условіями, мы имѣемъ самыя неудовлетворительныя данныя, разбросанныя по разнымъ источникамъ, несогласованныя, часто неполныя. Мы вынуждены поэтому послѣдующему изложенію о банковомъ кризисѣ предпослать общее замѣчаніе, что совершенно точно выяснить весь ходъ дѣла мы не въ состояніи; мы можемъ дать лишь гипотетическую группировку опубликованныхъ въ разное время данныхъ, какъ попытку, сколько-нибудь ихъ связать и согласовать.

Въ 1858—61 годахъ государственные расходы превысили доходы на 86.841,270 рублей, хотя въ это время приняты были всевозможныя мѣры для сокращенія расходовъ. Ближе присматриваясь къ бюджетнымъ даннымъ, мы замѣчаемъ, что, главнымъ образомъ, въ это время сильно возрасли платежи по долгамъ и притомъ въ такой пропорціи, которая совсѣмъ не соотвѣтствуетъ увеличенію расходовъ отъ заключенныхъ новыхъ займовъ. Изъ этого мы выводимъ, что цифра расходовъ этого періода значительною долею должна содержать, между прочимъ, и затраты правительства на помощь банкамъ во время постигшаго ихъ кризиса. Но точной цифры этой помощи мы не знаемъ и ниже намъ придется ее вычислить косвеннымъ путемъ. Пока ограничимся указаніемъ рессурсовъ, изъ которыхъ былъ покрытъ приведенный дефицитъ въ 86.841,270 рублей. Эти рессурсы состояли: въ суммѣ спеціальныхъ капиталовъ на 22.497,547 рублей, въ позаимствованіи у банковъ 11.497,797 рублей (оно, конечно, могло быть сдѣлано прежде наступленія кризиса), во взятыхъ изъ погасительныхъ фондовъ 2.212,693 рубляхъ, въ выпускѣ новыхъ серій на 15.000,000 рублей и въ суммѣ отъ новыхъ займовъ на 35.633,233 рубля. Новыхъ займовъ было заключено два: трех-процентный въ 1859 году и второй $4^1/_2$-процентный 1860 года. Оба потерпѣли нѣкоторую неудачу: ихъ не оказалось возможнымъ реализовать на всю сумму, на которую ихъ предполагалось выпустить. Возможно было заключить оба займа лишь на нарицательную сумму 84.866,400 р., а государственное казначейство отъ нихъ получило 65.033,400 руб. или въ общей сложности по 76.63 за сто. Такъ какъ нарицательный процентъ въ сложности по обоимъ зай-

мамъ составлялъ 3,72%, то условія ихъ соотвѣтствовали реализаціи 5% займа по 103 за сто. Изъ 65.033,400 руб., полученныхъ отъ займовъ 1859 и 1860 годовъ, собственно на дефициты 1858—61 годовъ требовалось 35.633,233 руб. и, какъ мы ниже увидимъ, на дефицитъ 1862 года употреблено 14.757,500 рублей. Слѣдовательно, отъ нихъ еще оставалась свободная часть въ 14.642,697 рублей.

Къ тому времени, когда надъ казенными банками разразилась катастрофа, то-есть, къ 1858 году, общій итогъ вкладовъ въ нихъ составлялъ 1.012.871,172 рубля [1]). Изъ нихъ для нуждъ казны было израсходовано 521.395,159 руб., а за частными заемщиками состояло 427.448,206 руб [2]). Слѣдовательно, въ кассѣ могла оставаться въ свободномъ видѣ лишь часть въ 64.127,827 руб. Извѣстно, что востребованія вкладовъ происходили съ большою стремительностью и настойчивостью. Поэтому надобно думать, что сравнительно незначительная касса очень скоро была опустошена, и государственное казначейство должно было явиться на помощь банкамъ. О томъ, какъ велика была первая помощь, мы можемъ косвенно заключить по извѣстному факту, что къ моменту, когда выяснилось, что спасти банки уже нельзя и необходимо приступить къ ихъ ликвидаціи, долгъ казначейства за позаимствованія изъ вкладовъ составлялъ уже только 430.000,000 руб. Слѣдовательно, къ этому моменту банкамъ было возвращено 91.395,159 руб. Но изъ сдѣланнаго нами выше перечисленія чрезвычайныхъ рессурсовъ 1858—61 годовъ обнаружилось, что свободный остатокъ отъ нихъ составлялъ не болѣе 14.642,697 руб.; изъ этого мы заключаемъ, что остальные 76.752,662 рубля входятъ въ составъ бюджетныхъ расходовъ 1858—61 гг., и изъ-за нихъ-то, вѣроятно, произошло: какъ значительное увеличеніе платежей по долгамъ, о которомъ мы выше упоминали, такъ и значительное наростаніе дефицита до 86.841,270 руб. Пользуясь свѣденіями объ исполненіи росписей, мы можемъ подробно возстановить составъ 91.395,159 руб., которыми была оказана первая помощь банкамъ. Они образовались: изъ суммъ отъ трехпроцентнаго и 4½% займовъ на 50.390,903 руб., отъ новыхъ серій на 15.000,000 руб.., изъ спеціальныхъ капиталовъ на 12.293,766 руб. и изъ позаимствованій у банковъ-же до кризиса на 11.497,797 руб. и у погасительныхъ фондовъ 2.212,693 руб. Всѣ эти суммы исчезали съ ужасающей быстротой, и по-

---

[1]) Отч. госуд. кред. устан.

[2]) Журн. мин. внут. дѣлъ, февр. 1860 г.

этому, въ добавленіе къ нимъ, пришлось прибѣгнуть къ выпуску кредитныхъ билетовъ на 79.500,000 рублей. Такъ какъ и это не помогло, то никакого сомнѣнія уже не могло быть, что настал последній часъ казенныхъ банковъ. Оставалось только закрыть ихъ и приступить сначала къ консолидаціи вкладовъ, востребованіе которыхъ еще стояло на очереди, а затѣмъ и къ ликвидаціи банковъ. Въ видахъ консолидаціи вкладовъ, израсходованныхъ для нуждъ казны, выпущены были 4% непрерывно-доходные билеты на 146.984,787 руб. (до конца 1861 года) и вѣчные вклады на 288.477 руб., всего оба долга на 147.273,264 рубля, по которымъ срочные платежи взяло на себя государственное казначейство. Что же касается вкладовъ, розданныхъ въ ссуды частнымъ заемщикамъ, то изъ нихъ были консолидированы: въ банковыхъ билетахъ 1-го выпуска 277.532,250 руб. и въ 4% металическихъ билетахъ 36.000,000 руб., всего 313.532,250 рублей; слѣдовательно, изъ 427.448,206 руб., которые состояли за частными заемщиками, осталось еще не консолидированныхъ вкладовъ на 113.915,956 рублей. Сверхъ того, когда было приступлено къ ликвидаціи (она была возложена на учрежденный въ 1860 году государственный банкъ), то въ уплату долга казны бывшимъ кредитнымъ установленіямъ могли быть зачтены сумма казенныхъ вкладовъ на 14.188,503 руб. и еще „разныя“ суммы на 23.781,031 рубль [1]).

Такимъ образомъ, до конца 1861 года изъ казеннаго долга бывшимъ кредитнымъ установленіямъ было уплачено: бюджетными средствами 91.395,159 руб., выпускомъ кредитныхъ билетовъ 79.500,000 руб. и разными суммами 23.781,031 рубль, всего наличными деньгами 194.676,190 рублей. Кромѣ того, долгъ казны уменьшился еще отъ зачета суммъ: по 4% непрерывно-доходнымъ билетамъ, вѣчнымъ и казеннымъ вкладамъ на 161.461,767 рублей. Всего казна погасила изъ своего долга 356.137,957 рублей и отъ него оставалось еще 165.257,202 рубля. Присоединяя къ кассовой наличности, которою казенные банки располагали передъ кризисомъ въ размѣрѣ 64.127,827 руб., сумму отъ уменьшенія казеннаго долга на 356.137,957 рублей и сумму отъ консолидаціи изъ вкладовъ, розданныхъ частнымъ заемщикамъ, части въ 313.532,250 рублей, мы получаемъ итогъ вкладовъ, по которымъ къ 1862 году были окончены расчеты, въ 733.698,014 рублей. А такъ какъ всѣхъ вкладовъ было къ моменту кризиса 1.012.871,172 руб., то значитъ еще оста-

[1]) Бюджет. табл. госуд. контр и отчеты госуд. банка за 1860 и 1861 годы.

валась неразрѣшенная часть задачи, которая представлялась суммою въ 279.173,158 р. Сумма эта составляетъ итогъ долга, еще оставшагося за государственнымъ казначействомъ въ размѣрѣ 165.257,202 рубля и остававшейся неконсолидированною части вкладовъ изъ розданныхъ частнымъ заемщикамъ въ размѣрѣ 113.915,956 руб. На дѣлѣ, однако, къ 1 января 1862 года остатокъ невостребованныхъ вкладовъ составлялъ не 279.173,158 рублей, а лишь 181.678.171 рубль. Разность между этими двумя суммами въ 97.495,027 рублей выражаетъ новый государственный долгъ, въ это время возникшій. Въ видахъ содѣйствія болѣе скорому превращенію вкладовъ въ выпущенныя для того новыя бумаги, проценты по вкладамъ упраздненныхъ кредитныхъ установленій были во время кризиса понижены до 2%. Но между вкладами были и такія суммы, которыя составляли дѣйствительныя оборотныя средства дѣлового міра и не могли быть помѣщены въ бумагахъ. Эти-то вклады, избѣгая 2%, были востребованы, но немедленно опять обратно внесены въ ново-учрежденный тогда государственный банкъ, который уплачивалъ по своимъ вкладамъ 3%, 4% и 4½%. Такимъ образомъ, часть старыхъ вкладовъ превратилась въ новые вклады и они-то главнымъ образомъ вошли въ составъ вышеозначенныхъ 97.495,027 рублей. А такъ какъ эта сумма на дѣлѣ по прежнему оставалась въ долгу за государственнымъ казначействомъ и за частными заемщиками бывшихъ государственныхъ кредитныхъ установленій, то отсюда въ новомъ видѣ опять проявилась, въ видѣ новаго долга, та самая болячка, которая вызвала банковый кризисъ 1858 года: возникъ новый долгъ государственнаго казначейства за позаимствованія изъ вкладовъ, но уже не прежнихъ кредитныхъ установленій, а государственнаго банка. Этотъ-то новый долгъ на первыхъ порахъ даже совсѣмъ не былъ замѣченъ, потому что цѣлостнаго взгляда на всю совокупность подробностей кризиса совсѣмъ не было; только чрезъ нѣсколько лѣтъ новый долгъ былъ замѣченъ и оффиціально получилъ темное названіе „долга ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій". Какъ мы увидимъ, онъ игралъ, а отчасти и до сихъ поръ играетъ, довольно важную роль.

Вышеупомянутое показываетъ, что банковый кризисъ 1858 года произвелъ глубокія перемѣны въ составныхъ частяхъ государственнаго долга: однѣ уменьшились, другія увеличились. Состояніе государственнаго долга къ 1 января 1862 года даетъ намъ общій обзоръ этихъ перемѣнъ и вмѣстѣ показываетъ, въ какомъ положеніи засталъ государственный долгъ М. X. Рейтернъ, вступая въ управленіе финансами. Консолидированныхъ долговъ было

въ металлическихъ рубляхъ: по двумъ голландскимъ, по первому и шестому 5%-нымъ и по двумъ $4^1/_2$% займамъ 175.957,381 руб., или по курсу того времени 193.553,119 кредитныхъ рублей; сверхъ того въ кредитныхъ рубляхъ: по шестипроцентнымъ, первому, третьему, четвертому и пятому пятипроцентнымъ, по четырехпроцентнымъ займамъ и по 4% непрерывно-доходнымъ билетамъ 330.932,234 рубля. Всего консолидированныхъ долговъ, по которымъ проценты и погашеніе падали на государственную роспись, 524.485,353 руб.; на срочные же платежи частныхъ заемщиковъ бывшихъ кредитныхъ установленій падали проценты и погашеніе по двумъ консолидированнымъ долгамъ: по 5% банковымъ билетамъ 1-го выпуска и 4% металлическимъ билетамъ, всего на 314.317,600 кредитныхъ рублей; слѣдовательно, общій итогъ всѣхъ консолидированныхъ долговъ составлялъ 838.802,953 рубля. Неотвержденныхъ государственныхъ долговъ было: по кредитнымъ билетамъ 713.596,178 руб., по серіямъ 120.000,000 руб., по неуплаченному остатку позаимствованій изъ бывшихъ банковъ 165.257,202 рубля и по „долгу ликвидаціи изъ бывшихъ кредитныхъ установленій" 77.810,000 рублей, всего 1.076,663,380 рублей. Общій итогъ всѣхъ государственныхъ долговъ безъ тѣхъ, по которымъ проценты падали на платежи частныхъ заемщиковъ, составлялъ 1.601,148,733 рубля, а съ ними 1.915,445,333 рубля.

Сравнивая эти данныя съ данными наканунѣ кризиса, мы не можемъ не прійти къ заключенію, что достигнутый результатъ не соотвѣтствовалъ принесеннымъ жертвамъ. Неотвержденный государственный долгъ, правда, уменьшился на 328.201,763 руб., но это было лишь ровно столько, сколько принудила сдѣлать самая крайняя и непосредственная настоятельная необходимость, а не столько, сколько было нужно, еслибъ дѣйствовали по обдуманному плану. Плана вообще никакого не было, потому что безпокоились только о текущемъ днѣ. Оттого едва-ли даже и было представленіе о нерѣшенной части задачи.

VII.

Пятилѣтіе съ 1862 по 1866 годъ принадлежитъ къ числу самыхъ тяжелыхъ эпохъ, какія переживались русскими финансами въ XIX столѣтіи. Дефициты составляли: въ 1862 году 34.854,444 рубля, въ 1863 году 40.181,441 рубль, въ 1864 году 90.344,144 рубля, въ 1865 году 54.475,633 рубля и въ 1866 году 56.871,846

рублей. Такимъ образомъ, чрезвычайныхъ рессурсовъ требовалось на 276.726,908 рублей, какъ разъ послѣ тяжкаго кризиса общественнаго, торговаго и финансоваго,—въ теченіе переходнаго времени, когда населеніе еще должно было освоиться съ предоставленною ему свободою и всего менѣе могло исправно вносить подати, когда откупная система уступала мѣсто еще неиспытанному на опытѣ акцизу, когда главный способъ изворачиваться изъ затрудненій, позаимствованія изъ казенныхъ банковъ, сталъ источникомъ изсякшимъ. Въ такое тяжелое время было-бы естественно, еслибъ выпуски бумажныхъ денегъ опять стали играть видную роль. Извѣстно, однако, что объ этомъ не только не могло быть никакой рѣчи въ началѣ 1860-хъ годовъ, но, напротивъ, тогда ни для кого не было сомнѣній, что самый очередной вопросъ, который всего настоятельнѣе будто-бы требовалъ о себѣ заботы, былъ вопросъ о возстановленіи размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету. Строго говоря, это было похоже на то, какъ еслибъ человѣкъ, которому приходится довольствоваться дырявою обувью, полагалъ, что всего настоятельнѣе его потребность въ новомоднѣйшемъ цилиндрѣ. Но такое уже было настроеніе въ началѣ шестидесятыхъ годовъ: Австрія тогда „возстановляла валюту", и у насъ хотѣли того же самаго. Но въ то время, когда въ Австріи задача возстановленія была понята раціонально, какъ постепенная консолидація значительной части бумажно-денежнаго долга (она должна была закончиться къ 1866 году), у насъ подобное понятіе о задачѣ было невозможно, во-первыхъ, потому, что государственный кредитъ только-что пережилъ очень тяжелый кризисъ, а во-вторыхъ, еще и потому, что у насъ вообще не было терпѣнія для постепеннаго выполненія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ строго обдуманнаго плана. Оттого задача возстановленія размѣна у насъ оказалась чѣмъ-то въ родѣ каприза, котораго выполненіе прямо зависитъ не отъ естественныхъ причинъ и началъ, освященныхъ опытомъ и наукой, а отъ „таланта". И вотъ эта-то странная постановка дѣла повела за собою извѣстную попытку 1862—1863 гг. „возобновить размѣнъ". Попытка эта, представляющая весьма назидательный эпизодъ въ исторіи рускихъ финансовъ (по обстановкѣ, принятымъ основаніямъ, образу ихъ осуществленія и достигнутымъ результатамъ), не касается непосредственно нашего предмета, и мы поэтому можемъ удовлетвориться двумя замѣчаніями. Рискуя заслужить упрекъ въ оптимизмѣ, мы рѣшаемся утверждать, что увлеченіе 1862 года мыслью о размѣнѣ оказало русскимъ финансамъ очень большую услугу: увлекаясь размѣномъ, нельзя было уже

помышлять о выпускѣ кредитныхъ билетовъ для устраненія недостатка въ средствахъ на государственные расходы. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что безъ попытки 1862—1863 гг. пятилѣтіе 1862—1866 годовъ было бы періодомъ очень значительныхъ бумажно-денежныхъ выпусковъ.

Другое наше замѣчаніе касается ходячихъ взглядовъ на громадность жертвъ, которыя будто бы потребовала попытка 1862—1863 гг. Эти взгляды весьма преувеличены. Скоро по вступленіи М. Х. Рейтерна въ управленіе финансами, въ апрѣлѣ 1862 г., былъ заключенъ седьмой 5% заемъ на 15 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ или 94.296,000 рублей металлическихъ: это былъ первый русскій внѣшній заемъ, заключенный сразу на такую значительную сумму, и тѣмъ не менѣе онъ былъ реализованъ очень выгодно, для обстоятельствъ того времени. Седьмой пятипроцентный заемъ реализованъ по 91 за сто и объ немъ-то принято говорить, что онъ весь ушелъ на попытку возобновленія размѣна. На дѣлѣ, однако, изъ него употреблено на усиленіе размѣннаго фонда кредитныхъ билетовъ лишь немного болѣе одной трети или 36.367,630 рублей [1]). Остальная же его часть ушла на покрытіе бюджетныхъ дефицитовъ, какъ мы ниже увидимъ. Даже и та сумма, которою былъ усиленъ размѣнный фондъ, не вся была израсходована. Съ 1 января 1862 г. по 1 января 1865 г. золота и серебра въ размѣнномъ фондѣ убавилось на 25.660,617 рублей, а съ того времени драгоцѣнные металлы въ фондѣ опять стали наростать. Кредитныхъ билетовъ находилось въ обращеніи: въ теченіе 1862 г. 720 милліоновъ руб., въ 1863 году 699 мил., а въ 1864 году 652 мил. рублей [2]). Въ концѣ-концовъ попытка возстановленія размѣна свелась къ тому, что въ 1862 и 1863 годахъ изъято было изъ обращенія кредитныхъ билетовъ на 77.070,322 рубля, хотя золота и серебра въ то же время стало меньше въ размѣнномъ фондѣ лишь на 24.735,161 рубль; на остальные же 52.335,160 рублей уменьшилось количество кредитныхъ билетовъ, не обезпеченныхъ золотомъ и серебромъ. Такимъ образомъ, нѣтъ никакого повода очень претендовать на попытку 1862 года; она была не очень искусная и неуспѣшная, но никакого вреда она никому и ничему не сдѣлала.

Къ сожалѣнію, попытка 1862 г. явилась лишь субъективнымъ препятствіемъ для новыхъ бумажно-денежныхъ выпусковъ;

---

[1]) Отчеты Госуд. Банка за 1863 и 1864 гг.

[2]) Сравн. обзоръ данныхъ по этому предмету въ нашей Статистикѣ русск. банковъ, т. II, стр. XXVIII—XXXI, и тамъ же, табл. на стр. 542—543.

но à la longue она не въ состояніи была устранить причины, которыя ихъ дѣлали неизбѣжными. Уже въ половинѣ 1864 года начались такъ называемые „временные выпуски для подкрѣпленія кассъ, конторъ и отдѣленій государственнаго банка"; въ 1864 году они еще были незначительны и не въ состояніи были парализовать то уменьшеніе количества обращавшихся кредитныхъ билетовъ, которое произошло отъ размѣна 1862 и 1863 гг. Но съ 1865 года временные выпуски пріобрѣтаютъ серьезное значеніе. Значеніе это до сихъ поръ почти совсѣмъ не выяснено, потому что о временныхъ выпускахъ разсуждали безъ всякой связи съ условіями, среди которыхъ тогда исполнялись бюджеты и могли быть изысканы чрезвычайные рессурсы для покрытія дефицитовъ. Оттого значеніе временныхъ выпусковъ почти всегда истолковывалось совершенно неправильно.

Выше мы привели данныя о дефицитахъ съ 1862 по 1866 г. Чтобы сразу имѣть передъ собой всѣ данныя о дефицитахъ до конца шестидесятыхъ годовъ, прибавимъ, что съ 1867 года въ бюджетѣ произошла очень благопріятная перемѣна. Въ четыре года, съ 1867 по 1870 годъ, всѣ дефициты, вмѣстѣ взятые, составляли лишь 45.882.307 рублей, т.-е. гораздо менѣе, чѣмъ въ предъидущее пятилѣтіе (1862—66) дефицитъ составлялъ среднимъ числомъ въ каждый отдѣльный годъ. Общій итогъ чрезвычайныхъ рессурсовъ, которые требовались для покрытія дефицитовъ 1862—70 годовъ составлялъ 322.609,215 рублей.

Сумма эта весьма значительна, конечно. Тѣмъ не менѣе совершенно ошибочно было бы думать, что значительность приведенной суммы породила необходимость прибѣгнуть къ помощи выпуска новыхъ кредитныхъ билетовъ для восполненія недостатка въ правильныхъ чрезвычайныхъ рессурсахъ. На дѣлѣ сумма чрезвычайныхъ рессурсовъ, вполнѣ безукоризненныхъ, имѣвшихся въ распоряженіи финансоваго управленія въ 1862—70 годахъ, была по-истинѣ громадна, превышая въ $2^1/_2$ раза приведенный итогъ дефицитовъ: она достигала 821.705,820 рублей. Сумма эта состояла изъ двоякаго рода рессурсовъ. Одни принадлежали къ общимъ средствамъ государственнаго казначейства и въ совокупности простирались до 583.070,189 рублей. Другіе образовывали „спеціальные рессурсы на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ". призваны были къ жизни съ учрежденіемъ въ 1868 году желѣзнодорожнаго фонда и достигали въ 1868—1870 гг. 238.635,631 рубля. Наконецъ, въ тотъ же періодъ времени было выпущено выкупныхъ бумагъ на 293.481,174 рубля.

Въ составъ чрезвычайныхъ рессурсовъ перваго рода входили

шесть новыхъ займовъ, новыя поступленія по двумъ прежнимъ займамъ, остатокъ отъ одного, тоже прежде заключеннаго, займа и нѣсколько менѣе значительныхъ суммъ отъ случайныхъ рессурсовъ. Новые займы были: три внѣшніе (седьмой 5%-ный и два англо-голландскіе) на нарицательную сумму 169.117,900 рублей металлическихъ, или по курсу того времени 191,777,910 рублей кредитныхъ, и три внутренніе займа (выигрышные 1864 и 1866 годовъ и банковые билеты 1863 и 1869 годовъ) на нарицательную сумму 227.000,000 рублей. Сверхъ того, въ короткое время съ 1862 по 1866 годъ издано было нѣсколько указовъ о выпускѣ въ обращеніе новыхъ билетовъ казначейства (серій) на сумму 96.000,000 руб. Всего нарицательная сумма перечисленныхъ новыхъ государственныхъ долговъ достигала 514,777,910 рублей. Государственное казначейство отъ нихъ получило: отъ новыхъ внѣшнихъ займовъ 163.773,653 рубля, отъ новыхъ внутреннихъ займовъ 228.343,218 руб., отъ серій 96.000,000 руб., всего отъ новыхъ долговъ 488.116,871 рубль. Сверхъ того, въ замѣнъ разныхъ платежей, причитавшихся государственному банку, перечислены въ 1867 году въ государственные долги 4% металлическіе билеты на сумму 56.312,700 рублей, отъ проданныхъ 4% непрерывно-доходныхъ билетовъ выручено 5.030,000 р. и имѣлся остатокъ отъ второго $4^1/_2$%-наго займа на 14.757,900 рублей; разныхъ спеціальныхъ капиталовъ, оказавшихся свободными, зачислено было въ рессурсы казначейства въ 1862 и 1863 г. на 11.566,607 руб.; отъ продажи взятыхъ въ 1862 году изъ размѣннаго фонда кредитныхъ билетовъ цѣнныхъ бумагъ выручено 10.865,455 руб.; наконецъ, отъ продажи имѣвшихся въ распоряженіи правительства рязанско-козловскихъ облигацій въ 1865 году получено 1.663,149 рублей. Эти суммы вмѣстѣ и составили 583.070,189 рублей.

Чрезвычайные рессурсы „спеціальные", на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, въ свою очередь, образовались: отъ Николаевскихъ и консолидованныхъ облигацій перваго выпуска и отъ продажи облигацій курско-кіевскихъ и харьково-азовскихъ, всего на 212.968,185 рублей; отъ возврата выданныхъ изъ желѣзнодорожнаго фонда ссудъ на 11.198,057 рублей, отъ прибылей на вексельномъ курсѣ и процентовъ съ текущаго счета фонда на 3.997,807 рублей и, наконецъ, отъ вознагражденія за проданныя сѣверо-американскія владѣнія 10.571,582 рубля. Всѣ суммы этой категоріи вмѣстѣ составили 238.635,631 рубль.

Соединяя вмѣстѣ суммы, реализованныя въ 1862 — 1870 годахъ для общихъ средствъ государственнаго казначейства, для

желѣзно-дорожнаго фонда и для выкупной операціи, мы получаемъ итогъ чрезвычайныхъ ресурсовъ въ 1.115,186,994 рубля. При громадныхъ суммахъ отъ чрезвычайныхъ рессурсовъ, поступившихъ въ распоряженіе государственнаго казначейства и значительно превышавшихъ бюджетные дефициты, казалось бы, не должно было бы быть никакой надобности въ новыхъ выпускахъ кредитныхъ билетовъ. И тѣмъ не менѣе безъ нихъ не съумѣли обойтись. Какъ же разрѣшается эта странная загадка?

Первое объясненіе заключается въ томъ, что при всей значительности суммъ, полученныхъ отъ чрезвычайныхъ рессурсовъ въ 1862—1870 годахъ, государственный кредитъ въ это время далеко не процвѣталъ. Теперь легко сводить суммы, подводить имъ итогъ и удивляться его значительности. Не такъ легко было собрать эти суммы и еще менѣе повода было къ большой радости, когда онѣ уже были собраны. Мы видѣли, что седьмой 5%-ный заемъ былъ заключенъ еще успѣшно. Польское возстаніе 1863 года и вызванныя имъ политическія усложненія подѣйствовали очень неблагопріятно на нашъ государственный кредитъ: два (пятипроцентные) англо-голландскіе займа 1864 и 1866 г. были реализованы, въ общей сложности, по 83¾ за сто. Безусловно необходимо было найти почву для внутреннихъ займовъ; но эта почва казалась такъ невѣрной, что признано было цѣлесообразнымъ испытать ее сначала посредствомъ выигрышныхъ займовъ. Отчасти нельзя не признать, что едва-ли возможенъ былъ иной образъ дѣйствій при данныхъ обстоятельствахъ. Правильные внутренніе государственные займы не были въ русскихъ нравахъ. Дѣло въ этомъ отношеніи было испорчено канкриновскою практикою негласныхъ позаимствованій изъ казенныхъ банковъ. Внутренніе займы, которые въ 1859 и 1860 годахъ послужили для консолидаціи вкладовъ (4% непрерывно-доходные билеты и 5%-ные банковые билеты 1-го выпуска) въ сущности были принудительными. Въ 1863 году былъ сдѣланъ совсѣмъ незначительный новый выпускъ банковыхъ билетовъ для государственнаго казначейства на 12.000,000 рублей, и онъ едва могъ быть реализованъ по 82 за сто, доставивъ лишь 9.790,598 рублей. Наконецъ, всего нагляднѣе положеніе внутренняго государственнаго кредита въ то время характеризуется тяжелыми потерями, съ которыми должны были мириться помѣщики, реализуя выкупныя свидѣтельства: ихъ продавали по 60 за сто, а когда они дошли до 75—80, то это считалось уже хорошею цѣною. При такомъ положеніи лотерея едва ли не представляла единственный способъ добыть внутри страны 200.000,000 рублей.

Естественно, однако, что ею можно было воспользоваться разъ-два, а затѣмъ все-таки нельзя было не остановиться. Когда же опять прибѣгли къ внѣшнему кредиту, для выпуска николаевскихъ и первыхъ консолидированныхъ облигацій, то оказалось, что обстоятельства еще ухудшились противъ прежняго. Николаевскія и первыя консолидированныя (по перечисленію на однообразный обычный у насъ типъ 5%-наго займа) были реализованы въ общей сложности по 75,48 за сто.

Такимъ образомъ, чрезвычайные рессурсы „изыскивались“ при весьма неблагопріятныхъ обстоятельствахъ и на очень тяжелыхъ условіяхъ. Естественно поэтому, что съ заключеніемъ займовъ медлили, что выжидали, не наступитъ ли благопріятный поворотъ. А тѣмъ временемъ деньги были нужны; расходы не ждали.

Это—одна причина, по которой „временно“ прибѣгали къ помощи государственнаго банка. Другая причина была болѣе существенная, хотя ей совсѣмъ не придавали никакого значенія. Она заключалась въ систематической порчѣ, которой у насъ подвергался механизмъ, спеціально предназначенный во всякомъ государственномъ хозяйствѣ для устраненія временныхъ затрудненій, посредствомъ краткосрочнаго кредита. Для этой цѣли, по своему первоначальному назначенію, должны были служить билеты казначейства (серіи). Но со времени Вронченко понятіе о нихъ совершенно извратилось; Вронченко придумалъ басню, въ видѣ оффиціальной фразы о какой-то особенной любви, будто бы питаемой отечественнымъ денежнымъ рынкомъ къ билетамъ казначейства, и подъ прикрытіемъ этой басни билеты казначейства только выпускались и никогда не погашались. Такимъ образомъ, они перестали быть тѣмъ, для чего ихъ предназначалъ указъ 1831 года, ихъ учредившій; особенно послѣ крушенія казенныхъ банковъ государственное хозяйство у насъ потеряло всякій доступъ къ краткосрочному кредиту. Къ сожалѣнію, трудныя обстоятельства 1862—1866 годовъ еще болѣе ухудшили положеніе этой части нашихъ финансовъ. Въ поискахъ за различными способами привлечь отечественный капиталъ къ государственному кредиту не могли, конечно, не вспомнить о серіяхъ и ими воспользовались съ сугубымъ усердіемъ. Въ пять лѣтъ ихъ было выпущено на 96.000,000 руб., которые, прибавившись къ существовавшимъ уже 120.000,000 р., довели ихъ сумму до 216.000,000 р. Понятно, что когда серіи перестали служить краткосрочному кредиту, то для устраненія временныхъ затрудненій нуженъ былъ особый способъ, а для этого оставались уже одни лишь временные выпуски кредитныхъ билетовъ.

Наконецъ, была еще третья причина, дѣлавшая временные выпуски неизбѣжными. Она заключалась въ упомянутомъ выше „долгѣ ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій", возникшемъ отъ того, что, съ одной стороны, еще оставался неуплаченный довольно большой остатокъ долга казнѣ за позаимствованія у бывшихъ кредитныхъ установленій и рядомъ съ нимъ довольно значительная сумма не консолидированныхъ вкладовъ изъ розданныхъ частнымъ заемщикамъ тѣхъ же установленій,—а съ другой стороны, на эти долги казначейства и частныхъ заемщиковъ оказались затраченными не только невостребованныя еще суммы по вкладамъ бывшихъ кредитныхъ установленій, но и нѣкоторая часть новыхъ вкладовъ государственнаго банка. Вслѣдствіе затрудненій, въ которыхъ находилось государственное казначейство, въ 1862—1864 годахъ ничего не могло быть сдѣлано для того, чтобы помочь банку высвободить эту часть его собственныхъ вкладовъ, такъ неправильно затраченныхъ; ничего не было сдѣлано и для снабженія банка средствами къ уплатѣ вкладовъ бывшихъ кредитныхъ установленій по мѣрѣ ихъ дальнѣйшаго востребованія въ 1862 и слѣдующихъ годахъ. Такъ какъ невостребованныхъ вкладовъ бывшихъ банковъ къ 1862 году еще оставалось свыше 180 милліоновъ руб., то очевидно, что государственный банкъ былъ бы поставленъ въ весьма неудобное положеніе, еслибъ вкладчики у него потребовали возврата ихъ суммъ наличными. Положеніе могло бы даже угрожать большими опасностями, потому что въ три года 1862—1864 востребовано было свыше 120 милліоновъ руб. изъ старыхъ вкладовъ. Къ счастью, только немногіе требовали денегъ, а большею частью вкладчики удовлетворялись превращеніемъ принадлежавшихъ имъ суммъ изъ старыхъ вкладовъ въ новые. Благодаря этому, государственный банкъ избѣгъ большой опасности, но еще въ сильнѣйшей мѣрѣ очутился въ томъ же положеніи, въ какомъ находились прежнія кредитныя установленія: значительныя суммы его безсрочныхъ вкладовъ, которые у него всегда могли быть востребованы, оказались затраченными на долгъ казначейства и долги частныхъ заемщиковъ бывшихъ кредитныхъ установленій. Сверхъ того, изъ своихъ вкладовъ банкъ долженъ былъ удовлетворять спросъ торгово-промышленнаго міра на учетъ векселей и выдачу ссудъ. Поэтому, каждый разъ, когда публика начинала усиленнѣе тревожить государственный банкъ, требуя у него возврата вкладовъ, или требуя учета и ссудъ, государственный банкъ, съ своей стороны, долженъ былъ „временно подкрѣплять кассы конторъ и отдѣленій" своихъ впредь до момента, когда вклады опять къ

нему возвращались или платежи по векселямъ и ссудамъ увеличивали его кассовую наличность.

Покажемъ на нѣсколькихъ примѣрахъ, какъ обстоятельства принуждали къ временнымъ выпускамъ, не смотря на обиліе чрезвычайныхъ рессурсовъ. Въ 1862 году дефицитъ составлялъ 34.854,444 рубля. Для покрытія его имѣлся остатокъ отъ $4^1/_2$% займа 1860 года въ 14.757,900 руб.; седьмой 5% заемъ долженъ былъ доставить свыше 100 милліоновъ рублей (кредитныхъ). Но эта сотня милліоновъ была еще дѣломъ будущаго; первыя поступленія по займу послужили для усиленія размѣннаго фонда, а для дефицита 1862 г. ничего отъ займа еще и не могло быть. Выпущены были серіи на 18.000,000 рублей, но онѣ тоже требовали времени, чтобы быть распроданными (въ 1860 и 1861 годахъ ихъ было выпущено на 27.000,000 рублей). Приходилось опять по прежнему обращаться къ розъисканію, какіе изъ спеціальныхъ капиталовъ были свободнѣе и могли быть привлечены на помощь государственному казначейству; такихъ капиталовъ нашлось подъ разными названіями всего на 4.996,190 рублей. Это было, конечно, не много. И вотъ привлеченъ былъ на помощь и государственный банкъ сдѣлкою, о которой разсказывается въ его отчетѣ за 1861 годъ. Новаго выпуска кредитныхъ билетовъ не было сдѣлано; напротивъ, въ отчетѣ банка даже оговорено, что „въ теченіе года не было собственно выпуска билетовъ, какъ финансоваго способа казначейства“; но изъ размѣннаго фонда кредитныхъ билетовъ взяты находившіяся въ немъ процентныя бумаги; эти бумаги проданы, а вырученная сумма вошла въ составъ рессурсовъ для покрытія дефицита 1862 года. Въ размѣнный же фондъ вмѣсто бумагъ было положено „обязательство государственнаго казначейства“ на 12.000,000 рублей. Такъ какъ всякое уменьшеніе размѣннаго фонда, по существу, должно сопровождаться равнымъ уменьшеніемъ цифры кредитныхъ билетовъ, то уменьшеніе фонда безъ соотвѣтственнаго уменьшенія билетовъ собственно выражало косвенный выпускъ кредитныхъ билетовъ подъ обязательство казначейства. Изъ отчета банка за 1864 годъ видно, что въ этомъ году операція 1861 г. была повторена проще: въ размѣнный фондъ было положено еще одно обязательство казначейства на 12.000,000 руб. и подъ него прямо выпущено на такую же сумму кредитныхъ билетовъ.—Напротивъ, позднѣйшіе отчеты банка показываютъ, какъ оба обязательства казначейства, на 24.000,000 руб., были погашены и на эти 24.000,000 руб. кредитные билеты были изъяты изъ

обращенія и уничтожены: въ 1869 г. на 12.000,000 руб., въ 1870 г. на 6.000,000 руб. и въ 1871 г. еще на 6.000,000 р.

Изъ отчета и балансовъ государственнаго банка за 1866 годъ видно, что ссуды подъ государственныя бумаги тогда были весьма значительно расширены, и одновременно увеличились временные выпуски. Извѣстно, что ссуды главнымъ образомъ расширены были для облегченія реализаціи второго выигрышнаго займа. По мѣрѣ размѣщенія займа ссуды уплачивались, а кредитные билеты, для нихъ выпущенные, извлекались изъ обращенія.—Такая же операція повторилась въ 1867 году для билетовъ казначейства (серій). Съ 1860 г. выпуски ихъ быстро слѣдовали одинъ за другимъ: въ 1860 г. ихъ выпущено на 15 милліоновъ, въ 1861 г. на 12 милл., въ 1862 г. на 18 милл., въ 1863 г. на 39 милл., въ 1864 г. на 18 милл., въ 1865 г. на 12 милл. и въ 1866 г. на 9 милліоновъ рублей. Все это были новыя бумаги, сверхъ выпускаемыхъ въ обмѣнъ старыхъ серій. Тогда-то и оказалось, что басня о ненасытной жадности публики къ серіямъ лишена серьезнаго практическаго значенія. Въ казначействахъ накопилось такъ много непроданныхъ билетовъ, что въ 1867 году изданъ указъ, которымъ повелѣно было сдѣлать особый выпускъ кредитныхъ билетовъ подъ обезпеченіе серій. Въ 1868 году онѣ были распроданы, а выпущенные кредитные билеты изъяты изъ обращенія.

„Временные выпуски“ кредитныхъ билетовъ практиковались до 1867 года, то-есть, до конца періода дѣйствительно очень тягостнаго положенія нашихъ финансовъ. Когда финансы улучшились, временные выпуски перестали практиковаться. Но и пока къ нимъ прибѣгали, они дѣйствительно были только временнымъ способомъ для борьбы съ неблагопріятными обстоятельствами. Совершенно несправедливо поэтому о нихъ говорили, какъ о финансовомъ рессурсѣ для покрытія дефицитовъ. Такой роли они совсѣмъ не играли со времени крымской войны вплоть до послѣдней восточной войны, и если объ этомъ сложилась противуположная легенда, то ее должно приписать неразработанности данныхъ о чрезвычайныхъ рессурсахъ, неразработанности, которая много поблажала всякаго рода финансовымъ сплетнямъ.

Съ половины 1867 года „временные выпуски“ новыхъ кредитныхъ билетовъ превращаются въ постоянные выпуски для пріобрѣтенія золота и серебра въ видахъ усиленія размѣннаго фонда. Всего по этой операціи выпущено было въ обращеніе новыхъ кредитныхъ билетовъ на 173.000,000 р. и на такую же сумму прибавилось золота и серебра въ размѣнномъ фондѣ. Опытъ

показалъ, что операція эта, стоившая около 30.000,000 р., уплаченныхъ, въ видѣ лажа за пріобрѣтенныя золото и серебро, частью изъ коммерческихъ прибылей банка, частью изъ общихъ средствъ государственнаго казначейства, была совершенно безполезна: она имѣла такія же фантастическія основанія, какъ попытка возстановленія размѣна 1862—63 годовъ. Въ свое время мы ее разбирали подробно [1]), а здѣсь можемъ на ней не останавливаться, такъ какъ она касается нашего предмета, лишь какъ косвенный поводъ, отъ котораго государственный долгъ по кредитнымъ билетамъ возросъ на 173.000,000 рублей. Замѣтимъ, впрочемъ, что впечатлѣніе, которое производилъ на общественное мнѣніе фактъ постояннаго наростанія цифры кредитныхъ билетовъ, было весьма неблагопріятное: впечатлѣніе это совсѣмъ не смягчалось увеличеніемъ золота и серебра въ размѣнномъ фондѣ, потому что онъ былъ мертвою, скрытою массою, которой никто не видалъ, кромѣ посвященныхъ въ административныя тайны, и которую чуть не приходилось давать ощупывать иностраннымъ гостямъ и корреспондентамъ, чтобъ они повѣрили самому ея существованію. Такихъ „убѣжденныхъ“ было очень мало; большая же публика видѣла не золото и серебро, а только увеличивающіяся цифры кредитныхъ билетовъ, а это не мало содѣйствовало распространенію и укрѣпленію сплетни, будто финансовая администрація у насъ не въ состояніи обходиться безъ постоянныхъ выпусковъ новыхъ кредитныхъ билетовъ.

Возвращаемся къ приведеннымъ выше суммамъ о дефицитахъ и чрезвычайныхъ рессурсахъ 1862—70 годовъ. Мы видѣли, что дефициты составляли 322.609,215 рублей, тогда какъ чрезвычайные рессурсы, принадлежавшіе къ общимъ средствамъ государственнаго казначейства, достигали 583.070,189 рублей. Изъ нихъ на покрытіе дефицитовъ 1862—65 годовъ было ассигновано полностью, сколько слѣдовало, 219.855,062 рубля; на дефицитъ 1866 г. было ассигновано лишь 43.214,970 руб., или меньше, чѣмъ слѣдовало, на 13.656,876 р.; ошибка эта была замѣчена лишь впослѣдствіи, при сведеніи росписи за 1871 годъ и тогда уже исправлена [2]); наконецъ, на дефициты 1867—70 гг. было ассигновано 55.650,338 руб., или больше, чѣмъ слѣдовало, на 9.768,031 рубль, которые свободнымъ остаткомъ и перешли къ слѣдующему періоду (1871 и слѣд. годовъ). Слѣдовательно, безъ

[1]) Въ мартовской книгѣ „Вѣстн. Евр.“ за 1874 г., въ статьѣ: „Наши неотвержденные долги“.

[2]) Об. зап. къ отч. гос. контроля 1871 г. стр. 120.

этихъ 9.768,031 р. собственно на покрытіе дефицитовъ употреблено 308.952,340 р. Изъ оставшейся затѣмъ суммы чрезвычайныхъ рессурсовъ на 274.117,850 руб. самая значительная часть, достигавшая 200.690,723 руб., послужила для различныхъ разсчетовъ съ государственнымъ банкомъ, которые мы немного ниже объяснимъ подробнѣе; далѣе, сумма въ 57.528,282 руб. представляетъ желѣзно-дорожные расходы изъ чрезвычайныхъ рессурсовъ въ первую половину шестидесятыхъ годовъ, до учрежденія желѣзно-дорожнаго фонда, или до 1868 года; небольшая сумма, изъ второго выигрышнаго займа въ 6.130,835 рублей, была перечислена въ желѣзно-дорожный фондъ; наконецъ, упомянутые выше 9.768,031 руб., какъ свободный излишекъ, остались въ распоряженіи государственнаго казначейства и числились свободнымъ рессурсомъ.

Разсчеты государственнаго казначейства съ банкомъ на приведенную выше сумму 200.690,723 руб. охватываютъ главнѣйшія операціи казначейства съ банкомъ въ 1862—70 годахъ. Въ составъ ихъ входятъ: стоимость переданнаго банку въ 1862—1863 годахъ изъ седьмого 5% займа золота для усиленія размѣннаго фонда, составившая 40.004,393 руб.; уплаченные банку въ 1865 и 1866 годахъ (изъ перваго выигрышнаго займа) 98.608,489 руб. для погашенія равной части долга казначейства бывшимъ кредитнымъ установленіямъ; уплаченные банку въ 1867 году еще 21.378,191 руб. въ погашеніе равной суммы того же долга казначейства бывшимъ кредитнымъ установленіямъ; уплаченные въ 1867-же году 29.834,000 руб. по особому долгу банку за суммы по заграничнымъ платежамъ („по вексельной операціи“), наконецъ, 10.865,455 руб., входящіе въ составъ 24 милліоновъ руб., уплаченныхъ государственному банку въ 1867 и 1869—70 годахъ за позаимствованія у него, сдѣланныя въ 1862 и 1864 годахъ (посредствомъ временныхъ выпусковъ); эти 10.865,455 руб. отличаются отъ остальной части 24-милліоннаго позаимствованія тѣмъ, что только они были особо показаны въ числѣ чрезвычайныхъ рессурсовъ (1862 года), оттого только они должны быть теперь упомянуты, остальная же часть позаимствованія не должна быть здѣсь показана во избѣжаніе двойного счета. Суммы, уплаченныя банку въ 1867 и 1869—70 годахъ, имѣли источниками: во-первыхъ, 4% металлическіе билеты на 56.312,000 руб., перечисленные въ 1867 году въ государственные долги, по которымъ проценты и погашенія уплачиваются изъ государственной росписи; во-вторыхъ, реализацію банковыхъ

билетовъ 1869 года на 12.450,000 руб. и небольшую сумму изъ остальныхъ чрезвычайныхъ рессурсовъ [1]).

Изъ специальныхъ рессурсовъ желѣзно-дорожнаго фонда, всего на 244.766,556 руб., израсходовано на желѣзныя дороги—226.661,504 руб. и къ 1871 году оставалось 18.105,052 рубля [2]). Общій итогъ желѣзно-дорожныхъ расходовъ изъ чрезвычайныхъ рессурсовъ въ 1862—70 годахъ достигалъ 284.189,766 руб.

Значительные платежи, произведенные въ 1865—67 годахъ для уменьшенія долга казначейства бывшимъ кредитнымъ установленіямъ, далеко не устранили того искусственнаго положенія, въ которое былъ поставленъ государственный банкъ вслѣдствіе того, что для ликвидаціи бывшихъ казенныхъ банковъ, за другими заботами, почти ничего не было сдѣлано въ 1862 и 1863 годахъ. Мы видѣли выше, что къ 1862 году оставалась сумма неконсолидированныхъ старыхъ вкладовъ на 279.173,158 руб., изъ которыхъ 165.257,202 руб. были въ долгу за казною и 113.915,956 за частными заемщиками; изъ этихъ 279.173,158 руб. значительная часть въ 181.678,171 руб. представляла остатокъ невостребованныхъ еще старыхъ вкладовъ, а остальные 97.495,027 руб. уже были вытребованы вкладчиками, но выплачены имъ посредствомъ новаго долга, заключеннаго у государственнаго банка. Востребованіе старыхъ вкладовъ продолжалось очень настойчиво въ 1862 и 1863 годахъ, но государственному банку были предоставлены почти ничтожные рессурсы для удовлетворенія вкладчиковъ: въ 1862—64 годахъ въ уплату долга казначейства бывшимъ кредитнымъ установленіямъ могло быть зачтено разныхъ казенныхъ суммъ лишь на 23.475,118 рублей. Поэтому, государственный банкъ вынужденъ былъ тогда удовлетворять вкладчиковъ изъ собственныхъ оборотныхъ средствъ, выдавая свои собственныя вкладныя свидѣтельства (превращая старые вклады въ новые). Въ какой мѣрѣ тягостно было для государственнаго банка это востребованіе старыхъ вкладовъ, можно заключить изъ того, что въ 1862—63 годахъ нужно было удовлетворить вкладчиковъ бывшихъ кредитныхъ установленій суммою, достигавшею 103.495,032 рублей. Естественно, что почти на три четверти этой суммы долженъ былъ увеличиться долгъ ликвидаціи

---

[1]) Объ операціяхъ 1867 года см. балансы госуд. банка 1867 г. и отчетъ его за 1867 и 1869—71 годы.

[2]) Остатокъ желѣзно-дорожнаго фонда къ 1-му января 1871 года показанъ въ отчетѣ гос. контр. въ 1870 г. въ 31.970,990 руб., потому что на 13.865,938 руб. желѣзно-дорожные расходы были произведены изъ общихъ средствъ казначейства за счетъ фонда и изъ него подлежали возмѣщенію.

прежнихъ казенныхъ банковъ государственному банку. Между тѣмъ, остатокъ старыхъ вкладовъ 1 января 1864 г. все еще составлялъ 78.183,139 руб. и слѣдовательно предстояли еще крупныя востребованія. Въ этомъ положеніи рѣшено было суммы отъ перваго выигрышнаго займа предоставить въ распоряженіе банка для ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій. Первоначально, однако, эти суммы пришлось затратить на общія нужды казначейства, отчасти на желѣзныя дороги, и нужно было выждать, пока израсходованныя суммы будутъ возмѣщены изъ другихъ рессурсовъ. Въ 1865 году государственному банку были возмѣщены 80.000,000 руб., а въ 1866 году еще 18.608,489 рублей. Эти два крупные платежа, конечно, улучшили положеніе ликвидаціи, но лишь въ томъ смыслѣ, что они облегчили государственный банкъ отъ тягости, наросшей послѣ 1862 года; въ той же тягости, которую банкъ унаслѣдовалъ отъ времени до 1862 г., онъ былъ облегченъ весьма незначительно. Зато весьма сильно ухудшено было положеніе ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій въ 1867 году операціею перечисленія 4% металлическихъ билетовъ въ государственные долги, по которымъ проценты и погашеніе уплачиваются изъ государственной росписи.

Первоначально эти билеты были выпущены (до 1862 г. на 36.000,000 руб.) для консолидаціи вкладовъ. Для той же цѣли ихъ въ 1862—66 годахъ было выпущено еще на 36.000,000 руб., но изъ нихъ 12.000,000 остались у банка на рукахъ и числились въ обращеніи лишь номинально, а дѣйствительно реализовано было всего вмѣсто 72.000,000 лишь 60.000,000 руб. За произведеннымъ срочнымъ погашеніемъ 4% металлическихъ билетовъ въ обращеніи къ 1867 году оставалось 56.312,700 рублей, представлявшихъ равную сумму консолидованныхъ вкладовъ, по коимъ суммы числились въ долгу за заемщиками бывшихъ кредитныхъ установленій, а проценты и погашеніе уплачивались изъ срочныхъ платежей заемщиковъ. Принимая въ 1867 г. на государственную роспись проценты и погашеніе по 4% металлическимъ билетамъ на 60.000,000 руб., финансовое управленіе тогда имѣло въ виду этимъ погасить изъ долговъ казначейства банку 56.312,700 руб. Это было бы совершенно раціонально, еслибъ такимъ путемъ была на всю сумму 56.312,700 р. погашена часть долга бывшимъ кредитнымъ установленіямъ. На дѣлѣ же собственно въ уплату этого долга въ 1867 году было зачитано лишь 21.378,191 р., а остальные 34.934,509 р. были засчитаны въ уплату банку разныхъ иныхъ долговъ, совсѣмъ не касавшихся ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій. Вслѣд-

ствіе того равная сумма старыхъ вкладовъ на 34.934,509 р., которая уже была консолидирована, опять возвратились въ опасное неотвержденное состояніе. Сумма эта еще болѣе увеличилась, когда въ 1868 г. рѣшено было совсѣмъ уничтожить тѣ 4% металлическіе билеты, которые на 12.000,000 р. еще оставались у государственнаго банка.

Такъ какъ въ 1865—70 годахъ произведено было дальнѣйшее уменьшеніе долга казначейства бывшимъ кредитнымъ установленіямъ на 2.900,150 руб. изъ разныхъ казенныхъ суммъ и еще на 15.568,825 р. изъ прибылей банка, то всего въ 1862—1870 годахъ на уменьшеніе долга бывшимъ кредитнымъ установленіямъ было израсходовано 161.930,771 руб.: сумма несомнѣнно очень большая, которая низвела первоначальный громадный долгъ (въ 521.395,159 руб.) до совершенно незначительной цифры 3.326,431 руб. и которая, очевидно, убѣждаетъ, что доброй воли и энергичнаго старанія было весьма и весьма много. Къ сожалѣнію, дѣло это велось безъ всякаго плана, безъ цѣлостнаго взгляда на всѣ его подробности и поэтому далеко не раціонально. Оттого въ концѣ-концовъ общее положеніе ликвидаціи къ концу 1870 года было чрезвычайно плачевное, и она являлась мертвою тяжестью, обременявшею государственный банкъ самымъ опаснымъ образомъ, почти совсѣмъ лишавшею его свободы движеній. По балансу банка на 1 января 1871 г. числилось суммъ за частными заемщиками бывшихъ кредитныхъ установленій (въ томъ числѣ перешедшихъ на крестьянъ, какъ часть выкупной ссуды) всего 430.900,334 рубля; изъ нихъ было консолидировано въ банковыхъ билетахъ 1-го выпуска (за произведенными тиражами) 240.981,500 р., слѣдовательно, неотверждены были 189.918,834 рубля. Въ это время у банка еще оставалось невостребованныхъ старыхъ вкладовъ 23.364,449 р., поэтому, остальные 166.554,385 рублей представляли сдѣланныя для ликвидаціи позаимствованія постороннихъ суммъ: въ томъ числѣ 7.764,784 рубля были взяты изъ источниковъ, сравнительно свободныхъ, а остальные 158.793,601 руб. были долгомъ ликвидаціи за позаимствованія для нея у государственнаго банка. Эти 158.793,601 руб. были взяты изъ вкладовъ государственнаго банка, которые весьма значительными частями могли быть у него внезапно востребованы, или изъ которыхъ онъ былъ обязанъ учитывать векселя и производить ссуды. Они представляли значительную часть оборотнаго капитала дѣлового міра, которая по всѣмъ основаніямъ принадлежала этому міру и надъ которою всего менѣе было умѣстно завязать мертвую петлю.

VIII.

Выше отчасти уже указано было на то, что съ 1867 года происходитъ крутой поворотъ въ положенiи русскихъ финансовъ. Тяжкое кризисное состоянiе, въ которомъ они находились съ крымской войны, кончилось. Естественно, конечно, что улучшенiе началось не съ государственнаго кредита. Безспорная и во многихъ отношенiяхъ замѣчательная энергiя, которою отличалось финансовое управленiе М. X. Рейтерна, въ области кредита выразилось въ 1867—1870 годахъ въ той настойчивости, съ которою потребные чрезвычайные рессурсы все-таки были изысканы, какъ ни мало благопрiятствовали тому условiя денежныхъ рынковъ. Зато въ области обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ торжествовалась, можно сказать, блестящая побѣда. Въ 1867—70 годахъ общiй итогъ четырехъ дефицитовъ составлялъ 45.882,307 руб., тогда какъ въ предшедшее пятилѣтiе среднiй ежегодный дефицитъ достигалъ 55.345,381 руб. Такимъ образомъ, четыре пятыхъ годового дефицита исчезли. Вопросомъ времени только могло быть исчезновенiе послѣдней части, а съ нею вообще всякаго дефицита и улучшенiе въ положенiи государственнаго кредита.

Для этого-то время настало въ 1871—1875 гг. Въ пятилѣтiе съ 1866 по 1870 годъ обыкновенные государственные расходы составляли 2.233,765,097 и для нихъ не хватило обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ на 102.754,155 рублей. Напротивъ, въ слѣдующее пятилѣтiе съ 1871 по 1875 годъ обыкновенные доходы такъ сильно возрасли, что они не только дали сполна эти 102.754,155 руб., но дали еще для увеличенiя государственныхъ расходовъ слишкомъ въ четверо больше—414.075,903 р., а сверхъ того дали еще 55.572,838 руб., которые представляли превышенiе доходовъ надъ расходами. Къ нимъ присоединялись: упомянутый выше остатокъ рессурсовъ предъидущаго перiода въ 9.768,031 руб. и отъ суммъ, ассигнованныхъ на неисполненные расходы прежнихъ лѣтъ, оказавшiеся непотребованными для платежей, а потому свободными еще 3.503,826 руб.; всего оказалась масса „остатковъ“ въ 68.844,695 руб. Изъ нихъ 13.656,876 руб. были ассигнованы на покрытiе дефицита 1866 года (въ исправленiе замѣченной въ 1871 году ошибки, что ассигнованiе это въ свое не время было сдѣлано) и 14.639,975 руб. были отчислены въ запасный фондъ военнаго и морского министерствъ. За этими двумя расходами всего на 28.296,851 руб., оказывался со-

вершенно свободный остатокъ отъ обыкновенныхъ доходовъ въ 40.547,844 рубля.

Остатокъ этотъ являлся такою неожиданностью въ русскихъ финансахъ, переходъ къ нему отъ непосредственно предшествовавшаго ему длиннаго 28-лѣтняго періода хроническихъ громадныхъ дефицитовъ и острыхъ тяжелыхъ кризисовъ былъ столь рѣзокъ, что не только тогда, но и по настоящее время большинство общественнаго мнѣнія въ отечествѣ и за-границей отнеслось и относится къ нему съ полнѣйшимъ недовѣріемъ. О періодѣ „цвѣтущаго“ состоянія русскихъ финансовъ въ 1871—75 годовъ принято говорить не иначе, какъ подчеркивая скептическое нерасположеніе — допускать самую возможность подобнаго „невѣроятнаго“ факта. И тѣмъ не менѣе фактъ на лицо: какъ бы его не поворачивали, разсматривали, разбирали, онъ продолжаетъ упорно сохранять свой категорическій смыслъ и настойчиво свидѣтельствовать, что „невѣроятное“ было-таки полною дѣйствительностью.

Серьезно разбирать бюджетныя цифры 1871 — 75 гг. и на основаніи такого серьезнаго разбора выражать сомнѣнія на счетъ исчезновенія дефицитовъ никто и не думалъ ни въ отечествѣ, ни за-границею. Не вѣрили, потому что долговременная привычка отучила отъ этого. Сверхъ того, матеріала для финансовой критики все еще оставалось достаточно. Главнымъ образомъ спрашивали: если финансы процвѣтаютъ, то отчего не упраздняется подушная, то-есть та часть крѣпостного права, которая установлена въ интересахъ фиска; отчего не упраздняется неразмѣнность бумажныхъ денегъ, то-есть тотъ видъ закрѣпощенія денежнаго капитала, который установленъ опять въ интересахъ фиска?

Вопросы эти, конечно, были очень серьезны; но на нихъ могъ быть данъ вполнѣ серьезный отвѣтъ. Періодъ 1871—75 годовъ былъ слишкомъ короткій для того, чтобъ не только обнаружить явившуюся возможность рѣшенія указанныхъ двухъ задачъ, но и превратить эту возможность въ осязательную дѣйствительность.

Въ томъ же, что рѣшеніе дѣйствительно было уже вполнѣ возможно, едва ли есть какое-либо основаніе сомнѣваться. Передъ нами простой грубый фактъ: если обыкновенные государственные доходы въ пятилѣтіе 1871—1875 гг. противъ предшедшаго пятилѣтія 1866—70 гг. возросли на 572.402,846 руб., то въ пятилѣтіе 1878—82 они противъ 1871—75 гг. еще далѣе возрасли на новые 590.995,290 руб., безъ всякой коренной перемѣны въ составѣ и устройствѣ ихъ. Въ 1871—75 гг. средній ежегодный обыкновенный государственный доходъ увеличился противъ предъ-

идущаго пятилѣтія на 116.480,579 руб.; въ этой годовой прибавкѣ былъ достаточный рессурсъ не только для бездефицитнаго исполненія всѣхъ государственныхъ расходовъ въ прежнемъ размѣрѣ (для этого собственно было довольно послѣ успѣховъ 1867—70 годовъ лишь прибавки въ 15.997,899 руб.), а имѣлось еще 82.817,181 рубль для увеличенія ежегодныхъ государственныхъ расходовъ и сверхъ того отъ прибавки еще оказывался свободный средній остатокъ въ 17.665,499 рублей. Но въ 1878 — 82 гг. къ этой прибавкѣ 1871 — 75 гг. присоединилась еще новая ежегодная прибавка къ обыкновеннымъ государственнымъ доходамъ въ 118.199,058 рублей. Еслибъ даже въ это время всѣ иные государственные расходы опять потребовали для увеличенія ихъ по 82.817,181 руб. каждый годъ, среднимъ числомъ, то отъ прибавки въ доходахъ все еще ежегодно оставалось бы свыше 35.000,000 рублей. А этого было болѣе, чѣмъ нужно, для главнѣйшихъ нашихъ финансовыхъ реформъ. Возстановленіе размѣна кредитныхъ билетовъ едва ли требовало для себя ежегоднаго расхода въ 15.000,000 р. [1]). Преобразованіе же прямыхъ налоговъ, во-первыхъ, совсѣмъ не должно было имѣть своимъ прямымъ послѣдствіемъ уменьшеніе государственныхъ доходовъ; а во-вторыхъ, даже еслибъ доходность прямыхъ налоговъ отъ преобразованія ихъ понизилась, то это пониженіе не могло бы превышать 20.000,000 рублей.

Успѣхи развитія обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ были, такимъ образомъ, совершенно безспорны. Не менѣе осязателенъ успѣхъ, который въ 1871—75 гг. сдѣлалъ государственный кредитъ. Для обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ не нужно было вовсе услугъ кредита. Но предпринятое съ половины шестидесятыхъ годовъ сооруженіе большой желѣзно-дорожной сѣти, по своему существу, могло быть проведено только при помощи кредита, въ Россіи, какъ и повсюду. Въ настоящее время со всѣхъ сторонъ только и слышны, что „жестокіе“ нападки на концессіонную систему тогдашней эпохи. Послушать теперешнихъ критиковъ, то стоило бы тогда только кликнуть кличъ и со всѣхъ сторонъ явились бы легіоны разумныхъ, свѣдущихъ и безкорыстныхъ людей, которые выстроили бы русскія желѣзныя дороги чуть ли не даромъ. На дѣлѣ это, конечно, вздоръ. Означенныхъ легіоновъ при сооруженіи желѣзныхъ дорогъ нигдѣ въ Европѣ не оказалось, а всего менѣе ихъ было въ Россіи. Значеніе, ко-

---

[1]) Доказательства въ свое время нами были представлены въ статьѣ о реформѣ кредитной денежной системы, въ „Вѣстн. Европы“, 1875, мартъ.

торое имѣла концессіонная система въ разгаръ желѣзно-дорожнаго строительства въ Европѣ, достаточно иллюстрируется слѣдующимъ фактомъ. Въ классической странѣ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, въ Пруссіи, въ которой, дѣйствительно, правительство имѣло въ своемъ распоряженіи всего болѣе свѣдущихъ и честныхъ людей для благоустроеннаго казеннаго хозяйства вообще, а въ частности и для желѣзныхъ дорогъ, концессіонная система въ 1866—1875 годахъ процвѣтала совсѣмъ не менѣе, чѣмъ въ остальной Европѣ. Прусская желѣзно-дорожная сѣть съ 1866 по 1875 годъ увеличилась на 7,705 верстъ. Изъ нихъ приходится: на частныя дороги въ частномъ же управленіи 5,166 верстъ или свыше двухъ третей, на частныя же дороги въ казенномъ управленіи еще 1.223 версты; всего на частныя дороги приходится 6,389 верстъ или 83% всего количества ново-выстроенныхъ дорогъ; наконецъ, собственно на казенныя дороги приходится всего лишь 1,316 верстъ [1]). То, что не было возможно въ Пруссіи, было совсѣмъ невозможно въ Россіи. Конечно, очень и очень нужно сожалѣть о тѣхъ безобразіяхъ, которыми у насъ, какъ повсюду, сопровождалась концессіонная система. Но въ вопросахъ общественной деморализаціи пререканія о томъ, кто виноватъ, едва-ли ведутъ къ толковымъ сужденіямъ: вѣрнѣе всего, что всѣ виноваты.

Какъ бы, однако, плоха ни была система, по которой происходило сооруженіе нашихъ желѣзныхъ дорогъ, во всякомъ случаѣ, государственный кредитъ, на средства котораго шло сооруженіе, въ 1871—75 годахъ быстро прошелъ слѣдующее развитіе. Второй выпускъ 5% консолидированныхъ облигацій былъ въ 1871 г. еще реализованъ по 79 за сто; третій выпускъ 1872 г. далъ уже 8 р. 40 к. больше на каждую сотню рублей; четвертый выпускъ 1873 года прибавилъ еще новые 4 р. 25 к. на каждую сотню рублей; наконецъ, пятый выпускъ 1875 г. состоялся уже въ $4^1/_2$%-ныхъ облигаціяхъ, которыя были реализованы по 90, что соотвѣтствуетъ новой прибавкѣ къ приведеннымъ двумъ еще 8 р. 35 к. на всякую сотню рублей или реализаціи 5% займа по 100 за 100. Въ пять лѣтъ положеніе государственнаго кредита настолько улучшилось, что по каждой сторублевой облигаціи правительство получало въ 1875 г. больше, чѣмъ въ 1871 г., на 21 р., а нарицательная цѣна 5% русской облигаціи стала и ея внутреннею, дѣйствительною цѣною.

[1]) Kühn, Die histor. Ent. der deutschen und deutsch-oester. Eisenbahnen. Berlin, 1883, Bd. I, S. 161 (оффиц. изд.).

Куда дѣвались всѣ эти успѣхи развитія обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ и государственнаго кредита, едвали нужно объяснять. Наступившее въ 1876 и слѣд. годахъ время чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ потребовало уступки въ его пользу всего того, что при нѣсколькихъ только еще мирныхъ годахъ дало бы полную возможность осуществить всѣ коренныя финансовыя преобразованія Россіи и совершенно упрочить ея финансовое благоустройство, еле-еле зарождавшееся.

Нарицательная сумма займовъ, заключенныхъ въ 1871—75 годахъ для желѣзно-дорожнаго фонда, составляла 358.324,800 руб. металлическихъ и по нимъ въ государственное казначейство должно было поступить 313.307,890 метал. руб. Дѣйствительные рессурсы фонда въ 1871—75 годахъ составляли въ кредитныхъ рубляхъ: отъ консолидированныхъ облигацій 354.077,390 р. (часть суммъ пятаго выпуска еще не была внесена), отъ рыбинско-бологовскихъ облигацій и акцій курско-кіевскихъ и поти-тифлисскихъ 18.244,495 руб., отъ процентовъ по банковому текущему счету фонда 4.802,847 руб. и отъ возвратовъ желѣзнодорожныхъ обществъ части выданныхъ имъ ссудъ 22.778,360 р., итого 399.913,092 руб.; отъ поправленія вексельнаго курса въ это время цѣнность металлическихъ суммъ уменьшилась на 2.964,257 руб. и оттого окончательный итогъ суммъ, поступившихъ въ желѣзно-дорожный фондъ въ 1871—75 годахъ, опредѣляется въ 396.948,835 руб. Остатокъ отъ предъидущаго періода составлялъ 18.105,652 руб., поэтому, всего рессурсовъ желѣзно-дорожный фондъ имѣлъ 415.054,487 руб. Изъ нихъ было израсходовано въ 1871—75 годахъ 321.071,462 руб. и къ 1876 г. оставалось 93.983,025 руб.

Много перемѣнъ къ лучшему произошло и въ положеніи государственнаго банка въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ [1]. Перемѣнъ этихъ, однако, могло бы быть гораздо больше и онѣ могли бы быть болѣе существенны. Положеніе банка улучшалось лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ находился, такъ сказать, на буксирѣ общаго улучшенія въ состояніи народнаго и государственнаго хозяйства. Государственное казначейство совсѣмъ перестало нуждаться въ позаимствованіяхъ у банка, гдѣ текущій счетъ казначейства всегда былъ обильно снабженъ суммами для государственныхъ расходовъ. Благодаря значительному заграничному спросу на процентныя бумаги и товары, вывозъ тѣхъ и другихъ

---

[1] Эти перемѣны разобраны и выяснены во вступленіи ко II т. нашей Статистики русскихъ банковъ, стр. XVIII—XXVII.

былъ громадный, вексельный курсъ бойко шелъ въ гору, цѣна полуимперіала упала до 5 р. 90 к., т.-е. кредитный рубль стоилъ свыше 87 коп. золотомъ (3½ франка, 33⅓ пенса). Этимъ удешевленіемъ золота банкъ воспользовался очень усердно, накупивъ его такъ много, что одно время въ государственномъ банкѣ золота находилось больше, чѣмъ когда бы то ни было до того находилось въ европейскихъ банкахъ, даже самыхъ крупныхъ и богатыхъ. Это было очень красиво на видъ, но безцѣльно и безплодно: можно было лишь пожалѣть о той громадной массѣ настоящаго золота, которая потребовалась для этой финансовой мишуры.

Что касается долга ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій за произведенныя для нея затраты изъ коммерческихъ оборотныхъ средствъ банка, то къ 1-му января 1876 г. долгъ этотъ опредѣлялся въ 110.469,653 руб. Слѣдовательно, онъ въ 1871—75 годахъ уменьшился на 54.787,549 рублей. Однако и это улучшеніе въ положеніи банка получилось, не какъ результатъ особыхъ о томъ стараній, а само собою, путемъ косвеннаго вліянія болѣе правильныхъ отношеній казначейства къ банку. Благодаря этому, явилась возможность предоставить въ распоряженіе ликвидаціи нѣкоторыя суммы, которыми казначейство прежде само пользовалось (напр., остатки отъ поступленій по выкупнымъ платежамъ). Сверхъ того, большую помощь ликвидація бывшихъ кредитныхъ установленій съ этого времени начала получать отъ накопленія крупныхъ прибылей банка по различнымъ его операціямъ. Къ 1-му января 1876 года ихъ числилось уже 38.937,415 р.

Заключая разсмотрѣніе періода, предшествовавшаго послѣдней войнѣ, посмотримъ еще, въ какомъ состояніи наканунѣ ея находился государственный долгъ. Къ 1-му января 1876 г. въ составъ его входили слѣдующія части. Займы въ англійской валютѣ: 4½%-ные, седьмой 5%-ный, англо-голландскіе и консолидированные, составляли 101.678,409 фунт. стерлинговъ или 639.191,150 руб., остатки отъ голландскихъ займовъ составляли 91.868,000 гульденовъ или 48.230,700 руб. метал., николаевскихъ облигацій было на 570.412,000 франковъ или 142.603,000 руб.; русская часть въ выкупѣ зундскихъ пошлинъ составляла 114,100 фунтовъ стерлинговъ или 717,341 руб.; наконецъ, по второму и шестому 5% займамъ и по 4% металлическимъ билетамъ оставалось 130.225,610 руб.; всего займовъ въ металлической валютѣ на 960.967,801 рубль металлическій, на которые 15% лажа, считая по цѣнѣ полуимперіала въ 5 руб. 90 коп., составляли 144.145,171 руб. Къ металлическимъ займамъ нужно присоеди-

нить польскій 4%-ный 1844 года 21.529,599 рублей, съ суммою лажа на него въ 3.229,440 руб. Кредитно-рублевыхъ займовъ числилось: 6%-ныхъ, перваго и пятаго 5%-ныхъ, 4%-ныхъ, выигрышныхъ, банковыхъ билетовъ 1863 и 1869 гг., 4% непрерывно-доходныхъ, вѣчныхъ вкладовъ и разныхъ кредиторовъ, всего на 495.783,942 руб. и польскихъ на 54.795,104 руб. Итогъ всѣхъ консолидированныхъ долговъ составлялъ 1.600,896,914 кредитныхъ рублей и кромѣ того польскихъ 79.554,143 руб., а всего 1.680,451,057 рублей.

Итогъ неотвержденныхъ государственныхъ долговъ слагался: изъ кредитныхъ билетовъ на 797.313,480 руб., билетовъ казначейства на 216.000,000 руб., остатка долга казначейства бывшимъ кредитнымъ установленіямъ 3.000,000 руб. и долга ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій 110.469,653 руб.; всего 1.126,783,133 руб.

Общій итогъ всѣхъ государственныхъ долговъ составлялъ къ 1-му января 1876 г. 2.727,680,047 р. и польскихъ 79.554,143 руб., всего 2.807,234,190 руб. Къ этой суммѣ еще нужно присоединить долги, по которымъ проценты и погашеніе уплачивались не изъ государственной росписи, а изъ особыхъ источниковъ: банковые билеты перваго выпуска на 214.127,400 руб. и выкупныя бумаги на 390.123,049 руб., или вмѣстѣ 604.950,449 руб. Окончательный итогъ всѣхъ государственныхъ долговъ опредѣляется въ 3.412,184,640 руб.

Сравнивая эти данныя съ приведенными выше данными, къ 1-му января 1862 года, мы должны оставить въ сторонѣ польскіе долги, о которыхъ тогда свѣденій не было. Государственные долги консолидированные увеличились: заключенные въ металлической валютѣ на 785.010,420 металл. руб., а заключенные въ кредитно-рублевой валютѣ на 164.851,708 руб., или вмѣстѣ на 949.862,128 руб.; къ этой суммѣ присоединяется увеличеніе начисляемаго на новыя металлическія суммы лажа въ размѣрѣ 126.549,432 руб., такъ что общій итогъ увеличенія консолидированнаго долга составляетъ 1.076,411,560 р. Сравнительно съ этимъ значительнымъ увеличеніемъ, почти незамѣтнымъ является увеличеніе итога неотвержденныхъ долговъ всего лишь на 50.119,753 руб. Оба увеличенія вмѣстѣ даютъ 1.126,521,313 руб. Присоединяя еще увеличеніе долговъ, по которымъ проценты и погашеніе падаютъ на особые источники, на 290.682,849 рублей, получаемъ общій итогъ дѣйствительнаго увеличенія на 1.417,164,162 р., а съ суммою польскихъ долговъ на 79.554,143 руб. получается кажущійся итогъ увеличенія на 1.496,718,305 руб., или почти полтора милліарда рублей.

IX.

Выше мы сказали, что успѣхи обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ рессурсовъ въ первую половину семидесятыхъ годовъ давали вполнѣ достаточныя средства для осуществленія коренныхъ финансовыхъ преобразованій по благоустройству русскаго государственнаго хозяйства, но что средства эти были поглощены чрезвычайными военными расходами, начавшимися съ 1876 года. Очевидно, что въ такомъ случаѣ производство чрезвычайныхъ расходовъ по минувшей войнѣ должно было быть обставлено особенно благопріятно. Въ видахъ доказательства, что, дѣйствительно, факты подтверждаютъ высказанный нами взглядъ, мы должны поэтому разсмотрѣть хотя отчасти и послѣдній періодъ развитія русскаго государственнаго кредита.

Финансовое положеніе предъ крымскою войною имѣло одно безспорное преимущество предъ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ насъ застала послѣдняя война: тогда въ странѣ обращались размѣнныя и поэтому полноцѣнныя бумажныя деньги. Выпустивъ для крымской войны кредитныхъ билетовъ на 400 милліоновъ рублей, правительство отъ нихъ получило сполна четыреста же милліоновъ, безъ всякихъ вычетовъ. Напротивъ, въ 1876 году обращались уже неразмѣнныя бумажныя деньги. Если онѣ, благодаря хорошему положенію финансовъ, сохраняли свыше 85% своей цѣны, пока былъ прочень миръ, то съ наступленіемъ войны онѣ неминуемо должны были упасть, даже еслибъ новыхъ выпусковъ совсѣмъ не было. Дѣйствительно, въ 1876 году онѣ уже стоили лишь 80% своей цѣны, въ 1877 году лишь 67½%, въ 1878—1879 годахъ лишь 63% своей цѣны. Слѣдовательно, новый выпускъ на нарицательную сумму 400 милліоновъ рублей былъ уже связанъ съ убыткомъ для государственнаго казначейства около трети этой суммы или 130.000,000 руб.—на однихъ кредитныхъ билетахъ.

Далѣе, крымская война потребовала чрезвычайныхъ расходовъ лишь на 538.225,000 руб. Чрезвычайные же военные расходы, начавшіеся съ 1876 года, были болѣе чѣмъ вдвое: они составляли въ 1876—82 годахъ 1.113,481,519 рублей.

Очевидно, что насколько финансовая обстановка послѣдней войны зависѣла отъ условій денежнаго обращенія и стоимости самой войны, обыкновеннымъ и чрезвычайнымъ рессурсамъ приходилось съ 1876 года осиливать гораздо болѣе трудную задачу, чѣмъ съ 1853 года. И тѣмъ не менѣе задача была въ 1876—82 годахъ рѣшена гораздо удачнѣе, чѣмъ въ 1853—57 годахъ.

Покрытіе расходовъ по крымской войнѣ сильно усложнялось и затруднялось тѣмъ, что одновременно съ прiисканіемъ рессурсовъ для чрезвычайныхъ расходовъ на 538.225,000 руб., необходимо было еще пріискать рессурсы для покрытія дефицитовъ по обыкновеннымъ расходамъ на 223.903,973 рубля. Въ 1876—82 годахъ подобнаго затрудненія уже не было.

Въ самомъ дѣлѣ, въ это время обыкновенные расходы составляли 4.531,134,457 руб. при суммѣ текущихъ обыкновенныхъ доходовъ въ 4.402,502,650 руб. и при слѣдующемъ составѣ имѣвшихся различныхъ „остатковъ": отъ превышенія доходовъ 1871—75 годовъ 40.547,843 руб., отъ ассигнованій на неисполненные расходы по заключеннымъ смѣтамъ, не потребовавшихся къ отпуску (или иначе говоря, отъ уменьшенія расходовъ) 44.523,356 руб., наконецъ, отъ ассигнованій въ фондъ военнаго и морского министерствъ (или, отъ непотребовавшихся къ отпуску суммъ для предполагавшихся расходовъ) еще 11,856,774 рубля. Всего обыкновенныхъ рессурсовъ было 4.499,430,623 рубля. Слѣдовательно, за все время съ 1876 по 1882 годъ дефицитъ собственно по обыкновеннымъ расходамъ, для котораго были нужны средства изъ чрезвычайныхъ рессурсовъ, составлялъ сравнительно съ громадною суммою этихъ расходовъ (4.531,134,457 руб.) незначительную сумму 31.703,834 рубля или $^2/_3$% расходовъ, въ семь разъ менѣе, чѣмъ во время крымской войны.

Такимъ образомъ, чрезвычайные рессурсы могли почти всецѣло служить только чрезвычайнымъ же расходамъ, не раздробляясь и не обезсиливаясь. Это—первая услуга, оказанная войнѣ предшествовавшимъ ей улучшеніемъ финансовъ. Эту услугу оказало улучшеніе обыкновенныхъ рессурсовъ. Теперь посмотримъ, какую услугу оказало улучшеніе чрезвычайныхъ рессурсовъ.

До послѣдней войны, можно сказать, у насъ правильно устроеннаго внутренняго государственнаго кредита совсѣмъ не было. До крушенія казенныхъ банковъ въ 1858 году внутренніе государственные долги представлялись или бумажными деньгами (къ числу коихъ въ настоящемъ случаѣ должно отнести и билеты казначейства, серіи) или позаимствованіями у государственныхъ кредитныхъ установленій. Всѣ эти долги возникали не изъ кредита, а изъ правительственнаго авторитета, превращеннаго, такъ сказать, въ финансовый рессурсъ [1]).

[1]) Въ элементарной юриспруденціи различаютъ слѣдующее происхожденіе долговъ (обязательствъ): изъ договоровъ (ex contractu) и какъ бы изъ договоровъ (quasi ex contractu), изъ правонарушеній и какъ бы изъ правонарушеній. Между договорами, изъ которыхъ возникаютъ долги, кредитъ только одинъ изъ очень

Эта особенность русской исторіи государственнаго кредита вполнѣ выяснилась уже при Екатеринѣ II и окончательно установилась во время наполеоновскихъ войнъ. Вспомнимъ приведенныя выше данныя о составѣ итога государственныхъ долговъ въ различныя времена: всегда оказывается, что правильно организованный государственный кредитъ у насъ представлялся только внѣшними займами, которые одни были консолидированными долгами. Напротивъ, внутренніе долги всѣ входили въ составъ неотвержденнаго государственнаго долга.

Консолидація вкладовъ 1859 года повела за собою впервые выпуски процентныхъ бумагъ, представлявшихъ уже и внутренній консолидированный государственный долгъ. Но эта первая попытка тѣсно была связана съ острымъ кризиснымъ состояніемъ, при которомъ она была сдѣлана, и поэтому ее почти невозможно было повторить. Владѣльцы вкладовъ должны были удовлетвориться выданными имъ процентными бумагами, иногда даже и не добровольно (напримѣръ при превращеніи вкладовъ въ 4% непрерывно-доходные билеты). Отвержденіе вкладовъ такъ мало содѣйствовало появленію внутренняго государственнаго кредита, что когда безъ него невозможно было обойтись въ первую половину шестидесятыхъ годовъ, то воспользоваться имъ пришлось, по прежнему, не на правильномъ и естественномъ основаніи: нужно было прибѣгнуть къ лотерейнымъ займамъ.

Такимъ образомъ, ко времени послѣдней войны правильный внутренній государственный кредитъ представлялся только выпущенными въ 1863 — 1869 годахъ для государственнаго казначейства банковыми билетами на скромную сумму 25.000,000 руб. Другими словами: рессурса внутренняго кредита въ сколько-нибудь устроенномъ видѣ совсѣмъ не было. Оттого едва ли многіе въ 1876 году допускали, что путемъ внутренняго кредита возможно будетъ добыть что-либо существенное для войны. А такъ какъ война не могла не повредить внѣшнему кредиту, то къ вопросу о рессурсахъ для войны большею частью относились съ очень мрачнымъ скептицизмомъ.

многихъ видовъ и рядомъ съ нимъ юриспруденція признаетъ другіе, не менѣе его важные. Поэтому смѣшно, когда у насъ нѣкоторые виды государственнаго долга (напримѣръ, бумажныя деньги) иногда не признаются долгомъ, потому что они не представляютъ кредита, или даже выражаютъ его отсутствіе. Долги возникаютъ не только изъ кредита, но и отъ многихъ иныхъ причинъ. Правительственнаго заявленія, что извѣстная сумма имъ признается государственнымъ долгомъ, достаточно для превращенія этой суммы въ предметъ долга, хотя бы въ началѣ она была получена прямымъ принудительнымъ путемъ безъ всякаго займа ея.

и только въ 1879 году немного болѣе 42,000,000 рублей, во всѣ же четыре года издержано 286.415,930. А такъ какъ средствъ у фонда было лишь 131.451,463 рубля, то недостававшіе 154.964,367 рублей были заимствованы изъ суммъ отъ временныхъ выпусковъ.

Само собою разумѣется, что этотъ фактъ никакой связи съ какимъ бы то ни было финансовымъ успѣхомъ не имѣетъ. Онъ, напротивъ, находился въ тѣснѣйшей связи съ тѣми явленіями, которыя ожидали преобразованія. И война въ этомъ случаѣ такъ же неблагопріятно повліяла на возможность преобразованія, какъ и въ остальныхъ случаяхъ. Война, напротивъ поблагопріятствовала осуществленію на практикѣ нѣсколькими годами ранѣе мысли, которая лишь впослѣдствіи стала центральнымъ пунктомъ цѣлой доктрины: что всего лучше строить желѣзныя дороги, выпуская для нихъ бумажныя деньги. Если бы выпуски бумажныхъ денегъ не были нужны, какъ временной способъ выждать пока поступятъ суммы по заключеннымъ займамъ, то къ нимъ едва ли прибѣгли бы для желѣзно-дорожныхъ расходовъ.

Присоединяя къ израсходованнымъ въ 1877 — 9 годахъ на желѣзныя дороги 154.694,367 рублямъ показанную выше сумму 67.832,389 рублей, недостававшую для обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ расходовъ 1876 — 82 годовъ, мы получаемъ итогъ въ 222.796,756 рублей. Чтобы составить сумму въ 400.000,000 рублей, недостаетъ еще 177.203,244 рубля, которые представляютъ третью роль кредитныхъ билетовъ незакончившагося еще періода нашей финансовой исторіи. Эта роль заключалась въ усиленіи наличности кассъ государственнаго казначейства. Конечно, это было „усиленіе наличности" въ весьма обширномъ масштабѣ; но, во-первыхъ, оно оправдывалось крупностью чрезвычайныхъ расходовъ, къ удовлетворенію которыхъ кассы казначейства должны быть готовы даже еще прежде, чѣмъ въ точности извѣстно, какъ велики предстоящіе расходы. Во-вторыхъ, выпуски для усиленія наличности весьма существенно отличаются отъ выпусковъ, которые служатъ прямымъ финансовымъ рессурсомъ: перваго рода выпуски образуютъ кассовые остатки, наличное имущество, составляющее активъ государственнаго казначейства, — тогда какъ второго рода выпуски представляютъ только долгъ, только пассивъ государственнаго казначейства. И если почти половина выпуска, сдѣланнаго во время послѣдней войны, отличалась такою, совершенно новою въ нашихъ финансовыхъ лѣтописяхъ особенностью, то, очевидно, ихъ значеніе въ новѣйшее время весьма существенно отличалось отъ ихъ важности въ предъидущія времена.

Изъ приведенныхъ данныхъ о роли кредитныхъ билетовъ въ 1876—80 годахъ ясно, какъ много заблужденій въ ходячихъ взглядахъ на указъ 1-го января 1881 года объ изъятіи кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ во время послѣдней войны. Оказывается во-первыхъ, что указу этому приходится лишь въ самой незначительной мѣрѣ сводить счеты по военнымъ расходамъ.

На дѣлѣ займы, заключаемые для ежегодныхъ платежей государственному банку по 50.000,000 рублей, главнымъ образомъ имѣютъ задачею консолидировать желѣзно-дорожный долгъ. Во-вторыхъ, еще болѣе неправильно исходить изъ того, что кредитные билеты, выпущенные съ 1876 года, уже проникли въ обращеніе; совершенно извращаются факты, когда дѣло представляется такъ, что для изъятія кредитныхъ билетовъ приходится чуть не баграми разыскивать ихъ по каналамъ обращенія, чтобы вытаскивать ихъ какъ бы клещами. Ни о чемъ подобномъ и рѣчи быть не должно было бы. Насколько кредитные билеты служили для усиленія казенныхъ кассъ, указъ 1-го января 1881 года клонится лишь къ консолидаціи этихъ кассъ, посредствомъ „усиленія“ ихъ въ мирное время болѣе правильными операціями, чѣмъ какія для этого были возможны въ военное время.

Общій результатъ кредитныхъ операцій, вызванныхъ чрезвычайными расходами 1876—1882 годовъ, и перемѣнъ, происшедшихъ въ это время отъ упадка стоимости кредитнаго рубля, слѣдующимъ образомъ отразился на данныхъ о государственномъ долгѣ. Къ 1883 году оставалось по займамъ, заключеннымъ на звонкую монету 1.167,474,411 металлическихъ рублей, а начисляя на нихъ 60% лажа—1.867,959,058 кредитныхъ рублей; по займамъ, заключеннымъ на бумажныя деньги, оставалось 1.474,267,914 рублей; слѣдовательно, весь консолидированный государственный долгъ достигалъ 3.342,226,972 рубля. А такъ какъ неотвержденныхъ долговъ по кредитнымъ билетамъ, по билетамъ казначейства и по долгу ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій всего было 1.436,947,382 рубля, то общій итогъ государственныхъ долговъ, непосредственно связанныхъ съ государственною росписью, достигалъ 4.779,174,354 рублей. Сверхъ того въ обращеніи было бумагъ, по которымъ проценты и погашеніе падаютъ на особые источники, выкупныхъ и банковыхъ билетовъ 1-го выпуска, на сумму 644.643,049 рублей. Такимъ образомъ, окончательный итогъ всѣхъ государственныхъ долговъ опредѣлялся въ 5.423,817,403 рубля.

Сравнительно съ состояніемъ наканунѣ послѣдней войны это даетъ увеличеніе свыше 2 милліардовъ рублей. Но изъ нихъ

553.110,037 рублей не представляютъ дѣйствительнаго увеличенія долга, а происходятъ отъ упадка кредитнаго рубля и связанной съ этимъ большей суммы лажа на капиталъ металлическихъ займовъ. Дѣйствительно же увеличеніе долга простиралось до 1.458,522,726 рублей; въ томъ числѣ на займы, не обременяющіе государственную роспись, приходится 39.692,600 рублей, а увеличеніе долговъ казначейства выражается суммою 1.418,830,125 рублей.

Въ нашемъ предъидущемъ изложеніи мы должны были, разсказывая о разныхъ эпохахъ и желая сохранить за каждою изъ нихъ свойственную ей окраску, выражать суммы, къ нимъ относящіяся, въ ихъ собственныхъ рубляхъ: ассигнаціями, серебромъ, металлическихъ и кредитныхъ. Въ видахъ сравненія, большой интересъ представляетъ не только сопоставленіе данныхъ о государственномъ долгѣ въ разныя времена, но и приведеніе всѣхъ этихъ данныхъ къ одному знаменателю. То и другое сдѣлано въ нижеслѣдующей краткой табличкѣ, сжато резюмирующей исторію русскаго государственнаго кредита. Государственныхъ долговъ было:

	въ рубляхъ всякой эпохи.	въ современныхъ кредитн. рубляхъ
въ концѣ царствованія Екатерины II . . .	215.000,000	240.800,000
по окончаніи наполеоновскихъ войнъ . . .	1.202,376,707	480.950,680
при уходѣ Гурьева	1.346,014,910	574.299,570
при уходѣ Канкрина.	2.049,458,868	936.896,420
наканунѣ крымской войны.	863.696,309	1.381,914 095
послѣ крымской войны.	1.762,110,499	2.537,439,120
при вступленіи въ управленіе М. Х. Рейтерна	1.915,446,333	—
наканунѣ послѣдней войны.	3.412,184,640	—
къ 1883 году	5.423,817,403	—

Сравнительно съ состояніемъ по окончаніи крымской войны неотвержденный государственный долгъ въ настоящее время больше на 38.662,862 рубля. Но въ настоящее время въ размѣнномъ фондѣ золота и серебра больше, чѣмъ тогда было на 52.332,574 рубля и сверхъ того указомъ 1 января 1881 года обезпечено уменьшеніе неотвержденнаго долга на 400.000,000 рублей. Въ окончательномъ результатѣ неустроенная часть неотвержденнаго государственнаго долга, сравнительно съ его состояніемъ по окончаніи крымской войны, уменьшилась на 413.669,712 рублей.

Илл. Кауфманъ.

ПЕСТРЫЯ ПИСЬМА

Чтобы „Пестрыя Письма“ во-истину оправдывали это названіе, позвольте мнѣ сдѣлать небольшую экскурсію въ область прошлаго.

До „катастрофы“, моя сосѣдка, добрая Арина Михайловна Окóнцева, жила очень смирно. Къ этому времени, ей было ужъ за тридцать, а мужу ея, Севастьяну Игнатьичу, годомъ-двумя побольше. Имѣніе у нихъ было изъ среднихъ—по старому счету, душъ триста; но, какъ люди старозавѣтные и неприхотливые, они довольствовались и малымъ. А такъ какъ, сверхъ того, они изъ деревни не выѣзжали, то это малое настолько граничило съ изобиліемъ, что домъ Окóнцевыхъ представлялъ собой полную чашу, въ которой все говорило о запасливости и предусмотрительности домовитой хозяйки.

И мужъ, и жена, жили душа въ душу. Она взяла на себя всѣ хлопоты по домашнему обиходу и по управленію имѣніемъ; на немъ—лежала только сладкая обязанность любить ее. Осьмнадцати лѣтъ, Ариша была бодрою, свѣжею и сильною дѣвушкой; такою же казалась она Севастьяну Игнатьичу и въ тридцать лѣтъ, хотя значительно пошла въ кость, обзавелась усиками, и фигурой скорѣе напоминала солидно скроеннаго мужчину, нежели деликатную даму. Съ своей стороны, и Севастьянъ Игнатьичъ въ глазахъ Арины Михайловны оставался все тѣмъ же обаятельнымъ гусаромъ, какимъ онъ былъ, когда впервые пропѣлъ передъ нею модный въ то время романсъ: „Гусаръ, на саблю опираясь“, хотя черезъ пятнадцать лѣтъ, благодаря усиленной выкормкѣ, онъ скорѣе напоминалъ среднихъ лѣтъ скопца, нежели лихого корнета. Время не наложило своей всевластной руки на ихъ взаимныя отношенія. Какъ въ первую, такъ и въ послѣднюю

минуту, оба помнили и понимали одно: онъ—что она Ариша, она—что онъ Савося. И что лучшаго ничего они не выдумаютъ, какъ любить другъ друга.

Богатства у нихъ не было, но не было и затѣй, которыя заставляли бы чувствовать отсутствіе богатства. Было все „свое", и въ этомъ „своемъ" они себѣ не отказывали. Своя живность, свое варенье, свои наливки, свои смоквы, свое тепло, свой просторъ. Все некупленное и притомъ являющееся какъ-будто само собой, безъ усилій, безъ думы, точно волна за волной плыветъ, а за этой волной и еще волна виднѣется. Поѣсть захотятъ—поѣдятъ; посидѣть захотятъ—посидятъ, а не то, такъ и походятъ. Пріемовъ они не дѣлали и съ гостями скучали (глаза при гостяхъ у нихъ слипались), хотя отъ хлѣбосольства не отказывались. Всего охотнѣе, по случаю всегдашней взаимной любви, они оставались съ глазу на глазъ, вдвоемъ.

Встанутъ, бывало, часовъ въ восемь утра, Ариша по хозяйству исчезнетъ, а Савося временно останется одинъ въ цѣлой анфиладѣ комнатъ. Посидитъ онъ и походитъ, какъ вздумается; иногда подумаетъ, а иногда и такъ въ окошко поглядитъ; и во всякомъ случаѣ чего-нибудь покушаетъ („пить" она ему дозволяла только одну рюмку водки передъ обѣдомъ). Но пройдетъ часъ, другой, и онъ уже начинаетъ просовывать голову въ корридоръ, выглядывая, не пройдетъ ли мимо Ариша. И, разумѣется, поймаетъ.

— Ариша! ты?

— Ахъ ты, мо-о-ой!

Поцѣлуются, и опять каждый за дѣло. Опять пройдетъ часъ, другой...

— Ты, что ли, Ариша?

— Ахъ ты, мо-о-ой!

И не увидятъ, какъ день пролетитъ. А вечеромъ, еще восьми часовъ на дворѣ нѣтъ, Савося ужъ начинаетъ торопиться. Перестанетъ ходить и усядется въ кресло, точно невѣсть какъ уморился. Увидѣвъ Савосю въ этомъ положеніи, Арина Михайловна и съ своей стороны начинала спѣшить. Заказавши завтрашнюю ѣду, она шла къ мужу и говорила:

— Что, пѣтушокъ, къ курочкѣ подъ крылышко баиньки собрался?

Словомъ сказать, тѣмъ горячѣе они любили другъ друга, что и любовь у нихъ была „своя", не купленая. Но въ особенности преданно и горячо любила она. Почему-то она предполагала, что Савося, какъ бывшій гусаръ, долженъ имѣть вкусы изысканные.

А такъ какъ она съ каждымъ годомъ все больше и больше шла въ кость, то и ставила мужу въ большую заслугу, что онъ, несмотря на это, не только ни разу ей не измѣнилъ, но никогда ни на одну горничную завистливымъ окомъ не взглянулъ.

— Чтò я такое—мужикъ мужикомъ!—открывалась она ключницѣ Платонидушкѣ:—кожа на мнѣ словно голенище выростковое, на рукахъ—мозоли, на ногахъ—сапожищи! Ты думаешь, онъ этого не понимаетъ?—Понимаетъ, мой другъ! ахъ какъ понимаетъ! И ему, голубчику, любовинки-то хочется! И чтобы бѣленькая, и чтобы нѣжненькая... А онъ, вмѣсто того, одну меня, бабу-чернавку, любитъ. Должна ли я это цѣнить?

И вознаграждала Савосю за любовь тѣмъ, что окружала его всевозможными попеченіями. Вѣтру не давала на него вѣнуть, любимыя его блюда на перечетъ знала, и нарочно по корридору лишній разъ пробѣгала (хотя дѣла у нея всегда по горло было) на случай, не выглянетъ ли Савося изъ комнатъ.

Дѣтей имъ Богъ не далъ, копить было не для кого. Такимъ образомъ, они имѣли полную возможность жить исключительно для себя. Конечно, Божьяго добра зря не транжирили, но и не скопидомствовали, а только всемѣрно другъ друга холили, чувствуя, какъ мягко подхватываетъ ихъ волна за волной, и зная напередъ, что и конца этимъ ласкающимъ волнамъ не предвидится.

И крестьяне, и дворовые, не могли нахвалиться ими; говорили: у насъ не господа, а ангелы. Никого они не обременяли ни непосильной работой, ни оброками, а довольствовались тѣмъ и другимъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой это было нужно, чтобъ въ господскомъ домѣ полная чаша была. И чтобы не въ однихъ господскихъ покояхъ, но и въ застольной, и на скотномъ и конномъ дворахъ — вездѣ, чтобы изобиліе и сытость царствовали. Чтобы дѣвка такъ дѣвка, корова такъ корова, пѣтухъ такъ пѣтухъ—вотъ у насъ какъ!

Денегъ въ домѣ Окòнцевыхъ въ обращеніи мало водилось. Было у Арины Михайловны „маменькино приданое“, но оно хранилось въ „Совѣтѣ“, и проценты съ него ежегодно присовокуплялись къ капиталу. Что касается до текущаго дохода, то онъ почти всецѣло получался натуральными произведеніями, изъ которыхъ только малая часть поступала въ продажу. Вообще, на деньги Оконцевы смотрѣли какъ на что-то исключительное, волшебное, долженствующее придти на выручку въ „черный день“. Для обихода, на наличныя деньги пріобрѣталась только бакалея и матеріалъ для одежды, и все „покупное“ расходовалось до

крайности разсчетливо и даже скупо. Кассой завѣдывалъ Севастьянъ Игнатьичъ, который приходилъ въ неописанное волненіе всякій разъ, когда предстоялъ по хозяйству денежный расходъ. Раза два въ годъ онъ усчитывалъ себя, и ежели оказывался излишекъ, то супруги уѣзжали на короткое время въ Москву (въ „Совѣтъ"), гдѣ Севастьянъ Игнатьичъ велъ переговоры съ приказными, что-то „вынималъ" и что-то „клалъ", но при этомъ велъ свои операціи въ такомъ секретѣ, что никогда ни одинъ сосѣдъ не пронюхалъ, что у Оконцевыхъ пахнетъ деньгами, и не попросилъ взаймы.

Это была идиллія, содержаніе которой не разнообразилось даже проявленіями такъ называемыхъ патріархальныхъ отношеній. Сосѣди-помѣщики смѣялись надъ неповрежденной годами страстностью счастливыхъ супруговъ, и сочиняли по этому поводу пикантные анекдоты; но Оконцевы жили такою замкнутой жизнью, что никакое судаченье не доходило до нихъ. Зато имъ довольно часто приходилось выслушивать репримaнды по поводу слабаго управленія крѣпостными людьми. Время тогда было серьезное и предусмотрительно во всѣхъ частяхъ согласованное. Человѣкъ представлялся чѣмъ-то въ родѣ сатанина сосуда, который надлежало держать тщательно закупореннымъ, такъ какъ, при малѣйшей оплошности, сатана выскочитъ и начнетъ чертить. Но ежели таково было представленіе о человѣкѣ вообще, то по отношенію къ крѣпостному человѣку оно являлось уже совсѣмъ непререкаемымъ. Оконцевыхъ предостерегали (преимущественно съ точки зрѣнія дурного примѣра); предсказывали, что они и сами раскаются, но будетъ поздно; и спеціально указывали на Макарку-идола, который, отъ корму да отъ праздности, того гляди, съ жиру лопнетъ. Послѣ подобныхъ увѣщаній, Савося нерѣдко задумывался и прищуривалъ одинъ глазъ, какъ бы искушаемый вопросомъ: не вспрыснуть ли Макарку-идола, чтобы ходилъ веселѣе? Но Ариша замѣчала эту задумчивость и успокоивала мужа однимъ словомъ: пустяки! Никогда даже колебаній по этому поводу ей на умъ не входило.

— Дѣтей намъ Богъ не далъ,—говорила она:—чего захочется, и безъ тиранства всего у насъ вдоволь, а они на̀тко что выдумали: людей ти̂госить!

И жили они среди этой идилліи, забытые не только исправникомъ, но даже становымъ приставомъ, жили счастливые, довольные, сытые... до самаго дня „катастрофы".

Слухи къ приготовленію къ „катастрофѣ" дошли до нихъ поздно. Сельскій батюшка за третнымъ жалованьемъ въ городъ

поѣхалъ, и засталъ тамъ большой съѣздъ. А на постояломъ дворѣ ему сказали, что дворяне съѣхались, потому что имъ дозволено на счетъ „воли“ просить. Но Окôнцевы не вдругъ повѣрили, а истолковали съѣздъ дворянъ въ томъ смыслѣ, что, какъ прежде бывало, „пошушукаются, пошушукаются дворняжки да и разъѣдутся“. Однакожъ мѣсяца черезъ два, пришла изъ губерніи печатная разграфленая бумага на имя Арины Михайловны Оконцевой, владѣлицы сельца Присыпкина съ деревнями. Требовали статистику.

— Статистику требуютъ, — сказалъ Севастьянъ Игнатьичъ, прочитавши бумагу:—вотъ, прочтй!

Ариша прочла и поблѣднѣла.

— Разорвать, что ли?—предложилъ онъ нерѣшительно.

— Разорви!—отвѣтила она, не задумавшись.

Это было первое открытое неповиновеніе властямъ, которое Севастьянъ Игнатьичъ позволилъ себѣ въ теченіе всей своей смирной жизни. Разорвавши бумагу и предавши клочки сожженію, онъ, повидимому, успокоился; но спокойствіе это было только наружное. Ни онъ, ни Арина Михайловна уже не могли забыть. Домашній обиходъ не измѣнился, но въ сердца заползъ страхъ будущаго. „Отнимутъ!“—неотступно мелькало въ умѣ Севастьяна Игнатьича, и ему казалось, что стѣны господскаго дома, въ которомъ росла и провела жизнь его Ариша (имѣніе было ея, а онъ только свою красоту въ домъ принесъ), начинаютъ колебаться. „Отнимутъ!“ шептала съ своей стороны и Арина Михайловна и автоматически вперяла взоръ въ Платонидушку, словно думая: вотъ она, эта самая птица... вотъ она, сейчасъ полетитъ!

Такъ и не написалъ Савося статистики.

— Никакой я бумаги не получалъ! врете вы!—малодушно отпирался онъ, когда становой приставъ напоминалъ ему о скорѣйшемъ отвѣтѣ.

— Вамъ же хуже будетъ, Севастьянъ Игнатьичъ!—уговаривалъ его становой:—теперича въ губерніи господа собрались, стараются, какъ бы для господъ-помѣщиковъ получше сдѣлать—ну, и надобно, значитъ, все по сущей правдѣ показать. Земля, молъ, черноземъ, луга—человѣка въ травѣ не видать, а, опричь того, тáльки, грибы, куры, бараны—покорно прошу вознаградить!

— А они, вмѣсто награжденья-то, обложеніемъ пожалуютъ...

— Помилуйте! какимъ же манеромъ!

— Да безъ всякаго манера—такъ. Коли у васъ черноземъ, скажутъ, такъ пожалуйте по рублику серебрецомъ съ десятинки!

да съ луговъ, да съ талекъ, да съ куръ... Да еще за фальшь, за то, что ты глину за черноземъ показалъ... пожалуйте!

Тѣмъ не менѣе, не смотря на то, что многіе Севастьяны Игнатьичи статистики не доставили, дѣло освобожденія состоялось. Господа Окóнцевы собственными глазами увидѣли, какъ однажды утромъ потянулся мимо усадьбы народъ въ ближайшее село къ обѣднѣ, и часа черезъ три-четыре воротился назадъ. А послѣ обѣда, Платонидушка доложила барынѣ, что на посадѣ мужички водку пили.

— Теперь будутъ пить—не безпокойся! теперь... будутъ!— рѣшила Арина Михайловна, но безъ гнѣва, а скорѣе въ тонѣ пророчества, который она съ этихъ поръ и усвоила себѣ навсегда.

Обстоятельства, въ которыхъ очутились Оконцевы, были тѣмъ болѣе затруднительны, что вплоть до самаго осуществленія эмансипаціоннаго дѣла, и мужъ, и жена были увѣрены, что оно уничтожится измором. Поэтому, никакихъ бумагъ они не принимали, и даже когда становой оставилъ на столѣ въ конторѣ печатный экземпляръ „Положенія", то и его велѣли подальше убрать. Тѣмъ не менѣе, фактъ совершился, и надобно было жить...

Можно ли приказывать, или нельзя? какъ поступать съ кушаньемъ, съ стиркой бѣлья, съ топкой печей, съ уборкою комнатъ? И поступать не когда-нибудь, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, а именно сегодня, сейчасъ.

Какъ ни странны были эти вопросы, но они первые—или, лучше сказать, они одни—пришли на умъ. Допустимъ, что сегодняшній обѣдъ еще вчера былъ заказанъ — ну, съ этимъ еще какъ-нибудь можно... ну, рыбки солененькой, рыжичковъ... Но завтрашній обѣдъ? что̀ такое этотъ завтрашній обѣдъ и вообще все завтрашнее,—утопія это или достовѣрность?

Для Севастьяна Игнатьича перемѣна была не столько чувствительна, потому что онъ и сегодня, какъ вчера, шагалъ взадъ и впередъ по анфиладѣ, не принимая участія въ распоряженіяхъ: но Арина Михайловна положительно почувствовала себя какъ въ каменномъ мѣшкѣ. Вчера, она мелькала по дому, разспрашивая, приказывая, объясняя, сегодня — внезапно спуталась и оторопѣла. Точно она куда-то шла, хотѣла что-то нужное сдѣлать, и вдругъ забыла. Остановилась, смотритъ во всѣ глаза и даже не усиливается припомнить.

Въ домѣ все стихло; господа—уклонялись, дворовые—выжидали. Что-то существенное перестало дѣйствовать въ этомъ механизмѣ, какой-то скрытый рычагъ, который приводилъ его въ движеніе. Такъ бываетъ, когда въ домѣ умеръ главный человѣкъ.

и никто еще не опредѣлилъ себѣ съ ясностью, ка̀къ и что̀ нужно дѣлать, чтобы опять все мало-мальски наладилось. Сперва нужно покойника похоронить, а потомъ ужь и объ „дѣлахъ“ думать.

Недѣли черезъ двѣ, къ барскому дому подъѣхали троечныя сани, и изъ нихъ выскочилъ молодой человѣкъ. Онъ надѣлъ въ передней цѣпь на шею, вошелъ въ комнаты и отрекомендовался участковымъ мировымъ посредникомъ.

— Такъ-съ,—отвѣтилъ Севастьянъ Игнатьичъ, и до того сконфузился, что даже не подалъ молодому человѣку руки и не предложилъ сѣсть.

Молодой человѣкъ съ минуту поколебался и сѣлъ безъ приглашенія.

— Я пріѣхалъ къ вамъ,—началъ онъ:—чтобы предложить, не пожелаетъ ли ваша супруга приступить къ составленію уставной грамоты?

— Не желаемъ-съ.

Молодой человѣкъ, услышавъ этотъ неожиданно-ясный отвѣтъ, окинулъ Савосю удивленнымъ взоромъ.

— То-есть, въ какомъ смыслѣ?—недоумѣвалъ онъ.

— Не „въ смыслѣ“, а просто не желаемъ-съ.

— То-есть, покуда, или вообще?

— Не „покуда“ и не вообще-съ... не желаемъ-съ!

— Но въ такомъ случаѣ, я вынужденъ буду лично выполнить за вашу супругу эту обязанность.

— Это... смотря-съ.

— Ка̀къ это... „смотря“?

— Смотря-съ... только и всего.

— Въ такомъ случаѣ... до пріятнаго свиданія!

— Но мы... не желаемъ-съ!

Молодой человѣкъ шаркнулъ ножкой и ретировался, а Севастьянъ Игнатьичъ проводилъ его до передней, и покуда онъ укутывался, разъ десять повторилъ одну и ту же фразу:

— Но, мы... не желаемъ-съ!

Молодой человѣкъ былъ въ великомъ смущеніи. Какъ усердный малый, онъ успѣлъ ужъ почти весь участокъ объѣхать, но еще нигдѣ подобнаго пріема не встрѣтилъ. Въ иномъ мѣстѣ его встрѣчали общимъ подколоднымъ шипѣніемъ, въ которомъ принимали участіе даже малолѣтки; въ другомъ—неслись къ нему навстрѣчу съ распростертыми объятіями и съ возгласомъ: привѣтствуемъ васъ, благую вѣсть приносящаго! Но, во всякомъ случаѣ, вездѣ съ нимъ настоящій разговоръ разговаривали и вездѣ предлагали вмѣстѣ хлѣба-соли откушать. И вотъ, наконецъ, вы-

искался домъ, гдѣ ему только какія-то рыцарскія слова говорятъ. „Не желаемъ"! ахъ, чортъ побери, они не „желаютъ"!. И не желайте, любезнѣйшіе! и никто васъ не принуждаетъ! Только помните...

Однако, вотъ будетъ потѣха, ежели весь уѣздъ, по примѣру Оконцевыхъ, вмѣсто исполненія благихъ предначертаній, начнетъ рыцарскія слова говорить?!

А Севастьянъ Игнатьичъ, между тѣмъ, тотчасъ по отъѣздѣ посредника, кликнулъ Аришу, и затѣмъ съ часъ они, обнявшись, ходили по залѣ, о чемъ-то по секрету совѣщаясь. Послѣ обѣда, Савося, спустивши предварительно въ окнахъ шторы, заперся въ кабинетѣ, вынулъ изъ потайного ящика ломбардные билеты, нѣсколько разъ прикинулъ ихъ на счетахъ, потомъ сосчиталъ наличность, и къ вечернему чаю его работа была готова. Оказалось, что маменькино приданое, вмѣстѣ съ наросшими на него процентами и съ ежегодными присовокупленіями изъ доходовъ, представляло круглую цифру въ шестьдесятъ тысячъ рублей. Результатъ этотъ, повидимому, настолько удовлетворилъ супруговъ, что весь остальной вечеръ они были веселы.

На другой день начались сборы. Укладывали все вообще, кромѣ громоздкихъ вещей. Ящики съ не особенно нужными вещами запирали въ кладовую, а что̀ понужнѣе—готовилось къ отправкѣ. Очевидно, господа торопились воспользоваться послѣднимъ зимнимъ путемъ; но куда и надолго ли они собрались — никто не зналъ. На другой день Благовѣщенья, рано утромъ господа съѣздили на могилки къ Аришинымъ родителямъ, и когда дорожный возокъ былъ окончательно уложенъ и снаряженъ, созвали въ залъ дворовыхъ людей и простились.

— Ѣду отъ васъ. Не могу,—сказалъ Севастьянъ Игнатьичъ. —За службу—благодарю. Хоть вы и не мои были, а барынины, а все-таки, по ея великой ко мнѣ милости (онъ сдѣлалъ низкій поклонъ въ сторону Арины Михайловны... „Ахъ, что̀ ты, Савося!"), я за вами много лѣтъ покоенъ былъ. И ежели кто отъ меня обиду видѣлъ—простите!

— И меня простите!—прибавила Арина Михайловна, низко кланяясь.

— Провизію, которая въ погребахъ осталась, — продолжалъ Севастьянъ Игнатьичъ:—барыня вамъ жалуетъ. А о томъ, какъ вамъ быть до рѣшенья судьбы, спрашивайте у вышняго начальства, а мы тому не причинны. Живите.

Въ тотъ же день мировой посредникъ получилъ отъ Прасыпкинской барыни бумагу слѣдующаго содержанія:

„Господину мировому посреднику.

„Не желая быть свидѣтелями онаго происшествія, каковое, кромѣ разоренія, не иначе, какъ къ общей гибели почитаемъ, выѣзжаемъ мы съ мужемъ изъ имѣнія сельца Присыпкина и возлагаемъ на васъ. И въ случаѣ будетъ выдана за сіе отъ вышняго начальства награда, а равно и на счетъ угодьевъ, какъ-то: лѣсовъ, пустошей, рыбныхъ ловлей и прочаго, то просимъ таковое выслать по жительству.

Жена корнета Ирина Оконцева".

А внизу была особая приписка рукою Арины Михайловны: „Я папеньку покойнаго вашего знала, и увѣрена, что онъ сего бы не допустилъ".

Однако-жъ, искусственное возбужденіе, поддерживавшееся новостью факта и дорожными сборами, упало съ первыхъ же шаговъ по вступленіи супруговъ въ область вольной жизни. Арина Михайловна, впрочемъ, выдерживала постигшую ее невзгоду довольно стойко, но Севастьянъ Игнатьичъ сразу раскисъ. Вдобавокъ, ѣхать пришлось по пути уже почти разрушенному и на цѣлыя сутки дольше обыкновеннаго. На четвертый день пріѣхали въ Москву и остановились на постояломъ дворѣ у Сухаревой. Тотчасъ же по пріѣздѣ, Севастьянъ Игнатьичъ сталъ жаловаться, что у него вздохи точно клещами зажало, но за лекаремъ не послалъ, думалъ, что и безъ лекаря отъ липоваго цвѣта пройдетъ. А черезъ недѣлю, Арину Михайловну постигло великое горе, о которомъ она и въ мысляхъ никогда не держала: Севастьянъ Игнатьичъ скончался.

Сверхъ ожиданія, Арина Михайловна перенесла свою потерю довольно мужественно. Но въ Присыпкино не воротилась, а устроилась навсегда въ Москвѣ, и съ этой минуты окончательно закоснѣла. Не озлобилась, а именно закоснѣла, т.-е. начала всѣ невзгоды, не только личныя, но и государственныя, какъ-то: войны, неурожаи, эпидеміи, хищенія, недоимки и проч. неизмѣнно пріурочивать къ „катастрофѣ". Проворуется ли кто — это оттуда идетъ; произойдетъ ли грандіозное убійство — это оттуда идетъ; поразитъ ли цѣлую губернію неурожай — это оттуда идетъ; случится ли на желѣзной дорогѣ крушенье поѣзда—это оттуда идетъ. Гессенская муха, кузька, новые суды, суслики, расхищеніе власти, свобода книгопечатанія, ослабленіе религіознаго чувства—все оттуда. Она не злорадствовала, не ехидствовала, а только любила прорицать: не то еще будетъ! вотъ погодите! Казалось, у ней

былъ наготовѣ цѣлый каталогъ бѣдствій, и она цитировала то одно, то другое, автоматически приговаривая: это еще цвѣточки, а вотъ ужо́ ягодки будутъ!

Между тѣмъ, личное ея положеніе, въ сущности, было совсѣмъ не дурное. Въ ломбардѣ у нея лежалъ приличный капиталъ, который она съ выгодою помѣстила въ пятипроцентныхъ банковыхъ билетахъ. И домъ для жительства своего, въ одной изъ Мѣщанскихъ, она задешево пріобрѣла, и устроилась на навосельѣ какъ нельзя лучше. Выписала изъ Присыпкина все барское добро, не исключая и мебели, составила себѣ небольшой штатъ изъ старой присыпкинской дворни, сѣла у окошка въ то самое вольтеровское кресло, въ которомъ нѣкогда покойный Севастьянъ Игнатьичъ послѣ обѣда дремалъ, и начала шерстяной шарфъ вязать. Провизія въ то время была еще не особенно дорога, денегъ было достаточно, дрова, правда, кусались — ну, да погодите! ужо́ то ли еще будетъ! Послѣ деревенской хозяйственной сутолоки, она точно на дно рѣки опустилась. Никому до нея дѣла нѣтъ, и ей ни до кого и ни до чего дѣла нѣтъ. Скучновато, но зато покойно. Сидитъ она у окошка, и все ей на улицѣ видно. Кто ни пройдетъ, ни проѣдетъ, она ко всѣмъ постепенно присматривалась. Вотъ это „здѣшній“ идетъ—аблакатъ; вотъ и это „здѣшній“ же —онъ „не при занятіяхъ“ состоитъ, но по имени его звать Иваномъ Иванычемъ. А вотъ это „чужой“ прошелъ—куда это онъ лыжи навострилъ? Ишь спѣшитъ, точно въ аптеку торопится. А вотъ кто-то у Семенъ-Семеныча звонится. Звонится, звонится, не отпираютъ бѣдному, а дождикъ такъ на него и льетъ. Наконецъ, однако, отперли. Выглянула въ дверь баба, злая, презлая! Она, должно быть, блохъ у себя въ бѣльѣ ловила, а ей посѣтитель помѣшалъ—ахъ, пропасти на васъ, шатуновъ, нѣтъ!

— Дома Семенъ Семенычъ?

— Ни свѣтъ, ни заря ушелъ. Его у насъ одна заря выгонитъ, а другая вгонитъ!

Дверь съ азартомъ захлопывается, и посѣтитель задумчиво вперяетъ взоры въ глубь четвертой Мѣщанской, какъ бы испытуя: гдѣ ты, Семенъ Семенычъ? ау! А Семенъ Семенычъ, съ Гамлетомъ въ рукахъ, съ Гамлетомъ въ сердцѣ и съ Гамлетомъ въ головѣ (есть въ Москвѣ чудаки, которые до сихъ поръ Мочалова да Цынскаго забыть не могутъ!), тутъ же не подалечку передъ Сухаревой башней въ восторженномъ оцѣпенѣніи стоитъ и мысленно разрѣшаетъ вопросъ: кто выше, Шекспиръ или Сухарева башня?

Словомъ сказать, всю подноготную Арина Михайловна знала,

и отлично къ ней прижилась. А, вдобавокъ, спустя не много послѣ „катастрофы“, и еще деньги къ ней привалили. Мировой посредникъ не попомнилъ Савосинова невѣжества, и добросовѣстно занялся имѣніемъ Арины Михайловны. И уставную грамоту написалъ, и на выкупъ крестьянъ выпустилъ, и занадѣльную землю по частямъ распродалъ, такъ что у Арины очутился новый капиталъ тысячъ въ шестьдесятъ. Жить бы да поживать при такомъ капиталѣ, а она вмѣсто того заладила: погодите! не то еще будетъ! вотъ увидите!

И точно: нужно было сквозь особенные очки смотрѣть, чтобы не видѣть, что свѣтопреставленіе ужъ на носу. А такъ какъ Арина Михайловна безъ очковъ свой шерстяной шарфъ вязала, то, разумѣется, она видѣла.

Началось съ того, что волю вину объявили. И съ боковъ, и напротивъ, и наискось стѣны домовъ расцвѣтились вывѣсками „распивочно и на выносъ“. Всѣ Мѣщанскія наполнились стономъ. Одно хлопанье кабацкими дверьми, одно визжаніе кабацкихъ блоковъ способны были разстроить самые крѣпкіе нервы. Арина Михайловна не могла привыкнуть къ этимъ звукамъ; безпрерывно она вздрагивала, крестилась и, глядя въ окно, прорицала:

— Ишь, пьяница! ишь поперекъ улицы, словно на печи, на снѣгу разлегся. Погодите, то ли еще будетъ! Сотнями мертвыя тѣла по улицамъ подымать будутъ!

Потомъ, явились новые суды и застонали Иверскія ворота, заскрежеталъ Страстной бульваръ... Вой подъячихъ былъ такъ пронзителенъ, что, вмѣстѣ съ эманаціями Охотнаго ряда, явственно доносился до самой Крестовской заставы. Опять пришлось Аринѣ Михайловнѣ вздрагивать и прорицать.

— И за что только старичковъ обидѣли!—жалѣла она подъячихъ: — развѣ за то, что дешевенькіе они были, именно развѣ только за это! Ахъ, да то ли еще будетъ! погодите, и не то увидимъ ужо́!

Наконецъ, подоспѣло и земство... Тутъ ужъ самъ квартальный сказалъ: ну, теперь, братъ, капутъ! А Арина Михайловна сначала было не поняла, думала, что дворянамъ будутъ жалованье раздавать, но потомъ вдругъ все сдѣлалась для нея ясно.

— Пойдутъ теперь во всѣ стороны тащить!—прорицала она: —вотъ помянете мое слово: оглянуться не успѣемъ, какъ все до послѣдней нитки растащутъ! Останется одинъ пшикъ!

Даже привольное житіе въ собственномъ домѣ не удовлетворяло ее; даже капиталъ не примирялъ съ вѣяніями новаго жизненнаго уклада.

— На что мнѣ капиталъ?—говорила она:—вотъ кабы ангелъ мой былъ живъ—тогда, дѣйствительно... Еще лукавый съ этими деньгами попутаетъ...

Увы! она имѣла нѣкоторое основаніе поминать объ лукавомъ. Во-первыхъ, Иванъ Иванычъ (тотъ самый, который „не при занятіяхъ“ состоялъ) какъ только узналъ, что она выкупную ссуду получила, такъ сейчасъ же къ ней свахъ прислалъ. Во-вторыхъ, какой-то молодой приказный, изъ самаго квартала, мимо ея дома ходить повадился. Ходитъ да посвистываетъ, и какъ только поравняется съ окномъ, около котораго она сидитъ, такъ сейчасъ же руку къ сердцу прижметъ и глазами взыграетъ... Насилу она отъ него отдѣлалась! Помощнику квартальнаго трехрублевенькую пожертвовала, такъ онъ раза четыре его, козла несытаго, въ кутузку сажалъ, и только по пятому разу смирилъ. И въ третьихъ, ей самой, не смотря на то, что со смерти Савоси прошло ужъ пять лѣтъ, безпрестанно чудилось, что ея „ангелъ“, словно живой, выглядываетъ въ дверь и ищетъ ее: Ариша! ты, что ли?...

А вдругъ, это выглядываетъ не Савося... а „лукавый“?

Нельзя не опасаться „лукаваго“. Нельзя, живучи въ четвертой Мѣщанской, не ожидать съ часу на часъ появленія его. Москва такой большой городъ и притомъ до того простодушно затѣянный, что въ немъ только и есть два сорта людей: лукавые да простофили, изъ коихъ первые хайло разѣваютъ, а вторые въ разинутое хайло сами лѣзутъ. Лукавые больше въ центрѣ города ютятся; простофили—по окрайнамъ жмутся, а въ томъ числѣ и во всѣхъ четырехъ Мѣщанскихъ. Отъ времени до времени, однако-жъ, „лукавые“ дѣлаютъ на окраины набѣги, и тогда простофили, какъ куры, только крыльями хлопаютъ, но прекословить не пробуютъ.

На этотъ разъ „лукавый“ объявился въ образѣ молодого черноглазаго брюнета, Тимофея Удалого.

Въ одно прекрасное утро онъ явился къ Аринѣ Михайловнѣ, подошелъ къ ручкѣ, назвалъ ее тетенькой, а себя сыномъ кузины Маши.

— Какой же это Маши... словно я не помню! — смутилась Арина Михайловна:—была у меня троюродная сестра... какъ будто Даша... такъ та, кажется, за Недотыкина вышла.

— За Недотыкина—это сначала; а потомъ за корнета Мстислава Удалого. А теперь папенька съ маменькой скончались-съ.

— Не знаю; помнится, была не Маша, а Даша, а впрочемъ... Какъ же ты обо мнѣ, мой другъ, узналъ?

— Иду по улицѣ, и вижу: домъ госпожи Оконцевой. Тутъ все и открылось.

— Ну что-жъ... коли племянникъ—видно такъ Богу угодно. Садись, гость будешь.

Арина Михайловна совсѣмъ растерялась: до такой степени она отвыкла отъ людского общества. Думала одна одинешенька вѣкъ скоротать, а тутъ вотъ родственникъ проявился—какъ его изъ дому выгонишь? И чужихъ сиротъ грѣшно не приголубить, а тѣмъ паче троюродныхъ. А, вдобавокъ, и Тимофей не полѣзъ сразу нахаломъ, а повелъ дѣло умненько. Посидѣлъ не долго и на вопросъ тетеньки, при какой онъ службѣ состоитъ, объяснилъ, что онъ просто „молодой человѣкъ"—только и всего.

— Это что же за званіе такое „молодой человѣкъ"? поди, чай, присутствіе какое-нибудь есть?

— Комитетъ-съ,—скромно объяснилъ Удалой:—дама старушка предсѣдательствуетъ, а прочія старушки присутствуютъ-съ. А я при нихъ—молодой человѣкъ-съ!

На этомъ свиданіе и кончилось. Въ сущности, ничего угрожающаго не произошло, но, какъ на грѣхъ, у Арины Михайловны сердце съ чего-то заныло. Глаза у него окаянные, у этого Тимофея,—это она сразу замѣтила. Самъ весь почтительный, а глаза—большущіе, большущіе!—такъ вотъ и подманиваютъ, такъ ядомъ и поливаютъ! Какъ взглянетъ онъ этакими-то глазищами, да ежели тутъ оплошать...

И пообѣдала она въ этотъ день безъ аппетита, и вечеръ скучно провела, а укладываясь на ночь въ постель, прямо сказала Платонидушкѣ:

— Вотъ и родственничекъ проявился! погоди! ужб и не то еще будетъ!

И затѣмъ, цѣлую ночь проворочалась безъ сна и все думала:

— Возьметъ онъ меня, какъ поморенную курицу, ощиплетъ, да и съѣстъ какъ ему вздумается!

Время, однакожъ, шло, а Удалой продолжалъ вести себя благородно. Приходилъ только по воскресеньямъ, но не къ обѣду, а къ тому времени, какъ тетенька отъ обѣдни воротится и за самоваръ сядетъ. Выпьетъ чашечку и онъ, посидитъ у стѣнки, разскажетъ, въ какомъ году когда Москва-рѣка вскрылась, или что прежде къ масляной балаганы подъ Новинскимъ строили, а ныньче ихъ на Дѣвичье-поле перевели,—и уйдетъ.

Тѣмъ не менѣе, Аринѣ Михайловнѣ почему-то казалось, что онъ это только зубы ей заговариваетъ, а изподтишка сѣть, на ея погибель, раскидываетъ. Она и сама не могла себѣ уяснить причину этихъ опасеній, но убѣжденіе, что въ Тимофеѣ кроется нѣчто угрожающее, съ каждымъ днемъ зрѣло въ ней больше и

больше. И откуда онъ выскочилъ? Сидѣла она смирнехонько, ни о чемъ не думала, а онъ шелъ, распостылый, мимо, да и пришелъ. И выгнать его нельзя, потому онъ кузины Маши сынокъ... Маша или Даша... ахъ, прахъ тебя побери! И должность за собой объявилъ: при старушкахъ... молодой человѣкъ!—вотъ какая должность! Не быть тутъ добру, не быть! не даромъ сразу сердце зачуяло! „При старушкахъ"... „кузина Маша"... Вытаращитъ глазищи да дурманомъ ей душу и поливаетъ! А она сидитъ, и ждетъ... дура, ахъ, дура! Вотъ увидите, не то еще будетъ!

Встревоженная предчувствіями, она съ любовью обращалась къ недавнему прошлому, когда она жила въ Присыпкинѣ, и „ангелъ" ея былъ живъ, и никакихъ сѣтей они не боялись, а жили, жили, жили... И продолжали бы жить, и поднесь, кабы не оно... ахъ, кабы не это „злое, ужасное дѣло!" И „ангелъ" ея былъ бы живъ, и она бы за нимъ, какъ за каменной стѣной, жила. А теперь, куда она одна одинешенька поспѣла? Куда ни обернись, вездѣ словно капкановъ наставили. Въ ряды за покупками пойдешь — пожалуйте къ мировому! въ церковь помолиться пойдешь — пожалуйте въ кварталъ! Намеднись, вышла этакъ-то сосѣдка Марья Ивановна погулять, а домой только на третій день воротилась. Водили ее по мытарствамъ, водили и по судамъ, и по участкамъ, и по кварталамъ, наконецъ, ужъ самъ оберъ-полиціймейстеръ взошелъ: въ чемъ же вы, сударыня, виноваты?

— Никакъ нынче съ жизнью не сообразишь,—жаловалась она сама себѣ: — законовъ много, да иное, по старости, въ забвенье пришло, а въ другомъ, по новости, еще смаку не нашли. И правители есть—вонъ онъ, правитель, тротуаръ гранитъ, ишь каблучками постукиваетъ!—да словно они въ отлучкѣ, и воротятся ли, нѣтъ ли—неизвѣстно. И деньги есть, только чьи онѣ—тоже неизвѣстно. Ни́то мои, ни́то чужіе, и въ какой силѣ—тоже не знаю. Вчера онъ былъ рубль, а сегодня, сказываютъ, онъ ужъ не рубль, а полтинникъ. Какимъ манеромъ? почему? Вонъ мать Митрофанія деньги-то присовокупляла, присовокупляла, а ее за это по Владиміркѣ...

Удалой замѣтилъ эту наклонность ея къ прорицаніямъ, и поддерживалъ ее въ этомъ настроеніи. Какъ ни придетъ, непремѣнно какую-нибудь судебную проказу разскажетъ, а иногда и соединенную судебно-земскую.

— Въ баламутовскомъ земствѣ господинъ управскій предсѣдатель сумму присвоилъ, а судъ его, милая тётенька, оправдалъ-съ.

— Это, мой другъ, чтобъ и на предбудущее время воровали. И пусть воруютъ! воруйте, батюшка, воруйте! Нынче по этой

части свободно, потому вездѣ голь да шмоль завелась—какъ тутъ деньгамъ уцѣлѣть! Вотъ хоть бы на счетъ Присыпкина—сколько лѣтъ и я имъ владѣла, и маменька владѣла, и бабенька, и прочіе которые... И всѣ говорили: мое! А теперь, спроси, чье оно? Былъ домъ, былъ садъ, скотный дворъ былъ, погреба—чьи теперь они? гдѣ? Платонидушка лѣтось тетку въ Присыпкинѣ навѣстить ходила: искали мы, искали, говоритъ, того мѣста, гдѣ барскій домъ стоялъ, такъ и не нашли! Ни намъ, ни вамъ — словно въ воздухѣ растаялъ! Такъ вотъ, мой другъ, съ имѣніемъ, съ настоящимъ имѣніемъ, съ недвижимымъ—какое чудо случилось! А деньги ему что—тьфу!

Или:

— Въ Петербургѣ, тётенька, одинъ чиновникъ начальнику нагрубилъ, а судъ его оправдалъ-съ.

— И по дѣломъ начальнику. Не ходи въ суды, самъ распорядись. А ежели самъ распорядиться не умѣешь, предоставь другимъ, а себя въ сторонкѣ держи. Вотъ я: сколько времени за ворота не выхожу—а почему?—потому, знаю, что только потоль я и жива. Выдь я на минуту—сейчасъ меня окружатъ. Пойдутъ во всѣ стороны теребить, одинъ сюда, другой туда — смотришь, анъ судъ да дѣло! Они-то правы изъ суда вышли, а я, простофиля, въ дурахъ осталась. Нѣтъ, нынче только держись... какъ разъ!

Но больше всего заинтересовалъ Арину Михайловну процессъ червонныхъ валетовъ. Въ подробности этого дѣла она вслушивалась съ захватывающимъ интересомъ, а смѣлые подвиги главнаго валета положительно приводили ее въ восторгъ.

— Такъ-таки до сихъ поръ его и не нашли? — спрашивала она въ волненіи.

— Такъ и не нашли-съ. И представьте себѣ, тётенька, какія онъ штуки выкидываетъ! Его по всей Москвѣ ищутъ, а онъ въ своемъ кварталѣ по вольному найму письмоводствомъ занимается. Однажды даже къ самому предсѣдателю письмо написалъ: я, говоритъ, завтра самолично въ судъ явлюсь. Ну, тотъ и ждетъ, думаетъ, что съ повинной. А онъ придти-то пришелъ, да въ залѣ между публикой все время и просидѣлъ!

— Вотъ такъ ловко!

— Его, тётенька, въ Бакастовомъ трактирѣ ищутъ, а онъ въ „Крыму" съ арфистками отличается. Они—въ „Крымъ", а онъ къ цыганамъ въ „Грузины" закатился! Наслѣдитъ имъ слѣдовъ — ищи да свищи!

— Да, нынче этимъ ловкачамъ... только имъ однимъ и житьё!

— Нынче, тётенька, ежели кто съ дарованіемъ, такъ даже очень хорошо можно прожить. Главное дѣло, выдумку надо въ запасѣ имѣть, чтобы никто такой выдумки не ожидалъ. Сегодня —онъ купецъ, завтра—генералъ, послѣ-завтра—архіерей... Квартальные-то „ахъ-ахъ-ахъ, никакъ это онъ самый и есть!"—а его ужъ и слѣдъ простылъ!

— Такъ, такъ, такъ. „Онъ" по волѣ гуляетъ, а простофили за него въ кутузкѣ сидитъ. Это — такъ! только этого и можно, по нынѣшнему времени, ожидать. Поди, онъ и сію минуту гдѣ-нибудь финты-фанты выкидываетъ!

— Теперь, милая тётенька, и слѣды его потеряли. Можетъ быть, въ земствѣ гдѣ-нибудь скрывается-съ.

— Ха-ха! именно такъ! Именно, именно въ земствѣ! Суды ищутъ—земство покроетъ; земство ищетъ—суды покроютъ... такъ, такъ, такъ!

Въ этотъ день Арина Михайловна даже обѣдать его оставила, а онъ и послѣ обѣда осмѣлился посидѣть.

— Хотите, тётенька, я васъ въ ералашъ съ двумя болванами научу?

И она согласилась. Сперва, даромъ играли, а потомъ по орѣху за пуанъ, и онъ ей сразу цѣлый фунтъ проигралъ. Наконецъ, въ десятомъ часу, когда онъ прощаться сталъ, Арина Михайловна посмотрѣла на него пристальнѣе обыкновеннаго, и не удержалась.

— Чтó это у тебя глаза-то... словно волшебные! — сказала она не то шуткой, не то конфузясь: — ишь вѣдь ты какъ глядишь! не хорошо это, мой другъ, дурно! Ежели и есть въ тебѣ что-нибудь этакое, такъ ты долженъ стараться себя побѣдить!

— Это у меня, тётенька, отъ природы-съ. У папеньки такіе глаза были, и ко мнѣ отъ него перешли. Ахъ, тётенька, вѣдь я сирота!

Онъ произнесъ послѣднія слова такъ жалобно, и при этомъ такъ крѣпко прижалъ губы къ ея рукѣ, что она не могла его не пожалѣть. Ей было съ небольшимъ сорокъ лѣтъ, и сердце ея еще не зачерствѣло. Напротивъ того, отъ спокойной жизни она даже расцвѣла. Мужчина въ сорокъ лѣтъ, дѣйствительно, вступаетъ въ періодъ холоднаго разсужденія и осмотрительности, а женщина въ эту пору именно и становится неосмотрительною. Покуда есть у ней молодость да красота—она кокетствомъ занимается; а чуть дѣло подъ гору пошло—у ней и ушки на макушкѣ. Именно это самое случилось и съ Ариной Михайловной. По уходѣ Удалого, всѣ сомнѣнія относительно его личности окончательно раз-

сѣлись. Она все припомнила. Дѣйствительно, у нея была кузина, не Даша, а Маша, которая сначала за Недотыкина вышла, а потомъ овдовѣла и вышла... да именно за Удалого и вышла! И папенька-покойникъ сколько разъ, бывало, говаривалъ: гдѣ-то теперь наша „удалая“ хвосты треплетъ... а это она самая и была! Да и о Мстиславѣ Удаломъ она гдѣ-то слыхала... когда бишь?.. въ дѣвицахъ еще, должно быть, когда была, а только навѣрное слышала... Стало быть, Тимофей-то и взаправду приходится ей племянникомъ.

Ахъ, эти сироты! ни отца у него, ни матери! Вонъ и сертучонко на немъ... ничего еще сертучокъ, а все-таки... А пріодѣнь-ка его, да пригладь—то ли изъ него выйдетъ!

Я не буду описывать здѣсь подробности послѣдовавшаго затѣмъ сближенія, такъ какъ не мастеръ въ воспроизведеніи любовныхъ эпопей, да и къ дѣлу онѣ въ настоящемъ разказѣ не относятся. Но не могу не отмѣтить, что въ короткое время Арина Михайловна совсѣмъ растерялась. Она настолько подчинилась охватившей ее страсти, что даже о внутренней политикѣ позабыла и перестала прорицать. Пускай суды оправдываютъ! пускай расхищаютъ власть! пускай изъ земскихъ сундуковъ исчезаютъ мужицкія денежки! пускай желѣзно-дорожные поѣзды другъ друга въ лобъ бьютъ!—дѣла ей ни до чего нѣтъ. Вся она, всѣмъ своимъ существомъ, неслась къ ненаглядному „сиротѣ“, который случайно шелъ мимо да и пришелъ. Пришелъ и напоилъ ея жизнь тепломъ, свѣтомъ, счастьемъ! Даже на деньги она получила совсѣмъ новый взглядъ, и ежели не говорила прямо, что онѣ на то и даны, чтобъ ихъ тратить, то потому только, что она просто-на-просто тратила, не размышляя, въ силу какихъ логическихъ построеній она такъ поступала.

Съ своей стороны, Удалой былъ весьма признателенъ. Когда она подарила ему сюрпризомъ щегольскую сюртучную пару, то онъ съ такимъ увлеченіемъ бросился цѣловать ея руки, что она, вся взволнованная, автоматически твердила:

— Ну вотъ! ну вотъ! вотъ онъ какъ радуется... ахъ, бѣдный ты мой!

На что онъ скромно и жалобно отвѣтилъ:

— Ахъ, тётенька! вѣдь я—сирота.

За первымъ подаркомъ послѣдовали другіе. Прекраснѣйшая скунксовая шуба, потомъ шапка-боярка, потомъ часы, а также и деньги. Онъ не просилъ денегъ — ужасно онъ былъ на этотъ счетъ деликатенъ—но она настояла. Она понимала, что молодому человѣку нельзя безъ денегъ. У него есть товарищи, друзья,

съ которыми ему и повеселиться хочется, и покутить—ну, вотъ тебѣ, мой другъ, пяти-рублевенькая, повеселись! Молодое естественно къ молодому льнетъ — это не нами заведено, не нами и кончится. Такъ-то и онъ, сироточка. Съ нею—какая она ему пара! — посидитъ, поскучаетъ, въ родѣ какъ жертву ей принесетъ, а на умѣ у него все-таки, какъ бы въ театръ, да на дѣвушекъ посмотрѣть, да съ товарищами пѣсенки попѣть! А на веселье-то деньги нужны — гдѣ ему, сиротѣ, взять? А ей для кого деньги беречь? Дѣтей у нея нѣтъ, близкихъ родственниковъ—тоже; къ нему же, сироткѣ троюродному, все современемъ перейдетъ!

Словомъ сказать, опять въ жизни Арины Михайловны началась идиллія, но на этотъ разъ въ подлинность ея вѣрила только она одна. И Платонидушка, и старый Савосинъ камердинеръ, Евсеичъ, инстинктивно возненавидѣли Удалого, и не выражали ему своего пренебреженія только потому, что барыня при первыхъ же въ этомъ смыслѣ попыткахъ внушила имъ, что она никого служить себѣ не вынуждаетъ, что ежели кто ею недоволенъ, то на мѣсто недовольныхъ не трудно сыскать другихъ, довольныхъ...

Однажды, однакожъ, Тимоня (она начала звать его уменьшительнымъ именемъ), вопреки своей обычной деликатности, вдругъ совершенно неожиданно озадачилъ ее вопросомъ:

— А что̀, тётенька, у васъ много денегъ?

Услышавши эти слова, она ужасно смутилась. Какъ будто что-то въ этомъ родѣ уже не разъ мелькало у нея въ головѣ, и она до смерти этого боялась. Не потому, чтобъ она жалѣла денегъ—она даже, что̀ есть на свѣтѣ разсчетливость, позабыла—а потому, что ей было стыдно. И вотъ, наконецъ, оно пришло. „Вотъ оно“!—подумалось ей какъ-то само собою, и она почти со страхомъ его спросила:

— На что̀ тебѣ?

— Такъ. Вы, тётенька,—женщина; съ деньгами обращались мало. Получаете проценты съ капитала, а тотъ ли это процентъ, и въ какомъ смыслѣ его слѣдуетъ понимать—это вамъ неизвѣстно. А процентъ-то, онъ разный. Одно дѣло пять копѣекъ съ рубля, другое десять и двадцать, а наконецъ и капиталъ на капиталъ.

Въ голосѣ, которымъ онъ высказалъ эту финансовую теорію, не слышалось ни нетерпѣнія, ни особенной алчности, но при словѣ „процентъ“ у Арины Михайловны словно голову туманомъ застлало. Она сидѣла, опершись подбородкомъ на одну руку, а

пальцами другой руки перебирала по столу. И молчала, точно даже забыла, что нужно что-нибудь отвѣтить.

— Вы, тётенька, гнѣваетесь?—спросилъ онъ ее съ ласковымъ укоромъ.

— Ахъ нѣтъ! что̀ ты! что̀ ты! Это я такъ... Объ чемъ, бишь, ты спрашивалъ? объ деньгахъ?

— Такъ, глупость въ голову пришла... Оставимте этотъ разговоръ! забудьте, тетенька, прошу васъ, забудьте!

— Что̀жъ тутъ такого—отчего не поговорить? Поговоримъ! Ну, ну, хорошо, не сердись! Коли не хочешь говорить, такъ и не будемъ... Да отстань, безпутный... не стану! Богъ съ ними, съ деньгами — только грѣхъ отъ нихъ! Ты бы лучше къ товарищамъ пошелъ, повеселился бы... хочется? а?

— Позвольте, тетенька!

— И прекрасно. Вотъ тебѣ красненькая, сдѣлай себѣ удовольствіе! Ахъ, сироточка ты мой, сироточка! Тётеньку свою пожалѣлъ? а? А подумалъ ли ты, мой другъ, что если бы всѣ-то капиталъ на капиталъ...

— Оставьте, тётенька! прошу васъ, оставьте! Простите, не буду! Простили?—ну вотъ, и паинька! Можно ручку поцѣловать?

Весь этотъ вечеръ Арина Михайловна была взволнована. Въ мысляхъ ея носился хаосъ, но она чутьемъ угадывала, что готовится что-то чрезвычайное. И вотъ опять, послѣ недавнихъ дней забвенія, передъ ней воскресло прошлое, а вмѣстѣ съ нимъ и та причина всѣхъ причинъ, которая разбила это прошлое. „Все оттуда, все оно, это злое, ужасное дѣло!“ твердила она себѣ, ворочаясь съ боку на бокъ въ тишинѣ безсонной ночи. Кабы не оно, жила бы она теперь въ Присыпкинѣ, и Савося при ней, и всего было бы у нихъ вдоволь! И индюшечка своя, и курочка своя, и картофельцу, и морковки... Ужъ Савося денегъ не растранжирилъ бы! онъ за десятирублевенькой-то сто разъ бы въ ящикъ сходилъ, прежде чѣмъ разстаться съ нею! А она—натко! каждый день! каждый день! То пятирублевенькую, то десятирублевенькую... вынь да положь! И куда только онъ, распостылый, деньги изводитъ... не ина̀че, какъ съ мамзелями прохлаждается! А къ ней придетъ: тётенька! позвольте ручку поцѣловать... на̀, мой другъ! А за обѣдомъ соуса̀ да бламанжеи... а что̀ провизія-то, по нынѣшнему времени, стоитъ? И что̀ такое случилось? какимъ манеромъ? куда она, куда? Конецъ-то, конецъ-то будетъ ли? Ахъ, Савося!

Но Савося не приходилъ, а камень, между тѣмъ, былъ бро-

шёнъ, и Арина Михайловна убѣдилась, что до тѣхъ поръ она не успокоится, покуда не вытащитъ его.

— Чтó ты такое на счетъ процентовъ вчера говорилъ?— начала она на другой день уже сама.

— Забудьте, милая тётенька! прошу васъ, забудьте!

— Зачѣмъ забывать! коли что выгодное предвидится, такъ мнѣ и самой любо! Я вотъ теперь пять копѣекъ со своихъ билетовъ получаю... мало, что-ли? говори!

— Мало, тётенька, такъ мало... даже обидно! Ужъ десять-то процентовъ—это вамъ всякій съ удовольствіемъ дастъ!

— А какъ же съ билетами-то съ моими... себѣ, что-ли, онъ ихъ возьметъ, или такъ?

— Извините, тётенька, я васъ не понимаю.

— То-то вотъ: не понимаешь, а судишь! Опричь, что-ли, онъ мнѣ десять процентиковъ отсчитаетъ, а билеты само собой, или ужъ съ билетцами съ моими распроститься придется... ау, голубчики!

— Онъ, тётенька, билеты на деньги переведетъ да деньгами, по окончаніи, и разсчитается. А, кромѣ того, проценты.

— А ежели онъ билеты-то возьметъ да съ ними и ухнетъ?

— Помилуйте, а обезпеченіе? Домъ, напримѣръ, или имѣніе... Да позвольте, я къ вамъ Ѳому Ѳомича приведу: онъ для васъ это дѣло кругомъ пальца обвертитъ.

Привели Ѳому Ѳомича. Передъ Ариной Михайловной предсталъ сѣденькій, но еще бодрый старичокъ, въ синемъ сюртукѣ стараго фасона и въ чистой коленкоровой манишкѣ. Въ этотъ день онъ выбрился, вымылъ лицо мыломъ, волоса помадой вымазалъ, сапоги со скрипомъ надѣлъ, точно къ причастію собрался. Брови у него были густыя и стояли дыбомъ, изъ продолговатыхъ ноздрей лѣзъ волосъ, на щекахъ и на носу запекся фіолетовый румянецъ. Велъ онъ себя солидно, и когда Арина Михайловна попросила его сѣсть, то сначала сказалъ: „постою-съ", а потомъ сѣлъ. Но когда, во время бесѣды, собесѣдница, хотя и не взначай, возвышала голосъ, то онъ, какъ бы подъ вліяніемъ страха, привставалъ. Говорилъ ровнымъ и пріятнымъ теноркомъ; когда сморкался, то, въ знакъ почтенія, отвертывался въ сторону, а когда на колокольнѣ раздавался звонъ—хотя бы это былъ бой часовъ—творилъ крестное знаменіе. Сначала онъ разсказалъ, что у жены его, двадцать лѣтъ тому назадъ, ноги отнялись—такъ и до сихъ поръ она на кровати безъ движенья лежитъ; что родители у него были дмитровскіе мѣщане, а онъ, съ теченіемъ времени, въ Москву переписался; что у него двое дѣтей: сынъ

да дочь; сына онъ, за непочтеніе, проклялъ, а дочь за хорошимъ человѣкомъ замужемъ, и теперь они рыбную ловлю въ Хапиловскомъ прудѣ снимаютъ, и, слава Богу, сыты. Затѣмъ повелъ рѣчь о купцахъ, и сдѣлалъ общее замѣчаніе, что у нихъ, въ настоящее время, отъ прежняго благосостоянія остались только жены толстыя, семьи большія, свои лошади и злыя собаки при домахъ; но денегъ ужъ нѣтъ. Поэтому, въ Москвѣ теперь ничѣмъ не занимаются, только ищутъ. Кому не очень нужно, тотъ восемь копѣекъ на рубль даетъ; ежели у кого нужда средственная, тотъ даетъ десять и двѣнадцать копѣекъ; а ежели у кого зарѣзъ—не прогнѣвайся, и всѣ тридцать заплатитъ. Но не иначе, какъ подъ вѣрное обезпеченіе. Такимъ манеромъ, оно и идетъ. Который сыщетъ—тотъ какъ будто на время поправится, а который не сыщетъ—баланецъ подводитъ.

— Такъ что, ежели у кого теперича свободный капиталъ есть, —говорилъ онъ:—тотъ хорошую пользу можетъ получить. Только нужду надо разсматривать, а по ней и процентъ назначать. Вотъ у меня знакомый купецъ Трифоновъ, въ Ножевой линіи торгуетъ—тому хоть и не нужно, а и онъ, для обороту теченія, восемь процентовъ съ радостью дастъ. Опять же другой есть купецъ, Сыровъ Карпъ Дементьичъ,—тому средственно деньги нужны, онъ десять-двѣнадцать копѣекъ заплатитъ. А тутъ же, на углу, господинъ Фарафонтьевъ—этотъ и за двадцать-пять копѣекъ въ ножки поклонится. Вотъ какъ, сударыня.

— Ну, двадцать-то пять ужъ грѣхъ!—посовѣстилась Арина Михайловна.

— Много нынче грѣха, сударыня. Ежели всѣ-то сосчитать, такъ камня на камнѣ въ Москвѣ не останется. Бываютъ, доложу вамъ, и такія дѣла: взбѣсится купеческій сынъ и зачнетъ, при жизни родителей, капиталы объявлять—ну, этотъ и рубль на рубль съ удовольствіемъ посулитъ. Только я вамъ, сударыня, на такія дѣла идти не совѣтую. Помоему, лучше десять копѣекъ на рубль получить, только чтобы вѣрно!

Словомъ сказать, говорилъ резонно. Съ своей стороны, и Арина Михайловна внимательно выслушала предложенія старичка, и даже не оставила ихъ безъ возраженія.

— Боюсь я,—сказала она,—не твердо нынче у насъ. Законы хоть и есть да сумнительные: ни̍ то слѣдуетъ ихъ исполнять, ни̍ то не слѣдуетъ; правители есть, да словно въ отлучкѣ... Намеднись, у сосѣдки двухъ курицъ со двора свели—она въ кварталъ, а приказные надъ ней же смѣются. Не въ то, вишь, мѣсто пришла. Ступай говорятъ, къ Калужской заставѣ... ближнее мѣсто!

— А у насъ обезпеченіе, сударыня, будетъ. Въ случаѣ чего, мы и запрещенье наложимъ. И на счетъ правителей вы напрасно безпокоитесь: у насъ ихъ даже въ излишествѣ-съ. Только вотъ въ центру никакъ не могутъ попасть—это такъ! Не безпокойтесь, сударыня. У насъ все будетъ по благородному; какъ взялъ, такъ и отдай. А проценты—впередъ-съ!

Однимъ словомъ „лукавый" одержалъ полную побѣду. Только одну сдѣлку съ совѣстью допустила Арина Михайловна: объявила не весь свой капиталъ, а тысячъ сорокъ утаила. Ѳома Ѳомичъ повернулъ дѣло круто. На другой же день къ Аринѣ Михайловнѣ явился будущій залогодатель, купецъ Воротилинъ, молодой мужчина, плотный, точно изъ древесной накипи выточенный, веселый, румяный, съ русою бородой и съ сѣрыми глазами на выкатѣ. И онъ дѣвушекъ знаетъ и дѣвушки его знаютъ—по всей Дербеновкѣ слава объ немъ гремитъ. Онъ объявилъ, что хотя деньги занимаетъ единственно „для обороту теченія", но десять копѣечекъ заплатитъ съ удовольствіемъ; что домъ, который будетъ служить обезпеченіемъ, чистъ какъ огурчикъ, и за всѣми расходами, даетъ сходу десять тысячъ; что еще на дняхъ Конъ Конычъ подъ этотъ домъ ему сто тысячъ предлагалъ, да онъ не взялъ, потому что предпочитаетъ дѣло дѣлать по благородному. Затѣмъ, Арину Михайловну начали по Москвѣ возить, и въ одинъ день окрутили. Сначала, отслужили у Иверской молебенъ и поѣхали къ Тріумфальнымъ воротамъ домъ смотрѣть. Пріѣхали, встали всѣ вчетверомъ на тротуарѣ по другую сторону улицы, видятъ: дѣйствительно стоитъ домъ трехъэтажный, каменный, бѣлою краской выкрашенъ. Средній этажъ подъ трактирнымъ заведеніемъ, вверху—номера („ежели, примѣрно, у насъ съ вами, мадамъ, рандевý—такъ вотъ сюда-съ", фамильярно пояснилъ Воротиловъ, и Арина Михайловна хотя поморщилась, но смолчала, разстроить „дѣло" побоялась); внизу, по одну сторону воротъ, „заведеньице", по другую—портерная; въ одномъ подвалѣ—прачки живутъ, въ другомъ—ночлежниковъ пускаютъ; во дворѣ—все помѣщеніе снимаютъ извощики. Пошли и во дворъ; Арину Михайловну такъ и ошибло запахомъ навоза и тракѓирныхъ помоевъ, но Воротиловъ и Ѳома Ѳомичъ съ наслажденіемъ вдыхали гнусные ароматы, которые такъ и валили изъ всѣхъ надворныхъ отверстій этого дома.

— Деньги-то и завсегда такъ пахнутъ,—хвалился Воротилинъ:—а клопа здѣсь сколько! кажется, ежели весь собрать, такъ Москву рѣку запрудить можно!

Мало этого: „для вѣрности" („чтобы вамъ, мадамъ, безъ су-

мнѣнія было") дворника Антона кликнули; и дворникъ тоже удостовѣрилъ, что домъ настоящій, московскій, и квартирантъ въ немъ живетъ тоже настоящій, что хозяинъ хоть сколько угодно плату на него набавляй, все равно этому квартиранту дѣваться некуда.

Осмотрѣвши домъ, поѣхали на Плющиху, въ переулокъ, къ нотаріусу. А тамъ ужъ и закладная готова, и надпись внизу: „Я, нотаріусъ Печенкинъ, въ своемъ собственномъ присутствіи" и т. д. Словомъ сказать, все, какъ слѣдуетъ.

— Теперь, остается только вручить-съ,—сказалъ господинъ Печенкинъ торжественно:—вы, Арина Михайловна, Спиридону Прохорычу денежки пожалуете, а вы, Спиридонъ Прохорычъ,— закладную-съ. Такъ и обмѣняетесь. А расходы насчетъ залогодателя.

И тутъ Воротилинъ выказалъ себя веселымъ и податливымъ малымъ. Хотя Арина Михайловна привезла въ уплату не деньги, а банковые билеты, но онъ за разницей не погнался, а принялъ билеты рубль за рубль, и проценты впередъ полностью отдалъ.

— Убытку я тысячи двѣ, барыня, черезъ васъ потерпѣлъ,— сказалъ онъ:—ну, да ужъ что съ вами подѣлаешь! видно, въ другомъ мѣстѣ наживать надо. Только вотъ что: вспрыснуть нашу сдѣлочку требуется,—это ужъ какъ угодно!

Но Арина Михайловна наотрѣзъ отказалась. Тогда Воротилинъ ужъ совсѣмъ нагло сталъ ее упрашивать, „хоть Тимофея Стиславича на сегодняшній день одолжить, а къ завтрему мы вамъ его опять въ полное ваше удовольствіе во всей красотѣ предоставимъ". Арина Михайловна совсѣмъ заалѣлась, и поспѣшила уѣхать домой.

Дóма, она вдругъ почувствовала гнетущую пустоту. Какъ будто душу изъ нея вынули или такое надругательство сдѣлали, что она ничего настоящимъ манеромъ понять не можетъ, а только чувствуетъ, что ноги у ней подкашиваются. Нѣсколько разъ она запирала закладную въ денежный шкапчикъ, и опять ее оттуда вынимала, и всякій разъ ее поражали слова: „Я, нотаріусъ Печенкинъ, въ собственномъ своемъ присутствіи"... Что-то какъ будто неладно; словно насмѣшкой какой-то звучатъ эти странныя слова... И не съ кѣмъ ей посовѣтоваться, некому показать; не у кого спросить! А все оно, все это „злое, ужасное дѣло"! Кабы не „оно", сидѣла бы она теперь... Савося! ангелъ-хранитель! неужто ты такъ и попустишь! Охъ, грѣшная, прегрѣшила! охъ, прегрѣшила!

Никогда она не проводила такой мучительной ночи. Почти

совсѣмъ глазъ не смыкала и все припоминала. Никакой у нея ни Даши, ни Маши не было. Была кузина Наташа Недотыкина, дяденьки Сатира Платоныча дочь, такъ и та умерла: мужъ искалѣчилъ. Вотъ о Мстиславѣ Удаломъ она, точно, что слышала... когда-бишь?—помнится, что еще въ дѣвкахъ она въ то время была, а впрочемъ, можетъ, и отъ Севастьяна Игнатьича. Однако, можетъ бишь, и Маша... какая это Маша-кузина у ней была? Не смѣшалъ ли Тимоня? Не въ Савосиной ли роднѣ была кузина-Маша? Ахъ, это—„злое, ужасное дѣло!“ Понадѣлали какихъ-то нотаріусовъ, да какія-то „собственныя свои присутствія“— ну, какъ тутъ не пропасть! Какъ не погибнуть въ этомъ омутѣ оголтѣлаго, озлобленнаго хищничества, гдѣ всякій думаетъ только о томъ, какъ бы ближняго своего заглотать! Чтò ему счастье человѣческое? Чтò ему человѣческая жизнь?—тьфу! Ахъ, это „злое, ужасное дѣло“—вотъ оно къ чему привело!

Полная этихъ разрозненныхъ мыслей, она въ невыразимой тоскѣ вскакивала съ постели и ходила взадъ и впередъ по комнатамъ. Ходила-ходила, пока утомленіе снова не загоняло ее въ постель. Но ежели ей и удавалось на короткое время забыться, то и во снѣ на нее нападалъ волкъ, впивался когтями въ ея грудь и начиналъ грызть.

Утро встало холодное, мглистое. Во многихъ домахъ еще съ огнями сидѣли, а двери у кабаковъ ужъ визжали. Арина Михайловна сѣла на обычномъ мѣстѣ у окна и сквозь заиндѣвѣвшія стекла автоматически смотрѣла на темные силуэты прохожихъ, стремившихся по направленію къ кабаку. Одинъ, другой, третій— вонъ ихъ сколько! Безсознательно она выпила чай и съѣла цѣлую гривенную просвиру, потому что, не спавши ночь, была голодна. Затѣмъ, когда ужъ совсѣмъ разсвѣло, она начала ждать. Пробило девять, десять часовъ, а Удалого нѣтъ какъ нѣтъ. Онъ, впрочемъ, и прежде никогда въ эту пору не приходилъ, но ей почему-то казалось, что сегодня онъ обязанъ былъ придти. Наконецъ, пробило и двѣнадцать.

Арина Михайловна не вытерпѣла, захватила закладную и поѣхала. Реакція произошла въ ней такъ быстро, что она почти ужъ не сомнѣвалась. Пріѣхала къ тріумфальнымъ воротамъ, вошла въ ворота „заложеннаго“ дома и кликнула дворника Антона. Такого не оказалось.

— Какъ же это! вчера мы всѣ вчетверомъ здѣсь были и съ Антономъ разговаривали!—добивалась она съ какой-то горькой настойчивостью.

— Можетъ, и разговаривали съ Антономъ, только дворника такого у насъ нѣтъ.

— Вотъ оно!—мелькнуло у нея въ головѣ.

Въ переулкѣ, на Плющихѣ, она даже дома, въ которомъ вчера помѣщалась нотаріальная контора, не могла признать. Всѣ дома были на одинъ манеръ, и ни на одномъ не было нотарьяльной вывѣски. Ей почудилось, что она въ адъ попала и бѣсы около нея кружатся. Вотъ Ѳома Ѳомичъ, вотъ Воротилинъ купецъ, а вотъ и онъ... самъ Тимоня! Ишь, распостылый, глазищи вытаращилъ! такъ петлю за петлей и закидываетъ!

„Какъ предсказала, такъ и сбылось! — подумалось ей:— взялъ ты, меня, поморенную курицу, ощипалъ и какъ захотѣлъ, такъ и скушалъ!“

Съ Плющихи она поѣхала на Тверскую уже къ настоящему нотаріусу, вынула закладную и показала.

— Вотъ я вчера совершила... взгляните!

Нотаріусъ чуть не прыснулъ со смѣха, но взглянулъ на нее и воздержался.

— Надо къ прокурору-съ,—сказалъ онъ:—не медлите-съ!

Однако, она жаловаться прокурору не пожелала, а поѣхала къ Иверской, вспомнивъ, какъ вчера она о счастливомъ „свершеньи“ молилась. Тутъ она долгое время стояла, какъ потерянная, вперивъ глаза въ образъ, и не молясь; но когда раздались слова канона: „потщися! погибаемъ!“—она вышла впередъ и вся дрожа, словно въ лихорадкѣ, произнесла:

— Владычица... видѣла?! Ты... Ты... Ты... видѣла?!

Наконецъ, воротилась домой, и съ крикомъ: „все оно! все это злое, ужасное дѣло!“ упала на постель и такъ мучительно зарыдала, что всѣ домашніе сбѣжались въ сосѣднюю комнату, и, блѣдные и оцѣпенѣлые, ждали окончанія кризиса.

Съ слѣдующаго же дня, жизнь Арины Михайловны пошла по новому. Она чувствовала, что весь воздухъ около нея пропитался срамомъ, что она сама вся съ ногъ до головы срамная, срамная, срамная! И ежели она не убѣжала изъ этого срамного дома, то потому только, что бѣжать отсюда нѣкуда. Но мысль о возможности жаловаться или хлопотать ни разу не представилась ея уму. Этакой срамъ, да еще нести его на судъ—Боже избави! Надо его погребсти, надо совсѣмъ забыть этотъ срамной угаръ, въ которомъ она растеряла и умъ, и стыдъ, и память о прошлыхъ, когда-то счастливыхъ дняхъ!

Какъ женщина хозяйственная, она тотчасъ же сократила размѣры своей жизни, сообразно съ тѣми средствами, которыя

давалъ ей уменьшенный на двѣ трети капиталъ. Однако, штатъ прислуги рѣшилась не трогать. По прежнему, при ней остались и Платонидушка, и Евсеичъ, и дворникъ Палладій, тоже изъ присыпкинскихъ дворовыхъ. Никому изъ нихъ она ничего не открыла. но всѣ видѣли ея недавнее возбужденіе и хлопоты, и понимали, что съ барыней случилось что-то чрезвычайное. И въ тайнѣ радовались, что Тимошкѣ пучеглазому въ ихъ тихій, старозавѣтный домъ навсегда дорога запала.

Устроивши свой домашній обиходъ, Арина Михайловна усѣлась въ кресло, и замолчала. Даже отъ окна отодвинулась, потому что однажды ей показалось, будто бы онъ прокатилъ мимо на лихачѣ и сдѣлалъ ей ручкой. Вязальныя спицы быстро шевелились въ ея рукахъ; шарфъ поспѣвалъ за шарфомъ. Думала ли она о чемъ-нибудь во время этой работы—трудно сказать; скорѣе всего, мысли мелькали въ ея головѣ урывками, не задерживаясь и пропадая безслѣдно вслѣдъ за своимъ зарожденіемъ. Но скоро и это времяпровожденіе пришлось оставить, потому что шарфы дарить было некому, а шерсть, между тѣмъ, денегъ стоила. Пасьянсовъ никакихъ она не знала, а въ ералашъ съ тремя болванами хотя и попробовала съиграть, но это занятіе слишкомъ живо напоминало его. Со всѣхъ сторонъ она чувствовала себя безпомощною. Ничего она не знала, ни къ чему не чувствовала охоты. Однако, жила же она прежде? И не какъ-нибудь жила, не сложа руки сидѣла, а цѣлый день устраивала и ухичивала. Ахъ, это „злое ужасное дѣло!“ Но теперь даже и къ этой сердечной боли, къ этой причинѣ всѣхъ причинъ, она начала относиться какъ-то тупо. Извнѣ ничто до нея не доходило; даже того лакейскаго говора она не слышала, который по вся дни стономъ стоитъ надъ Москвою. Некому было разсказать ей ни о новыхъ проказахъ суда, ни о земскихъ „штукахъ“, ни о желѣзно-дорожныхъ крушеніяхъ. Ничто не питало ея мысли, ничто не подавало повода восклицать: „вотъ погодите! ужó еще не то будетъ!“ Она знала, конечно, навѣрное, что будетъ что-то ужасное, но такъ какъ подтвердительнаго факта подъ руками у нея не было, то прорицанія, даже въ ея собственныхъ глазахъ, пріобрѣтали характеръ совершенно безцѣльной назойливости.

И внѣ дома, и въ домѣ—все умерло. Тишина водворилась такая, что каждое хлопанье наружными дверьми, сообщавшими барскіе покои съ кухней, гулко раздаваясь по всему дому, заставляло ее вздрагивать. Прислуга приходила въ комнаты только затѣмъ, чтобы зажечь въ сумерки лампу въ залѣ, накрыть на столъ, принять, подать, и затѣмъ вновь скрывалась по своимъ

угламъ. Арина Михайловна сидѣла одна въ своемъ креслѣ и дремала.

1-го мая, она отрѣзала у билетовъ купоны и лично поѣхала въ банкъ получать деньги. Теперь, ужъ она никому, кромѣ банка, не довѣряла, хотя прежде обыкновенно размѣнивала купоны въ первой попавшей банкирской конторѣ. Еще скажутъ, что купоны не настоящіе или фальшивыми деньгами наградятъ—почёмъ она знаетъ! Съ тѣхъ поръ, какъ это „злое, ужасное дѣло“ сдѣлалось—всего можно ждать. Даже въ банкѣ объявленія стали вывѣшивать: просятъ не ходить разиня ротъ, ежели у кого деньги въ карманѣ есть. Что̀ ему деньги! ужъ ежели мѣста, на которомъ стоялъ присыпкинскій домъ, Платонидушка не могла найти, такъ деньги ему... тьфу!

Выѣздъ этотъ на время ее оживилъ. Она и въ ряды съѣздила, шерсти купила, но во время разъѣздовъ, такъ крѣпко зажимала въ руку маленькій кожаный сакъ съ деньгами, что развѣ ужъ жизнь у нея отнимутъ, только развѣ тогда... ну, да тогда и денегъ ей, пожалуй, не нужно! Пріѣхавши домой, она раздѣлила полученную сумму на шесть равныхъ кучекъ (съ мая до ноября), а затѣмъ сѣла въ кресло и опять на время разрѣшила себѣ шарфъ вязать. А можетъ быть, со временемъ она подберетъ всѣ связанные шарфы подъ тѣнь, пришьетъ бокъ къ боку, и выйдетъ у нея прекраснѣйшее одѣяло.

Съ наступленіемъ красныхъ лѣтнихъ дней сдѣлалось веселѣе. Отворили окна, и изъ сосѣдняго сада полились весенніе запахи. Сначала цвѣтущей черемухой запахло, потомъ зацвѣла сирень, липа. Вмѣстѣ съ началомъ этого цвѣтенія, начала мало-по-малу затягиваться и душевная рана Арины Михайловны.

Денегъ только мало. Всего двѣ тысячи въ годъ—и въ пиръ, и въ міръ.

Тутъ и поземельные отдай, и страховку заплати, и на ремонтъ по дому ча̀сточку отдай. На сладенькое-то да на лакоменькое и нѣтъ ничего. А она, признаться, избаловалась, привыкла. Еще Савося-покойникъ ее избаловалъ. Подадутъ, бывало, индюшку, и непремѣнно они изъ-за попова носа поспорятъ. Оба его любятъ; только онъ—ее заставляетъ взять, а она—его; возьмутъ, наконецъ, да и подѣлятъ. А теперь, сколько времени, она и въ глаза индюшечки не видала! Но въ особенности ее тяготилъ домъ. Тепло въ немъ, привольно, но зато онъ четверть дохода ея съѣдаетъ. Того гляди, зимой надо будетъ парадную половину заколотить, въ двухъ каморочкахъ пріютиться, чтобы лишнихъ дровъ

не тратить. И все-таки ей казалось, что лучше она щи да кашу будетъ ѣсть, нежели съ квартиры на квартиру переѣзжать.

— Иная, пожалуй, найметъ квартиру-то да еще жильцовъ пустить,—говорила она:—около нихъ и питается. И идетъ у нихъ съ утра до вечера шумъ да гамъ, пѣсни да пляски, винище да табачище, а она сиди въ своей каморкѣ да помалчивай. Неужто-жъ и мнѣ такъ жить!

И вотъ судьба, какъ бы въ отвѣтъ на ея сѣтованія, улыбнулась ей. Однажды сидитъ она у окна, и видитъ, мимо дому знакомый отецъ-діаконъ идетъ. Въ рукѣ узелокъ плотно зажатъ, полы у ряски по вѣтру развѣваются, волосы въ безпорядкѣ, лицо радостно озабоченное, на лбу капли пота дрожатъ. Очевидно, торопится.

— Куда больно экстренно, отецъ діаконъ?—окликнула его Арина Михайловна.

— Нѐкогда, сударыня, спѣшу,—отвѣтилъ онъ.—Въ „банку" бѣгу, какъ бы къ пріему не опоздать. Вонъ сколько денегъ набралъ! А изъ „банки", извольте, и къ вамъ забѣгу.

Дѣйствительно, управившись въ банкѣ, отецъ діаконъ сообщилъ Аринѣ Михайловнѣ нѣчто весьма серьезное. Оказывалось, что народился благодѣтельный для Россіи финансистъ, который „залюбовь" всѣмъ по десяти копѣекъ съ рубля платитъ. И живетъ этотъ финансистъ въ градѣ Скопинѣ-Рязанскомъ, и оттолѣ на всю Россію благодѣянія изливаетъ. Кто принесетъ ему тыщу—тому онъ сто рублей, кто двѣ тыщи—двѣсти. Живи какъ у Христа за пазушкой. Хочешь всѣ истратить—всѣ истрать; хочешь прикопить—прикапливай; накопишь—опять къ нему неси. А онъ наберетъ денегъ да изъ интереса желающимъ раздаетъ. Иному—подъ обезпеченіе, другому—который, значитъ, потрафитъ съумѣлъ, мнѣніе объ себѣ пріятное внушилъ—просто „залюбовь", подъ росписку. Садись и пиши: столько-то тыщъ сполна получилъ, а когда будутъ деньги, отдамъ. Только и всего. И такъ онъ этою выдумкою всѣхъ обрадовалъ, что теперича ежели у кого хоть грошъ въ мошнѣ запутался—всѣ къ нему бѣгутъ. Потому, дѣло чистое, у всѣхъ на виду. И „банка" такая при господинѣ Рыковѣ выстроена, которая у однихъ беретъ деньги, а другимъ выдаетъ, а Скопинъ-градъ за все про все отвѣчаетъ. Стало быть, чуть какая заминочка, сейчасъ можно этотъ самый градъ, со всѣми потрохами, сукціону продать. А кромѣ того, и объявленіе отъ господина Рыкова печатное ко всѣмъ разослано, а подъ нимъ подписано: „Печатать

дозволяется. Цензоръ Бируковъ“ [1]). Стало быть, и со стороны начальства одобреніе видится.

— Вотъ и нашъ причтъ заблагоразсудилъ, — объяснился о. діаконъ:—какіе у кого рублишки сберeглись—всѣ въ градъ Скопинъ при просительномъ письмѣ къ господину Рыкову препроводить. А причетники такъ даже ложки у кого свѣтленькія были, и тѣ продали, въ чаяніи, что господинъ Рыковъ впослѣдствіи угобзитъ. Для этого собственно я и въ государственный банкъ бѣгалъ, въ родѣ какъ довѣренный. Сдалъ наличность полностью— и правъ. А оттуда она по телеграфу—въ Скопинъ градъ.

Отецъ діаконъ остановился и издалъ губами звукъ, ка́къ деньги по телеграфу въ Скопинъ побѣгутъ.

— И вамъ, сударыня, совѣтую,—продолжалъ онъ.—Конечно, по нынѣшнему времени, и пятнадцать копѣечекъ, подъ вѣрный залогъ охотно дадутъ, да залоги-то нынѣ... ищи его потомъ да свищи! А тутъ, въ „банкѣ“, разлюбезное дѣло! положилъ деньги, и уповай!

Разсказалъ отецъ-діаконъ, точно на бобахъ развелъ, напился чаю, и ушелъ. А Арина Михайловна задумалась. Какъ ни разсчитывай, какъ ни сокращай себя, а на двѣ тысячи рублей, имѣя на рукахъ цѣлый домъ, трудно прожить. А господинъ Рыковъ, между тѣмъ, на тотъ же самый капиталъ четыре тысячи выдастъ —вѣдь это разомъ удвоитъ ея доходъ. Ежели она даже не очень понравится господину Рыкову, такъ и тогда онъ восемь-то копѣечекъ, навѣрное, дастъ. Восемь копѣекъ—это уже всѣмъ даютъ. И причтамъ церковнымъ, и раненымъ, а кто по интендантской части деньги нажилъ—тѣмъ больше. Что̀, ежели и она, по примѣру прочихъ... положимъ, не весь капиталъ, а тысячъ этакъ тридцать... вотъ девятсотъ рубликовъ и въ карманъ!... Это ежели по восьми копѣекъ, а коли по десяти... тутъ ужь другой будетъ разговоръ! И расходы по дому, и отопленіе, и прислуга—все тутъ. А діаконъ, онъ деньгамъ счетъ знаетъ; не полѣзетъ онъ сбухта-барахты: извольте, господинъ Рыковъ, наши денежки получить! нѣтъ! онъ почешетъ да и почешетъ затылокъ прежде, нежели мошну выворотить!

Въ принципѣ, Арина Михайловна рѣшила вопросъ очень скоро. Тутъ не частный человѣкъ, въ родѣ Воротилина, деньги беретъ, а банкъ—все равно, что ломбардъ. Банка не спрячешь. И при томъ, дѣло ведется чисто, у всѣхъ на знати́: сколько

[1]) Очевидно, что о. діаконъ ошибся: цензора Бирукова въ это время не было въ цензурномъ вѣдомствѣ.

однихъ провѣрокъ! Ужъ ежели тутъ невѣрно, стало быть и вездѣ невѣрно: и билеты ея невѣрны, и домъ невѣренъ — ложись въ гробъ и умирай! Однако, и за всѣмъ тѣмъ, какъ женщина, недавно еще выдержавшая глубокое матеріальное и нравственное потрясеніе, она все-таки рѣшилась предварительно самолично удостовѣриться, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать городъ Скопинъ, и точно ли находится въ немъ банкъ, о которомъ съ такой выгодной стороны отозвался о. діаконъ. Слыхала она про Скопинъ, когда еще въ дѣвкахъ была, что это тотъ самый городъ, въ которомъ никому жить не зачѣмъ,—ну, да вѣдь иногда и калѣку Богъ умудритъ. У насъ и сплошь такъ бываетъ: лежитъ куча навоза, и вдругъ въ ней человѣкъ зародится, и начнетъ вертѣть. Вертитъ-вертитъ—смотришь, началъ-то онъ съ покупки для города новой пожарной трубы, а кончилъ банкомъ! Вотъ ты его и понимай.

Сѣла Арина Михайловна на машину и поѣхала. Видитъ: городъ не городъ, село не село. Воняетъ. Жителей—десять тысячъ. И въ томъ числѣ двѣ тысячи кредиторовъ. Со всѣхъ концовъ Россіи слѣпые да хромые собрались, поселились въ слободкѣ, чтобъ поближе къ процентамъ жить, и уповаютъ. Тутъ и попы заштатные, и увѣчные воины, и даже одинъ интендантъ. Интендантъ жениться собрался. Пошла она по городу банкъ искать, пришла на площадь, а онъ тутъ какъ тутъ: пожалуйте! Оно была прочь бѣжать: сгинь-пропади!—анъ нѣтъ, бѣжать не приказано! Дѣлать нечего, пришлось къ директору съ повинной идти. Тотъ слова не сказалъ, сразу десять процентовъ опредѣлилъ и бумажку ей въ руки далъ: идите къ бухгалтеру. Бухгалтеръ взялъ билеты, раскрылъ большущую книгу и сказалъ:

— У насъ, сударыня, на итальянскій манеръ. Сначала, вотъ въ этомъ мѣстѣ тридцать тысячъ запишемъ—это будетъ „loro“; значитъ: ваше. А потомъ, ихъ же вотъ въ этомъ мѣстѣ запишемъ—это будетъ „nostro“; значитъ: наше. И нашимъ, и вашимъ. А затѣмъ, вотъ вамъ, сударыня, фитанецъ—значитъ: адью!

Такъ и уѣхала она изъ Скопина, не солоно хлѣбавши.

— Такъ у нихъ просто, такъ просто!—разсказывала она о. діакону, пріѣхавши въ Москву:—сначала, налѣво записали, потомъ—направо, и, окрутивши такимъ манеромъ, выдали фитанецъ!

— Вотъ до чего люди дошли!—умилился отецъ діаконъ.

Прожила Арина Михайловна, такимъ образомъ, лѣтъ пять сряду, и, нечего сказать, благородно прожила. Проценты получала своевременно и сполна, и не разъ подумывала о томъ, не свезти ли ей и остальныя десять тысячъ къ господину Рыкову.

но откладывала, да откладывала—такъ и просидѣла, не выполнивши своего намѣренія. И такъ какъ ничто столь не украшаетъ человѣка, какъ спокойное житье, то она мало-по-малу начала и объ „этомъ зломъ и ужасномъ дѣлѣ“ забывать. Напротивъ, стала находить, что „нѣкоторое“ даже хорошо вышло. Благодѣтельный для Россіи финансистъ ужъ народился, а со временемъ, чего добраго, народится и благодѣтельный для Россіи публицистъ. То-то пойдутъ у насъ смѣхи да утѣхи! Присыпкино-то, думали, пропало, а оно, вдругъ, опять... тьфу! тьфу! тьфу! Какъ бы только не сглазить! Но ей и безъ Присыпкина настолько хорошо, что она даже дичиться людей перестала. Къ ней ходитъ и отецъ діаконъ и отецъ протопопъ, и супруги ихнія; а иногда зайдетъ выкушать чашку чаю и самъ господинъ квартальный. Сидятъ они и разговариваютъ, какъ нынче всѣмъ хорошо, и какая это для всѣхъ лёгость, что г. Рыковъ въ Скопинѣ „банку“ открылъ и оттуда на всю Россію благодѣянія изливаетъ. Однажды даже самъ Семенъ Семенычъ зашелъ къ ней, прочиталъ монологъ изъ „Гамлета“, потомъ вскочилъ, за что-то ее обругалъ, крикнулъ: „ахъ, ничего-то вы, идолы, не понимаете!“—и убѣжалъ къ Сухаревой башнѣ.

Словомъ сказать, жилось хорошо, а ожидалось еще лучше.

И вотъ, однимъ утромъ, сидѣла она на своемъ любимомъ мѣстѣ, и, по обыкновенію, вязала шарфъ. Вдругъ, видитъ, что отецъ діаконъ, какъ и въ тотъ разъ, на всѣхъ рысяхъ бѣжитъ. Но узелка у него въ рукахъ ужъ нѣтъ, и лицо блѣдное и растерянное.

— Чтó случилось, отецъ діаконъ?—крикнула она ему.

— „Банка“ лопнула! бѣгу!

Недавно, проѣздомъ черезъ Москву въ деревню, я воспользовался промежуточнымъ между поѣздами временемъ, чтобы поросенка купить. Сдѣлавши это, вспомнилъ объ Аринѣ Михайловнѣ, и отыскалъ ее.

Домъ свой, въ четвертой Мѣщанской, она уже продала, и живетъ теперь у Сухаревой, въ какомъ-то неслыханномъ переулкѣ, въ крохотной квартиркѣ, по стѣнамъ которой зимой потоки бѣгутъ. Живетъ бѣдно: какъ говорится, съ хлѣба на квасъ. Состарилась, посѣдѣла, осунулась; блуза виситъ на ней, какъ на вѣшалкѣ. Изъ прислуги осталась при ней только Платонидушка, да и та еле бродитъ. Евсѣичъ опредѣлился въ какую-то газету

вольнонаемнымъ редакторомъ (изумительно! только въ Москвѣ, да въ Петербургѣ это и бываетъ!), а Палладій догадался и умеръ.

Въ то же время въ Аринѣ Михайловнѣ совершилась и еще одна, довольно важная, перемѣна. Она выписываетъ „Куранты“ и усердно читаетъ ихъ. И всякій разъ, какъ прочтетъ какое-нибудь карканье, начинаетъ и въ свою очередь прорицать: погодите! то ли еще ужѐ будетъ! Платонидушка потихоньку пожаловалась мнѣ, что „барыню“ объѣдаютъ и опиваютъ какіе-то литераторы отъ Иверской (вмѣсто прежнихъ приказныхъ, по случаю свободы книгопечатанія, завелись) которые отъ времени до времени украшаютъ задніе столбцы „Курантовъ“ заявленіями, извѣщеніями и удивленіями. Соберутся, жрутъ водку, удивляются и судачатъ. А когда ужъ, что называется, до зѣла напьются, возьмутъ другъ дружку за руки и застонутъ: погодите! то ли еще будетъ! вотъ увидите!

Меня Арина Михайловна приняла довольно холодно, даже закусить не пригласила, хотя я видѣлъ, что въ сторонѣ, на столикѣ, стоитъ штофъ и тарелка съ ломтиками углицкой колбасы. Должно быть, Иверскихъ литераторовъ поджидала.

Н. Щедринъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Свинцовыхъ тучъ громаду раздвигая
И дивно золотя дождемъ омытый боръ,
Веселье и тепло повсюду возрождая,
Любуется землей безгрѣшный солнца взоръ.

Гроза побѣждена, и съ ропотомъ суровымъ
Отходитъ, не спѣша, въ тускнѣющую даль,
Какъ будто даже тамъ, подъ этимъ небомъ новымъ
Тревоги боевой ей вѣчно будетъ жаль.

Роскошно ожилъ долъ подъ зыбкимъ моремъ свѣта,
Усталый вѣтеръ стихъ и слабо бьетъ крыломъ,
Но вотъ и онъ уснулъ—и празднично одѣта
Ликующая жизнь въ общеньи съ Божествомъ.

Подъ яркой красотой безоблачнаго свода,
Среди густой травы, въ душистой тишинѣ
Тоскующей души смолкаетъ непогода,
Какъ отдаленный громъ въ лучистой вышинѣ.

II.

По небу путь довершая обычнымъ дозоромъ,
Мѣсяцъ случайно проникъ своимъ вкрадчивымъ взоромъ
Въ темную спальню за ткани тяжелыхъ завѣсъ;
Трепетный лучъ опочилъ у окна одиноко,
Многое зритъ онъ въ тиши предразсвѣтной, глубокой,
Блѣдный скиталецъ, притекшій изъ шири небесъ.

Пологъ шелковый раздвинутъ у мягкаго ложа,
Скорбь наклонилась надъ нимъ, сновидѣнья тревожа,
Мертвенный обликъ недвижно бѣлѣетъ на немъ —
Впалыя очи загадочнымъ блескомъ чаруютъ,
Строгія губы въ безмолвной тоскѣ негодуютъ,
Длинныя косы обвиты вкругъ шеи кольцомъ.

Въ сонной лампадѣ чуть теплятся жизнь и движенье,
Древнія ризы иконъ золотитъ отраженье,
Мглѣ недоступенъ высокій, прозрачный кивотъ—
Грустнымъ величьемъ блистаетъ нѣмая божница,
Странно глядятъ неземныя, безстрастныя лица,
Гнетъ устраняя безсонныхъ и тяжкихъ заботъ.

Тянется срокъ неурочнаго, долгаго бдѣнья...
Точно какъ призракъ, въ гробу не нашедшій забвенья,
Тихо скользнула, къ Христу направляясь, она —
Слабыя руки простерты съ безумной мольбою,
Твердая вѣра владѣетъ болящей душою,
Въ сердцѣ проснулась безгрѣшныхъ восторговъ волна.

Мѣсяцъ устало идетъ по стезѣ серебристой,
Близится утро съ зарею румяною, чистой,
Вѣетъ покоемъ съ безбрежья туманныхъ небесъ —
Пламя молитвы зажглося и крѣпнетъ незримо,
Нѣтъ ей предѣла... Лампада горитъ негасимо...
Лучъ исчезаетъ за тканью тяжелыхъ завѣсъ.

Кн. Эсперъ Ухтомскій.

Я и МОЯ БѢДНАЯ ЖЕНА.

Разсказъ Д. Пэна.

Съ англійскаго.

I.

„Еслибы каждое мое слово равнялось удару хлыста, то для моего сердца послужило бы облегченіемъ писать объ этомъ жалкомъ негодяѣ. Я знаю, что я не мастеръ писать, да еслибы и былъ мастеръ, то не надѣюсь переубѣдить свѣтъ. Въ глазахъ свѣта онъ слыветъ патріотомъ, честнымъ человѣкомъ и, спаси меня Богъ! глубоко огорченнымъ вдовцомъ. Я же знаю, что онъ убилъ свою жену. Знаю, что онъ убилъ ее такъ же несомнѣнно, какъ еслибы вонзилъ ножъ въ лучшее и чистѣйшее изъ всѣхъ женскихъ сердецъ. Быть можетъ, она водитъ теперь моей рукой. Мнѣ ничего больше не осталось, кромѣ вѣры въ то, что она знаетъ мои помыслы и знаетъ мою великую къ ней любовь. О! милая, милая! какъ могла ты вообразить, что можешь хоть сколько-нибудь любить этого негодяя? Да! но этого достаточно, чтобы я не убилъ его! Что же касается того, чтобы объясниться съ нимъ, то какой можетъ быть въ этомъ толкъ! Онъ почувствуетъ, что мои пальцы душатъ его за горло, и только! О, радость моя, сокровище мое! подумать, что ты была женой такого человѣка!"

Эти слова я нашелъ начертанными на клочкѣ бумажки, которую я поднялъ на могилѣ своей бѣдной жены. О той боли, которую они причинили мнѣ въ этотъ ранній періодъ моей горестной утраты—я не скажу ни слова. Я привелъ ихъ потому, что они лучше, чѣмъ бы могъ это сдѣлать я, поясняютъ, почему я рѣшился напечатать этотъ краткій разсказъ о моей семейной жизни,

увы! столь кратковременной. Читатели легко повѣрятъ, какъ это тяжело для меня. Мало того, что мнѣ приходится разбередить еще свѣжую рану; но я вынужденъ также предать гласности мою кратковременную брачную жизнь. Общественный дѣятель по неволѣ долженъ стать толстокожимъ; но для человѣка, который гораздо чувствительнѣе по своей природѣ, чѣмъ девять десятыхъ его собратій, ничего не можетъ быть больнѣе, какъ обнаруживать передъ свѣтомъ нѣжныя тайны своего сердца и домашняго очага. А между тѣмъ, читатели поймутъ, что мнѣ ничего другого не остается. Дикія слова, начертанныя на этой бумажонкѣ, могутъ быть каждую минуту пущены въ ходъ съ различными прибавленіями и появиться въ печати, какъ пасквиль, направленный противъ моей личности. Правда, что написавшій эти строки, двоюродный братъ моей бѣдной жены, послѣ того, какъ святотатственно запятнавъ ими чистоту кладбища, вернулся къ своей дикарской жизни на дальнемъ западѣ Америки, къ своимъ буйволовымъ стадамъ и конскимъ табунамъ, къ своему складному ножу и револьверу. Но его отсутствіе не ручается за мою безопасность. Каждое утро я жду появленія какого-нибудь памфлета или другого анонимнаго нападенія — достойнаго оружія убійцы — въ печати. Такимъ образомъ, я вынужденъ, совсѣмъ противъ воли, предупредить ударъ. Я буду дѣйствовать со всевозможной деликатностью и никого не назову. Но тѣ, кто слѣдятъ за моей карьерой, поймутъ меня и повѣрятъ мнѣ; и если нападеніе будетъ сдѣлано, я буду имѣть возможность указать на этотъ краткій разсказъ и попросить справедливую и великодушную публику выбрать между трезвымъ изложеніемъ фактовъ и безобразной яростью несчастнаго молодого человѣка, ужасныя слова котораго приведены мною выше.

Who steals my purse steals trash; 'tis something, nothing;
'Twas mine, 'tis his, and has been slave to thousands;
But he who filches from me my good name, etc. [1]).

Я пишу эти страницы въ защиту своего добраго имени.

Немного лѣтъ тому назадъ (больно даже подумать, какъ это было недавно), когда я велъ ту счастливую кампанію, которая, доставивъ мнѣ мѣсто въ парламентѣ, навсегда освободила меня отъ покровительства одной политической фамиліи, я былъ аттакованъ однимъ мѣстнымъ магнатомъ съ такой яростью, какой

[1]) Кто украдетъ у меня деньги, украдетъ пустяки, мелочь, ничтожество. Деньги, бывшія моими, теперь станутъ его, а передъ тѣмъ принадлежали тысячѣ людей; но кто украдетъ у меня доброе имя... и пр.

никогда не забуду. Онъ не только ругалъ партію, къ которой я принадлежалъ, но дошелъ до того, что упрекалъ меня лично, и совсѣмъ недвусмысленно, въ неискренности и неблагодарности. Онъ былъ популяренъ въ средѣ спортсменовъ и судей, но онъ былъ тупой человѣкъ. Вскорѣ послѣ того онъ позабылъ обо мнѣ; я полагаю, что первая же охота или первый случай судебнаго разбирательства между подравшимися пьяницами вытѣснили меня изъ его головы; но сознаюсь, что его слова меня задѣли. Какъ ни были они несправедливы, я не могъ забыть ихъ. Эти глупые люди, которые не привыкли говорить спичи, способны быть грубо откровенными въ своихъ общественныхъ рѣчахъ. Будучи довольно вѣжливыми въ частной жизни, они позволяютъ себѣ ругаться на общественной аренѣ. Искусство намековъ и замаскированной сатиры, которое мы изучаемъ, имъ неизвѣстно. Они прямо изрыгаютъ свои грубыя обвиненія. Но достаточно сказать, что мой оппонентъ прибѣгнулъ къ самымъ откровеннымъ выраженіямъ и что это, понятно, задѣло меня. Конечно, я и вида не подалъ, что обиженъ. Я отвѣчалъ на его слова легкими намеками и насмѣшкой, но тѣмъ не менѣе сознаюсь, что былъ оскорбленъ и съ настойчивостью британца ждалъ случая отплатить за ударъ.

Между тѣмъ, случилось, что въ то время, какъ я пребывалъ въ его сосѣдствѣ, я услышалъ, что на нѣкоторую часть имѣнія моего оппонента существуетъ какой-то искъ. Такъ какъ истецъ не начиналъ дѣла, то полагали, что искъ его не серьезенъ. Только привычкѣ своей обращать вниманіе на мелочи, хотя бы онѣ и казались незначительными, обязанъ я тѣмъ, что въ моихъ рукахъ очутилось это оружіе. Я немногаго ожидалъ отъ справокъ и сдѣлалъ ихъ довольно небрежно; но я нашелъ больше, чѣмъ ожидалъ. Апатія истца, который былъ мнѣ совсѣмъ незнакомъ, происходила, по всѣмъ видимостямъ, не столько отъ ненадежности его иска, сколько отъ гордости, доходившей до маніи. Онъ пользовался репутаціей безобиднаго чудака и, кажется, нисколько этимъ не печалился. Онъ не выказывалъ и признака того, чтобы думалъ начать дѣло; быть можетъ, онъ опасался лишиться славы чудака, не пріобрѣтя ничего существеннаго въ замѣнъ. Какъ только я убѣдился, что искъ противъ моего оппонента не былъ фиктивный, я немедленно поручилъ собрать всѣ необходимыя предварительныя справки одному законовѣду, на котораго могъ положиться. Онъ—не мой повѣренный, собственно говоря, но у него есть причины желать мнѣ угодить; онъ много разъ бывалъ мнѣ полезенъ. Онъ недолго держалъ меня въ неизвѣстности и отвѣтъ его былъ удовлетворительный въ высшей степени. Онъ убѣдился въ пра-

вильности иска. Я сильно поработалъ надъ скучнѣйшимъ статистическимъ матеріаломъ и чувствовалъ, что мнѣ нужно отдохнуть. Я рѣшилъ соединить дѣло съ удовольствіемъ. И написалъ чудаку истцу. Я извѣщалъ его, что ѣду въ то самое южное графство, гдѣ онъ живетъ, на нѣкоторое время и просилъ дозволенія пріѣхать къ нему. Я объяснилъ мою странную просьбу тѣмъ, что знакомый мнѣ законовѣдъ, занимающійся разборомъ запутанныхъ исковъ на земельную собственность, указалъ моему вниманію случаи крупной несправедливости; что, будучи общественнымъ дѣятелемъ, я считалъ своей обязанностью исправлять всякую замѣченную мною несправедливость, что если онъ подаритъ мнѣ часъ или два вниманія, то я увѣренъ, что докажу ему, что онъ имѣетъ законныя права на небольшое, но весьма цѣнное имѣніе, которое ему и назвалъ. Я кончалъ свое письмо искренними извиненіями въ томъ, что навязываюсь незнакомому человѣку съ предложеніемъ услугъ. Въ отвѣтъ я получилъ съ первой же почтой весьма вѣжливое, хотя нѣсколько старомодное посланіе, въ которомъ мой корреспондентъ послѣ нѣсколькихъ комплиментовъ моей общественной дѣятельности и моимъ безкорыстнымъ усиліямъ служить дѣлу справедливости, просилъ меня избрать его домъ своимъ мѣстопребываніемъ во время посѣщенія мною графства, гдѣ онъ родился и выросъ. На слѣдующій день я извѣстилъ въ нѣсколькихъ строкахъ, что получилъ его приглашеніе и принимаю его, а спустя еще день, послѣдовалъ за своимъ письмомъ.

Никогда не забуду я перваго впечатлѣнія, какое произвелъ на меня старый домъ. Я какъ теперь вижу его. Воспоминанія налетаютъ на меня въ чувствительныя минуты. Я не подозрѣвалъ, когда съ тихимъ удовольствіемъ глядѣлъ на его почтенный и мирный фасадъ, что въ немъ находится женщина, которая должна была такъ много значить въ моей жизни. Лучше было бы для меня, еслибы я приказалъ извощику проѣхать мимо гостепріимныхъ дверей этого дома. И, однако, какъ сладко припоминать этотъ мирный пейзажъ, этотъ кроткій мигъ улыбки и слезъ! Хотя я знаю, что поступаю безразсудно, но не могу побѣдить чувства грусти, не лишенной нѣкоторой сладости, когда припоминаю золотые часы, протекшіе въ тѣ знаменательные дни! Человѣкъ можетъ вспоминать заблужденія любви съ улыбкой, не далекой отъ слезъ. Стоитъ мнѣ только размечтаться, и старый домъ снова встанетъ передо мной, какимъ онъ предсталъ мнѣ въ тотъ осенній день. Я вижу старый каменный фронтонъ, болѣе почтенный, чѣмъ обширный, потемнѣвшій отъ времени, тамъ и сямъ поросшій густымъ, желтымъ мохомъ; широкія ступени, веду-

щія къ открытымъ дверямъ, большіе каменные шары по правую и по лѣвую руку и каменную балюстраду, окружающую невидимую крышу. По правую сторону дверей вьется роскошная виноградная лоза, по лѣвую виргинскія ползучія растенія, одѣтыя въ богатые осенніе цвѣта. На томъ мѣстѣ, гдѣ балюстрада прерывается, пробился молодой ясень и надменно, хотя и недовѣрчиво, тянется вверхъ. Этотъ древесный куполъ на крышѣ, эта роскошная виноградная лоза и виргинскія ползучія ліаны, роскошно разросшіяся на тепломъ воздухѣ, желтыя пятна моха на потемнѣломъ камнѣ невольно заставляли человѣка съ развитой фантазіей думать, что природа взяла это мѣсто подъ свое особое покровительство. Я обожаю природу. Ничто такъ не успокоиваетъ меня, какъ обращеніе къ ея вѣчному покою послѣ борьбы партій. Я замѣтилъ всѣ подробности этой сцены, чтобы искать въ ней отдохновенія на будущее время. Я на минутку остановился на первой ступенькѣ, чтобы погрѣться на тепломъ осеннемъ солнцѣ, заливавшемъ весь передній фасадъ дома. Нѣсколько коровъ паслось на густой травѣ передъ домомъ; маленькая курочка тревожно кудахтала на ступенькахъ передо мной, и когда я послѣдовалъ за ней, ея цыплятки суетливо собрались вокругъ нея въ сѣняхъ, гдѣ не было ковра на полу, и въ нерѣшительности остановились передо мной. Улыбаясь сельской прелести этой картины, я совершенно безмятежно позвонилъ у дверей.

Звукъ колокольчика былъ почти рѣзокъ среди ненарушимой тишины, царившей вокругъ, но не могъ разбудить спящій домъ, какъ вдругъ по правую мою руку дверь отворилась и мой хозяинъ торопливо вышелъ въ сѣни. Мое первое впечатлѣніе было, что этотъ маленькій старичокъ, должно быть, былъ когда-то хорошенькимъ мальчикомъ; у него были тонкія, изящныя черты лица, и костюмъ сельскаго джентльмена, который былъ на немъ надѣтъ, отличался почти изысканной опрятностью. Второе мое впечатлѣніе было, что онъ крайне нервенъ, хотя и старается это скрыть. Когда вы думаете, что человѣкъ что-нибудь отъ васъ скрываетъ, поглядите на углы его рта и кончики пальцевъ. Глаза лгуна въ большинствѣ случаевъ безвастѣнчиво встрѣчаются съ вашими глазами. Глаза моего гостя ничего не выражали, кромѣ ласковаго радушія, но рука, которую онъ мнѣ протянулъ, дрожала и когда онъ заговорилъ, губы его тоже дрожали. Я видѣлъ, что онъ дѣлаетъ усилія, чтобы справиться съ своими чувствами. Онъ рѣшилъ, что не выкажетъ торопливаго любопытства. Онъ поспѣшно заговорилъ о другихъ вещахъ и разспрашивалъ меня о моей поѣздкѣ.

Онъ настойчиво предлагалъ мнѣ закусить и суетливо приказывалъ слугѣ убрать мой багажъ.

Я нѣкоторое время щадилъ самолюбіе моего новаго знакомаго (онъ мнѣ казался какимъ-то избалованнымъ ребенкомъ), но затѣмъ сразу приступилъ къ главной цѣли моего пріѣзда. Но даже и тутъ онъ перебилъ меня съ напускнымъ равнодушіемъ:

— Мнѣ это рѣшительно все равно, я никогда не думалъ начинать это дѣло.

И когда я выразилъ удивленіе такому равнодушію, онъ замѣтилъ съ нѣкоторымъ жаромъ:

— Моему родственнику слѣдовало самому отказаться отъ этого имѣнія. Послѣ нашей фамильной ссоры мнѣ, конечно, невозможно было наводить тайныя справки на счетъ правильности его владѣнія.

Такими фантастическими доводами перебивалъ онъ меня, когда я спокойно и серьезно убѣждалъ его въ томъ, что по моему твердому убѣжденію онъ есть жертва крупной несправедливости, и все это время я былъ такъ же твердо увѣренъ, что возбудилъ въ немъ живѣйшій интересъ, какъ въ томъ, что я существую на свѣтѣ. Наконецъ, онъ разразился нервнымъ смѣхомъ и положилъ свою руку на мою. Мы все еще прохаживались около дверей и его нервный жестъ, повидимому, клонился къ тому, чтобы обратить мое вниманіе на дорогу, лежавшую у его дома.

— Если я хоть сколько-нибудь этимъ интересуюсь, то вотъ почему,—сказалъ онъ почти безсвязно.

Я поглядѣлъ и увидѣлъ его дочь. Какъ мнѣ описать ее? А между тѣмъ, если я не опишу ее, этотъ краткій разсказъ, который я вынужденъ написать, покажется безсмысленнымъ. Я надѣюсь, что этотъ разсказъ, столь для меня тяжелый, можетъ не только предупредить подлыя нападки на мой нравственный характеръ, но можетъ также послужить нѣкоторымъ предостереженіемъ молодымъ и пылкимъ юношамъ. Если осторожные и осмотрительные люди такъ жестоко ошибаются въ надеждѣ устроить свое семейное счастіе, то гдѣ же неосторожнымъ безумцамъ устроить его?

Бѣдная дѣвочка бѣгала по лугу съ своей собакой и словно приросла къ мѣсту при видѣ насъ. Щеки ея раскраснѣлись болѣе обыкновеннаго, рукой она слегка придерживала голову собаки. Глаза ея откровенно встрѣтились съ моими глазами; она была чрезвычайно хорошенькая. Ея густые, бѣлокурые волосы, коротко остриженные для удобства и не достигавшіе до плечъ, не были ни прямые, ни курчавые, но слегка вились, и это придавало еще большее изящество ея тонкимъ чертамъ и дѣлало ее еще моложе, чѣмъ она была. Также и въ ея фигурѣ, при всей свободѣ и гра-

ціи движеній, была нѣкоторая неловкость, замѣчающаяся у подростающихъ дѣвушекъ; но въ этой неловкости была особая прелесть. Она могла бы быть младшей нимфой Діаны, и даже ея деревенское, простенькое платьице представилось моему увлекающемуся уму чѣмъ-то въ родѣ дѣвственной античной драпировки. Бѣдное дитя! Мнѣ грустно вспоминать о ея появленіи среди безмятежной сельской обстановки, которой она служила невиннымъ выраженіемъ. Я описываю ее теперь гораздо подробнѣе, чѣмъ могъ бы это сдѣлать въ первый день нашей встрѣчи. Въ то время, хотя я и почувствовалъ ея прелесть, но не успѣлъ многаго разглядѣть въ ней, кромѣ большихъ сѣрыхъ и серьезныхъ глазъ, замѣчательныхъ своей внимательностью. Они мнѣ показались глазами существа, ожидающаго приказанія. Я припоминаю, что мысленно сравнилъ ея взглядъ со взглядомъ ангела, ждущаго божественнаго приказа и готоваго ему повиноваться. Она напомнила мнѣ лики, изображаемые на церковныхъ окнахъ. Когда я лучше изучилъ ея лицо, у меня постепенно изгладилось впечатлѣніе покорности ея взгляда, но въ началѣ оно никогда не покидало меня; и теперь я порою вижу его, какъ видѣлъ впервые въ тѣхъ серьезныхъ, большихъ глазахъ, встрѣтившихся съ моими въ то осеннее утро. Но прежде, нежели мы заговорили другъ съ другомъ, собака залаяла—я не люблю собакъ—и очарованіе было нарушено.

II.

День проходилъ за днемъ въ этомъ простомъ, но пріятномъ домѣ и каждый новый день былъ пріятнѣе вчерашняго. Никогда не чувствовалъ я себя лучше; я сознавалъ, что отдыхъ идетъ мнѣ въ пользу. Я посвящалъ нѣсколько часовъ дѣловой бесѣдѣ съ моимъ хозяиномъ и разсмотрѣнію необходимыхъ документовъ; все остальное время я предавался мирному счастію. Я рѣшилъ вполнѣ насладиться своимъ отдыхомъ и тѣмъ живописнымъ мѣстомъ, гдѣ я находился. Окружающій ландшафтъ поражалъ своимъ покоемъ. Обширная цвѣтущая долина окружена отлогими, зелеными холмами и между ними небольшія рощи тянутся къ низинамъ, на которыхъ гнѣздятся деревеньки. Тамъ и сямъ виднѣются поля съ кормовыми травами для скота и отовсюду несется звонъ колокольчиковъ, привѣшенныхъ къ шеѣ барановъ. Если поутру вы отопрете ворота въ поле, то найдете ихъ въ томъ же видѣ и къ вечеру. Мало людей попадается по дорогѣ. Вы можете гулять по цѣлымъ часамъ и никого не встрѣтить, кромѣ каменьщиковъ,

поденьщика съ топоромъ въ рукахъ, фермера, охотящагося за зайцами. Почтовые столбы окрашены въ зеленую краску и лишены всякаго значенія: они ни для кого не нужны, кромѣ грачей, которые садятся на нихъ и изслѣдуютъ каждую трещину до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, столбы не повалятся отъ того, что сгнили, или отъ того, что ихъ постараются повалить, и тогда они идутъ на топливо въ коттеджи земледѣльцевъ.

Въ моихъ странствіяхъ по этому сонному царству, въ погонѣ за обновленными силами, кому всего естественнѣе было служить мнѣ путеводителемъ, какъ не прекрасной дочкѣ моего хозяина? Она была неутомимый ходокъ, не смотря на свое деликатное личико и тоненькую фигуру. Она умѣла перепрыгивать черезъ изгороди какъ мальчикъ и бѣгала легко и быстро. Отъ ея зоркихъ глазокъ рѣшительно ничего не укрывалось въ изгородяхъ, канавахъ и на небѣ. Она и наружностью походила на мальчика. Густые, короткіе волосы, вившіеся вокругъ тонкаго горла, широкій лобъ, худыя щеки и острый подбородокъ придавали ей сходство съ итальянскимъ пажомъ, какъ они изображаются на старинныхъ картинахъ. Она походила на мальчика, но еще болѣе походила на ангела, какъ ихъ изображаютъ на церковныхъ окнахъ, серьезнаго ангела, готоваго исполнить данное ему приказаніе и ожидающаго его. Не могу сказать, когда именно мнѣ показалось, что она, быть можетъ, ждетъ моихъ приказаній, что было бы восхитительно видѣть, какъ эти серьезные глаза загорятся преданностью ко мнѣ, что я покорю своей волѣ это гибкое существо. Сначала эта мысль забавляла меня и казалась восхитительной роскошью. Я знаю свою слабость, свое пристрастіе къ утонченнымъ наслажденіямъ. Теперь уже слишкомъ поздно раскаяваться. Я сдѣлалъ большую ошибку. Я могъ безусловно погубить себя. Въ настоящемъ короткомъ разсказѣ я не стану пытаться оправдывать свою ошибку.

По крайней мѣрѣ я не могу порицать себя за неблагоразумную торопливость. Даже тогда, когда я уже порѣшилъ назвать эту красивую дѣвушку своей, я колебался и сомнѣвался. Я старался дѣйствовать безпристрастно. Будучи хладнокровнымъ, я не могъ долго оставаться въ неизвѣстности на счетъ ея чувствъ ко мнѣ. Хотя она и сама этого еще не подозрѣвала, но я зналъ, что она любитъ меня. Я не фатъ; я никогда не считалъ себя особенно привлекательнымъ для женщинъ человѣкомъ; хотя я и недуренъ собой, но я хорошо знаю, что слабому полу нравятся болѣе грубые мужчины, нежели я. И однако я не могъ не видѣть любви этого прекраснаго ребенка. Глаза ея искали прика-

заній въ моихъ глазахъ и выражали любовь. Она была счастлива только въ моемъ обществѣ. Дѣвушка, не знавшая матери, обратила всю свою привязанность на отца, который былъ почти старикъ, когда она родилась. Какъ скоро она стала разсуждать, она нашла, что онъ нуждается въ ея заботливомъ попеченіи и въ ея дочерней привязанности сказывалась какъ бы материнская отвѣтственность. Для нея не были тайной—хотя она почувствовала бы себя очень несчастной, еслибы увидѣла, что я догадываюсь объ ея проницательности—слабохарактерность отца и его глупая гордость. Удивительно ли поэтому, что она отдала свое невинное сердце человѣку, который пришелъ на помощь дорогому ей существу и пробудилъ его изъ летаргіи недовольства къ новой надеждѣ — мало того: къ увѣренности въ побѣдѣ? Постепенно я довелъ ее до разспросовъ на счетъ себя и хотя мало говорилъ самъ, но выпытывалъ у нея то, что она обо мнѣ думала. Есть ли что-нибудь болѣе опьяняющее на свѣтѣ для общественнаго дѣятеля какъ увидѣть, что онъ оцѣненъ, какъ слѣдуетъ, невиннымъ и прекраснымъ существомъ, неиспорченнымъ свѣтомъ? Я по крайней мѣрѣ не знаю болѣе тонкой отравы. Въ ея глазахъ я былъ прирожденнымъ вождемъ людей. Схороненная въ темномъ уголку Англіи, она раньше того не видѣла человѣка, о которомъ писали бы въ газетахъ. Она ничего не знала объ іерархіи общественныхъ дѣятелей. Она считала меня уже вожакомъ партіи и однимъ изъ правителей страны. Она видѣла, что я сошелъ съ моего высокаго поста, чтобы сдѣлать доброе дѣло. Свой короткій отпускъ, который я урвалъ отъ государственной службы, я посвятилъ на исправленіе несправедливости, нанесенной старику, котораго бездушный свѣтъ оставилъ горевать въ темномъ углу Англіи. Не мудрено, что я читалъ въ ея глазахъ старинную сладкую сказку, которую легендарный король Кофетуа читалъ въ глазахъ нищей дѣвушки. Она меня любила.

Любилъ ли я ее? Могъ ли я дозволить себѣ полюбить ее? Я рѣшилъ быть глухимъ къ голосу сердца и слушать только голосъ разсудка. Только такимъ образомъ мужчина можетъ видѣть ясно, въ чемъ заключается его долгъ, когда въ дѣлѣ замѣшана женщина. Въ отношеніяхъ моихъ къ прекрасному полу мало найдется такого, за что я могъ бы порицать себя. Съ юношескихъ лѣтъ, когда я ухаживалъ за хорошенькой кузиной, я никогда и никого изъ нихъ не любилъ серьезно. Женщины были для меня пріятнымъ развлеченіемъ, отдыхомъ, забавою. Я никогда не позволялъ имъ отвлекать себя отъ дѣла. Еще будучи маленькимъ мальчикомъ, я уже рѣшилъ вопросъ о своей женитьбѣ. Я рѣшилъ,

что не позволю себѣ и думать о ней, прежде чѣмъ составлю себѣ извѣстное положеніе въ свѣтѣ, да и тогда позволю себѣ эту роскошь только при особенныхъ условіяхъ. Я не корыстолюбивый человѣкъ, но хорошо зналъ, что не долженъ жениться на бесприданницѣ. Какъ холостякъ, я былъ настолько обезпеченъ матеріально, что могъ посвящать все свое вниманіе общественнымъ дѣламъ и интересамъ своей партіи. Какъ мужъ жены, которая бы не принесла мнѣ приданаго, я долженъ былъ бы отдавать часть своего времени и своихъ силъ своимъ личнымъ дѣламъ.

Долгъ запрещалъ мнѣ съуживать такимъ образомъ поле своей дѣятельности. Я рано созналъ, въ чемъ состоитъ мой долгъ. Но теперь непрерывное присутствіе этой милой дѣвушки принудило меня вновь и съ большей тревогой обсудить этотъ вопросъ. Конечно, я могъ предполагать, что она наслѣдуетъ состояніе своего отца, и я былъ почти увѣренъ, что моими стараніями отецъ ея станетъ гораздо богаче, чѣмъ былъ, и кромѣ того онъ былъ старъ. Но все-таки все это было гадательно. Противникъ моего новаго пріятеля могъ отстаивать свое право съ такой же отчаянной энергіей, съ какой онъ нападалъ на меня, и я слишкомъ хорошо зналъ шаткость и медлительность англійскаго закона, чтобы упустить изъ виду, что все состояніе истца могло пойти на веденіе борьбы, а побѣда могла остаться на неправой сторонѣ. Кромѣ того, мой пріятель могъ имѣть долги, о которыхъ никто ничего пока не зналъ. Кто можетъ поручиться за этихъ почтенныхъ, старыхъ джентльменовъ, ведущихъ уединенную жизнь въ деревнѣ? Но я былъ увѣренъ, что еслибы у моей жены было состояніе равное моему (больше я не требовалъ), то это была бы самая подходящая для меня партія. Я предвидѣлъ, что блестящее общественное положеніе должно было увѣнчать мою политическую карьеру. Она была такъ хороша собой и такъ оригинальна, что пресыщенный свѣтъ долженъ былъ съ восторгомъ привѣтствовать ея появленіе. Мужчины будутъ отъ нея безъ ума, а она останется такой же доброй и честной, какъ и тогда, когда она бѣгала съ своей собакой по лугу. Въ сущности эта собака была однимъ изъ ея главныхъ недостатковъ. Она и ея госпожа были неразлучны. Я никогда не любилъ договъ; они всегда казались мнѣ предательскими тварями. Этотъ догъ въ частности былъ мнѣ особенно ненавистенъ и самъ меня, повидимому, не долюбливалъ. Но хотя и непріятно, конечно, когда по пятамъ носится звѣроподобная собака, однако, это не могло же служить серьезнымъ препятствіемъ къ браку. А она была единственнымъ препятствіемъ. Если мужчины навѣрное будутъ безъ ума отъ моей молодой

жены, то я могъ еще съ большей вѣроятностью разсчитывать на дружеское покровительство вліятельнѣйшихъ женщинъ. Она была такъ молода, такъ хороша, такъ невинна и манеры ея отличались такимъ врожденнымъ изяществомъ, что она должна была понравиться самымъ знатнымъ лэди. Кромѣ того я думалъ, что при всей своей простотѣ, она скоро научится играть роль въ этомъ новомъ для нея мірѣ. Тѣ самые глаза, которые такъ зорко наблюдали за птицами, звѣрями и цвѣтами, должны скоро разглядѣть мужчинъ и женщинъ, которые безконечно интереснѣе. Тутъ я ошибался; сознаюсь въ этомъ. Но развѣ это не простительная ошибка? Быть можетъ, никогда нельзя безошибочно предсказать, какъ поступятъ женщины! Онѣ очень странныя созданія, какъ въ этомъ убѣдились многіе разсудительные мужчины. Можетъ ли самый трезвый изъ насъ удержаться отъ нѣкотораго волненія и восхитительной увѣренности, что все обойдется хорошо, когда онъ мечтаетъ о молодости и невинности и любви, которыя должны достаться ему на долю? Развѣ я виноватъ, что счелъ эту красивую дѣвушку гораздо умнѣе, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ?

Ничто не удерживало меня отъ откровеннаго объясненія съ нею, кромѣ неувѣренности на счетъ приданаго. Я зналъ, что не долженъ говорить, пока не удостовѣрюсь на счетъ ея состоянія, но трудно было подавить голосъ страсти. Такъ трудно, что я рѣшился уѣхать на нѣкоторое время. Это отсутствіе не только послужитъ испытаніемъ для моихъ чувствъ, но мнѣ можно будетъ также навести справки на счетъ финансоваго положенія моего хозяина. Я написалъ тому самому законовѣду, который уже такъ хорошо послужилъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Я послалъ ему новыя доказательства правильности иска, собранныя мною на мѣстѣ, и поручалъ ему разузнать о состояніи дѣлъ нашего кліента и нѣтъ ли на немъ какихъ тайныхъ долговъ. Написавъ это важное письмо, я возвѣстилъ о своемъ немедленномъ отъѣздѣ. Еслибы я сомнѣвался до этого въ чувствахъ молодой дѣвушки, то тутъ всѣ мои сомнѣнія разсѣялись бы. Когда я выразилъ въ приличныхъ выраженіяхъ свое сожалѣніе о томъ, что долженъ завтра уѣхать, нѣжныя щечки ея слегка поблѣднѣли, а глаза стали какъ будто еще больше отъ удивленія и грусти. Чтобы не выдать своихъ чувствъ, я поспѣшилъ уйти и уложить свой чемоданъ.

На слѣдующее утро все было готово къ моему отъѣзду, но я не торопился. Спускаясь съ старой дубовой лѣстницы, я былъ въ осеннемъ настроеніи духа, которое вполнѣ соотвѣтствовало спокойствію и прелести дня. Ясная октябрьская погода ничѣмъ

не показывала, что она готовилась измѣниться. День за днемъ, когда разсѣявался утренній туманъ, солнце мягко озаряло золотые и красные листья деревьевъ, не колеблемыхъ ни малѣйшимъ вѣтеркомъ. Помню, что я съ тихимъ удовольствіемъ наслаждался меланхоліей старѣющагося года, въ то время какъ безшумно остановился на старой лѣстницѣ. Окна на заднемъ фасадѣ дома, гдѣ камень кажется еще желтѣе и милѣе, нежели на переднемъ фасадѣ, высоки и рамы на нихъ въ мелкихъ клѣткахъ. Мимо одного изъ этихъ оконъ вьется лѣстница и передъ нимъ есть дубовая перекладина, которая какъ будто затѣмъ и находится тутъ, чтобы пригласить празднаго человѣка облокотиться и поглядѣть въ садъ, раскидывающійся подъ окномъ. Я не могъ противиться этому приглашенію; я зналъ, что времени у меня довольно. Я облокотился и поглядѣлъ. Маленькій, старомодный садикъ былъ восхитителенъ. Онъ содержался не въ очень большомъ порядкѣ, но казался отъ того только роскошнѣе. Онъ былъ полонъ старомодныхъ цвѣтовъ и старомодныхъ ароматовъ. Онъ ютился въ уголку, образуемомъ домомъ и какими-то другими болѣе низкими строеніями, и все утро солнце заливало его своими лучами. Ульи стояли вдоль теплой каменной стѣны и пчелы жужжа влетали въ нихъ и вылетали, озабоченныя своимъ хлопотливымъ дѣломъ. Нельзя было представить себѣ болѣе мирной картины. Я вздохнулъ — но не грустно — и облокотился на дубовую перекладину.

Но не успѣлъ я заглянуть въ милый уже, знакомый мнѣ садикъ, какъ увидѣлъ въ немъ мою милую дѣвочку и вмѣстѣ съ ней какого-то посторонняго человѣка. На минуту мое мирное настроеніе нарушено было чувствомъ отвращенія. Затѣмъ я съ глубокимъ вниманіемъ сталъ слѣдить за поведеніемъ этой четы.

Какая у меня память! Каждый жестъ, каждый взглядъ, хотя бы большинству людей они и показались незначительны, врѣзались у меня въ памяти.

Новый пришелецъ имѣлъ на своей сторонѣ преимущество молодости и нѣкотораго рода красоты. Я опишу его съ полнымъ безпристрастіемъ. Если я могу отстранить любовь при оцѣнкѣ женщины, то могу отдѣлаться и отъ справедливой антипатіи, описывая мужчину, оскорбившаго меня. Онъ высокаго роста, брюнетъ, съ живыми, откровенными манерами и черными глазами, которые могутъ глядѣть и гнѣвно, и нѣжно. Я надѣюсь, что въ тѣхъ дикихъ странахъ, въ которыхъ онъ проживаетъ по своей собственной охотѣ, онъ не будетъ вовлеченъ въ какой-нибудь необдуманный или гнѣвный поступокъ. Въ его фигурѣ есть что-

то неукротимое, что-то такое, чтó по временамъ наводило меня на мысль, что онъ не въ здравомъ разсудкѣ. Быть можетъ, это самое снисходительное объясненіе его поведенія со мной, а я желаю быть снисходительнымъ. Въ его южныхъ краскахъ и внезапныхъ страстныхъ выходкахъ есть также что-то такое, чтó заставляетъ думать, что въ немъ есть примѣсь негритянской крови. Я узналъ, что его мать была креолка или нѣчто въ этомъ родѣ, и примѣсь черной крови если не достовѣрна, то весьма вѣроятна. Тѣмъ не менѣе этотъ молодой человѣкъ красивъ собой; однако не смотря на его ноги съ высокимъ подъемомъ и его стройную, живую фигуру, его нельзя назвать изящнымъ. Мнѣ достаточно было одного бѣглаго взгляда, чтобы убѣдиться, что этотъ смуглый юноша безъ памяти влюбленъ въ бѣлокурую дѣвушку, которую я почти избралъ себѣ въ невѣсты. Съ какой поспѣшностью перевелъ я свои глаза съ его выразительнаго лица на ея милое личико. Еслибы я прочиталъ на немъ отзывъ на страстную любовь ея спутника, я бы уѣхалъ и больше не вернулся. Женщины —такія странныя созданія, что моя вѣра въ любовь ко мнѣ этой дѣвушки поколебалась, когда я взглянулъ на моего несомнѣннаго соперника. Но когда я перевелъ глаза на ея прекрасное личико, то оно показалось мнѣ открытой книгой, гдѣ я прочиталъ, что она не только не любитъ этого молодого человѣка, но даже не подозрѣваетъ объ его страсти. Не скрою, что испыталъ въ эту минуту чувство торжества, такъ какъ былъ увѣренъ, что любовь ко мнѣ закрывала ей глаза на это явное увлеченіе другого человѣка. Въ то время какъ я стоялъ у открытаго окна, ихъ голоса долетали до меня изъ сада. Она мало говорила, но шла нѣсколько разсѣянно вдоль узенькой дорожки, останавливаясь время отъ времени, чтобы сорвать цвѣтокъ, причемъ опиралась другой рукою на голову своего дога, который осклаблялся отъ удовольствія. Но зато спутникъ ея говорилъ за двоихъ. Онъ ни словомъ не обмолвился про свою любовь, только взгляды его выдавали ее. Онъ говорилъ про свою дикую жизнь скотовода и скотопромышленника въ саваннахъ западной Америки; про свои верховыя прогулки, про медвѣдей и индѣйцевъ, про ночлеги подъ открытымъ небомъ.

Интереснаго въ его разсказахъ было мало и они отзывались чѣмъ-то пошлымъ, чтò, надѣюсь, не ускользнуло отъ вниманія его красивой спутницы. Я доволенъ былъ ея разсѣяннымъ видомъ; я думалъ, что ея мысли заняты моимъ отъѣздомъ. Молодой человѣкъ былъ обиженъ и уничтоженъ. Такъ какъ она не обращала на него вниманія, онъ пробормоталъ что-то о желаніи проѣхаться

верхомъ и исчезъ. Она поглядѣла ему вслѣдъ съ слабой улыбкой, освѣтившей на минуту ея печальное личико. Я не ошибался: личико было блѣднѣе обыкновеннаго и печально потому, что я уѣзжалъ. Она улыбнулась надъ его неукротимостью и затѣмъ вздохнула; я зналъ, что вздохъ относится ко мнѣ. Еслибы я послѣдовалъ своему желанію, то сошелъ бы въ залитый солнцемъ садикъ и поцѣловалъ бы блѣдное личико. Но я владѣлъ своими чувствами и медленно сошелъ съ лѣстницы и пошелъ въ конюшню поглядѣть, запряженъ ли кабріолетъ. Немного времени спустя, я уже стоялъ на широкихъ ступеняхъ подъѣзда и прощался съ моими хозяевами. Хозяинъ суетился около моего багажа и колебался между желаніемъ удержать меня и опасеніемъ, что я опоздаю на поѣздъ. Онъ рѣшился увѣдомить повѣреннаго своего родственника о своемъ искѣ. Онъ увѣрялъ меня въ сотый разъ, что не можетъ дѣйствовать исподтишка. Я больше не удерживалъ его отъ оглашенія этого дѣла, потому что желалъ какъ можно скорѣе выяснить, насколько искъ его имѣетъ шансы на успѣхъ.

Въ то время, какъ онъ не то толкалъ меня внизъ по лѣстницѣ, не то держалъ за фалды, дочь его молча стояла рядомъ съ нимъ. Вдругъ, не говоря ни слова, но слегка покраснѣвъ, она подала мнѣ цвѣты, которые, какъ я только-что видѣлъ, она сорвала въ саду. Печать наступающей зимы уже лежала на цвѣтахъ, но она сорвала ихъ для меня. Я удержалъ на минуту маленькую ручку въ своей рукѣ и, глядя въ честные, правдивые глаза, сказалъ многозначительно:

— Я вернусь опять.

Какъ вѣрно, что человѣку не слѣдуетъ довѣрять мнимымъ дарамъ фортуны! Пусть онъ побольше полагается на собственную осторожность и осмотрительность, но пусть остерегается всего болѣе, когда ему, что-называется, везетъ. Эти мысли невольно приходятъ мнѣ въ голову, когда я припоминаю то романическое время. Все, повидимому, шло какъ по маслу, такъ что сердце мое по временамъ билось радостно въ груди, какъ у любимца счастія. Конечно, я смѣялся надъ собственнымъ безуміемъ и старался подавить волненіе чувствъ; но какая-то слѣпая вѣра продолжала жить во мнѣ; я чувствовалъ себя какимъ-то избалованнымъ ребенкомъ. Все казалось мнѣ такъ удавалось. Искъ на имѣніе моего оппонента, казавшійся мнѣ сначала нестоющимъ вниманія, представлялся мнѣ теперь безусловно вѣрнымъ. Единственная дѣвушка, глубоко тронувшая мое сердце, оказывалась богатой наслѣдницей; и я не могъ не видѣть, что она любитъ меня. Законовѣдъ, услу-

гами котораго я пользовался, и второстепенные агенты дѣйствовали съ необыкновенной ловкостью и удачей. Когда, послѣ болѣе краткаго, нежели я смѣлъ надѣяться, промежутка, я получилъ письмо отъ моего бывшаго хозяина, который извѣщалъ меня, что его родственникъ отказывается безъ всякой борьбы отъ спорнаго имѣнія, я чуть не запрыгалъ отъ радости при такой блестящей побѣдѣ. Мой оппонентъ, человѣкъ, который такъ грубо нападалъ на меня, нелѣпо переплетая неодобреніе моей общественной карьеры съ порицаніемъ моей частной жизни, — мой оппонентъ отказывался отъ борьбы. Онъ не успѣлъ и разобрать хорошенько документы, представленные ему его повѣреннымъ, какъ написалъ истцу письмо, исполненное сумасбродныхъ сожалѣній о томъ, что хоть на краткое время воспользовался чужой собственностью, по закону принадлежавшей другому. Его увѣренія были преувеличены. Онъ объявлялъ, что хотя ему и говорили, когда онъ вступилъ во владѣніе этимъ имѣніемъ, что на немъ есть какой-то искъ, но онъ довольствовался тѣмъ, что предоставилъ фамильному стряпчему вѣдаться съ этимъ, убѣжденный, что если искъ основателенъ, то истецъ не замедлитъ заявить о своихъ правахъ. Онъ почти упрекалъ стараго джентльмена, о странной нервности и гордости котораго очевидно не имѣлъ никакого понятія, за то, что тотъ такъ долго оставался въ бездѣйствіи. Казалось, что онъ готовъ на всѣ возможныя уступки. Въ цѣломъ, хотя письмо и было преувеличено, оно внушило мнѣ болѣе высокое понятіе о ловкости писавшаго его. Онъ былъ такъ уменъ, что понялъ, что его дѣло проиграно, и предпочиталъ самъ уступить.

Все, повидимому, складывалось такъ, какъ мнѣ хотѣлось. Когда я дочиталъ характеристическое письмо моего бывшаго хозяина, въ которомъ онъ плохо маскировалъ искусственно холодными фразами и условными намеками на старческое равнодушіе свое удовольствіе, и когда я прочиталъ съ удвоеннымъ вниманіемъ восторженное посланіе моего оппонента, присланное мнѣ въ томъ же самомъ конвертѣ,—я всталъ съ мѣста съ намѣреніемъ быть смѣлымъ. Человѣкъ долженъ иногда и рисковать. Я не стану дожидаться безусловной увѣренности. Я навелъ косвенно справки и ничего не услышалъ неблагопріятнаго для моего кліента. Сосѣди считали его чрезмѣрно щекотливымъ и добросовѣстнымъ; никогда и тѣни скандала не связывалось съ его именемъ; не было никакого даже отдаленнаго намека, чтобы кто-нибудь имѣлъ на него какія-либо права, кромѣ его дорогой дѣвочки. Всѣ считали дѣломъ рѣшеннымъ, что она будетъ его единственной наслѣдницей. Я не стану ждать окончанія дѣла. Надо умѣть рисковать. Я

рѣшилъ быть смѣлымъ. Я поспѣшу лично поздравить своего пріятеля; я послушаюсь голоса сердца и увижу дѣвушку, которую люблю. Я постараюсь заключить выгодный брачный контрактъ передъ свадьбой; но затѣмъ буду дѣйствовать на проломъ. И стоя съ письмомъ старика въ рукѣ, съ бьющимся сердцемъ, я чувствовалъ себя какимъ-то романическимъ мальчикомъ. Великія, старинныя слова Монроза звучали въ моихъ ушахъ. Я готовился примѣнить ихъ на дѣлѣ; я готовился „все выиграть или все проиграть". Я буду отчаянно смѣлъ въ дѣйствіяхъ.

Но фортуна, повидимому, еще не устала проливать на меня свои щедроты. Я комфортабельно усѣлся въ своемъ любимомъ уголку въ вагонѣ, разложилъ плэдъ на колѣняхъ, а сбоку около себя положилъ цѣлую груду газетъ и размышлялъ о милой дѣвочкѣ, которая ждала меня. Я былъ доволенъ, что нахожусь одинъ въ вагонѣ, такъ какъ желалъ насладиться роскошью сантиментальныхъ грезъ; поѣздъ уже двинулся, какъ вдругъ какой-то молодой человѣкъ влетѣлъ какъ буря въ вагонъ. Когда онъ усѣлся на мѣстѣ, я узналъ смуглаго юношу, котораго видѣлъ въ саду съ моей возлюбленной. Хотя я и видѣлъ его изъ окна, но зналъ, что онъ-то меня не видалъ. Я не былъ болѣе недоволенъ его вторженіемъ, не вздыхалъ больше объ утраченномъ одиночествѣ. Я усмотрѣлъ въ его появленіи новый шансъ получить дальнѣйшія свѣденія. Я не могъ даже не разсмѣяться надъ этимъ новымъ даромъ фортуны; казалось, эта своенравная богиня нарочно подослала ко мнѣ этого мулата или креола, или кто бы онъ такъ ни былъ.

Не требовалось большого искусства, чтобы завязать разговоръ съ моимъ спутникомъ. Съ улыбкой, выставившей на показъ его бѣлые зубы (весьма вѣроятно, что контрастъ между его темной кожей и бѣлыми зубами нравился женщинамъ), онъ извинился за свое вторженіе. Я тоже улыбнулся и заговорилъ о погодѣ; выразилъ надежду, что она не перемѣнится и что я буду пользоваться все той же прекрасной осенью въ мѣстечкѣ, куда ѣду, и, назвавъ селеніе, ближайшее къ помѣстью моего хозяина, спросилъ молодого человѣка: знакомо ли ему это мѣсто.

— Знакомо ли?—вскричалъ онъ:—да я знаю въ немъ каждый кирпичъ наизусть; я родился въ немъ; домъ моей матушки въ двухъ шагахъ оттуда.

— Если такъ, то вы должны знать моего пріятеля,—сказалъ я, улыбаясь, и назвалъ моего хозяина.

Только этого и надо было, чтобы развязать ему языкъ. Черные глаза молодого человѣка засверкали и его смуглыя щеки

вспыхнули, когда онъ пустился превозносить до небесъ своего друга. Послушать его, такъ не было на свѣтѣ никого честнѣе, благороднѣе этого стараго джентльмена. Я добродушно подтрунилъ надъ этими чрезмѣрными похвалами и такимъ образомъ легко вытянулъ новыя подробности изъ моего собесѣдника. Онъ разсказалъ мнѣ съ полдюжины исторій о добротѣ моего хозяина къ своимъ бѣднѣйшимъ сосѣдямъ. Съ напускнымъ цинизмомъ я я намекнулъ, что доброта лэндлордовъ бываетъ часто слишкомъ велика, и приноситъ больше вреда, чѣмъ пользы. При этомъ мой юный пріятель вспыхнулъ отъ негодованія. Онъ съ преувеличеннымъ паѳосомъ объявилъ мнѣ, что вся жизнь стараго джентльмена отъ перваго часа его рожденія была такъ открыта, какъ его Библія; что по набожности ему не было равнаго; что въ окрестной скандальной хроникѣ, которую онъ, мой собесѣдникъ, зналъ наизусть, никогда ни единаго слова не было произнесено противъ этого замѣчательнаго старика. Я поспѣшилъ извиниться за свой цинический тонъ и увѣрить его, что я вполнѣ раздѣляю его высокое мнѣніе о нашемъ общемъ другѣ; что моему сердцу пріятно слышать такія горячія похвалы ему. Я и самъ говорилъ горячо. Мнѣ было въ самомъ дѣлѣ очень пріятно, что старый джентльменъ пользуется такой хорошей репутаціей и моя увѣренность въ томъ, что на его кошелекъ нѣтъ тайныхъ претендентовъ, стала почти непоколебима.

Вдругъ какая-то мысль озарила моего восторженнаго спутника, глядѣвшаго на меня такъ пристально, что это почти смущало меня.

— Неужели вы м-ръ?...—спросилъ онъ, называя мое имя.

— Да,—отвѣчалъ я беззаботно, такъ какъ дальнѣйшее инкогнито было невозможно.

Онъ еще съ минуту пристально глядѣлъ на меня, пока я нервно не разсмѣялся. Тогда съ торопливымъ движеніемъ, какъ будто отбрасывая всякое дальнѣйшее сомнѣніе, онъ протянулъ мнѣ руку.

— Позвольте мнѣ поблагодарить васъ за моего друга.

Я легко отозвался объ услугѣ, оказанной мною старому джентльмену.

— Нѣтъ, нѣтъ,—закричалъ онъ,—вы благородно поступили; это прекрасный поступокъ, тѣмъ болѣе отъ незнакомца. Еслибы вы знали, его, то, конечно, вамъ пріятно было бы помочь ему.

Затѣмъ продолжалъ съ усиливающимся жаромъ:

— Но вы никогда ихъ не видали; это-то и возвышаетъ заслугу. Я такъ сердитъ на себя за то, что не занялся этимъ

искомъ... Я зналъ о немъ всю жизнь, но привыкъ считать иллюзіей дорогого старика. Я просто ненавижу васъ за то, что вы это сдѣлали.

Я протянулъ руку, какъ бы извиняясь.

— Еслибы вы знали ихъ,—снова началъ онъ,—но вы никогда не видѣли ихъ (онъ хвалилъ меня, точно ругался), вы никогда не видѣли ее.

Онъ не то свиснулъ, не то вздохнулъ.

— Вы никогда не видѣли ее,—повторялъ онъ, медленнѣе,— вы не знали, какъ велика честь оказать ей малѣйшую услугу. Она ангелъ.

— Вы очень восторженно выражаетесь,—улыбнулся я.

— О, я влюбленъ въ нее отъ рожденія, — безпечно закричалъ онъ.

Странно, хотя я узналъ чувства этого молодого человѣка, когда видѣлъ его съ моей дѣвочкой въ саду, однако, сознаюсь, что меня покоробило, когда я услышалъ, какъ онъ хвалится своей любовью. Я съ трудомъ удержалъ на губахъ улыбку, съ которой его слушалъ. Такъ какъ я молчалъ, онъ самъ снова заговорилъ, но на этотъ разъ уже спокойнѣе.

— Вы, конечно, не выдадите меня,—началъ онъ.—Конечно, она ничего объ этомъ не знаетъ и не узнаетъ до тѣхъ поръ, пока я не составлю себѣ состоянія въ Монтанѣ. Видите ли, у меня пока ничего нѣтъ, кромѣ скота, а у ней есть состояніе; да что, она теперь богатая наслѣдница, благодаря вамъ.

— Развѣ она наслѣдница отцовскаго состоянія?—спросилъ я.

— А то кто же?—отвѣчалъ онъ угрюмо.—У него нѣтъ никого другого близкаго въ мірѣ и онъ отдалъ бы ей все до послѣдней копѣйки завтра же, еслибы она попросила! Еслибы она попросила! Точно она способна чего-нибудь въ мірѣ просить у него, кромѣ его любви—а это ей принадлежитъ и безъ всякой просьбы, точно такъ, какъ любовь всего міра, если только она этого захочетъ.

Онъ умолкъ. Я взялъ газету и держалъ ее передъ собою, размышляя. Черезъ нѣсколько времени я опять вступилъ съ нимъ въ бесѣду и сталъ разспрашивать о скотоводствѣ въ Америкѣ. Онъ былъ полонъ надежды; впереди ему видѣлись только доходы, но не убытки. Онъ былъ увѣренъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ разбогатѣетъ. Онъ объяснилъ мнѣ, что не останется въ Америкѣ, когда составитъ состояніе, а тотчасъ же вернется въ Англію, какъ скоро разбогатѣетъ.

— Прежде чѣмъ уѣхать,—закончилъ онъ,—я переговорю съ

дорогимъ старикомъ и выясню ему свое положеніе и скажу ему, что я за ней пріѣду; и если онъ мнѣ позволитъ, то скажу ей одно только ...только одно слово надежды...

Тутъ онъ такъ долго молчалъ, что я уже думалъ, что онъ все высказалъ, но черезъ нѣкоторое время онъ прибавилъ медленнѣе и съ паѳосомъ, точно разсуждалъ самъ съ собою:

— И однако, клянусь, еслибы я не уѣзжалъ такъ далеко, то предпочелъ бы не говорить ей пока ни слова любви. Мнѣ это представляется точно святотатствомъ.

Думаю, что у меня вырвался жестъ удивленія, потому что онъ вдругъ рѣзко повернулся ко мнѣ:

— Вы не знаете, что такое невинность,—закричалъ онъ:—никто этого не знаетъ, кто съ ней не друженъ... о, да, конечно, всѣ дѣвушки невинны; но она... у ней нѣтъ ни одной мысли, ни одной мечты, которыя не были бы непорочны; и она меня любитъ какъ свою собаку или цвѣтокъ своего сада... и я желалъ бы быть ея собакой.

Представьте себѣ молодого человѣка, разсуждающаго, такимъ образомъ, въ вагонѣ желѣзной дороги и съ незнакомцемъ! Я могъ бы привести и больше изъ его дикихъ рѣчей: моя память по-истинѣ необыкновенна, я ничего не забываю (увы!), еслибы даже и хотѣлъ. Одна вещь стала для меня ясной, когда я ѣхалъ съ моимъ дикимъ спутникомъ. Онъ былъ послѣднимъ на свѣтѣ человѣкомъ, которому можно довѣрить счастіе молодой дѣвушки. Самымъ снисходительнымъ для него заключеніемъ было признать, что у него умъ не совсѣмъ въ порядкѣ. Я думалъ о милой дѣвочкѣ, дожидавшейся моего пріѣзда, и сердце мое сжималось страхомъ. Во что бы то ни стало, я долженъ спасти ее отъ соединенія своей доли съ полоумнымъ человѣкомъ. Даже, еслибы его и нельзя было признать съумасшедшимъ, онъ, очевидно, былъ такъ легкомысленъ и неоснователенъ, что не могъ заботиться о женѣ. Не безразсуднымъ юношамъ съ страстными и нѣжными глазами и оливковой кожей составить себѣ состояніе скучнымъ и методическимъ дѣломъ скотоводства. Навѣрное такіе люди непостоянны и въ своей любви. Они не могутъ устоять передъ соблазномъ женскихъ очей, и хотя въ этомъ восторженномъ существѣ было что-то не англійское и хищное, на мой взглядъ, но я полагаю, что женщинамъ онъ долженъ былъ нравиться. Когда мы доѣхали до нашей станціи, онъ выскочилъ изъ вагона и немедленно опять въ него вскочилъ, чтобы помочь мнѣ вынести ручной багажъ. Онъ, повидимому, желалъ мнѣ угодить; у него были свои резоны пытаться заслужить мое расположеніе.

— Прощайте, — сказалъ онъ, — я увижусь съ вами, прежде, нежели вы отъ нихъ уѣдете; я пріѣду къ нимъ какъ только матушка меня отпустить. Матушкѣ принадлежать священнѣйшія права надъ своимъ блуднымъ сыномъ, но я пріѣду такъ скоро, какъ только будетъ можно.

Онъ говорилъ о своей матери точно герой французской драмы; это было въ духѣ его несдержанной манеры, которая мнѣ такъ не нравилась. Тѣмъ не менѣе, вѣжливость требовала, чтобы я былъ вѣжливъ; я поблагодарилъ его за его общество и любезность и выразилъ надежду, что мы вскорѣ снова встрѣтимся. Онъ порывисто пожалъ мою руку и проворно вскочилъ въ старый кабріолетъ, дожидавшійся его; затѣмъ махнулъ бичомъ, и прокричавъ мнѣ что-то, чего я не разслышалъ, быстро уѣхалъ.

III.

Было ясно, что времени терять не слѣдуетъ. Если я желаю оставить призъ за собой, я не долженъ слушаться голоса осторожности. Непрошенныя признанія моего дорожнаго спутника подкрѣпили мое убѣжденіе, что этотъ бракъ не будетъ безразсуденъ даже съ денежной точки зрѣнія; я долженъ довольствоваться этой вѣроятностью; дальнѣйшихъ справокъ наводить было некогда. Кто можетъ поручиться за дальнѣйшія дѣйствія этого необузданнаго юноши? Онъ могъ прискакать сегодня же и, позабывъ про свое благоразумное рѣшеніе, переговорить съ отцемъ дѣвушки, броситься на колѣни на песчаной дорожкѣ передъ самой дѣвушкой. Къ его толкамъ о необычайной простотѣ дѣвушки я отнесся съ презрительной улыбкой. Это была ошибка съ моей стороны. Сознаюсь въ томъ. Мнѣ слѣдовало сообразить, по его фантастическимъ рѣчамъ, истину о полномъ невѣдѣніи жизни у этого бѣднаго ребенка и объ ея неспособности понимать ея усложненія. Сознаюсь въ своей ошибкѣ, когда уже слишкомъ поздно, но не могу настаивать на ней. Мнѣ тяжело морализировать по поводу этой тяжкой ошибки, которая могла бы сгубить всю мою карьеру. Пусть любовь говоритъ въ мое оправданіе! Достаточно сказать, что я рѣшилъ высказаться и сегодня же.

Хотя голова моя была полна планами, однако я не могъ не улыбнуться надъ эксцентричностью моего хозяина. Приближался обѣденный часъ, когда я пріѣхалъ въ старый домъ, и я нашелъ стараго джентльмена одного. Я не счелъ худымъ знакомъ, что его дочь не пришла ко мнѣ на встрѣчу; я объяснилъ это за-

стѣнчивостью, которую развивало въ ней новое чувство; воображеніе мое было занято ея милой стыдливостью. Но мой хозяинъ не давалъ мнѣ времени углубляться въ свои мечтанія. Онъ продолжалъ играть комедію философскаго равнодушія къ своему счастью и вмѣстѣ съ тѣмъ мучился страхомъ, какъ бы я не принялъ его равнодушія за неблагодарность. Онъ осыпалъ меня разными мелкими услугами. Нѣсколько разъ сжималъ мою руку въ своихъ; настоялъ на томъ, чтобы проводить меня въ мою комнату и самъ зажегъ у меня свѣчи. Онъ указалъ съ гордостью, надъ которой поспѣшилъ самъ посмѣяться, на тотъ фактъ, что даже въ настоящее время года они могли украсить цвѣтами мой каминъ. Мнѣ не надо было говорить, чьи маленькія ручки поставили ихъ тамъ. Но хотя я и улыбался добродушно надъ эксцентрическими выходками стараго джентльмена, однако мнѣ вовсе не хотѣлось смѣяться, пока мы не вошли въ столовую. Тамъ я увидѣлъ, что нелѣпости моего хозяина достигли своего зенита, потому что надъ буфетомъ было воздвигнуто нѣчто въ родѣ трофея, на которомъ красовались слова: Fiat Justitia, крупнымъ шрифтомъ. Къ счастью, мнѣ легко было объяснить мой смѣхъ скромностью и неожиданностью, отразившеюся на моихъ нервахъ. Насъ было только трое за обѣдомъ, не считая эту тварь, собаку; и ни отецъ, ни дочь не были расположены критиковать мое поведеніе. Моя общественная дѣятельность приводила меня въ соприкосновеніе съ странными декораціями платформъ и залъ, но найти нѣчто подобное въ старомодной, съ дубовыми панелями столовой частнаго дома казалось невыразимо комическимъ.

Когда обѣдъ былъ оконченъ, милая дѣвочка оставила насъ. Хотя сквайръ почти совсѣмъ не пилъ вина, послѣдовалъ старинной привычкѣ сидѣть за бутылками и въ настоящемъ случаѣ, впервые въ жизни, я былъ этому радъ. Я бы желалъ отложить свое сообщеніе, но мысль о дикомъ юношѣ, находящемся по сосѣдству, дѣлала молчаніе невозможнымъ. Такъ кратко и такъ просто какъ только можно я сообщилъ старому джентльмену о своей любви.

— Вы, вѣроятно, замѣтили это,—сказалъ я, увидя какъ у него дрожали руки.

— Да, да,—отвѣчалъ онъ,—я видѣлъ это; безъ сомнѣнія, я видѣлъ это... я... я кое-что замѣтилъ.

Я усомнился въ строгой правдивости этого увѣренія, замѣтивъ нервную дрожь, которой онъ не могъ скрыть.

— Но она ребенокъ,—закричалъ онъ, чуть не рѣзко,—вы знаете, что она еще ребенокъ.

— И вы не замѣтили,—грустно отвѣчалъ я,—что въ послѣднее время ребенокъ выросъ въ женщину.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ.

— По крайней мѣрѣ,—спросилъ я слегка обиженнымъ тономъ,—я надѣюсь, что вы ничего не имѣете противъ меня лично?

Онъ положилъ свою дрожащую руку на мой рукавъ, точно просилъ меня помолчать, пока къ нему вернется способность говорить.

— Вы вѣдь знаете, какого я высокаго о васъ мнѣнія!—началъ онъ.

Такъ какъ я молчалъ, то онъ продолжалъ съ слабой улыбкой:

— Я получилъ болѣе высокое понятіе о политической карьерѣ съ тѣхъ поръ, какъ узналъ, что вы восходящее въ ней свѣтило, будущій великій человѣкъ, предводитель партіи.

— Оставьте это,—поспѣшно перебилъ я,—не принимайте этого въ разсчетъ; эта карьера рискованная; честный человѣкъ можетъ каждую минуту потерпѣть въ ней фіаско.

— Ахъ! но я особенно уважаю въ васъ не столько ваши таланты... ваши большіе таланты... сколько вашу доброту. Вы добрый человѣкъ и добрый другъ, и вѣрный приверженецъ справедливости.

Онъ повернулся въ креслѣ лицомъ къ трофею. Я же боялся взглянуть на него.

— Оставьте это,—произнесъ я съ подобающей серьезностью.

Онъ снова повернулся ко мнѣ, причемъ его нервное возбужденіе все возрастало.

— Какъ могу я отказать вамъ?—рѣзко закричалъ онъ,—какъ могу я въ чемъ-либо вамъ отказать? Вспомните, что́ вы для меня сдѣлали.

Я сдѣлалъ жестъ отрицанія.

— Безъ сомнѣнія,—затянулъ онъ опять свою старую пѣсню: —для меня это не очень важно, я старикъ, быть немного бѣднѣе или богаче—для меня это не составитъ разницы. Но не въ этомъ дѣло: вы поступили благородно, съ рѣдкимъ благородствомъ. Я не могу забыть, какъ много я вамъ обязанъ.

— Ахъ!—сказалъ я,—оставьте это.

— Не могу же я не помнить этого,—слабо отвѣтилъ онъ.

Я молчалъ; я не предъявлялъ притязаній на его благодарность. Я радъ, что выказалъ столько великодушія: теперь мнѣ утѣшительно вспоминать объ этомъ.

Послѣ молчанія, показавшагося довольно продолжительнымъ, онъ высказалъ какъ разъ то, чего я почти ждалъ и опасался.

— У меня были въ головѣ кое-какіе планы относительно моей дѣвочки,—началъ онъ,—я считаю нужнымъ вамъ это сообщить. У насъ есть здѣсь пріятель и сосѣдъ, юноша, который, какъ мужественный человѣкъ, старается пробить себѣ дорогу въ свѣтѣ. Онъ добрый сынъ и я всегда думалъ, что онъ будетъ добрымъ мужемъ... но черезъ нѣсколько лѣтъ, черезъ нѣсколько лѣтъ.

Само собою разумѣется, что я выказалъ нѣкоторое любопытство.

— Развѣ этотъ молодой человѣкъ уже женихъ? — тревожно спросилъ я.

— Онъ еще ни слова мнѣ не говорилъ,—возражалъ старый джентльменъ, качая головой.—Быть можетъ, я все это вообразилъ. Я думалъ, что онъ дожидается, пока она выростетъ; но если она уже дѣйствительно выросла, то онъ долженъ былъ бы объясниться.

— Вы должны устранить его, — сказалъ я съ откровенной улыбкой.—Я не могу допустить чьихъ-либо чужихъ правъ.

— Нѣтъ, нѣтъ; у него нѣтъ никакихъ правъ. Это, быть можетъ, все только одна моя фантазія. Но вы ничего не пьете? Не выпьемъ ли мы...

Но въ то время какъ старый джентльменъ неловко задвигался въ креслѣ, я поспѣшно всталъ съ моего. Я рѣшилъ, что́ мнѣ дѣлать. Въ корридорѣ я задержалъ его, положивъ ему на плечо руку.

— По крайней мѣрѣ хоть это сдѣлайте для меня,—сказалъ я грустно, но твердо,—побудьте въ своемъ кабинетѣ нѣкоторое время.

Я слегка толкнулъ его къ двери, которая вела въ его комфортабельную берлогу.

— Я долженъ переговорить съ ней; я долженъ узнать свой приговоръ.

Онъ, кажется, былъ ошеломленъ.

— Вы не запугаете ее?—она еще ребенокъ, настоящій ребенокъ. Вы не запугаете ее?

— Ахъ!—сказалъ я тономъ глубокаго разочарованія,—вы мнѣ не довѣряете.

Я почувствовалъ, какъ онъ встрепенулся подъ моей рукой.

— Кому же мнѣ вѣрить, какъ не вамъ!—поспѣшно вскричалъ онъ:—вы знаете, какъ я вамъ обязанъ.

— Оставьте это,—серьезно сказалъ я, тихонько вталкивая его въ кабинетъ.

Маленькая гостиная сразу успокоила мои взволнованные нервы.

Въ ней было тепло и полинялая мебель казалась очень красивой при вечернемъ освѣщеніи. Она сидѣла, наклонившись надъ большой книгой; пламя отъ камина озаряло ея платье, а свѣтъ отъ лампы съ абажуромъ падалъ на ея волоса. Я никогда не забуду этой картины. Когда я вошелъ въ комнату, она подняла голову. Я уже говорилъ, что она часто напоминала мнѣ ангела на церковномъ окнѣ, ангела, дожидавшагося приказаній. Когда глаза ея откровенно встрѣтились съ моими, я увидѣлъ съ новымъ чувствомъ торжества, что она ждетъ моихъ приказаній. Я почувствовалъ свою власть надъ этимъ милымъ ребенкомъ. Когда я подошелъ ближе, я увидѣлъ, что въ глазахъ ея мелькнуло удивленіе, но она не отвернула головы. Я наклонился къ ней, и пробормотавъ какія-то нѣжныя слова, прижалъ свои губы къ ея губамъ. Краска сбѣжала съ ея лица, но она не выказала страха. Только глаза ея выражали странную смѣсь удивленія и какъ бы нѣкотораго ужаса. Есть сцены, слишкомъ священныя для того, чтобы ихъ описывать. Когда наступила ночь, и мы всѣ трое остановились внизу около лѣстницы, я увидѣлъ, что по щекамъ стараго джентльмена катились слезы, и сознаюсь, что мои собственные глаза были влажны.

Я проснулся на слѣдующее утро послѣ крѣпкаго и освѣжающаго сна и почувствовалъ въ себѣ мужество исполнить лежавшую на мнѣ задачу. Я зналъ, что дикій юноша, навязавшій мнѣ свои секреты, можетъ причинить мнѣ много хлопотъ. Я рѣшилъ предупредить его первое движеніе. На разсвѣтѣ я сошелъ съ лѣстницы такъ тихо, какъ только могъ. Вся природа, казалось, улыбалась мнѣ, точно то былъ уже день моей свадьбы. Но мнѣ некогда было наблюдать, какъ я это люблю, красоту восточнаго неба. Я украдкою вышелъ изъ дома и пошелъ въ конюшню. Тамъ я нашелъ хозяйскаго грума, котораго я уже привлекъ на свою сторону обычнымъ, но дѣйствительнымъ способомъ. Онъ готовился проѣздить лошадей моего хозяина, и послѣ обычныхъ комплиментовъ на счетъ его заботливаго ухода за лошадьми, я спросилъ его, не будетъ ли ему по пути домъ безпокойнаго молодого человѣка, которому я прошу его завезти записку. Записка эта была коротка и ясна. Въ ней я сообщалъ моему сопернику, что считаю самымъ честнымъ немедленно увѣдомить его о моей помолвкѣ. Я прибавлялъ, что былъ такъ озадаченъ и смущенъ его внезапными и непрошенными признаніями, что не рѣшился тогда же сообщить ему о моихъ намѣреніяхъ, а пока я колебался, онъ уѣхалъ, и я такимъ образомъ упустилъ случай просвѣтить его. Послѣ того я выразилъ надежду (которую почти искренно питалъ), что если

онъ могъ такъ долго откладывать выраженіе своихъ чувствъ, то они, вѣроятно, не такъ сильны, какъ ему казалось. Я оканчивалъ письмо желаніемъ, чтобы онъ навсегда остался ея другомъ и моимъ.

Когда я увидѣлъ, что грумъ медленно уѣхалъ съ моимъ письмомъ въ карманѣ, я вздохнулъ свободнѣе. Я предался наслажденію раннимъ утромъ и мечтамъ юной любви. Моя возлюбленная была удивительно мила и ласкова весь этотъ день. Она была очень блѣдна и тиха, но это-то и казалось мнѣ самымъ естественнымъ въ ея теперешнемъ положеніи: я бы не желалъ, чтобы она была оживленнѣе. Гуляя съ ней въ маленькомъ садикѣ, я завелъ наконецъ рѣчь о молодомъ человѣкѣ, моемъ дорожномъ спутникѣ. Грумъ вернулся до завтрака, но не привезъ отвѣта на мою записку. Я успокоился, такъ какъ опасался поспѣшнаго и рѣзкаго отвѣта. Я наблюдалъ лицо моей дѣвочки очень пристально, хотя и улыбался ей безпечно. Я увидѣлъ, что при упоминовеніи этого имени оно озарилось откровенной дружбой, но не выразило и тѣни любви. Она какъ бы пробудилась изъ своего молчанія.

— Желала бы я знать, что́ онъ скажетъ,—громко произнесла она съ откровеннымъ любопытствомъ ребенка.

Я готовился что-то сказать, когда увидѣлъ слугу, появившагося изъ-за угла дома, съ письмомъ въ рукѣ. Я поспѣшно сталъ между дѣвушкой и имъ и взялъ письмо изъ его рукъ. Въ то время какъ она прохаживалась по песчаной дорожкѣ, опустивъ глаза въ землю, я остановился и прочиталъ письмо моего соперника. Я переписываю его здѣсь. Въ немъ нѣтъ ни начала, ни подписи.

„Вамъ слѣдовало сказать мнѣ это. Если она помолвлена съ вами, то я буду молчать. Ради Бога, будьте добры къ ней. Вы не знаете, что это за нѣжная и кроткая душа, и какая благородная. Будьте добры къ ней“.

Вотъ и все. Записка была коротка и, повидимому, недружелюбна. Онъ какъ будто сомнѣвался въ моихъ словахъ, а страстное воззваніе быть къ ней добрымъ казалось почти оскорбительнымъ. Можно было подумать, что онъ пишетъ какому-то тирану, людоѣду или негодяю-герою трехтомнаго романа. Подобно всему, что́ дѣлалъ этотъ несчастный юноша, это было преувеличено и безтактно. Старательно складывая ее въ бумажникъ, я рѣшилъ уѣхать отсюда сегодня же вечеромъ. Я былъ увѣренъ, что онъ появится вслѣдъ за своей запиской, что у него не хватитъ здраваго смысла на то, чтобы держаться поодаль. Свиданіе между нами не могло быть пріятно ни ему, ни мнѣ. Я не вернусь сюда до тѣхъ поръ, пока онъ совсѣмъ не распрощается съ ними. Само

собой разумѣется, что теперь онъ поторопится съ отъѣздомъ въ Америку; я предоставляю свободное поле для его прощальнаго визита. Я не боялся того, что̀ онъ могъ сказать про меня за моей спиной. Что̀ могъ бы онъ сказать, кромѣ того, что я не подражалъ его нелѣпой болтливости, его глупой нескромности... въ вагонѣ желѣзной дороги? Что касается моей жизни вообще, то я чувствовалъ счастливую увѣренность, что никто не откроетъ что-нибудь такое, что̀ не было бы въ высшей степени почтенно, ни въ моей общественной, ни въ моей частной жизни. Кромѣ того, я былъ увѣренъ, что если онъ вздумаетъ чернить меня въ глазахъ моей невѣсты, то повредитъ этимъ только самому себѣ. Развѣ я не читалъ безусловное довѣріе, можно даже сказать, благоговѣніе въ ея глазахъ? Увы! какъ мало можно разсчитывать на постоянство въ женщинѣ! Еслибы она удержала свою вѣру въ меня! Но... какъ говорятъ романисты, вернемся назадъ къ моей исторіи! Я не долженъ забѣгать впередъ.

Когда я положилъ въ карманъ письмо моего соперника, я поспѣшилъ къ моей возлюбленной. Ласково обнявъ ее за талію, я сказалъ ей, что долженъ покинуть ее сегодня. Я почувствовалъ, что она дрожитъ, но не пытается оттолкнуть меня. Я сказалъ ей, что бросилъ очень важное общественное дѣло, потому что не могъ работать, пока не услыхалъ своего приговора изъ ея устъ. Что теперь я долженъ вернуться назадъ къ своему дѣлу, но что я пріѣду опять, какъ только освобожусь.

— Неужели я вамъ такъ дорога?—спросила она какъ бы съ ужасомъ въ голосѣ. Я остановился и поглядѣлъ ей прямо въ глаза. Они были полны благоговѣнія. Вотъ чувство,—сказалъ я самому себѣ,—которое можетъ служить наилучшимъ фундаментомъ для воздушнаго дворца любви. Чего только не могъ я на немъ построить? Увы!—какъ жалки всѣ предвидѣнія мужчинъ, когда въ дѣлѣ замѣшана женщина! Увы! какъ легко рушатся фундаменты, казавшіеся настолько прочными, чтобы противустоять вѣкамъ! Моя дѣвочка была странно молчалива; но я ничего другого не желалъ. Она гуляла рядомъ со мной съ очаровательной покорностью; теперь она больше не бѣгала по лугамъ съ своей волкоподобной собакой, которая дивилась происшедшей перемѣнѣ. Она не слѣдила больше за всѣми мелкими предметами на землѣ и въ воздухѣ; но водила меня во всѣ свои любимые уголки и ко всѣмъ животнымъ, которыя были ея любимцами. Она совершенно серьезно представила мнѣ послѣднюю выводку поросятъ и испанскихъ щенковъ. Она повела меня въ тотъ уголокъ на огородѣ, гдѣ она часто играла въ хозяйку дома, а теперь ей предстояло въ скоромъ времени стать

дѣйствительной хозяйкой дома. Она считала, кажется, несомнѣннымъ, что меня могутъ интересовать всѣ эти пустяки, которые она мнѣ показывала. Раза два у меня мелькнуло въ умѣ, что она показываетъ ихъ мнѣ такъ, какъ еслибы они должны были составлять часть нашей будущей жизни, какъ еслибы я долженъ жить здѣсь съ поросятами и кроликами. Бѣдная дѣвочка! Въ мою задачу не входило разрушать въ это утро ея идиллическія представленія о будущемъ. Она была очень мнѣ мила. Я никогда не былъ сильнѣе убѣжденъ, что не ошибся въ выборѣ. Въ ея серьезности была удивительная прелесть, а ея невинность просто обворожительна. Она не смѣялась и не прыгала; она была очень тиха; мои поцѣлуи она принимала, какъ ребенокъ. Есть вещи, слишкомъ священныя для того, чтобы передавать ихъ. Послѣ полудня я разстался съ нею.

Первое ея письмо лежитъ теперь передо мной. Бумага немного смялась, чернила поблѣднѣли, а между тѣмъ, мнѣ кажется, что я только вчера нѣжно улыбался, впервые читая его: то была чопорная, коротенькая записка, но она меня очаровала; отъ ея формализма вѣяло чѣмъ-то старомоднымъ, но восхитительнымъ, точно лавендовые цвѣты, которые росли въ такомъ множествѣ въ ея старинномъ садикѣ, возлѣ пчельника, озаренномъ солнцемъ. Она писала, что все обстоитъ благополучно, и послѣ извѣстій о старикѣ отцѣ, о юныхъ щенкахъ и новорожденномъ теленкѣ, сообщала мнѣ, что смуглый юноша уже сдѣлалъ имъ свой прощальный визитъ. Она очень сожалѣла о томъ, что онъ долженъ такъ скоро уѣхать; она предполагала, что у него въ хозяйствѣ что-нибудь неладно, потому что онъ былъ очень молчаливъ и все время какъ будто думалъ о чемъ-то другомъ. Онъ долженъ былъ на другой же день выѣхать въ Ливерпуль; она очень объ этомъ сожалѣла. Она кончала письмо, извиняясь за свой дѣтскій почеркъ и подписалась „искренно преданной мнѣ“. Помню, что когда я увидѣлъ это формальное заключеніе, написанное несомнѣнно еще несформированнымъ почеркомъ, я началъ читать письмо сызнова и замѣтилъ со смѣхомъ, что она начинала письмо словами: „дорогой м-ръ...“ Какъ пріятно будетъ научить ея скромныя уста произносить мое христіанское имя! Я былъ въ восторгѣ отъ извѣстія объ отъѣздѣ моего соперника. Сегодня или, самое позднее, завтра, онъ будетъ уже въ открытомъ морѣ. Я телеграфировалъ отцу моей дорогой дѣвочки, что пріѣду завтра. Я говорилъ себѣ, что теперь конецъ всякимъ сомнѣніямъ и колебаніямъ. Мнѣ уже порядкомъ надоѣдали эти разъѣзды взадъ и впередъ, разстраивавшіе у меня

мысли въ головѣ и мѣшавшіе мнѣ работать. Я рѣшилъ, что свадьба моя совершится въ возможно скоромъ времени.

Объ этомъ знаменательномъ днѣ мнѣ почти нечего сказать. Я былъ полонъ вѣры въ будущее и спокойно счастливъ. Послѣ кратковременной сырой зимы, солнце ярко сіяло въ утро моей свадьбы. А между тѣмъ, будь я суевѣренъ, я могъ бы испугаться. Мой тесть былъ въ самомъ сильномъ нервномъ разстройствѣ. Терзаемый желаніемъ оказать мнѣ всевозможное вниманіе и безразсуднымъ сожалѣніемъ о томъ, что ему приходится разстаться съ своимъ ребенкомъ, онъ дѣлалъ бестактность за бестактностью. Можно было подумать, что онъ и самъ не знаетъ, какъ очутился въ церкви и провожаетъ невѣсту. Сама невѣста была блѣдна какъ привидѣніе и ея большіе глаза глядѣли на меня такъ, какъ еслибы она была дѣвушка, только-что пришедшая въ какой-то языческій храмъ и съ благоговѣніемъ и боязнью безмолвно молитъ о пощадѣ свое божество. Но худое, хотя и нелѣпое предзнаменованіе, которое могло испугать суевѣрнаго человѣка, было слѣдующее. Теперь я могу говорить о немъ со смѣхомъ, но въ то время оно меня взбѣсило, и понятно. Эта бестія собака, которая волкомъ глядѣла на меня съ самаго начала, какъ я только появился въ домѣ, лежала посреди лѣстницы, когда я вышелъ, одѣтый, чтобы ѣхать къ вѣнцу. Не успѣлъ я подойти къ ней съ ласковыми словами, какъ она прыгнула мнѣ на спину и разодрала мой новый фракъ съ верху до низу. Сознаюсь, что я испугался и не успѣлъ придти въ себя, какъ меня повезли въ церковь. Я вѣнчался въ старомъ черномъ сюртукѣ и новомъ синемъ жилетѣ; я уронилъ на полъ кольцо; я чувствовалъ, что являюсь не въ авантажѣ. Прошло нѣсколько часовъ, прежде, нежели я совсѣмъ оправился.

IV.

Много разъ съ тѣхъ поръ, какъ я принялся писать, испытывалъ я желаніе бросить перо, но никогда съ такою силой, какъ теперь. Развѣ не тяжко, что человѣкъ обязанъ приподнять скромное покрывало, скрывающее священную драму его брачной жизни? Но я не стану терять времени на жалобы. Упрямство другого лица сдѣлало этотъ трудъ неизбѣжнымъ. Я буду по возможности краток.

Остальная моя повѣсть есть повѣсть горькаго разочарованія и быстраго пробужденія отъ безумной мечты. Я ошибся и долженъ теперь пожинать плоды своей ошибки. Правда, что съ де-

нежной стороны мнѣ нѣтъ причины жаловаться. Мой тесть былъ такъ мнѣ благодаренъ и такъ слѣпо любилъ свое единственное дитя, что готовъ былъ отдать все на свѣтѣ по первой просьбѣ. Но хотя я и не прикидываюсь, что презираю богатство, однако, хорошо знаю, что не въ деньгахъ только счастіе. Онѣ цѣнны лишь какъ средство; хотя онѣ могли помочь мнѣ составить карьеру, но я ее не составилъ. Кромѣ того, ихъ было недостаточно. Даже еслибы мы получили все имѣніе стараго джентльмена, мы бы не были богаты между богатыми; наше состояніе не могло дать намъ могущества. И хотя моя блѣдная, молодая жена принесла мнѣ деньги и, безъ сомнѣнія, должна была со временемъ наслѣдовать отцу, но гдѣ была та симпатія, ради которой я пожертвовалъ собою? Гдѣ была любящая подруга, готовая помогать мнѣ составить себѣ карьеру? Гдѣ былъ вѣрный и преданный товарищъ моей свѣтской жизни? Я мечталъ о полномъ союзѣ двухъ сердецъ. Съ безразсудствомъ мальчика, не спорю, я считалъ, что въ этомъ сущность брака. Я дозволилъ себѣ мечтать, и какъ горько было пробужденіе.

Я былъ увѣренъ, что свѣтскіе успѣхи моей жены будутъ очень полезны мнѣ, какъ политику. Я разсчитывалъ на это. Я до сихъ поръ увѣренъ, что она могла ихъ снискать безъ всякаго усилія. Но не только она не дѣлала усилій, но съ какой-то странной антипатіей уклонялась отъ открытаго передъ нею пути. Я не хочу быть къ ней несправедливъ. Я не могу сказать, чтобы она когда-нибудь отказывалась сдѣлать то, о чемъ я ее просилъ. Она слушалась меня во всѣхъ подробностяхъ, но ея послушаніе было безжизненное. Когда я оставлялъ ее безъ спеціальныхъ инструкцій, она ничего не дѣлала. Я разсчитывалъ, что она отъ всего сердца станетъ ухаживать за любезнымъ и снисходительнымъ обществомъ... увы! можно было подумать, что у нея вовсе нѣтъ сердца. Я былъ очень занятъ; я по неволѣ оставлялъ ее по долгу въ одиночествѣ. Я не могъ постоянно напоминать ей объ ея общественныхъ обязанностяхъ; а если я не напоминалъ ей о нихъ, она сидѣла дома и читала книги. Она стала блѣдна и вяла. Она, бѣгавшая въ деревнѣ точно юная Діана, не ходила даже никогда гулять въ Лондонѣ, если я ее не посылалъ. Конечно, я не могъ дозволить ей гулять одной. Она почувствовала безразсудную антипатію къ своей горничной-француженкѣ, которая, однако, была намъ рекомендована съ отличной стороны однимъ изъ самыхъ аристократическихъ домовъ. Она намекнула однажды, что могла бы гулять со своей собакой, еслибы я дозволилъ привезти ее въ Лондонъ. Но само собой разумѣется, что нельзя же было дер-

жать въ домѣ такое опасное животное. Кромѣ того, я напомнилъ ей, что собаки этой породы чувствуютъ себя крайне несчастливыми въ городѣ. Такимъ образомъ она сидѣла почти безвыходно дома, и молчаніе, и послушаніе ея могли даже показаться досадными. По вечерамъ я бралъ ее съ собой въ гости, когда это могло быть полезно. Куда бы мы ни пріѣхали, меня вездѣ поздравляли съ ея красотой, и я замѣчалъ, что она производила самую лестную сенсацію въ собраніяхъ. Ея оригинальность и необыкновенная красота дѣлали ее замѣтной помимо ея воли. Но я вскорѣ увидѣлъ, что мужчины находятъ ее глупой. Она какъ будто не понимала самыхъ простыхъ комплиментовъ ея наружности. Ее смущалъ откровенный взглядъ восхищенія, который въ наши дни является признакомъ наилучшаго воспитанія. Я былъ съ нею очень добръ и терпѣливъ; я надѣялся на время; я думалъ, что время сдѣлаетъ чудеса.

Хотя я разсчитывалъ вообще на успѣхъ моей жены въ обществѣ, но я не столько желалъ, чтобы она нравилась мужчинамъ. сколько женщинамъ. Я былъ увѣренъ, что ея молодость, невинность, ея безпомощность пробудятъ материнскіе инстинкты, дремлющіе въ самой модной, какъ и въ самой простой женщинѣ. Я разсчитывалъ, что этотъ замужній ребенокъ будетъ принятъ подъ покровительство самыми вліятельными дамами большого свѣта, и въ числѣ ихъ я съ самаго начала намѣтилъ одну, которую слѣдовало очаровать больше всѣхъ остальныхъ. Въ ту пору никто не могъ быть мнѣ полезнѣе прекрасной маркизы, исторія которой теперь у всѣхъ въ устахъ. Въ ту пору она была силой. Она была немолода, но у ней былъ дерзкій видъ, болѣе пикантный даже, чѣмъ сама молодость. Она была неумна; но умѣла заставить мужчинъ разговаривать съ собой и умѣла одобрительно слушать ихъ. Я теперь, не колеблясь, могу сказать, что она была недобра. но у нея была такая рѣзкая манера обличать слабости своихъ пріятельницъ, что тѣ по большей части старались не раздражать ее. Никого теперь не удивитъ, если я скажу, что въ эпоху моей женитьбы она имѣла необыкновенное вліяніе на очень властнаго члена той партіи, къ которой я принадлежу. Этотъ властный членъ былъ также пріятелемъ ея мужа; свѣту былъ замазанъ, такимъ образомъ, ротъ; съ тѣхъ поръ бѣдная лэди потеряла свое значеніе въ свѣтѣ. Человѣкъ, котораго она разорила, утратилъ всѣ шансы на власть, и я никому не поврежу, упомянувъ объ этой злополучной дружбѣ, ставшей городской сказкой. Все это теперь принадлежитъ непріятной хроникѣ гласныхъ скандаловъ. Достаточно сказать, что въ эпоху моей женитьбы ничто не могло

мнѣ быть такъ полезно, какъ дружба между этой вліятельной маркизой и моей женой. Членъ партіи, надъ которымъ эта лэди пріобрѣла такое странное вліяніе, былъ человѣкъ, съ чьей карьерой я связалъ и свою. Само собой разумѣется, что вліяніе женщинъ на политику уже не то, какъ было прежде. У нихъ явился страшный соперникъ въ удивительномъ усовершенствованіи мѣстныхъ махинацій. Тѣмъ не менѣе у нихъ все еще гораздо больше силы, нежели это могутъ думать посторонніе наблюдатели. Я зналъ силу этой лэди въ частности; я зналъ также, что она съ недовѣріемъ относилась ко мнѣ; быть можетъ, ей внушала опасенія моя проницательность. Я почти навѣрное разсчитывалъ, что она будетъ очарована невинной прелестью моей жены-ребенка. Я не ошибся, моя grande dame была въ восторгѣ отъ женщины, столь несходной съ нею. Она съ самой любезной готовностью приняла свою новую знакомую и познакомила ее съ самыми знатными людьми; ради моей жены она даже впервые отнеслась ко мнѣ прилично вѣжливо. Но не смотря на то, что знатная дама старалась даже понравиться женѣ, послѣдняя оставалась глуха къ этому.

Она ѣздила къ ней, такъ какъ я это приказывалъ, бывала у нея и на вечерахъ, и днемъ съ визитомъ, и каталась съ ней въ коляскѣ, потому что я просилъ ее ни подъ какимъ видомъ ей въ томъ не отказывать. Но она была холодна какъ истуканъ. Она дѣлала то, чтó я ей приказывалъ, и только. Она ничего не говорила про маркизу, пока однажды не нарушила своего молчанія, и тогда наговорила уже много и лишняго. Помню, съ какимъ удивленіемъ я ее слушалъ. Я и не подозрѣвалъ, что ей такъ многое извѣстно объ испорченности свѣта и сказалъ, ей это. Она съ азартомъ отвѣчала мнѣ, что „эта женщина“ научила ее; что она дурная женщина, не вѣритъ въ добродѣтель и желаетъ, чтобы всѣ были такія же порочныя, какъ и она сама. Я былъ удивленъ. Хотя я слушалъ съ неудовольствіемъ, но помню, что даже въ ту минуту былъ пораженъ миловидностью моей молодой жены. Разгорѣвшіяся щеки и сверкающіе глаза очень шли къ ней. Она все еще походила на ангела, но уже на этотъ разъ напоминала архангела Михаила съ обнаженнымъ мечемъ. Я былъ очень съ нею терпѣливъ. Я усадилъ ее рядомъ съ собой на диванѣ и заговорилъ съ нею объ обществѣ. Я указалъ ей на тотъ фактъ, что каковы бы ни были эгоистическіе вкусы и себялюбивыя предпочтенія у человѣка, онъ обязанъ жить въ обществѣ, потому что другого пока еще не существуетъ. Я говорилъ ей, что модные разговоры нашего времени гораздо хуже, чѣмъ поведеніе

модныхъ людей, и что не по-христіански было бы думать иначе. Что намъ не слѣдуетъ осуждать эту лэди или поворачиваться къ ней спиной. Развѣ ея симпатія къ чистому и непорочному существу не есть хорошій признакъ и развѣ безумно было бы надѣяться на то, что такая симпатія можетъ послужить поворотнымъ пунктомъ къ лучшимъ чувствамъ и болѣе высокимъ понятіямъ? Я говорилъ такъ умно и снисходительно, какъ только могъ, и со всѣмъ тѣмъ, когда я кончилъ, я впервые увидѣлъ въ глазахъ моей жены взглядъ, котораго никогда не забуду. Онъ выражалъ чуть не отвращеніе. Вмѣсто тѣхъ глазъ, которые встрѣчали мои съ выраженіемъ готовности повиноваться каждому моему указанію, вмѣсто прежней покорности и откровенной довѣрчивости, въ ея глазахъ свѣтилось теперь нѣчто похожее на отвращеніе. Я на минуту онѣмѣлъ. Можно было бы заключить изъ ея взгляда, что я грозился прибить ее. Все, что̀ было говорено о странности женщинъ и о невѣрности брака, далеко не преувеличено.

Еслибы моя жена выразила желаніе вернуться къ отцу, я бы отвезъ ее къ нему по окончаніи сезона, хотя это было бы прямо неприлично. Но она подчинялась всѣмъ моимъ планамъ съ вялой покорностью, которая могла навести уныніе. Насъ приглашали многіе знакомые погостить у нихъ лѣтомъ, и пока мы успѣли всѣхъ объѣхать, дѣла призвали меня обратно въ Лондонъ, такъ что я не успѣлъ побывать у своего тестя. Я предложилъ женѣ съѣздить къ нему безъ меня, и вотъ когда она не выразила никакого желанія свидѣться съ отцомъ (хотя пробыла съ нимъ въ разлукѣ почти цѣлый годъ), я сталъ опасаться, что она не совсѣмъ здорова. Я привезъ ее съ собой въ городъ. Посовѣтовался съ знаменитымъ докторомъ. Въ продолженіе всей зимы ее пользовали самые извѣстные врачи. Ни одинъ не могъ найти въ ней никакой болѣзни; но всѣ говорили мнѣ, что необходимо поддержать ея силы и здоровье, пока она въ такомъ положеніи. Я совѣтовался съ наилучшими медиками. Я не жалѣлъ издержекъ. Мнѣ не въ чемъ упрекнуть себя, и со всѣмъ тѣмъ, какимъ жалкимъ кажется это утѣшеніе, когда я припоминаю то тревожное время!

Къ чему медлить далѣе? Пришла весна (вторая весна со времени моей зловѣщей свадьбы), и нашла мою жену бѣлѣе зимняго снѣга. Она объявила мнѣ, что хочетъ уѣхать домой. Помню, какъ меня кольнуло, когда она заговорила о своемъ домѣ, и я зналъ, что она считаетъ имъ не домъ своего супруга. Я не возражалъ; я желалъ угодить ей; я съ каждымъ днемъ все сильнѣе опасался за ея здоровье. Само собой разумѣется, что самому мнѣ нельзя

было ѣхать. Сессія только-что начиналась, и у меня было хлопотъ полонъ ротъ. Я обѣщалъ ей пріѣхать на святой. Я почти до послѣдней минуты надѣялся, что она не покинетъ меня одинокимъ дѣлать свое дѣло въ Лондонѣ, что ей станетъ грустно разставаться со мной, когда наступитъ минута отъѣзда. Но она почти не промолвила слова, когда наступилъ часъ разлуки. Она глядѣла на меня большими, печальными глазами, когда я поцѣловалъ ее и весело заговорилъ о радостномъ свиданіи въ миломъ старомъ домѣ, гдѣ я впервые увидѣлъ ее. Я говорилъ весело ради нея, но какъ печаленъ былъ я за моимъ одинокимъ обѣдомъ. Какъ это было непохоже на идеальный бракъ, о которомъ я мечталъ! Сидя въ одиночествѣ у своего очага въ этотъ унылый вечеръ, я почти сознался самому себѣ, что мой бракъ былъ ошибкой и можетъ даже испортить мою карьеру.

V.

Святая еще не наступила, какъ меня уже призвали къ женѣ. Письмо доктора было безъ обиняковъ и я немедленно поѣхалъ. Могу ли я описывать мои мысли и нѣжныя чувства во время этого одинокаго путешествія? Въ то время, какъ я ѣхалъ со станціи въ помѣстье тестя и видѣлъ со всѣхъ сторонъ признаки наступающей весны, я не могъ повѣрить, что мой нѣжный цвѣтокъ побитъ зимнимъ морозомъ. Но холодная тѣнь лежала на холодномъ сѣромъ фасадѣ прекраснаго стараго дома, такъ какъ дѣло было утромъ, и мнѣ стало почти холодно отъ зловѣщаго безмолвія. Я забылъ объ ошибкахъ своей жены и моемъ разочарованіи; я помнилъ только объ ея молодости и миловидности и предстоящемъ кризисѣ. Но на самомъ порогѣ дома меня ждало другое горе. Докторъ, старинный пріятель моего тестя, вышелъ мнѣ на встрѣчу и объявилъ нѣсколько сухо, что больная не желаетъ, чтобы я входилъ къ ней. Разумѣется, я обѣщалъ повиноваться; я вообразилъ, что бѣдное дитя не хочетъ, чтобы я ее видѣлъ, когда она не въ своемъ авантажѣ. Хотя печально, но я улыбнулся своей фантазіи.

Весь день я безшумно бродилъ по дому, гулялъ въ садикѣ и на лугу, гдѣ цвѣли фіалки. Мнѣ не съ кѣмъ было подѣлиться своимъ горемъ. Старый джентльменъ почти не могъ говорить; безпокойство, очевидно, настолько подавляло его, что я опасался за его разсудокъ; онъ запирался въ своемъ кабинетѣ, когда его не допускали къ ней. Я попытался даже привлечь на свою сторону собаку, которая разорвала мой фракъ въ день свадьбы; но

грубая бестія только рычала и отходила прочь, повернувшись спиной, и опустивъ хвость, поднималась по лѣстницѣ и лежала тамъ, дожидаясь своей госпожи. Тишина и уединеніе разстроили мнѣ нервы. Я чувствовалъ, что мнѣ нужно общество. Я не могъ не думать, что мое появленіе окажетъ благодѣтельное дѣйствіе на мою жену, хотя ожиданіе моего визита могло слишкомъ сильно волновать ее. Убѣжденный, что мое появленіе должно принести пользу, я тихо поднялся по лѣстницѣ на второе утро послѣ моего пріѣзда и вошелъ въ полутемную комнату. Ея блѣдное лицо было обращено ко мнѣ, когда я входилъ, и я увидѣлъ на немъ выраженіе отвращенія. Развѣ не ужасно было читать отвращеніе на лицѣ той, которую изъ всѣхъ женщинъ я выбралъ себѣ въ подруги? Я не зналъ, что докторъ былъ при ней, иначе отложилъ бы свой приходъ до другого времени. Я узналъ, что онъ тутъ, только тогда, когда онъ безъ всякой церемоніи вытолкалъ меня за дверь. Затѣмъ совершенно откровенно объявилъ мнѣ, что если моя жена снова увидитъ меня, то онъ не ручается за послѣдствія.

— Она чувствуетъ къ вамъ антипатію, вполнѣ неосновательную конечно,—прибавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія,—но тѣмъ не менѣе весьма сильную.

Какъ грустно было это слышать! Если я безпокоился раньше, то теперь мое безпокойство удвоилось. Эта безпричинная антипатія, эта дикая манія была очень худымъ признакомъ.

На слѣдующій день къ вечеру мнѣ сообщили, что я сталъ отцомъ: но не прошло и сутокъ, какъ я узналъ, что дитя умерло. Не стыжусь признаться, что плакалъ по этомъ нѣжномъ цвѣткѣ, безвременно сорванномъ, по маленькой дочкѣ, которой не пришлось увидѣть своего отца.

Прошло еще нѣсколько часовъ и меня призвали къ постели моей умирающей жены. Съ какими нѣжными чувствами я снова переступилъ черезъ этотъ порогъ. Она лежала какъ ангелъ съ бѣлокурыми волосами, разметанными по подушкѣ. При первомъ взглядѣ на нее, я понялъ, что нѣтъ никакой надежды, потому что она какъ будто и не узнала меня. Не успѣли глаза ея остановиться на мнѣ, какъ снова обратились къ отцу, который стоялъ на колѣняхъ у кровати съ другой стороны. Я былъ оскорбленъ и огорченъ, но не позволялъ себѣ предъявлять свои права на любовь и уваженіе. Ея ослабѣвшая мысль была сосредоточена на старикѣ, стоявшемъ на колѣняхъ у ея кровати съ закрытымъ руками лицомъ. Она оплакивала его точно мать своего ребенка, и когда слабый стонъ прекратился, я зналъ, что тишина смерти воцарилась въ комнатѣ.

Я желалъ бы, чтобы мнѣ можно было на этомъ покончить свою грустную исторію. Медленно тянулись часы въ домѣ, который посѣтила смерть, до дня похоронъ. Само собой разумѣется, что я хотѣлъ бы исполнить всѣ обряды, которые могли почтить усопшую, но мой тесть желалъ, чтобы все было какъ можно проще. Но и моему воображенію также нравилась мысль, что темная трава будетъ покрывать ея могилу вмѣсто холоднаго мрамора, что роса и дождь и простые цвѣты, которые она любила, будутъ посѣщать ея могилу на тихомъ деревенскомъ кладбищѣ.

Похороны были совершены. На слѣдующій день я долженъ былъ вернуться въ Лондонъ къ той части моихъ дневныхъ трудовъ, которою я могъ заниматься негласно и слѣдовательно прилично. Первые порывы горести перешли въ нѣжную меланхолію. Я уже думалъ—Боже! какъ это было трогательно—что моя краткая брачная жизнь станетъ для меня со временемъ полу-грустнымъ, полу-сладкимъ и почти фантастическимъ эпизодомъ. Я мужественно вернусь къ работѣ и лишь въ тѣ краткіе перерывы, которые оставляетъ борьба партій, мнѣ можно будетъ размышлять о юношеской мечтѣ, которая чуть было не сгубила меня. Я отобѣдалъ одинъ, потому что мой тесть просилъ извинить его. Вечеръ былъ мягкій и душистый, полный весенней прелести; я вышелъ изъ дому, и капризная фантазія привела меня на дорогу къ тихому кладбищу, гдѣ я стоялъ сегодня утромъ какъ главное дѣйствующее лицо въ печальной церемоніи. Завтра я опять отдамся дѣлу, но сегодняшній вечеръ я могъ посвятить нѣжнымъ мыслямъ и чувствамъ. Тишина этого мѣста и часа успокоила мой возмущенный духъ и я съ кроткими мыслями приближался къ священному мѣсту. Вдругъ я почти болѣзненно вздрогнулъ. Какая-то черная фигура (наступающая ночь уже окутывала ее своимъ темнымъ покровомъ) лежала ничкомъ на могилѣ моей жены. Я полагаю, что вскрикнулъ, такъ какъ онъ тотчасъ же вскочилъ на ноги, и я увидѣлъ, что то былъ дикій юноша, котораго я предполагалъ за три тысячи миль отсюда. Съ инстинктивнымъ чувствомъ джентльмена я протянулъ ему руку, но онъ отвелъ свою. Онъ стоялъ между мной и могилой моей собственной жены, точно хотѣлъ оттолкнуть меня отъ нея.

— Слава Богу,—сказалъ онъ грубымъ, непріятнымъ голосомъ,—что ваша дочка умерла! По крайней мѣрѣ вамъ не придется измучить другую женскую душу.

Онъ повернулся ко мнѣ спиной, сталъ на колѣни и погладилъ рукою траву, точно меня тутъ и не было.

— О! моя милая, моя милая!—слышалъ я, какъ онъ бор-

моталъ сквозь зубы, тогда какъ я, мужъ, стоялъ тутъ рядомъ. Я съ отвращеніемъ отступилъ отъ него. Что это былъ за человѣкъ! И этотъ-то человѣкъ этотъ мальчикъ помѣшалъ мнѣ исполнить мою священную, хотя и печальную обязанность. Я узналъ, что при первомъ слухѣ о нездоровьѣ моей бѣдной жены онъ тотчасъ же бросилъ свое дѣло и непрошенный, и нежданиый явился сюда. Къ счастію, что онъ опоздалъ и не могъ такимъ образомъ отяготить ея мирный конецъ своимъ шумнымъ присутствіемъ.

Рано поутру на слѣдующій день я отдалъ послѣдній торопливый визитъ кладбищу и на самой могилѣ моей бѣдной жены я поднялъ тотъ смятый обрывокъ бумаги, который заставилъ меня написать эту печальную повѣсть. Хотя онъ выронилъ эту бумажку въ припадкѣ ярости, но я знаю, что онъ можетъ написать снова и такимъ образомъ рѣшилъ предупредить возможное нападеніе съ его стороны. Многіе найдутъ въ этой исторіи меланхоличный интересъ; немногіе узнаютъ въ ней эпизодъ изъ жизни полезнаго общественнаго дѣятеля, а самъ я буду каждую минуту готовъ указать на этотъ правдивый разсказъ печальнаго періода въ моей жизни и предложить выборъ между неосновательными и яростными нападками моего злѣйшаго врага и этимъ простымъ изложеніемъ фактовъ съ его трезвымъ и искреннимъ тономъ.

А. Э.

МОСКОВСКАЯ СТАРИНА

III *).

Состояніе историческихъ знаній.

Знаніе своей исторіи служитъ въ особенности мѣркой умственнаго развитія общества: этимъ знаніемъ опредѣляется у лучшихъ, просвѣщенныхъ людей народа представленіе о національной жизни, ея прошломъ и настоящемъ, и вмѣстѣ представленіе о томъ, что̀ желательно для народа въ его будущемъ. Съ историческимъ знаніемъ тѣсно связана разумная постановка національнаго идеала.

Опять мы напомнимъ только главные факты нашей старой исторической литературы. — Потребность въ знаніи прошедшаго возникаетъ, какъ извѣстно, у самыхъ первобытныхъ народовъ, выражаясь или сооруженіемъ вещественныхъ памятниковъ, или записями, если грамота уже извѣстна, или наконецъ эпическими сказаніями и преданіемъ. Въ нашей древности, сколько теперь разыскано, существовали всѣ эти формы народной исторической памяти; со временъ введенія христіанства и грамоты, главнымъ памятникомъ историческаго знанія является лѣтопись и внесенные въ нее отрывки эпическихъ сказаній. Извѣстно, далѣе, что текстъ древнѣйшей лѣтописи, дошедшей до насъ, не есть первоначальный трудъ лѣтописателей, а уже сводъ болѣе стараго лѣтописнаго матеріала, составленный въ началѣ XII-го столѣтія. Этотъ болѣе ранній матеріалъ, послужившій источникомъ для сводной „Повѣсти временныхъ лѣтъ", состоялъ изъ погодныхъ записей,—городскихъ и монастырскихъ, — изъ отдѣльныхъ исто-

*) См. выше: январь, 267 стр.

рическихъ сказаній, оффиціальныхъ документовъ, жизнеописаній, наконецъ изъ упомянутыхъ нами прежде переводовъ греческихъ хронистовъ, которые, между прочимъ, послужили для изложенія библейской исторіи и для установленія хронологіи. Знаменитый Шлёцеръ восхищался нашимъ Несторомъ, который—при тогдашней степени знанія средневѣковой западной литературы—казался ему явленіемъ феноменальнымъ, какъ представитель національной литературы. Хотя съ нынѣшней разработкой западной литературы среднихъ вѣковъ оцѣнка Шлёцера съ этой стороны должна видоизмѣниться, но Несторъ остается все-таки замѣчательнымъ явленіемъ древней русской письменности, — подобнаго которому не представляетъ ни одна изъ остальныхъ славянскихъ литературъ, и съ которымъ не могло стать въ уровень ни одно изъ дальнѣйшихъ произведеній самóй русской старой книжности.

Въ составителѣ древней лѣтописи,—былъ ли это Несторъ или другой писатель,—замѣчательно именно живое, сознательное отношеніе къ историческому преданію,—отношеніе, которому онъ не всегда могъ научиться изъ своего единственнаго византійскаго образца. Онъ составляетъ себѣ цѣлую картину древности русскаго народа: первоначальнаго происхожденія и древнѣйшей судьбы славянскаго племени, появленія самого русскаго народа, его дѣленія на племена; первобытныхъ нравовъ этихъ племенъ, перваго утвержденія общей княжеской власти; дѣйствій и подвиговъ первыхъ князей, крещенія Руси и т. д. По тому времени, это былъ широкій взглядъ съ ясной исторической перспективой: писатель старается быть точнымъ, — онъ знаетъ, какъ важно правильно „положить числа", т.-е. установить хронологію; онъ знаетъ, что для исторіи можно воспользоваться народнымъ преданіемъ, но должно относиться къ нему осторожно и не всему вѣрить,—инымъ преданіямъ онъ, конечно, самъ вполнѣ вѣритъ и тогда вноситъ ихъ какъ фактъ; онъ изображаетъ языческіе нравы народа, чтобы дать понятіе о до-христіанскомъ бытѣ; перечисляетъ славянскія племена, близкія и дальнія, объясняетъ народныя передвиженія и т. д. Для позднѣйшихъ историковъ, археологовъ, этнографовъ показанія Нестора были всегда драгоцѣнными свидѣтельствами о старинѣ, исходнымъ пунктомъ важнѣйшихъ выводовъ о древнемъ періодѣ.

Лѣтопись Нестора была по преимуществу кіевская. Другіе центры и земли древней Руси имѣли свои мѣстныя лѣтописи: начиная обыкновенно Несторомъ, онѣ продолжали записями о событіяхъ своего края. Эти частныя лѣтописи также распространялись, ихъ свѣденія заимствовались лѣтописцами другихъ земель;

затѣмъ предпринимаемы были новые своды (напр., въ концѣ XII-го вѣка, потомъ въ XIII столѣтіи), съ бо̀льшимъ или меньшимъ преобладаніемъ мѣстнаго содержанія. Такъ были лѣтописи новгородская, галицко-волынская, ростовская, суздальская, тверская, псковская, наконецъ московская, и др. До нашего времени дошли далеко не всѣ памятники старой лѣтописи; отъ иныхъ частныхъ лѣтописей остались слѣды въ сводахъ, но многія погибли безслѣдно. Мѣстныя лѣтописи отличались между собой не только подборомъ событій, но и самой окраской, своими политическими сочувствіями, и наконецъ характеромъ изложенія. Лѣтописцы естественно были мѣстные патріоты и разсказывали происшествія съ точки зрѣнія своего города, земли, княженія; и въ разныхъ лѣтописяхъ мы находимъ нерѣдко весьма различную, даже противоположную оцѣнку событій. Въ характерѣ изложенія между ними также бываетъ иногда большая разница: южныя лѣтописи, напр., кіевская, и особливо галицко-волынская, отличаются подробными и нерѣдко поэтически освѣщенными сказаніями; новгородскія—короткимъ, какъ будто дѣловымъ изложеніемъ, безъ лишнихъ словъ; псковская лѣтопись — напр. въ разсказахъ о паденіи Пскова,— яркимъ мѣстнымъ патріотизмомъ; негодованіе противъ угнетенія высказывается съ поэтической скорбью и рѣдкимъ въ старой литературѣ юморомъ.

Паденіе древней Руси подъ татарскимъ нашѣствіемъ и возвышеніе Москвы отразилось и въ лѣтописаніи: лѣтописи южно-русскія замолкаютъ, и послѣ, во времена казацкихъ войнъ, перерождаются въ собственно малорусскую лѣтопись и исторіографію; на сѣверо-востокѣ лѣтописанье мѣстное продолжается до конца независимости княженій (лѣтописи новгородская, псковская, тверская) и даже ведется долго послѣ, какъ будто по памяти старой самобытности (напр., одна новгородская лѣтопись простирается до 1716 года), но въ немъ все больше мѣста занимаютъ событія московскія. Политическое господство Москвы отозвалось на лѣтописи не только преобладаніемъ московскихъ событій, но и характеромъ изложенія. Мѣстная лѣтопись московская превращается въ лѣтопись обще-государственную, всероссійскую. Уже вскорѣ московская лѣтопись принимаетъ складъ вполнѣ оффиціальный.

Лѣтопись началась, вѣроятно, безъ прямого участія княжеской власти. По мнѣнію Забѣлина [1]), она была собственно дѣломъ города; съ другой стороны, она была дѣломъ монастырскимъ: монастырь стоялъ въ ближайшихъ отношеніяхъ къ іерархіи, къ

[1]) Исторія русской жизни, т. I, стр. 484—489

дѣламъ политическимъ, въ то же время и къ жизни народной; здѣсь по преимуществу были люди книжные, которые владѣли искусствомъ писанія и могли пользоваться для лѣтописи и появлявшимся независимо отъ нея книжнымъ матеріаломъ, который нерѣдко лѣтописцы и включали въ свои труды [1]). Но лѣтопись не осталась въ монастырскихъ стѣнахъ; она была любопытнымъ чтеніемъ для тѣхъ, кого интересовала старина, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ единственная историческая запись, должна была служить и для самой власти важнымъ источникомъ воспоминаній и справокъ.

Въ старой лѣтописи сохранилось любопытное свидѣтельство объ этомъ начинавшемся оффиціальномъ значеніи лѣтописи. Въ 1289 году, князь Мстиславъ Даниловичъ, подчинивши себѣ возмутившихся жителей Бреста, наложилъ на нихъ новую дань и написалъ въ грамотѣ, внесенной въ лѣтопись подъ этимъ годомъ: „Се азъ князь Мьстиславъ, сынъ королевъ, внукъ Романовъ, уставляю ловчее на берестьяны и въ вѣкы, за ихъ коромолу (слѣдуетъ перечисленіе дани)... А вопсалъ есмь въ лѣтописецъ коромолу ихъ“ [2]).

Позднѣе, въ 1409 году, московскій лѣтописецъ приводитъ цѣликомъ посланіе ордынскаго князя Едигея къ московскому великому князю Василью Дмитріевичу, посланіе нелестное для послѣдняго, и дѣлаетъ такую оговорку: инымъ, быть можетъ, не понравится, что лѣтописецъ внесъ въ свой разсказъ „несладостная намъ и неуласканная“, но онъ сдѣлалъ это не досаждая и не поношая никому, а по старому примѣру,—„яко же бо обрѣтаемъ началнаго лѣтословца кіевского, иже вся временна бытства земская необинуяся показуетъ, но и первіи наши властодержцы безъ гнѣва повелѣвающе вся добрая и недобрая прилучившаяся написовати, да и прочіи по нихъ образы явлени будутъ, яко же при Володимерѣ Мономасѣ оного великаго Селивестра Выдобыжскаго (Выдубицкаго) не украшая пишущаго, — да аще хощеши, прочти тамо прилежно“ [3]). Такимъ образомъ предполагается, что древнѣйшая лѣтопись составлялась по прямымъ указаніямъ князей.

Въ 1432 году, когда Юрій Дмитріевичъ „сперся“ съ великимъ княземъ московскимъ Васильемъ Васильевичемъ о великомъ княженіи и пошли судиться въ орду, то по словамъ Никоновской лѣтописи, Василій искалъ стола по „отечеству и по дѣденству,

---

[1]) Напр., въ древней лѣтописи договоры Олега и Игоря съ греками, Русская Правда, поученіе Владиміра Мономаха, выписки изъ Амартола и проч.

[2]) Ипат. лѣт., стр. 225.

[3]) Никоновская лѣт., изд. 1767—1792 г., т. V, стр. 28.

князь же Юрьи Дмитріевичъ, дядя его, лѣтописцы и старыми списки, и духовною отца своего великого князя Дмитрія“ [1]).

Въ послѣднемъ спорѣ великаго князя московскаго съ Новгородомъ, также были употреблены ссылки на лѣтопись. По мнѣнію московскаго лѣтописца, составившаго намъ злобное противъ новгородцевъ описаніе паденія Новгорода, мужи новгородскіе забыли „великую старину“, какъ Новгородъ издревле былъ „отчиной“ великаго князя, отъ великаго князя Владиміра до Ивана Васильевича, „всея русскія земли отчича и дѣдича“ — „еже чтется по написанному лѣтописцу бытійскыхъ книгъ“. По извѣстію одной лѣтописи, Иванъ III посылалъ въ Новгородъ спеціалиста, дьяка Брадатаго, доказывать лѣтописцами неправду новгородцевъ [2]).

Это употребленіе лѣтописи, какъ историческаго доказательства, вполнѣ отвѣчало позднѣйшему ея складу въ Москвѣ. Здѣсь она уже окончательно получила оффиціальныя свойства, въ чемъ не трудно убѣдиться по характеру ея извѣстій. Если въ прежнее время лѣтописцу, быть можетъ, иногда не были доступны подробности событій, здѣсь мы постоянно встрѣчаемся съ такими чертами, которыя могли явиться только изъ прямыхъ оффиціальныхъ источниковъ, сообщеній и указаній. Идетъ война—лѣтописецъ подробно исчисляетъ военачальниковъ по именамъ и отчествамъ, указываетъ число отрядовъ и т. п.; принимается посольство—лѣтописецъ поименно знаетъ пословъ, передаетъ ихъ рѣчи или содержаніе бумагъ; происходитъ вѣнчаніе на царство—лѣтописцу извѣстны подробности обряда, кто чтò сказалъ, куда сѣлъ и т. п. Во множествѣ дѣлъ менѣе крупныхъ онъ также сообщаетъ свѣденія, которыя можно имѣть только изъ первыхъ источниковъ. Въ описи царскаго архива временъ Грознаго (1575—1584 г.), гдѣ исчисляется масса государственныхъ документовъ по дѣламъ дипломатическимъ и внутреннимъ, есть, между прочимъ, и любопытныя (хотя нѣсколько темныя) указанія, имѣющія отношеніе къ лѣтописи. Именно, въ числѣ дѣловыхъ бумагъ упомянутъ— „обыскъ князя Ондрея Петровича Телятевскаго, въ Юрьевѣ Ливонскомъ, про Олексѣеву смерть Адашева, и списки черные (т.-е. черновые), писалъ память, что писати въ Лѣтописецъ лѣтъ новыхъ, которые у Олексѣя взяты“; и далѣе— „ящикъ..., а въ немъ списки, что писати въ Лѣтописецъ, лѣта новые прибраны отъ

[1]) Тамъ же, стр. 110.

[2]) См. Первую Софійскую лѣт. (Собр. лѣт., т. VI), стр. 3; также „Лѣтописецъ Русскій“ Львова, Спб. 1792, III, стр. 17, у Б.-Рюмина, О составѣ р. лѣтоп. Спб. 1868, стр. 157.

лѣта 7068 до лѣта 7074 и до 76", т.-е. отъ 1560 до 1568 г. [1]). Видимо, лѣтопись за эти времена составлялась въ ближайшей обстановкѣ царя или по указаніямъ, выходившимъ изъ этой среды. Вопросъ о московской оффиціальной лѣтописи, относительно ея состава, еще не выясненъ вполнѣ. Повидимому, эта оффиціальная лѣтопись также не сохранилась въ ея подлинномъ и первоначальномъ видѣ въ извѣстныхъ теперь памятникахъ московскаго лѣтописанія (какъ лѣтописи Софійскія, Воскресенская, Никоновская, Лѣтописецъ русскій—Львова, Типографскій лѣтописецъ и пр., съ ихъ варіантами). Первоначальный текстъ въ частныхъ рукахъ могъ быть сокращаемъ, дополняемъ; кромѣ оффиціальной основы, могли быть въ обращеніи частныя свѣдѣнія, предпринимались общіе своды, какъ „Степенная книга", Никоновская лѣтопись и т. д. Но оффиціальный элементъ не трудно видѣть какъ въ тѣхъ подробностяхъ о дѣйствіяхъ правительства, какія мы сейчасъ упоминали, такъ и въ тонѣ всего разсказа, отражающемъ чисто московскій патріотизмъ и оффиціальную постановку историческаго предмета. Укажемъ для примѣра извѣстный разсказъ о покореніи Новгорода Иваномъ III, въ Софійской лѣтописи [2]). Заглавіе этого сказанія уже даетъ понятіе о его тонѣ: правда, благочестіе и смиренномудріе—на сторонѣ москвичей, страшно разорявшихъ тогда новгородскую землю съ помощью татаръ и, въ самой лѣтописи, осыпавшихъ Новгородъ злобною бранью; гордость—на сторонѣ новгородцевъ, напрягавшихъ послѣднія усилія для сохраненія своей старины. Лѣтописецъ не жалѣетъ красокъ на изображеніе новгородскихъ пороковъ: они хотѣли будто бы измѣнить православію для „латинской прелести"; предводители противо-московской партіи были подстрекаемы самимъ сатаной; для „окаянной" Марѳы Борецкой лѣтописецъ подъискалъ цѣлый рядъ сравненій изъ библейской исторіи, это—„древняя львица Езавель"; „бѣсовная Иродія", отсѣкшая главу Іоанна Предтечи; царица Евдокія, гонительница Златоуста, въ живѣ наказанная муками; окаянная Далида. Новгородцы—безумные, неистовые и каменосердечные люди, утишенные смиренномудрыми москвичами, которые вывезли изъ Новгорода громадныя богатства... Въ началѣ статьи собрана масса

[1]) Акты археогр. экспед. т. I, стр. 354.

[2]) Собр. лѣтоп. VI, стр. 1—15: „Словеса избранна отъ святыхъ писаній о правдѣ и о смиреномудріи, еже сотвори благочестія дѣлатель, благовѣрный великій князь Иванъ Васильевичь всея Руси, ему же и похвала о благочестіи вѣры; даже и о гордости величавыхъ мужей новгородскыхъ, ихже смири Господь Богъ и покори ему подъ руку его, онъ же благочестивый смиловася о нихъ, Господа ради, и утиши землю ихъ".

текстовъ свящ. писанія въ осужденіе гордынѣ и непослушанію, и въ укоръ тѣмъ, кто ходитъ въ путь Каиновъ... Лѣтописецъ приводитъ вполнѣ грамоту митр. Филиппа къ новгородцамъ, а подъ 1476 годомъ подробно пересчитываетъ дары и поминки, взятые Иваномъ III въ пріѣздъ его въ Новгородъ: сколько и у кого было взято „золотыхъ корабленыхъ", какія золотыя и серебряныя вещи и во сколько вѣсу, сколько поставовъ сукна и т. д.

Понятно, что въ лѣтописи оффиціальной получалось именно такое освѣщеніе фактовъ, какое было приказано и которое могло совершенно не отвѣчать дѣйствительности. Къ тѣмъ временамъ, когда лѣтопись пріобрѣтала этотъ казенный характеръ, относится и начало оффиціальной лжи. Историки уже замѣчали это несоотвѣтствіе лѣтописныхъ показаній съ дѣйствительными фактами. Напримѣръ, по лѣтописи, повторявшей оффиціальныя заявленія, пострижение Соломониды, первой жены вел. князя Василія Ивановича, произошло по ея собственному желанію, которому великій князь будто бы сопротивлялся,—между тѣмъ, несомнѣнно, что постриженіе было насильственное, какъ объ этомъ и говоритъ Герберштейнъ [1]). Исторія Грознаго была бы совершенно невозможна по современнымъ лѣтописямъ—безъ извѣстій писателей иностранныхъ, безъ Курбскаго, безъ собственныхъ воспоминаній Грознаго въ знаменитыхъ „синодикахъ". Лѣтопись оффиціальная, какъ Никоновская, знать не знаетъ о страшныхъ „шести эпохахъ" свирѣпостей, какія насчиталъ Карамзинъ въ жизнеописаніи Грознаго (сознаваясь, впрочемъ, что иной разъ трудно сказать, когда кончалась одна и начиналась другая эпоха)... Только немногія лѣтописныя извѣстія, не оффиціальнаго происхожденія, упоминаютъ, что Иванъ становился „яръ и прелюбодѣйственъ", или объясняютъ простодушно, что раздѣливъ государство, Иванъ „заповѣда своей части (опришнинѣ) оную часть людей (земщину) насиловати и смерти предавати, и домы ихъ грабити" [2])... Только позднѣе составленное житіе разсказываетъ страшную исторію митрополита Филиппа; только писатели, стоявшіе внѣ власти царя, могли разсказать о его безумныхъ дѣяніяхъ...

Далѣе, въ лѣтопись входятъ прямо сочиненія оффиціальныхъ высокопоставленныхъ лицъ. Такъ, напр., въ продолженіи Никоновской лѣтописи помѣщена исторія „княженія" царя Өедора Ивановича, съ именемъ патріарха Іова. Первыя строки этой исторіи даютъ понятія о безвкусномъ реторическомъ витійствѣ, которое

---

[1]) Ср. Б.-Рюмина, Р. Исторія, стр. 32 перваго отдѣла.

[2]) Карамзинъ, т. IX, прим. 28, 148.

считалось въ тѣ времена верхомъ литературнаго изящества, и о тонѣ, какой уже полагался необходимымъ относительно дѣяній предержащей власти. „Небеси убо величества и высота недостижна и неописуема, — начинаетъ московскій историкъ,—земли жъ широта и долгота неосяжима и неизслѣдима, морю жъ глубина неизмѣрима и неизпытуема, святыхъ же и крестоносныхъ преславнѣйшихъ россійскихъ царей и великихъ князей многая добродѣтелемъ исправленія неизчетна и недоумѣваема. Аще убо кто будетъ и отъ сильныхъ въ разсуженіи и глубокоразумного россійского языка, аще и граматичными художествы и риторскою силою преукрашени будетъ доволне и о благочестивыхъ сихъ самодержавнійшихъ царей добродѣтелемъ величества по достоинству изповѣдати не могутъ". Но авторъ, хотя „убогій и грубый разумомъ", надѣется исполнить свою задачу, призвавши въ помощь человѣколюбиваго Бога и имѣя наставника въ святомъ духѣ... Свой предметъ или сцену своей исторіи авторъ указываетъ въ такомъ, нѣсколько темномъ, словоизвитіи: „Бысть убо глаголю во время, како убо бысть и въ которое время, егда убо благочестивая и православная хрестіянская вѣра въ велицѣй Россіи паче солнца сіяющи и своя свѣтозарная луча во всю вселенную испущающе, якожъ глаголетъ пророкъ—отъ моря и до моря, и отъ рѣкъ до конецъ вселенные слава ея простирашеся, и благочестивыхъ и крестоносныхъ христіанскихъ царей русскія державы скипетродержавство велелѣпне цвѣтуще, и благородныи царскіи корень многими лѣты непремѣннѣ влечашеся отъ великого Августа кесаря римского, обладающего всею вселенною, якоже исторія повѣдаетъ, и до самого святаго сего царствія богохранимыя державы великого россійского государства благовѣрнаго и христолюбиваго царя и великого князя Θедора Ивановича всеа Русіи". Приведемъ, наконецъ, изъ того же вступленія, еще нѣсколько словъ, посвященныхъ царствованію предшественника Θедора, Ивана Грознаго: „Той же убо благочестивыи царь и великій князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи бѣ разумомъ и мудростію украшенъ и въ храборскихъ побѣдахъ изряденъ, и къ бранному ополченію зѣло искусенъ, и во всѣхъ царскихъ направленіяхъ достохваленъ явися, великія изрядныя побѣды показа, и многія подвиги по благочестіи совершивъ, царскимъ своимъ бодроопаснымъ правленіемъ и многою премудростію не токмо всѣхъ сущихъ богохранимыя державы своея въ страхъ и въ трепетъ вложи, но вся окрестныя страны невѣрныхъ языкъ, слышаще царское имя его, съ великою боязнію трепетаху" [1]... Θедоръ Ивановичъ былъ совсѣмъ непохожъ

[1]) Никон. лѣтоп., т. VII, стр. 316—318.

на Грознаго и былъ царь мало дѣятельный, но историкъ нашелъ и для него дань обильныхъ восхваленій: онъ древнимъ благочестивымъ царямъ равнославенъ, нынѣшнимъ онъ—красота и свѣтлость, будущимъ—сладчайшая повѣсть и благое наслажденіе слуха; онъ является пречестнѣйшимъ не только въ россійской богохранимой державѣ, но и во всей подсолнечной; отъ своей царской юности онъ исполненъ духовной мудрости, и не помышляя о многоцѣнныхъ и красныхъ житейскихъ вещахъ, ищетъ только вѣчныхъ благъ, чтобы сподобиться небеснаго царствія, и т. д.

Московская лѣтопись переходитъ наконецъ прямо въ оффиціальную запись разрядныхъ книгъ; это—дѣловой документъ. гдѣ событія записываются канцелярскимъ порядкомъ и гдѣ уже нѣтъ мѣста какому-либо участію личнаго или общественнаго мнѣнія, взгляда и настроенія.

Съ половины XVI вѣка въ московской исторіографіи является новый элементъ. Путемъ усилившихся въ это время сношеній съ Польшей, съ южной и западной Русью, къ намъ приходитъ новый историческій матеріалъ въ польскихъ космографіяхъ и хроникахъ. Книги этого рода въ особенности распространяются въ XVII-мъ столѣтіи, когда многія юго-западныя русскія области, долго жившія въ польскомъ союзѣ и подъ польскимъ вліяніемъ, присоединяются къ московской Россіи. Въ польской исторіографіи, непосредственная лѣтопись давно уже начинала принимать искусственный характеръ, и въ изображенія древности вводить мнимо ученыя книжническія фантазіи. Давнее преданье уже открывало путь къ подобнымъ выдумкамъ, особливо къ генеалогическимъ производствамъ народовъ: въ славянскомъ мірѣ давно ходило преданье о Лехѣ, Чехѣ и Русѣ, мнимыхъ родоначальникахъ трехъ племенъ; Несторъ записываетъ преданія о Кіѣ, давшемъ имя Кіеву, о Радимѣ и Вяткѣ, родоначальникахъ одной вѣтви русскаго племени. Средневѣковая ученость любила отыскивать отдаленныя начала новыхъ народовъ, напр., выводить ихъ изъ Трои и т. п., и польскіе историки, по той же книжной модѣ, возстановляли подобнымъ образомъ первобытную польскую древность (о которой на дѣлѣ не имѣлось никакихъ свѣденій), наполнили ее фантастическими героями и родоначальниками, и при этомъ не забыли и сосѣднюю Россію-Московію, происхожденіе которой также нуждалось въ объясненіи. Отсюда потокъ воображаемыхъ генеалогій двинулся и въ старую русскую исторіографію.

У латино-польскихъ писателей воображаемыя генеалогіи идутъ еще съ XIII-го вѣка, съ Кадлубка, который наполнилъ первоначальную древность Польши баснословіемъ, до сихъ поръ нераз-

рѣшеннымъ польскими историками. Онъ первый возводитъ польскій народъ ко временамъ сына Іафетова, Явина, который былъ родоначальникомъ польскаго народа. Прямымъ потомкомъ Явина былъ Вандалъ, сыновья котораго, жившіе во времена Іосифа, населили различныя части Европы и образовали Россію, Померанію, Сербію, Богемію и т. д., словомъ, всѣ славянскіе народы. Поляки вели уже блистательныя войны съ галлами и римлянами, побѣждали Александра Македонскаго и породнились съ Юліемъ Цезаремъ, который отдалъ за польскаго короля свою сестру. Послѣдующіе писатели еще усовершенствовали эту баснословную исторію. Такъ въ особенности потрудились польскіе хронисты XVI вѣка. У Кромера, Александръ Македонскій даруетъ славянамъ грамоту; у Сарницкаго является патріархъ Асарматъ, отъ котораго произошли Сарматы, Мосохъ, отъ котораго произошла Московія,—славяне опять ставятся въ родство съ Александромъ Македонскимъ, котораго грамота славянамъ, по словамъ Сарницкаго, и въ его время хранилась въ Богеміи. Далѣе, сказочная исторія продолжается у Бѣльскаго, Стрыйковскаго, Гваньини. Чешскій лѣтописецъ Вацлавъ Гаекъ (первой половины XVI вѣка), повторяя выдумки польскія, добавилъ ихъ и своими собственными въ разсказахъ объ этой грамотѣ Александра Македонскаго, и т. д.

У насъ вліяніе этой баснословной исторіи начинается со второй половины XVI-го вѣка. Иванъ Грозный считалъ уже себя потомкомъ Августа кесаря; въ 1556 году, русскіе послы, отправленные въ Литву, въ спорахъ о титулѣ царя выставляли происхожденіе Рюрика отъ императора Августа; а затѣмъ царь лично заявилъ это польскимъ посламъ въ переговорахъ 1563—64 г., подкрѣпляя историческими ссылками свои права на Кіевъ, Волынь, Подолію и Вильну. Заявляя требованія на свою „отчину" и новый полный царскій титулъ, Иванъ говорилъ Ходкѣвичу: „а прародители наши ведутъ свое происхожденіе отъ Августа кесаря, такъ и мы отъ своихъ прародителей на своихъ государствахъ государи, и что намъ Богъ далъ, то кто у насъ возьметъ?" и пр. Бояре, въ разговорахъ съ послами выводили такъ генеалогію московскихъ государей: Августъ кесарь, обладающій всею вселенною, поставилъ брата своего Пруса на берегахъ Вислы рѣки по рѣку, называемую Нѣманъ, и до сего года по имени его зовется прусская земля, а отъ Пруса четырнадцатое колѣно до великаго государя Рюрика [1]). „Степенная книга" прибавляетъ

[1]) Карамзинъ, изд. Смирдина, IX, стр. 58, примѣч. 98, 181, 414; Соловьевъ, т. VI, стр. 164, 255—256.

эту генеалогію къ лѣтописнымъ извѣстіямъ о Рюрикѣ [1]). Патріархъ Іовъ, въ приведенномъ выше отрывкѣ изъ жизнеописанія царя Ѳедора Ивановича, считаетъ это происхожденіе русскихъ царей не подлежащимъ сомнѣнію фактомъ... Къ 1584 году относится русскій переводъ всемірной хроники Мартина Бѣльскаго, и вѣроятно вскорѣ же по своемъ появленіи стала извѣстна и его „Польская хроника“; изъ М. Бѣльскаго и другихъ польскихъ источниковъ баснословныя сказанія о началѣ славянъ и происхожденіи русскаго народа и Москвы, занимаютъ прочное мѣсто въ хронографахъ. Повидимому, дѣло шло съ нѣкоторой постепенностью. Въ такъ называемой 2-й редакціи русскаго хронографа, относимой къ 1617 году и уже наполняемой извлеченіями изъ Мартина Бѣльскаго, помѣщена, между прочимъ, статья (неизвѣстная прежнимъ редакціямъ хронографа): „сказаніе о началѣ русскихъ князей“; Андрей Поповъ, извѣстный изслѣдователь хронографовъ, замѣчалъ о ней, что она интересна тѣмъ, что открываетъ собою рядъ баснословныхъ статей, которыя впослѣдствіи, въ дальнѣйшихъ редакціяхъ, все болѣе осложняются вымыслами. Здѣсь, этихъ вымысловъ еще мало, и они выразились только въ производствѣ собственныхъ именъ: Славяне—„отъ многихъ словъ письменнаго разума“, русы—отъ русыхъ волосъ [2]). Но далѣе, заимствованія становятся смѣлѣе, и составители 3-й редакціи хронографа (послѣ 1620 г. и еще въ царствованіе Михаила Ѳедоровича), повидимому, пускаются отчасти и въ самостоятельныя выдумки. Такова въ этой редакціи хронографа, во-первыхъ, статья: „Выписано на перечень (т.-е. вкратцѣ) изъ дву кроникъ полскихъ, которые свидѣтельствованы съ греческою, и съ ческою, и съ угорскою кроникою многими списатели,

---

[1]) „Самодержавное царское скифетроправленіе начася отъ Рюрика,... иже пріиде изъ Варягъ въ Великій Новъградъ со двѣмя братома своима и съ роды своими, иже бѣ отъ племени Прусова, по его же имени Пруская земля именуется; Прусъ же братъ бысть единоначальствующаго на земли римскаго кесаря Августа“. Степ. Книга, изд. Миллера, М. 1775, ч. I, стр. 7. Извѣстіе это находится въ житіи Ольги, которое помѣщено передъ началомъ самой книги и о которомъ см. „Источники русской агіографіи“, Спб. 1882, стр. 411—413. Въ одномъ спискѣ это житіе усвояется извѣстному священнику Сильвестру.

[2]) „Всяко писали старые ѳилосоѳы, которые... прозывали Москву Сермагы..., а суть они прямая Русь, и никаторые чаяли, что они вышли отъ Руса, брата Лехово, —некоторое есть мѣсто Руса недалече отъ Новаграда, и потому чаютъ, что отъ того мѣста Русь прозвалася; а иные говорятъ, что лицемъ русы, и потому такъ зовутъ, а иные чаютъ, что Роксоляне, а московскіе люди тому не вѣрятъ“... А. Поповъ, Обзоръ хронографовъ, М. 1869, II, стр. 116. Ср. въ Густинской хроникѣ, Собр. лѣтоп., т. II, стр. 236. О подобныхъ производствахъ упоминаетъ уже Герберштейнъ, у котораго приводится объясненіе имени Россіи отъ „разсѣянія“ (въ началѣ его книги).

отъ чего имянуется великое Московское государство и отъ коея повѣсти словяне нарѣкошася и почему Русь прозвася". Сличеніе этой статьи съ польскими хрониками XVI—XVII вѣка показало, что „двѣ польскія хроники" были: „Хроника" Стрыйковскаго (1-е изданіе 1582), знаменитая своимъ баснословіемъ и въ XVII-мъ столѣтіи существовавшая въ русскомъ переводѣ, и польская „Хроника" Бѣльскаго (1-е изд. 1597). На основаніи этихъ источниковъ русскій компиляторъ и составилъ свою статью, по которой славянскій народъ производится отъ Мосоха, сына Іафетова, принимаетъ участіе въ Троянской войнѣ, получаетъ грамоту отъ Александра Македонскаго, разоряетъ Римъ и т. п. Русскій компиляторъ, повидимому, пользовался этими хрониками въ подлинникѣ; „Польская хроника" Бѣльскаго не была, кажется, переведена на русскій языкъ, и въ статьѣ нашего хронографа грамота Александра Македонскаго славянамъ приведена на польскомъ языкѣ—только русскими буквами [1]). Такова, во-вторыхъ, статья, помѣщенная въ той же редакціи хронографа подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „О исторіи еже о началѣ русскія земли и созданія Новаграда, и откуду влечашеся родъ словенскихъ князей, а во иныхъ гранографѳехъ сія повѣсть не обрѣтается". Изъ послѣдней прибавки надо заключать, что статья дѣйствительно составлена была именно для этой редакціи хронографа и сочинитель ея хвастался новинкой, которой въ другомъ мѣстѣ нельзя найти; новинка, повидимому, понравилась, потому что разошлась (вѣроятно, именно отсюда) по историческимъ сборникамъ и „цвѣтникамъ". Статья любопытна тѣмъ, что представляетъ оригинальную русскую попытку въ стилѣ польскаго историческаго баснословія. „Съ помощью пріемовъ польскихъ хронистовъ,—замѣчаетъ А. Поповъ,—не трудно было составить какую угодно генеалогію; стоило только олицетворить названія народовъ и племенъ, городовъ и рѣкъ, припомнить нѣсколько подходящихъ именъ изъ польскихъ и русскихъ источниковъ, и генеалогія готова: отъ Скиѳа, правнука Аѳета—Словенъ, Русъ, Болгаръ, Команъ, Истеръ; у Словена, дѣти — Волховъ и Волховецъ, а жена — Шелонь; у Руса, жена—Порусья, а дочь—Полиста, у Волховца сынъ—Жилотугъ [2]) и т. д. Съ другой стороны, рядомъ съ этими произвольными вымыслами въ повѣсти сохранился слабый отголосокъ

---

[1]) А. Поповъ, тамъ же, стр. 203—204. Самую статью см. въ его „Изборникѣ", М. 1869, стр. 438—442.

[2]) Названія рѣкъ въ новгородской области.

народныхъ преданій о Перунѣ, чародѣѣ Волхвѣ, объ урочищахъ древняго Новгорода и его отдаленныхъ колоніяхъ" [1])...

Естественно предположить, что баснословная исторія, въ которой наставниками были польскіе писатели, должна была особенно приняться въ юго-западной Россіи, гдѣ польскія вліянія дѣйствовали непосредственно. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь всего больше развилась охота къ баснословнымъ разсказамъ о первоначальной древности русскаго народа. Въ виду польскихъ „хроникъ" надо было и свою исторію начинать съ древнѣйшихъ временъ и дать ей ученый видъ.—Вмѣстѣ съ тѣмъ является желаніе составить цѣльную исторію. Такая мысль, безъ сомнѣнія, была уже давно у составителей лѣтописныхъ сводовъ и должна была особенно представляться въ эпоху московскаго царства, когда государство достигало такого могущества и стало, по убѣжденію русскихъ людей, первымъ царствомъ „во всей вселенной". Но эта цѣль достигалась самымъ элементарнымъ образомъ — опять только въ формѣ простого свода и компиляціи. Такова была „Степенная книга", начатая, какъ думаютъ, митрополитомъ Кипріаномъ въ XIV столѣтіи, доконченная митрополитомъ Макаріемъ въ половинѣ XVI-го, и, наконецъ, позднѣе доведенная до временъ царя Алексѣя Михайловича. Она расположена по „степенямъ" великокняженій, подъ которыя собраны лѣтописные факты,—отсюда и ея названіе; но есть и новѣйшія прибавки, какъ, напр., производство Рюрика отъ Августа кесаря, и под. Другимъ сводомъ была лѣтопись Никоновская, отъ XVI вѣка, въ которой указываютъ желаніе возвысить значеніе духовенства и которая кромѣ русскихъ событій, вноситъ также заимствованія изъ хронографа, и пр.—Другой рядъ лѣтописныхъ сводовъ или цѣльныхъ историческихъ обозрѣній съ баснословіемъ въ началѣ составленъ былъ въ юго-западной Россіи, въ XVII столѣтіи. Такова „Хроника" Ѳеодосія Сафоновича, игумена кіевскаго Михайловскаго монастыря, въ половинѣ этого вѣка, донынѣ неизданная; такова „Кройника" Густинская, съ баснословнымъ введеніемъ [2]), составленная въ 1670 и кончающаяся любопытнымъ

[1]) „Обзоръ хроногр.", II, стр. 204—205. Самая статья въ „Изборникѣ", стр. 442—447. Здѣсь же приведено, на русскомъ языкѣ, посланіе Александра Македонскаго къ русскимъ князьямъ. Указаніе на эту статью сдѣлано еще Карамзинымъ, т. I, примѣч. 70, 91, 105. Относительно содержанія см. статью г. Буслаева (о народной поэзіи въ древне-русской литературѣ,—въ „Истор. Очеркахъ", т. II, стр. 1—63), который указываетъ въ ней отголоски народно-поэтическаго преданія, и г. Костомарова („Сѣвернорусскія Народоправства", Спб. 1863, т. I, гл. I), который также находитъ здѣсь слѣды преданій о заселеніи славянами при-ильменьскаго края.

[2]) Исключеннымъ въ изданіи Археогр. коммиссіи (Собр. лѣт., т. II), на томъ основаніи, что оно „не входитъ въ составъ русскихъ лѣтописей" (!).

разсказомъ объ уніи; наконецъ, въ особенности знаменитый „Синопсисъ“ Иннокентія Гизеля. Изданный въ 1674 году, „Синопсисъ“, по замѣчанію митрополита Евгенія, служилъ единственнымъ печатнымъ руководствомъ по русской исторіи до изданія „Краткаго Россійскаго лѣтописца“ Ломоносова, 1760. Онъ былъ, въ древней исторіи, сокращеніемъ труда Сафоновича, затѣмъ продолженъ самостоятельно и посвященъ въ особенности исторіи Кіева и южной Россіи; о происхожденіи славянъ и Руси онъ повторялъ вкратцѣ любимыя фантазіи объ Іафетѣ, Мосохѣ, Сарматахъ, Роксоланахъ, о Русѣ, о происхожденіи „Россіи“ отъ „разсѣянія“ и т. д., но не повторяетъ исторіи объ Августѣ кесарѣ и братѣ его Прусѣ... Уже вскорѣ „Синопсисъ“ пріобрѣлъ большую популярность. Черезъ пять лѣтъ по выходѣ его въ свѣтъ, изъ него дѣлаются выписки въ великорусскомъ хронографѣ (въ спискѣ 1679), а въ болѣе позднихъ рукописяхъ хронографа эти выписки становятся еще многочисленнѣе [1]). Печатныя изданія быстро слѣдовали одно за другимъ: во 2-мъ изданіи, 1678, прибавлены нѣкоторыя событія изъ царствованія Θедора Алексѣевича; въ 3-мъ, 1680, явилась, въ началѣ, новая 3-я глава: „о свободѣ или вольности славенской“, гдѣ разсказывается, какъ славяне получили грамоту на пергаменѣ отъ Александра Македонскаго, какъ Августъ кесарь избѣгалъ воевать съ ними и какъ славенороссійскій князь Одонацеръ (Одоакръ) завоевалъ Римъ. Исторія царствованія Θедора Алексѣевича дополнена „вторымъ басурманскимъ приходомъ подъ Чигиринъ“. Въ позднѣйшемъ изданіи (гражданскими буквами, Кіевъ, 1823), которое было у насъ въ рукахъ, „Синопсисъ“ кончается статьей: „о приходѣ множественныхъ силъ царскихъ и войскъ запорожскихъ къ Кіеву въ лѣто отъ созданія міра 7187, отъ рождества же Христова 1679“, и книга добавлена обширнымъ „Прибавленіемъ“ съ росписью великихъ князей, царей и императоровъ россійскихъ, польскихъ королей, удѣльныхъ князей, митрополитовъ кіевскихъ, малороссійскихъ гетмановъ, крымскихъ хановъ и пр., и хронологическія показанія новыхъ событій доведены до года изданія книги [2]). Такимъ образомъ, „Синопсисъ“ продолжалъ имѣть своихъ читателей даже въ то время, когда въ русской исторіографіи былъ уже не только Ломоносовъ, но и Карамзинъ... Источниками „Синопсиса“ были въ особенности польскіе хронисты: Кромеръ, Бѣльскій, Меховита,

[1]) А. Поповъ, Обзоръ хроногр. II, стр. 205—206.

[2]) Пекарскій, Наука и Литер. при Петрѣ В., I, 317, упоминаетъ объ изданіи 1836. Мы имѣемъ изданіе: Кіевъ, 1861 г., церковнымъ шрифтомъ, при „Лѣтописи“ Димитрія Ростовскаго, и безъ „Прибавленія“.

Стрыйковскій, Гваньини, и др., которыхъ онъ цитируетъ на поляхъ книги; онъ знаетъ, конечно, и русскую лѣтопись Нестора, но и относительно фактовъ, извѣстныхъ въ нашей лѣтописи, ссылается на Стрыйковскаго... Въ этомъ отдѣлѣ старой исторіографіи можно упомянуть, въ концѣ XVII вѣка, еще дьякона Холопьяго монастыря, Тимоѳея Каменевича-Рвовскаго, писавшаго въ томъ же духѣ „О древностяхъ Россійскаго государства“ [1]), лѣтопись о зачалѣ Москвы и др.; далѣе въ началѣ XVIII вѣка, „Подробную лѣтопись отъ начала Россіи до Полтавской баталіи“, изданную Н. Львовымъ (4 ч., Спб. 1798—99); „Ядро россійской исторіи“ Манкѣева (изданное Миллеромъ, 1771, и приписываемое раньше кн. Хилкову, у котораго авторъ былъ секретаремъ): это былъ переходъ къ начаткамъ научной исторіи въ XVIII-мъ вѣкѣ.

Кромѣ лѣтописи собственно, существовало въ старой письменности значительное число отдѣльныхъ историческихъ сказаній. Многія изъ нихъ, составленныя независимо отъ лѣтописи, давно слились съ нею; другія историческія повѣсти также бывали заносимы въ лѣтопись, но обращались также въ видѣ отдѣльныхъ статей въ сборникахъ и хронографахъ. Въ этихъ сказаніяхъ господствуетъ вообще тотъ же складъ, какимъ отличается лѣтопись: одни бывали мѣстнаго происхожденія и отмѣчены мѣстнымъ патріотизмомъ, другія проникнуты духомъ московскаго объединенія и переходятъ въ оффиціальную исторію; иногда, наконецъ, отражаютъ въ себѣ тѣ общественные или сословные протесты, которые вызывались ходомъ вещей. Къ послѣднему разряду принадлежатъ особенно произведенія, занимающія середину между историческимъ сказаніемъ и личными записками или памфлетомъ,— какъ, напр., исторія Ивана Грознаго, писанная кн. Курбскимъ, знаменитыя записки о Россіи Котошихина, автобіографія протопопа Аввакума и т. п. Особый разрядъ исторической литературы составили житія, гдѣ большею частію интересъ благочестиваго назиданія беретъ верхъ надъ требованіями простого историческаго разсказа, но тѣмъ не менѣе встрѣчаются чрезвычайно характерныя черты народной религіозности...

Наконецъ, возникъ еще особый родъ исторіографіи. Историческія справки бывали нужны правительству; въ числѣ служилыхъ книжниковъ, бояръ и дьяковъ бывали люди, умѣвшіе „воротить“ лѣтописями и родословными, для правительственныхъ дѣлъ и мѣстническихъ счетовъ; но дѣло было сложное, понадобились выборки и сокращенія. Наконецъ, стали дѣлать генеалогическія таблицы

[1]) О немъ не однажды упоминаетъ Карамзинъ, т. I, пр. 91 и далѣе.

съ „парсунами", т.-е. портретами государей и обозначеніемъ, какой русскій государь съ какими иностранными государями имѣлъ сношенія, — и въ двухъ экземплярахъ: одинъ былъ „на верху" у государя, другой былъ нуженъ въ посольскомъ приказѣ. Такую книгу составилъ въ посольскомъ приказѣ извѣстный бояринъ Матвѣевъ съ своими товарищами, приказными людьми и переводчиками: это была „Государственная большая книга, описаніе великихъ князей и царей россійскихъ, откуду корень ихъ государскій изыде, и которые великіе князи и цари съ великими-жъ государи окрестными съ христіанскими и съ мусульманскими были въ ссылкахъ, и какъ великихъ государей именованья и титлы писаны къ нимъ; да въ той же книгѣ писаны великихъ князей и царей, и вселенскихъ и московскихъ патріарховъ, и римскаго папы и окрестныхъ государей всѣхъ персоны и гербы". Въ такомъ родѣ, за нѣсколько лѣтъ до появленія „Синопсиса", дьякъ Грибоѣдовъ составилъ (въ 1669): „Исторію сирѣчь повѣсть или сказаніе вкратцѣ о благочестно державствующихъ и святопоживших боговѣнчанныхъ царяхъ и великихъ князехъ, иже въ Россійстѣй земли богоугодно державствующихъ". Это—генеалогическое перечисленіе лицъ съ витіеватыми похвалами; цѣль книги—вывести генеалогію московскихъ государей и примкнуть къ нимъ новую династію. Исторія начинается съ Владиміра Святого, затѣмъ упомянутъ переходъ государственной власти отъ южныхъ князей къ сѣвернымъ, такъ что послѣдніе являются прямыми преемниками „первоначальнаго скиптродержавія". О татарскомъ нашествіи не упомянуто ни слова. Нѣкоторые московскіе князья пропущены. Объ Иванѣ Грозномъ сдѣланъ слѣдующій отзывъ: „Еще же и житіе благочестно имѣя и ревностію по Бозѣ присно препоясуясь и благонадежныя побѣды мужествомъ окрестныя многонародныя царства пріятъ, Казань и Астрахань и Сибирскую землю. И тако Россійскія земли держава пространствомъ разливашеся, а народи ея веселіемъ ликоваху и побѣдныя хвалы Богу возсылаху". Послѣ Ѳедора Ивановича объясняется происхожденіе Романовыхъ: „Отъ матери его Анастасіи Романовны родословіе сице: въ древнихъ лѣтѣхъ въ Россійское царствіе выѣхалъ изъ Прусскія земли государя прусскаго сынъ Андрей Іоанновичъ Романовъ, а прусскіе государи сродники Августу кесарю римскому",—и на этотъ разъ безъ Августа кесаря не обошлось [1])

---

[1]) Соловьевъ, т. III, стр. 181—184.

Къ какимъ заключеніямъ приводитъ обзоръ историческихъ знаній въ московской Россіи? Очевидно, во-первыхъ, что о какомъ-либо научномъ, критическомъ пониманіи предмета не можетъ быть рѣчи ни у сѣверныхъ, ни у южныхъ историковъ нашихъ. Въ то время, какъ въ западной литературѣ, среди общественно-политической борьбы и подъ вліяніемъ классицизма, возникло сознательное пониманіе событій и ихъ движущихъ причинъ, наше историческое знаніе оставалось на ступени „младенческаго лепета“, по выраженію Соловьева: во времена полнаго развитія московскаго объединенія и царской власти, историческая книга уже дѣлается, однако, панегирикомъ, даже прямой оффиціальной ложью, и только въ рѣдкихъ примѣрахъ, и особливо подъ перомъ выходцевъ, свободныхъ отъ давленія, находятся смѣлыя и правдивыя слова о старинѣ и имъ современной дѣйствительности.

Исторіографія шла инстинктивно за событіями, и объясняла ихъ смыслъ по своему, часто фантастически Въ жизни шелъ вопросъ о государственномъ объединеніи, въ жертву которому приносятся всѣ старыя мѣстныя преданія и автономіи. Историки поклоняются успѣху, но не умѣютъ объяснить ни смысла явленій, ни сказать добраго слова отживающей старинѣ, имѣвшей свое право. Создается несомнѣнно новое, небывалое явленіе—московское единодержавіе, но старинные теоретики, съ одной стороны силятся возводить ее къ Владиміру Святому, къ Рюрику, къ Августу кесарю, съ другой—подкладываютъ ему византійское преемство; настоящій національно-государственный смыслъ дѣла теряется въ безграничной лести и уничиженномъ риторствѣ историковъ. Новгородъ, послѣдній представитель мѣстной автономіи, видимо не въ состояніи былъ сопротивляться Москвѣ,—но противъ него выставляются все-таки воображаемыя права и мало достовѣрныя обвиненія. Въ самомъ дѣлѣ, Москва ссылалась на давнюю власть князей надъ Новгородомъ, ихъ „отчиной“, но притязанія московскихъ князей вовсе не были похожи на власть давнихъ князей въ Новгородѣ; обвиненія въ желаніи Новгорода перейти въ латинство были воображаемыя. Въ XVI вѣкѣ для возвеличенія московскаго царства предполагается воображаемый переходъ византійскихъ регалій въ Москву черезъ Мономаха и князей владимірскихъ; Иванъ Грозный умѣлъ искусно выставить свой царственный авторитетъ и могущество въ дипломатическихъ переговорахъ, но и здѣсь, послѣ ссылокъ на византійское преемство, ему нужны были ссылки на мнимаго предка, Августа кесаря,—на что иноземные противники, повидимому, не считали даже нужнымъ возражать.

Историческое знаніе, вообще говоря, не вышло изъ пріемовъ лѣтописи; комбинація историческихъ свѣденій не пошла дальше механическаго свода, съ добавкою только безвкуснаго витійства и баснословія. Сравнивъ древнюю лѣтопись съ книжничествомъ XVI — XVII столѣтія, нельзя не отдать преимущества старому Нестору; у позднѣйшихъ книжниковъ нѣтъ ни того историческаго горизонта, ни умѣнья освоиться съ матеріаломъ, ни свѣденій: напр., по тому времени, знаніе Нестора о славянскомъ мірѣ не имѣетъ себѣ никакой параллели у позднѣйшихъ книжниковъ. Свѣденія хронографа о древнемъ мірѣ, о славянствѣ, о новыхъ временахъ и народахъ представляютъ крайне скудный сборъ односторонних свѣденій, притомъ обыкновенно запоздалыхъ, смутно понятыхъ и переданныхъ. Въ собственной старинѣ позднѣйшіе лѣтописцы ничего не прибавили къ фактамъ, извѣстнымъ намъ изъ старой лѣтописи, кромѣ тѣхъ немногихъ случаевъ, гдѣ они приводятъ подробности изъ лѣтописныхъ памятниковъ, до насъ не дошедшихъ. Съ другой стороны, позднѣйшее лѣтописаніе многое затеряло: такъ, многія произведенія старой литературы, памятники судебные, дипломатическіе, забытые и неизвѣстные книжникамъ и компиляторамъ XVI — XVII-го вѣковъ, были открыты вновь въ XVIII и нашемъ столѣтіи по древнимъ уцѣлѣвшимъ рукописямъ. Упомянутое выше баснословіе о началѣ славянъ и русскаго народа было заимствовано изъ чужихъ источниковъ. Позднѣйшіе книжники не имѣли видимо никакого представленія о различіи историческихъ эпохъ, хотя еще Иванъ Грозный убивалъ и заносилъ въ свой синодикъ „удѣльныхъ князей“; сосчитаться въ исторіи они могли только по хронологіи и по „степенямъ“, но не по различію политическихъ состояній народа: можно было смѣло утверждать, что власть Ивана Грознаго была та же, что власть Рюрика, или что Владиміръ Мономахъ былъ такой же царь, какъ цари московскіе. Разумѣется, то не было время исторической критики, но оставались безъ попытки разъясненія и ближайшія историческія противорѣчія: новгородскія и московскія лѣтописи существовали рядомъ, т.-е. рядомъ стояли два совершенно противоположные взгляда, и старымъ книжнымъ людямъ не приходила мысль разъяснить противорѣчіе,—какъ они, напримѣръ, все-таки старались дѣлать въ вопросахъ церковныхъ. Довольно было того, что сами новгородцы были истреблены—какъ и почему все равно... Далѣе, глубокій разладъ произошелъ въ понятіяхъ религіозно бытовыхъ: здѣсь по крайней мѣрѣ съ самаго начала возникла оживленная, даже ожесточенная полемика, но и здѣсь старое книжничество не могло выяснить историческихъ корней раскола.

Иванъ Грозный былъ, какъ говорятъ историки, большимъ знатокомъ русской исторіи [1]; другими словами, онъ былъ большой начетчикъ въ лѣтописяхъ, зналъ многое и изъ исторіи сосѣднихъ иноземцевъ,—чѣмъ и пользовался для полемическихъ изворотовъ въ спорахъ дипломатическихъ или въ перепискѣ съ Курбскимъ. Бывали, безъ сомнѣнія, и другіе начетчики этого рода; однимъ изъ нихъ былъ Курбскій, который уже понимаетъ исторію какъ нравственное назиданіе; гораздо шире другихъ разумѣлъ эти предметы иноземецъ Крижаничъ,—но въ большинствѣ книжныхъ людей историческія знанія были крайне скудны. Одинъ изъ наиболѣе серьезныхъ иноземныхъ писателей о Россіи временъ Алексѣя Михайловича дѣлаетъ любопытное замѣчаніе, которое, какъ увидимъ дальше, подтверждаютъ и лучшіе современные историки: „Москвитяне,—говоритъ Майербергъ,—безъ всякой науки и образованія, всѣ—однолѣтки въ этомъ отношеніи; всѣ одинаково совсѣмъ не знаютъ прошедшаго, кромѣ только случаевъ, бывшихъ на ихъ вѣку, да и то только въ предѣлахъ московскаго царства, такъ какъ до равнодушія не любопытны относительно иноземныхъ. Такимъ образомъ, не имѣя ни примѣровъ, ни образцовъ, которые тоже что очки для общественнаго человѣка, они не очень далеко видятъ очами природнаго разумѣнія" [2].

IV.

Состояніе нравовъ и культуры.

Нравы и культура народа и общества въ московской Россіи описывались много разъ, и надо бы полагать, что понятіе о нихъ должно уже стать прочнымъ достояніемъ литературы и общественнаго мнѣнія; между тѣмъ, до послѣдней минуты мы слышали призывы—„назадъ, домой!"—изъ которыхъ надо заключить, что свѣдѣнія объ этомъ періодѣ нашей исторической жизни все еще смутны у многихъ людей нашего общества.

Приверженцы старины обыкновенно указываютъ въ этомъ „историческомъ далекѣ" такія черты, которыя могли бы казаться привлекательнымъ идеаломъ, еслибы дѣйствительно имѣли тотъ характеръ, какой имъ приписываютъ — „цѣльность" быта, гдѣ

---

[1]) Ср. Карамзина, IX, пр. 414; Соловьева, т. VI, стр. 169 и друг.

[2]) Путешествіе въ Московію барона Майерберга и Кальвуччи, 1661 г. Пер. съ лат. Шемякина. М. 1874 (изъ „Чтеній" Моск. Общ. 1873—74), стр. 11.

высшіе классы не раздѣлены отъ низшихъ, питаются одними общими понятіями, имѣютъ тѣ же нравы, обычаи, языкъ; политическія учрежденія, гдѣ, какъ въ земскихъ соборахъ, власть вступаетъ въ живительное единеніе съ народомъ, давно утерянное въ новѣйшей Россіи; учрежденія бытовыя, гдѣ въ земскомъ выборномъ самоуправленіи послѣдній посадскій человѣкъ чувствовалъ свою политическую связь съ государственнымъ центромъ, и т. д. Къ сожалѣнію, въ дѣйствительности указанныя явленія или составляютъ фантазію славянофильскихъ историковъ, или были только зачаткомъ, который далеко не имѣлъ прочной устойчивости, патріархальной ступенью быта, которая не была правомъ, но могла бы стать завиднымъ идеаломъ, если бы доказала свою силу, прошедши историческое испытаніе. Но дѣло именно въ томъ, что такого испытанія эти бытовыя формы не выдерживали въ самомъ московскомъ періодѣ нашей исторіи. Чѣмъ больше подвигается разработка старины, тѣмъ больше надо убѣждаться, что идеалистическія построенія историковъ славянофильской школы встрѣчаютъ въ фактахъ серьезныя ограниченія, равняющіяся нерѣдко съ опроверженіемъ. Единеніе власти съ народомъ, указываемое въ земскихъ соборахъ, сводится почти къ случайному явленію: „соборъ" былъ, съ одной стороны, политической (или дипломатической) формой, къ которой власть обращалась въ однихъ, неопредѣленныхъ, случаяхъ и не обращалась вовсе въ другихъ, не менѣе однако важныхъ,—формой, которая не составляла не только права, но и обычая; участіе собора въ рѣшеніи вопросовъ является также проблематическимъ; его мнѣніе никогда не могло мѣшать собственному рѣшенію власти. Мѣстное самоуправленіе играло столь же неопредѣленную роль и безсильно бывало противъ злѣйшихъ утѣсненій, противъ которыхъ жители иногда просто возставали или „бывали сильны" (напримѣръ, противъ воеводъ) по современному выраженію. „Цѣльность" жизни, единство нравовъ и обычаевъ между классами высшими и низшими, объяснялось очень просто одинаковымъ отсутствіемъ образованія у тѣхъ и другихъ, когда не приходило ни знаній, которыя могли бы (или непремѣнно должны бы были) нарушить единство, внося понятія, несовмѣстныя съ патріархальнымъ міровоззрѣніемъ; не было сношеній съ западными народами, отъ которыхъ могли бы приходить новые обычаи, связанные съ другой степенью общественной культуры. Извѣстно притомъ, что „единенія" и „цѣльности" не было уже и въ тѣ времена. Правленіе Грознаго, залитое кровью, мало говоритъ о „цѣльности", какъ и времена царя Алексѣя съ ихъ московскими и коломенскими бунтами, возстаніемъ Стеньки Разина,

расколомъ, и т. д. Цѣльности также не было, когда возникало крѣпостное право, и въ высшіе классы еще въ эпоху московскаго царства стали проникать иноземныя знанія, иноземные люди и обычаи,—въ прежнее время даже татарскіе.

Споръ о старомъ и новомъ велся обыкновенно въ области подобныхъ слишкомъ общихъ разсужденій о „цѣльности" и „единеніи". Довольно обратиться къ непосредственнымъ явленіямъ быта, къ фактамъ стараго порядка вещей, чтобы иллюзія исчезла. Нѣкогда это уже и дѣлалъ Соловьевъ.

Мы не будемъ входить въ подробности о характерѣ религіозной жизни народа въ московское время, о свойствѣ его политическихъ взглядовъ и остановимся особенно на тѣхъ чертахъ быта и нравовъ, какими обнаруживалась московская культура. О народной религіозности тѣхъ вѣковъ существуетъ обширная литература, изъ которой довольно указать труды, гдѣ съ наибольшей критикой литературные факты сопоставлены съ бытовыми [1]. О воззрѣніяхъ политическихъ мы имѣли случай говорить въ предъидущемъ изложеніи.—Со времени утвержденія христіанства церковное ученіе, которое въ теченіе семи вѣковъ было вообще и единственнымъ ученіемъ народа, успѣло глубоко проникнуть въ народныя понятія, религіозныя и нравственныя и, безъ сомнѣнія, привило нравамъ болѣе человѣчности, чѣмъ бывало во времена дохристіанскія; среди трудныхъ политическихъ испытаній, которыя пришлось перенести народу на пространствѣ этихъ вѣковъ, религіозное настроеніе поддержало нравственную цѣлость народа. Уже вскорѣ, православное христіанство стало въ глазахъ самого народа однимъ изъ основныхъ условій и отличій русской народности: въ вѣка татарскаго ига, въ самыхъ безъисходныхъ положеніяхъ народъ чувствовалъ свое внутреннее превосходство надъ поработителями, потому что они были „поганые". Во внутрен-

---

[1]) Относительно XVI-го вѣка въ особенности укажемъ чрезвычайно обстоятельное изслѣдованіе г. Жмакина: „Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія". М., 1881, гдѣ второй отдѣлъ второй части (стр. 470 — 644) посвященъ изображенію религіозно-нравственнаго состоянія русскаго общества того вѣка по сочиненіямъ Даніила и другимъ современнымъ свидѣтельствамъ. О дальнѣйшемъ времени см. сжатый, но содержательный обзоръ въ книгѣ г. Морозова о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, Спб. 1880, стр. 4—62. Въ книжкѣ Алексѣя Попова: „Вліяніе церковнаго ученія и древне-русской духовной письменности на міросозерцаніе русскаго народа и въ частности на народную словесность въ древній до-петровскій періодъ", Казань, 1883, сдѣланы многочисленныя сопоставленія церковныхъ произведеній и памятниковъ народной словесности, но самое „міросозерцаніе" опредѣлено безъ достаточнаго вниманія къ его реальнымъ проявленіямъ и примѣненіямъ, — чѣмъ авторъ избѣгнулъ бы односторонности.

ней политической жизни церковь, какъ мы видѣли раньше, имѣла не однажды рѣшающее значеніе: эта жизнь была тѣсно переплетена съ церковными отношеніями; политическія дѣла освящались участіемъ церкви; каждый крупный городъ и его область имѣли свою церковную святыню, своихъ подвижниковъ и святыхъ; перенесеніе митрополичьяго престола въ Москву было однимъ изъ вліятельнѣйшихъ факторовъ ея возвышенія: политическая борьба Новгорода съ Москвой сопровождалась и церковнымъ соперничествомъ. По благочестію великихъ князей и царей, по ихъ политическому разсчету, по настроенію народа, церковь заняла высокое положеніе, давая религіозное освященіе дѣйствіямъ власти политической. Были минуты страшныхъ столкновеній, гдѣ представители церкви сохранили свое достоинство даже передъ разнузданнымъ тиранствомъ,—какъ при Грозномъ знаменитый митрополитъ Филиппъ, заплатившій жизнью за свой протестъ, — хотя церковная власть чаще боязливо уступала и становилась орудіемъ усилившагося самодержавія. Глубокимъ религіознымъ чувствомъ и убѣжденіемъ проникнуты были далѣе тѣ подвижники, труду которыхъ принадлежитъ основаніе множества монастырей средней и сѣверной Россіи,—они становились источникомъ новаго религіознаго возбужденія народа и средствомъ чисто народной колонизаціи, когда съ основаніемъ обителей въ глухихъ дебряхъ и захолустьяхъ появлялись тамъ добровольныя поселенія, занимавшія страну для русскаго народа...

Въ эту религіозную жизнь было вложено много энтузіазма, который оставилъ свои историческіе результаты и свой отголосокъ въ произведеніяхъ народной словесности. Но въ практическомъ развитіи и приложеніи этой религіозности была своя отрицательная сторона, которая также наложила рѣзкую печать на нравы и на свойства народности. „Характеръ и высота нравственныхъ воззрѣній того или другого общества обусловливаются степенью и характеромъ просвѣщенія",—замѣчаетъ историкъ временъ митрополита Даніила, и даетъ картину нравственно-бытовыхъ воззрѣній и практики, какъ они образовались при отсутствіи просвѣщенія. Подъ вліяніемъ церковности съ одной стороны и тяжелыхъ условій народной жизни съ другой, понятія нравственныя сложились въ аскетическую теорію, проповѣдывавшую отреченіе отъ міра, теорію слишкомъ книжную, исключительную, невыполнимую въ жизни и—невыполненную. При отсутствіи знаній и скудости самого церковнаго образованія теорія не могла не впасть въ противорѣчіе съ дѣйствительностью; не умѣя овладѣть противорѣчіемъ, она, съ одной стороны,

имѣла слѣдствіемъ религіозный фатализмъ, заставляя все приписывать высшей волѣ и ослабляя собственную отвѣтственность человѣка, съ другой—не могла отвратить самой крайней деморализаціи, предъявляя невыполнимыя требованія (напр., безусловно запрещая пѣсни, игры и вообще всякія увеселенія) или не заботясь, внѣ исполненія обряда, о народной нравственности. Аскетическій взглядъ на женщину повелъ къ ея рабству въ семьѣ, и порчѣ самой семьи. Аскетическая мораль, строго примѣняемая немногими, не предотвращала крайней испорченности — роскоши въ высшихъ классахъ, угнетенія бѣдняковъ, несправедливости и грабежа судей, всеобщаго пьянства, и т. д.,—такъ что историкъ стараго русскаго общества, съ многочисленными фактами въ рукахъ, приходитъ къ заключенію не объ его нравственной цѣльности, а напротивъ, объ „отсутствіи въ немъ нравственной связи", о „разъѣдавшей его враждѣ" [1]).

Малоотрадную картину общественной жизни московскаго періода рисуетъ другой историкъ, извѣстный трезвой, почти сухой осторожностью своихъ сужденій. Общество, по словамъ этого историка, страдало „нравственной несостоятельностью", которой не могли помочь церковныя обличенія, потому что не могли устранить производившихъ ее условій. Этими условіями были: „застой, коснѣніе, узкость горизонта, малочисленность интересовъ, которые поднимаютъ человѣка надъ мелочами ежедневной жизни, очищаютъ нравственную атмосферу, даютъ человѣку необходимый отдыхъ, необходимый праздникъ, уравновѣшиваютъ его силы, возстановляютъ ихъ,—однимъ словомъ, недостатокъ просвѣщенія". Отсутствіе пищи для ума необходимо вело къ господству матеріальныхъ взглядовъ и стремленій. Церковь обличала эти взгляды съ аскетической точки зрѣнія, но обличенія были безуспѣшны. По свидѣтельствамъ, вполнѣ достовѣрнымъ, нигдѣ, ни на востокѣ, ни на западѣ, не смотрѣли, напр., такъ легко на противуестественные пороки. Благочестивый Алексѣй Михайловичъ считалъ, наконецъ, своей обязанностью заботиться о душевномъ спасеніи своихъ подданныхъ: онъ приказывалъ воеводамъ, чтобы на походахъ они силою заставляли ратныхъ людей исповѣдываться. Приказано было, въ 1659 году, дьякамъ, подъячимъ, дѣтямъ боярскимъ и всякаго чина людямъ говѣть на страстной недѣлѣ; въ слѣдующемъ году велѣно было прислать списки не говѣвшихъ въ монастырскій приказъ и ослушникамъ сказана опала безъ всякой пощады; въ другой разъ велѣно было всѣмъ поститься

[1]) Митр. Даніилъ, Жмакина, стр. 584—592.

въ филипповъ постъ и каждый день ходить въ церковь; потомъ запрещено было работать въ воскресные дни и большіе праздники... Но правительство, бравшее на себя такія попеченія надъ подданными, какъ надъ малыми дѣтьми, въ то же время запрещало и всякія удовольствія—не только скоморошьи представленія, которыя не отличались скромностью, но и пѣсни, и невинныя забавы, и простую игру, какъ шахматы: за нарушеніе запрета грозили тюрьма и батоги. „Но батоги и тюрьма не грозили за порокъ, противъ котораго слышались сильные вопли, но которому всѣ предавались, — наказанія не было за пьянство... Пьянство, господствовавшее въ древней Руси, всего лучше показываетъ намъ, съ какимъ обществомъ имѣемъ дѣло: человѣку для возстановленія, уравновѣшенія силъ своихъ необходимо покидать иногда будничныя, ежедневныя занятія и переноситься въ иной міръ, перемѣнять занятія и состоянія духа: для человѣка образованнаго, для котораго открыто широкое многообразіе Божьяго міра и человѣческой дѣятельности, эти переходы легки и естественны; но для человѣка, замкнутаго постоянно среди немногихъ явленій бѣдной жизни, обыкновенно является стремленіе искусственными средствами, виномъ и опіумомъ или чѣмъ-нибудь другимъ переходить въ иное возбужденное состояніе, производить искусственно веселое праздничное состояніе духа, переноситься въ другой фантастическій міръ, з а б ы в а т ь с я. Самъ благочестивый и нравственный Алексѣй Михайловичъ любилъ иногда забываться такимъ образомъ". По его зову бывали у него и угощались бояре безъ м ѣ с т ъ, думные дьяки и д у х о в н и к ъ; онъ развлекалъ ихъ разными забавами и всѣхъ перепаивалъ. Подобнымъ образомъ, обязательными заздравными чашами на торжественныхъ царскихъ обѣдахъ напаивали иноземныхъ пословъ, такъ что они отпрашивались отъ царскаго стола, испытавши его...

Пьянство было безмѣрное. Олеарій пишетъ: „Нѣтъ страны въ мірѣ, гдѣ бы пьянство было такимъ общимъ порокомъ, какъ въ Московіи. Всѣ, какого бы званія, пола и возраста ни были, духовные и свѣтскіе, мужчины и женщины, молодые и старые, пьютъ водку во всякій часъ, прежде, послѣ и во время обѣда". Архіерей пишетъ окружное посланіе духовенству своей епархіи: „Учили бы вы людей божіихъ каждый день съ прилежаніемъ. А какъ случится вамъ читать поученіе отъ божественнаго писанія, тогда-бъ одинъ читалъ, а другой за нимъ толковалъ, а хорошо, еслибъ кто и читалъ, и толковалъ самъ, чтобъ простымъ людямъ было чтò принять отъ васъ. Видимъ, что въ простыхъ людяхъ, особенно же и въ духовныхъ чинахъ укоренилась злоба сатанин-

ская безмѣрнаго хмѣльнаго упиванія, а такое сатанинское ухищреніе многихъ людей отлучаетъ отъ Бога". Но, — замѣчаетъ Соловьевъ: — „легко было написать: читайте и толкуйте, когда было тяжело, не было умѣнья къ этому, да и нигдѣ не водилось. Давно уже, въ продолженіе вѣковъ, повторялось о хмѣльномъ упиваніи, какъ о сатанинскомъ ухищреніи, и все понапрасну. Въ обществахъ, подобныхъ русскому XVII-го вѣка, въ обществахъ слабыхъ внутренно, всего крѣпче вѣра во внѣшнюю силу. Правительство распоряжется всѣмъ, можетъ все сдѣлать", — и кончается тѣмъ, что игумены просятъ вмѣшательства царской власти для уничтоженія пьянства въ самыхъ монастыряхъ; царь шлетъ строгіе указы, въ монастыряхъ запрещается держать хмѣльное питіе; но проходитъ нѣсколько лѣтъ, и указъ опять необходимъ, опять монастырь спивается...

То общество, которое съ славянофильской точки зрѣнія представляется столь цѣльнымъ, единымъ и граждански развитымъ, производитъ совсѣмъ иное впечатлѣніе на нашего историка, говорящаго фактами и не склоннаго къ идеалистическимъ преувеличеніямъ и самообольщеніямъ. „Главное зло для подобнаго общества, — говоритъ онъ, — заключалось въ томъ, что человѣкъ входилъ въ него нравственнымъ недоноскомъ. Для стариннаго русскаго человѣка не было того необходимаго переходнаго времени между дѣтскою и обществомъ, которое у насъ теперь наполняется ученіемъ или тѣмъ, что̀ превосходно выражается словомъ: образованіе. Въ древней Руси человѣкъ вступалъ въ общество прямо изъ дѣтской, развитіе физическое нисколько не соотвѣтствовало духовному, и что же удивительнаго, что онъ являлся предъ общество преимущественно своимъ физическимъ существомъ. Быть можетъ, скажутъ, что и въ старину, до эпохи преобразованія, русскіе люди учили дѣтей своихъ, и между старинными русскими людьми были люди грамотные, начитанные. Безспорно, что нѣкоторые учились, что были люди грамотные и между крестьянами, зато были неграмотные между знатью, и это всего яснѣе указываетъ на случайность явленія. Дѣло не въ томъ, что учились, но многіе ли, и чему, и какъ учились?.." Выше мы видѣли, какъ и чему можно было научиться.

Но если старинный русскій человѣкъ рано начинаетъ общественную дѣятельность такимъ недоноскомъ относительно образованія, то, съ другой стороны, онъ поздно дѣлался самостоятельнымъ, потому что вмѣсто широкой общественной опеки надъ нимъ тяготѣла опека рода, старыхъ родителей или родственниковъ. „Замѣчено, — говоритъ Соловьевъ, — что особенно даютъ чув-

ствовать свою силу низшимъ, слабымъ тѣ, которые сами находятся или долго находились подъ гнетомъ чужой силы". Здѣсь историкъ находитъ объясненіе того тяжелаго гнета, который лежалъ на старой русской семьѣ со стороны домовладыки: въ этомъ смыслѣ сложилась и старинная мораль, представляемая „Домостроемъ" и гдѣ „ученье" состоитъ изъ битья. Кромѣ грубыхъ домашнихъ отношеній, на народную нравственность оказывали вредное вліяніе—„дѣла насилія, совершавшіяся въ обширныхъ размѣрахъ: человѣкъ привыкалъ къ случаямъ насилій, грабежа, смертоубійства, привычка пагубная, ибо ужасное становилось для него болѣе не ужаснымъ, и при этомъ относительно своей безопасности онъ привыкалъ полагаться или на собственную силу, или на случай, а не на силу общественную, правительственную,—и легко понять, какъ вслѣдствіе этого ослаблялось въ немъ сознаніе общественной связи, онъ привыкалъ жить въ лѣсу, а не въ обществѣ, и вести себя сообразно этому. Жизнь въ самой столицѣ не представляла безопасности. На западѣ въ средніе вѣка завидитъ путникъ за́мокъ, возвышающійся на скалѣ, и трепещетъ: это разбойничье гнѣздо; въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ, чѣмъ выше и обширнѣе былъ домъ, тѣмъ опаснѣе онъ былъ для прохожаго, не потому чтобы самъ владѣлецъ дома, бояринъ или окольничій, напалъ на прохожаго и ограбилъ его; но у этого знатнаго боярина или окольничаго нѣсколько сотъ дворни, праздной и дурно содержимой, привыкшей кормиться на счетъ каждаго встрѣчнаго, будь это проситель къ боярину или просто прохожій. Люди боярина князя Ромодановскаго позвали съ товарами старосту серебрянаго ряда къ себѣ на загородный дворъ и убили до смерти: они повинились сверхъ того въ убійствѣ 20 человѣкъ и говорили на свою братію дворовыхъ людей... Такъ было въ Москвѣ и около Москвы: что же подальше, гдѣ пропьются крестьяне—первое дѣло разбой, гдѣ и строитель пустыни участвовалъ въ разбояхъ, скрывалъ пограбленную рухлядь?.."

„Но русскій человѣкъ XVII вѣка,—продолжаетъ Соловьевъ,—былъ робокъ, чувствовалъ себя не безопаснымъ, вслѣдствіе не однихъ разбоевъ, онъ окруженъ былъ опасностями другого рода, отъ которыхъ не было возможности защититься никакимъ оружіемъ". Это были всякаго рода суевѣрія. Въ самомъ дѣлѣ, старинный человѣкъ—всякихъ сословій и положеній безъ различія—былъ окруженъ суевѣрнымъ мракомъ и фантастическими ужасами, которые держали его въ постоянномъ страхѣ: изданные донынѣ акты передаютъ, конечно, только ничтожную долю житейскихъ случаевъ этого рода и заявляютъ о нихъ лишь тогда, когда они

приходили къ какому-нибудь уголовному, трагическому концу,— но и по нимъ можно судить о той безконечной сѣти суевѣрія, которая опутывала всѣхъ отъ мала до велика, отъ деревенской бабы до самыхъ высшихъ властей въ государствѣ. Одержаніе нечистыми духами, колдовство, порча, умовреждение дьявольскимъ навѣтомъ, кликушество женщинъ, держаніе еретическихъ книгъ и т. д., и т. д. нагоняли страхъ на окружающихъ, а самихъ умовреженныхъ, т.-е. или больныхъ, или сумасшедшихъ, дѣлали жертвами пытокъ, тюремъ и казней. Такія явленія совершались одинаково и въ высшихъ слояхъ общества: обвиненія въ волшебствѣ, держаніи еретическихъ книгъ и т. п. падали и на бояръ, напр., на Милославскаго (будущаго тестя царя Алексѣя), котораго долго держали „за приставомъ", т.-е. подъ арестомъ; на родственника царскаго Стрѣшнева, котораго, отнявъ боярство, сослали; на боярина Матвѣева и пр.

Во второй половинѣ столѣтія — являются уже несомнѣнные признаки того, что старый порядокъ отживаетъ: бытъ, основанный на его началахъ, явно разстроивается и власть уже не въ силахъ поправить этого разстройства; въ обществѣ возникаетъ подозрѣніе, что дѣло не ладно, а вмѣстѣ и мысль о томъ, что нужно нѣчто новое, что нужно знаніе, котораго такъ много у другихъ и которое приходится у нихъ перенимать, хотя по старому убѣжденію эти другіе, иноземцы, были „поганые". Соловьевъ ни мало не сомнѣвается, что именно такъ стояло дѣло во второй половинѣ XVII вѣка, и что реформа явилась какъ неизбѣжный результатъ этого сознанія, зародившагося еще до Петра. Однимъ изъ признаковъ разложенія стараго порядка былъ расколъ.

„Столкновеніе между старыми и новыми учителями,—говоритъ Соловьевъ,—повело къ расколу, церковному мятежу. Съ этимъ мятежомъ противъ своей власти и ученія духовенство не могло такъ скоро сладить, какъ, напримѣръ, свѣтское правительство сладило съ мятежомъ Стеньки Разина. Церковный мятежъ сдѣлался постояннымъ, духовенство пріобрѣло постоянныхъ внутреннихъ злыхъ враговъ, которые нисколько его не щадили въ своихъ жалобахъ и обличеніяхъ. Но обличенія слышались не отъ однихъ раскольниковъ. Общество видимо тронулось; началось колебаніе, тряска, которыя не позволяли пребывать въ покоѣ. Тяжелое чувство собственныхъ недостатковъ, сознаніе, что отстали, что у другихъ лучше и надобно перенимать это лучшее, учиться,—не покидали лучшихъ русскихъ людей; отсюда стремленіе прислушиваться къ чужимъ рѣчамъ, обращать вниманіе на указанія съ разныхъ сторонъ, что то и другое не такъ. Такое время обыкно-

венно бываетъ богато обличеніями, богато распоряженіями, хлопотами о прекращеніи сознаннаго, обличеннаго зла, о прекращеніи внѣшними средствами, и потому бьющими обыкновенно мимо"...

„Экономическая и нравственная несостоятельность общества были сознаны,—продолжаетъ далѣе историкъ,—народъ живой и крѣпкій рвался изъ пеленокъ, въ которыхъ судьба держала его долѣе чѣмъ слѣдовало. Вопросъ о необходимости поворота на новый путь былъ рѣшенъ; новости являлись необходимо. Сравненіе и тяжелый опытъ произвели свое дѣйствіе, раздались страшныя слова: „у другихъ лучше", и не перестанутъ повторяться: слова страшныя, потому что они необходимо указывали на приближающееся время заимствованій, ученія, время духовнаго ига, хотя и облегченнаго политическою независимостью и могуществомъ, но все же тяжелаго. Дѣло необходимое, но тяжелое не могло сдѣлаться легко, спокойно, безъ сопротивленія, которое вызвало борьбу, вело къ перевороту, т.-е. къ дѣйствію насильственному. Церковныя преобразованія пошли и отъ своихъ, отъ православныхъ, но извѣстно, какъ они были встрѣчены, и свои, православные, показались неправославными. Относительно собственно науки, ученія, здѣсь остановились: не хотѣли принимать учителей неправославныхъ, учителями могли быть только греки и западнорусскіе ученые. Но иновѣрцы заходили толпами съ другой стороны, въ видѣ наемныхъ офицеровъ, мастеровыхъ всякаго рода, заводчиковъ, лѣкарей. По естественному ходу дѣла, новое должно было явиться въ видѣ вещей непосредственно полезныхъ, должно было начаться съ мастерства. Кромѣ того, цивилизація закинула уже свои сѣти на русскихъ людей, приманивая ихъ къ себѣ новыми для нихъ удовольствіями и удобствами жизни. Часы, картина, покойная карета, музыкальный инструментъ, сценическое представленіе — вотъ чѣмъ сначала мало-по-малу подготовлялись русскіе люди къ преобразованіямъ, какъ дѣти приманивались игрушками къ ученію. Все это уже мы видимъ въ Москвѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Понятно, что заморскія штуки должны были появляться сперва на верху, во дворцѣ и въ домахъ знатныхъ людей, гдѣ было больше знакомства съ заморскимъ и больше средства пріобрѣтать заморскія диковинки. Простымъ людямъ запрещалось забавляться музыкою, велѣно было искать и жечь музыкальные инструменты [1]), потому что какъ явится музыка,

[1]) Вслѣдствіе аскетическихъ обличеній музыки и пѣсенъ со стороны церковной іерархіи, которая вообще видѣла въ нихъ бѣсовскій соблазнъ.

такъ непремѣнно примѣшается тутъ какое-нибудь суевѣріе и безчинство, но на пиру у царя „игралъ въ органы нѣмчинъ, и въ сурну, и въ трубы трубили, и въ суренки играли и по накрамъ, и по литаврамъ били". Не надобно забывать, что воспитателемъ царя Алексѣя Михайловича былъ западникъ Морозовъ, который еще при царѣ Михаилѣ шилъ нѣмецкое платье своимъ воспитанникамъ царевичамъ и всѣмъ дѣтямъ, воспитывавшимся съ ними вмѣстѣ. Въ царствованіе Алексѣя подражатели Морозова размножились; самые близкіе къ царю люди были самые большіе охотники до заморскаго и дарили государя иностранными вещами" [1])...

Мы видѣли выше, какъ ничтожны и почти всегда превратны были тѣ свѣденія стариннаго русскаго человѣка, которыя относятся къ научному знанію. Это были застарѣлые клочки свѣденій, случайно доходившіе въ нашу письменность, сильно перемѣшанные съ фантастическими добавленіями. Эти послѣднія всего чаще представляли собой „науку", и къ нимъ надо обратиться, чтобы составить себѣ понятіе о старинномъ міровоззрѣніи русскихъ людей—какого бы то ни было класса. Новѣйшіе изслѣдователи старой письменности, впервые тронувшіе ея миѳическую сторону, были поражены изобиліемъ этой миѳологіи, заключавшей въ себѣ и поэзію, и вѣдовскую науку, разрѣшавшей вопросы о Богѣ, о жизни и тайнахъ природы, о человѣческомъ существѣ и т. д. „Вся жизнь древней Руси была проникнута поэзіею, — говорилъ г. Буслаевъ подъ впечатлѣніемъ разнообразныхъ памятниковъ старой поэзіи и современнаго народнаго преданья:—потому что всѣ духовные интересы были понимаемы только на основѣ самаго искренняго вѣрованья, хотя бы источникъ этого послѣдняго и не всегда былъ чисто христіанскій. Множество примѣтъ, заклятій или заговоровъ и другихъ суевѣрныхъ обычаевъ и преданій, и досель живущихъ въ простомъ народѣ, свидѣтельствуютъ намъ, что та поэтическая основа, изъ которой возникли эти разрозненные члены одного общаго имъ цѣлаго, была не собственно языческая, и не чисто христіанская, но какая-то смутная фантастическая среда, въ которой съ именами и предметами христіанскаго міра соединялось нѣчто другое, болѣе согласное съ миѳическими воззрѣніями народнаго эпоса... Отличительною чертою этого смутнаго состоянія духа было до страха доходящее убѣжденіе въ какую-то чарующую, сверхъестественную силу, которая ежеминутно въ быту житейскомъ, въ томъ или другомъ болѣе важномъ

[1]) Соловьевъ, т. XIII, стр. 144—171.

случаѣ жизни, можетъ внезапно оказать свое необычайное дѣйствіе“ [1]).

Въ этой работѣ народной мысли надъ вопросами: отчего зачался бѣлый свѣтъ—солнце красное—свѣтелъ мѣсяцъ—зори утреннія и вечернія—ночи темныя—вѣтры буйные; отчего зачался міръ-народъ; отчего у насъ умъ-разумъ и наши помыслы; отчего цари пошли; которая земля землямъ мати? и т. д.,—въ этой поэтической переработкѣ церковной исторіи и легенды, чужого космогоническаго преданья, своего стараго повѣрья; въ народномъ эпосѣ былины и духовнаго стиха; въ нескончаемой массѣ поэзіи обрядовой и лирической и пр., заключено дѣйствительно много поэтическихъ мотивовъ, много наивныхъ и трогательныхъ чувствъ и мыслей, живого характернаго языка и выраженія. Изученіе этихъ произведеній открываетъ нерѣдко лучшія стороны народнаго поэтическаго чувства и самого народнаго характера, — но оставляетъ насъ неудовлетворенными съ другой стороны. Въ этой области мы остаемся на первобытной, патріархальной ступени,— и этотъ патріархальный періодъ длится слишкомъ долго, когда уже видимо близились новыя національныя задачи. Когда наступилъ наконецъ поворотъ, несомнѣнные зачатки котораго носитъ XVII вѣкъ, это старое міровоззрѣніе исчезло въ болѣе образованныхъ классахъ—съ его суевѣрнымъ мракомъ, но и съ его поэзіей. Говорятъ, что мы отстали отъ старой народности; но что было дѣлать съ міровоззрѣніемъ, которое оказывалось столь несостоятельнымъ въ нравственномъ бытѣ народа, которое не знало науки и отрицало ее, которое наконецъ въ самой области поэзіи не выразилось никакимъ законченнымъ созданіемъ, способнымъ запечатлѣть въ умахъ старое преданіе и дать исходную точку для новой литературы,—когда съ другой стороны въ самой жизни XVII вѣка шелъ уже явный разладъ, требовавшій реформы? Новое содержаніе, приносимое знаніемъ, новымъ историческимъ опытомъ, сближеніемъ съ образованными народами, и неизбѣжно овладѣвавшее умами, встрѣчало въ этой старинѣ слишкомъ мало корней, къ которымъ могло бы пристать и привиться. Въ наше время эта народная старина снова предстаетъ передъ нами уже какъ научное открытіе.

Въ старомъ періодѣ нашей жизни народная мысль не пыталась подняться съ этой первобытной ступени до болѣе широкаго и свободнаго міровоззрѣнія: фантастическія созданія миѳа были для народа не только поэзіей, но исполнены самаго реальнаго бытія; онъ бродилъ въ потьмахъ, окруженный пугалами, отъ которыхъ

[1]) Историч. Очерки, т. II, стр. 31.

искалъ спасенія одинаково въ молитвѣ и чародѣйныхъ, колдовскихъ заговорахъ [1]).—Церковные учители догадывались, что миѳологія вытѣсняетъ религію, и не разъ строго запрещали эти народно-поэтическія повѣрья и обычаи (въ томъ числѣ и самые невинные), но запрещенія не достигали цѣли: фантастическая вѣра была сильна и надъ самимъ клиромъ. „Суевѣріе и суесвятство,—говоритъ г. Забѣлинъ,—было самою дѣйствующею нравственною силой, предъ которой оказывались слабыми самые, повидимому, крѣпкіе и относительно образованные умы вѣка"... „Книжное ученье очень мало способствовало просвѣтлѣнію народнаго сознанія... Народъ, во все время древняго періода, пробавлялся малыми крупицами, упадавшими къ нему съ богатаго стола просвѣщенія, работалъ, какъ умѣлъ, надъ этими крупицами и, разумѣется, бѣдствовалъ и умственно, и нравственно, наживая себѣ только умственныя и нравственныя мозоли и затвердѣлости отъ этой тяжкой и мрачной мысленной работы, въ какой онъ оставался по необходимости. Никто изъ охранявшихъ и старательно опекавшихъ его умъ и вѣру не только ни разу не подумалъ о распространеніи знанія, науки, хотя бы въ самомъ маломъ объемѣ и въ самой стѣсненной формѣ, но и всячески открещивался отъ этого страшнаго супостата и врага.—Для образованія нрава, для наученія *како жити христіаномъ*, народъ имѣлъ неисчислимый матеріалъ. Вся книжность исключительно была направлена въ эту именно сторону всѣми своими поученіями, словами, великимъ множествомъ апофегмъ и разныхъ практическихъ истинъ, сказаніями о благочестивой и благоугодной жизни; но для образованія ума, для наученія *какъ думать* о явленіяхъ міра и даже о самой нравственности, какъ мысленно обнять и разъяснить горизонтъ смутныхъ, но неотразимыхъ вопросовъ объ этомъ чудномъ мірѣ, гдѣ, что ни явленіе, то загадка, что ни шагъ, то вызовъ на борьбу, за которою необходимо слѣдовала или побѣда ума, разоблачавшаго въ чемъ дѣло природы, или его *порабощеніе*, его безсильное приниженіе предъ этимъ дѣломъ и всякимъ ея созданіемъ; вообще для борьбы съ неотвязчивыми запросами пытливой мысли,—для всего этого народъ, какъ и въ отдѣльности каждый человѣкъ, не имѣлъ никакого орудія и никакихъ средствъ. Не удивительно, что онъ былъ побѣжденъ въ этой борьбѣ" [2]).

Словомъ, старинный русскій человѣкъ, жившій своимъ преда-

[1]) Довольно забавно, что въ старыхъ эпическихъ изображеніяхъ человѣка смѣлаго и вольнодумца, о немъ могли сказать только, что онъ „*не вѣруетъ ни въ сонъ, ни въ чохъ*"—т.-е. въ чиханье какъ примѣту.

[2]) Опыты, I, стр. 109—110, 114.

ніемъ и не затронутый какими-нибудь отголосками европейскаго знанія, пребывалъ въ первобытномъ невѣденіи, не разумѣя явленій природы, его окружавшей, и пугаясь ихъ, не умѣя пользоваться ея силами и богатствами, какъ это разгадали уже другіе народы; не зная духовной природы самого человѣка, не зная объ остальномъ человѣчествѣ и его великихъ умственныхъ пріобрѣтеніяхъ, не умѣя отдать себѣ отчета въ прошедшемъ своего собственнаго народа; не достигая до сознанія человѣческой личности и ея нравственнаго права и достоинства; наконецъ въ самой религіи, которая была его единственнымъ руководствомъ, извращая ея высокій и человѣчный смыслъ въ сѣть внѣшней обрядности, страннаго поклоненія буквѣ и суевѣрія. Таковы были черты умственнаго состоянія эпохи, въ которую зовутъ насъ вернуться — „домой“.

Мы привели заключенія, къ которымъ приходили безспорно компетентные изслѣдователи нашей старины: одинъ — историкъ, которому принадлежитъ самый грандіозный трудъ новѣйшей русской исторіографіи; другой—первый и высоко заслуженный начинатель въ изслѣдованіи народно-поэтической старины; третій— первостепенный археологъ, обжившійся, какъ никто другой, въ бытѣ и нравахъ стараго времени. Ихъ слова найдутъ полное подтвержденіе въ историческихъ свидѣтельствахъ—какъ въ тѣхъ памятникахъ русскихъ, которые безсознательно передавали факты современной имъ дѣйствительности, такъ и въ тѣхъ разсказахъ русскихъ и иноземныхъ, которыхъ авторы смотрѣли на старый русскій бытъ съ большей или меньшей сознательной критикой. Русскихъ писателей этого послѣдняго рода, какъ извѣстно, было немного; но главный изъ нихъ, несчастный эмигрантъ, подъячій посольскаго приказа Котошихинъ, далъ въ своемъ трудѣ, писанномъ за границей, замѣчательную картину русской жизни XVII вѣка, государственной и общественной; другой чрезвычайно любопытный разсказъ оставленъ славяниномъ, посвятившимъ Россіи труды десятковъ лѣтъ своей жизни. Произведенія Котошихина и Крижанича цитируются такъ часто, что мы можемъ предположить ихъ достаточно извѣстными. Меньше знакомы наши читатели съ разсказами иноземныхъ путешественниковъ, большею частію попадавшихъ въ Россію въ качествѣ пословъ или при посольствахъ. Въ ихъ сочиненіяхъ русская жизнь неизбѣжно изображается въ предполагаемомъ сравненіи съ европейскою, и особенности и слабыя стороны первой выдаются особенно ярко. Поэтому у насъ нерѣдко относятся враждебно къ извѣстіямъ иностранцевъ, обвиняя ихъ въ недружелюбіи къ Россіи, въ желаніи пред-

ставлять ее въ темныхъ краскахъ и т. п. Это и бывало иногда, но странно видѣть только вражду въ отзывахъ тѣхъ главнѣйшихъ изъ иностранныхъ писателей, извѣстія которыхъ составляютъ для нашей исторіи драгоцѣнный матеріалъ, и иногда собираемы были ими съ истинно научнымъ стараніемъ и любовью, какъ было, напримѣръ, у Герберштейна и Олеарія. Ихъ строгія сужденія въ основныхъ пунктахъ вполнѣ подтверждаются свидѣтельствами самихъ нашихъ памятниковъ, и не ихъ вина, что ихъ впечатлѣнія бывали часто такъ неблагопріятны. Съ другой стороны чрезвычайно любопытно наблюдать, какое впечатлѣніе производила эта старая русская жизнь на людей европейской цивилизаціи: она казалась имъ странной, грубой, извращенной; иныя чисто національныя особенности бывали имъ мало понятны; но, повидимому, строгость отзывовъ внушалась тѣмъ, что все-таки въ русскихъ они видѣли племя европейское, имъ однородное, но загрубѣвшее. Намъ, разумѣется, ближе, чѣмъ имъ, національныя черты этой старины, часто уцѣлѣвшія до нашего времени, — но грубость эпохи мы признаемъ такъ же, какъ эти старые иноземные путешественники. Въ ихъ трудахъ есть и тотъ интересъ, что они старались дать цѣльную картину общественнаго быта, какой не дали наши собственные старые писатели, за исключеніемъ одного выходца Котошихина... Очень характеристиченъ фактъ, что ни объ одномъ изъ европейскихъ народовъ того времени не существуетъ такой обширной литературы иноземныхъ путешествій, и ни для какого другого народа иноземная литература не составляетъ такого важнаго исторіографическаго источника, какъ у насъ: нашему историку нельзя обойтись безъ Герберштейна, Флетчера, Олеарія, Майерберга и т. д. Старая европейская любознательность и наука помогаетъ теперь нашему историческому сознанію.

Въ XVI—XVII вѣкахъ, которымъ принадлежитъ наиболѣе обширная литература этихъ путешествій, иноземцевъ неизмѣнно поражало отсутствіе образованія даже въ высшемъ классѣ русскаго общества, не говоря о народѣ, и затѣмъ крайне рабское состояніе общества. Олеарій, три раза пріѣзжавшій въ Россію и живавшій по долгу въ Москвѣ въ 1634—39 годахъ, пишетъ:

„Если разсматривать русскихъ со стороны нравовъ, обычаевъ и образа ихъ жизни, то по справедливости ихъ должно отнести къ варварамъ; ибо и теперь имъ далеко еще до того, что еще въ древности были греки, и хотя русскіе хвалятся прибытіемъ къ себѣ грековъ и родствомъ съ ними, но эти народы не имѣютъ ничего общаго между собою ни по языку, ни по искусствамъ.

...Такъ какъ русскіе не любятъ никакихъ высшихъ знаній, ни свободныхъ искусствъ, а тѣмъ менѣе сами охотно ими занимаются, то по изреченію: „Didicisse fideliter artes emollit mores, nec sinit esse feros“ (т.-е., занятіе искусствами смягчаетъ нравы и не дозволяетъ быть жестокимъ), русскіе и остаются невѣжественны и грубы. Большинство русскихъ, когда что-либо узнають отъ чужестранцевъ о высокихъ знаніяхъ и извѣстныхъ имъ естественныхъ наукахъ и искусствахъ, произноситъ самыя грубыя и неразумныя сужденія“ [1])...

Баронъ Майербергъ, пріѣзжавшій въ Москву посломъ римскаго императора въ 1661 году, разсуждаетъ о томъ же, такимъ образомъ: „Въ человѣкѣ послѣ искаженія грѣхомъ его природы, душевныя склонности, вводимыя въ соблазнъ примѣрами, и внѣшнія чувства, находящіяся подъ обаяніемъ обманчивыхъ предметовъ, легко свергаются по крутизнамъ заблужденій въ предѣлы порока, если умъ не имѣетъ себѣ руководителя въ свободныхъ наукахъ и въ философіи, своей или чужой, какъ дитя и его нянька. Къ сожалѣнію, всѣ москвитяне лишены этого пособія, по собственной ихъ винѣ“. Москвитяне не имѣютъ просвѣщенія, не знаютъ собственнаго прошедшаго, при томъ у нихъ отняты и средства къ пріобрѣтенію просвѣщенія: „Москвитяне, безъ всякой науки и образованія, всѣ однолѣтки въ этомъ отношеніи, всѣ одинаково вовсе не знаютъ прошедшаго... А что москвитяне изгоняютъ всѣ знанія въ такую продолжительную и безвозвратную ссылку, это надобно приписать, во-первыхъ, самимъ государямъ, которые, за одно съ Лициніемъ [2]), ненавидятъ ихъ, изъ опасенія, что подданные, пожалуй, наберутся въ нихъ духа свободы, да потомъ и вовстанутъ, чтобы сбросить съ себя гнетущее ихъ деспотическое иго. Государи хотятъ, чтобы они походили на спартанцевъ, учившихся одной только грамотѣ, а всѣ прочія знанія заключались бы у нихъ въ полномъ повиновеніи, въ перенесеніи трудовъ и въ умѣньѣ побѣждать въ битвахъ. Потому что послѣднее едва ли возможно для духа простолюдиновъ, если онъ будетъ предвидѣть опасности чрезвычайно изощреннымъ знаніями умомъ. Во-вторыхъ, это слѣдуетъ приписать духовенству: зная, что науки будутъ преподаваться по-латыни и могутъ быть допущены не иначе, какъ вмѣстѣ съ латинскими учителями, оно боится, чтобы этими широкими воротами, если распахнуть ихъ

[1]) Олеарій, „Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 годахъ“. Пер. П. Барсова. М. 1870, стр. 165

[2]) Римскій консулъ и „цензоръ“, въ своемъ эдиктѣ объявлявшій школы вредными и повелѣвавшій закрыть ихъ.

настежь, не вошелъ и латинскій обрядъ, а учители его не передали на посмѣяніе народу его невѣжества, и не представили бы въ полномъ свѣтѣ несостоятельность вѣроученія, которымъ оно потѣшается надъ его легковѣріемъ. А въ третьихъ, виною того старые бояре—по зависти, что молодежь получитъ такіе дары, которыхъ, изъ пренебреженія, не хотѣли брать они сами, а отъ этого они справедливо лишатся исключительнаго обладанія мудростью, которое не по праву отвели себѣ сами, и будутъ устранены отъ общественныхъ дѣлъ въ государствѣ"... Иначе, какъ этимъ разсчетомъ руководящихъ властей и классовъ, Майербергъ не могъ объяснить себѣ отсутствія какихъ-нибудь мѣръ для введенія образованія. Едва ли сомнительно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти разсчеты имѣли мѣсто и въ самомъ дѣлѣ: но главной причиной было все-таки то, что руководящіе классы—мимо подобнаго разсчета—сами пугались иноземнаго просвѣщенія, какъ дѣла вредоноснаго для вѣры: общее убѣжденіе, раздѣляемое искренно и властію, было то, что отъ иноземнаго просвѣщенія можетъ произойти гибель истинной вѣры, потому что въ концѣ-концовъ иноземцы были люди „поганые". Дальше мы возвратимся къ этому предмету. Еще въ другомъ мѣстѣ Майербергъ замѣчаетъ: „Кромѣ образовъ святыхъ, во всей Московіи нельзя видѣть другихъ изображеній. А изваяній ровно нѣтъ никакихъ, такъ что память дѣдовъ и внуковъ, а часто и родителей, у дѣтей погибаетъ разомъ съ ихъ смертью. На крыльцахъ домовъ тоже не ставятъ никакихъ изваяній, представляющихъ предковъ, славныхъ знаменитыми дѣлами, и не вѣшаютъ по стѣнамъ комнатъ ихъ изображеній, которыя служили бы побужденіемъ къ добродѣтели для потомковъ и воспламеняли въ нихъ благородное соревнованіе" [1]).

За столѣтіе передъ тѣмъ, въ концѣ XVI вѣка, Флетчеръ также увѣренъ, что власть съ намѣреніемъ не допускала знакомства русскихъ съ иностранными землями и вообще удаляла ихъ отъ образованія. „Что касается до качествъ русскаго народа, онъ кажется довольно способнымъ усвоить всякія искусства,—какъ можно судить по естественной смѣтливости (naturall wittes) взрослыхъ, и даже дѣтей, — но онъ не отличается, однако, ни въ какомъ обыкновенномъ искусствѣ, а тѣмъ менѣе въ какой-либо наукѣ и литературномъ знаніи, отъ чего ихъ удаляютъ съ намѣреніемъ, какъ вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ военной практики:—чтобы удобнѣе

---

[1]) Путешествіе въ Московію барона Августина Майерберга и пр. М. 1874, стр. 51, 89, 111—112.

было держать ихъ въ томъ рабскомъ состояніи, въ какомъ они находятся, и чтобы у нихъ не было ни ума, ни мужества, чтобы стремиться къ нововведеніямъ. Съ той же цѣлью имъ запрещаютъ путешествовать, чтобы они ничему не научились и не увидѣли обычаевъ чужихъ странъ... Точно также они неохотно пускаютъ въ свою страну иноземцевъ изъ какой-нибудь цивилизованной страны“ [1])...

Что всякіе иновѣрцы, въ томъ числѣ западные христіане и особливо католики, приравнивались старинными русскими людьми къ „поганымъ“, т.-е. язычникамъ, внушавшимъ отвращеніе, это достаточно извѣстно изъ множества показаній самой русской старины. Иноземные путешественники много разъ съ негодованіемъ замѣчали объ этомъ отношеніи къ нимъ русскихъ, точно они не были христіане. Олеарій, говоря объ обычаѣ, по которому при торжественныхъ пріемахъ пословъ, около царскаго престола ставилась золотая лахань и рукомойникъ для омовенія руки царя послѣ допущенія къ ней пословъ и ихъ свиты, припоминаетъ, что этотъ обычай показался крайне оскорбительнымъ Поссевину—quod quasi ad expiationem soleat abluere, такъ какъ совершался въ присутствіи многочисленнаго собранія знатныхъ особъ и послѣднія черезъ это утверждались въ ненависти къ такимъ же христіанамъ, какъ они. Поссевинъ думалъ, что христіанскимъ государямъ слѣдовало объявить московскому князю, что они не пошлютъ къ нему своихъ пословъ, пока онъ не отмѣнитъ этого постыднаго обычая [2]).

Майербергъ говоритъ объ этомъ отношеніи русскихъ къ христіанскимъ иновѣрцамъ съ неменьшимъ негодованіемъ. Упоминая о грубыхъ нравахъ низшаго духовенства, съ которымъ ему самому приводилось встрѣчаться, онъ замѣчаетъ: „всѣ они до одного какіе-то полоумные (!) и называютъ погаными людей другого, а не русскаго исповѣданія. Оттого-то и нашъ попъ (у котораго онъ останавливался на пути изъ Пскова къ Москвѣ) не хотѣлъ намъ подать руки, въ обыкновенный знакъ радости гостямъ, чтобы не осквернить ее прикосновеніемъ нашихъ рукъ“. Въ другой разъ на этомъ пути Майербергъ хотѣлъ поклониться русской чудотворной иконѣ, но его не пустили въ церковь: „послѣ узнали мы, что москвитяне запрещаютъ людямъ иноземной вѣры входить въ свои церкви... И если кто изъ любопытства проберется туда тайкомъ, они сейчасъ же выводятъ его, схвативши за плечи, и выметаютъ

[1]) Of the Russe Common Wealth, въ изданіи Hakluyt Society: Russia at the close of the sixteenth century. Lond. 1856, гл. XIII, стр. 63.

[2]) Олеарій, стр. 45. Ср. Герберштейна, рус. переводъ, стр. 189; Майерберга, стр. 64. Отъ Ивана Грознаго обычай неизмѣнно дошелъ и до конца XVII вѣка.

послѣ него полъ, чтобы очистить его отъ оскверненія поганымъ прикосновеніемъ“ [1]).

О невѣжествѣ духовенства говорятъ почти неизбѣжно всѣ старые путешественники. Въ своихъ училищахъ русскіе учатся только читать и писать на своемъ языкѣ, замѣчаетъ Олеарій, и никто изъ нихъ, ни свѣтскіе, ни духовные, ни высшаго, ни низшаго званія люди ни слова не знаютъ по-латыни или по-гречески, хотя считаютъ себя членами греческой церкви. Оттого религія русскихъ становится внѣшней и наполняется суевѣріемъ, и они внесли въ нее даже много ошибокъ, которыхъ греки, хотя и видятъ ихъ, не осмѣливаются указывать, получая отъ русскихъ большія подаянія. „Весьма мало видно изъ жизни, чтобы русскіе старались свою христіанскую вѣру освящать и дѣлать дѣйствительною посредствомъ добрыхъ дѣлъ и любви къ ближнему: добрымъ же дѣламъ, обращеннымъ на основаніе и созиданіе церквей и монастырей, они приписываютъ большее значеніе, чѣмъ слѣдуетъ“ [2]). Герберштейнъ обратилъ вниманіе на то, что „у русскихъ нѣтъ проповѣдниковъ. Они думаютъ, что достаточно присутствовать при богослуженіи и слышать евангеліе, посланія и слова другихъ учителей, которыя читаетъ священнослужитель... Сверхъ того, они думаютъ этимъ избѣжать различныхъ толковъ и ересей, которыя большею частію рождаются изъ проповѣдей... Они считаютъ истиннымъ и обязательнымъ для всѣхъ то, во что вѣритъ или что́ думаетъ самъ князь“ [3]). Олеарій подтверждаетъ тоже. „Большинство русскихъ, особенно же простой народъ, не могутъ вести рѣчи, ни дать какого-либо отвѣта о самыхъ простыхъ началахъ ихъ вѣры. Поэтому, у нихъ и теперь то же, что̀ находили у нихъ Герберштейнъ и Поссевинъ въ свое время, именно, что въ отношеніи вѣры они полагаются на вѣру своего царя и патріарха: ибо русскіе не наставляются и не поучаются никакими проповѣдями“ [4])... Невѣжество и грубые нравы цѣлаго общества дѣлаютъ то, что духовенство отличается чрезвычайно безпорядочной жизнью, и въ томъ числѣ не только монахи, но и монахини [5]).

Власть московскаго царя безгранична. Герберштейнъ говоритъ это еще въ началѣ XVI вѣка. „Властью надъ своими московскій князь превосходитъ едва ли не всѣхъ монарховъ цѣлаго міра. Онъ докончилъ то, что̀ началъ его отецъ,—именно, отнялъ у всѣхъ

---

[1]) Стр. 40, 49.
[2]) Олеарій, стр. 305, 309.
[3]) Герберштейнъ, стр. 67.
[4]) Олеарій, стр. 308—309; Майербергъ, стр. 96.
[5]) См. особенно у Майерберга, стр. 41—42, 59—60.

князей и другихъ владѣтелей всѣ ихъ города и укрѣпленія... Почти всѣхъ гнететъ онъ тяжкимъ рабствомъ" (опускаемъ подробности гнета надъ служилыми и придворными людьми)... „Онъ имѣетъ власть какъ надъ свѣтскими, такъ и надъ духовными особами, и свободно, по своему произволу, распоряжается жизнію и имуществомъ всѣхъ. Между совѣтниками, которыхъ онъ имѣетъ, никто не пользуется такимъ значеніемъ, чтобы осмѣлиться въ чемъ-нибудь противорѣчить ему или быть другого мнѣнія. Они открыто признаютъ, что воля князя есть воля Бога, и что̀ князь дѣлаетъ, то дѣлаетъ по волѣ божіей... Оттого самъ князь, когда его умоляютъ о какомъ-нибудь заключенномъ, или въ другомъ важномъ дѣлѣ, обыкновенно отвѣчаетъ: будетъ освобожденъ, когда Богъ велитъ... Неизвѣстно,—заключаетъ Герберштейнъ,—такая ли загрубѣлость народа требуетъ тирана государя, или отъ тираніи князя этотъ народъ сдѣлался такимъ грубымъ и жестокимъ"... Въ другомъ мѣстѣ, Герберштейнъ замѣчаетъ: „этотъ народъ имѣетъ болѣе наклонности къ рабству, чѣмъ къ свободѣ,—ибо весьма многіе, умирая, отпускаютъ на волю нѣсколькихъ рабовъ, которые, однако, тотчасъ же за деньги продаются въ рабство другимъ господамъ" [1]).

Флетчеръ говоритъ объ этомъ весьма категорически: „Способъ правленія у нихъ очень похожъ на турецкій... Форма правленія чисто тиранническая, такъ какъ все клонитъ къ выгодамъ правителя, и притомъ самымъ открытымъ и варварскимъ образомъ"... Онъ указываетъ это въ пріемахъ правленія, въ униженіи высшихъ классовъ и народа, которые не могутъ представить никакого противовѣса власти (какъ авторъ привыкъ видѣть это въ Англіи), и въ крайнемъ отягощеніи налогами. Правда, высшимъ классамъ дана безмѣрная и несправедливая власть надъ низшими классами, которые они лишаютъ свободы и угнетаютъ поборами, но сама знать такимъ же образомъ угнетается властью царя и дѣлается простымъ ея орудіемъ [2]), и пр. Это угнетеніе и грабежъ высшихъ классовъ производитъ то, что „народъ, хотя закаленный въ трудѣ, предается лѣности и пьянству: онъ вырабатываетъ лишь настолько, сколько нужно для пропитанія...; угнетенный и лишаемый своего заработка, онъ теряетъ охоту къ труду" [3]). Виной этого положенія вещей Флетчеръ въ особенности считаетъ Ивана Грознаго.

Недоумѣніе, высказанное Герберштейномъ, чувствовали и послѣдующіе писатели; оно рѣшается, конечно, тѣмъ, что власть, вы-

---

[1]) Стр. 26—28, 76.

[2]) Флетчеръ, гл. VII, стр. 26—29.

[3]) Гл. XIII, стр. 62.

росшая подъ игомъ, среди исторіи, полной насиліями и одичаніемъ народа, потомъ и сама поддерживала его грубые и жестокіе нравы. Олеарій разсуждаетъ объ этомъ ученымъ образомъ: „Что касается образа правленія русскихъ, то оно—монархическое неограниченное (Monarchia dominica et despotica, какъ говорятъ политики), гдѣ государь, именно царь или великій князь, достигая короны по наслѣдству, одинъ управляетъ всею страною, и всѣ подданные его, какъ дворяне и князья, такъ и простой народъ, граждане и крестьяне, суть его холопы и рабы, которыми онъ управляетъ и распоряжается, какъ глава семьи своими слугами. Этотъ образъ правленія весьма сходенъ съ тѣмъ, который Аристотель описываетъ (Polit., l. 3, c. 14), говоря: Est alia species Monarchiae, qualia sunt apud quosdam barbaros regna vim habentia, proximam tyrannidi". Такъ какъ обыкновенное различіе между правленіемъ надлежащимъ или правомѣрнымъ и тираническимъ полагаютъ въ томъ, что въ первомъ имѣется въ виду благо подданныхъ, а во второмъ собственная польза государя, то на этомъ основаніи образъ правленія русскихъ близко подходитъ къ тираническому.

„Большіе господа не считаютъ постыднымъ для себя, употребляя свое имя въ уменьшительномъ видѣ, называть сами себя рабами, равно не стыдятся и того, что съ ними обращаются какъ съ рабами. Въ прежнее время гости или знатные купцы и большіе господа, долженствующіе являться на службу всякій разъ при торжественныхъ пріемахъ въ драгоцѣнныхъ одеждахъ, въ случаѣ неявки безъ уважительныхъ причинъ наказывались такимъ же образомъ, какъ наказываютъ рабовъ, именно, кнутомъ по обнаженной спинѣ; теперь же (при Михаилѣ Ѳедоровичѣ) за такой проступокъ подвергаютъ ихъ на два, либо на три дня темничному заключенію, если только при дворѣ они имѣютъ своихъ покровителей и заступниковъ". Упомянувъ о рабски-покорныхъ выраженіяхъ, какими русскіе говорятъ о царѣ, Олеарій замѣчаетъ: „Къ подобнымъ покорнымъ рѣчамъ пріучилъ русскихъ, главнымъ образомъ, тиранъ Иванъ Васильевичъ своими насиліями; да иначе, сообразуясь съ состояніемъ русскихъ (!), онъ не могъ поступать съ ними и съ ихъ имуществомъ. Для того же, чтобы спокойно держать ихъ въ рабствѣ и страхѣ, онъ приказалъ, чтобъ никто, подъ смертною казнію, не смѣлъ выѣзжать изъ государства и знакомиться съ свободою чуждыхъ земель, а также, чтобы ни одинъ купецъ, для торговли своей, не смѣлъ ѣздить за границу и торговать тамъ безъ особаго царскаго дозволенія" [1]).

---

[1]) Олеарій, стр. 216, 218.

Тоже разсказываетъ и Майербергъ, замѣчая, что „надобно, однакожъ, отдать правдѣ слѣдующее ей. Такъ какъ верховная власть московскихъ государей есть скорѣе власть господъ надъ рабами, нежели отцовъ семейства надъ дѣтьми, то подданные не признають отца въ своемъ царѣ и не оказываются дѣтьми къ нему. Ихъ покорность вынуждена страхомъ, а не сыновнимъ уваженіемъ".— Онъ очень восхваляетъ личный характеръ царя Алексѣя Михайловича, его добродушіе, справедливость, умѣренность. „Чтó особенно странно при его величайшей власти надъ народомъ, пріученнымъ его господами къ полному рабству, онъ никогда не покушался ни на чье состояніе, ни на жизнь, ни на честь. Потому что, хоть иногда и предается гнѣву, какъ и всѣ замѣчательные люди, одаренные живостью чувства, однакожъ никогда не позволяетъ себѣ увлекаться дальше пинковъ и тузовъ" [1]).

Отзывы иноземныхъ наблюдателей о народной нравственности, не исключая и высшихъ классовъ, вообще весьма мало благопріятные. Народъ, живущій подъ страхомъ и лишенный какъ школы, такъ и церковнаго руководства, угнетаемый, описывается какъ отъ природы наклонный къ мятежу (Майерб. 180); въ Московіи чрезвычайно развито разбойничество, укрывателями котораго бываютъ даже сами господа (Олеар. 189); общераспространенный порокъ, доходящій до послѣдняго безобразія, составляетъ пьянство (Герб. 85; Ол. 387; Майерб. 35—37, 45); воеводы грабительствуютъ, правосудіе—продажно, на что снисходительно смотритъ и сама высшая власть (Флетч., гл. XIII; Герб. 84; Майерб. 91—92); въ торговлѣ москвитяне крайне недобросовѣстны (Герб. 90—91, 98; Майерб. 90); положеніе женщины—самое приниженное и жалкое (Герб. 75; Олеар. 204 и д.; Майерб. 82—84), даже царскихъ сестеръ и дочерей, которыхъ не выдаютъ замужъ ни за иновѣрцевъ, потому что питаютъ къ нимъ отвращеніе какъ къ поганымъ, ни за подданнаго, потому что его презираютъ. Въ житейскихъ отношеніяхъ москвитяне чрезвычайно недовѣрчивы другъ къ другу, по привычкѣ къ лицемѣрію лживы, коварны, скрытны; крайне высокомѣрны въ счастіи и принижены въ неудачѣ (Олеар. 172; Майерб. 38); для мщенія часто служитъ доносъ (Олеар. 169), какъ самое дѣйствительное средство погубить врага. Разговоры и споры сопровождаются на каждомъ шагу безобразными бранными словами (Олеар. 175); разгулъ и развратъ принимаютъ самыя отврати-

[1]) Майербергъ, стр. 115—116. Однакоже „тузы" бывали иногда весьма значительные; см. разсказы того же Майерберга о случаяхъ съ боярами Стрѣшневымъ и Милославскимъ, стр. 55, 169.

тельныя формы (Олеар. 178). Извѣстна скрытность, которою покрывали въ Москвѣ всякія политическія дѣла; подозрительность къ чужестраннымъ посламъ, которыхъ держали подъ самымъ настойчивымъ надзоромъ, окружали шпіонствомъ, выманивая отъ нихъ нужныя свѣденія и пр. По разсказу Майерберга, это послѣднее объяснялось крайней скудостью свѣденій объ дѣлахъ иноземныхъ государствъ [1]).

Сдѣлаемъ еще двѣ-три выдержки изъ этихъ писателей.

Герберштейнъ (стр. 98): „Москвичи считаются хитрѣе и лживѣе всѣхъ остальныхъ русскихъ, и въ особенности на нихъ нельзя положиться въ исполненіи контрактовъ. Они сами знаютъ объ этомъ, и когда имъ случится имѣть дѣло съ иностранцами, то для внушенія бóльшей къ себѣ довѣренности они называютъ себя не москвичами, а пріѣзжими". Едва ли сомнительно, что черта взята прямо изъ жизни.

Флетчеръ (гл. XXVIII, стр. 150—152): „Что касается ихъ нравовъ (behaviour) и ихъ качествъ, они отличаются разумными способностями, еслибы только у нихъ были тѣ средства, какъ у нѣкоторыхъ другихъ націй, воспитать свой умъ доброй пищей и знаніемъ. Они могли бы заимствовать это у поляковъ и другихъ своихъ сосѣдей, но они отказываются отъ этого по своей гордости, считая свои обычаи самыми наилучшими. Но отчасти они не дѣлаютъ этого и потому, что ихъ способъ воспитанія (лишенный всякаго хорошаго обученія и цивилизованныхъ обычаевъ) считается ихъ правителями за наиболѣе удобный для этого государства и ихъ формы правленія. Народъ съ трудомъ переносилъ бы такое положеніе вещей, еслибы былъ когда-нибудь образованъ и сталъ лучше понимать Бога и здравую политику.

---

[1]) „При переговорахъ москвитяне оказываются самыми непостоянными. Особливо потому, что величайшая важность доказательствъ зависитъ у нихъ только отъ извѣстій, напечатанныхъ въ прусскихъ и голландскихъ „еженедѣльныхъ Меркуріяхъ" (a Mercuriis heldomadariis), т.-е. газетахъ, заносимыхъ въ Москву, да еще въ перевранномъ видѣ, иноземными купцами; они слушаютъ ихъ точно отвѣты съ треножника Дельфійскаго оракула. Либо думаютъ добиться такихъ извѣстій у военноплѣнныхъ маркитантовъ, обозныхъ, пѣхотныхъ солдатъ, когда эти бѣдняки, взятые къ допросу, хоть и не знаютъ, не вѣдаютъ никакихъ тайнъ на своего короля и полководцевъ, но въ избѣжаніе пытки врутъ все, чтò только взбредетъ имъ въ голову пригоднѣе, для укрощенія пріятной лестью своихъ палачей. Все это дѣлаетъ для иноземныхъ пословъ исправленіе возложенныхъ на нихъ дѣлъ до того тягостнымъ, а успѣхъ ихъ до того сомнительнымъ, что они нерѣдко раскаяваются, что взяли на себя такую должность". Майерб., стр. 73. Онъ разсказываетъ, какъ однажды слова доктора съ больнымъ Гонсѣвскимъ о кремортартарѣ были приняты за разговоръ о крымскихъ татарахъ; - докторъ тотчасъ былъ удаленъ отъ Гонсѣвскаго и не былъ допущенъ также и къ заболѣвшему тогда имперскому послу (стр. 88—89).

Вслѣдствіе того, государи удаляютъ всѣ способы воспитать его, и очень заботятся, чтобъ недопустить ничего иноземнаго, чтѝ могло бы измѣнить ихъ обычаи. Это можно было бы менѣе осуждать, еслибы это не портило самый характеръ народа. Потому что, испытывая весьма суровое и жестокое обращеніе отъ своихъ высшихъ чиновниковъ и другихъ начальствъ, они также жестоки другъ противъ друга, особенно къ низшимъ и подчиненнымъ. Такъ что самый низкій и жалкій „крестьянинъ", ползающій какъ собака передъ дворяниномъ и лижущій прахъ его ногъ, становится невыносимымъ тираномъ, когда получаетъ власть. Такимъ образомъ вся страна наполнена грабежомъ и убійствами. Человѣческая жизнь не цѣнится ни во что... Число бродягъ и нищихъ безконечно... Можно судить, какъ относятся къ иноземцамъ эти люди, такъ противуестественно жестокіе къ своимъ. И, однако, можно сомнѣваться, чего больше въ этой странѣ—жестокости или испорченности нравовъ... Что касается до вѣрности слову, большая часть русскихъ даетъ ему мало значенія, если можетъ получить выгоду отъ своей лжи и нарушенія обѣщанія. И можно сказать по-истинѣ (какъ прекрасно знаютъ всѣ, кто имѣлъ съ ними торговыя дѣла), что отъ великаго до малаго (за немногими исключеніями, которыя нелегко найти) русскій не вѣритъ ничему, чтѝ ему говорятъ, и не говоритъ ничего, чему можно было бы вѣрить"...

Майербергъ (стр. 72) приходитъ къ тому же выводу изъ своихъ сношеній съ московскими дѣловыми людьми: „Москвитяне еще съ пеленокъ начинаютъ приносить жертвы Меркурію (богу лжи) и судя по тому, какъ они исполняютъ это, надобно думать, что они угодили ему (т.-е. имѣютъ его полное одобреніе и помощь)... Выросши, они отстаиваютъ свое лганье прибавкою новыхъ лжей, съ такимъ наглымъ безстыдствомъ, что хотя знаешь навѣрное, что они солгали, однако все еще какъ-то сомнѣваешься въ душѣ насчетъ своего мнѣнія. Потому что, если когда и уличатъ ихъ неотразимыми доводами въ неправдѣ, они не покраснѣютъ и не придутъ въ стыдъ, а еще усмѣхаются, точно застали ихъ на какомъ добромъ дѣлѣ". Это—предки героевъ Островскаго, изъ XVII столѣтія.

Олеарій (стр. 177—179): „Большой вѣжливости и достохвальныхъ нравовъ у русскихъ нечего и искать: достоинства эти имъ совершенно чужды". (Дальше читатель можетъ обратиться къ подлиннику)...

„Не будучи знакомы съ достохвальными знаніями, не заботясь много о достопамятныхъ дѣлахъ и событіяхъ отцовъ и предковъ своихъ, не имѣя желанія ознакомиться и съ чужеземными

народами и ихъ свойствами, русскіе весьма естественно въ своихъ собраніяхъ никогда не заводятъ и рѣчи о подобныхъ вещахъ... Я не говорю, впрочемъ, здѣсь о собраніяхъ самыхъ знатныхъ бояръ. Большая часть ихъ разговоровъ сосредоточена на томъ, къ чему даетъ поводъ ихъ природа и обычный ихъ образъ жизни, а именно: говорятъ о сладострастіи, постыдныхъ порокахъ, развратѣ и любодѣяніи ихъ самихъ, или другихъ лицъ; разсказываютъ всякаго рода срамныя сказки, и тотъ, кто наиболѣе сквернословитъ и отпускаетъ самыя неприличныя шутки, сопровождая ихъ непристойными тѣлодвиженіями, тотъ и считается у нихъ лучшимъ и пріятнѣйшимъ въ обществѣ"... (Далѣе читатель можетъ опять обратиться къ подлиннику). „И такія-то постыдныя дѣйствія ихъ доставляютъ матеріалъ для разговоровъ ихъ на ихъ пирушкахъ, такъ какъ обличенные въ такихъ порокахъ строго не наказываются. Подобныя срамныя дѣла уличные скрипачи воспѣваютъ всенародно на улицахъ, другіе же комедіянты показываютъ ихъ въ своихъ кукольныхъ представленіяхъ за деньги простонародной молодежи и даже дѣтямъ... „Omnem pudorem ac verecundiam exuerunt" (они потеряли всякій стыдъ и скромность), говоритъ неоднократно датскій дворянинъ Якобъ" [1]).

Приведенныя цитаты можно было бы умножить сотнями однородныхъ свидѣтельствъ другихъ иностранныхъ писателей XV—XVII вѣка, и подтвердить показаніями русскихъ источниковъ, какъ оффиціальныя грамоты и указы, какъ церковныя постановленія и поученія, какъ историческіе разсказы, наконецъ, какъ произведенія литературныя и народно-поэтическія. Какъ мы замѣчали выше, эти свидѣтельства, рисующія вообще картину мало привлекательную, не слѣдуетъ принимать за отрицательный приговоръ о самой народности (какъ нерѣдко отзывы иностранцевъ приписывали ихъ ненависти къ самой народности). Напротивъ, самые строгіе иноземные судьи отдавали справедливость лучшимъ качествамъ русскаго народа: Герберштейнъ съ почтеніемъ говоритъ, напримѣръ, о русскихъ подвижникахъ, вносившихъ христіанство въ полудикія сѣверныя страны; суровый Флетчеръ признаетъ добрыя качества и умъ русскаго народа, и негодуетъ лишь на угнетеніе, которое не даетъ развиться лучшимъ нравамъ; Олеарій удивляется ловкой изворотливости русскихъ торговцевъ, съ большими похвалами говоритъ о переимчивости и искусствѣ русскихъ ремесленниковъ и даже, не совсѣмъ благовидно, предостерегаетъ объ этомъ нѣмецкихъ мастеровъ, расхваливаетъ „добрыя головы"

---

[1]) Датскій посланникъ Якобъ Ульфельдъ, авторъ книги: Hodoeporicon Ruthenicum, Francof., 1608, на котораго неоднажды ссылается Олеарій.

въ числѣ людей, которыхъ самъ лично зналъ—напримѣръ, особенно дьяка Алмаза Иванова и другихъ (стр. 164, 199, 310—311); подобные отзывы дѣлаетъ и Майербергъ, и проч. Но, при всемъ критическомъ ограниченіи указанныхъ свидѣтельствъ, остается несомнѣнно, что мы имѣемъ передъ собою весьма низкую культуру, которая имѣла, конечно, свое историческое объясненіе, но которая была недостойна великаго историческаго народа и должна была окончиться, чтобы дать мѣсто лучшимъ условіямъ національнаго существованія,—хотя слѣды ея даютъ себя чувствовать и до сихъ поръ, и не только въ народной массѣ. Народъ былъ лишенъ знаній; невѣжество извращало его религіозныя, нравственныя, бытовыя понятія; историческое прошлое создало ему гражданское рабство. Его высшія умственныя и нравственныя силы не находили примѣненія, пропадали для его совершенствованія... Что было виновато въ этомъ низменномъ состояніи культуры? Иностранные писатели задавали себѣ вопросъ, сдѣлало ли правленіе этотъ народъ такимъ, какимъ они его видѣли, или самый народъ своими свойствами требовалъ такого правленія; но прошедшее указывало, что были нѣкогда начатки, отъ которыхъ можно было ждать иныхъ результатовъ; послѣдующее время показало примѣры высокаго развитія умственныхъ силъ — въ замѣчательныхъ успѣхахъ позднѣйшей литературы (хотя бы они туго проникали въ народную массу): едва ли сомнительно, что въ московскомъ періодѣ русской исторической жизни мы видимъ дѣйствіе особыхъ вмѣшавшихся условій, и что неблагопріятный поворотъ совпадаетъ съ временами татарскаго ига. Этотъ низменный уровень былъ результатомъ его отрицательнаго вліянія: варварское владычество „вольнаго царя“ (какъ до поздняго времени назывались татарскіе ханы) подавило старые начатки культуры; вопросъ національнаго самосохраненія выдвинулъ политику московскихъ князей, изъ которой въ періодъ народнаго рабства и униженія создалась московская централизація, дѣйствовавшая грубыми средствами эпохи, часто самими татарскими силами и пріемами; когда иго было свергнуто, народъ сжился съ новой властью—не думалъ о старой вѣчевой свободѣ, давно разрушенной, и перенесъ на московскихъ князей все чувство своего національнаго удовлетворенія. Въ заботахъ о самозащитѣ, некогда было думать о просвѣщеніи, а потомъ и забыли о немъ: ни церковь, ни княжеская власть до конца XVII-го вѣка даже не ставили этого вопроса, — и это была ихъ историческая вина. Умственный горизонтъ стѣснялся до послѣдней степени: не зная хорошенько своей собственной исторіи, не имѣя понятія о жизни другихъ народовъ, лишенные возможности сравненія, люди при-

ходили къ чисто китайскому убѣжденію въ собственномъ превосходствѣ надъ всѣми другими народами [1]), а церковная исключительность, воспитанная тѣмъ же узкимъ горизонтомъ понятій, приводила къ убѣжденію и о „поганствѣ" этихъ народовъ. Источники просвѣщенія были этимъ самымъ закрыты на цѣлые вѣка. Иностранцы были увѣрены, что московская власть съ грубымъ разсчетомъ не выпускала русскихъ за границу, чтобы они не узнали лучшихъ порядковъ; но, какъ мы замѣчали, и сама власть дѣлила общее убѣжденіе о своемъ превосходствѣ и поганствѣ другихъ народовъ и въ запрещеніи сношеній могла быть искренняя, хотя не очень разумная забота о душевномъ спасеніи подданныхъ. Преклоненіе передъ властью переходило въ настоящій фетишизмъ; часто оно было совершенно искренно, нерѣдко происходило только изъ страха, но нерѣдко было простымъ лицемѣріемъ, которое легко шло на обманъ этой власти. Тѣ же иноземные писатели замѣчали, конечно, справедливо, что могущественный царь не зналъ истиннаго положенія своей страны, обманываемый дѣльцами. Положеніе народа—среди такого самомнѣнія общества—было, однако, весьма печальное: погруженный въ невѣжество, онъ не пользовался своими умственными силами; религіозное чувство его превращалось въ суевѣріе и суесвятство; вѣра отождествлялась съ внѣшней обрядностью; угнетенный и лишенный защиты въ законѣ и въ управленіи, оставленный безъ призора церкви и школы, народъ грубѣлъ до настоящаго одичанія... И, однако, это былъ народъ съ огромными силами, которыми создано было обширное государство и далекая, самимъ народомъ исполненная колонизація; народъ даровитый, что̀ признавали строгіе иноземные судьи, осуждавшіе его политическое рабство и внутренній упадокъ; народъ, создавшій прекрасныя произведенія поэтическія—видимо, ему недоставало средствъ образованія и культуры, чтобы его внутреннія силы нашли себѣ болѣе нормальное и человѣчное примѣненіе для его собственнаго блага и достоинства.

А. Пыпинъ.

---

[1]) „Не было тайною для насъ,—пишетъ Майербергъ (стр. 33),—что по царскому запрещенію никому изъ москвитянъ нельзя занести ногу за предѣлы отечества, ни дома заниматься науками; оттого, не имѣя никакихъ свѣденій о другихъ народахъ и странахъ міра, они предпочитаютъ свое отечество всѣмъ странамъ на свѣтѣ, ставятъ самихъ себя выше всѣхъ народовъ, а силѣ и величію своего царя, по предосудительному мнѣнію, даютъ первенство предъ могуществомъ и значеніемъ какихъ бы то ни было королей и императоровъ".

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

В. М. Ж—ВУ.

О, другъ ты мой, какъ сердца струны
Всѣ задрожали, всѣ звучатъ!..
И лѣтъ минувшихъ призракъ юный,
Манящій издали назадъ;
И призракъ старости жестокой,
Впередъ торопящій меня,
Туда, къ той грани недалекой,
Гдѣ нѣтъ ужъ завтрашняго дня;
И тѣхъ судьба, кто сердцу милы,
Кому чередъ пожить теперь;
И молчаливыя могилы —
Моихъ владѣтели потерь...
Какъ бы смычкомъ, порой такъ больно,
Вся жизнь по сердцу поведетъ, —
И сердце бѣдное невольно
Подъ нимъ и плачетъ, и поетъ.

Декабрь, 1883.

II.

НА ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ.

Сутки въ дорогѣ. Меня укачало...
Видовъ обрывки съ обѣихъ сторонъ,
Мыслей толпа безъ конца и начала,
Странныя грезы—ни бдѣнье, ни сонъ...

Трудно мнѣ вымолвить слово сосѣду;
Лѣнь и томленье дорожной тоски...
Сутки другія все ѣду, все ѣду...
Грохотъ вагона, звонки да свистки...

Мыслей ужъ нѣтъ. Одуренный движеньемъ,
Только смотрю да дивлюсь, какъ летятъ
Съ каждаго мѣста и съ каждымъ мгновеньемъ
Время впередъ, а пространство назадъ.

1884.

III.

НОЧЬЮ.

Тамъ, гдѣ городъ, вдали засвѣтились огни,
Словно зорко глядящія очи;
Но окрестность темна, и лишь явнѣй они
Говорятъ о присутствіи ночи...

О, вы, мрака враги! О, благіе умы!
Вѣчно бдите вы, ярко сверкая;
И виднѣй вы во тьмѣ,—но изъ умственной тьмы
Не выходитъ громада людская.

1884.

IV.

НА РОДИНѢ.

Опять пустынно и убого;
Опять родимыя мѣста...
Большая, пыльная дорога
И полосатая верста;

И нивы вплоть до небосклона,
Вокругъ селеній, гдѣ живетъ
Все такъ же, какъ во время оно,
Подъ страхомъ голода народъ;
И всѣ поющіе на волѣ,
Жильцы лѣсовъ родной земли —
Кукушки, иволги; а въ полѣ —
Перепела, коростели;

И трели, что въ небесномъ сводѣ
На землю жаворонки льютъ...
Повсюду гимнъ звучитъ природѣ,
И лишь ночныхъ своихъ мелодій
Ей соловьи ужъ не поютъ.

Я опоздалъ къ порѣ весенней,
Къ мольбамъ любовнымъ соловья,
Когда онъ, въ хорѣ пѣснопѣній,
Поетъ звучнѣй и вдохновеннѣй,
Чѣмъ вся пернатая семья...

О, этотъ видъ! О, эти звуки!
О, край родной, какъ ты мнѣ милъ!
Отъ долговременной разлуки
Какія радости и муки
Въ моей душѣ ты пробудилъ!..

Твоя природа такъ прелестна;
Она такъ скромно-хороша!
Но намъ, сынамъ твоимъ, извѣстно,
Какъ на твоемъ просторѣ тѣсно
И въ узахъ мучится душа.

О, край ты мой! Что-жъ это значитъ,
Что никакой другой народъ
Такъ не тоскуетъ и не плачетъ,
Такъ дара жизни не клянетъ?

Шумятъ лѣса свободнымъ шумомъ,
Играютъ птицы... О, зачѣмъ
Лишь воли нѣтъ народнымъ думамъ
И человѣкъ угрюмъ и нѣмъ?

Понятны мнѣ его недуги
И страсть—всѣ радости свои,
На утомительномъ досугѣ,
Искать въ бреду и въ забытьи.

Онъ дорожитъ своей находкой,
И лишь начнетъ сосать тоска,
Ужъ потянулась къ штофу съ водкой
Его дрожащая рука.

За преступленья, за пороки
Его винить я не хочу.
Чуть озаритъ онъ мракъ глубокій,
Какъ, буйнымъ вихремъ, рокъ жестокій
Задуетъ разума свѣчу...

Но тѣ мнѣ, Русь, противны люди,
Тѣ изъ твоихъ отборныхъ чадъ,
Что, колотя въ пустыя груди,
Все о любви къ тебѣ кричатъ.

Противно въ нихъ соединенье
Гордыни съ низостью въ борьбѣ
И къ русскимъ гражданамъ презрѣнья
Съ подобострастіемъ къ тебѣ.

Противны затхлость ихъ понятій,
Шумиха фразы на лету,
И видъ ихъ пламенныхъ объятій,
Всегда простертыхъ въ пустоту.

И отвращенія, и злобы
Исполненъ къ нимъ я съ давнихъ лѣтъ.
Они—„повапленные“ гробы...
Лишь настоящее прошло бы,
А тамъ... имъ будущаго нѣтъ.

Алексѣй Жемчужниковъ.

1884.

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКІЙ РОМАНЪ
ВЪ
ЕГО ГЛАВНЫХЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЯХЪ*).

I.

КРЕСТОВСКІЙ (псевдонимъ).

III. Новыя времена, новыя и прежнія пѣсни.

1860-ый годъ можетъ быть названъ поворотнымъ пунктомъ въ дѣятельности Крестовскаго — не въ томъ смыслѣ, чтобы она круто перешла съ одной дороги на другую, отъ одной манеры къ другой, а въ томъ, что къ прежнимъ ея задачамъ, къ преж-

*) Наша первая статья о Крестовскомъ (см. выше, январь, стр. 330) находилась уже въ печати, когда съ выходомъ въ свѣтъ сборника: „На память" закончилось новое, полное изданіе сочиненій этого автора. Оно заключаетъ въ себѣ девятнадцать томовъ, изъ которыхъ въ одиннадцати напечатаны десять большихъ романовъ, а въ остальныхъ восьми—произведенія болѣе мелкія по объему. Группировка послѣднихъ кажется намъ не совсѣмъ удачной. Такъ, напримѣръ, въ третьемъ томѣ „Повѣстей" помѣщены два разсказа („Искушеніе" и „Учительница"), отдѣленные другъ отъ друга цѣлыми тридцатью годами, имѣющіе очень мало общаго между собою; въ первомъ томѣ „Очерковъ и отрывковъ" стоятъ почти рядомъ „Вѣра" и „Старое горе", между появленіемъ которыхъ прошло около двадцати лѣтъ; разсказъ: „Анна Михайловна", самымъ тѣснымъ образомъ связанный съ „Провинціей въ старые годы" (подъ этимъ общимъ заглавіемъ соединены три романа, написанные въ пятидесятыхъ годахъ), вошелъ въ составъ сборника: „На память", вмѣстѣ съ самыми послѣдними, по времени, очерками автора. Не лучше ли было бы въ слѣдующемъ изданіи — надѣемся, что оно скоро сдѣлается необходимымъ — принять строго хронологическій порядокъ, съ отдѣленіемъ развѣ романовъ отъ всего остального?

нимъ пріемамъ присоединились новые. Дарованію автора, достигшему полной зрѣлости, становится тѣсно въ привычной сферѣ; оно раздвигаетъ ея границы, идетъ дальше въ ширь и глубь, увеличиваетъ число красокъ на своей палитрѣ. „Встрѣча“ и „Въ ожиданіи лучшаго“ помѣчены однимъ и тѣмъ же годомъ,—а при бѣгломъ сравненіи ихъ можетъ показаться, что они написаны не одною и тою же рукою. „Встрѣча“ связана тѣсною внутреннею связью съ предшествовавшими ей романами—„Послѣднимъ дѣйствіемъ комедіи“, „Баритономъ“; сильныя стороны послѣднихъ здѣсь еще сильнѣе, слабыя стороны меньше бросаются въ глаза, но все-таки замѣтны. Тарнѣевъ—это Нестоевъ, только очерченный рельефнѣе и тверже, менѣе замкнутый въ свою личную, сердечную жизнь; Ахтаровская — это Майцева, закаленная несчастьемъ, возвышенная и вмѣстѣ съ тѣмъ подавленная борьбою. Другой названный нами романъ—„Въ ожиданіи лучшаго“—первый шагъ въ иномъ направленіи, не противоположномъ прежнему, но существенно отъ него отличномъ. Къ „Встрѣчѣ“ примыкаютъ—изъ числа произведеній, относящихся къ шестидесятымъ годамъ—„Пансіонерка“ (1860), „Стоячая вода“ (1861), „За стѣною“ (1862), „Старый портретъ, новый оригиналъ“ (1864), „Два памятные дня“ (1866); къ тому же роду, какъ и „Въ ожиданіи лучшаго“, принадлежатъ „Домашнее дѣло“ (1863), „Недавнее“ (1864), „Первая борьба“ (1868). Посмотримъ, въ чемъ заключаются характеристическія особенности той и другой группы.

„Встрѣча“, какъ и всѣ остальные очерки и разсказы той же категоріи это—продолженіе лѣтописи „униженныхъ и оскорбленныхъ“, начатой въ самыхъ раннихъ трудахъ Крестовскаго. Рамки ея—отчасти прежнія, отчасти новыя; дѣйствіе происходитъ то въ провинціи, то въ Петербургѣ, но средоточіемъ, основной нотой произведенія вездѣ остается забитая или разбитая жизнь. Ахтаровская, Веретицынъ, Анночка, старушка Мосткова, Анна Владиміровна Тенцова—это все портреты изъ той галлереи, въ которой мы видѣли Нину, Клавдиньку, Ивановскаго, Озерина, Марью Андревну. Каждая фигура имѣетъ свои опредѣленныя особенности, повтореній нѣтъ нигдѣ, но общность главнаго мотива обусловливаетъ собою нѣкоторую общность колорита. Полу-свѣтъ преобладаетъ надъ яркимъ освѣщеніемъ, языкъ не отличается образностью, разсказъ часто прерывается разсужденіями. Въ настроеніи автора, какъ и въ впечатлѣніи, испытываемомъ читателями, преобладаетъ глубокая, тихая грусть, иногда граничащая съ безнадежностью. Нигдѣ, можетъ быть, это настроеніе не вы-

разилось такъ полно, какъ въ превосходныхъ, истинно-поэтическихъ страницахъ разсказа „Старый портретъ, новый оригиналъ“, посвященныхъ портрету матери Рембрандта. Разсказчикъ видитъ этотъ портретъ въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ, видитъ его на новомъ мѣстѣ (въ другой залѣ петербургскаго эрмитажа)—и какъ бы другими глазами. „Мнѣ показалось, что ей было лучше прежде, высоко, на широкой стѣнѣ, почти въ полусвѣтѣ, среди мрачныхъ картинъ сына. Она была тамъ настоящей хозяйкой; теперь она одна, кругомъ чужіе... Сколько разъ прежде видалъ я старушку и всегда уносилъ отъ нея только одно впечатлѣніе материнской ласки, богомольной, заботливой... Теперь я подумалъ не о себѣ, а о ней. Въ ея лицѣ я уже ничего не искалъ для себя; мнѣ вздумалось догадаться, каково ей самой?... Ей ниспослано долголѣтіе; у нея сынъ, гордость ея старости; онъ ее питаетъ и одѣваетъ, призрѣлъ и успокоилъ... Но отчего же такая глубокая печаль во всемъ склонѣ ея головы, въ ея сложенныхъ рукахъ, и въ этомъ неподвижномъ взглядѣ, и въ улыбкѣ какъ будто привычной? Сынъ... онъ глава дома, онъ любитъ порядокъ; онъ, вѣроятно, спрашиваетъ во всемъ отчета. По закону, онъ питаетъ и призираетъ эту мать - ключницу, но кто знаетъ, какъ ей доставался ея черный капюшонъ и кусокъ хлѣба? Можетъ быть, покорная, считая свои года и свои немощи, она прославляла имя Господне и за свои страданія... Какъ, однако, списывая ея лицо, великій художникъ не подумалъ, какое обвиненіе на себя онъ пишетъ? Или онъ не доглядѣлъ этого выраженія, какъ равнодушный, или привыкъ къ нему, какъ господинъ? Или, какъ всѣ мы грѣшные, обыкновенные люди, дешевые эгоисты, онъ считалъ это существованіе за нѣчто оконченное и довольное, безъ желаній, безъ привязанностей, безъ воспоминаній? Вѣроятно, такъ. Стара, жила, отжила, умъ прожитъ, чувство тоже. Ее поятъ и кормятъ, чего-жъ ей больше?.. Живущимъ и веселымъ всего покойнѣе вѣрить ея спокойствію“... Такими ли были Рембрандтъ и его мать, какими изобразила ихъ здѣсь фантазія художника — мы рѣшить не беремся, да не въ этомъ и заключается для насъ значеніе и интересъ приведеннаго нами отрывка. Онъ характеристиченъ для самой писательницы: онъ показываетъ намъ наглядно, какіе образы, какія стороны жизни всего сильнѣе привлекаютъ къ себѣ ея мысль и ея чувство. Смутный, неясный намекъ схватывается ею, какъ громко звучащая нота; толчокъ, едва ощутимый для обыкновенныхъ нервовъ, отзывается въ ней жгучею болью. Ея глазъ видитъ незамѣтныя для другихъ слезы, ея ухо слышитъ даже невысказывае-

мыя жалобы. „Не знаю, какъ у кого,—читаемъ мы въ томъ же разсказѣ,—а у меня, особенно въ невеселую минуту, животное вызываетъ жалость; это что-то зависимое, беззащитное, кормящееся бѣдно крохами, которыя бросаетъ человѣкъ, или накормленное, но тогда ужъ и работающее свыше силъ, заброшенное, когда выбилось изъ силы, безгласное до смерти“. За животными здѣсь виднѣется человѣкъ; состраданіе къ первымъ—не что иное какъ отголосокъ жалости, внушаемой послѣднимъ.

Сожалѣніе и негодованіе часто составляютъ какъ бы двѣ стороны одной и той же медали; для того, кто изучаетъ явленія общественной жизни—изучаетъ ихъ не какъ спокойный наблюдатель, а какъ воспріимчивый ихъ участникъ—переходъ отъ одного изъ этихъ чувствъ къ другому почти неизбѣженъ. У Крестовскаго они постоянно сливались между собою, но преобладающая роль долго принадлежала сожалѣнію; съ силою страсти негодованіе вспыхиваетъ только въ тѣхъ произведеніяхъ нашего автора, первообразомъ которыхъ служитъ „Въ ожиданіи лучшаго“. На первый планъ, сообразно съ этимъ, выступаютъ черты, прежде не выдававшіяся наружу. Нѣкоторая расплывчатость формы уступаетъ мѣсто сжатости, очертанія фигуръ становятся опредѣленнѣе и рѣзче, краски—ярче, языкъ—тверже и смѣлѣе; отступленій встрѣчается немного, дѣйствіе подвигается впередъ рѣшительно и быстро. Оставаясь идеалистомъ по своимъ стремленіямъ, Крестовскій является здѣсь реалистомъ въ способѣ изображенія дѣйствительности. Сцены Полины съ матерью („Въ ожиданіи лучшаго“), Алексѣя Васильича съ женой и дѣтьми („Домашнее дѣло“), Надежды Сергѣевны съ Скворещенскимъ („Недавнее“) могутъ быть поставлены, по безпощадной правдѣ, рядомъ съ лучшими страницами французскаго нео-реалистическаго романа. Въ сравненіи съ Зола, съ Гонкуромъ у Крестовскаго есть одно большое преимущество: наша писательница нигдѣ и никогда не переступаетъ той черты, за которую такъ часто переходятъ новѣйшіе „натуралисты“. Она не боится касаться самыхъ невзрачныхъ сторонъ житейской прозы, но не останавливается на нихъ слишкомъ долго, не рисуетъ ихъ con amore, съ ненужной подробностью и обстоятельностью. Еслибы была еще надобность доказывать, что нашей беллетристикѣ незачѣмъ поступать въ ученье къ французской, что нашъ литературный реализмъ и старше годами, и ближе—въ лучшихъ проявленіяхъ своихъ—къ художественной истинѣ, чѣмъ экспериментализмъ Зола и золаистовъ, то доказательствомъ всему этому могли бы служить, между прочимъ, названные нами романы и разсказы Крестовскаго. Сколько картинъ во вкусѣ „Pot-Bouille“

можно было бы нарисовать, напримѣръ, по поводу сближенія Полины съ княземъ Иваномъ! Въ романѣ Крестовскаго это сближеніе совершается за кулисами, но всѣ типическія его черты выясняются для насъ вполнѣ разговоромъ „счастливыхъ любовниковъ“ и цинически-откровенными отвѣтами Полины на запоздалые упреки Анны Өедоровны. Семья Десятовыхъ, со всею окружающею ее средой, производитъ впечатлѣніе ничуть не менѣе цѣльное, чѣмъ семья Аристида Саккара—но оно достигается безъ той непомѣрной траты пряностей, которая составляетъ, въ нашихъ глазахъ, слабую сторону „Curée“.

Неужели, однако, сожалѣніе и негодованіе — единственные мотивы творчества Крестовскаго на рубежѣ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ? Русское общество переживало именно тогда эпоху розовыхъ надеждъ и большихъ ожиданій, отразившихся въ беллетристикѣ попытками созданія положительныхъ типовъ, людей дѣла и вѣры въ свое дѣло. Таковъ, по мысли автора, Штольцъ въ „Обломовѣ“, таковъ тургеневскій Инсаровъ. „Обломовщина“ отходитъ, повидимому, въ прошедшее, настаетъ канунъ новой, лучшей жизни; даже Салтыкову кажется, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, что „прошлымъ временамъ“ пришелъ чередъ лечь въ могилу. Замѣтно ли у Крестовскаго это теченіе общественной мысли? Пора увлеченій, свѣтлой мечты несомнѣнно существовала для Крестовскаго—иначе не могла бы быть такъ сильна горечь разочарованія, наложившаго свою неизгладимую печать на всю послѣдующую дѣятельность писательницы; но увлеченіе было, повидимому, весьма коротко, разочарованіе наступило чрезвычайно скоро. Въ разсказѣ: „Старый портретъ, новый оригиналъ“, написанномъ въ февралѣ 1864 г., мы встрѣчаемъ уже воспоминанія о расцвѣтѣ русской общественной жизни, какъ о чемъ-то вполнѣ и давно минувшемъ. „Мнѣ бывало досадно, — говоритъ разсказчикъ, оглядываясь на свое прошедшее,—если подлѣ меня кто-нибудь въ чемъ-нибудь сомнѣвался. Я хотѣлъ, чтобы всѣ, какъ я, съ увлеченіемъ вѣровали, что все ведетъ къ благу, что мы къ нему на самой прямой, на самой лучшей дорогѣ, что работы у насъ много, что всѣ къ ней призваны, что она цѣнится и спорится... Дѣло! Въ какихъ видахъ оно не мерещилось, какъ оно не заманивало! Ребята любятъ вертѣть стеклышко на солнечномъ лучѣ, чтобы на стѣнѣ бѣгалъ зайчикъ. Какихъ зайчиковъ не устраиваешь себѣ, мечтая, придумывая, повертывая во всѣ стороны свое значеніе, особенно когда солнышко весеннее, молодое, мечтать досугъ, а жизнь гладитъ по головкѣ!“ Много ли найдется такихъ зайчиковъ въ произведеніяхъ Крестовскаго,

написанныхъ въ періодъ наиболѣе яркаго сіянія „весенняго солнца"? Весьма немного. Тяжелое, мрачное настроеніе, преобладающее въ „Старомъ горѣ" (1858), въ „Недописанной тетради" (1859), переходитъ цѣликомъ и въ „Встрѣчу" (1860); въ „Пансіонеркѣ" и „Въ ожиданіи лучшаго", также относящихся къ 1860-му году, оно нѣсколько ослабѣваетъ, но все-таки не уступаетъ мѣста радостному, бодрому чувству. Ожесточеніе, съ которымъ Неряцкій („Въ ожиданіи лучшаго") говоритъ о Десятовыхъ и Теженецкихъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ не вѣритъ въ близкое ихъ паденіе; „тяжелыя думы", посѣщающія по временамъ княгиню Десятову, не мѣшаютъ ей оставаться непоколебимой на ея „этаблисманѣ". „Мы—рабы дѣла, которое взяли себѣ на плечи,—говоритъ Веретицынъ въ концѣ „Пансіонерки", — многіе, пожалуй, любя, но большая часть только увѣряя себя, что любятъ, и только избранные говорятъ откровенно, что дѣло—тотъ же пріемъ опіума и средство тянуть жизнь все для дѣла же". Правда, Веретицыну возражаетъ Леленька, вѣрующая въ силу знанія и работы,—но возраженія ея слишкомъ холодны, чтобы быть убѣдительными, и послѣднія ноты „Пансіонерки" звучатъ далеко не весело. Дальше опять идетъ тьма безъ просвѣта—опять идутъ картины семейнаго деспотизма, свѣтскаго бездушія, нравственной порчи, достигающей своего апогея въ ужасающемъ героѣ „Первой борьбы".

Чѣмъ же объяснить устойчивость настроенія, продолжающагося почти безъ перерыва, не смотря на крупную перемѣну въ обстановкѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно найти въ самыхъ произведеніяхъ Крестовскаго. Есть одна тэма, къ которой авторъ возвращается много разъ, и, очевидно, возвращается не случайно. Эта тэма—горечь и вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжность воспоминаній. Уже герой „Стараго горя" называетъ забвеніе „невозможнымъ даромъ, котораго Манфредъ напрасно просилъ у духа". „Мнѣ бы хотѣлось знать хотя одного человѣка,—читаемъ мы въ „Недописанной тетради",—„для котораго бы слово воспоминаніе означало что-нибудь вполнѣ пріятное... Давно какъ-то читалъ я разсказъ Диккенса, гдѣ память восхвалялась и выставлялась первымъ благомъ, укрѣпляющимъ, поддерживающимъ и даже возстановляющимъ человѣка... Даже въ молодости мнѣ показалось это натянутымъ, неестественнымъ. Теперь у меня великій досугъ вспоминать; но воспоминаніе доставляетъ мнѣ такое удовольствіе, что я не только не вызываю этого благодѣтельнаго чувства, а былъ бы очень радъ, чтобы оно само ко мнѣ не навязывалось... Многіе, проповѣдующіе благо памяти, должны бы, напротивъ, желать, чтобы ея вовсе не оставалось у дѣтей"... „Ухо-

дить счастье,—говоритъ разсказчикъ въ „Старомъ портретѣ, новомъ оригиналѣ“, — переживается горе, но не забывается. Прошлая радость вѣчно мила, прошлая боль не заживаетъ... Наше милое умерло. Но вѣдь оно могло бы жить? Мы были не только счастливы, мы были правы въ нашемъ счастьѣ. Оно отнято. За что? Зачѣмъ?.. Что-жъ, такъ и успокоиться? Вслѣдствіе закона покорности—сжать свое сердце, вслѣдствіе закона свѣтскихъ приличій—молчать? Изъ необходимости—какъ голодный, который обшариваетъ по угламъ, нѣтъ ли гдѣ корки хлѣба—шарить и искать, нѣтъ ли еще какого-нибудь счастьица, и взять это счастьице, дрожать надъ нимъ, покуда и его отнимутъ, и опять покоряясь, опять молча, дожить до сѣдыхъ волосъ, когда ужъ и память станетъ не памятью, но болѣзненнымъ ощущеніемъ, непрерывнымъ и все еще гнетущимъ? Это называется пережить, успокоиться, примириться; такихъ-то примирившихся ставятъ въ примѣръ высокаго мужества, святого терпѣнія или животнаго равнодушія: глядя на нихъ, сочинили мораль о всеисцѣляющемъ времени... Все ли оно исцѣляетъ, и всѣхъ ли?“... Намъ слышится во всемъ этомъ нѣчто гораздо большее, чѣмъ неспособность забыть о личномъ горѣ, о личныхъ утратахъ. Память о прошломъ, признаваемая скорѣе бременемъ, чѣмъ благомъ, сохраняетъ въ себѣ какъ бы оттискъ всего подавляющаго, угнетающаго, встрѣченнаго ею на жизненномъ пути—и болѣзненно-яркое воспоминаніе отбрасываетъ тѣнь не только назадъ, но и впередъ. Этой тѣни не могутъ вполнѣ разсѣять даже лучи „весенняго солнца“; она мѣшаетъ наслаждаться настоящимъ, потому что возбуждаетъ опасенія за будущее. Кто сжился умомъ и сердцемъ съ міромъ униженныхъ и оскорбленныхъ, тому трудно повѣрить въ внезапный и безповоротный конецъ униженій и оскорбленій; живучесть гнета чувствуется инстинктивно даже въ моментъ его ослабленія, за которымъ предвидится новый нажимъ, только въ измѣненной, отчасти, формѣ. Непродолжителенъ былъ, притомъ, медовый мѣсяцъ нашего общественнаго возрожденія; не нужно было быть крайнимъ пессимистомъ, чтобы скоро отказаться отъ преувеличенныхъ ожиданій, чтобы увидѣть — говоря словами поэта — что „вмѣсто цѣпей крѣпостныхъ люди придумали много иныхъ“. „Крѣпостныя цѣпи“ были, по крайней, мѣрѣ, замѣнены иными, болѣе легкими; другія цѣпи вовсе не снимались, нѣкоторыя изъ нихъ даже и не могли быть сняты, потому что наложилъ и поддерживалъ ихъ не законъ, а обычай, противъ котораго безсильно самое властное слово. Воспоминаніе о несбывшейся надеждѣ, присоединясь ко всѣмъ прежнимъ и, подобно имъ, безпощадно удержи-

ваясь въ памяти, должно было сдѣлаться новымъ источникомъ тоски и гнѣва—тоски по мелькнувшемъ и тотчасъ же скрывшемся свѣтѣ, гнѣва противъ тѣхъ, которые поспѣшили повернуться къ нему спиною.

Къ занимающему насъ вопросу можно подойти еще съ другой стороны. Тарнѣевъ — главное дѣйствующее лицо „Встрѣчи" — пишетъ повѣсти и романы. „Велико или нѣтъ было его дарованіе, но въ своихъ произведеніяхъ онъ выражалъ то, что волновало его самого, что поражало его въ жизни другихъ. Онъ не творилъ, а только списывалъ дѣйствительную жизнь, какъ она есть, подъ вліяніемъ того впечатлѣнія, которое она производила. Такой трудъ не можетъ быть наслажденіемъ: онъ только повтореніе на бумагѣ того, что подмѣчено и испытано въ жизни, что уже довольно успѣло надоѣсть, огорчить и измучить... Тарнѣевъ писалъ, потому что все-таки это было средство что-нибудь высказать, и хотя онъ менѣе всего надѣялся что-нибудь измѣнить, что-нибудь исправить, но ему казалось, что, высказываясь, онъ исполняетъ хотя часть своего долга уже тѣмъ, что не молчитъ"... Отдохнувъ душой и тѣломъ въ деревенской тиши, Тарнѣевъ принимается за новый трудъ, въ первый разъ поглощающій его „до самозабвенія". Когда онъ перечитываетъ написанное, ему кажется, что передъ нимъ—чужое произведеніе. „Кто-то другой, а не онъ написалъ эти вдохновенныя страницы, кто-то другой, а не онъ былъ поэтомъ... Неоконченное произведеніе было прекрасно, но именно эта радостная красота и ужаснула автора: она заставила его пережить тяжелую минуту сомнѣнія въ самомъ себѣ. Это художественное произведеніе не есть ли слѣдствіе дней, проведенныхъ покойно, безъ тревоги за кого бы то ни было, въ забытьѣ, отчего и жизнь всѣхъ живущихъ показалась хороша, и можно было съ нею помириться и такъ искренно ею увлечься, такъ непритворно польстить ей и представить ее въ свѣтлыхъ, примиряющихъ образахъ? Дарованіе, судящее о жизни и страданіяхъ другихъ изъ своей дали, изъ своего довольства — не эгоизмъ ли, только въ другомъ проявленіи?.. Онъ спросилъ себя: что же такое послѣ этого его недовольство жизнью? Не законное недовольство высокой души, а жалкая болѣзнь слабаго существа, которое обвиняетъ другихъ, когда само жить не умѣетъ, клянетъ жизнь, когда самому скучно, поетъ ей гимны, когда стало весело отъ хорошей погоды?.. Тарнѣевъ думалъ долго и крѣпко. Нѣтъ, сказалъ онъ наконецъ, я по совѣсти могу не обвинять себя. Еще никогда въ жизни не отступалъ я отъ правды; я знаю, что я думаю, что я чувствую,—но нашему времени нужны слова силь-

ніе моихъ; я не могу сказать ихъ, я съумѣлъ бы только за нихъ умереть. Я ничего не напишу больше".

Испыталъ ли авторъ „Встрѣчи" все приписанное имъ Тарнѣеву—не знаемъ; но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что нѣкоторыя, по меньшей мѣрѣ, черты процесса творчества изображены здѣсь писательницею по собственному опыту. Въ произведеніяхъ Крестовскаго несомнѣнно отразилась дѣйствительная жизнь, отразилась подъ угломъ „впечатлѣнія, которое она производила"; впечатлѣніе это было несомнѣнно тяжелое, потребность высказать его несомнѣнно была неотразима. Кто воспиталъ въ себѣ такое отношеніе къ литературной дѣятельности, тотъ не можетъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, промѣнять его на другое, болѣе спокойное и объективное—не можетъ потому, что оно вошло въ составъ его нравственнаго и умственнаго склада, пріобрѣло для него безусловно обязательную силу. Мы сказали: воспиталъ въ себѣ—но это выраженіе не совсѣмъ точно; настроеніе, описанное въ „Встрѣчѣ", составляетъ необходимый результатъ извѣстныхъ обстоятельствъ, разъ что вліянію ихъ подпадаетъ извѣстнымъ образомъ предрасположенная натура. Сердечная чуткость, воспріимчивость къ чужому горю, способность видѣть не только ближайшія, но и отдаленныя его причины; масса безправія и зла, невозможность или крайняя трудность бороться съ ними иначе какъ путемъ слова—вотъ два ряда условій, взаимнодѣйствіе которыхъ неизбѣжно ведетъ къ тенденціозности въ искусствѣ. Систематическіе противники тенденціозности—теперь болѣе чѣмъ когда-либо многочисленные и торжествующіе—могутъ вооружиться противъ нея исторіею творчества Тарнѣева. Они могутъ сказать, что не случайно же онъ создалъ истинно-художественное произведеніе только тогда и именно тогда, когда сбросилъ съ себя, на время, иго предвзятой мысли; что сомнѣнія, заставившія его остановиться, были не чѣмъ инымъ, какъ возвращеніемъ въ привычное рабство; что искусство не даромъ зовется свободнымъ, что оно никому и ничему не должно служить, не должно быть ни „средствомъ что-нибудь высказать", ни намѣреннымъ выраженіемъ „недовольства жизнью", хотя бы самаго законнаго и справедливаго. Всѣ эти положенія страдаютъ, въ нашихъ глазахъ, однимъ общимъ недостаткомъ: они слишкомъ абсолютны, они не принимаютъ въ разсчетъ безконечнаго разнообразія темпераментовъ, стремленій и дарованій. Художникъ, творя, не перестаетъ быть гражданиномъ своей страны, человѣкомъ своего времени; если для него, по свойствамъ его натуры, по особенностямъ его развитія, невозможенъ строгій нейтралитетъ въ жизни,

то столь же невозможенъ для него такой нейтралитетъ и въ искусствѣ. Насколько вредитъ послѣднему соприкосновеніе съ политическою или соціальною борьбою—это вопросъ, котораго мы еще много разъ будемъ имѣть случай касаться; теперь намъ нужно было только установить, что для тенденціозности есть и должно быть мѣсто въ мірѣ творчества, что доступа къ этому міру—пока талантъ не сдѣлался синонимомъ индифферентизма—не закроютъ для нея никакіе теоретическіе запреты.

Итакъ, ясная, живая память о тяжеломъ прошломъ, печальное сознаніе, что это прошлое миновало не совсѣмъ, что многое изъ него уцѣлѣло и уцѣлѣетъ еще надолго, наблюденіе дѣйствительности, обращающееся, на каждомъ шагу, въ болѣзненное переживаніе ея—вотъ черты, общія, въ большей или меньшей степени, всѣмъ произведеніямъ Крестовскаго, вышедшимъ въ свѣтъ въ шестидесятыхъ годахъ. Разсматривать каждое изъ нихъ отдѣльно мы не будемъ; остановимся только на томъ, чтó они представляютъ наиболѣе замѣчательнаго. Не смотря на нѣкоторыя длинноты, не смотря на довольно крупные недостатки формы, „Встрѣча“—одинъ изъ тѣхъ романовъ, которыхъ нельзя читать и даже перечитывать равнодушно; это драгоцѣнный матеріалъ для исторіи русской мысли въ малоизслѣдованную, сравнительно, эпоху—и вмѣстѣ съ тѣмъ психологическій этюдъ на вѣчную, не исчерпанную и неистощимую тэму. Люди сороковыхъ годовъ и шестидесятыхъ извѣстны намъ лучше, чѣмъ люди промежуточнаго поколѣнія, къ которому принадлежитъ Тарнѣевъ. Онъ не „лишній человѣкъ“ въ томъ смыслѣ, въ какомъ понималъ это выраженіе Тургеневъ; но для него, какъ и для „лишнихъ людей“, не оказывается мѣста въ обществѣ. Онъ меньше всего фразеръ, меньше всего искатель „исполинскаго дѣла“; онъ готовъ посвятить себя самой скромной задачѣ, лишь бы только можно было ее исполнить по убѣжденію и совѣсти—но именно это условіе, какъ оно, съ перваго взгляда, ни просто, никакъ не дается ему въ руки. Вступивъ въ жизнь при самой благопріятной, повидимому, обстановкѣ, онъ очень скоро соскучился, „не отъ пресыщенія и не безсознательно, а отъ разбора всего, чтó видѣлъ и чтó испытывалъ... Пустота испугала его. Онъ началъ искать выхода; выхода не было. Все кругомъ него сложилось въ опредѣленную рамку, которая, заодно съ дѣйствіями всѣхъ, ограничивала и его дѣйствія“. У Тарнѣева мелькнула мысль, „что въ былыя времена причины, заставлявшія людей возненавидѣть свѣтъ и затвориться, были, вѣроятно, не сильнѣе тѣхъ“, которыя могли бы возбудить и въ немъ такую же ненависть, привести и его къ бѣгству отъ

міра; но онъ не понималъ этого бѣгства. „Добровольное бездѣйствіе среди хотя бы и нелогичной дѣятельности другихъ Тарнѣевъ называлъ лѣнью; онъ былъ убѣжденъ, что и въ самой мелочи, и среди стѣсненія все же можно сдѣлать хоть что-нибудь порядочное. Его горе было въ томъ, что всегда добросовѣстно, съ толкомъ и отъ души исполняя всякое свое дѣло, онъ не удовлетворялся имъ самъ, находя, что этого мало". Да и мудрено было удовлетворяться, когда кругомъ совершались такія событія, какія принесло съ собой лѣто 1854 г., когда тысячи людей шли умирать неизвѣстно для чего и за что, а десятки, въ родѣ Чемезова и Ахтаровскаго, продолжали наслаждаться жизнью на счетъ тѣхъ же тысячъ.

Въ судьбѣ Тарнѣевыхъ, какъ и въ судьбѣ Тургеневскихъ „лишнихъ людей", рѣшительную роль часто должна была играть несчастная любовь; она легко могла сдѣлаться для нихъ послѣдней каплей, переполняющей чашу. Встрѣча съ Ахтаровской была для Тарнѣева „лучомъ свѣта, закравшимся въ печальную темницу" (com' un poco di raggio se fu messo nel doloroso carcere—стихи Данте, которые часто повторяетъ Тарнѣевъ и которые могли бы служить эпиграфомъ къ разбираемому нами роману); съ ея потерей мракъ темницы становится совершенно невыносимымъ. Неудивительно, что чувство любви къ Ахтаровской пробуждается въ Тарнѣевѣ вдругъ и растетъ съ порывистою быстротою; они люди одного лагеря, они стоятъ на одной и той же точкѣ, хотя и пришли къ ней различными путями — Тарнѣевъ больше путемъ сочувствія къ чужому горю, къ чужому униженію, Ахтаровская больше путемъ личнаго страданія. Въ первой сценѣ между Тарнѣевымъ и Ахтаровскою нѣтъ ничего условнаго, банальнаго; не похожая ни на одну изъ извѣстныхъ намъ страницъ этого рода, она выдерживаетъ сравненіе съ лучшими изъ нихъ, именно вслѣдствіе своеобразности, соотвѣтствующей прошедшему и настоящему дѣйствующихъ лицъ. „Сердце у Тарнѣева стучало, мысли мѣшались; онъ чувствовалъ только, что съ нимъ случилось что-то,—онъ самъ не зналъ, дурное или хорошее,—но роковое. Онъ не былъ ни счастливъ, ни доволенъ; но почему-то ему казалось, что изъ этого состоянія онъ не можетъ выйти. Его охватило какое-то ощущеніе, вмѣстѣ отрадное и болѣзненное"... Еще сильнѣе послѣдняя сцена между Тарнѣевымъ и Ахтаровской. „Встрѣча" появилась въ печати почти одновременно съ „Подводнымъ камнемъ", Авдѣева; это было время реакціи противъ условныхъ понятій о долгѣ, время борьбы за права сердца и страсти. Побѣда этихъ правъ представлялась, повидимому, самой есте-

ственной развязкой и для „Встрѣчи“ —но модныя теченія никогда не имѣли власти надъ Крестовскимъ. Романъ оканчивается иначе, согласно съ характеромъ Ахтаровской. Она разстается съ Тарнѣевымъ, какъ только перестаетъ обманывать себя на счетъ общаго имъ обоимъ чувства—разстается съ нимъ не потому, конечно, чтобы признавала за собою какія-либо обязанности по отношенію къ развратному и жестокому мужу, а потому, что прошедшее разбило въ ней умѣнье любить, способность вѣрить. Тарнѣева нужно ободрять, одушевлять—она боится, что не дастъ ему ничего кромѣ холода и сомнѣній. Вопросъ не въ томъ, основательна ли эта боязнь, не въ томъ, правильно ли, съ отвлеченной точки зрѣнія, рѣшеніе Ахтаровской—а въ томъ, возможно ли было для нея другое рѣшеніе. Намъ кажется, что нѣтъ—и въ этомъ заключается разгадка удручающаго впечатлѣнія, производимаго романомъ. Слишкомъ долго Ахтаровская не находила ни въ чемъ и ни въ комъ опоры и утѣшенія; встрѣтясь съ Тарнѣевымъ, она не могла уже начать новой жизни—и къ одному разбитому существованію прибавилось другое. „Свѣтъ закрался въ тюрьму,—бредилъ Тарнѣевъ передъ смертью,—но что̀ онъ освѣтилъ? Поздно: все умерло—сила, доблесть, любовь. Тюрьма была безвыходная. Я умеръ тамъ, и много другихъ... Тюрьму зовутъ башней голода, и она еще для многихъ пригодится“...

„Въ ожиданіи лучшаго“—это страница изъ исторіи русскаго общества наканунѣ великой реформы 1861 г., и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣчто иное, не подлежащее пріуроченію къ извѣстному историческому моменту. Если Анны Θедоровны, Аделаиды Григорьевны, Пехлецовы, Неряцкіе отошли въ прошедшее, уступивъ мѣсто родственнымъ, но во многомъ, все-таки, измѣненнымъ типамъ, то князь Иванъ, Вася Теженецкій, Катерина Александровна могли бы и теперь войти почти всецѣло въ картину современной жизни. Съ особеннымъ искусствомъ обрисована Катерина Александровна Алексинская — добрая и вмѣстѣ съ тѣмъ безсердечная, наивно порочная, вся составленная, если можно такъ выразиться, изъ одной пустоты. Для такихъ натуръ не существуетъ несчастье—но онѣ могутъ сдѣлать глубоко несчастными другихъ, не разсмотрѣвшихъ въ свое время, что̀ за ничтожество прикрыто привлекательной, красивой формой. Алексинскій перенесъ бы, можетъ быть, измѣну жены—но за одно съ измѣной передъ нимъ открывается бездонная пропасть пошлости и эгоизма, открывается тамъ, гдѣ онъ простодушно видѣлъ сокровища нѣжности и чистоты. Только-что очнувшись отъ обморока, вызваннаго страхомъ, только-что повѣривъ въ прощеніе мужа, Катерина Александровна со-

средоточивается на одной мысли—какъ бы чего не узналъ свѣтъ, какъ бы не пострадало ея положеніе въ обществѣ. Подъ вліяніемъ этой мысли, она не замѣчаетъ даже того, что быть съ нею—мученье для Алексинскаго. „Вы меня компрометируете,—пишетъ она ему,—вы убѣгаете отъ меня; что̀ могутъ подумать и сказать? Это невеликодушно“. Онъ пересиливаетъ себя, приходитъ къ ней; она удивляется, что онъ съ нею холоднѣе чѣмъ обыкновенно. „Que va-t-on dire?“ восклицаетъ она: „voici monsieur Alexinsky qui abandonne sa femme, et ceci, et cela... Боже мой, неужели я дожила до этого, что буду басней цѣлаго свѣта, des domestiques?“ Этого мало; она проситъ, почти требуетъ, чтобы мужъ продолжалъ принимать князя Десятова—иначе свѣтъ угадаетъ истину. Когда Алексинскій, близкій къ потерѣ самообладанія, отталкиваетъ ее и уходитъ, она забываетъ и думать о раскаяніи; у нея остается только мысль, что она „навѣки связана съ бѣшенымъ сумасшедшимъ“... „Тишина успокоила ея нервы, спокойствіе было пріятно, и потому Катерина Александровна поспѣшила вспомнить неопровержимую истину, что все на свѣтѣ проходитъ. Потомъ, pour donner un autre cours aux idées, она взяла книгу, говоря себѣ, какъ будто въ успокоеніе какого-то далекаго упрека совѣсти, что такъ она проведетъ ночь, que cela sera une veillée. Книга была романъ Феваля и вскорѣ заинтересовала ее“... Она даже думаетъ фразами, заимствованными изъ плохихъ французскихъ романовъ; „cet homme n'a rien d'humain“, говоритъ она сама себѣ послѣ сцены съ Неряцкимъ. Въ ея маленькой, жалкой душѣ живетъ только инстинктъ самосохраненія—и сохраненія свѣтскихъ привилегій, единственнаго невещественнаго блага, цѣнность котораго для нея доступна. Катастрофа научила ее только одному—притворству. „Не понимая ни печали, которую причинила, ни оскорбленій, которыя наносила, она жила покойно; дома—никогда никакого занятія; съ мужемъ—никогда ни одного дѣльнаго слова“. Такой же покойной и довольной она остается и послѣ самоубійства мужа, увѣривъ себя, что оно совершено „dans un accès de noire mélancolie“. И здѣсь вывезла готовая фраза; для мысли и чувства, доведенныхъ до минимальныхъ размѣровъ, не нужно было никакихъ другихъ утѣшеній.

Небольшой разсказъ: „За стѣною“, напечатанный въ 1862 г., можетъ быть поставленъ, по сжатости и внутренней силѣ, на ряду съ отрывкомъ: „Изъ связки писемъ, брошенной въ огонь“. Здѣсь, какъ и тамъ, мы стоимъ лицомъ къ лицу съ однимъ изъ роковыхъ вопросовъ современной жизни; и тамъ, и здѣсь вопросъ остается неразрѣшеннымъ. Авторъ видитъ въ этомъ—или по край-

ней мѣрѣ видѣлъ—недостатокъ своего произведенія. „Три года назадъ, когда появились эти сцены“—читаемъ мы въ предисловіи, написанномъ при включеніи разсказа въ первое отдѣльное изданіе сочиненій Крестовскаго (т. VIII, вышедшій въ свѣтъ въ 1866 г.; въ изданіи 1880 г. этого предисловія нѣтъ)—„онѣ были приняты за то, что онѣ есть въ самомъ дѣлѣ: за бѣглый очеркъ, за простой случай, записанный безъ претензіи рѣшать, кто въ немъ правъ или виноватъ. Цѣлью разсказа было—только коснуться вопроса, тогда начинавшаго занимать общество, что люди стѣсняются и страдаютъ, когда ничто не мѣшаетъ имъ удовлетворять своимъ стремленіямъ и никто не вынуждаетъ ихъ страдать. Въ три года общество далеко пошло въ разборѣ этого вопроса, и встрѣчаясь съ нимъ теперь въ какомъ-нибудь литературномъ произведеніи, справедливо требуетъ уже не намековъ, а мнѣнія, опредѣленнаго и ясно выраженнаго“. Нѣтъ, такое требованіе вовсе не справедливо, да едва ли оно и предъявлялось или предъявляется обществомъ, даже теперь, по прошествіи не трехъ, а двадцатитрехъ лѣтъ. Художникъ—не публицистъ; онъ имѣетъ право вывести заключеніе изъ разсказанныхъ имъ фактовъ, но вовсе къ тому не обязанъ. Возможность различной, даже противоположной ихъ оцѣнки не уменьшаетъ, сама по себѣ, достоинства произведенія. Скажемъ болѣе: обязательнымъ для художника нельзя признать не только „ясно выраженнаго“, но даже и просто „опредѣленнаго“ мнѣнія по затронутому имъ вопросу. Онъ можетъ сомнѣваться, отступать передъ рѣшительнымъ отвѣтомъ—и именно потому воспроизвести съ одинаковою силой, освѣтить одинаково ярко обѣ стороны вопроса. Можетъ быть, мы ошибаемся—но намъ кажется, что въ моментъ написанія „За стѣною“ мнѣніе автора о вымышленныхъ стѣсненіяхъ и ненужныхъ страданіяхъ было далеко не такъ твердо, какъ три года спустя, въ моментъ составленія цитированнаго нами предисловія. Въ предисловіи авторъ прямо становится на его сторону—въ разсказѣ онъ колеблется между нимъ и ею (герой и героиня „За стѣною“ до конца остаются безъименными). И это колебаніе вполнѣ естественно. Какъ бы простъ и ясенъ ни былъ вопросъ въ своей отвлеченной постановкѣ, практическое разрѣшеніе его, въ томъ или другомъ данномъ случаѣ, можетъ быть до крайности трудно, потому что оно касается живыхъ людей, потому что оно должно считаться съ запутанными и сложными условіями дѣйствительной жизни. Отрицая необходимость брака, герой „За стѣною“ вполнѣ послѣдователенъ и вѣренъ самому себѣ—но когда онъ, ради этой послѣдовательности, разбиваетъ чужую жизнь, а можетъ быть и

свою собственную, то позволительно усомниться въ его правотѣ и предположить, что счастье совершенно напрасно было принесено въ жертву „принципу“. Есть, конечно, принципы, оправдывающіе такія и еще бо́льшія жертвы—но едва ли можно отнести къ ихъ числу то общее начало, во имя котораго совершается занимающее насъ жертвоприношеніе. Сравнимъ цѣнность уступокъ, которыхъ онъ и она требовали другъ отъ друга—и мы легко убѣдимся въ томъ, что первая была несравненно тяжелѣе послѣдней. Женившись на ней, онъ не потерялъ бы ровно ничего, потому что нельзя же считать потерей отказъ, въ пользу давно и нѣжно любимой женщины, отъ такъ называемой холостой свободы; согласясь жить съ нимъ безъ брака, она создала бы себѣ навсегда фальшивое положеніе, тѣмъ болѣе тягостное, что у нея есть дочь, большая дѣвочка... Что́ бы ни думалъ, впрочемъ, разсказчикъ, записывая слышанное имъ „за стѣною“, несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, одно: переходная эпоха въ родѣ той, которая началась для русскаго общества на рубежѣ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ и не окончилась еще и до сихъ поръ, немыслима безъ конфликтовъ между убѣжденіями и чувствами—конфликтовъ, часто стоющихъ счастья и даже жизни. Одинъ изъ нихъ изображенъ Крестовскимъ, изображенъ такъ ярко и талантливо, что кажется нарисованнымъ только вчера—и этого достаточно для долговѣчности разсказа, все равно, написанъ ли онъ съ цѣлью или безъ цѣли, ad probandum или только ad narrandum.

Въ произведеніяхъ Крестовскаго, относящихся къ изучаемой нами теперь эпохѣ, не маловажную роль играетъ элементъ, прежде чуждый писательницѣ, элементъ сатирическій. Появленію его, очевидно, способствовали обстоятельства,—тѣ обстоятельства, благодаря которымъ созрѣвало дарованіе Салтыкова, подъ вліяніемъ которыхъ пробуждалась, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, сатирическая жилка въ Тургеневѣ („Дымъ“, отчасти уже „Отцы и дѣти“), въ Гончаровѣ („Обрывъ“), въ графѣ А. К. Толстомъ („Потокъ-богатырь“ и др.). Время общественныхъ и личныхъ метаморфозъ, время испуганнаго бѣгства отъ новизны или торопливаго хватанія ея верхушекъ—именно то время, когда всего труднѣе satiram non scribere. Проблесками юмора богато уже изображеніе патріотки и поэтессы Людмилы (въ „Встрѣчѣ“)—но это юморъ еще благодушный, сравнительно мягкій. Горькимъ и жгучимъ онъ становится въ „Домашнемъ дѣлѣ“ — въ картинѣ крушенія семьи, долго державшейся лицемѣріемъ, страхомъ и рутиной. Алексѣй Васильичъ—этотъ растерявшійся, сбитый съ толку

самодуръ и плохой комическій актеръ, переходящій отъ угрозы къ мольбѣ, отъ патетическихъ сценъ къ мелкимъ житейскимъ счетамъ—достойный субъектъ сатиры, вызванной разложеніемъ „патріархальныхъ“ порядковъ. Гдѣ разложеніе, тамъ непремѣнно образуются новыя, гнилостныя вещества; процессъ образованія одного изъ нихъ описанъ въ „Первой борьбѣ“ (1869). По оригинальности задачи и по мастерству ея разрѣшенія—это одно изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній Крестовскаго. Изобразить человѣка, въ которомъ съ раннихъ лѣтъ вытравлено все человѣчное, который съ самодовольствомъ, съ самоуслажденіемъ рисуетъ собственную низость, искренно любуясь ею и считая себя чуть не героемъ—такова тэма, изъ безчисленныхъ затрудненій которой вышелъ побѣдителемъ авторъ „Первой борьбы“. Это тѣмъ болѣе удивительно, чѣмъ дальше подобный пріемъ творчества отъ обычной манеры писательницы. Дарованіе по преимуществу субъективное обрекло себя здѣсь на роль, по преимуществу объективную—на спокойное воспроизведеніе типа, прямо противоположнаго идеаламъ автора. Первая опасность, представлявшаяся на этомъ пути, была опасность шаржа, утрировки; къ нравственному уроду могли быть пришпилены такіе ярлыки, которые издалека провозглашали бы его уродливость. Второю опасностью былъ соблазнъ окружить главное лицо другими, рѣчи и дѣйствія которыхъ служили бы точно противовѣсомъ всему тому, что̀ говоритъ и дѣлаетъ разсказчикъ („Первая борьба“ имѣетъ, какъ извѣстно, форму записокъ, составленныхъ ея героемъ). Ничего подобнаго мы не видимъ. Сергѣй Николаевичъ—не злодѣй, а только болѣе послѣдовательный, чѣмъ обыкновенно, обладатель качествъ, многимъ, весьма многимъ пролагающихъ путь къ житейскому успѣху. Между остальными дѣйствующими лицами есть хорошіе люди, но никто изъ нихъ не выведенъ на сцену только ради эффекта, производимаго контрастомъ. Отецъ Сергѣя Николаевича, Егоръ Егорычъ, сестры Смутовы говорятъ мало; никому изъ нихъ не отведена роль зеркала, въ которомъ отражалась бы настоящая фигура разсказчика. Мы слышали изъ вѣрнаго источника, что между читателями „Первой борьбы“, вслѣдъ за напечатаніемъ ея, нашлись такіе, которые заподозрили Крестовскаго... въ сочувствіи къ герою разсказа! Не знаемъ, какъ подѣйствовало такое подозрѣніе на автора; но если его и могла огорчить или раздражить непонятливость нѣкоторой части публики, то не была ли именно эта непонятливость доказательствомъ тому, до какой степени удался литературный tour de force, почти безпримѣрный по своей смѣлости? Въ томъ-то и заключалась главная трудность, чтобы

разсказъ, равносильный тяжкому самообвиненію разсказчика, казался естественнымъ со стороны послѣдняго, чтобы, читая его, нельзя было воскликнуть: такихъ признаній, въ такой формѣ, никто не станетъ дѣлать даже самому себѣ! Эту трудность Крестовскій, очевидно, преодолѣлъ—иначе не могло бы быть и рѣчи объ ошибочномъ толкованіи его намѣреній. Конечно, для читателей, не останавливающихся на буквальномъ смыслѣ прочитаннаго, мысль автора ясно выступаетъ наружу изъ-за избранной имъ формы—но вѣдь отъ этой формы и можно было требовать только выдержанности, условной вѣроятности, а не тусклости, въ которой бы исчезалъ внутренній смыслъ произведенія.

Появись „Первая борьба“ въ настоящую минуту, ея героя назвали бы, быть можетъ, моднымъ именемъ психопата. И дѣйствительно, онъ соединяетъ въ себѣ нѣкоторыя черты того типа, съ которымъ познакомилъ насъ недавно громкій уголовный процессъ—соединяетъ въ себѣ страсть къ наслажденіямъ съ неразборчивостью въ выборѣ средствъ, ничѣмъ не сдерживаемый и не уравновѣшиваемый эгоизмъ съ полнѣйшимъ игнорированіемъ какихъ бы то ни было обязанностей по отношенію къ цѣлому обществу и къ отдѣльнымъ лицамъ. Художественная наблюдательность, какъ это часто бываетъ, опередила научную и намѣтила явленіе, изслѣдованію котораго только теперь кладется начало. Мы едва ли ошибемся, однако, если скажемъ, что цѣлью автора вовсе не было изображеніе одной изъ формъ душевнаго разстройства. Субъекты въ родѣ Сергѣя Николаевича составляютъ гораздо больше достояніе психологіи, чѣмъ психіатріи. Атрофія нравственнаго чувства приближаетъ ихъ, правда, къ тому предѣлу, за которымъ начинается такъ-называемая moral insanity — но въ большинствѣ случаевъ они не переступаютъ демаркаціонной черты ни въ этомъ направленіи, ни въ томъ, которое ведетъ къ преступленію. Они остаются здоровыми людьми, остаются гражданами, никогда не нарушавшими положительнаго закона; психіатрамъ не приходится имѣть съ ними дѣла ни въ судѣ, ни въ частной лечебницѣ. Аномаліи, представляемыя внутреннею жизнью этихъ людей, не принадлежатъ къ числу тѣхъ, съ которыми мы привыкли соединять понятіе о психической болѣзни; онѣ неотразимо возбуждаютъ работу мысли, но работу, направленную не къ тому, чтобы добиться вѣрнаго психіатрическаго діагноза, а къ тому, чтобы разрѣшить соціологическую загадку. Эта загадка—происхожденіе аномалій, и чѣмъ онѣ рѣзче, тѣмъ она сложнѣе. Откуда взялась безмѣрная самоувѣренность юноши, все сводящаго къ самому себѣ, твердо убѣжденнаго въ своемъ безко-

нечномъ превосходствѣ надъ всѣми окружающими? Чѣмъ объяснить раннюю и вмѣстѣ съ тѣмъ полную потерю всякаго нравственнаго чутья, неуклонную прямолинейность въ служеніи маленькимъ интересамъ собственнаго маленькаго *я*? Дѣло въ томъ, что герой „Первой борьбы“ сознаетъ и чувствуетъ себя членомъ небольшой, но могущественной группы—той группы, притязанія которой могутъ быть выражены въ слѣдующей формулѣ: какъ можно меньше труда, какъ можно больше наслажденій. Доступъ въ эту группу открывается рожденіемъ и воспитаніемъ—тѣмъ воспитаніемъ, которое сдѣлало изъ Сережи Сержа и monsieur de Sergy, снабдило его „изяществомъ, тактомъ, граціей“, т.-е. внѣшнимъ лоскомъ и внутреннею пустотою. Попасть въ ея среду, значитъ, съ точки зрѣнія членовъ группы, пріобрѣсти неотъемлемое право на „просторъ, блескъ, роскошь, успѣхи“. Доставить имъ все это—обязанность общества; чего оно не даетъ, то „образованный человѣкъ“ въ правѣ взять, пользуясь при этомъ „всякими средствами, какія найдутся подъ рукою“ (конечно, въ предѣлахъ закона, безъ непріятныхъ столкновеній съ полиціей или судомъ). И въ самомъ дѣлѣ, общество въ долгу передъ этими „образованными людьми“. Они—„свѣтъ общества“; они „не допускаютъ его погрязнуть въ посредственности, развиваютъ его вкусъ, его воображеніе, вызываютъ въ немъ потребности, достойныя высшаго значенія человѣка. Они даютъ толчокъ силамъ и промышленности; отъ этихъ людей богатѣютъ государства... Они заставляютъ трудиться; по ихъ милости кипитъ дѣятельность массы. Эти рельсы желѣзныхъ дорогъ, эти тысячи занятыхъ станковъ, эти выставки, театры, усовершенствованія—все, словомъ, все вызвано той жаждой наслажденія, которую природа вложила въ грудь избранныхъ людей, плодотворной жаждой, разгорающейся въ животворящій огонь... Эти люди—боги! все для нихъ, потому что безъ нихъ—ничего!“ Въ этомъ исповѣданіи вѣры—ключъ къ пониманію героя „Первой борьбы“. Требуя отъ жизни самыхъ сочныхъ ея плодовъ, какъ чего-то должнаго, какъ дани, эквивалентомъ которой служитъ не трудъ, а самое существованіе „избраннаго человѣка“, Сергѣй Николаевичъ чуждъ всякихъ сомнѣній, свободенъ отъ всякихъ докучныхъ запросовъ со стороны совѣсти; вѣдь требованіе его основано не на однихъ только личныхъ аппетитахъ—оно освящено широко распространенной доктриной, оно обязательно для самого требующаго. Представляя собою какъ бы нѣкій свѣтильникъ, онъ долженъ свѣтить съ высоты, долженъ, слѣдовательно, вознестись надъ другими, хотя бы и на счетъ другихъ. Все предпринимаемое имъ съ этою цѣлью

заранѣе оправдано или, лучше сказать, не нуждается въ оправданіи; ему принадлежитъ, разъ навсегда, право поправлять несправедливость судьбы (corriger la fortune), принуждать ее къ работѣ, которой она, съ предосудительнымъ упорствомъ, не хочетъ исполнить добровольно. „Мои понятія, — восклицаетъ „избранникъ“, — слѣдствіе чувства справедливости, свойственнаго всякому развитому человѣку. Благословляю мое воспитаніе, если оно ихъ во мнѣ укрѣпило и расширило! Есть люди — пожалуй, даже большинство,—самой природой обреченные на темноту. Они и родятся съ грубыми нервами, съ грубымъ тѣломъ, съ черствой кожей, съ черствымъ умомъ. Имъ и соха въ руки! Имъ и корпѣнье въ аудиторіяхъ, распеканія начальства, четвертаковыя мѣста въ райкѣ, фраки, перекупленные изъ третьихъ рукъ, именинныя торжества въ кухмистерскихъ! Но развѣ я изъ числа такихъ людей?.. Не помню, гдѣ я прочелъ выраженіе: se sentir vivre. Оно мнѣ нравится, оно вѣрно; это изящная нѣга, въ которой крѣпнутъ силы. Ложь и заблужденіе, будто онѣ вырабатываются трудомъ! Какимъ трудомъ? Физическимъ? Неужели нужны примѣры, что онъ огрубляетъ и отупляетъ и нравственно, и физически? Или такъ-называемый строгій, серьезный трудъ мысли? Желчное, безрадостное существо, осуждающее три четверти земныхъ наслажденій, односторонне сочувствующее только страданію—человѣкъ ли это?“ Въ случаѣ надобности, для теоріи Сергѣя Николаича найдется и философское основаніе. „Я знаю, меня упрекаютъ въ эгоизмѣ: но господа хлопотуны за человѣчество, не точно ли такіе же они эгоисты? Вѣдь они сами кричатъ, что были бы удовлетворены лично, еслибы имъ удалось устроить безмятежный, трудовой мірокъ по своему вкусу. Такъ для кого же, какъ не для себя, они стараются? И въ чемъ же разница между ими и мною? Въ томъ, что я разумно понялъ глупость ихъ стремленій, неизящность ихъ затѣй, и беру благо изъ источниковъ болѣе привлекательныхъ, не забочусь о людяхъ, которые обо мнѣ не заботятся. Всякій за себя—пусть другіе дѣлаютъ тоже. Если и выйдетъ разладица, то, господа мудрецы, хуже не будетъ того, что̀ было и есть, а на нашъ вѣкъ еще достанетъ и тепла, и корму на земномъ шарѣ!“

Не трудно замѣтить, что взгляды Сергѣя Николаича—монета, имѣющая широкое обращеніе на нашемъ рынкѣ (да и не на немъ одномъ), особенно въ эпохи, неблагопріятныя для „хлопотуновъ за человѣчество“. Сравнительно рѣдкой можетъ быть названа лишь та искренность, съ которой герой „Первой борьбы“ излагаетъ свою доктрину, та безусловная послѣдовательность, съ ко-

торой онъ ее проводитъ, не только въ области умозрѣній, но и на практикѣ. Не всякій изъ „избранниковъ“ сознался бы въ ощущеніяхъ, испытываемыхъ Сергѣемъ Николаичемъ у постели умирающаго отца, не всякій рѣшился бы укорять Марью Васильевну за небольшую помощь, оказанную теткамъ; но преимущество логичности безспорно остается за Сергѣемъ Николаичемъ. Онъ совершенно вѣренъ себѣ и своей теоріи, когда отказывается назвать разсказъ свой исповѣдью. „Я не нахожу самъ,—говоритъ онъ въ предисловіи къ своимъ запискамъ,—и полагаю, ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не найдетъ въ моихъ поступкахъ и побужденіяхъ ничего тягостнаго для совѣсти, ничего такого, въ чемъ принято раскаяваться и въ чемъ публичное покаяніе считается подвигомъ. Я не назову разсказа и признаніями; въ немъ нѣтъ для меня ничего неловкаго и щекотливаго, что́ передается чужому слуху по необходимости или въ минуты сантиментальнаго увлеченія. Я не чувствую потребности ни оправдываться, ни довѣряться — я доволенъ собою“. Этого мало: онъ приглашаетъ другихъ—конечно, людей „съ тонкимъ чувствомъ“, „избранныхъ“ или достойныхъ быть „избранными“—идти по его стопамъ, вдохновляться его успѣхомъ. Онъ не прочь просвѣтить даже своихъ противниковъ, людей другого лагеря. „Человѣкъ, устоявшій въ борьбѣ, —восклицаетъ онъ съ гордостью, — имѣетъ право ставить себя въ примѣръ малодушнымъ плакальщикамъ, самолюбивымъ крикунамъ, замечтавшимся фразерамъ“. Борьба, въ которой онъ устоялъ—это поползновенія среды заѣсть его, т.-е. усилія тронуть его сердце, разъяснить ему необходимость честнаго труда... Дѣйствіе разсказа отнесено Крестовскимъ къ половинѣ пятидесятыхъ, составленіе разсказчикомъ своихъ записокъ—къ половинѣ шестидесятыхъ годовъ. И то, и другое совершенно согласно съ общимъ замысломъ произведенія. Начало пятидесятыхъ годовъ было именно такимъ временемъ, которое должно было воспитать многихъ Сергѣевъ Николаичей, конецъ слѣдующаго десятилѣтія—именно такимъ, когда они должны были почувствовать свою силу, и энергично, ничѣмъ не стѣсняясь, взмахнуть своими крыльями. Правда, рядомъ съ ними вырабатывались и противоположные типы—но вырабатывались именно въ силу закона контраста, въ силу реакціи противъ условій, способствовавшихъ нарожденію и процвѣтанію „избранныхъ людей“. Въ промежутокъ между обѣими эпохами, въ пору надеждъ и увлеченій, Сергѣй Николаичъ не рѣшился бы высказаться такъ откровенно, не рѣшился бы провозгласить во всеуслышаніе: „я счастливъ, я доволенъ собою“. Сообщить ему нужную для того смѣлость могли

только новыя вѣянія—тѣ вѣянія, подъ дуновеніемъ которыхъ созрѣли и выдвинулись на первый планъ щедринскіе „Ташкентцы" и „Помпадуры". Со времени выхода въ свѣтъ „Первой борьбы" прошло болѣе пятнадцати лѣтъ—но Сергѣй Николаичъ нисколько не устарѣлъ; онъ до сихъ поръ живетъ между нами, и если, можетъ быть, нѣсколько меньше прежняго щеголяетъ своимъ чистосердечіемъ, то только потому, что теперь больше въ модѣ фиговые листья.

Послѣднее произведеніе того періода въ творчествѣ Крестовскаго, который составляетъ предметъ настоящей статьи, это—„Большая Медвѣдица" (1870—71). Дарованіе писательницы достигаетъ здѣсь своего кульминаціоннаго пункта. Она возвращается еще разъ къ тому времени, къ тому театру дѣйствій, въ изученіи которыхъ такъ долго коренилась ея сила; на сцену выводится еще разъ „провинція въ старые годы"—но взглядъ автора обращенъ теперь столько же впередъ, сколько и назадъ, и въ лицѣ Катерины передъ нами является новая сила, принадлежащая новой эпохѣ, хотя и выросшая на старой почвѣ. Обѣ манеры Крестовскаго, съ которыми мы познакомились выше, сливаются здѣсь въ одно цѣлое. Провинціальное общество обрисовано тою же твердою, рѣшительною рукою, которою написано „Недавнее" или „Въ ожиданіи лучшаго"; въ изображеніи главныхъ дѣйствующихъ лицъ чувствуется, по крайней мѣрѣ отчасти, та мягкость, та нѣжность, которою дышетъ „Баритонъ" или „Встрѣча". Верховской—это наиболѣе законченное выраженіе типа, занимающаго выдающееся мѣсто въ сочиненіяхъ Крестовскаго,—того типа, съ представителями котораго мы встрѣчались въ „Аннѣ Михайловнѣ" (Окольскій), въ „Испытаніи" (Шатровскій), въ „Недавнемъ" (Боровицкій). Судьба дала Верховскому очень многое—дала ему мать, старавшуюся воспитать въ немъ лучшія чувства человѣка, поставила подлѣ него, въ критическую минуту его жизни, Катерину, въ которой онъ самъ видѣлъ какъ бы хранительницу материнскихъ завѣтовъ. Онъ имѣлъ возможность не падать, имѣлъ возможность вновь подняться—и не воспользовался ни тою, ни другою. Одинъ невѣрный шагъ, вызванный слабостью воли, неумѣньемъ ждать, соблазномъ пріобрѣсти безъ труда то что должно было быть взято съ бою—и Верховской очутился на наклонной плоскости, тѣмъ болѣе опасной, чѣмъ менѣе замѣтна ея покатость. Мы застаемъ его спустившимся уже довольно низко, но считающимъ себя еще на высотѣ; его обманываетъ то презрѣніе, которое онъ чувствуетъ—или воображаетъ

себѣ, что чувствуетъ—ко всему опутывающему его и заставляющему спускаться. Онъ вѣритъ въ свою свободу, давно, въ сущности, отъ нея отказавшись; онъ не пытается отвоевать утраченное, потому что не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ самой утратѣ. „Въ буквальномъ, матеріальномъ смыслѣ онъ не зависѣлъ отъ людей, съ которыми хотѣлъ разорвать всѣ связи; но онъ не разорвалъ связей, не разстался съ этими людьми, не придумалъ для себя другого образа жизни. Вся эта пустая, дорого стоющая, довольная собою свѣтская ничтожность кружила его, владѣла имъ, налагала свои обычаи, туманила его понятія; онъ незамѣтно настолько втянулся самъ, что затруднялся опредѣлить, какой ему хотѣлось перемѣны“. Ему кажется, что онъ живетъ по примѣру матери, страдаетъ наравнѣ съ нею или еще больше ея, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ ему недостаетъ главнаго элемента ея жизни—труда, а настоящимъ ея страданіемъ было только предчувствіе его паденія. Таковъ Верховской въ началѣ романа. Любовь къ Катеринѣ будитъ его дремлющія силы, призываетъ его къ борьбѣ—но слишкомъ поздно. Онъ терпитъ пораженіе даже въ попыткѣ развойтись съ женой, выйти изъ фальшиваго положенія, въ которомъ все унизительно: и разсчеты, и ссоры, и нѣжность—особенно нѣжность (припомнимъ превосходную ночную сцену въ гостинницѣ, послѣ пріѣзда Лидіи Матвѣевны въ губернскій городъ—сцену, полную того сдержаннаго реализма, о которомъ мы говорили выше). Не разорвавъ старой цѣпи, онъ позволяетъ сковать себя еще новою; привыкшій относиться къ дѣлу спустя рукава, пользоваться благами службы и не утруждать себя ея серьезными сторонами, онъ становится игрушкой въ рукахъ презираемыхъ имъ „дѣльцовъ“, и блистательно, по выраженію Катерины, „проваливаетъ“ слѣдствіе надъ Волкаревымъ. Исторія любви Верховского къ Катеринѣ—одинъ изъ лучшихъ психологическихъ этюдовъ Крестовскаго; зарождающаяся въ самыхъ высшихъ, повидимому, сферахъ чувства, вся проникнутая воодушевленіемъ, вызывающая изъ глубины души давно забытые мотивы, она скоро начинаетъ спускаться со ступеньки на ступеньку, терять свою животворящую силу, обращаться въ заурядную страсть, не исключающую, впрочемъ, „благоразумной осторожности“, т.-е. трусости (поведеніе Верховского послѣ ночного бѣгства отъ Багрянскихъ). „Освободись, работай—и вотъ тебѣ моя клятва: гдѣ бы я ни была, позови—я приду, я твоя“... Въ этихъ словахъ Катерины—послѣднихъ, сказанныхъ ею Верховскому—слышится скорѣе утѣшеніе для Верховского, чѣмъ надежда самой Катерины. „Ты не позовешь меня никогда,—гово-

ритъ она сама себѣ, оставшись одна,—и ты будешь счастливъ!“ И дѣйствительно, мы скоро видимъ Верховского счастливымъ, счастливымъ безъ Кати. Онъ могъ позвать ее — и не позвалъ, потому что чувствовалъ себя не исполнившимъ и безсильнымъ исполнить ея условія. Восклицаніе, которымъ заканчивается романъ — „Катя!“ —это послѣдній откликъ безвозвратно миновавшаго прошлаго, добровольно похороненнаго самимъ Верховскимъ.

Катерина—настолько же выше Верховского, насколько Елена (въ „Наканунѣ“) выше Берсенева и Шубина, или Ольга — выше Обломова и Штольца. Для нея любовь—не игра, не прихоть, не мимолетная страсть, не мирная гавань, въ которой можно забыть все окружающее, а дѣло цѣлой жизни, не только не исключающее остальныхъ ея задачъ, но неразрывно связанное съ ними. Ея чувство къ Верховскому рождается изъ состраданія, но растетъ и крѣпнетъ только благодаря тому, что она видитъ въ любимомъ человѣкѣ товарища по стремленіямъ и взглядамъ. Присмотрѣвшись поближе къ нему самому, къ его обстановкѣ, она удивляется его терпѣнію, негодуетъ противъ того, къ чему онъ привыкъ и съ чѣмъ примирялся, требуетъ отъ него разрыва съ прошедшимъ не на словахъ только, а на дѣлѣ. Сомнѣніе, потомъ разочарованіе возникаетъ въ ней скоро — она все-таки ждетъ, ждетъ даже тогда, когда потеряла всякую надежду; но уступать она не умѣетъ, дѣлиться счастьемъ съ Лидіей Матвѣевной и прозябать вмѣстѣ съ Верховскимъ она не можетъ. Отъ героинь „Обломова“ и „Наканунѣ“ Катерина отличается тѣмъ, что выросла и воспиталась ближе къ жизни и къ народу, подъ сильнымъ вліяніемъ отца, рано познакомившаго ее съ бѣдностью, невѣжествомъ, притѣсненіями всякаго рода, пріучившаго ее трудиться для другихъ. У нея есть не только мечты и порывы—у нея есть опредѣленныя убѣжденія, есть практическая программа, т.-е. именно то, чего недостаетъ Верховскому. Отсюда ея превосходство надъ нимъ, отсюда старанія поднять его до ея уровня, отсюда рѣшимость его оставить, разъ что очевидна невозможность достигнуть этой цѣли. Когда Верховской оправдываетъ свое бездѣйствіе нежеланіемъ „похорониться въ пустякахъ, возиться въ грязи“, она возражаетъ ему, что это одни слова, что онъ боленъ не какою-то „болѣзнью вѣка“, а просто лѣнью. „Не говори ты мнѣ о необъятныхъ силахъ, о подвигахъ—нѣтъ подвиговъ! Есть у каждаго свое крохотное дѣло, и съ тѣмъ дай Богъ честно управиться! Вѣдь вся вселенная — изъ безконечно малыхъ! А какъ стройно, какъ хорошо! И подумать только, духъ захватываетъ—каждый изъ насъ пылинка, капля, звукъ, свѣтикъ

въ этой прелести; безъ насъ, каковы мы есть, безъ нашего бѣднаго дѣла—общее дѣло неполно! Ничей трудъ не ничтоженъ, никто не одинокъ, всѣ равны, всѣ свободны"... Возможно ли для Катерины, послѣ разлуки съ отцомъ и съ Верховскимъ, личное счастье—этого мы не узнаемъ; но мы видимъ ее бодрой, дѣятельной, вѣрной тому пути, который она указывала Верховскому. Семь звѣздъ, на которыя она нѣкогда смотрѣла вмѣстѣ съ Верховскимъ, на которыя теперь смотритъ одна, напоминаютъ ей только о прошедшей радости и о прошедшемъ горѣ, между тѣмъ какъ Верховской долженъ видѣть въ нихъ упрекъ въ измѣнѣ—въ измѣнѣ не одной только Катеринѣ.

Чрезвычайно сильной и оригинальной вышла въ „Большой Медвѣдицѣ" фигура Багрянскаго—этого стараго борца за правду, у котораго Катерина научилась „честно дѣлать крохотное дѣло", дѣлать его при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, среди всяческихъ препятствій и затрудненій. Мы видимъ, однако, съ самаго начала, что энергія Багрянскаго виситъ на волоскѣ, что ее поддерживаетъ скорѣе отвлеченная идея долга, чѣмъ любовь къ людямъ. Та доля сердечной теплоты, которая необходима для неустанной, ничѣмъ невознаграждаемой и почти безнадежной работы, черпается Багрянскимъ только въ семейномъ счастьѣ, основанномъ, въ свою очередь, всецѣло на его чувствѣ къ дочери. „Мы, чернорабочіе,—говоритъ онъ,—держимся на свѣтѣ семьей. Не будь у меня дочери—да, Господи-Владыко!.. Домъ—пустырь, есть ли что хуже?" Ему приходится убѣдиться, что есть. Въ благословенный миръ его дома вноситъ фальшивую ноту уже одна вѣсть о предстоящемъ возвращеніи сына; съ появленіемъ Виктора окончательное крушеніе семьи, а слѣдовательно и всей жизни Багрянскаго, становится только вопросомъ времени. Все проиграно въ ту минуту, когда Багрянскій, во имя формальнаго долга, прощаетъ Виктора и осуждаетъ Катерину на совмѣстное житье съ справедливо презираемымъ ею братомъ. Сознаніе вины передъ дочерью, передъ самимъ собою дѣлаетъ Багрянскаго несправедливымъ, раздражительнымъ; сбитый съ толку, въ первый разъ въ жизни сомнѣвающійся и колеблющійся, онъ теряетъ вѣру въ правду—и остается безоружнымъ противъ клеветы, которую Викторъ взводитъ на Катерину. Прежде одно слово дочери убѣдило бы его въ ея невинности—теперь онъ даже не понимаетъ, что она не можетъ и не хочетъ оправдываться. У него остается силы только для того, чтобы покончить какъ можно скорѣе, хотя бы цѣною униженія передъ Волкаревымъ, всѣ счеты съ міромъ. Въ его душѣ воцарился могильный холодъ; холодомъ дышетъ даже

прощанье его съ Катериной. „Не искушай меня,—говоритъ онъ ей, предупреждая ея мысли:—я знаю, ты заговоришь о пользѣ людей... Суета и гордость. Невластенъ никто прибавить себѣ роста ни на локоть единъ—невластенъ никто исправить души людей; а безъ этого—нечего и стараться о нихъ. И не стоютъ! Міръ есть зло“. Вмѣстѣ съ любовью, съ довѣріемъ къ дочери отлетѣло все, что́ составляло силу Багрянскаго, что́ дѣлало его человѣкомъ между Духановыми, Ильицыными и Волкаревыми.

Между другими дѣйствующими лицами романа нѣтъ ни одного блѣднаго, излишняго, банальнаго; Викторъ Багрянскій, Лидія Матвѣевна, супруги Волкаревы принадлежатъ къ числу самыхъ удачныхъ созданій Крестовскаго. Очень своеобразна фигура Лѣсичева, напоминающая немного „хорошенькаго К.“ въ „Аннѣ Михайловнѣ“. Сначала мы видимъ въ немъ просто губернскаго франта, „молодого человѣка изъ избраннаго интимнаго кружка Волкаревыхъ“. Самое чувство его къ Катеринѣ ничѣмъ не отличается, повидимому, отъ обыкновеннаго увлеченія свѣтскаго юноши; онъ какъ бы оправдывается въ немъ передъ Верховскимъ и очень радъ, когда послѣдній подтверждаетъ его мнѣніе о красотѣ Катерины. Ея отказъ сначала раздражаетъ только его самолюбіе—но смутное сознаніе ея душевной чистоты, становясь все болѣе и болѣе сильнымъ, возвышаетъ его надъ мелкой злостью и пробуждаетъ лучшія стороны его натуры. Наступаетъ время, когда онъ любитъ Катерину искреннѣе и глубже, чѣмъ Верховской. Верховской втягивается въ тину провинціальнаго свѣта—Лѣсичевъ рѣшается вырваться изъ этой тины; не чувствуя себя способнымъ къ дѣлу, какъ его понимаетъ Катерина, онъ отворачивается, по крайней мѣрѣ, отъ смѣси бездѣлья съ „дѣлишками“, которая господствуетъ вокругъ него и къ которой онъ самъ былъ причастенъ, пока для него не стало яснымъ ея значеніе.

О сильныхъ и слабыхъ сторонахъ „Большой Медвѣдицы“, какъ художественнаго произведенія, мы поговоримъ въ слѣдующей статьѣ, въ которой разсмотримъ дѣятельность Крестовскаго за время съ 1872 по 1884 г. и подведемъ общіе итоги.

К. Арсеньевъ.

СЕМЕЙНАЯ ТАЙНА

РАЗСКАЗЪ.

I.

Про Аркадія Александровича говорили въ городѣ, что онъ всѣмъ, рѣшительно всѣмъ, обязанъ своей матери, Натальѣ Николаевнѣ Азариновой. И это была сущая правда. Обязанъ онъ ей былъ и воспитаніемъ, по истинѣ блестящимъ, и состояніемъ, которое она съумѣла устроить послѣ смерти мужа. А впослѣдствіи, когда онъ женился, — и семейнымъ счастьемъ, и домашнимъ спокойствіемъ, всѣмъ, всѣмъ обязанъ онъ былъ ей, исключительно ей.

Никто лучше Натальи Николаевны не умѣлъ улаживать запутанные вопросы, находить исходъ изъ такихъ положеній, которые принято считать безвыходными. Утѣшить въ горѣ, успокоить въ раздраженіи, свести во время и помирить враждующихъ, разсѣять возникающее сомнѣніе, выяснить недоразумѣніе, все это она умѣла какъ нельзя лучше.

И сколько любви, преданности, христіанской терпимости вкладывала она въ это дѣло!

На видъ, Наталья Николаевна Азаринова была нарядная, изящная старушка, чрезвычайно симпатичная, веселая и живая.

Всегда здоровая и бодрая, всѣмъ-то она интересовалась, во все вникала, обо всемъ заботилась. Весь домъ, можно сказать, держался ею и, надо ей отдать справедливость, держался отлично. Такого стола, какъ у Азариновыхъ, такой образцовой прислуги и такого порядка въ домѣ, мало у кого можно было найти.

Весь день на ногахъ, всюду поспѣвала старушка. И въ кухню заглянетъ, и въ классную внуковъ, и въ комнату невѣстки, и у

тети Лизы посидитъ съ работой въ рукахъ, и въ кабинетѣ сына разъ десять на дню побываетъ. И ужъ каждый день, непремѣнно, даже въ дурную погоду, по саду пройдется. Безъ нея садовникъ ни одного кустика не посадитъ, ни одной клумбы не засѣетъ. Цвѣты всегда были ея страстью. И что за цвѣты были у Азариновыхъ, что за растенія! Вездѣ, куда только могъ проникнуть лучъ свѣта, что-нибудь да цвѣло, распускалось, благоухало!

Учиться ухаживать за растеніями и за дѣтьми, пріѣзжали къ Натальѣ Николаевнѣ со всѣхъ концовъ Москвы.

Пріѣзжали къ ней также и за другимъ—потолковать о домашнемъ затрудненіи, погоревать о семейномъ несчастьи. Раскинуть умомъ въ чужой бѣдѣ, ободрить и утѣшить, никто лучше ея не могъ. Удивительно мягко, осторожно и ловко умѣла она обращаться съ наболѣвшимъ сердцемъ, чье бы сердце это ни было—ребенка, старика или юноши. Тепло и отрадно было около нея всѣмъ, рѣшительно всѣмъ.

Лизавета Ивановна Гордынина, иначе говоря, тетя Лиза, (такъ звали ее не только всѣ члены семьи Азариновой, но также и знакомые ихъ), тетя Лиза съ первой же минуты, какъ увидала ее, та́къ прилѣпилась къ ней, что жить безъ нея не могла. А между тѣмъ, она даже и родней не могла ей считаться.

Странно иногда складывается судьба человѣка.

Тетя Лиза приходилась дальней родственницей Еленѣ Константиновнѣ, женѣ Аркадія Александровича Азаринова.

Она была замужемъ и жила въ провинціи, изрѣдка переписываясь съ кузиной Еленой, которая, такимъ образомъ, одна изъ первыхъ узнала о болѣзни ея мужа, а затѣмъ была увѣдомлена депешей объ его смерти.

Извѣстіе это поразило молодую женщину. Сама она такъ счастлива была съ мужемъ, такъ обожала своего Аркадія и такъ страстно была имъ любима, что не могла не сочувствовать всей душой несчастью, обрушившемуся на ея подругу дѣтства.

Къ тому же, она хорошо знала Лизу, ея безпомощность въ житейскихъ дѣлахъ, ея младенческіе взгляды на все.

— Я себѣ представить не могу, что съ нею теперь будетъ! — повторяла она со слезами, перечитывая свекрови депешу съ печальнымъ извѣстіемъ. — Она дитя, чистое дитя! Ленточки не съумѣетъ одна купить! Счета деньгамъ совсѣмъ, совсѣмъ не знаетъ. Мужъ съ нею какъ съ новорожденнымъ младенцемъ носился. И вдругъ, теперь одна, съ большимъ состояніемъ на рукахъ! Ее непремѣнно оберутъ, все у нея растащутъ, непремѣнно, не-

премѣнно! Въ такомъ горѣ и поумнѣе женщина можетъ совершенно растеряться.

— Надо сказать Аркадію, онъ туда съѣздитъ и поможетъ ей устроить дѣла,—рѣшила бабушка.

Какъ обнимала ее за эту добрую мысль Елена Константиновна! Какъ горячо благодарила ее!

Аркадій Александровичъ на другой же день поѣхалъ въ тотъ городъ, гдѣ жила родственница его жены и, наскоро устроивши ея дѣла, привезъ ее съ собой въ Москву поразвлечься отъ тяжелыхъ впечатлѣній.

Пріѣхала она сюда всего только на одинъ мѣсяцъ, а вотъ, прошло съ тѣхъ поръ пятнадцать лѣтъ и еслибъ кто-нибудь спросилъ у нея, какъ это случилось, что она такъ долго зажилась въ чужой семьѣ, она, пожалуй, не поняла бы этого вопроса. Чужая? Семья Азариновыхъ? Да она съ первыхъ же дней сдѣлалась ей ближе и роднѣе ея собственной семьи! Никогда не была она такъ счастлива, даже съ мужемъ, какъ здѣсь! Нигдѣ, даже въ собственномъ домѣ, не было ей такъ хорошо, весело и уютно.

Со свойственною ей откровенностью, тетя Лиза готова была сознаваться въ этомъ всѣмъ и каждому.

Когда, ко всеобщему удовольствію, было рѣшено, что она у нихъ останется, Аркадій Александровичъ отдѣлалъ для нея двѣ комнаты на верху. Для бо́льшаго удобства, изъ этихъ комнатъ сдѣлана была лѣстница винтомъ, спускавшаяся прямо въ прихожую, для того, чтобъ тетя Лиза чувствовала себя вполнѣ хозяйкой въ своемъ помѣщеніи и могла бы выходить куда угодно и принимать кого хочетъ, никого не стѣсняя и себя не безпокоя.

Комнаты свои она разукрасила роскошно, радуясь какъ ребенокъ безчисленнымъ бездѣлушкамъ, натасканнымъ сюда со всѣхъ концовъ города, изо всѣхъ магазиновъ, мимо которыхъ она проходила.

Много было наивно-дѣтскаго въ этой рослой женщинѣ, съ густыми рыжеватыми волосами и большими, голубыми глазами на выкатъ.

Изящной и граціозной назвать ее было бы трудно. Особенною деликатностью манеръ и хорошимъ воспитаніемъ она тоже не отличалась, но у нея былъ пышно развитой станъ и руки античной формы, все, что́ требуется для того, чтобъ женщину назвать красивой. Къ тому же она была богата. Все это вмѣстѣ взятое дѣлало изъ нея завидную невѣсту и ей ничего не стоило бы выйти замужъ.

Но тетя Лиза смѣялась, когда ей говорили объ этомъ. Ей было такъ хорошо у Азариновыхъ! Отъ добра добра не ищутъ.

Дни шли за днями, годъ за годомъ, тетя Лиза старѣла. Теперь ужъ у нея никто не спрашивалъ, почему она не выходитъ замужъ. Всѣ такъ привыкли видѣть ее у Азариновыхъ, что никто и представить себѣ не могъ, чтобъ было иначе.

Съ лѣтами она растолстѣла, обрюзгла немножко и талья у нея поиспортилась. Находили также, что она поглупѣла съ лѣтами. Ну, они, вѣроятно, ее раньше не знали. Дѣло въ томъ, что тетя Лиза была всегда, что называется, съ придурью. Но придурь эта была въ ней удивительно мила и симпатична. Надъ ея наивностями можно было хохотать до упаду. Ихъ повторяли при каждомъ удобномъ случаѣ у Азариновыхъ и у ихъ знакомыхъ, не стѣсняясь при этомъ нимало ея присутствіемъ. Да и нечего было стѣсняться, она всегда сама была готова надъ собой смѣяться вмѣстѣ съ другими, вполнѣ искренно и добродушно.

Les extrêmes se touchent, говорятъ французы. Въ данномъ случаѣ тетя Лиза какъ нельзя лучше подтверждала справедливость этой поговорки. Она какъ будто сознавала въ себѣ недостатокъ ума и отъ великой простоты своей мирилась съ нимъ, точно такъ же, какъ очень умные люди мирятся съ какимъ-нибудь физическимъ недостаткомъ, неисправимымъ уродствомъ, въ родѣ горба, напримѣръ, и тому подобное.

За большимъ обѣденнымъ столомъ, въ свѣтлой, длинной столовой, съ окнами въ садъ, тетя Лиза занимала мѣсто противъ бабушки, которая увѣряла, что смотрѣть на нее, когда она кушаетъ, возбуждаетъ аппетитъ.

По правую ея сторону и по лѣвую, помѣщались кавалеры— Аркадій Александровичъ и сынъ его, восемнадцати-лѣтній студентъ, Володя.

Дальше, въ концѣ стола, возсѣдала Катенька, пятидесятилѣтняя дѣва, бывшая бонна Володи, чопорная особа, съ старо-институтскими ужимками. Всему, каждой мелочи и всякимъ пустякамъ, придавала она великое значеніе, и даже чай и супъ разливала торжественно, точно священнодѣйствіе какое совершала. Второе отличительное свойство Катеньки состояло въ томъ, что она всего боялась, воровъ, таракановъ, сквозного вѣтра, мышей, скабрезныхъ словъ и пауковъ. Третья же ея особенность заключалась въ такой непомѣрной обидчивости, что ей, кромѣ какъ у Азариновыхъ, нигдѣ нельзя было бы жить. Вездѣ, въ каждомъ другомъ домѣ, обижали бы ее каждый день, каждую минуту,—неумышленно, конечно, обидѣть умышленно такое доброе, услужливое существо

никому и въ голову бы не пришло, но для Катеньки, которая разливалась горючими слезами, когда кто-нибудь забывалъ поздороваться съ нею или когда Володя скажетъ въ шутку, что онъ любитъ больше своего стараго дядьку Фриша, чѣмъ ее, всѣ обиды были равны и одинаково больно уязвляли ей сердце.

Изъ-за этого-то больше и оставляли ее въ домѣ у Азариновыхъ.

Противъ Катеньки, возлѣ дочери, четырнадцати-лѣтней Манички, было мѣсто Елены Константиновны Азариновой, миніатюрной, болѣзненной женщины, съ задумчивыми глазами.

Тонкія черты ея нѣжнаго, продолговатаго лица были точно выточены изъ слоновой кости. Сравненіе это тѣмъ болѣе подходило къ ней, что цвѣтъ ея кожи, очень тонкой, съ легкимъ румянцемъ на щекахъ, отсвѣчивалъ слегка прозрачной желтизной именно того оттѣнка, которымъ окрашивается слоновая кость отъ времени.

Нѣкогда прехорошенькая, Елена Константиновна и теперь слыла одной изъ изящнѣйшихъ женщинъ въ городѣ и появленіе ея на балахъ, весьма, впрочемъ, рѣдкое (послѣднее время она совсѣмъ перестала выѣзжать), всегда производило эффектъ и возбуждало толки о томъ, какъ хороша она была прежде и какъ жаль, что такъ рано состарилась и поблекла.

Вѣдь ей было лѣтъ тридцать-семь, не больше, и еслибъ не болѣзнь, отъ которой она пять лѣтъ сряду лечилась за-границей, таинственная какая-то болѣзнь, о которой не иначе говорили въ домѣ, какъ понижая голосъ, еслибъ не болѣзнь эта, безповоротно повліявшая на все ея существо, Елена Константиновна и теперь, пожалуй, заткнула бы за поясъ любую красавицу изъ молодыхъ, не только красотой, но также симпатичностью, умѣніемъ одѣваться и всѣхъ очаровывать умомъ, оригинальнымъ и живымъ, простотою обращенія, блестящимъ воспитаніемъ.

Еслибъ только не эта несчастная болѣзнь!

Не говоря ужъ о томъ, что благодаря ей, Елена Константиновна прежде времени состарилась и что вся она сгорбилась, какъ бы надломленная, многіе находили, что слѣды умственнаго разстройства, которому она подверглась четырнадцать лѣтъ тому назадъ, послѣ рожденія второго ребенка, дочери, до сихъ поръ отражаются и во взглядѣ ея, порою слишкомъ пристальномъ, и въ улыбкѣ, дѣланной подчасъ, натянутой, какъ будто она насилуетъ себя разговаривать и смѣяться, чтобъ скрыть затаенную муку, постоянно грызущую ей сердце.

Но думать такъ могли только люди, не знавшіе хорошо ни

ея, ни ея жизни, ни обстановки. Тѣ же, которымъ было извѣстно и то, и другое, и третье, въ одинъ голосъ утверждали, что Елена Константиновна вполнѣ счастлива.

И люди эти были правы.

Быть женой Аркадія Александровича, имѣть свекровью Наталью Николаевну, ужъ одно это чего стоило! А состояніе, а положеніе въ свѣтѣ? И наконецъ, дѣти, прелестныя, здоровыя, любящія дѣти. Какого еще счастья нужно для женщины, даже самой взыскательной и набалованной съ дѣтства?

А Еленѣ Константиновнѣ набаловаться было негдѣ и нечѣмъ.

Воспитывалась она при отцѣ. Старикъ былъ человѣкъ странный. Когда-то чуть не государственный дѣятель, онъ необыкновенно быстро слетѣлъ съ пьедестала и послѣдніе годы своей жизни влачилъ безцвѣтное, праздное существованіе то за границей, то въ деревнѣ.

Дочь свою онъ всюду таскалъ за собой, заставляя ее читать такія книги, которыхъ дѣвушки никогда не читаютъ, и вести знакомство съ такими людьми, которыхъ въ такъ-называемомъ порядочномъ обществѣ не принимаютъ.

О дальнѣйшей ея судьбѣ, о томъ, чтобъ упрочить ея судьбу, ему и въ голову не приходило заботиться.

Съ Азариновымъ знакомство произошло случайно. Аркадій Александровичъ сдѣлалъ визитъ своему будущему тестю по поводу какой-то выставки, въ устройствѣ которой оба принимали живое участіе.

Не встрѣтиться у старика съ его дочерью было бы трудно: она находилась при немъ безотлучно. Молодые люди почти съ перваго разу влюбились другъ въ друга.

Предложеніе Азаринова было принято отцомъ Елены Константиновны далеко не съ тѣмъ восторгомъ, котораго люди, коротко знавшіе сына Натальи Николаевны, въ правѣ были ожидать.

Старый чудакъ отнесся къ выбору дочери не только холодно, но даже какъ-то иронически, не скрывая при этомъ, что не такого зятя надѣялся онъ имѣть, и какъ будто удивляясь выбору дочери. Мечталъ, вѣрно, что она предпочтетъ Азаринову котораго-нибудь изъ тѣхъ „философовъ", составлявшихъ исключительно его общество.

А между тѣмъ, можно было бы, кажется, обѣими руками перекреститься за такое счастье. Оно упало имъ съ неба само собою: не надо было для этого ни вывозить Елену Константиновну въ свѣтъ, ни тратиться на наряды.

Впрочемъ, ни того, ни другого отецъ ея не могъ бы сдѣ-

лать, еслибъ даже и захотѣлъ. Кромѣ пенсіи, правда довольно крупной, да ничтожнаго имѣньишка въ псковской губерніи, какъ извѣстно одной изъ наименѣе плодородныхъ въ Россіи, у него ничего не было. Первый балъ его дочери былъ тотъ, на который она вошла подъ руку съ мужемъ, первый браслетъ, который она на себѣ увидѣла, былъ подаренъ ей свекровью, Натальей Николаевной Азариновой. Безприданица въ полномъ смыслѣ этого слова.

Да, не такую партію могъ бы, какъ говорится, сдѣлать Аркадій Александровичъ. До встрѣчи съ теперешней своей женой, онъ слылъ однимъ изъ первыхъ жениховъ въ Москвѣ и посватайся онъ тогда за какую угодно изъ дѣвицъ петербургскаго или московскаго beau monde, даже самую знатную и богатую, каждая бы за него пошла съ радостью.

И не то, чтобъ состояніе у него было особенно большое или чтобъ онъ былъ блестящъ и остроуменъ сверхъ мѣры, или вообще, чѣмъ бы то ни было отличался отъ такъ-называемыхъ хорошихъ жениховъ, нѣтъ, въ томъ-то и заключалось обаяніе этого счастливца, что ничѣмъ особеннымъ онъ не отличался, а было въ немъ всего въ мѣру, какъ разъ столько, сколько нужно на пользу и утѣху своихъ ближнихъ, ни больше ни меньше.

Рѣдко попадаются субъекты, одаренные такъ удачно, какъ Аркадій Александровичъ. Именно удачно, не столько счастливо, сколько удачно.

Въ каждомъ человѣкѣ какое-нибудь свойство да преобладаетъ надъ прочими, бьетъ въ глаза болѣе или менѣе рѣзко, возбуждая непріятное чувство зависти или отвращенія, смотря по тому, въ какую сторону развилось уродство, въ ту, что принято называть хорошей, или дурной. Ничего подобнаго не было въ Аркадіи Александровичѣ, и хотя онъ нравился всѣмъ женщинамъ безъ исключенія, его даже и особенно красивымъ нельзя было назвать. Такихъ открытыхъ русскихъ лицъ, съ смышлеными сѣрыми глазами и русой бородой, встрѣчается очень и очень много.

Правда, улыбка у него была замѣчательно пріятная, потому, можетъ быть, что зубы у него были очень бѣлы, а губы того пурпуроваго цвѣта, которымъ отличаются губы здоровыхъ сангвиниковъ. Какъ бы тамъ ни было, но онъ былъ очень привлекателенъ, когда смѣялся. Лицо его озарялось тогда какимъ-то внутреннимъ восторгомъ. И что за милый, задушевный, искренній смѣхъ! Звучный, раскатистый и до такой степени заразительный, что его можно было бы назвать наивнымъ, еслибъ при этомъ

глаза его не щурились лукаво, какъ у жирнаго кота, когда его щекотятъ за ухомъ.

За одинъ этотъ смѣхъ можно было полюбить его безъ памяти. За одинъ этотъ смѣхъ могъ бы онъ прослыть душою общества, а кромѣ того, онъ неподражаемо разсказывалъ анекдоты и преуморительно передразнивалъ своихъ знакомыхъ,—самымъ невиннымъ образомъ, конечно, и безобиднымъ, никогда не останавливаясь ни на подлости человѣка, ни на порокахъ его, а только слегка прохаживался на счетъ тѣхъ или другихъ свойствъ и особенностей, надъ чѣмъ они и сами не прочь были бы посмѣяться подчасъ,—тщательно избѣгая при этомъ, слишкомъ больно задѣвать прекрасный полъ и, Боже упаси! тѣхъ старушекъ, отъ которыхъ зависитъ репутація людей въ тѣхъ обществахъ, гдѣ онѣ проводятъ свою долгую, досужую жизнь, наполненную неисчерпаемыми интригами и сплетнями.

Всѣ эти старушки, пріятельницы его матери, обожали Аркадія Александровича и на всѣ лады воспѣвали его добродѣтели. Особенно прекраснымъ и трогательнымъ находили въ немъ его отношенія къ матери. Такого почтительнаго и любящаго сына по истинѣ трудно было найти. Про него разсказывали, что откуда бы онъ ни вернулся домой, какъ бы поздно ни закутился у пріятеля или ни затанцовался на балѣ, никогда не ложился онъ спать прежде, чѣмъ не зайти въ комнату матери и не побесѣдовать съ нею на сонъ грядущій, если она еще не улеглась.

Разсказы эти были, быть можетъ, преувеличены, но въ основаніи ихъ было столько истины, что за точностью въ подробностяхъ не стоило гоняться.

Московскія старушки, знавшія его съ дѣтства, восхищавшіяся имъ, когда онъ былъ подросткомъ и студентомъ, принялись дѣятельно хлопотать объ устройствѣ дальнѣйшей его судьбы, когда онъ превратился въ блестящаго жениха.

Хлопотали онѣ тѣмъ болѣе усердно, что у каждой изъ нихъ, была какая-нибудь Наденька, Машенька, Лилиша или Наташа, которую надо было пристроить за хорошаго и состоятельнаго человѣка. Походъ противъ свободы молодого Азаринова былъ составленъ весьма ловко и искусно. Подводились всевозможныя ловушки и капканы, терпѣливо, безъ устали, въ продолженіе всего того времени, что онъ парадировалъ въ качествѣ жениха на всѣхъ выставкахъ столичныхъ невѣстъ.

И странное дѣло, когда случилось такъ, что онъ обманулъ, нежданно-негаданно, всеобщія ожиданія и женился на дѣвушкѣ, которую никто ему не сваталъ и которую никто въ Москвѣ не

зналъ, на петербургской какой-то, поступокъ этотъ не отвратилъ отъ него сердца, какъ отъ всякаго другого, который выкинулъ бы такую штуку, и разъ составленное о немъ мнѣніе не измѣнилось. И если прежде ставили его въ примѣръ какъ прекраснаго сына и достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ молодого человѣка шалопаямъ, не умѣющимъ ни жить какъ слѣдуетъ, ни умирать кстати, то теперь ему отдавали полнѣйшую справедливость, утверждая, что такого мужа и отца трудно найти.

Противъ этого даже злѣйшіе враги Аркадія Александровича, еслибъ у него таковые могли быть, ничего не нашлись бы возражать.

Сердце у него было золотое и терпѣніе неистощимое. Ну, кто бы на его мѣстѣ сталъ возиться съ больной женой (да еще больной такою страшною болѣзнью) такъ, какъ онъ возился со своей Еленой Константиновной? Рѣшительно никто.

Мать его разсказывала, что его просто силой надо было увезти изъ того мѣстечка въ Бельгіи, гдѣ лечилась его жена. Еслибъ доктора не настояли на необходимости отдалить больную отъ всего, что̀ напоминало ей прежнюю жизнь и обстановку, онъ бросилъ бы и хозяйство, и дѣла, и службу, бросилъ бы даже дѣтей, чтобъ превратиться въ усерднѣйшую сидѣлку при съумасшедшей женѣ.

Тётя Лиза (вотъ еще ангельская-то душа!) помогала ему въ этомъ, насколько могла. За-границу она поѣхала вмѣстѣ съ ними, да съ горничной Натальи Николаевны, Михѣевной.

Сама Наталья Николаевна осталась съ внучатами въ Москвѣ. Ихъ было двое — Володя четырехъ лѣтъ и новорожденная Маничка. Черезъ тётю Лизу бабушка каждую недѣлю имѣла извѣстія о сынѣ и о невѣсткѣ.

Ужасныя вещи сообщала тётя Лиза.

„Милая бабушка, увезите отсюда Аркадія, ради Бога увезите его скорѣе“, писала она послѣ двухнедѣльнаго пребываніе за границей. „Чего добраго самъ заболѣетъ. Здѣсь это случается. Пріѣдетъ человѣкъ совсѣмъ здоровый, а поживетъ съ съумасшедшими и самъ лишится разсудка. Мнѣ это говорилъ тотъ самый докторъ, у котораго наша бѣдная Лена лечится. А ему нельзя не вѣрить, къ нему даже принцъ одинъ пріѣзжалъ совѣтоваться на дняхъ, я сама видѣла. Увезите отсюда Аркадія, милая бабушка, не пришлось бы каяться потомъ, если этого не сдѣлаете, да ужъ поздно будетъ“.

Въ письмѣ былъ postscriptum. „Я пишу вамъ секретно отъ Аркадія, онъ очень разсердится, если узнаетъ. Вы ему въ пись-

махъ объ этомъ не упоминайте, а пріѣзжайте только сами скорѣе, это главное".

Бабушка мигомъ собралась.

Никогда еще не бывала она за границей и, какъ Господь ее донесъ до мѣста, она и сама не понимала.

Однако добралась и довольно даже благополучно. Въ одномъ только мѣстѣ приключился съ нею непріятный казусъ: при перемѣнѣ вагоновъ, нечаянно попала не въ тотъ, въ который слѣдовало, а въ такой, что ѣхалъ назадъ, и черезъ это должна была потерять лишніе сутки въ дорогѣ.

Ну, да это и бѣдой назвать нельзя, если взять въ соображеніе, какъ быстро тамъ все дѣлается, какъ мало времени стоятъ поѣзда на станціяхъ, и вообще какъ трудно приноровиться къ тамошнимъ порядкамъ русской барынѣ, которая изъ Москвы до Петербурга никогда иначе не ѣздила, какъ въ сопровожденіи горничной и лакея. А тутъ совсѣмъ одна пустилась въ путь, да еще по-нѣмецки ни слова не знаетъ.

Нѣтъ, можно сказать, что бабушка необыкновенно счастливо доѣхала и какъ разъ во время. Опоздай она на недѣльку или на двѣ, Богъ знаетъ, что́ случилось бы!

Перемѣна въ сынѣ даже испугала ее, до такой степени изстрадался онъ за это время.

— Мертвецъ, чисто мертвецъ изъ гроба вставшій!—разсказывала она своимъ безчисленнымъ пріятельницамъ и пріятелямъ по возвращеніи своемъ въ Москву.—Худъ, блѣденъ, грудь ввалилась, кашлять началъ. Доктора пугаютъ. Одинъ мнѣ говоритъ: si vous ne l'emmenez pas, madame, il en mourra. Можете себѣ представить? А другой:—мы, говоритъ, и за нее не ручаемся, если мужъ при ней останется. Я ему на это: — повторите это моему сыну, пожалуйста.—Съ удовольствіемъ, говоритъ, и даже это наша прямая обязанность. И дѣйствительно, тутъ же при мнѣ, то же самое и Аркадію повторилъ. Чтожъ оставалось дѣлать послѣ этого? Я ему говорю: Аркадій, вѣдь у тебя дѣти, пожалѣй хоть ихъ, если меня не жалѣешь! Да и о дѣлахъ надо тоже позаботиться, нельзя такъ жить спустя рукава. Сколько ужъ времени ты въ деревнѣ не былъ! А вѣдь деньги нужны, для нея же нужны. Чѣмъ ты ее здѣсь будешь содержать, если разоришься, Боже упаси?

Только этими доводами и удалось заставить Аркадія Александровича разстаться съ женой и уѣхать обратно въ Россію.

Уѣхали назадъ всѣ вмѣстѣ, Аркадій Александровичъ съ матерью и тетя Лиза. При больной осталась одна Михѣевна.

Тетѣ Лизѣ тоже надо было отдохнуть. Крѣпка, крѣпка, а все же утомилась за это время, даже съ лица немножко осунулась. Больше оттого, вѣроятно, что кушаньями ей за границей нигдѣ не могли угодить. Да и трудно было бы ей тамъ угодить. Безъ кулебяки тетя Лиза никогда за столъ не садилась и приплачивала отъ себя десять рублей въ мѣсяцъ повару Григорьичу для того только, чтобъ онъ гуся съ яблоками, да поросенка съ кашей готовилъ такъ, какъ у нея дома готовили, въ томъ городѣ, гдѣ она съ мужемъ жила до переѣзда въ Москву.

Вернувшись въ Россію, она быстро поправилась. На такихъ счастливыхъ натурахъ нравственныя потрясенія глубоко не отражаются и можно сказать, что тетя Лиза ни отъ какой печали аппетита не теряла.

Да и слава Богу, что она была такая здоровая да крѣпкая.

Плохо бы всѣмъ пришлось, еслибъ она вздумала нервничать, да хворать въ то время!

Она и съ дѣтьми занималась, какъ умѣла, и кататься съ ними ѣздила, съ бабушкой въ пикетъ по вечерамъ играла и Аркадія Александровича развлекала.

Все же, вернется домой, есть лишній человѣкъ, съ которымъ и поболтать можно, и пошутить, и посмѣяться.

Каждые три мѣсяца Азариновъ ѣздилъ за границу навѣщать жену, да разъ въ годъ дѣтей къ ней возили.

Можно себѣ представить, какихъ это денегъ стоило!

А нельзя было не возить, тосковала она слишкомъ безъ нихъ.

Да, не въ упрекъ ей будь сказано, а много горя, много хлопотъ стоила Елена Константиновна мужу!

Ну, да чтожъ, на все воля Божія! Бабушка не винила ее за это, Боже сохрани! И не роптала на судьбу, но все же нельзя было не пожалѣть, что такъ случилось, что въ самомъ что ни на есть важномъ въ жизни, въ выборѣ супруги, Аркадій Александровичъ не положился вполнѣ на мать. Не такую бы жену она выбрала своему сыну, еслибъ на то была ея воля! Ей всѣ московскія невѣсты были на перечетъ извѣстны. И семьи ихъ, и нравы, и характеръ, и состояніе этихъ семей, все, до малѣйшей подробности, до послѣдней копѣечки!

И была бы теперь у Аркадія Александровича жена здоровая, веселая, безъ нервовъ. Не надо было бы тогда и съ заграничными докторами водиться, и съ лечебницами знаться. Не пришлось бы и въ долги влѣзать, капиталъ тети Лизы трогать, да имѣніе въ банкъ закладывать.

— Никакихъ дѣлъ, никакихъ заботъ не знали бы мы теперь, а

жили бы себѣ припѣваючи,—частехонько-таки вздыхала бабушка, повѣствуя о своихъ печаляхъ, которой нибудь изъ своихъ многочисленныхъ пріятельницъ, такой же матери семейства, какъ и она сама. Конечно у каждаго свое горе и у каждаго свой крестъ,—спѣшила она тотчасъ же оговориться. Мы еще должны Бога благодарить за то, что на дѣтяхъ ничего не отразилось!

II.

Правда, на дѣтяхъ болѣзнь Елены Константиновны не отразилась. Дѣти были умныя, здоровыя и добрыя, какъ вся семья Азариновыхъ.

Володя, вылитый портретъ отца, былъ красивый веселый юноша. У него ужъ и усики пробивались надъ пухлой, слегка приподнятой, какъ у отца, верхней губой. На него ужъ засматривались очень юныя дѣвицы, встрѣчаясь съ нимъ по утрамъ на улицахъ, прилегающихъ къ университету. Да и самъ онъ безпрестанно влюблялся то въ одну барыню, то въ другую. Мечталъ даже жениться, по окончаніи университетскаго курса, на вдовѣ одной, лѣтъ на десять его старше, которую онъ встрѣтилъ раза два у товарища. Ну, вотъ точь въ точь отецъ, который семи лѣтъ отъ роду уже строилъ куры рябой поповнѣ, гостившей у нихъ, по лѣтамъ, въ деревнѣ.

Уморительно разсказывала про это бабушка. У нея былъ неистощимый запасъ всевозможныхъ анекдотовъ про сына, изо всѣхъ временъ его жизни, начиная съ минуты его рожденія, когда даже трудно себѣ представить, чтобъ было что разсказать про ребенка.

— Ты на счетъ Володиньки не безпокойся,—говаривала она своей невѣсткѣ, когда ей казалось, что Елена Константиновна относится слишкомъ серьезно къ увлеченіямъ сына.—У него и амуры съ женщинами, и дружба съ товарищами далеко не зайдутъ. У него все это въ мѣру выйдетъ и благородно кончится, вотъ увидишь. Не даромъ же онъ весь въ отца. Вотъ Маничка, та другое дѣло, за ней надо глаза да глаза. Много хлопотъ она намъ надѣлаетъ,—пророчила опытная старушка, тревожно слѣдя за своевольными вспышками упрямой, впечатлительной внучки, у которой что ни день, то новый капризъ, новая выдумка какая-нибудь.

Сегодня ко всѣмъ ласкается, мила, кротка и послушна, завтра—никто и не подступайся, на всѣхъ волченкомъ смотритъ, что ни слово, то дерзость, всѣхъ такъ и обрываетъ, никому спуску не дастъ. Съежится вся и глядитъ исподлобья. Глазенки между

кудерками сверкаютъ, злющіе. И вдругъ все прошло, звонко хохочетъ, болтаетъ безъ умолку, всякими пустяками тѣшится, ко всѣмъ съ разспросами пристаетъ. А тамъ, глядишь, безъ всякой причины смолкла, забилась въ уголокъ, плачетъ тихонько.—Что съ тобой? Кто тебя огорчилъ?—На все одинъ отвѣтъ:—Ничего, оставьте меня... Мнѣ скучно... Я такъ...

И чѣмъ скорѣе отстанутъ, тѣмъ скорѣе успокоится.

И въ ученіи тѣ же порывы и капризы. Что на лету схватила, сейчасъ поняла и знаетъ, а чего не захочетъ понять, кончено: что́ хочешь дѣлай, ни за что въ голову не вобьешь. Лучшихъ учителей и опытнѣйшихъ преподавательницъ ставила она въ тупикъ и доводила до отчаянья внезапною тупостью и непонятливостью.

Но съ недавнихъ поръ Маничка стала все понимать, всему хорошо учиться. Перемѣна эта произошла внезапно, съ того дня, какъ Елена Константиновна, наслышавшись о томъ, какъ бьются съ ея дочерью учителя и гувернантки, предложила сама готовить съ нею уроки.

— Да ты никогда этимъ не занималась,—замѣтила ей свекровь.

— Попробую,—улыбнулась Елена Константиновна.—Не думаю, чтобъ ужъ это было такъ трудно.

И ко всеобщему изумленію, дѣло у нихъ пошло отлично.

Каждый вечеръ, послѣ чая, Маничка забирала свои книги и тетради и шла въ комнату матери.

Всѣ были увѣрены, что долго продолжаться это не будетъ, что и дѣвочкѣ наскучитъ проводить цѣлые вечера въ обществѣ вѣчно серьезной и молчаливой матери, да и Елену Константиновну должны были утомить непривычныя занятія съ рѣзвой, нетерпѣливой дѣвочкой.

Предполагать въ Еленѣ Константиновнѣ какія бы то ни было наклонности къ педагогической дѣятельности никому и въ голову не приходило. Да и сама она врядъ ли подозрѣвала въ себѣ такого рода способность. Это была первая ея проба.

До сихъ поръ ей еще не доводилось заниматься съ дѣтьми, ни съ чужими, ни со своими. До болѣзни, выѣзды въ свѣтъ, да страстно любимый мужъ, поглощали все ея время, а по возвращеніи изъ-за границы вышло такъ, что она сама уклонилась отъ своей роли хозяйки дома и на всѣ предложенія измѣнить порядки, заведенные бабушкой и тетей Лизой, во время ея пятилѣтняго отсутствія, она поспѣшила заявить, что всѣмъ довольна, ничего лучшаго придумать не можетъ и пусть все останется такъ, какъ было безъ нея.

Послѣ нѣсколькихъ попытокъ втянуть ее въ прежнюю жизнь, рѣшено было, скрѣпя сердце, оставить ее въ покоѣ и терпѣливо ждать той минуты, когда она сама пожелаетъ прекратить свое добровольное затворничество и занять надлежащее ей мѣсто въ домѣ и въ обществѣ.

Но время шло, а минута эта не наступала. Напротивъ того, деньото дня все больше и больше удалялась она ото всѣхъ.

Ко всему можно привыкнуть, привыкли и къ этому. Привыкли видѣть ее только за обѣдомъ. Привыкли къ тому, что за столомъ она сидитъ большею частью молча, не вмѣшиваясь въ веселую болтовню окружающихъ, ни въ чемъ не принимая участія.

Постепенно и послѣдовательно стушевывалась она, уходила въ самою себя, какъ улитка въ свою раковину, незамѣтно порывая, одну за другой, всѣ связи съ окружающимъ міромъ, съ домашними, съ прежними пріятельницами и знакомыми.

Ее стали забывать. Случалось такъ, что лучшіе друзья г-на Азаринова, разспрашивая его про мать, про тетю Лизу, про Володю и Маню, забывали освѣдомиться о здоровьѣ его жены.

Самъ онъ, правда, не переставалъ о ней заботиться и когда случалось, что дѣла задерживали его съ утра до вечера въ городѣ, вернувшись домой, онъ всегда спрашивалъ:—Что Лена? Выѣзжала ли она сегодня?

И на отвѣтъ бабушки или тети Лизы, что Еленѣ Константиновнѣ, по обыкновенію, предлагали покататься, но что она уступила свое мѣсто въ коляскѣ гувернанткѣ, Катенькѣ или другому кому-нибудь (Елена Константиновна всегда кому-нибудь уступала свое мѣсто), Аркадій Александровичъ замѣчалъ, что напрасно ее не уговорили поѣхать, что погода была чудесная, что воздухъ благотворно подѣйствовалъ бы на ея здоровье. И заговаривалъ о другомъ.

Не забывалъ также Азариновъ освѣдомиться о здоровьѣ жены у домашняго ихъ доктора, сѣденькаго старичка съ орденомъ на шеѣ, который непремѣнно раза два въ недѣлю заѣзжалъ къ Азариновымъ, даже и тогда, когда у нихъ не было больныхъ, заѣзжалъ, чтобъ провѣдать свою старую пріятельницу Наталью Николаевну.

Потолковавши съ докторомъ о женѣ, Аркадій Александровичъ всегда на долго успокоивался. Даже и тогда успокоивался, когда Петръ Густавовичъ отвѣчалъ на его разспросы не повидавшись съ Еленой Константиновной. Да ему и видѣть ее было не для чего, онъ такъ хорошо зналъ ея натуру, что всегда могъ съ увѣренностью поручиться за то, что серьезнаго внутренняго

поврежденія у нея никогда не было и ни въ какомъ случаѣ быть не можетъ.

По его мнѣнію, здоровье ея было въ цвѣтущемъ состояніи. А что худѣетъ она со дня на день все больше и больше, ужъ это отъ комплекціи зависитъ, ни отъ чего больше. Она худѣла, а тетя Лиза толстѣла, хе, хе, хе! Это въ порядкѣ вещей и ничѣмъ тутъ помочь не возможно.

Говорилъ докторъ добродушно ухмыляясь и покуривая дорогую сигару передъ пылающимъ каминомъ въ уютной комнатѣ съ низкими турецкими диванами, въ которой семья Азариновыхъ любила собираться въ досужее время.

Тутъ было и кресло бабушки у окна, со скамеечкой и столикомъ для ея рабочей корзинки. И уголокъ тети Лизы на оттоманкѣ, и мѣсто Володи передъ столомъ съ лампой. При свѣтѣ этой лампы такъ весело было рисовать или клеить что-нибудь, прислушиваясь къ веселымъ разсказамъ отца о происшествіяхъ дня или къ занимательнымъ воспоминаніямъ бабушки.

Въ этой комнатѣ, примыкавшей съ одной стороны къ столовой, а съ другой къ кабинету Аркадія Александровича, былъ также уголокъ Манички за кресломъ бабушки. Сюда натаскивала она въ былое время свои куклы, а позже книги съ картинками и безъ картинокъ, выскакивая по временамъ изъ своей засады, чтобъ кинуться на шею бабушкѣ или прыгнуть, въ припадкѣ нѣжности, на колѣни отца, или завести возню на коврѣ съ братомъ и съ тетей Лизой. При этомъ визгъ, хохотъ на весь домъ.

III.

Но послѣднее время на дѣвочку нашла степенность. Совсѣмъ перестала дурачиться, сдѣлалась серьезна, молчалива даже и все съ матерью сидитъ.

— Что она тамъ дѣлаетъ?—любопытствовала бабушка, сначала про себя, а затѣмъ стала заговаривать объ этомъ съ Михѣевной.

Вернувшись изъ-за границы, Михѣевна вступила немедленно въ свою прежнюю должность горничной старой барыни.

Должность эту она справляла давно. Лѣтъ сорокъ сряду Михѣевна одѣвала барыню утромъ, раздѣвала вечеромъ и укладывала въ постель. А затѣмъ, поправивъ съ молитвой лампаду передъ образами, она становилась у подножія кровати, на которой барыня лежала въ кофтѣ и ночномъ чепцѣ, и тихимъ, ровнымъ

голосомъ передавала ей о всѣхъ происшествіяхъ дня, о томъ, чтó дѣлалось и говорилось въ кухнѣ, въ людской, въ дѣтской, въ комнатѣ учителей и гувернантокъ, вездѣ, однимъ словомъ.

Михѣевна всюду имѣла безпрепятственный доступъ и проникала туда, куда никто не смѣлъ, безъ дозволенія, проникнуть.

Само собою разумѣется, что и половина Елены Константиновны не была изъята изъ-подъ ея вѣденія.

— Что тамъ Маничка дѣлаетъ? — повторила свой вопросъ бабушка.

— Да ничего-съ. Какъ ни войдешь, все сидитъ за работой. Елена Константиновна книжку читаютъ, либо рукодѣльемъ занимаются, а барышня пишетъ, либо тоже читаетъ.

— Не молча же все? Разговариваютъ тоже вѣрно?

— Не слыхать, чтобъ много разговаривали, все молча больше. Намеднись, подавала я имъ туда чай, такъ слышала, барыня про тѣ города разсказывала, гдѣ они съ покойнымъ ихнимъ папенькой жили. Вотъ у нихъ про что больше разговоръ идетъ.

— Какое она тамъ удовольствіе находитъ? — дивилась бабушка.

И часто, гораздо чаще чѣмъ бы ей хотѣлось, задумывалась она надъ этимъ вопросомъ.

И мучилъ ее этотъ вопросъ, нечего грѣха таить.

Стала она всматриваться въ дѣвочку. За послѣднее время Маня повытянулась-таки, не даромъ прихварывала она все лѣто. Къ росту, говаривала Михѣевна. Такъ и вышло, что къ росту. Скоро она выше матери будетъ. Все еще дитя складомъ тѣла, рѣзкими, неловкими ухватками, жидкимъ, звонкимъ голосомъ; въ глазахъ у нея, все чаще, стало появляться новое выраженіе недѣтской вдумчивости, сосредоточеннаго вниманія.

И смѣялась она не такъ, какъ прежде, а коротенькимъ какимъ-то смѣшкомъ, ничѣмъ не отражавшимся въ глазахъ, кромѣ болѣе напряженнаго вниманія, можетъ быть.

Казалось, она смѣется не тому, чтó видитъ и слышитъ, а тому, чтó внутри у нея совершается—новой мысли, зародившейся въ умѣ, новому чувству, закопошившемуея въ сердцѣ.

Она стала молчалива, и случалось такъ, что заставить ее разговориться оказывалось невозможнымъ.

— Что ты дуешься, Манька? — спрашивалъ у нея братъ, послѣ неудачной попытки, втянуть ее въ возню на отоманкѣ или въ бѣготню по всѣмъ комнатамъ.

Маня не дулась... Ей было не до дѣтскихъ игръ, вотъ и все. Какая-то таинственная ломка совершалась въ ней. Безсозна-

тельно, можетъ быть, но съ трудомъ и мучительно подчасъ. Отъ мыслей, у нея, какъ у взрослаго человѣка, появлялась порой складка между бровями и глаза дѣлались томные.

И вдругъ, очнется, точно отъ глубокаго сна и встрепенется вся, тревожно озираясь по сторонамъ, не подмѣчаетъ ли кто за нею!

Наблюденія свои бабушка производила очень осторожно и ловко. Ей ужъ удалось подмѣтить, къ какимъ именно разговорамъ Маничка особенно чутко прислушивается, на что именно обращаетъ вниманіе, отъ кого отворачивается, пожимая плечиками, съ презрительной гримаской, какія слова заставляютъ ее вспыхивать какъ зарево и отъ какихъ въ глазахъ ея сверкаетъ злоба и негодованіе...

Чего ищетъ она? Чего хочетъ допытаться долгими пристальными взглядами, устремленными въ извѣстныя минуты то на отца, то на тетю Лизу, то на нее, Наталью Николаевну? Вотъ что надо было узнать.

Неловко дѣлалось отъ этихъ взглядовъ.

— Что ты на меня такъ смотришь?—спрашивали у нея съ досадой.

Маничка вздрагивала и отвѣчала уклончиво,—какимъ нибудь „ничего" или „я такъ".

Разъ какъ-то, выведенный изъ терпѣнія Аркадій Александровичъ строго замѣтилъ дочери, что смотрѣть на людей въ упоръ, такъ, какъ она смотритъ, крайне невѣжливо и считается признакомъ дурного воспитанія.

Бабушка чуть было не побила сына за этотъ выговоръ. Благодаря ему, Ма́ня перестала вглядываться въ окружающихъ именно въ ту минуту, когда бабушкѣ уже казалось, что по глазамъ внучки можно добраться до того, что̀ у нея на умѣ.

Ужъ не замѣтила ли чего-нибудь и внучка? Зачѣмъ она вдругъ такъ спряталась вся? Напустила на себя такой спокойный, равнодушный видъ?

И зачѣмъ она такъ странно стала усмѣхаться?

Все чаще и чаще стало казаться бабушкѣ, что Маничка смѣется надъ нею, надъ ея напрасными стараніями заглянуть ей въ душу.

Но, разумѣется, она старалась не останавливаться на этой мысли. Гораздо покойнѣе было предполагать, что кромѣ дѣтскихъ мыслей и дѣтскихъ чувствъ, у дѣвочки ничего нѣтъ ни на умѣ, ни въ сердцѣ.

Внезапное ея пристрастіе къ матери можно было тоже объяснить самымъ е́стественнымъ образомъ. Елена Константиновна

такъ мало бываетъ съ дѣтьми, что общество ея должно было непремѣнно имѣть для нихъ особенную прелесть, прелесть новизны.

Но почему же раньше Маничка не соблазнялась этою прелестью? И почему Володя до сихъ поръ не соблазняется ею?

Вѣдь ужъ восемь лѣтъ какъ Елена Константиновна вернулась изъ-за границы и живетъ въ одномъ домѣ съ ними, и никогда до сихъ поръ, кромѣ почтительнаго равнодушія и отчужденія, дѣти ничего къ ней не чувствовали.

Да оно иначе и быть не могло при томъ положеніи, которое мать ихъ занимала въ семьѣ.

А можетъ быть, теперь положеніе это становится ей въ тягость? Можетъ быть, ей стали нужны ласки дѣтей, дружба съ ними?

Но вѣдь такая перемѣна вдругъ не происходитъ, и зародись только нѣчто подобное въ душѣ Елены Константиновны, бабушка провидѣла бы это раньше всѣхъ, раньше ея самой.

Нѣтъ, нѣтъ, мать тутъ ни причемъ! Тутъ что-нибудь другое... Неужели?..

У старушки кровь застывала въ жилахъ отъ этого—неужели, и первое время она съ ужасомъ открещивалась отъ этой мысли, какъ отъ сатаны.

Но мысль упорно возвращалась.

Бабушка перестала разспрашивать Михѣевну о томъ, что̀ происходило на половинѣ Елены Константиновны.

Во всякомъ случаѣ, если даже допустить, что предположеніе ея вѣрно, если, Боже сохрани, и случилось такое несчастье, что дѣвочкѣ удалось угадать семейную тайну, которую бабушка столько лѣтъ изловчалась скрывать отъ всего города, отъ всѣхъ знакомыхъ, отъ домашнихъ, отъ прислуги, если ужъ случилось такое несчастье, то чѣмъ меньше людей будутъ знать о немъ, тѣмъ лучше.

Да и случилось ли оно? Надо еще удостовѣриться.

Однако, какъ ни старалась старушка успокоиться на этой мысли, какъ она ни повторяла себѣ, что ничего еще неизвѣстно и что терзаться на основаніи однихъ только предположеній, ни на чемъ, кромѣ внутренняго убѣжденія, не основанныхъ, по меньшей мѣрѣ преждевременно и глупо; однако, отдѣлаться отъ этихъ предположеній и догадокъ она была не въ силахъ и каждую минуту, при каждомъ удобномъ случаѣ, возвращалась къ нимъ.

Неужели Маничка знаетъ? А если еще не знаетъ, то ужъ напала на слѣдъ и доискивается?..

И доищется, допытается, непремѣнно допытается. Не такая дѣвчонка, чтобъ отстать на полпути, о, нѣтъ! Ни за что не отстанетъ.

Бабушка себя помнила въ четырнадцать лѣтъ. Она тоже бы допыталась. Въ этомъ возрастѣ, когда собственной жизни, въ полномъ смыслѣ этого слова, еще нѣтъ, а есть только смутное предчувствіе о томъ, чтò такое эта жизнь, воображеніе работаетъ такъ, какъ никогда, и любопытства пропасть.

Допытается, рано или поздно, такъ или иначе, а допытается. И чтó тогда?

Да, чтó тогда?

Нежданная напасть грозила обрушиться на нихъ съ такой стороны, съ которой всего меньше можно было ожидать ее. А главное, такъ внезапно, что придумать, какимъ образомъ выпутаться изъ бѣды, очень было трудно.

Однако, на всякій случай слѣдовало принять мѣры.

Но какія?

Въ первый разъ въ жизни бабушка стала втупикъ и какъ ни раскидывала умомъ, какъ ни прилаживалась къ возникшему такъ неожиданно обстоятельству, никакъ не могла приладиться.

IV.

„A peine constitué, le catholicisme fonde son empire sur „une distinction radicale entre l'esprit et la chair. Et aussitôt „deux societés se forment: la première spirituelle, affectant le „célibat . . . .

. . . .

Маня захлопнула книжку, отпихнула ее отъ себя, и откинувшись на спинку кресла, объявила, что читать больше не можетъ.

— Не могу... ничего не понимаю!

Елена Константиновна съ удивленіемъ посмотрѣла на дочь. Но разглядѣть лица дѣвочки было невозможно, оно было въ тѣни.

Длинная, высокая комната, разгороженная тяжелой драпировкой, освѣщалась одной только лампой, на столѣ, покрытомъ пестрымъ ковромъ.

Въ кругломъ, освѣщенномъ пространствѣ рѣзко выступалъ красивый узоръ ковра, книга въ переплетѣ, брошенная Маней, рабочая корзинка, наполненная мотками разноцвѣтной шерсти, и раскиданныя въ безпорядкѣ брошюры, газеты и книжки журналовъ. Дальше, свѣтъ изъ-подъ абажура мягкимъ, ровнымъ блескомъ ложился на ту часть фигуры Елены Константиновны, которая была ближе къ столу, на ея колѣни, обтянутыя шелковистою тканью сѣраго поплиноваго шлафрока, и на ея руки, бѣ-

лыя, нѣжныя, съ гладкимъ золотымъ кольцомъ на одномъ изъ длинныхъ, худощавыхъ пальцевъ.

Она вязала что-то крючкомъ изъ шерсти, и когда пригибалась къ столу, чтобъ лучше разсмотрѣть работу, тонкій ея профиль, съ опущенными рѣсницами, вырѣзывался точно камей, на темномъ фонѣ шкапа изъ чернаго дерева, рядомъ съ низкимъ кресломъ, на которомъ она полулежала.

Какъ шкапъ этотъ, такъ и остальные предметы вокругъ тонули во мракѣ. Массивная мебель сливалась съ стройными очертаніями растеній по угламъ, передъ окнами и въ жардиньеркѣ среди комнаты. Кое-гдѣ желтѣлся край бронзовой статуэтки или подсвѣчника, бѣлѣлась выпуклость фарфоровой вазы, да изъ-за приподнятой драпировки, въ длинной свѣтовой полосѣ отъ лампады съ матовымъ шаромъ, выступали подушки и откинутое одѣяло на кровати, да уголъ мраморнаго, умывальнаго стола.

— Устала, такъ отдохни, — проговорила Елена Константиновна.

И снова пригнулась къ работѣ.

Кругомъ было тихо. Аркадій Александровичъ съ тетей Лизой, Володей и Катенькой, уѣхали въ театръ. Бабушка легла спать. Она всегда ложилась и вставала раньше всѣхъ: мадамъ Терезъ, гувернантка Мани, писала письма роднымъ въ своей комнатѣ наверху, а тѣ изъ людей, которые должны были ожидать господъ изъ театра, дремали гдѣ ни попало—въ прихожей, въ буфетной передъ растворенною дверью въ столовую, ярко освѣщенную, съ приготовленнымъ приборомъ для чая и ужина на длинномъ столѣ.

На улицѣ тоже было тихо. Это была глухая улица, довольно отдаленная отъ шумныхъ центровъ, съ рѣдкими фонарями и съ множествомъ собакъ, лающихъ и воющихъ за высокими, длинными заборами, утыканными острыми гвоздями.

Прошло еще минуты двѣ въ молчаніи. Слышалось тиканье часовъ, да прерывистое дыханіе Мани.

Странное, томительное предчувствіе охватывало Елену Константиновну. Сердце ея тоскливо сжималось и по тѣлу пробѣгала дрожь. Ей было жутко какъ-то, какъ бываетъ жутко нервнымъ людямъ передъ грозой или въ ожиданіи чего-нибудь особеннаго, рѣшающаго судьбу извѣстія, радости или горя.

Она опять взглянула на дочь и снова опустила глаза на работу.

Маня какъ-будто только этого и ожидала.

— Мама,—спросила она слегка дрогнувшимъ голосомъ,—она всегда будетъ у насъ жить?

— Кто?—переспросила Елена Константиновна.

— Она... тетя Лиза,—проговорила съ усиліемъ дѣвочка.

На лицѣ матери выразилось недоумѣніе, а затѣмъ испугъ.

— Разумѣется, гдѣ же ей жить, какъ не у насъ... Что это тебѣ пришло въ голову?..

У Манички сдвинулись брови.

— Стало быть, это всегда, всегда будетъ продолжаться?—проговорила она отрывисто.

— Что такое? Я тебя не понимаю...

Голосъ Елены Константиновны, ровный и тихій, задумчивый взглядъ потухшихъ глазъ, плотно сомкнутыя губы и болѣзненная усталость въ каждомъ движеніи, все это представляло разительный контрастъ съ оживленнымъ лицомъ цвѣтущей здоровьемъ дѣвочки, которая впилась въ нее своими страстными, сверкающими глазами, съ поминутно мѣняющимся выраженіемъ досады, отчаянія, любопытства и нетерпѣнія.

— Вотъ, я давно хочу у тебя спросить, какъ это случилось? Какъ это могло случиться! Скажи мнѣ, я хочу знать, скажи мнѣ все, все...

Она говорила поспѣшно, быстро, какъ-будто торопясь высказать все, что у нея на душѣ, и какъ-будто боясь, что ее прервутъ, что ей помѣшаютъ. И схвативъ руки матери, она изо всѣхъ силъ сжимала ихъ въ своихъ похолодѣвшихъ пальцахъ, а голосъ ея безпрестанно обрывался отъ волненія.

— Какъ это могло случиться?—повторяла она съ тоской.—Вѣдь ты лучше ея, въ сто разъ лучше! Она глупая, неуклюжая, необразованная, съ нею ни объ чемъ нельзя говорить, она ничего не понимаетъ, ничего не чувствуетъ, а ты, ты!.. Ты была тогда хорошенькая, молодая, моложе ея, всѣ тобою восхищались, ты была лучше всѣхъ... и вдругъ! Я не могу этого понять!—вскричала она съ отчаяніемъ.

— Что съ тобой? Успокойся,—безсвязно повторяла Елена Константиновна.

Слова безсознательно слетали у нея съ языка. Не то, не то должна она была сказать! Она должна была съ первыхъ же словъ остановить дочь, заставить ее смолкнуть, отослать ее не дослушавши, холодно, съ негодованіемъ, вотъ что она должна была сдѣлать.

Но это было сверхъ силъ, это было невозможно. Да и никому нельзя было бы унять расходившуюся дѣвочку. Ей надо было высказаться, непремѣнно, во что бы то ни стало! Она такъ долго сдерживалась, такъ долго мучилась одна со своей тайной!

— Ахъ, мама! мама! Какъ я тебя люблю! Какая ты несчастная! Какъ могла ты такъ долго терпѣть?

Она спустилась на коверъ къ ногамъ матери и, вся дрожа отъ волненія, обнимала ея колѣни, прижимаясь къ нимъ мокрымъ отъ слезъ лицомъ.

— Мама! Мама! Какъ могла ты это терпѣть!

Какъ могла она это терпѣть?

Никогда еще никто у нея этого не спрашивалъ! А между тѣмъ, ужъ четырнадцать лѣтъ, какъ продолжается ея пытка. Четырнадцать лѣтъ безъ единаго слова сочувствія, вѣчно одна, въ постоянной борьбѣ съ собой, въ страхѣ какъ-нибудь не обмолвиться, не выдать своихъ страданій словомъ, взглядомъ или движеніемъ...

И вотъ теперь эта дѣвочка, ребенокъ... ея ребенокъ! Догадалась, узнала, поняла!

Странное чувство разливалось въ душѣ Елены Константиновны. Радость, больше того, восторгъ какой-то... И совѣстно ей было за это чувство. Радость! Чему тутъ радоваться?

А Маня, между тѣмъ, продолжала:

— Какъ они тебя мучили! Пугали! Вѣдь я знаю, какъ все это произошло... Ты была счастлива, любила его, ничего не подозрѣвала... Тебѣ и въ голову не приходило думать, что они тебя обманываютъ... ты думала, что онъ тебя любитъ, одну только тебя, а на нее ты смотрѣла, какъ на сестру, какъ на лучшаго друга, и вдругъ!.. Всякая помѣшалась бы на твоемъ мѣстѣ, даже здоровая, а ты была больная, слабая...

Очень слабая. Роды были тяжелые. Была минута, когда доктора, съѣхавшіеся со всѣхъ концовъ города на консиліумъ, нашли нужнымъ предупредить мужа, чтобъ онъ готовился къ худшему.

Однако, опасенія опытныхъ мужей науки не сбылись, все кончилось благополучно, и мать, и ребенокъ остались живы. Предписавъ больной полнѣйшій покой, доктора разъѣхались. Новорожденную унесли въ приготовленную для нея дѣтскую, гдѣ ждали ее кормилица и няня, та самая, что вынянчила четырехлѣтняго бутуза, Володю. Домашніе, утомленные безсонною ночью, да цѣлымъ днемъ мучительнаго ожиданія, тоже разошлись по своимъ комнатамъ. Послѣднимъ вышелъ изъ спальни мужъ. Онъ тихо и осторожно прикоснулся губами къ похолодѣвшему лбу своей Лены, прежде, чѣмъ удалиться. Въ глазахъ ея свѣтилось столько любви и счастья!

Въ большомъ креслѣ у кровати больной расположилась акушерка; въ комнатѣ рядомъ тетя Лиза вызвалась провести ночь,

чтобъ во всякую минуту быть готовой побѣжать, въ случаѣ надобности, за бабушкой и за Аркадіемъ Александровичемъ.

Еще съ минуту Елена Константиновна прислушивалась къ удаляющимся шагамъ мужа, а затѣмъ все смолкло и она заснула. Заснула тѣмъ сладкимъ, спокойнымъ, живительнымъ сномъ, который слѣдуетъ за сильными нравственными или физическими муками, когда все кончилось, опасность миновала и въ будущемъ все улыбается, предвидятся однѣ только радости. Среди ночи она проснулась. Кругомъ все было тихо! Акушерка крѣпко спала. Лампадка мягко теплилась передъ образами. Въ большомъ трюмо противъ кровати, на которой она лежала, отражалась мебель, сдвинутая въ безпорядкѣ, вещи, разбросанныя по комнатѣ въ суетѣ минувшаго дня, кое-какъ, дрожащими, торопливыми руками...

Отражались въ зеркалѣ и китайскія ширмы у кровати, и дверь въ сосѣднюю комнату, растворенная, съ откинутой драпировкой.

Елена Константиновна машинально всматривалась въ пустое пространство, чернѣющееся въ этой двери. И вдругъ, въ зеркалѣ отразились двѣ фигуры, мужчина и женщина; оба красивые и молодые стояли, крѣпко обнявшись. Губы ихъ сливались въ страстномъ поцѣлуѣ.

Елена Константиновна привстала, нагнулась впередъ, чтобъ лучше всмотрѣться въ видѣніе, представшее передъ нею и узнала обоихъ. Это былъ ея мужъ и тетя Лиза.

Слабо вскрикнувъ, она лишилась чувствъ...

Елена Константиновна сдѣлала надъ собой усиліе.

— Это неправда! Неправда!—прошептала она, — не смѣй говорить.

Но Маничка не унималась.

— Да перестань же отъ меня скрываться!—вскричала она съ отчаяніемъ.—Вѣдь я все знаю.

Елена Константиновна окончательно растерялась

Откуда? Какъ? Черезъ кого? Какъ могла она это узнать?

Вопросы эти только мелькали у нея въ умѣ, выговорить ихъ у нея не хватило бы духу. Но Маничка отгадала вѣрно ея мысли.

Она подняла къ ней свое поблѣднѣвшее лицо. Глаза ее сверкали лихорадочнымъ блескомъ, губы дрожали.

— Какъ я узнала? Ты хочешь узнать, какъ я узнала? Я тебѣ сейчасъ это скажу...

Но ей не дали договорить...

— Не надо! Не надо—вскричала съ испугомъ мать.

— Да вѣдь ты не вѣришь, что я знаю,—настаивала дѣвочка.

— Я вѣрю, — чуть слышно проговорила Елена Константиновна.

Счастье душило ее. Не все ли равно гдѣ, какъ, черезъ кого, при какихъ обстоятельствахъ, вслѣдствіе какой оплошности, завѣса спала съ глазъ ея дочери? И какъ открылась ей истина — внезапно или постепенно? Не все ли равно! Она знала, знала, вотъ главное.

Вотъ оно возмездіе! Давно жданное! Наступило, наконецъ.

Елена Константиновна все забыла, забыла свой испугъ, свое изумленіе при первыхъ словахъ дочери; теперь ей казалось, что она всегда этого ждала, всегда на это надѣялась и что только надеждой этой и жила до сихъ поръ, ничѣмъ больше.

Минута эта вознаграждала ее за все, за долгіе годы тоски и одиночества, за муки ревности, за горькія безпомощныя слезы, за все, за все!

Никогда, во всю свою жизнь, не была она такъ счастлива, какъ теперь.

А Маня опять припала головой къ ея колѣнямъ и тихо плакала.

Не до того имъ было, чтобъ замѣчать, подслушиваетъ ли ихъ кто-нибудь, а между тѣмъ, еслибъ онѣ обернулись, то увидѣли бы, что дверь въ корридоръ тихонько растворилась и что въ нее выглядываетъ Михѣевна; но онѣ не обернулись, и простоявъ съ минуту, Михѣевна удалилась такъ же тихо и незамѣтно, какъ пришла.

V.

Былъ осенній день, одинъ изъ тѣхъ дней, которыми хочется пользоваться, потому что они послѣдніе, что долгіе, долгіе мѣсяцы такихъ не будетъ.

Въ столовой, одно изъ оконъ, еще не замазанныхъ на зиму, было растворено настежь и вмѣстѣ съ отдаленнымъ гуломъ толпы, снующей по улицамъ пѣшкомъ и въ экипажахъ, въ него врывался свѣжій воздухъ, пропитанный ароматомъ спѣлыхъ плодовъ и сухихъ листьевъ. Солнце свѣтило ярко и на небѣ не видно было ни единаго облачка. Все обѣщало хорошую погоду, не только на сегодняшній день, но также и на слѣдующіе. Наступило такъ называемое бабье лѣто.

— Какъ хотите, господа, — сказала тетя Лиза, — а сидѣть дома въ такую погоду просто грѣшно и я намѣрена закатиться сегодня на весь день за городъ.

Она наложила себѣ на тарелку вторую порцію Гурьевской каши, которую очень любила и которую поэтому очень часто подавали у Азариновыхъ, и обратившись къ Володѣ, весело ему подмигнула.

— Махнемъ-ка въ Сокольники съ тобой, либо въ Зоологическій.

Семья собралась въ столовую завтракать. Бабушка запоздала немножко; она была у обѣдни, и служила панихиду по случаю какой-то годовщины

Всѣ ужъ сидѣли за завтракомъ, когда она вернулась. У нея былъ сегодня особенно оживленный и бодрый видъ. Вѣроятно, потому, что прошлась по свѣжему воздуху.

Здороваясь съ невѣсткой, она спросила, внимательно въ нее всматриваясь.

— Ты что-то блѣдна сегодня, Ленушка, плохо спала вѣрно?

И не дождавшись отвѣта, перевела взглядъ на внучку.

— А ты, стрекоза? Тоже вѣрно за полночь книжки читала?

— Да она плакала!—вскричалъ Володя, взглянувъ на сестру. — Вы только посмотрите, бабушка, какіе у нея глаза, красные какъ у кролика!

Всѣ засмѣялись. Отчего было Маничкѣ плакать?

Вопросъ этотъ и отецъ шутливо ей предложилъ.

— О чемъ, ласточка?

Маня глянула мелькомъ на мать.

— Полно вамъ вздоръ выдумывать, — выручила ихъ тотчасъ же бабушка.—О чемъ ей плакать? Не выспалась какъ слѣдуетъ, вотъ и все.

Отъ нея ничего не ускользнуло, ни тревожное выраженіе въ глазахъ Елены Константиновны, ни успокоивающая улыбка, которою Маничка отвѣчала на этотъ умоляющій взглядъ, ничего.

— Знаешь, что мы сдѣлаемъ, Володя, — продолжала между тѣмъ тетя Лиза:—поѣдемъ въ коляскѣ къ Шатиловымъ, заберемъ ихъ съ собой и отправимся въ Зоологическій, а оттуда можно завернуть къ Тѣстову закусить разстегаемъ.

— Отлично,—вскричалъ Володя.

Послѣднее время они были неразлучны. Вмѣстѣ и гуляли, и катались, и въ циркъ ѣздили. Тетя Лиза обожала лошадей и толкъ въ нихъ знала, а потому всякой оперѣ, всякой комедіи и драмѣ предпочитала циркъ. Въ этомъ, какъ и во всемъ прочемъ, она сходилась во вкусахъ съ Володей, который былъ постоянно влюбленъ то въ одну наѣздницу, то въ другую.

— Коляска будетъ нужна Ленѣ,—объявила бабушка.

И на протестъ, готовый сорваться съ устъ невѣстки, она разразилась въ упрекахъ противъ лѣни ея и привычки постоянно сидѣть дома, ничѣмъ не пользоваться, ни свѣтскими удовольствіями, ни сношеніями съ знакомыми, ни хорошей погодой, ничѣмъ, ничѣмъ.

— Это просто ни на что не похоже какъ ты себя запустила, срамъ! Прокисла совсѣмъ! Можно подумать, что мы тебя запираемъ, что нарядовъ у тебя нѣтъ, что мужъ для тебя лошадей и экипажей жалѣетъ! Возьми коляску, съѣзди, прокатись, да кстати два-три визита сдѣлай, пора! Я ужъ не знаю, какъ людямъ въ глаза смотрѣть, когда про тебя спрашиваютъ!

Елена Константиновна не вѣрила своимъ ушамъ. Ее посылаютъ съ визитами, требуютъ, чтобъ она возобновила прежнія отношенія съ свѣтомъ!

Да и не ее одну, а всѣхъ приводило въ изумленіе предложеніе бабушки. Такъ привыкли къ тому, что Елена Константиновна все сидитъ дома и отъ людей прячется, а что за нее тетя Лиза и въ гости ѣздитъ, и у себя принимаетъ гостей. Цѣлыхъ четырнадцать лѣтъ это продолжается.

Катенька даже ситечко выронила изъ рукъ отъ изумленія и забыла его поднять. Мадамъ Терезъ упорно держала глаза опущенными на тарелку, желая этимъ показать, что ее вовсе не интересуетъ разговоръ, къ которому она всѣми ушами прислушивается. Володя смѣющимися глазами на всѣхъ посматривалъ, а Маничка торжествовала, и вся сіяла восторгомъ. Въ дверяхъ, съ кофейникомъ въ рукѣ, замѣшкалась Михѣевна и тоже слушала,

Одна только тетя Лиза продолжала себѣ кушать, какъ ни въ чемъ не бывало.

Впрочемъ, и Аркадія Александровича выходка матери, повидимому, нисколько не удивляла. Преблагодушно улыбался онъ, покручивая себѣ усъ и поглядывая то на бабушку, то на жену.

А бабушка, между тѣмъ, продолжала ворчать на невѣстку.

— Хоть бы меня пожалѣла, старуху. Вонъ, вчера Манилова съ дочкой пріѣхала, часъ битый сидѣли, все поджидали, не выйдешь ли ты, насилу выкурила я ихъ. Дочка-то изъ новыхъ, всякой науки понахваталась, хочется тоже передъ кѣмъ слѣдуетъ блеснуть, не съ Лизой же ей о литературѣ, да о политикѣ разговаривать! Алексѣевы тоже знакомствомъ набиваются, у нихъ сынъ на француженкѣ женился, балы задавать собираются зимой. Все твои сверстницы, въ былое время пріятельницами считались, каждый разъ съ разспросами пристаютъ. Не знаешь, что̀ и отвѣчать, ей Богу! Все нездорова да нездорова, всѣ ужъ и вѣрить перестали этой отговоркѣ, пора и выздоровѣть, сударыня! Скоро

дочку надо будетъ въ свѣтъ вывозить, пятнадцатый годъ пошелъ. Ужъ тутъ тебя никто замѣнить не можетъ.

— Лена,—вмѣшался въ разговоръ Аркадій Александровичъ, —а вѣдь бабушка-то правду говоритъ, ты безсовѣстно разлѣнилась за послѣднее время.

— Бабушка всегда правду говоритъ, слушались бы только, — огрызнулась на него старушка.

И обернувшись къ внучкѣ, которая со сверкающими отъ любопытства глазами ловила каждое ея слово, она прибавила съ усмѣшкой:

— Чего глазенки-то на меня пучишь? Новыхъ узоровъ на мнѣ нѣтъ, все та же, матушка, все та же! какой всю жизнь была, такой и останусь.

— Васъ, бабушка, Озеркинъ Талейраномъ прозвалъ, — сказалъ Володя.

— А ты чужихъ глупостей-то не повторяй, своихъ довольно, — отвѣчала старушка.

— Если Лена возьметъ коляску, то въ чемъ же мы поѣдемъ? —протянула тетя Лиза, принимаясь за бисквитный пирогъ. Кашу она всю скушала.—Я ужъ сказала, ни за что въ такую погоду дома сидѣть не буду, а фаэтонъ Аркадію нуженъ, — прибавила она тономъ капризнаго ребенка.

— Ты это куда?—обратилась Наталья Николаевна къ сыну. Отъ тети Лизы она совсѣмъ отвернулась.

Азариновъ отвѣчалъ, что онъ ѣдетъ на выставку.

— Это на ту, про которую Амосовъ вчера разсказывалъ? — продолжала допытываться бабушка.

— На ту самую.

— Ну, и прекрасно, вотъ и поѣзжайте вмѣстѣ.

— Тосчища на этихъ выставкахъ,—замѣтила тетя Лиза, въ полной увѣренности, что слова эти къ ней относятся.—Устанешь ужасно, и потомъ весь день въ глазахъ рябитъ.

И закинувши руки за голову, она опрокинулась своимъ полнымъ станомъ на спинку стула, потянулась и зѣвнула, въ сладкомъ позывѣ растянуться на чемъ-нибудь помягче.

Бабушка презрительно передернула плечами и усмѣхнулась.

— Никто вамъ, матушка, и не предлагаетъ. Я вотъ ей совѣтую ѣхать съ мужемъ,—кивнула она на невѣстку.—Она и въ картинахъ, и во всемъ толкъ знаетъ, съ нею не стыдно пройтись по выставкѣ, а съ вами что за пріятность? Какъ съ малымъ ребенкомъ, все объяснять надо. Вы, я думаю, олеографію отъ оригинала не отличите?

— Разумѣется, не отличу, — весело засмѣялась тетя Лиза, — очень мнѣ нужно!

Бабушка махнула рукой.

— Стоитъ толковать съ вами послѣ этого! Поѣзжайте себѣ въ Зоологическій съ Володей, да ужъ кстати и Катеньку съ собой возьмите.

— Мы и Маничку, и мадамъ Терезъ можемъ взять, — подхватилъ Володя. — Если папа съ мамой поѣдутъ въ фаэтонѣ, мы возьмемъ коляску.

— Маничка пусть пѣшкомъ пройдется, ей это здорово. Я имъ порученіе къ старухѣ Чаплыгиной дамъ.

Аркадій Александровичъ кончилъ свой завтракъ и обошелъ кругомъ стола, чтобъ подойти къ женѣ.

Опершись обѣими руками на спинку ея стула, онъ заговорилъ съ нею вполголоса:

— Maman отлично придумала, выставка тебя займетъ. Тамъ двѣ штучки Рѣпина, да нѣсколько жанровъ Полѣнова—восторгъ, говорятъ!... Да и погода такая прелестная, надо пользоваться, такихъ дней не много будетъ въ нынѣшнемъ году...

Онъ пригибался къ ней все ближе и ближе. Раза два она почувствовала прикосновеніе его усовъ къ ея шеѣ.

Елена Константиновна сидѣла неподвижно, устремивъ пристальный взглядъ на голые сучья деревьевъ передъ окномъ. По сучьямъ этимъ весело попрыгивали воробьи. Имъ было тепло и отрадно на солнышкѣ, они наслаждались насколько имъ можно, не задаваясь мыслями о предстоящихъ непогодахъ, не терзаясь воспоминаніями о прошлыхъ дождяхъ и буряхъ.

Капризный локончикъ выбился у нея изъ-подъ косы. Аркадій Александровичъ нѣжно взялъ его двумя пальцами и подправилъ въ шиньонъ, да такъ и оставилъ, забывшись вѣрно, свою руку на плечѣ жены. Голосъ его понизился до шопота. Самыя обыкновенныя вещи говорилъ онъ ей, о томъ, что, послѣ выставки, не мѣшаетъ заѣхать къ старому дядѣ, который все спрашиваетъ, почему онъ никогда не видитъ ихъ вмѣстѣ, а оттуда въ магазинъ, чтобъ выбрать подарокъ Володѣ, скоро день его рожденья.

Да, Аркадій Александровичъ говорилъ самыя обыкновенныя вещи, только съ каждымъ словомъ, голосъ его становился все мягче и нѣжнѣе.

Но Елена Константиновна все еще колебалась.

Разговоръ съ Володей и съ тетей Лизой не мѣшалъ бабушкѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдить за этой сценой.

Аркадій Александровичъ почувствовалъ на себѣ пристальный

взглядъ матери и поднялъ голову. Глаза ихъ встрѣтились и онъ улыбнулся ей, своей милой, добродушной улыбкой, которая такъ ясно говорила:—не извольте безпокоиться, maman, все уладится какъ нельзя лучше.

И снова нагнулся къ женѣ.

— Ну рѣшайся же... я велю закладывать... Неужели такъ трудно?..

Умоляющая нотка прозвенѣла въ этихъ послѣднихъ словахъ, точно онъ испрашивалъ себѣ прощеніе.

О! Еслибъ можно было простить! Еслибъ можно было забыть, отвернуться отъ прошлаго, забыть объ немъ, какъ будто его и не было вовсе!

— Я велю закладывать фаэтонъ! — вскричала Маничка, выскакивая изъ-за стола и стремглавъ вылетая изъ комнаты.

— Ну, вотъ и порѣшили!—засмѣялась довольнымъ смѣхомъ бабушка.—Слава Богу! Задомосѣдничалась ты, мать моя, одичала совсѣмъ! Можно подумать, мужъ тебѣ въ любви признается, съ такимъ серьезнымъ и сконфуженнымъ видомъ ты его слушаешь!

Всѣ улыбнулись.

Н. Северинъ..

МѢСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНІЕ

ВЪ АМЕРИКѢ

И ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТІЕ.

Со временъ Токвиля сдѣлалось общимъ мѣстомъ, что Америка—страна самоуправленія по преимуществу; одинъ за другимъ публицисты Стараго и Новаго свѣта повторяютъ, что величіе Соединенныхъ-Штатовъ создано прежде всего системой ихъ мѣстныхъ учрежденій. Но каковы эти учрежденія? Гдѣ искать ихъ прототипъ? Какія причины вызвали постепенное измѣненіе ихъ первоначальнаго характера?

Все это вопросы, на которые пока не послѣдовало еще отвѣта. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, считать отвѣтомъ голое заявленіе, что пуританизмъ создалъ въ Новой Англіи систему дѣйствующихъ въ ней общинъ (towns), и что развитіе мѣстнаго самоуправленія въ другихъ штатахъ было не болѣе какъ воспроизведеніемъ ново-англійской системы. Вмѣсто того, чтобы быть творцомъ въ сферѣ политическихъ идей и учрежденій, пуританизмъ самъ является выраженіемъ, въ религіозной сферѣ, демократическихъ стремленій эпохи, вызвавшей его къ жизни. Съ другой стороны, вмѣсто того, чтобы быть снимкомъ съ ново-англійскаго образца, устройство американскаго юга представляло намъ до послѣдняго времени разительное сходство съ средне-вѣковой системой англійскихъ помѣстій, тогда какъ американскій западъ являлся страннымъ сочетаніемъ демократическихъ и аристократическихъ тенденцій, унаслѣдованныхъ отъ англичанъ административныхъ традицій и вынесенныхъ изъ Новой Англіи симпатій къ всеобщему голосованію и назначенію на всѣ должности путемъ народныхъ выборовъ.

Уже изъ этого одного видно, что исторія мѣстнаго самоуправленія въ Америкѣ представляетъ собою развитіе не одного типа, а нѣсколькихъ, и что безъ детальнаго изученія его судебъ въ отдѣльныхъ штатахъ, не можетъ быть сдѣлано ни одного шага впередъ въ дѣлѣ выясненія его происхожденія и причинъ, породившихъ его характерныя особенности. Извѣстный американскій публицистъ Гербертъ Адамсъ въ вступительномъ очеркѣ къ недавно появившейся серіи монографій по исторіи мѣстныхъ учрежденій въ Америкѣ, разсказывая о недавнемъ посѣщеніи мною его отечества, сообщаетъ слѣдующій вполнѣ вѣрный фактъ.

„Въ бытность въ Филадельфіи, г. Ковалевскій,—говоритъ онъ,—посѣтилъ библіотеку историческаго общества въ Филадельфіи, въ надеждѣ найти въ ней какія-нибудь данныя по исторіи мѣстныхъ учрежденій. Познакомившись съ библіотекаремъ, г-мъ Стономъ, издателемъ историческаго сборника Пенсильваніи, онъ обратился къ нему съ вопросомъ, какія литературныя пособія имѣются въ библіотекѣ для ознакомленія съ интересовавшимъ его предметомъ. „Я не могу дать вамъ ничего, кромѣ корректурныхъ листовъ“, отвѣчалъ ему на это г-нъ Стонъ, и тутъ же передалъ ему статью Гульда, предназначавшуюся для его журнала и представляющую собою первую попытку монографическаго изслѣдованія исторіи мѣстнаго управленія въ одномъ изъ штатовъ Сѣверной Америки—въ Пенсильваніи. Вопросъ, сдѣланный русскимъ публицистомъ, прибавляетъ отъ себя г-нъ Адамсъ, неоднократно ставился мнѣ и прежде, и послѣ, такими лицами, напримѣръ, какъ Брайсъ или Фриманъ, тщетно искавшими литературныхъ указаній и находившими одни, никѣмъ не тронутые, матеріалы“.

Послѣ сказаннаго, ясно, какое значеніе имѣетъ только-что вышедшій изъ печати первый томъ сборника, издаваемаго университетомъ Джона Гопкинса въ Бальтиморѣ, подъ редакціей Адамса и при ближайшемъ сотрудничествѣ лицъ, получившихъ въ университетѣ свое политическое образованіе. Не могу не указать при этомъ случаѣ на ту похвальную черту американскихъ университетовъ, благодаря которой эти ученыя корпораціи не ограничиваютъ своей задачи преподаваніемъ наукъ въ стѣнахъ всегда болѣе или менѣе тѣсныхъ аудиторій, но и воспитываютъ все общество путемъ изданія цѣлаго ряда ученыхъ журналовъ, въ которыхъ самостоятельныя изслѣдованія переплетаются съ обстоятельной и безпристрастной критикой и по возможности полной библіографіей. Университетъ, основанный въ Бальтиморѣ на частныя средства Джона Гопкинса, одинъ выпускаетъ ежегодно цѣлыхъ шесть ученыхъ вѣстниковъ. Старому Свѣту есть чему поучиться у Новаго.

Какъ первая попытка изслѣдовать исторію мѣстнаго самоуправленія, изданный университетомъ сборникъ открываетъ собой новую эру въ исторіи американской публицистики. Отъ вопросовъ федеративнаго устройства, болѣе или менѣе выясненныхъ, интересъ американскихъ писателей и американской публики переходитъ къ вопросамъ мѣстнаго устройства, — устройства отдѣльныхъ штатовъ, графствъ и приходовъ въ нихъ. Въ то время, какъ въ Бальтиморѣ выходятъ первыя изслѣдованія по исторіи мѣстнаго самоуправленія, въ Нью-Іоркѣ, въ школѣ политическихъ наукъ, устроенной по образцу парижской, на правахъ частнаго предпріятія, профессоръ Берджесъ открываетъ первый курсъ сравнительнаго изученія конституцій отдѣльныхъ штатовъ.

Для моей настоящей задачи изданія Бальтиморскаго университета послужатъ главнымъ матеріаломъ, который только отчасти будетъ восполненъ личными изслѣдованіями, произведенными въ библіотекахъ Нью-Іорка, Бостона и Вашингтона и въ архивахъ историческихъ обществъ Пенсильваніи, Виргиніи и Огайо.

Знакомя своихъ читателей съ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвела на него недавно посѣщенная имъ Америка, Фриманъ говоритъ, что въ этой странѣ онъ нашелъ не болѣе, какъ молодую Англію; въ американскихъ же мѣстныхъ учрежденіяхъ его поразилъ лишь фактъ воспроизведенія и дальнѣйшаго развитія имъ англійскихъ началъ. Мысль Фримана вѣрна и ошибочна. Вѣрна,—если говорить о внѣшней организаціи самихъ учрежденій, которая, какъ возникшая еще въ колоніальную эпоху, носитъ на себѣ всѣ черты заимствованія изъ метрополіи. Ошибочна,—если сосредоточить вниманіе на духѣ самихъ учрежденій, на той системѣ народныхъ воззрѣній и чувствъ, которая поддерживаетъ и животворитъ эту, во многомъ архаическую организацію, внося въ нее по временамъ существенныя измѣненія и поправки, заставляя ее служить, въ замѣнъ аристократическихъ, демократическимъ интересамъ. Несомнѣнно, что въ Америкѣ имѣются и шерифы, и мировые судьи, и констебли, и коронеры, и надзиратели за бѣдными, но эти должностныя лица представляютъ довольно слабое сходство съ ихъ англійскими прототипами [1]).

Съ другой стороны, самое положеніе о заимствованіи американцами ихъ мѣстной организаціи требуетъ нѣкоторой оговорки. Первыя административныя дѣленія, какъ и первыя мѣстныя должности, были созданы, конечно, по англійскому образцу. Опредѣлившія ихъ

[1]) Избираемые народомъ и изъ народа, они, очевидно, ни мало не призваны къ преимущественному служенію сословнымъ и землевладѣльческимъ интересамъ, какое составляетъ характерную особенность, вышедшихъ изъ среды „джентри" мѣстныхъ органовъ англійскаго самоуправленія.

характеръ правовыя представленія были занесены колонистами несомнѣнно изъ ихъ старой родины, но тутъ-то именно и возникаетъ вопросъ—изъ какой родины? Изъ той ли части Англіи, которая, какъ вся юго-восточная ея половина, почти не сохраняла уже чертъ англосаксонской демократіи, или же, наоборотъ, изъ сѣверо-западной, въ которой подъ внѣшней корой общихъ для всей страны мѣстныхъ учрежденій съ рѣзко опредѣлившимся аристократическимъ характеромъ, старинное общино-сельское устройство съ его мірскими землями и избираемыми сходомъ властями сохраняло еще всю полноту жизненной силы. Извѣстно, что эмиграція въ Америку началась именно изъ сѣверной части Великобританіи, что основатели древнѣйшихъ поселеній въ Новой-Англіи—поселеній въ Плимусѣ, Сандвичѣ и Салемѣ, были по преимуществу выходцами изъ Іоркшира и смежныхъ съ нимъ графствъ англійскихъ и шотландскихъ.

Замѣчательно, что это тѣ самыя графства, которыя доставили наибольшій контингентъ круглоголовыхъ—враговъ короля и аристократіи и приверженцевъ библейскаго народовольства.

Историкъ, не скользящій по поверхности фактовъ, ищущій для нихъ экономической и соціальной подкладки, не въ правѣ будетъ обойти молчаніемъ то обстоятельство, что графства, доставившія Старой Англіи наибольшее число ея республиканцевъ, а Новой — древнѣйшій контингентъ ея колонистовъ, были тѣ самыя, въ которыхъ исконныя германскія начала мірского управленія и общиннаго владѣнія землею продолжали уживаться съ аристократическимъ составомъ мирового института и все еще живненными чертами маноріальнаго, иначе говоря, помѣстнаго устройства. Извѣстный англійскій и англо-шотландскій статистикъ Маршалъ, писавшій въ концѣ прошлаго столѣтія, указываетъ на сѣверную половину Англіи, какъ на страну, въ которой всего чаще встрѣчалась еще въ его время общинная система пользованія пастбищами и лѣсами, а также право свободнаго прогона скота по нивамъ и лугамъ послѣ снятія съ нихъ годовыхъ урожаевъ. Одновременно въ Южной и Западной господствовала по преимуществу дворовая система поселеній, не было сплошныхъ селъ, а встрѣчались однѣ только усадьбы, расположенныя посреди полей, состоявшихъ исключительно въ частной собственности.

Въ тѣхъ же сѣверныхъ графствахъ долѣе чѣмъ гдѣ-либо удержалось старинное германское дѣленіе на общины или „towns". съ подраздѣленіемъ послѣднихъ на десятни, tithings или boroughs, нѣкогда личные, теперь территоріальные союзы, каждое подъ начальствомъ избираемаго десятника. Въ сочиненіи Ламборда, посвященномъ изложенію обязанностей этихъ лицъ и появившемся приблизительно въ то самое время, — когда началась эмиграція англичанъ

въ Америку, т.-е. въ концѣ XVI вѣка, слѣдующимъ образомъ описывается порядокъ избранія, права и обязанности десятниковъ. „Каждая изъ десятенъ“, говоритъ онъ, „назначаетъ изъ своей среды одного человѣка, которому предоставляетъ право—говорить и дѣйствовать отъ ея имени. Къ первоначальнымъ своимъ обязанностямъ —доносить о нарушителяхъ мира судебному собранію сотни, десятникъ присоединялъ во времена Тюдоровъ цѣлый рядъ другихъ полицейскихъ административныхъ и отчасти судебныхъ функцій, которыя, мало-по-малу, дѣлаютъ изъ него, съ одной стороны, низшаго полицейскаго служителя „petty-constables“ съ другой—сборщика суммъ, какими жители десятни облагаютъ себя добровольно для покрытія мѣстныхъ издержекъ, съ третьей, наконецъ, третейскимъ разбирательствомъ въ мелкихъ спорахъ гражданскаго и уголовно-полицейскаго характера. Первой заботой колонистовъ, послѣ высадки ихъ на берегъ Новой-Англіи, было установленіе на новой родинѣ той же системы поземельныхъ отношеній и тѣхъ же правительственныхъ властей, какія существовали въ ихъ средѣ до выселенія ихъ изъ метрополіи.

Въ дневникѣ, веденномъ Джоржемъ Мортономъ и заключающемъ въ себѣ подробный отчетъ о первыхъ дѣйствіяхъ иммигрантовъ, основавшихъ колонію въ Плимусѣ, разсказывается, какъ вскорѣ послѣ высадки своей на американскій материкъ, отцы-пилигримы приступили къ нарѣзкѣ земли отдѣльнымъ семьямъ, для чего установленъ былъ первоначально средній размѣръ личнаго надѣла, — и каждой семьѣ было предоставлено большее или меньшее ихъ число сообразно самому числу ея членовъ. При этомъ не женатымъ приказано было селиться по выбору въ той или другой семьѣ, съ тѣмъ, чтобы вести съ нею впредь хозяйство сообща. Всѣхъ образовавшихся, такимъ образомъ, дворовъ оказалось 19. Первымъ построеннымъ зданіемъ была ратуша, она была признана общимъ достояніемъ всѣхъ дворовъ и получила наименованіе commune hause (общій домъ). Такое же общее достояніе составили прилегающія къ поселенію пастбища и лѣса. На тѣхъ же началахъ, что и въ Плимусѣ, основаны были первыя поселенія въ двухъ другихъ колоніяхъ Новой-Англіи, въ Салемѣ и Сандвичѣ. Въ этихъ колоніяхъ, такъ же какъ и въ Плимусѣ, удержаны были въ общемъ пользованіи лѣса и пастбища, удобная же къ обработкѣ земля раздѣлена была на равные участки. Быстрый ростъ населенія одинъ заставилъ колонистовъ Новой Англіи принять современемъ мѣры къ ограниченію права поголовнаго участія въ земельномъ пользованіи; въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемъ въ Новомъ Свѣтѣ буквальное повтореніе того самаго процесса обращенія поземельной общины изъ всенародной въ замкнутую, какую одинаково

представляетъ намъ исторія швейцарскихъ альмендъ, или французскій bien - communaux. Въ теченіе XVII столѣтія какъ въ Салемѣ, такъ и въ Сандвичѣ, проводится то правило, что общими угодьями въ правѣ пользоваться одни только старые поселенцы; въ то же время на содержаніе школъ и бѣдныхъ выдѣляются извѣстные участки общаго поля — опять-таки порядокъ вещей, весьма близкій къ тому, какой мы встрѣчаемъ въ исторіи западно-европейской сельской общины съ ея biens des pauvres или Armengüter и довольно обычной практикой—обезпечивать школы земельными надѣлами.

Воспроизведеніе порядковъ Стараго Свѣта на почвѣ Новаго не ограничивается однимъ лишь оживленіемъ экономическихъ отношеній, связанныхъ съ существованіемъ сельской общины, — оно касается также самой организаціи властей, порядка ихъ назначенія и предметовъ вѣдомства. По образцу Англіи, колонисты Салема не позже какъ въ 1644 году обращаются къ установленію должностей десятниковъ (tithingmen), которымъ поручаютъ, между прочимъ, надзоръ за тѣмъ, чтобы каждый ходилъ по воскресеньямъ въ церковь и соблюдалъ въ ней благопристойность и тишину. Изъ старинныхъ законовъ колоній Массачусетской бухты видно, что десятники Новой Англіи по своему характеру вполнѣ соотвѣтствовали тѣмъ, какіе извѣстны были въ метрополіи: имъ поручается надзоръ за десятью семьями сосѣдей, а также цѣлый рядъ полицейскихъ функцій, между прочимъ, наблюденіе за питейными домами и за соблюденіемъ въ нихъ правилъ благочинія, причемъ десятники пріобрѣтаютъ право сажать всѣхъ провинившихся въ городскую клѣтку, выставляемую на рыночной площади,—клѣтку, въ которой и слѣдуетъ видѣть первообразъ американской тюрьмы.

Нѣсколько позднѣе мы встрѣчаемъ тѣхъ же лицъ подъ наименованіемъ petty-constables, съ довольно широкимъ кругомъ вѣдомства по поимкѣ воровъ, разбойниковъ и всякаго рода нарушителей мира, по взиманію мѣстныхъ сборовъ, по надзору за бродягами, пьяницами и всѣми тѣми, которые послѣ 10-ти часовъ вечера станутъ вести себя „распутно"; имъ же принадлежитъ право насильственно возвращать хозяевамъ бѣглыхъ слугъ и составлять списки всѣхъ тѣхъ, которые, не заручившись предварительно согласіемъ общины, установятъ въ ней свое постоянное мѣстожительство.—Обо всѣхъ этихъ личностяхъ констебли должны были доносить судамъ для поступленія съ ними по закону.

Очевидно, древнѣйшія поселенія Новой Англіи, можно сказать, воскресили собою общественные и административные порядки—болѣе древніе, чѣмъ тѣ, какіе одновременно являлись господствующими въ ихъ первоначальной родинѣ—Англіи. Сельская община „town", съ

ея мірскими землями и избираемыми властями, — что это, какъ не старинная германская община (Gemeinde), община, которая въ Англіи подъ вліяніемъ процесса феодализаціи, рано выродилась въ помѣстье (manos) съ тѣмъ, чтобы снова расцвѣсть на демократической почвѣ Новаго Свѣта со всѣми особенностями ея первоначальнаго характера.

Прямое воспроизведеніе въ Америкѣ англійскихъ порядковъ мѣстнаго самоуправленія начинается не ранѣе посылки въ нее губернаторовъ, по распоряженію частныхъ владѣльцевъ колоній, т.-е. частью торговыхъ компаній, частью лицъ, надѣленныхъ жалованными земельными грамотами со стороны англійскаго правительства.

Переходя къ изученію этого періода въ исторіи мѣстнаго управленія въ Америкѣ, мы по необходимости предпосылаемъ ему краткій очеркъ англійскаго устройства въ эпоху основанія первыхъ колоніальныхъ правительствъ въ Новомъ Свѣтѣ. Безъ такого предварительнаго ознакомленія немыслимо производство сравненія и установленіе какихъ-либо параллелей между американскими и англійскими порядками.

XVI-ое и вторая половина XVII столѣтій были для Англіи такой же поворотной эпохой, какъ и для континентальныхъ государствъ. Сословныя учрежденія здѣсь, какъ и повсюду, переживаютъ въ это время болѣе чѣмъ вѣковую борьбу съ монархическимъ началомъ. Причины, однохарактерныя съ тѣми, какія одновременно были въ полномъ дѣйствіи на континентѣ Европы, вызываютъ въ Англіи XVI и XVII столѣтій не столько переворотъ въ учрежденіяхъ, сколько перемѣну въ политическихъ убѣжденіяхъ, привычкахъ и симпатіяхъ. Почти поголовное истребленіе феодальнаго дворянства въ теченіе полувѣковой борьбы Алой и Бѣлой розы случайно встрѣчается въ это время съ фактомъ передачи королю главенства надъ церковью и приводитъ въ результатѣ къ усиленію монархическаго принципа. Не отмѣненные законодательнымъ путемъ, парламенты или вовсе не созываются, или засѣдаютъ на разстояніи весьма значительныхъ промежутковъ времени, въ теченіе которыхъ король управляетъ страною абсолютно съ помощью свободно избираемыхъ и смѣняемыхъ имъ министровъ. Въ самомъ парламентѣ, и въ частности въ верхней палатѣ, оппозиція все болѣе и болѣе слабѣетъ, благодаря возрастающему съ каждымъ годомъ числу новыхъ пэровъ, созданныхъ королевской милостью, и потому самому обреченныхъ на безсиліе. Въ нижней тотъ же результатъ достигается нѣсколько инымъ путемъ, путемъ созданія новыхъ парламентскихъ мѣстечекъ и ограниченія избирательныхъ правъ городовъ членами преданной престолу олигархіи, въ которой офиціальный кандидатъ всегда въ правѣ разсчитывать на успѣхъ и поддержку. Если въ

политическомъ отношеніи времена Тюдоровъ и первыхъ Стюартовъ могутъ быть названы эпохою замиранія свободныхъ учрежденій, то въ сферѣ мѣстнаго управленія это, быть можетъ, наиболѣе плодотворный и творческій періодъ. Самоуправленіе графствъ и городовъ не только получаетъ въ это время свое окончательное завершеніе, но законодательство приступаетъ также къ созданію совершенно новой вѣтви мѣстнаго самоуправленія,—самоуправленія приходовъ, благодаря чему и Англія XVI и XVII столѣтій, подобно современной, представляетъ уже троякого рода мѣстныя подраздѣленія: графство, городъ и приходъ. Управленіе первымъ, по мѣрѣ постепеннаго упадка власти назначаемыхъ королями намѣстниковъ, вице-графовъ или шерифовъ, сосредоточивается въ рукахъ помѣстнаго сословія джентри и выходящихъ изъ его рядовъ мировыхъ судей. Одновременно управленіе городомъ переходитъ въ руки городской олигархіи и составленнаго изъ ея членовъ городского совѣта. Новое созданіе, приходъ, вступаетъ въ права прежняго помѣстья (manos), и въ лицѣ мѣстнаго священника, церковныхъ старостъ, надзирателей за бѣдными, надзирателей за дорогами (overseers of the poor) начинаетъ вѣдать большую часть тѣхъ дѣлъ, которыя нѣкогда разбирались вотчинными судами, церковными монастырскими сходами. Тогда какъ во Франціи и по ея примѣру въ большинствѣ континентальныхъ государствъ, средневѣковая система болѣе или менѣе автономныхъ общинъ, уѣздовъ и провинцій уступаетъ мѣсто административной централизаціи, бюрократизму и правительственной опеки надъ общинами. Англія не только удерживаетъ, но совершенствуетъ и завершаетъ свою вѣковую систему мѣстнаго самоуправленія. Чуждая всякимъ отвлеченнымъ политическимъ принципамъ, и въ частности навязанному ей Монтескье началу раздѣленія властей, Англія въ рукахъ мировыхъ судей соединяетъ административно-полицейскія, судебныя и до нѣкоторой степени законодательныя функціи въ смыслѣ права издавать мѣстные распорядки и регулировать ими обыденные жизненные факты, начиная отъ рыночныхъ цѣнъ и заработной платы и оканчивая народной нравственностью. Трудно указать такую сферу жизни, въ которую бы не проникало вліяніе мировыхъ судей. Откройте Эйренархію Ламбарда, другими словами, первый опытъ сколько нибудь систематическаго перечисленія функцій мировыхъ судей,—чего, чего только не найдете вы подъ рубрикой предметовъ ихъ вѣдомства: мировой судья—слѣдователь, полицейскій надзиратель, судебный слѣдователь, третейскій разбиратель, полицейскій и гражданскій судья; разверстка налоговъ принадлежитъ ему въ такой же мѣрѣ, какъ и надзоръ за питейной продажей и общественными удовольствіями; онъ засѣдаетъ и дѣйствуетъ всего чаще одинъ, нерѣдко вмѣстѣ съ товарищемъ и четыре раза въ году въ собраніяхъ однохарактерныхъ

съ нимъ лицъ отъ цѣлаго графства, такъ-наз. четвертныхъ сессіяхъ (quarter sessions). Къ его прежнимъ функціямъ, только-что нами перечисленнымъ, разумѣется, приблизительно, присоединяются еще новыя со времени возникновенія приходскаго управленія, т.-е. съ XVI столѣтія. Контроль за приходами, постановка рѣшеній по жалобамъ на приходскихъ властей, смѣна и утвержденіе послѣднихъ въ должности, производятся четвертными засѣданіями, которыя такимъ образомъ становятся какъ бы высшей инстанціей по отношенію къ приходскимъ съѣздамъ. Однѣ лишь функціи военной власти остаются чуждыми мировому институту. Наборъ и завѣдываніе мѣстной милиціей со временъ Генриха VIII и Елизаветы сосредоточиваются въ рукахъ особыхъ лордовъ-лейтенантовъ, которые, подобно мировыхъ судьямъ, назначаются правительствомъ каждый разъ изъ членовъ мѣстной знати.

Въ тоже время продолжаютъ держаться попрежнему слѣдственно-полицейскіе разъѣзды шерифовъ по графствамъ и право избирательныхъ коронеровъ—производить розыскъ по всѣмъ такъ-называемымъ „королевскимъ случаямъ“, другими словами, тѣмъ, въ которыхъ король лично заинтересованъ, такъ какъ получаетъ съ обвиненныхъ штрафы или участвуетъ въ выгодахъ отъ имущественной конфискаціи. Все это въ концѣ-концовъ приводитъ къ тому результату, что самоуправленіе графствъ является ни мало не отвѣчающимъ требованіямъ систематичности и стройности и представляетъ непонятное съ перваго взгляда соединеніе самыхъ разнообразныхъ правительственныхъ функцій въ рукахъ однихъ и тѣхъ же лицъ.

Городское самоуправленіе въ XVI и XVII в. устроено по образцу самоуправленія графствъ. Важнѣйшіе города прямо признаются графствами, другими словами, получаютъ одинаковую съ послѣдними внутреннюю организацію. Городской совѣтъ, обыкновенно изъ двухъ палатъ—нижней, составленной изъ депутатовъ отъ гильдій, и верхней, съ засѣдающими въ ней гильдейскими старшинами, ольдерменами,—вѣдаетъ большинство тѣхъ административныхъ дѣлъ, которыя въ графствахъ выпадаютъ на долю мирового института. Мэръ съ коллегіей олдерменовъ въ городахъ то же, что четвертныя собранія мировыхъ судей въ графствахъ съ ихъ одинаково полицейскими и судебными функціями.

Въ приходахъ, обращенныхъ Генрихомъ VIII и Елизаветой въ низшія административныя дѣленія, оживаютъ нѣкоторыя черты прежняго общиннаго устройства, рано вытѣсненнаго въ Англіи развитіемъ помѣстной системы. Вспомоществованіе нищимъ, оставленнымъ безъ призрѣнія со времени уничтоженія монастырей—ихъ средневѣковыхъ кормильцевъ, ведетъ къ установленію, рядомъ съ постояннымъ налогомъ

въ пользу бѣдныхъ, столь же постоянной административной организаціи; основу ея составляютъ приходскія собранія съ избираемыми въ нихъ церковными старостами (churchwardens). Ростъ приходскаго самоуправленія завершается въ царствованіе Елизаветы созданіемъ должностей особыхъ надзирателей за бѣдными (overseers of the poor), которые въ сообществѣ священника и церковнаго старосты образуютъ изъ себя тѣсныя приходскія собранія, select vestries), названныя такъ въ отличіе отъ общихъ сходовъ всего взрослаго приходскаго люда (general vestries). Къ предметамъ вѣдомства приходскихъ сходовъ присоединяется постепенно дорожная полиція, надзоръ за бродягами и принятіе противъ нихъ мѣръ предупрежденія и пресѣченія, что, въ свою очередь, ведетъ къ установленію новыхъ избирательныхъ должностей.

Мы познакомились пока съ однимъ лишь механизмомъ англійскихъ учрежденій; спрашивается еще—въ чью пользу былъ устроенъ этотъ механизмъ, и кѣмъ приводился въ дѣйствіе? Едва-ли ошибочно будетъ сказать, что правительственная машина была устроена въ Англіи такимъ образомъ, чтобы сдѣлать возможнымъ постоянный перевѣсъ владѣльческихъ интересовъ надъ интересами остальныхъ классовъ. Мировой институтъ, въ рукахъ котораго сосредоточивалась дѣятельная администрація и судъ въ графствахъ, всецѣло былъ отданъ въ руки помѣстнаго сословія или джентри; закономъ предписывалось не назначать на должности мировыхъ судей никого кромѣ лицъ, вышедшихъ изъ ея рядовъ. Въ городахъ избирательныя права, какъ мы видѣли выше, были предоставлены однимъ только владѣтельнымъ классамъ—членамъ гильдейской знати. Наконецъ, въ приходахъ, право мировыхъ судей назначать надзирателей за бѣдными необходимо вело къ замѣщенію этихъ должностей членами того же помѣстнаго сословія или, по меньшей мѣрѣ, лицами, отъ него зависимыми.

Послѣ этого, по необходимости краткаго очерка англійской системы самоуправленія приходовъ, графствъ и городовъ, въ эпоху основанія американскихъ колоніальныхъ правительствъ, возможенъ переходъ и къ непосредственному изученію древнѣйшаго законодательства послѣднихъ, по вопросамъ мѣстнаго устройства. Древнѣйшими изъ американскихъ сводовъ являются законы ньюгевенской плантаціи колоніи Массачусетской бухты, Коннектикута, Пенсильваніи и Виргиніи. Во всѣхъ этихъ памятникахъ неоднократно высказывается та мысль, что основою имъ служитъ англійское право.

„Мы открыто объявляемъ,—говоритъ собраніе колонистовъ Виргиніи въ 1661 году,—что намѣрены слѣдовать прекраснымъ, такъ часто подвергавшимся исправленію, англійскимъ законамъ". „Хотя въ

издаваемыхъ нами постановленіяхъ,—говорятъ въ свою очередь одинаково составители массачусетскаго и коннектикутскаго свода,—мы отклоняемся подчасъ отъ англійскихъ статутовъ, но это не означаетъ съ нашей стороны желанія—не признавать обязательной силы за статутнымъ правомъ Англіи, по крайней мѣрѣ, насколько послѣднее извѣстно намъ".

Согласно этому общему принципу, древнѣйшія колоніальныя законодательства воспроизводятъ въ своихъ постановленіяхъ существеннѣйшія стороны англійскаго мѣстнаго устройства. Не чувствуя себя въ достаточномъ числѣ, чтобы нуждаться въ подраздѣленіи въ занятой ими странѣ на графства, жители ньюгевенской колоніи не устанавливаютъ на первыхъ порахъ посредствующаго звена между общиной, приходомъ и государствомъ; государство является у нихъ соединеніемъ общины, община первоосновой государства. Совершеннолѣтніе жители общины, читаемъ мы въ ихъ древнѣйшемъ законодательствѣ 1639 г., въ правѣ выбирать какъ судей, такъ и общинно-приходскихъ властей. Тѣ же постановленія встрѣчаемъ мы и въ древнѣйшемъ сводѣ Массачусетса, отъ 1641 года. „Свободные граждане (фримены) каждой общины,—значится въ этомъ сводѣ,—будутъ имѣть впредь полное право ежегоднаго или, въ случаѣ надобности, и болѣе частаго выбора должностныхъ лицъ для завѣдыванія мѣстными дѣлами, согласно письменнымъ инструкціямъ избирателей; число избираемыхъ на должность не должно превышать собою 9-ти. Всѣ вмѣстѣ они образуютъ тѣсный общинно-приходскій совѣтъ, носящій то же наименованіе,—что и въ Англіи—„select vestries". Рядомъ съ этимъ тѣснымъ совѣтомъ мы встрѣчаемъ, устроенные, опять-таки по образцу метрополіи, общіе приходскіе сходы, на которые созывается все свободное населеніе прихода. Названіе имъ въ Массачусетсѣ то же что и въ Англіи — „general vestries". Общимъ сходамъ принадлежитъ, какъ и въ метрополіи, право установленія мѣстныхъ регламентовъ для регулированія разныхъ сторонъ приходской жизни или, такъ называемыхъ, bye-laws, нарушеніе ихъ наказуется штрафами не свыше 20 шиллинговъ; регламенты не должны противорѣчить общимъ законамъ; въ случаѣ несоотвѣтствія ихъ съ послѣдними, они ие подлежатъ исполненію.

Древнѣйшій сводъ Коннектикута, отъ 1673 года, на половину составленный изъ законовъ массачусетскаго свода, также говоритъ о правѣ лицъ, имѣющихъ постоянную осѣдлость, сходиться на приходскія собранія, vestriess, и устанавливать на нихъ извѣстные полицейскіе регламенты, bye-lows, простымъ большинствомъ голосовъ; эти регламенты, какъ и въ Массачусетсѣ, приводятся въ исполненіе только при соотвѣтствіи ихъ съ общими законами колоніи. Приходскія соб-

ранія избираютъ ежегодно изъ своей среды не болѣе 7-ми человѣкъ. обязанностью которыхъ является завѣдываніе приходскими дѣлами: это тѣ же англійскіе selectmen. Приходскому управленію поручается призрѣніе бѣдныхъ, полиція безопасности, органами которой являются избираемые жителями констебли, дорожная администрація и школьное дѣло. Каждый приходъ, населеніе котораго достигло числа 50-ти домовладѣльцевъ, обязанъ содержать по меньшей мѣрѣ одного учителя для обученія дѣтей чтенію и письму; мѣстныя издержки покрываются путемъ взиманія приходскихъ сборовъ, разверстка которыхъ предоставляется избираемымъ собраніемъ сборщикамъ.

Въ отличіе отъ массачусетскаго, коннектикутскій сводъ впервые заводитъ рѣчь о самоуправленіи графствъ; органами послѣдняго являются избираемые жителями мировые судьи, обязанные собираться на съѣзды по меньшей мѣрѣ два раза въ годъ. Съѣзды эти созываются частью для принятія общихъ всему графству административныхъ мѣръ, частью для постановки окончательныхъ рѣшеній по апелляціямъ на приговоры отдѣльныхъ судей.

Тогда какъ въ Новой Англіи первыми колонистами были по преимуществу простые рабочіе—сельскіе и городскіе, мелкіе торговцы и ремесленники,—колоніи, лежащія къ югу отъ нея, возникаютъ при ближайшемъ участіи англійской земельной аристократіи, члены которой частью входятъ въ составъ образованныхъ для этой цѣли компаній, частью получаютъ отъ короля жалованныя грамоты на владѣніе цѣлыми провинціями. Это различіе между порядками заселенія американскаго сѣвера и американскаго юга проходитъ не безслѣдно и для судебъ мѣстнаго управленія. Правда, на югѣ, какъ и на сѣверѣ, мѣстное самоуправленіе одинаково носитъ печать заимствованія изъ Англіи, но заимствуются разныя стороны одной и той же системы. На сѣверѣ—демократическая система приходовъ, на югѣ—аристократическая система графствъ и помѣстій (manors). Въ жалованной грамотѣ, выданной Пену Карломъ II-мъ въ 1681 году, предоставляется, между прочимъ, право установленія въ дарованной территоріи помѣстій (manors), раздѣленіе страны на графства, созданіе въ ней судей и чиновниковъ. Такія же права предоставляетъ Кальверту, лорду Бальтимору, выданная на его имя грамота, отъ 1632 года, въ которой мы, между прочимъ, встрѣчаемъ слѣдующее характерное указаніе на тотъ порядокъ мѣстнаго устройства, какое правительство желало бы видѣть установленнымъ въ новой колоніи: „предоставляется нашему барону Бальтимору и его наслѣдникамъ—обращать въ помѣстья (in maneria erigere) отдѣльныя земли провинцій и въ этихъ помѣстьяхъ право держать curiam baronis et visum franci plegi: иначе: court baron и court leet, въ интересахъ охраненія мира“.

Въ curia baronis или court-baron слѣдуетъ видѣть собраніе вассаловъ древняго феодальнаго сеньора, собраніе съ административными и судебными функціями. Этому собранію подлежитъ разсмотрѣніе всѣхъ судебныхъ случаевъ, прямо или косвенно затрогивающихъ вопросъ объ отношеніяхъ феодальнаго сеньора къ свободнымъ владѣльцамъ его земель и послѣднихъ между собою. Нѣчто совершенно отличное отъ этого, чисто феодальнаго по характеру учрежденія, представляетъ такъ называемый court leet, въ которомъ слѣдуетъ видѣть не что иное, какъ старинный германскій сотенный сходъ съ правомъ присутствія на немъ всего взрослаго населенія помѣстья.

Предметы вѣдомства этого собранія самые разнообразные. Подъ предсѣдательствомъ назначеннаго помѣщикомъ судьи, оно приступаетъ какъ къ выбору извѣстныхъ властей, въ томъ числѣ пробовальщиковъ хлѣба и пива, такъ и къ установленію извѣстныхъ полицейскихъ распорядковъ, такъ наконецъ, и къ постановкѣ судебныхъ приговоровъ,—гражданскихъ и уголовныхъ.

Вотъ эту-то систему вотчинныхъ судовъ—обломокъ пережитаго уже прошлаго—оживляютъ на почвѣ Новаго Свѣта частные владѣльцы колоній, въ слабѣйшей степени Пенъ, во всей ея силѣ и старинномъ значеніи—Кальвертъ.

Помѣстье въ Пенсильваніи и Мериландѣ занимаетъ мѣсто прихода. Это низшее административное подраздѣленіе, за которымъ слѣдуетъ уже графство. До нашего времени дошли протоколы древнѣйшихъ вотчинныхъ судовъ Мериланда, и на основаніи ихъ, какъ и на основаніи нѣкоторыхъ законодательныхъ мѣръ самого лорда Бальтимора, можно представить довольно полную картину помѣстной системы въ Новомъ Свѣтѣ.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ дарованнымъ ему правомъ, Бальтиморъ въ 1636 году обращается къ возведенію въ помѣстья „manos" всѣхъ земельныхъ владѣній, размѣромъ въ 2,000 лировъ не менѣе; каждому изъ такихъ помѣстій предоставлено имѣть свои court-baron и court-leet. На court-leet въ Мерилендѣ созываемы были всѣ совершеннолѣтніе отъ 12-ти по 60-ти-лѣтній возрастъ. Предсѣдатель собранія—назначенный владѣльцемъ, управитель — судья, удостовѣрялся въ личномъ присутствіи въ собраніи всѣхъ долженствующихъ быть въ немъ лицъ и приступалъ затѣмъ къ выбору изъ числа присутствующихъ 12-ти членной коммиссіи присяжныхъ. Эта 12-ти-членная коммиссія заявляла затѣмъ о всѣхъ правонарушеніяхъ, совершенныхъ въ предѣлахъ помѣстья, въ промежутокъ времени, протекшій съ момента послѣдней сессіи вотчиннаго суда. Собраніе, по разсмотрѣніи представленныхъ на его обсужденіе жалобъ, приступало къ постановкѣ рѣшенія, при содѣйствіи спеціальныхъ судебныхъ при-

сяжныхъ. Наказаніями обыкновенно служили штрафы. Рядомъ съ судебными дѣлами собраніе „вѣдало“ дѣла административныя. Въ протоколахъ нерѣдко встрѣчаются заявленія о необходимости установить загороди, опредѣлить цѣны на хлѣбъ и пиво, ввести тѣ или другія полицейскія предписанія и т. п. Собраніе занимается также выборомъ помѣстныхъ властей—констеблей и пробовальщиковъ пива.

Спеціальную подсудность имѣетъ court-baron,—въ немъ присутствуютъ и судятся одни только фригольдеры, другими словами, свободные владѣльцы помѣщичьей земли; всякіе споры о размѣрѣ ренты, о переходѣ земли, за совершеннымъ прекращеніемъ того или другого семейства, въ руки феодальнаго собственника, о конфискаціи ея послѣднимъ и т. п., разслѣдуются и судятся въ court-baron, при участіи съ одной стороны обвинительныхъ, а съ другой—судебныхъ присяжныхъ.

Высшую ступень по отношенію къ помѣстью составляло графство. Въ Пенсильваніи, какъ и въ Мерилендѣ, оно одинаково было устроено по образцу англійскаго: каждое графство имѣло свои четвертныя сессіи мировыхъ судей, въ вѣдомствѣ которыхъ стояли одинаково—управленіе бѣдными и въ частности назначеніе и контроль надзирателей за ними, управленіе дорогами и мостами, установленіе мѣстныхъ сборовъ на покрытіе мѣстныхъ издержекъ и разверстка этихъ сборовъ между плательщиками.

Въ такой системѣ мѣстныхъ учрежденій съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ соціальныхъ перемѣнъ, происходятъ нѣкоторыя весьма существенныя измѣненія. Введеніе рабства негровъ заставляетъ помѣщиковъ отказаться отъ вынесенной изъ Англіи практики отдавать свои земли въ наслѣдственное владѣніе вассаловъ; взамѣнъ ея, они переходятъ къ непосредственной эксплуатаціи ихъ съ помощью несвободнаго труда, а это, въ свою очередь, ведетъ къ тому, что сходы помѣстнаго люда постепенно перестаютъ собираться и по недостатку наличнаго персонала, и за отсутствіемъ прежней въ нихъ потребности. Плантаторъ, считая негра своей вещью, судитъ его единоличнымъ судомъ и не нуждается поэтому въ содѣйствіи со стороны суда вотчиннаго. Административныя функціи послѣдняго переходятъ постепенно въ руки новыхъ чиновниковъ, пріуроченныхъ къ новой системѣ мѣстныхъ подраздѣленій, системѣ церковныхъ приходовъ. Хотя и поздно, эти послѣдніе сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ завѣдываніе общественной нравственностью и народнымъ образованіемъ, надзоръ за бѣдными и оказаніе имъ помощи путемъ отдачи ихъ дѣтей въ школы на средства прихода. Порядокъ управленія приходами тотъ же, что и въ Новой Англіи; дѣятельная роль въ немъ

принадлежитъ тѣснымъ приходскимъ совѣтамъ, въ составъ которыхъ входятъ церковные старосты и надзиратели.

Чѣмъ далѣе мы подвигаемся къ югу, тѣмъ рѣзче и рѣзче выступаютъ слѣдующія особенности въ организаціи мѣстнаго самоуправленія: болѣе или менѣе аристократическій складъ его, обусловленный господствомъ крупныхъ плантацій, отсутствіе или слабое развитіе демократическаго по характеру управленія приходовъ, и воспроизведеніе почти цѣликомъ англійской системы самоуправленія графствъ.

Въ Виргиніи, заселеніе которой произошло подъ непосредственнымъ руководствомъ англійскаго правительства, исторія мѣстнаго самоуправленія открывается фактомъ установленія графствъ. Первоначальное раздѣленіе страны на графства относится еще къ 1634 году; въ отдѣльныя графства, числомъ 8, назначаются шерифы, чтобы управлять ими по образцу англійскихъ шерифовъ, гласитъ изданный съ этой цѣлью законъ. „Шерифы,—продолжаетъ онъ,—должны быть назначаемы въ томъ же порядкѣ, что и въ Англіи, и имѣютъ одинаковыя съ англійскими права; каждый получаетъ помощника, въ лицѣ особаго лейтенанта и подчиненныхъ ему агентовъ".

Нѣсколько лѣтъ спустя создается въ Виргиніи должность мировыхъ судей, назначаемыхъ губернаторомъ, въ числѣ 6-ти человѣкъ въ каждое отдѣльное графство. При поступленіи на должности они призываются къ принесенію присяги, въ которой, между прочимъ, значится, что свои приговоры они должны постановлять согласно законамъ и обычаямъ колоній, а также законамъ и статутамъ Англіи.

По образцу англійскихъ, мировые судьи Виргиніи призываются къ отправленію своихъ обязанностей какъ единолично, такъ и на особыхъ съѣздахъ, которые созываются здѣсь, какъ и въ Англіи, четыре раза въ годъ и носятъ общее съ англійскими названіе—четвертныхъ (quarter sessions); апелляціи на ихъ приговоры поступаютъ на разсмотрѣніе состоящаго при губернаторѣ совѣта. Подобно англійскимъ мировымъ судьямъ, виргинскіе сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ вмѣстѣ съ судебными и административныя функціи; а четвертныя засѣданія присоединяютъ къ этому еще право изданія мѣстныхъ распорядковъ (bye laws) опять-таки по образцу англійскихъ. По англійскому же образцу, вводится въ Виргинію институтъ присяжныхъ, при участіи которыхъ мировые судьи и постановляютъ свои приговоры, одинаково въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ; порядокъ ихъ назначенія тотъ же, что и въ Англіи.

Гораздо позже возникаетъ въ Виргиніи приходское управленіе— не ранѣе, какъ въ 1657 году. Мировымъ судьямъ графствъ, носящимъ въ Виргиніи такъ же наименованіе коммиссаровъ графствъ, дано право, съ согласія жителей, дѣлить графства на приходы; раз-

дѣлъ считается состоявшимся каждый разъ, когда въ пользу его высказывается большинство жителей графства. Жителямъ прихода разрѣшается облагать себя натуральными сборами, платимыми табакомъ и идущими на содержаніе мѣстнаго причта и на призрѣніе бѣдныхъ. Послѣднее принимаетъ своеобразную форму—установленія особыхъ ремесленныхъ школъ для дарового и обязательнаго обученія дѣтей бѣдныхъ родителей пряденію, тканью и другимъ, какъ значится. полезнымъ промысламъ. Какъ и въ Англіи, управленіе приходами поручается тѣснымъ приходскимъ совѣтамъ, число членовъ которыхъ опредѣляется въ 12 человѣкъ. Эти 12 человѣкъ попадаютъ на свои должности въ силу избранія; въ составъ совѣта входятъ мѣстный священникъ и избираемые приходомъ церковные старосты. Послѣдніе имѣютъ, между прочимъ, право обвинять передъ четвертными сессіями мировыхъ судей всѣхъ лицъ, не соблюдающихъ постановленія о запрещеніи работы въ воскресные дни; всѣхъ, кто уклонится отъ посѣщенія церкви или отъ принятія святого причастія, а такъ же всѣхъ виновныхъ въ „низкомъ и отвратительномъ грѣхѣ—пьянства. блуда или прелюбодѣянія“.

Хотя дѣленіе графствъ на приходы и признано было современемъ обязательнымъ, но этой системѣ самоуправленія не удалось развиться въ Виргиніи, какъ и вообще въ южныхъ штатахъ, благодаря, главнымъ образомъ, слѣдующимъ обстоятельствамъ. Тогда какъ на сѣверѣ непроизводительность почвы заставляла искать заработковъ преимущественно въ занятіи промыслами и торговлей, на югѣ плодородіе почвы побуждало колонистовъ сосредоточивать свою дѣятельность на земледѣліи, а это обстоятельство въ свою очередь содѣйствовало разсѣянности поселеній и затрудняло соединеніе въ приходы помѣстій, нерѣдко отстоящихъ другъ отъ друга на цѣлыя сотни миль. Прибавимъ къ этому, что начавшійся уже съ 1620 года ввозъ негровъ, облегчая эксплуатацію земельныхъ богатствъ, въ то же время содѣйствовалъ большей изолированности колонистовъ, переставшихъ нуждаться въ прежней мѣрѣ въ взаимной помощи и поддержкѣ.

Аристократическій характеръ съ особенной наглядностью выступаетъ въ томъ проектѣ конституціи, который былъ составленъ Локкомъ и Шевтбюри для Южной Каролины въ 1669 году. Проэктъ этотъ, правда, не былъ приведенъ въ исполненіе во всѣхъ его подробностяхъ, и интересенъ для насъ лишь тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ самую систематическую попытку—привить новому свѣту аристократическія учрежденія стараго. Составители конституціи не скрываютъ своего завѣтнаго желанія и, опредѣляя свою задачу, говорятъ, что имѣютъ въ виду избѣжать установленія въ Каролинѣ демократическаго управленія массъ. Съ этой цѣлью, по образцу Мериланда,

южная Каролина объявляется палатинатомъ, подобнымъ тому, какимъ является графство Дергама въ Англіи. Старшій изъ частныхъ владѣльцевъ колоніи (всѣхъ восемь) получаетъ званіе палатина,— званіе, которое съ его смертью переходитъ къ наиболѣе возрастному изъ 7-ми остальныхъ. Палатинатъ дѣлится на графства; въ составъ каждаго графства входитъ одинаковое число феодальныхъ сеньорій, бароній и простыхъ колоній. Каждый изъ частныхъ владѣльцевъ получаетъ въ графствѣ одну сеньорію: всѣхъ, слѣдовательно, въ графствѣ 8. Каждое изъ лицъ, принадлежащихъ къ дворянству палатината, надѣляется одной бароніей. Территоріальный размѣръ сеньоріи и бароніи опредѣленъ разъ навсегда и одинаково въ 12,000 акровъ; каждой предоставлено имѣть свой вотчинный судъ, по образцу англійскаго court-leet. Эти суды вѣдаютъ какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла и подчинены въ высшей инстанціи судамъ графствъ, составленнымъ изъ 4-хъ мировыхъ судей и шерифовъ, постановляющихъ свои рѣшенія при участіи жюри изъ землевладѣльцевъ.

Отъ этой конституціи, отмѣненной вмѣстѣ съ самими владѣльцами, въ виду ея неосуществимости, удержалось со временемъ одно лишь дѣленіе страны на графства, которыя, какъ и въ Виргиніи, получили каждое свои суды, близкіе по характеру къ четвертнымъ сессіямъ, и свою администрацію, въ лицѣ шерифа и мировыхъ судей. Какъ и въ Виргиніи, приходское управленіе возникаетъ въ Каролинѣ сравнительно поздно — съ того момента, когда закономъ предписывается сперва факультативное, а затѣмъ обязательное дѣленіе графства на приходы и образованіе въ нихъ тѣсныхъ приходскихъ собраній, составленныхъ изъ старостъ и надзирателей за бѣдными.

Попытка расширить самоуправленіе прихода въ скоромъ времени оказывается практически неосуществимой и по тѣмъ же причинамъ, что и въ Виргиніи, т.-е., благодаря разсѣянности помѣстій на большомъ разстояніи другъ отъ друга и возможности ихъ изолированнаго существованія, въ виду принятія ими системъ несвободнаго труда. Приходское устройство мало-по-малу приходитъ по этому въ упадокъ въ теченіе XVII вѣка, съ тѣмъ, чтобы въ XIX подвергнуться рѣшительной отмѣнѣ законодательнымъ путемъ сперва въ нагорной части штата, а затѣмъ и въ низменной.

Изъ предшествующаго очерка съ наглядностью выступаетъ тотъ фактъ, что мѣстное самоуправленіе въ Америкѣ при несомнѣнномъ вліяніи на его развитіе англійскаго образца, въ то же время представляетъ не одинъ, а нѣсколько типовъ.

Причина тому лежитъ въ томъ преимущественномъ развитіи, которое въ отдѣльныхъ колоніяхъ получило разныя стороны мѣстнаго самоуправленія въ Англіи. Тогда какъ въ древнѣйшихъ поселеніяхъ

Новой Англіи оживлена была система англо-саксонскаго сотеннаго и сельскаго устройства; въ штатахъ, основу которымъ положили частные владѣльцы, сдѣлана была попытка воспроизвесть феодальную систему помѣстнаго управленія. Обѣ эти попытки, въ концѣ-концовъ, оказались неудачными, и самоуправленіе въ Америкѣ организовалось по одному изъ слѣдующихъ двухъ типовъ: на Сѣверѣ отъ Мена до Мериланда особенное развитіе получило приходское управленіе, по отношенію къ которому управленіе графствъ является сравнительно позднимъ нововведеніемъ и далеко не получаетъ одинаковаго съ нимъ значенія. На Югѣ—напротивъ того. Благодаря вышеуказанымъ климатическимъ и соціальнымъ условіямъ, въ приходскомъ управленіи не чувствуется необходимости, если оно и вводится въ отдѣльныхъ колоніяхъ, то изъ одного-лишь подражанія метрополіи, — обстоятельство, благодаря которому оно не пускаетъ въ странѣ прочныхъ корней и въ концѣ концовъ отмѣняется законодательствомъ XVIII и первой половины XIX в. Средоточіемъ мѣстнаго управленія на Югѣ является графство, организованное вполнѣ по англійскому образцу и отличающееся отъ послѣдняго лишь тѣмъ, что въ рукахъ его администраторовъ сосредоточивается отновременно и вся сумма тѣхъ правъ и обязанностей, которая въ Англіи принадлежитъ приходскимъ властямъ.

Итакъ, широкая децентрализація на Сѣверѣ, и сравнительно большая централизація на Югѣ.

Примиреніемъ обѣихъ системъ самоуправленія является та, которая создана—начиная съ конца прошлаго и въ теченіе всего настоящаго столѣтія въ западныхъ штатахъ Америки; мы остановимся на ея характеристикѣ въ заключеніе нашего историческаго очерка.

Извѣстно, что западные штаты образовались изъ той сѣверо-западной территоріи, какая уступлена была Виргиніей, Пенсильваніей Массачусетсомъ и Коннектикутомъ федеральному правительству, въ концѣ прошлаго столѣтія. Изъ этой, неопредѣленной въ своей западной границѣ, территоріи образованы были послѣдовательно нѣсколько штатовъ, согласно постановленіямъ знаменитаго Ордонанса 1787 года. Этимъ закономъ въ принципѣ установлено было то правило, что при возрастаніи населенія до 5000 человѣкъ мужского пола, заселенный округъ, по волѣ его жителей, можетъ быть образованъ въ особую территорію, при увеличеніи же его населенія до 60,000—округъ становится штатомъ и допускается, наравнѣ со старыми штатами, къ представительству въ федеральномъ конгрессѣ.

Согласно тому же закону, штаты Запада получаютъ однообраз-

ное устройство, назначаемаго на первыхъ порахъ федеральнымъ правительствомъ губернатора, и двѣ палаты. — высшую — изъ совѣтниковъ, по назначенію конгресса, позднѣе—президента и низшую—изъ депутатовъ отъ народа.

Первымъ изъ организованныхъ, такимъ образомъ, штатовъ былъ штатъ Огайо; за нимъ впослѣдствіи Мичиганъ, Индіана, Кентуки и Иллиноисъ. Первоначальное ядро населенія Огайо составили выходцы изъ Виргиніи, обратившіеся къ колонизаціи края задолго до уступки его федеральному правительству. Къ нимъ съ теченіемъ времени присоединились переселенцы изъ Пенсильваніи. Что касается до остальныхъ штатовъ, то они получили главный контингентъ своихъ колонистовъ изъ Нью-Іорка и др. сѣверныхъ штатовъ. Миссури же, организованный, самостоятельный штатъ въ 1820 г., по крайней мѣрѣ, въ южной его части сталъ заселяться выходцами изъ Виргиніи. Съ самаго начала эмиграція въ новые штаты, такимъ образомъ, стала производиться изъ штатовъ, расположенныхъ на одинаковой съ ними широтѣ,—обстоятельство, опредѣлившее собою и самый характеръ мѣстнаго управленія въ нихъ.

Переселенцы изъ старыхъ штатовъ, очевидно, являлись на новую родину съ готовыми уже правовыми воззрѣніями и административными привычками. Неудивительно поэтому, если строй мѣстнаго самоуправленія складывался въ большинствѣ западныхъ штатовъ по типу тѣхъ штатовъ, изъ которыхъ производима была эмиграція, если общинное управленіе установлено было въ Иллиноисѣ, напр., тогда какъ въ Миссури графства навсегда остались низшимъ подраздѣленіемъ государства.

Не имѣя возможности слѣдить за ходомъ развитія мѣстнаго самоуправленія во всѣхъ западныхъ штатахъ, мы остановимъ вниманіе читателя на одномъ изъ нихъ и притомъ наиболѣе типичномъ, на штатѣ Огайо, включенномъ ранѣе другихъ въ уніи на равныхъ правахъ съ старыми штатами.

Къ раздѣленію странъ на графства приступлено было въ Огайо еще въ концѣ прошлаго столѣтія, въ 1798 году, причемъ къ внутреннему устройству ихъ администраціи примѣнены были тѣ общія начала, какія, по отношенію ко всему вообще законодательству штата, установлены были губернаторомъ Сенклеромъ и его совѣтомъ въ 1795 году; они состояли въ признаніи законовъ Виргиніи обязательными для населенія штата по всѣмъ тѣмъ вопросамъ, по которымъ не будутъ изданы спеціальныя мѣропріятія правительствомъ штата. Какъ и въ Виргиніи, дополненіемъ къ этимъ законамъ, признано было общее право Англіи, „commonlaw“ и англійскіе статуты, предшествующіе по времени четвертому году правленія Якова I. Что

касается до самостоятельныхъ законовъ Огайо, то они заимствованы были почти исключительно изъ свода статутовъ Пенсильваніи. Въ полномъ соотвѣтствіи съ сказаннымъ, общее собраніе штата установило окончательно, въ 1803 году, слѣдующій порядокъ мѣстнаго управленія въ графствахъ. Завѣдываніе дѣлами графствъ предоставлено избираемымъ народомъ коммиссарамъ, которымъ въ Огайо принадлежатъ тѣ же административныя функціи, какія въ Англіи несутъ мировые судьи... Названіе предоставлено въ этомъ штатѣ спеціальнымъ судебнымъ чиновникамъ, попадающимъ на должности по избранію и получающимъ право собираться на четвертныя сессіи. По образцу виргинскихъ, коммиссары отъ графства получаютъ право обложенія жителей налогами и право расходовать, полученныя такимъ путемъ, суммы на мѣстныя издержки; на нихъ возлагается также завѣдываніе дорогами и мостами, общественными постройками и т. п.

Приходское управленіе въ Огайо и другихъ западныхъ штатахъ, по отношенію къ которымъ избранный нами является не болѣе, какъ типическимъ образцомъ, складывается довольно своеобразно. Повсюду, и въ Старомъ, и въ Новомъ Свѣтѣ, основой для возникновенія общины или прихода служатъ частью имущественные, частью религіозные интересы. Прежде чѣмъ сдѣлаться административнымъ центромъ, община является экономической группой, коллективной обладательницей извѣстныхъ земель. Прежде чѣмъ сдѣлаться центромъ дорожнаго управленія или призрѣнія бѣдныхъ, приходъ является погостомъ, средоточіемъ религіознаго культа. На одномъ лишь Западѣ С. Штатовъ, на этомъ Far-West, съ которымъ у жителей Нью-Іорка или Бостона, напр., связываются представленія, довольно близкія къ тѣмъ, какія мы привыкли связывать съ Востокомъ, интересы народнаго просвѣщенія. школьное дѣло явилось не только задачею приходского управленія, но и причиной, вызвавшей его къ жизни. Великіе піонеры идеи государственности и гражданскаго общежитія на американскомъ Западѣ, тѣ Джефферсоны и Синклеры, воззрѣнія которыхъ опредѣлили собою дальнѣйшую судьбу, хорошо сознавали, что во всеобщемъ образованіи,—образованіи, притомъ по возможности всестороннемъ, лежитъ не только ключъ къ обращенію полуодичавшихъ колонистовъ въ гражданъ свободнѣйшихъ государствъ въ мірѣ, но и тотъ цементъ, который долженъ сплотить въ одну массу пестрый, этнографическій составъ, какой представляло собою ихъ первоначальное населеніе. Въ этой увѣренности они сдѣлали то, чего не дѣлалъ до нихъ ни одинъ законодатель въ мірѣ. Они признали школу, имѣющей такое же право на недвижимую собственность, какое въ старые годы и на старомъ континентѣ признаваемо было за дружинниками и совѣтниками счастливыхъ полководцевъ и завоевателей, церквами и мона-

стырскими корпораціями. Знаменитый ордонансъ 1787 г. рѣшилъ въ принципѣ, что $^1/_{32}$ часть каждой общины, или земельнаго округа предназначаемаго федеральнымъ правительствомъ для продажи колонистамъ, должна быть оставлена въ рукахъ штата или территоріи, для покрытія получаемыми съ него доходами издержекъ по народному образованію. Съ теченіемъ времени этой одной тридцать-второй части оказалось мало, и въ 1848 году, согласно предложенію сенатора Дугласа, рѣшено было увеличить ее вдвое, т.-е. довести размѣры уступаемаго школами участка до одной шестнадцатой township'а или поступающаго колонистамъ округа. Съ этого года и по настоящій— девятнадцати штатамъ роздано было федеральнымъ правительствомъ для цѣлей народнаго образованія въ сложности болѣе 106,000 квадр. миль, пространство, превышающее своими размѣрами земельную площадь, занятую штатами Нью-Іорка и всѣми тѣми, которые извѣстны подъ наименованіемъ ново-англійскихъ. И все же дохода съ нихъ оказалось недостаточнымъ для оплаты всѣхъ издержекъ школьнаго дѣла, и приходамъ Запада пришлось не разъ обращаться къ добавочному мѣстному налогу для восполненія дефицита. Но вернемся къ происхожденію приходскаго управленія на Западѣ. Выдѣляя сперва $^1/_{32}$, затѣмъ одну шестнадцатую township или поступавшаго колонистамъ округа на содержаніе школъ, федеральное правительство высказывало по отношенію къ отдѣльнымъ штатамъ требованіе о немедленномъ заведеніи школъ въ каждомъ township.

Приходская школа становится, съ момента ея возникновенія, центромъ, вокругъ котораго группируются остальные интересы мѣстности. Для завѣдыванія ею въ каждомъ township устанавливается особая администрація въ лицѣ иногда трехъ, а иногда и одного супервизора народныхъ школъ, на котораго послѣдовательно возложены были обязанности надзирателя за бѣдными, ассессора и сборщика мѣстныхъ налоговъ, и къ которому во многихъ штатахъ присоединены были со временемъ коммиссары по управленію дорогами, констебли и мировые суды.

Особенность приходскаго управленія на Западѣ составляетъ его чисто демократическій характеръ. Послѣдній высказывается и въ фактѣ назначенія на всѣ должности, путемъ народныхъ выборовъ, и въ самомъ широкомъ участіи въ послѣднихъ всѣхъ совершеннолѣтнихъ мужчинъ, въ нѣкоторыхъ же новѣйшихъ штатахъ, и притомъ въ новѣйшее время, не однихъ мужчинъ, но и женщинъ. Объ этой сторонѣ мѣстнаго самоуправленія въ Америкѣ я позволю себѣ сказать еще нѣсколько словъ. Женщины пользуются правомъ голосованія на школьныхъ съѣздахъ въ штатахъ Канзасъ, Небраскъ, Мичиганъ, Дакота и Вайомингъ, а также въ трехъ старыхъ штатахъ

Нью-Іоркѣ, Вермонтѣ и Нью-Гемпширѣ. Онѣ принимаютъ участіе въ выборѣ школьныхъ властей одинаково въ Колорадо и Миннезоттѣ.

Въ нѣкоторыхъ штатахъ такое право предоставляется только незамужнимъ женщинамъ, какъ, напр., въ Индіанѣ; въ другихъ, Кентукки въ томъ числѣ, только замужнимъ, имѣющимъ по меньшей мѣрѣ одного ребенка. Есть и такіе, въ которыхъ, какъ, напр., въ Орегонѣ, право голосованія принадлежитъ только вдовамъ. Въ многихъ штатахъ женщины имѣютъ право не только выбирать, но и быть выбранными на мѣстныя должности, такъ, напр., въ Иллинойсѣ, Іовѣ, Канзасѣ, Луизіанѣ, Мичиганѣ, Миннезоттѣ, Вайомингѣ, а изъ старыхъ штатовъ въ Массачусетсѣ, Пенсильваніи и Вермонтѣ. Это право въ названныхъ штатахъ примѣнимо одинаково ко всѣмъ должностямъ, въ другихъ штатахъ онѣ допускаются къ занятію извѣстныхъ только должностей: должности завѣдывателя школьнымъ дѣломъ въ Колорадо, члена школьнаго комитета въ Нью-Гемпширѣ и Родъ-Эйландѣ, ко всѣмъ вообще должностямъ за исключеніемъ спеціально-указанныхъ въ законѣ въ Калифорніи, и безусловно ко всѣмъ на равныхъ правахъ съ мужчинами въ странѣ мормоновъ—въ Ута.

Указавши на существенныя различія въ характерѣ и ходѣ развитія мѣстныхъ учрежденій на Сѣверѣ, Югѣ и Западѣ, американской федераціи, мы не можемъ не сказать, что въ послѣднее время, со времени торжества Сѣвера надъ Югомъ, эти различія начинаютъ исчезать довольно быстро въ томъ смыслѣ, что къ Югу и Западу примѣняется новымъ законодательствомъ система обязательнаго дѣленія графствъ на приходы, и функціи послѣднихъ все болѣе и болѣе расширяются въ ущербъ первымъ. Это обстоятельство позволяетъ мнѣ познакомить читателя съ современнымъ строемъ мѣстнаго самоуправленія въ Америкѣ на одномъ какомъ-либо типическомъ образцѣ, не скрывая отъ него въ то же время существенныхъ отступленій, дѣлаемыхъ отъ него законодательствомъ другихъ штатовъ. Выбираю для этой цѣли штатъ Массачусетсъ какъ тотъ, въ которомъ мѣстное самоуправленіе имѣетъ наиболѣе продолжительное существованіе. Останавливая вниманіе читателя лишь на основныхъ началахъ мѣстнаго устройства, я оставлю безъ освѣщенія все то, что можетъ быть названо технической его стороной. Но умаляя такимъ образомъ свою задачу, я постараюсь, съ другой стороны, нѣсколько расширить ее, указывая на каждомъ шагу аналогіи и контрасты между американскими и англійскими порядками.

Какъ и въ Англіи, мы находимъ въ Массачусетсѣ три самостоятельныя сферы мѣстнаго самоуправленія: общее обѣимъ странамъ—графство, и городъ; сельскую общину (town), которой въ Англіи соотвѣтствуетъ приходъ. Вполнѣ отвѣчаетъ также англійскимъ пред-

ставленіямъ уподобленіе закономъ города сельской общинѣ, или что то же, приходу, и устройство имъ городской администраціи на началахъ сельской или приходской. „Города,—читаемъ мы въ главѣ 28 массачусетскаго свода,—имѣютъ тѣ же обязанности и соотвѣтственно тѣ же права, что и села (towns)". Мэръ и ольдермены располагаютъ въ нихъ тѣми же полномочіями, какими въ приходахъ такъ называемые селектмены (Selectmen); городскіе же совѣты имѣютъ ту же степень власти, какая принадлежитъ сельскимъ собраніямъ. Признавая въ принципѣ тождество города съ сельской общиной и устраивая, согласно этому, администрацію обоихъ на одинаковыхъ началахъ, англійское право дѣлаетъ на практикѣ цѣлый рядъ отступленій отъ этого правила въ интересахъ большихъ городовъ. Такіе центры всемірной торговли, какъ Лондонъ, и Іоркъ, съ ихъ сотнями тысячъ и милліонами населенія, плохо укладываются въ тѣсныя рамки приходскаго устройства. Превосходя нерѣдко, по численности своего населенія и по сложности возбуждаемыхъ въ нихъ административныхъ вопросовъ, тѣ графства, въ предѣлахъ которыхъ они расположены, города эти рано обнаруживаютъ стремленія къ уподобленію своей внутренней организаціи, организаціи графствъ. Возведеніе города на степень графства, терминъ общеупотребительный на административномъ языкѣ современной Англіи, не означаетъ ничего иного, кромѣ признанія закономъ основательности такихъ притязаній и пріурочиванія имъ внутренняго устройства города къ тому типу, какой представляетъ собою организація графства. Ничего подобнаго этому мы не находимъ въ Массачусетсѣ; такіе крупные центры промышленной и торговой дѣятельности, какъ Бостонъ или Кембриджъ, по своей внутренней организаціи ничѣмъ существенно не отличаются отъ сельской общины (town), самое большое, что можно сказать о нихъ—это то, что они признаются закономъ за соединеніе нѣсколькихъ селъ,—обстоятельство, дѣлающее возможнымъ удержаніе городскимъ устройствомъ тѣхъ широкихъ демократическихъ основъ, какими характеризуется сельское самоуправленіе. Эта черта массачусетскихъ порядковъ, повторяющаяся далеко не во всѣхъ штатахъ, позволяетъ намъ говорить впредь только о графствахъ и общинахъ какъ объ отличныхъ другъ отъ друга сферахъ мѣстнаго управленія, разумѣя подъ послѣдними одинаково сельскія и городскія населенія. Сходство массачусетскихъ порядковъ съ англійскими выступаетъ далѣе въ томъ обстоятельствѣ, что графства и ихъ подраздѣленія—общины или приходы, одинаково уподобляются корпораціямъ законодательствомъ обѣихъ странъ, и, какъ таковые, располагаютъ свободою пріобрѣтенія и отчужденія имуществъ. Каждое графство,—читаемъ мы въ Массачусетскомъ сводѣ,—признается за политическое тѣло и организовано по началу корпораціи

(a body politic and corporate) въ интересахъ достиженія слѣдующихъ цѣлей: пріобрѣтенія имуществъ, движимыхъ и недвижимыхъ, отчужденія ихъ, заключенія договоровъ и защиты своихъ имущественныхъ интересовъ въ судахъ. То же, только въ иныхъ выраженіяхъ, повторяется Массачусетскимъ сводомъ и по отношенію къ приходамъ. Но если de jure общины и приходы имѣютъ въ Массачусетсѣ и Англіи одинаковыя права пріобрѣтенію и отчужденію имуществъ, то de facto они далеко не пользуются ими въ равной степени. Значительныхъ имуществъ въ рукахъ англійскихъ приходовъ мы не встрѣчаемъ. Эта черта отличія заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что въ ней наглядно выступаетъ фактъ несравненно большей жизненной силы американскихъ общинъ сравнительно съ англійскими приходами. Въ Англіи приходское управленіе является чѣмъ-то вымирающимъ, мѣсто приходовъ заступаютъ искусственные союзы, устраиваемые между нѣсколькими приходами, или такъ называемыя-уніи и дистрикты въ интересахъ призрѣнія бѣдныхъ, производство публичныхъ работъ, поддержанія дорогъ и тому подобныхъ цѣлей мѣстнаго благоустройства. Уніи, а не приходы, пріобрѣтаютъ поэтому имущества, вступаютъ въ договоры на правахъ гражданскихъ сторонъ и защищаютъ въ судахъ свои имущественные интересы. Что же касается до приходовъ, то они только de jure признаются корпораціями, не осуществляя въ то же время на дѣлѣ связанныхъ съ этимъ правъ, по недостатку денежныхъ средствъ. Широта функцій, предоставленныхъ въ Массачусетсѣ одинаково графствамъ и приходамъ въ сферѣ имущественныхъ интересовъ, выступаетъ съ особенною наглядностью при сравненіи постановленій американскаго законодательства на этотъ счетъ съ тѣми, которыхъ придерживается большинство европейскихъ. Въ Массачусетскомъ сводѣ нѣтъ и помину о тѣхъ многочисленныхъ ограниченіяхъ самодѣятельности общинъ въ дѣлѣ пріобрѣтенія и отчужденія имуществъ, заключенія договоровъ и въ частности займовъ, о которыхъ сплошь и рядомъ идетъ рѣчь въ законодательствахъ романскихъ и германскихъ народностей европейскаго континента.

Но вернемся къ установленію параллелей между англійскимъ и американскимъ законодательствомъ по вопросамъ мѣстнаго устройства. Сходной чертой въ обоихъ является признаваемое одинаково за графствами и за приходами право восполненія законодательной дѣятельности представительныхъ палатъ путемъ изданія мѣстныхъ распоряженій или такъ называемыхъ bye-laws, а также то обстоятельство, что массачусетскія графства и общины, приходы, подобно англійскимъ, въ правѣ обращаться къ обложенію своихъ жителей мѣстными сборами въ интересахъ покрытія ими мѣстныхъ нуждъ. Какъ въ Англіи, такъ

и въ Массачусетсѣ издаваемые мѣстными инстанціями регламенты не преслѣдуютъ иной цѣли, кромѣ приведенія общихъ законовъ въ соотвѣтствіе съ мѣстными условіями, безъ чего самое примѣненіе ихъ на практикѣ было бы немыслимымъ. Что же касается до права взиманія мѣстныхъ сборовъ, то къ нимъ въ обѣихъ странахъ одинаково дозволяется прибѣгать не раньше, какъ въ случаѣ невозможности покрытія инымъ путемъ мѣстныхъ издержекъ.

Къ предметамъ вѣдомства мѣстной администраціи одинаково въ Англіи и Массачусетсѣ принадлежатъ полиція безопасности и благосостоянія и въ частности призрѣнія бѣдныхъ и школьное дѣло. Послѣднія двѣ вѣтви административной дѣятельности поручаются впрочемъ, обыкновенно особо установленнымъ для этого административнымъ подраздѣленіямъ—уніямъ и дистриктамъ. Только въ небольшихъ общинахъ завѣдываніе школами сосредоточивается всецѣло въ рукахъ избраннаго общиной школьнаго комитета. Въ болѣе же значительныхъ мы встрѣчаемся обыкновенно съ дѣленіемъ общины на нѣсколько дистриктовъ, нерѣдко соединяемыхъ во-едино въ большемъ или меньшемъ числѣ и получающихъ въ этомъ случаѣ наименованіе „union district".

Заканчивая обозрѣніе круга вѣдомства мѣстныхъ учрежденій Массачусетса, мы должны упомянуть еще о судебныхъ функціяхъ послѣднихъ. Въ Англіи, какъ извѣстно, эти функціи осуществляются на ряду съ административными одними и тѣми же лицами: мировыми судьями, шерифами и коронерами. Того же нельзя сказать о Массачусетсѣ и о большинствѣ сѣверныхъ, южныхъ и западныхъ штатовъ. Теорія Монтескье о раздѣленіи властей, популяризированная въ Америкѣ „Федералистомъ", не осталась безъ вліянія на законодательство; усвоенная съ самаго начала политическими дѣятелями, она вызвала, между прочимъ, довольно распространенное въ Америкѣ раздѣленіе функцій англійскихъ мировыхъ судей между такъ называемыми коммиссарами отъ графствъ и судьями въ тѣсномъ смыслѣ слова. Первымъ запрещено вмѣшиваться въ сферу мировой юстиціи, вторымъ —принимать административныя мѣры. Каждый имѣетъ свой опредѣленный кругъ вѣдомства, за предѣлы котораго онъ выходить не долженъ.

Мы подошли такимъ, образомъ, незамѣтно къ вопросу о самихъ органахъ мѣстнаго самоуправленія. Эти органы въ Массачусетсѣ, какъ и въ любомъ изъ другихъ штатовъ, тѣ же, приблизительно, что и въ Англіи. Шерифы, мировые судьи, констебли, селектмены, церковные старосты, надзиратели за бѣдными, общія и тѣсныя общины или приходскія собранія—все это термины, съ которыми въ Массачусетсѣ связываются тѣ же представленія, что и въ Англіи.

Намъ слѣдуетъ, однако, оговориться, что сверхъ указанной уже выше попытки выдѣлить изъ юрисдикціи мировыхъ судей ихъ спеціально-административныя функціи и предоставить послѣднія вѣдѣнію особыхъ коммиссаровъ отъ графства, новѣйшее законодательство Массачусетса еще тѣмъ отступаетъ отъ англійскаго образца, что ему вовсе неизвѣстна должность избираемаго населеніемъ коронера, функціи котораго по осмотру труповъ лицъ, сдѣлавшихся жертвою злоумышленниковъ, предоставляются назначаемымъ губернаторомъ медицинскимъ разслѣдователямъ — должность, къ исполненію которой допускаются только медики.

Сходствомъ массачусетскихъ порядковъ съ англійскими объясняется также фактъ назначенія на большинство должностей въ графствѣ тѣхъ или другихъ лицъ по выбору губернатора штата, и состоящаго при немъ совѣта. Извѣстно, что въ Англіи мировые судьи и другіе единоличные органы провинціальнаго управленія не подлежатъ избранію, по крайней мѣрѣ de jure; на самомъ же дѣлѣ въ списки кандидатовъ на мѣстныя должности заносятся безразлично лордомъ-лейтенантомъ или высшимъ административнымъ чиновникомъ графства, всѣ тѣ изъ достаточныхъ землевладѣльцевъ, которые выразятъ ему на то свое желаніе. Королева въ правѣ проколомъ булавкой высказаться противъ той или другой кандидатуры; но такіе случаи, всегда рѣдкіе, не повторялись ни разу за послѣднее столѣтіе. Въ Массачусетсѣ, мѣстное управленіе котораго впервые было организовано еще въ то время, когда корона ревниво осуществляла на дѣлѣ право назначенія на должности въ графствахъ, это право доселѣ осуществляется центральнымъ правительствомъ обыкновенно въ интересахъ господствующей политической партіи и является, такимъ образомъ, нерѣдко препятствіемъ къ замѣщенію должностей наиболѣе пригодными кандидатами. Въ этомъ отношеніи массачусетскіе порядки являются, впрочемъ, не болѣе, какъ исключеніемъ. Господствующей системой слѣдуетъ признать избраніе на всѣ должности путемъ народныхъ выборовъ. Эта система одна извѣстна американскому Западу. Тогда какъ въ графствахъ Массачусетса большинство должностей замѣщаются по назначенію отъ правительства, въ общинахъ неограниченно господствуетъ система народнаго избранія. Избирательными являются не только должности членовъ тѣсныхъ приходскихъ совѣтовъ, но и надзиратели за бѣдными, которые въ Англіи, какъ извѣстно, опредѣляются на службу мировыми судьями въ ихъ четвертныхъ сессіяхъ. Неограниченное господство избирательнаго начала — дань, которую общество Новой Англіи несетъ по отношенію къ демократическимъ идеямъ первыхъ его основателей—отцовъ пилигримовъ. Широкій просторъ, какой въ завѣдѣваніи мѣстными нуждами предо-

ставленъ инициативѣ самихъ общинъ обезпечиваетъ въ Америкѣ демократическому порядку опредѣленія на должность рѣшительный перевѣсъ надъ унаслѣдованнымъ изъ Англіи способомъ правительственнаго назначенія и является надежнѣйшимъ фундаментомъ болѣе или менѣе неограниченнаго народовластія.

Итакъ, съ одной стороны, мы видимъ широкое заимствованіе американскимъ законодательствомъ англійскихъ основъ мѣстнаго самоуправленія, а съ другой, существенное видоизмѣненіе имъ какъ самаго механизма административной машины, такъ и приводящей его въ движеніе силы. Этою послѣднею въ Америкѣ является не земельная аристократія, а среднее сословіе; сообразно этому законодательствомъ обезпечивается и перевѣсъ избранію надъ правительственнымъ назначеніемъ, и преобладающее значеніе общины, въ предѣлахъ которой практикуется избраніе надъ графствомъ, которому этотъ порядокъ въ нѣкоторыхъ штатахъ неизвѣстенъ. Американское законодательство отражаетъ на себѣ также въ гораздо большей степени, нежели англійское, вліяніе чисто теоретической постановки, которую, въ концѣ прошлаго столѣтія, получилъ одинаково въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ, вопросъ объ отношеніи властей—и это въ томъ смыслѣ, что, не въ примѣръ англійскому, онъ пытается обособить другъ отъ друга административныя и судебныя должности и установить опредѣленную границу между администраціей и судомъ. Этой послѣдней цѣли служитъ, какъ мы видѣли, созданіе бокъ-о-бокъ съ мировыми судьями должности особыхъ коммиссаровъ отъ графства, функціи которыхъ не выходятъ за предѣлы исполнительной власти.

При всѣхъ этихъ различіяхъ американская система мѣстнаго самоуправленія остается вѣрной своимъ англійскимъ основамъ въ томъ смыслѣ, что сосредоточиваетъ въ рукахъ мѣстныхъ жителей завѣдываніе всею совокупностью мѣстныхъ интересовъ и оставляетъ ихъ почти безусловными повелителями собственныхъ судебъ. Не въ примѣръ гражданамъ континентальной Европы, жители Новой Англіи свободно облагаютъ себя извѣстными денежными пожертвованіями на удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей, свободно пріобрѣтаютъ на общія средства общинныя имущества и столь же свободно вступаютъ въ обязательства и заключаютъ займы, не испрашивая на то ни чьего согласія и имѣя въ виду лишь скорѣйшее и по возможности полное удовлетвореніе общей, всѣми сознаваемой потребности въ хорошей школѣ, въ даровомъ призрѣніи бѣдныхъ и вообще въ благоустройствѣ, въ проведеніи дорогъ и мостовъ, содержаніи достаточной полицейской стражи.

Этимъ мы заканчиваемъ нашъ очеркъ исторіи и современнаго состоянія мѣстнаго самоуправленія въ Америкѣ. Мы сказали далеко не все то,

что можетъ быть сказано объ этомъ предметѣ; но и сообщеннаго нами достаточно для подтвержденія хотя бы слѣдующей мысли—американскія мѣстныя учрежденія — демократизированныя англійскія. Англійскій self-government, который многіе публицисты, Гнейстъ въ томъ числѣ, признають не подлежащими пересажденію, неразрывно связанными и съ крупнымъ землевладѣніемъ и съ аристократическимъ складомъ общества, оказался на самомъ дѣлѣ столь же жизненнымъ на демократической почвѣ новаго міра, какъ и на старой родинѣ (old country), какъ доселѣ называютъ Англію непорвавшіе съ ней духовной связи американцы. Сказанное Миллемъ о представительныхъ учрежденіяхъ Англіи и о возможности для нихъ привиться чужимъ народностямъ, при полномъ отличіи ихъ общественнаго быта отъ англійскаго, примѣнимо вполнѣ и къ англійскому selfgovernment. Его аристократическія основы могутъ быть замѣнены демократическими, даровое несеніе мѣстныхъ должностей можетъ уступить мѣсто хорошей оплатѣ ихъ, назначеніе на должность правительствомъ—избранію населеніемъ,—и все же характерныя черты мѣстнаго самоуправленія будутъ удержаны, мѣстнымъ центрамъ дарована самостоятельная жизнь, а жителямъ ихъ—возможность пріобрѣсть въ служеніи мѣстнымъ интересамъ ту школу, безъ которой немыслима гражданская зрѣлость,—а къ этимъ двумъ цѣлямъ и сводятся въ Америкѣ всѣ задачи мѣстнаго самоуправленія. Обѣ эти цѣли далеко не конечныя цѣли, онѣ не болѣе какъ средства къ достиженію высшей цѣли: управленія населенія, согласно его дѣйствительнымъ мѣстнымъ нуждамъ и желаніямъ. Онѣ средства — но средства незамѣнимыя, и это потому, что никакой, даже самой просвѣщенной центральной администраціи, недоступно въ такой мѣрѣ пониманіе мѣстныхъ нуждъ, какъ мѣстнымъ обывателямъ, знакомымъ съ повседневной административной практикой, а такихъ обывателей не въ состояніи создать ни школа, ни даже университеты, какъ бы высоко ни поставлено было въ нихъ научное образованіе, а одна лишь практическая дѣятельность, участіе возможно большаго числа мѣстныхъ жителей въ завѣдываніи мѣстными дѣлами, т.-е. опять-таки не иное что, какъ мѣстное самоуправленіе.

Макс. Ковалевскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е февраля, 1885.

Государственная роспись на 1885-ый годъ; виды на будущее, ожидаемыя нововведенія, мѣры къ ограниченію сверхсмѣтныхъ расходовъ.—Сдача казенной земли, безъ торговъ, въ арендное содержаніе крестьянскихъ обществъ.—Неотчуждаемость крестьянскихъ надѣловъ.—Новыя правила о покупкѣ, залогѣ и арендованіи имѣній въ западномъ краѣ.—Еще о проектѣ особенной части уголовнаго уложенія.

Впечатлѣніе, производимое государственною росписью на 1885 г. и всеподданнѣйшимъ докладомъ, при которомъ она была представлена на Высочайшее утвержденіе, не можетъ быть названо вполнѣ успокоительнымъ. Ожидаемое превышеніе доходовъ расходами (покрываемое чрезвычайнымъ рессурсомъ—заимствованіемъ изъ суммъ выкупной операціи) составляетъ около $7^{3}/_{4}$ милліоновъ рублей, несмотря на введеніе новаго налога—дополнительнаго сбора, процентнаго и раскладочнаго, съ значительныхъ торговыхъ предпріятій (около $4^{1}/_{4}$ милл.), и на предстоящее возвышеніе таможенныхъ пошлинъ съ нѣкоторыхъ предметовъ ввоза (около $5^{1}/_{2}$ милл.). Судьба налога на имущества, переходящія безмездными способами, показываетъ наглядно, какъ трудно опредѣлить заранѣе результатъ новой финансовой мѣры, какая громадная разница можетъ оказаться между смѣтнымъ исчисленіемъ и цифрой дѣйствительнаго поступленія. Въ роспись 1883 г. вышеупомянутый налогъ былъ включенъ въ суммѣ четырехъ милліоновъ рублей—а получено его въ 1883 г. на самомъ дѣлѣ лишь около $1^{1}/_{2}$ милліона. Основанія, на которыхъ зиждется предполагаемая цифра процентнаго и раскладочнаго сбора, отличаются, вѣроятно, большею твердостью—но нельзя не принять во вниманіе, что законъ о введеніи этого сбора до сихъ поръ (т.-е. до половины января) еще не обнародованъ, и что для примѣненія его понадобится, быть можетъ, созданіе особыхъ учрежденій, дѣятельность которыхъ едва ли соеди-

нить въ себѣ сразу всѣ условія, необходимыя для успѣха реформы. Что касается до повышенія таможенныхъ доходовъ, то здѣсь недавній опытъ оставляетъ еще больше мѣста для сомнѣній. 1882-й годъ былъ первымъ, подпавшимъ вполнѣ подъ дѣйствіе общей десятипроцентной надбавки къ таможеннымъ пошлинамъ; съ половины этого года вступило, сверхъ того, въ силу сокращеніе безпошлиннаго ввоза нѣкоторыхъ товаровъ и возвышеніе пошлины на нѣкоторые другіе. И что же? Недоборъ таможеннаго дохода достигъ въ 1882 г. шести милліоновъ рублей. По росписи 1883 г., при полномъ дѣйствіи новыхъ тарифныхъ правилъ, цифра таможеннаго дохода была опредѣлена лишь на семьсотъ-тысячъ выше противъ росписи 1882 г.—и все-таки недоборъ дохода составилъ болѣе четырехъ милліоновъ рублей. Увеличился въ 1883 г.—какъ мы видѣли еще недавно, при разсмотрѣніи контрольнаго за этотъ годъ отчета—ввозъ такихъ товаровъ, по отношенію къ которымъ таможенный тарифъ, въ 1882 г., остался неизмѣненнымъ; наоборотъ, въ ввозѣ товаровъ, по отношенію къ которымъ тарифъ былъ повышенъ, замѣтно значительное пониженіе. Точныхъ свѣденій о поступленіи таможеннаго дохода въ 1884 г. мы еще не имѣемъ, но недоборъ его противъ росписи также долженъ быть весьма крупный, потому что исчисленъ онъ былъ почти въ такой же суммѣ, какъ и на 1883 г. (съ небольшимъ 101 милліонъ), а поступило его, по словамъ доклада, меньше чѣмъ въ 1883 г. Въ виду всѣхъ этихъ безспорныхъ фактовъ, большихъ надеждъ на увеличеніе таможеннаго дохода путемъ новаго возвышенія таможенныхъ пошлинъ возлагать, очевидно, нельзя.

Естественное возрастаніе дохода ожидается росписью по многимъ статьямъ, но дѣйствительно важное значеніе имѣютъ изъ нихъ только четыре: акцизъ съ табаку, акцизъ съ свеклосахарнаго производства, доходъ отъ желѣзныхъ дорогъ и поступленія отъ желѣзно-дорожныхъ обществъ на платежи по ихъ облигаціямъ. По первымъ двумъ статьямъ повышеніе дохода (почти на четыре милліона рублей) представляется, въ виду опыта послѣднихъ лѣтъ, довольно вѣроятнымъ, хотя и здѣсь моментъ остановки роста, по крайней мѣрѣ временной, можетъ наступить раньше, чѣмъ предполагается; исторія обоихъ акцизовъ представляетъ примѣры регресса, особенно чувствительнаго по отношенію къ сахарному акцизу (въ 1877 г. онъ доходилъ до $6^3/_4$ милл., въ 1878 г. опустился до 5, въ 1880 г. до $4^1/_4$, въ 1881 г.—до $3^3/_4$ милл. рублей). Что касается до двухъ послѣднихъ статей, то опытъ 1883 г. не внушаетъ большого довѣрія къ ожиданіямъ росписи. Дохода съ желѣзныхъ дорогъ поступило въ этомъ году почти на три милліона, взносовъ на платежи по облигаціямъ—почти на четыре милліона менѣе противъ смѣтныхъ цифръ, которыя въ обоихъ случаяхъ были гораздо ниже

смѣтныхъ цифръ 1885 г. Повышеніе дохода съ желѣзныхъ дорогъ ожидается, между прочимъ, отъ предстоящаго открытія движенія на двухъ участкахъ полѣсскихъ желѣзныхъ дорогъ. Насколько цифра, такимъ образомъ выведенная, можетъ оказаться преувеличенною, это видно изъ той же статьи доклада: доходъ отъ екатерининской желѣзной дороги исчисленъ на 1885-й г. въ полъ-милліона меньше противъ 1884-го, именно „вслѣдствіе выяснившейся дѣйствительной ея доходности".

При разборѣ росписей и контрольныхъ отчетовъ за прошедшіе годы, намъ нѣсколько разъ приходилось говорить о невозможности разсчитывать на непрерывный ростъ питейнаго дохода. Въ смѣтѣ 1884 г., цифра этого дохода была исчислена почти на десять милліоновъ выше противъ смѣты 1883 г., по соображенію—какъ сказано было въ докладѣ—„съ постояннымъ возрастаніемъ этого дохода въ послѣднее трехлѣтіе и въ виду возвышенія патентнаго сбора". Первые девять мѣсяцевъ 1884 г. дали, однако, не повышеніе, а пониженіе питейнаго дохода, вслѣдствіе чего онъ опредѣленъ въ росписи 1885 г., на четыре милліона меньше противъ предъидущей ($246^1/_4$ милл. вмѣсто $250^1/_4$), несмотря на ожидаемое, подъ вліяніемъ новыхъ правилъ о пивовареніи и торговлѣ пивомъ, увеличеніе дохода съ портера, пива и меда. А между тѣмъ, въ близкомъ, можетъ быть, будущемъ предстоитъ изданіе новыхъ правилъ о питейной торговлѣ, уже внесенныхъ министромъ финансовъ въ государственный совѣтъ. Преобладающій характеръ реформы, стоящей, такимъ образомъ. на очереди, вовсе не финансовый; она преслѣдуетъ другія цѣли, осуществленіе которыхъ можетъ и не совпасть съ интересами государственнаго казначейства. Питейная торговля безъ кабака—это такая новость въ русской жизни, что предвидѣть ея послѣдствія, ближайшія и отдаленныя, рѣшительно невозможно. Въ докладѣ министра финансовъ выражено предположеніе, что проектируемый законъ уменьшитъ безпатентную тайную торговлю виномъ, и тѣмъ возвыситъ государственные доходы. Это весьма возможно, хотя укоренившіяся злоупотребленія, вообще говоря, не исчезаютъ внезапно; но главнымъ источникомъ питейнаго дохода служитъ вѣдь не патентный сборъ, а акцизъ съ вина, соотвѣтствующій его потребленію. Съ исчезновеніемъ кабака количество потребляемаго вина весьма легко можетъ уменьшиться, конечно, на время—но даже временное, даже не особенно сильное паденіе питейнаго дохода угрожаетъ такими финансовыми затрудненіями, къ которымъ слѣдуетъ быть заранѣе готовымъ. Мы продолжаемъ думать, что для прочнаго успѣха питейной реформы необходимо не только не связывать ее съ надеждой на возрастаніе питейнаго дохода, но, наоборотъ, допускать возможность противоположнаго результата; только тогда она не вызоветъ разочарованій, попы-

токъ возвратиться къ отмѣненнымъ порядкамъ, только тогда исполненіе ея не пойдетъ въ разрѣзъ съ основною ея мыслью.

Кромѣ питейнаго дохода, значительно уменьшены, въ сравненіи съ 1884 г., еще двѣ статьи доходной смѣты: крѣпостныя канцелярскія и судебныя пошлины—почти на $2^1/_4$ милліона, налогъ съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами—на 800 тысячъ рублей. Изъ того, что этотъ послѣдній налогъ опредѣленъ, на основаніи дѣйствительнаго поступленія, въ 3.200,000 рублей, можно заключить, что цифра его растетъ, хотя и не столь быстро, какъ ожидалось сначала; остается надѣяться, что онъ не замедлитъ войти въ привычки нашего общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ превратятся и жалобы на его мнимую несправедливость, и попытки—слишкомъ часто успѣшныя—уклониться отъ его уплаты. Возрастаетъ и цифра поступленія крѣпостныхъ пошлинъ (въ 1883 г. ихъ поступило около $8^1/_2$ милл.; въ 1885 г. ожидается, на основаніи опыта 1884 г., около 11 милліоновъ), но также нѣсколько медленнѣе, чѣмъ предполагалось при введеніи въ дѣйствіе новой законной оцѣнки недвижимыхъ имуществъ. Ошибочность первоначальныхъ вычисленій свидѣтельствуетъ здѣсь только объ одномъ—о невозможности разсчитывать на постоянный и быстрый ростъ этой статьи дохода. Скорѣе къ пониженію, чѣмъ къ повышенію, клонятся сборы съ застрахованныхъ отъ огня имуществъ и съ перевозки по желѣзнымъ дорогамъ пассажировъ и грузовъ большой скорости; почти неподвижной остается цифра податей, съ поземельнымъ и лѣснымъ налогами, а также цифра гербовыхъ пошлинъ.

Итакъ, небольшое, сравнительно, мѣсто, занимаемое естественнымъ ростомъ доходовъ, наклонность нѣкоторыхъ статей дохода къ пониженію, недостаточная надежность мѣръ, принимаемыхъ съ цѣлью созданія новыхъ источниковъ дохода или увеличенія существующихъ—вотъ главныя черты росписи на 1885 г., насколько она касается обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ. Прибавимъ къ этому, что въ дѣлѣ постепенной отмѣны подушной подати, начатомъ въ 1883 и продолжавшемся въ 1884 г., произошла, къ сожалѣнію, остановка; подушная подать будетъ взиматься въ текущемъ году съ тѣхъ же лицъ и въ томъ же размѣрѣ, какъ и въ предъидущемъ. Паспортный сборъ, обременительный для податныхъ сословій въ особенности по способу взиманія, остается въ прежней силѣ, и объ отмѣнѣ его ничего не слышно. Изъ года въ годъ переходитъ такая статья дохода, которая жертвуетъ будущимъ для настоящаго—продажа казенныхъ недвижимыхъ имуществъ, съ 1881 г. заключенная, правда, въ болѣе тѣсныя границы, но все еще дающая цифры, близкія къ пяти милліонамъ. Выводъ изъ всѣхъ этихъ фактовъ можетъ быть только одинъ—необходимость коренной и неотложной финансовой реформы.

Что обѣщаетъ, въ этомъ отношеніи, докладъ министра финансовъ? Сравнительно съ предъидущими годами, онъ бѣденъ указаніями на будущее. Говоря о мѣрахъ къ устраненію дефицитовъ, г. министръ замѣчаетъ, что онѣ должны состоять, между прочимъ, „въ привлеченіи къ платежу налоговъ тѣхъ доходовъ, которые вовсе не обложены податями"—но не опредѣляетъ ближе, о какихъ доходахъ идетъ здѣсь рѣчь. Объ общемъ подоходномъ налогѣ въ докладѣ нѣтъ ни слова. По мнѣнію г. министра, торговля и промышленность, послѣ введенія дополнительныхъ сборовъ (процентнаго и раскладочнаго), будутъ обложены настолько высоко, что дальнѣйшаго возвышенія промысловаго налога въ теченіе долгаго времени допускать не слѣдуетъ. Не знаемъ, какъ согласить это мнѣніе съ прошлогоднимъ проектомъ дополнительнаго обложенія болѣе крупныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій—тѣмъ проектомъ, который потерпѣлъ крушеніе въ государственномъ совѣтѣ, и въ замѣнъ котораго предполагается теперь ввести процентный и раскладочный сборъ. Отъ прошлогодняго проекта ожидалось увеличеніе промысловаго налога на десять милліоновъ въ годъ; отъ вновь предначертаннаго сбора ожидается только $4^1/_4$ милліона; почему же эта послѣдняя цифра признается теперь крайнимъ, на долгое время, предѣломъ дополнительнаго обложенія промышленности и торговли? Или, можетъ быть, сумма въ $4^1/_4$ милліона исчислена только за часть года, и начиная съ 1886 года новый сборъ долженъ приносить вдвое больше? Едва ли; потому что въ такомъ случаѣ нормальная его цифра, вѣроятно, была бы приведена въ докладѣ. Невозможность дальнѣйшаго обложенія промышленности и торговли мотивируется въ докладѣ тѣмъ, что промысловый налогъ, послѣ присоединенія къ нему новаго сбора, будетъ уравненъ съ налогами, уплачиваемыми съ поземельной собственности и съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ; но этотъ аргументъ едва ли можетъ быть признанъ убѣдительнымъ, въ особенности по отношенію къ крестьянамъ, платящимъ, кромѣ государственнаго поземельнаго налога и земскихъ сборовъ, еще подушную подать (насколько она не отмѣнена) и мірскіе сборы—не говоря уже о выкупныхъ платежахъ, лежащихъ на бывшихъ помѣщичьихъ крестьянахъ.

Возвышеніе таможенныхъ пошлинъ, предпринимаемое съ фискальною цѣлью, упадаетъ на пять статей привоза: чай, сельди, виноградныя вина, масло и шелкъ. „Чай,—сказано въ докладѣ—составляетъ у насъ предметъ общаго потребленія болѣе достаточнаго населенія; при ежегодномъ расходѣ даже двѣнадцати фунтовъ на семейство, возвышеніе пошлины составитъ добавочный налогъ всего въ 1 руб. 80 коп., что не можетъ быть признано обременительнымъ". Съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ можно было бы согласиться, если-

бы новый налогъ упадалъ исключительно или хоть преимущественно на достаточный классъ населенія; но потребленіе чаю распространяется все больше и больше въ массѣ народа, и мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что для большинства потребителей его, безъ того уже обремененныхъ сверхъ мѣры податными платежами, и лишній рубль налога далеко не безразличенъ. Сомнительной, съ этой же точки зрѣнія, представляется и цѣлесообразность возвышенія таможенной пошлины на сельди.—Въ ближайшемъ будущемъ, судя по докладу, слѣдуетъ ожидать измѣненія нѣкоторыхъ статей тарифа уже не съ фискальною, а съ покровительственною цѣлью. „Въ настоящее время,—читаемъ мы въ докладѣ,—на первой очереди находится вопросъ о возвышеніи пошлинъ на сельско-хозяйственныя машины и на нѣкоторыя издѣлія, привозъ коихъ еще великъ, не смотря на успѣхи внутренняго производства". Не останавливаясь на общемъ вопросѣ о протекціонизмѣ, которому еще недавно была посвящена въ нашемъ журналѣ особая статья [1]), укажемъ только на противорѣчіе, заключающееся въ послѣднихъ словахъ приведенной нами цитаты. Если внутреннее производство тѣхъ или другихъ издѣлій дѣлаетъ успѣхи при существующемъ размѣрѣ таможенной пошлины, то не служитъ ли это яснымъ доказательствомъ достаточности пошлины, лучшимъ аргументомъ противъ дальнѣйшаго ея повышенія? Къ чему усиливать покровительство, и безъ того уже достигающее своей цѣли? Не ясно ли, что единственнымъ послѣдствіемъ такого усиленія будетъ обогащеніе немногихъ на счетъ многихъ?.. Болѣе утѣшительны тѣ слова доклада, которыя относятся къ общему пересмотру таможеннаго тарифа: „когда наиболѣе настоятельныя потребности отдѣльныхъ отраслей промышленности, по надлежащемъ спеціальномъ ихъ изученіи, будутъ удовлетворены, тогда можно будетъ немедленно приступить къ пересмотру тарифа въ видахъ согласованія его отдѣльныхъ статей, при участіи заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ". Разъ что цѣлью пересмотра будетъ только согласованіе отдѣльныхъ статей тарифа, результатомъ его не можетъ быть полное торжество протекціонистовъ и протекціонизма, особенно если въ качествѣ „заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ" будутъ привлечены къ участію въ пересмотрѣ тарифа не одни только производители, личные интересы которыхъ связаны съ повышеніемъ таможенныхъ пошлинъ.

Докладъ министра финансовъ, при которомъ была представлена роспись на минувшій 1884 годъ, обѣщалъ въ близкомъ будущемъ

---

[1]) „Свобода внѣшней торговли и протекціонизмъ" г. Иванюкова, въ № 1 „Вѣстника Европы" за 1885 г.

расширеніе дѣятельности крестьянскаго поземельнаго банка — и это обѣщаніе было исполнено. Въ докладѣ, при которомъ представлена роспись на 1885 годъ, мы не встрѣчаемъ, къ сожалѣнію, ничего подобнаго, хотя распространеніе круга дѣйствій крестьянскаго поземельнаго банка ожидается съ нетерпѣніемъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи и составляетъ предметъ нѣсколькихъ земскихъ ходатайствъ. Постепенность въ этомъ дѣлѣ была и продолжаетъ быть неизбѣжной—но слишкомъ большое замедленіе въ дальнѣйшемъ его ходѣ создаетъ для одной части Россіи ничѣмъ не оправдываемое привилегированное положеніе сравнительно съ другою. Признавая, что „въ земледѣльческой промышленности отъ низкихъ цѣнъ на хлѣбъ терпятъ и помѣщики, и крестьяне", докладъ перечисляетъ цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ на пользу помѣщиковъ (и, прибавимъ отъ себя, на пользу хлѣбныхъ и иныхъ торговцевъ)—учрежденіе государственнаго поземельнаго банка, законъ о товарныхъ складахъ и варрантахъ, правила для выдачи ссудъ подъ залогъ хлѣба, отправляемаго по желѣзнымъ дорогамъ къ мѣстамъ сбыта; что касается до крестьянъ, то на ихъ долю достается только „воздержаніе отъ примѣненія строгихъ мѣръ по взысканію податей, въ тѣхъ случаяхъ, когда это оказывается необходимымъ". Мы узнаемъ изъ доклада, что проектъ государственнаго поземельнаго банка почти оконченъ и будетъ представленъ въ началѣ февраля на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. „Ожидаемое удешевленіе кредита,—замѣчаетъ по этому поводу г. министръ финансовъ,—конечно имѣетъ свои границы. Во-первыхъ, государственный поземельный банкъ не можетъ выдавать ссуды, взимая меньшій по нимъ процентъ, нежели тотъ, который уплачиваетъ правительство по государственнымъ займамъ, и во-вторыхъ, всѣ землевладѣльцы, уже задолжавшіе частнымъ банкамъ, не могутъ воспользоваться болѣе дешевымъ кредитомъ, не уплативъ прежнихъ своихъ долговъ или не перезаложивъ въ государственномъ поземельномъ банкѣ своихъ имѣній". Оговорки, дѣлаемыя г. министромъ, разумѣются, собственно говоря, сами собою; тѣмъ не менѣе онѣ далеко не излишни, въ виду безмѣрныхъ надеждъ и преувеличенныхъ домогательствъ, соединяемыхъ иногда съ понятіемъ о государственномъ поземельномъ банкѣ. Государственный кредитъ, установляемый въ пользу достаточнаго класса, можетъ быть справедливъ только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ ничего не стоилъ государству, не угрожалъ казнѣ, т.-е. народу, никакой потерей, никакой матеріальной жертвой. Осуществленіе этого условія требуетъ взиманія съ заемщиковъ—независимо отъ погашенія—не только процента, равнаго, по меньшей мѣрѣ, платимому по государственнымъ займамъ, но и суммы, необходимой для покрытія всѣхъ издержекъ по содер-

жанію банка (какъ это и установлено даже по отношенію къ крестьянскому поземельному банку). Изъ того же общаго начала вытекаетъ и невозможность льготы для владѣльцевъ, имѣнія которыхъ заложены въ частныхъ кредитныхъ установленіяхъ. Всякая подобная льгота была бы равносильна обремененію казны такими обязательствами и платежами, для принятія которыхъ на ея счетъ не представляется даже и тѣни правильнаго основанія.

Переходимъ къ государственнымъ расходамъ. Сумма расходовъ обыкновенныхъ (не считая выкупныхъ платежей, въ первый разъ включенныхъ въ роспись) превышаетъ соотвѣтствующую сумму прошедшаго года почти на $9^1/_4$ милліоновъ рублей. Двѣ-трети этого превышенія приходятся на долю министерствъ военнаго и морского. Итакъ, смѣтные расходы продолжаютъ увеличиваться, не смотря на сознаваемую министерствомъ финансовъ необходимость „сдерживать ихъ возрастаніе". Экономія въ расходахъ, по справедливому замѣчанію министра, составляетъ задачу не одного министерства финансовъ; это дѣло общее, „ибо въ возстановленіи бюджетнаго равновѣсія заключается залогъ возможно полнаго удовлетворенія всѣхъ государственныхъ потребностей, залогъ благоденствія народа и могущества государства". Не менѣе важно, съ этой точки зрѣнія, сокращеніе сверхсмѣтныхъ расходовъ. Въ прошлогоднемъ докладѣ министра было указано „наиболѣе дѣйствительное средство для сокращенія сверхсмѣтныхъ ассигновокъ"; это — „назначеніе въ росписи извѣстной валовой суммы, предназначенной въ теченіе года на всѣ непредвидѣнныя потребности, но не иначе какъ по разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ представленій министровъ, и съ тѣмъ, чтобы никакіе расходы кромѣ тѣхъ, которые могутъ быть отнесены на эту сумму, въ промежуткѣ времени между утвержденіемъ двухъ росписей допускаемы не были". Принятію этой мѣры должны были предшествовать, по словамъ доклада, „предварительныя сношенія со всѣми министерствами и выполненіе обширной работы, которая не можетъ быть окончена ранѣе 1885 г.". Въ какомъ положеніи находится теперь эта работа, къ какому результату привели „предварительныя сношенія" съ министерствами—объ этомъ въ докладѣ, при которомъ представлена роспись на 1885 г., ничего не сказано. Недоумѣніе, возбуждаемое такимъ молчаніемъ, усиливается въ виду слѣдующихъ словъ доклада: „Судя по постепенному сокращенію сверхсмѣтныхъ расходовъ, представляется возможность довести ихъ до той цифры, которая соотвѣтствовала бы неистребованнымъ на расходы суммамъ по кредитамъ, подлежащимъ закрытію. Еслибы эта цѣль была достигнута, то сверхсмѣтные расходы не нарушали бы финансовыхъ разсчетовъ, и равновѣсіе между доходами и расходами было бы водво-

рено". Суммы кредитовъ, подлежащихъ закрытію, не могутъ быть установлены заранѣе; окончательно онѣ опредѣляются даже не тотчасъ по истеченіи финансоваго года, а нѣсколько времени спустя. Какимъ же образомъ можетъ быть достигнуто равенство между ними и сверхсмѣтными расходами, производимыми въ продолженіе года? Ожиданіе остатковъ, основанное на ошибочныхъ предположеніяхъ, легко можетъ повлечь за собою допущеніе сверхсмѣтныхъ расходовъ въ такихъ размѣрахъ, которые впослѣдствіи времени окажутся крайне преувеличенными. Система, указанная въ прошлогоднемъ докладѣ, кажется намъ гораздо болѣе цѣлесообразною. Она установляетъ точную максимальную цифру сверхсмѣтныхъ ассигновокъ, заранѣе извѣстную и недопускающую никакихъ увлеченій, никакихъ надеждъ на будущія блага, въ видѣ „суммъ, неистребованныхъ на расходы". Фактически возможнымъ выходъ изъ нормы представляется, безъ сомнѣнія, въ обоихъ случаяхъ—но при порядкѣ, проектированномъ въ прошедшемъ году, нарушеніе нормы можетъ быть только сознательнымъ и намѣреннымъ, между тѣмъ, какъ при системѣ равновѣсія между сверхсмѣтными расходами и смѣтными остатками оно можетъ быть, сверхъ того, и случайнымъ. Отказать въ представленіи о сверхсмѣтной ассигновкѣ за израсходованіемъ всей суммы, предназначенной на этотъ предметъ—очевидно гораздо легче, чѣмъ основать отказъ на предполагаемомъ, въ будущемъ, отсутствіи свободныхъ смѣтныхъ остатковъ. Совершившійся фактъ—всегда гораздо болѣе прочная опора для рѣшенія, чѣмъ догадка. Нельзя не пожелать поэтому, чтобы „обширная работа", упомянутая въ прошлогоднемъ докладѣ министра финансовъ, была окончена, согласно съ обѣщаніемъ доклада, въ 1885 г., и чтобы новый порядокъ назначенія суммъ на сверхсмѣтные расходы и разрѣшенія самыхъ расходовъ былъ введенъ въ дѣйствіе, начиная съ 1886-го года.

Если въ докладѣ, при которомъ представлена роспись на 1885 г., ничего не говорится о новыхъ мѣрахъ въ пользу крестьянскаго сословія, то это еще не значитъ, чтобы законодательная дѣятельность въ этомъ направленіи совершенно прекратилась. Въ началѣ истекшаго января мѣсяца, почти одновременно съ росписью, обнародованы Высочайше утвержденныя правила объ отдачѣ крестьянскимъ обществамъ въ аренду казенныхъ земель безъ торговъ. Мы едва ли ошибемся, если назовемъ эти правила отголоскомъ того движенія, которое началось въ нашей государственной жизни въ памятномъ 1880-мъ году. Теперь въ модѣ унижать это время, осыпать его насмѣшками и укоризнами—но никакимъ усиліямъ не удастся изгладить изъ на-

родной памяти тотъ фактъ, что именно тогда сознана была необходимость возвратиться къ крестьянскому вопросу, возобновить слишкомъ рано прерванную работу поднятія и обезпеченія народной массы. Однимъ изъ первыхъ результатовъ новаго настроенія было разрѣшеніе крестьянскимъ обществамъ (весною 1881-го года) снимать казенныя земли въ аренду съ торговъ, не стѣсняясь разстояніемъ ихъ отъ селеній и представляя въ обезпеченіе платежа арендныхъ денегъ, вмѣсто установленныхъ залоговъ, мірскіе приговоры, безъ ограниченія ихъ суммою ручательства и срокомъ арендн аго содержанія. Эта мѣра, облегчившая для крестьянъ снятіе земли въ аренду прямо отъ казны, безъ посредства крупныхъ съемщиковъ, названа была временною, въ томъ, вѣроятно, смыслѣ—какъ мы тогда же замѣтили въ нашемъ обозрѣніи [1]) — „что за нею должны послѣдовать другія мѣры, болѣе важныя, напримѣръ, сдача казенной земли въ аренду крестьянскимъ обществамъ безъ торговъ, или надѣленіе ею крестьянъ безземельныхъ или недостаточно надѣленныхъ землею". И дѣйствительно, разъ что сдача въ аренду казенной земли перестала имѣть чисто фискальный характеръ, разъ что въ нее былъ внесенъ элементъ попеченія о благосостояніи крестьянъ, логическимъ результатомъ этого нововведенія должно было явиться систематическое предпочтеніе крестьянскихъ обществъ другимъ съемщикамъ — предпочтеніе, несовмѣстное съ системой публичныхъ торговъ. Изданнымъ теперь положеніемъ полнѣе осуществляется мысль, лежавшая въ основаніи правилъ 1881-го года. На основаніи этого положенія, крестьянскимъ обществамъ могутъ быть сдаваемы въ аренду безъ торговъ, на срокъ не свыше двѣнадцати лѣтъ, не только земли, смежныя съ землями этихъ обществъ, но и другія, отстоящія отъ ихъ селеній не далѣе двадцати верстъ; залоги и въ этихъ случаяхъ замѣняются мірскими приговорами. Снятыя безъ торговъ земли не могутъ быть переуступаемы крестьянскими обществами постороннимъ лицамъ и должны состоять въ пользованіи всего общества, а не нѣкоторыхъ только членовъ его. Все это совершается раціонально; пожалѣть можно лишь о томъ, что сдача земель крестьянскимъ обществамъ, безъ торговъ, не сдѣлана обязательною для министерства государственныхъ имуществъ, какъ только есть на лицо условія, предусмотрѣнныя закономъ, т. е. имѣется въ виду крестьянское общество, желающее взять въ аренду свободный, и притомъ сосѣдній или близкій участокъ казенной земли, за установленную министерствомъ плату. Не мѣшало бы также опредѣлить точнѣе основанія, отъ которыхъ долженъ зависѣть размѣръ арендной платы, и

---

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 7 „Вѣстника Европы" за 1881 годъ, стр. 370.

способъ выбора между соискателями, если желаніе взять въ аренду данный участокъ земли будетъ заявлено двумя или болѣе крестьянскими обществами. Степень нужды крестьянъ въ арендованіи земли съ большею основательностью могла бы быть опредѣляема уѣздной земской управой, чѣмъ губернскимъ (или хотя бы уѣзднымъ) по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ.

Какъ бы широки и разнообразны ни были мѣры, направленныя къ развитію крестьянскаго землевладѣнія, онѣ никогда не приведутъ къ желанной цѣли, если параллельно съ ними будетъ идти обезземеленіе крестьянъ, уже въ настоящее время достигшее немаловажныхъ размѣровъ. Необходимость противодѣйствовать ему сознана давно; однимъ изъ главныхъ способовъ противодѣйствія представляется безповоротное укрѣпленіе надѣльной земли за крестьянскими обществами. Вопросъ о неотчуждаемости надѣльной земли перешелъ изъ литературы въ пренія и ходатайства земскихъ собраній, откуда и проникъ, наконецъ, въ правительственныя сферы. На разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта внесенъ или скоро будетъ внесенъ законопроектъ, сущность котораго, судя по слухамъ, заключается въ слѣдующемъ: усадьбы и земли крестьянскаго надѣла, пріобрѣтенныя въ собственность посредствомъ выкупа или дара, не могутъ быть ни отчуждаемы, ни закладываемы лицамъ, не принадлежащимъ къ обществу, въ надѣлъ котораго онѣ входятъ, развѣ еслибы пріобрѣтатель земли приписался къ обществу, съ согласія послѣдняго. Такое же ограниченіе установляется и относительно перехода упомянутыхъ земель по наслѣдству, а также относительно пріобрѣтенія ихъ съ публичнаго торга. Отчужденіе цѣлымъ крестьянскимъ обществомъ принадлежащей ему надѣльной земли запрещается вовсе. Надѣльная земля изъемлется изъ дѣйствія давности, т.-е. не можетъ быть пріобрѣтаема въ собственность путемъ фактическаго владѣнія, продолжающагося болѣе десяти лѣтъ сряду. Если всѣ эти предположенія получатъ силу закона, обезземеленію крестьянъ будетъ противопоставлена существенно важная, но все-таки недостаточная преграда. Одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ къ составленію обсуждаемаго нами законопроекта послужилъ, повидимому, замѣчаемый повсемѣстно фактъ перехода крестьянскихъ надѣловъ въ руки скупщиковъ, составляющихъ одну изъ разновидностей міроѣдскаго типа. Для дѣятельности этихъ людей останется слишкомъ большой просторъ, если неотчуждаемость крестьянской земли будетъ установлена не безусловно, а только по отношенію къ постороннимъ лицамъ, невходящимъ въ составъ даннаго крестьянскаго общества. Богатый міроѣдъ сохранитъ возможность пріобрѣсти у своихъ односельцевъ любое число надѣловъ; стоитъ только всѣмъ домохозяевамъ

согласиться на продажу своихъ участковъ одному изъ среды членовъ общества—и преемникомъ цѣлаго общества явится одно частное лицо. Послѣдствія обезземеленія не сдѣлаются для крестьянъ менѣе тягостными въ слѣдствіе того, что земля перейдетъ отъ нихъ къ бывшему ихъ однообщественнику, а не къ постороннему лицу. Похитителемъ, на законномъ основаніи, крестьянской собственности можетъ стать при дѣйствіи проектированныхъ правилъ, даже лице, чуждое данной мѣстности; ему нужно только приписаться къ обществу, чтобы безпрепятственно начать и довести до конца задуманную имъ скупку надѣловъ. Правда, нельзя будетъ болѣе скупать одновременно крестьянскіе надѣлы въ двухъ или нѣсколькихъ мѣстахъ (развѣ подъ чужимъ именемъ)—но дѣятельность скупщиковъ и теперь, большею частью, сосредоточивается въ предѣлахъ одного селенія. Мы думаемъ, поэтому, что право пріобрѣтенія крестьянской надѣльной земли слѣдовало бы оставить исключительно за цѣлымъ обществомъ, къ надѣлу котораго эта земля принадлежитъ, а отнюдь не за отдѣльными членами общества. Намъ могутъ возразить, что это затруднило бы до крайности выходъ крестьянъ изъ общества, такъ какъ выходящій долженъ предварительно продать свой участокъ; но вѣдь и при тѣхъ ограниченіяхъ, которыя установляются законопроектомъ, пріисканіе покупщика не всегда будетъ возможно. Опасность, сопряженная съ обезземеленіемъ крестьянъ, такъ велика, что въ видахъ предупрежденія ея можно и не отступать передъ нѣкоторымъ нарушеніемъ частныхъ интересовъ. Такимъ нарушеніемъ представляется, напримѣръ, и устраненіе отъ наслѣдства въ надѣльной землѣ лицъ, не входящихъ въ составъ общества—но оно оправдывается необходимостью, потому что вытекаетъ изъ принципа неотчуждаемости, обусловливаемой принадлежностью надѣльной земли не отдѣльнымъ лицамъ, а цѣлому обществу.

Изъ общаго правила, установляемаго проектомъ, допускается исключеніе для тѣхъ случаевъ, когда крестьянская надѣльная земля пріобрѣтается постороннимъ лицомъ съ цѣлью устройства на ней фабрики, завода или иного промышленнаго заведенія, отъ котораго можно ожидать для крестьянъ особыхъ выгодъ. Не смотря на всѣ гарантіи, которыми предполагается обставить продажу, въ такихъ случаяхъ, надѣльной земли (разрѣшеніе цѣлаго общества, данное большинствомъ двухъ третей голосовъ, удостовѣреніе непремѣннаго члена или мирового посредника о дѣйствительности ожидаемыхъ выгодъ, опредѣленіе срока, въ продолженіе котораго, подъ опасеніемъ отобранія земли, должно быть устроено и пущено въ ходъ фабричное или промышленное заведеніе)—цѣлесообразность проектируемаго исключенія кажется намъ крайне сомнительною. Развѣ что продается земля, состоящая

во владѣніи отдѣльнаго члена общества, добыть разрѣшеніе общества на ея продажу очень не трудно; возможно даже нравственное насиліе общества надъ своимъ членомъ, чтобы принудить его къ продажѣ—не столько изъ-за будущихъ выгодъ, сколько изъ-за обѣщаній продавца, подлежащихъ немедленной реализаціи. Рядомъ съ выгодами, устройство фабрики въ деревнѣ всегда, притомъ, представляетъ и невыгоды, менѣе осязательныя, но иногда весьма существенныя. Увлекаясь первыми, крестьянское общество, какъ и блюстители его интересовъ, легко можетъ упустить изъ виду послѣднія. Часто ли, наконецъ, будутъ встрѣчаться такіе случаи, когда покупка надѣльной земли будетъ необходимымъ условіемъ устройства, въ данной мѣстности, фабрики или завода? Рядомъ съ надѣльной землей почти вездѣ есть земли частнаго владѣнія, продажа которыхъ совершенно зависитъ отъ усмотрѣнія владѣльца. Не слѣдуетъ, наконецъ, упускать изъ виду, что фабрика можетъ закрыться — а земля, на которой она устроена, все-таки останется въ рукахъ пріобрѣтателя. Чѣмъ вознаградится, въ подобныхъ случаяхъ, обезземеленіе отдѣльныхъ крестьянъ и потеря, понесенная цѣлымъ обществомъ?

Ходатайствуя о неотчуждаемости крестьянской надѣльной земли, земскія собранія — напримѣръ, симбирское губернское, которому принадлежитъ инищатива этого дѣла [1])—высказывались, вмѣстѣ съ тѣмъ, за отмѣну статьи 165, Положенія о выкупѣ, допускающей выкупъ отдѣльнымъ домохозяиномъ своего участка и выдѣлъ его къ одному мѣсту. Статья 165 вмѣстѣ съ ст. 54 общаго положенія о крестьянахъ—это постоянная угроза общинному землевладѣнію, угроза, и теперь уже не остающаяся мертвой буквой. Насколько драгоцѣнна форма землевладѣнія, всего больше противодѣйствующая образованію сельскаго пролетаріата, настолько желательно устраненіе всего того, что особенно сильно способствуетъ ея упадку. Законопроектъ, о которомъ мы говоримъ, не затрогиваетъ, къ сожалѣнію, этой задачи; онъ оставляетъ ст. 165, безъ всякой перемѣны, исходя, повидимому, изъ того убѣжденія, что для разрѣшенія вопроса о сравнительныхъ достоинствахъ и недостаткахъ общиннаго и участковаго землевладѣнія еще не настало время. Намъ кажется, что отмѣна ст. 165 была бы возможна и безъ предрѣшенія этого вопроса; положивъ конецъ разладу между волей большинства и отдѣльныхъ лицъ,—разладу, благопріятствующему послѣднимъ въ ущербъ первой—она способствовала бы только поддержанію status quo, впредь до наступленія того момента, когда сдѣлается неизбѣжнымъ рѣшительный выборъ между

---

[1]) См. статью г. Анисимова: „Разложеніе нашей земельной общины“, въ № 1 „Вѣстника Европы“ за текущій годъ.

двумя противоположными дорогами. Мы надѣемся, однако, что провозглашеніе надѣльныхъ крестьянскихъ земель—въ особенности неотчуждаемости безусловной, т.-е. не допускающей исключенія и для однообщественниковъ — значительно ограничить, de facto, примѣненіе ст. 165 Полож. о выкупѣ и ст. 54 общаго положенія о крестьянахъ. Настоящимъ мотивомъ перехода отъ общиннаго владѣнія къ участковому или подворному часто бываетъ теперь — какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и для большинства общественниковъ—именно достигаемая ими этимъ путемъ возможность продать свои участки; самыя средства, необходимыя для выкупа участка, по ст. 165, доставляются сплошь и рядомъ будущимъ его пріобрѣтателемъ. Съ изъятіемъ крестьянской надѣльной земли изъ числа объектовъ продажи, исчезнетъ, такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ одна изъ причинъ, подтачивающихъ общинное землевладѣніе.

Къ числу выдающихся законодательныхъ мѣръ послѣдняго времени принадлежатъ правила 27 декабря 1884 г., подтверждающія и дополняющія законъ 10 декабря 1865 г. Цѣлью послѣдняго было, какъ извѣстно, распространеніе въ западномъ краѣ русскаго землевладѣнія въ ущербъ польскому; извѣстно также, какъ мало подвинулось впередъ, почти въ двадцать лѣтъ, осуществленіе этой задачи. Болѣе значительныхъ результатовъ едва ли можно ожидать и отъ вновь изданныхъ правилъ. Запрещая лицамъ, подходящимъ подъ дѣйствіе закона 10 декабря, принятіе имѣній въ залогъ и арендованіе ихъ на продолжительные сроки, правила 27 декабря затрудняютъ нѣсколько больше прежняго положеніе землевладѣльцевъ въ западномъ краѣ—какъ польскихъ, такъ и русскихъ (насколько послѣдніе заинтересованы въ прінсканіи залогодержателей и арендаторовъ),—но не устраняютъ возможность обходить законъ и, что еще важнѣе, не увеличиваютъ наплыва въ западный край тѣхъ элементовъ, которые желалъ бы привлечь туда законодатель. Пункты 8 и 9 новыхъ правилъ направлены къ уничтоженію сдѣлокъ, совершенныхъ вопреки закону 10 декабря; при извѣстныхъ условіяхъ, совершеніе такой сдѣлки можетъ даже послужить основаніемъ къ отобранію имѣнія въ казну. Для примѣненія этихъ постановленій необходимо существованіе формальной или, по меньшей мѣрѣ, письменной сдѣлки—другими словами, необходимо явное нарушеніе закона. Подобныхъ нарушеній едва ли можетъ быть много; гораздо чаще встрѣчаются, по всей вѣроятности, такіе случаи, когда лицо, подходящее подъ дѣйствіе правилъ 10 декабря, управляетъ имѣніемъ безъ довѣренности, пользуется имъ безъ арендпаго договора. Обнаружить, констатировать фактическое управ-

леніе или пользованіе будетъ до крайности трудно — и все можетъ остаться по старому; прибавится только новый поводъ къ раздраженію, къ національному антагонизму. Такъ ли велико, притомъ, вліяніе русскихъ землевладѣльцевъ, чтобы искусственное привлеченіе ихъ въ западный край могло быть признано особенно важнымъ? Есть ли достаточный поводъ думать, что большинство новыхъ пріобрѣтателей поселится въ краѣ, займетъ въ немъ выдающееся положеніе, станетъ лично вести хозяйство и заниматься мѣстными дѣлами? Примѣръ царства польскаго, Кавказа, самарской, уфимской, оренбургской губерній удостовѣряетъ, что раздача крупныхъ участковъ земли — или пріобрѣтеніе ихъ на льготныхъ условіяхъ—еще никогда не приводила у насъ къ предначертанной цѣли. Распространеніе въ западныхъ губерніяхъ крестьянскаго землевладѣнія—чему уже положила начало дѣятельность крестьянскаго поземельнаго банка—вотъ единственное надежное средство усилить ту часть населенія, которая должна и можетъ служить опорой правительственной власти. Весьма важно, съ другой стороны, было бы не откладывать больше введеніе въ западныхъ губерніяхъ земскихъ учрежденій. По справедливому замѣчанію одной петербургской газеты („Недѣля“, № 2), отсутствіе этихъ учрежденій равносильно льготѣ для личныхъ землевладѣльцевъ—независимо отъ ихъ происхожденія—и напрасному отягощенію крестьянъ. Первыхъ оно освобождаетъ отъ земскаго сбора, послѣднихъ—оставляетъ всецѣло подъ бременемъ натуральныхъ повинностей и лишаетъ всего того, что даютъ народу земскія учрежденія (земскія школы, больницы и т. п.).

Два мѣсяца тому назадъ [1]) мы познакомили читателей съ тремя первыми главами новаго труда, оконченнаго коммиссіею для составленія проекта уголовнаго уложенія. Четвертая глава касается о с т а в л е н і я б е з ъ п о м о щ и. Какъ и предшествующія ей, она отличается большою сжатостью и простотою. Однородные случаи подведены подъ одно общее правило, излишняя регламентація отброшена, суду вездѣ предоставлена достаточная свобода дѣйствій. Такъ, напримѣръ, подкинутіе или покинутіе младенца—если условія, при которыхъ оно совершено, угрожаютъ опасностью жизни — разсматривается проектомъ какъ одна изъ формъ оставленія безъ помощи такихъ лицъ, которыя „лишены возможности самосохраненія“. И дѣйствительно, тяжко больной, умалишенный, дряхлый старикъ ничѣмъ не отличаются, въ данномъ отношеніи, отъ младенца; для первыхъ, какъ и для послѣдняго, одни и тѣ же дѣйствія—или одно и то же

---

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 12 „Вѣстника Европы“ за 1884 г.

бездѣйствіе—могутъ привести, при тождествѣ остальныхъ условій, къ одному и тому же результату. Самостоятельнымъ преступленіемъ покинутіе ребенка является въ проектѣ только тогда, когда оно не представляло опасности для жизни ребенка. Предѣла, до котораго ребенокъ долженъ считаться „лишеннымъ возможности самосохраненія", проектъ не установляетъ, исходя изъ того, совершенно правильнаго убѣжденія, что эта возможность наступаетъ раньше или позже, смотря по индивидуальному развитію ребенка, и что степень беззащитности ребенка часто зависитъ отъ условій оставленія. „Ребенокъ одного и того же возраста,—читаемъ мы въ объяснительной запискѣ къ проекту,—хотя бы, напримѣръ, лѣтъ шести или семи, требуетъ иныхъ условій охраны въ полѣ лѣтомъ или зимою въ вьюгу; тамъ, гдѣ крестьянскій мальчикъ лѣтъ девяти пріищетъ вполнѣ цѣлесообразныя и пригодныя средства охраны, ребенокъ того же возраста, но не привыкшій къ самодѣятельности, окажется совершенно безпомощнымъ".

Въ главу объ оставленіи безъ помощи перешло изъ дѣйствующихъ законовъ одно правило, возбуждавшее много споровъ и въ печати, и въ ученыхъ обществахъ: это правило объ отвѣтственности практикующихъ врачей и повивальныхъ бабокъ за неявку, безъ уважительной причины, на призывъ къ больному или родильницѣ. Уложеніе о наказаніяхъ назначаетъ за это денежный штрафъ—въ первый разъ не свыше десяти, во второй разъ не свыше пятидесяти, въ третій не свыше ста рублей; проектъ остается при томъ же родѣ наказанія, но не обусловливаетъ размѣровъ штрафа повтореніемъ проступка, а предоставляетъ выборъ цифры усмотрѣнію суда, опредѣляя только maximum ея—триста рублей. Если врачъ или бабка знали объ опасномъ положеніи больного или родильницы, то наказаніе за неявку возвышается (какъ и по дѣйствующему праву) до ареста, не свыше трехъ мѣсяцевъ; сверхъ того судъ имѣетъ право опубликовать поставляемый имъ приговоръ. Такое разрѣшеніе вопроса кажется намъ вполнѣ правильнымъ. Оно согласно, прежде всего, съ основною мыслью составителей проекта, признающихъ оставленіе безъ помощи наказуемымъ при наличности одного существенно важнаго условія: юридической обязанности оказать помощь [1]). Такая обязанность, безъ сомнѣнія, лежитъ на врачахъ и повивальныхъ бабкахъ. Нельзя привлекать къ уголовной отвѣтственности того, кто, умѣя плавать, не бросился въ воду для спасенія утопавшаго, кто, зная о крайней нуждѣ бѣдняка и имѣя возможность облегчить ее, отвернулся и

[1]) Исключеніе изъ этого общаго правила допускается проектомъ только для тѣхъ случаевъ, когда виновный самъ поставилъ кого-либо въ условія, опасныя для жизни, и потомъ покинулъ его безъ помощи.

прошелъ мимо: здѣсь можетъ быть рѣчь только о нравственной отвѣтственности, до которой нѣтъ дѣла уголовному суду и уголовному закону—и коммиссія поступила совершенно основательно, устранивъ изъ проекта то смѣшеніе разнородныхъ понятій, остатки котораго сохранились въ ст. 1521, 1208 и 1209 уложенія (назначающихъ церковное покаяніе за неоказаніе помощи погибающему вообще и утопающему при кораблекрушеніи). Другое дѣло—медицинская помощь, разъ что въ государствѣ существуетъ классъ людей, патентованный, если можно такъ выразиться, на леченіе больныхъ. Праву, составляющему монополію, должна соотвѣтствовать обязанность, исполненіе которой гарантировалось бы не однимъ только нравственнымъ чувствомъ. Само собою разумѣется, что врачъ—не машина, отъ которой можно требовать непрерывной, безостановочной дѣятельности; но проектъ и не требуетъ отъ него ничего подобнаго. Въ дѣйствующемъ законѣ говорится о неявкѣ врача къ больному безъ законной причины; проектъ замѣняетъ послѣднія слова другими, лучше выражающими ту же самую мысль—онъ грозитъ отвѣтственностью за неявку врача безъ уважительной къ тому причины. Была ли въ данномъ случаѣ такая причина—это долженъ опредѣлить судъ, по убѣжденію и совѣсти; опасаться слишкомъ формальнаго отношенія его къ вопросу, важность котораго прямо указываетъ ему законъ, нѣтъ ни малѣйшаго повода. Уважительной причиной неявки можетъ быть признано и нездоровье, и утомленіе, и семейное горе; судъ, безъ сомнѣнія, не будетъ упускать изъ виду, что обязательно для врача, какъ и для всякаго другого человѣка, не самопожертвованіе или самозабвеніе, а только добросовѣстное исполненіе долга.

Весьма интересна пятая глава, посвященная посягательствамъ на свободу. Она предусматриваетъ, между прочимъ, такія дѣйствія, которыя до сихъ поръ вовсе не запрещены подъ страхомъ наказанія, хотя въ преступности ихъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Такъ, напримѣръ, статья 39-я говоритъ о помѣщеніи и содержаніи, посредствомъ насилія надъ личностью, наказуемой угрозы, обмана или злоупотребленія властью: завѣдомо неодержимаго душевною болѣзнью—въ больницѣ умалишенныхъ, или лица женскаго пола, не внесеннаго въ списокъ публичныхъ женщинъ—въ домѣ терпимости. И то, и другое принадлежитъ къ числу самыхъ возмутительныхъ и опасныхъ преступленій—а между тѣмъ, наша судебная практика, въ виду молчанія закона, не считала наказуемымъ, напримѣръ, помѣщеніе кого-либо обманомъ въ домъ терпимости. Коммиссія поступила, поэтому, совершенно правильно, выдѣливъ два упомянутые выше случая въ въ особую статью, хотя бы они и могли быть, собственно говоря, подведены подъ дѣйствіе общаго правила о противозаконномъ задер-

жаніи и заключеніи. Основаніемъ для выдѣленія служитъ и то обстоятельство, что мы, очевидно, имѣемъ здѣсь дѣло съ особенно тяжкимъ, квалифицированнымъ видомъ лишенія свободы, наказуемость котораго не должна зависѣть отъ продолжительности лишенія свободы [1]). Одинъ день, проведенный невинною дѣвушкою въ домѣ терпимости, или здоровымъ—въ домѣ умалишенныхъ, можетъ быть несравненно болѣе ужасенъ, чѣмъ мѣсяцъ, проведенный въ обыкновенномъ заключеніи. Несовсѣмъ понятно для насъ лишь одно—на какомъ основаніи уголовное преслѣдованіе за только-что названныя нами преступленія предполагается возбуждать не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго? Это тѣмъ болѣе странно, что относительно обыкновеннаго задержанія или заключенія такой оговорки въ проектѣ не сдѣлано. По словамъ объяснительной записки, принципъ преслѣдованія по частному обвиненію примѣняется проектомъ ко всѣмъ тѣмъ случаямъ, когда посягательство на свободу не представляетъ опасности для общественнаго порядка и спокойствія. Неужели задержаніемъ кого-нибудь въ частной квартирѣ общественный порядокъ и спокойствіе нарушается болѣе серьезно, чѣмъ помѣщеніемъ здороваго, вопреки его волѣ, въ домъ умалишенныхъ?

Другое нововведеніе проекта — это статьи 45 и 46. По статьѣ 45, виновный въ отдачѣ, взятіи или обращеніи ребенка моложе двѣнадцати лѣтъ для нищенства, бродяжества или противонравственной цѣли, наказывается тюрьмою на срокъ не ниже шести мѣсяцевъ. По статьѣ 46, родители или лица, имѣющія попеченіе о малолѣтнемъ, виновные въ помѣщеніи его въ промышленное, торговое или иное занятіе, ранѣе установленнаго для сего занятія срока возраста, а равно лица, виновныя въ допущеніи къ симъ занятіямъ завѣдомо не достигшихъ такого возраста, наказываются арестомъ или денежною пенею не свыше пятисотъ рублей. Если судомъ признано, что такое преждевременное занятіе причинило вредъ здоровью малолѣтняго, то виновный наказывается тюрьмою. Послѣдняя изъ этихъ двухъ статей состоитъ въ тѣсной связи съ новымъ закономъ о фабричной работѣ малолѣтнихъ, но представляетъ собою готовую санкцію и для другихъ однородныхъ ограниченій, какія еще найдетъ нужнымъ установить законодательная власть; первая имѣетъ самостоятельное значеніе, ограждая права малолѣтнихъ по отношенію къ лицамъ, распоряжающимся ихъ судьбою, все равно, кто эти лица—

[1]) За другіе квалифицированные виды задержанія или заключенія, проектъ угрожаетъ исправительнымъ домомъ на срокъ не ниже трехъ лѣтъ только тогда, когда лишеніе свободы продолжалось болѣе четырехъ недѣль; за преступное помѣщеніе въ домѣ умалишенныхъ или домѣ терпимости, то же самое наказаніе назначается безусловно.

родители или посторонніе. До сихъ поръ запрещено подъ страхомъ наказанія было у насъ только допущеніе дѣтей къ прошенію милостыни (уст. о наказ., налаг. миров. суд. ст. 51); статья 45-ая проекта, усиливая наказаніе за этотъ проступокъ, присоединяетъ къ нему другія аналогичныя дѣйствія и угрожаетъ отвѣтственностью не только тѣмъ, кто употребляетъ во зло свою власть надъ дѣтьми, но и тѣмъ, кто пользуется этимъ злоупотребленіемъ. Если отецъ отдалъ своего сына въ руки лица, стоящаго во главѣ цѣлой шайки малолѣтнихъ нищихъ, то по дѣйствующему закону наказанію можетъ быть подвергнуть только отецъ—а на основаніи проекта не долженъ оставаться безнаказаннымъ и вождь шайки. Отдача ребенка цыганамъ, бродячимъ фокусникамъ, поющимъ въ трактирахъ арфисткамъ теперь вовсе не признается проступкомъ—а подъ дѣйствіе ст. 45 проекта она подойдетъ наравнѣ съ отдачей ребенка профессіональнымъ нищимъ. Такое заступничество государственной власти за ребенка мы считаемъ вполнѣ цѣлесообразнымъ и справедливымъ. Если при существованіи обязательнаго обученія родители отвѣчаютъ передъ судомъ за неграмотность своихъ дѣтей, то съ несравненно большимъ еще правомъ можно требовать отъ первыхъ, чтобы они не обрекали послѣднихъ на образъ жизни, одинаково вредный для нихъ самихъ и для общества. Составителей проекта можно упрекнуть, какъ намъ кажется, только въ томъ, что они обезпечили за малолѣтними охрану закона на слишкомъ короткое время. Безусловная зависимость ребенка отъ родителей или лицъ, заступающихъ ихъ мѣсто, не прекращается, безъ сомнѣнія, съ достиженіемъ двѣнадцатилѣтняго возраста; дѣйствіе, совершенное 12—16-ти-лѣтнимъ ребенкомъ по приказанію отца, не можетъ считаться свободнымъ, и если оно прямо направлено ко вреду ребенка, то есть полное основаніе разсматривать его, какъ посягательство на свободу лица, дѣйствующаго по-неволѣ. Вотъ почему намъ кажется, что предѣльнымъ срокомъ возраста, обусловливающаго примѣненіе ст. 45, слѣдовало бы признать достиженіе семнадцати лѣтъ, какъ времени освобожденія отъ опеки, и слѣдовательно, первой ступени гражданскаго совершеннолѣтія.

По статьѣ 52-ой проекта, виновные въ принужденіи рабочихъ, посредствомъ насилія надъ личностью или наказуемой угрозы, прекратить работу на заводѣ или фабрикѣ, или не возобновлять прекращенную работу, наказываются тюрьмою не ниже шести мѣсяцевъ. Эта статья прежде всего возбуждаетъ вопросъ, намѣрена ли редакціонная коммиссія сохранить въ составляемомъ ею проектѣ дѣйствующее постановленіе о наказуемости забастовокъ или стачекъ (улож. о наказ. ст. 1358), хотя бы участники ихъ и не позволяли себѣ ни насилія, ни угрозъ. Вполнѣ опредѣленнаго отвѣта на этотъ во-

просъ мы въ объяснительной запискѣ не находимъ; болѣе правдоподобнымъ представляется утвердительное его разрѣшеніе, такъ какъ записка указываетъ на опасность, которою стачки рабочихъ угрожаютъ общественному спокойствію и порядку. Намъ кажется, что отдаленная, гадательная возможность опасности не составляетъ, сама по себѣ, достаточнаго основанія для уголовной наказуемости, что нарушеніе спокойствія и порядка, зависящее отъ стачки, должно быть наказуемымъ, на общемъ основаніи, только тогда, когда оно дѣйствительно произошло. Понужденіе, путемъ насилія или угрозъ, къ устройству или продолженію стачки, безъ сомнѣнія, преступно, но преступно въ такой же точно мѣрѣ, какъ и всякое другое воздѣйствіе на чужую волю, прибѣгающее къ подобнымъ средствамъ. Въ виду ст. 49-ой, предусматривающей вообще принужденіе этого рода, ст. 51-ая кажется намъ совершенно излишней; разница въ цѣли принужденія не такъ велика, чтобы оправдывать ею усиленную строгость ст. 51-ой, тѣмъ болѣе, что высшій предѣлъ наказанія и тамъ, и тутъ, одинъ и тотъ же. Обстоятельства, уменьшающія вину и дающія поводъ перейти отъ одного рода наказанія къ другому (отъ тюрьмы къ аресту), столь же возможны при принужденіи къ стачкѣ, какъ и при другихъ, не квалифицированныхъ проектомъ видахъ принужденія. Съ большимъ сочувствіемъ, зато, мы прочли слѣдующія слова объяснительной записки: „Нарушеніе договора личнаго найма, само по себѣ взятое, не заключаетъ въ себѣ ничего уголовно-наказуемаго, какія бы имущественныя невыгоды оно ни влекло за собою для другой договаривающейся стороны“. Въ виду постоянно возобновляющихся попытокъ возвести уходъ рабочаго съ работы, раньше окончанія условленнаго срока, на степень уголовнаго проступка, категорическое заявленіе коммиссіи, прямо идущее въ разрѣзъ со всѣми подобными поползновеніями, получаетъ, въ нашихъ глазахъ, весьма существенную цѣнность.

Наказаніе за обыкновенное задержаніе или заключеніе ставится проектомъ (ст. 37) въ зависимость отъ продолжительности лишенія свободы; предѣльный срокъ, согласно съ дѣйствующимъ уложеніемъ, установляется четырехнедѣльный. Мы думаемъ, что правильнѣе было бы понизить этотъ срокъ до одной недѣли или даже до трехъ дней. Не особенно тяжкимъ преступленіемъ задержаніе или заключеніе является только тогда, когда оно обнимаетъ собою очень короткій промежутокъ времени. Внезапно, безъ всякаго предупрежденія быть оторваннымъ на нѣсколько недѣль отъ своей семьи, отъ своихъ занятій—не зная, притомъ, въ теченіе всего этого времени, долго ли еще продлится лишеніе свободы, — это, въ большинствѣ случаевъ, такое мучительное состояніе, виновникъ котораго не всегда будетъ доста-

точно наказанъ нѣсколькими мѣсяцами тюремнаго заключенія.—Квалифицированнымъ задержаніе или заключеніе признается, по ст. 38-й, въ тѣхъ случаяхъ, когда объектомъ его были мать или законный отецъ виновнаго, или должностное лицо, при отправленіи или по поводу отправленія служебной обязанности, а также когда задержаніе или заключеніе было мучительное или опасное для жизни задержаннаго или заключеннаго. Мы повторимъ, по этому поводу, замѣчаніе, сдѣланное нами относительно квалифицированнаго убійства: наряду съ должностными лицами, слѣдовало бы поставить исполнителей общественной обязанности, подобно тому, какъ послѣдніе уравнены съ первыми въ статьяхъ проекта (17 и 74) о квалифицированномъ тѣлесномъ поврежденіи и квалифицированномъ оскорбленіи. Съ другой стороны, основаніемъ къ квалификаціи лишенія свободы слѣдовало бы признавать не только мучительность его и опасность для жизни, но явную опасность для здоровья. Далеко не одно и то же — просто запереть человѣка, сохранивъ за нимъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ привычныя ему условія жизни, или содержать его въ полутемномъ, тѣсномъ, грязномъ помѣщеніи, особенно если организмъ его (напр., въ дѣтскомъ возрастѣ) настоятельно требуетъ свѣта, чистоты и простора.

Въ концѣ истекшаго мѣсяца должно было начаться обсужденіе въ Государственномъ Совѣтѣ общаго желѣзно-дорожнаго устава, составленнаго коммиссіею покойнаго графа Э. Т. Баранова. Не повторяя всего того, что было сказано нами по этому поводу въ прежнихъ обозрѣніяхъ [1]), ограничимся выраженіемъ надежды, что дѣло, въ высшей степени важное для государства, будетъ, наконецъ, доведено до желаемаго результата, безъ возвращенія его въ то вѣдомство, со стороны котораго оно встрѣчало иногда и противодѣйствія.

---

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ №№ 4, 5 и 9 „Вѣстника Европы“ за 1883 г.

ПИСЬМА ИЗЪ МОСКВЫ.

15 января, 1885.

Въ теченіе цѣлаго мѣсяца, не взирая на праздничное время, въ нашемъ обществѣ преобладали дѣловые интересы. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимали извѣстія изъ фабрично-промышленной области. Они прибавляютъ еще черту къ характеристикѣ многихъ нашихъ фабрикантовъ и свидѣтельствуютъ о современномъ состояніи фабричнаго дѣла. Застой, который въ теченіе послѣднихъ лѣтъ почти хронически чувствуется въ сбытѣ хлопчато-бумажныхъ издѣлій, отразился, наконецъ, рѣзкими формами во взаимныхъ отношеніяхъ хозяевъ и рабочихъ. Въ представленіи нѣкоторыхъ весьма солидныхъ фабрикантовъ, — трудно сказать, въ какой мѣрѣ основательно или нѣтъ,—признаки близящагося промышленнаго кризиса обрисовались съ тою осязательностью, что они рѣшились немедленно же, не дожидаясь истеченія контрактныхъ сроковъ, сократить работу на своихъ фабрикахъ. „Святость договора", которую въ другихъ случаяхъ они же были бы готовы защищать со всею энергіею, была отложены въ сторону. Представители двухъ наиболѣе извѣстныхъ и солидныхъ фирмъ выступили иниціаторами этой операціи: г. Беръ, соучастникъ Кнопа,— того Кнопа, векселя котораго обращаются на биржѣ, какъ говорится, наравнѣ съ деньгами, и г. Морозовъ—воплощенный, во всѣхъ отношеніяхъ, „хозяинъ" стараго закала. Оба преслѣдовали одну и ту же цѣль, но выбрали различныя средства. Какъ бы увѣренный въ своемъ правѣ, г. Беръ пошелъ прямымъ путемъ и принялся непосредственно за сокращеніе рабочаго времени .Двумъ тысячамъ его рабочихъ контракты обезпечивали шестидневную работу съ оплатою ея понедѣльно: онъ произвольно понизилъ ее сначала до пяти, потомъ до четырехъ дней, уменьшивъ такимъ образомъ возможный рабочій заработокъ на одну треть. Напротивъ, г. Морозовъ предпочелъ окольный путь прямому. Неожиданно онъ отдалъ своимъ директорамъ приказаніе взимать съ рабочихъ штрафы вдвое противъ установленной имъ же таксы, и когда встрѣтилъ со стороны нѣкоторыхъ изъ нихъ отпоръ, то предпочелъ измѣнить директорскій персоналъ, нежели отмѣнить свое приказаніе. Надо замѣтить мимоходомъ, что нѣтъ ничего произвольнѣе на здѣшнихъ фабрикахъ какъ штрафы. Мы знаемъ фабрики, гдѣ этимъ обоюдоострымъ средствомъ пользуются, дѣйствительно, разумнѣйшимъ образомъ, не обращая его въ спеціальный источникъ дохода; но не такъ было, какъ говорятъ, на фабрикѣ „Саввы Моро-

зова сынъ и К°" при ея восьми тысячахъ рабочихъ. Хозяева издавна держались здѣсь того взгляда, что „благодѣянія", доставляемыя рабочимъ, должны оплачиваться ими же самими, и потому покрывали штрафнымъ доходомъ расходы по содержанію фабричныхъ школъ и больницъ. Теперь же, удвоивая штрафы, „сынъ Саввы Морозова" имѣлъ въ виду свою особую цѣль: непомѣрными штрафами онъ разсчитывалъ вызвать многочисленные отказы отъ работы и сократить такимъ путемъ самое число рабочихъ. При этомъ возвышеніе штрафовъ послѣдовало, если можно такъ выразиться, самымъ „политичнымъ" манеромъ: исполнители записывали двойныя взысканія, но „такса" взысканій оставалась для видимости неизмѣняемою, такъ что вся процедура происходила до поры до времени потихоньку, и, въ случаѣ чего, возможно было сложить отвѣтственность съ хозяина на директоровъ или на контору. Въ обоихъ мѣстахъ,—и на Вознесенской мануфактурѣ у г. Бера, и въ Орѣховѣ-Зуевѣ у г. Морозова, принятыя мѣры привели въ концѣ-концовъ къ безпорядкамъ съ ихъ обычными послѣдствіями. Не мало поучительнаго почерпается изъ сообщеній въ печати объ этихъ чрезвычайныхъ происшествіяхъ. Сообщенія о происходившемъ на Вознесенской мануфактурѣ одинаково настаиваютъ на особой „достовѣрности" передаваемыхъ ими извѣстій и столь же одинаково подчеркиваютъ полную правоту рабочихъ, характеризуя дѣйствія Бера, какъ „нарушеніе самаго основного пункта условія", какъ „неосновательныя", „несправедливыя", а требованія рабочихъ, какъ „скромныя" и „законныя". Для того, чтобы власть могла вмѣшаться въ дѣло, потребовалось, чтобы прежде произошло столкновеніе между рабочими и завѣдывавшимъ технической частью англичаниномъ, и чтобы часть фабричнаго имущества была „попорчена". Только уже послѣ такихъ фактовъ и ихъ неизбѣжныхъ послѣдствій, могла явиться на сцену статья 1359 уложенія о наказаніяхъ, преслѣдующая самовольное, со стороны содержателей фабрикъ, заводовъ и мануфактуръ, пониженіе рабочей платы; помимо иныхъ соображеній, она указала надлежащій путь, и дирекція фабрики въ концѣ-концовъ была вынуждена уважать „святость" заключенныхъ ею контрактовъ. Рабочіе получили „полный" разсчетъ съ 1 декабря по 1 января, не смотря на прогулъ при забастовкѣ, причемъ размѣръ декабрьскаго заработка былъ опредѣленъ по аналогіи ноябрьскаго, а со 2 января работы возобновились подъ условіемъ соблюденія шестидневнаго рабочаго, т.-е. первоначально договореннаго, рабочаго времени. Въ принципѣ результатъ достигался справедливый, хотя, конечно, было бы лучше для обѣихъ сторонъ, еслибы дѣло началось прямо съ примѣненія ст. 1359. „Полученныя изъ достовѣрнаго источника свѣденія должны прекратить преувеличенные разсказы о

случившемся на „Вознесенской мануфактурѣ“ — такъ оканчивается одно напечатанное сообщеніе, и почти тѣми же словами начинается другое. Изъ этихъ же сообщеній мы узнаемъ и другой важный фактъ: со второго января на фабрикѣ возобновились работы только при 1,400 рабочихъ, а слѣдовательно фабрика будетъ производить столько же, сколько она прежде производила двумя тысячами по четыре дня въ недѣлю.

Прокурору судебной палаты обязано своею правильною постановкой событіе на Вознесенской мануфактурѣ; какіе результаты достигнуты въ Орѣховѣ-Зуевѣ, на фабрикѣ Морозова, пока еще не выяснилось вполнѣ. Повидимому, вторая исторія отличается отъ первой своими бо́льшими размѣрами, но не характеромъ. И здѣсь недовольство развилось прежде и приняло печальный характеръ и обширные размѣры, прежде нежели явилась на сцену 1359 статья.

Подъ впечатлѣніемъ происшедшаго состоялось объявленіе новаго обязательнаго постановленія г. московскаго генералъ-губернатора, касательно взаимныхъ отношеній хозяевъ и рабочихъ на фабрикахъ столицы и ея уѣзда. Это постановленіе составляетъ довольно обдуманный опытъ регламентированія сказанныхъ отношеній, и появилось бы давно, если бы не глухая и настойчивая опозиція, съ которою проектъ постоянно встрѣчался гг. фабрикантами. Интересно, что, сообщая новыя правила, указываютъ теперь на тотъ фактъ, что въ свое время они находились на разсмотрѣніи московской городской Думы; а между тѣмъ, сто́итъ припомнить, какую именно роль сыграла въ настоящемъ случаѣ эта Дума. Проектъ фабричныхъ правилъ вырабатывался въ особой коммиссіи, учрежденной г. генералъ-губернаторомъ, и составленной, какъ изъ фабрикантовъ, такъ и изъ представителей науки, по большей части изучившихъ фабричные порядки Запада путемъ личнаго знакомства съ ними. Проектъ былъ близокъ къ окончанію уже въ 1881 г., а потомъ былъ переданъ на обсужденіе Думы. Продержавъ его довольно долго въ своей коммиссіи, Дума покончила тѣмъ, что вовсе устранила себя отъ этого дѣла. „Хозяева“ фабрикъ и иныхъ промышленныхъ заведеній, составляющіе добрую часть думскихъ гласныхъ по всѣмъ тремъ разрядамъ, не могли примириться съ самою мыслью о какой-либо регламентаціи ихъ отношеній къ рабочимъ. Одинъ изъ интеллигентныхъ представителей ихъ, онъ же бывшій руководитель въ мѣстномъ уѣздномъ земствѣ партіи „кирпичниковъ“, о которой я писалъ въ прошломъ письмѣ, не стѣсняясь, высказался противъ обсужденія правилъ.—Если они основаны на дѣйствующемъ законѣ,—говорилъ онъ,—то пусть спросятъ лучше сенатъ или какое-либо юридическое учрежденіе о томъ, соотвѣтствуютъ ли предполагаемыя правила закону; если же желаютъ ввести что-либо

новое, то Дума не призвана обсуждать законопроекты! Итакъ, когда нужно, тогда могутъ пригодиться всякіе аргументы; Дума вняла въ данномъ случаѣ приведеннымъ аргументамъ и, придравшись въ чемъ-то къ формальной сторонѣ дѣла, оставила проектъ генералъ-губернатора безъ разсмотрѣнія. Только съ наступленіемъ 1885 года онъ получилъ, безъ новыхъ обсужденій въ Думѣ, силу обязательнаго постановленія.

Между тѣмъ, наша московская Дума обновилась. Послѣ выборовъ, бывшихъ въ концѣ прошлаго года, мы получили новую Думу, но врядъ ли она существенно чѣмъ отличается отъ старой. Въ личномъ составѣ ея, сравнительно съ прежнимъ, конечно, есть перемѣны. Въ спискѣ выбывшихъ гласныхъ, встрѣчаются имена почтенныя и извѣстныя. Между прочимъ, выбылъ Д. Ѳ. Самаринъ, служившій въ послѣднее время главною интеллигентною силою купеческой партіи; его выходъ состоитъ въ связи съ оборотомъ, который приняло дѣло о городскомъ водоснабженіи, когда Думою были отвергнуты или существенно измѣнены основныя заключенія, выработанныя коммиссіей подъ его предсѣдательствомъ. Властный, почти не терпѣвшій возраженій голосъ Д. Ѳ. Самарина не разъ доводилъ его до непріятныхъ личныхъ столкновеній съ ораторами противоположнаго лагеря, но, дѣйствуя внушительно на союзниковъ, не разъ также онъ выручалъ ихъ въ моменты наиболѣе затруднительныхъ положеній, въ которыя они попадали, благодаря собственной неумѣлости или безтактности. Д. Ѳ. Самаринъ былъ въ Думѣ послѣднимъ представителемъ кружка, во главѣ котораго стоялъ когда-то его братъ, Юрій Самаринъ, кн. А. А. Щербатовъ и кн. В. А. Черкасскій. Было время, что эти люди вершили всѣ думскія дѣла, вкладывая духовный элементъ въ стремленія московскаго большого купечества. Въ спискѣ новыхъ городскихъ гласныхъ не находимъ также В. Ю. Скалона. Въ прошломъ году это имя исчезло со страницъ земской хроники, а нынѣ оно отстраняется уже отъ городского самоуправленія. Такъ измѣняются отношенія и группировка личностей! А между тѣмъ въ исторіи московскаго земства В. Ю. Скалону принадлежитъ, можетъ быть, наипочетнѣйшее мѣсто. Обладая цѣльнымъ и широкимъ взглядомъ на задачи русскаго самоуправленія, владѣя большою инииціативою, настойчивостью и послѣдовательностью, В. Ю. Скалонъ былъ долгое время душою московскаго уѣзднаго земства, которое во многомъ могло служить образцомъ прочимъ русскимъ земствамъ. Въ городское хозяйство онъ былъ бы способенъ внести ту же широту и ясность воззрѣній, ту же энергію, которыя отличали его въ земскомъ дѣлѣ, если бы безпредѣльная косность нашей городской управы и вообще всего хозяйственнаго механизма города Москвы не составила къ тому пре-

пятствія, непреоборимаго для усилій отдѣльнаго человѣка. Вмѣсто выбывшихъ гласныхъ въ спискѣ встрѣчаются, хотя и рѣдко, новыя имена, не менѣе почтенныя, но было бы пріятнѣе, если-бы имена новыхъ дѣятелей присоединялись къ именамъ старыхъ, а не пополняли бы собою промежутки, образовавшіеся вслѣдствіе ихъ удаленія. Всѣхъ новыхъ именъ въ спискѣ городскихъ гласныхъ можно насчитать болѣе семидесяти, но, по существу дѣла, никакого обновленія думы не произошло. Характеристическая черта новыхъ думскихъ выборовъ состоитъ въ томъ, что въ результатѣ рѣзче, чѣмъ когда-либо обнаружилось старое больное мѣсто нашей Думы—непримиримый и рѣзкій разладъ между партіею большого купечества, съ одной стороны, и мѣщанствомъ съ другой. Психологія обѣихъ партій, можетъ быть, выяснится изъ слѣдующихъ замѣчаній. Благодаря дѣйствующему порядку городскихъ выборовъ, „большіе" купцы сразу завладѣли большинствомъ въ Думѣ. Они не имѣли никакого искренняго расположенія къ городскимъ дѣламъ, не преслѣдовали какихъ-либо высшихъ цѣлей, но, съ другой стороны, для нихъ было несравненно выгоднѣе стоять у дѣла, нежели вовсе отойти отъ него. Интеллигенціи, желавшей руководить городскою жизнью и вносившей въ городское хозяйство тѣ или другіе идеалы, приходилось ютиться около купеческой партіи, и эта послѣдняя встрѣчала интеллигенцію охотно, ибо нуждалась въ дѣятеляхъ для черной и постоянной работы. Такимъ-то образомъ состоялся первоначальный союзъ купеческой партіи съ блестящими представителями славянофильской тенденціи: И. С. Аксаковымъ, Самаринымъ и друг. Интеллигенція работала, а купечество попускало ихъ въ этомъ, настолько, насколько это дозволяли его собственные интересы. Руководящіе мотивы въ этомъ случаѣ были довольно разнообразны. Уже одно приличіе, одно положеніе, какъ господствующей партіи, обязывало до извѣстной степени пещись о благоустроеніи города, съ другой же стороны, это благоустроеніе служило источникомъ для обогащенія многочисленной арміи подрядчиковъ, такъ или иначе примыкавшей къ купечеству. Однако заботы о „благоустроеніи" не должны были бить купечество по карману. Думское большинство не поддавалось ни на какія ловушки, разставляемыя интеллигенціею, какъ скоро рѣчь заходила о подоходномъ налогѣ, объ измѣненіи системы выборовъ и т. п. Вопросы о водоснабженіи, о канализаціи и т. п. затягивались и затягиваются на многіе годы изъ опасенія, чтобы то или другое предпріятіе не хватило бы слишкомъ по карману. Подчиняясь давленію высшаго правительства, городъ тратилъ милліоны на возведеніе казармъ, а полугнилое, полуразрушенное, служащее источникомъ всякихъ заболѣваній, зданіе гостиннаго двора продолжаетъ стоять нетронутымъ и доднесь. Могло

казаться, что при подобныхъ условіяхъ рано или поздно купечество и интеллигенція разойдутся серьезно, но судьба подготовила нѣсколько иную комбинацію. Незамѣтно выросла въ Думѣ мѣщанская партія или „черная сотня". У насъ подъ этимъ именемъ разумѣютъ весьма сплоченную группу мѣщанъ и ремесленниковъ, выходящую изъ третьяго разряда избирателей. Незамѣтные въ началѣ, они научились мало-по-малу управлять выборами на третьемъ разрядѣ по своему и уже въ 1880 году доставили въ Думу контингентъ гласныхъ болѣе чѣмъ въ сорокъ человѣкъ. Постоянныя собранія въ мѣщанской и ремесленной управѣ, извѣстная административная и экономическая связь выработали въ нихъ достаточную дисциплину, несвойственную вообще русскимъ людямъ. Сорокъ человѣкъ черной сотни являлись аккуратно въ думу, на каждое ея засѣданіе, и, какъ одинъ человѣкъ, подавали свой голосъ. На обыкновенныхъ засѣданіяхъ рѣдко бывало болѣе 60—70 гласныхъ, и „черная сотня" сдѣлалась рѣшительницею многихъ вопросовъ. Для городской управы создалось положеніе, почти невозможное. Избранные въ многолюдныхъ собраніяхъ Думы большинствомъ, составленнымъ изъ большого купечества, члены городской администраціи были отдаваемы на истязаніе „черной сотни" въ обыкновенныхъ думскихъ засѣданіяхъ. Выходъ изъ головъ С. М. Третьякова находился въ прямой связи съ однимъ изъ возникшихъ такимъ путемъ скандаловъ. Ораторы „черной сотни", при необыкновенной словоохотливости, выражались неуклюже, часто вовсе непонятно, но за ораторами, плохо выслушиваемыми, стояла сплоченная толпа, въ родѣ театральнаго хора, и съ нею приходилось считаться. А считаться приходилось во многомъ. Старые, дореформенные порядки, не отжившіе отчасти и теперь, выработали сильный, почти инстинктивный антагонизмъ ремесленнаго сословія къ купечеству; ненависть къ „большому" купечеству проникала, если позволительно такъ выразиться, въ плоть и кровь членовъ „черной сотни". „Черную сотню" прежде всего просто возмущаетъ фактъ господства купечества въ Думѣ безъ отношенія къ самому направленію этого господства; но потомъ у обѣихъ партій обнаружилась и дѣйствительная разница въ интересахъ. Не надо заблуждаться, предполагая въ настоящемъ случаѣ въ гласныхъ третьяго разряда увидѣть представителей низшаго слоя городского населенія,—его рабочаго класса. Совершенно напротивъ. „Черная сотня", какъ и купечество, состоитъ изъ тѣхъ же хозяевъ, только—разрядомъ ниже, побѣднѣе. Это—хозяева разныхъ промышленныхъ заведеній малаго калибра, которые очень хорошо понимаютъ свои хозяйскіе интересы и, можетъ быть, еще энергичнѣе богатыхъ фабрикантовъ готовы по-

стоять за свои прерогативы. Изъ цивилизующихъ отраслей городской дѣятельности лишь одна, къ счастью, пользуется ихъ особымъ сочувствіемъ; это—городскія школы. Городскія школы нужны именно нашей ремесленной буржуазіи, тогда какъ для купечества ихъ существованіе есть просто вопросъ приличія въ ряду прочихъ вопросовъ городского благолѣпія. Купеческія дѣти или ограничиваются домашнимъ воспитаніямъ, или же образуются въ коммерческомъ училищѣ, а также въ гимназіяхъ и университетахъ; для ремесленной же буржуазіи городскія школы составляютъ предметъ насущной необходимости. Вотъ почему при обсужденіи городскихъ смѣтъ мы ежегодно слышимъ рѣзкія пререканія по вопросу объ увеличеніи числа школъ: гласныя третьяго разряда, весьма скупые во всемъ другомъ, здѣсь всегда бываютъ недовольны ограниченными предположеніями управы. Но, напримѣръ, въ вопросѣ о городскихъ больницахъ тѣ же гласные долго держались другого образа дѣйствій. Городскія больницы существуютъ прежде всего для чернорабочаго класса и прислуги; хозяинъ-ремесленникъ предпочитаетъ во время болѣзни оставаться у себя на дому, и больница для него — учрежденіе чуждое. На эту статью городского расхода онъ смотритъ подозрительно, какъ вообще подозрительно онъ относится къ хозяйничанью администраторовъ, поставленныхъ волею купеческой партіи. Лишь въ самое послѣднее время, изъ страха холеры, гласные третьяго разряда, прониклись вдругъ мыслью о спасательности санитарной дѣятельности настолько, что даже рекомендовали ее какъ главный пунктъ той программы, которой, по ихъ мнѣнію, долженъ держаться будущій голова.

Года три тому назадъ вся „коммиссія о пользахъ и нуждахъ общественныхъ“, коммиссія, въ которой работали когда-то личности въ родѣ Юрія Самарина, оказалась составленною изъ гласныхъ „черной сотни“, подъ предсѣдательствомъ г. Пузанова, костюмера по профессіи и предсѣдателя портняжнаго цеха. Доклады коммиссіи стали поражать трудностью понять ихъ смыслъ, такъ что однажды Дума офиціально возвратила коммиссіи ея докладъ вслѣдствіе полной его недоступности для пониманія. Этотъ случай, въ ряду многихъ другихъ подобныхъ, научилъ „черную сотню“ искать сближенія съ интеллигенціею Думы. Недовольная общимъ ходомъ городского хозяйства, интеллегенція, въ свою очередь, признала въ „черной сотнѣ“ естественную оппозицію правящему большинству и пыталась вступить съ нею въ союзъ. Одно время руководительство сотнею пріобрѣлъ покойный редакторъ „Русскихъ Вѣдомостей“ Н. С. Скворцовъ и умѣлъ справляться съ трудною задачею съ большимъ тактомъ. Главная трудность этого дѣла состояла въ томъ, чтобы внушить представителямъ

третьяго разряда воззрѣнія, сколько-нибудь выходящія изъ круга партійныхъ интересовъ, и склонять ихъ къ рѣшеніямъ, имѣющимъ въ виду не столько пользы ремесленнаго сословія, сколько дѣйствительныя пользы всего города, взятаго въ его цѣломъ. Смерть Скворцова положила конецъ попыткамъ этого рода. Послѣ него отношеніе интеллигенціи къ „черной сотнѣ“ стало двоякое. Одни изъ нихъ отказались отъ мысли найти какую-либо общую почву для компромисса съ третьимъ разрядомъ; безтактныя выходки выбросковъ этого послѣдняго по вопросамъ, которыми затрогивались достоинство всей Думы, особенно содѣйствовали тому, чтобъ оттолкнуть симпатіи отъ ремесленной оппозиціи. Другіе же поступили иначе. Не разсчитывая на то, чтобы стать руководителями оппозиціи, они начали заигрывать съ нею, подделываться къ ней, усматривая въ ней будущую силу и надѣясь самимъ подняться при помощи этой силы.

Выборы, бывшіе въ концѣ прошлаго года, были блестящимъ успѣхомъ для „черной сотни“. Теперь она считаетъ въ своихъ рядахъ почти шестьдесятъ человѣкъ, кромѣ лицъ изъ другихъ разрядовъ, которыя по тѣмъ или другимъ соображеніямъ рѣшаются протянуть ей свою руку. Вся партія чувствуетъ себя настолько сильною, что рѣшается уже думать о собственномъ кандидатѣ на должность городского головы, и, съ другой стороны, кандидаты, наиболѣе ретивые, сами ищутъ ея содѣйствія. Купеческая партія плохо подготовилась къ обороту, который слѣдовало бы считать не совсѣмъ неожиданнымъ. На баллотированіе записками они выставили отъ себя кандидата, о которомъ и заранѣе можно было бы знать, что онъ навѣрное откажется отъ кандидатуры, а затѣмъ большинство записокъ оказалось за двумя кандидатами оппозиціи. Одинъ изъ нихъ—извѣстный строитель, прожектеръ и „патріотъ“, г. Пороховщиковъ, издавна добивающійся мѣста городского головы и въ этихъ видахъ заполонившій печатную литературу многочисленными „письмами“ къ гласнымъ и къ избирателямъ. Въ этихъ письмахъ онъ, не стѣсняясь никакими преувеличеніями, изобличалъ разнообразнѣйшія язвы городского хозяйства, и вмѣстѣ съ тѣмъ почти каждое письмо оканчивалъ столь же разнообразнѣйшими „патріотическими“ зазываніями. Его изобличенія привлекли къ нему наивныя сердца „черной сотни“, а патріотизмъ пріобрѣлъ расположеніе публицистовъ Страстного бульвара. Пороховщиковъ баллотировался въ городскіе головы на всѣхъ выборахъ, чуть ли не съ самаго введенія въ дѣйствіе новаго Городового Положенія. На первой баллотировкѣ онъ получилъ только пять избирательныхъ шаровъ, на послѣдней онъ имѣлъ ихъ уже болѣе сорока, и, чего добраго, въ нынѣшнемъ году будетъ весьма близокъ къ избранію: gutta cavat lapidem non vi, sed

saepe cadendo... Въ одномъ отношеніи было бы, можно подумать, полезно избраніе Пороховщикова: съ смѣлостью отчаяннаго прожектера онъ сразу встряхнулъ бы спящее городское хозяйство не стѣсняясь никакими затратами, затѣялъ бы массу капитальнѣйшихъ работъ на благоустроеніе города, поднялъ бы, что называется, дымъ коромысломъ, а въ концѣ-концовъ, безъ сомнѣнія, привелъ бы городъ къ неоплатнымъ долгамъ и банкротству, какъ это случилось съ нимъ самимъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Другимъ кандидатомъ оппозиціи выступаетъ И. Н. Мамонтовъ. Это—человѣкъ университетскаго образованія и вмѣстѣ дѣловой, но съ довольно узкими, по мнѣнію многихъ, воззрѣніями на предстоящія задачи, не лишенный также узкаго доктринерства. Указываютъ, что онъ уже нѣсколько лѣтъ разсуждаетъ все о необходимости выработать планъ городского хозяйства, но на самомъ дѣлѣ никакого плана самъ не представилъ. Симпатіи третьяго разряда онъ пріобрѣлъ въ бытность свою предсѣдателемъ финансовой коммиссіи, когда систематично придирался къ управѣ по поводу чуть не каждой статьи городской смѣты и старался уменьшить расходы чуть не по каждому параграфу. Обозначились также и другіе кандидаты. Изъ сферъ, постороннихъ по отношенію къ Думѣ, ей рекомендуютъ въ головы предсѣдателя нижегородскаго ярмарочнаго комитета П. В. Осипова, извѣстнаго въ Думѣ какъ предсѣдателя коммиссіи по наблюденію за мощеніемъ улицъ. Его считаютъ болѣе талантливымъ изъ названныхъ кандидатовъ, но весьма вѣроятно, что менѣе, чѣмъ кто другой, онъ пожелаетъ стать выше узкихъ стремленій того коммерческаго кружка, къ которому принадлежитъ самъ, хотя въ рѣчахъ своихъ и старается блеснуть образованіемъ, употребляя выраженія въ родѣ: „инниціатива этого иницiатора", и говоря: „претендентъ", вмѣсто слова: „прецедентъ". Наконецъ есть еще кандидатъ, который самъ себя предлагаетъ гласнымъ въ головы. Это владѣлецъ одной изъ богатыхъ подмосковныхъ, подобно другимъ старымъ барамъ, пустившій свое владѣніе подъ дачи. О томъ, какіе порядки онъ завелъ бы въ Думѣ и городской управѣ, можно судить по тому, что учреждено имъ на его дачахъ. Кто желаетъ нанять у него дачу, тотъ приглашается подать въ контору особое письменное о томъ заявленіе; письменный контрактъ предусматриваетъ всѣ мелочи, а непредусмотрѣнное контрактомъ считается необязательнымъ (напр., проѣздъ къ дачѣ на лошадяхъ по существующей дорогѣ не допускается, если о томъ не сказано въ контрактѣ); дачникъ получаетъ билеты разныхъ цвѣтовъ для хожденія по дорожкамъ парка: по однимъ дорожкамъ надо гулять съ краснымъ билетомъ, по другимъ—съ зеленымъ и т. п.; кто, отправляясь на прогулку, позабудетъ билеты, или перемѣшаетъ цвѣта, тотъ рискуетъ быть вовсе недопу-

щеннымъ въ паркъ особою стражею, нарочно для того поставленною. Сдѣлайся такое лицо городскимъ головою и, можетъ быть, вся Москва зашагаетъ по тротуарамъ съ билетами, а городская управа, и безъ того проникнутая канцеляризмомъ и формализмомъ, превратится и вовсе въ бюрократическое учрежденіе.

Во всякомъ случаѣ этотъ послѣдній кандидатъ въ головы отличается смѣлостью и рѣшительностью своихъ сужденій. На происходящемъ теперь губернскомъ земскомъ собраніи говорилось, между прочимъ, о томъ, слѣдуетъ ли допускать недоимщиковъ къ участію въ земскихъ выборахъ, и почтенный кандидатъ высказался, не колеблясь, за ихъ допущеніе, ссылаясь на свою собственную административную практику.—Полагаютъ,—говорилъ онъ,—что устраненіе недоимщиковъ отъ участія въ выборахъ побудитъ ихъ къ исправной уплатѣ земскихъ податей; я, на основаніи своей административной опытности, думаю, что это не случится.—Такое сужденіе заставило слушавшихъ спросить у оратора: развѣ когда-либо ему приходилось уже испробовать обсуждаемую мѣру?—на что отвѣтъ, конечно, получился отрицательный. Впрочемъ по данному вопросу интереснѣе другое обстоятельство. Вопросъ о недоимщикахъ, возбужденный высшею властью, обсуждался предварительно въ тринадцати уѣздныхъ собраніяхъ, и изъ нихъ десять, по весьма понятнымъ основаніямъ, высказались въ томъ смыслѣ, что право избранія должно парализоваться неисправностью въ уплатѣ земскихъ податей. Иной оборотъ получило дѣло въ губернскомъ собраніи. Сюда явились, въ качествѣ губернскихъ гласныхъ, по большой части представители помѣщичьяго класса, а помѣщики-то—какъ давно извѣстно—и суть первые земскіе недоимщики. Рѣшеніе губернскаго земства склонилось въ пользу этихъ послѣднихъ, и на запросъ правительства послѣдовалъ отвѣтъ въ смыслѣ сохраненія дѣйствующаго порядка. По другому однородному вопросу губернское собраніе оказалось болѣе строгимъ. Спрашивалось, не слѣдуетъ ли устранить изъ земскаго самоуправленія духовенство, какъ классъ, не несущій земскихъ тягостей? Отвѣтъ послѣдовалъ въ утвердительномъ смыслѣ. Одобряя такое рѣшеніе, Б. Н. Чичеринъ и другіе находили однако, что несправедливо лишать цѣлый классъ общества избирательныхъ правъ, а потому полагали ходатайствовать о распространеніи земскаго обложенія и на духовенство и eo ipso на включеніе его въ земское представительство. Это предложеніе было отвергнуто собраніемъ, правда, очень незначительнымъ большинствомъ голосовъ. Любопытно, что въ этомъ случаѣ противниками земскихъ правъ духовенства выступили нѣкоторые изъ представителей стараго барства, горячо защищающіе, напр., розги (о чемъ вопросъ обсуждался три года тому назадъ) и строгіе блюстители всякой „благонамѣрен-

ности" въ дѣйствіяхъ земскаго собранія. Въ ихъ рѣчахъ живо чувствовался презрительный взглядъ на „попа", брошенный свысока старымъ „бариномъ".

Впрочемъ, довольно о городскихъ, да о земскихъ дѣлахъ... Они еще не уйдутъ отъ насъ.

Wz.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е февраля, 1885.

Борьба противъ анархистовъ въ различныхъ государствахъ. — Лондонскіе взрывы и ихъ послѣдствія. — Англичане и ирландцы. — Рѣчь Чамберлэна о земельномъ вопросѣ. — Положеніе Гладстона и его вѣроятные преемники. — Французская политика. — „Національная лига" Леона Сэя. — Эдмондъ Абу, какъ писатель и журналистъ.

Почти одновременно въ различныхъ государствахъ поднимается вопросъ о совокупныхъ международныхъ мѣрахъ противъ динамитныхъ покушеній, повторяющихся все чаще въ послѣдніе годы. Эти покушенія приписываются большею частью анархистамъ, противникамъ всякаго вообще государственнаго и общественнаго устройства; но преступныя насильственныя попытки, совершаемыя съ политическою цѣлью, могутъ имѣть въ своей основѣ самые разнородные мотивы—племенную ненависть, жажду мести, чувство личнаго отчаянія или политическаго озлобленія, желаніе произвести эффектъ и достигнуть славы Герострата. Ирландцы, прибѣгающіе къ динамиту въ борьбѣ съ англичанами, руководятся побужденіями совсѣмъ другого рода, чѣмъ устроители неудавшагося взрыва въ Нидервальденѣ, или виновники загадочныхъ убійствъ, жертвами которыхъ оказываются наиболѣе дѣятельные и энергическіе полицейскіе агенты. Въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ найденъ убитымъ около своего дома полицейскій офицеръ Румпфъ, отличавшійся ловкостью въ раскрытіи анархическихъ заговоровъ; между прочимъ, онъ обратилъ на себя вниманіе употребленіемъ новаго пріема: онъ поручилъ одному изъ своихъ подчиненныхъ принять участіе въ совѣщаніяхъ и дѣйствіяхъ анархистовъ, для лучшаго обнаруженія ихъ плановъ. Убійство Румпфа могло быть впрочемъ дѣломъ и личной мести, а не результатомъ обдуманной системы; оно могло также не имѣть вовсе политическаго характера, и судъ не опредѣлилъ еще дѣйствительныхъ его мотивовъ.

Однако, это преступленіе не безъ основанія связывается съ предполагаемыми цѣлями нѣмецкихъ революціонеровъ: по крайней мѣрѣ, видимая связь существуетъ. Еще болѣе ясны пружины, дѣйствующія въ англійскихъ взрывахъ; всякій видитъ здѣсь руку ирландца, непримиримаго и безпощаднаго врага британскаго господства. Возможно ли поэтому проводить параллель между „динамитчиками" англійскими и континентальными? Съ одной стороны—вражда между двумя расами, вѣковые счеты между побѣжденными и побѣдителями, хроническое состояніе войны, не зависящее ни отъ какихъ вопросовъ и направленій внутренней политики; а съ другой—временной недугъ, порожденный политическимъ недовольствомъ и экономическою бѣдностью. Ирландцы одинаково ненавидятъ Англію Гладстона, какъ и Биконсфильда; они не требуютъ реформъ, не добиваются лучшаго управленія, не ждутъ уступокъ отъ лондонскаго правительства,—они хотятъ совсѣмъ избавиться отъ владычества англичанъ, хотя бы и самыхъ либеральныхъ. Они мечтаютъ не о томъ, чтобы англичане дали имъ лучшіе законы и справедливѣе управляли ихъ страною, а чтобы они вовсе перестали управлять ими, чтобы Ирландія отдѣлилась отъ Англіи и оставалась съ нею только въ дипломатическихъ международныхъ отношеніяхъ. Ирландскіе патріоты—далеко не анархисты въ своихъ стремленіяхъ и мечтаніяхъ; они желали бы имѣть свой національный парламентъ, своихъ національныхъ королей и правителей, которымъ они охотно бы и подчинялись. Возставая противъ англійскихъ лордовъ, завладѣвшихъ ихъ землею по праву завоеванія, они защищаютъ свои собственныя поземельныя права и не думаютъ ни о соціализмѣ, ни о какомъ-либо новомъ общественномъ строѣ; они во многомъ держатся старыхъ традицій и ищутъ для себя идеаловъ въ прошедшемъ. Ничего подобнаго не представляютъ революціонныя движенія анархистовъ на материкѣ Европы. Сходство орудій и способовъ дѣйствія не позволяетъ еще смѣшивать факты, не имѣющіе между собою ничего общаго. Ирландцы пускаютъ въ ходъ адскія машины, точно такъ же какъ революціонеры другихъ государствъ; они устраиваютъ взрывъ лондонскаго моста или даже зданія англійскаго парламента съ такимъ же возмутительнымъ хладнокровіемъ, какъ нѣмецкіе анархисты, пытавшіеся взорвать нидервальденскій памятникъ во время его торжественнаго открытія. Презрѣніе или равнодушіе къ жизни у людей доходитъ въ обоихъ случаяхъ до цинизма; разница только та, что ирландцы направляютъ свои удары противъ враждебнаго имъ чужого племени, а анархисты дѣйствуютъ въ предѣлахъ своей собственной національности. Ссылка на жестокіе обычаи войны можетъ облегчить намъ пониманіе ирландскихъ динамитныхъ попытокъ: не трудно

себѣ представить, что разрушеніе Вестминстерскаго дворца было бы столько же пріятнымъ, хотя и варварскимъ, событіемъ для ненавистниковъ Англіи, какъ удачный взрывъ турецкаго броненосца во время послѣдней войны—для балканскихъ славянъ. Борьба имѣетъ тутъ отчасти международный оттѣнокъ, питаясь инстинктами и страстями военнаго времени. Предметомъ нападеній служитъ не политическое или общественное устройство Англіи, а сама британская нація въ ея цѣломъ. Далѣе,—ирландскіе феніи имѣютъ за собою нѣсколько милліоновъ сочувствующаго населенія въ самой Ирландіи и въ Сѣверной Америкѣ; континентальные же анархисты представляютъ собою политическую секту, не могущую разсчитывать ни на содѣйствіе рабочаго пролетаріата, ни на симпатіи остальныхъ классовъ общества. Наконецъ, знамя анархіи является иногда прикрытіемъ для обыкновенныхъ преступленій, совершаемыхъ съ цѣлью грабежа или похищенія чужого имущества; объ анархистахъ много говорилось въ Вѣнѣ по поводу дѣла Штелльмахера и его товарищей, ограбившихъ мѣняльную лавку послѣ убійства ея хозяина. Зачастую рядомъ съ людьми, имѣющими свои идеалы и ратующими за нихъ въ предѣлахъ возможности, выступаютъ субъекты съ болѣзненнымъ воображеніемъ и съ извращенными чувствами, утратившіе всякій интересъ къ жизни своей и чужой, ищущіе наиболѣе шумной и обширной обстановки для самоубійства.

При такомъ разнородномъ составѣ „динамитныхъ" партій едва ли осуществимы общія соглашенія между государствами для успѣшнаго преслѣдованія анархистовъ и революціонеровъ. Мѣры, признаваемыя цѣлесообразными въ странахъ материка, не могли бы имѣть никакого вліянія на настроеніе и поведеніе ирландцевъ; законы, необходимые противъ Штелльмахеровъ, были бы непримѣнимы къ другимъ проповѣдникамъ анархіи; предупредительныя мѣры противъ убѣжденныхъ анархистовъ были бы безсильны противъ большинства заурядныхъ преступниковъ, дѣйствующихъ подъ политическимъ флагомъ. Въ сущности нѣтъ прочной общей почвы для совокупныхъ международныхъ мѣръ противъ „динамитчиковъ",—если не считать обычныхъ предохранительныхъ правилъ о перевозкѣ и храненіи взрывчатыхъ веществъ. Послѣ перваго взрыва въ Лондонѣ, въ помѣщеніи „мѣстнаго управленія" (въ 1883 году), установлены были суровыя наказанія за незаконное приготовленіе и храненіе динамита. Такого рода правила существуютъ почти вездѣ, кромѣ лишь Соединенныхъ Штатовъ; но и тамъ президентъ Арчеръ въ послѣднемъ своемъ посланіи предложилъ принять мѣры противъ злоупотребленія динамитомъ, съ чѣмъ согласился и вашингтонскій конгрессъ.

Въ Америкѣ находилась до сихъ поръ главная квартира ирланд-

скихъ феніевъ; руководитель ихъ, Одонованъ Росса, аккуратно предсказываетъ въ своей газетѣ будущіе англійскіе взрывы, опредѣляя приблизительно время и мѣсто ихъ дѣйствія. Недавно въ квартирѣ Россы убитъ былъ нѣкій капитанъ Феламъ, призванный туда изъ Канзаса для оправданія отъ взведеннаго на него обвиненія въ измѣнѣ ирландскому дѣлу. Феламъ, самъ ирландецъ, узналъ отъ одного изъ „патріотовъ", что въ англійскій корабль, наполненный пассажирами, положена была громадная порція динамита и что взрывъ долженъ произойти черезъ двѣ недѣли въ открытомъ морѣ. Феламъ поспѣшилъ предупредить капитана корабля объ угрожающей ему опасности; но капитанъ еще ранѣе получилъ объ этомъ анонимную телеграмму, съ точнымъ указаніемъ мѣста нахожденія динамита, который и былъ найденъ своевременно. Вся эта исторія разсказана въ газетахъ со словъ Фелама, имѣвшаго неосторожность подѣлиться своими свѣдѣніями и впечатлѣніями съ знакомымъ журналистомъ; въ журналѣ Одонована Россы Феламъ былъ названъ измѣнникомъ, и затѣмъ онъ былъ зарѣзанъ какимъ-то мясникомъ въ помѣщеніи редакціи, куда явился для объясненій. Извѣстіе объ этой кровавой драмѣ заставило американцевъ усомниться въ удобствѣ открытаго существованія феніанской организаціи, направленной противъ Англіи и не разбирающей средствъ для достиженія своихъ цѣлей. Газеты требуютъ ареста Россы и его сообщниковъ; но Росса отсутствовалъ во время совершенія убійства въ его домѣ, и обвинить его будетъ едва ли возможно безъ точныхъ уликъ. Не надо забывать, что ирландцы составляютъ значительную силу въ Соединенныхъ Штатахъ, и правительство не рѣшится оттолкнуть ихъ въ лагерь своихъ противниковъ. Трудно ожидать поэтому, чтобы могло состояться какое-либо соглашеніе объ оффиціальномъ содѣйствіи англичанъ въ раскрытіи и преслѣдованіи преступныхъ ирландскихъ попытокъ, подготовляемыхъ на американской почвѣ.

Проекты новыхъ мѣръ противъ анархистовъ обсуждаются въ настоящее время въ Австро-Венгріи. Министерство графа Таафе внесло въ австрійскую палату депутатовъ два закона, составленные въ крайне неопредѣленныхъ выраженіяхъ и возбудившіе сильныя безпокойства въ либеральной печати. Исключительныя мѣры, принятыя въ январѣ прошлаго года, оказались недостаточными, и дѣло идетъ теперь о значительномъ расширеніи полномочій правительства въ виду возрастающихъ опасностей соціалистической пропаганды. Въ проектахъ графа Таафе не дѣлается строгаго различія между соціализмомъ и анархіею; эта неясность особенно смущаетъ общественное мнѣніе въ Австріи. Нѣтъ ничего легче какъ ограничить и стѣснить всѣ конституціонныя права и вольности, подъ предлогомъ борьбы съ анархи-

ческими элементами. Законъ объ осадномъ положеніи, дѣйствующій въ Вѣнѣ и ея окрестностяхъ, примѣнялся понынѣ съ большою осторожностью; но осторожность могла бы исчезнуть, еслибы она не была обезпечена законодательствомъ, и еслибы усмотрѣнію администраціи предоставленъ былъ болѣе широкій просторъ. Не только нѣмецкіе либералы, но и чешскіе и прочіе союзники министерства возстають противъ новыхъ спеціальныхъ законовъ, признавая ихъ несостоятельными въ принципѣ и весьма рискованными съ точки зрѣнія общей свободы гражданъ. Притомъ дѣйствіе этихъ законовъ будетъ ограничено предѣлами Цислейтаніи, такъ какъ въ другой половинѣ монархіи правительство вовсе не расположено слѣдовать примѣру графа Таафе; венгерскій министръ-президентъ и его оффиціозные органы не раздѣляютъ въ этомъ отношеніи взглядовъ вѣнскаго кабинета. Вѣроятно, проекты графа Таафе будутъ приняты австрійскою палатою съ нѣкоторыми измѣненіями и сокращеніями; въ этомъ смыслѣ высказываются газеты, наиболѣе свѣдущія въ парламентскихъ дѣлахъ.

Единственный крупный фактъ въ области международныхъ мѣръ противъ революціонныхъ покушеній — это подписанный въ началѣ января русско-прусскій договоръ о взаимной выдачѣ преступниковъ, виновныхъ въ насильственныхъ и оскорбительныхъ дѣйствіяхъ противъ царствующихъ особъ и ихъ фамилій въ томъ или другомъ государствѣ. Правило о невыдачѣ политическихъ преступниковъ примѣнялось очень часто къ лицамъ, совершившимъ общее преступленіе съ политическою цѣлью. Эта точка зрѣнія признается уже устарѣлою. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ „Институтъ международнаго права", имѣющій въ своемъ составѣ самыхъ авторитетныхъ спеціалистовъ и государственныхъ людей, постановилъ единогласно, что „дѣянія, заключающія въ себѣ всѣ признаки преступленій общихъ (умышленное убійство, поджогъ, кража) не могутъ быть исключены изъ выдачи только по одному соображенію политической цѣли виновниковъ", и что „при оцѣнкѣ дѣяній, совершенныхъ во время возстанія, мятежа или междоусобной войны, необходимо рѣшать, дозволены ли они или нѣтъ военными обычаями". Первый изъ приведенныхъ двухъ принциповъ примѣненъ теперь къ важной категоріи преступленій противъ личности главы государства. Это общее начало будетъ, вѣроятно, принято и другими монархическими державами,—прежде всего Австро-Венгріею, какъ ближайшею союзницею Германіи. Что касается Франціи и Соединенныхъ-Штатовъ, то отношеніе ихъ къ упомянутому принципу не опредѣлилось еще съ достаточностью. Американцы, какъ и англичане, склонны распространять право убѣжища и на людей, виновныхъ въ общихъ преступленіяхъ, если побудительные мотивы ихъ дѣйствій имѣли политическій характеръ; такого же

взгляда придерживаются французскіе республиканцы. На практикѣ выдача затрудняется нерѣдко многими побочными соображеніями, хотя бы она признавалась справедливою въ принципѣ; въ этихъ случаяхъ все зависитъ отъ практической дипломатіи, и европейскіе кабинеты съ трудомъ рѣшаются формулировать въ этомъ отношеніи положительныя и обязательныя правила. Тѣмъ труднѣе предполагать, что великія державы могли бы сойтись въ вопросѣ о совмѣстныхъ практическихъ мѣрахъ противъ трудноуловимыхъ анархическихъ броженій и вспышекъ,—хотя объ этомъ много толкуютъ въ послѣднее время въ европейской печати.

Извѣстіе о взрывѣ въ Вестминстерскомъ дворцѣ произвело сильнѣйшее впечатлѣніе въ Англіи, и это впечатлѣніе усиливается еще сознаніемъ безсилія обычныхъ полицейскихъ средствъ борьбы противъ неуловимой разрушительной силы динамита. Подобно тому, какъ громадный броненосецъ, вооруженный всѣми усовершенствованными орудіями военнаго искусства, можетъ погибнуть отъ удара маленькой подводной мины, такъ и лучшія политическія учрежденія оказываются безсильными противъ неожиданныхъ преступныхъ попытокъ отдѣльныхъ личностей. Система динамитныхъ взрывовъ, усвоенная ирландскими „непримиримыми“, требуетъ очень немногихъ исполнителей и ничтожныхъ средствъ; а результаты ея убійственны. Предупреждать удары, подготовляемые невидимою рукою, представляется почти невозможнымъ; такъ и на этотъ разъ лондонская полиція, обыкновенно столь находчивая, не могла ни предвидѣть катастрофу, ни напасть на слѣдъ ея виновниковъ.

Забраться съ динамитомъ въ самое святилище англійской государственной жизни, разрушить вѣковое воплощеніе ея величія и славы, пошатнуть въ то же время историческую лондонскую башню, символъ прошлаго могущества и роста англійской монархіи,—можно ли было придумать планъ болѣе отчаянный и грозный? Для взрыва выбранъ былъ день субботній, когда зданія парламента и лондонской башни открыты для публики; масса народа по обыкновенію осматривала достопримѣчательности этихъ старинныхъ помѣщеній, какъ вдругъ около двухъ часовъ дня, 12 (24) января, раздался оглушительный трескъ, за которымъ послѣдовалъ другой, а затѣмъ третій, болѣе отдаленный. Имѣли ли въ виду виновники взрыва возможную гибель толпы людей, ни въ чемъ неповинныхъ? Вѣроятно, это было для нихъ безразлично; они просто выбрали такое время, когда сами могли находиться въ числѣ публики въ осужденныхъ ими зданіяхъ. Первый взрывъ произошелъ въ Вестминстеръ-голлѣ, ведущемъ въ

палату общинъ, второй—въ залѣ голосованій парламента, а третій—въ верхней части „бѣлой башни", гдѣ помѣщается оружейная палата. Публика стремительно направилась къ выходамъ, среди непроницаемой известковой пыли, и по счастливой случайности дѣло обошлось безъ жертвъ. Пострадало только нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ двое полицейскихъ. Колонны Вестминстеръ-голля отчасти разрушены, всѣ окна разбиты; залы голосованій обѣихъ партій—консерваторовъ и либераловъ—приведены въ безобразное состояніе, галлерея пэровъ уничтожена, зала засѣданій наполнена обломками, паркетъ разорванъ въ серединѣ, своды у дверей рушились. Сотрясеніе отъ этого взрыва чувствовалось на большомъ разстояніи; оно было замѣтно въ Доунингъ-стритѣ, въ помѣщеніи министерства. Еще значительнѣе оказались поврежденія, произведенныя въ лондонской башнѣ; три этажа „бѣлой башни" представляютъ совершенно хаотическую картину: пріемная зала и капелла св. Іоанна превращены въ груду развалинъ; многія старинныя вооруженія и рѣдкости погибли. Понятное волненіе охватило лондонскихъ гражданъ. Предположено было образовать особые комитеты „общественной безопасности", въ помощь правительству. Самыя дорогія для англичанъ національныя традиціи связаны съ пострадавшимъ Вестминстеръ-голлемъ: тамъ съ XII вѣка короновались короли Англіи и собирались первые парламенты; тамъ Карлъ I былъ осужденъ, и Кромвелль объявленъ протекторомъ. Древнѣйшій памятникъ Лондона—лондонская башня—хранитъ въ себѣ любопытные остатки стараго феодальнаго режима: „бѣлая башня" воздвигнута еще при Вильгельмѣ Завоевателѣ,—въ ней помѣщались королевскіе покои, капелла, пріемная зала и зала совѣщаній. „Непримиримые" ирландцы знали куда направить свои удары, и они нанесли ихъ съ тою жестокою безразборчивостью въ средствахъ, которая составляетъ отличительную черту политической и племенной борьбы.

Событія, подобныя взрыву 12 января, не измѣняютъ, однако, нормальнаго хода политической жизни въ Англіи. Среди многочисленныхъ органовъ англійской печати найдутся, безъ сомнѣнія, и такіе, которые станутъ требовать огульнаго и безпардоннаго возмездія; но эти одинокіе голоса потеряются въ массѣ и не смогутъ сбить съ толку трезвые практическіе умы англичанъ. Даже ярые противники либеральнаго кабинета не пользуются теперь обстоятельствами для нападеній на либерализмъ и либераловъ; они не говорятъ, что во всемъ виноваты реформы Гладстона, а, наоборотъ, сознаютъ недостаточность этихъ реформъ для излеченія вѣкового ирландскаго недуга. Задачи внутренней политики не подчиняются впечатлѣніямъ минуты и не возносятся въ область мистическихъ отвлеченностей; онѣ не удаляются отъ реальной почвы.

и чувство не господствуетъ надъ разсудкомъ. Для „непримиримыхъ"— когда они попадаются въ руки правосудія—существуютъ висѣлицы; для населенія и для страны составляются законы, способные удовлетворить общимъ интересамъ. Реформаторское направленіе энергичнѣе чѣмъ когда-либо проявляется именно теперь и въ дѣйствіяхъ и въ рѣчахъ министровъ, въ требованіяхъ и сужденіяхъ печати. Вслѣдъ за избирательною реформою выдвигаются другія, не менѣе важныя, въ видѣ логическихъ ея послѣдствій.

Недавно Чамберлэнъ, министръ торговли, нарисовалъ живую картину историческихъ бѣдъ и нуждъ англійскаго крестьянства. „Работникъ-земледѣлецъ,—говорилъ онъ въ своей рѣчи въ Ипсвичѣ,—есть самая трогательная фигура во всей нашей соціальной системѣ. Неумолимыя, повидимому, условія осуждаютъ его на непрестанный и безнадежный трудъ, съ перспективою окончанія жизни въ домѣ для бѣдныхъ. Въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній онъ былъ угнетаемъ, игнорируемъ и обманываемъ, а теперь онъ достигъ того, что съ нимъ будутъ уже считаться. Его голосъ получилъ свое выраженіе, и мы узнаемъ изъ его собственныхъ устъ, или отъ его представителей, въ чемъ заключаются его желанія". Предоставленіе поселянамъ избирательныхъ правъ, по мнѣнію Чамберлэна должно привести къ новой постановкѣ поземельнаго вопроса; забытые интересы низшаго класса земледѣльцевъ выступятъ неизбѣжно на первый планъ. Шотландскіе поселяне, „крафтеры", добиваются примѣненія къ нимъ принциповъ ирландскаго земельнаго билля, и аристократы-землевладѣльцы готовы добровольно сдѣлать требуемыя уступки, чтобы избѣгнуть вмѣшательства государственной власти. На спеціальномъ митингѣ, созванномъ по почину герцога Сотерланда и его сына, маркиза Стаффорда, рѣшено было предложить „крафтерамъ" болѣе длинные сроки аренды (до 30 лѣтъ), пониженіе ренты и вознагражденіе за прочныя улучшенія почвы. Чамберлэнъ идетъ гораздо далѣе: онъ указываетъ на необходимость возрожденія стараго свободнаго крестьянства и мелкаго независимаго землевладѣнія. „Разумѣется, это не можетъ быть сдѣлано вдругъ. Старая раса исчезла, и нельзя создать ее вновь однимъ почеркомъ пера. Но мы всѣ обязаны, по мѣрѣ возможности, дѣйствовать въ этомъ направленіи". Министръ съ похвалою отозвался о биллѣ Коллингса, имѣющемъ цѣлью возстановленіе правъ сельскихъ общинъ на земли, незаконно отнятыя у нихъ частными владѣльцами въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ. Чамберлэнъ находитъ вполнѣ справедливымъ, чтобы основныя начала ирландской поземельной программы распространены были на Англію и Шотландію,—чтобы повсюду фермеры пользовались правами постоянной аренды, съ возможностью продавать арендуемые участки и устанавливать безобидныя

нормы ежегодныхъ арендныхъ платежей (знаменитые „три F"—fixity of tenure, free sale, fair rent).

Чамберлэнъ занимаетъ довольно странное положеніе въ составѣ англійскаго правительства; онъ публично проповѣдуетъ радикальныя идеи, которыхъ ни въ какомъ случаѣ не одобряютъ его знатные коллеги по министерству — будущій герцогъ Девонширскій, маркизъ Гартингтонъ, графъ Дерби, графъ Гренвилль, сэръ Вернонъ, Гаркортъ и другіе. И, однако, Чамберлэнъ говоритъ отъ имени правительства; онъ нисколько не стѣсняется высказывать свои личныя мнѣнія, даже когда они прямо противорѣчатъ взглядамъ прочихъ министровъ. Очевидно, направленіе, представителемъ котораго онъ служитъ, имѣетъ сильную и богатую почву въ современномъ англійскомъ обществѣ. Консерваторы предпочитаютъ видѣть Чамберлэна въ положеніи министра, чѣмъ въ роли независимаго вождя радикальной партіи. Популярность его настолько утвердилась за послѣдніе годы. что о немъ серьезно поговариваютъ, какъ о возможномъ преемникѣ Гладстона. Удаленіе престарѣлаго премьера отъ дѣлъ становится все болѣе неизбѣжнымъ; 75-лѣтній предводитель англійскихъ либераловъ считаетъ свою политическую карьеру законченною осуществленіемъ широкой избирательной реформы, открывшей доступъ къ законодательству нѣсколькимъ милліонамъ низшаго класса населенія. Силы начинаютъ измѣнять Гладстону; его необычайная способность къ работѣ ослабляется безсонницею, и врачи настоятельно совѣтуютъ ему снять съ себя тяжелое министерское бремя. Гладстонъ долженъ тѣмъ не менѣе оставаться на своемъ посту, пока не улажены будутъ затрудненія внѣшней политики — въ Египтѣ и въ другихъ мѣстахъ. Онъ не имѣетъ еще признаннаго преемника, и это обстоятельство безпокоитъ либераловъ. Чамберлэнъ слишкомъ радикаленъ, и авторитетъ его недостаточно силенъ въ глазахъ нынѣшняго большинства въ парламентѣ; притомъ за нимъ не пойдутъ старыя либеральныя фамиліи, группирующіяся около Гладстона. Сэръ Чарльсъ Дилькъ имѣетъ предъ собою будущее; но въ настоящемъ ему не принадлежитъ еще руководящая политическая роль. Остаются дѣятели аристократическіе, располагающіе обширнымъ вліяніемъ въ странѣ; но они безцвѣтны и слабо одарены талантами. Маркизъ Гартингтонъ будетъ очень приличнымъ премьеромъ; только переходъ къ нему отъ Гладстона былъ бы чувствителенъ для національнаго самолюбія Англіи. Поэтому-то ожидаемый выходъ премьера въ отставку значительно возвышаетъ шансы консерваторовъ, руководимыхъ такимъ блестящимъ и даровитымъ парламентскимъ бойцомъ, какъ лордъ Салисбёри. За лордомъ Салисбёри стоитъ цѣлый рядъ бывшихъ и будущихъ министровъ, ловкихъ ораторовъ и смѣлыхъ дипломатовъ:

они направляютъ свои заботы болѣе на внѣшнія, чѣмъ на внутреннія дѣла, но и въ вопросахъ законодательства они слѣдуютъ за общественнымъ мнѣніемъ. Нѣкоторые изъ консерваторовъ кажутся въ то же время и радикалами; таковъ, напримѣръ, лордъ Черчилль, глава маленькой „четвертой партіи" въ палатѣ общинъ. Самъ лордъ Салисбѣри совсѣмъ не консерваторъ въ общепринятомъ смыслѣ этого слова; онъ готовъ проводить радикальные проекты, если только видитъ въ нихъ пользу для общей консервативной политики. Господство консерваторовъ продолжалось бы до тѣхъ поръ, пока не выросли бы въ глазахъ народа достойные либеральные преемники Гладстона.

Франція не только не покончила еще съ китайскимъ вопросомъ, но все болѣе запутывается въ немъ, благодаря чрезвычайной трудности успѣшныхъ военныхъ мѣръ въ отдаленныхъ краяхъ. Военный министръ, генералъ Кампенонъ, предлагалъ держаться пассивнаго образа дѣйствій относительно Китая — довольствоваться блокадою фортовъ и не вступать въ открытыя столкновенія, чтобы избѣгнуть формальной войны; но мнѣніе Кампенона не было принято товарищами его по кабинету, и на постъ военнаго министра призванъ генералъ Леваль. Жюль-Ферри упорно стоитъ за скорѣйшее и энергическое окончаніе тонкинской экспедиціи; онъ ссылается на рѣшенія палаты, возлагающія на правительство обязанность довести дѣло до конца. Палата не можетъ возражать противъ своихъ собственныхъ рѣшеній, и она поневолѣ соглашается съ доводами министра-президента; между тѣмъ замѣтное чувство безпокойства выражалось въ разсужденіяхъ печати по поводу перемѣны въ составѣ министерства. Нѣкоторые органы находили, что такая важная перемѣна не должна бы имѣть мѣсто при отсутствіи парламентскихъ засѣданій, въ вакаціонное время; другіе считали слишкомъ рискованнымъ отвергать совѣты генерала Кампенона и руководствоваться одними политическими соображеніями, не принимая въ разсчетъ военной стороны предпріятія. Личность новаго министра не внушаетъ особеннаго довѣрія французамъ: онъ извѣстенъ, главнымъ образомъ, какъ плодовитый военный писатель, а писатели-полководцы не пользуются популярностью во Франціи со времени генерала Трошю.

Генералъ Леваль какъ-будто напоминаетъ собою злополучнаго руководителя народной обороны въ Парижѣ: онъ также много пишетъ и говоритъ, также склоненъ къ теоретическимъ построеніямъ и выводамъ, также увѣренъ въ себѣ и въ своихъ планахъ. Дебютъ генерала Леваля въ палатѣ не могъ считаться вполнѣ удачнымъ; онъ имѣлъ неосторожность высказать, что „онъ былъ бы давно мини-

стромъ, еслибы только хотѣлъ", и что это будто бы „всѣмъ извѣстно". Въ дальнѣйшихъ своихъ объясненіяхъ онъ смѣло затронулъ больное мѣсто французскаго національнаго самолюбія и рѣшительно заявилъ, что „армія не можетъ окаменѣть съ неподвижными взорами, обращенными въ сторону Вогезскихъ горъ", что она можетъ имѣть и другія задачи, что она должна защищать французское знамя въ разныхъ краяхъ міра, и что это нисколько не ослабитъ ее въ Европѣ, на случай неожиданныхъ политическихъ замѣшательствъ. Рѣчь Леваля дышала оптимизмомъ и произвела пріятное впечатлѣніе на депутатовъ и на публику. Однако скептики не забываютъ, что подобныя утѣшительныя рѣчи повторялись не разъ наканунѣ тяжелыхъ разочарованій. Въ данномъ случаѣ дѣло идетъ только о войнѣ съ Китаемъ, и послѣдствія возможныхъ ошибокъ не могутъ быть особенно значительны для Франціи, при установившихся дружескихъ отношеніяхъ ея съ Германіею.

Въ сущности французы мало заботятся о Китаѣ; единственная ихъ забота—выйти съ честью изъ затрудненій, созданныхъ безцѣльными переговорами и сдѣлками съ китайскою дипломатіею. Министерскія газеты разсуждаютъ очень просто: нельзя идти назадъ, а потому необходимо идти впередъ; невозможно ни бросить Тонкинъ, ни уступить Китаю,—слѣдовательно нужно съ энергіею продолжать начатое дѣло, не останавливаясь передъ жертвами. Военныя затраты дошли до весьма внушительныхъ размѣровъ, а никакихъ положительныхъ выгодъ не предвидится еще въ настоящее время. Очевидно,—какъ выразился когда-то публицистъ „Journal des Débats", Джонъ Лемуаннъ, — „Франція достаточно богата, чтобы платить за свою славу".

При второй имперіи Франція вовлекалась во внѣшнія предпріятія для того, чтобы заставить народъ забыть внутренніе вопросы; теперь никакіе международные интересы, повидимому, не въ состояніи отвлечь французовъ отъ потребностей и увлеченій мирной политической жизни. Извѣстія объ Египтѣ и Тонкинѣ, о дѣйствіяхъ военной эскадры въ китайскихъ водахъ, о рѣчахъ князя Бисмарка и о коварствѣ Англіи —занимаютъ ничтожное мѣсто въ парижской политической прессѣ; они служатъ какъ бы побочнымъ матеріаломъ, о которомъ принято разсуждать особо, въ видахъ разнообразія. Главное и почти исключительное вниманіе обращено на текущія внутреннія дѣла, доставляющія всегда богатую пищу общественному чувству публики. Сенаторскіе выборы, происходившіе въ десятыхъ числахъ января (по нашему стилю), обновили третью часть сената въ духѣ республиканскомъ. Въ сорока-двухъ департаментахъ надлежало выбрать 87 сенаторовъ, взамѣнъ прежнихъ; между ними было до сихъ поръ 45 республиканцевъ

и 42 монархиста, а теперешніе выборы доставили первымъ 67 мѣстъ, оставивъ за послѣдними только 20. Несомнѣнно, что это—блестящая побѣда, вновь подтверждающая окончательную прочность республики въ мнѣніяхъ народа. Въ числѣ забаллотированныхъ кандидатовъ слѣдуетъ назвать извѣстныхъ дѣятелей реакціи при Макъ-Магонѣ, бывшихъ сенаторовъ—герцога де-Брольи, де-Фурту и Брюнэ. Либералы видятъ въ этомъ справедливое возмездіе за прошлые грѣхи и краснорѣчивый приговоръ надъ всею вообще партіею монархистовъ.

Министерство Жюля Ферри, существующее уже цѣлыхъ два года, сдѣлало очень много для водворенія твердаго государственнаго порядка во Франціи; оно успѣло провести нѣсколько серьезныхъ законодательныхъ реформъ, но не исполнило еще своихъ обѣщаній въ сферѣ экономическихъ вопросовъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Вальдекъ-Руссо, не разъ высказывался въ пользу широкихъ соціальныхъ улучшеній; недавно еще онъ произнесъ длинную рѣчь, въ которой предлагалъ цѣлый рядъ мѣръ для поощренія новой организаціи промышленности, съ участіемъ рабочихъ въ прибыляхъ предпріятій. Положеніе рабочаго класса во многихъ мѣстахъ страны и особенно въ столицѣ остается по прежнему критическимъ. Застой въ сбытѣ товаровъ ведетъ къ сокращенію производства и къ увеличенію числа незанятыхъ рукъ. Въ сельскомъ хозяйствѣ замѣчается хроническій кризисъ, вслѣдствіе упадка цѣнъ на земледѣльческіе продукты. Правительство, какъ мы упоминали уже въ прошломъ обозрѣніи, рѣшилось ввести покровительственныя пошлины для искусственнаго поддержанія цѣнъ. Это предположеніе, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣтило сильные протесты въ лагерѣ экономистовъ.

Извѣстный Леонъ Сэй образовалъ „національную лигу противъ возвышенія цѣнъ на хлѣбъ и мясо“. Первое публичное засѣданіе этой лиги состоялось при условіяхъ довольно оригинальныхъ. Въ собраніи участвовали многіе сенаторы, депутаты, президенты торговыхъ палатъ и ученые экономисты; рядомъ съ ними явились и анархисты, въ числѣ двадцати человѣкъ. Первымъ говорилъ предсѣдатель, Леонъ Сэй; онъ доказывалъ, что пошлина на хлѣбъ и вообще на предметы питанія есть не что иное какъ налогъ на трудъ, а такого рода налогъ, увеличивая цѣну труда, затрудняетъ конкурренцію съ заграничною промышленностью, вслѣдствіе чего рабочій кризисъ долженъ усилиться. Другой ораторъ, также спеціалистъ по политической экономіи, Фредерикъ Пасси, объяснилъ собранію, что сельскіе хозяева напрасно жалуются на привозъ во Франціи 70-ти или 80-ти тысячъ головъ крупнаго скота; „вѣдь эти животныя являются къ намъ не для того чтобы съѣсть насъ, а чтобы быть съѣденными нами“. Затѣмъ дано было слово приверженцу покровительственныхъ

пошлинъ, докладчику парламентской коммиссіи, депутату Гро; онъ подробно опровергалъ доводы Сэя и Пасси, утверждалъ, что опасенія ихъ насчетъ возвышенія цѣнъ совершенно неосновательны, такъ какъ цѣны вовсе не увеличатся отъ предположенныхъ пошлинъ, и, наконецъ, указывалъ на вредъ спекуляціи въ торговлѣ хлѣбомъ. Когда кончилъ Гро́, около трибуны собрались анархисты и стали вызывать своего присяжнаго оратора, Лебуше́. Предсѣдатель заявилъ, что Лебуше́ можетъ говорить только послѣ ораторовъ, записанныхъ ранѣе. Разсуждали еще депутаты Рауль Дюваль, Локруа и Мильо; они ничего не прибавили къ сказанному другими. Выступаетъ на сцену работникъ Лебуше́, молодой мулатъ; публика съ большимъ вниманіемъ слушаетъ его выразительную рѣчь. „Всѣ эти споры между фритредерами и протекціонистами,—высказалъ Лебуше́,—не имѣютъ значенія для народа. Прежде вы опирались на города; но теперь города отвергаютъ васъ, и вы хватаетесь за деревню и за интересы сельскаго хозяйства. Пусть капиталъ будетъ возвращенъ работнику, и нужда прекратится. Мы дрались во время коммуны не для того, чтобы доставить Леону Сэю должность министра“. Ораторъ выражался рѣзко, хотя и не совсѣмъ связно; повидимому, онъ былъ озадаченъ непривычнымъ для него молчаніемъ противниковъ. Безусловная свобода рѣчей, допущенная „національною лигою“ Сэя, является чѣмъ-то новымъ въ нравахъ того общества, къ которому принадлежатъ французскіе экономисты; предоставленіе завѣдомымъ отрицателямъ и анархистамъ высказываться въ засѣданіяхъ избраннаго круга лицъ, это уже шагъ къ истинно-республиканской терпимости и къ добросовѣстному соглашенію враждебныхъ между собою тенденцій. Люди научаются уважать другъ друга, когда встрѣчаются лицомъ къ лицу на равныхъ правахъ; заочная вражда наиболѣе опасна и неумолима, ибо она питается призраками воображенія, и холодная послѣдовательность не находитъ предъ собою никакого реальнаго противовѣса.

Одинъ изъ наиболѣе блестящихъ и остроумныхъ писателей современной Франціи, Эдмондъ Абу, умеръ 16 (4) января, не задолго до торжественнаго пріема его въ составъ французской академіи. Ему было не болѣе 57 лѣтъ отъ роду. Въ юности онъ готовился къ ученой карьерѣ и изучалъ греческія древности; въ молодости онъ оказался увлекательнымъ разсказщикомъ и беллетристомъ, а въ зрѣлые годы взялся за политику и журналистику. Лучшія произведенія его пера относятся къ среднему періоду его дѣятельности. По складу ума и по свойству таланта онъ былъ художникомъ; честолюбіе толкнуло его на неблагодарное поприще политической прессы, гдѣ онъ

дѣйствовалъ съ небольшими перерывами въ теченіе цѣлыхъ двадцати-пяти лѣтъ.

Впервые онъ обратилъ на себя вниманіе въ 1855 году своими очерками современной Греціи („La Grèce contemporaine"), написанными языкомъ замѣчательнымъ по мѣткости и силѣ. Неожиданный успѣхъ этой книги заставилъ Абу окончательно посвятить себя литературѣ. Онъ помѣстилъ въ „Revue des deux Mondes" романъ изъ итальянской жизни, написалъ нѣсколько повѣстей и разсказовъ, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны—„Mariages de Paris", „Roi de montagne", „Germaine", поставилъ на сцену неудачную пьесу „Guillery", которая съ шумомъ провалилась. Въ это время Эдмондъ Абу, не давъ вполнѣ развиться своему художественному дарованію, перешелъ къ сомнительной роли благонамѣреннаго публициста. Онъ былъ замѣченъ правительствомъ Наполеона III и получилъ выгодное предложеніе—писать фельетоны для оффиціальнаго „Moniteur"'а; тогда же онъ сдѣлался постояннымъ хроникеромъ въ газетѣ „Figaro". Онъ сталъ бывать въ салонахъ принца Наполеона, вмѣстѣ съ Эмилемъ де-Жирарденомъ, Викторомъ Дюрюи (впослѣдствіи министромъ), Максимомъ Дюканомъ и другими литературными карьеристами; онъ восхищалъ принцессу Матильду своими забавными анекдотами, а его фельетонными разсказами зачитывалась сама императрица Евгенія. Особенно популярны были его: „Trente et quarante", „L'homme à l'oreille cassée" и „Le nez d'un notaire". Содержаніе этихъ разсказовъ—на половину фантастическое.

Абу занялся внѣшнею политикою наканунѣ итальянской войны, когда онъ выпустилъ свою знаменитую книгу противъ папства—„La question romaine". Говорятъ, что эта книжка написана была по внушенію Наполеона III, который прочитывалъ ее въ рукописи и въ корректурѣ. Въ новой оффиціозной газетѣ, „Opinion nationale", Абу продолжалъ кампанію противъ свѣтской власти папъ, до тѣхъ поръ, пока не совершился поворотъ въ политикѣ имперіи. Ему поручили составить брошюру о новой картѣ Европы и о положеніи Пруссіи; онъ печаталъ также политическія статьи въ министерскомъ „Constitutionel"'ѣ. Награжденный за свое усердіе орденомъ почетнаго легіона, онъ терпѣливо ждалъ другой награды, болѣе осязательной, — назначенія на какой-либо видный государственный постъ; одно время онъ считался уже кандидатомъ въ министры,—но этимъ предположеніямъ и надеждамъ не суждено было сбыться. Наполеонъ III охотно пользовался услугами талантливаго литератора и не думалъ вовсе превращать его въ сановника; онъ не могъ не видѣть, что хорошій и увлекающійся разскащикъ былъ бы очень плохимъ и неудобнымъ администраторомъ. Репутація Абу была печальная въ глазахъ молодежи

и либеральной партіи; а отъ правительства онъ добился очень немногого. Отношеніе къ нему публики выразилось ярко при представленіи его пьесы „Gaëtana“ въ Одеонѣ; республиканцы, клерикалы и крайніе бонапартисты устроили ему такое фіаско, какое рѣдко случалось на французской сценѣ. Абу, однако, не унывалъ; книги его расходились въ большомъ числѣ экземпляровъ, отчасти благодаря горячимъ нападкамъ противниковъ. Въ 1868 году онъ принялъ участіе въ газетѣ „Gaulois“, а черезъ годъ перешелъ въ „Soir“, гдѣ печатались потомъ его корреспонденціи съ театра войны. Несчастный исходъ войны глубоко поразилъ Абу, который былъ родомъ изъ Эльзаса. Въ 1872 году, въ бытность свою на родинѣ, онъ былъ арестованъ прусскими властями по обвиненію въ государственной измѣнѣ, такъ какъ его признавали почему-то нѣмецкимъ подданнымъ, въ виду его эльзасскаго происхожденія; черезъ нѣкоторое время онъ былъ выпущенъ на свободу. Результатомъ этой поѣздки была книга объ Эльзасѣ. Съ тѣхъ поръ онъ окончательно отдался журналистикѣ; единственный романъ его за послѣднія двѣнадцать лѣтъ—„Le roman d'un brave homme“ — появился три года тому назадъ. Въ 1872 же году онъ основалъ газету „Le XIX Siècle“, вмѣстѣ съ Франциском Сарсэ. Онъ открыто примкнулъ къ республикѣ, въ качествѣ умѣреннаго консерватора; политическое честолюбіе не исчезло въ немъ: при Тьерѣ онъ надѣялся получить дипломатическій постъ въ Лиссабонѣ, а отъ Гамбетты разсчитывалъ на поддержку при выборахъ въ депутаты или въ сенаторы. Онъ игралъ дѣятельную роль въ газетной войнѣ противъ реакціонныхъ министровъ маршала Макъ-Магона; но ни депутатомъ, ни сенаторомъ онъ не сдѣлался послѣ побѣды республиканцевъ.

Ежедневныя статьи Абу отличались всегда проблесками остроумія; но онѣ носили на себѣ отпечатокъ спѣшной журнальной работы и казались лишенными серьезнаго положительнаго содержанія. Абу оставался беллетристомъ и въ политикѣ и въ публицистикѣ; его разсужденія не имѣли убѣдительной силы, страдали неровностью мысли и чрезмѣрною картинностью формы,—но нельзя было не читать ихъ съ интересомъ отъ начала до конца. Онъ обладалъ искусствомъ приковывать къ себѣ вниманіе читателя; всякій, кто бралъ въ руку газету съ его статьею, привлекался невольно и ея оригинальнымъ заглавіемъ, и ея первою смѣлою фразою, и всѣмъ ея заманчивымъ изложеніемъ,—это были пестрые, неистощимо-разнообразные, эффектные фейерверки, которые чрезвычайно нравились и вслѣдъ затѣмъ забывались. Русская публика мало знаетъ эту сторону дѣятельности Эдмонда Абу; его мало знаютъ и какъ беллетриста; онъ извѣстенъ болѣе по своимъ политическимъ сочиненіямъ — особенно по книгѣ

„О процессѣ“, изданной въ 1864 году и переведенной на русскій языкъ.

По общему мнѣнію французскихъ и заграничныхъ критиковъ, Эдмондъ Абу совершенно напрасно тратилъ свои силы на газетную публицистику; настоящее его призваніе было не въ этой области, а въ другой, болѣе возвышенной и плодотворной. Абу искалъ вліянія, положенія и богатства; все это доставила ему журнальная работа, быть можетъ, въ большей мѣрѣ, чѣмъ это возможно было бы при исключительномъ служеніи интересамъ чисто-литературнымъ. Дѣятели печати поставлены во Франціи совсѣмъ иначе, чѣмъ въ другихъ странахъ; тамъ громкія репутаціи и крупныя состоянія вырабатываются газетнымъ сотрудничествомъ, при извѣстной долѣ таланта и ловкости. Составители такъ называемыхъ „передовыхъ“ газетныхъ статей играютъ роль въ практической политикѣ; съ ними должны считаться министры и дипломаты. Бывали случаи, что журналы оказывали непосредственное вліяніе на судьбу кабинета; извѣстенъ фактъ паденія де-Марсèра вслѣдствіе систематическихъ нападокъ и разоблаченій газеты „Lanterne“. Сотрудники „Journal des Débats“, не имѣющіе никакой другой спеціальности, выбираются въ члены академіи; — такъ, напримѣръ, Джонъ Лемуаннъ причисленъ къ сонму „сорока безсмертныхъ“ исключительно за свои небольшія политическія статьи по текущимъ вопросамъ. Политическій хроникеръ „Revue des deux Mondes“, Шарль де-Мазадъ, сдѣланъ академикомъ, хотя онъ ничего другого не писалъ, кромѣ своихъ обычныхъ монотонныхъ обозрѣній и плохихъ журнальныхъ компиляцій. Газетные политики, умѣющіе попадать въ надлежащій тонъ, становятся депутатами и сенаторами; въ обѣихъ палатахъ засѣдаетъ много журналистовъ по профессіи. Неудивительно поэтому, что журнальная дѣятельность притягиваетъ къ себѣ таланты, которые въ сущности заслуживали бы лучшаго употребленія; она поглощаетъ ихъ всецѣло въ область ежедневнаго незамѣтнаго труда, дающаго мимолетные продукты, которые исчезаютъ не только для потомства, но и для слѣдующаго же дня. Эдмондъ Абу былъ однимъ изъ многочисленныхъ сознательныхъ жертвъ журнализма, имѣющаго свои важныя задачи, свой обширный кругъ дѣйствія и свои заманчивыя особенности. Онъ выбранъ былъ въ академію на мѣсто Жюля Сандо, но онъ не дожилъ до удовольствія выслушать себѣ похвальное слово изъ устъ приторнаго философа Каро. Похвальная академическая рѣчь превратилась въ надгробное слово, которое Каро произнесъ при погребеніи даровитаго литературнаго труженика.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е февраля 1885.

— Н. Каблуковъ. Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ, Москва, 1884.

Г-нъ Каблуковъ уже извѣстенъ въ нашей экономической литературѣ очень интереснымъ, тщательно-обработаннымъ очеркомъ хозяйства частныхъ землевладѣльцевъ московской губерніи (первый выпускъ пятаго тома земскаго „Сборника статистическихъ свѣденій по московской губерніи"). Новое сочиненіе г. Каблукова имѣетъ связь съ первою его работою, только теперь авторъ ставитъ вопросъ широко, что придаетъ его изслѣдованію большое и теоретическое, и практическое значеніе.

Передъ освобожденіемъ крестьянъ въ Россіи возникли, какъ извѣстно, среди землевладѣльцевъ тревожныя предположенія: сильно опасались, что съ паденіемъ крѣпостныхъ отношеній явится недостатокъ рабочихъ рукъ, дороговизна ихъ, и т. п. Подобныя опасенія раздѣлялъ и такой замѣчательный поборникъ освобожденія крестьянъ, какъ покойный Ю. Ѳ. Самаринъ. Послѣдній выступалъ съ предложеніемъ, „пока не установится само собою равновѣсіе между предложеніемъ и запросомъ на вольный трудъ,—этотъ почти небывалый у насъ товаръ, — оставить помѣщику право на нѣсколько обязательныхъ рабочихъ дней (8 или 10 съ тягла), какъ вспомогательную повинность лѣтъ на 10 или 12". Извѣстно, что русскіе сельскіе хозяева бросились-было выписывать земледѣльческихъ рабочихъ изъ-за границы, но движеніе это потерпѣло полную неудачу. Съ 19 февраля 1861 г. жалобы на недостатокъ и дороговизну рабочихъ рукъ у насъ не прекращаются. Оффиціальная коммиссія по изслѣдованію сельскаго хозяйства въ Россіи пришла, между прочимъ, къ заключенію о необходимости облегчить средства судебнаго разбирательства, въ особенности въ видахъ обезпеченія договоровъ о личномъ наймѣ. Среди нашихъ крупныхъ землевладѣльцевъ все яснѣе и настойчивѣе развивались стремленія достигнуть такого по-

рядка вещей, при которомъ въ Россіи возникъ бы многочисленный классъ сельскихъ рабочихъ — батраковъ, совершенно безземельныхъ. Тогда должны были бы сказаться благодѣянія того крупнаго землевладѣнія и фермерскаго хозяйства, отъ котораго страдаетъ, напримѣръ, масса земледѣльческаго населенія Ирландіи.

Г. Каблуковъ указываетъ, что жалобы на недостатокъ и дороговизну рабочихъ рукъ постоянно высказываютъ не только русскіе, но и германскіе, французскіе и англійскіе сельскіе хозяева. Дѣло доходитъ до того, что, напримѣръ, „Kölnische Zeitung" предлагала для устраненія недостатка въ наемныхъ земледѣльческихъ рабочихъ отпускать на время жатвы солдатъ на работу. Въ отчетѣ прусскаго министра земледѣлія, въ 1878 году, говорится, что „рабочіе, отъ непостоянной жизни, потеряли смыслъ въ сельскихъ работахъ, и недостатокъ въ рабочихъ чувствуется во всѣхъ провинціяхъ, хотя и не всюду одинаковъ". Г. Каблуковъ полагаетъ поэтому, что мы имѣемъ полное основаніе видѣть въ этихъ продолжительныхъ уже и общераспространенныхъ жалобахъ отраженіе самой дѣйствительности, а не результатъ лишь своекорыстныхъ стремленій. „Если при этомъ,— прибавляетъ почтенный авторъ,—указывается и на вредное послѣдствіе для сельскаго хозяйства такого положенія его по отношенію къ человѣческимъ рабочимъ силамъ, то вопросъ пріобрѣтаетъ тѣмъ болѣе широкое народно-хозяйственное значеніе". Имѣя же въ виду выяснить положеніе земледѣлія при условіи наемныхъ рабочихъ силъ, слѣдуетъ обратиться къ изслѣдованію сельскаго хозяйства въ такой странѣ, гдѣ съ особенною рѣзкостью проведено раздѣленіе общества на классы съ отдѣльною экономическою ролью. Такою страною является Англія, изслѣдованію сельскаго хозяйства, земледѣльческихъ кризисовъ, наемнаго труда и фермерской системы которой и посвященъ добросовѣстный трудъ г. Каблукова. Понятно, что результаты этой прекрасной работы, важные въ теоретическомъ отношеніи, имѣютъ и практическую важность для всѣхъ странъ, которыя, съ тѣми или другими особенностями во второстепенныхъ подробностяхъ, проходятъ путь, пройденный Великобританіей. А внѣ этого общаго движенія стоитъ, до поры до времени, лишь одна Америка.

Изъ изслѣдованія г. Каблукова оказывается, что сельскій рабочій въ Англіи поставленъ хуже рабочаго въ другихъ отрасляхъ промышленности. „Ему менѣе всего платятъ, онъ имѣетъ менѣе обезпеченный, менѣе постоянный и опредѣленный заработокъ, онъ хуже всѣхъ помѣщенъ, хуже питается; хлѣбъ дорогъ — рабочій дешевъ, хлѣбъ дешевъ — рабочій не нуженъ, и для него дешевый трудъ не лучше дорогого; его духовныя потребности наименѣе удовлетворены, ему труднѣе другихъ отстоять свою независимость путемъ соединенія

силъ, и т. д.". Въ области мануфактурной промышленности разница между содержаніемъ рабочаго и прибылью увеличивается, а въ земледѣліи уменьшается, и сельскіе рабочіе уходятъ въ городъ, на фабрики. Но общій ходъ умственнаго, нравственнаго и экономическаго развитія ведетъ къ тому, что и въ средѣ этихъ наемныхъ земледѣльцевъ возникаетъ движеніе, имѣющее цѣлью поднять вознагражденіе за трудъ, обставить его прочнымъ образомъ, лучшими условіями. Въ случаѣ неудачи требованія возвысить заработную плату, сельскіе рабочіе массами выселяются, и землевладѣльцамъ, и фермерамъ приходится превращать пашни въ пастбища. Г. Каблуковъ сообщаетъ весьма любопытныя свѣденія о возникновеніи и ростѣ упомянутаго движенія среди англійскихъ сельскихъ движеній. Въ 1863 году священникъ Girdlestone обратилъ вниманіе на необыкновенно низкую плату, худую пищу и крайне плохое жилище, которыми приходилось пользоваться земледѣльцамъ того графства (Devon), куда онъ перешелъ. Проповѣдь священника по этому случаю вызвала противъ него оскорбленія и притѣсненія со стороны фермеровъ. Въ 1866 году онъ напечаталъ въ „Times" письмо, въ которомъ правдиво описалъ тягостное положеніе девонскихъ сельскихъ рабочихъ. Тогда къ Girdlestone'у стали поступать и предложенія выгодныхъ занятій для земледѣльцевъ, и денежныя пособія. „Но рабочіе были настолько уже подавлены своимъ положеніемъ, что даже не искали перемѣны. Дошло до того, что, рѣшившись переѣхать и совершенно устроивъ все необходимое для того, они просились остаться на мѣстѣ и возвращали деньги, полученныя на переѣздъ". Не только мѣстные крупные землевладѣльцы и фермеры, но даже сельскіе священники возстали противъ Girdlestone'а. Противъ него возбудили судебное преслѣдованіе, кончившееся, однако, тѣмъ, что со вчинившихъ его были взысканы судебныя издержки; фермеры грозили прекратить посѣщеніе церкви и многіе дѣйствительно перестали ходить въ нее. Семейство великодушнаго священника оскорблялось на каждомъ шагу. Но онъ не падалъ духомъ и настойчиво защищалъ правое дѣло. Движенію, вызванному Girdlestone'омъ, придалъ особенную силу Арчъ (Joseph Arch), самъ сельскій рабочій, родившійся въ 1826 году. Имя этого замѣчательнаго дѣятеля давно уже извѣстно и у насъ. Въ 1872 г. основанъ союзъ земледѣльческихъ рабочихъ и стала выходить, сразу въ 30,000 экземплярахъ, еженедѣльная газета этого союза „the National Agricultural Labourer Union Chronicle". Нечего и говорить, сколько и какихъ тяжкихъ затрудненій пришлось преодолѣть Арчу и его единомышленникамъ. Союзъ, не имѣя во многихъ случаяхъ никакой возможности поднять вознагражденіе сельскихъ рабочихъ, облегчаетъ ихъ выселеніе. За восемь лѣтъ (1876—1883) Англія по-

теряла такимъ образомъ своихъ прирожденныхъ жителей 1.095,465 человѣкъ, причемъ ирландская эмиграція составляетъ только 33% этого числа. Слѣдуетъ отмѣтить, съ другой стороны, что англійскіе лорды начали усиленно покупать земли въ сѣверной Америкѣ, гдѣ ихъ владѣнія, вмѣстѣ взятыя, равняются Ирландіи (Edward Ree имѣетъ тамъ 2 милліона экровъ, во Флоридѣ, Sutherland—425,000 экровъ, и т. д.)

Массою данныхъ объ уменьшеніи урожаевъ, объ опустѣніи фермъ, о паденіи ренты, г. Каблуковъ убѣждаетъ въ упадкѣ англійскаго сельскаго хозяйства. Выходъ, благопріятный и для населенія, и для развитія хозяйства, видится въ устраненіи фермерской системы, въ превращеніи земледѣльческаго батрака въ земледѣльца-землевладѣльца.

Г. Каблуковъ приводитъ теоретическія соображенія и доказательства спеціалистовъ въ вопросахъ сельскаго хозяйства въ пользу того положенія, что область примѣненія и значеніе машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ не могутъ идти въ сравненіе съ ролью машинъ въ другихъ отрасляхъ промышленности. Не отрицая этого различія (земледѣльческая машина, напримѣръ, значительную часть года не можетъ работать просто по естественнымъ условіямъ сельскаго хозяйства), мы думаемъ, однако, что почтенный авторъ преувеличиваетъ указанную разницу. Было бы весьма важно тщательное изученіе этого вопроса въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ земледѣльческія машины получили особенно широкое примѣненіе.

Трудъ г. Каблукова составляетъ выдающееся явленіе въ нашей экономической литературѣ и отличается какъ правильностью постановки вопроса, такъ и точностью пріемовъ для его разрѣшенія.—Г.

— **Всеобщая исторія литературы.** Составлена по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ. Начата подъ редакціей В. Ѳ. Корша, продолжается подъ редакціей проф. А. И. Кирпичникова. Выпускъ XVI. Спб. 1885. Изданіе Карла Риккера.

Мы съ большимъ удовольствіемъ встрѣтили продолженіе предпріятія, начатаго нѣсколько лѣтъ назадъ В. Ѳ. Коршемъ въ изданіи г. Риккера. Нашей литературѣ давно не доставало подобнаго труда. Въ литературѣ иностранной, богатой безконечнымъ множествомъ исторій отдѣльныхъ литературъ и особенно изслѣдованій отдѣльныхъ періодовъ, эпизодовъ и писателей, въ послѣднее время также не являлось цѣльнаго энциклопедическаго труда этого рода; извѣстная книга Шерра (повторяющіяся изданія которой у насъ указываютъ, какъ настоятельна потребность въ подобномъ сочиненіи), при всѣхъ ея до-

стоинствахъ, даетъ слишкомъ сжатое изложеніе предмета и потому не въ состояніи знакомить съ содержаніемъ самыхъ произведеній; собраніе отдѣльныхъ переводовъ книгъ по исторіи литературы разныхъ народовъ, съ одной стороны, было бы почти невыполнимо по сложности дѣла и съ другой—не составило бы связнаго цѣлаго. По всѣмъ этимъ соображеніямъ всего лучше было предпринять новый трудъ, гдѣ предметъ былъ бы изложенъ по возможности съ одной цѣльной точки зрѣнія, сообразно съ потребностями русскихъ читателей, при содѣйствіи русскихъ учено-литературныхъ силъ. На этой мысли построенъ былъ планъ всеобщей исторіи литературы, начатой Коршемъ, и этотъ планъ представляетъ, безъ сомнѣнія, наилучшую форму, въ которой этотъ вопросъ могъ бы быть рѣшенъ для русской литературы. Понятно, что выполненіе плана было чрезвычайно трудно: наша литература еще слишкомъ небогата научными силами, чтобы всѣ части предпріятія могли быть равномѣрно исполнены спеціалистами по каждой отдѣльной области; вмѣстѣ съ тѣмъ не легко было соблюсти равномѣрность изложенія при участіи многихъ лицъ и опредѣлить впередъ размѣры начинаемаго труда. При всѣхъ этихъ трудностяхъ дѣла и нѣкоторыхъ почти неизбѣжныхъ недостаткахъ, „Всеобщая исторія литературы" Корша представила чрезвычайно полезное пріобрѣтеніе для нашей литературы, какъ первое достаточно подробное изложеніе предмета, исполняемое почти исключительно русскими силами на основаніи хорошаго знакомства съ положеніемъ настоящей разработки предмета въ европейской наукѣ.

Трудъ Корша кончился въ 1882 г. XV выпускомъ. Продолженіе взялъ на себя проф. Кирпичниковъ, уже раньше принимавшій участіе въ этомъ изданіи и по своимъ спеціальнымъ занятіямъ вполнѣ подготовленный къ подобному труду. Новая редакція заявляетъ, что будетъ сколько можно ближе держаться плана и пріемовъ своего предшественника и вести дѣло съ тѣми же сотрудниками, какіе работали и имѣлись въ виду прежде. „Исходя изъ убѣжденія, что передовыя націи западной Европы живутъ изстари единой духовной жизнью,—говоритъ новая редакція,—мы точно также будемъ вести общую или сравнительную исторію западно-европейской литературы по главнымъ фазисамъ развитія человѣческой мысли и не будемъ разбивать ее по народностямъ или по родамъ прозы и поэзіи. Иначе сказать, мы попытаемся остаться вѣрными заглавію: „Исторія всемірной литературы", и не предложимъ вмѣсто нея собранія обозрѣній литературъ всего міра или очерковъ развитія эпоса, драмы, лирики, романа, исторіи и пр. Компетентные люди знаютъ, насколько тяжела наша задача и, мы надѣемся, отнесутся съ должнымъ снисхожденіемъ къ ея исполненію. Но такъ какъ многія народности почти до настоящаго

времени оставались въ сторонѣ, если такъ можно выразиться, отъ большой дороги прогресса человѣческой мысли и шли особнякомъ, только усвоивая результаты ея труда и лишь изрѣдка, по крайней мѣрѣ до новѣйшаго времени, способствуя ей косвенно, мы принуждены предложить очерки ихъ литературъ въ видѣ отдѣльно стоящихъ монографій".

Нѣтъ сомнѣнія, что сравнительно-историческій пріемъ и есть наиболѣе цѣлесообразный пріемъ при изложеніи цѣлаго ряда литературъ, переживавшихъ аналогическія явленія, какъ это было въ литературахъ европейскихъ, гдѣ представлялось или племенное родство народовъ, или общія условія одной церкви и сходныхъ политическихъ учрежденій, или прямыя взаимныя вліянія науки и поэзіи. Изложеніе отдѣльныхъ литературъ при этомъ, конечно, прерывается, но эти внѣшніе перерывы вознаграждаются гораздо болѣе широкой исторической обстановкой, болѣе многостороннимъ объясненіемъ явленій и взаимныхъ отношеній литературъ.

Въ настоящемъ выпускѣ помѣщено окончаніе главы о нидерландской литературѣ среднихъ вѣковъ, начатой въ предъидущемъ XV-мъ выпускѣ; далѣе, очеркъ исторіи славянскихъ литературъ до конца XIV вѣка, г. Морозова, и начато изложеніе итальянской литературы въ средніе вѣка, г. Болдакова.

Редакція надѣется, что выпуски изданія будутъ теперь въ скоромъ времени слѣдовать одинъ за другимъ; въ дальнѣйшихъ выпускахъ, между прочимъ, должны явиться труды г. Стороженка и Алексѣя Н. Веселовскаго.

— А. Штернъ. Всеобщая исторія литературы. Переводъ съ нѣмецкаго, дополненный библіографическими указаніями. Спб. 1885.

Въ противоположность обширному историческому предпріятію, о которомъ мы сейчасъ говорили, въ переводѣ сочиненія Штерна является краткое, сжатое изложеніе всеобщей исторіи литературы въ родѣ справочной книги,—но опять съ тѣмъ же сравнительнымъ пріемомъ, гдѣ руководящей нитью изложенія являются главные моменты общечеловѣческаго развитія, заключенные почти исключительно въ исторіи народовъ европейскихъ, и изложеніе литературъ ведется въ послѣдовательномъ синхронистическомъ порядкѣ. Книжка Штерна можетъ служить очень полезнымъ руководствомъ для общаго знакомства съ всеобщей исторіей литературы, требующимъ конечно предварительныхъ историческихъ свѣдѣній. Русскіе переводчики оставили безъ измѣненія текстъ подлинника, но слишкомъ краткія свѣдѣнія о

литературахъ славянскихъ дополнили въ примѣчаніи нѣкоторыми подробностями о старой чешской и польской литературѣ и, главное, разсѣяли по всей книгѣ обширныя библіографическія добавленія, гдѣ указываются какъ общія сочиненія по отдѣльнымъ литературамъ, такъ и спеціальныя изслѣдованія о замѣчательныхъ писателяхъ. Эти добавленія составлены весьма обстоятельно: не впадая въ излишество, они отмѣчаютъ всѣ главнѣйшіе труды въ этой области европейской исторической науки и доводятъ указанія до новѣйшихъ сочиненій.

Книга представляетъ томикъ въ 500 стр., небольшого формата, но весьма убористой печати.

— Божества древнихъ славянъ. Изслѣдованіе Ал. С. Фаминцына. Выпускъ I. Спб. 1884.

Авторъ книги, извѣстный профессоръ петербургской консерваторіи, уже нѣсколько лѣтъ назадъ возъимѣлъ мысль „изслѣдовать вопросъ о пѣснопѣніи древнихъ языческихъ славянъ", иначе, о музыкѣ древнихъ славянъ. Для этого, какъ онъ объясняетъ въ предисловіи, потребовалось ближе взглянуть на тѣ условія быта, въ которыхъ славянинъ-язычникъ проявлялъ свою музыкальную дѣятельность, именно въ ту отдаленную пору, „когда жизнь славянскаго племени имѣла еще болѣе первобытный характеръ, когда еще не успѣли столь рѣзко, какъ въ наше время, очертиться индивидуальныя особенности отдѣльныхъ его вѣтвей, развившіяся съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ различныхъ внѣшнихъ условій ихъ жизни". Судьба славянскихъ народовъ была исполнена треволненій и чуждыхъ вліяній, но не смотря на то во многихъ пѣсенныхъ текстахъ и мотивахъ сохранились нѣкоторыя черты фамильнаго сходства, и задачей изслѣдователя является—подмѣтить эти общія черты, выдѣлить ихъ изъ массы пѣсенъ, очистить отъ постороннихъ примѣсей и такимъ образомъ, реставрировать, хотя приблизительно, типъ древнѣйшей общеславянской народной пѣсни.

Такова задача, которую поставилъ себѣ почтенный авторъ,—задача, безъ сомнѣнія, чрезвычайно любопытная, но и чрезвычайно трудная. Тѣмъ больше, конечно, была бы заслуга автора, если трудности не устрашаютъ его отъ тѣхъ сложныхъ и мудреныхъ изслѣдованій, которыя должны привести его къ предположенной цѣли. Какъ же онъ берется за эти изслѣдованія?—Г. Фаминцынъ исходитъ изъ положенія, что для извлеченія упомянутыхъ древнѣйшихъ элементовъ славянской народной пѣсни необходимо основательно ознакомиться съ языческимъ міровоззрѣніемъ древняго славянина,—такъ какъ большин-

ство сохранившихся древнихъ пѣсенъ принадлежитъ къ числу обрядныхъ, находящихся именно въ тѣсной связи съ уцѣлѣвшими отъ старины остатками языческой религіи. Слѣдовательно, „въ познаніи и уразумѣніи религіознаго міросозерцанія славянина-язычника заключается ключъ къ уразумѣнію и древне-славянской пѣсни“.

Результатомъ изслѣдованій автора въ этомъ направленіи является вышедшій теперь выпускъ (въ 330 страницъ) трактата о славянской миѳологіи, за которымъ вскорѣ долженъ послѣдовать и второй. Съ окончаніемъ сочиненія выяснится результатъ, для достиженія котораго потрачено авторомъ столько усилій,—но свойства работы видны и по настоящему ея началу.

Труда авторъ дѣйствительно употребилъ очень много: пересмотрѣлъ множество этнографическаго матеріала, сборниковъ пѣсенъ и преданій, описаній народныхъ обычаевъ, затѣмъ множество спеціальныхъ изслѣдованій по миѳологіи—древне-индійской, греческой, италійской, нѣмецкой, литовской, наконецъ, славянской и русской. Онъ строитъ цѣлую систему древне-славянской миѳологіи—задача, къ которой самые компетентные современные слависты относятся съ почтительнымъ страхомъ — такими трудностями она окружена въ ихъ глазахъ... Но мы опасаемся, что построенная авторомъ система едва ли удовлетворитъ спеціалистовъ. Дѣло вовсе не такъ просто, какъ можетъ казаться на первый взглядъ. Прямыхъ свѣденій о древне-славянскомъ язычествѣ чрезвычайно мало; напримѣръ, для древне-русскаго славянства эти свѣденія, въ сущности, ограничиваются нѣсколькими строками лѣтописи и церковныхъ поученій. Данныя, извлекаемыя изъ современныхъ обрядовъ и повѣрій, нуждаются въ предварительной критической разработкѣ, которая (какъ и разработка древнихъ свидѣтельствъ) не только не можетъ считаться законченной, но въ сущности едва начата. Наконецъ, не можетъ считаться вполнѣ собраннымъ даже самый матеріалъ. Понятно, что все это не должно устрашать изслѣдователя отъ обобщеній, отъ попытокъ цѣльнаго построенія миѳологической древности; жаль даже, что эти попытки дѣлаются рѣдко, — но для каждаго новаго изслѣдователя обязательно владѣть тѣми средствами критики, которыя выработаны предъидущими изслѣдованіями. Г. Фаминцынъ далеко не исполняетъ этого условія.

Въ самомъ началѣ книги авторъ сообщаетъ, что его очень поразилъ одинъ заговоръ, гдѣ, для отысканія клада, призывается въ помощь „матушка красное солнце“ и „матушка святая вода“. Ему кажется, что „въ этомъ словѣ, съ полною искренностью вырвавшемся изъ груди простолюдина, онъ, самъ того не зная, выразилъ, какъ мнѣ стало ясно впослѣдствіи, основное положеніе, основную мысль религіознаго сознанія всего многомилліоннаго славянства и даже

всего арійскаго племени вообще". Здѣсь основаніе славянской языческой религіи,—но чтобы объяснить славянское многобожіе, автору тутъ же понадобилось къ красному солнцу и „святой небесной влагѣ" прибавить „небо—источникъ свѣта и влаги", а потомъ и „прочія явленія природы, которыя нерѣдко олицетворялись въ образѣ боговъ" (стр. 2—3). Впечатлѣніе автора было, конечно, совершенно случайное и произвольное. Такъ же произвольно положеніе автора объ особенной близости славянскаго язычества съ религіей пелазговъ и древнихъ италійцевъ.—Съ мнѣніями новѣйшихъ изслѣдователей авторъ часто несогласенъ, между прочимъ, и съ ихъ убѣжденіемъ, что исторія европейскаго суевѣрія „немыслима безъ углубленія въ христіанскіе источники", — но это не подлежитъ, однако, никакому сомнѣнію и, главное, доказано новыми изслѣдованіями. Мы не знаемъ также, чтобы ученые, говорившіе о необходимости изученія христіанскихъ элементовъ народнаго повѣрья, относились съ „полнымъ и огульнымъ (?) скептицизмомъ" къ народнымъ языческимъ преданіямъ и будто даже къ самымъ историческимъ памятникамъ: ихъ скептицизмъ относился только къ тѣмъ произвольнымъ толкованіямъ, которыхъ бывало такъ много въ прежней этнографіи; и ихъ скептицизмъ также не можетъ быть отвергнуть „огульно". Авторъ заявляетъ, что его путь —діаметрально противоположный: онъ исходитъ изъ „точно изслѣдованныхъ основъ" миѳологіи древнихъ арійскихъ народовъ, какъ индійцы, иранцы, греки и италійцы; изъ историческихъ свидѣтельствъ о языческомъ славянствѣ; изъ существующихъ народныхъ повѣрій и преданій, и отъ скептицизма такъ далекъ, что „съ надлежащей осторожностью" заимствуетъ данныя даже „изъ памятниковъ, заподозрѣнныхъ въ подложности" и т. д. Но вопросъ остается въ томъ же положеніи: именно, все также необходима будетъ критическая оцѣнка русскихъ данныхъ, и только послѣ нея возможно будетъ рѣшить, насколько приложимы къ нимъ основы языческаго воззрѣнія другихъ народовъ.

Спеціалисты, вѣроятно, укажутъ, гдѣ система г. Фаминцына грѣшитъ противъ этихъ первыхъ основаній критики и противъ условій, при какихъ могутъ быть допущены обобщенія. Укажемъ только нѣсколько примѣровъ. Авторъ впадаетъ въ тѣ самыя ошибки, которыя уже не разъ были совершаемы въ прежнихъ изслѣдованіяхъ о старой славянской и русской миѳологіи, и которыя особенно и вызвали осуждаемый авторомъ „скептицизмъ". Г. Фаминцынъ черезъ-чуръ легко поддается на внѣшнія сходства и простыя созвучія. Миѳологіи всѣхъ арійскихъ (а иногда и не однихъ арійскихъ) народовъ представляютъ чрезвычайно много общихъ мотивовъ, внушаемыхъ общими психологическими свойствами младенческаго міровоззрѣнія первобытныхъ на-

родовъ и общими условіями окружающей природы; отсюда повторяющееся явленіе поклоненія солнцу, грому, водѣ, и т. д.; отсюда даже сходство миѳовъ, независимое отъ какихъ-либо взаимныхъ сношеній или даже первобытнаго единства. Немудрено поэтому отыскать многочисленныя миѳологическія параллели между славянами и другими индо-европейскими народами, но требуются еще другія данныя, чтобы признать дѣйствительное единство явленія, и даже признавши это единство, потребуется еще опредѣлить размѣры сходства, а вмѣстѣ отмѣтить и различія. Для г. Фаминцына, напротивъ, сходство и созвучіе есть уже доказательство. Говоря о поклоненіи Дажьбогу у балтійскихъ славянъ, авторъ производитъ его имя отъ скандинавскаго Dag и существованіе культа доказываетъ мѣстными названіями, въ которыхъ видитъ корень дажь. Эти названія, напр., таковы: Dartsowe, Dersenow, Datzebach и т. д., въ которыхъ усмотрѣть этотъ корень весьма затруднительно. Набравши такихъ и подобныхъ названій, авторъ заключаетъ, что „область Дажьбога могла простираться главнымъ образомъ по Балтійскому поморію; отсюда она какъ будто бы распространялась на югъ, достигая, какъ крайняго пункта, Баваріи“ (стр. 217—218),—но такія названія авторъ нашелъ также въ Австріи и Галиціи. Гораздо обширнѣе территорія нашлась для другого божества, Хорса: здѣсь подобранъ (стр. 199—205) такой рядъ именъ, что имя Хорса оказывается распространеннымъ не только въ славянскихъ земляхъ, какъ Болгарія, Хорватія, Галиція и т. п., но даже „въ Баваріи, Виртембергѣ, западной Пруссіи, Даніи, Нидерландахъ и Бельгіи, на островахъ Сѣвернаго моря, достигая Англіи и Шотландіи и даже заходя во Францію“. Не доказываетъ ли авторъ уже черезъчуръ много? Его не смущаетъ при этомъ даже то имъ самимъ замѣченное обстоятельство, что—хотя Хорсъ именно упоминается у древнихъ русскихъ — „не только въ окрестностяхъ Кіева, но и вообще въ Россіи, слѣдовъ этого имени мы почти не встрѣчаемъ“ (!). Русскіе, впрочемъ, могутъ быть вознаграждены тѣмъ, что самое имя ихъ произошло отъ Хорса, такъ какъ по словопроизводствамъ автора Хорсъ и Русъ одно и то же (стр. 205), а вмѣстѣ съ тѣмъ одно и то же—Хорсъ и конь (ст. 201—207). Это слово вообще весьма много знаменательное, потому, что отъ него же происходитъ и русалка (собственно—хръсалка, стр. 211). Еще примѣръ. Въ числѣ древнихъ русскихъ божествъ былъ Туръ, что̀, по мнѣнію автора, означало „быка, представителя бога солнца и обусловливаемаго имъ плодородія“. Въ доказательство распространенности культа этого божества опять приводятся мѣстныя названія: нѣсколько такихъ названій, вѣроятно, относившихся къ какому-то Туру, дѣйствительно было въ древней Руси, но авторъ причисляетъ сюда же и названіе рѣки Туры въ Сибири (вѣроятно, туземное, т.-е. финско-та-

тарское!) и Тура-тау въ уфимской губерніи (навѣрно татарское). Отчего бы не привлечь опять сюда же городъ Туръ во Франціи?

Въ изслѣдованіи о древнемъ нескромномъ божествѣ, Ярилѣ (стр. 219—232) собрано множество соображеній, по которымъ ему нашлись ближайшіе соименники въ древнихъ греческихъ и италійскихъ божествахъ, напр., одинъ Геркулесъ съ прозваніемъ, будто бы тождественнымъ съ нашимъ Ярилой (или, какъ поправляетъ авторъ, Ерылой). Эти разысканія дали автору возможность воскликнуть: „Итакъ, несправедливо заподозрѣнный, отрицаемый, коренной русскій богъ Ярило спасенъ для славянской миѳологіи!"

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы указать пріемы автора, и нельзя не пожалѣть труда, потраченнаго на эти блужданія въ темной миѳологической области, освѣщеніе которой стбитъ большихъ усилій даже самымъ компетентнымъ ученымъ.

Трудные вопросы науки обыкновенно не кажутся такими для дилеттантовъ; но вопросы науки не разрѣшаются одной смѣлостью,— гораздо больше, чѣмъ смѣлость, нужно обладаніе критическими пріемами: эти пріемы не допустили бы ни невозможныхъ словопроизводствъ, ни возведенія простыхъ созвучій въ ученыя доказательства, ни рискованныхъ сравненій, переполняющихъ книгу г. Фаминцына и отнимающихъ у нея научное значеніе. Быть можетъ, „скептицизмъ" впадалъ иногда въ крайности; но гораздо хуже крайности недостатка критики, особенно, когда авторъ былъ уже предупреждаемъ относительно „памятниковъ, заподозрѣнныхъ въ подложности" сочиненій, обвиняемыхъ въ недостаткѣ критики (стр. 6) и т. п. Авторъ ссылается смѣло на „заподозрѣнную въ подложности" Краледворскую рукопись, на Ибнъ-Фоцлана, объясняемаго теперь иначе, и т. д.

Наконецъ, нужно ли было автору — для его цѣлей — тратить столько труда на эти рискованныя миѳологическія изысканія? Для его цѣли—разыскать древнюю славянскую музыку—если цѣль эта вообще достижима,—нужно было дѣйствительно извѣстное представленіе о древнемъ языческомъ бытѣ и міровоззрѣніи, но лишь въ той степени, насколько оно выясняло бы общее настроеніе народнаго чувства. Вопросъ музыки не будетъ яснѣе отъ тѣхъ мнимо-филологическихъ толкованій, какія авторъ даетъ Ярилѣ или Хорсу; для этого вопроса довольно было бы тѣхъ ближайшихъ фактовъ, какіе даетъ исторія и живое народное преданіе; между тѣмъ, когда толкованія окажутся натянутыми, недоказанными или совсѣмъ фальшивыми, это можетъ повредить и самому музыкальному изслѣдованію...

Было бы гораздо лучше, еслибы авторъ ограничилъ свою задачу: не предпринимая созиданія новой миѳологической системы, удовольствовался основными достовѣрными фактами древней миѳологіи, направилъ бы свой трудъ на свою спеціальную задачу—собираніе

и сличеніе музыкальныхъ данныхъ и извлеченіе изъ нихъ своего вывода.—А. В—нъ.

— **Фабричный бытъ Владимірской губерніи. Отчетъ за 1882—83 г. фабричнаго инспектора надъ занятіями малолѣтнихъ рабочихъ владимірскаго округа П. А. Пескова. С.-Петербургъ, 1884.**

Три мѣсяца тому назадъ мы говорили въ внутреннемъ обозрѣніи объ отчетѣ фабричнаго инспектора московскаго округа, И. И. Янжула. Отчетъ г. Пескова касается тѣхъ же вопросовъ и также заключаетъ въ себѣ много интереснаго. И здѣсь бросается въ глаза, прежде всего, несоразмѣрность между задачей и количествомъ силъ, призванныхъ къ ея исполненію. Въ продолженіе девяти мѣсяцевъ г. Песковъ успѣлъ посѣтить только 71 заведеніе (считая въ томъ числѣ и ремесленныя), въ семи уѣздахъ владимірской губерніи, за предѣлы которой онъ не выѣзжалъ вовсе. Сколько въ владимірскомъ округѣ фабрикъ и другихъ заведеній этого рода—мы не знаемъ, но число ихъ, безъ сомнѣнія, опредѣляется не десятками, а сотнями, и осмотръ инспектора коснулся только незначительнаго ихъ меньшинства. А между тѣмъ, насколько необходимъ, особенно въ первое время послѣ введенія въ дѣйствіе новаго закона, частый осмотръ фабрикъ, объ этомъ можетъ дать понятіе хотя бы тотъ, удостовѣряемый г. Песковымъ, фактъ, что многіе фабриканты стараются скрывать отъ инспекціи настоящее число малолѣтнихъ рабочихъ. Иногда малолѣтніе вовсе не являются для опроса, иногда, по внушенію свыше, даютъ невѣрныя показанія о своемъ возрастѣ. Всѣхъ рабочихъ на фабрикахъ, осмотрѣнныхъ г. Песковымъ, числится до пятидесяти трехъ тысячъ. Малолѣтнихъ (до 15 лѣтъ) между ними оказалось почти пять тысячъ (въ томъ числѣ не достигшихъ 10 лѣтъ—110. отъ 10 до 12 лѣтъ—498), т.-е. около $6^1/_2$%; но по мнѣнію г. Пескова, эта цифра гораздо менѣе дѣйствительной. На одномъ стеклянномъ заводѣ г. Песковъ нашелъ въ одной смѣнѣ шестнадцать дѣтей, не достигшихъ десятилѣтняго возраста; пятерымъ изъ нихъ было по восьми, двумъ—по семи лѣтъ! Работа ихъ состояла въ безпрерывномъ, въ продолженіе девяти часовъ, бѣганіи отъ стекловарильной печи къ закальной, „при рѣзкихъ переходахъ отъ страшнаго жара къ холоду и отъ ослѣпительнаго свѣта къ мраку, не говоря уже объ опасности обжоговъ отъ раскаленной стеклянной массы и порѣзовъ ногъ, обыкновенно голыхъ, осколками стекла, всюду разсыпанными по полу стеклянныхъ заводовъ". Не легки условія работы малолѣтнихъ и на другихъ фабрикахъ. Въ прядильныхъ мастерскихъ, напримѣръ, работа производится шести или восьмичасовыми смѣнами; въ послѣднемъ случаѣ рабочіе—не исключая малолѣтнихъ—работаютъ одну недѣлю по восьми, другую—по шестнад-

цати часовъ въ сутки. „Всѣ рабочіе въ прядильныхъ мастерскихъ,—читаемъ мы въ отчетѣ,—получаютъ сдѣльную плату и всякая остановка машины есть потеря для нихъ, а также, конечно, и для самого фабриканта; поэтому малолѣтнимъ приходится постоянно быть въ напряженномъ состояніи, ибо ни прядильныя каретки, ни ватера ни на минуту не останавливаются, и всѣ операціи малолѣтній продѣлываетъ во время хода машины. Вслѣдствіе этого ему приходится непрерывно бѣгать отъ одного мѣста къ другому и нагибаться, слѣдя затѣмъ, чтобы, при малѣйшей оплошности, не быть раздавленнымъ кареткой... Карды на льно-прядильныхъ фабрикахъ представляютъ собою одну изъ очень опасныхъ машинъ; между тѣмъ, именно на кардахъ очень много работаетъ малолѣтнихъ (на муромской, напримѣръ, мануфактурѣ малолѣтнихъ между кардовщиками—болѣе половины)... Въ механическихъ ткацкихъ малолѣтніе обыкновенно работаютъ за одиночными станами, выполняя совершенно тѣ же операціи, что и взрослые. Работа за станами крайне утомительна. Не говоря уже о страшномъ шумѣ, господствующемъ всегда въ этихъ мастерскихъ, ткачи обыкновенно работаютъ все время стоя на одномъ мѣстѣ и постоянно находятся въ напряженномъ состояніи духа, ибо нигдѣ такъ много не дѣлается всякаго рода вычетовъ за порчу товара, какъ у ткачей... Въ сушильныхъ мастерскихъ температура бываетъ такъ высока, что малолѣтніе не иначе работаютъ, какъ въ однихъ порткахъ, безъ рубашки; вспотѣвшіе и раскраснѣвшіеся, они имѣютъ видъ парящихся въ банѣ". Изъ 59 осмотрѣнныхъ г. Песковымъ фабрикъ только 18 имѣютъ свои школы.

Подобно г. Янжулу, г. Песковъ имѣлъ случай убѣдиться въ несостоятельности доводовъ, приводимыхъ обыкновенно противъ ограниченія фабричной работы малолѣтнихъ. Наиболѣе образованные и развитые между фабрикантами указывали инспектору на необходимость и цѣлесообразность мѣръ, идущихъ еще дальше, чѣмъ законъ 1-го іюня 1882 г. Такъ, напримѣръ, они находили, что число рабочихъ часовъ въ сутки могло бы быть ограничено для малолѣтнихъ не восемью, а шестью; многіе изъ нихъ высказывались за безусловное (не для однихъ только малолѣтнихъ) воспрещеніе ночной работы, находя его особенно полезнымъ въ виду нынѣшняго промышленнаго кризиса. Не малое число фабрикъ средней величины прекращаютъ теперь свою дѣятельность единственно потому, что при нынѣшнемъ плохомъ сбытѣ товара онѣ являются просто излишними, за удовлетвореніемъ всего спроса крупными фабриками, дѣйствующими и день, и ночь. Запрещеніе ночной работы, уменьшивъ производство крупныхъ фабрикъ, обезпечило бы существованіе остальныхъ—а по окончаніи кризиса крупныя фабрики опять могли бы расширить кругъ своихъ дѣйствій.

Вторая часть отчета г. Пескова, посвященная положенію фабричныхъ рабочихъ вообще, богата печальными фактами. Повсемѣстное господство системы штрафовъ и вычетовъ, скудость заработковъ, недостаточное огражденіе жизни и здоровья рабочихъ, продолжительность рабочаго времени, эксплуатація рабочихъ посредствомъ харчевыхъ фабричныхъ лавокъ, отсутствіе (на 27 фабрикахъ изъ 59) или плохая, за немногими исключеніями, организація медицинской помощи—вотъ главныя черты картины, представляемой отчетомъ г. Пескова. О числѣ несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ инспекціи не удалось собрать точныхъ свѣденій, потому что списка имъ почти нигдѣ не ведется; но какъ оно велико, объ этомъ можно судить по слѣдующему факту. Единственная—изъ осмотрѣнныхъ г. Песковымъ—фабрика, на которой ведется болѣе или менѣе правильная регистрація травматическихъ поврежденій (хлопчатобумажная мануфактура Асафа Баранова), принадлежитъ во всѣхъ отношеніяхъ къ числу наилучше устроенныхъ—и все-таки на каждую тысячу ея рабочихъ приходится по 50 поврежденій (5%), а въ нѣкоторыхъ родахъ работы, особенно опасныхъ (и часто исполняемыхъ малолѣтними), процентъ поврежденій доходитъ до 25!.. На нѣкоторыхъ фабрикахъ въ долгу у фабриканта остается вслѣдствіе вычетовъ, штрафовъ и забора харчей, болѣе половины всѣхъ рабочихъ! И это не удивительно, если принять во вниманіе, съ одной стороны, многочисленность обусловливаемыхъ рабочими книжками поводовъ къ штрафамъ, съ другой—барыши харчевыхъ лавокъ, въ которыхъ пудъ муки, стоющій 1 р. 5 к., продается по 1 р. 40 к., фунтъ сахару, стоющій 24 к.—по 35 к., рукавицы, стоющія 30 к.—по 65 к., и т. п. Вычеты на лекарства и на баню обращаются иногда въ источникъ дохода для фабриканта. Такъ, напримѣръ, на одной бумаго-прядильной и ткацкой фабрикѣ съ каждаго изъ 2,000 рабочихъ вычитается на лекарства по 10 к. въ мѣсяцъ, что составитъ 2,400 руб. въ годъ, между тѣмъ, какъ содержаніе больницы на этой фабрикѣ обходится ежегодно всего въ 1845 р. На баню вычитается тамъ же по 15 к. въ мѣсяцъ, а топится она три раза въ недѣлю; по этому разсчету топка бани обходится ежемѣсячно въ триста рублей, что̀, конечно, немыслимо... Сказаннаго нами достаточно, чтобы судить о значеніи отчета г. Пескова. Вмѣстѣ съ отчетомъ г. Янжула, онъ устраняетъ всякое сомнѣніе въ неотложности дальнѣйшей реформы нашего фабричнаго законодательства.

— **К. Кавелинъ**, Очеркъ юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ семейнаго союза. Спб. 1884.

Книга г. Кавелина составилась изъ лекцій, читанныхъ имъ въ военно-юридической академіи и напечатанныхъ потомъ въ „Журналѣ

Гражданскаго и Уголовнаго права". „Я старался выяснить передъ слушателями,—говоритъ авторъ въ предисловіи,—сложныя основанія семейныхъ связей и юридическія формы, въ какія онѣ облекались въ разные періоды развитія, у разныхъ народовъ. Цѣлью моею было дать моимъ слушателямъ понять великую важность предмета и внушить обдуманное и серьезное къ нему отношеніе, что̀ такъ существенно необходимо, особенно въ наше переходное время, предрасполагающее къ крайнимъ взглядамъ, съ одной стороны, и къ большому легкомыслію съ другой. Та же цѣль заставила меня рѣшиться выступить съ прочитаннымъ курсомъ и внѣ академической аудиторіи, передъ читающей публикой". Эта цѣль достигнута авторомъ. Не утомляя читателей излишними подробностями, не требуя отъ нихъ большихъ подготовительныхъ свѣденій, онъ знакомитъ ихъ не только съ настоящимъ положеніемъ нашего семейнаго права, но и съ его исторіей, съ характеристическими чертами другихъ европейскихъ законодательствъ. Во многихъ мѣстахъ книги мы узнаемъ автора „Задачъ этики", мыслителя, не ограничивающаго китайскою стѣною область юриспруденціи отъ области политики и нравственности. Эта разносторонность—одно изъ главныхъ достоинствъ г. Кавелина; болѣе чѣмъ гдѣ-либо она умѣстна въ трудѣ, трактующемъ о семейномъ союзѣ—т.-е. о такомъ институтѣ, который меньше чѣмъ всякій другой исчерпывается одними юридическими опредѣленіями. „Коренные недостатки современныхъ законодательствъ о бракѣ,—говоритъ г. Кавелинъ,—вытекаютъ изъ той ошибочной мысли, будто можно нравственную сторону брачныхъ отношеній регулировать внѣшними юридическими нормами. Мира, согласія семейной жизни нельзя создать крайнимъ затрудненіемъ разводовъ и разлученія супруговъ; посредствомъ браковъ нельзя преслѣдовать политическихъ, вѣроисповѣдныхъ и вообще какихъ бы то ни было внѣшнихъ цѣлей". Оставаясь вѣрнымъ основной мысли, составляющей краеугольный камень его изслѣдованія о нравственности, г. Кавелинъ напоминаетъ и здѣсь, что однѣ юридическія и экономическія формулы безсильны переродить общество, что безъ нравственной выработки единичныхъ людей нѣтъ и не можетъ быть ни нравственной общественности, ни осуществленія нравственныхъ идеаловъ... Весьма плодотворной можетъ оказаться мысль г. Кавелина о созданіи, для разрѣшенія взаимныхъ неудовольствій супруговъ, „о̀рvановъ, болѣе близкихъ къ супругамъ, болѣе имъ сподручныхъ, менѣе формальныхъ, чѣмъ теперешніе церковные и свѣтскіе суды". Такими о̀рганами могли бы служить выбранные самими супругами посредники, духовные или свѣтскіе, и семейные совѣты изъ родственниковъ и друзей.—Особеннаго вниманія заслуживаютъ далѣе возраженія автора противъ того формальнаго взгляда,

въ силу котораго все достояніе семейства—кромѣ личной собственности жены и дѣтей — признается принадлежащимъ отцу, главѣ семьи. Заимствованный изъ римскаго права, этотъ взглядъ далеко не всегда соотвѣтствуетъ нашей русской дѣйствительности. „Въ народныхъ крестьянскихъ массахъ,—по справедливому замѣчанію г. Кавелина, — существуетъ до сихъ поръ другой, болѣе правильный взглядъ, юридически еще не разработанный, но которому, повидимому, предстоитъ будущность; по крестьянскимъ понятіямъ, имущество семьи есть общее ея достояніе, которое только управляется и завѣдывается домохозяиномъ, но не составляетъ его личной собственности“. Объ этомъ несомнѣнномъ и въ высшей степени важномъ фактѣ не мѣшаетъ напоминать какъ можно чаще. Еслибы онъ былъ усвоенъ общественнымъ сознаніемъ, то гораздо рѣже приходилось бы встрѣчаться хотя бы съ нападеніями противъ крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ. Источникомъ такихъ нападеній служитъ, большею частью, примѣненіе къ крестьянской семьѣ чуждыхъ ей понятій, перенесеніе цѣликомъ въ ея среду юридическихъ представленій, сложившихся при совершенно другихъ условіяхъ жизни, въ другихъ, иначе устроенныхъ общественныхъ группахъ. Пора понять, что если семейные раздѣлы у крестьянъ противорѣчатъ, сплошь и рядомъ, десятому тому свода законовъ гражданскихъ, то это еще не значитъ, чтобы они противорѣчили справедливости или основнымъ идеямъ права.—К. К.

ПАМЯТИ ГРАФА А. С. УВАРОВА.

Прошедшее тридцатилѣтіе оставитъ неизгладимый слѣдъ не въ одной исторіи политическаго развитія русскаго народа. Обновленная и внутренно окрѣпшая, благодаря цѣлому ряду неотложныхъ реформъ, Россія перестаетъ быть одной лишь усвоительницей западнаго просвѣщенія и сама выступаетъ борцемъ науки и искусства. Съ каждымъ новымъ годомъ все болѣе и болѣе упрочивается право ея на самостоятельное признаніе, и въ области изящной литературы, и въ области живописи и музыки, и въ области точнаго знанія, исторической и филологической эрудиціи. Наша изящная литература, въ лицѣ Тургенева и Толстого, сдѣлалась предметомъ удивленія Европы; наша живопись и музыка признаются цѣнителями одинаково въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ; имена Чебышева, Менделѣева, Бредихина, В. О. Ковалевскаго, Сѣченова, Пирогова, такъ же хорошо извѣстны любому университетскому городу Запада, какъ они извѣстны Москвѣ

или Петербургу. Карамзина или Соловьева, Срезневскаго и Буслаева одинаково изучаютъ ревнители славянской исторіи, къ какой бы націи они ни принадлежали. Университетская наука, такъ оклеветанная въ послѣднее время мнимыми ревнителями просвѣщенія, дала намъ всѣхъ этихъ дѣятелей, всѣхъ этихъ начинателей, всѣхъ этихъ творцовъ, нерѣдко самостоятельной научной дисциплины. Съ ихъ именемъ неразрывно связана поэтому благодарная память современниковъ о первыхъ побѣдахъ, одержанныхъ русскихъ знаменіемъ на международной аренѣ научнаго соревнованія.

Этой же университетской наукѣ обязанъ своей серьезной подготовкой и графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ. Еще въ ранней молодости, проживая въ лѣтнее время въ Порѣчьи, подмосковномъ имѣніи своего отца, извѣстнаго министра народнаго просвѣщенія, гр. Сергѣя Семеновича, онъ имѣлъ возможность испытать на себѣ благотворное вліяніе свѣтилъ тогдашней университетской науки: Грановскаго, Погодина, Шевырева, Спасскаго, которые неоднократно пріѣзжали погостить въ его семью и не отказывались подчасъ и отъ прочтенія той или другой лекціи избранному кружку слушателей. Но, разумѣется, никто больше самого графа Сергѣя Семеновича не содѣйствовалъ привитію Алексѣю Сергѣевичу вкуса къ археологическимъ занятіямъ. Отличный знатокъ классической древности, гр. Сергѣй Семеновичъ постарался направить своего сына по той же научной дорогѣ, по которой нѣкогда шелъ самъ, и опредѣлилъ его поэтому на словесный факультетъ петербургскаго университета. По окончаніи курса Алексѣй Сергѣевичъ поспѣшилъ уѣхать за границу, послушать лекціи знаменитыхъ профессоровъ въ Гейдельбергѣ и Берлинѣ. Уже въ бытность свою за границей, гр. Уваровъ сталъ обнаруживать преимущественный интересъ къ древностямъ; занялся собираніемъ древнихъ монетъ, знакомился съ археологами и пріобрѣлъ значительную начитанность въ археологіи. Въ Петербургѣ мы встрѣчаемъ имя его въ числѣ членовъ-учредителей двухъ обществъ, одинаково посвященныхъ изученію древностей—нумизматическаго и русскаго археологическаго. Въ 1847 г., когда предсѣдателемъ послѣдняго, герцогомъ Лейхтенбергскимъ, возбужденъ былъ вопросъ о принятіи мѣръ къ возможно полному изученію классическихъ памятниковъ черноморскаго побережья и признано было желательнымъ послать кого-либо изъ членовъ общества для производства раскопокъ на мѣстахъ, гр. Алексѣй Сергѣевичъ предложилъ обществу свои услуги, напередъ принимая всѣ издержки по производству раскопокъ на свой счетъ. Въ исполненіе этого обѣщанія, онъ въ 1848 г. отправился на югъ Россіи къ устьямъ Днѣпра, затѣмъ проѣхалъ все побережье Чернаго моря на западъ до Дуная и на востокъ до Таманскаго полуострова. По словамъ проф. Анучина, недавно помѣстившаго некрологъ гр. Уварова въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, Алексѣй Сергѣевичъ во время этого путе-

шествія обратилъ особенное вниманіе на изученіе той мѣстности, на которой была построена древняя Ольвія. Онъ не только снялъ подробный планъ съ нея, но и произвелъ въ ней цѣлый рядъ раскопокъ, которыя и доставили ему богатую коллекцію древнихъ монетъ и другихъ вещественныхъ памятниковъ быта. Научные результаты путешествія были обнародованы въ 1851—56 гг., одновременно на русскомъ и французскомъ языкахъ подъ заглавіемъ: „Изслѣдованія о древностяхъ Южной Россіи и береговъ Чернаго моря". Одновременно съ этими работами гр. Уваровъ велъ цѣлый рядъ другихъ; служа чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ гр. Перовскомъ, также извѣстномъ любителѣ археологическихъ изысканій, гр. Уваровъ въ 1851 г. безъ труда добился командировки въ Суздаль, для производства тамъ раскопокъ. Раскопки эти, начатыя на средства министерства, производились потомъ на собственныя средства графа. Результаты раскопокъ доставили богатый матеріалъ для обширнаго сочиненія: „Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ". Сочиненіе это напечатано въ трудахъ перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ въ 1856 г. Въ 1853 г. гр. Алексѣй Сергѣевичъ былъ командированъ гр. Перовскимъ снова въ южную Россію. На этотъ разъ раскопки произведены были имъ въ мѣстности, занятой развалинами древняго Херсонеса, Корсуня нашихъ лѣтописей, и увѣнчались, между прочимъ, открытіемъ въ сѣверной части города основаній замѣчательной древней церкви въ формѣ базилики. Въ этой же мѣстности привелось гр. Уварову руководить раскопками и въ послѣдній разъ въ своей жизни, при томъ не далѣе, какъ въ сентябрѣ прошлаго года. На этотъ разъ работа археологовъ оказалась совершенно безплодной, не по винѣ, однако, лицъ ее производившихъ. Вотъ, что сообщаетъ мнѣ объ этихъ послѣднихъ раскопкахъ одно изъ лицъ, принимавшихъ въ нихъ непосредственное участіе. „Между Херсонесомъ и Севастополемъ по холмамъ и балкамъ выступаютъ известковые кряжи, въ которыхъ находимъ древнія усыпальницы жителей Херсонеса. Гр. Уваровъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими членами съѣзда, хотѣлъ открыть одну изъ такихъ подземныхъ усыпальницъ. Заручившись позволеніемъ думы, графъ предполагалъ произвести раскопки на городской землѣ, но по ошибкѣ работу начали на смежной монастырской. Работы болѣе часу шли оживленно, и всѣ присутствующіе волновались ожиданіями, какъ вдругъ изъ монастырскихъ воротъ показался урядникъ, присланный архимандритомъ узнать, что за люди копаютъ. Узнавши, что производитъ раскопки графъ Уваровъ, предсѣдатель археологическаго съѣзда, вмѣстѣ съ нѣкоторыми членами, архимандритъ вторично послалъ урядника съ требованіемъ прекратить работы. Урядникъ имѣлъ такой грозный видъ, что оставалось только повиноваться и отыскивать съ его же помощью городскую землю. Но пока занимались проведеніемъ демаркаціонной линіи,

солнце уже приблизилось къ горизонту, и серьезныхъ работъ невозможно было произвести".

Вечеромъ въ Севастополѣ разсказывали, однако, что раскопки катакомбъ производятся на монастырскихъ земляхъ постоянно жителями города ради добыванія большихъ каменныхъ плитъ, которыми обыкновенно прикрывается входъ въ погребальную пещеру; этими плитами ведется даже въ городѣ безпрепятственная торговля.

Я считаю не лишнимъ припомнить эти печальные факты, такъ какъ ими, какъ нельзя лучше, характеризуются тѣ внѣшнія препятствія, какія встрѣчаютъ на пути къ своимъ изслѣдованіямъ русскіе археологи, и оградить отъ которыхъ составляло постоянную заботу графа Уварова. Съ этою цѣлью онъ хлопоталъ и о томъ, чтобы археологическимъ обществамъ порученъ былъ присмотръ за памятниками древне-русской архитектуры и, затѣмъ, чтобы никакія перестройки въ этихъ послѣднихъ не производимы были иначе, какъ съ вѣдома и участія тѣхъ же обществъ. Съ этою же цѣлью на послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ онъ выступилъ горячимъ заступникомъ свободы археологическихъ изысканій отъ всякаго посторонняго вмѣшательства.

Занятія русской археологіей графъ Уваровъ прерывалъ лишь на короткіе промежутки времени, то для исполненія обязанностей капитана можайской ополченской дружиной въ тяжкую для насъ эпоху крымской войны, то для поѣздки за границу, гдѣ, въ бытность свою въ Италіи, онъ старался восполнить свои познанія въ области византійскаго искусства изученіемъ ватиканскихъ миніатюръ и тѣмъ подготовить въ себѣ вѣрный критерій для оцѣнки произведеній древне-русскаго искусства, всецѣло проникнутаго, какъ извѣстно, византійскимъ вліяніемъ. Два раза также мы снова находимъ его на службѣ отъ 1857 по 1859 г. въ должности помощника попечителя московскаго учебнаго округа, затѣмъ въ теченіе двухъ трехъ-лѣтій въ должности предводителя можайскаго дворянства, озабоченнаго введеніемъ въ уѣздѣ земскихъ учрежденій. Съ 1864 г. графъ Уваровъ переселяется окончательно на жительство въ Москву, и въ сообществѣ Ешевскаго, Герца, Филимонова и др., приступаетъ къ основанію московскаго археологическаго общества. Къ этому обществу графу удается привлечь вскорѣ всѣхъ любителей и знатоковъ русской исторіографіи — Погодина, Соловьева, Котляревскаго, Иловайскаго, Забѣлина и др., а это, въ свою очередь, даетъ ему возможность основать при обществѣ особый органъ „Древности". Органъ этотъ выходитъ и теперь несрочными выпусками. Первые расходы общества въ значительной степени покрываются личными средствами графа, который выхлопатываетъ ему затѣмъ сперва правительственную субсидію въ 1868 г., еще домъ для помѣщенія его коллекціи и библіотеки; съ 1882 года субсидія увеличена до 5000 руб. въ годъ. Для полу-

ляризаціи археологическихъ знаній въ Россіи и для установленія болѣе правильнаго обмѣна мыслей между любителями русской старины, графъ Уваровъ выхлопоталъ также отъ правительства разрѣшеніе на устройство археологическихъ съѣздовъ. Начавшись въ Москвѣ, эти съѣзды одинъ за другимъ были созываемы въ Кіевѣ, Казани, Тифлисѣ и Одессѣ и оказали, между прочимъ, ту важную услугу, что дали возможность детальнаго изученія въ археологическомъ отношеніи отдаленнѣйшихъ областей нашего обширнаго отечества. Задача съѣздовъ понимаема была графомъ Уваровымъ въ самомъ широкомъ смыслѣ. Рядомъ съ вещественной археологіей мы встрѣчаемъ въ ихъ программахъ изученіе памятниковъ общественнаго и домашняго быта, древняго искусства и древней письменности. На послѣднемъ съѣздѣ въ Одессѣ не забыты были и юридическія древности. Археологія права, существующая какъ самостоятельная вѣтвь науки о древностяхъ, еще со временъ Гримма получила, такимъ образомъ, оффиціальное признаніе, и интересъ, возбужденный ею въ средѣ всевозможныхъ любителей старины, смѣю надѣяться, заставитъ включать ее въ программу и будущихъ съѣздовъ.

Въ мою задачу не можетъ войти, разумѣется, характеристика въ деталяхъ научныхъ работъ графа Уварова. Я ограничусь поэтому лишь замѣчаніемъ, что во всѣхъ ихъ онъ является по-истинѣ начинателемъ, не въ томъ, разумѣется, смыслѣ, что первый онъ задается мыслью искать въ вещественныхъ памятникахъ дополненія къ историческимъ свидѣтельствамъ, а въ томъ, что первый изъ русскихъ археологовъ, онъ ставитъ на научную почву, какъ порядокъ производства самихъ раскопокъ, такъ и систематизацію добытыхъ ими результатовъ.

Копателей кургановъ можно было встрѣтить не мало и до него, но это копаніе являлось всего чаще не болѣе какъ барской затѣей,— затѣей опасной притомъ, такъ какъ съ нею связывалось нерѣдко безтолковое уничтоженіе дорогихъ для народа памятниковъ старины. Стоитъ прочесть только то, что говоритъ графъ Уваровъ о порядкѣ производства раскопокъ въ своей статьѣ о „Признакахъ народности могильныхъ насыпей", чтобы понять всю бездну, отдѣляющую простое гробокопательство отъ поставленной на научную почву археологической раскопки. Такихъ раскопокъ произведено было имъ или подъ его наблюденіемъ тысячи и десятки тысячъ. Въ одной области суздальскаго княжества, разрыто болѣе семи тысячъ восьми-сотъ кургановъ, причемъ каждый разъ велся обстоятельный дневникъ, дающій возможность сохранить въ памяти порядокъ расположенія въ въ могилахъ найденныхъ въ нихъ предметовъ.

Начинателемъ слѣдуетъ назвать покойнаго графа Уварова и потому, что въ его главномъ трудѣ: „Археологія Россіи", сдѣлана была первая попытка, свести во единое цѣлое результаты, произведенныхъ въ Россіи раскопокъ; начинателемъ и потому, что многіе

существеннѣйшіе отдѣлы русской археологіи впервые были вызваны къ жизни его трудами. Не онъ ли первый, еще въ 1848 г., предпринялъ археологическую поѣздку по всему сѣверному и западному побережью Чернаго моря, отъ Тамани до устья Дуная? Не съ его ли именемъ связаны первыя археологическія изслѣдованія въ области древнихъ греческихъ колоній—Ольвіи и Херсонеса Таврическаго. Не ему ли также обязаны мы первыми шагами на пути къ изученію первобытной русской археологіи. Раскопки, сдѣланныя граф. Уваровымъ въ области древняго суздальскаго княжества въ этомъ отношеніи, по праву могутъ считаться поворотной эпохой въ исторіи изученія русскихъ древностей. Начинателемъ также является графъ Уваровъ, и какъ творецъ московскаго археологическаго общества, такъ много уже потрудившагося на пользу русскаго знанія, и какъ иниціаторъ археологическихъ съѣздовъ, придавшихъ единство направленія разрозненнымъ дотолѣ работамъ русскихъ археологовъ.

Начинателемъ, наконецъ, является онъ и какъ устроитель историческаго музея, съумѣвшій поставить это важное предпріятіе на истинно научную почву. Только всецѣлымъ служеніемъ одному дѣлу, только способностью жертвовать имъ и карьерой, и семейнымъ досугомъ, и денежными средствами, можемъ мы объяснить причину, по которой одинъ человѣкъ могъ сдѣлать такъ много на почти непочатой еще нивѣ. Правда, задачу его облегчила та дружная поддержка, то товарищеское сотрудничество, которое во всѣхъ его работахъ принимала графиня Прасковья Сергѣевна Уварова, являющаяся, такимъ образомъ, живою связью славнаго прошлаго археологическаго общества съ его неизвѣстнымъ будущимъ. Эта дѣятельная помощь, эта ежечастная поддержка въ археологическихъ трудахъ признана была и самимъ графомъ, посвятившимъ поэтому женѣ свой важнѣйшій археологическій трудъ. Въ исторіи выработки народнаго самосознанія имя графа Уварова призвано занять почетное мѣсто. Русское общество не забудетъ, что его личными усиліями, его неустанною научною дѣятельностью, проложенъ путь къ изученію цѣлаго періода его исторической жизни, того темнаго періода сложенія русской національности, когда славянскія и финскія народности постепенно переходили отъ „звѣринаго образа жизни“, по выраженію нашего начальнаго лѣтописца, къ первымъ зачаткамъ гражданственности, не безъ содѣйствія того просвѣтительнаго вліянія, какое умирающая Греція продолжала оказывать на сосѣднія съ нею народности черезъ посредство своихъ колоній, и которое, столѣтія спустя, завѣщано было ею Цареграду. Для этого періода одинаково цѣнно изученіе, какъ вещественныхъ памятниковъ быта, такъ и тѣхъ чертъ изъ области юридическаго прошлаго, изученіемъ которыхъ занимается археологія права. Въ немалую заслугу слѣдуетъ поэтому поставить покойному графу то обстоятельство, что по его почину открыто было

на археологическихъ съѣздахъ особое отдѣленіе—изученія памятниковъ общественнаго и домашняго быта, задачи котораго, впрочемъ, поняты были въ надлежащей ихъ широтѣ, лишь съ момента включенія въ его программу занятій и юридическими древностями..

Давая еще недавно отчетъ о шестомъ археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ, я оканчивалъ его слѣдующими словами: „Имя графа Уварова такъ тѣсно сплелось съ судьбами русской археологіи и съ исторіей археологическихъ съѣздовъ, что всякій сколько-нибудь полный докладъ о нихъ необходимо долженъ начинаться и оканчиваться выраженіемъ ему искренней признательности, какъ энергическому иниціатору коллективныхъ предпріятій на пользу отечественной археологіи“. Эти слова я считаю умѣстнымъ повторить и теперь, когда тотъ, о которомъ они были написаны, сдѣлался уже достояніемъ исторіи, вступилъ въ ту область безсмертія, которая ожидаетъ каждаго, послужившаго на пользу своимъ современникамъ.

МАКСИМЪ КОВАЛЕВСКІЙ.

Москва, янв. 1885.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е февраля, 1885.

„Двоевѣріе“, какъ отличительная черта современной жизни. — Отношеніе „интеллигенціи“ къ „бытовому стану“.—Городскіе выборы въ Москвѣ. — Фабричныя волненія въ московскомъ округѣ; частныя мѣры или законъ, административная расправа или судъ?—Петербургское городское кредитное общество.

Намъ случилось недавно прочесть въ одной газетной хроникѣ нѣсколько интересныхъ замѣтокъ о „двоевѣріи“, составляющемъ отличительную черту современной умственной жизни. Авторъ хроники—умный, опытный наблюдатель житейскихъ явленій—проводитъ параллель между нашимъ временемъ и той эпохой, когда у насъ происходила борьба между язычествомъ и христіанствомъ. „Новая вѣра,—говоритъ онъ,—проникаетъ общественный и государственный строй, подчиняетъ себѣ нравственность и міросозерцаніе народа; но старая закваска еще живетъ во всемъ и просачивается даже въ обрядовую жизнь по новой вѣрѣ. Тогда всѣ находились въ такомъ двоевѣріи—теперь оно другого сорта, замѣчается въ нѣкоторыхъ классахъ общества, составляетъ предметъ разъединенія между народной массой и образованнымъ слоемъ, а въ интеллигенціи всѣхъ мастей и оттѣнковъ даетъ себя знать всего сильнѣе. Съ каждымъ годомъ все рѣзче выступаетъ двоевѣріе или, точнѣе, приниженная двойственность почти всего, что готовило себя къ жизни, какая пристойна мыслящимъ и честнымъ людямъ... Кто поумнѣе, поученѣе, посвѣжѣе въ мысляхъ иповеликодушнѣе желаніями, тому-то и при-

ходится состоять при жизни, а не жить... И это зависитъ вовсе не отъ одного внѣшняго стѣсненія, а отъ того, что нельзя опереться на массу, слиться съ ея обиходными нуждами иначе, какъ пойдя къ ней въ услуженіе... Жизнь массы начинаетъ вбирать въ себя всѣ почти жизненные соки. Съ нею надо ладить всѣмъ умнымъ, ученымъ и образованнымъ, если они хотятъ что-нибудь значить, имѣть вліяніе, руководить мнѣніемъ. И при другихъ порядкахъ долго, очень долго было бы нѣчто въ этомъ родѣ, и отъ двоевѣрія всего больше страдалъ бы лучшій слой націи. Вѣдь и масса, враждебная ему, получила бы еще большую свободу захватывать все въ свои руки".

Не чувствуется ли въ приведенныхъ нами словахъ какой-то внезапный перерывъ, какой-то логическій скачокъ отъ одного ряда мыслей къ другому? Внутреннее раздвоеніе, обнимающее собою всю область духовной жизни, смѣшеніе стараго съ новымъ, исключающее цѣльность міросозерцанія и дѣятельности—вотъ характеристическіе признаки двоевѣрія, преобладающаго въ переходныя эпохи,—того двоевѣрія, которымъ страдали наши отдаленные предки. Съ этимъ двоевѣріемъ не имѣетъ ничего общаго то противорѣчіе между стремленіями меньшинства и требованіями массы, въ которомъ авторъ хроники видитъ сигнатуру переживаемаго нами историческаго момента. Здѣсь противоположныя теченія сталкиваются извнѣ — тамъ они борются между собою въ душѣ человѣка. Гдѣ результатомъ столкновенія является фактическая невозможность дѣйствовать, проводить въ жизнь вполнѣ опредѣленные взгляды — тамъ не можетъ быть и рѣчи объ опредѣленности взглядовъ, и свобода дѣйствій, какъ бы она ни была широка, не обезпечиваетъ собою ихъ послѣдовательности. Встрѣтившись по дорогѣ съ новымъ, также весьма серьезнымъ вопросомъ—съ вопросомъ объ отношеніяхъ между интеллигенціей и массой,—авторъ хроники упустилъ изъ виду свою первоначальную мысль, далъ иное значеніе избранному имъ слову. А между тѣмъ, мысль была совершенно вѣрна, слово могло получить совершенно правильное примѣненіе: двоевѣріе безспорно у насъ существуетъ, въ самыхъ различныхъ степеняхъ и формахъ—существуетъ въ силу причинъ аналогичныхъ съ тѣми, которыми оно обусловливалось восемь-девять столѣтій тому назадъ.

Только въ народныхъ массахъ сохранились истинныя черты русскаго духа; образованное сословіе, оторвавшись отъ почвы и унесшись куда-то въ даль, потеряло доступъ къ источнику живой воды, и признаки обратнаго движенія въ немъ еще едва замѣтны. Тѣмъ не менѣе, представителямъ этого сословія должна быть вручена власть надъ народомъ, они должны вести его за собой — а въ случаѣ надобности и тащить—властной рукою. Развѣ доктрина, совмѣщающая въ себѣ такія положенія—не двоевѣріе? Развѣ не переплетается въ ней, безъ органическаго сліянія, старое отношеніе къ

народу съ новымъ, развѣ изъ-за народолюбца не проглядываетъ баринъ, привыкшій распоряжаться „своими людьми“?.. Спѣшимъ замѣтить, что двоевѣріе и лицемѣріе—вовсе не одно и то же; лицемѣріе прикрываетъ одно настроеніе другимъ, въ сущности держась только перваго,—двоевѣріе соединяетъ два противоположныя настроенія, служа имъ по очереди или совмѣстно, а можетъ быть и вовсе не служа ни тому, ни другому, изъ-за постоянныхъ колебаній.

Первенствующее сословіе въ государствѣ должно служить образцомъ безкорыстія и самоотверженія; оно должно жертвовать своимъ трудомъ, своими силами для общей пользы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, оно имѣетъ право на дешевый поземельный и личный кредитъ, во сколько бы онъ ни обходился казнѣ, да и вліятельныя должности, хотя бы и оплачиваемыя, должны быть признаны его монополіей. Развѣ эта смѣсь извнѣ навѣянной формулы: „Noblesse oblige“, съ домашними воспоминаніями о „кормленіи“—не двоевѣріе, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, которые одинаково искренне исповѣдуютъ обѣ стороны своего ученія?

Все въ природѣ имѣетъ свою естественную причину, совершается въ силу неизмѣнныхъ законовъ. Есть, однако, группа явленій, не подходящихъ подъ общее правило; для спиритизма „законъ не писанъ“, и всэтаки онъ имѣетъ право на существованіе. Совмѣщать, такимъ образомъ несовмѣстимое не значитъ ли склоняться къ двоевѣрію, слагающемуся изъ научныхъ знаній и остатковъ ненаучнаго мышленія?

Обычай—„деспотъ межъ людей“, и его деспотизму долженъ быть положенъ конецъ; каждый долженъ устраивать свою жизнь согласно съ своими убѣжденіями и вкусами, независимо отъ общепринятыхъ шаблоновъ. Кто утверждаетъ это въ принципѣ и на самомъ дѣлѣ сплошь и рядомъ задается вопросомъ: „что скажутъ?“, подчиняется модѣ, не рѣшается „отстать отъ другихъ“, тотъ страдаетъ двоевѣріемъ, покланяясь въ одно и то же время новому идеалу и старому кумиру.

Мы исчислили далеко не всѣ виды современнаго двоевѣрія, не коснулись наиболѣе, можетъ быть, распространенныхъ его формъ, о которыхъ говорить теперь не время. Общій его источникъ — это крайняя трудность соглашенія между унаслѣдованнымъ и пріобрѣтеннымъ, между инстинктивнымъ и сознательнымъ, между предразсудками и убѣжденіями, между чувствомъ самосохраненія и чувствомъ долга. „Но жизнь любя,—сказалъ поэтъ, испытавшій на себѣ всю тяжесть двоевѣрія,—къ ея минутнымъ благамъ привязанный привычкой и средой, я къ цѣли шелъ колеблющимся шагомъ, я для нея не жертвовалъ собой“. Эти слова могли бы повторить вслѣдъ за Некрасовымъ многіе, весьма многіе изъ насъ, если только понимать самопожертвованіе не въ смыслѣ отдачи всего себя и самой жизни—въ этомъ значеніи оно и не можетъ не быть крайне рѣдкимъ — а въ смыслѣ отказа отъ тѣхъ или другихъ „минутныхъ благъ“, во

имя той или другой идеи. У однихъ слишкомъ слаба для этого вѣра въ идею, усвоенная изъ подражанія, несоединенная органически со всѣми сторонами душевной жизни; другимъ недостаетъ яснаго пониманія тѣхъ выводовъ, которые логически вытекаютъ изъ принятой посылки; у третьихъ не хватаетъ силы воли, чтобы примѣнить сдѣланные выводы. Чѣмъ внезапнѣе и быстрѣе напоръ новыхъ взглядовъ, чѣмъ рѣзче различіе между ними и старою житейскою моралью, чѣмъ меньше они подходятъ къ существующимъ внѣшнимъ условіямъ, тѣмъ неизбѣжнѣе и сильнѣе разладъ между словомъ и дѣломъ — скажемъ болѣе: разладъ между словами сегодняшнимъ и вчерашнимъ, между дѣлами, предпринимаемыми однимъ и тѣмъ же лицомъ почти въ одно и то же время.

Въ такую эпоху нѣтъ ничего болѣе интереснаго и поучительнаго, какъ попытки достигнуть цѣлости и единства, возсоздать, хоть для себя лично, утраченную гармонію внутренняго міра. Къ сожалѣнію, такія попытки совершаются у насъ, большею частью, въ безвѣстности и тишинѣ, ускользая отъ посторонняго глаза — а иногда и скрываемыя отъ него искусственными ширмами. Двоевѣріе существуетъ и въ западной Европѣ, менѣе замѣтное, менѣе тяготѣющее надъ умами только потому, что ростъ его былъ болѣе естественный и постепенный; но изъ числа путей, ведущихъ къ желанному выходу, ни одинъ не считается запретнымъ, ничто не стѣсняетъ обсужденіе средствъ, съ помощью которыхъ могутъ быть устранены противорѣчія, соглашены борющіяся между собою начала. Универсальными эти средства быть не могутъ; пригодное для однихъ оказывается безсильнымъ по отношенію къ другимъ. Не могутъ они также исчерпываться простымъ возвращеніемъ назадъ, простымъ возстановленіемъ разрушеннаго или укрѣпленіемъ потрясеннаго — не могутъ уже потому, что все измѣнилось кругомъ, раскрылись новыя области знанія, сложились новыя условія жизни. Напрасно было бы надѣяться, что призывъ къ покинутому, забытому, какъ бы оно ни было цѣнно, будетъ услышанъ всѣми; напрасно было бы думать, что всѣ соединятся подъ однимъ знаменемъ. Важно то, чтобы знамена, развертываемыя не для войны, а для мирнаго движенія, подвергались свободной, всесторонней оцѣнкѣ, чтобы каждый могъ сознательно выбрать одно изъ нихъ и, однажды выбравъ, оставаться ему вѣрнымъ, исполнять всѣ обязанности, возлагаемыя его девизомъ. Въ темнотѣ невозможенъ правильный выборъ, невозможно неуклонное шествіе по выбранной дорогѣ; а у насъ во многомъ еще господствуетъ темнота—не темнота ночи, а темнота комнаты, въ которой затворены двери, спущены занавѣсы и шторы. Нужно выбраться украдкой изъ этой комнаты, чтобы узнать, напримѣръ, что̀ думаетъ и дѣлаетъ одинъ изъ величайшихъ нашихъ писателей—что̀ думаетъ и дѣлаетъ графъ Л. Н. Толстой. А между тѣмъ, вся мысль, вся дѣятельность

автора „Войны и мира“ направлены именно къ освобожденію отъ двоевѣрія. Каково бы ни было абсолютное достоинство способа, которымъ онъ добылъ или добываетъ себѣ свободу, во всякомъ случаѣ этотъ способъ доступенъ не для него одного; съ его помощью могли бы освободиться и другіе, теперь изнемогающіе подъ бременемъ безплодныхъ усилій или отдающіеся во власть теченія, несущаго ихъ куда угодно—только не къ плодотворному труду, не къ нравственному совершенствованію. Зовите ихъ, сколько хотите, въ открытую для всѣхъ гавань, напоминайте имъ ежедневно и ежечасно о существованіи большой, оффиціально утвержденной дороги—они не услышатъ этого призыва, не воспользуются этимъ напоминаніемъ, потому что не найдутъ ни въ томъ, ни въ другомъ ничего родственнаго ихъ натурѣ, ничего отвѣчающаго ихъ стремленіямъ и порывамъ. Подѣйствовать на нихъ могла бы только одна нота — и если этой нотѣ не даютъ дойти до ихъ слуха, то имъ не остается ничего другого, какъ прозябать изо дня въ день, или падать все ниже и ниже. Сколько, такимъ образомъ, растрачивается силъ, сколько накопляется невознаградимыхъ потерь—это трудно себѣ и представить. Отозвавшись въ воспріимчивой душѣ, сочувственная нота не всегда повторялась бы безъ всякихъ измѣненій; она часто становилась бы основаніемъ новыхъ аккордовъ, эти аккорды, въ свою очередь находили бы новыя созвучія. Конецъ двоевѣрію не былъ бы положенъ и тогда — слишкомъ глубоки корни, пущенные имъ въ современномъ обществѣ; но его сфера не была бы такъ широка, число его адептовъ стало бы клониться не къ увеличенію, а къ уменьшенію.

Возвратимся, однако, къ цитатѣ, которою мы начали нашу хронику; помимо тѣхъ соображеній, на которыя она наводитъ, она любопытна и по тѣмъ положеніямъ, которыя прямо высказываетъ авторъ. Итакъ, „масса начинаетъ вбирать въ себя всѣ почти жизненные соки, съ нею надо ладить всѣмъ умнымъ и образованнымъ людямъ, если они хотятъ имѣть вліяніе, руководить мнѣніемъ“. О какой массѣ идетъ здѣсь рѣчь? Конечно—не о массѣ въ обыкновенномъ смыслѣ слова, не о народной массѣ, вбирающей въ себя, покамѣстъ, очень мало соковъ изъ другихъ слоевъ общества, слишкомъ безпомощной и слабой, чтобы отъ ладу съ нею могла зависѣть чья-нибудь власть, чье-нибудь вліяніе. Изъ дальнѣйшаго развитія мысли автора видно, что онъ разумѣетъ подъ массой такъ-называемый „бытовой станъ“, т.-е. нашу нарождающуюся буржуазію, съ купцемъ-капиталистомъ новой формаціи во главѣ, съ сельскимъ міроѣдомъ въ хвостѣ, съ городскими „бытовиками“ разныхъ фасоновъ и размѣровъ по срединѣ. Ростъ этой буржуазіи подмѣченъ авторомъ совершенно вѣрно; онъ правъ и тогда, когда констатируетъ необходимость съ ней считаться—но не идетъ ли онъ слишкомъ далеко, провозглашая союзъ съ

нею или даже поступленіе къ ней на службу единственнымъ средствомъ „что-нибудь значить, руководить мнѣніемъ?“ Не вводятъ ли его въ оптическій обманъ густо-наложенныя краски той картины, въ которой онъ изобразилъ могущество „Китай-города“—этой центральной твердыни „бытового стана?“ Господство „бытовиковъ“ кажется намъ и не настолько повсемѣстнымъ и не настолько твердымъ, чтобы обусловливать собою приниженное положеніе интеллигенціи. Есть цѣлыя области—и въ географическомъ, и въ общественномъ смыслѣ этого слова,—куда оно еще вовсе или почти вовсе не проникало; есть точки опоры, независящія отъ него и годныя даже для борьбы съ нимъ. „Бытовики“ бросаются въ глаза въ столицахъ—въ Москвѣ еще больше чѣмъ въ Петербургѣ,—въ крупныхъ промышленныхъ и торговыхъ центрахъ, въ немногихъ глухихъ мѣстностяхъ, которыя они взяли съ бою; но это еще не значитъ, чтобы армія ихъ вездѣ подвигалась впередъ съ одинаковою ловкостью и быстротою. Даже тамъ, гдѣ они только-что побѣдили—напр., въ московскомъ или духовщинскомъ уѣздѣ,—владычество ихъ держится, быть можетъ, на глиняныхъ ногахъ, и не только правильнѣе, но и практичнѣе поступитъ, пожалуй, тотъ „интеллигентный“ человѣкъ, который не поторопится вступить съ ними въ оборонительный и наступательный союзъ. У него могутъ найтись другіе союзники, которые не потребуютъ отъ него никакихъ унизительныхъ уступокъ, не принудятъ его къ прощанью съ „высотой принципа“. Насъ заподозрятъ въ фантазерствѣ, въ близорукомъ оптимизмѣ, если мы скажемъ, что такими союзниками могутъ стать крестьяне—тѣ самые крестьяне, въ которыхъ такъ часто видятъ, съ прискорбіемъ или злорадствомъ, главныхъ враговъ „интеллигенціи“. Факты, однако, говорятъ за возможность указанной нами комбинаціи. Гласные отъ сельскихъ обществъ перестаютъ, мало-по-малу, быть тѣми безмолвными и пассивными членами земскихъ собраній, какими они являлись сначала; они гораздо чаще прежняго смѣютъ имѣть и высказывать свое сужденье—и оно далеко не всегда совпадаетъ съ тѣмъ, которое хотѣлъ бы внушить имъ „бытовой станъ“ или лагерь сторонниковъ „властной руки“. Приведемъ только одинъ случай, не проникшій, сколько намъ извѣстно, въ печать, но весьма характеристичный; за достовѣрность его мы отвѣчаемъ.

Въ одно изъ уѣздныхъ земскихъ собраній, не очень далекихъ отъ Петербурга, была внесена недавно гласнымъ—крупнымъ землевладѣльцемъ—записка, направленная къ тому, чтобы поставить вверхъ дномъ все земское школьное дѣло въ уѣздѣ. Указывалось на вредъ, приносимый обыкновенной земской школой, на неудовлетвореніе ею нуждъ населенія, на разладъ, вносимый ею въ крестьянскій бытъ—и предлагалось закрыть нѣсколько десятковъ земскихъ школъ, обратить остальныя (менѣе десяти) въ образцовыя ремесленныя училища, а сдѣланную экономію употребить на вознагражденіе частныхъ лицъ,

занимающихся обученіемъ грамотѣ. Въ случаѣ принятія предложенія, авторъ его обѣщалъ внести нѣсколько сотъ рублей на покрытіе первыхъ расходовъ по его исполненію. Гласные отъ землевладѣльцевъ поддержали это предложеніе, предсѣдатель собранія готовъ былъ уже благодарить, отъ его имени, за пожертвованіе въ пользу народнаго образованія—но гласные отъ крестьянъ отказались отъ ломки, ничѣмъ невызываемой и неоправдываемой. Ихъ голоса, сильные своимъ единодушіемъ, отстояли земскую школу, значеніе которой—вездѣ, гдѣ она хоть сколько-нибудь соотвѣтствуетъ своему призванію—давно оцѣнено по достоинству именно крестьянствомъ. Никто не подсказывалъ крестьянамъ этого рѣшенія; всѣ власть имѣющія лица, всѣ вліятельные члены собранія были на сторонѣ нововведенія—и все-таки оно потерпѣло неудачу, потерпѣло ее именно и исключительно, благодаря гласнымъ отъ сельскихъ обществъ... „Бытовики", проникая въ земскія собранія, примыкаютъ обыкновенно къ той традиціи, которая видитъ въ земствѣ преимущественно хозяина „земскаго пирога"; крестьяне—гдѣ они дѣйствуютъ не по командѣ волостныхъ старшинъ, въ свою очередь слушающихъ команды непремѣннаго (или иного) члена крестьянскаго присутствія—являются главными противниками этой традиціи и связанныхъ съ нею непроизводительныхъ расходовъ. Стоитъ только „интеллигентному человѣку" пойти той же дорогой—и онъ можетъ быть заранѣе увѣренъ въ поддержкѣ и сочувствіи крестьянъ. Правда, онъ можетъ быть разбитъ вмѣстѣ съ ними, можетъ быть удаленъ, при ближайшихъ выборахъ, съ поля битвы; но возможность пораженія и его неизбѣжность—не одно и то же, да и побѣдители вѣдь могутъ же когда-нибудь обратиться въ побѣжденныхъ. Повторяемъ еще разъ—„бытовикъ" силенъ, но не заполонилъ еще всѣхъ и вся, и на призывъ одинокаго путника: „есть ли въ полѣ живъ человѣкъ? откликнись!" могутъ отозваться голоса, идущіе не изъ „бытового стана".

„И при другихъ порядкахъ,—утверждаетъ авторъ хроники,—всего больше страдалъ бы лучшій слой націи; масса ему враждебная (т.-е. все тѣ же „бытовики"), получила бы еще большую свободу все захватывать въ свои руки". Все дѣло, съ нашей точки зрѣнія, состоитъ въ томъ, каковы бы были эти „другіе порядки"; по отношенію къ инымъ авторъ несомнѣнно правъ, но не по отношенію ко всѣмъ. Оставимъ, однако, эту „неудобную къ обсужденію" тэму, и посмотримъ, нѣтъ ли возможности измѣнить условія, не измѣняя „порядковъ", улучшить группировку силъ, не выходя изъ существующей рамки. Мы думаемъ, что есть—и именно потому не считаемъ преобладаніе „бытовиковъ" чѣмъ-то роковымъ, могущимъ идти только въ гору, а не подъ гору. Возьмемъ, для примѣра, наше городское самоуправленіе—это будетъ и кстати, въ виду совершившихся городскихъ выборовъ въ Москвѣ и предстоящихъ городскихъ выборовъ въ Петербургѣ.

Нигдѣ такъ не велика сила „бытовиковъ"—но развѣ она коренится исключительно въ жизненномъ строѣ, развѣ ее не увеличиваетъ дѣйствующее Городовое Положеніе и не могъ бы уменьшить новый законъ, свободный отъ ошибокъ своего предшественника? Въ рѣшительной битвѣ, происшедшей на дняхъ между московскими купцами и мѣщанами, побѣдили—въ смыслѣ пріобрѣтенія новыхъ голосовъ—обѣ стороны, побѣдили въ ущербъ интеллигенціи, и прежде уже обрѣтавшейся далеко не въ авантажѣ. Неужели такой исходъ избирательной борьбы не долженъ быть поставленъ, по крайней мѣрѣ отчасти, на счетъ мало пригодной избирательной системы и еще худшихъ избирательныхъ порядковъ? Неужели остается только сложить руки и увѣковѣчить вопіющую аномалію, сказавъ себѣ, что ничего не подѣлаешь противъ неотразимой мощи „бытового стана"? Въ этомъ „станѣ", какъ и во всякомъ другомъ, прочнымъ источникомъ силы можетъ служить только единодушіе—а исторія московскихъ выборовъ свидѣтельствуетъ именно о томъ, что единодушія между „бытовиками" нѣтъ, что значительная ихъ часть, не чуждая заботы о благосостояніи массы, легко могла бы сойтись съ лучшими людьми интеллигентнаго слоя. Если служить городу Москвѣ—сегодня почти одно и то же, что служить московскому купечеству, то завтра тѣ же слова могутъ получить гораздо лучшій смыслъ—и чѣмъ скорѣе наступитъ этотъ завтрашній день, тѣмъ лучше. Мнимое самоуправленіе должно уступить мѣсто настоящему, города—и всего менѣе столицы—не должны болѣе оставаться въ рукахъ меньшинства, случайно выдѣлившагося изъ другого меньшинства. Двадцать тысячъ избирателей изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ жителей, тысяча съ небольшимъ, являющихся къ голосованію изъ двадцати тысячъ избирателей, нѣсколько сотъ именъ, изъ которыхъ, при голосованіи, каждый долженъ выбрать шестьдесятъ или восемьдесятъ—это цифры, не требующія дальнѣйшихъ разъясненій. Если измѣрять настоятельность реформы очевидностью недостатковъ status quo, то городская реформа—самая настоятельная изъ всѣхъ, которыхъ ожидаетъ Россія. Когда она совершится—и совершится на правильныхъ началахъ, тогда, только тогда можно будетъ рѣшить, въ какой степени неизбѣжна въ данный періодъ общественнаго развитія и въ данной сферѣ зависимость интеллигенціи отъ „бытовой массы".

Возьмемъ другую область, въ которой „бытовики" до сихъ поръ чувствовали себя полными господами положенія—область фабричной промышленности. Роль интеллигенціи была здѣсь исключительно и безусловно служебная—но отчего? Отъ того, что законъ, до 1882 г., не ограничивалъ de jure—почти ничѣмъ, de facto—рѣшительно ничѣмъ полновластіе фабрикантовъ. Стоило только нарушить эту стародавнюю рутину—и для элементовъ, чуждыхъ „бытовому стану", открылась возможность вліянія, пока ограниченнаго, но имѣющаго

передъ собою большую будущность. Если необходимость коренной перемѣны въ положеніи фабричныхъ рабочихъ могла еще подлежать въ чьихъ-либо глазахъ какому-либо сомнѣнію, то оно, по всей вѣроятности, устранено недавними событіями въ губерніяхъ московской и владимірской. Безпорядки на вознесенской фабрикѣ, на орѣхово-зуевской мануфактурѣ—это слишкомъ краснорѣчивый комментарій къ земскимъ и литературнымъ изслѣдованіямъ фабричнаго вопроса, къ отчетамъ фабричныхъ инспекторовъ Янжула и Песнова [1]). За ограниченіе произвола фабрикантовъ высказались даже „Московскія Вѣдомости" (№ 19)—высказались, нужно отдать имъ справедливость, довольно рѣшительно, осудивъ съ особою силой досрочное уменьшеніе рабочей платы, избытокъ штрафовъ и злоупотребленія харчевыхъ лавокъ. На этотъ разъ „Русь" осталась далеко позади „Московскихъ Вѣдомостей". „Не отрицая злоупотребленій,—читаемъ мы въ № 2 этой газеты,—мы не рѣшаемся видѣть въ нихъ единственную причину волненій рабочихъ. Злоупотребленія бывали и прежде. Администрація должна имѣть прежде всего въ виду не столько внѣшній блескъ быстраго и энергическаго умиротворенія, сколько величайшую осторожность въ разборѣ сложныхъ отношеній. Стать на защиту угнетенныхъ легко и пріятно, но только глубокая справедливость къ обѣимъ сторонамъ можетъ дать прочныя гарантіи, что этимъ угнетеннымъ завтра же не будетъ еще хуже". Справедливость, конечно, всегда и вездѣ необходима, но едва ли нужно было напоминать о ней для огражденія стороны, которая—по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ—постоянно выходила сухою изъ воды; едва ли также столь „легко и пріятно" у насъ заступничество за угнетенныхъ. Страннымъ кажется намъ и указаніе на то, что „злоупотребленія бывали и прежде". Редакціи „Руси" слѣдовало бы вспомнить по этому поводу французскую поговорку: „tant va la cruche à l'eau qu'elle se casse". Можно стерпѣть десять, сто злоупотребленій—и не стерпѣть одиннадцатаго или сто-перваго. Обѣ фабрики, на которыхъ происходили волненія, перешли, вдобавокъ, недавно во владѣніе товариществъ, измѣнившихъ, повидимому, къ худшему прежде существовавшіе порядки. Конечно, могли быть и другія причины волненій—но предполагать существованіе ихъ á priori нѣтъ рѣшительно никакого повода.

Спорнымъ, въ настоящую минуту, можетъ считаться только вопросъ о томъ, **какъ** регулировать положеніе фабричныхъ рабочихъ—частными административными мѣрами, или общимъ закономъ. Административнымъ мѣрамъ уже положили начало правила, изданныя московскимъ генералъ-губернаторомъ относительно фабрикъ города Москвы; за этими правилами должны послѣдовать, изъ того же источ-

[1]) См. выше, Литературное Обозрѣніе, а также Внутреннее Обозрѣніе въ № 11 „Вѣстн. Европы" за 1884 г.

ника, другія, касающіяся фабрикъ подмосковнаго округа. Вопросъ, однако, этимъ ничуть не предрѣшенъ; когда грозитъ опасность, когда имѣется на лицо, по выраженію французскихъ юристовъ, péril en la demeure, тогда поневолѣ нужно идти къ цѣли ближайшимъ и простѣйшимъ путемъ—но отсюда еще не слѣдуетъ, что этотъ путь и самъ по себѣ есть самый правильный и лучшій. Дѣйствіе чрезвычайной мѣры можетъ быть признаваемо нормальнымъ лишь въ продолженіе такого промежутка времени, который необходимъ для составленія и обнародованія закона. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только посмотрѣть поближе на обязательное постановленіе, изданное московскимъ генералъ-губернаторомъ. Есть ли въ обязательномъ постановленіи, изданномъ для Москвы, что-нибудь спеціально московское, примѣнимое исключительно или преимущественно къ московскимъ фабрикамъ? Рѣшительно ничего. Насколько оно осуществимо и полезно въ Москвѣ, настолько же оно оказалось бы осуществимымъ и полезнымъ во всякомъ другомъ городѣ. Между тѣмъ, единственной разумной raison d'être мѣстныхъ обязательныхъ постановленій—если они издаются не на время—представляется именно приспособленность ихъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ, дополненіе общаго закона такими частными правилами, которыя вызываются данной обстановкой, или по самой мелочности своей не могутъ входить въ кругъ дѣйствій законодательной власти. Обязательное постановленіе, нами разбираемое, касается, почти во всѣхъ статьяхъ своихъ, не мелочей, а самыхъ крупныхъ, самыхъ важныхъ задачъ фабричнаго законодательства. Одно изъ двухъ: или оно разрѣшаетъ ихъ согласно съ мыслью законодателя — въ такомъ случаѣ слѣдовало бы распространить дѣйствіе его на всю имперію, т.-е. облечь его въ форму закона: или оно отступаетъ отъ этой мысли—въ такомъ случаѣ ему не слѣдовало бы дѣйствовать и въ одной мѣстности, развѣ въ качествѣ краткосрочной мѣры. Установляя много цѣлесообразнаго, существенно улучшая, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, положеніе рабочихъ, московское обязательное постановленіе разрубаетъ, на подобіе гордіевыхъ узловъ, такіе сложные вопросы, которые уже много лѣтъ стоятъ на очереди въ законодательныхъ сферахъ и не получаютъ разрѣшенія именно вслѣдствіе своей сложности. Редакціонная коммиссія, работающая надъ уголовнымъ уложеніемъ, принимаетъ за правило, что неисполненіе договора личнаго найма ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить поводомъ къ уголовной отвѣтственности [1]—а московское обязательное постановленіе исходитъ изъ точки зрѣнія, прямо противоположной. Дѣйствующій законъ признаетъ стачку рабочихъ наказуемою лишь тогда, когда она направлена къ возвышенію рабочей платы — московское обязательное постановленіе устраняетъ это

[1]) См. выше, Внутреннее Обозрѣніе.

ограниченіе. Въ разрѣшеніи другихъ вопросовъ оно останавливается, наоборотъ, на полъ-дорогѣ. Оно запрещаетъ, напримѣръ, фабрикантамъ принуждать рабочихъ къ полученію платы товарами, хлѣбомъ, купонами или другими какими-либо предметами или цѣнностями, кромѣ кредитныхъ билетовъ и звонкой монеты; но принужденіе всякаго рода представляется противозаконнымъ, помимо какихъ бы то ни было обязательныхъ постановленій, и остріе послѣднихъ слѣдовало бы направить противъ самаго факта уплаты товарами, купонами и т. п., хотя бы она и производилась съ согласія (безъ сомнѣнія—мнимаго) рабочихъ. Сдѣлавъ эти оговорки, мы охотно признаемъ за московскимъ обязательнымъ постановленіемъ значеніе піонера, прокладывающаго путь къ желанной цѣли; многія правила, имъ вводимыя, могутъ прямо перейти въ будущій фабричный законъ. Сюда относятся, напримѣръ, предоставленіе рабочему, въ случаѣ крайней необходимости, прекратить работу, права просить разрѣшенія на то у мирового судьи; запрещеніе хозяевамъ взимать проценты или дѣлать вычеты за ссужаемыя ими рабочимъ суммы; запрещеніе вычетовъ за рабочія книжки, за прописку паспортовъ, за выправку адресныхъ билетовъ; признаніе за рабочими, живущими и продовольствующимися на фабрикѣ, права на безплатное помѣщеніе для храненія продуктовъ и для кухни, а также на безплатное пользованіе водой и топливомъ для приготовленія пищи. Полнаго сочувствія заслуживаетъ и тотъ принципъ, въ силу котораго составляемыя фабрикантами правила внутренняго распорядка быта рабочихъ подлежатъ предварительному утвержденію административной власти. Въ московскомъ обязательномъ постановленіи такою властью является временная коммиссія по фабричнымъ дѣламъ при московскомъ оберъ-полиціймейстерѣ; при дѣйствіи новаго фабричнаго закона все касающееся регламентаціи фабричнаго быта сосредоточится, безъ сомнѣнія, въ рукахъ фабричной инспекціи.

Отъ подчиненія фабрикъ дѣйствію закона или мѣстныхъ обязательныхъ постановленій, зависитъ разрѣшеніе другого вопроса, не менѣе важнаго—кому должна принадлежать карательная власть по отношенію къ нарушителямъ фабричныхъ порядковъ. При дѣйствіи обязательныхъ постановленій, издаваемыхъ на основаніи положенія о государственной охранѣ администрація является въ одно и то же время законодателемъ и исполнителемъ закона, обвинителемъ и судьею; она установляетъ правила, наблюдаетъ за ихъ исполненіемъ, привлекаетъ къ отвѣтственности за ихъ нарушеніе, произноситъ приговоръ и приводитъ его въ дѣйствіе. Нужно ли доказывать, что такое положеніе дѣлъ крайне ненормально? Къ сожалѣнію—нужно, въ виду той путаницы понятій, которую стараются распространить наши газетные реакціонеры; не даромъ же „Московскія Вѣдомости“ доходятъ до того, что говорятъ о „такъ называемыхъ мировыхъ судь-

яхъ". Судья обязательно повѣряетъ данныя, на основаніи которыхъ ему предстоитъ рѣшить дѣло; въ административныхъ учрежденіяхъ такая повѣрка можетъ быть, можетъ и не быть, смотря по „усмотрѣнію". Судья обязательно выслушиваетъ обвиняемаго и даетъ ему возможность оправдаться; для административной власти такая обязанность не существуетъ. Намъ укажутъ, конечно, на сравнительную медленность суда; но не всегда же необходима экстренная быстрота—а когда она необходима, то достигнуть ея можетъ и судебное производство; для этого достаточно изъять извѣстныя дѣла изъ очереди, сократить для нихъ срокъ на принесеніе жалобъ и предоставить по отношенію къ нимъ кассаціонную власть судебной инстанціи, болѣе близкой, чѣмъ сенатъ. Никакая судебная власть—говорятъ любители произвола, теперь болѣе чѣмъ когда-либо многочисленные и откровенные—не могла бы распорядиться такъ быстро и такъ успѣшно, какъ распорядился московскій генералъ-губернаторъ въ дѣлѣ Вознесенской мануфактуры. Чтобы правильно оцѣнить это замѣчаніе, нужно разложить административное распоряженіе на его составныя части. Администрація прежде всего „очистила фабрику отъ празднаго народа", приказавъ рабочимъ изъ большихъ деревень разойтись по домамъ, а пришлыхъ отправить въ московскую пересыльную тюрьму, подъ конвоемъ трехъ батальоновъ пѣхоты; потомъ она объявила фабричному управленію, что продолженіе работъ можетъ быть допущено лишь по удовлетвореніи всѣхъ справедливыхъ претензій рабочихъ, и что послѣдніе должны получить полный разсчетъ за все время съ 1-го декабря по 1-ое января. Изъ всѣхъ этихъ мѣръ въ кругъ вѣдомства судебной власти входило бы очевидно только понужденіе фабричнаго управленія къ разсчету съ рабочими—и нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что судебное рѣшеніе по этому предмету совпало бы, даже при нынѣ дѣйствующихъ законахъ, съ распоряженіемъ администраціи; быстрое исполненіе его могло бы быть обезпечено средствами, о которыхъ мы говорили выше. Затѣмъ, правило о возобновленіи работъ, подъ условіемъ предварительнаго удовлетворенія рабочихъ, могло бы войти, какъ общее начало въ составъ новаго фабричнаго законодательства; этимъ же путемъ могло бы быть опредѣлено, какимъ образомъ должно быть охраняемо спокойствіе на фабрикѣ во время недоразумѣній между хозяевами и рабочими, въ какихъ случаяхъ и какимъ путемъ должно быть допускаемо „очищеніе" фабрики отъ „празднаго народа". Надѣемся, что наша мысль выражена съ достаточною ясностью. Задачей будущаго фабричнаго законодательства мы считаемъ отнюдь не обезоруженіе администраціи въ пользу суда; наоборотъ, полномочія администраціи должны быть значительно, весьма значительно расширены, но подъ условіемъ возможно-точнаго опредѣленія въ законѣ границъ и способовъ пользованія ими. Въ вѣденіи суда здѣсь, какъ и вездѣ.

должны остаться функціи чисто судебныя по самому своему свойству, т.-е. разборъ гражданскихъ споровъ и наказаніе виновныхъ въ нарушеніи закона.

Петербургъ, въ началѣ истекшаго мѣсяца, былъ сильно заинтересованъ исходомъ борьбы, завязавшейся въ петербургскомъ городскомъ кредитномъ обществѣ. Результатъ общаго собранія 8-го января имѣетъ значеніе не для однихъ только домовладѣльцевъ и держателей облигацій общества; онъ служитъ доказательствомъ тому, что и у насъ возможна энергія и послѣдовательность въ веденіи общаго дѣла, даже при условіяхъ весьма неблагопріятныхъ. Само собою разумѣется, что не на основаніи такихъ данныхъ можно разрѣшать пресловутый вопросъ о томъ, „созрѣли" мы, или не созрѣли; но если неудача движеній, затѣянныхъ массой, заносится, сплошь и рядомъ, въ пассивъ русской способности къ самоуправленію, то отчего же не поставить въ ея активъ побѣду оппозиціи въ кредитномъ обществѣ? Порядки, установившіеся въ послѣднемъ, очевидно, требовали коренной перемѣны, немыслимой при томъ же личномъ составѣ управленія. На сторонѣ status quo была вся сила привычки и рутины, поддерживаемая тяжеловѣсностью, неповоротливостью черезъ-чуръ многочисленныхъ общихъ собраній. Не легко разрѣшимой задачей было уже сохраненіе внѣшняго порядка среди тысячи человѣкъ, волнуемыхъ противоположными страстями. 8-го января эта задача была разрѣшена—разрѣшена не столько благодаря безспорной энергіи предсѣдателя, сколько благодаря самообладанію собранія. Совершится ли, и какъ совершится, реформа, отъ которой зависитъ дальнѣйшая судьба кредитнаго общества — это покажетъ время; но теперь, по крайней мѣрѣ, открыта къ ней дорога, устранены главныя препятствія, стоявшія поперегъ пути. Не было, правда, недостатка въ попыткахъ уменьшить значеніе постановленій, состоявшихся 8-го января—но сбить кого-либо съ толку этимъ способомъ едва ли удастся. Встрѣчая въ газетахъ, горячо порицавшихъ прежнее правленіе кредитнаго общества, столь же враждебное отношеніе къ новымъ распорядителямъ дѣла, ничѣмъ, покамѣстъ, еще не заслужившимъ ни похвалы, ни порицанія, мы невольно вспомнили исторію превращеній, происходившихъ въ тѣхъ же органахъ печати по поводу иска о фильтрахъ, предъявленнаго городомъ къ обществу водопроводовъ. Сначала достается обществу, потомъ неправой оказывается Дума; требованіямъ ея предсказывается полнѣйшее fiasco, фильтрація воды признается безполезною, жалоба на не устройство фильтровъ сравнивается съ жалобой на „несправедливость таблицы умноженія"—и нападенія на общество возобновляются только тогда, когда оно проиграло процессъ въ судебной палатѣ. Все это болѣе

похоже на качаніе маятника, чѣмъ на обдуманное мнѣніе газеты, уважающей себя и своихъ читателей.

Правильно ли, однако, поступило общее собраніе кредитнаго общества, постановивъ, громаднымъ большинствомъ голосовъ, предать суду бывшихъ дѣятелей общества? Не знаемъ, какъ понимали свое рѣшеніе сами члены большинства—но если дать ему единственное возможное, съ юридической точки зрѣнія, толкованіе, то въ немъ не окажется ровно ничего несообразнаго. Общее собраніе кредитнаго общества—не обвинительная камера, отъ которой зависитъ преданіе суду, не публичный обвинитель, отъ котораго зависитъ привлеченіе къ слѣдствію, не оффиціальное учрежденіе (въ родѣ земскаго собранія или городской думы), безъ согласія котораго не можетъ быть начато дѣло по обвиненію исполнительныхъ органовъ его въ преступленіи должности; въ настоящемъ случаѣ оно даже не частный обвинитель, такъ какъ подлогъ, обманъ, злонамѣренное нарушеніе довѣрія—преступленія, преслѣдуемыя въ порядкѣ публичнаго, а не частнаго обвиненія. Постановленіе его не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого другого значенія, кромѣ указанія на необходимость самаго тщательнаго изслѣдованія дѣятельности бывшихъ членовъ правленія, оцѣнщиковъ, архитекторовъ. Если при этомъ изслѣдованіи откроются признаки преступленія, тогда—и только тогда—для новаго правленія общества возникнетъ, согласно съ постановленіемъ общаго собранія, обязанность сообщить о нихъ прокурорскому надзору. Общее собраніе ничего, такимъ образомъ, не предрѣшило, и нѣтъ ни малѣйшаго основанія обвинять его въ томъ, что оно осудило прежнихъ излюбленныхъ своихъ людей, не выслушавъ ихъ оправданій, ничего, въ сущности, не разсмотрѣвъ — и ни въ чемъ не убѣдившись. Разборъ цѣлой массы дѣлъ, за много лѣтъ, вовсе не входилъ въ задачу общаго собранія, да и не былъ бы ему по силамъ; такой трудъ возможенъ только для одного лица или для небольшой коллегіи лицъ, посвящающихъ ему не одинъ вечеръ, а нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ. Общее собраніе не признало этотъ трудъ уже исполненнымъ или ненужнымъ, а рѣшило только,—чтобы онъ былъ исполненъ.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ, 1885.

Книга первая. — Январь.

Книга вторая.—Февраль.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Мазепа и Мазепинцы. Историческія монографіи Н. Костомарова. Спб. 1885. Стр. 752. Ц. 3 р.

Настоящій выпускъ составляетъ 16-ый томъ полнаго собранія сочиненій Н. И. Костомарова и относится къ одной изъ самыхъ важныхъ эпохъ отечественной исторіи, произведшей столь глубокое впечатлѣніе на умы людей того времени, что оно не изгладилось и до сихъ поръ: почтенный историкъ полагаетъ, что даже позднѣйшее гоненіе на „украйнофиловъ" было „прямымъ послѣдствіемъ не вполнѣ понятаго администраціей и литературой отношенія малороссійскаго народа къ самому себѣ и къ своимъ сосѣдямъ въ эпоху Мазепы". Такимъ образомъ, уяснить истинное значеніе Мазепы въ томъ движеніи, которое охватило собою Малороссію того времени, и охарактеризовать это движеніе, независимо отъ личныхъ свойствъ гетмана—должно было составить главную задачу обширнаго труда, построеннаго на всестороннемъ изученіи современныхъ памятниковъ и позднѣйшихъ изслѣдованій. Выводъ, къ которому пришелъ авторъ, резюмируется имъ самимъ въ нѣсколькихъ словахъ: „гетманъ Мазепа, какъ историческая личность, не былъ представителемъ никакой національной идеи", а только воспользовался „существовавшимъ у малороссіянъ желаніемъ сохранить автономію своей страны и свою національность". Такова, впрочемъ, исторія всѣхъ такъназываемыхъ „великихъ" честолюбцевъ, за весьма небольшимъ исключеніемъ такихъ, дѣйствительно великихъ личностей, какъ Вашингтонъ.

Этюды В. Ѳ. Корша, съ біографіей автора. Т. I. Спб. 1885. Стр. 587. Ц. 3 руб.

Имя В. Ѳ. Корша, въ теченіе двухъ десятилѣтій, 60-хъ и 70-хъ годовъ, особенно замѣчательныхъ въ исторіи нынѣ доживающаго свой вѣкъ поколѣнія, занимало въ области печати почетное мѣсто, остающееся и до сихъ поръ вакантнымъ. Въ послѣдніе годы своей трудолюбивой жизни, онъ удалился изъ области публицистики въ область чистой литературы, и настоящій сборникъ представляетъ собою результатъ его дѣятельности на другомъ поприщѣ, доставившемъ ему возможность оставить за собою болѣе прочный слѣдъ и примѣнить опытность публициста къ изслѣдованію событій прошедшаго времени. Такимъ образомъ, настоящее изданіе является лучшимъ памятникомъ, какимъ только можно было почтить автора, а такія его изслѣдованія, какъ „Судьбы прусской монархіи" въ XVIII стол., или „Восточная война въ пятидесятыхъ годахъ", могутъ быть перечитываемы съ интересомъ и теперь.

Русскій рубль XVI—XVIII в., въ его отношеніи къ нынѣшнему. В. Ключевскаго. М. 1884. Стр. 72. Ц. 50 к.

Авторъ задался мыслью опредѣлить мѣновую стоимость стариннаго рубля по хлѣбнымъ цѣнамъ, но, признавая рискованною попытку рѣшить такой трудный вопросъ, за неимѣніемъ ключа къ пониманію значенія различныхъ экономическихъ извѣстій изъ отдаленныхъ эпохъ, онъ ограничивается только указаніемъ пути, которымъ можно было бы добыть и самый ключъ. Идя по такому пути, авторъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: въ 1500 г. рубль стоилъ около 100 рублей нынѣшнихъ; въ 1550 г.—60 р., а въ „смутное время", рубль по цѣнамъ хлѣба= 12 руб. нынѣшнимъ, и такимъ образомъ, сталъ въ 5 разъ дороже, чѣмъ былъ во второй половинѣ XVI вѣка, благодаря экономическому потрясенію, испытанному страною въ эпоху самозванцевъ; рубль второй половины XVII=17 р. нынѣшнимъ; рубль второй половины XVIII вѣка упалъ до 9 рублей нынѣшнихъ.

Сочиненія Е. А. Баратынскаго. Изд. 4-е. Казань, 1885. Стр. 574. Ц. 2 р.

Новое изданіе поэта, жившагося вмѣстѣ съ Пушкинымъ и высоко цѣнимаго Бѣлинскимъ, который называлъ Баратынскаго „поэтомъ мысли", какъ видно изъ предисловія, все еще неполно; его сынъ и издатель Н. Е. Боратынскій (такъ исправляется имъ фамилія поэта) пожелалъ остаться при томъ выборѣ, который былъ сдѣланъ его отцомъ. Но зато въ новому изданію присоединенъ полный указатель тѣхъ стихотвореній, которыя не вошли въ изданіе и остаются разсѣянными въ старыхъ журналахъ и альманахахъ. Отсутствіе біографіи Баратынскаго возмѣщается до нѣкоторой степени подробнымъ и точнымъ перечисленіемъ всего, что было писано о поэтѣ въ русской и иностранныхъ литературахъ.

Азбука для начальныхъ военныхъ школъ и для обученія взрослыхъ вообще. Составилъ Б. К. Абаза. Изданіе 2-е, передѣланное за-ново. Спб. 1885. 64 стр. Цѣна 10 к.

Составитель этой азбуки извѣстенъ уже нѣсколькими книжками, относящимися къ преподаванію въ начальныхъ военныхъ школахъ. Это совсѣмъ особый разрядъ школы со взрослыми учениками, товарищами по солдатской службѣ, разнороднаго происхожденія и склада первоначальныхъ понятій,—съ учителями офицерами, не готовившимися въ преподаватели. Для такой школы требуются и иного рода пріемы преподаванія, чѣмъ въ обыкновенной народной школѣ, —иногда взрослый ученикъ воспринимаетъ легче, а иной разъ и труднѣе, чѣмъ ученикъ-мальчикъ, особливо при неопытности учителя. Составитель азбуки присоединилъ къ ней наставленіе для неопытныхъ преподавателей и, намъ кажется, расположилъ азбучный матеріалъ и затѣмъ первоначальное чтеніе весьма разумно и послѣдовательно: чтеніе несложно и доступно, но разнообразно и можетъ быть занимательно для учащихся.

Общедоступный лечебникъ, Д-ра Куна. Перев. съ нѣм. съ дополн. д-ра Д. Г. Фрадберга. Спб. 1885. Стр. 551. Ц. 2 руб.

Въ ряду массы книгъ и книжекъ съ подобнымъ заглавіемъ, настоящее изданіе выгодно отличается отъ большинства ихъ тѣмъ, что вполнѣ удачно разрѣшаетъ спорный вопросъ: насколько подобныя книги могутъ быть полезны, и насколько вредны въ рукахъ тѣхъ, которые, при помощи такихъ лечебниковъ, смѣло принимаются лечить сами себя и другихъ. Лечебникъ Куна не представляетъ собою указателя болѣзней и соотвѣтствующаго имъ рецепта лекарствъ; онъ направленъ къ тому, чтобы служить руководствомъ къ предупрежденію болѣзней, къ уходу за больными, къ разумному и сознательному исполненію совѣтовъ и предписаній врача, а также къ болѣе правильному пониманію значенія, какое имѣютъ въ жизни человѣка воздухъ, вода, почва, жилище и питаніе.

